III 92

ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, 87.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ

ШКОЛА и ЖИЗНЬ

Н. А. Добролюбовъ.

с 763

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

I 2

М. Т. Ин.
БИБЛІОТЕКА
№ 3552
Отд.

СЪ БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМИ УКАЗАНІЯМИ
А. Г. ФОМИНА.

ПЕТРОГРАДЪ
1917 г.

АКАДЕМИИ
137
36.

Тип. «Объединъ», Петроградъ, Невскій пр., 140/2.

Оглавленіе.

I. Статьи, обзоры, очерки и т. п.

№ по порядку		Стр.
1.	Мое призваніе къ педагогическому званію	1
2.	Министерство народнаго просвѣщенія въ Россіи	1
3.	Очеркъ направленія іезуитскаго ордена	5
5.	Письмо къ директору Пензенской гимназіи	33
6.	Критическое обозрѣніе педаг. литературы XIX ст.	34
8.	О значеніи авторитета въ воспитаніи	40
9.	О пріученіи дѣтей (пер.)	59
10.	Учитель долженъ служить идеаломъ для учениковъ	61
19.	Ученики съ медлительнымъ пониманіемъ	93
20.	Мысли объ учрежденіи открытыхъ ж. школъ	110
32.	Учительскіе экзамены въ Вюртембергѣ	171
34.	Партизанъ Давыдовъ во время Крым. войны	181
41.	Французскія дѣтскія книги	198
43.	Федоръ Ивановичъ Янковичъ де-Мирієво	212
49.	Роберть Овэнъ и его попытки обществ. реформъ	228
50.	Литературныя мелочи	230
51.	Русскіе въ доблестяхъ своихъ	235
67.	Что такое „Обломовщина“	279
92.	Русская сатира въ вѣкъ Екатерины	356
97.	Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами	397
100.	Грустная дума гимназиста	427
101.	Непостижимая странность	428
102.	Отъ дождя да въ воду	434

II. Рецензіи о книгахъ и журналахъ.

4.	Описаніе Главнаго Педагогическаго Института	28
7.	Два новые педагогическіе журнала	37
11.	Сборникъ, издаваемый студентами С.П.Б. У-та	63
12.	Руководство къ изученію словесности	69
13.	О народномъ воспитаніи	75
14.	Руководство къ изученію словесности	85
15.	Природа и люди. Вып. I.	88
16.	Первый шагъ	89
17.	О звѣздномъ небѣ	90
18.	Объ училищахъ и учебныхъ заведеніяхъ	92
21.	Органическое развитіе человѣка	121
22.	Московскій Университетскій благородный пенсіонъ	147
23.	Михайло Васильевичъ Ломоносовъ	155
24.	Объ училищахъ и уч. заведеніяхъ въ Россіи	156
25.	Ариѳметика для дѣвицъ	157
26.	Забавы для дѣтей перваго возраста	158
27.	Праздничные досуги	161
28.	Стихотворенія для дѣтей	161
29.	Всеобщая древняя исторія въ разсказахъ для дѣтей	164
30.	Всемірная исторія	168
31.	Приключенія маленькаго барабанщика	169
33.	Школа (изданіе для юношества)	174
35.	Природа и люди. Вып. II	187
36.	Школа, Вып. I.	189

№ по порядку		Стр.
37.	Природа и люди	191
38.	Краткій указатель	196
39.	О необходимости построить науку о слогѣ	197
40.	Русская грамматика	197
42.	Задушевныя бесѣды	206
44.	Путешествіе съ дѣтьми и др.	212
45.	Первое чтеніе	221
46.	Маменькины уроки	223
47.	О физическомъ воспитаніи дѣтей	223
48.	Совершенный человѣкъ	224
52.	Охотникъ до дворянокъ	236
53.	Курсъ всеобщей исторіи	241
54.	Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова	248
55.	Путешествіе по С. Штатамъ	258
56.	Исторія рыцарства	260
57.	Отчетъ СПБ. Университета за 1858 г.	261
58.	Рѣчи и отчетъ	263
59.	Очеркъ исторіи нѣмецкой литературы	270
60.	Исторія рыцарства	273
61.	Сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній современныхъ русскихъ писателей	274
62.	Записки Амишки	275
63.	Сорокъ повѣстей для дѣтей	276
64.	Золотой цвѣтокъ	276
65.	Картинки изъ естественной исторіи	277
66.	Бесѣды съ дѣтьми	278
68.	Учебная книга русской исторіи	281
69.	Practischer Leitfaden	282
70.	Басни и баснописцы русскіе	283
71.	Новый кодексъ русской практической мудрости	290
72.	Основные законы воспитанія	303
73.	Grammaire française	310
74.	Учебникъ русскаго языка	313
75.	Краткая св. исторія ветхаго завѣта	315
76.	Бесѣды съ дѣтьми	316
77.	Деревня	317
78.	Деревня	318
79.	Краткое изложеніе русской исторіи	321
80.	Учебная книга русской исторіи	323
81.	А. В. Суворовъ	326
82.	Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго Института	328
83.	Основные законы воспитанія	336
84.	Природа и люди	340
85.	Этимологическій курсъ русскаго языка	341
86.	Обязанности крестьянина	347
87.	Курсъ всеобщей исторіи	348
88.	Краткое изложеніе элементарныхъ наукъ	349
89.	Искусство памяти	353
90.	Объ училищахъ для дѣвицъ	354
91.	Стихотворенія для дѣтей	355
93.	Пермскій сборникъ	364
94.	Уроки естественной исторіи	369
95.	Очерки Дона	374
96.	Обзоръ дѣтскихъ журналовъ	389
98.	Рѣчи и отчетъ	419
99.	Бесѣды съ дѣтьми	425

1853 г.

1. Мое призваніе къ педагогическому званію.

Рано овладѣла мной благородная рѣшимость посвятить себя на служеніе отечеству моему. Долго странныя мечты волновали неопытный умъ, и, наконецъ, остановился я на званіи педагога. Размышляя объ этомъ званіи, я подготовлялъ въ себѣ и способности, и желаніе, и терпѣніе,—все, что нужно для этого труднаго дѣла... Я могъ учиться,—это рѣшали мои наставники и мои успѣхи въ школѣ, но я современемъ могу учить,—это чувствую я самъ въ себѣ. Я способенъ передавать свои познанія, потому что не обдѣленъ даромъ слова, потому что имѣю сердце, которое нерѣдко само ищетъ высказаться; а что же больше требуется отъ педагога, который хочетъ быть полезнымъ въ своемъ небольшомъ кружкѣ? У многихъ не достаетъ терпѣнія на этомъ трудномъ поприщѣ, но о себѣ, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, я могу сказать, что меня не остановитъ это препятствіе. Неутомимо и твердо, съ непремѣнною рѣшимостью, съ любовью и съ чистымъ желаніемъ добра своимъ слушателямъ хотѣлъ бы я проходить свое служеніе, и совершенно увѣренъ, что ревность моя не можетъ остаться совершенно напрасною... Одно смущаетъ меня: я слабъ, молодъ, неопытенъ. Какъ могу я передавать новыя истины новому поколѣнію, когда я самъ только еще вступаю въ жизнь, только еще жажду просвѣщенія?.. Но для того-то и прихожу я въ это святилище науки, чтобы въ немъ—приготовиться къ совершенному прохожденію своей должности, чтобы здѣсь въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ пріучить себя къ мысли быть наставникомъ юношества—мнѣ, юношѣ... Не знаю, какъ приметъ меня избранное мною мѣсто воспитанія, но я съ радостью вступаю въ него и въ своемъ будущемъ желаю только того, чтобы мои будущіе слушатели смотрѣли на меня хоть въ половину такъ хорошо, какъ я теперь на всѣхъ моихъ будущихъ наставниковъ.

1855 г.

2. Министерство народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Военный деспотизмъ... проникъ и въ министерство народнаго просвѣщенія, которое, повидимому, должно бы быть самымъ мудрымъ министерствомъ. Извѣстно, что настоящій министръ безъ ноги; слухи носятся, что онъ, ...

. . . . . и безъ головы. Въ прежнія времена, можетъ быть, онъ и имѣлъ ее, но теперь къ чему голова. . . . . Можно судить объ умственномъ развитіи его по слѣдующей рѣчи, произнесенной имъ 20 іюня 1855 года къ окончившимъ курсъ студентамъ Главнаго Педагогическаго Института. «Я весьма радъ, господа, вашимъ успѣхамъ и никогда не забуду васъ. Могу вамъ обѣщать, что вы найдете въ министерствѣ народнаго просвѣщенія всегдашнее поощреніе и предстательство передъ государемъ императоромъ за всѣ полезные труды ваши, направленные ко благу нашей православной церкви, къ поддержанію престола и... въ *ефтомъ* я увѣренъ...» Заключеніе показываетъ, что краснорѣчіе министра истощилось все до конца въ приведенныхъ словахъ, и онъ, напрасно поискавши внутри себя еще хоть одной мысли, не нашелъ ничего и могъ только прибавить (непонятно, къ чему): «и въ *ефтомъ* я увѣренъ». *Ефтотъ* или *естотъ*—обыкновенный способъ выраженія министра вмѣсто «этотъ».

Но еще интереснѣе посмотрѣть на попечителей учебныхъ округовъ. Ихъ глупость вошла уже въ пословицу. Сегодня мы займемся только петербургскимъ и московскимъ попечителями и разскажемъ анекдоты, которые ходятъ на ихъ счетъ. Читатели сами отличатъ, что въ этихъ слухахъ справедливо и что вымышлено или преувеличено.

Московскій попечитель Назимовъ служитъ предметомъ анекдотовъ, доказывающихъ неимовѣрную глупость его и совершенное невѣжество въ дѣлѣ науки. Вотъ примѣры.

Былъ въ московскомъ университетѣ экзаменъ изъ медицины. Попечитель присутствовалъ на экзаменѣ, ничего не понимая. Смѣтливые люди обыкновенно хранятъ молчаніе при этакихъ случаяхъ, но Назимова не достало и на это. По поводу какого-то медицинскаго факта онъ вдругъ спросилъ, можно ли жить безъ головы? Студентъ отвѣтилъ, что нѣтъ. Назимовъ доказывалъ, что можно, ссылаясь на какого-то доктора и на собственный опытъ. Студентъ опровергалъ его замѣчанія теоретически. Назимовъ разсердился...—«Да я же вамъ говорю, что это такъ!»—закричалъ онъ въ сердцахъ. Студентъ опять хотѣлъ возражать, но профессоръ остановилъ его. «Можете ли вы сомнѣваться, сказалъ онъ, когда его превосходительство, собственнымъ опытомъ узнавши эту истину, доказываетъ вамъ ее своей особой». Попечитель не понялъ сарказма.

Въ другой разъ случилось ему осматривать университетъ. Все здѣсь найдено было въ совершенномъ порядкѣ, и попечитель доволенъ былъ всѣмъ попекаемымъ. Но когда онъ вошелъ въ библіотеку, вдругъ душа его была возмущена, онъ разразился страшнымъ гнѣвомъ. «Что это у васъ за безпорядки въ библіотекѣ!»—закричалъ онъ. «Для чего изъ каждаго шкафа вытащено по нѣсколько книгъ? Вѣдь это безобразіе, гадость, безпорядокъ!» «Да студенты требуютъ книги читать»—отвѣчаютъ ему. «Такъ что же, что требуютъ! Развѣ нельзя соблюдать порядокъ при выдачѣ книгъ!? Ну начали бы съ краю и выдавали бы по порядку. Одинъ шкафъ очищенъ, ну тогда за другой принимайтесь.

А то изъ каждаго понемножку. Да тутъ и толку никакого не доберешься. Впередъ чтобъ этого не было!»

Въ другой разъ, осматривая университетъ, онъ приведенъ былъ въ отдѣленіе, гдѣ находился гербарій. Узнавши, что это гербарій, Назимовъ попросилъ показать ему гербъ Тверской губерніи...

Еще однажды, осматривая университетъ, онъ нашелъ вновь поставленную группу Аполлона и девяти музъ: четыре были съ одной стороны Аполлона, а съ другой пять. Увидавъ это, попечитель разгнѣвался на отсутствіе симметріи. «Кто это такъ глупо распорядился!— кричалъ онъ.—Понятія не имѣютъ объ искусствѣ. Можно ли ставить фигуры такъ несимметрично?! Или бы съ обѣихъ сторонъ по четыре, или ужъ если по пяти, то по пяти бы съ обѣихъ сторонъ опять...» «Да музъ только девять»—возразили ему. «Такъ что-жъ, что девять! А нельзя развѣ было заказать десятую?..»

Право, это напоминаетъ римлянъ временъ Марцелла!..

Иногда, впрочемъ, попечитель московскій бываетъ очень замысловатъ. Напримѣръ, однажды онъ получилъ секретное предписаніе, но самъ въ то время былъ боленъ глазами и не могъ читать. Какъ же узнать содержаніе предписанія безъ посредства другихъ? Онъ ухитрился... Послѣ долгихъ соображеній, позвалъ, наконецъ, своего секретаря, завязалъ ему уши и велѣлъ читать. Секретарь прочелъ такъ, что Назимовъ слышалъ содержаніе предписанія, а самъ онъ не слыхалъ, такъ какъ уши у него были завязаны...

Вы этому не вѣрите? Пожалуй, не вѣрьте: Назимовъ отъ этого, все-таки, ничуть не меньше глупъ...

Мусинъ-Пушкинъ нѣсколько въ другомъ родѣ. Этотъ отличается своею спесью и грубостью. Оттого и анекдоты о немъ имѣютъ нѣсколько иной характеръ. Понимая науку не лучше Назимова, онъ былъ наверху счастья, когда, наконецъ, нашелъ себѣ дѣло въ университетѣ при введеніи тамъ маршировки. И вотъ является на ученье. Студенты выстроились, начинаютъ шагать, по командѣ поднимая всѣ правыя ноги. Вдругъ попечитель видитъ, что одинъ несчастный поднялъ и лѣвую ногу: ему такъ и показалось, что это одинъ человѣкъ поднялъ и правую и лѣвую, потому что приэтомъ, естественно, промежутокъ, назначенный для лѣвой ноги во всей шеренгѣ, былъ пополненъ. Ничего не думая, кромѣ того, что такимъ образомъ нарушенъ порядокъ, Пушкинъ кричитъ въ гнѣвѣ: «эй, ты, ты, кто тамъ это обѣ ноги вдругъ поднимаетъ!? Вотъ я тебя...» Можно представить, какой эффектъ произвело подобное воззваніе на студентовъ...

Впрочемъ, читатели стоятъ того, чтобъ на этомъ остановиться сегодня и тѣмъ наказать ихъ за равнодушіе къ нашимъ слухамъ. Кончимъ когда-нибудь.

Сообщая, по обѣщанію нашему, еще нѣсколько анекдотовъ о разныхъ служителяхъ Минервы въ Россіи, возвращаемся на минуту опять къ московскому попечителю Назимову, чтобы разсказать о немъ еще одинъ анекдотъ, изъ котораго можно видѣть, къ какой породѣ существъ причисляетъ себя почтенный сей человѣкъ.

Въ университетѣ была свободною каѳедра ветеринарной полиціи. Нѣсколько спеціалистовъ хотѣло занять ее, но Назимовъ непремѣнно хотѣлъ опредѣлить сюда своего домашняго доктора, который тоже искалъ этого мѣста. Ректоръ университета не могъ противиться, но спросилъ попечителя, можетъ ли этотъ докторъ хорошо знать и преподавать ветеринарную полицію. «Помилуйте, какже не можетъ, когда онъ постоянно лѣчитъ меня и все мое семейство»—отвѣчалъ Назимовъ съ гордымъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

О Мусинѣ-Пушкинѣ можемъ сообщить вотъ какія, напримѣръ, совершенно достовѣрныя свѣдѣнія. Онъ былъ однажды въ университетѣ на экзаменѣ. Экзаменъ производился по предмету русской словесности. Студентъ отвѣчалъ о дѣятеляхъ русскаго историческаго знанія и, разумѣется, во главѣ всѣхъ поставилъ Карамзина и много распространился о достоинствахъ его исторіи. Мусину-Пушкину наскучило слушать это изложеніе, въ которомъ онъ ничего не понималъ, и онъ спросилъ студента: «а какія другія заслуги Карамзина?» Студентъ сталъ опять говорить о заслугахъ Карамзина для исторіи, но попечитель прервалъ его и возгласилъ: «нѣтъ, нѣтъ, въ другихъ сочиненіяхъ, не въ исторіи?» Студентъ принялся говорить о журнальной и критической дѣятельности Карамзина.— «Нѣтъ, нѣтъ, это все пустяки!—кричитъ Мусинъ,—другое...» Не зная, что дѣлать, бѣднякъ принимается толковать о «Письмахъ русскаго путешественника». «Да нѣтъ, нѣтъ!—прерываетъ въ гнѣвѣ попечитель,—ты ничего не знаешь! Да и чему вы ихъ здѣсь учите? Что онъ тутъ такое наговорилъ? А самаго главнаго-то и не знаетъ. Что это за студентъ? Не знаетъ «Бѣдной Лизы»,—лучшаго сочиненія Карамзина, красоты нашей *науки!*»... И это мнимое невѣжество до того растерзало чувствительное сердце поклонника «Бѣдной Лизы», что онъ никакъ не согласился поставить студенту полнаго балла, несмотря на превосходный отвѣтъ и настоянія профессоровъ.

На другомъ экзаменѣ изъ исторіи произошло вотъ что. Студентъ, говоря объ отношеніяхъ Новгорода къ Москвѣ, сказалъ, что новгородцы, хотя и признали, наконецъ, покровительство великаго князя, но до Іоанна IV все еще часто возставали и бунтовали. «Какъ!—воскликнулъ Мусинъ - Пушкинъ, вскипѣвъ вѣрноподданнической яростью,—какъ! развѣ подданные смѣютъ бунтовать противъ своего законнаго государя?! Да развѣ бывали когда-нибудь въ Россіи бунты?! И кто это внушаетъ вамъ такія идеи!? Можете вы думать о возмущеніяхъ?! Да знаешь ли, что я тебя за одно это слово выгоню изъ университета!?...» Профессоръ попытался представить ему, что вѣдь новгородцы были вольница, какъ извѣстно... «Что новгородцы! новгородцы были дураки, и намъ ихъ глупостей повторять не слѣдуетъ!»—заключилъ блюститель умной тишины...

Разсказываютъ, что въ прежнія времена попечитель бывалъ и на диспутахъ ученыхъ. Вотъ, однажды, держалъ одинъ господинъ экзаменъ на степень магистра классической филологіи. Диссертація была на латинскомъ языкѣ. Защищалъ онъ ее тоже по-латыни. Но дѣло шло чрезвычайно плохо, онъ былъ сбитъ своими оппонентами

на всѣхъ пунктахъ и едва-едва могъ отдѣлываться общими фразами да повтореніями нѣкоторыхъ мѣстъ своей диссертаціи. Уже хотѣли совсѣмъ прогнать его съ каѳедры, какъ вдругъ Мусинъ-Пушкинъ, все это время слушавшій съ глубокимъ вниманіемъ и, наконецъ, утомленный этимъ непривычнымъ для него процессомъ, встаетъ и, стукнувъ палкой о полъ, говоритъ весьма рѣшительно: «достоинъ степени магистра!» Потомъ, понизивъ голосъ, говоритъ декану: «онъ, вѣрно, большой знатокъ въ древнихъ языкахъ; смотрите, больше часа онъ все говоритъ и все по-латыни, все по-латыни. Видно, что молодецъ». ...И вѣдь дали этому молодцу степень магистра.

А вотъ какъ просвѣщенный попечитель смотритъ на преподаваніе вообще. Разъ ему представляется учитель, вновь опредѣленный въ одну изъ петербургскихъ гимназій. Желая выказать свою дѣятельность, попечитель назначаетъ ему срокъ, когда онъ долженъ явиться въ гимназію, и говоритъ, что онъ самъ введетъ его въ классъ. Въ назначенный срокъ учитель является, пріѣзжаетъ и попечитель. Оба идутъ въ классъ въ сопровожденіи директора и инспектора гимназіи. Входятъ. Учитель ждетъ, что скажетъ попечитель, тотъ смотритъ на него. Учитель конфузится, попечитель молча садится на свое мѣсто. Учитель не знаетъ, что ему дѣлать, и жалобно посматриваетъ вокругъ. «Что-жъ ты сталъ!—кричитъ вдругъ Мусинъ. —Что я на твою рожу что ли пришелъ смотрѣть сюда?! Что жъ ты!? Спрашивай ихъ, я хочу слушать!» Такого рода оригинальное представленіе учителя ученикамъ, конечно, озадачило всѣхъ. Ученики не были приготовлены, учитель не зналъ, что спросить даже, и просвѣщенный попечитель въ ярости уѣхалъ изъ гимназіи. Тѣмъ представленіе и ограничилось.

Недавно также зашелъ онъ во 2-ю гимназію и попалъ на классъ естественной исторіи. Учитель что-то объяснялъ, и при попечителѣ спокойно продолжалъ разсказывать. Одинъ изъ гимназистовъ записывалъ. Пушкинъ пришелъ въ бѣшенство при этомъ и тотчасъ напалъ на учителя.

«Какъ ты смѣешь говорить тутъ отъ себя? Кто тебѣ позволилъ? Да почему знать, что ты говоришь! Ты, можетъ быть, проповѣдуешь имъ безнравственность, ересь, бунтъ!? Никогда впередъ не смѣй позволять себѣ этого! Да и къ чему? Вѣдь есть у нихъ книга; начальствомъ признана, стало быть, хорошая книга. Пусть же по ней и учатся. Чего имъ еще!» И на другой день это было подтверждено письменнымъ приказаніемъ.

1856 г.

3. Очеркъ направленія іезуитскаго ордена, особенно въ приложеніи къ воспитанію и обученію юношества.

Іезуитская недобросовѣстность повсюду вошла въ пословицу; имя іезуита сдѣлалось почти синонимомъ названія мошенника. Противъ нихъ гремѣли всенародныя проклятія, устраивались тайныя интриги,

издавались папскія буллы, предпринимались полицейскія мѣры, распространялись памфлеты, сочинялись сотни дискурсовъ, писемъ, мемуаровъ—съ бездною ученыхъ цитатъ и соображеній, съ глубиною истиннаго благочестія и съ негодованіемъ оскорбленной нравственности. На нихъ возставали и монахи, и свѣтскіе—и православные, и протестанты, и католики,—и короли, и республиканцы... Разобрали по ниточкѣ всю хитросплетенную сѣть ихъ ученія, вывели ихъ на свѣжую воду и въ романахъ, имѣвшихъ десятки изданій и переведенныхъ едва ли не на всѣ европейскіе языки, и въ драмахъ, возбуждавшихъ неистовство публики, и въ публичныхъ лекціяхъ, за которыя брались самые отличные люди ученой Европы, одни изъ передовыхъ двигателей мысли и науки, какъ, напр., Мишле... И все это понапрасну... Іезуиты до сихъ поръ здравствуютъ, пропагандируютъ какъ нельзя лучше, забираютъ въ свои руки будущее поколѣніе нѣкоторыхъ странъ западной Европы, и—вѣчно измѣняющіеся, но вѣчно тѣ же,—являются безпрестанно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ никто и не расположенъ подозрѣвать ихъ присутствіе. Что же бы это значило? Неужели народы Европы такъ глупы, что послѣ всѣхъ указаній, послѣ всѣхъ обличеній, обращенныхъ на іезуитовъ даровитѣйшими людьми всѣхъ временъ новой европейской исторіи, все еще не могутъ понять этого мрачнаго, вреднаго, безнравственнаго ордена?.. Неужели цѣлыя массы, жаждущія благочестія и просвѣщенія, такъ мало о немъ размышляютъ, что готовы поддаться первому обольстительному слову іезуита, не обращая вниманія на всѣ ужасы, какіе разсказываютъ объ этомъ орденѣ? Въ такомъ случаѣ Европа нынѣшняго времени стояла бы ниже, нежели наши дворянчики прошедшаго вѣка, ввѣрявшіе образованіе своихъ дѣтей французскимъ кучерамъ и солдатамъ,—не въ состояніи будучи противиться обаянію французскаго діалекта... Нѣтъ, вѣрно, есть у іезуитовъ что-нибудь такое, что неотразимо влечетъ къ нимъ; вѣрно, есть у нихъ средства болѣе сильныя, чѣмъ обманъ и притворство; вѣрно, ихъ убѣжденія сильнѣе, чѣмъ всѣ памфлеты и разглагольствованія ученыя и романтическія, направленныя противъ нихъ; словомъ, несмотря на все дурное, что старались приписать имъ, вѣрно, у нихъ много есть и хорошаго и даже, вѣроятно, такъ много, что всѣ охотно прощаютъ за него все, что кажется дурнымъ у іезуитовъ, и охотно забываютъ о существованіи этого дурного...

Написавши эти строки, я самъ въ первую минуту испугался ихъ смысла... Какъ! искать хорошаго у іезуитовъ? Оправдывать лицемѣріе, безнравственность, подлость, словомъ—іезуитство?.. Брать на себя защиту людей, торжественно изобличенныхъ Паскалемъ, разбитыхъ въ пухъ и прахъ Эдгаромъ Кине и Мишле, выгнанныхъ отовсюду, оставленныхъ и обвиненныхъ самимъ папою?.. Правда, это страшная дерзость; но она находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ фактахъ, которыхъ существованіе необходимо должно навести насъ на соображенія болѣе спокойныя и примирительныя. Если уже признано, что практически нельзя идти противъ исторіи, нельзя остановить естественнаго хода событій, то зачѣмъ же возставать и въ теоріи противъ историческихъ фактовъ? Къ чему безплодные крики, безтолковая брань, ретро

градная реакція тому, что уже совершилось и принесло свои плоды? Изученіе предмета, наблюденіе явленія, объясненіе факта—вотъ задачи, которыми ограничиваютъ себя науки точныя, и пора всѣмъ наукамъ, по ихъ примѣру, постараться, наконецъ, о точности въ своихъ положеніяхъ. Тогда будетъ у насъ и болѣе спокойствія въ разборѣ историческихъ явленій. Ботаникъ одинаково безстрастно изучаетъ и яблони, и крапиву, и какой-нибудь ядовитый грибъ; зоологъ съ равнымъ участіемъ разсматриваетъ организмъ человѣка, змѣи, лягушки—хотя, разумѣется, ни тотъ ни другой не ѣдятъ ядовитыхъ грибовъ, не играютъ съ змѣями и не предпочитаютъ крапивы яблокамъ... Подобное спокойствіе въ точкѣ зрѣнія ведетъ къ безпристрастному наблюденію и изученію предмета съ участіемъ, съ любовью. Если развитіе существа ненормально, скажемъ, что оно ненормально, уродливо, отличимъ хорошо развившуюся обезьяну отъ урода-человѣка: отъ этого обезьяна вообще не займетъ высшей ступени въ ряду существъ, и человѣкъ не унизится... Каждый останется при своемъ, такъ какъ каждый имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и каждый имѣетъ свое неотъемлемое право на существованіе; но, все-таки, нельзя не сказать, что бываютъ дурные люди и превосходныя обезьяны... Скажемъ и мы свое спокойное мирное слово о людяхъ, столько разъ обруганныхъ и, все-таки, держащихся своихъ началъ, дѣйствующихъ все по одному и тому же направленію, стремящихся къ одной и той же цѣли,—неизмѣнно, непоколебимо, неутомимо. Постараемся безъ гнѣва и отвращенія разсмотрѣть этотъ нравственный организмъ съ цѣлью опредѣлить, какъ онъ развился изъ своихъ началъ, уродливо или нѣтъ. Вопросъ этотъ можетъ разрѣшиться двумя путями—исторіей ордена и анализомъ его внутренняго устройства. Вопросъ историческій очень обширенъ и сложенъ, а потому я миную его, тѣмъ болѣе, что онъ довольно общеизвѣстенъ. На русскомъ языкѣ я знаю объ этомъ нѣсколько статей. Таковы: 1) «Исторія іезуитовъ» въ «Вѣстн. Европы», 1814 г., № 13—14, статья составляетъ извлеченіе изъ Робертсоновой исторіи Карла V. 2) «Исторія іезуитовъ», «Москов. Телегр.» за 1830 г., № 13—14, статья Гизара. 3) «Исторія іезуитовъ» въ «Отечест. Зап.» за 1844 г., № 1—2, статья Н. Ратынскаго, скомпилированная изъ нѣсколькихъ иностранныхъ книжекъ. 4) «Исторія паденія іезуитовъ въ XVIII в.», книжка, составленная В. Модестовымъ въ 1855 г. и имѣющая значеніе по нѣкоторымъ приложеніямъ, напечатаннымъ при ней.

Всѣ эти статьи написаны въ духѣ нерасположенія къ іезуитамъ, въ духѣ нетерпимости и негодованія. Онѣ мало могутъ раскрыть внутреннее существо іезуитскаго ордена, потому что смотрятъ почти всюду только на внѣшность фактовъ, не заботясь объ ихъ внутреннемъ смыслѣ. Лучше ихъ обширное сочиненіе Кретино-Жоли: „Histoire religieuse, politique et litteraire de la compagnie de Jésus, composie sur les documents inedits et authentiques“. S. Crétineau-Joly, Paris, 1844—46 г.; 6 томовъ, составляющихъ болѣе 3 тыс. страницъ довольно сжатой печати. Это сочиненіе явилось въ то время, когда раздавались самые ожесточенные клики противъ іезуитовъ, когда Парижъ сбѣгался на лекціи Мишле и Кине, газеты проповѣдовали крестовый походъ противъ

іезуитовъ, и набожные католики восхищались чудовищными мерзостями «Вѣчнаго жида». Направленіе книги Кретино-Жоли, написанной въ защиту іезуитовъ, естественно, должно было принять нѣсколько полемическій характеръ; но нельзя не удивляться той умѣренности, кротости и спокойствію, съ которыми благочестивый аббатъ ратуетъ за свое дѣло. Онъ самъ не іезуитъ, но онъ имъ сочувствуетъ, и сочувствіе его высказывается прямо и правдиво. Книга его скоро достигла второго изданія, и въ предисловіи къ нему авторъ говоритъ, что много было шуму и брани въ журналахъ французскихъ по поводу направленія его книги, но никто ни разу не могъ упрекнуть автора въ искаженіи хоть одного факта іезуитской исторіи. Это, безспорно, самое полное и самое спокойное изложеніе исторіи іезуитскаго ордена, и я старался во многомъ держаться его относительно историческихъ данныхъ. Изъ другихъ сочиненій большимъ безпристрастіемъ отличается книга Вольфа: „Allgemeine geschichte der Jesuiten“ 4 t. 1803. Другія же сочиненія (какъ, напр., Ломіе: «Résumé de l'histoire des Jésuites“, Paris, 1826; Симона: „Les Jésuites anciens et nouveaux“, Paris, 1832; Эллендорфа: „Neueste und vollständige Geschichte der Jesuiten“, Lpy. 1845) написаны въ сильно полемическомъ духѣ, не говоря уже о памфлетическихъ мемуарахъ, тоже имѣвшихъ притязаніе на историческое значеніе. Одни ихъ заглавія могутъ показать степень ожесточенія писавшихъ, особенно въ соединеніи съ нѣкоторыми эпиграфами. Напр., 1) „Les Jésuites marchands, usuriers et usurpateurs“, p. G... de N..., Paris, 1824. 2) Génin—«Les Jésuites et l'université», Paris, 1844—съ эпиграфомъ:

«O vos, qui cum Jesu itis,
«Non ite cum jesuitis»

3) „Les Leroi à Mont-Rouge“, diol. sot. 1827, съ эпиграфомъ:

«Prenez trente grains d'impudence,
«Quatre livres d'ambition,
«Quarante onces d'impatience,
«Six xilas de corruption,
«La bassesse d'un Lypocrete
«L'astuce de jeune beauté,
«Mettez les vertus de côté,
«Et vous fabriques un jésuite...

Отъ такихъ площадныхъ пріемовъ нельзя, конечно, и ожидать ничего хорошаго; тѣмъ менѣе можно искать въ подобныхъ произведеніяхъ безпристрастнаго изслѣдованія и хладнокровнаго сужденія о предметѣ. Поэтому я и не читалъ ихъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь и достать ихъ очень затруднительно: они всѣ почти запрещены въ Россіи Чтобы провести свой взглядъ по всей исторіи іезуитскаго ордена, я представлю теперь самый краткій историческій очеркъ развитія іезуитизма. Но, собственно, этотъ вопросъ для меня посторонній. Я намѣренъ обратить главное свое вниманіе на внутреннее устройство іезуитскаго ордена и, въ особенности, на ходъ у нихъ воспитательной и учебной части.

Игнатій Лойола (р. 1491 г.), основатель іезуитскаго ордена, подвергается различнымъ сужденіямъ историковъ, иногда очень легкомысленнымъ. Напримѣръ, Робертсонъ (t. III, p. 187) говоритъ, что «онъ былъ увлеченъ фанатизмомъ *или* властолюбіемъ и славолюбіемъ...» Это удивительное соединеніе противоположныхъ понятій о человѣкѣ... Или чистосердечный пламенный фанатикъ, или властолюбивый эгоистическій лицемѣръ—что-нибудь одно... Но Лойола никогда не былъ лицемѣромъ, да и едва ли возможно хроническое лицемѣріе въ продолженіе 20 (если считать отъ раны Игнатія при Пампелунѣ въ 1521 до утвержденія ордена въ 1540 г.) или даже 35 лѣтъ (если—до смерти Игнатія, въ 1556 г.),—особенно для такой живой, пламенной натуры, какова была у Лойолы, по сознанію самихъ его обвинителей... Онъ былъ раненъ, былъ боленъ, лежалъ одиноко въ старинномъ испанскомъ замкѣ; ему дали читать отъ скуки католическія монастырскія легенды... Тутъ описывались страданія мучениковъ, дивные подвиги святыхъ, терпѣніе и труженичество божьихъ воиновъ, отрекшихся отъ міра... Игнатій самъ былъ ратникомъ, самъ страдалъ отъ ранъ и вспоминалъ битвы и подвиги свои и своихъ товарищей. Бредъ больного воображенія перемѣшалъ для него дѣйствительность съ вымысломъ, воспоминанія былого съ вновь навѣянными впечатлѣніями, и перерожденію немудрено было совершиться въ этой пылкой стремительной натурѣ. У него не было никакого образованія, никакіе высшіе помыслы не были развиты; но, тѣмъ не менѣе, природный умъ его былъ крѣпокъ и свѣтелъ... Онъ сначала инстинктивно почувствовалъ, а потомъ и сознательно убѣдился, что если есть высшая цѣль жизни за предѣлами гроба, то лучше идти къ этой цѣли прямо, нежели извилинами и закоулками, часто совсѣмъ совращающими съ прямой дороги... Онъ убѣдился, что ежели есть Богъ, которому должны мы служить, то лучше служить ему прямо и непосредственно, оставивши всѣ другія дѣла, нежели изъ-за другихъ дѣлъ посвящать Богу только досуги свои. Какъ стремительная и дѣятельная натура, Лойола тотчасъ привелъ въ исполненіе стремленіе сердца. Онъ сдѣлался аскетомъ, посвятилъ всего себя на духовное служеніе Богу. Взволнованное воображеніе представляетъ ему чудныя видѣнія, и ему грезится, что уже дьяволъ бѣжитъ отъ него и небожители сходятъ къ нему, благословляя его на новый путь... Тотчасъ по выздоровленіи, онъ отправляется въ монастырь, одѣвается въ грубое платье, отпускаетъ своихъ людей, ходитъ въ госпиталяхъ за больными, у которыхъ заразительныя болѣзни: это ли лицемѣріе, это ли разсчетъ хитраго честолюбца?.. Не виденъ ли здѣсь, напротивъ, грубый энтузіастъ, круто измѣняющій свою жизнь и жертвующій всѣмъ для своего глубокаго вѣрованія?.. Онъ путешествуетъ потомъ въ Святую Землю, надѣясь проповѣдовать Евангеліе восточнымъ народамъ; но здѣсь убѣждается въ своей неспособности, необразованности и возвращается въ Испанію, чтобы учиться... 32-хъ лѣтъ садится онъ на школьную скамью, въ Барселонской школѣ, а потомъ въ Саламанкскомъ университетѣ и уже здѣсь высказываетъ свои убѣжденія съ такою силою, съ такой вдохновенной смѣлостью, что увлекаетъ цѣлыя толпы на площадяхъ

Саламанки и, наконецъ, попадаетъ въ тюрьму за это. И здѣсь онъ продолжаетъ свое дѣло—проповѣдуетъ и поетъ духовныя пѣсни; узники находятъ средство бѣжать изъ тюрьмы, Игнатій не хочетъ имъ пользоваться и остается; его выпускаютъ за это на волю, и онъ отправляется доучиваться въ Парижъ... Ему нечѣмъ жить здѣсь: онъ проситъ милостыню и, все-таки, ходитъ слушать лекціи. Долго и прилежно онъ ихъ слушаетъ и, наконецъ, въ 1532 г. получаетъ степень баккалавра, а въ 1534 г.—степень магистра богословія. Во все это время онъ проповѣдуетъ словомъ и дѣломъ и пріобрѣтаетъ себѣ нѣсколько друзей и приверженцевъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи опорами и главами іезуитскаго ордена,— именно: Франсуа, Ксавье, Петра Фабера, Якова Лайнеза, Альфонса Сальмерона, Николая Бобадилью, Симона Радригеза и др. Въ это время вспыхиваетъ реформаціонное движеніе, и Игнатій съ своими товарищами находитъ опредѣленную цѣль для своей дѣятельности: спасеніе душъ отъ ереси. Они рѣшаются основать орденъ, отличный отъ всѣхъ другихъ монашескихъ орденовъ и направленный, главнымъ образомъ, къ поддержанію папскаго престола противъ всѣхъ покушеній еретиковъ. Разсматривая первые шаги этихъ замѣчательныхъ избранниковъ, нельзя не видѣть, что у нихъ и въ это время уже сложились нѣкоторыя убѣжденія, подъ вліяніемъ ихъ благочестивой христіанской настроенности и вмѣстѣ подъ вліяніемъ житейскаго опыта. Они видѣли повсюду чрезвычайное развращеніе, видѣли роскошную жизнь и легкое поведеніе тогдашняго духовенства и монашества, видѣли догматическіе и нравственные споры, въ которыхъ имъ представлялось (какъ и намъ, конечно) пагубное уклоненіе кичливаго ума отъ истины откровенія; приэтомъ самъ Игнатій могъ вспоминать и свои заблужденія, отъ которыхъ избавился, какъ думалъ онъ (можетъ быть, и справедливо), единственно силою благодати небесной. Всѣ эти обстоятельства совершенно естественно привели Лойолу и его товарищей къ глубокому живому сознанію тѣхъ откровенныхъ истинъ, которыя высказаны такъ ясно устами великаго учителя языковъ: «вѣмы я законъ духовенъ есть, азъ же плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхъ. Еже бо содѣваю, не разумѣю: не еже бо хощу, сіе творю, но еже ненавижу, то содѣловаю» (Рим. VII, 14—15). «Не довольни есмы ниже помыслити, что отъ себе, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога». Самое спасеніе совершается по непосредственному дѣйствію Божію: «како бо призовутъ, въ негоже не вѣроваша? Како же увѣруютъ, его же не слышаша? Како же проповѣдятъ, аще не послани будутъ?» (Рим. X, 14). Проникнутые этими высокими святыми мыслями, основатели іезуитскаго ордена рѣшились вполнѣ примѣнить ихъ къ своей дѣятельности, и отсюда произошло одно изъ главнѣйшихъ правилъ ихъ ордена— безусловное послушаніе. Еще въ монмартрской ихъ клятвѣ было положено идти всюду, куда пошлетъ ихъ папа. Это было ясно сознанное и выраженное, въ приложеніи къ практической дѣятельности, убѣжденіе въ тѣхъ началахъ, которыя выражены апостоломъ: чтобы человѣкъ могъ спастись, нужно, чтобы самъ Богъ привлекъ его къ себѣ; Богъ на землѣ осуществляется въ церкви; единственно истинная

церковь (такъ должны вѣрить католики) есть католическая; глава и представитель ея есть папа; слѣдовательно, ему должно повиноваться, какъ самому Христу, который вѣчно съ нимъ пребываетъ, какъ съ своимъ помазанникомъ. Изъ всего этого ясно, что и для проповѣди евангельской необходимо содѣйствіе и велѣніе папы: «како бо проповѣдятъ, аще не послани будутъ?..» Всѣ эти логическія убѣжденія ясно выразились уже черезъ 6 лѣтъ послѣ утвержденія ордена папою въ рѣчи Лайнеза на Тридентскомъ соборѣ, въ 1546 г., и еще болѣе при второмъ его созваніи, въ 1556 г. (см. Paolo Sarpi, «Hist. de conc. de Trente», t. II, p. 139, squ). Лайнезъ доказывалъ здѣсь, между прочимъ, что никогда епископъ не въ правѣ ослушаться папы, и не только одинъ, но и сговорившись съ другимъ и даже съ третьимъ епископомъ; не въ правѣ ослушаться эти трое и въ такомъ случаѣ, если къ нимъ пристанутъ еще трое и даже шестеро, словомъ, всѣ епископы, цѣлый соборъ ихъ ничто противъ папы: въ папѣ олицетворяется законъ Христовъ, а законъ этотъ святъ и неизмѣненъ, хотя бы и никто не хотѣлъ исполнять его... Нѣтъ дѣла до лица папы: онъ, самъ по себѣ, можетъ быть человѣкомъ дурнымъ; но не нужно забывать, что съ нимъ всегда пребываетъ Духъ Божій, ниспосылаемый на священныхъ помазанниковъ отъ Господа и не допускающій ихъ ошибаться въ дѣлахъ, касающихся блага церкви. Богъ знаетъ, кого избираетъ для служенія себѣ и управленія дѣтьми своими, «никогда Онъ не предастъ помазанника своего въ неискусенъ умъ творити неподобная; а если и предастъ, то значитъ, Онъ хочетъ испытать или наказать насъ, и мы должны снести это съ терпѣніемъ и вѣрою въ Его Премудрый Промыселъ».

Епископы, въ которыхъ уже сильны были начатки реформаціоннаго движенія, были поражены этой рѣчью, какъ чудовищнымъ сплетеніемъ софизмовъ. Но мы можемъ принять ее съ совершенно другимъ чувствомъ; мы не можемъ не видѣть въ ней крѣпкой вѣры, полной преданности Промыслу и глубоко справедливаго раздѣленія сана отъ лица. Мы сами такъ поступаемъ, сами держимся тѣхъ же убѣжденій: недостатки священниковъ извѣстны всѣмъ, но передъ священствомъ всѣ благоговѣютъ; всѣ знаютъ, что царь тоже человѣкъ, слѣдовательно, не изъятъ отъ общихъ человѣческихъ слабостей; но онъ—Божій помазанникъ, и кто позволитъ себѣ отозваться о немъ безъ чувства благоговѣнія, кто даже въ глубинѣ души своей допуститъ мысль о томъ, чтобы то или другое высочайшее распоряженіе могло быть несправедливо?

Такъ развилось одно изъ главнѣйшихъ и благотворнѣйшихъ правилъ іезуитскаго ордена—безусловное *мертвое* повиновеніе «*perinde ac cadaver*»... Они разсуждали: все происходитъ по волѣ Божіей; если Ему угодно, чтобы я что-нибудь сдѣлалъ, то Онъ возвыситъ меня на такую степень, на которой я буду въ правѣ дѣлать, что самъ сочту нужнымъ; если же я не занимаю такой степени, значитъ Господь считаетъ меня недостойнымъ ея, и я долженъ повиноваться тѣмъ, которыхъ онъ надо мной возвысилъ,—я долженъ считать справедливымъ и добрымъ все, что они мнѣ прикажутъ: obedientia, tum in executi-

one, tum in voluntate, tum in intellectu, sit in nobis semper ex omni parte perfecta... omnia justa esse nobis persuadendo («Constit.» p. 123,—1583)... Въ самомъ началѣ общества стремленіе это выразилось въ разсужденіяхъ касательно свободной воли въ человѣкѣ: при первомъ своемъ появленіи на Тридентскомъ соборѣ (1546 г.) Лайнезъ сильно поколебалъ доказательства прелатовъ о свободной волѣ, за что и подвергся подозрѣнію въ пелагіанизмѣ...

Другое изъ основныхъ вѣрованій, принятыхъ въ это время іезуитами, состояло въ твердомъ и живомъ стремленіи любви христіанской, соединенной съ полнымъ самоотверженіемъ и направленной единственно ко спасенію души. Эта любовь соединялась у нихъ съ полнымъ презрѣніемъ къ благамъ жизни здѣшней и съ глубокимъ состраданіемъ къ самымъ даже порочнымъ людямъ. И то, и другое прекрасно выводилось ими изъ основныхъ принциповъ христіанства, которыми ново-учрежденное братство было глубоко и сильно проникнуто. Если здѣшняя жизнь есть только приготовленіе къ будущей, если это не болѣе, какъ странствованіе къ небесной пристани,—то нѣтъ нужды заботиться объ удобствахъ и удовольствіяхъ житейскихъ. Поэтому тотъ, кто изъ любви къ ближнему старается устроить матеріальныя удобства его жизни, не понимаетъ еще истинной любви христіанской. Онъ можетъ этимъ сдѣлать ближнему скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, отвлекая его сердце отъ вѣчныхъ благъ загробной жизни. Слѣдовательно, помогать ближнимъ въ тѣлесныхъ нуждахъ нужно только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда страдаетъ ихъ здоровье или жизнь находится въ опасности, и такимъ образомъ они лишаются возможности достойно приготовляться къ будущей жизни. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ дѣло первой необходимости—духовная помощь человѣку, просвѣщеніе его ума и сердца свѣтомъ истиннаго откровенія... Заботиться же о своихъ матеріальныхъ нуждахъ даже противно истинной вѣрѣ и надеждѣ на помощь Божію: Богъ, одѣвающій цвѣты полевые и питающій птицъ небесныхъ, подастъ, конечно, и человѣку все необходимое, если это будетъ угодно Святой Его волѣ...

Такія убѣжденія твердо и послѣдовательно проведены были во всемъ поведеніи іезуитовъ. Они не имѣли ничего и сами питались милостыней; они собирали вокругъ себя народъ и старались поучать его истинамъ вѣры; они постоянно посвящали свои труды на служеніе больнымъ братіямъ въ госпиталяхъ... Въ этомъ послѣднемъ отношеніи выразилась весьма ярко и другая сторона ихъ понятія о христіанской любви: снисхожденіе къ слабостямъ человѣческимъ, за которое впослѣдствіи такъ много потерпѣли они различныхъ нареканій. Они неуклонно слѣдовали всегда высокому правилу апостола: «молимъ же вы, братіе, вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ» (Сол. V, 14). Предъ Всевышнимъ Судіею всѣ равно грѣшны; мы всѣ дѣлатели въ духовномъ вертоградѣ небеснаго хозяина, и никто изъ рано пришедшихъ не имѣетъ права укорять поздно пришедшаго. Дружно и мирно должны мы работать, помогая другъ другу и снимая колючія терніе съ узкой дороги спа-

сенія, по которой идутъ братья наши. Если кто заблудился, то не кликами негодованія нужно преслѣдовать его, не прогонять снова къ той точкѣ, откуда онъ отправился, чтобы снова начиналъ свой тяжелый путь; нѣтъ, нужно указать ему тѣ извилины, тѣ едва примѣтныя тропинки, по которымъ долженъ онъ поворотить съ пути заблужденія своего, чтобы достигнуть желанной цѣли. Изъ этихъ основаній развились знаменитые cas de conscience, изъ которыхъ хотѣли сдѣлать такой позоръ для іезуитскаго общества и которыя считали дѣломъ простого плутовства со стороны іезуитскихъ монаховъ. Но ихъ лучшимъ оправданіемъ служитъ самый характеръ ихъ дѣятельности, постоянно чуждый суровости и преслѣдованій, постоянно полный мира и любви. Особенно это доказываютъ всѣ сказанія касательно ихъ ухаживанія за больными. Изъ многихъ фактовъ можно указать на подвиги образующагося еще общества, въ 1537 г. Они прибыли въ это время въ Венецію, гдѣ свирѣпствовали тогда особенно венерическія болѣзни. Больные возбуждали всеобщее отвращеніе и оставляемы были безъ всякаго ухода и пособія. Іезуиты, понимавшіе не хуже другихъ высокую цѣну цѣломудрія, ревностно, однако, принялись ходить за этими больными, спали вмѣстѣ съ ними, обмывали ихъ язвы той водой, которая была имъ самимъ принесена для питья, и, потомъ, томимые жаждою, допивали остатки; Ксавье даже высасывалъ ядъ изъ язвъ больныхъ, когда, по предписанію доктора, это было нужно для спасенія больного... И неужели кто-нибудь осудитъ за это благотворительныхъ друзей человѣчества? Неужели можно за это обвинить ихъ въ недостаткѣ презрѣнія къ пороку, въ потворствѣ разврату?.. Нѣтъ, это не было потворство, это просто было живое подражаніе примѣру нашего подвигоположника Христа, который Самъ снисходилъ къ мытарямъ, грѣшникамъ и блудницамъ и отвергалъ со строгимъ обличеніемъ только тщеславныхъ высокомудрыхъ фарисеевъ и книжниковъ...

Люди съ такими стремленіями, съ такой энергіей, съ такимъ самоотверженіемъ не могли пропасть безъ всякаго успѣха. Они непремѣнно должны были достигнуть своей цѣли и достигли. Во всѣ концы міра прошли они съ проповѣдью Евангелія и вездѣ имѣли успѣхъ. Уже въ 1542 г. Ксавье былъ въ Гоа и обращалъ индѣйцевъ, переходя изъ португальскихъ колоній въ собственныя поселенія туземцевъ и обходя, одинъ за другимъ, острова Цейлонъ, Полапотанъ, Меліопуръ, Малакку, Морейскіе острова и пр. Затѣмъ онъ отправляется въ Японію и Китай; узнавши, что сюда открытъ доступъ только посламъ, возвращается въ Гоа и убѣждаетъ португальскаго вице-короля назначить посольство въ Китай; когда же и посольство встрѣчаетъ препятствія, Ксавье подкупаетъ одного китайскаго купца, чтобы тотъ доставилъ его въ Кантонъ ночью подъ страшной тайной. Къ несчастію, здѣсь Ксавье заболѣлъ горячкой и вскорѣ умеръ, ничего не успѣвши сдѣлать. Но путь уже былъ указанъ, и вскорѣ затѣмъ іезуиты умѣли утвердиться и въ Индіи, и въ Китаѣ. Тамъ дѣйствовали Криминоль и Робертъ Нобили, здѣсь Матео Рикчи. Въ Японіи христіанство тоже водворено было іезуитами, но съ 1620 года

императоръ воздвигъ гоненіе на христіанъ, и къ половинѣ XVII в. въ Японіи христіанство было уничтожено. Но въ Китаѣ, несмотря на всѣ гоненія отъ язычниковъ, несмотря на противодѣйствіе доминиканцевъ и францисканцевъ, іезуиты утвердились, пріобрѣли многихъ прозелитовъ, завели училища, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, у нихъ обучалось въ 1853 г. до 1300 китайскихъ мальчиковъ (см. въ «Revue des deux Mondes», 1856 г. Fevr. статью Шарля Ляволле: «Les jésuites en Chine autrefois et aujourd'hui», стр. 528).

Замѣчательнѣе всего былъ успѣхъ іезуитской проповѣди въ Парагваѣ. Парагвай отданъ былъ совершенно на руки іезуитамъ Филиппомъ III, который самъ былъ воспитанникомъ іезуита Маріанны. Парагвай до тѣхъ поръ ужасно страдалъ отъ жестокостей испанскихъ губернаторовъ и постоянно возмущался: разстройство и безпорядки были страшные... Іезуиты кротостью, лаской, исправительными наказаніями весьма скоро и безъ особенныхъ затрудненій умѣли пріучить народъ къ порядку и повиновенію. Они основали здѣсь свою республику и внушили жителямъ такое уваженіе къ ордену, что они на колѣняхъ выслушивали повелѣнія святыхъ отцовъ и считали за счастіе цѣловать край ихъ одежды...

Не менѣе замѣчательны подвиги іезуитовъ противъ реформаціонной ереси. Въ Испаніи, Португаліи и Италіи орденъ постоянно былъ настороже и, имѣя вліяніе на ходъ высшихъ государственныхъ дѣлъ, уничтожалъ самые зародыши ереси... Во Франціи онъ долго выдерживалъ жестокую упорную борьбу: при Генрихѣ III они были двигателями и главами святой лиги, къ которой пристала тогда почти половина Франціи. При Генрихѣ IV они были высланы изъ королевства и черезъ 8 лѣтъ (1603 г.) снова призваны. При Людовикѣ XIV пріобрѣли они новую силу, но при Людовикѣ XV (1764 г.) опять изгнаны, а въ 1773 г. издана папская булла объ уничтоженіи ордена. За это чернь въ Швейцаріи повѣсила его портретъ.

Въ 1814 г. орденъ былъ возстановленъ, и они снова распространились во Франціи и особенно въ Бельгіи. Въ началѣ столѣтія появились, было, они въ Пруссіи и Россіи, но отсюда были высланы почти въ то самое время, когда орденъ былъ возстановленъ Піемъ VII (изъ Россіи высланы они указомъ 19 дек. 1815 г.). Повсюду они должны были выдерживать сильные споры за право обученія юношества...

Почти не касаясь подробностей внѣшней исторіи ордена, я старался показать тѣ воззрѣнія, на которыхъ утверждали іезуиты всѣ свои дѣйствія. Эти самыя воззрѣнія выразились какъ въ самомъ устройствѣ ордена, такъ преимущественно въ воспитаніи, къ очерку котораго я и перехожу теперь. Не буду излагать внѣшнихъ частностей и обращу все свое вниманіе на характеръ и направленіе, какіе господствовали въ іезуитскомъ воспитаніи и обученіи. Мы увидимъ, что и здѣсь послѣдовательно проведены тѣ же самыя воззрѣнія, которыя легли краеугольнымъ камнемъ благочестиваго существованія іезуитовъ.

Самое стремленіе іезуитовъ повсюду заводить школы много свидѣтельствуетъ въ ихъ пользу. Средніе вѣка и католическіе монахи

не любили школъ; папы запрещали народу читать библію; католическая церковь не одобряла переводовъ священныхъ книгъ на языкъ народа... Іезуиты, напротивъ, куда ни появлялись, всюду прежде всего принимались за воспитаніе дѣтей. Повсюду заводили они школы, обучали дѣтей безплатно, употребляли всѣ возможныя усилія, чтобы привлечь къ себѣ большее количество воспитанниковъ. Это средство—дѣйствовать на людей—вмѣстѣ съ неутомимой ихъ проповѣдью служитъ яснѣйшимъ выраженіемъ той основной идеи, что любовь къ ближнему должна состоять въ духовной помощи имъ, а не въ матеріальномъ пособіи. Устройство и направленіе этихъ школъ, равно какъ и самаго ордена вообще, служило выраженіемъ той же основной идеи. Извѣстно, что всѣ іезуиты раздѣлялись на 4 класса: 1) послушниковъ, или новиціатовъ, 2) учениковъ, 3) коадъюторовъ и 4) профессовъ. Послушники подвергались, обыкновенно, искусу въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ или поступали въ разрядъ одобренныхъ учениковъ, или отсылались назадъ, если іезуитское начальство не находило въ нихъ наклонностей и достаточныхъ силъ для исполненія всего, предписываемаго въ орденѣ. Все это совершенно разумно и естественно и какъ нельзя лучше рисуетъ характеръ іезуитской дѣятельности, состоявшій всегда въ томъ, чтобы дѣйствовать на волю, но никогда не тащить человѣка противъ его воли. Они употребляютъ всѣ усилія, чтобы привлечь къ себѣ новаго прозелита, дѣйствуя для этого проповѣдью, убѣжденіемъ, примѣромъ, воспитаніемъ... Наконецъ, они достигаютъ предположенной цѣли: воля человѣка склоняется на ихъ сторону,—онъ изъявляетъ желаніе сдѣлаться іезуитомъ. Но благоразумнымъ братіямъ этого недовольно; они не бросаются тотчасъ на этого человѣка, какъ охотникъ на добычу, пойманную имъ въ силокъ. Нѣтъ, они еще назначаютъ ему испытаніе на нѣсколько лѣтъ: испытай трудности новаго званія и покажи самъ свои способности. Тогда только, когда выкажется твердость и непоколебимое убѣжденіе человѣка, можно принять его въ число одобренныхъ учениковъ... И даже послѣ этого, будучи ученикомъ и коадъюторомъ,—онъ можетъ быть исключенъ изъ ордена или самъ просить увольненія. Изъ этого очевидно, какое высокое значеніе придавалось іезуитами внутреннимъ отношеніямъ и какъ мало обращали они вниманія на внѣшность. Всѣ силы убѣжденія употребляются, предпринимаются неимовѣрные труды и заботы, вся атмосфера, окружающая человѣка, располагается къ тому, чтобы привлечь его на путь спасенія; но при всемъ этомъ ни малѣйшаго насилія, дѣйствующаго внѣшнимъ образомъ. Они все располагаютъ такъ, чтобы благодать Божія невидимо и внутренно коснулась сердца человѣка и привела его на путь правый. Такъ точно и по выдержаніи искуса—онъ связывается болѣе внутреннимъ обязательствомъ своей совѣсти, нежели наружною формальностью обѣтовъ... Какое высокое убѣжденіе въ нравственномъ началѣ, какая вѣра въ свои духовныя силы, какое высокое понятіе о служеніи Богу, которое должно быть сердечно и духовно! Нѣтъ сомнѣнія, что это самое убѣжденіе заставляло іезуитовъ при проповѣди Евангелія въ Китаѣ и Индіи подчиняться китайскимъ церемоніямъ, надѣ-

вать платье браминское, строить церкви на манеръ индѣйскихъ пагодъ, дозволять женщинамъ носить неприличныя украшенія и т. п., за что доминиканцы возставали на іезуитовъ, какъ на злодѣевъ, еретиковъ и исказителей христіанства. А они просто дѣлали это по презрѣнію къ внѣшности, будучи увѣрены, что духъ христіанства нисколько не измѣняется отъ этихъ мѣстныхъ различій, такъ точно, какъ образъ Божій въ человѣкѣ не зависитъ отъ того, черенъ или бѣлъ цвѣтъ его кожи, носитъ ли онъ бороду или нѣтъ.

Третій классъ—коадъюторы—раздѣлялись на духовныхъ и свѣтскихъ; первые были учителями въ школахъ, священниками и духовниками; вторые исправляли при коллегіяхъ и домахъ професскихъ самыя низшія обязанности.

Профессы были «трехъ обѣтовъ» и «четырехъ обѣтовъ». И тѣ, и другіе обязывались дать публично обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и слѣпого повиновенія; послѣдніе присоединяли къ этому еще обѣтъ проповѣдованія Евангелія всюду, куда пошлетъ папа. Къ послѣднему классу допускались немногіе, уже извѣстные своими способностями и усердіемъ, испытанные въ теченіе многихъ лѣтъ... Во всемъ этомъ видна великая осмотрительность ордена въ выборѣ своихъ членовъ и постоянная ихъ идея о повиновеніи. Нужно замѣтить, что по окончаніи искуса никто не могъ знать, куда онъ будетъ назначенъ генераломъ ордена. Смотря по своимъ соображеніямъ, генералъ могъ его назначить и свѣтскимъ коадъюторомъ и профессомъ трехъ обѣтовъ... Возраженій не могло быть ниоткуда... Это идеалъ благоустроеннаго общества, основаннаго на послушаніи. Всѣ должности въ орденѣ были распредѣлены сообразно нуждамъ общества. Начальникъ его былъ генералъ; провинціями завѣдывали провинціалы, а коллегіями, новиціатскими и професскими домами и отдѣльными миссіями—префекты. Кромѣ исполненія частныхъ своихъ обязанностей, они должны были еще доносить—префекты провинціаламъ, а провинціалы генералу—обо всемъ, что касается ордена, и вообще, что происходитъ замѣчательнаго въ той мѣстности, гдѣ они находятся. Донесенія эти опять касались болѣе внутренняго значенія фактовъ, нежели внѣшнихъ подробностей, такъ что, по сознанію самихъ враговъ ордена, іезуитскій генералъ часто лучше зналъ расположеніе умовъ въ странѣ, чѣмъ самъ государь ея... Ихъ стараются обвинять за это и наблюдательность ихъ называютъ шпіонствомъ; но столь рѣзкій отзывъ не можетъ быть оправданъ, если обвинители вздумаютъ серьезно и пристально всмотрѣться въ характеръ іезуитской дѣятельности по этой части. Тутъ нѣтъ ни шпіонства, ни клеветы, ни наушничества, а просто замѣтки умнаго посланника, описывающаго своему начальнику, что онъ видитъ узнаетъ въ странѣ, въ которую посланъ...

Профессы были также и ректорами школъ, которыя заводимы были іезуитами вездѣ, гдѣ только они появлялись. Внѣшнее устройство этихъ школъ не представляло рѣзкихъ особенностей въ сравненіи съ большею частью католическихъ учебныхъ заведеній въ средніе вѣка. Съ теченіемъ времени оно измѣнялось и принимало различныя формы, сообразно съ потребностями вѣка и мѣстными условіями.

Подробности о внѣшнемъ устройствѣ первоначальныхъ школъ іезуитскихъ изложены у Раумера въ «Geschichte der Pädagogik». Я не стану дѣлать выписокъ изъ Раумера, отчасти имѣя въ виду недавно сдѣланный переводъ его статьи о іезуитахъ, а отчасти и потому, что отъ внѣшней формы нисколько не измѣнялось у іезуитовъ внутреннее направленіе воспитанія и обученія. Ихъ элементарныя школы, inferiores и superiores classes ихъ заведеній, лицеи, университеты отличаются однимъ и тѣмъ же существеннымъ характеромъ. Характеръ этотъ заключается въ стремленіи къ духовнымъ цѣлямъ и въ полномъ презрѣніи всѣхъ мірскихъ отношеній. Каждое постановленіе іезуитскихъ школъ, каждая черта ихъ воспитанія и обученія ясно говорятъ о глубокомъ убѣжденіи этихъ отцовъ, что царство ихъ «не отъ міра сего», что ихъ цѣль—выше, ихъ стремленія—чище... Въ воспитаніи, главнымъ образомъ, обращается вниманіе на развитіе нравственности, на пріученіе къ самоотверженной братской любви, къ слѣпому повиновенію; въ обученіи всѣ познанія направляются къ цѣли религіозной: «во славу Господа Спасителя и ко спасенію души». Одинъ изъ умнѣйшихъ іезуитовъ Сакхинъ составилъ: «Paraenesis ad magistros scholarum inferiorum societatis Jesu», которое много разъ было перепечатано, и въ которомъ онъ весьма подробно говоритъ о важности учительской должности. Онъ смотритъ на обученіе, какъ на дѣло богоугодное, и предписываетъ учителю, между прочимъ, слѣдующее: пусть смотритъ онъ на школу, какъ на таинственный царскій цвѣтникъ, насажденный, воздѣланный и украшенный съ особеннымъ тщаніемъ во славу Господа; пусть смотритъ на нее, какъ на нѣжное стадо освященныхъ агнцевъ, воспитываемыхъ для святого жертвоприношенія; пусть смотритъ на нее, какъ на святѣйшій разсадникъ Всевышняго царя, гдѣ отроки должны быть такъ воспитываемы, чтобы явиться передъ царемъ своимъ въ велелѣпіи и послужить ему... На себя пусть смотритъ, какъ на живописца или скульптора, назначеннаго для того, чтобы сдѣлать изображеніе Господа Христа, изображенія живыя, пребывающія вѣчно, чтобы ихъ можно было поставить во храмѣ небесномъ («Paraen.», pars I, cap. V). Далѣе онъ совѣтуетъ помнить правило св. Игнатія (Лойолы), что учителя, какъ во время уроковъ, такъ и внѣ ихъ, должны всячески стараться о томъ, чтобы подвигнуть души своихъ питомцевъ къ повиновенію и любви Божіей и къ исполненію тѣхъ добродѣтелей, которыми можно угодить Богу; къ этому должны быть направляемы всѣ занятія (pars II, cap. I). Весьма подробно раскрыта у Сакхина важность нравственности и средства утвердить ее въ душахъ питомцевъ. Онъ говоритъ, что воспитатели должны заботиться, чтобы въ ученикахъ истреблялись всякая гордость и самонадѣянность, всякая дерзость, но чтобы все дышало учтивостью, скромностью, умѣренностью... Все, что близко къ пороку и противно святѣйшимъ заповѣдямъ Христовымъ, должно быть почитаемо неприличнымъ и безнравственнымъ. Мщеніе, ложь, обманъ осмѣиваніе другихъ, божба, произнесеніе неприличныхъ или нечестивыхъ словъ, описаніе жизни отсутствующихъ, насмѣшливое передразниваніе—должны считаться грубостями, свойственными варварамъ

и рабамъ... Напротивъ, высоко должна быть цѣнима откровенная правдивость, состраданіе къ несчастнымъ, отверженіе ругателей, свободное обличеніе тутъ же, на мѣстѣ, тѣхъ, которые явно согрѣшаютъ; рѣчь—нѣжная съ равными, почтительная—къ старшимъ, ласковая—ко всѣмъ... Пусть дѣти пріучаются стыдиться себя не менѣе, чѣмъ другихъ, и не слагаютъ съ себя украшеній добродѣтели и нравственности, какъ только снимутъ свою мантію (pallium). Но пусть они и втайнѣ хранятъ то, что высказываютъ явно, и пусть не иначе ведутъ себя въ уединенной комнатѣ, какъ и во храмѣ и на площади; пусть всегда благоговѣйно помнятъ они, что на нихъ устремлены очи ангеловъ небесныхъ и особенно ангела-хранителя и самого Бога... (ib., cap. XIV). Кто въ этихъ наставленіяхъ узнаетъ іезуита, вѣчно притворствующаго, не имѣющаго въ душѣ ни капли нравственности, хитраго, льстиваго, обманчиваго, какъ рисуютъ его ярые памфлетисты?.. Далѣе Сакхинъ говоритъ о томъ, какъ воспитатель долженъ направлять дѣтей къ благочестію. Первое средство и самое главное—молитва о нихъ къ Богу, а затѣмъ уже собственный примѣръ и наставленія... Наконецъ, самое устройство школы и расположеніе занятій должно вести къ той же цѣли. Я переведу главу, гдѣ говорится объ этомъ (cap. XIX).

«Во-первыхъ, учитель долженъ требовать строгаго соблюденія школьной дисциплины, исполненія правилъ и учебныхъ задачъ. Пусть онъ знаетъ, что, стараясь объ успѣхѣ учебныхъ занятій, онъ тѣмъ самымъ способствуетъ развитію благочестія: эти двѣ вещи удивительно связаны между собою такъ, что кто отлично успѣваетъ въ ученіи, тотъ великолѣпно успѣваетъ и въ нравственности.

2. Нужно постоянно занимать ихъ задачами такъ, чтобы они не имѣли досуга ни въ школѣ, ни дома. Ничего не можетъ быть пагубнѣе для отрока, какъ праздность и покой; они и вообще вредны, а тѣмъ болѣе для отроковъ... Напротивъ, врагъ не найдетъ себѣ доступа къ отроку, который всегда занятъ. Но приэтомъ необходимо, чтобы учитель съ благоразумной любовью придумалъ средство усладить для учениковъ эти неусыпные труды. Поэтому хорошо будетъ, если онъ постарается возжечь въ нихъ огонь соревнованія: тогда они сами не захотятъ быть праздными... Книги будутъ имъ милы, занятія — легки: они стремятся къ побѣдѣ, они должны избѣгать стыда пораженія. Такимъ образомъ, постоянно нужно занимать учениковъ, но кротко и любезно, а не грубо и сердито—такъ, чтобы они и могли, и сами хотѣли исполнять приказанное...

3. Жизнь, нравъ, дружескія отношенія каждаго должны быть извѣстны учителю: онъ долженъ пользоваться этимъ, чтобы избирать на пользу каждаго лучшее и болѣе сообразное съ характеромъ каждаго.

4. Весьма важно, чтобы ученикъ ни разу не отлучался изъ гимназіи: это вещь весьма опасная: они могутъ попасть на дурныхъ товарищей, увлечься обольстительными приманками зла и, разъ увлеченные, могутъ совсѣмъ погибнуть; вкусивши сладость праздности и свободнаго разгула, они могутъ почувствовать ненависть къ школѣ и къ уединенію.

5. Онъ долженъ знать, кого съ кѣмъ посадить, въ классѣ, чтобы паршивая овца (morbosus agnus) не испортила близкихъ къ ней своимъ прикосновеніемъ. Если кто скроетъ свои руки въ классѣ, то нужно выговаривать ему за невѣжливость и требовать, чтобы онъ всегда руки держалъ передъ собою, поверхъ скамьи, иначе даже нужно наказывать...

6. Сколько позволяетъ монашеское состояніе и повиновеніе, учитель долженъ заботиться и о здоровьи, и о другихъ человѣческихъ нуждахъ учениковъ: долженъ облегчать слабыхъ, посѣщать больныхъ, покровительствовать потерпѣвшимъ неудачу; какъ нѣжный отецъ или мать, долженъ онъ обо всѣхъ заботиться, особенно же о чужестранныхъ и о бѣдныхъ ученикахъ. Пусть будетъ все идти такъ, чтобы ученики, чувствуя заботы, прилагаемыя о нихъ, сами всею своею волею предавались ученію тѣхъ, кто о нихъ такъ заботится...»

Эти прекрасныя наставленія учителю (который есть вмѣстѣ и воспитатель, какъ живущій постоянно съ учениками) показываютъ довольно ясно характеръ всего воспитанія. Во всемъ видна та христіанская любовь, помышляющая единственно о душевномъ спасеніи, о которой говорилъ я выше. Третье правило, которое, по увѣреніямъ враговъ іезуитовъ, вело всегда къ шпіонству, наушничеству и т. п., можетъ въ самомъ дѣлѣ представиться нѣсколько страннымъ. Но оно совсѣмъ не удивляетъ насъ, когда мы всматриваемся въ весь характеръ воспитанія въ іезуитскихъ школахъ. Привожу для яснѣйшаго представленія дѣла еще отрывокъ изъ главы той же книги Сакхина объ обращеніи товарищей-учителей другъ съ другомъ. Они должны помнить, что всѣ составляютъ одну семью и работаютъ для одного общаго дѣла, во славу Создателя. «Каждый изъ нихъ долженъ смотрѣть другъ на друга не только какъ на служителей, союзниковъ, братьевъ, но еще болѣе какъ на Божіи храмы, какъ на жертвы, какъ на живыя изображенія Бога, какъ на его служителей и намѣстниковъ (vicarios)». Такимъ образомъ, всѣ земные разсчеты здѣсь бросаются въ сторону,—остается одно живое непоколебимое убѣжденіе въ высокости общаго назначенія, въ святости цѣли, соединяющей всѣхъ членовъ общества. Для достиженія этой цѣли нужно жертвовать всѣмъ—и мелочнымъ самолюбіемъ, какъ своимъ собственнымъ, такъ и ближнихъ своихъ, и ложнымъ стыдомъ, и внѣшней деликатностью, и свѣтскими дружескими отношеніями, и матеріальными выгодами. Всякій обязанъ поэтому дѣлать явнымъ, доносить кому нужно все, что только можетъ быть противно общему благу. Это сознаніе, столь сильное у всякаго благомыслящаго человѣка, было и должно быть развито особенно сильно у іезуитовъ, какъ у людей, у которыхъ личность рѣшительно уничтожилась въ общемъ. Многіе обвиняли іезуитовъ за принятую ими мѣру пересказыванія старшимъ всего, что говорится между товарищами. Называли это разными позорными именами, но никогда не хотѣли глубже вникнуть въ сущность дѣла. Имя ничего не значитъ. Назовемъ это, пожалуй, хоть и шпіонствомъ. Что же въ немъ преступнаго, что предательскаго? Неужели менѣе предательства будетъ, если изъ какихъ-нибудь личныхъ

отношеній и разсчетовъ человѣкъ станетъ скрывать то, что считаетъ противнымъ своимъ убѣжденіямъ или общему благу? Въ этомъ случаѣ онъ тоже предатель—или самого себя, или общества. Духъ школьничества, заставляющій стоять за товарищей, даже когда они не правы, много участвовалъ въ томъ ожесточеніи, съ которымъ обличалось такъ называемое шпіонство іезуитскихъ училищъ. Но мы можемъ смотрѣть на эти вещи спокойнѣе. Развѣ мы не имѣемъ въ своемъ государствѣ благотворнаго учрежденія, имѣющаго цѣлью сохранять тишину и порядокъ въ цѣлой странѣ, неусыпнымъ наблюденіемъ за дѣйствіями частныхъ лицъ и непубличнымъ доведеніемъ до свѣдѣнія правительства всего, что происходитъ въ умахъ народа? Еще болѣе: развѣ каждый вѣрноподданный при самомъ началѣ своей службы не произноситъ священнаго обѣта: «служить Помазаннику Божію, не щадя себя, до послѣдней капли крови, и доносить немедленно обо всемъ, что найдетъ съ пользами государя и государства не согласнымъ?»—И неужели можно извинить неисполненіе этой священной обязанности въ комъ бы то ни было, съ сознаніемъ и убѣжденіемъ произнесшемъ свой обѣтъ? А іезуиты произносили свои обѣты послѣ долгаго искуса, слѣдов., съ сознаніемъ и убѣжденіемъ, и ихъ дѣло, ихъ служеніе было еще выше нашего: они обрекали себя на службу Царю Небесному!.. А онъ Самъ заповѣдалъ отвергнуться ради Его отъ всякихъ житейскихъ разсчетовъ и всѣмъ пожертвовать для служенія Ему: «аще кто любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ...» Слѣд., здѣсь выбора быть не можетъ: или сокрытіе проступка брата и отверженіе отъ Христа, отъ своихъ убѣжденій, или объявленіе о проступкѣ и пожертвованіе любовью братскою—любви къ Богу... А жертва эта должна быть потому, что конецъ всѣхъ нашихъ дѣйствій и стремленій есть Богъ. Обличеніе же братьевъ прямо заповѣдуется писаніемъ: «если твой братъ согрѣшитъ, обличи его при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ; если же не послушаетъ, повѣждь церкви...» Это самое и исполняли іезуиты, къ этому и пріучали они дѣтей съ малыхъ лѣтъ... Говорятъ, что это противно любви христіанской; но приэтомъ опять не берутъ въ разсчетъ общности іезуитскихъ понятій. Для нихъ блага земной жизни ничего не значили; всѣ стремленія и желанія, вся дѣятельность ихъ направлялась къ тому, чтобы сподобиться благъ жизни вѣчной... Съ этой точки зрѣнія они опять совершенно правы и послѣдовательны. Доносъ на товарищей могъ еще имѣть дурное вліяніе на нѣкоторыя матеріальныя его удобства: онъ могъ подвергнуться выговору, наказанію и т. п. Но зато для блага душевнаго тутъ нельзя ничего указать, кромѣ пользы. За тѣмъ, кто подвергался разнымъ слабостямъ, сторожа слѣдили, старались исправлять его недостатки, навести его на путь истинный и такимъ образомъ спасали его отъ душевной гибели. Не нужно приэтомъ упускать изъ виду управленія іезуитскаго, совершенно отеческаго, чуждаго всякой формальности, чуждаго уголовныхъ казней. Здѣсь даже и для матеріальнаго благосостоянія не было большого ущерба отъ доноса. Такимъ образомъ, и съ этой стороны мы находимъ, что іезуиты были правы, т.-е. они дѣйствовали гораздо послѣдователь-

нѣе съ своими принципами, нежели тѣ господа, которые ихъ обвиняли...

Постоянное послушаніе и отреченіе отъ собственной воли также весьма много способствовали развитію этой откровенности подчиненныхъ съ начальниками. По принципамъ и правиламъ іезуитскимъ не только ученики, но даже и профессы не могли сами собою осуждать и обличать своихъ товарищей. Онъ долженъ былъ предъ всѣми молчать и смиряться. Вотъ одна глава изъ книги другого уважаемаго іезуита—«Reverendi patris claudii Judde societatis Jesu documenta pro magistris ejusdem societatis» (Viennae 1847). Онъ говоритъ, что молодой профессъ, живя въ коллегіи, долженъ со всѣми быть въ мирѣ (гл. III). «Будь со всѣми вѣжливъ и обходителенъ. Человѣчность (humanitas) весьма тѣсно связана съ любовью (charitate). Предъ всѣми вставай, обнажай голову, чтобы показать знаки твоего уваженія. Вездѣ старайся занять послѣднее мѣсто. Избѣгай поспѣшности въ рѣчи, въ сужденіяхъ, въ противорѣчіи: ты юноша и мало испыталъ; ты ничего не знаешь, а что и знаешь—то несовершенно знаешь. Поучись же прежде, чѣмъ учить другихъ. Юношѣ весьма прилична почтительность, будь скорѣе боязливъ, нежели смѣлъ въ разговорѣ, и особенно избѣгай безстыдства. Ты не ангелъ и живешь не съ ангелами: приноровляйся къ характерамъ другихъ, а не ихъ старайся приноровить къ твоему характеру. Не пытайся никого преобразовывать: это тебѣ не удастся, — постарайся преобразовать самого себя: это удастся вѣрнѣе... Отъ чужихъ дѣлъ удаляйся, хотя бы тебѣ и казалось, что другіе въ твои дѣла вмѣшиваются; не любопытствуй знать о томъ, что дѣлается или что должно быть дѣлано; живи дома безъ шума, какъ будто бы тебя и не было... Старайся не внушать другимъ подозрѣній о себѣ, и въ себѣ не питай недовѣрчивости... *Никому—по дружбѣ или въ секретныхъ разговорахъ не сообщай о паденіи и ошибкахъ другихъ* и самъ не довѣряйся въ такихъ случаяхъ словамъ другихъ или собственнымъ предположеніямъ: ты сто разъ можешь обмануться и нарушить тѣмъ миръ со всѣми и миръ твоей совѣсти... Никогда не описывай жизни твоихъ товарищей или, что еще хуже, старшихъ тебя: это преступленіе достойно гнѣва Божія и человѣческаго... Если все это трудно тебѣ кажется исполнить, вспомни великую заповѣдь любви христіанской: всѣ люди—братья, всѣ носятъ въ себѣ Христа, всѣ нѣкоторымъ образомъ составляютъ одно со Христомъ, который считаетъ сдѣланнымъ для Него то, что ты сдѣлаешь для братьевъ своихъ».

Я не знаю, что еще нужно прибавлять къ этой выпискѣ? Не ясно ли здѣсь рисуется вся нравственность іезуитовъ, съ этой мягкостью и спокойствіемъ, съ этимъ отсутствіемъ всего рѣзкаго и возмущающаго?.. Таковъ именно и долженъ быть истинный христіанинъ. Намъ укажутъ, можетъ быть, на примѣры апостоловъ, мучениковъ и пр., съ грознымъ и тяжелымъ словомъ возставшихъ противъ порока. Но не нужно забывать того, что они говорили не сами по себѣ: они были небесные посланники, одушевляемые Духомъ Божіимъ. Господь давалъ имъ уста и премудрость; языкъ ихъ былъ трость книжника

скорописца, по выраженію пророка. Такъ и у іезуитовъ дѣйствовали люди, поставленные для наставленій и обличеній, находившіе власть и побужденіе въ самой своей должности; но простые братья не могли имѣть своихъ мнѣній, ничего не смѣли говорить отъ себя и должны были только обращаться за совѣтами и приказаніями къ своимъ начальникамъ. Какъ въ своихъ дѣлахъ всѣ зависѣли отъ начальства, такъ точно и, еще болѣе, чужіе поступки должно было повергать на усмотрѣніе начальства. И верховный судъ ихъ принадлежалъ только верховному начальнику ордена—генералу, получившему власть свою отъ самого папы—намѣстника Божія. Только онъ могъ утверждать іезуитовъ въ тѣхъ или другихъ званіяхъ или исключать ихъ изъ числа членовъ общества. Другіе же подчиненные начальники были всѣ въ большей или меньшей степени простыми его докладчиками и исполнителями его воли. Поэтому даже профессъ, напр., не имѣлъ права и возможности самъ собою исправить ученика... Нѣтъ, если онъ замѣчалъ за нимъ что-нибудь, то онъ старался вызвать его на откровенную бесѣду, выпытывалъ его тайное настроеніе и затѣмъ доносилъ обо всемъ ректору школы, испрашивая его разрѣшенія и повелѣнія, какъ поступать съ ученикомъ... И неужели молодой человѣкъ, воспитанный въ іезуитской школѣ, могъ быть въ претензіи на своего наставника за подобный поступокъ? Неужели онъ имѣлъ право обвинять въ предательствѣ того, кто былъ его благодѣтелемъ и заботился о его вѣчномъ благѣ, слѣдуя постоянному, неизмѣнному принципу іезуитскаго ордена?.. Столь же легко и просто можетъ быть оправдана другая мѣра, употреблявшаяся постоянно въ іезуитскихъ школахъ—возбужденіе соревнованія между учениками. Объ этомъ тоже кричали, какъ о средствѣ, развращающемъ дѣтскую натуру, поселяющемъ между товарищами ненависть, раздоры, возбуждающемъ лихорадочную неестественную дѣятельность и т. п. Все это могло бы быть и справедливо въ другомъ мѣстѣ, но не въ іезуитскихъ школахъ. Здѣсь то именно ничего подобнаго и не было. Нужно прежде всего замѣтить, что причиною возбужденія соревнованія у самихъ начальниковъ была любовь христіанская, желаніе облегчить и усладить для воспитанниковъ труды ученія. Выше я привелъ выписку изъ Сакхина, касающуюся этого предмета. То же самое говоритъ Ювенцій. Далѣе—непріятности, которымъ могли подвергаться приэтомъ отдѣльныя личности при неудачѣ, не могли остановить іезуитовъ, для которыхъ, по самому принципу, уничтоженіе личности въ общемъ представлялось однимъ изъ идеаловъ, къ которому должно стремиться. Имъ нужно было, чтобы ученье шло успѣшно: это дѣло общее. Для достиженія общей цѣли есть прекрасное средство—соревнованіе: они имъ и пользуются, не обращая никакого вниманія на то, что личность ученика можетъ при этомъ потерпѣть временное разстройство. Это все пройдетъ, это такъ ничтожно, что нечего и думать объ этомъ. Даже больше—это нужно и полезно для ордена... Постоянно подвергаясь разнымъ перемѣнамъ, удачамъ и неудачамъ, неизбѣжнымъ особенно при знаменитомъ calculus іезуитовъ, ученикъ мало-по-малу пріучился не дорожить собою, ставить себя ни во что, подавлять свое самолю-

біе, отрекаться отъ своей личности; а это первый шагъ къ той высокой добродѣтели, которою прославился и возвысился іезуитскій орденъ,—къ самоотверженному послушанію. Такъ какъ и всѣ другія средства іезуитскаго воспитанія были приноровлены къ той же цѣли и прекрасно всѣ соображены между собою,—то calculus не производилъ вреда даже и для развитія любви христіанской въ ученикахъ. Все пріучало ученика къ мысли, что онъ самъ по себѣ—ничто, что его лучшее достоинство—повиновеніе тѣмъ, которыхъ Богъ надъ нимъ поставилъ, и съ этой твердой вѣрой въ Промыслъ трудно было увлечься внушеніями раздраженнаго самолюбія. Оттого-то мы и видимъ въ іезуитахъ постоянную терпимость, ласковость и кротость въ обращеніи со всѣми и примѣрное единодушіе въ стремленіи къ общецѣли. Въ лѣтописяхъ монашескихъ орденовъ много есть указаній на междоусобныя брани ихъ, много есть фактовъ, свидѣтельствующихъ о ненависти францисканца къ францисканцу, доминиканца къ доминиканцу. Но относительно іезуитскаго ордена совсѣмъ нельзя замѣтить этихъ враждебныхъ отношеній, столь свойственныхъ всѣмъ людямъ par jalousie du metier. Враги іезуитовъ никогда не могли указать на внутренніе раздоры ордена, и это, кажется, служитъ яснымъ доказательствомъ, что средства іезуитскаго воспитанія совсѣмъ не были такъ опасны для любви христіанской, какъ воображаютъ ихъ противники.

Совершенно противоположное обвиненіе заключается въ томъ, что іезуиты пріучали своихъ воспитанниковъ къ слишкомъ мягкимъ, двоедушнымъ отношеніямъ. Ничего рѣзкаго, ничего прямого,—все искусственное, ровное, спокойное, уступчивое,—какъ видно изъ приведенной мною выписки изъ Юдде. Но тамъ же находится и отвѣтъ на это обвиненіе: ты не ангелъ и живешь не съ ангелами; легче тебѣ свой характеръ соображать съ характеромъ другихъ, нежели другихъ заставлять соображаться съ твоимъ характеромъ. Для личности это опять было, можетъ быть, непріятно и неудобно, но для общаго дѣла—прекрасно. Такъ поступать заповѣдалъ намъ даже апостолъ: «всѣмъ вся быхъ, да всяческая пріобрящу», говоритъ онъ. И іезуиты никогда не забывали этого святого примѣра (Juv. R. st. p. 110). Паскаль особенно сильно нападалъ на эту сторону іезуитской морали и, находя, что одинъ изъ іезуитовъ позволялъ сдѣлать отговорку—съ сознаніемъ ея недостаточности, а другой—дать на словахъ обѣщаніе безъ намѣренія его исполнить, провозгласилъ по всей Европѣ, что іезуитская мораль основана на обманѣ. Но онъ взялъ только частности безъ отношенія къ общему. У іезуитовъ главное вниманіе обращено на внутреннее: внѣшность совершенно презирается,—не цинически, не съ ожесточеніемъ, а еще гораздо сильнѣе—съ уступками. Имъ все равно: требуютъ, чтобы при встрѣчѣ кланялись,—они кланяются, приняли въ обычай—цѣловаться,—и они цѣлуются... Имъ это все равно. Нужно ходить въ свѣтской одеждѣ—они въ ней ходятъ; надо надѣть монашеское платье—надѣваютъ; одѣться браминомъ—одѣваются... Они такъ сильны душой, такъ увѣрены въ себѣ, что не опасаются съ этими внѣшними перемѣнами измѣнить и внутренній ха-

рактеръ своего ученія. Они боятся только того, чтобы человѣкъ въ самой душѣ своей не увлекся дурнымъ направленіемъ и не попалъ на путь неправый. А пока въ сердцѣ его живо сознаніе своего долга, пока онъ не рѣшается внутренно измѣнить своимъ убѣжденіямъ, до тѣхъ поръ слова ничего не значатъ и на словахъ, вообще во внѣшности—можно дѣлать какія-угодно уступки житейскимъ требованіямъ. На этомъ основаніи оправдываются наружное притворство и словесный обманъ, безъ дѣйствительнаго сердечнаго согласія на дурной поступокъ. Такая уклончивость совершенно согласна съ общимъ характеромъ іезуитскаго ордена, и если съ пуританской строгой точки зрѣнія можно осуждать ее, то, по крайней мѣрѣ, нельзя изъ нея дѣлать такого преступленія, какое вывелъ Паскаль. Нужно согласиться, что и въ этомъ, какъ во всемъ, іезуиты послѣдовательны. Презрѣніе къ внѣшности, къ земному, стремленіе въ небесную отчизну высказывается у нихъ въ каждомъ поступкѣ, въ каждомъ словѣ... Все, даже душу свою, презирали они, помня заповѣдь Спасителя: «иже душу свою отщетитъ Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю»... Въ отношеніи къ учебной части большая часть враговъ іезуитовъ отдаетъ имъ полную справедливость, что они учили отлично. Это зависѣло частію отъ тѣхъ воспитательныхъ средствъ, какія употреблялись въ школахъ, какъ-то: соревнованія, ближайшаго наблюденія за наклонностями и характеромъ каждаго, уничтоженія всякихъ постороннихъ развлеченій и т. п. Съ другой стороны, много содѣйствовалъ успѣху и самый способъ преподаванія. И, во-первыхъ, нельзя не замѣтить въ іезуитскихъ школахъ строжайшаго единства цѣли во всѣхъ разнообразныхъ отрасляхъ обученія. Цѣль ихъ была жизнь вѣчная, и они, подобно Рабану Мавру, рѣшили, что всѣ науки должны быть ancillae theologiae. Сакхинъ говоритъ въ своемъ «Paraenesis» (p. I, cap. XIII): «humana litteratura revera antilla est, haec autem christiana est domina; et a nobis illa gratia hujus assumitur. Cui vero dubium quanto impensius domina, quae ancillae debeatur obsequium...» Зачѣмъ же тогда и учиться свѣтскимъ наукамъ?... Сакхинъ объясняетъ это такъ: между нами совершается договоръ. Люди хотятъ учиться свѣтскимъ наукамъ, а мы ихъ хотимъ учить божественному знанію. Для того, чтобы они божественное ученіе приняли, мы соглашаемся давать имъ и свѣтское ученіе (Сакх., стр. 61—62)... Такимъ образомъ, главная цѣль—спасеніе души—нигдѣ не терялась изъ виду. Все было расположено и устроено такъ, чтобы приводить къ религіознымъ размышленіямъ и развивать въ ученикахъ благочестіе. Каждая наука имѣла свое опредѣленное мѣсто и значеніе, и ученику легко было усвоить себѣ то, что представлялось ему, какъ необходимое для достиженія послѣдней цѣли его бытія... Другое весьма важное обстоятельство, облегчавшее труды учениковъ, состояло въ точности и неизмѣнности объема учебныхъ предметовъ и еще болѣе—самаго духа и содержанія. Никто не смѣлъ вводить новыхъ вопросовъ въ учебный курсъ, никто не смѣлъ останавливаться на извѣстномъ предметѣ долѣе опредѣленнаго времени. Изъ этого происходило то, что во всемъ господствовали строгій порядокъ и соразмѣрность.

Сдѣлавши эти общія замѣчанія, приведу нѣсколько частностей, стараясь быть по возможности краткимъ.

Іезуиты издавали нѣсколько разъ разныя инструкціи для учителей, ректоровъ, самихъ учениковъ и пр. Двѣ изъ нихъ были у меня подъ руками. Одна—«Josephi juvencii ratio discendi et docendi», другая—„Ratio atque institutio studiorum societatis Jesu“, Paris, 1850. Патеръ Ювенцій говоритъ сначала о томъ, какъ изучать извѣстные предметы и особенно словесныя науки. Греческій языкъ необходимо изучать, говоритъ онъ, для сравненія священныхъ кодексовъ и загражденія устъ врагамъ вѣры; латинскій—для пониманія богослуженія и учителей церкви (Cap. I, avt. I). Затѣмъ онъ перечисляетъ лучшихъ авторовъ, латинскихъ и греческихъ, которыхъ слѣдуетъ читать въ классѣ. Перечень этотъ очень полонъ и, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ всѣхъ важнѣйшихъ писателей и всѣ лучшія произведенія классической древности. Отечественный языкъ также—non est negligenda tamen (стр. 34) для того, чтобы въ рѣчи умѣть искусно выражать свои мысли. Для этого же особенное вниманіе обращается далѣе на слогъ,—дѣло, совершенно необходимое для проповѣдника. Къ той же цѣли ведутъ реторика, діалектика, декламація. Поэзія также входитъ въ курсъ обученія, но цѣль ея опредѣляется полезнымъ нравоученіемъ. Все различіе ея отъ реторики состоитъ въ томъ, что та убѣждаетъ доказательствами, а эта propositis exemplis et actionibus, aut honestis, quas sequamur, aut pravis, quos fugiamus (стр. 77). Подобныя же цѣли предполагаются и при изученіи исторіи и филологіи. Для исторіи предлагается, какъ совершенно достаточное руководство, Бароній,—у котораго гражданскія событія излагаются только какъ необходимыя дополненія и поясненія къ церковнымъ. Послѣ изложенія курса наукъ начинается у Ювенція изложеніе правилъ преподаванія. Издѣсь на первомъ планѣ находимъ правила de imbuendis pietate discipulis. Объ этомъ нѣсколько главъ говорятъ спеціально, и затѣмъ каждое объясненіе каждаго отдѣла каждой науки непремѣнно направляется къ этой же цѣли. Вообще, говоритъ патеръ Ювенцій, ученики—monendi sunt imprimis, ut studia referant ad divinam voluntatem et gloriam, Deoque placere et probari velint (стр. 132). Писателей толковать нужно такъ, что даже свѣтскіе и языческіе писатели omnes fiant quodammodo Christi praecones, т.-е. все пусть обращается къ похвалѣ добродѣтели и къ порицанію порока (стр. 133). Все это совершенно согласно съ общими постановленіями ордена и поддерживается постояннымъ исполненіемъ. Въ Ratio studiorum, 1850 г., есть уже отдѣльныя главы о преподаваніи священнаго писанія, еврейскаго языка, каноническаго права, философіи во всѣхъ ея отрасляхъ, математики. Все это строго соображено съ истинною вѣрою и убѣжденіями ордена. Напримѣръ, о философіи вообще замѣчается (стр. 53): такъ какъ философія располагаетъ умъ къ богословію и другимъ наукамъ... «то, ища всѣмъ сердцемъ славы и чести Божіей, учитель долженъ преподавать ее такъ, чтобы приготовлять ею своихъ слушателей къ другимъ знаніямъ, особенно же къ богословію, чтобы воору-

жать ихъ умъ противъ заблужденій нововводителей и особенно возбуждать къ познанію своего Создателя»... Поэтому-то заповѣдуется о философахъ, худо относящихся къ христіанской религіи, «говорить съ большею осторожностью, и если что-нибудь находится у нихъ хорошее, то показывать ученикамъ, что это ими заимствовано отъ кого-нибудь» (стр. 54). Это опять разсужденія совершенно здравыя и основательныя. Для насъ должна быть одна истина,—та, которая содержится въ Христовомъ ученіи, все остальное можетъ быть истинно только въ той мѣрѣ, въ какой согласно съ христіанствомъ. Какъ скоро этого согласія нѣтъ, а есть даже противорѣчіе, мы уже не должны увлекаться видимой убѣдительностью и логической послѣдовательностью философа. Напротивъ—чѣмъ онъ логичнѣе, тѣмъ опаснѣе: у него ложное начало, и оно никогда не приведетъ къ истинѣ, а между тѣмъ наружная логичность можетъ увлечь неопытный умъ... Математику, физику и вообще естественныя науки предписывается излагать такимъ образомъ, чтобы во всемъ показать ученикамъ премудрость Творца, чтобы невидимая Его отъ созданія міра, твореньями помышляема, видимы были (стр. 60)... Опять истинно высокая и единственно важная цѣль изученія, какъ естественныхъ, такъ и вообще свѣтскихъ наукъ... Все должно быть направлено къ жизни вѣчной, все должно напоминать намъ, что мы здѣсь—странники, стремящіеся къ нашему небесному отечеству. Изученіе всѣхъ наукъ имѣетъ смыслъ только въ той мѣрѣ, въ какой способствуетъ спасенію души...

Столь же разумно и полезно было другое правило, принятое въ іезуитскихъ школахъ: nemo novas introducat quaestiones... Это правило прямо и непосредственно вытекало опять изъ того же общаго стремленія іезуитовъ къ благамъ вѣчной жизни и изъ презрѣнія ко всему житейскому. Они разсуждали такимъ образомъ: или въ свѣтскихъ наукахъ заключается что-нибудь существенно необходимое для спасенія души и недостающее въ откровенномъ ученіи, — въ такомъ случаѣ христіанство нужно обвинить въ недостаточности и неполнотѣ; или христіанское ученіе совершенно полно и достаточно для спасенія,—слѣдовательно, всѣ остальныя знанія при откровенномъ ученіи совершенно излишни... На основаніи этого разсужденія іезуиты и не заботились о полнотѣ свѣтскаго образованія, когда видѣли его безполезность для спасенія души. Совершенно оставить этихъ наукъ нельзя было, потому что онѣ уже вошли въ общее употребленіе, а іезуиты всегда отличались строго-консервативнымъ характеромъ. Но, въ силу того же консерватизма, они не сочли нужнымъ преслѣдовать по всѣмъ извилинамъ всѣ новыя заблужденія мысли человѣческой и ограничились тѣмъ, что уже издавна было принято... И къ чему, въ самомъ дѣлѣ, было имъ заниматься всѣмъ, что открываетъ и придумываетъ мысль человѣческая, когда у нихъ были уже святые результаты—вѣчная истина, принесенная на землю Любовью Божественною? Это значило бы, по ихъ выраженію, зажигать факелъ при свѣтѣ солнца или, идя по берегу чистаго ручья пить воду изъ грязной лужи, попадающейся на дорогѣ...

Такая твердость и послѣдовательность въ принятыхъ началахъ,

такая энергія въ осуществленіи ихъ на дѣлѣ заслуживаютъ, кажется, скорѣе похвалы и сочувствія, нежели осужденія и отвращенія. Теперь, представляется самъ собою вопросъ: за что же всѣ такъ ненавидятъ іезуитовъ, за что ихъ преслѣдуютъ, за что къ нимъ питаютъ одинаковое нерасположеніе люди самыхъ различныхъ партій?.. Вопросъ этотъ получаетъ у іезуитовъ самое простое и самое правдоподобное рѣшеніе: «царство наше не отъ міра сего, говорятъ они, и міръ не хочетъ принять насъ, потому что не признаетъ насъ своими». Дѣйствительно, короли гнали іезуитовъ за то, что замѣчали въ нихъ стремленіе водворить повсюду духовную власть на началахъ теократическаго правленія, безъ сомнѣнія, самаго вожделѣннаго для всѣхъ странъ и для всѣхъ временъ... Республиканцы и раціоналисты возставали на іезуитовъ, потому что видѣли въ нихъ самыхъ твердыхъ и могущественныхъ противниковъ своимъ замысламъ. Они были послѣдовательны, потому что, порицая іезуитовъ, порицали самыя начала, на которыхъ тѣ основываются. Такъ, г.г. Мишле и Кине въ своихъ бранныхъ лекціяхъ 1843 года прямо говорятъ: Qu'est ce que les Jésuites?—C'est la contre-revolution, c'est la mort de la liberté (стр. 22)... Исходя изъ этого начала, они бичуютъ іезуитовъ и доводятъ ихъ до результатовъ, въ самомъ дѣлѣ, ужасныхъ для того, кто ничего не видитъ за предѣлами здѣшней жизни... Это машинизмъ, говорятъ они, это подавленіе всѣхъ силъ духа, уничтоженіе естественнаго развитія, стѣсненіе и уничтоженіе свободы, противоестественное воспитаніе, жертвованіе призрачнымъ цѣлямъ существеннѣйшими потребностями жизни. У іезуитовъ нѣтъ любви къ наукѣ, говорятъ они, нѣтъ стремленія къ развитію мышленія, а, напротивъ, есть постоянное желаніе подавить, умертвить самостоятельность личности, задержать ходъ развитія, во всемъ водворить неподвижность и застой...

Іезуиты ничего не говорили противъ справедливости этихъ обвиненій; они только объяснили свои понятія въ возраженіяхъ господамъ раціоналистамъ. «Вы хотите свободы,—говорили они,—но, по нашему, свобода состоитъ въ подчиненіи волѣ Божіей; хотите истины,—но истина наша—въ согласіи съ разумомъ Божественнымъ; хотите жизни,—но мы думаемъ, что здѣшняя жизнь есть только приготовленіе къ вѣчности и сама по себѣ ничего не значитъ... Вы указываете, что у насъ не было двигателей мысли, изобрѣтателей и т. п.,—да на что намъ они? Наша цѣль совсѣмъ иная... Мы хотимъ развить умъ для пониманія небесныхъ истинъ, а не для земныхъ открытій... Было бы дурно, если бы мы ошиблись въ своихъ разсчетахъ и сдѣлали не то, что хотѣли... И къ чему служитъ ваше умственное развитіе? Развѣ Бэконъ, одинъ изъ начальниковъ новѣйшей философіи, не былъ безнравственнымъ человѣкомъ, и развѣ онъ не мучится теперь, несмотря на свой умъ, въ геенѣ огненной, тогда какъ какой-нибудь простой неискусный монахъ ликуетъ съ ангелами небесными?»

Заключая этимъ свой неполный, короткій очеркъ, я считаю нужнымъ замѣтить, что не обращалъ здѣсь вниманія на фактическія

обвиненія противъ іезуитовъ, потому что они не имѣютъ коллективнаго характера. Такой-то іезуитъ подкупилъ убійцъ Генриха IV, такой-то написалъ книгу въ оправданіе цареубійства и т. п. Это все ничего не доказываетъ. Бываютъ вездѣ уклоненія и исключенія; но они не должны класть позорнаго пятна на цѣлую корпорацію... Разсматривая же общій духъ установленій іезуитовъ и ихъ дѣятельности, нельзя нѣ согласиться, что они всегда были вѣрны своимъ святымъ принципамъ. Пусть говорятъ раціоналисты противъ іезуитскихъ принциповъ и ихъ дѣятельности, нельзя не согласиться, что они всегда были вѣрны своимъ святымъ принципамъ. Пусть говорятъ раціоналисты противъ іезуитскихъ принциповъ и ихъ дѣятельности: имъ это простительно, потому что они ничего не видятъ за предѣлами земной жизни. Но мы смотримъ на дѣло иначе. Правда, заключимъ мы, мысль имѣетъ мало простора въ іезуитскомъ воспитаніи, умъ развивается односторонне, но намъ и не нужно особеннаго разгула мыслей и особенно премудраго ума: «мы умъ Христа имамы». Правда, іезуитизмъ подавляетъ личность, стѣсняетъ, умерщвляетъ; ученіе іезуитовъ останавливаетъ свободное развитіе, это есть смерть человѣчества... Но — »не оживетъ, аще не умретъ», скажемъ мы словами Апостола и охотно подвергнемся этой смерти душевной, которая должна послужить для насъ залогомъ духовной, небесной, вѣчной жизни... Къ достиженію этой-то жизни направлены всѣ стремленія, всѣ учрежденія іезуитовъ, и ихъ направленіе совершенно вѣрно и послѣдовательно. Если я не успѣлъ убѣдительно и неопровержимо доказать это, то, конечно, вина принадлежитъ неискусству моего изложенія, а не самому дѣлу, которое еще найдетъ себѣ когда-нибудь достойнаго адвоката.

4. Описаніе Главнаго Педагогическаго Института въ нынѣшнемъ его состояніи.

Спб. 1856.

Актъ девятаго выпуска студентовъ Главнаго Педагогическаго Института. 21 іюня 1856.

Спб. 1856.

Обѣ эти книжки изданы почти въ одно время и служатъ необходимымъ дополненіемъ одна другой. *Описаніе* представляетъ намъ состояніе Института во всѣхъ частяхъ его жизни и управленія. Актъ заключаетъ въ себѣ отчетъ объ учебной дѣятельности Института за истекшій академическій годъ и рѣчь профессора Лоренца, на латинскомъ языкѣ, *о томъ, съ какой цѣлію императоръ Николай учредилъ Педагогическій Институтъ*.

Педагогическій Институтъ, безспорно, есть одно изъ важнѣйшихъ учебныхъ заведеній нашихъ, по тому вліянію, какое могутъ имѣть его воспитанники, всѣ дѣлающіеся учителями въ гимназіяхъ, на развитіе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Знанія, убѣжденія, направленіе, принятое ими, не остаются только ихъ достояніемъ, а передаются ими новому поколѣнію, идущему по слѣдамъ ихъ. Поэтому все, что касается Института, должно возбуждать живѣйшее лю-

бопытство во всѣхъ, кому дорого отечественное просвѣщеніе, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателей на изданныя нынѣ брошюры, изъ которыхъ можно получить довольно полное понятіе объ устройствѣ и значеніи Института.

Начнемъ съ рѣчи. Профессоръ Лоренцъ избралъ предметомъ ея чрезвычайно важный вопросъ и въ началѣ рѣчи прекрасно, хотя и кратко, обрисовываетъ дѣятельность Карла Великаго для распространенія образованности; затѣмъ, сравнивая съ нимъ въ Бозѣ почивающаго государя императора Николая I-го, говоритъ о цѣли учрежденія Института и необходимѣйшихъ предметахъ общаго образованія. Хотя рѣчь профессора Лоренца, по обычаю сочиненій подобнаго рода, написана очень краснорѣчивымъ слогомъ, но, тѣмъ не менѣе, въ ней встрѣчается нѣсколько мыслей, въ которыхъ мы узнаемъ проницательный умъ историка, столь уважаемаго нами за его курсъ всеобщей исторіи. Говоря о цѣли учрежденія Института, г. Лоренцъ прекрасно выражаетъ ее въ слѣдующихъ краткихъ чертахъ: «Государь Императоръ хотѣлъ, чтобы общественное и частное воспитаніе утверждалось на прочныхъ основаніяхъ и слѣдовало тому направленію, которое не приводитъ только къ гуманности грубые нравы и дѣлаетъ изъ пустыхъ и безплодныхъ людей благородныхъ и полезныхъ членовъ общества, но которое особенно укореняетъ въ душѣ страхъ Божій, любовь къ отечеству и повиновеніе начальству» (стр. 9).

Къ достиженію этихъ высокихъ цѣлей направлено все устройство Института, свѣдѣнія о которомъ сообщаются въ «Описаніи» его. Строжайшій надзоръ и повѣрка всѣхъ дѣйствій студентовъ, предупрежденіе всякаго случая, гдѣ бы студенты могли дѣйствовать сами по себѣ, подведеніе всѣхъ возможныхъ случайностей подъ неизмѣнныя правила Устава доведены здѣсь до изумительнаго совершенства. Студенты ни въ чемъ не предоставлены самимъ себѣ; попечительное начальство слѣдитъ за ними на каждомъ шагу и опредѣляетъ ихъ дѣйствія до малѣйшихъ подробностей. На лекціяхъ профессора не ограничиваются чтеніемъ лекцій, но постоянно обращаются къ учащимся съ вопросами и, по надлежащемъ съ ихъ стороны усвоеніи пройденныхъ предметовъ, заставляютъ самихъ студентовъ о нихъ объясняться» («Опис.,» стр. 12). Учебными книгами студенты снабжаются «по требованію преподавателей и распоряженію инспектора» (стр. 20), а изъ неучебныхъ могутъ брать изъ библіотеки только «книги, одобряемыя профессоромъ, съ разрѣшенія директора или инспектора, и не болѣе, какъ по одному сочиненію для каждаго изъ изучаемыхъ ими предметовъ» [1]) (стр. 21). Независимо отъ наблюденія профессоровъ и про-

[1]) Впрочемъ, на стр. 16 сказано, что для нѣкоторыхъ спеціальныхъ ученыхъ изслѣдованій по части филологіи и исторіи, студенты, по указанію профессоровъ, получали доступъ въ Императорскую Публичную Библіотеку и въ Румянцевскій Музеумъ. Здѣсь, конечно, нужно разумѣть *доступъ* со стороны самого начальства Института, которое, безъ особеннаго указанія профессоровъ, не дозволяетъ студентамъ бывать въ Библіотекѣ и Музеѣ, но никакъ не со стороны начальства этихъ послѣднихъ учрежденій, которыя открываютъ доступъ къ своимъ сокровищамъ всѣмъ и каждому, безъ всякихъ особенныхъ ходатайствъ и указаній.

чихъ преподавателей за поведеніемъ студентовъ, въ классахъ общій надзоръ за благоустройствомъ и тишиною учащихся имѣетъ еще инспекторъ (стр. 22). Весь день студентовъ распредѣленъ очень подробно. Вотъ что говоритъ «Описаніе» (стр. 23—4):

«Въ 7 часовъ утра студенты должны быть чисто, опрятно и по формѣ одѣты и собираются въ классныхъ комнатахъ *для приготовленія уроковъ*. Въ 8 часовъ они всѣ въ порядкѣ идутъ въ столовую на молитву и занимаютъ тамъ каждый опредѣленное мѣсто. Послѣ утреннихъ молитвъ читаются апостолъ и евангеліе, по положенію православной церкви, на церковно-славянскомъ языкѣ. По окончаніи евангелія, студенты завтракаютъ. Въ 9 часовъ начинаются классы и продолжаются до 3 часовъ. *Въ классахъ студенты занимаютъ опредѣленныя мѣста, назначаемыя имъ по успѣхамъ и поведенію*. Въ 3¼ часа студенты обѣдаютъ за общимъ столомъ, *соблюдая благопристойность*. Во время стола *они могутъ говорить о предметахъ лекцій своихъ, безъ нарушенія общей тишины, со всею скромностію, отличающею людей образованныхъ*. Отъ 4½ до 6 въ I и II курсахъ лекціи. Студенты старшихъ курсовъ употребляютъ это время *на самостоятельныя занятія и отдохновеніе*; въ младшихъ—студентамъ дается для отдохновенія одинъ часъ по окончаніи послѣ-обѣденной лекціи. *Посѣщеніе студентовъ посторонними лицами дозволяется въ свободное отъ занятій время, съ крайнею осмотрительностью, не иначе, какъ въ пріемной залѣ и, притомъ, всякій разъ съ разрѣшенія директора*. Въ 7 часовъ всѣ собираются въ классныхъ комнатахъ, *для повторенія и приготовленія уроковъ*. Въ 8½ часовъ ужинъ и потомъ вечерняя молитва. Послѣ вечерней молитвы и кратковременнаго отдохновенія, студенты занимаются приготовленіемъ своихъ уроковъ до 10½ часовъ и потомъ отправляются въ спальни, въ сопровожденіи своихъ надзирателей»...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что не только учебныя занятія студентовъ, или, какъ говоритъ «Описаніе», составленное г. Смирновымъ, *приготовленіе ими уроковъ*, но даже предметы ихъ разговора, мѣста въ классахъ и за столомъ, свиданія съ знакомыми, отдохновеніе и *самостоятельныя* занятія,—все опредѣляется Уставомъ до мельчайшихъ подробностей. Чтобы не было упущеній во всемъ этомъ, «при студентахъ неотлучно находятся комнатные надзиратели, наблюдающіе неусыпно за всѣми ихъ дѣйствіями. Имъ помогаютъ въ этомъ *старшіе*, избираемые изъ отличныхъ студентовъ» («Опис.», стр. 23). Кромѣ того, старшій надзиратель наблюдаетъ надъ всѣми ихъ поступками и старается вселять въ нихъ чувства чести и добродѣтели, наблюдая, чтобы они возвращались во-время съ прогулокъ и изъ отпусковъ и не оставались праздными въ назначенные для повторенія уроковъ и приготовленія къ классамъ часы (стр. 25—6). «Директоръ также имѣетъ неусыпное попеченіе объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ и употребляетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ поощренію прилежанія и благонравія» (стр. 7).

«Для поощренія же употребляются слѣдующія средства: 1) предоставленіе первыхъ мѣстъ въ классахъ, за столомъ и въ комнатахъ; 2) избраніе отличныхъ студентовъ въ старшіе (для надзора за товарищами); 3) похвальный отзывъ о студентѣ въ присутствіи директора» (стр. 25).

Чтобы показать, до какой степени простирается предусмотрительность институтскаго начальства, выпишемъ еще нѣсколько статей изъ «Описанія». Студенты обязываются «въ дортуарахъ не отворять

форточекъ и трубъ, а въ репетиціонныхъ и классныхъ залахъ не трогать лампъ и наблюдать осторожность въ отношеніи къ мебели и паркетнымъ поламъ» (стр. 41). «Дежурные надзиратели обязаны наблюдать, чтобы студенты, идучи въ церковь, въ столовую, классы, или выходя со двора, были застегнуты на всѣ пуговицы» (стр. 43). При встрѣчѣ съ высшими извѣстными лицами требуется соблюденіе должной учтивости, какъ это исполняется въ отношеніи къ начальникамъ и наставникамъ.

Изъ всего этого читатели могутъ видѣть, какъ ревностно стремится Педагогическій Институтъ къ своей цѣли. Вся исторія его служитъ тому подтвержденіемъ. Въ приложеніи къ «Описанію» напечатанъ алфавитный списокъ выпущенныхъ въ учебную службу изъ Института въ продолженіе 28 лѣтъ его существованія. Число ихъ простирается до 575, и между ними мы находимъ 10 именъ, получившихъ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ или наукѣ (въ томъ числѣ г. Касторскій, двое гг. Лавровскихъ и г. Лешковъ). Но по службѣ студенты идутъ весьма счастливо: по указаніямъ г. Смирнова, уже болѣе 30 изъ нихъ занимаютъ мѣста директоровъ и инспекторовъ гимназій или штатныхъ смотрителей училищъ. Это можетъ служить самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что идеи строгой подчиненности и тщательнаго исполненія приказаній начальства особенно сильно вкореняются въ душахъ студентовъ и не оставляются ими и по выходѣ изъ заведенія, во все время ихъ службы.

Лежащій передъ нами *Актъ*, съ *напутственнымъ словомъ* директора Института, И. И. Давыдова, и благодарственною рѣчью одного изъ окончившихъ курсъ студентовъ, Александра Чистякова, подтверждаетъ ту же истину. Почтенный директоръ Института торжественно свидѣтельствуетъ здѣсь свою радость о томъ, что окончившіе курсъ студенты «готовы знаніями своими и вѣрною службою государю принести честь мѣсту своего воспитанія», и только опасается, чтобы они, лишаясь руководства наставниковъ и воспитателей, не ослѣпились пріобрѣтенною ими мудростію. Для избѣжанія этого онъ рекомендуетъ имъ, какъ лучшее средство, «сознаніе своей слабости и испрашиваніе помощи Всемогущаго», скрѣпляя свой совѣтъ назидательнымъ изреченіемъ одного учителя Церкви: «не надо знать, чтобы вѣровать, а должно вѣровать, дабы знать».

Студентъ Чистяковъ отвѣчалъ на это рѣчью, исполненною мыслей и чувствованій чисто отроческихъ и ученическихъ, какихъ, конечно, и слѣдовало ожидать отъ системы институтскаго воспитанія, къ которой студенты не могутъ не чувствовать самой горячей признательности.

Этого уже было бы довольно, чтобы судить о высокомъ совершенствѣ, котораго достигъ Главный Педагогическій Институтъ; въ помѣщенномъ «Актѣ» его мы находимъ объ этомъ свидѣтельства еще болѣе ясныя. Въ прошедшемъ году «Отчетъ» г. Смирнова заключался тѣмъ, что Институтъ *сдѣлалъ ощутительные успѣхи въ стремленіи къ предназначенной ему цѣли;* нынѣ же онъ достигъ полнаго совершенства, по единогласному свидѣтельству воспитателей и воспитан-

никовъ. Благодарственная рѣчь студента Чистякова называетъ Институтъ «*средоточіемъ умственной жизни*» и говоритъ, что здѣсь «всѣ потребности души были предупреждены и удовлетворены»: едва-ли хоть одно изъ нашихъ заведеній можетъ похвалиться подобнымъ совершенствомъ!

Отрадно слышать такое безпристрастное признаніе собственныхъ заслугъ, и еще отраднѣе видѣть, что оно вполнѣ подтверждается каждою строкою правдиваго и откровеннаго «Отчета». Послѣ всего этого справедливо можно надѣяться, что вышедшіе изъ Института сѣятели соберутъ обильную жатву на поприщѣ службы и гражданскаго благочинія.

Но, занявшись внутреннимъ устройствомъ Института и увлеченные горячимъ участіемъ къ его совершенствамъ, мы было позабыли сообщить факты о внѣшнемъ его состояніи. Спѣшимъ исправить свою вину, представляя цифры изъ «Отчета».

Число студентовъ въ Институтѣ нельзя опредѣлить съ точностью, потому что на стр. 5-й напечатано: «нынѣ состоятъ въ Институтѣ 107 студентовъ; изъ нихъ 27 окончившихъ полный курсъ и 81 продолжающихъ ученіе»—явная ошибка, для разрѣшенія которой мы сочли число студентовъ по приложенному тутъ же списку (стр. 19—22); но тамъ оказалось продолжающихъ курсъ только 78. Такимъ образомъ, число студентовъ Института колеблется между 105, 107 и 108.

Въ теченіе года выбыло изъ Института 12 студентовъ. Причины этого безвременнаго выбытія не указаны.

Нынѣ кончившіе курсъ студенты пробыли въ Институтѣ пять лѣтъ (вслѣдствіе раздѣленія двухгодичныхъ курсовъ на годичные, въ прошломъ году), и послѣ этого 17 изъ нихъ выпущены старшими учителями гимназій, а 10—младшими. Двое получили золотыя медали, 7 человѣкъ—серебряныя.

Большая часть изъ окончившихъ курсъ—въ «Отчетѣ» названо 19 студентовъ—представили диссертаціи для полученія степени. Изъ продолжающихъ курсъ пять студентовъ тоже представили сочиненія, поименованныя въ «Отчетѣ».

Результатъ этихъ цифръ, конечно, не блестящъ, даже по сравненію съ прежними годами того же Педагогическаго Института; но еще разъ повторимъ, что все это съ избыткомъ замѣняется нравственными совершенствами, которыя такъ хорошо развиваются вышеуказанными *поощреніями* и *кондуитными списками*, имѣющими, по словамъ г. Смирнова, «рѣшительное вліяніе на опредѣленіе достоинства студентовъ».

Во всякомъ случаѣ, обозрѣвъ общій характеръ устройства Института, мы имѣемъ полное право сказать, что онъ во всемъ остается вѣренъ мыслямъ, выраженнымъ въ этихъ словахъ его непосредственнаго начальника и руководителя: «мудрость земная не даетъ того, что озаряетъ путь жизни, часто омрачаемый страстями и заблужденіями. Не надобно знать, чтобъ вѣровать, а должно вѣровать, чтобъ знать».

5. Письмо къ директору Пензенской гимназіи.

Милостивый государь!

Вы, безъ сомнѣнія, получили уже отъ директора Педагогическаго Института письмо, присланное къ нему изъ Пензы, съ его отвѣтомъ. Въ его отвѣтѣ находится оправданіе отъ всѣхъ обвиненій, взводимыхъ въ этомъ письмѣ на студентовъ Института. Но студенты стыдятся, что защита ихъ интересовъ досталась на долю человѣку столь недостойному и рѣшаются сами сказать слово за себя. Директоръ нашъ прочиталъ намъ, какъ обвиненіе, такъ и свое оправданіе, и мы спѣшимъ объявить, что совсѣмъ не раздѣляемъ его точки зрѣнія. Доказывать совершенства Института тѣмъ, что въ немъ есть ученые профессоры, и что изъ него въ 28 лѣтъ вышелъ десятокъ порядочныхъ людей, можетъ, конечно, только тотъ, кто не имѣетъ сказать ничего существеннаго въ его защиту. Свидѣтельствоваться «Описаніемъ» Института—значитъ отдавать себя на посмѣяніе всѣхъ благомыслящихъ людей, въ чемъ Вы можете удостовѣриться изъ рецензій этого описанія, напечатанныхъ въ VIII № «*Современника*», нынѣшняго года, и въ XI № «*Отеч. Записокъ*», 1855. Но студенты Института, тѣмъ не менѣе, имѣютъ оправданія гораздо болѣе существенныя и важныя, нежели всѣ жалкія, безстыдно-ложныя, лишенныя внутренняго содержанія фразы Давыдова.

Прежде всего скажемъ, что мы, студенты новаго времени, люди молодого поколѣнія, сами болѣе всѣхъ видимъ тѣ гадости, тѣ злоупотребленія, которыми отличается Институтъ въ послѣднее время. И мы не только не оскорбляемся негодованіемъ пензенскаго общества, но еще радуемся, находя въ немъ сильнаго союзника въ нашихъ собственныхъ усиліяхъ къ уничтоженію зла. Мы всегда говорили предъ обществомъ и даже предъ высшимъ начальствомъ, что нынѣшній институтскій порядокъ не можетъ привести ни къ чему доброму; и въ жалобахъ своихъ мы представляли въ возможности то же самое, что пензенское письмо описываетъ уже случившимся въ дѣйствительности. Изъ этого письма Министерство можетъ увидѣть, что были правы мы, а не наши ближайшіе начальники, на которыхъ однихъ лежитъ отвѣтственность за все тяжкое, неискупимое зло, которое потерпѣла Россія отъ Института...

Намъ грустно самимъ раскрывать мрачную картину институтской жизни. Но правдивое описаніе ея, безъ сомнѣнія, можетъ оправдать студентовъ гораздо болѣе, нежели офиціальное «Описаніе», присланное Вамъ Давыдовымъ.

Для объясненія нѣкоторыхъ нелѣпыхъ положеній, представленныхъ въ немъ, нужно Вамъ сказать объ исторіи нынѣшняго Устава Института. Первоначально этотъ Уставъ былъ написанъ для прежняго Института, съ приготовительнымъ и малолѣтнимъ отдѣленіемъ. Тамъ вездѣ строго различаются студенты отъ воспитанниковъ, т. е. малолѣтнихъ. Но въ 1847 г., когда Давыдовъ поступилъ въ Инсти-

тутъ, онъ вздумалъ уничтожить всѣ предварительные курсы, и, отбросивъ все, что въ прежнемъ Уставѣ касалось собственно студентовъ, отнесъ въ измѣненномъ Уставѣ къ студентамъ то, что было написано для маленькихъ дѣтей. Цѣль его при этомъ была ясна: онъ хотѣлъ держать студентовъ какъ мальчиковъ, стараясь всего болѣе сдѣлать изъ нихъ безсловесныя, покорныя, немыслящія существа, которыя бы не мѣшали ему безпощадно воровать и дѣлать всевозможныя нелѣпости. Добившись утвержденія измѣненнаго такимъ образомъ Устава, Давыдовъ 10 лѣтъ ревностно трудился надъ тѣмъ, чтобы заставить студентовъ исполнять его, и до нѣкоторой степени онъ достигъ своей цѣли. Онъ окружилъ себя людьми ничтожными, глупыми и подлыми, и, съ своимъ достойнымъ товарищемъ экономомъ, довелъ казнокрадство до удивительнаго совершенства. Содержаніе студентовъ стало такъ скверно, администрація такъ нелѣпо деспотична, что скоро никто не хотѣлъ поступать въ Институтъ. На 30 вакансій являлось 25 человѣкъ: выбора не было. Въ Институтъ принимали людей, не выдержавшихъ пріемнаго экзамена въ университетѣ или въ духовной академіи,—людей, не знавшихъ ни одного новаго языка, людей, получавшихъ на пріемномъ экзаменѣ единицы въ *ариѳметикѣ*... И на такихъ-то студентовъ наваливали вдругъ 14 предметовъ, по $7^{1}/_{2}$ часовъ заставляли ихъ сидѣть въ классахъ, слушать лекціи на иностранныхъ языкахъ, записывать и составлять самимъ всѣ лекціи и еще, кромѣ того, готовить безпрестанныя репетиціи. Все подленькое, учащееся для полученія мѣста, принимающее науку...

1857 г.

6. Критическое Обозрѣніе Педагогической литературы XIX столѣтія.

(Отрывокъ).

Если несомнѣнно, что воспитаніе и образованіе тогда только можетъ быть успѣшно, когда оно дѣлаетъ ихъ наклонными и способными къ дальнѣйшему самовоспитанію, то несомнѣнно, что ту же цѣль нужно преимущественно имѣть въ виду при образованіи будущихъ педагоговъ. Если воспитанникъ Педагогическаго Института, вышедши, перестаетъ учиться и считаетъ достаточными тѣ знанія, которыя онъ получилъ въ заведеніи, то онъ педагогъ, во многихъ отношеніяхъ несовершенный. Наука въ настоящее время быстро идетъ впередъ; подобный наставникъ неизбѣжно отстаетъ отъ ея хода и на ту же отсталость неизбѣжно осуждаетъ и своихъ учениковъ. Преподаваніе подобнаго, не любящаго своей науки, наставника холодно, вяло, лишено энергіи и воодушевленія, которое такъ возбудительно дѣйствуетъ на учениковъ. Разумная сила проявляется тогда отъ прикосновенія другой разумной жизни; а жизнь состоитъ въ измѣненіяхъ, послѣдовательно совершающихся въ разумномъ организмѣ. Поэтому и нужно позаботиться о томъ, чтобы возбудить въ воспитанникѣ стремленіе къ дальнѣйшему самообразованію и дать средство

къ нему, познакомивши съ источниками и пособіями и съ тѣми научными пріемами, при помощи которыхъ можно съ успѣхомъ самостоятельно разработывать науку. Почитая ученіе о воспитаніи человѣка важнѣйшимъ и необходимымъ знаніемъ,—мы должны познакомиться подробно съ педагогическою литературою.

Отъ Песталоцци до нашего времени.

Философское ученіе.

Подъ именемъ философскаго ученія о воспитаніи разумѣемъ то, которое, исходя изъ философскихъ началъ, возводитъ все свое ученіе къ одному или нѣсколькимъ основоположеніямъ. Наше время, столь богатое философскими тенденціями, богато и философскими сочиненіями о воспитаніи. Это—самыя важныя и необходимыя для педагога сочиненія. Разумѣется,—подобныя сочиненія должны были явиться преимущественно въ Германіи. Ихъ разсмотрѣніе можетъ быть по философскимъ школамъ, которыя въ настоящемъ столѣтіи преемственно смѣняли другъ друга (Кантъ, — кенигсбергская школа; критика ума и внѣшнихъ чувствъ. Фихте, отвергшій внѣшній міръ и считавшій его произведеніемъ нашего духа. Шеллингъ—считавшій все развитіемъ одной абсолютной субстанціи,—пантеизмъ. Гегель, поведшій это дѣло еще далѣе. Гербардъ—эклектикъ).

Разногласіе педагогическихъ взглядовъ въ XVIII ст. ясно показало всѣмъ отсутствіе философскихъ взглядовъ на этотъ предметъ (Франке—все приводилъ къ религіозности, Руссо — отвергалъ религію, Базедовъ—искалъ счастья (эвдемонизмъ) и полезности (утилитарность). Филологи говорили, что нужно изучать древніе языки,—другіе—естественную исторію; Локкъ—подсмѣивался надъ изученіемъ древнихъ языковъ). Кантъ своимъ глубоко-критическимъ умомъ открылъ и ясно показалъ потребность научнаго и философскаго познанія о воспитаніи. Съ его времени педагогика вступила въ такую же тѣсную связь съ философіею, какъ было въ Греціи временъ Платона и Аристотеля. Собственно о педагогикѣ Кантъ спеціальнаго сочиненія не издалъ. Есть, правда, сочиненіе Von der Pädagogik, изд. Ring'a, но это есть только подробный конспектъ лекцій, читанныхъ Кантомъ, изданный однимъ изъ его учениковъ. Его мысли о воспитаніи можно найти въ Антропологіи, гдѣ онъ говоритъ о развитіи человѣка. Немало также изреченій находимъ въ его Kritik der praktischen Vernunft. Онъ 1) рѣшительно отвергаетъ эвдемоническія и утилитарныя начала школы филантроповъ (Базедовъ отвергаетъ первородный грѣхъ и называетъ мизантропами противниковъ своихъ, отвергаетъ всѣ строгія мѣры воспитанія) и замѣняетъ ихъ началомъ нравственнымъ, хотя и не христіанскимъ, не откровеннымъ (Онъ говоритъ: абсолютная нравственная свобода—вотъ нравственность). 2) Признаніе безразличія человѣческой воли въ отношеніи къ добру и злу. Отсюда характерная черта ученія Канта—

психологическій натурализмъ, хотя и облагороженный ученіемъ Канта о нравственности. Заслуга кантіанской школы состоитъ: 1) въ глубокомъ изслѣдованіи духовныхъ силъ человѣка и въ опредѣленіи законовъ ихъ развитія; 2) въ сообщеніи ученію о воспитаніи внѣшняго систематическаго вида. Не говоримъ уже объ отрицательной заслугѣ, изгнаніи безнравственныхъ началъ конца XVIII столѣтія.

Его послѣдователи: Chr. Грейлингъ, p. 1755 г. Его соч. 1)Ueber den Endzweck der Erziehung — über den ersten Grundsatz der Erziehung; 2) Philosophische Briefe.

II. Гейзингеръ: 1) Beitrag zur Berichtigung einiger Begriffe der Erziehung.

2) Lehrbuch der Erziehung.

III. Каетанъ.

1) Ueber den Zweck der Erziehung.

2) Iehrgebäude.

Его сочиненія отличаются необыкновенно обширными и прекрасными психологическими изслѣдованіями.

Самый замѣчательный и обильный по вліянію былъ А. Г. Нимейеръ. Его твореніе о воспитаніи имѣло 9 изданій. Познакомимся съ нимъ поближе.

Онъ родился въ Галле, 1754 г., и здѣсь же провелъ почти всю свою жизнь, постоянно подвизаясь на педагогическомъ поприщѣ. По окончаніи курса въ Королевскомъ Педагогіи (основ. Франке высшая гимназія), онъ вступилъ въ Галльскій университетъ, гдѣ посвятилъ себя изученію богословія. Въ 1780 году назначенъ былъ профессоромъ богословія и инспекторомъ богосл. семинаріи; въ 1784 г. ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ Педагогіи; 1785—товарищъ директора Педагогіи и директоръ Галльскаго сиротскаго дома; 1787—директоръ Педагогической Семинаріи (которая была при самомъ учрежденіи Франке),—потомъ, будучи награждаемъ разными званіями и повышеніями, въ 1808 г. назначенъ былъ Rector perpetuus и канцлеромъ Галльскаго Университета. Въ 1813 г. отвезенъ былъ плѣнникомъ во Францію, за патріотическія стремленія Галльскаго Университета, въ 1814 г. былъ освобожденъ, сложилъ званіе канцлера и остался до смерти только ректоромъ.

Въ 1796 г. Нимейеръ издалъ Grundsatze der Erziehung und des Unterrichts, въ трехъ томахъ. Послѣднее изданіе его (9-е) сдѣлано въ 1835 г. сыномъ его и преемникомъ въ управленіи Галльскою Педагогическою Семинаріею. Значеніе книгъ Нимейера чрезвычайно важно. Можетъ быть, и можно указать на другія творенія въ Германской Литературѣ, отличающіяся большою научною послѣдовательностью (Бенеке), но нѣтъ творенія, которое бы было такъ близко къ педагогической практикѣ, исчерпывало бы всѣ случаи педагогической дѣятельности. Этимъ объясняется успѣхъ ея. Все твореніе въ трехъ томахъ, содержаніе которыхъ не все, однако, принадлежитъ Нимейеру-отцу. Въ послѣднемъ изданіи третьяго тома помѣщена обширная статья: Ueberblick der allgemeinen Geschichte der Erziehung und des Unterrichts der alten und neuen Welt.

Первый томъ занимается ученіемъ о воспитаніи. Сначала изложеніе началъ, положенныхъ въ основаніе Кантомъ. Во второй части перваго тома, проходя всѣ силы человѣческаго существа, Нимейеръ разсматриваетъ всѣ случаи, могущіе встрѣтиться при воспитаніи разныхъ душевныхъ силъ. Такъ, говоря о памяти, онъ говоритъ не только объ естественномъ положеніи, но обращается и къ болѣзненнымъ отношеніямъ, когда слабость памяти доходитъ почти до отсутствія ея. Третья часть перваго тома заключаетъ изслѣдованіе объ умственныхъ и нравственныхъ искаженіяхъ, которымъ можетъ подвергаться мальчикъ,—здѣсь и мѣры къ возстановленію нормальнаго положенія нравственнаго характера. Второй томъ говоритъ о преподаваніи, вовсе не входя въ разсужденія о томъ, въ какомъ видѣ и какіе предметы должны входить въ составъ учебнаго курса, что и есть недостатокъ. Но касательно способовъ преподаванія—представляетъ множество прекрасныхъ совѣтовъ и относительно пріемовъ, и относительно руководствъ и пособій для учителя.

7. (Два новые педагогическіе журнала).

Мы нѣсколько разъ уже обращали вниманіе нашихъ читателей на статьи о воспитаніи, помѣщавшіяся въ «Морскомъ Сборникѣ». Теперь мы съ удовольствіемъ можемъ указать на два новыя явленія въ нашей литературѣ, посвященныя исключительно педагогическимъ вопросамъ: «Журналъ для Воспитанія» и «Русскій Педагогическій Вѣстникъ». Вопросы о воспитаніи имѣютъ такую существенную важность и такъ близки сердцу каждаго образованнаго и благомыслящаго человѣка, что мы предоставляемъ себѣ поговорить современемъ особо объ этихъ новыхъ журналахъ. Теперь же ограничимся только общими замѣчаніями.

«Журнала для Воспитанія», издаваемаго А. Чумаковымъ, вышло до сихъ поръ уже три книжки. Онѣ еще не даютъ права дѣлать какихъ-нибудь окончательныхъ выводовъ о достоинствѣ и характерѣ журнала; но и по нимъ уже можно судить, что это предпріятіе серьезное и добросовѣстное, а не спекуляція, являющаяся подъ ученымъ покровомъ, на легковѣріе нашей публики, еще такъ мало знакомой съ педагогическими вопросами. Редакція не дѣлала особенно громкихъ обѣщаній и даже не назвала въ объявленіи своихъ сотрудниковъ; но въ вышедшихъ книжкахъ выполняетъ, болѣе или менѣе удовлетворительно, все, что обѣщала. Въ нихъ видѣли мы и общія теоретическія разсужденія о воспитаніи, и частныя замѣтки, касающіяся практическихъ занятій съ учениками, и обозрѣнія педагогическихъ сочиненій, и біографіи извѣстныхъ педагоговъ, и извѣстія объ учебныхъ заведеніяхъ, отечественныхъ и иностранныхъ. Къ сожалѣнію, не всѣ статьи написаны одинаково дѣльно, и не всѣ легко читаются. Между прочимъ, тяжело изложеніе въ статьяхъ г. Рѣдкина, подъ общимъ заглавіемъ: «Что такое воспитаніе»? (во всѣхъ трехъ нумерахъ журнала). Онѣ такъ много заключаютъ въ себѣ мыслей

истинно полезныхъ и благородныхъ, что жаль было бы, если бы форма ихъ оттолкнула отъ себя читателей. Для пользы самого дѣла нужно желать, чтобы г. Рѣдкинъ избѣгалъ въ своихъ статьяхъ отвлеченной витіеватости, равно какъ и того выспренняго тона, въ которомъ онъ обращаетъ къ родителямъ и воспитателямъ свои обличенія. Мы замѣчаемъ это, будучи вполнѣ увѣрены, что г. Рѣдкинъ, доказавшій изданіемъ своей «Дѣтской Библіотеки», какъ хорошо онъ умѣетъ примѣняться къ потребностямъ дѣтей, умѣлъ бы, если бы захотѣлъ, примѣниться и къ потребностямъ обыкновенныхъ читателей. Въ 1 и 2 нумерахъ помѣщены, составленныя также г. Рѣдкинымъ, обозрѣнія иностранной педагогической литературы. Первое изъ нихъ, гдѣ говорится вообще обо всѣхъ важнѣйшихъ сочиненіяхъ по части педагогики, слишкомъ кратко и не даетъ почти никакого понятія объ особенностяхъ разбираемыхъ книгъ. Зато вторая статья, о Дистервегѣ, написана весьма дѣльно, обстоятельно и безпристрастно. Она заставляетъ желать, чтобъ за нею явились столь же подробныя статьи и о другихъ важнѣйшихъ дѣятеляхъ на педагогическомъ поприщѣ. Изъ другихъ статей замѣчательны разборы статей о воспитаніи г. Бема и г. Давыдова, составленные Ѳ. Бёмеромъ. Напрасно только критикъ подробно разбираетъ статью г. Давыдова, которая, какъ объясняетъ г. Бёмеръ, хотя и явилась *по поводу* разсужденія г. Бема въ 1856 г., но составляетъ не что иное, какъ буквальное повтореніе мыслей, высказанныхъ г. Давыдовымъ уже много лѣтъ тому назадъ: одна ея половина была напечатана въ приложеніи къ «Трудамъ студентовъ Педагогическаго Института», въ 1851 г., а другая въ «Библіотекѣ для Чтенія» еще въ 1834 г. Опровергать и разбирать сужденія человѣка, который, *по поводу* новыхъ мнѣній и вопросовъ, буквально повторяетъ то, что было имъ высказано за 20 слишкомъ лѣтъ,—по нашему мнѣнію,—совершенно излишне. Серьезные разборы подобныхъ перепечатокъ могутъ быть оправданы развѣ тогда, когда они обращаются на авторовъ, которые, повторяя зады, все-таки, продолжаютъ пользоваться непоколебимымъ ученымъ авторитетомъ...

Интересны также въ «Журналѣ для Воспитанія»—«Мысли объ устройствѣ женскихъ училищъ», статья издателя, еще неконченная (№ 3); «Письма къ русскимъ женщинамъ», А. Х—вой, также представляющія только начало цѣлаго ряда статей (№ 1, 3); «Біографія Витторино Фельтрскаго» (№ 1); «О пользѣ педагогической литературы» г. У-го (№ 1); «О дѣтскомъ чтеніи» (№ 2); «Объявленія содержателей пансіоновъ», очень живой очеркъ Диккенса. Въ извѣстіяхъ объ учебныхъ заведеніяхъ находимъ, между прочимъ, обзоръ учебныхъ заведеній въ Соединенныхъ Штатахъ. Съ третьяго нумера редакція начала рядъ мелкихъ замѣтокъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Педагогическій Сборникъ». Здѣсь собраны изъ разныхъ педагогическихъ иностранныхъ изданій маленькія статейки, представляющія простое указаніе на какія-нибудь педагогическія явленія или вопросы, напримѣръ, объ улучшеніи учителей въ зависимости отъ улучшенія ихъ матеріальнаго положенія, о вліяніи умственнаго образо-

ванія на нравственное воспитаніе и т. п. Вообще, «Журналъ для Воспитанія» представляетъ довольно интереса и разнообразія. Нельзя не пожелать только, чтобы въ немъ не было статей, подобныхъ «Совѣтамъ врача» (№ 2), поверхностно и вяло толкующимъ о предметамъ, которые никому даже не могутъ быть неизвѣстны. Еще значительный недостатокъ «Журнала для Воспитанія» состоитъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ критики вновь выходящихъ сочиненій, назначенныхъ для обученія и воспитанія. Назначивши свой журналъ быть «руководствомъ для родителей и воспитателей», редакція непремѣнно должна позаботиться о томъ, чтобы удовлетворить ихъ потребностямъ и съ этой стороны.

Вслѣдъ за «Журналомъ для Воспитанія», объявлено было и объ изданіи «Русскаго Педагогическаго Вѣстника»—И. Вышнеградскимъ, профессоромъ педагогики въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Пышная программа новаго журнала и званіе издателя заставляли бы ожидать отъ него очень многаго. Но, къ сожалѣнію, почтенный профессоръ, не совсѣмъ ясно выразивъ идею и ходъ изданія въ своей программѣ, не разрѣшилъ нашихъ недоумѣній и первой книжкой, недавно вышедшей. О направленіи журнала издатель выразился глухо, сказавши только, что «редакція питаетъ *извѣстныя* педагогическія убѣжденія». О характерѣ журнала сказано, что онъ будетъ практическій, и что въ немъ не будетъ статей теоретическихъ, имѣющихъ только отдаленное отношеніе къ педагогической практикѣ; а между тѣмъ вышедшая книжка вся почти наполнена именно такими теоретическими разсужденіями.

Мы хотимъ, однако-же, надѣяться, что послѣдующія книжки совершенно поправятъ впечатлѣніе, производимое программой и первой книжкой журнала, которая тоже, кажется, скорѣе prospectus изданія, нежели настоящее начало его. Въ ней гораздо болѣе обѣщаній и предположеній, нежели дѣла. Только прекрасная статья г. Чистовича о педагогической гимнастикѣ искупаетъ до нѣкоторой степени бѣдность перваго нумера журнала,—хотя и она болѣе излагаетъ общія физіологическія и гигіеническія понятія, нежели даетъ практическіе совѣты относительно пріемовъ въ пріученіи дѣтей къ гимнастикѣ. Въ статьѣ самого издателя, которою открывается журналъ, «О самовоспитаніи» (статья первая), послѣ совершенно справедливыхъ, хотя довольно многословныхъ, разсужденій о необходимости старшему поколѣнію *улучшить себя*, чтобы успѣшно воспитывать младшее, мы неожиданно находимъ дидактическое изложеніе элементарныхъ понятій о томъ, существуетъ ли природное различіе между людьми въ умственныхъ способностяхъ. Зачѣмъ сюда попало это изложеніе, объясняется развѣ замѣчаніемъ издателя, что вопросъ этотъ весьма важенъ для русскаго общества. Въ статьѣ г. Гурьева—«О вліяніи воспитанія на силу воли» (статья первая) тоже ничего почти не нашли мы о волѣ; а говорится тамъ о необходимости пріучать дѣтей къ точному и правильному воспріятію впечатлѣній.

Но обѣщаній «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» даетъ весьма много. Въ первой книжкѣ много страницъ занято обѣщаніями и пред-

положеніями о томъ, что онъ долженъ и что будетъ дѣлать. Онъ обѣщаетъ печатать извлеченія изъ сочиненій Лафатера и Галля съ подробнымъ обсужденіемъ ихъ положеній, извлеченіе изъ регулятивовъ Стиля и изъ критики на нихъ Дистервега, особый рядъ статей, въ которыхъ постепенно будетъ развиваться весь курсъ теоріи воспитанія, описаніе учебныхъ заведеній Франке, сводъ всѣхъ законодательныхъ постановленій въ Германіи относительно воспитанія. Но всего замѣчательнѣе и всего болѣе заслуживаетъ благодарности слѣдующее обѣщаніе издателя: «въ нашемъ журналѣ будутъ помѣщены въ переводѣ на русскій языкъ *всѣ* классическія творенія о воспитаніи» («Русск. Пед. Вѣст.», № 1, стр. 66). Однако-же, рядомъ съ этимъ обѣщаніемъ намъ кажется нѣсколько непонятною оговорка, которую онъ дѣлаетъ въ заключеніе своихъ замѣчаній о нѣкоторыхъ изъ классическихъ иностранныхъ сочиненій по части педагогики. «Простите, говоритъ онъ, что сужденія наши о важнѣйшихъ педагогическихъ твореніяхъ нѣсколько кратки. Причина того—небольшой объемъ нашего журнала, рѣшительно не позволяющій вводить въ него обширныя критическія статьи о каждой книгѣ педагогическаго содержанія» (стр. 105). Неужели же критическая статья займетъ мѣста больше, нежели *переводъ* цѣлаго сочиненія?

Все это бѣглыя замѣчанія, касающіяся болѣе внѣшности изданія, нежели внутренняго его характера, о которомъ предоставляемъ себѣ поговорить уже впослѣдствіи, потому что изъ первой книжки нельзя еще ничего видѣть.

Еще одно замѣчаніе: языкъ въ большей части статей «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», и особенно въ статьяхъ самого издателя, весьма сильно напоминаетъ языкъ нашихъ витій первой половины XVIII вѣка, церковно-славянскій, съ латино-германской конструкціей.

Во всякомъ случаѣ, появленіе двухъ журналовъ педагогическаго содержанія представляетъ для насъ явленіе чрезвычайно отрадное. Оно доказываетъ, что публика наша обратила, наконецъ, на вопросы о воспитаніи то вниманіе, котораго они заслуживаютъ.

8. (О значеніи авторитета въ воспитаніи).

Мысли по поводу «Вопросовъ жизни» *г. Пирогова.*

Умственное движеніе, возбужденное въ нашемъ обществѣ событіями послѣднихъ годовъ, обратилось недавно и къ вопросамъ о воспитаніи. Теперь у насъ основано уже два педагогическихъ журнала и, кромѣ того, статьи о воспитаніи появляются отъ времени до времени и въ другихъ изданіяхъ. Но первый обратилъ вниманіе на это важное дѣло «Морской Сборникъ», помѣстившій въ началѣ прошлаго года статью о воспитаніи г. Бема, за которою послѣдовали и другія статьи, болѣе или менѣе новыя и справедливыя. Многія изъ этихъ статей находили сочувствіе въ читателяхъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла такого полнаго и блестящаго успѣха, какъ «Вопросы жизни» г. Пирогова. Они поразили всѣхъ—и свѣтлостью взгляда, и благо-

роднымъ направленіемъ мыслей автора, и пламенной живой діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса. Всѣ, читавшіе статью г. Пирогова, были отъ нея въ восторгѣ, всѣ о ней говорили, разсуждали, дѣлали свои соображенія и выводы. Въ этомъ случаѣ общество предупредило даже литературную критику, которая только подтвердила общія похвалы, не пускаясь въ подробный анализъ статьи и не дѣлая никакихъ своихъ заключеній. Это явленіе весьма много говоритъ въ пользу русской публики, и оно тѣмъ болѣе замѣчательно, что статья г. Пирогова вовсе не отличается какими-нибудь сладкими разглагольствіями или пышными возгласами для усыпленія нерадивыхъ отцовъ и воспитателей, вовсе не старается поддѣлаться подъ существующій порядокъ вещей, а, напротивъ, бросаетъ прямо въ лицо всему обществу горькую правду, не обинуясь говоритъ о томъ, что у насъ есть дурного, смѣло и горячо, во имя высочайшихъ вѣчныхъ истинъ, преслѣдуетъ мелкіе интересы вѣка, узкія понятія, своекорыстныя стремленія, господствующія въ современномъ обществѣ. Сочувствіе публики къ такой статьѣ имѣетъ глубокій, святой смыслъ. Значитъ, при всемъ своемъ несовершенствѣ, при всѣхъ увлеченіяхъ на практикѣ, общество наше хочетъ и умѣетъ, по крайней мѣрѣ, понимать, что хорошо и справедливо, къ чему должно стремиться. Оно уже имѣетъ столько внутренней силы, что не пугается сознанія своихъ недостатковъ, а сознаніе прошедшаго и настоящаго зла есть лучшее ручательство за возможность добра въ будущемъ. Съ глубокой радостью и искреннимъ сочувствіемъ привѣтствуя этотъ благородный порывъ русскихъ людей, мы рѣшаемся высказать по поводу статьи г. Пирогова нѣсколько соображеній, на которыя наводитъ она всякаго мыслящаго читателя. Дѣлаемъ это съ тѣмъ большею смѣлостью, что до сихъ поръ нигдѣ еще не встрѣчали болѣе частнаго развитія тѣхъ мыслей, которыя заключаются въ общихъ афористическихъ положеніяхъ г. Пирогова.

Сущность мыслей, изложенныхъ въ «Вопросахъ жизни», состоитъ въ слѣдующемъ: главныя и высшія основы нашего воспитанія находятся въ [совершенномъ] разладѣ съ господствующимъ направленіемъ общества. Изъ этого выходитъ, что, оканчивая курсъ воспитанія и вступая въ общество, мы находимъ себя въ необходимости *или* отречься отъ всего, чему насъ учили, чтобы поддѣлаться къ обществу, *или* слѣдовать своимъ правиламъ и убѣжденіямъ, становясь такимъ образомъ противниками общественнаго направленія. Но жертвовать святыми, высшими убѣжденіями для житейскихъ расчетовъ—слишкомъ безнравственно и отвратительно; а идти противъ [общества] [1])—гдѣ же взять силъ на это? Къ такой борьбѣ съ ложнымъ направленіемъ общества воспитаніе совсѣмъ не готовитъ насъ. Оно даже совсѣмъ не заботится о томъ, чтобы вкоренить въ насъ высшія, человѣческія убѣжденія; оно хлопочетъ только о томъ, чтобы сдѣлать насъ учеными, юристами, врачами, солдатами и т. п. Между тѣмъ, вступая въ жизнь, человѣкъ хочетъ имѣть какое-нибудь убѣ-

[1]) неправды.

жденіе, хочетъ опредѣлить, что онъ такое, какая его цѣль и назначеніе. Всматриваясь въ себя, онъ находитъ уже готовое рѣшеніе этихъ вопросовъ, данное воспитаніемъ, а, присматриваясь къ обществу, видитъ въ немъ стремленія, совершенно противоположныя этимъ рѣшеніямъ. Онъ хочетъ бороться со зломъ и ложью,—но здѣсь-то и оказывается вся несостоятельность его прежняго воспитанія: онъ не приготовленъ къ борьбѣ, онъ долженъ сначала перевоспитать себя, чтобы выйти на арену бойца... А, между тѣмъ, годы летятъ, жизнь не ждетъ, нужно дѣйствовать... и человѣкъ дѣйствуетъ, какъ попало, часто падая подъ бременемъ тяжелыхъ вопросовъ, увлекаясь стремительнымъ теченіемъ толпы то въ ту, то въ другую сторону,—потому что самъ собою онъ не умѣетъ дѣйствовать, въ немъ не воспитанъ внутренній человѣкъ, въ немъ нѣтъ убѣжденій. А убѣжденія даются не легко: только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто *пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя*, кто пріученъ съ первыхъ лѣтъ жизни *любить искренно правду, стоять за нее горою* и *быть принужденно откровеннымъ*, какъ *съ наставниками*, такъ и съ сверстниками.

На этомъ останавливается г. Пироговъ. Онъ указываетъ зло въ воспитаніи и доказываетъ свои положенія съ безпощадной, неотразимой логической силой. Онъ даетъ понимать и угадывать причину зла: преобладаніе внѣшности въ самомъ воспитаніи, пренебреженіе внутренняго человѣка. Но какимъ образомъ именно убивается въ дѣтяхъ внутренній человѣкъ, отчего внѣшнее развивается въ нихъ болѣе, отъ какихъ частныхъ вліяній они выходятъ на жизненное поприще неприготовленными, безсильными,—этого г. Пироговъ не разбираетъ подробно, а опять предоставляетъ только угадывать. Мы рѣшаемся высказать здѣсь нѣсколько мыслей объ этомъ, родившихся въ насъ по прочтеніи «Вопросовъ жизни».

[Трактуя съ своихъ педагогическихъ высотъ вопросы о воспитаніи, мы до сихъ поръ очень сильно напоминали басню, въ которой поставили волковъ въ начальники надъ овцами. Здѣсь всѣ обстоятельства были прекрасно соображены, всѣ голоса собраны, только одного не доставало: не спросили самихъ овецъ. Такъ точно], большая часть нашихъ педагогическихъ разсужденій, отлично разбирая вопросы высшей философіи, представляя вѣрныя и полезныя правила съ точки зрѣнія религіозной, государственной, нравственной, обще-психологической и т. п., упускаетъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство — дѣйствительную жизнь и природу дѣтей и вообще воспитываемыхъ... Оттого дитя нерѣдко жертвуется педагогическимъ разсчетамъ. Вознесшись на своего нравственнаго конька, воспитатель считаетъ воспитанника своей собственностью, вещью, съ которой онъ можетъ дѣлать, что ему угодно. «Дитя не должно имѣть своей собственной воли,—говорятъ премудрые педагоги:—оно должно слѣпо подчиняться требованіямъ родителей, учителей, вообще старшихъ. Приказаніе воспитателя должно быть для него высшимъ закономъ и исполняться безъ малѣйшихъ разсужденій. Безусловное повиновеніе—главное и единственное необходимое условіе воспитанія.

Воспитаніе своей послѣдней цѣлью и имѣетъ именно то, чтобы на мѣсто *неразумной* воли ребенка поставить *разумную* волю воспитателя».

Не правда-ли, что все это кажется очень логическимъ и справедливымъ? Но, припоминая характеристику этого *разумнаго* воспитанія, сдѣланную въ «Вопросахъ жизни», и сами еще не слишкомъ отдаленные отъ впечатлѣній собственнаго воспитанія и ученія, мы не можемъ безъ недовѣрчивой улыбки слушать логическія разсужденія. Всѣ они, очевидно, обнаруживаютъ только одно: страшную, педантическую гордость почтенныхъ педагоговъ, соединенную съ презрѣніемъ къ достоинству человѣческой природы вообще. Говоря, что въ лицѣ воспитателя осуществляются для ребенка нравственный законъ и разумное убѣжденіе, они, очевидно, ставятъ воспитателя на недосягаемую высоту, непогрѣшительнымъ образцомъ нравственности и разумности. Не трудно, конечно, согласиться, что если бы возможенъ былъ такой идеальный воспитатель, то безусловное, слѣпое слѣдованіе его авторитету не принесло бы особеннаго вреда ребенку (если не считать важнымъ вредомъ замедленіе самостоятельнаго развитія личностей). Но, во-первыхъ, идеальный наставникъ не сталъ бы и требовать *безусловнаго* повиновенія: онъ постарался бы какъ можно скорѣе развить въ своемъ воспитанникѣ разумныя стремленія и убѣжденія. А, во-вторыхъ, искать непогрѣшимыхъ, идеальныхъ наставниковъ и воспитателей въ наше время было бы еще слишкомъ смѣлая и совершенно напрасная отвага. Для этого требуется слишкомъ много условій. Прежде всего, нравственныя правила воспитателя должны быть безусловно вѣрны и строго проведены по всѣмъ, самымъ частнымъ и мелочнымъ случайностямъ жизни. Темныхъ вопросовъ, сомнительныхъ случаевъ для него никогда и никакихъ не должно быть: иначе—что же онъ станетъ дѣлать, если въ подобномъ случаѣ придется приказывать ребенку, который всякое предписаніе исполняетъ безусловно, слѣдовательно, вызвать на разсужденіе и соображеніе никакъ не можетъ? Кромѣ того, въ воспитателѣ предполагается еще приэтомъ совершенное безстрастіе: онъ не можетъ увлечься ни гнѣвомъ, ни любовью, не можетъ чувствовать лѣни и утомленія, для него не можетъ существовать хорошее и дурное расположеніе духа, онъ долженъ быть не обыкновеннымъ человѣкомъ, а особеннаго рода снарядомъ, въ которомъ долженъ, безъ всякихъ уклоненій, осуществляться нравственный законъ. Но, сколько намъ извѣстно, подобные снаряды еще не изобрѣтены, а если иные и объявляютъ, будто они открыли секретъ такого изобрѣтенія, то въ этомъ опять выражается только ихъ презрѣніе къ человѣческой природѣ и желаніе, во что бы то ни стало, не походить на людей. Если же въ воспитателѣ допустить возможность увлеченія, то какъ можно поручиться за безусловную непогрѣшимость его дѣйствій въ отношеніи къ ребенку? И не лучше-ли съ самыхъ первыхъ лѣтъ пріучать ребенка къ разумному разсужденію [чтобы онъ какъ можно скорѣе пріобрѣлъ умѣнье и силы не слѣдовать нашимъ приказаніямъ, когда мы приказываемъ дурно?]

Въ умственномъ отношеніи отъ идеальнаго наставника тоже требуется ясность, твердость и непогрѣшимость убѣжденій, чрезвычайно высокое, всестороннее развитіе, обширныя и разнообразныя познанія, приведенныя въ полную гармонію съ общими принципами. Самая натура его должна стоять гораздо выше натуры ребенка во всѣхъ отношеніяхъ. Иначе, что выйдетъ, если учитель будетъ, напримѣръ, восхищаться Державинымъ и заставитъ ученика учить оду «Богъ»; а тому нравится уже Пушкинъ, а ода «Богъ» представляетъ [совершенно] непонятный наборъ словъ? Что, если цѣлый годъ морятъ надъ музыкальными гаммами ребенка, у котораго пальцы давно уже свободно бѣгаютъ по клавишамъ, и который только и порывается играть и играть?.. Что, если дитя восхищается картиной, статуей, пьесой, любуется цвѣтами, насѣкомыми, съ любопытствомъ всматривается въ какой-нибудь физическій или химическій приборъ, обращается къ своему воспитателю съ вопросомъ, а тотъ не въ состояніи ничего объяснить?.. [Тутъ уже плохое безусловное повиновеніе!] А много-ли найдется наставниковъ и воспитателей, которые бы умѣли объяснить *всѣ* дѣтскіе вопросы? Многимъ, конечно, не разъ случалось видать, какъ иногда семи или восьми-лѣтнее бойкое дитя забьетъ въ-пухъ и поставитъ втупикъ иного почтеннаго старичка. А, между тѣмъ, этотъ почтенный старичокъ имѣетъ своего воспитанника, который обязанъ безусловно его слушаться?.. Этотъ ужъ, конечно, никого втупикъ не поставитъ.

Такимъ образомъ, идеальный воспитатель, не желающій, чтобы ребенокъ разсуждалъ и убѣждался [а требующій только, чтобы онъ слушался], долженъ быть готовъ на все, долженъ знать все, долженъ еще предварительно разрѣшить *всѣ* вопросы, какіе могутъ родиться у воспитанника, обсудить всѣ мнѣнія, соображенія и заключенія, какія могутъ когда-нибудь составиться въ душѣ ребенка. Только съ этой предупредительностью онъ можетъ еще какъ-нибудь вести воспитаніе, не насилуя дѣтской природы. А затѣмъ онъ долженъ имѣть силы вести воспитанника вѣрнымъ и самымъ лучшимъ путемъ на всякомъ поприщѣ. Откроетъ-ли онъ въ ребенкѣ наклонность къ музыкѣ, къ живописи, страсть къ ботаникѣ, легкость математическаго соображенія, поэтическое чувство, способность къ изученію языковъ, и пр., и пр., онъ долженъ быть вполнѣ способенъ развить все это въ своемъ питомцѣ. Если же онъ не можетъ за это взяться, значитъ, онъ самъ еще не столько приготовленъ, не столько развитъ, чтобы руководить другихъ [А если такъ, то онъ и не имѣетъ права требовать, чтобы его слушались безусловно].

Но даже если мы допустимъ, что воспитатель всегда можетъ стать выше личности воспитанника (что и бываетъ, хотя, конечно, далеко, далеко не всегда), то, во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ стать выше цѣлаго поколѣнія. Ребенокъ готовится жить въ новой сферѣ, обстановка его жизни будетъ уже не та, что была за 20—30 лѣтъ, когда получилъ образованіе его воспитатель. И обыкновенно воспитатель не только не предвидитъ, а даже просто не понимаетъ потребностей новаго времени и считаетъ ихъ нелѣпостью. Онъ старается удержать

своего питомца въ тѣхъ понятіяхъ, въ тѣхъ правилахъ, которыхъ самъ держится: стараніе совершенно естественное и понятное, но, тѣмъ не менѣе, вредное въ высшей степени, какъ скоро оно доходитъ до стѣсненія собственной воли и ума ребенка. Изъ этого происходитъ то, что естественный смыслъ воспитанника раскрывается медленнѣе, воспріимчивость къ явленіямъ и потребностямъ той жизни, того общества, среди которыхъ придется ему дѣйствовать, совсѣмъ иногда заглушается старыми предразсудками и мнѣніями, на вѣру принятыми въ дѣтствѣ отъ воспитателей. Такое воспитаніе, безъ сомнѣнія, есть врагъ всякаго усовершенствованія и успѣха и ведетъ къ мертвой неподвижности и застою... вліяніе его отражается уже не на однѣхъ отдѣльныхъ личностяхъ, а на цѣломъ обществѣ.

Если предразсудки и заблужденія стараго поколѣнія насильно, съ малыхъ лѣтъ, вкореняются во впечатлительной душѣ ребенка, то просвѣщеніе и совершенствованіе цѣлаго народа надолго замедляется этимъ несчастнымъ обстоятельствомъ. Горькій опытъ жизни убѣждаетъ, правда, цѣлое поколѣніе въ невѣрности того, о чемъ толковали ему въ дѣтствѣ, и человѣкъ теряетъ часть своего дѣтскаго энтузіазма къ давнимъ внушеніямъ, не оправданнымъ жизнью; но все еще по привычкѣ онъ держится этихъ внушеній и передаетъ ихъ дѣтямъ, только съ меньшею восторженностью, чѣмъ ему самому передавали ихъ. Новое поколѣніе утрачиваетъ еще частичку благоговѣнія къ внушеннымъ мнѣніямъ; но зато родовая привычка усиливается, и чѣмъ дальше, тѣмъ безсознательнѣе и, потому самому, тѣмъ крѣпче держится народъ за преданія отцовъ. Нужно, чтобы жизнь сдѣлала невозможнымъ приложенія этихъ, давно ставшихъ мертвыми, преданій; нужно, чтобы явился мощный геній мысли, чтобы заставить общество почувствовать нужду и возможность измѣненія въ принятыхъ неразумныхъ началахъ. И послѣ этого открытія,—какъ медленно, какъ слабо принимается новая мысль, какъ долго не проникаетъ она въ глубину души людей и не распространяется на массахъ! Прошли столѣтія послѣ того, какъ указано движеніе земли, а до сихъ поръ простолюдинъ нашъ, слыша безпрестанно, что солнышко взошло и закатилось, смотритъ на него, какъ на огромный фонарь, подвигающійся по небесному своду отъ востока до запада. Девять вѣковъ уже Россія оглашается божественнымъ ученіемъ христіанства; но въ народѣ до сихъ поръ живы повѣрья о домовыхъ, водяныхъ и лѣшихъ. Даже тѣ, которые впослѣдствіи теоретически освобождаются отъ дѣтскихъ вѣрованій, на практикѣ долго еще имъ подчиняются. Много есть образованныхъ людей, имѣющихъ хорошее понятіе о явленіяхъ электричества и, все-таки, прячущихся отъ ужаса въ темную комнату во время грома; точно такъ же, какъ есть множество другихъ, достигшихъ до умѣнья разсуждать объ истинномъ достоинствѣ человѣка и, все-таки, въ своемъ знакомомъ цѣнящихъ болѣе всего изящество французскаго выговора и модный жилетъ. Отчего происходитъ это, какъ не отъ вліянія неразумныхъ впечатлѣній дѣтства, перешедшихъ къ ребенку, по несчастію, отъ тѣхъ, кого онъ любитъ или уважаетъ?.. «Вліяніе старшихъ поколѣній на младшія неизбѣжно,—скажете вы,—

и его нельзя уничтожить, тѣмъ болѣе, что, при дурныхъ сторонахъ, оно имѣетъ и много хорошихъ: всѣ сокровища знаній, собранныхъ въ прошедшихъ вѣкахъ, передаются ребенку именно подъ этимъ вліяніемъ, и безъ него нельзя поставить человѣка на ту точку, съ которой онъ долженъ начать въ жизни собственное продолженіе всего, что до него было сдѣлано человѣчествомъ». Возраженіе совершенно справедливое, и мы поступили бы безумно, если бы стали требовать уничтоженія того, что естественно, само по себѣ, является, существуетъ и уничтожиться не можетъ. Но мы видимъ также причины и ратовать за то, что неизбѣжно само по себѣ. Младшее поколѣніе необходимо должно быть подъ вліяніемъ старшаго, и отъ этого проистекаетъ неизмѣримая польза для развитія и совершенствованія человѣка и человѣчества. Никто не станетъ спорить противъ такой очевидной истины. Мы говоримъ только о томъ,—зачѣмъ же ставить прошедшее идеаломъ для будущаго, зачѣмъ требовать отъ новыхъ поколѣній *безусловнаго, слѣпого* подчиненія *мнѣніямъ* предшествующихъ? Для чего уничтожать самостоятельное развитіе дитяти, насилуя его природу, убивая въ немъ вѣру въ себя и заставляя дѣлать только *то, чего я хочу*, и только *такъ, какъ я хочу*, и только *потому, что я хочу?..* А объявляя такое *безусловное* повиновеніе, вы именно уничтожаете разумное, правильное, свободное развитіе дитяти. Какъ это вредно дѣйствуетъ на все нравственное существо ребенка, ясно можно видѣть изъ безчисленныхъ опытовъ, равно какъ и изъ теоретическихъ соображеній. Представимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Прежде всего опредѣлимъ яснѣе, что нужно разумѣть подъ [*безусловнымъ* повиновеніемъ] [1]). *Безусловный*—значитъ независящій ни отъ какихъ условій и обстоятельствъ, неизмѣнно остающійся при всѣхъ возможныхъ случайностяхъ, не происходящій вслѣдствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ, но существующій самобытно и самъ въ себѣ заключающій свое оправданіе. Таково именно бываетъ повиновеніе, котораго требуютъ у насъ отъ дѣтей, и котораго необходимость еще недавно доказывалъ весьма сильно въ «Морскомъ Сборникѣ» (1856 г., № 14) г. пасторъ Зедергольмъ. Изъ этого слѣдуетъ, что ребенокъ долженъ слушаться безъ разсужденій, слѣпо вѣровать своему воспитателю, признавать его приказанія единственно непогрѣшимыми, а все остальное несправедливымъ, и, наконецъ, дѣлать все не потому, что это хорошо и справедливо, а потому, что это приказано и, слѣдовательно, должно быть хорошо и справедливо.

Посмотримъ же, какое психологическое дѣйствіе можетъ произвести подобное отреченіе отъ своей воли въ дитяти.

Предположимъ сначала идеальныхъ воспитателей и наставниковъ. Ихъ внушенія всегда справедливы, всегда послѣдовательны, всегда соразмѣрны со степенью духовнаго развитія ребенка; они сами любимы и уважаемы дѣтьми. Предположимъ, что подобные воспитатели требуютъ отъ дѣтей повиновенія *безусловнаго*, а не *разумнаго*. Что изъ этого выходитъ?

---

[1]) Словомъ безусловный.

Отдается приказаніе; ребенокъ исполняетъ его безпрекословно; за это его хвалятъ и награждаютъ. Но въ самомъ поступкѣ нѣтъ ничего достойнаго награды,—ребенокъ потому и исполнилъ приказъ тотчасъ, что приказанное дѣло казалось ему совершенно естественнымъ, что это согласно было съ его собственнымъ желаніемъ; за что же его хвалятъ?—Очевидно, за послушаніе.

Дается другое приказаніе; воспитаннику оно не нравится, онъ находитъ его несправедливымъ, неумѣстнымъ и представляетъ свои возраженія. Ему говорятъ, чтобы слушался, а не разсуждалъ, и гнѣваются. Онъ поневолѣ повинуется. Но мысль, что его возраженія были справедливы, остается у него во всей силѣ; за что же, значитъ, бранили его?—Ясно, за что—за непослушаніе.

Подобные случаи повторяются часто, и въ душѣ ребенка мало-по-малу погасаетъ чувство правды, уваженіе къ разумному убѣжденію, и мѣсто его занимаетъ слѣпое послѣдованіе авторитету.

Вы скажете, что впослѣдствіи, сдѣлавшись поумнѣе, воспитанникъ самъ пойметъ, какъ разумны были приказанія воспитателя. Это, конечно, и бываетъ очень часто, и это прекрасно, но только для воспитателя, который такимъ образомъ пріобрѣтаетъ себѣ болѣе уваженія,—но никакъ не для воспитанника, на котораго всѣ подобныя открытія имѣютъ совершенно противное вліяніе. Увидѣвши, черезъ годъ, черезъ мѣсяцъ, недѣлю, день, часъ, наконецъ, но, во всякомъ случаѣ, поздно (потому что дѣло уже сдѣлано и сдѣлано не по убѣжденію, а по приказу),—увидѣвши, что его противорѣчіе было глупо и неосновательно, ребенокъ теряетъ довѣріе къ собственному разсудку, лишается отваги и энергіи въ своихъ собственныхъ разсужденіяхъ, боится составить какое-нибудь собственное мнѣніе и не смѣетъ слѣдовать собственному убѣжденію даже тогда, когда оно представляется ему яснымъ, какъ солнце... А можетъ быть, думаетъ онъ, что-нибудь тутъ не такъ... Вотъ, можетъ быть, пройдетъ нѣсколько времени, и окажется, что я неправъ... Отсюда нерѣшительность, медленность, вялость, выжиданіе въ дѣйствіяхъ,—черты, сохраняющіяся на всю жизнь и нерѣдко поражающія насъ въ людяхъ, одаренныхъ замѣчательной силой соображенія въ теоріи [но не имѣющихъ отваги осуществить свои мысли на практикѣ].

А что еще, если ребенокъ правъ въ абсолютномъ смыслѣ, если его противорѣчіе было истинно съ точки зрѣнія высшихъ принциповъ, а несообразно было только съ житейскими обстоятельствами? Житейскія обстоятельства оправдываютъ воспитателя; ребенокъ понимаетъ это; такъ какъ онъ еще не утвердился въ принципѣ сознательнымъ убѣжденіемъ, то мало-по-малу высшая правда, какъ несогласная съ жизнью, поступаетъ въ разрядъ отвлеченныхъ, негодныхъ мнѣній, пустыхъ бредней...

Вотъ примѣры. Мальчикъ сказалъ въ семействѣ про своего товарища, что онъ воръ. Отецъ сталъ бранить сына и приказалъ ему не говорить этого никогда. Мальчику сначала досадно,—онъ находитъ несправедливымъ это запрещеніе; но черезъ недѣлю, на одномъ вечерѣ, другой его товарищъ упрекнулъ маленькаго вора въ воровствѣ.

Поднялась кутерьма: два семейства поссорились, откровеннаго болтуна наказали... Отецъ говоритъ мальчику: вотъ видишь, что можетъ выйти изъ этого?..

Мальчикъ входитъ въ близкія отношенія съ старымъ слугой; гордый гувернеръ бранитъ его и запрещаетъ говорить со старикомъ. Но мальчикъ не слушаетъ и въ одно время такъ зашаливается въ лакейской, что старикъ-слуга безъ церемоніи беретъ его за руку и выпроваживаетъ отъ себя съ приличными поученіями. Мальчику непріятно; гувернеръ, увидя это, приходитъ въ ужасъ и, поддразнивая самолюбіе мальчика, говоритъ: а все оттого, что не слушался! Погоди, онъ тебя еще бить будетъ, если станешь попрежнему быть съ нимъ за-панибрата!.. И мальчикъ раскаивается въ своей дружбѣ со старикомъ, какъ-будто въ преступленіи.

Гувернантка приказываетъ дѣвочкѣ вести себя благопристойно,— станъ выпрямить, идти плавно, голову держать прямо, говорить только, когда спрашиваютъ, и т. п. Съ такими правилами пріѣзжаетъ она въ гости. Тамъ много дѣтей, и все такія рѣзвыя, веселыя; они бѣгаютъ, шумятъ, болтаютъ, хохочутъ. Ей тоже хотѣлось бы пристать къ нимъ, но гувернантка говоритъ, что это неблаговоспитанно, и она скучаетъ, съ завистью смотря на веселящихся подругъ, особенно на одну, которая шалитъ больше всѣхъ, и которой, кажется, всѣхъ веселѣе... Но вдругъ эта рѣзвая дѣвочка упала и сломала себѣ ногу... Торжествующая гувернантка говоритъ своей скромной воспитанницѣ: вотъ что значитъ вести себя неприлично!..

И тому подобное. Разсудите безпристрастно, насколько безусловное повиновеніе служитъ здѣсь къ развитію нравственнаго чувства? Не убиваетъ-ли, напротивъ, такое воспитаніе и тѣхъ добрыхъ, святыхъ началъ, которыя природны ребенку? Не естественно-ли, что при этомъ онъ приметъ исключеніе за правило, извращенный порядокъ за естественный? И кто въ этомъ будетъ виноватъ? Неужели самъ онъ?

А между тѣмъ, какое пышное развитіе могъ бы получить умъ, какая энергія убѣжденій родилась бы въ человѣкѣ и слилась со всѣмъ существомъ его, если бы его съ первыхъ лѣтъ пріучали *думать* о томъ, что дѣлаетъ, если бы каждое дѣло совершалось ребенкомъ съ сознаніемъ его необходимости и справедливости, если бы онъ привыкъ самъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и исполнять то, что другими велѣно, не изъ уваженія къ приказавшей личности, а изъ убѣжденія въ правдѣ самого дѣла!.. [Правда, тогда многимъ воспитателямъ пришлось бы отступиться отъ своего дѣла, потому что ихъ воспитанники доказали бы имъ, что они не умѣютъ приказывать!]

Убивая въ ребенкѣ смѣлость и самостоятельность ума [*безусловное* повиновеніе] [1]), вредно дѣйствуетъ и на чувство. Сознаніе своей личности и нѣкоторыхъ правъ человѣческихъ начинается въ дѣтяхъ весьма рано (если только оно *начинается*, а не прямо ро-

[1]) такое воспитаніе.

дится съ ними). Это сознаніе [необходимо требуетъ удовлетворенія, состоящаго въ] [1]) возможности слѣдовать *своимъ* стремленіямъ [а не служить безсознательнымъ орудіемъ для какихъ-то чужихъ, невѣдомыхъ цѣлей]. Какъ скоро разумныя стремленія ребенка удовлетворяются, т.-е. дается ему просторъ думать и дѣйствовать самостоятельно (хотя до нѣкоторой степени), ребенокъ бываетъ веселъ, радушенъ, полонъ чувствъ самыхъ симпатичныхъ, выказываетъ кротость, отсутствіе всякой раздражительности, самое милое и разумное послушаніе въ томъ, справедливость чего онъ признаетъ. Напротивъ, когда дѣятельность ребенка стѣсняется, стремленія его подавляются, не находя ни желаемаго удовлетворенія, ни даже разумнаго объясненія, когда, вмѣсто сознательной личной жизни, дитя, какъ трупъ, какъ автоматъ, должно быть только послушнымъ орудіемъ [чужой воли]— тогда естественно, что мрачное и тяжелое расположеніе овладѣваетъ душою ребенка: онъ становится угрюмъ, вялъ, безжизненъ, выказываетъ непріязнь къ другимъ и дѣлается жертвою самыхъ низкихъ чувствъ и расположеній. Въ отношеніи къ самому воспитателю, до тѣхъ поръ, пока не усвоитъ себѣ *безусловнаго* достоинства машины, воспитанникъ бываетъ очень раздражителенъ и недовѣрчивъ. Да и впослѣдствіи, успѣвши даже до нѣкоторой степени обезличить себя, онъ, все-таки, остается въ непріятныхъ отношеніяхъ къ воспитателю, требующему только *безусловнаго* исполненія приказаній [справедливо, хотя и смутнымъ инстинктомъ постигая въ немъ притѣснителя и врага своей личности, отъ которой, при всѣхъ усиліяхъ, человѣкъ никогда не можетъ совершенно отрѣшиться].

Нужно-ли говорить о томъ губительномъ вліяніи, какое производитъ [привычка къ *безусловному* повиновенію] [2]) на развитіе воли? Кажется, совершенно излишне, и мы бы охотно прошли молчаніемъ этотъ пунктъ, если бы не имѣли предъ глазами странныхъ положеній г. Зедергольма («Морской Сборникъ» № 14, стр. 38—39), утверждающаго, что «усиліе, которое дѣлаетъ дитя, чтобы преодолѣть собственную волю и подчинить ее чужой, развиваетъ его *нравственную силу* (!). Этимъ однимъ возбуждается въ душѣ его первое проявленіе нравственности, первая нравственная борьба, и только съ нея начинается собственно *человѣческая* жизнь. А отъ безпрестаннаго упражненія въ этой борьбѣ силы его воли укрѣпятся такъ, что онъ послѣ, когда его воспитаніе окончено, въ состояніи повиноваться *самому себѣ* и исполнять то, что разсудокъ и совѣсть требуютъ отъ него». Все это разсужденіе очень напоминаетъ намъ одного благоразумнаго родителя, который, желая развить въ сынѣ тѣлесную ловкость, клалъ его спиною поперекъ на узкую доску, поднятую аршина на полтора отъ земли, и заставлялъ такимъ образомъ балансировать. Ребенокъ болталъ руками и ногами, стараясь найти себѣ точку опоры, не находилъ ея, изнемогалъ и со страшнымъ крикомъ скатывался съ доски. Развился онъ при такихъ умныхъ мѣрахъ очень уродливо, да еще

[1]) хочетъ
[2]) такая система воспитанія

вдобавокъ никогда не могъ впослѣдствіи даже пройти моста безъ внутренняго содроганія. Вообще эта система—клинъ клиномъ выбивать—давно [у насъ] извѣстна [и давно мы видимъ ея страшные результаты]. Дитя боится темноты—его запираютъ въ темную комнату; дитя питаетъ отвращеніе къ какому-нибудь кушанью,—его цѣлую недѣлю кормятъ нарочно этимъ кушаньемъ; дитя любитъ сидѣть за книжкой,— его посылаютъ гулять; оно хочетъ бѣгать,—ему велятъ сидѣть на мѣстѣ, — и это дѣлается весьма часто не изъ сознанія необходимости или пользы того, что приказываютъ, а изъ чистыхъ и безкорыстныхъ педагогическихъ видовъ,—чтобы пріучить ребенка къ послушанію... Впрочемъ, наши практическіе воспитатели нѣсколько послѣдовательнѣе г. Зедергольма,—они просто говорятъ: «нужно привыкать къ покорности; если теперь его характеръ не переломить, то уже послѣ поздно будетъ». Такимъ образомъ они откровенно признаются, что имѣютъ въ виду подарить обществу будущихъ Молчалиныхъ. Но г. Зедергольмъ увѣряетъ, что послушаніемъ укрѣпляется сила воли! Да помилуйте, вѣдь это все равно, какъ если бы я, уничтожая всякій порывъ разсудка въ моемъ воспитанникѣ, каждый разъ говоря ему: не разсуждайте [(какъ и дѣлается обыкновенно у воспитателей, требующихъ *безусловнаго* повиновенія)], вздумалъ бы вывести такого рода заключеніе: «этимъ развиваются его умственныя способности, потому что тутъ онъ долженъ соображать внутренно и взвѣшивать справедливость моего мнѣнія и несправедливость своихъ возраженій». Не правда-ли, что это столь же логическое предположеніе, какъ и г. Зедергольма? И какъ легко такимъ образомъ воспитывать дѣтей!

Напрасно г. Зедергольмъ указываетъ на *борьбу*. Здѣсь собственно нѣтъ борьбы, а есть только уступка безъ бою, которая, при частомъ повтореніи, производитъ не крѣпость воли, а нравственное разслабленіе. Да если и бываетъ въ самомъ дѣлѣ борьба, то самая неразумная: съ одной стороны — внутренняя сила, природное влеченіе, которое ребенку представляется правильнымъ, а съ другой— внѣшнее, непонятное давленіе чужого произвола, или того, что ребенокъ считаетъ произволомъ... При [*безусловномъ* повиновеніи] [1]) побѣда обыкновенно остается на сторонѣ *внѣшней* силы, и это обстоятельство неизбѣжно должно убить внутреннюю энергію [и отбить охоту отъ противодѣйствія внѣшнимъ вліяніямъ]. При томъ не нужно упускать изъ виду еще одного обстоятельства: многія изъ приказаній, отдаваемыхъ ребенку, бываютъ такого рода, что онъ не имѣетъ еще о нихъ опредѣленнаго мнѣнія, и ему лично все равно—исполнить ихъ или не исполнить. Не понимая, зачѣмъ и почему, онъ дѣлаетъ то, что велѣно, только потому, что это велѣно. Тутъ уже [борьбы] [2]) никакой нѣтъ, а господствуетъ полная безсознательность, обращающаяся потомъ въ привычку. Воспитанный такимъ образомъ человѣкъ во всю свою жизнь остается подъ различными вліяніями,

---

[1]) такой системѣ воспитанія
[2]) разумной дѣятельности.

которыя опредѣляются не разумной необходимостью, не обдуманнымъ выборомъ, а просто случаемъ. Въ чьи руки человѣкъ прежде всего попадется, тому будетъ слѣдовать.

Каково вліяніе *безусловныхъ* приказаній на *совѣсть* (на что указываетъ также г. Зедергольмъ), можно понять изъ всего, что было до сихъ поръ сказано. Привыкая дѣлать все безъ разсужденій, безъ убѣжденія въ истинѣ и добрѣ, а только по приказу, человѣкъ становится безразличнымъ къ добру и злу и безъ зазрѣнія совѣсти совершаетъ поступки, противные нравственному чувству, оправдываясь тѣмъ, что «*такъ приказано*».

Это все слѣдствія, необходимо вытекающія изъ самой методы абсолютнаго повиновенія. Но вспомните еще, сколько съ ней сопряжено другихъ неудобствъ, являющихся при исполненіи. Приказанія воспитателя могутъ быть несправедливы, непослѣдовательны и, такимъ образомъ, будутъ искажать природную логику ребенка. Если наставниковъ и воспитателей нѣсколько, они могутъ противорѣчить другъ другу въ своихъ приказаніяхъ, и дитя, обязанное всѣхъ ихъ равно слушаться, попадаетъ въ темный лабиринтъ, изъ котораго выйдетъ не иначе, какъ только совершенно потерявши сознаніе нравственнаго долга (если не успѣетъ дойти само до *своихъ* правилъ и, слѣдовательно, до презрѣнія наставниковъ). Всѣ недостатки воспитателя, нравственные и умственные, легко могутъ перейти и къ воспитаннику, пріученному соображать свои дѣйствія не съ нравственнымъ закономъ, не съ убѣжденіемъ разума, а только съ безусловною волею воспитателя.

Такимъ образомъ, отсутствіе самостоятельности въ сужденіяхъ и взглядахъ, вѣчное недовольство въ глубинѣ души, вялость и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, недостатокъ силы воли, чтобы противиться постороннимъ вліяніямъ, вообще обезличеніе, а вслѣдствіе этого легкомысліе и подлость, недостатокъ твердаго и яснаго сознанія своего долга и невозможность внести въ жизнь что-либо новое, болѣе совершенное, отличное отъ [прежде установленныхъ] [1]) порядковъ, вотъ дары, которыми [*безусловное* повиновеніе при воспитаніи] [2]) надѣляетъ человѣка, отпуская его на жизненную борьбу!.. И съ такими-то качествами человѣкъ долженъ ратовать за свои убѣжденія [противъ цѣлаго общества] и онъ, привыкшій жить чужимъ умомъ, дѣйствовать по чужой волѣ, онъ долженъ вдругъ поставить *себя* мѣркою для цѣлаго общества, долженъ сказать: вы ошибаетесь, я правъ; вы дѣлаете дурно, а вотъ какъ нужно дѣлать хорошо!.. Да гдѣ же онъ возьметъ столько силы? Во имя чего будетъ онъ бороться? Неужели во имя авторитета своихъ наставниковъ, которые до сихъ поръ управляли его жизнью и понятіями? Да кто же, наконецъ, далъ ему право на это? [Собственно говоря, его отношенія и теперь нисколько не измѣнились: до сихъ поръ были подчиненныя отношенія въ воспитаніи и обученіи, теперь настали точно такія же отношенія

[1]) существующихъ
[2]) такое воспитаніе

въ службѣ и общежитіи. Какая же голова можетъ переварить такое умозаключеніе: вотъ черта—пятнадцать, двадцать лѣтъ,—до которой ведутъ тебя, заставляя безпрекословно и *безусловно слушаться* другихъ; это дѣлается для того, собственно, чтобы, перешедши черезъ эту черту, ты умѣлъ *бороться* съ другими.—Гораздо естественнѣе] [1]) заключить, что и въ послѣдующей жизни человѣкъ долженъ вести себя именно такъ, какъ до сихъ поръ заставляли его.

Всѣ эти соображенія имѣютъ въ виду, разумѣется, совершенный успѣхъ [системы *безусловнаго* повиновенія] [2]). Но есть натуры, съ которыми подобная система никакъ не можетъ удаться. Это натуры гордыя, сильныя, энергическія. Получая нормальное, свободное развитіе, онѣ высоко поднимаются надъ толпою и изумляютъ міръ богатствомъ и громадностью своихъ духовныхъ силъ. Эти люди совершаютъ великія дѣла, становятся благодѣтелями человѣчества. Но, задержанные въ своемъ самобытномъ развитіи, сжатые пошлою рутиною, узкими понятіями какого-нибудь, весьма ограниченнаго, наставника, не имѣя простора для размаха своихъ крыльевъ, а принужденные брести тѣсной тропинкой, которая воспитателю кажется совершенно удобной и приличной, эти люди или впадаютъ въ апатичное бездѣйствіе, становясь лишними на бѣломъ свѣтѣ, или дѣлаются ярыми, слѣпыми противниками именно тѣхъ началъ, по которымъ ихъ воспитывали. Тогда они становятся несчастны сами и страшны для общества, которое принуждено гнать ихъ отъ себя. Самый яркій примѣръ подобнаго оборота дѣла представляетъ *Вольтеръ*, воспитанный въ [благочестивыхъ,] основанныхъ на строгомъ, мертвомъ повиновеніи, правилахъ іезуитскихъ школъ. Одинъ разъ дошедши до убѣжденія въ неправости своего учителя, подобный ученикъ уже не останавливается... Да и что могло бы остановить его? И хорошее и дурное, и ложное и справедливое у него перемѣшано въ приказаніяхъ безусловныхъ и представляется ему подъ одной призмой стѣсненія его личности. Нравственное чувство въ немъ не развито, умъ не пріученъ къ спокойному, медленному обсуживанію своихъ дѣйствій; все, что онъ знаетъ и чему вѣритъ, вбито ему въ голову насильно, безъ всякаго участія его собственной воли и чувства. Поэтому весь внутренній міръ, какъ развитый имъ не отъ себя, а навязанный извнѣ, представляется ему чѣмъ-то чуждымъ, внѣшнимъ, и весь, разомъ, безъ большого труда, опрокидывается, особенно, если при этомъ вмѣшается еще какое-нибудь вліяніе, совершенно противоположное вліянію воспитателей. Въ ожесточеніи [противъ угнетавшихъ его,] онъ развиваетъ въ себѣ духъ противорѣчія и становится противникомъ уже не злоупотребленій только, а самыхъ началъ, принятыхъ въ обществѣ. Разумѣется, его ждетъ скорая гибель, или жизнь, полная скорбнаго недовольства самимъ собою и людьми, пропадающая въ безплодныхъ исканіяхъ, съ неумѣньемъ остановиться на чемъ-нибудь. И сколько благородныхъ, даровитыхъ натуръ сгибло такимъ

---

[1]) Изъ этого можно

[2]) приведенной системы.

образомъ жертвою учительской указки, иногда съ жалобнымъ шумомъ, а чаще просто, въ безмолвномъ озлобленіи противъ міра, безъ шума, безъ слѣда.

Но чего вы хотите?—спросятъ насъ:—неужели же можно предоставить ребенку полную волю, ни въ чемъ не останавливая его, во всемъ уступая его капризамъ?..

Совсѣмъ нѣтъ. Мы говоримъ только, что не нужно дрессировать ребенка, какъ собаку, заставляя его выдѣлывать тѣ или другія штуки, по тому или другому знаку воспитателя. Мы хотимъ, чтобы въ воспитаніи господствовала разумность, и чтобы разумность эта вѣдома была не только учителю, но представлялась ясною и самому ребенку. Мы утверждаемъ, что всѣ мѣры воспитателя должны быть предлагаемы въ такомъ видѣ, чтобы могли быть вполнѣ и ясно оправданы въ собственномъ сознаніи ребенка. Мы требуемъ, чтобы воспитатели выказывали болѣе уваженія къ человѣческой природѣ и старались о развитіи, а не о подавленіи *внутренняго человѣка* въ своихъ воспитанникахъ, и чтобы воспитаніе стремилось сдѣлать человѣка нравственнымъ—не по привычкѣ, а по сознанію и убѣжденію.

«Но это смѣшная и нелѣпая претензія,—скажутъ глубокомысленные педагоги, презрительно улыбаясь въ отвѣтъ на наши доводы.—Развѣ можно отъ маленькаго дитяти требовать правильнаго обсужденія высокихъ нравственныхъ вопросовъ, развѣ можно *убѣждать* его, когда онъ не развитъ настолько, чтобы понимать убѣжденія? Безумно было бы, посылая мальчика гулять, читать ему цѣлый курсъ физіологіи, чтобы доказать, почему и какъ полезна прогулка, точно такъ, какъ было бы нелѣпо, задавая таблицу умноженія, перебирать всѣ математическія дѣйствія, въ которыхъ она необходима, и отсюда уже вывести пользу ея изученія... [Главная задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы добиться, во что бы то ни было, безпрекословнаго исполненія воспитанникомъ приказаній высшихъ, и если нельзя достигнуть этого посредствомъ убѣжденія, то надо добиться посредствомъ страха»].

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ одинъ недостатокъ—принятіе нынѣшняго] status quo за нормальное положеніе вещей. Я съ вами согласенъ, что дѣти неразвиты еще для яснаго пониманія своихъ обязанностей; но въ томъ-то и состоитъ ваша обязанность, чтобы развить въ нихъ это пониманіе. Для этого они и воспитываются. А вы, вмѣсто того, чтобы внушать имъ сознательныя убѣжденія, подавляете и тѣ, которыя въ нихъ сами собой возникаютъ, и стараетесь только сдѣлать ихъ безсознательными, послушными орудіями вашей воли. Увѣрившись, что дѣти не понимаютъ васъ, вы преспокойно сложили руки, воображая, что вамъ и дѣлать нечего больше, какъ сидѣть у моря и ждать погоды: авось, дескать, какъ-нибудь раскроются способности, когда подрастетъ ребенокъ,—тогда и потолковать съ нимъ можно будетъ, а теперь пусть дѣлаетъ себѣ, что приказано.—Въ такомъ случаѣ, на что же вы и поставлены, о, глубоко мудрые педагоги? Зачѣмъ же тогда и воспитаніе?... Вѣдь вашъ прямой долгъ—добиться, чтобы васъ понимали!... Вы для ребенка, а не

онъ для васъ; вы должны приноравляться къ его природѣ, къ его духовному состоянію, какъ врачъ приноравливается къ больному, какъ портной къ тому, на кого онъ шьетъ платье. «Ребенокъ еще не развитъ»,—да какъ же онъ и разовьется, когда вы нисколько объ этомъ не стараетесь, а еще, напротивъ, задерживаете его самобытное развитіе? По вашей логикѣ, значитъ, нельзя выучиться незнакомому языку сколько-нибудь разумнымъ образомъ.—потому что, начиная учиться, вы его не понимаете,—а надобно вести дѣло, заставляя ученика просто повторять и заучивать незнакомые звуки, безъ знанія ихъ смысла; послѣ, дескать, когда много словъ въ памяти будетъ, такъ и смыслъ ихъ какъ-нибудь, мало-по-малу, узнается!... Во всѣхъ этихъ возраженіяхъ едва-ли что-нибудь выказывается такъ ярко, какъ желаніе спрятать свою лѣнь и разные корыстные виды подъ покровомъ священнѣйшихъ основъ всякаго добра. Но, унижая разумное убѣжденіе, заставляя воспитанника дѣйствовать безсознательно, можно несравненно скорѣе подкопать ихъ, нежели всяческимъ предоставленіемъ [самой] широкой свободы развитію ребенка... Всѣ эти близорукія сужденія о неразвитости дѣтской природы чрезвычайно напоминаютъ тѣхъ господъ, которые возстаютъ противъ Гоголя и его послѣдователей за то, что эти писатели просто пересыпаютъ изъ пустого въ порожнее, что они никого не научаютъ, и что людей, на которыхъ они нападаютъ, можно пронять только дубиною, а никакъ не убѣжденіемъ.. Какъ будто бы дубина можетъ кого-нибудь и чему-нибудь научить! Какъ будто бы, побивши человѣка, вы черезъ то дѣлаете его нравственно лучшимъ или можете внушить ему какое-нибудь убѣжденіе, кромѣ развѣ убѣжденія, что вы такъ или иначе сильнѣе его!... Для дрессировки, правда, argumentum baculinum очень достаточенъ: такимъ образомъ лошадей выѣзжаютъ, медвѣдей плясать выучиваютъ и изъ людей дѣлаютъ ловкихъ спеціальныхъ фокусниковъ. Но при всей ловкости въ своемъ мастерствѣ,—ни лошади, ни медвѣди, ни многіе изъ людей, воспитанные такимъ образомъ, ничуть не дѣлаются оттого умнѣе!...

«А какъ же,—говорятъ еще ученые педагоги,—предохранить дитя отъ вредныхъ вліяній, окружающихъ его? Неужели позволить ему доходить до сознанія ихъ вредности собственнымъ опытомъ? Такимъ образомъ, ни одинъ ребенокъ не остался бы цѣлъ. Испытавши, напримѣръ, что такое ядъ, или что значитъ свалиться въ окошко изъ четвертаго этажа, дитя навѣрное не останется очень благодарнымъ тому педагогу, который, по особенному уваженію человѣческой природы, принялся бы въ критическую минуту за убѣжденія, а не рѣшился бы просто отнять ядъ или оттащить ребенка отъ окошка»... Оставляя въ сторонѣ всю [шутовскую,] нелѣпую сторону этого возраженія, по которому, напримѣръ, подчиненный не можетъ спасти утопающаго начальника (потому, что онъ отъ него не можетъ требовать безусловнаго повиновенія, а безъ этого спасеніе невозможно), замѣтимъ одно. Дѣти потому-то часто и падаютъ изъ оконъ и берутъ мышьякъ вмѣсто сахару, что система безусловнаго повиновенія заставляетъ ихъ только слушаться и слушаться, не давая имъ настоя-

щаго понятія о вещахъ, не пробуждая въ нихъ никакихъ разумныхъ убѣжденій.

Да и хоть бы справедливы были жалобы на неразумность дѣтей! А то и онѣ оказываются чистѣйшею клеветою, придуманною для своихъ видовъ досужимъ воображеніемъ неискусныхъ педагоговъ. Прежде всего можно замѣтить, что не воспитаніе даетъ намъ разумность, такъ же, какъ, напр., не логика выучиваетъ мыслить, не грамматика—говорить, не піитика—быть поэтомъ и т. п. Воспитаніе, точно такъ, какъ всѣ теоретическія науки, имѣющія предметомъ внутренній міръ человѣка, имѣетъ своею задачею только возбужденіе и проясненіе въ сознаніи того, что уже давно живетъ въ душѣ, только живетъ жизнью непосредственною, безсознательно и безотчетно. Придайте разумность обезьянѣ, съ вашей системой *безусловнаго* повиновенія, и тогда цѣлый міръ съ благоговѣніемъ преклонится предъ этой системой и будетъ по ней воспитывать дѣтей своихъ. Но вы этого не можете сдѣлать и потому должны смиренно признать права разумности въ самой природѣ ребенка и не пренебрегать ею, а благоразумно пользоваться тѣми выгодами, какія она вамъ представляетъ.

А разумности въ дѣтяхъ гораздо больше, нежели предполагаютъ. Они очень умны и проницательны, хотя обыкновенно и не умѣютъ опредѣлительно и отчетливо сообразить и высказать свои понятія. Логика ребенка весьма ясно выражается въ самое первое время его жизни, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ языкъ. Можно положительно сказать, что трехъ или четырехъ лѣтнее дитя не слыхало и половины тѣхъ словъ, которыя употребляетъ; оно само составляетъ и производитъ ихъ по образцу слышанныхъ, и производитъ почти всегда правильно. То же самое нужно замѣтить о формахъ: ребенокъ, не имѣющій понятія о грамматикѣ, скажетъ вамъ совершенно правильно всѣ падежи, времена, наклоненія и пр. незнакомаго ему слова, ничуть не хуже, какъ вы сами сдѣлаете это, изучая, уже въ совершенномъ возрастѣ, какой-нибудь иностранный языкъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, по крайней мѣрѣ, способность къ наведенію и аналогіи, умѣнье классифицировать весьма рано развивается въ ребенкѣ.

То же самое нужно сказать и о пониманіи связи между причинами и слѣдствіями. Ожегши одинъ палецъ на свѣчкѣ, ребенокъ въ другой разъ уже не схватитъ свѣчи рукою; видя, что зимою бываетъ снѣгъ, а лѣтомъ—нѣтъ, ребенокъ при таяніи снѣга, весною, догадывается, что лѣто приближается, и пр., и пр. Всякое дитя ласкается къ тому, кто его ласкаетъ, и удаляется отъ того, въ комъ встрѣчаетъ грубое обращеніе, и т. п.

Мало этого: дѣти очень рано умѣютъ составлять понятія. Узнавши, что такое домъ, книга, столъ и пр., ребенокъ безошибочно узнаетъ всѣ другіе дома, книги, столы, хотя бы вновь увидѣнные имъ и не походили на тѣ, которые онъ видѣлъ прежде. Это значитъ, что у него въ головѣ уже составилось понятіе, а для составленія понятія, какъ извѣстно, нужно умѣть сдѣлать и сужденіе, и умозаключеніе...

Съ чего же пришло въ голову многоученымъ педагогамъ, что дитя не способно понимать разумное убѣжденіе, а можетъ быть управляемо только страхомъ, обманомъ и т. п.? Я никакъ не могу сообразить, отчего же бы это ложное убѣжденіе скорѣе принялось въ душѣ ребенка, нежели правильное. Утѣшить дитя разумно, если оно плачетъ,—нельзя; а сказать: «не плачь, а то тебя бука съѣстъ», или: «перестань, а не то—высѣку»,—можно. Желалъ бы я знать, какое отношеніе между дѣтскимъ плачемъ и букой или розгой, и какая логика предполагается въ ребенкѣ при подобныхъ увѣщаніяхъ?

«Но,—говорятъ,—ребенокъ еще не можетъ разсуждать правильно о частныхъ случаяхъ, потому что онъ не имѣетъ данныхъ: онъ еще такъ мало видѣлъ и знаетъ». Это въ высшей степени справедливо, и обязанность воспитателя въ томъ именно и состоитъ, чтобы сообщить дитяти, сколько возможно скорѣе, всзможно наибольшее количество всякаго рода данныхъ, фактовъ, заботясь при этомъ особенно о полнотѣ и правильности воспріятія ихъ ребенкомъ. Поводы къ подобному сообщенію фактовъ можетъ представлять самое противорѣчіе ребенка, на которое не отвѣчать можетъ наставникъ только по лѣности или по трусости своей, а никакъ не по разумному убѣжденію. Вы заставляете вашего воспитанника сдѣлать что-нибудь; онъ говоритъ, что сдѣлать этого нельзя;—а вы ему покажите, к а к ъ это сдѣлать. Онъ самъ что-нибудь хочетъ совершить, а вы говорите, что это невозможно, и спрашиваете его, какъ онъ хотѣлъ бы исполнить свое намѣреніе. Онъ разсказываетъ свои мечтательные планы; вы послѣдовательно и подробно доказываете неисполнимость его предпріятія. И въ этомъ одномъ сколько представляется вамъ прекрасныхъ поводовъ передать ребенку множество вѣрныхъ, живыхъ свѣдѣній о законахъ природы, о явленіяхъ духовной жизни человѣка, объ устройствѣ общества! И повѣрьте, что ребенокъ сумѣетъ понять ваши объясненія и принять ихъ къ свѣдѣнію.

Вообще можно сказать, что въ непонятливости дѣтей большею частію виноваты сами взрослые. У насъ обыкновенно жизненныя случайности потрясаютъ нѣсколько твердость чистой логики; de jure и de facto неразрѣшимо переплетаются, и мы, по привычкѣ къ уклоненіямъ, часто допускаемъ такія примѣненія основныхъ принциповъ, или такіе общіе выводы изъ частныхъ фактовъ, которыхъ чистое мышленіе никакъ принять не можетъ. Чистая дѣвственная логика дѣтской головы этого не допускаетъ, и потому всѣ нелогичности, допускаемыя нами незамѣтно для насъ самихъ, изъ деликатнаго почтенія къ statu quo, упорно не понимаются дѣтьми. Если вы наполнили умъ дитяти вѣрными данными, то вамъ трудно уже будетъ вбить ему въ голову ложное заключеніе, выведенное изъ этихъ данныхъ; если вы заставили его сначала принять ложное основаніе, то вы долго не добьетесь, чтобы онъ правильно смотрѣлъ на слѣдствія, выводимыя вами и логически несоотвѣтствующія принятому началу. Твердое настаиваніе на этихъ нелогичностяхъ, безъ подробнаго и откровеннаго разъясненія обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ, непремѣнно ведетъ къ искаженію природнаго здраваго смысла въ ребенкѣ,

и, къ сожалѣнію, такое искаженіе происходитъ у насъ слишкомъ часто.

Столь же много вредитъ понятливости дѣтей и неестественный порядокъ, принятый у насъ вообще въ обученіи. Познанія могутъ быть пріобрѣтаемы только аналитическимъ путемъ; сама наука развивалась такимъ образомъ; а, между тѣмъ, даже въ самомъ первоначальномъ обученіи начинаютъ у насъ съ синтеза! Порядокъ совершенно извращенный, отъ котораго происходятъ въ занятіяхъ неясность, запутанность, безжизненность. Каждая наука начинается, напр., введеніемъ, въ которомъ говорится о сущности, важности, пользѣ, раздѣленіи науки и т. п. Спрашиваю васъ, какъ же вы хотите, чтобы мальчикъ понялъ все это прежде, чѣмъ онъ изучитъ самую науку?—Исторія раздѣляется на древнюю, среднюю и новую: каждая часть дѣлится на слѣдующіе періоды и пр. на чемъ держится это дѣленіе, къ чему оно примкнетъ въ головѣ мальчика, который объ исторіи понятія не имѣетъ? Географія есть наука, показывающая и т. д.; она состоитъ изъ трехъ частей: математической, физической и политической. Первая говоритъ о томъ-то, вторая о томъ-то, и пр. Можно ли ожидать, чтобы, начиная съ этого географію, ребенокъ могъ разумно усвоить себѣ что-нибудь?

А, между тѣмъ, посмотрите, сколько любознательности, сколько жаднаго стремленія къ изслѣдованію истины выказываютъ дѣти. Инстинктъ истины говоритъ въ нихъ чрезвычайно сильно, можетъ быть, даже сильнѣе, нежели во взрослыхъ людяхъ. Они не интересуются призраками, которые создали себѣ люди и которымъ придаютъ чрезвычайную важность. Они не занимаются геральдикой, не пускаются въ филологическія или метафизическія тонкости, не стремятся къ чинамъ и почестямъ (разумѣется, если имъ не натолковали объ этомъ чуть не со дня рожденія). Зато, какъ охотно они обращаются къ природѣ, съ какою радостію изучаютъ все дѣйствительное, а не призрачное, какъ ихъ занимаетъ всякое живое явленіе. Они не любятъ отвлеченностей, и въ этомъ спасеніе отъ насильственно вторгающихся въ ихъ душу умствованій, которыхъ доказать и объяснить часто не можетъ даже тотъ, кто хлопочетъ о вкорененіи ихъ въ душѣ воспитанниковъ. Да, счастливы еще дѣти, что природа не вдругъ теряетъ надъ ними свои права, не тотчасъ оставляетъ ихъ на жертву извращенныхъ, пристрастныхъ, односторонніхъ людскихъ теорій!..

«Но, скажутъ, въ дѣтяхъ сильно влеченіе ко злу; необходимо дѣятельно противиться злымъ отъ природы наклонностямъ ребенка». Не разбирая подробно этого мнѣнія, позволимъ себѣ отвѣтить на него словами г. Пирогова, которому, конечно, вполнѣ можно повѣрить, когда дѣло идетъ о свойствахъ человѣческой природы. Вотъ его слова: «Добро и зло довольно уравновѣшены въ насъ. Поэтому нѣтъ никакой причины думать, чтобы наши врожденныя склонности, даже и мало развитыя воспитаніемъ, влекли насъ болѣе къ худому, нежели къ хорошему. А законы хорошо устроеннаго общества, вселяя въ насъ довѣренность къ правосудію и зоркости правителей, могли бы устранить и послѣднее влеченіе ко злу».

Но если даже и справедливо, что въ природѣ нашей есть природное влеченіе ко злу, то развѣ вы можете взяться за его уничтоженіе? Вы ли, безпрестанно противорѣчащіе сами себѣ, опровергающіе своими поступками свои же правила, осуждающіе теоретическими принципами свои же поступки, на каждомъ шагу падающіе, жертвующіе велѣніями высшей природы своекорыстнымъ требованіямъ грубаго эгоизма,—вы ли бросаете камень въ невиннаго ребенка и съ фарисейской надменностью возстаете противъ того немногаго, что въ немъ замѣчаете? Нѣтъ, перевоспитайте прежде самихъ себя и тогда уже принимайтесь за поправленіе природы человѣка во ввѣренныхъ вамъ дѣтяхъ.

Если въ дѣтяхъ нельзя видѣть идеала нравственнаго совершенства, то, по крайней мѣрѣ, нельзя не согласиться, что они несравненно нравственнѣе взрослыхъ. Они не лгутъ (пока ихъ не доведутъ до этого страхомъ), они стыдятся всего дурного, они хранятъ въ себѣ святыя чувства любви къ людямъ, свободной отъ всякихъ житейскихъ предразсудковъ. Они сближаются со сверстникомъ, не спрашивая, богатъ ли онъ, равенъ ли имъ по происхожденію; у нихъ замѣчена даже особая наклонность сближаться съ обиженными судьбою, со слугами и т. п. И чувства ихъ всегда выражаются на дѣлѣ, а не остаются только на языкѣ, какъ у взрослыхъ; ребенокъ никогда не съѣстъ даннаго ему яблока безъ своего брата или сестры, которыхъ онъ любитъ; онъ всегда принесетъ изъ гостей гостинцы своей любимой нянюшкѣ; онъ заплачетъ, видя слезы матери, изъ жалости къ ней. Вообще, мнѣніе, будто бы въ дѣтяхъ преобладающее чувство—животный эгоизмъ, рѣшительно лишено основанія. Если въ нихъ не замѣтно сильнаго развитія любви къ отечеству и человѣчеству, это, конечно, потому, что кругъ ихъ понятій еще не расширился до того, чтобы вмѣщать въ себѣ цѣлое человѣчество. Они этого не знаютъ, а чего не знаешь, того и не любишь.

Нѣтъ,—не напрасно дѣти поставлены въ примѣръ намъ даже. Тѣмъ, предъ Кѣмъ съ благоговѣніемъ преклоняются народы, чье ученіе столько вѣковъ оглашаетъ вселенную. Да, мы должны учиться, смотря на дѣтей, должны сами переродиться, *сдѣлаться какъ дѣти*, чтобы достигнуть вѣдѣнія истиннаго добра и правды. Если уже мы хотимъ обратить вниманіе на воспитаніе, то надо начать съ того, чтобы перестать презирать природу дѣтей и считать ихъ неспособными къ воспріятію убѣжденій разума. Напротивъ,—надо пользоваться тѣми внутренними сокровищами, которыя представляетъ намъ натура дитяти. Многія изъ этихъ природныхъ богатствъ намъ еще совершенно неизвѣстны, многое, по слову Евангелія, утаено отъ премудрыхъ и разумныхъ и открыто младенцамъ!..

Эта апологія правъ дѣтской природы противъ педагогическаго произвола, останавливающаго естественное развитіе, имѣла цѣлью указать на одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ нашего воспитанія. Мы не пускались въ подробности, а выставляли на видъ только общія положенія, въ надеждѣ, что умные воспитатели, если согласятся съ нашимъ мнѣніемъ, то и сами увидятъ, что и какъ

нужно имъ дѣлать и чего не дѣлать. Искусства обращаться съ дѣтьми нельзя передать дидактически; можно только указать основанія, на которыхъ оно можетъ утверждаться, и цѣль, къ которой должно стремиться. И мы думаемъ, — главное, что долженъ имѣть въ виду воспитатель, это—уваженіе къ человѣческой природѣ въ дитяти, предоставленіе ему свободнаго, нормальнаго развитія, стараніе внушить ему прежде всего и болѣе всего правильныя понятія о вещахъ, живыя и твердыя убѣжденія, заставить его дѣйствовать сознательно, по уваженію къ добру и правдѣ, а не изъ страха и не изъ корыстныхъ видовъ похвалы и награды.

Исполнить это трудно, но не невозможно. Начало подобнаго обращенія къ естественному смыслу дѣтей было уже положено, слишкомъ за полвѣка назадъ, благороднымъ и безкорыстнымъ филантропомъ воспитателемъ—Песталоцци. По поводу его-то школы сдѣлано г-жею Сталь многозначительное замѣчаніе, что «непониманіе дѣтей происходитъ всегда болѣе отъ темноты изложенія, нежели отъ трудности самыхъ наукъ» (De l'Allemagne). Тысячи опытовъ подтвердили это замѣчаніе съ тѣхъ поръ, какъ оно было высказано, и мы съ горестью должны сознаться, что оно и до сихъ поръ не потеряло своей справедливости. И не только умственное, но,—что еще болѣе грустно,—даже нравственное воспитаніе дѣтей страдаетъ у насъ тою же голословностью, внѣшностью, мертвенностью. Освободиться отъ этого жалкаго состоянія, обратить вниманіе не на мертвую букву, а на живой духъ, не на исполненіе внѣшней формы, а на развитіе внутренняго человѣка,—вотъ задача, которой выполненіе предстоитъ современному русскому воспитанію.

9. О пріученіи дѣтей.

Дѣти весьма легко забываютъ совѣты и предписанія о томъ, какъ имъ вести себя; поэтому, если мы хотимъ заставить дѣтей дѣлать что-нибудь, то надобно стараться, чтобы они постоянно это дѣлали до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не привыкнутъ. Истину этого положенія каждый воспитатель можетъ ежедневно повѣрять на опытѣ, постоянно убѣждаясь въ его важности и въ необходимости слѣдовать ему при практическомъ воспитаніи. Кто близко обращается съ дѣтьми и внимательно наблюдаетъ за ихъ жизнью и потребностями, особенно за ходомъ ихъ развитія и образованія, тотъ хорошо знаетъ, что отъ маленькихъ дѣтей нельзя требовать, чтобы они дѣлали добро и избѣгали зла единственно по собственному глубокому сознанію и размышленію. Дитя еще не достигаетъ такой степени духовнаго развитія. Развѣ не требовать отъ дѣтей, чтобъ они дѣлали добро и избѣгали зла,—пока они не достигнутъ той степени духовнаго развитія, на которой уже пробуждается самосознаніе?

Но такъ какъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни дитя уже неизбѣжно окружено бываетъ самыми разнообразными вліяніями и искушеніями всякаго рода, то этотъ педагогическій опытъ можетъ быть

довольно опасенъ. Дѣтская натура весьма склонна къ подражанію и, будучи оставлена самой себѣ, она въ короткое время можетъ пріобрѣсти такое умственное и нравственное направленіе, что впослѣдствіи самыя сильныя внушенія разума, самыя лучшія наставленія и требованія чести и долга не въ силахъ уже будутъ изгнать укоренившіеся дурные навыки. Нѣтъ,—разумное воспитаніе требуетъ, чтобы уже въ самомъ раннемъ возрастѣ, еще прежде, чѣмъ дѣти станутъ хорошо сознавать себя, внушалось имъ стремленіе ко всему доброму, истинному, прекрасному и благородному; они какъ бы инстинктивно должны въ это время привыкать къ нравственной жизни. Когда въ людяхъ, привыкшихъ такимъ образомъ дѣлать хорошее, и раскроется впослѣдствіи самосознаніе, и они будутъ исполнять свой долгъ, какъ образованные люди, по собственному убѣжденію, по любви, по свободному расположенію,—все же и въ этомъ случаѣ раннія привычки будутъ служить основаніемъ, на которомъ зиждется жизненное зданіе нравственности и благородства. Необходимость и благодѣтельность привычки доказывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣти, даже будучи въ состояніи понимать и разсуждать, часто, однако, по легкомыслію и вѣтренности, не дѣлаютъ того, что слѣдуетъ, пока ихъ не заставятъ или не принудятъ внѣшнимъ образомъ; лучшее средство для этого и есть постепенное пріученіе. Раннее пріученіе тотчасъ производитъ привычку; а какую власть имѣетъ надъ человѣкомъ привычка, это можно видѣть даже изъ старой пословицы: привычка—вторая натура. Поэтому-то учитель и воспитатель, желающіе, чтобы ихъ труды принесли какой-нибудь плодъ, непремѣнно должны прибѣгать къ средствамъ пріученія, особенно, если подъ вѣдѣніемъ ихъ находится много учениковъ, и нѣтъ возможности съ каждымъ изъ нихъ разсуждать о каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но чтобы изъ этой, въ сущности, полезной мѣры не сдѣлать дурного употребленія, нужно соблюдать слѣдующія правила:

1) Учитель долженъ пользоваться силою привычки при обученіи дѣтей, онъ долженъ настаивать съ особенной твердостью на томъ, чего онъ хочетъ и требуетъ отъ дѣтей, что желаетъ вкоренить въ душахъ ихъ; онъ долженъ заставлять дѣтей такъ часто, такъ постоянно повторять то же самое, чтобы это сдѣлалось наконецъ ихъ привычкою, вошло въ ихъ природу.

2) Дѣти должны точно и опредѣленно знать волю учителя, или начальника, т. е. что имъ должно дѣлать и исполнять; поэтому воля начальника должна ясно и открыто выражаться во всѣхъ приказаніяхъ по классу и во всемъ порядкѣ ученья.

3) Начальникъ долженъ остерегаться, чтобы въ его приказаніяхъ не было исключеній или частыхъ перемѣнъ; иначе это можетъ подать дѣтямъ поводъ къ капризамъ, и, желая пріучить ихъ ко всему, непостоянный воспитатель кончитъ тѣмъ, что ни къ чему не пріучитъ.

4) Начальникъ долженъ постоянно стараться показывать дѣтямъ, что онъ все замѣчаетъ, на все смотритъ и всегда знаетъ, такъ ли исполнено его приказаніе, какъ онъ хотѣлъ.

5) Онъ долженъ постоянно поощрять и возбуждать дѣтей, чтобы они охотно и съ готовностью исполняли во всей строгости училищныя правила. Для этого при всѣхъ своихъ приказаніяхъ онъ долженъ обращаться съ дѣтьми ласково и дружески, не теряя, однако, серьезнаго и строгаго вида и во всемъ показывая дѣтямъ, что ничто не въ состояніи измѣнить его волю или ослабить его рѣшимость.

6) Отъ дѣтей, на которыхъ не дѣйствуютъ убѣжденія и которыя упрямо держатся своихъ дурныхъ привычекъ и своевольно противятся приказаніямъ, нужно требовать строгаго, слѣпого повиновенія. Но дѣтей, выказывающихъ разсудительность и добрую волю, нужно возбуждать къ повиновенію свободному, основанному на разумномъ убѣжденіи, которое имъ нетрудно внушить.

7) Даже, если начальникъ видитъ, что для дѣтей трудно и обременительно исполнять его приказанія,—и въ такомъ случаѣ, если ихъ исполненіе необходимо,—онъ не долженъ отступать передъ трудностью дѣла, но твердо настаивать на своемъ требованіи: только мало-помалу, постепеннымъ продолженіемъ и повтореніемъ извѣстнаго дѣла, можно преодолѣть его трудность, устрашающую на первый разъ.

8) Начальникъ долженъ быть одинаковъ ко всѣмъ дѣтямъ, безъ различія; отъ всѣхъ одинаково нужно требовать исполненія того, что предписано. Поэтому начальникъ не долженъ казаться строгимъ въ отношеніи къ однимъ, а къ другимъ слабымъ, снисходительнымъ. Всѣ равномѣрно должны быть направляемы и пріучаемы къ добру.

9) Начальникъ обязанъ смотрѣть, чтобы тѣ ученики, которые давно уже находятся въ школѣ, подавали примѣръ добраго поведенія тѣмъ, которые вновь поступили, а младшіе пріучались ко всему хорошему, слѣдуя примѣру старшихъ.

10) Въ пріученіи всякаго рода особенно важно заботиться о томъ, чтобы не сдѣлать повиновенія дѣтей безсмысленнымъ. Если дитя не можетъ еще ясно понимать, почему и для чего оно дѣлаетъ то или другое, то, по крайней мѣрѣ, оно должно знать, что оно дѣлаетъ; иначе изъ людей выйдутъ машины.

Если учители и воспитатели будутъ держаться этихъ правилъ при внушеніи дѣтямъ разныхъ добрыхъ привычекъ, то, конечно, о нихъ нельзя будетъ сказать, что они дурно воспользовались этимъ прекраснымъ средствомъ нравственнаго воспитанія.

(Изъ Die Zucht in der Volksschule, v. K. Hermanus).

---

10. Учитель долженъ служить идеаломъ для учениковъ.

Юность вообще склонна къ восторженной идеализаціи. Поэтому дѣти любятъ собирать въ одно всѣ понятія о совершенствѣ, какія имъ удалось получить въ недолгой своей жизни, и переносятъ ихъ на какую-нибудь опредѣленную личность, въ которой видятъ осуществленіе своихъ идеаловъ. Всего чаще идеаломъ ихъ становится учитель, и въ немъ-то стараются они видѣть соединеніе всѣхъ добродѣтелей. Если всѣ окружающіе дитя—лгутъ и обманываютъ, а учитель этого не

дѣлаетъ; если даже отецъ ребенка бываетъ не всегда въ трезвомъ состояніи, а въ учителѣ нѣтъ этой слабости; если въ самомъ семействѣ господствуетъ раздоръ, а учитель постоянно кротокъ и радушенъ,—то ребенокъ уже думаетъ о своемъ учителѣ, какъ о чемъ-то высшемъ, и едва можетъ представить, чтобы онъ имѣлъ такія же потребности, какъ другіе, чтобы онъ пилъ и ѣлъ такъ же, какъ другіе люди. Да, учитель представляетъ для ученика высшій образецъ человѣческаго совершенства, возбуждающій благоговѣйное удивленіе. «Вотъ до этого мѣста дотронулся нашъ учитель пальцами»,—говорила мнѣ одна маленькая дѣвочка, почтительно показывая въ своей книгѣ мѣсто, обведенное ею вокругъ карандашомъ.

Положеніе учителя весьма выгодно въ томъ отношеніи, что онъ не находится безпрестанно предъ глазами учениковъ, какъ, напримѣръ, бываютъ ихъ родители. Но въ этомъ же заключается и важное неудобство для него: за нимъ каждый разъ наблюдаютъ строже и внимательнѣе. Объ этомъ не мѣшало бы учителямъ подумать посерьезнѣе и вспоминать каждое утро, предъ отправленіемъ въ классъ. Они должны всегда помнить, что въ лицѣ ихъ осуществляются для дѣтей всевозможныя совершенства; не должны забывать и того, что это идеальное юношеское вѣрованіе облегчаетъ дѣйствія учителя и дѣлаетъ его примѣръ благотворнымъ. Свѣтъ еще успѣетъ вырвать изъ дѣтской души много этихъ прекрасныхъ вѣрованій; что же, если и сами учители будутъ безразсудно и легкомысленно этому способствовать, подрывая основаніе, на которомъ преимущественно утверждается все дѣло воспитанія?

Чѣмъ болѣе учитель будетъ помнить, что ученики смотрятъ на него, какъ на существо высшее, тѣмъ сильнѣе будетъ его вліяніе на дѣтей, тѣмъ болѣе будетъ доставлять отрады каждая его похвала, тѣмъ глубже врѣжется въ сердце ученика каждый упрекъ его, а, слѣдовательно, и все дѣло воспитанія будетъ несравненно благотворнѣе. Но горе учителю, который неосторожнымъ своимъ поведеніемъ, проявленіемъ своихъ страстей предъ учениками, разрушилъ то обаяніе, которымъ былъ окруженъ въ ихъ глазахъ. Они уже смотрятъ на него, какъ на обыкновеннаго человѣка, предписанія его считаютъ прихотью, наказанія—средствомъ отмщенія; о немъ говорятъ въ кругу семейства, покачивая головой въ знакъ сомнѣнія насчетъ его нравственныхъ достоинствъ. Нѣкто сказалъ: «самое несчастное отношеніе между учителемъ и учениками—то, когда въ нихъ закрадывается сомнѣніе относительно познаній учителя». Мы къ этому прибавимъ, что еще несчастнѣе положеніе учителя тогда, когда это сомнѣніе дѣтей касается его нравственныхъ достоинствъ. Какъ только нравственное довѣріе потеряно и поколебалось хоть нѣсколько, тотчасъ же и слово учителя теряетъ свою силу,—его похвала и порицаніе не имѣютъ значенія, и то, что прежде охотно и радостно дѣлалось—единственно изъ любви и уваженія къ нему, достигается уже не иначе, какъ школьной тиранiей, наказаніями и принужденіями.

Да, много нужно для этого, чтобы быть учителемъ въ полномъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, и мы охотно признаемся, что

всѣ мы далеки отъ этого идеала. Наше дѣло—дѣло рукъ человѣческихъ, и, къ сожалѣнію, послѣдствія часто весьма несовершенно соотвѣтствуютъ нашимъ искреннимъ стремленіямъ. Но если мы дерзаемъ сами за себя надѣяться на милость Всевышняго Судіи, то никогда не должны забывать, что къ намъ особенно относятся слова: «горе тому, кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ!» Хороши и слова, но примѣръ еще лучше, и хотя наша дѣятельность никогда не можетъ быть свободна отъ недостатковъ, но, по крайней мѣрѣ, мы можемъ и должны стараться, чтобы въ ней хотя сколько-нибудь отразился Божественный образъ, который мы носимъ въ душѣ своей.

(Изъ Die Pädagogik der Volksschule).

---

11. Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Выпускъ I. Спб. 1857 г.

Давно уже въ Петербургѣ носились слухи о «Сборникѣ», предпринятомъ студентами университета. Съ осени прошлаго года, въ кружкахъ, близкихъ къ университету, безпрестанно слышались толки о предполагаемомъ изданіи, изъ котораго одни дѣлали журналъ, другіе—учено-литературный сборникъ, третьи—просто сборникъ студентскихъ диссертацій. Сначала находились скептики, отвергавшіе возможность подобнаго изданія; но 26-го октября 1856 года подано было студентами формальное прошеніе въ Совѣтъ университета, а 30 января 1857 года вышло разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія касательно изданія студентскаго «Сборника». Не теряя времени, студенты принялись за работу. Немедленно во всѣхъ журналахъ и газетахъ напечатаны были объявленія объ изданіи, повѣщены публикѣ имена редакторовъ, на которыхъ возлагалась отвѣтственность изданія, разосланы во всѣ концы Россіи и даже за границу особо напечатанныя программы изданія, приглашенія и пр. Въ одной изъ этихъ программъ было сказано, что «Сборникъ студентскій» хочетъ, между прочимъ, служить отзывомъ на призывъ, обращенный ко всѣмъ студентамъ издателями журнала «Voix des écoles». Это многихъ поставило было въ недоумѣніе относительно характера ожидаемаго студентскаго изданія, такъ какъ извѣстно, что «Voix des écoles» помѣщаетъ у себя школьные анекдоты, игривые разборы сорбонскихъ лекцій и т. п. Но вскорѣ всѣ успокоились, когда объявлено было, что студентская редакція поступаетъ подъ надзоръ одного изъ профессоровъ, М. И. Сухомлинова, извѣстнаго нашего молодого ученаго. Кромѣ того, студенты обращались къ нѣкоторымъ высокимъ особамъ, ученымъ и литераторамъ, съ просьбою ободрить ихъ начинаніе. Такъ, обратились они къ С. Т. Аксакову, какъ автору «Семейной хроники» и «Записокъ объ уженіи рыбы и о ружейной охотѣ», столь памятныхъ русской публикѣ; такъ, обратились они къ Н. И. Пирогову, какъ знаменитѣйшему изъ нашихъ

врачей-хирурговъ. Г. Аксаковъ отвѣчалъ, что онъ очень радъ начинанію студентовъ и очень имъ благодаренъ за ихъ вниманіе; г. Пироговъ же написалъ имъ, между прочимъ, слѣдующее: «Если вы уже научились имѣть убѣжденія, и если вы уже имѣете убѣжденіе, что ваша дѣятельность будетъ полезна, тогда, никого не спрашиваясь, вѣрьте себѣ, и труды ваши будутъ именно тѣмъ, чѣмъ вы хотите, чтобъ они были. Если нѣтъ, то ни совѣты, ни убѣжденія не помогутъ» («Сб.», стр. VI, пред.).

Ободренные, такимъ образомъ, высокимъ вниманіемъ просвѣщенныхъ особъ, студенты, подъ руководствомъ профессора Сухомлинова, приступили къ трудамъ по изданію. Учреждены были сходки студентовъ-редакторовъ черезъ каждыя двѣ недѣли на квартирѣ профессора-редактора, а 20 апрѣля былъ даже большой сходъ въ одномъ изъ залъ университета. Этотъ сходъ удостоенъ былъ посѣщеніемъ нѣсколькихъ любителей и любительницъ просвѣщенія, не принадлежащихъ къ университету. Одна изъ дамъ написала въ редакцію восторженное письмо, которое тоже напечатано въ «Сборникѣ». Письмо полно энтузіазма.—«Я вполнѣ сознала,—говоритъ неизвѣстная дама,—чего можно ожидать отъ всѣхъ этихъ пылкихъ головъ, отъ этихъ орлятъ, пробующихъ крылья... И закралась во мнѣ мысль, что въ журналѣ этомъ скажется слово и за женщину, что захочетъ молодое поколѣніе и въ будущихъ спутницахъ своихъ найти достойныхъ сотрудницъ, потому что вѣдь дѣло вѣковъ поправлять не легко.... И позаботится молодое поколѣніе заранѣе научить женщину быть счастливою, основывая свое счастіе на счастьѣ всѣхъ ее окружающихъ, научить женщину сбросить пустую жизнь, убивающую всякую нравственную дѣятельность»... и пр., въ томъ же родѣ... Редакція ничего не прибавляетъ къ этому письму; но уже самое напечатаніе письма служитъ доказательствомъ, что она надѣется, съ своимъ почтеннымъ руководителемъ, исполнить всѣ надежды, высказываемыя восторженною корреспонденткой; иначе къ чему было и печатать ея письмо?

Впрочемъ, первый выпускъ, являющійся нынѣ, какъ результатъ всего, описаннаго выше, движенія, еще не выполняетъ ни одной изъ этихъ надеждъ. Въ немъ находимъ направленіе скорѣе чисто научное, нежели общественное. Большихъ статей въ первомъ выпускѣ четыре: «О Герберштейнѣ», гг. Григоровича, Корелкина и Новикова (сводъ въ одно трехъ диссертацій); «Теорія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ функцій», статья А. Коркина; «Гюлистанъ Саади», статья Ю. Богушевича; «О новгородской судной грамотѣ», статья Ѳ. Панова. Достоинство всѣхъ этихъ разсужденій, какъ студентскихъ трудовъ, не нуждается въ нашемъ сужденіи: всѣ они напечатаны съ одобренія профессоровъ, къ факультету которыхъ относятся. Изъ профессорскихъ отзывовъ, напечатанныхъ въ «Сборникѣ», видно, что за авторами признаны и знаніе источниковъ и пособій, и трудолюбіе, и умѣнье правильно подбирать данныя, и логическая послѣдовательность, и ясность изложенія. Конечно, нельзя отъ «Сборника» студентовъ ожидать какихъ-нибудь новыхъ плодотворныхъ взглядовъ на

науку, замѣчательныхъ открытій и т. п., — нельзя, кромѣ другихъ причинъ, уже и по самой организаціи изданія, какъ она теперь установлена. Но все же и въ этихъ статьяхъ, составляющихъ вообще не болѣе, какъ подробнѣйшее развитіе профессорскихъ лекцій и мнѣній, гораздо уже болѣе значенія, нежели въ «Трудахъ» разныхъ воспитанниковъ, издававшихся въ былое время другими заведеніями. Тамъ видали мы переводы, въ видѣ практическихъ обзоровъ, перифразы напечатанныхъ профессорскихъ записокъ, водяные историческіе разсказы по учебникамъ, да еще развѣ какія-нибудь глоссы, кропотливо приведенныя въ алфавитный порядокъ, чѣмъ и ограничивались всѣ многотрудныя соображенія автора. Здѣсь, напротивъ, мы видимъ, дѣйствительно, если не настоящую ученость, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое знакомство съ учеными пріемами. Здѣсь же видимъ мы и торжество той школы, которая отвергаетъ общіе взгляды, и видимъ настоящую пользу университетскихъ занятій въ изученіи мелочей и частностей. Извѣстно, что есть люди, которые, занесшись слишкомъ высоко, полагаютъ, что юношество, вступающее въ университетъ, достаточно уже запаслось частными знаніями и фактами всякаго рода еще въ среднихъ заведеніяхъ, и что въ университетѣ оно уже должно изучать философію науки; что здѣсь должны господствовать духъ и идея, а буква и всѣ мелочи должны служить только для напоминанія, и потомъ для повѣрки. Эти люди жестоко ошибаются. Гораздо лучше ихъ понимаютъ положеніе нашихъ университетовъ тѣ, которые держатся мнѣнія совершенно противоположнаго. Они совсѣмъ и не думаютъ о какихъ-нибудь взглядахъ, они разсуждаютъ такъ: «если человѣкъ посвятитъ всю жизнь такому-то предмету, то, можетъ быть, и взглядъ какой-нибудь составитъ; а если нѣтъ, то на что ему взгляды? Будетъ только судить и рядить, не понимая дѣла. Пусть же лучше займется, какъ слѣдуетъ, основательно». И на этомъ основаніи, вмѣсто философіи языка, читается просто перечень всѣхъ корней словъ въ языкѣ, или пространно толкуется о разныхъ тонкостяхъ правописанія, напримѣръ, съ большой или маленькой буквы писать прилагательныя, произведенныя отъ именъ собственныхъ. Вмѣсто обзора исторической жизни, останавливаются, по нѣсколько лекцій, на томъ, что значитъ какой-нибудь аористъ вмѣсто прошедшаго совершеннаго въ какомъ-нибудь греческомъ источникѣ. Вмѣсто характеристики писателя, представляютъ полное собраніе достовѣрныхъ, но разнорѣчащихъ свидѣтельствъ о томъ, какого числа онъ родился, на какомъ году написалъ первое стихотвореніе и на какой улицѣ жилъ передъ смертью. Въ такомъ же родѣ даютъ труды и студентамъ: сличить два изданія древняго памятника, подвести варіанты къ изданію по рукописи, сдѣлать сводъ всѣхъ свидѣтельствъ, въ которыхъ упоминается такое-то имя, и т. п. Студенты работаютъ и, отвыкая отъ безплодныхъ высшихъ взглядовъ, пріучаются къ серьезному основательному труду, начинаютъ находить вкусъ въ занятіяхъ и пріобрѣтаютъ усидчивость и ту примѣтливость къ мелочамъ, которая такъ необходима истинному ученому. Правда, при такомъ направленіи, грозитъ имъ опасность остаться при однѣхъ

мелочахъ, но это, собственно, не бѣда: всетаки, хоть что-нибудь да есть, вмѣсто пустоты общихъ взглядовъ. Намъ могутъ возразить, что самое тщательное, мелочное изученіе предмета можетъ быть помирено съ живымъ и широкимъ взглядомъ на него. Но такое примиреніе нужно будетъ предоставить уже истинно ученымъ, какихъ у насъ крайне мало, а не студентамъ нашихъ университетовъ, для которыхъ лѣтописи и Мишле, варіанты ериковъ въ древнихъ спискахъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ—вещи рѣшительно несовмѣстимыя. Если наши студенты будутъ рѣшаться на высказываньe собственныхъ общихъ взглядовъ, то обнаружатъ только бѣдность своихъ знаній и безсиліе своей мысли, которая весьма легко скрывается при занятіи частностями предмета. Напримѣръ, гг. Григоровичъ, Корелкинъ и Новиковъ представили сводную диссертацію свою о Герберштейнѣ. Все, что говорятъ они, не ново со времени Аделунга и Карамзина. Сначала идетъ біографія Герберштейна, составленная по сочиненію Аделунга; далѣе, разбирается достовѣрность извѣстій Герберштейна о Россіи, и перебираются лица, сообщавшія ему свѣдѣнія, разсматриваются обстоятельства, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, приводятся древніе памятники, бывшіе у него въ рукахъ. Все это не болѣе, какъ подробнѣйшее развитіе разныхъ намековъ и указаній Карамзина, съ добавленіемъ кое-какихъ свѣдѣній, добытыхъ послѣ него нашими учеными. Но все же, здѣсь видно трудолюбіе и внимательное изученіе предмета, какъ, напримѣръ, въ томъ отдѣлѣ, гдѣ диссертація слѣдитъ за Герберштейномъ въ его изложеніи русской исторіи и указываетъ подробнѣйшимъ образомъ, гдѣ онъ не понялъ лѣтописи, гдѣ сократилъ ея разсказъ, гдѣ измѣнилъ, гдѣ прибавилъ свое слово. При такомъ строго ученомъ слѣдованіи трудно, по крайней мѣрѣ, впасть въ заблужденіе. Можно, конечно, дѣлать ошибки и тутъ, но и ошибки эти могутъ быть только такого свойства, что будутъ доказывать развѣ недостатокъ сообразительности и ограниченность круга зрѣнія автора. Совсѣмъ другое дѣло—статья г. Ю. Богушевича о Гюлистанѣ, въ которой авторъ широко раскидываетъ свои взгляды, выдавая за новость, что на Востокѣ умственный застой, и что исламъ ниже христіанства. Съ этими высокими взглядами г. Богушевичъ добился только того, что и профессоръ (г. Березинъ) замѣтилъ въ немъ недостатокъ историческаго изученія, и даже редакція «Сборника» сама созналась, что статья «не выдерживаетъ исторической критики». Да еще и это куда бы ни шло. Вышло нѣчто, еще болѣе неудачное: въ своемъ задорномъ стремленіи доказать зловредность ислама, г. Богушевичъ, истощивши всѣ силы своей мыслительной способности, прибѣгъ къ пособію реторики, которая увлекла его къ тирадамъ вродѣ слѣдующей:

«Послѣ первыхъ вѣковъ бурной жизни, когда исламъ разливался кровавою лавою, съ быстротою и неудержимостью горнаго весенняго потока, потрясая умы своимъ палящимъ фанатизмомъ и возбуждая ихъ къ новой жизни и дѣятельности,—послѣ этихъ первыхъ вѣковъ, когда страшный потокъ разлился въ разныя стороны и потерялъ единство своей идеи и цѣли, все застыло и превратилось, подобно

лавѣ, въ твердую, почти безжизненную, бѣдно-производительную массу, такъ, что тотъ же исламъ, который прежде двинулъ Востокъ такъ далеко впередъ, на извѣстныхъ предѣлахъ остановилъ его, повисъ надъ нимъ неодолимою судьбою и надолго запечатлѣлъ его роковою печатью неподвижности» (стр. 181).

Подобныя тирады бываютъ роковыми для ихъ авторовъ: трудно ужъ подняться хоть сколько-нибудь въ глазахъ читателя, сунувши ему въ глаза такихъ десять строчекъ. Онъ ужъ все такъ и будетъ думать: «да нѣтъ,—это все какая-то нескладная аллегорія. Лава, кровь, весенній потокъ съ палящимъ фанатизмомъ, теряющій единство своей цѣли и вдругъ повиснувшій судьбою. Нѣтъ, это все не клеится. Вѣрно, и всѣ взгляды автора таковы же». И читатель будетъ имѣть право дѣлать такое сужденіе, потому что отъ всякаго, кто пускается въ высшіе взгляды, всегда требуются не громкія фразы, а ясное, отчетливое убѣжденіе, которое въ изложеніи должно быть доведено до простоты и осязательности факта. Для такого изложенія нужно въ самомъ дѣлѣ овладѣть предметомъ, и вотъ почему мы говоримъ, что для нашихъ студентовъ гораздо выгоднѣе заниматься разработкой частностей, нежели пускаться въ общіе обзоры. Тамъ можно и не доглядѣть многаго, и обойти многое—бѣды не будетъ. Напримѣръ, возьмемъ хоть ту же диссертацію о Герберштейнѣ: несмотря на подробный разборъ содержанія его записокъ, несмотря на множество ученыхъ сличеній, читатель, по прочтеніи всей диссертаціи, остается въ полномъ недоумѣніи относительно внутренняго характера Герберштейновыхъ записокъ, относительно его понятій, взглядовъ и убѣжденій. Авторы говорятъ, что это былъ мужъ ученый, добросовѣстный, любознательный и т. п., но существа его характера, его мнѣній не объясняютъ нисколько. Двухъ страницъ, конечно, достаточно было бы, чтобы дать полную, живую, отчетливую характеристику Герберштейна; но эти двѣ страницы должны бы были потребовать несравненно болѣе предварительнаго труда и учености, чѣмъ сколько ея потрачено на всю диссертацію, тремя авторами совокупно. Всякій понимаетъ это и не требуетъ невозможнаго. Читатель, по прочтеніи диссертаціи, спрашиваетъ себя: что же этотъ Герберштейнъ,—приближается ли онъ къ флетчеровскому роду, или представляетъ что-то вродѣ «Путешествія по святымъ мѣстамъ русскихъ», или «Странствія въ Малороссію» князя Петра Шаликова? Но отвѣта на такой вопросъ никто уже не станетъ требовать отъ студентовъ, видя, что они, съ своей стороны, разсмотрѣли данныя совершенно другого рода, бывшія имъ болѣе по силамъ. Это обстоятельство можетъ быть даже полезно: иной читатель, послѣ статьи о Герберштейнѣ, обратится самъ къ его запискамъ и прочтетъ переводъ ихъ, начало котораго напечатано въ первомъ же выпускѣ «Сборника». Вотъ о переводѣ нельзя не сказать, что это дѣло полезное. Жаль, что студенты не взялись за это дѣло въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Если бы они даже весь свой «Сборникъ» наполнили переводами иностранныхъ произведеній, почему-нибудь замѣчательныхъ, то, конечно, ни отъ

кого не услышали бы ничего, кромѣ благодарности. Именно такого рода труды всего болѣе удобны для студентовъ.

Кромѣ большихъ статей, въ «Сборникѣ» напечатано еще нѣсколько мелкихъ библіографическихъ замѣтокъ о Новиковѣ, Воейковѣ и пр. Здѣсь напечатанъ, между прочимъ, «Сумасшедшій домъ» Воейкова. Остальное все составляетъ перепечатку изъ разныхъ старинныхъ изданій. Мы не считаемъ слишкомъ драгоцѣнными подобныя случайныя перепечатки и замѣтки. Особенной занимательности для всей публики такія мелкія указанія имѣть не могутъ, для библіографа же едва-ли составятъ большое облегченіе. Пройдетъ пять, десять лѣтъ, и нынѣшнія изданія также будутъ старыми. Библіографъ, занимающійся хоть литературой двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, пересмотритъ тогдашніе журналы и альманахи, и его дѣло сдѣлано. А тутъ, между тѣмъ, подвертываются еще несносные журналы пятидесятыхъ годовъ, въ которыхъ тоже напечатаны замѣтки о тогдашней литературѣ. Нужно рыться и въ нихъ, и на это, пожалуй, пойдетъ труда еще больше, чѣмъ на самое дѣло. А окажется, что здѣсь только перепечатано то же самое, что было въ журналахъ двадцатыхъ годовъ. Пора бы нашимъ библіографамъ понять, что ихъ труды получаютъ нѣкоторое значеніе только при массѣ свѣдѣній, и что отрывочныя, мелкія указанія вовсе и не стоитъ выпускать на Божій свѣтъ, затѣмъ только, чтобы они, затерянныя въ старыхъ изданіяхъ, еще разъ затерялись въ новыхъ. Совсѣмъ другое—указатели или сборники довольно значительныхъ размѣровъ; тѣ могутъ замѣнять сотни томовъ, въ тѣхъ можно всегда навести нужную справку. А то, что бы было, если бы журналы принялись, напримѣръ, печатать въ «Смѣси» хоть областныя слова и пословицы, да и помѣщали бы по десятку словъ да по парѣ пословицъ въ каждой книжкѣ? А что еще, если бы собиратели этихъ словъ стали гордиться своими трудами и придавать имъ важное значеніе для науки?

Въ заключеніе, не можемъ не замѣтить въ «Сборникѣ» статьи г. Богушевича: «Новое предпріятіе нашихъ студентовъ». Это предпріятіе касается сочиненія и изданія учебниковъ по восточнымъ языкамъ, т.-е. грамматикъ, словарей и хрестоматій. Всѣхъ изданій насчитано 36. Дѣло еще «остается пока мыслью», по выраженію г. Богушевича; но онъ выражаетъ твердую увѣренность, «что мыслью оно останется недолго». Мы, съ своей стороны, не можемъ оставить безъ вниманія стремленіе г. Богушевича сообщать русской публикѣ какъ можно поспѣшнѣе обо всемъ, что думаютъ и о чемъ толкуютъ его товарищи въ своемъ кружкѣ.

Въ лѣтописи внутренней жизни университета говорится всего болѣе объ изданіи «Сборника». Тутъ сообщаются тѣ самыя свѣдѣнія, которыя мы изложили въ началѣ нашей рецензіи. Но самое интересное здѣсь—таблица числа студентовъ въ университетѣ за послѣднія 20 лѣтъ. Въ 1835 г. было всего 200 студентовъ, и съ каждымъ годомъ число это увеличивалось до 1848 г., когда ихъ было уже 650. Но въ 1849 г. число студентовъ вдругъ упадаетъ до цифры 503, а въ 1850 г. до 387. Съ этихъ поръ идетъ довольно ровно до 1855 года, ни-

когда не доходя до 400. Въ 1856 году опять увеличивается до 478, а въ 1857 году до 600. Это одинъ изъ знаменательныхъ фактовъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о томъ, какъ сильно сдѣлалось у насъ въ послѣдніе годы сознаніе необходимости просвѣщенія.

1858 г.

12. Руководство къ изученію словесности и къ практическому упражненію въ сочиненіяхъ.

Составилъ Санктпетербургской Духовной Семинаріи профессоръ магистръ *Михаилъ Архангельскій*. Спб. 1857 г.

Г. Архангельскій весьма справедливо говоритъ, на стр. 9-й своего руководства: «Не должно читать всякихъ сочиненій безъ разбора. Есть сочиненія худыя, т.-е. скудныя и неправильныя по мыслямъ, неудовлетворительныя въ отношеніи къ искусству (?) и слогу, и даже вредныя по своему направленію. Читать такія сочиненія было бы вредно и опасно, особенно для начинающихъ учиться словесности». Внимательно просмотрѣвши книжку г. Архангельскаго, мы убѣдились, что приведенныя слова въ полной мѣрѣ прилагаются къ его руководству. Оно издано для начинающихъ учиться словесности, но именно начинающимъ-то особенно вредно и опасно читать его. Этимъ замѣчаніемъ можно бы и покончить дѣло съ г. Архангельскимъ, тѣмъ болѣе, что это согласно съ образомъ мыслей самого автора руководства, который говоритъ, что «унизительно и безполезно было бы критикѣ разбирать сочиненія, не имѣющія ни дѣльныхъ мыслей, ни красоты изложенія и отличающіяся притомъ многочисленными промахами противъ логики и грамматики». О такихъ сочиненіяхъ авторъ дозволяетъ критикѣ или вовсе умалчивать, или сказать только, что они ниже всякой критики, и тѣмъ покончить съ ними свое дѣло. Мы хотѣли уже воспользоваться такимъ полномочіемъ и просто осудить автора отъ собственныхъ устъ его. Но насъ остановило замѣчаніе его, слѣдующее непосредственно за тѣмъ, что дурныя сочиненія разбирать безполезно и унизительно: «впрочемъ, говоритъ г. Архангельскій, за неимѣніемъ хорошихъ сочиненій, нельзя считать совершенно безполезнымъ и разсматриваніе дурныхъ книгъ. Въ такомъ случаѣ критика, по крайней мѣрѣ, научитъ насъ называть дурное дурнымъ, остановитъ вредное направленіе литературы и приготовитъ литературу къ произведенію хорошаго» (стр. 256). Не подумайте, чтобъ это «*впрочемъ*», совершенно уничтожающее силу предыдущаго положенія, было просто случайной обмолвкой со стороны автора. Нѣтъ, онъ принялъ такую систему во всемъ своемъ руководствѣ, и съ этой-то стороны мы намѣрены обратить на него особенное вниманіе читателей. У тѣхъ, кто бы вздумалъ довѣриться этому руководству, образовалось бы въ головѣ смѣшеніе самыхъ противоположныхъ понятій, еще болѣе жалкое, нежели воззрѣнія старыхъ теорій, вродѣ «Реторики» Кошанскаго, «Чтеній о словесности» Ивана Давыдова и

т. п. Руководства вродѣ г. Архангельскаго могутъ пріучить только къ безхарактерности воззрѣній. Они означаютъ совершенное безсиліе автора провести послѣдовательно и строго какую-нибудь независимую теорію, выработать и примѣнить къ частностямъ какую-нибудь живую общую мысль. Они не хотятъ быть отсталыми, и потому принимаютъ въ себя и кое-что новое; но изъ этого выходитъ только то слѣдствіе, что они дѣлаются чрезвычайно похожими на безобразную кучу, въ которую Плюшкинъ пряталъ свои находки. «Все, что ни попадалось ему—старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ,—все онъ тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу; случилось проѣзжему офицеру потерять шпору—шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь раззѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро». Дѣлая все это, Плюшкинъ воображалъ, конечно, что у него хорошее хозяйство; подобно ему, и г. Архангельскій, собирая кое-гдѣ клочки разныхъ теорій и взглядовъ, воображаетъ, что у него выходитъ хорошее руководство. Главная цѣль его была, повидимому, та, чтобы не представить ни одного твердаго положенія науки, не дать ни одного правила иначе, какъ съ ограниченіемъ, уничтожающимъ смыслъ его. Для успѣха въ сочиненіи нуженъ талантъ, говоритъ онъ; впрочемъ, и безъ таланта можно быть писателемъ дѣльнымъ и полезнымъ. При сочиненіи полезно *изобрѣтеніе* мыслей; впрочемъ, нынѣ оно справедливо признается негоднымъ въ дѣлѣ словесныхъ занятій. Для всѣхъ сочиненій, какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ, необходимы пять частей: приступъ, предложеніе, раздѣленіе, изслѣдованіе и заключеніе. Онѣ не выдуманы древними, а вытекаютъ сами собою изъ природы нашего ума; впрочемъ, бываютъ сочиненія безъ приступа, безъ предложенія, раздѣленія и заключенія. Пишутъ обыкновенно стихами или прозой; впрочемъ, бываетъ рѣчь, не составляющая ни стиховъ, ни прозы, а *средняя* между тѣмъ и другимъ. Слогъ есть способъ выраженія, свойственный каждому писателю; впрочемъ, по главнымъ способностямъ души, слогъ бываетъ троякій: философскій, изобразительный и одушевленный; кромѣ того, еще народъ, какъ отдѣльная собирательная личность, имѣетъ свой слогъ... Для всѣхъ сочиненій вообще существуютъ только четыре формы: монологическая, эпистолярная, діалогическая и смѣшанная; впрочемъ, сочиненія ученыя излагаются еще иногда въ видѣ рѣчи и въ формѣ аллегорической. Всѣ правила изложены такимъ образомъ: только что авторъ успѣетъ сказать: *нужно*, какъ на той же страницѣ спѣшитъ прибавить: а, впрочемъ, пожалуй, и не нужно. Даже относительно надобности изученія словесности онъ говоритъ точно такъ же: сначала—«правила необходимы»,—а потомъ «впрочемъ, пожалуй, они и не важны, сами по себѣ». Словомъ, руководство г. Архангельскаго есть какой-то литературный Межуевъ: «на первый взглядъ въ немъ есть, какъ будто, какое-то упорство; а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ его окажется мягкость, что онъ согласится именно на то, что отвергалъ, глупое назоветъ умнымъ и пойдетъ потомъ поплясывать, какъ нельзя лучше, подъ чужую дудку». По нашимъ понятіямъ, Межуевъ еще

хуже Ноздрева, потому что онъ находится подъ вліяніемъ Ноздрева, признаетъ его нравственное превосходство и, по его настоянію, можетъ рѣшиться на какую-угодно мерзость, хотя самъ по себѣ имѣетъ не столько дурныхъ навыковъ, какъ Ноздревъ. Такъ точно, по нашему мнѣнію, «Руководство» г. Архангельскаго хуже даже «Чтеній о словесности» Ив. Давыдова. Какъ бы для довершенія сходства въ нашемъ сравненіи, руководство никакъ не можетъ освободиться отъ вліянія «Чтеній» и безпрестанно толкуетъ объ образцовыхъ сочиненіяхъ ихъ автора.

Кто отличается у насъ правильностью рѣчи?—Ив. Давыдовъ (стр. 67). Кто точностью?—Ив. Давыдовъ (стр. 91). Кто пишетъ образцовые некрологи?—Иванъ Давыдовъ (стр. 206). Кто служитъ образцомъ въ философическихъ и педагогическихъ разсужденіяхъ? — Ив. Давыдовъ (стр. 245). Кто основалъ у насъ ученую критику?— Ив. Давыдовъ. Чьи лучшія рѣчи академическія?—Ив. Давыдова (стр. 306). Какое сочиненіе представляетъ образецъ изложенія науки?— «Чтенія о словесности» Ивана Давыдова. Безъ Ивана Давыдова и его «Чтеній» нѣтъ спасенія для г. Архангельскаго, и вліяніемъ этого авторитета объясняется нѣсколько и то двоедушіе, какое обнаруживается «Руководствомъ» въ изложеніи разныхъ правилъ и опредѣленій науки. Вмѣстѣ съ именемъ Ив. Давыдова нерѣдко упоминается имя его литературнаго антагониста, г. Греча, которому удалось недавно (рѣдкій для г. Греча случай!) доказать, что г. Иванъ Давыдовъ не можетъ служить образцомъ ни въ правильности и точности языка, ни въ хорошемъ изложеніи и пониманіи науки. Къ именамъ сихъ двухъ маститыхъ ученыхъ прибавляются иногда имена людей, совсѣмъ не принадлежащихъ къ столь почтенному кругу, напр., гр. Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова и т. п. Какъ должно быть имъ лестно увидѣть свое имя на страницахъ «Руководства» рядомъ съ именами г. Греча и г. Ивана Давыдова! Вообще въ именахъ у г. Архангельскаго происходитъ то же благоразумное примиреніе и нашихъ и вашихъ, какъ и въ научныхъ положеніяхъ. Избранная библіотека можетъ вообще опредѣлить характеръ и направленіе человѣка, и почитатель Гоголя, Лермонтова, Бѣлинскаго, конечно, не похожъ будетъ по характеру своихъ воззрѣній на почитателя Державина, Хераскова и Мерзлякова. Но у г. Архангельскаго все смѣшивается: въ образецъ описаній приводятся описанія Лермонтова, Полевого, Марлинскаго; лучшими письмами признаются письма Ѳ. Глинки и Гоголя; лучшими критическими исторіями—«Римская исторія» Нибура и «Изслѣдованія» г. Погодина; просто же исторіи лучшія у насъ Карамзина, Полевого, Устрялова и Соловьева. Объ исторіи Соловьева, впрочемъ, г. Архангельскій говоритъ, что о ней, какъ о твореніи еще не конченномъ, произносить рѣшительный приговоръ было бы *поспѣшно*. Это напоминаетъ намъ одного профессора, который отказывался произнести свое сужденіе о «Мертвыхъ Душахъ» подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ еще не кончены. Но курьезнѣйшій примѣръ смѣшенія именъ представляетъ слѣдующее мѣсто въ «Руководствѣ» г. Архангельскаго: нужно читать св. Писаніе, Творенія св. Отцовъ

и вообще сочиненія духовнаго содержанія. «Байронъ, поэтъ англійскій, говорилъ, что онъ многими достоинствами своихъ сочиненій обязанъ чтенію св. Писанія, которымъ съ малолѣтства любилъ заниматься. Лучшими мѣстами въ одахъ Кострова и нынѣ признаются критикою тѣ, въ которыхъ онъ подчинялся вліянію священныхъ книгъ и писаній церковныхъ» (стр. 8). Байронъ и Костровъ! Снилось ли когда-нибудь подобное сопоставленіе самому барону Брамбеусу, который восклицалъ нѣкогда: великій Гете! великій Кукольникъ! Каковы же будутъ литературныя понятія учениковъ г. Архангельскаго, если они, увлекшись его руководствомъ, вообразятъ, что лучшія мѣста у Байрона похожи на тѣ дикія вирши, которыя тутъ же приводятся въ примѣръ изъ Кострова!

Примирительныя, благоразумныя мнѣнія, повидимому, уступающія нѣсколько новому направленію, но не увлекающіяся имъ совершенно, всегда казались намъ самыми вредными для истиннаго прогресса просвѣщенія. На нихъ легко успокаивается лѣнивая посредственность, и на эклектика дѣйствовать гораздо труднѣе, чѣмъ даже на раскольника. Раскольникъ удивляетъ насъ своимъ тупоумнымъ упорствомъ передъ голосомъ правды; но зато, если ужъ на него найдетъ добрый стихъ и разумъ его раскроется для выслушанія правды и размышленія о ней—то обращеніе бываетъ полное. Старыя основы одна за другой падаютъ, и новыя начала торжествуютъ. Такая полнота внутренняго переворота свидѣтельствуетъ о силѣ и свѣжести мысли въ человѣкѣ, заблуждающемся, но сохранившемъ и въ заблажденіи самобытность убѣжденій. Напротивъ, эклектикъ не станетъ дуже долго упорствовать противъ вашихъ теорій; онъ тотчасъ согласится съ вами. Но въ головѣ его чуднымъ образомъ новое ученіе помѣстится рядомъ со старымъ, совершенно ему противоположнымъ, и примирится съ нимъ наружно, посредствомъ: впрочемъ положимъ, пусть, при всемъ томъ и пр. Съ такимъ человѣкомъ ужъ вы ничего не сдѣлаете; его умственное безсиліе таково, что онъ не въ состояніи не только проникнуться новыми для него взглядами, но даже и отстаивать старыхъ. Эти господа любятъ сравнивать себя со пчелами, снимающими медъ даже съ ядовитыхъ цвѣтовъ. Сравненіе очень замысловато, и басенка

Fine Kleine Biene flor,

изъ которой оно заимствовано, весьма поучительна. Но не надо забывать, что пчела, все-таки, сама вырабатываетъ свой медъ, а эклектики ничего не вырабатываютъ. Они, по нашему мнѣнію, похожи скорѣе на сырое тѣсто, къ которому все липнетъ: и тараканъ, и соломинка, и уголекъ, и щепочка, и камешекъ, и кусокъ сахару, и зернышко перцу. Испеките хлѣбъ изъ этого тѣста, и вы увидите совершенно неудобную смѣсь различныхъ веществъ, мирно лежащихъ здѣсь рядомъ, подобно различнымъ теоріямъ, сложеннымъ рядомъ въ какомъ-нибудь эклектическомъ руководствѣ; ѣсть такой хлѣбъ будетъ такъ же отвратительно, какъ учиться по эклектическимъ теоріямъ, способнымъ

притупить и погубить всякую свѣжую, здоровую голову, которая безъ того способна была бы къ хорошему развитію. И изъ этого страшнаго извращенія здравой мысли и чистой человѣческой логики происходитъ всякая безнравственность человѣческая. Дѣло вѣдь не въ томъ, признаете ли вы источники изобрѣтенія, или не признаете: Богъ съ ними,—пусть ихъ остаются въ учебникѣ, если они вамъ нравятся. Толкуйте себѣ и о раздѣленіи слога на три рода, и о періодахъ, и о хріяхъ всѣхъ сортовъ,—никто вамъ не мѣшаетъ, скажутъ только, что вотъ-де руководство, воскрешающее старину давно забытую. Но нѣтъ, вы этого не хотите,—вамъ нужно показать, что и вы отъ вѣка не отстали, и вы къ своимъ хріямъ прибавляете нѣсколько новыхъ взглядовъ. Слѣдовательно—вы знакомы съ новыми теоріями, вы ихъ признаете,—и мы уже смотримъ на то что вы сумѣли изъ нихъ сдѣлать. Оказывается, что вы своимъ упоминаніемъ о нихъ умѣли только повредить имъ, заставляя ихъ стать рядомъ съ старой реторикой, и еще въ какомъ-то подчиненномъ положеніи. Вы считаете полезными источники изобрѣтенія,—прекрасно: зачѣмъ же вы прибавляете потомъ, что они признаются нынѣ негодными? Вы сами согласны съ нынѣшнимъ мнѣніемъ? тогда зачѣмъ напрасно толковать о безполезныхъ общихъ мѣстахъ?—Вы сознаетесь, что хріи, какъ прямыя, такъ и обратныя, вовсе не суть даже сочиненія въ собственномъ смыслѣ слова: на что же вы распространяетесь о хріяхъ прямыхъ, аѳоніанскихъ, превращенныхъ—чрезъ предыдущее и чрезъ послѣдующее? И что за радость вашему ученику, если онъ, выучивши всѣ эти хріи и 24 общихъ мѣста, узнаетъ наконецъ, что все это выдумано древними риторами, но нынѣ признается негоднымъ. Не сбивайте его съ толку, рѣшите на чемъ-нибудь одномъ: хріи ли съ общими мѣстами, или свободное, естественное изложеніе мыслей, сообразное со степенью развитія ученика? Впрочемъ, вы не только другихъ сбиваете съ толку, вы и сами безпрестанно сбиваетесь вслѣдствіе того, что всѣ истины для васъ не органическое, стройно и самобытно развивающееся цѣлое, а кое-гдѣ сорванные разноцвѣтные лоскутки, сшитые живыми нитками вашего эклектизма. Вы пишете, напр., руководство къ словесности и практическому упражненію въ сочиненіяхъ; сочиненіе вы опредѣляете, какъ произведеніе духа человѣческаго, составленное по законамъ изящнаго и при томъ словеснаго искусства; въ примѣръ того, что такое сочиненіе, вы приводите отрывокъ изъ «Ермака» Дмитріева (и это хорошо; привести *отрывокъ* для того, чтобы дать понятіе, что такое *сочиненіе*!) и замѣчаете, что такія сочиненія называются изящными, художественными, а самое составленіе ихъ—творчествомъ, искусствомъ сочинять и пр. По всему видно, что вы собираетесь говорить и о прозѣ, и о поэзіи. А между тѣмъ теорія поэзіи исчезла изъ вашей словесности,—и хоть бы слово о ней, какъ-будто она и къ словесности не принадлежитъ. Мало того, вы безпрестанно перемѣшиваете произведенія прозы и поэзіи. «Записки охотника» по-вашему составляютъ только рядъ прозаическихъ описаній; а «Дѣтство и отрочество» графа Л. Н. Толстого вы приводите въ примѣръ автобіографіи, рядомъ съ автобіографіями Под-

шивалова, Полевого и Греча. Вы говорите о разговорной формѣ, и приводите въ примѣръ разговоры: Карамзина о счастіи, Шишкова (котораго «Руководство» называетъ *княземъ*) о словесности,— а затѣмъ ставите новую рубрику: о разговорахъ *вымышленныхъ*. Да не ужели вы думаете, что разговоры о счастіи и о словесности—не вымышленны? Къ вымышленнымъ вы относите, между прочимъ, «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ», приводя съ большою похвалою примѣръ изъ М. Н. Муравьева и замѣчая, что теперь ужъ это не годится,—не употребляется: такъ къ чему же вы примѣръ-то приводили? Въ вашемъ руководствѣ есть правило, что наука и вообще ученое сочиненіе не должно пускаться въ излишнія подраздѣленія; посмотримъ, держитесь ли вы этого правила. Словесность раздѣляется у васъ на: 1) общую и частную; 2) частная—на ученіе о прозѣ и ученіе о поэзіи; 3) проза раздѣляется на *простую* (т.-е. подряды, контракты, по объясненію автора), и *краснорѣчивую* или художественную; 4) проза краснорѣчивая раздѣляется на сочиненія историческія и философическія; 5) историческія—на описательныя и повѣствовательныя; 6) описательныя—на простыя (опять дѣловыя описи, которыя, по раздѣленію автора, не должны бы и входить въ *краснорѣчивую* прозу), и художественныя; 7) художественныя—на простыя и сложныя; 8) простыя—на хронографію, ипотипозисъ, просопографію, эѳопею и параллель; а 9) сложныя—на описанія природы физической, на описанія искусствъ и характеристики; изъ соединенія этихъ отдѣловъ образуются описанія 10) *смѣшанныя*—или путешествія, которыя раздѣляются 11) на ученыя и художественныя; 12) художественныя же раздѣляются на собственно—описанія путешествій и путевые очерки. Въ прочихъ частяхъ руководства раздѣленія соотвѣтствуютъ этому, по количеству членовъ и по ихъ совершенной ненужности.

Кажется, мы уже слишкомъ даже распространились въ доказательствахъ того, что начинающимъ учиться словесности не должно читать руководство г. Архангельскаго, какъ вредное по своему направленію. Мы не говоримъ уже о частныхъ ошибкахъ, напр., что для успѣха въ сочиненіи необходимо быть нравственно добрымъ (какъ-будто мы не знаемъ жизни Саллюстіевъ, Баконовъ и пр.); что «Библіографическія записки» г. Лонгинова принадлежатъ къ числу историческихъ записокъ, достоинство которыхъ возвышается краснорѣчивымъ и, по мѣстамъ, драматическимъ изложеніемъ (любопытно было бы видѣть краснорѣчіе и драматизмъ въ «Библіографическихъ запискахъ») что критика раздѣляется на собственно *критику*, въ которой отличаются Гречъ, Булгаринъ, Шевыревъ и пр., и на *разборы*, образцы которыхъ помѣщаются въ «Дѣтскомъ Журналѣ» (какъ-будто всякая критика не есть разборъ); что спартанка, подавая мечъ (!) своему сыну, сказала: aut hoc aut in hoc (какъ-будто спартанцы говорили по-латыни!); что есть особый родъ сочиненій, называемый *чувствованіями*, и еще особый, называемый *мыслями и чувствованіями*, и что нужно учиться *сочинять* сіи мысли и чувствованія, по образцу «Отрывковъ изъ дневника русскаго офицера» Марлинскаго. При всей своей забавности, это все вещи ничтожныя, мелкія, въ

сравненіи съ главнымъ недостаткомъ руководства—совершенной безхарактерностью направленія, выражающеюся въ жалкихъ полумѣрахъ, принятыхъ противъ стараго ученія, и въ робкомъ полу-сближеніи съ новымъ. Вышло то, что руководство отъ одного отстало, а къ другому не пристало, и сдѣлалась Матрена—ни пава, ни ворона.

Чтобы покончить съ руководствомъ, представимъ еще нѣсколько примѣровъ, которые могутъ дать понятіе о ясности логики и о степени знанія русскаго языка у автора. Вотъ какъ онъ говоритъ, напр., о третьемъ источникѣ изобрѣтенія мыслей, состоящемъ въ заимствованіи чужихъ мыслей послѣ усвоенія ихъ размышленіемъ: «Заимствованія всякаго другого рода, а тѣмъ болѣе цѣлыя выписки, выдаваемыя за свою работу, и предосудительны и вредны. *Этотъ* источникъ изобрѣтенія мыслей (т.-е выписки) служитъ необходимымъ условіемъ для составленія упражненій, особенно богословскаго и историческаго содержанія» (стр. 32). Полнота въ развитіи главной мысли сочиненія (которое авторъ по обычаю тѣхъ заведеній, гдѣ онъ былъ профессоромъ, называетъ часто *задачею*) состоитъ въ разсмотрѣніи предмета во всѣхъ его частяхъ и подробностяхъ; «недостатокъ полноты бываетъ: 1) когда о предметѣ не все сказано, что слѣдуетъ; 2) когда сказано *больше*, чѣмъ слѣдуетъ; 3) когда берутся *всѣ части* предмета, но излагаются слишкомъ сухо» (стр. 43). Каково отношеніе между опредѣленіемъ и его поясненіемъ *отъ противнаго?*—Вотъ еще примѣръ: «письмо есть форма рѣчи, общая всѣмъ сочиненіямъ, какъ прозаическимъ, такъ и поэтическимъ» (стр. 43), т.-е. я могу написать драму или комедію въ формѣ письма? Такихъ промаховъ много у г. Архангельскаго, и не всѣ изъ нихъ происходятъ прямо отъ непониманія имъ предмета. Много ошибокъ вкралось въ руководство благодаря неумѣнію *руководящаго* автора писать по-русски, а нѣкоторыя ошибки объясняются даже опечатками, которыхъ здѣсь очень много и которыя отличаются какою-то замысловатостью, такъ что вдругъ не догадаешься, въ чемъ дѣло. Наприм.., вмѣсто органическое, напечатано—*ограниченное*, вмѣсто Аянъ—*Аяксъ*, вмѣсто ученыхъ степеней—ученыхъ *сочиненій* и т. п. Но уже не къ опечаткамъ принадлежитъ то, что авторъ безпрестанно пишетъ *и* вмѣстѣ *или*, отчего смыслъ жестоко страдаетъ,—или что онъ говоритъ *противъ* вѣдома, вмѣсто *безъ* вѣдома,—*раскрашенныя* рѣчи, вмѣсто прикрашенныя и т. п. Удивительно, какъ это всегда случается, что наши руководители всегда берутся учить насъ именно тому, въ чемъ сами еще очень слабы. Не мудрено, что надъ нами такъ часто сбывается пословица: слѣпецъ слѣпца ведетъ, и оба въ яму попадаютъ.

---

13. Современное обозрѣніе.

О народномъ воспитаніи по поводу статьи г. Аппельрота. Воспоминанія г. Кошелева о путешествіи по славянскимъ австрійскимъ землямъ.

Въ послѣднее время очень много спорили у насъ о предметѣ, о которомъ, казалось бы, и нечего было спорить,—о грамотности.

Г. Карновичъ поднялъ дѣло объ этомъ по поводу словъ г. Даля, которыя прошли совершенно незамѣченными въ «Русской Бесѣдѣ» еще 1856 г. Оказалось, что вопросъ поднятъ былъ не напрасно: г. Даль обнаружилъ въ себѣ упорнаго врага крестьянской грамотности и грозится именными списками доказать вредъ ея. Противъ него возстали многіе; въ «Спб. Вѣдомостяхъ», гдѣ была помѣщена его послѣдняя замѣтка, появились черезъ нѣсколько дней письма противъ него гг. Соловьева, Тернера, А. Т.; г. Карновичъ также представилъ свои возраженія—въ «Современникѣ»; въ то же время напечатана была статья г. Никитенка противъ мнѣнія г. Даля; даже «Молва», столь подобострастная ко всему, что печаталось въ «Русской Бесѣдѣ», возвысила голосъ въ защиту грамотности. Сама «Бесѣда» не приняла подъ свою защиту своего корреспондента (мысли г. Даля высказаны были въ письмѣ къ г. Кошелеву) и въ послѣдней, недавно вышедшей, книжкѣ высказала рѣшительное убѣжденіе въ пользѣ грамотности для народа. «По нашему убѣжденію, говоритъ издатель въ примѣчаніи къ статьѣ г. Аппельрота, «Объ основномъ народномъ образованіи»,—грамотность есть такое благо, что даже недостаточное, малоразумное усвоеніе ея большею частію для людей не только полезно, но даже истинно благодѣтельно». Въ другомъ примѣчаніи къ той же статьѣ, издатель «Бесѣды» приводитъ даже факты, опровергающіе взглядъ г. Аппельрота, нѣсколько приближающійся къ мнѣнію г. Даля. Онъ говоритъ, что въ его имѣніи грамотные крестьяне живутъ гораздо лучше неграмотныхъ, гораздо опрятнѣе, менѣе подвержены пьянству и озорничеству и пр. Въ заключеніе своей замѣтки, издатель «Бесѣды» высказываетъ слѣдующую мысль: «и безъ того много людей изъ своекорыстныхъ видовъ хлопочутъ о мракѣ; съ радостью ухватятся они за наши нападки на ложное просвѣщеніе, если мы положительно не скажемъ, что и механическая, недостаточная грамотность есть, все-таки, шагъ впередъ». Такое замѣчаніе, дѣйствительно, необходимо было, потому что статья г. Аппельрота можетъ подать поводъ къ весьма страннымъ заключеніямъ. Рѣшительное мнѣніе автора о грамотности вообще и о распространеніи ея въ русскомъ народѣ нигдѣ не высказывается. Но вся статья полна самыхъ жестокихъ нападокъ на нынѣшній способъ первоначальнаго обученія крестьянъ. По замѣчанію издателя, г. Аппельротъ опытный педагогъ, «ознакомившійся съ русскимъ народомъ въ селахъ, уѣздныхъ городахъ и столицахъ, въ избахъ, небогатыхъ домахъ и роскошныхъ палатахъ». Опытность автора видна изъ самой статьи, но опытность не спасла его отъ односторонняго взгляда. Онъ съ ожесточеннымъ юморомъ разсказываетъ факты безсмысленнаго обученія грамотѣ въ нашемъ народѣ; онъ передаетъ и явленія, происходящія въ народѣ вслѣдствіе этого безсмысленнаго обученія, явленія—въ самомъ дѣлѣ печальныя. Но, разсказавши все это, г. Аппельротъ задаетъ себѣ вопросъ: гдѣ же корень этой уродливой грамотности, гдѣ начало этого превратнаго и неестественнаго школьнаго ученія? Откуда привилась къ намъ эта мертвящая схоластика? Такъ какъ вопросъ заданъ въ «Русской Бесѣдѣ», то отвѣтъ легко угадать: отъ иностранцевъ. «Эта

неосмысленная грамотность и схоластическая формалистика, нисколько не соотвѣтствующія здоровой и размашистой природѣ русскаго человѣка, не вытекли естественнымъ образомъ изъ нашей крѣпкой и честной народной жизни, и занесены къ намъ случайно, *изъ-за моря*, какъ говорится». Жаль, что г. Аппельротъ не говоритъ, изъ-за какого моря перешла къ намъ схоластика грамотности. Если изъ-за Чернаго, то мы готовы съ нимъ согласиться, потому что сами убѣждены во вредномъ вліяніи многихъ понятій, въ древности навязанныхъ русскому народу, торопливо и формально, съ греко-славянскимъ языкомъ и съ византійской литературой. Если же г. Аппельротъ разумѣетъ какое-нибудь другое море, то съ нимъ нельзя согласиться, потому что школьное ученіе книжниковъ все одно и то же у насъ, со временъ училищъ, основанныхъ Ярославомъ. Иноземцы, являющіеся къ намъ изъ Западной Европы, вовсе не виноваты въ томъ, что у насъ буквы называются азъ, буки, вѣди,—что мальчишекъ заставляютъ выдалбливать наизусть ихъ названія, потомъ такимъ же манеромъ выдалбливать склады—вѣди, земля, добро, рцы, еры=вздры. Не иностранцы, вѣроятно, виноваты и въ тѣхъ способахъ внушенія нравственности, которые г. Аппельротъ находитъ въ крестьянскихъ школахъ и описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Нельзя сказать, чтобы въ этихъ школахъ не внушалась нравственность; нѣтъ, она внушается и крѣпко вбивается розгами и другими колотушками, а чаще всего вздирается посредствомъ волосъ въ голову и оттуда переходитъ прямо въ сердце. Въ самомъ способѣ этихъ наказаній уже заключается много нравственнаго; напр., за неимѣніемъ особеннаго экзекутора, учитель приказываетъ одному изъ учениковъ наказывать другого своего провинившагося товарища; такимъ образомъ одинъ пріучается къ смиренію и терпѣнію, а въ другомъ вкореняется чувство любви къ ближнему, сострадательность и милосердіе. Вообще же эта школьная нравственность ограничивается смирнымъ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ въ продолженіе урока, и только. Всякій разговоръ есть нарушеніе порядка, а потому и самъ учитель не разговариваетъ и не распространяется ни о чемъ, а просто задаетъ и спрашиваетъ уроки, и дѣло съ концомъ».

Все это, къ сожалѣнію, весьма справедливо; но, тѣмъ не менѣе, иностранцы тутъ ни на волосъ не виноваты. Тутъ виноваты наши собственныя обстоятельства историческія, развившія въ насъ безсмысленную привязанность къ формѣ. Въ положеніи учителя народной школы весьма удобно наблюдать проявленіе, того и напрасно г. Аппельрота не обратилъ вниманія. Факты, представленные имъ, говорятъ очень много для объясненія того, отчего народное обученіе идетъ у насъ такъ плохо. Сельскій учитель помнитъ обыкновенно свое собственное воспитаніе и ученіе и не считаетъ нужнымъ поступать съ другими иначе, нежели какъ съ нимъ поступали. Таски, колотушки, розги—онъ считаетъ не только очень обыкновеннымъ и нисколько не предосудительнымъ дѣломъ, но даже неизбѣжной принадлежностью ученія. Ему никогда и въ голову не придетъ, чтобы можно было обойтись безъ розги. А если бы и пришло какъ-нибудь, то у него немедленно сложится слѣдующее разсужденіе: «мы получше ихъ, да вѣдь терпѣли же; отчего же и имъ не терпѣть». Убѣжденіе въ своемъ превосходствѣ сильно развивается въ сельскихъ и уѣздныхъ учите-

ляхъ. На крестьянскихъ мальчиковъ они смотрятъ обыкновенно, какъ на людей низшей породы, а себя стараются поставить въ обращеніи съ ними «на дворянскую ногу». Г. Аппельротъ вообще обвиняетъ учителей за то, что они берутся за дѣло обученія, не будучи къ нему достаточно приготовлены. Но мы не будемъ такъ строги къ несчастнымъ, принимающимъ на себя учительскія обязанности изъ-за куска насущнаго хлѣба. Они не знаютъ, что дѣлаютъ, потому что имъ никто не внушилъ лучшаго взгляда на человѣческую природу, на значеніе образованія, на высокую важность званія народнаго учителя. Они видятъ только, что званіе народнаго учителя есть ничтожное мѣсто, не дающее никакихъ выгодъ, никакихъ преимуществъ, не пользующееся почетомъ, принимаемое лишь тѣми, кому иначе некуда дѣваться. Естественная логика заставляетъ ихъ сообразить, что, значитъ, обязанности, соединенныя съ этимъ мѣстомъ, вовсе не велики и не хитры: отчего же за нихъ и не взяться, если есть удобный случай? Недавно въ «Земледѣльческой Газетѣ» было нѣсколько статей о томъ, «откуда взять учителей для сельскихъ школъ?» Предлагали, между прочимъ, выбирать изъ самихъ крестьянскихъ дѣтей по нѣскольку человѣкъ для приготовленія ихъ къ должности учителей. На это возражали, что помѣщики (дѣло шло о помѣщичьихъ имѣніяхъ) не согласятся лишиться рабочихъ рукъ и еще заботиться объ образованіи мальчиковъ, какъ бы отнятыхъ у нихъ для дѣла, котораго польза должна оказаться Богъ знаетъ когда, черезъ нѣсколько поколѣній, пожетъ быть. Вѣдь это не рекрутскій наборъ, въ которомъ помѣщикъ, по крайней мѣрѣ, понимаетъ, для чего онъ жертвуетъ своими крестьянами. Такого рода возраженіе, каково бы ни было его нравственное качество, имѣло свое фактическое значеніе нѣсколько времени тому назадъ. Но при перемѣнѣ отношеній препятствіе это можетъ устраниться. Затѣмъ, одно изъ главныхъ обстоятельствъ то, что крестьянскимъ мальчикамъ негдѣ учиться для того, чтобы приготовиться къ своему будущему званію. Въ гимназіяхъ, по разсчету населенія губерній, количество крестьянскихъ мальчиковъ, взятыхъ для ученья, неимовѣрно увеличило бы количество учащихся, такъ что потребовалось бы расширеніе гимназій. Дѣйствительно, если брать *по одному* мальчику *съ тысячи* душъ, то при милліонѣ крестьянскаго населенія въ губерніи,—составится тысяча мальчиковъ, которымъ нужно дать гимназическое образованіе, между тѣмъ какъ въ нашихъ гимназіяхъ даже триста учениковъ (въ *семи* классахъ) дѣлаются обременительны для учителей и требуютъ параллельныхъ классовъ. Такимъ образомъ, одно уже это составитъ значительное препятствіе для повсемѣстнаго приготовленія учителей изъ крестьянскихъ мальчиковъ. Особенныхъ же народныхъ педагогическихъ школъ, вродѣ германскихъ педагогическихъ семинарій, у насъ нѣтъ. Педагогическій институтъ, правда, существуетъ, но его назначеніе—приготовлять учителей гимназій и профессоровъ, что, впрочемъ, съ гораздо большимъ успѣхомъ дѣлаютъ университеты. Учителями же низшихъ школъ назначаются люди безъ всякаго умственнаго и нравственнаго приготовленія къ этому дѣлу, люди, нерѣдко проклинающіе свою должность

и почти всегда стыдящіеся ея въ обществѣ. А отчего они стыдятся, и чего собственно стыдятся? Конечно, не рода своихъ занятій, а своего положенія, въ которомъ должность письмоводителя у станового кажется имъ верхомъ благополучія. Этого-то положенія и боятся порядочные, способные люди, которые могли бы быть хорошими учителями въ сельской школѣ. Потому мы думаемъ, что собственно о недостаткѣ въ людяхъ напрасно кричать въ этомъ случаѣ; нужно говорить только о томъ, чтобы дать порядочное положеніе этимъ людямъ. Поставьте должность сельскаго учителя хоть на ту степень общаго уваженія, на какой находится она въ Германіи; обезпечьте ее получше въ матеріальномъ отношеніи, и повѣрьте, что ею не побрезгуютъ порядочные воспитанники семинарій и гимназій. Поступаютъ же они въ гражданскую службу на пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья, имѣя въ виду пять-шесть часовъ ежедневнаго механическаго труда, который вообще гораздо утомительнѣе учительскаго. Правда, въ гражданской службѣ можно черезъ нѣсколько лѣтъ добиться тепленькаго мѣстечка. Но, кажется, послѣ всѣхъ послѣднихъ явленій нашей общественной жизни и литературы, можно нѣсколько понадѣяться на наше молодое поколѣніе хоть въ этомъ случаѣ. Вѣроятно, много найдется молодыхъ людей, которые захотятъ лучше честно служить общественному дѣлу, при небогатомъ, но достаточномъ вознагражденіи, нежели добиваться случая нажить себѣ состояніе воровствомъ и обманомъ.

Отъ такихъ учителей можно будетъ и ожидать чего-нибудь порядочнаго, если только не связывать имъ руки ненужными формальностями. Формальность отношеній, въ какихъ нынѣ поставленъ сельскій учитель, отнимаетъ возможность дѣйствовать успѣшно даже у лучшихъ изъ нихъ. Обязанность учителя опредѣлена ясно: выучить крестьянскихъ дѣтей чтенію, письму, закону Божію и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики, по даннымъ ему букварямъ, прописямъ и руководствамъ. За тѣмъ, какъ онъ свою обязанность будетъ исполнять,—наблюденія нѣтъ почти никакого. Но все же отъ времени до времени наѣзжаетъ разное начальство, которое заглядываетъ и въ школу; а если иной годъ и никто не заглянетъ, то все же надобно представить отчетъ, въ которомъ объявить, что учениковъ столько то, пройдено столько-то,— «отъ сихъ поръ до сихъ поръ». Мало обращается вниманія на то, каково развитіе мальчиковъ, къ чему направлено ихъ ученье; но легко можетъ случиться, что мальчикамъ захотятъ сдѣлать экзаменъ, т.-е. заставятъ ихъ прочитать склады, написать какихъ-нибудь пять тысячъ квадриліоновъ на доскѣ цифрами, или сказать наизусть заповѣди, молитвы и т. п. Отвѣтятъ—хорошо: и начальству пріятно, и учителю хорошо, и мальчики довольны; не отвѣтятъ—начальство изволитъ гнѣваться, учитель получаетъ выговоръ и поретъ мальчишекъ. Ясно, что для общаго блага необходимо твердить буквы, склады и пр.; учитель такъ и располагаетъ весь ходъ ученья, припоминая при томъ, что вѣдь самъ онъ учился совершенно такъ же. Но здѣсь мы приведемъ интересную страницу изъ статьи г. Аппельрота, излагающую весь порядокъ обученія въ сельскихъ школахъ.

«Въ школу набираютъ мальчиковъ обыкновенно сотскіе, или, какъ

говорится, наряжаютъ ихъ *въ учёбу*, а тамъ учитель, обыкновенно семинаристъ, и посадитъ этихъ ребятишекъ на лавку рядышкомъ и тотчасъ же безъ разговора дастъ имъ въ руки по букварю и заставитъ уткнуть носъ въ этотъ букварь. Сидитъ несчастный мальчишка надъ букваремъ, и смотритъ онъ безсмысленно на эти черненькія заковычки, и бормочетъ эти ненавистные азы, буки, да вѣди, да черви, а если иной назоветъ червь червякомъ, то и потасовку ему зададутъ за это,—а онъ, бѣдняга, ни душой, ни тѣломъ не виноватъ: для него что червь, что червякъ одно и то же—все такая же гадина, думаетъ онъ. Вотъ и просидитъ мальчишка надъ этими червями да людьми порядочноетаки время, и доберется онъ, наконецъ, до вожделѣнной ижицы, порядочно поистрепавши и засаливши свою книженку, такъ что и не разберешь въ ней подъ конецъ всѣхъ этихъ крючковъ да заковычекъ, и не отличишь людей отъ червей и мыслете отъ хера. И мальчишка, хотя тоже ничего не можетъ разобрать въ своей книженкѣ, а все-таки уткнется въ нее и повторяетъ названія буквъ. Конечно, онъ исполняетъ это неохотно, нерадиво, кое-какъ, лишь бы только избавиться отъ наказанія,—а между тѣмъ, этотъ мальчикъ думаетъ про себя: зачѣмъ это его заставляютъ въ эту ненавистную школу ходить, въ эту книженку смотрѣть и эти азы твердить? Когда-то это мученье кончится, и скоро-ли его отпустятъ домой? И носится онъ воображеніемъ въ поляхъ и лѣсахъ: тамъ и весело, и привольно, и нѣтъ тамъ глупыхъ заковычекъ, а все цвѣты да деревья, а на цвѣтахъ жучки да бабочки, на деревьяхъ птицы гнѣзда вьютъ и весело посвистываютъ,— и онъ запѣлъ бы тамъ, съ ними вмѣстѣ,— а тутъ принуждаютъ его азы бормотать,—и на что ему эти азы? То-ли дѣло, думаетъ онъ,— на рѣчку пойти, рыбу ловить и лодки спускать, или въ ручейкѣ плотину плотить и мельницу строить, или изъ прутьевъ и глины избы ставить, да сады разводить изъ разныхъ травъ и полевыхъ цвѣтовъ. А тутъ его заставляютъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, смотрѣть въ книгу и бормотать какіе-то непонятные звуки, да еще за волосы таскаютъ безпрестанно. Не смотрѣлъ бы онъ на эту книженку, да и теперь, хотя и смотритъ въ нее, а ровно въ ней ничего не видитъ, а такъ себѣ бормочетъ безсознательно; онъ занятъ своими собственными мыслями, а мысли его гуляютъ на волѣ, на просторѣ, далеко отъ букваря и отъ азовъ. Такъ пріучается этотъ свѣжій и здоровый мальчикъ къ невнимательности и къ притворству, потому что его заставляютъ безсознательно заниматься такимъ дѣломъ, которое вовсе его не занимаетъ, и въ которомъ онъ не видитъ ни цѣли, ни пользы. Природныя силы его просятъ дѣятельности—живой, энергической,—а тутъ его томятъ въ тупоумномъ бездѣйствіи; потому что это механическое, неосмысленное бормотаніе нельзя назвать дѣятельностью. Вслѣдствіе того, свѣжія силы этого здороваго мальчика постепенно слабѣютъ; энергія обращается въ апатическое равнодушіе, естественная живая любознательность и внимательность ослабѣваютъ, и, наконецъ, такой мальчикъ привыкаетъ смотрѣть воловьими глазами не только въ книгу, но и на все, его окружающее. Поплатившись порядочнымъ ко-

личествомъ волосъ и получивши для поощренія достаточное количество пинковъ и тумаковъ, мальчишка, наконецъ, выучитъ всѣ эти занимательные азы; потомъ ему задаютъ назидательные склады,—и онъ вызубриваетъ ихъ по порядку, начиная отъ буки—азъ—ба, вѣди—азъ—ва, всѣ, сколько ихъ ни есть въ букварѣ, а тамъ такіе мудреные встрѣчаются, что и выговорить трудно. Ну, да, вѣдь, розги не свой братъ, научатъ—не только мудреные склады выговаривать, а, пожалуй, и по птичьему кричать научатъ. Только ужъ какимъ образомъ, изъ буквъ: слово, твердо, рци, онъ, составится слогъ стро, или почему вѣди, земля, добро, еры, произносится,—какъ взды,—этого мальчикъ никакъ понять не можетъ, хоть пять пучковъ розгъ объ него избей; учитель же никогда и не подумаетъ ему это объяснить, а просто задаетъ выучить извѣстное количество складовъ; мальчишка и учитъ наизусть совершенно безсознательно, будто звуки какого-нибудь невѣдомаго языка. Въ нѣкоторыхъ школахъ, правда, эти азы изгнаны изъ употребленія, а мѣсто ихъ заступили—а, бе, ве и пр., въ остальномъ же все ученіе совершенно одинаково. Усовершенствованіе ограничивается только перемѣною клички буквъ.

«За складами слѣдуетъ чтеніе, развивающее умъ и сердце. Чтеніе гражданской печати по преимуществу развиваетъ умственныя способности, а церковно-славянская печать подъ титлами наиболѣе содѣйствуетъ нравственному развитію. Чтеніе же это обыкновенно производится такъ: ученику задаютъ нѣсколько строкъ, которыя онъ долженъ предварительно приготовить, т.-е. въ нихъ всмотрѣться, сидя въ школѣ, а потомъ и дома; память у мальчика здоровая,—онъ и вызубритъ этотъ урокъ наизусть, а потомъ и проговоритъ его, будто читаетъ. Случается ему тутъ иногда переставить слова и переврать эту рѣчь; иногда оно и съ рукъ сойдетъ, потому что учитель его и не слушаетъ; а только для соблюденія порядка читать заставляетъ; но иногда и попадется бѣдняга, тутъ ужъ не прогнѣвайся, потасовка бываетъ хорошая» («Рус. Бес.» Смѣсь, стр. 67—68).

Все это, къ несчастію, слишкомъ справедливо. Еще болѣе: подобный способъ обученія употребляется не въ однѣхъ сельскихъ школахъ; нерѣдко онъ переносится даже въ уѣздныя училища, употребляется даже въ низшихъ классахъ гимназій и семинарій. И вотъ, между прочимъ, одна изъ причинъ, почему изъ школъ часто, *несмотря* на грамотность (но, конечно, ужъ *не по причинѣ* грамотности), выходятъ негодяи и мошенники. На этомъ основаніи, г. Аппельротъ и возстаетъ противъ той безсмысленной, ни къ чему не ведущей грамотности, какая нынѣ преподается у насъ народу. Неизвѣстно, чего желаетъ г. Аппельротъ—хорошаго ли преподаванія грамоты въ крестьянскихъ школахъ, или совершеннаго оставленія грамоты и употребленія какого-нибудь другого способа для образованія крестьянъ, напр., просто—нагляднаго ознакомленія дѣтей съ природою и т. п. По нѣкоторымъ мѣстамъ статьи можно думать, что послѣднее ему болѣе нравится. Онъ говоритъ, что простолюдинъ нашъ по своему здравому смыслу и такту дичится школьной мудрости, «какъ бы инстинктивно понимая, что она не соотвѣтствуетъ ни его внутренней духовной природѣ, ни его

прямому назначенію». Это замѣчаніе не совсѣмъ опредѣленно, потому, что неизвѣстно, что разумѣетъ здѣсь авторъ подъ «школьною мудростью». Если грамотность въ томъ видѣ, какъ она преподается у насъ,—вышеизъясненнымъ способомъ,—то, разумѣется, такая мудрость никакой духовной природѣ въ мірѣ не соотвѣтствуетъ. Нужно слишкомъ низко думать о себѣ и о другихъ, чтобы приписывать себѣ, какъ преимущество,—отвращеніе отъ безсознательнаго долбленья, съ колотушками и потасовками. Если же авторъ разумѣетъ здѣсь вообще грамотность, то мы уже рѣшительно отказываемся видѣть какой-нибудь смыслъ въ словахъ, что «грамотность не соотвѣтствуетъ духовной природѣ народа». Вѣроятно, г. Аппельротъ и не хотѣлъ сказать этого. Но что же значитъ опять, что школьная мудрость, т.-е., все-таки, грамота и письмо—не соотвѣтствуютъ прямому назначенію крестьянина? Что этимъ хочетъ сказать авторъ? То ли, что мужику нужно образованіе хозяйственное, нѣкоторыя знанія, приспособленныя къ его быту, нѣсколько мыслей изъ нравоученія да немножко ходячей философіи,—а дальше соваться крестьянину не нужно, слѣдовательно, не нужно и грамотности? Здѣсь вопросъ принимаетъ другой видъ и склоняется къ тому, какое образованіе важнѣе, общее или спеціальное? Вопросъ этотъ рѣшенъ давно, и г. Аппельротъ не рѣшится, конечно, отвергать преимущество общаго образованія для всякаго званія, пола и возраста. По словамъ самого г. Аппельрота, это образованіе должно «дать направленіе всей жизни простолюдина, изъяснить ему назначеніе и призваніе его, призваніе человѣческое, христіанское и гражданское». Спрашивается, можно ли достигнуть этого безъ пособія грамотности? Очевидно, что если и есть средства, то далеко не такъ удобныя и совершенныя, какъ грамотность. Можно, конечно, многое устно растолковать мужику; но, во-первыхъ, тогда кругъ дѣйствій суживается: голосомъ не достанешь такъ далеко, какъ книгой; во-вторыхъ, книга, все-таки, гораздо болѣе находится въ распоряженіи крестьянина, нежели живой учитель. Съ книгой онъ всегда можетъ справиться, всегда можетъ читать ее, когда только найдетъ самъ возможность и охоту; а учителя радъ бы послушать, да еще, поди-ка, залучи его къ себѣ. А и залучишь, такъ, пожалуй, не радъ будешь. Слѣдовательно, давая крестьянину грамотность, мы даемъ ему средство постоянно учиться и просвѣщаться, уже безъ помощи этихъ учителей, не умѣющихъ даже азбукѣ порядочно научить, не только что уяснить крестьянину его значеніе и назначеніе. Жалуются обыкновенно на то, что у насъ нѣтъ хорошихъ книгъ для крестьянъ; да кому же придетъ охота писать книги для безграмотныхъ? У русскаго общества не было вовсе никакихъ книгъ, когда Петръ училъ его читать по новой азбукѣ, а вѣдь, теперь есть же книги, и очень недурныя. Не препятствуйте только развитію крестьянъ, какъ умственному, такъ и хозяйственному,—и вы увидите, что крестьяне сами сумѣютъ отыскать и даже сдѣлать себѣ полезныя книги. Замѣчательно, какъ въ народѣ скоро проходитъ это отвращеніе къ школьной мудрости, о которомъ съ такою похвалою отзывается г. Аппельротъ. Грамотные крестьяне приводятъ дѣтей своихъ въ школу уже сами, безъ всякихъ понужде-

ній. Можетъ быть, это значитъ, что гибельное вліяніе Запада успѣло уже, посредствомъ грамотности, испортить непосредственную, здоровую натуру мужика. Но, какъ бы то ни было, это фактъ, почти повсюду замѣчаемый въ Россіи и доказывающій, что, какъ ни плохо наученъ крестьянинъ, какъ ни дорого поплатился за ученье, а все-таки, вѣрно, грамота ему пригодилась и искупила въ глазахъ его тѣ нравственныя и физическія страданія, какимъ онъ подвергался во время ученья. Правда, что теперь грамотность не производитъ слишкомъ замѣтнаго вліянія на улучшеніе быта мужиковъ, и отчасти можно даже согласиться съ г. Аппельротомъ, что негодяи всякаго рода равно попадаются между грамотными и неграмотными. Это мнѣніе гораздо умѣреннѣе, чѣмъ мнѣніе г. Даля, утверждающаго, что между грамотѣями негодяевъ *больше*. Но и слабость вліянія грамотности объясняется, судя даже по фактамъ, представленнымъ въ статьѣ г. Аппельрота, отчасти тѣмъ, что учатъ дурно, отчасти тѣмъ, что крестьянскій мальчикъ, по своему положенію, не въ состояніи вести дальше своего образованія, и, наконецъ, отчасти многими посторонними причинами, препятствующими крестьянину употреблять грамоту на пользу, какъ бы онъ самъ хотѣлъ. Когда нужно каждый день работать для хлѣба насущнаго и для разныхъ уплатъ, такъ тутъ, разумѣется, мужикъ не возьмется за книжку; у него есть болѣе настоятельныя, физическія потребности, которымъ надобно удовлетворить. Если же въ мужика слишкомъ ужъ вѣлась грамота, такъ что не можетъ онъ отстать отъ нея, то естественно, что за это званью неприличное пристрастье ему иногда приходится плохо; естественно и то, что, желая извлечь изъ грамоты практическую пользу и почти не имѣя возможности извлечь ее честнымъ образомъ, онъ прибѣгаетъ нерѣдко и къ продѣлкамъ не совсѣмъ чистымъ. Все это складывать на грамотность—столько же несправедливо, какъ и видѣть причину этого въ самой натурѣ русскаго человѣка, который, будто бы, лукавствомъ отличается предъ всѣми народами. Г. Аппельротъ сообщаетъ намъ свое наблюденіе, имѣющее нѣкоторый интересъ. Онъ говоритъ, что училъ дѣтей простолюдиновъ въ народныхъ школахъ, а равно и дѣтей такъ называемыхъ образованныхъ семействъ. Присматриваясь къ тѣмъ и другимъ, онъ нашелъ между крестьянскими дѣтьми—не только больше способныхъ, но и больше *безкорыстно*-прилежныхъ мальчиковъ. Въ образованныхъ семействахъ учатъ дѣтей изъ какихъ-нибудь житейскихъ разсчетовъ или изъ тщеславія, и сами дѣти, понимая это, только и помышляютъ объ удачахъ на экзаменѣ и объ аттестатѣ, необходимомъ для карьеры. «Сынъ же какого-нибудь крестьянина, или бѣднаго рабочаго, замѣчаетъ г. Аппельротъ, никогда не думаетъ ни объ отличіяхъ, ни объ аттестатѣ, а учится охотно и толковито, если только сумѣютъ его учить съ толкомъ и заохотить живостію и наглядностію преподаванія». Это наблюденіе не мѣшаетъ потверже запомнить тѣмъ, которые, съ высоты своей образованности, отзываются съ презрѣніемъ о грубой мужицкой натурѣ и о совершенной неспособности мужиковъ понять что-нибудь безъ пособія палки. Вообще—многіе факты, представленные въ статьѣ г. Аппельрота, пре-

красно доказываютъ, что народъ вовсе не виноватъ въ томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находится его образованность. Пока нѣтъ запаса знаній, нѣтъ матеріаловъ для разсужденія, до тѣхъ поръ не можетъ сложиться собственный взглядъ. Какъ скоро матеріалъ собранъ, онъ не можетъ остаться мертвымъ капиталомъ, въ сколько-нибудь свѣжей головѣ сужденіе и взглядъ составятся сами собою. Но на что до сихъ поръ могъ опереться нашъ простолюдинъ? Жизненный опытъ у него былъ, но и тотъ проходилъ, не оставляя слѣда въ его душѣ, потому что крестьянину рѣдко приводилось задумываться о значеніи, связи и причинахъ ежедневныхъ явленій его жизни. При такомъ положеніи дѣла могло образоваться только слѣпое уваженіе къ старому, приверженность къ рутинѣ, и она, какъ неизбѣжное зло, дѣйствительно, мало-по-малу, утвердилась въ нашемъ народѣ. Не мудрено, что ему и грамота, какъ всѣ новые порядки, кажется чѣмъ-то дикимъ и ненужнымъ, потому что въ старину и безъ нея жили. Но сила неразумной привычки не до такой еще степени овладѣла нашимъ простонародьемъ, чтобы заглушить здравый смыслъ его. У насъ народъ очень скоро умѣетъ сообразить пользу хорошихъ нововведеній и очень скоро умѣетъ ими воспользоваться, если не помѣшаютъ постороннія обстоятельства. Но у насъ, особенно въ настоящее время, не только не мѣшаютъ народному развитію и распространенію повсюду образованности, а, напротивъ, всѣми мѣрами объ этомъ заботятся. Въ этомъ отношеніи русскій народъ имѣетъ большое преимущество передъ многими другими славянскими племенами. Препятствія къ образованію, конечно, есть и у насъ, но они болѣе зависятъ отъ случайныхъ отношеній, отъ частныхъ личностей, отъ нѣкоторыхъ ненормальныхъ отношеній между классами общества,—а совсѣмъ не отъ принципа, который бы имѣлъ въ виду покровительство невѣжеству. Въ нашей жизни нѣтъ этого принципа, и мы не можемъ даже безъ удивленія слушать разсказы о томъ, что въ другихъ мѣстахъ стараются держать народъ въ невѣжествѣ по принципу. Въ этомъ отношеніи весьма любопытна статья г. Кошелева: «Шесть недѣль въ австрійскихъ славянскихъ земляхъ», помѣщенная въ томъ же нумерѣ «Бесѣды», въ которомъ находится и статья г. Аппельрота. Статья г. Кошелева заслуживаетъ особеннаго вниманія русской публики. Нельзя читать его замѣтокъ безъ изумленія: такъ все это намъ ново, чуждо; такъ для насъ неудобна кажется точка зрѣнія, съ которой нужно смотрѣть на австрійскую жизнь, на всѣ австрійскія отношенія. Если здѣсь и найдутся какіе-нибудь факты, сходные съ нашими, то, во всякомъ случаѣ, точка зрѣнія, съ которой мы будемъ смотрѣть на тѣ же явленія у насъ и въ Австріи,—необходимо должна быть совершенно различна. Это—именно потому, что у насъ всѣ грустныя явленія общественной жизни мы считаемъ случайными неудачами, слѣдствіями частныхъ злоупотребленій и т. п., а тамъ—ясно во всемъ виденъ принципъ, руководящій дѣйствіями тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится судьба страны.— —

14. Руководство къ изученію словесности и къ практическому упражненію въ сочиненіяхъ.

Составилъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи Профессоръ Магистръ *Михаилъ Архангельскій*. С.-Петербургъ. 1857 г. IV и 318 стр.

Руководство г. Архангельскаго подвергнулось уже нѣсколькимъ, весьма строгимъ, но вполнѣ справедливымъ осужденіямъ въ нашихъ журналахъ. Одни разбирали его, какъ вещь крайне потѣшную, другіе глубокомысленно разсматривали его значеніе на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ; но результатъ все выходилъ одинъ и тотъ же, что книга г. Архангельскаго—трудъ безполезный. Требованія науки, которую излагать взялся г. Архангельскій, постигаются имъ до того смутно и неопредѣленно, что онъ самъ безпрестанно сбивается, путается и не знаетъ, что принять, что отвергнуть, на чемъ остановиться. Словесность опредѣляетъ онъ, какъ «науку, излагающую въ *систематическомъ* (*связномъ*) порядкѣ ученіе о законахъ духа человѣческаго, по которымъ составляются художественно-словесныя произведенія». Всякій видитъ, что опредѣленіе это крайне односторонне и невѣрно, потому что предметное значеніе науки смѣшано здѣсь съ субъективнымъ ея началомъ. Если опредѣлять словесность, какъ «науку о законахъ духа человѣческаго, по которымъ» и проч., то можно подобное же опредѣленіе приложить ко всѣмъ наукамъ. Исторію можно назвать наукою о законахъ духа человѣческаго, по которымъ развивалась жизнь народовъ; математику—наукою о законахъ духа человѣческаго, по которымъ составляются разнообразныя числовыя и количественныя отношенія; даже курсъ скотоводства можно будетъ назвать наукой о законахъ духа человѣческаго, которыми опредѣляются правила ухода за скотомъ. Но допустимъ даже опредѣленіе г. Архангельскаго; чего тогда должны мы ожидать отъ него, примѣнительно къ его точкѣ зрѣнія? Кажется, опредѣленіе науки, сдѣланное въ началѣ руководства, даетъ намъ право ожидать, что авторъ постарается представить, какимъ образомъ различные роды и виды словесныхъ произведеній развиваются изъ вѣчныхъ требованій духа человѣческаго сообразно законамъ психологическаго развитія человѣка. Мы и думали, что главную задачу руководства составляютъ философскія и эстетическія положенія, строго выведенныя изъ психическихъ законовъ. Но мы жестоко ошиблись. Г. Архангельскій поставилъ свое опредѣленіе такъ только, потому что нужно же какое-нибудь опредѣленіе. Во всемъ продолженіи руководства онъ ни разу и не вспомнилъ объ основной мысли, изложенной имъ въ опредѣленіи науки. Даже, напр., раздѣленіе словесности на поэзію и прозу не выведено изъ началъ духа человѣческаго, не объяснено психологически, а просто высказано слѣдующимъ образомъ: «по содержанію своему и по степени красоты словесной или художественной, они (произведенія словесности) раздѣляются, главнымъ образомъ, на два существеннѣйшіе и главнѣйшіе рода — на сочиненія прозаическія и поэтическія»

(стр. 155). Читателю могутъ показаться странными эти оговорки: *главнымъ образомъ, главнѣйшіе роды*, и онъ можетъ спросить, какіе же еще есть роды словесныхъ произведеній, кромѣ прозы и поэзіи? Г. Архангельскій полагаетъ, что есть еще *средніе:* такъ, на стр. 56-й онъ увѣряетъ, что, кромѣ прозы и стиховъ, есть еще рѣчь, занимающая средину между прозой и стихами... Жаль, что не зналъ этого Мольеровъ мѣщанинъ въ дворянствѣ!

Отсутствіе всякой основной идеи ясно обнаруживается въ каждомъ отдѣлѣ руководства г. Архангельскаго. Онъ рѣшительно не знаетъ, на чемъ ему остановиться: то ему кажется, что источники изобрѣтенія не нужно затверживать ученикамъ, то онъ признаетъ ихъ полезными; то полагаетъ, что тропамъ и фигурамъ учиться не слѣдуетъ, то заставляетъ употреблять ихъ; то онъ отрицается хрій и тому подобныхъ искусственныхъ упражненій, то излагаетъ ихъ, какъ весьма полезныя. Тотъ, кто вздумалъ бы учиться по книжкѣ г. Архангельскаго, пріобрѣлъ бы изъ нея множество понятій, необыкновенно диковинныхъ. Но этого мало: въ головѣ ученика образовался бы такой сумбуръ, что онъ не въ состояніи былъ бы произнести двухъ сужденій о предметахъ словесности, не противорѣча самому себѣ. Изложеніе г-на Архангельскаго неопредѣленно, безцвѣтно и отличается непостижимой робостью во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно высказать какое-нибудь собственное мнѣніе. Такая робость, очевидно, происходитъ отчасти и оттого, что г-ну Архангельскому недостаетъ твердаго, установившагося взгляда на свой предметъ, что у него нѣтъ никакой основной идеи, которой бы подчинялись всѣ частные выводы и сужденія. Но есть этому и другая причина: автору «Руководства» не достаетъ знанія литературы. Правила словесности, особенно въ отношеніи къ внѣшнему выраженію, почерпаются не изъ однихъ только требованій духа человѣческаго, а также изъ произведеній лучшихъ писателей. Эти-то писатели и неизвѣстны г-ну Архангельскому. Руководство его поразительно своимъ совершеннымъ незнаніемъ литературы. Не говоримъ уже о томъ, что въ немъ смѣшиваются произведенія поэтическія съ прозаическими, такъ что, напр., «Дѣтство и Отрочество» гр. Толстого приводится въ примѣръ біографіи, а «Записки Охотника» Тургенева считаются не болѣе какъ рядомъ *описаній*, изложенныхъ то въ формѣ монологической, то въ діалогической, то въ смѣшанной. Не говоримъ и о томъ, какое полное незнаніе новой литературы обнаруживаетъ руководство, утверждая, что, напр., ученая критика основана у насъ г.г. Иваномъ Давыдовымъ и Шевыревымъ, или что образцы біографіи представляютъ творенія г.г. Греча и гр. Соллогуба. Все это еще простительно до нѣкоторой степени. Но что сказать объ авторѣ, который пренаивно утверждаетъ, что лучшія критическія исторіи написаны *Нибуромъ* и *Погодинымъ*,—или что чтеніе духовныхъ книгъ очень полезно для образованія слога, потому что оно внушило много прекрасныхъ стиховъ *Байрону* и *Кострову!!!* Не правда ли, что при такомъ состояніи литературныхъ свѣдѣній автора трудно ему было бы составить руководство къ изученію словесности, хоть мало-мальски сносное?

Насъ всегда занималъ вопросъ: откуда берутся дурные учебники и почему именно дурныхъ такъ много? Кажется, по здравому человѣческому смыслу, при нѣкоторой только скромности—трудно взяться за составленіе цѣлой системы ученія о такомъ предметѣ, котораго самъ не понимаешь. Если бы, напр., васъ, читатель, попросили составить «руководство къ изученію географіи луны»,—вы, навѣрное, отказались бы; а между тѣмъ всякому мало-мальски образованному человѣку географія луны, все-таки, гораздо извѣстнѣе, нежели г. Архангельскому русская словесность. Какъ же могла придти въ голову мысль составить «руководство къ словесности и къ упражненію въ сочиненіяхъ» тому, кто самъ не знаетъ даже русскаго языка и правильно писать по-русски не умѣетъ, какъ это ясно видно почти на каждой страницѣ руководства? Объясненіе этого грустнаго факта надобно искать въ самомъ положеніи нашихъ учителей и въ степени ихъ подготовленности къ своему дѣлу. У насъ приготовляются преподаватели спеціальные только для университетскихъ чтеній. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ учителя попадаютъ обыкновенно на тотъ или на другой предметъ совершенно случайно. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ одномъ изъ которыхъ былъ профессоромъ г. Архангельскій, это особенно распространено. Но почти то же, только въ меньшей степени, бываетъ и въ гимназіяхъ. Студентъ въ высшемъ учебномъ заведеніи занимается, положимъ, древними языками и, погруженный въ Демосѳена и Цицерона, не хочетъ знать ни Карамзина, ни Пушкина, ни Гоголя. Вдругъ, при окончаніи имъ курса, открывается мѣсто учителя словесности въ томъ самомъ городѣ, откуда онъ родомъ, или гдѣ онъ имѣетъ какіе-нибудь интересы. Онъ думаетъ тогда: «конечно, я мало занимался русской словесностью; но все же я слушалъ нѣсколько лекцій, читалъ кое-что; могу взять нѣсколько книжекъ и записки своего профессора. Неужели для гимназиста много нужно?» И вотъ студентъ выхлопатываетъ себѣ мѣсто учителя русской словесности и отправляется учить. Ученики ждутъ отъ него мыслей, взглядовъ, свѣдѣній; но онъ самъ бродитъ, какъ въ темномъ лѣсу, и не знаетъ, съ чего ему начать. Но начать непремѣнно надобно,—и вотъ учитель начинаетъ заглядывать въ разныя книжки и тетрадки. Цѣликомъ ему выписать не хочется: самолюбіе запрещаетъ. Переварить же хорошенько чужія мнѣнія и составить свой взглядъ—онъ и хотѣлъ бы, да не умѣетъ. И начинается выдираніе по клочкамъ—то одного мнѣнія или мысли, то другого; тутъ фраза выдернется, тутъ опредѣленіе заимствуется, тамъ доказательство выпишется,—все это безъ внутренней связи, безъ единства, безъ всякой заботы объ основной идеѣ. Подобныхъ высшихъ требованій самъ авторъ не понимаетъ; ему только бы рубрики были: здѣсь хрій и силлогизмы, тутъ тропы и фигуры, тамъ качества слога и т. д. Глядишь, къ концу года и готовъ учебникъ по всей формѣ. А если готовъ, такъ отчего его и не напечатать? И такимъ образомъ выходитъ великое множество учебниковъ, болѣе или менѣе похожихъ на руководство г. Архангельскаго.

15. Природа и люди.

Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Книга I, выпускъ 1. С.-Петербургъ. 1858 г. VIII и 151 стр.

Оживленіе географической номенклатуры свѣдѣніями изъ естественной исторіи и этнографіи—главная задача издателя этой книги. Мысль весьма полезная и справедливая! Давно пора бы намъ понять, что наши географическіе учебники отнимаютъ всякую возможность чему-нибудь по нимъ выучиться. Десятки собственныхъ именъ попадаются на каждой страницѣ, и всѣхъ ихъ надобно запомнить, и, что особенно замѣчательно, запомнить—не связывая съ ними никакого смысла! Да послѣ этого легче выучиться иностранному языку: тамъ, по крайней мѣрѣ, съ словами хоть смыслъ какой-нибудь соединяется; а тутъ исчисляй себѣ австралійскіе острова, германскія княжества, русскіе уѣздные города, заучивай, что Волга принимаетъ въ себя—Вазузу, Сестру, Оку, Суру, Свіягу, Сарпу, Тверцу, Мологу, Шексну, Кострому, Унжу, Ветлугу, Каму, Черемшанъ, Сокъ, Самару, Иргисъ, Ерусланъ... Какой смыслъ долженъ придавать этимъ словамъ ребенокъ, учащійся географіи? Намъ кажется, что обыкновенный нашъ способъ обученія географіи доселѣ совершенно равнялся тому, какъ если бы мы вздумали учить дѣтей иностранному языку по лексикону. Задавали бы каждый день по страницѣ и не дали бы въ руки ни одной книги, пока ученикъ всего лексикона не выучитъ. Что наше сравненіе ни мало не преувеличено, можно убѣдиться слѣдующимъ соображеніемъ: въ географіи Ободовскаго находится (какъ видно по указателю именъ, въ концѣ книги) до 4000 собственныхъ названій; изученіе всѣхъ ихъ можетъ равняться изученію иностраннаго языка, потому что, владѣя четырьмя тысячами словъ какого угодно изъ европейскихъ языковъ, можно уже читать на немъ очень свободно. Но, разумѣется, съ тѣми же четырьмя тысячами ничего не сдѣлаешь, если выучить ихъ по лексикону,—отъ а до д, напримѣръ. Къ счастью, языкамъ такъ не учатъ. Только географіи вышла такая несчастная доля.

Уроки г. А. П. (ему принадлежатъ въ этомъ выпускѣ три урока, кромѣ того, одинъ читанъ былъ г. В. Л.) уклоняются отъ старой рутины. Они изображаютъ природу страны большею частью очень живо; о естественныхъ произведеніяхъ говорятъ подробно; говоря о жителяхъ, указываютъ на ихъ нравы и обычаи. Все это чрезвычайно много облегчаетъ и упрощаетъ изученіе географическихъ данныхъ.

Въ вышедшемъ нынѣ выпускѣ находится обозрѣніе Восточнаго Океана, Океаніи и Австраліи. Авторъ начинаетъ свои уроки съ этихъ странъ потому, что «здѣсь, какъ онъ говоритъ, природа еще не утратила своего первоначальнаго типа, и люди еще не вышли изъ первобытнаго естественнаго состоянія». Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ эти страны сдѣлались извѣстны позднѣе, то автору представлялась возможность въ историческомъ разсказѣ осмыслить самую номенклатуру геогра-

фическую. Такъ, разсказывая о путешествіи Магеллана, г. А. П. упоминаетъ и различныя обстоятельства, подавшія поводъ къ тому или другому названію разныхъ острововъ. Вообще изложеніе уроковъ г. А. П. очень живо, просто и занимательно.

Нельзя того же сказать объ «оро-гидрографическомъ очеркѣ» Австраліи, составленномъ г. В. Л. Онъ весьма недалеко ушелъ отъ старой рутины. Впрочемъ, самъ авторъ, въ примѣчаніи къ этому уроку, сознается, что представилъ свой очеркъ въ сжатомъ и неполномъ видѣ, потому что это есть не болѣе какъ черченіе карты, нѣсколько оживленное. Какъ пособіе при черченіи карты учениками, дѣйствительно, и урокъ г. В. Л. можетъ почесться нелишнимъ въ книгѣ.

16. Первый шагъ.

Чтеніе для молодыхъ дѣвицъ. *Августы Вороновой*. С.-Петербургъ. 1858 г. въ 8 д. л. 324 стр.

Мы рѣшительно не понимаемъ назначенія этой книги. Отчего это *первый шагъ* и отчего первый шагъ должны читать именно молодыя дѣвицы? Неужели потому, что тутъ есть «Журналъ молодой дѣвицы» и «Записки гувернантки»? Но подобные журналы и записки существуютъ десятками въ нашей литературѣ, и никто не назначаетъ ихъ преимущественно для чтенія молодыхъ дѣвицъ. Можетъ быть, содержаніе книги г-жи Вороновой имѣетъ что-нибудь особенное? И того нѣтъ: обыкновенныя плохія повѣсти, которыхъ завязка основана на противорѣчіяхъ любви. Вотъ, напр., содержаніе перваго разсказа. Дѣвушка шестнадцати лѣтъ ведетъ журналъ, тутъ она записываетъ много прекрасныхъ вещей: и о томъ, что Переяславское озеро богато лягушками, и о томъ, что ея гувернантка—отличная женщина, что не нужно трудиться надъ безполезнымъ дѣломъ и проч. Но дѣло собственно заключается не въ этихъ прекрасныхъ замѣткахъ, а въ томъ, что дѣвушка влюбилась въ богатаго, красиваго и гордаго Леона Рѣшетинскаго, полюбивши въ то же время своего троюроднаго кузена Nicolas. Послѣ разныхъ сценъ и проволочекъ, блистательный Леонъ сватается. Дѣвушка не можетъ еще разобрать своихъ чувствъ и говоритъ объ этомъ матери. Мать начинаетъ выхвалять Леона, говоря, что другого такого жениха не сыскать. Но дѣвушка, все-таки, не рѣшается и прибѣгаетъ къ гувернанткѣ. Гувернантка объясняетъ ей, что и матери ея Леонъ ужасно не по сердцу, но что она выхваляла его для того, чтобы ничѣмъ не препятствовать свободному выбору своей дочери, хотя и увѣрена была, что этотъ бракъ принесетъ ей несчастье. Дѣвушка умиляется такой высотою материнской любви и выходитъ за кузена Nicolas. Въ другомъ разсказѣ гувернантка разсказываетъ, какъ ее преслѣдовалъ въ одномъ домѣ Ардаліонъ Тимофеичъ, какъ онъ, нетрезвый, засталъ ее разъ въ темной комнатѣ, упалъ передъ нею, обнималъ и цѣловалъ ея ноги, какъ она бѣжала изъ этого дома въ другой, гдѣ тридцатилѣтняя экономка, пять лѣтъ

до того бывшая при дѣтяхъ, начинаетъ ревновать ее къ вдовцу-хозяину и проч. Третій разсказъ—«Лѣтнія ночи»—состоитъ въ томъ, что сорокалѣтняя женщина разсказываетъ 18-тилѣтней дѣвушкѣ, какъ она, лѣтъ двадцать пять тому назадъ провела одну бальную ночь. Тутъ опять—прогулка въ саду, дремотное забытье отъ шампанскаго, встрѣча въ темнотѣ съ молодымъ человѣкомъ, а затѣмъ его наставленіе: «не подвергайте себя молвѣ слишкомъ рано».—Мы рѣшительно не понимаемъ, какая необходимость молодымъ дѣвицамъ читать подобные разсказы? Развѣ мало у насъ вздорныхъ повѣстей и романовъ съ чувствительными сценами и даже съ нравоучительнымъ хвостикомъ въ развязкѣ? Мы вовсе не принадлежимъ къ числу пуристовъ, которые приходятъ въ ужасъ, если при дѣвицахъ произнесутъ слово *любовь*, безъ прилагательнаго—дѣтская, братская и т. п. Но мы не понимаемъ и того, зачѣмъ вздорные разсказы о вздорной любви дѣлать преимущественнымъ чтеніемъ молодыхъ дѣвицъ? Неужели нельзя найти для нихъ предмета поинтереснѣе? Да ужъ если нужно имъ читать разсказы, такъ лучше дать имъ Пушкина, Гоголя, Тургенева, Григоровича и проч. Тамъ есть достоинства художественныя, тамъ жизнь изображена естественно и живо, изящный вкусъ и литературное образованіе выигрываютъ отъ чтенія такихъ повѣстей. О разсказахъ г-жи Вороновой нельзя сказать этого; имъ недостаетъ даже хорошаго изложенія. А какой *первый шагъ* указываютъ они молодымъ дѣвицамъ, этого мы никакъ не умѣемъ объяснить.

Есть въ книгѣ г-жи Вороновой еще два разсказа, не отличающіеся тѣмъ характеромъ, въ какомъ написаны остальные три. Первый изъ нихъ: «Путешествіе въ портъ-Аянъ», представляетъ нѣсколько не лишенныхъ интереса подробностей о Сибири; второй: «Записки о Ригѣ и Прибалтійскомъ краѣ»—составляетъ сухой и скучный перечень историческихъ событій въ прибалтійскихъ земляхъ отъ XII столѣтія. *Перваго шага* мы и тутъ не доискались.

17. О звѣздномъ небѣ.

Спб. 1858.

Природа и люди.

Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Книга I. Выпускъ I. Спб. 1858.

Брошюра «О звѣздномъ небѣ» составляетъ продолженіе прежде изданныхъ брошюръ того же автора: «О магнитѣ и земномъ магнетизмѣ», «О внутреннемъ устройствѣ земного шара» и «О метеорологіи и ея будущихъ успѣхахъ». Брошюра, нынѣ изданная, которой содержаніе понятно уже изъ заглавія, отличается тѣми же достоинствами изложенія и вообще представленія предмета, какія мы замѣтили и въ прежнихъ статьяхъ автора, какъ извѣстно читателямъ изъ отзывовъ, сдѣланныхъ нами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Въ началѣ своей брошюры авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«При безпримѣрномъ развитіи естественныхъ наукъ, при ежедневно умножающемся приложеніи силъ природы, создающихъ въ нашихъ глазахъ какъ бы новый міръ, весьма понятно, почему физическія знанія составляютъ дѣйствительную потребность не только для малаго числа избранныхъ, но и для цѣлыхъ массъ. Къ сожалѣнію, у насъ мало, и даже совсѣмъ нѣтъ, по части физики, руководствъ популярныхъ».

Чтобы помочь хотя чѣмъ-нибудь этому недостатку, авторъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ популярнаго изложенія отдѣльныхъ предметовъ естествовѣдѣнія, и онъ достигаетъ своей цѣли съ большимъ успѣхомъ.

Гг. А. П. и В. Л. также сдѣлали попытку болѣе простого и оживленнаго руководства, въ приложеніи къ географическимъ знаніямъ. Въ изданномъ ими первомъ выпускѣ заключается изображеніе Восточнаго Океана, Океаніи и Австраліи. Нужно признаться, что изображеніе страны, мѣстныхъ произведеній, жителей очень любопытно и живо въ урокахъ г. А. П. (г. В. Л. принадлежитъ одинъ урокъ, не столь живо изложенный). Но насъ удивилъ тонъ, съ которымъ обращается преподаватель къ своимъ ученицамъ. Онъ начинаетъ съ ними географію и разсказываетъ о томъ, какъ открытъ былъ Восточный Океанъ:

«Въ концѣ XV вѣка Христоферъ Колумбъ переплылъ Атлантическій океанъ въ западномъ направленіи и открылъ землю, тогда еще неизвѣстную. Это былъ архипелагъ между Сѣверною и Южною Америкою, но Колумбъ былъ увѣренъ, что открылъ часть Индіи, отчего архипелагъ и названъ Вестъ-Индіею».

Помилуйте, значитъ ваши ученицы уже прошли географію! Онѣ ужъ знаютъ очень многое, о чемъ вы съ ними и не думали толковать? Какъ же вы говорите имъ объ Атлантическомъ Океанѣ, Архипелагѣ, Сѣверной и Южной Америкѣ, Индіи, когда только еще хотите ихъ знакомить съ странами свѣта и для начала выбираете—Океанію? Для учениковъ старшихъ классовъ гимназій полезно будетъ чтеніе уроковъ г.г. А. П. и В. Л., но начинающимъ невозможно ими пользоваться. Вообще — *какъ учебникъ*, «уроки географіи» не могутъ употребляться.

Несмотря на то, книжка гг. А. П. и В. Л. принесетъ много пользы читающимъ и ученикамъ. Тутъ они найдутъ живое и довольно просто изложенное объясненіе многихъ предметовъ, которые въ нашихъ географіяхъ обыкновенно только перечисляются. Въ «историческихъ замѣткахъ», также не забытыхъ издателями, найдутся даже человѣческія объясненія многихъ названій мѣстностей Новаго Свѣта. А то въ самомъ дѣлѣ, что это? острова Дружбы, Товарищества, Разбойничьи... Да почему-жъ они называются Разбойничьи? спрашиваетъ ученикъ.—А почему столъ называется столъ? спрашиваетъ въ свою очередь учитель, не имѣющій понятія о путешествіи Магеллана и объ открытіи имъ Разбойничьихъ острововъ.—Потому, что на немъ *ста-*

вять, наивно отвѣчаетъ мальчикъ. «Ну, а это потому... потому, что ты глупъ и дерзокъ», возражаетъ учитель не безъ смущенія, но голосомъ, не допускающимъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Такъ мы и проходили всю географію.

Скоро, вѣроятно, такое ученіе будетъ уже страннымъ и невѣроятнымъ. Но до сихъ поръ оно еще держится, и даже книжка гг. А. П. и В. Л. не даетъ возможности отказаться отъ Ободовскаго. Въ ней именно предполагается уже предварительное изученіе географіи учениками; а теперь намъ нужна была бы такая книжка, которая бы порядочно знакомила съ природой и людьми тѣхъ дѣтей, которыя никакого понятія о географіи не имѣютъ.

18. Объ училищахъ и учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи вообще, а о первомъ народномъ училищѣ въ особенности.

Н. Лебедева. Спб. 1858 г.

Читатель можетъ подумать, что г. Лебедевъ въ самомъ дѣлѣ говоритъ что-нибудь объ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи *вообще, а о первомъ* народномъ училищѣ *въ особенности*. Но, подумавши такимъ образомъ, читатель ошибется: г. Лебедевъ собственно ничего не говоритъ объ училищахъ, онъ только перечисляетъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Далѣе притязанія его не простираются. Въ предисловіи онъ задаетъ себѣ слѣдующую задачу: «Любопытно знать, кто, сначала изъ русскихъ князей—правителей, потомъ изъ царей и, наконецъ, изъ императоровъ, посѣявалъ сѣмя просвѣщенія въ управляемой ими Россіи? въ которомъ году? въ какихъ городахъ?» «Чтобы выяснить эти любопытные вопросы и показать всѣ учрежденія на пользу просвѣщенія отъ мудраго Ярослава по день кончины въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая I», г. Лебедевъ и «принялъ на себя трудъ» составить свою книжку. Трудъ, надобно признаться, не великъ, особенно, при той неразборчивости, съ которою г. Лебедевъ выбиралъ свои источники. Говоря, напримѣръ, объ учрежденіи славяно-греко-латинской Академіи, онъ ссылается на справочный словарь Старчевскаго; объ учрежденіи Академіи Наукъ—на страницу 272 русской исторіи Погодина и на стр. 293 русской исторіи Кайданова и пр. т. п. Интересно, на какихъ основаніяхъ держится рѣшеніе вопроса о первомъ народномъ училищѣ въ Россіи. Изъ сказаній Нестора, Карамзина и Соловьева можно заключить, по логикѣ г. Лебедева, что учрежденія училищъ при князѣ Владимірѣ *не было*. Въ какомъ же году было устроено первое народное училище? Г. Лебедевъ отвѣчаетъ:

Въ княженіе Ярослава Мудраго, учрежденіе народнаго училища послѣдовало въ 1038 (ссылка—на что бы вы думали? на «Хронологическое и синхронистическое обозрѣніе всемірной исторіи» Ольдекопа, стр. 23),—въ Новгородѣ, на 300 юношей знатнѣйшихъ гражданъ (и опять ссылка—на 4-ю часть «Россіи» Булгарина).

Свидѣтельство такихъ достовѣрныхъ источниковъ, какъ гг.

Ольдекопъ и Булгаринъ, даетъ г. Лебедеву полное право сказать, что онъ *рѣшилъ* вопросъ о первомъ народномъ училищѣ въ Россіи.

На оборотѣ книжицы напечатано: «во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются также и слѣдующія сочиненія г. Лебедева:

«Лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, въ сраженіи въ селѣ Госсѣ подъ Лейпцигомъ».

«Признательность псковскихъ гражданъ».

«О деньгахъ, обращавшихся въ Россіи съ 862 по 1663 годъ».

«Разсказы для государственныхъ крестьянъ».

Какъ вы думаете, читатели: любопытны должны быть всѣ поименованныя творенія г. Лебедева, автора книги объ училищахъ вообще и т. д.?

19. Ученики съ медленнымъ пониманіемъ.

Изъ замѣтокъ учителя.

Ни одному разряду учениковъ не приходится въ нашихъ школахъ такъ плохо, какъ тѣмъ вялымъ, туго-понимающимъ мальчикамъ, которыхъ учителя часто называютъ бездарными и безтолковыми. Въ отношеніи къ нимъ всего болѣе погрѣшаетъ современное воспитаніе. А между тѣмъ они-то и заслуживаютъ самаго тщательнаго вниманія и попеченія со стороны воспитателя. Большею частью въ нихъ скрываются такія духовныя силы, которыя далеко превосходятъ способности такъ называемыхъ талантливыхъ, бойкихъ учениковъ; въ нихъ всегда можно найти нравственную стойкость и точность, а это столь важно, что должно внушить намъ особенную о нихъ заботливость. Неторопливый народъ нашъ понялъ цѣну этой медлительности, сложивъ поговорку: «тише ѣдешь, дальше будешь»; но въ нашемъ воспитаніи такое воззрѣніе прилагается еще весьма мало, и мальчики съ медленнымъ пониманіемъ часто дѣлаются жертвами нетерпѣливости воспитателей.

Въ нашихъ школахъ ученье большею частью идетъ чрезвычайно быстро; одна наука безпрестанно смѣняется другою. Виною этому, конечно, не столько самыя школы, сколько требованія современнаго образованія; но, тѣмъ не менѣе, въ этомъ заключается главное неудобство для учениковъ, которыхъ понятія развиваются медленно. Они не могутъ поспѣвать за быстрымъ ходомъ преподаванія; отъ пройденнаго у нихъ едва остается какое-то смутное впечатлѣніе, и неопытному наблюдателю они представляются бездарными глупцами, съ которыми не стоитъ тратить трудовъ и времени. Какъ лишняя тяжесть, они и отбрасываются въ сторону. Въ понятіяхъ учителя они рисуются лѣнивыми, флегматичными, тупыми, ничѣмъ не интересующимися, апатически-равнодушными, и притомъ еще съ понятіями сбивчивыми и безтолково-перепутанными. Всѣ эти заключенія нерѣдко бываютъ совершенно ложны; но при настоящемъ знаніи у насъ

педагогики—этому нечего удивляться. Вообще у насъ считаютъ педагогику и дидактическіе пріемы при обученіи дѣломъ лишнимъ; и потому неудивительно, что доморощенные педагоги, частенько судя лишь по наружности, грѣшатъ въ отношеніи сужденій о своихъ ученикахъ.

Учениковъ съ медленною понятливостью легко узнать по нѣкоторымъ особеннымъ признакамъ. 1) Они слѣдятъ усердно за преподаваніемъ, но оно не возбуждаетъ въ нихъ самодѣятельности. Указывается ли что-нибудь ихъ зрѣнію, слуху, осязанію, ихъ собственное участіе часто ограничивается почти только глазѣніемъ, т. е. они просто видятъ предметъ, безъ всякаго пониманія. Нужно, чтобы прошло много времени, чтобы предметъ много разъ былъ показанъ имъ, и тогда только къ этому чисто-внѣшнему воззрѣнію можетъ присоединиться внутреннее, разумное участіе. 2) Ихъ трудно заставить идти впередъ. Всякій разъ, когда имъ нужно сдѣлать заключеніе, сравненіе, новую комбинацію, или распредѣленіе, примѣненіе правила и т. п., они обыкновенно запинаются и становятся втупикъ. Если ихъ заставляютъ разсуждать насильно, они рѣшительно сбиваются съ толку и несутъ ужаснѣйшую дичь, возбуждающую гнѣвъ учителя и смѣхъ товарищей. Проходитъ обыкновенно довольно долгое время, прежде чѣмъ побѣдишь ихъ медлительность и заставишь ихъ идти свободно и весело, безъ робости и безъ затрудненій. 3) Зато они выказываютъ весьма сильную склонность къ порядку и аккуратности. Это замѣтно въ ихъ книгахъ и тетрадяхъ, въ ихъ письмѣ и рисовкѣ, равно какъ во всемъ ихъ поведеніи, если имъ поручается въ классѣ какая-нибудь особенная должность. Поэтому часто находятъ ихъ дѣйствія механическими. 4) Они нерѣдко удивляютъ своимъ практическимъ смысломъ въ привычной имъ сферѣ жизни, тогда какъ во всякомъ новомъ жизненномъ положеніи, напр., въ новомъ классѣ, въ новой должности, при новомъ занятіи, они часто—такъ же, какъ и въ ученьи—являются сначала какъ будто не на мѣстѣ. Поэтому почти всегда считаютъ ихъ особенно способными къ практическимъ занятіямъ въ жизни. 5) Съ нравственной стороны, которой здѣсь также нельзя оставлять безъ вниманія, они обыкновенно являются послушными, уступчивыми и добродушными, но иногда вдругъ дѣлаются несговорчивы, упорны и совершенно неприступны. Иногда они позволяютъ шутить надъ собой, а потомъ вдругъ обижаются и дѣлаются грубы, задорны. Какая изъ этихъ сторонъ разовьется въ нихъ преимущественно въ послѣдующей жизни, это зависитъ главнымъ образомъ отъ того, какъ съ ними будутъ обходиться въ школѣ. 6) Если въ школѣ и вообще при воспитаніи обращаются съ ними какъ слѣдуетъ, то они на всѣ вопросы, какіе даютъ имъ, либо отвѣчаютъ вѣрно, либо совсѣмъ ничего не отвѣчаютъ; поэтому въ сравненіи съ другими учениками, которые часто хорошо отвѣчаютъ наугадъ, они кажутся незнающими. 7) Имъ трудно понимать и трудно удерживать понятое; но память ихъ отличается вѣрностью, а умъ—ясностью.

Сколько можно судить по опыту, такія головы съ медленнымъ

развитіемъ выходятъ всего чаще изъ простыхъ семействъ, которыя живутъ тихо и скромно, и въ которыхъ ребенокъ не бываетъ предметомъ общихъ угожденій и хвастовства для всѣхъ домашнихъ. Онъ находится здѣсь въ положеніи очень простомъ: спокойно и безпрепятственно, безъ всякихъ возбужденій и подталкиваній привыкаетъ онъ къ тѣмъ простымъ отношеніямъ, въ которыхъ онъ поставленъ судьбой, и умѣетъ хорошо держаться въ нихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ огражденъ здѣсь и поставленъ вдали отъ разнообразныхъ, болѣе или менѣе далекихъ отъ его быта вліяній, отъ многихъ впечатлѣній и возбужденій, чуждыхъ и несвойственныхъ самимъ обстоятельствамъ его жизни. Можно даже сказать, что такія дѣти принадлежатъ большею частью къ тѣмъ семействамъ, въ которыя не проникла еще метода воспитанія, поставляющая задачею возбужденіе духовныхъ способностей, и въ которыхъ дитя, тихо развивающееся, скромное, послушное, нравственное,—цѣнится гораздо выше бойкаго и остроумнаго. Такого рода учениковъ мы встрѣчаемъ всего чаще въ сельскихъ и приходскихъ училищахъ. Въ городахъ дѣти съ медленнымъ пониманіемъ являются обыкновенно также въ простыхъ семействахъ. Здѣсь сильно особенно вліяніе самого отца семейства. Не слишкомъ развитый относительно умственныхъ стремленій, онъ обыкновенно не заносится въ даль мечтами и чувствуетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ въ своемъ невысокомъ званіи и стремленіи къ честной жизни и пріобрѣтенію необходимаго пропитанія для себя и семейства. Съ этой точки зрѣнія онъ и все духовное воспитаніе дѣтей своихъ поставляетъ въ томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ способныхъ помощниковъ себѣ въ хозяйствѣ и въ ремеслѣ. Естественно, что развитіе дѣтей идетъ такимъ образомъ не быстро.

Что касается до внутренней причины медленнаго пониманія, то ее можно искать частью въ природной, врожденной способности души, частью въ ходѣ ея развитія. Въ первомъ отношеніи сущность этого духовнаго расположенія можно опредѣлить такимъ образомъ: въ медлительныхъ умахъ слаба внутренняя воспріимчивость; иначе сказать, въ нихъ слабо проявляется та сила духа, посредствомъ которой мы совокупляемъ одно представленіе съ другимъ и такимъ образомъ изъ многихъ отдѣльныхъ представленій составляемъ одно стройное цѣлое. Поэтому имъ нужно гораздо болѣе времени не только для совершенія акта воспріятія, но и для того, чтобы вновь вызвать въ своей душѣ нѣсколько одинаковыхъ представленій. Каждое представленіе является въ медлительномъ умѣ отдѣльнымъ отъ всѣхъ другихъ; ученикъ занятъ имъ исключительно и не заботится о другихъ сродныхъ представленіяхъ, потому что они или не кажутся ему сродными, или даже совсѣмъ не приходятъ на мысль при этомъ. Поэтому-то такіе умы привязываются обыкновенно къ единичнымъ представленіямъ и изучаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Можно сказать, что умственно-медленный ученикъ не довольствуется общимъ впечатлѣніемъ, но все ищетъ ясности. Эта-то ясность отдѣльныхъ представленій и приводитъ уже его къ сознанію разности одного даннаго представленія отъ всѣхъ другихъ. Тогда какъ у бойкихъ учениковъ для лучшаго

объясненія разныхъ сторонъ предмета всегда готовы синонимныя слова и представленія, у умственно-медленныхъ учениковъ нѣтъ ничего подобнаго, потому что единичность, разрозненность представленій въ ихъ головѣ не допускаетъ этого.

Такимъ образомъ характеристическія черты этихъ медлительныхъ умовъ становятся намъ яснѣе. При каждомъ новомъ впечатлѣніи, представляющемся имъ, они прежде всего стараются только замѣтить его и дѣлаютъ это съ напряженною внимательностью, заботясь главнымъ образомъ о ясности. Занимаясь только этимъ отдѣльнымъ представленіемъ, они нисколько не заботятся о томъ, чтобы вызвать въ душѣ другія, сродныя съ нимъ. Отсюда происходитъ это внимательное всматриваніе въ предметъ съ видомъ непониманія и безтолковости. Къ этому присоединяется и указанная нами выше любовь къ порядку, точность и заботливость во всѣхъ частныхъ случаяхъ. Наконецъ, достигнувъ однажды точности въ отдѣльномъ представленіи, медлительные умы овладѣваютъ всѣми его сторонами, признаками и отношеніями; этимъ и объясняется практическое направленіе, о которомъ упомянули мы выше, равно какъ и нравственныя ихъ отношенія. Медленною воспріимчивостью своею они не скоро могутъ дойти до самостоятельности; они долго не составятъ для своей дѣятельности собственныхъ правилъ, которыя были бы основаны уже на воспринятыхъ ими представленіяхъ. Поэтому они долго остаются въ естественной зависимости отъ своихъ воспитателей и чувствуютъ себя совершенно довольными и счастливыми въ этой зависимости отъ стоящаго выше ихъ авторитета. Не менѣе охотно и добровольно они уступаютъ преимущество и товарищамъ, болѣе ихъ развитымъ, потому что сами сознаютъ свою духовную слабость въ сравненіи съ ними. Но какъ только въ обращеніи съ собою они замѣчаютъ поступки, противорѣчащіе какому-нибудь ясно сознанному ими представленію о справедливости или нравственности, а также о ихъ личномъ достоинствѣ, тогда тотчасъ это представленіе вступаетъ въ свои права, съ полной исключительностью, сообразно съ ихъ общимъ духовнымъ настроеніемъ. И это представленіе бываетъ такъ сильно, что всѣ остальныя представленія ему уже не въ состояніи противодѣйствовать. Этимъ объясняются кажущіяся противорѣчія въ жизни людей съ медленнымъ пониманіемъ и часто внезапные переходы ихъ отъ покорности къ упрямству и т. п. Ясно также для насъ и то обстоятельство, почему такіе ученики или вовсе не отвѣчаютъ на вопросы, или отвѣчаютъ вѣрно. Отвѣты неопредѣленные и только наполовину вѣрные именно происходятъ оттого, что ученикъ или совсѣмъ не умѣетъ понять каждую отдѣльную частность представленія *), или при данномъ представленіи ему приходитъ на умъ множество другихъ сродныхъ представленій; въ томъ и другомъ случаѣ онъ не можетъ достигнуть опредѣленности въ отвѣтахъ и въ самыхъ выраженіяхъ своихъ. Съ медлительнымъ умомъ этого не бываетъ; зато

*) Смотри статью: «Тупые ученики» въ № 2 *Журнала для воспитанія.* за 1857 г.

онъ осужденъ всегда на молчаніе, если учитель прежде не позаботился о возбужденіи въ такомъ ученикѣ всѣхъ частныхъ представленій, о которыхъ требуется сужденіе. Наконецъ, изъ слабой способности воспріятія объясняется медленность запоминанія и затѣмъ вѣрность памяти. Можно сказать, что ученикъ запомнилъ то или другое, когда онъ въ состояніи по своей волѣ возбудить въ душѣ представленіе объ этомъ, т. е. воспроизвести его въ памяти. Для учениковъ, въ которыхъ представленія легко сочетаются, такъ что одно представленіе извѣстнаго рода тотчасъ возбуждаетъ другія однородныя, для такихъ учениковъ памятованіе гораздо легче. Но въ медлительныхъ головахъ сочетаніе отдѣльныхъ представленій между собою происходитъ гораздо медленнѣе, и потому однимъ представленіемъ часто совсѣмъ не возбуждается другое, а вслѣдствіе этого и запоминаніе совершается медленно. Эту же разрозненность отдѣльныхъ представленій можно замѣтить и въ томъ, что такіе ученики всегда отвѣчаютъ вѣрно на вопросы, сдѣлавшіеся уже типичными, составляемые по одной и той же формѣ и сходящіеся къ одному и тому же представленію. Но когда этотъ же вопросъ предлагается въ другой формѣ, требующей новаго сочетанія представленій, ученикъ съ медленнымъ умомъ теряется и молчитъ. Такого ученика нужно сначала какъ бы пріучить къ тому, какой опредѣленный отвѣтъ именно долженъ слѣдовать на опредѣленный вопросъ, т. е. нужно избѣгать такихъ вопросовъ, въ которыхъ заключаются незнакомыя ему представленія. Въ противномъ случаѣ ученикъ долженъ во время самаго отвѣта дѣлать новыя сочетанія представленій; но на это еще хватаетъ его соображенія. Вѣрность памяти въ медлительныхъ умахъ зависитъ отъ того, что представленія въ нихъ, какъ мы сказали, всегда полны, ясны, опредѣленны во всѣхъ частностяхъ, и потому всѣ возможныя сочетанія однихъ представленій съ другими основываются въ нихъ не на случайныхъ, но на существенныхъ признакахъ предметовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣютъ такую ясность, что взаимное возбужденіе представленій дѣлается необходимымъ и непремѣнно остается неизмѣнно въ душѣ до тѣхъ поръ, пока присущи духу эти самыя представленія.

Разсмотрѣвъ внутренній процессъ развитія въ медлительныхъ головахъ, мы яснѣе можемъ понять и слѣдующее обстоятельство. Живо и основательно усвоивъ себѣ какое-нибудь представленіе, онѣ выказываютъ въ развитіи его изумительное, а часто и совершенно неожиданное богатство сдѣланныхъ ими наблюденій. Онѣ большею частію скупы на слова, но зато выражаются весьма опредѣленно и, мало-по-малу доходя до вѣрности сужденій, удивляютъ часто въ своихъ самостоятельныхъ произведеніяхъ оригинальностью. Онѣ болѣе всего способны къ различнымъ остроумнымъ выходкамъ, которыя въ томъ именно и состоятъ, что представленія совокупляются по отдаленнымъ признакамъ: эти-то признаки обыкновенными головами никогда и не замѣчаются такъ опредѣленно. Понятно и то, почему эти медлительныя головы—если только онѣ не совсѣмъ забыты въ школѣ—часто занимаются исключительно какимъ-нибудь однимъ предметомъ. Онѣ

какъ бы ищутъ себѣ убѣжища въ одной опредѣленной области духовной жизни и въ ней-то обнаруживаютъ столько же производительности, какъ и оригинальности. По этой причинѣ онѣ и требуютъ особенно заботливаго попеченія и береженія. Въ наше время болѣе, чѣмъ когда-либо нужно внимательно слѣдить за ними; потому что только весьма немногія изъ нихъ успѣваютъ пробиться сквозь школьный лабиринтъ, состоящій изъ 10—13 предметовъ обученія, а большая часть изъ нихъ еще въ низшихъ классахъ отдѣляется, какъ негодный баластъ, и оставляется въ сторонѣ, какъ совершенно не заслуживающій заботъ учителя.

Нынѣ весьма много толкуютъ о развитіи умственныхъ силъ, но, тѣмъ не менѣе, мы вообще страдаемъ недостаткомъ оригинальности и производительности; а вмѣстѣ съ тѣмъ и основательность въ знаніяхъ высказывается только въ весьма немногихъ головахъ, составляющихъ какъ бы исключеніе. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить еще и то, что весьма многіе изъ знаменитыхъ людей, впослѣдствіи отличившихся въ наукахъ, часто въ школахъ играли роль такихъ непонятливыхъ головъ и нерѣдко заставляли потомъ бывшихъ учителей своихъ восклицать: кто бы могъ въ нихъ это предполагать! Нечего, кажется, говорить о томъ, что этого рода учениковъ не должно смѣшивать съ посредственностью. Посредственные ученики — находка для школы; для нихъ не нужно ни педагогики, ни особыхъ дидактическихъ пріемовъ; съ ними можно благополучно сдавать экзамены, и они, наконецъ, достигаютъ до такой высоты пониманія, что могутъ говорить даже о предметахъ, которыхъ совершенно не понимаютъ.

Кромѣ природныхъ способностей, самый ходъ первоначальнаго воспитанія имѣетъ вліяніе на развитіе умственно-медленныхъ учениковъ. Этого второго обстоятельства никакъ не должно оставлять безъ вниманія. Напротивъ, нужно разсмотрѣть его какъ можно тщательнѣе, чтобы отсюда вывести правила, какимъ образомъ слѣдуетъ обращаться въ школѣ съ туго-понимающими дѣтьми. Простая обстановка быта, постоянно одни и тѣ же обстоятельства и отношенія, окружающія ребенка, недостатокъ во всѣхъ средствахъ, какія даются природой и искусствомъ для возбужденія и напряженія духовной дѣятельности въ дѣтяхъ,—все это въ соединеніи съ природнымъ характеромъ производитъ медленное пониманіе. Ребенокъ привыкаетъ останавливаться на одномъ и томъ же впечатлѣніи и не торопится ускорять сочетаніе представленій своихъ; это доходитъ даже до того, что и отдѣльные предметы воспринимаются и замѣчаются имъ весьма м е д л е н н о. Такимъ образомъ происходитъ то духовное состояніе, которое можно назвать д у х о в н о й ф л е г м о й. Простота быта и всѣхъ отношеній никогда не возбуждаетъ въ душѣ потребности скоро переходить отъ одного представленія къ другому и даже не требуетъ, чтобы въ умѣ всегда находилось значительное количество представленій. Этимъ и объясняется внезапное смущеніе такихъ учениковъ въ школахъ при необходимости быстраго перехода отъ одного предмета къ другому, или въ случаѣ новаго и разнообразнаго сочетанія мыслей. Естествен-

ное послѣдствіе этого: медлительность, неловкость и недостатокъ умѣнія образовать изъ данныхъ представленій сужденіе и изъ данныхъ условій заключеніе. Такимъ образомъ эти ученики являются постоянными, надежными дѣтьми; но вмѣстѣ съ тѣмъ они легко путаются и нерѣдко могутъ казаться непонятливыми и глупыми.

Въ томъ, что мы сказали, заключается достаточно намековъ на то, какъ нужно обращаться съ такими дѣтьми. Тѣмъ не менѣе, не безполезно разсмотрѣть поближе тѣхъ изъ нихъ, которыя сдѣлались жертвою неправильнаго воспитанія, и расшевелить этимъ нѣсколько совѣсть педагоговъ. Такія дѣти рѣдко поступаютъ въ высшія школы, не поучившись еще прежде гдѣ-нибудь. Обыкновенно начальное образованіе и развитіе они получаютъ или отъ учителей и учительницъ, имѣющихъ весьма смутныя понятія какъ объ искусствѣ обученія, такъ и о воспитаніи вообще, и обучающихъ учениковъ своихъ точно такъ же, какъ сами учились въ гимназіяхъ. Въ извѣстномъ классѣ нужно пройти и знать столько-то, въ другомъ столько-то; съ этимъ положеніемъ сообразуются эти преподаватели и въ своихъ занятіяхъ. Это служитъ для нихъ единственнымъ руководствомъ при обученіи, и, чтобы безошибочно достигнуть своей цѣли, они употребляютъ въ отношеніи къ ученикамъ своимъ всѣ зависящія отъ нихъ средства, и даже болѣе нежели нужно. При этомъ добродушная увѣренность, что они исполняютъ свой долгъ, дѣлаетъ ихъ слѣпыми и глухими къ совѣтамъ дидактики и педагогики. А если какъ-нибудь и проснется совѣсть и станетъ упрекать ихъ, такъ можно успокоить ее обыкновеннымъ мнѣніемъ, что вѣдь изъ педагогическихъ сочиненій ничему не научишься.

Почти то же самое встрѣчается въ нѣкоторыхъ училищахъ, гдѣ программа, утвержденная инспекторомъ или начальствомъ, составляетъ единственное педагогическое и дидактическое руководство. Если дѣти, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, попадаютъ въ руки къ такимъ учителямъ, то часто они дѣйствительно глупѣютъ. Они тогда ни въ какомъ предметѣ не достигаютъ твердости знанія, и оттого ими овладѣваютъ досада, отчаяніе и отвращеніе ко всякому ученію; это дѣйствительно дѣлаетъ ихъ весьма жалкими, тѣмъ болѣе, что очень часто эти качества уже ничѣмъ не могутъ быть въ нихъ уничтожены. И сколько духовныхъ силъ ослабляется, сколько талантовъ гибнетъ такимъ образомъ!.. Впрочемъ, къ чему эти сентиментальныя сѣтованія? Можно съ нѣкоторыми способными и талантливыми учениками перешагнуть черезъ эти трупы и утѣшиться въ мечтательномъ царствѣ воздушныхъ теорій. Перейдемъ къ тому, что собственно составляетъ нашу задачу,—къ опредѣленію того, какимъ образомъ нужно поступать, чтобы не вредить естественному развитію медлительныхъ умовъ.

Лучшее средство для отвращенія этого печальнаго обстоятельства заключается въ томъ, чтобы не посылать такихъ мальчиковъ въ заведенія, которыя, заключая въ себѣ слишкомъ общій курсъ, гонятъ ученика по всей наукѣ скорѣе, нежели онъ можетъ и долженъ идти, и въ которыхъ интересъ и вниманіе ученика разбѣгаются по разно-

образнымъ предметамъ, безпрестанно смѣняющимъ другъ друга. Конечно, не посылать дѣтей въ эти школы—значило бы спасти ихъ отъ неправильнаго развитія; но, къ сожалѣнію, школъ иначе устроенныхъ нѣтъ; а какъ на нѣтъ и суда нѣтъ, то предложенное средство должно пока оставаться чистымъ предположеніемъ. Поэтому гораздо важнѣе для насъ вопросъ: как нужно обходиться съ медлительными головами въ теперешнихъ учебныхъ заведеніяхъ, безъ всякаго для нихъ вреда.

Прежде всего необходимъ въ школѣ для такихъ дѣтей медленнѣйшій и простѣйшій ходъ ученія. Школы, и въ частности каждый учитель, должны къ этому стремиться, но не потому, что вынуждены къ этому безуспѣшностью всѣхъ употребленныхъ средствъ возбужденія или наказанія, и не такъ, какъ будто они побѣждены природой мальчика и дѣлаютъ ей уступку. Нѣтъ,—они должны сами хотѣть этого, какъ единственнаго средства, которымъ можно еще достигнуть правильнаго развитія ученика. Едва-ли нужно здѣсь говорить о томъ, какая разница существуетъ въ этихъ двухъ случаяхъ, т. е. когда школа уступаетъ по необходимости, побѣжденная природой мальчика, и когда она разумно и сознательно хочетъ дѣйствовать сообразно съ природой ученика. Первое отношеніе совершенно безнравственно и производитъ развращающее и пагубное дѣйствіе; второе, напротивъ, вполнѣ естественно и указывается самой природой мальчика; передъ этимъ отношеніемъ должны умолкнуть всѣ частныя школьныя цѣли и предписанія. Но при подобномъ образѣ дѣйствія легко впасть въ ошибку другого рода, именно: направить силы ученика на менѣе доступное ему поприще, и такимъ образомъ безплодно утомить ихъ. Чтобы избѣгнуть этого, нужно постараться отыскать ту духовную область, въ которой бы единичныя представленія ученика нѣсколько соединились въ одну стройную массу; если же этого еще нѣтъ, нужно посмотрѣть, гдѣ всего удобнѣе можно произвести такое соединеніе. Только не надо отступать передъ трудностью этой задачи. Безъ особеннаго труда можно сперва замѣтить, какъ ученикъ понимаетъ скорѣе, слухомъ-ли или зрѣніемъ, т. е. что оставляетъ въ немъ живѣйшія картины и представленія, слышанное-ли или видѣнное. Признаки, по которымъ довольно легко судить объ этомъ, можно найти въ урокахъ чистописанія, рисованія, языковъ и пѣнія. Если такія дѣти довольно правильно пишутъ, помнятъ то, что читали, легче, чѣмъ то, что слышали; если они охотно рисуютъ, въ географіи легко запоминаютъ расположеніе странъ и ихъ размѣръ, и, напротивъ, какъ нельзя болѣе смѣшиваютъ и коверкаютъ звуки, тоны и слышанныя названія, неловко и неточно повторяютъ слова, то изъ этого можно уже заключить, что чувство зрѣнія можетъ имъ доставить гораздо живѣйшія представленія, нежели чувство слуха. Сообразно съ этимъ умный наставникъ и можетъ расположить свои дѣйствія. Другое дѣло—узнать образовавшіяся уже въ умѣ ученика группы представленій. Ихъ можно искать въ нравственномъ мірѣ, если, напр., дитя можетъ легко и вѣрно найти мораль басни; или также на эстетическомъ поприщѣ, когда, напр., ему нра-

вится стихотвореніе и онъ интересуется поэтическими разсказами; или, наконецъ, въ логическихъ соображеніяхъ, если, напр. (какъ нерѣдко случается), ученикъ умѣетъ находить синтаксическія отношенія какого-нибудь предложенія, тогда какъ распознаваніе формъ языка или даже ихъ воспроизведеніе чрезвычайно затрудняетъ его. Сюда же относится вообще и умѣнье разсказывать. Обыкновенно, если дѣти въ семейной жизни привыкли исправлять какія-нибудь порученія и должности, то у нихъ въ головѣ образуется извѣстное обозрѣніе отношеній мѣста, времени, причины и дѣйствія. Здѣсь они часто и не сознаютъ единичныхъ моментовъ явленія, но, тѣмъ не менѣе, для нихъ совершенно ясно обозрѣніе всей связи цѣлаго. Это оттого, что здѣсь они воспринимаютъ уже явленіе или фактъ во всей его цѣлости и общности, какъ бы одно отдѣльное представленіе. Такимъ образомъ они могутъ совмѣстить въ одномъ общемъ представленіи всѣ положенія, развитіе дѣйствія, связь причинъ и послѣдствій, и проч. Учитель всегда легко можетъ замѣтить эту способность, заставляя ученика повторить, напр., прочитанный разсказъ. Ученикъ въ этомъ случаѣ обыкновенно немного передаетъ на своемъ бѣдномъ языкѣ и нерѣдко выражается неловкими или неточными фразами, въ которыхъ, однако, если всмотрѣться ближе, всегда можно узнать, что имъ схвачены общій очеркъ разсказа, связь и зависимость различныхъ моментовъ въ происшествіи. При этомъ всегда замѣчается слѣдующее обстоятельство: если учитель останавливаетъ ученика въ его неплавномъ разсказѣ, заставляетъ его входить въ подробности, или нетерпѣливо напоминаетъ разныя мелочи, то ученикъ съ медлительнымъ умомъ обыкновенно совсѣмъ умолкаетъ и становится втупикъ отъ этой непрошенной помощи, навязывающей ему такія отдѣльныя представленія, которыя ему кажутся совершенно чуждыми.

Нашедши эти и другіе подобные признаки въ ученикѣ, школа должна опредѣлить и рѣшить, въ какомъ изъ преподаваемыхъ предметовъ и по какому именно направленію нужно особенно упражнять ученика, и что можно оставлять безъ вниманія. Безъ дальнѣйшихъ распространеній укажемъ прямо, что здѣсь вообще учитель, въ большей части случаевъ, поступитъ вѣрно, если просто выберетъ тотъ или тѣ предметы, въ которыхъ ученикъ легче и больше всего оказываетъ успѣховъ, которые слѣдовательно его всѣхъ болѣе интересуютъ. Это, впрочемъ, еще не значитъ, чтобы этотъ предметъ было такъ легко найти. Часто ученикъ обнаруживаетъ видимое отвращеніе или любовь къ предмету; но если всмотрѣться въ дѣло ближе, то окажется, что чувство его относится совсѣмъ не къ самому дѣлу, а только къ тому образу преподаванія, который его знакомитъ съ этимъ предметомъ. Объяснимъ это хоть однимъ примѣромъ. Многія дѣти обнаруживаютъ сильное отвращеніе къ тѣмъ разсказамъ и анекдотамъ, которые имъ приходится читать и разбирать при изученіи языковъ. Это происходитъ именно оттого, что они здѣсь или должны запомнить разсказъ сразу, просто выслушавши или прочитавши его, или же должны нѣсколько разъ его повторять, разсказывая и разлагая на составныя части, по отдѣльнымъ содержащимся въ немъ пред-

ставленіямъ. И то и другое очень трудно для дѣтей; а чѣмъ болѣе они встрѣчаютъ затрудненій въ какой-либо дѣятельности, тѣмъ болѣе отвращаются отъ самаго предмета, требующаго этихъ трудовъ. Поэтому надо поступать въ этихъ случаяхъ съ большой осмотрительностью, чтобы не сдѣлать опрометчиваго заключенія съ перваго взгляда. Надобно какъ можно больше разнообразить занятія мальчика извѣстнымъ предметомъ, упражнять его устно и письменно, задавать ему подражанія и передѣлки, дѣйствовать на его память и умъ. Если при всемъ этомъ не представится ни одной стороны, съ которой бы можно было замѣтить въ ученикѣ живой интересъ къ предмету, — тогда уже, и только тогда, мы въ правѣ оставить вовсе этотъ предметъ обученія.

Когда такимъ образомъ подмѣчены предметы, интересующіе дѣтей, тогда дѣло учителя и вообще школы—опредѣлить, въ чемъ именно заключается этотъ интересъ для ученика. Это потому, что въ школѣ интересуетъ обыкновенно не столько самый предметъ, сколько тотъ или другой способъ занятій имъ. Для узнанія этого одобряйте дитя, если замѣчаете, что онъ успѣваетъ въ этомъ предметѣ; хвалите его, чтобы возбудить въ немъ сознаніе собственныхъ силъ и укрѣпить самыя силы. Чѣмъ онъ свободнѣе начнетъ обращаться въ кругу своихъ занятій, тѣмъ веселѣе станетъ приступать къ нимъ и совершать ихъ, тѣмъ яснѣе можетъ выказаться его духовное направленіе, и тутъ-то учителю, и вообще школѣ, представляется исполнить вторую задачу свою, т. е. совершенно точно опредѣлить, какая именно сторона предмета болѣе интересуетъ и привлекаетъ ученика. При правильномъ образѣ дѣйствія скоро исчезнетъ то странное предубѣжденіе учителей, что этотъ родъ дѣтей интересуется только механическими занятіями. Напротивъ,—въ большей части случаевъ окажется, что такихъ дѣтей интересуютъ гораздо болѣе глубокія стороны предметовъ. Механизмъ же въ занятіяхъ и внѣшняя аккуратность, какую въ нихъ замѣтили, объясняются очень просто. Они служатъ какъ бы только мѣстомъ убѣжища и защиты для ума ихъ противъ быстраго хода обученія, безпрестанно смѣшивающагося и полнаго рѣзкихъ переходовъ, которые имъ не нравятся и съ которыми внутреннія ихъ силы никакъ не могутъ совладать. Современемъ окажутся также и въ этихъ ученикахъ извѣстная степень понятливости и спокойствіе и ясность мысли, которыя должны рѣшительно освободить ихъ отъ обвиненія въ тупости или, по крайней мѣрѣ, въ смутности понятій.

Въ урокахъ и во всемъ ходѣ школьнаго обученія нужно какъ можно чаще обращаться именно къ той сторонѣ предмета, которая занимаетъ такихъ учениковъ, и спрашивать именно ихъ и толковать съ ними исключительно. Всѣ вопросы, относящіеся къ интересной для такихъ учениковъ сторонѣ предмета, нужно особенно приберегать для нихъ и даже еще нарочно выискивать вопросы и случаи, могущіе занять ихъ. При этомъ не должно также пренебрегать и домашними занятіями, но давать всѣ возможныя средства къ этому и руководить ихъ во всемъ, чтобы всячески способствовать ихъ успѣхамъ. Такимъ образомъ ученики, заинтересовавшись предметомъ, скоро будутъ въ

состояніи преодолѣвать такія трудности и усвоивать такія вещи, которыя до тѣхъ поръ казались имъ неприступными и представляли неодолимыя препятствія. Какъ скоро цѣль привлекаетъ къ себѣ, то и самое пріобрѣтеніе средствъ для цѣли получаетъ особенный интересъ. Ученикъ, прежде не имѣвшій охоты къ ученью, употребляетъ теперь всѣ усилія для узнанія того, что оказывается необходимымъ ему для успѣшнаго занятія любимымъ предметомъ. Тогда зависитъ единственно только отъ учителя утвердить въ ученикѣ мысль, что для дальнѣйшихъ успѣховъ ему необходимо еще заняться вотъ тѣмъ-то и этимъто. Такимъ образомъ дѣйствительно удается, возбуждая интересъ къ одному предмету, возбуждать дѣятельность души и по другимъ сторонамъ и, что главное, помогать соединенію отдѣльныхъ представленій въ группы и самыя эти группы поставлять во взаимныя отношенія между собою.

Но это еще не все. Нужно подвинуть ученика и въ отношеніи къ другимъ предметамъ. Какимъ же образомъ поступать въ этомъ случаѣ? Когда уже опредѣлено, какія стороны одного предмета обученія интересуютъ ученика, тогда нужно отыскать тѣ же стороны въ другихъ предметахъ и стараться посредствомъ ихъ заинтересовать ученика. Почти при всѣхъ предметахъ обученія проявляются одни и тѣ же духовныя отправленія. Ложный вообще принципъ нѣкоторыхъ дидактиковъ, утверждающихъ, что каждому предмету нужно обучить такъ, чтобы имъ однимъ образовался цѣлый человѣкъ, примѣнимъ въ видѣ исключенія къ медлительнымъ головамъ, которыхъ особенно нужно щадить и беречь отъ разнородныхъ и быстрыхъ перемѣнъ занятій. Въ нихъ, дѣйствительно, однимъ предметомъ обученія можно возбудить всѣ духовныя силы, и потому съ ними можно употреблять этотъ способъ обученія; но только съ ними это и можетъ быть полезно. Узнавъ, какая именно сторона дѣятельности интересуетъ ученика, мы должны упражнять его дѣятельность именно этими сторонами во всѣхъ его занятіяхъ. Чтобы указать одинъ примѣръ, представимъ себѣ ученика, у котораго, повидимому, развито эстетическое чувство, но который въ обыкновенномъ смыслѣ признается неспособнымъ. Это чувство проявляется у него особенно въ чистописаніи, въ устройствѣ его тетрадокъ или даже въ охотномъ выслушиваніи и легчайшемъ запоминаніи стихотвореній и поэтическихъ разсказовъ, и т. п. Мы беремъ здѣсь первый случай, который чаще всего можно встрѣтить въ школахъ и который всего легче замѣтить. Такого ученика нужно прежде всего совершенствовать въ чистописаніи, преимущественно предъ всѣми остальными его товарищами, инаконецъ можно довести его успѣхи въ этомъ дѣлѣ до того, чтобы письмо его было какъ будто рисовкой. Затѣмъ дайте ему писать прописи для класса. При этомъ можно его заставить пріискать приличное содержаніе для прописей изъ того, что онъ слышалъ въ классѣ, предоставляя самое избраніе предмета преподавателю. Какіе изъ предметовъ обученія нужно избирать здѣсь, это, конечно, зависитъ отъ особенныхъ обстоятельствъ. Но такъ какъ мы представляемъ себѣ здѣсь ученика, ко-

торый легче понимаетъ зрѣніемъ, нежели слухомъ, то нужно стараться скорѣе перейти къ такимъ предметамъ, въ которыхъ пониманіе совершается болѣе слухомъ, напр., къ языкамъ, къ исторіи. Для сего необходимо заставить ученика для каждой прописи, которую онъ долженъ писать, прислушаться къ уроку и запомнить отъ 3 до 5 фразъ, которыя онъ потомъ предложитъ на выборъ учителя. Благодѣтельное слѣдствіе такой методы будетъ то, что ученикъ станетъ внимательнѣе прислушиваться къ уроку и особенно упражнять свой слухъ, дабы быстрѣе воспринимать звуки. Изъ этихъ занятій вовсе не исключаются и грамматическія правила. Въ исторіи, если не положено руководство, какъ вѣроятно вездѣ для низшихъ классовъ, такому ученику можно задавать для слѣдующаго урока повторить историческій разсказъ и написать всѣ встрѣтившіяся въ немъ имена большими буквами; ихъ можно потомъ вывѣсить на доскѣ, чтобы помочь памяти разсказчика при повтореніи урока. Пусть онъ готовитъ образцы описаній въ формѣ таблицъ по естественной исторіи; пусть перепишетъ стихотвореніе такъ, чтобы всѣ долгіе слоги были написаны прописными, выступающими буквами; пусть онъ письменно приведетъ въ порядокъ географическія имена, расположитъ по различію звуковъ данныя слова одного изъ иностранныхъ языковъ или даже русскаго, и т. п. Такимъ образомъ мало-по-малу образуется самый слухъ, а послѣ этого можно уже входить въ самыя подробности языка. Пусть ученикъ сперва читаетъ записанное имъ въ классѣ; потомъ, при дальнѣйшихъ успѣхахъ, заставьте уже свободно разсказывать прочитанное передъ классомъ; наконецъ попробуйте потребовать, чтобы онъ изложилъ все, что онъ еще долженъ будетъ припомнить и записать по данной ему задачѣ. Болѣе же всего полезно для такихъ мальчиковъ опытное обученіе. Небольшого труда стоитъ узнать то, что особенно занимаетъ мальчика и къ чему онъ болѣе склоненъ. Затѣмъ можно вести дѣло такъ, чтобы все, что встрѣтится или въ школѣ при обученіи, или въ кругу жизни, сочеталось въ кругу его съ тѣми представленіями, которыя онъ уже имѣлъ прежде. Тутъ можно заставить учениковъ дѣлать сравненія и проводить параллели между тѣмъ, что они только-что слышали или читали, и тѣмъ, что они уже испытали и чувствовали сами. Нужно съ неутомимымъ постоянствомъ прислушиваться къ нимъ, нужно соблюдать неизмѣнную терпимость и вѣжливость въ разсужденіяхъ съ ними, нужно терпѣливо сносить ихъ медлительность въ воспроизведеніи представленій. Безпрестанно надобно обращаться къ такому ученику, спрашивать его, касаясь разнообразнѣйшихъ сторонъ, какія только можетъ представлять предметъ, до тѣхъ поръ, пока удастся возбудить вмѣстѣ съ новыми и другія представленія, уже прежде бывшія въ его умѣ. Въ разрозненности отдѣльныхъ представленій и состоитъ главный недостатокъ медлительныхъ головъ, а потому здѣсь особенно нужно нападать на этотъ недостатокъ и стараться исправить его. Для этого же необходимо при обученіи сближеніе съ опытомъ; безъ этого опытнаго обученія и безъ умѣнья ловко пользоваться опытомъ, всѣ другія средства очень мало могутъ способствовать развитію способности примѣчать предметы и вникать въ нихъ;

а недостатокъ этой способности и служитъ главною причиною слабости медлительныхъ головъ. Въ школѣ непремѣнно нужно вкоренить въ душѣ ученика ту мысль, что его собственный духовный міръ и школьный курсъ занятій не составляютъ двухъ отдѣльныхъ сферъ, какъ бы независимыхъ другъ отъ друга; а что, напротивъ, обѣ онѣ не могутъ обойтись одна безъ другой. Нужно непремѣнно давать такимъ ученикамъ задачи, близкія къ опыту жизни. Напр., при разборѣ какого-нибудь стихотворенія или разсказа нужно обращать особенное вниманіе на тѣ его мѣста или стороны, которыя могутъ пригодиться при опытномъ обученіи. Хорошо также, если мальчикъ научится присоединять сюда разсказъ о томъ, что имъ самимъ испытано, о случаяхъ своей жизни и собственныхъ наблюденій. Во время классовъ слѣдуетъ обращать на него особенное вниманіе; нужно быть довольнымъ даже самымъ слабымъ проявленіемъ его опытной дѣятельности, какъ можно терпѣливѣе выслушивать его и дополнять въ его словахъ тотъ смыслъ, котораго онъ, можетъ быть, не умѣетъ опредѣлительно выразить. И при всемъ этомъ никогда не нужно терять изъ виду главную цѣль—слить представленія ученика въ группы и соединить отдѣльныя группы между собою. На это нужно употреблять даже уроки, посвященные собственно другимъ предметамъ, напр., если переводилась французская или латинская басня, нужно заставить ученика разсказать ее и прибавить еще что-нибудь изъ его собственнаго опыта. Едва ли нужно говорить здѣсь о томъ, что учитель особенно долженъ заботиться, чтобы товарищи не осмѣивали умственно-медленнаго ученика. Остановить это, впрочемъ, совсѣмъ не трудно, потому что дѣти, руководствуясь естественнымъ состраданіемъ, весьма высоко цѣнятъ терпѣніе учителя въ отношеніи къ такому ученику. При дальнѣйшемъ ходѣ ученикъ долженъ будетъ мало-по-малу, въ разныхъ мѣстахъ и случаяхъ, воспроизводить, смотря по надобности, тѣ представленія, которыя уже твердо запечатлѣны въ немъ предыдущимъ обученіемъ. Учитель долженъ, наконецъ, знать въ точности, что именно ученикъ уже твердо знаетъ и можетъ легко воспроизводить и чѣмъ онъ владѣетъ вполнѣ, будетъ ли это стихотвореніе, пѣсня, разсказъ, правило, сентенція и проч. Учитель долженъ стараться постоянно напоминать то, что уже извѣстно ученику, и своими вопросами вызывать представленія, уже усвоенныя имъ. Тогда ученикъ, припоминая ихъ въ разныхъ случаяхъ, пріучится постоянно имѣть въ головѣ всѣ представленія, вмѣстѣ со вновь присоединяемыми; это самое и будетъ облегчать для него сочетаніе представленій. Въ отношеніи къ самому предмету обученія это, можетъ быть, покажется натянутымъ, излишнимъ, можетъ быть, посѣтители и ревизоры увидятъ въ этомъ неумѣстное и ненужное распространеніе курса; но для учителя личность ученика должна стоять выше самаго предмета обученія.

Описанный здѣсь способъ обученія вовсе не таковъ, чтобы идти рядомъ со способомъ преподаванія, принятымъ обыкновенно для всего класса. Напротивъ,—здѣсь требуется исключительное вниманіе къ ученику, и притомъ правильная дѣятельность наставника въ отношеніи къ медлительнымъ умамъ можетъ быть достигнута только съ

гораздо меньшимъ количествомъ предметовъ, нежели при обыкновенномъ курсѣ. Поэтому здѣсь прямо представляется вопросъ: съ чего же нужно начинать съ умственно-медленными учениками въ другихъ урокахъ, не относящихся къ одному избранному для нихъ предмету? Нужно ли оставить ихъ совсѣмъ безъ вниманія? Но на это могутъ и не согласиться, хотя на практикѣ нерѣдко конецъ дѣла именно къ этому и приводитъ. Впрочемъ, такъ какъ одно теоретическое отрицаніе весьма мало помогаетъ въ практическихъ вопросахъ, то мы позволяемъ себѣ предложить здѣсь нѣсколько практическихъ правилъ, хотя бы только для того, чтобы дать нѣсколько указаній менѣе опытнымъ учителямъ.

1) Каждый предметъ обученія имѣетъ извѣстный матеріалъ, безъ усвоенія котораго ученикъ не можетъ дѣлать успѣховъ. Но, кромѣ того, здѣсь всегда заключается еще другой матеріалъ, который служитъ уже болѣе для духовнаго упражненія, развлеченія и оживленія. Медлительныя головы прежде всего должны понять и изучить какъ нельзя тверже все, что безусловно необходимо, и изучить именно въ той формѣ, въ которой имъ легче всего усвоить себѣ предметъ, т. е. слухомъ или зрѣніемъ, переписываніемъ и копіями, или повтореніемъ сказаннаго другими.

2) Нужно заставлять такихъ учениковъ дѣлать съ самымъ незначительнымъ матеріаломъ какъ можно болѣе упражненій и примѣненій. Даже и при занятіяхъ съ другими учениками, если матеріалъ этихъ занятій не вполнѣ еще усвоенъ медлительными головами, или въ немъ встрѣчаются неизвѣстныя имъ слова, формы, правила,— непремѣнно всегда нужно обращаться къ такимъ ученикамъ съ вопросами и возбуждать ихъ, давая при этомъ уму ихъ упражненіе, которое основывалось бы на извѣстныхъ для нихъ словахъ, формахъ и правилахъ.

3) Никогда не нужно спрашивать такихъ учениковъ ex abrupto. Если долженъ дойти до нихъ вопросъ, то нужно предварительными вопросами о томъ же предметѣ, обращенными къ одному изъ товарищей, заранѣе возбудить въ нихъ представленія и группы представленій соотвѣтствующихъ. При этомъ нужно безпрестанно убѣждать ихъ, чтобы они были внимательнѣе, когда представляются товарищу ихъ такіе вопросы, отвѣтъ на которые долженъ имъ самимъ дать возможность правильно отвѣчать на непосредственно затѣмъ слѣдующіе вопросы.

4) Никогда спрашиванье этихъ учениковъ не должно быть поспѣшнымъ; не нужно заставлять ихъ торопиться отвѣтомъ. Конечно, есть и должны быть такія части обученія, гдѣ одно только быстрое спрашиванье и скорый отвѣтъ можетъ привести умъ къ напряженію и живости. Только такимъ образомъ умъ можетъ скоро воспроизводить извѣстныя представленія и слѣдовательно усвоить полное овладаніе ими (къ чему и стремится, разумѣется, все обученіе). Поэтому даже и медлительныя головы должны, наконецъ, дойти до того, чтобы скоро воспроизводить представленія. Но этого никакъ нельзя достигнуть, если отъ торопливости произойдетъ въ нихъ смущеніе, и пред-

ставленія перепутаются. Это же въ нихъ тотчасъ замѣчается, коль скоро ходъ ученія дѣлается для нихъ слишкомъ быстрымъ. Онѣ большею частью внимательно прислушиваются, когда учитель, объясняя или указывая, медленно идетъ впередъ и сдерживаетъ весь классъ въ быстромъ сочетаніи новыхъ представленій. Но онѣ тотчасъ повѣсятъ носъ и станутъ невнимательны, когда при ускоренномъ спрашиваніи для способнѣйшихъ головъ начинается самое наслажденіе ученіемъ. Здѣсь-то почти всегда и происходитъ то, что учитель теряетъ терпѣніе съ умственно-медленными учениками. Онъ своимъ усердіемъ и трудомъ заставляетъ весь классъ быть въ живой дѣятельности и напряженіи; только именно того или этого нельзя расшевелить такими средствами, и учитель сердится. Но онъ скорѣе долженъ былъ бы сказать себѣ: «это противъ природы мальчика; онъ не можетъ участвовать въ такомъ скоромъ переходѣ отъ одного представленія къ другому, и если бы онъ въ самомъ дѣлѣ старался выказать здѣсь живое участіе, то это была бы ложь». Къ сожалѣнію, нѣкоторые ученики такого рода и увлекаются въ это ложное положеніе единственно затѣмъ, чтобы не навлечь на себя негодованія учителя; но, не смотря на данное имъ возбужденіе, они въ подобныхъ случаяхъ могутъ отвѣчать только дичь. Напротивъ, такихъ мальчиковъ нужно какъ можно болѣе удерживать отъ торопливости. Если уже при такомъ скоромъ движеніи обученія необходимо давать вопросы и медленнымъ ученикамъ, то здѣсь ничего не остается больше дѣлать, какъ, назвавши ихъ фамиліи, дать имъ сначала время собраться съ мыслями и затѣмъ уже предложить вопросъ. Это сосредоточеніе мыслей передъ вопросомъ необходимо имъ для того, чтобы снова возбудить умъ, который, какъ мы замѣтили, былъ передъ этимъ или утомленъ, или слишкомъ развлеченъ. А когда ученикъ уже занятъ, тогда нужно остановиться на немъ нѣсколько времени и стараться мало-по-малу произвести въ немъ скорѣйшее воспроизведеніе возбужденныхъ представленій, не прерывая притомъ разговора съ нимъ обращеніемъ вопросовъ къ другимъ ученикамъ. Проходитъ иногда нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ удается довести такихъ учениковъ до того, чтобы они могли успѣвать равно съ товарищами при методѣ обученія, быстро перескакивающей отъ ученика къ ученику и отъ предмета къ предмету. Поэтому во все время пребыванія въ школѣ умственно-медленные ученики никогда не полюбятъ такого воспитательнаго способа. Какъ ихъ ни муштруютъ педагогическіе фельдфебели, они ничему не могутъ выучиться такимъ образомъ; но часто, непонятые учителями и терпя несправедливое съ ними обращеніе, они утомляются, тупѣютъ, приходятъ въ отчаяніе и негодованіе противъ наставниковъ. О другихъ нравственныхъ послѣдствіяхъ нечего и говорить.

5) Едва ли нужно еще упоминать о томъ, какіе вопросы особенно годятся для такихъ учениковъ. Меньше всего годятся пошлые, обыденные вопросы, хотя, будучи учителемъ, чаще всего чувствуешь желаніе задавать именно такіе вопросы этимъ ученикамъ. Но для нихъ всего лучше—вопросы, возбуждающіе дѣятельность мышленія, особенно если ходъ ученія въ классѣ далъ уже имъ значительное количество

представленій и довольно твердо установилъ ихъ въ извѣстныхъ сферахъ понятій.

6) Но болѣе всего учитель долженъ быть осмотрительнымъ съ этими учениками, на всѣхъ степеняхъ обученія и во всѣхъ предметахъ, въ то время, когда онъ переходитъ съ ними къ новымъ представленіямъ. Вообще онъ долженъ стараться расположить свои вопросы такъ, чтобы ученикъ имѣлъ какъ можно менѣе возможности дать отвѣтъ невѣрный. Поэтому никогда не долженъ онъ обращаться къ умственно-медленному ученику съ требованіемъ поправить невѣрный отвѣтъ другого ученика. Обыкновенно эта медлительная голова какъ нельзя больше въ это время занята сама собою, такъ что даже едвали въ состояніи и слышать невѣрный отвѣтъ. Поправку же сдѣлать медленный ученикъ рѣшительно не въ состояніи, такъ какъ его духовная слабость именно и состоитъ въ медленности соображенія. Точно также не должно къ такимъ ученикамъ обращаться съ вопросами о только что пройденномъ, не спросивъ объ этомъ сперва другихъ. Лучше заставить ихъ повторять совершенно вѣрные отвѣты товарищей или собственныя слова учителя. Только спустя нѣсколько времени, иногда черезъ нѣсколько часовъ, а часто даже только при второмъ или третьемъ повтореніи, такіе ученики успѣваютъ овладѣть новыми представленіями. Но ежели ходъ преподаванія не дозволяетъ учителю долго останавливаться на одномъ и томъ же; если къ прежнимъ свѣдѣніямъ должны скоро присоединиться новыя, и о старыхъ должны быть представляемы новыя соображенія; если наконецъ самыя представленія, на которыхъ останавливается медлительный умъ, не такъ важны для цѣлаго класса, чтобы по цѣлымъ часамъ вертѣть ими на разные лады: въ такомъ случаѣ необходимы уже частныя занятія, при которыхъ бы можно было имѣть въ виду исключительно учениковъ съ медленнымъ пониманіемъ.

7) Въ случаѣ, когда учитель хочетъ повторить какую-нибудь часть пройденнаго предмета, которая долгое время оставалась безъ особеннаго вниманія, какъ бы забытою,—съ умственно-медленными учениками никогда не долженъ онъ дѣлать это ex abrupto; но долженъ предварительно заставить ихъ приготовиться къ вопросамъ, какъ внутреннимъ возбужденіемъ ума, такъ и внѣшнимъ образомъ, черезъ повтореніе предмета дома. И даже послѣ этого учитель все-таки долженъ начать спрашивать другихъ учениковъ, а потомъ уже обратиться и къ этимъ. Притомъ онъ долженъ заставить ихъ повторить все содержаніе урока въ его развитіи и послѣдовательности, т. е. такъ, какъ было изложено при самомъ преподаваніи. Въ медлительныхъ головахъ представленія остаются всегда какъ бы въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ порядкѣ. Только тотъ ученикъ, который уже превозмогъ свою умственную слабость, можетъ воспроизводить прежнія представленія, даже послѣ продолжительныхъ промежутковъ времени, нѣсколько свободнѣе и независимѣе отъ того порядка, въ какомъ ихъ воспринялъ при первомъ заучиваніи. Это положеніе подтверждается опытомъ, показывающимъ, что медленные ученики при всякомъ повтореніи всегда обращаются къ самому началу дѣла, и если ихъ насильно

отвлекаютъ отъ этого, то они совсѣмъ умолкаютъ. Замѣчено также, что при репетиціи въ такихъ ученикахъ повторяются всегда даже неточность, недостаточность, неясность и неопредѣлительность, оставшіяся въ нихъ послѣ перваго изученія предмета.

8) Весьма полезно для такихъ учениковъ, если при взаимномъ обученіи можно ихъ употреблять, какъ мониторовъ. Это возбуждаетъ въ нихъ болѣе быстрое движеніе и болѣе свободное воспроизведеніе представленій. Сильно дѣйствуетъ также здѣсь и привлекательность самаго процесса обученія другихъ. Большая часть учителей, сомнѣваясь въ этихъ медлительныхъ головахъ, боятся поручить имъ такую работу и должность, и гораздо чаще хватаются въ этомъ случаѣ за быстрые умы. Но учителя могутъ быть увѣрены, что если ужъ умственно-медленному ученику удалось въ какомъ бы то ни было отдѣлѣ представленій достигнуть полнаго обладанія предметомъ, то невозможно найти лучшаго, болѣе сознательнаго и вѣрнаго преподавателя для товарищей. Эти преподаватели ощущаютъ сами особенную внутреннюю радость оттого, что чувствуютъ себя теперь свободными и оборотливыми въ такомъ предметѣ, который представлялъ имъ прежде столько трудностей. Они удивляютъ нерѣдко изобрѣтательностью въ средствахъ, которыми они пользуются для упражненія своихъ товарищей и которыя они, разумѣется, испытали надъ собой самими. Какіе предметы и какія части ихъ нужно выбирать въ этомъ случаѣ,—очевидно изъ вышесказаннаго. Касательно пользы этой мѣры мы увѣрены въ общемъ согласіи педагоговъ; ибо кто не замѣчалъ того, что именно эти ученики болѣе другихъ склонны наставлять и обучать своихъ товарищей въ томъ, что сами хорошо знаютъ и понимаютъ. Нѣкоторые даже имѣютъ страсть къ обученію и пользуются между товарищами репутаціей благоразумныхъ старичковъ.

Въ заключеніе слѣдовало бы намъ еще указать на средства, какимъ образомъ исправлять такихъ учениковъ, если они уже испорчены неправильнымъ обученіемъ. Но для этого наша опытность еще недостаточна. Всего чаще подобные ученики исправляются самимъ временемъ. Насколько простираются наши наблюденія, мы можемъ замѣтить еще, что исправленіе или, лучше сказать, возстановленіе такихъ учениковъ удается только тогда, когда они попадаютъ въ такой классъ, гдѣ занятія для нихъ легки и учитель весьма терпѣливъ. Во всякомъ случаѣ, для успѣха въ этомъ дѣлѣ нужно прежде всего постараться вѣрнѣе узнать духовное состояніе такого ученика и ознакомиться съ тѣмъ способомъ обученія, подъ вліяніемъ котораго онъ находился прежде. Но первое очень трудно при большой массѣ дѣтей въ школѣ, а для второго часто нѣтъ случая. Единственная обязанность, которую тутъ можно возложить на учителя, состоитъ въ томъ, чтобы не продолжать ошибочной методы въ отношеніи къ медлительному уму и не уродовать его еще болѣе.

20. Мысли объ учрежденіи открытыхъ женскихъ школъ.

(По поводу открытаго недавно въ Петербургѣ Курса ученія для дѣвицъ, воспитывающихся въ своихъ семействахъ, подъ управленіемъ г-жи Труба).

Въ числѣ разныхъ похвальныхъ обычаевъ нынѣшняго вѣка особенную похвалу заслуживаетъ обычай прекрасно воспитывать дѣтей и обучать ихъ разнымъ наукамъ и искусствамъ. Обойтись безъ ученья теперь рѣшительно нѣтъ никакой возможности, и хотя многіе папеньки втайнѣ и сожалѣютъ о временахъ Простаковыхъ, но всѣ уже понимаютъ грустную и, тѣмъ не менѣе, настоятельную необходимость тратиться на воспитаніе своихъ сынковъ. «Теперь ужъ не старые годы, слыхали мы разсужденія такихъ родителей, безъ ученья ничего не добьешься, никакой карьеры не сдѣлаешь, особенно, коли капитала большого нѣтъ. А тамъ выйдешь изъ университета или, еще лучше, изъ лицея, изъ Училища Правовѣдѣнія,—такъ и чины раньше получать будешь, и должность лучше займешь, и повышеніе скорѣе заслужишь, и у начальства не то значеніе имѣешь, и все...» Нельзя не порадоваться на благоразуміе чадолюбивыхъ родителей, и нельзя не одобрить ихъ благороднаго порыва при первой возможности отдать сына въ какое-нибудь, доступное для нихъ, казенное учебное заведеніе, гдѣ и наукамъ обучаютъ всяческимъ, и воспитываютъ прекрасно, и права даютъ значительныя, снимая, такимъ образомъ, съ родительскаго сердца всю тяжесть заботъ не только о воспитаніи, но и о будущности сына.

Практическія слѣдствія нѣжныхъ заботъ о воспитаніи мальчиковъ очевидны для всякаго. Но тутъ же, рядомъ, поражаетъ насъ явленіе крайне странное, крайне несовмѣстное съ нравами и понятіями нашего общества: папеньки и маменьки хлопочутъ также и о воспитаніи дочерей своихъ. Этого явленія мы ужъ рѣшительно не умѣемъ объяснить. Ну, къ чему дѣвочкамъ образованіе, скажите на милость? Къ чему? какую практическую пользу могутъ онѣ извлечь изъ наукъ, которымъ ихъ обучаютъ? На государственной службѣ онѣ, вѣдь, не состоятъ, а если и состоятъ, такъ чиновъ не получаютъ, званіе и положеніе въ обществѣ онѣ имѣютъ не сами собой, а отцомъ или мужемъ. Карьера же ихъ, извѣстно, чѣмъ составляется: хорошенькимъ личикомъ, французскимъ разговоромъ, танцами, а всего больше приданымъ. Къ чему же ихъ мучатъ этими науками-то несносными? Какая цѣль, какая надобность? Неужели вы полагаете, что найдется въ нынѣшнемъ свѣтѣ такой чудакъ женихъ, который станетъ экзаменовать свою невѣсту, подъ какимъ градусомъ широты лежитъ какая-нибудь Новая Зеландія, или въ какомъ году какой-нибудь Артаксерсъ царствовалъ, или какъ отличить, по грамматикѣ Греча, совершенный видъ отъ опредѣленнаго и однократнаго и т. п.? Да вѣдь это такія безполезныя премудрости, что никому во всю жизнь не пришло бы въ голову и спросить о нихъ, если бы ученья-то вашего не было. Къ чему же дѣвочкѣ губить свои лучшіе годы,

изнывая надъ зубреніемъ склоненій, спряженій, градусовъ, годовъ, французскихъ департаментовъ, русскихъ удѣльныхъ князей? Зачѣмъ имъ эти знанія, когда въ жизни нужны только французскій языкъ, танцы и музыка?

Нѣжныя маменьки, горькимъ опытомъ извѣдавшія всю мучительность и безполезность наукъ для женскаго пола, находятъ возможнымъ отвѣчать только, въ свое оправданіе: «Что же дѣлать? такъ принято. Безъ этого ужъ нынче нельзя». Но просвѣщенные папеньки, смотрящіе на жизнь отчасти съ послѣобѣденно-философской точки зрѣнія, находятъ отвѣтъ болѣе удовлетворительный. «Нѣтъ, это вы напрасно противъ наукъ возстаете, говорятъ они. Онѣ даже нѣкоторымъ образомъ необходимы для счастія жизни. Образованіе, видите ли, разливается повсюду быстрымъ потокомъ. Во всякомъ обществѣ теперь вы услышите разсужденія о предметахъ серіозныхъ, о научныхъ вопросахъ. Всякому пріятно, разумѣется, найти и въ женѣ своей сочувствіе къ интересамъ науки, то-есть знаете, чтобъ она не сидѣла, по крайней мѣрѣ, разинувъ ротъ, когда при ней о наукѣ разсуждаютъ. Ну, вотъ возьмите, говорятъ, хоть, напримѣръ, объ остъ-индскихъ происшествіяхъ; ну, и хорошо, если моя дочь знаетъ, гдѣ находится Остъ-Индія, что такое Индъ, что Гангъ, и все это. Или теперь вотъ землетрясенія въ Италіи: если дѣвушка географіи обучена, она ужъ и понимаетъ сейчасъ, гдѣ это Италія лежитъ, и какъ тамъ Везувій курится, и вообще огнедышущая гора тамъ, Помпея; знаете, представленіе имѣетъ нѣкоторое. И въ исторіи точно то же-съ. Сравниваете вы хоть, положимъ, Луи Наполеона съ первымъ Наполеономъ; у ней сейчасъ ужъ идея есть, что это Наполеонъ тотъ самый, который въ 1812 г. на Россію ходилъ, и знаете, вся война, такъ сказать, предъ взоромъ проходитъ и прошедшую нашу славу вспоминаетъ. А вѣдь это, знаете, и пріятно для человѣка, истинно просвѣщеннаго и любящаго свое отечество. Нынѣ ужъ и отъ женщины требуютъ не однѣхъ этихъ блестокъ, шумихи-то этой, а образованія прочнаго, солиднаго, потому что оно, дѣйствительно, доставляетъ лучшее счастіе въ жизни».

Соображенія почтеннаго папеньки вполнѣ основательны, если разсматривать ихъ въ отвлеченіи. Но въ практическихъ приложеніяхъ они не выдерживаютъ самой легкой критики и оказываются утопическими мечтаніями. Рискуя потревожить сладкую послѣобѣденную дремоту чадолюбивыхъ родителей, мы рѣшаемся утверждать, что ихъ высокое мнѣніе о пользѣ наукъ для счастія семейной и общественной жизни женщинъ есть праздное порожденіе ихъ фантазіи и не имѣетъ ни малѣйшаго оправданія въ дѣйствительности. Мы утверждаемъ, что наше современное воспитаніе и обученіе дѣвицъ, во всѣхъ его видахъ, нимало не имѣетъ въ виду ихъ будущей жизни въ семействѣ и въ обществѣ. Для убѣжденія въ этомъ довольно бросить самый бѣглый взглядъ на различные роды женскаго воспитанія, наиболѣе у насъ принятые.

Прежде всего обратите вниманіе на воспитаніе общественное, которое у насъ очень распространено. Дѣвочекъ, воспитывающихся

въ казенныхъ заведеніяхъ, считается у насъ болѣе 8,000, тогда какъ мальчиковъ, учащихся во всѣхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ (кромѣ духовныхъ, кантонистовъ и крестьянскихъ школъ), насчитывается до 130.000. Въ этомъ послѣднемъ счетѣ мы должны видѣть полное число учащихся мальчиковъ въ Россіи (опять кромѣ духовныхъ, кантонистовъ и крестьянъ), потому что почти каждый учащійся мальчикъ у насъ непремѣнно побываетъ въ школѣ, чтобы получить какія-нибудь права. Число же дѣвицъ въ казенныхъ школахъ еще не даетъ понятія о дѣйствительномъ числѣ учащихся женскаго пола: онѣ воспитываются и дома, и въ частныхъ пансіонахъ. Пансіоновъ считается въ Россіи до 600, и большая часть ихъ занимается воспитаніемъ дѣвицъ. Если положить число воспитанницъ, живущихъ въ пансіонахъ, до 5,000, и если принять, что у насъ количество учащихся дѣвочекъ равно количеству учащихся мальчиковъ, то выйдетъ, что изъ десяти дѣвочекъ одна воспитывается у насъ внѣ семейства. Но несомнѣнно, что дѣвочекъ учится у насъ меньше, чѣмъ мальчиковъ, и весьма вѣроятно, что и въ такъ называемыхъ образованныхъ классахъ отношеніе между ними близко къ тому, какое существуетъ въ школѣ казенныхъ крестьянъ, гдѣ на 90,000 мальчиковъ приходится 20,000 дѣвочекъ. Если такъ, то выйдетъ, что одна изъ пяти дѣвочекъ, получающихъ у насъ образованіе, воспитывается внѣ семейнаго круга, въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Воспитаніе въ этихъ заведеніяхъ можетъ быть превосходное, но никакъ не можетъ быть семейное. За воспитанницами въ заведеніи смотрятъ, все-таки, чужіе, наемные глаза, которые никакъ не могутъ замѣнить родительскаго надзора. Самая образцовая, идеальная начальница заведенія не можетъ стать съ воспитанницами въ такія нѣжныя, сердечно откровенныя, простыя отношенія, въ какихъ находится мать къ дѣтямъ. Самое лучшее учебное заведеніе имѣетъ въ виду не развитіе отдѣльныхъ личностей, а порядокъ и благоустройство общее. Дѣвочки въ пансіонахъ облекаются въ униформу, получаютъ хорошую выправку, пріучаются къ строгой дисциплинѣ, и неизбѣжно отучаются отъ семейной жизни. Здѣсь каждый шагъ ихъ подчиненъ особенной формальности, необходимой въ заведеніи для порядка, но вовсе не существующей въ семейной жизни. Здѣсь все чужое для дѣвочки, она здѣсь не у себя, она постоянно какъ будто на выставкѣ. Слѣдствіемъ этого бываетъ, съ одной стороны, ослабленіе внутренней энергіи, самостоятельности и естественной простоты отношеній, а съ другой—развитіе мелкихъ, себялюбивыхъ чувствъ на мѣсто симпатическихъ расположеній, развивающихся въ семейномъ воспитаніи. Такіе-то залоги для будущаго семейнаго счастія получаетъ въ воспитаніи пятая часть нашихъ образованныхъ дѣвицъ.

Точно также и къ общественной жизни онѣ приготовляются здѣсь, кажется, нѣсколько одностороннимъ образомъ. Имъ, конечно, сообщается весьма многое, необходимое для того, чтобы блистать въ свѣтѣ, но едва ли слишкомъ много дается для того, чтобы жизнь пережить, какъ слѣдуетъ; шесть, восемь, девять лѣтъ живутъ дѣвочки въ стѣнахъ заведенія, не имѣя никакого понятія о томъ, что дѣлается

за этими стѣнами. Онѣ вовсе людей не видятъ и на безлюдьи *обожаютъ* какого-нибудь краснощекаго шутника-учителя, ставящаго всегда хорошіе баллы. О жизни имѣютъ онѣ понятіе по своимъ учебникамъ да «по Юрію Милославскому», котораго даютъ имъ читать для возбужденія патріотическихъ чувствованій. Не мудрено, что про институтокъ разсказываютъ столько анекдотовъ, вродѣ отвѣта, что Бостонъ есть главный городъ провинціи Массачусетсъ. Въ основаніи этихъ разсказовъ лежитъ истина весьма характеристическая. Дѣвочки въ заведеніи нерѣдко до того отвыкаютъ отъ своего родного, семейнаго и общественнаго быта, что вовсе забываютъ о томъ положеніи, какое ожидаетъ ихъ дома, послѣ выпуска. Онѣ возвращаются домой съ такими привычками и претензіями, которыя въ ихъ кругѣ рѣшительно неумѣстны, неисполнимы и составляютъ несчастіе какъ ихъ самихъ, такъ и всѣхъ къ нимъ близкихъ.

Всѣ эти истины давно всѣмъ извѣстны, и мы только напоминаемъ ихъ просвѣщеннымъ папенькамъ, которые строятъ такія милыя утопіи, въ убѣжденіи, что, отдавая своихъ дочерей въ пансіоны и другія заведенія, они приготовляютъ имъ счастіе жизни. Размысливши спокойно и безпристрастно, они сами должны убѣдиться, что выбрасываніе дѣтей, особенно дѣвочекъ, изъ семьи, отсылка ихъ отъ себя на нѣсколько лѣтъ, съ глазъ долой, можетъ быть оправдана развѣ только крайнею необходимостью, нравственною или вещественною. Во многихъ семействахъ и существуетъ доселѣ такая необходимость: противъ нея мы не говоримъ. Но и это обстоятельство не уменьшаетъ въ нашихъ глазахъ недостатковъ воспитанія внѣ семьи, въ закрытыхъ заведеніяхъ, которому у насъ подвергается, вѣроятно, пятая часть дѣвочекъ, знакомыхъ съ ученьемъ.

«А зато для остальныхъ, воспитывающихся дома, какъ благодѣтельны должны быть науки! Нравственная сторона тутъ развивается просто и естественно, умственныя способности получаютъ здоровую и вкусную пищу: вотъ тутъ-то результатомъ должно быть истинное счастіе!»

Опять утопія, почтенные родители, и утопія очень опасная. Вы воображаете, что тѣ науки, которымъ обучаются ваши дочери, составляютъ для ихъ ума здоровую и вкусную пищу: попытаемся разочаровать васъ. Прежде всего замѣтимъ, что не для всѣхъ одинаково годится одна и та же пища, что, впрочемъ, почтеннымъ родителямъ и безъ насъ хорошо извѣстно. Затѣмъ прибавимъ, что не мѣшаетъ родителямъ подумать и о той методѣ, посредствомъ которой умственная пища препровождается въ головы ихъ дочерей. Эти два обстоятельства очень важны, и пренебрегать ими было бы неблагоразумно. Посмотрите же, чѣмъ питаются умы учащихся дѣвицъ, уже безъ различія того, гдѣ онѣ воспитываются, дома ли, въ пансіонахъ ли, или въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ: общій курсъ ученія вездѣ почти одинаковъ. Возьмите руководства, по которымъ учатся дѣвицы. Вы найдете исторію съ хронологическими и генеалогическими подробностями о миѳологическихъ временахъ; географію, непремѣнно начинающуюся краткими свѣдѣніями изъ космографіи; ариѳметику съ опре-

дѣленіями, что́ есть ариѳметика, что́ есть число, единица и т. п.; грамматику съ многочисленными таблицами склоненій и спряженій и еще многочисленнѣйшими исключеніями и пр. Переварить хоть одинъ такой учебникъ грамматики или исторіи и для взрослыхъ мужчинъ довольно затруднительно, каково же должно быть маленькимъ дѣвочкамъ? А вы говорите, что имъ дается здоровая пища!

Но и съ этимъ куда бы ни шло еще; порядочный учитель можетъ многое измѣнить, сократить, или добавить въ учебникѣ, можетъ оживить и облегчить изученіе предмета при помощи хорошей методы преподаванія. Только вотъ бѣда: именно хорошей-то методы и нѣтъ у насъ до сихъ поръ. А что нѣтъ ея, въ этомъ опять родители виноваты болѣе всѣхъ. Собственно говоря, хорошая метода для учителя не труднѣе другой. Но, чтобы она была хороша, нужно прежде всего знать, къ чему должно быть направлено ученье, какая цѣль его? Вы говорите, что «имѣете въ виду дать вашей дочери возможность и умѣнье быть истинно счастливою, и для этого обогащаете ея умъ познаніями». Но, вѣдь, это неправда; вѣдь, это просто фраза, гдѣ-то вычитанная и непонятая вами. Что счастіе жизни (или, по крайней мѣрѣ, твердость въ несчастіи) много зависитъ отъ образованности человѣка, отъ степени его внутренняго развитія, въ этомъ мы согласны. Но развѣ образованность дается какимъ-нибудь учебникомъ географіи, развѣ развитіе совершается посредствомъ изученія спряженій? Нѣтъ, этого вы сами не думаете. Зачѣмъ же вы взыскиваете съ вашей дочери, если она сегодня не знала названій всѣхъ французскихъ департаментовъ, а вчера не умѣла перечислить германскихъ герцогствъ и перемѣшала ихъ съ королевствомъ? Отчего вы сердитесь, если ваша дочь не помнитъ года, въ который Дидона основала Карѳагенъ, и, между тѣмъ, не сердитесь, а только посмѣиваетесь, если она не вдругъ сообразитъ, сколько лѣтъ продолжалась Семилѣтняя война? Это все не отъ чего другого, какъ отъ того, что вы вовсе не объ образованности, не о развитіи хлопочете, а о выставкѣ, объ экзаменѣ, о призѣ, чтобы не отстать отъ другихъ, не ударить себя лицомъ въ грязь. Учителя хорошо понимаютъ, что́ вамъ нужно, и ведутъ себя согласно съ вашими желаніями. Они стараются, чтобы дѣвочка знала и помнила, сколько можно больше, и на нѣкоторое время имъ удается подчинить живую дѣтскую натуру ученицы машинальному ходу уроковъ. Вмѣсто того, чтобы примѣняться къ характеру дѣвочки, соображаться съ особенностями женской природы и пользоваться ими для лучшаго развитія ученицы, всѣ духовныя способности ея напрягаютъ насильственно и убиваютъ несвойственною имъ работой. Извѣстно, что у дѣтей вообще, и у дѣвочекъ въ особенности, чувство господствуетъ надъ разсудкомъ, и воображеніе постоянно мѣшается въ дѣло памяти. Поэтому учитель долженъ прежде всего позаботиться о правильномъ развитіи воображенія своихъ ученицъ и о здравомъ направленіи ихъ чувства: иначе эти способности постоянно будутъ мѣшать правильности отправленій разсудка и памяти. У насъ на это не обращается ни малѣйшаго вниманія: конкретности въ обученіи почти не существуетъ, на самой низшей степени преподаванія являются отвлеченность и соеди-

ненныя съ нею сухость, мертвенность, формализмъ. Самыя живыя и интересныя науки такъ преподаются, что въ нихъ не представляется ничего, что бы говорило сердцу или увлекало воображеніе; за милость считается, если учитель разскажетъ какой-нибудь анекдотъ изъ исторіи, или опишетъ, что такое оазисъ въ пустынѣ. Одни только слова, цифры, голыя опредѣленія приходится заучивать бѣднымъ ученицамъ; память ихъ изнуряется безпощадно, чтобы удержать слова, которыхъ смысла онѣ не могутъ осилить своимъ, слабымъ еще, соображеніемъ. Да и некогда останавливаться надъ предметами, чтобы думать о нихъ: уроки безпрестанно смѣняются одинъ другимъ, и если увлечешься однимъ, то другого не успѣешь приготовить. Нечего сидѣть да думать: учись! Когда выучишься, такъ еще успѣешь надуматься и надивиться, зачѣмъ это только училась всему этому!.. А теперь разсудокъ можно и въ сторону. И вотъ учебный курсъ благополучно пройденъ, экзаменъ сданъ, выставка кончилась, призъ полученъ, папенька и маменька сіяютъ отъ удовольствія и объявляютъ дочери, что теперь она уже невѣста, что они все уже для ея образованія сдѣлали, теперь ей остается только воспользоваться сдѣланными пріобрѣтеніями, чтобы достигнуть прочнаго счастія въ жизни.

Молодая дѣвушка или женщина, кончившая курсъ науки, начинаетъ иногда и въ самомъ дѣлѣ думать, какъ ей воспользоваться своими знаніями. Но думать вообще для нея трудно; она скорѣе припомнитъ хронологію и генеалогію всѣхъ возможныхъ Карловъ, Генриховъ и Альфонсовъ, нежели составитъ вѣрное опредѣленіе самой простой вещи, постоянно находящейся у ней передъ глазами. А тутъ еще предметъ такой трудный: какъ воспользоваться знаніями?.. Ну, какъ ими воспользуешься? Учила она, напримѣръ, что всѣ государства древняго міра пали отъ роскоши и развращенія нравовъ; что же изъ этого можно вывести? Богъ знаетъ, что еще тутъ разумѣется подъ развращеніемъ нравовъ: а роскошь—ну, какъ же ее къ жизни-то примѣнить? Неужели въ ситцевомъ платьѣ ходить, пользуясь уроками исторіи? и неужели въ самомъ дѣлѣ государство падетъ, если она себѣ лишній браслетъ купитъ, или лишній балъ въ зиму сдѣлаетъ? Нѣтъ,—изъ уроковъ исторіи ничего нельзя извлечь. Много есть тамъ поучительнаго, да все къ намъ какъ-то нейдетъ. Были тамъ и Солоны и Ликурги, и Гракхи, и Цезари, были и сатрапы персидскіе, и римскіе патриціи, и феодальные бароны, и городскія общины, да что же изъ всего этого? Къ намъ-то развѣ имѣетъ это какое-нибудь, хоть малѣйшее отношеніе? Дѣвушка, недолго поломавши голову надъ исторіей, броситъ ее, какъ знаніе совершенно безполезное, и немедленно позабудетъ и то немногое, что знала по учебнику. Но вотъ грамматика, кажется, должна быть ближе къ жизни: она учитъ правильно говорить и писать. Но—увы!—оказывается, что грамматика пройдена сама по себѣ, безъ отношенія къ живой рѣчи, что она только давала поводъ къ самымъ забавнымъ ошибкамъ: въ разговорѣ дѣвочка никогда не могла сказать иначе, какъ «друзья», «повинуюсь», а въ грамматикѣ она склоняла и спрягала «други, друговъ», «повиноваюсь, повиноваешься», или ломала голову надъ тѣмъ, какъ будетъ множе-

ственное число въ словахъ «серебро», «желѣзо» и пр. Въ жизни все это оказывается совершенно не нужнымъ. А иное и нужно бы, да ужъ зато слишкомъ трудно. Нужно, напримѣръ, знать, гдѣ *ять* пишется, но какъ же тутъ грамматическимъ правиломъ воспользоваться? Нужно, напримѣръ, въ запискѣ написать слово *свѣтъ*, и дѣвица забыла, пишется ли здѣсь *ять*, или нѣтъ; чтобы узнать это, ей надо повторить мысленно всю таблицу словъ съ буквою *ѣ*, заученную ею въ грамматикѣ, начиная со словъ: «блѣдный», «бѣглый», «бѣлый» и т. д. Возможно ли же такъ возиться надъ каждымъ словомъ? Поневолѣ дѣвушка пишетъ кое-какъ безграмотную записку и мало-по-малу забываетъ, наконецъ, всѣ эти несносныя склоненія, спряженія и т. п. Приложеніе ученія къ жизни опять потеряно. Такъ точно и со всѣми науками. Всякому, конечно, случалось видѣть дамъ, которыя, не умѣя сосчитать сдачи, данной имъ въ магазинѣ, припоминаютъ при этомъ: «а какъ прежде хорошо знала ариѳметику! у меня всегда лучшіе баллы были»; или такихъ, которыя, узнавши, что въ Англію нельзя проѣхать сухимъ путемъ, восклицаютъ: «да, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ— это островъ; вотъ вѣдь училась географіи, и очень хорошо, а теперь все позабыла». И немудрено: память, слишкомъ форсированная во время ученія, безъ всякой поддержки со стороны разсудка и чувства, скоро устаетъ, ослабѣваетъ, дѣлается неясною и невѣрною. Конецъ концовъ, оказывается, что въ головѣ остались два-три заученныя правила безъ всякаго отношенія къ жизни, да пять-шесть именъ безъ всякаго опредѣленнаго о нихъ представленія; оказывается, что даже о Везувіи и Наполеонѣ дѣвочка знаетъ не потому, что прошла исторію и географію, а потому, что впослѣдствіи слыхала о нихъ въ разговорахъ.

Все это, кажется, такъ старо, такъ извѣстно, что никто и не потребуетъ доказательствъ, болѣе пространныхъ и положительныхъ. О существованіи факта знаютъ всѣ, только всѣ стараются забыть о немъ, чтобы не разстраивать себя напрасно горемъ, которому нельзя пособить. Но обманывать себя нечего, родители благоразумные, надобно откровенно и громко признаться, что изъ всего ученія, которымъ вы столько лѣтъ мучите своихъ дочерей, никогда не выходитъ никакого толку, а если что-нибудь и выходитъ, то развѣ благодаря какимъ-нибудь постороннимъ обстоятельствамъ. Нужно сознаться, что въ большинствѣ такъ называемыхъ *образованныхъ* дѣвицъ учебный курсъ производитъ только умственную усталость, притупленіе естественной воспріимчивости и свѣжести чувствъ, непріязнь къ наукѣ вообще, уже опрофанированной въ ихъ глазахъ, жалкую апатію ко всѣмъ просвѣщеннымъ идеямъ. Зачѣмъ же вы мучите своихъ дочерей этими науками, спрашиваемъ еще разъ, зачѣмъ губите ихъ молодыя силы? Имъ, вѣдь, не экзаменъ держать, не чинъ получать нужно; отчего же вы не хотите оставить ихъ въ покоѣ и преслѣдуете ученіемъ, безполезность котораго сами не можете не сознавать?

«Такъ что же, по-вашему, вовсе учиться не нужно?—готовы возразить просвѣщенные родители.—Вы возстаете противъ наукъ, вы раздѣляете диколюбивыя идеи Руссо? По-вашему, надобно дочерямъ на-

шимъ оставаться дѣтьми природы, чуждыми всѣмъ благамъ новѣйшей цивилизаціи? Иначе нельзя понимать ваши слова: вы возстаете противъ нашего ученья; но вѣдь другого нѣтъ, — слѣдовательно, по-вашему, мы вовсе не должны учить своихъ дочерей».

Другого ученья, кромѣ того, какое вездѣ принято и на какое мы нападаемъ, дѣйствительно пока еще нѣтъ у насъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что иного ученья, кромѣ нашего, вовсе нѣтъ и не можетъ быть, то-есть, что если не вызубрить грамматическаго учебника, то и научиться правильно писать по-русски невозможно. Напротивъ, есть средства учиться и выучиться, безъ нашихъ пансіоновъ и учебниковъ, и этими средствами, дѣйствительно, можно достигнуть правильнаго развитія всѣхъ способностей дѣвицъ, необходимаго для счастія ихъ послѣдующей жизни. Средства эти очень просты, а, между тѣмъ, они совершенно лишены тѣхъ неудобствъ, которыя неизбѣжны при нынѣшнемъ обыкновенномъ ученьи, и противъ которыхъ мы возстаемъ, вовсе не имѣя намѣренія порицать самыя науки. Хотите узнать эти средства, давно уже, впрочемъ, переставшія быть новостью въ свѣтѣ?

Первое, что нужно для успѣха воспитанія и ученья, это—чтобъ дѣвочки не отчуждались отъ семьи. А, между тѣмъ, дома всѣхъ учить всему невозможно: въ большей части семействъ на это средствъ не достанетъ. Какъ же быть? Очень просто: воспитывайте своихъ дочерей дома, а учиться пусть онѣ ходятъ въ школу, точно такъ, какъ въ гимназіяхъ *приходящіе* мальчики. Отъ этого произойдутъ неисчислимыя выгоды; вы сами можете постоянно слѣдить за успѣхами своихъ дочерей, можете каждый день разспрашивать ихъ объ ихъ урокахъ, прояснять въ ихъ сознаніи то, что ими не совсѣмъ хорошо было понято, дополнять то, что ими опущено, показывать имъ множество практическихъ приложеній того, что ими узнано въ классѣ. А дѣвочки, между тѣмъ, не будутъ отдаляться отъ жизни, отъ семейства, будутъ видѣть около себя все тѣ же родныя заботы, тѣ же житейскіе интересы и съ малыхъ лѣтъ будутъ знать, къ чему имъ готовиться въ жизни. Въ классѣ будутъ онѣ знакомиться съ міромъ науки и природы и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ узнавать общество своихъ подругъ; дома будутъ онѣ повѣрять свои наблюденія, откровенно сообщая ихъ родителямъ и получая отъ нихъ новыя указанія и объясненія. Ученье такимъ образомъ пойдетъ рядомъ съ жизнью и будетъ не препятствовать, а содѣйствовать развитію здраваго смысла и практическаго такта, въ которыхъ такъ часто нуждается у насъ женщина.

При этомъ мы предполагаемъ, конечно, что и учить въ женской школѣ будутъ хорошо, и семья будетъ помогать школѣ. Но само собой разумѣется, если вы находите, что ваше семейство можетъ только вредно дѣйствовать на развитіе вашей дочери, если она увидитъ дома только дурные примѣры, небреженіе, невѣжество, если вы сознаете, что ничего полезнаго сообщить и растолковать ей не можете, что вы скорѣе станете сбивать ее съ толку, нежели руководить, если вы сознаете все это, тогда, конечно, вы дѣлаете очень благоразумно, удаляя

свою дочь отъ себя. Только едва ли вы во всемъ этомъ сознаетесь, потому что подобное сознаніе не принесетъ вамъ чести.

Что же касается до самаго преподаванія, то, разумѣется, при обыкновенной, нынѣ принятой организаціи и методѣ польза его очень и очень сомнительна. Не стоило бы и хлопотать изъ-за того, чтобы дѣвочки заучивали всѣ уѣздные города Россійской имперіи непремѣнно дома, а не въ пансіонѣ: тутъ уже мѣстоположеніе не много значитъ. Но есть средства и для измѣненія всей методы преподаванія въ женскихъ школахъ, и средства эти давно уже съ успѣхомъ употребляются во Франціи въ учебныхъ заведеніяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Атенеевъ». Названіе Атенеевъ еще въ древности усвоено было учрежденіямъ, гдѣ читались публичные курсы наукъ. Въ прошломъ столѣтіи (1786 г.) во Франціи имя Атенея взято было для одного высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ тоже читались публичные курсы. Затѣмъ въ послѣднее время число Атенеевъ увеличилось, и особенно извѣстны между ними заведенія, основанныя извѣстнымъ педагогомъ Леви Алварссомъ и по его методѣ. Метода эта, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, очень проста. Начало ея то, что нужно заботиться объ умственномъ и нравственномъ развитіи ученицъ еще больше, нежели о сообщеніи имъ полезныхъ свѣдѣній. Для этого учреждены особые курсы по каждому предмету, и во всемъ преподаваніи постоянное вниманіе обращается на то, чтобы въ училищахъ было какъ можно менѣе пассивности, и чтобы всѣ способности какъ можно больше и чаще приходили въ движеніе. Для дѣвочекъ это обстоятельство еще важнѣе, чѣмъ для мальчиковъ, потому что вообще ихъ воспріимчивость живѣе, а степень внутренняго противодѣйствія внѣшнимъ вліяніямъ слабѣе, чѣмъ у мальчиковъ, слѣдовательно, онѣ легче могутъ терять самостоятельность сужденій и подчиняться чужимъ взглядамъ, безотчетно и безсознательно. Особенно важно здѣсь преобладаніе чувства надъ разсудкомъ и воображенія надъ чистою памятью. Эти особенности женской природы вызываютъ нѣкоторыя особенныя заботы и со стороны учителя. Что бы онъ ни преподавалъ, онъ прежде всего долженъ стараться заохотить ученицъ къ своему предмету, показать его въ такомъ видѣ, чтобы въ нихъ возбудилось къ нему сочувствіе или, по крайней мѣрѣ, любопытство. Какъ бы ни хорошо убѣдилась ученица въ пользѣ предмета, она, все-таки, не будетъ имъ заниматься съ любовью и охотой, пока не почувствуетъ сердечнаго влеченія къ занятіямъ. А извѣстно, что когда занимаются съ охотой, то дѣло идетъ несравненно легче и успѣшнѣе, чѣмъ при занятіяхъ по необходимости, изъ-подъ палки. Далѣе, возбудивши интересъ къ предмету, учитель старается показать его съ разныхъ сторонъ, въ различной обстановкѣ, въ разнообразныхъ соединеніяхъ, съ цѣлію возбудить самобытную дѣятельность ученицъ. Онѣ всматриваются въ предметъ, сличаютъ разные признаки, составляютъ понятія, сужденія, классифицируютъ предметы, придумываютъ новыя комбинаціи и изъ нихъ выводятъ слѣдствія, словомъ, дѣятельность разсудка пробуждается и находитъ для себя достаточный и соотвѣтственный матеріалъ. Запомнить то, что добыто собственною разсудочною

дѣятельностью, уже не трудно, потому что память находитъ здѣсь помощь во всѣхъ остальныхъ душевныхъ способностяхъ. А для того, чтобы дѣйствовать на развитіе воображенія, въ преподаваніи всѣхъ предметовъ господствуетъ конкретность, каждое положеніе науки представляется въ рядѣ примѣровъ, каждое понятіе объясняется группой отдѣльныхъ представленій, каждое заключеніе высказывается не иначе, какъ послѣ предварительнаго разбора сужденій, изъ которыхъ оно выведено. На извѣстной степени развитія отъ ученицъ требуется уже, чтобы онѣ сами выводили положенія и заключенія, и на этомъ повѣряется логическій процессъ ихъ мышленія. Въ теченіе всего курса имѣется въ виду пріучить ученицъ думать самостоятельно, внушить имъ любовь къ знанію, сообщить о предметахъ ясныя и полныя понятія, дать матеріалъ для дѣятельности всѣмъ способностямъ и полный просторъ для ихъ развитія. Сообразно съ этою цѣлью, нѣтъ въ Атенеяхъ никакихъ школьныхъ приманокъ и страховъ; ни кокарды, ни красныя и черныя доски, ни похвальные листы, ни списки по достоинству, ни баллы—не существуютъ. Вѣдь, цѣль знанія, особенно для дѣвочекъ, не возможность служебныхъ выгодъ и отличій, а само знаніе. Потому пусть за невнимательность и лѣность будетъ служить наказаніемъ незнаніе, а наградою за любовь къ занятіямъ—знаніе болѣе твердое и отчетливое.

Такой чистый и возвышенный взглядъ на обученіе дѣвочки требуетъ, разумѣется, и со стороны родителей и со стороны преподавателей отреченія отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ. Напримѣръ, нужно будетъ разстаться съ краснорѣчивыми введеніями, которыя сразу обдаютъ ученицъ туманомъ синтеза и бываютъ ими поняты только уже тогда, когда онѣ пройдутъ всю науку. Надо будетъ пожертвовать тѣми милыми мелочами, которыя нынѣ служатъ лучшимъ доказательствомъ прилежанія ученицъ, то-есть заучиваніемъ наизусть цѣлой толпы географическихъ названій, грамматическихъ исключеній, историческихъ чиселъ и т. п. Надо будетъ привыкнуть къ мысли, что дѣвочки будутъ учить не такъ много словъ, какъ прежде, но зато узнаютъ настоящее дѣло, съ толкомъ и съ пользою для своего внутренняго развитія. Надо тутъ разстаться и съ успокоительнымъ раздѣленіемъ, что пройдено «отъ сихъ до сихъ»; надо потерять и сладостную возможность присутствовать при формальныхъ блистательныхъ экзаменахъ въ заключеніе учебнаго курса. Здѣсь учитель, послѣ 15—20 уроковъ, на вопросъ: что пройдено? имѣетъ полное право отвѣтить: ничего не пройдено. Онъ, дѣйствительно, если хочетъ быть вѣренъ цѣли заведенія, не можетъ задавать своимъ ученицамъ, напримѣръ, объ употребленіи буквы *ѣ*, объ озерахъ въ Америкѣ, о Пуническихъ войнахъ и т. п. Онъ непремѣнно долженъ ввести въ науку самыя элементарныя понятія, начать съ того, что уже знакомо дѣтямъ, представить живыя изображенія предметовъ, которые должны быть потомъ разсмотрѣны научно... А какъ это сдѣлаешь? Какимъ образомъ живое изображеніе буквы *ѣ* представишь? Разумѣется, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи въ живомъ, одушевленномъ преподаваніи. Преподаваніе русскаго языка

надо будетъ начинать съ чтенія литературныхъ произведеній, которыя могутъ имѣть интересъ для ученицъ, и съ подробнаго разбора ихъ содержанія. Въ этотъ разборъ должны входить подробности историческія, литературныя, предметы изъ наукъ естественныхъ и нравственныхъ и, между прочимъ, замѣчанія о способѣ выраженія той или другой мысли. Мало-по-малу можно заставлять ученицъ самихъ дѣлать подробные разборы, разсказывать содержаніе письменно, и тутъ обращать вниманіе на разницу ихъ способа выраженія отъ рѣчи взятаго писателя. При этомъ можно дѣлать замѣчанія о слогѣ, о духѣ языка, объ особенныхъ выраженіяхъ, принятыхъ для извѣстныхъ предметовъ, о синтаксисѣ, о значеніи формъ измѣненія словъ, напримѣръ, видовъ глагольныхъ, падежей и т. п. А на второй степени обученія явятся, точно такимъ же образомъ, замѣчанія о разныхъ родахъ и видахъ словесности, объ условіяхъ, необходимыхъ для достоинства различныхъ сочиненій, и пр. Такимъ образомъ мало-по-малу въ головѣ ученицъ накопится масса свѣдѣній изъ грамматики и теоріи словесности, свѣдѣній, почерпнутыхъ при глазахъ ихъ изъ живого источника и тутъ же приложенныхъ къ дѣлу; а, между тѣмъ, онѣ совсѣмъ могутъ и не знать, что это за пугало такое—грамматика... Такъ точно можетъ происходить преподаваніе и другихъ наукъ. Учитель географіи можетъ, напримѣръ, отправиться съ дѣтьми на прогулку и по дорогѣ объяснять имъ необходимые географическіе термины, наглядно показывая ихъ значеніе; или можетъ описать нѣсколько отдѣльныхъ странъ, съ живымъ изображеніемъ мѣстности и всѣхъ географическихъ особенностей края. Учитель исторіи имѣетъ столько возможности заинтересовать своимъ предметомъ, что о немъ и говорить нечего: будь только у него собственное знаніе да добрая воля. Совокупное же дѣйствіе всѣхъ учителей въ этомъ духѣ не можетъ не имѣть весьма благодѣтельныхъ послѣдствій для умственнаго развитія ученицъ.

Намъ скажутъ, что мы представляемъ идеальныхъ учителей и идеальную школу. Правда, что совершенное исполненіе такихъ обязанностей требуетъ отъ учителя большого искусства; правда, что недостатки въ исполненіи неизбѣжны. Но, все-таки, здѣсь легче приблизиться къ идеалу, нежели въ нынѣшнемъ обыкновенномъ обученіи, которое поставило себѣ идеаломъ—что же?—то, чтобъ ученицы запомнили на всю жизнь все, написанное въ учебникахъ. Никто и никогда этого не достигалъ, и—слава Богу!

Школъ, основанныхъ на такихъ началахъ, у насъ еще нѣтъ, но стоитъ захотѣть, чтобъ онѣ были. Сначала, конечно, будутъ коекакіе недостатки: учителя, позабывшись, по старой привычкѣ, будутъ иногда пускаться въ схоластику, ученицы, видя, что нѣтъ тутъ ни балловъ, ни кокардъ, мало будутъ заботиться о выслушанныхъ урокахъ. Но мало-по-малу и тѣ, и другія поймутъ свое настоящее положеніе и примутся за дѣло охотно и дружно. Пріятнѣй же, вѣдь, учиться, и знать, чему учишься, нежели зубрить урокъ, ничего не понимая.

Эти мысли о женскомъ воспитаніи были возбуждены въ насъ программою недавно открытаго здѣсь, въ С.-Петербургѣ, учебнаго за-

веденія г-жи Труба, названнаго Атенеемъ и основаннаго, какъ видно изъ программы, именно на тѣхъ, сейчасъ изложенныхъ нами, началахъ, какія господствуютъ въ системѣ обученія Атенеевъ во Франціи. Мысль основать такое заведеніе у насъ очень замѣчательна, и отъ нея можно ожидать хорошихъ послѣдствій. Попытка эта особенно кстати у насъ теперь, когда вопросы о воспитаніи сильно возбуждены въ нашемъ обществѣ, и когда несостоятельность старой системы съ каждымъ днемъ становится все очевиднѣе. Нельзя не пожелать, чтобы предпріятіе г-жи Труба имѣло успѣхъ. Мы поспѣшили изложить свои мысли объ этомъ предметѣ съ тою цѣлію, чтобы съ одной стороны просвѣщенные родители знали, чего ожидать отъ заведеній, подобныхъ Атенею г-жи Труба (мы надѣемся, что попытка г-жи Труба не будетъ единственною); а съ другой стороны, чтобы и преподавателямъ подобныхъ заведеній яснѣе видно было, чего отъ нихъ ожидаютъ для ихъ ученицъ, и какія въ этомъ случаѣ лежатъ на нихъ обязанности.

21. Органическое развитіе человѣка въ связи съ его умственной и нравственной дѣятельностью.

(**Органическое воспитаніе въ примѣненіи къ самообразованію и къ развитію здоровья питомцевъ**. Сочиненіе *К. Ф. Шнелля*. Перев. съ нѣмецкаго Ф. Бёмера, Спб. 1857.—**Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ**. Сочиненіе доктора *К. Е. Бока*. Перев. съ нѣмецкаго І. Паульсона и Ф. Бёмера. Спб. 1857, двѣ части).

Оба названныя нами сочиненія вышли въ русскомъ переводѣ уже довольно давно, но, кажется, не обратили на себя особеннаго вниманія русской публики. А, между тѣмъ, это книги весьма замѣчательныя, и въ особенности для насъ, сбитыхъ съ толку выспренними теоріями ученыхъ педагоговъ, говорящихъ о духовномъ развитіи человѣка такія вещи, что просто волосъ дыбомъ становится. Такъ, Шнелль, не прибѣгая ни къ какимъ хитрымъ толкованіямъ, говоритъ просто-на-просто, что «верховною цѣлью воспитанія должно быть здоровье» (стр. 1). Этимъ опредѣленіемъ онъ начинаетъ свою книгу, имъ же ее оканчиваетъ, оно же строго проведено по всѣмъ отдѣламъ его сочиненія. Докторъ Бокъ также утверждаетъ, что важнѣе всего при воспитаніи заботиться о здоровьѣ и постоянномъ упражненіи всѣхъ чувствъ, приспособляя ихъ къ различнымъ впечатлѣніямъ (стр. 469).

Нѣтъ сомнѣнія, что опредѣленіе Шнелля, по своей крайней простотѣ, съ перваго же раза покажется понятнымъ для каждаго изъ читателей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно и то, что многіе поторопятся растолковать его въ смыслѣ очень ограниченномъ и, вслѣдствіе того, возстанутъ съ благонамѣренными насмѣшками противъ Бока и Шнелля, и тутъ же противъ насъ, признающихъ начала ихъ совершенно разумными. «Ваша идея,—язвительно скажутъ намъ,—

вовсе не нова; вы имѣете честь раздѣлить ее съ госпожей Простаковой, съ господиномъ Скотининымъ, съ родителями пана Халявскаго, изображеннаго Основьяненкомъ, и вообще со всѣми маменьками и папеньками, которые слово *воспитаніе* считаютъ однозначащимъ съ словомъ *откармливанье*. Къ сожалѣнію, ваша теорія *воспитанія для здоровья* находитъ еще многихъ представителей въ отживающемъ поколѣніи провинціальныхъ степныхъ бабушекъ, тетушекъ, нянюшекъ, которыя встрѣчаютъ своего воспитанничка, пріѣхавшаго изъ университета, словами: «Батюшка ты нашъ! какъ тебя тамъ измучили! Поѣхалъ—такъ любо посмотрѣть было, а теперь — спичка спичкой сталъ. Вотъ она, наука-то ваша проклятая!» Вашей идеѣ обрадуются всѣ балбесы, которые до 15 лѣтъ ничему не учатся, но зато—какъ яблочко румяны, потому что съ утра до ночи собакъ гоняютъ» и пр., и пр.

На всѣ эти возраженія мы можемъ отвѣтить просвѣщеннымъ нашимъ противникамъ, что не всякая болѣзнь изсушаетъ человѣка, и не всякая толстота означаетъ здоровье. Мы просимъ вспомнить поэтическую жалобу толстаго труженика, который утверждаетъ: люди, дескать,

«По моей громадной толщинѣ
Заключаютъ ложно обо мнѣ,»—

не зная,

« . . . Что тотъ,
Кто счастливцемъ по виду слыветъ,
Далеко не такъ благополученъ,
Какъ румянъ и шаровидно тученъ».

Да, ошибка госпожи Простаковой съ братіей состояла не въ томъ, что онѣ заботились о здоровьѣ дѣтей, а въ томъ, что не понимали, что такое здоровье. Матушка откармливаетъ своего Митрофанушку, а онъ, съѣвши на сонъ грядущій солонины ломтика три да пирожковъ подовыхъ пять или шесть,—ляжетъ и тоскуетъ цѣлую ночь, а поутру какъ шальной ходитъ... Развѣ это здоровье? Если здоровье состоитъ въ томъ, чтобы безпрепятственно совершались въ человѣкѣ отправленія растительной жизни, и чтобы не было въ тѣлѣ постояннаго ощущенія какой-нибудь острой боли, то, пожалуй, можно согласиться, что всѣ толстые идіоты совершенно здоровы Но въ такомъ случаѣ, вѣдь, и пораженнаго параличемъ надобно считать здоровымъ человѣкомъ, и одержимаго бѣлой горячкой—тоже здоровымъ. А, между тѣмъ, и то, и другое мы считаемъ болѣзнями, и даже весьма значительными. Мало этого,—мы, вѣдь, признаемъ больнымъ или, по крайней мѣрѣ, не совершенно здоровымъ человѣка, подверженнаго безпрестаннымъ истерикамъ, спазмамъ, мигренямъ, всякаго рода нервнымъ разстройствамъ и т. п. Уродства разнаго рода—глухоту, слѣпоту и т. д. тоже должно относить къ явленіямъ болѣзненнымъ. Точно также къ болѣзнямъ слѣдуетъ относить и особыя, ненормальныя положенія, въ которыя впадаютъ иные люди, какъ, напримѣръ, спячку или апатію ко всему на свѣтѣ, совершенное безпамятство, всякія мономаніи,

общее разслабленіе организма и невозможность сдѣлать надъ собой хотя малѣйшее усиліе и т. п. Словомъ, подъ здоровьемъ нельзя разумѣть одно только наружное благосостояніе тѣла, а нужно понимать вообще естественное гармоническое развитіе всего организма и правильное совершеніе всѣхъ его отправленій.

Противъ этого опять можетъ быть возраженіе и на этотъ разъ уже весьма основательное. Могутъ указать на низшій классъ народа, который физически бываетъ обыкновенно здоровѣе высшихъ классовъ; могутъ указать на дикарей, пользующихся отличнымъ здоровьемъ и громадной физической силой; а съ другой стороны—могутъ представить многихъ великихъ ученыхъ, поэтовъ, государственныхъ людей—истощенныхъ, больныхъ и слабыхъ... Изъ этого сопоставленія можно вывести заключеніе такого рода, на первый взглядъ не лишенное своей основательности: «если все развитіе человѣка направлять только къ тому, чтобы онъ былъ здоровымъ, то придется взять за идеалъ ирокезовъ, которые, какъ говорятъ, не знаютъ никакихъ болѣзней,—и отвергнуть все значеніе великихъ людей, прославившихся умственной и нравственной дѣятельностью».

Возраженіе это, по внимательномъ его разсмотрѣніи, должно быть признано совершенно несправедливымъ, по многимъ причинамъ.

Прежде всего мы должны повторить, что подъ здоровьемъ организма мы вовсе не разумѣемъ одно физическое благосостояніе тѣла. Намъ кажутся смѣшны и жалки невѣжественныя претензіи грубаго матеріализма, который унижаетъ высокое значеніе духовной стороны человѣка, стараясь доказать, будто душа человѣка состоитъ изъ какой-то тончайшей матеріи. Нелѣпость подобныхъ умствованій такъ давно и такъ неопровержимо доказана, они такъ прямо противорѣчатъ результатамъ самихъ естественныхъ наукъ, что въ настоящее время только развѣ человѣкъ самый отсталый и невѣжественный можетъ еще не презирать подобныхъ матеріалистическихъ умствованій. Мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что тѣлесная дѣятельность важнѣе духовной, совсѣмъ не хотимъ выставить довольство физическое цѣлью нашей жизни. Напротивъ, мы намѣрены говорить о томъ, что часто тѣло наше, какъ служебное орудіе духовной дѣятельности, бываетъ испорчено разными слабостями и болѣзнями и не имѣетъ возможности исполнять своего назначенія. Мы возстаемъ противъ того, что часто мы заботимся только на словахъ о совершенствованіи духовномъ, а, между тѣмъ, на дѣлѣ вовсе не стараемся покорить тѣло духу и, предаваясь чувственности, разстраиваемъ и тѣло свое и у духовныхъ способностей отнимаемъ возможность проявляться правильно, потому что разстроенные тѣлесные органы дѣлаются негодны для служенія возвышенной духовной дѣятельности. Это говоритъ намъ постоянный опытъ, говоритъ наше внутреннее сознаніе, наша вѣра, и это же самое подтверждается результатами новѣйшихъ изслѣдованій въ области естествовѣдѣнія. Эту именно необходимость—воспитывать тѣло для служенія правильной духовной дѣятельности, эту истину, сдѣлавшуюся даже избитою отъ частаго повторенія, истину, что mens sana, здоровый духъ, долженъ быть in corpore sano, т.-е. долженъ соединяться

съ здоровымъ тѣломъ,—это и намѣрены мы подтвердить, указавши на несомнѣнные факты естествовѣдѣнія. Въ такомъ именно смыслѣ должны быть понимаемы всѣ наши замѣчанія о неразрывной связи душевной и тѣлесной дѣятельности.

Но возвратимся къ возраженію, приведенному нами. Кромѣ односторонняго, узкаго пониманія здоровья, оно грѣшитъ еще тѣмъ, что беретъ для сличенія предметы не совершенно подъ одинаковыми условіями. Различіе племенъ и затѣмъ различіе занятій человѣка много имѣетъ вліянія на возможную степень его развитія во всѣхъ отношеніяхъ. Если бы можно было брать здоровье въ отвлеченности, то не нужно было бы даже къ людямъ обращаться, а прямо привести въ примѣръ животныхъ. На что вамъ еще организмъ крѣпче и здоровѣе, чѣмъ хоть, примѣрно, у слона или у льва, или даже у быка? Недаромъ же говорятъ у насъ: «здоровъ, какъ быкъ». Но у этихъ животныхъ самое строеніе организма не то, что у насъ, и потому мы оставляемъ ихъ въ покоѣ. Есть, пожалуй, червяки, которыхъ разрѣжешь пополамъ, такъ обѣ половинки и поползутъ въ разныя стороны, какъ ни въ чемъ не бывало; эти намъ не примѣръ. Точно такъ и ирокезы—не примѣръ для европейскихъ ученыхъ. Кромѣ того, нужно замѣтить, что болѣзненное состояніе вовсе не способствовало, конечно, полезнымъ открытіямъ и изысканіямъ, произведеннымъ этими учеными. Въ большей части случаевъ, болѣзнь вовсе не относилась къ тѣмъ органамъ, которые необходимы были для ихъ спеціальности (какъ исключеніе, можно бы привести Бетховена; но и у него поврежденіе слуховыхъ органовъ не было такъ сильно въ то время, когда онъ создавалъ лучшія свои творенія); мѣстное же пораженіе въ этомъ случаѣ не должно быть принимаемо въ разсчетъ. Конечно, Байронъ былъ хромъ, и это не помѣшало ему быть великимъ поэтомъ, точно такъ, какъ, напр., слабость зрѣнія не помѣшала многимъ другимъ быть великими учеными, философами и пр., но, конечно, всякій согласится, что наружное поврежденіе всего менѣе можно назвать болѣзнью организма. Съ другой же стороны, всякій признаетъ, что каждое болѣзненное ощущеніе въ тѣлѣ разстраиваетъ, хоть на минуту, нашу духовную дѣятельность, и что, слѣдовательно, если бы великіе ученые были совершенно здоровы, то сдѣлали бы еще больше, чѣмъ сколько сдѣлали они при своихъ немощахъ.

Говорятъ, что, напротивъ, иногда болѣзнь тѣла возбуждаетъ сильнѣе духовную дѣятельность. Примѣровъ приводятъ много. Указываютъ на нѣсколькихъ поэтовъ, почувствовавшихъ и открывшихъ міру силу своего таланта послѣ того, какъ они стали слѣпы. Тутъ, разумѣется, являются Гомеръ и Мильтонъ, тутъ приводятъ и стихи Пушкина русскому слѣпцу-поэту:

«Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній» и проч.

Указываютъ также на Игнатія Лойолу, во время болѣзни почувствовавшаго призваніе къ основанію ордена; на Магомета, въ

припадкахъ падучей болѣзни слышавшаго призваніе Аллаха; на аскетовъ, которыхъ духовныя созерцанія происходили именно отъ истощенія ими плоти своей и т. д. Примѣровъ на эту тему можно набрать тысячи: случаевъ, въ которыхъ обнаруживается антагонизмъ духовной и тѣлесной природы въ человѣкѣ, тоже насчитывается множество. Но во всемъ этомъ господствуетъ недоумѣніе: сначала виною ему послужили грубые матеріалисты, а потомъ и мечтательные идеалисты, опровергая ихъ, впали въ ту же самую ошибку. Мы намѣрены объясниться на этотъ счетъ подробнѣе, считая объясненіе именно этого пункта самымъ необходимымъ для убѣжденія въ важности, какую имѣетъ здоровый организмъ,—не только для тѣлесной, но и для нравственной дѣятельности человѣка.

Начнемъ хоть съ того, что замѣчать антагонизмъ между предметами есть дѣло совершенно естественное и неизбѣжное при раскрытіи въ человѣкѣ сознанія. Пока мы не замѣчаемъ разницы между предметами, до тѣхъ поръ мы существуемъ безсознательно. Первый актъ сознанія состоитъ въ томъ, что мы отличаемъ себя отъ прочихъ предметовъ, существующихъ въ мірѣ. Уже въ этомъ отличеніи заключается и нѣкоторое противопостановленіе, и противопостановленіе это тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе самостоятельности признаемъ мы за своимъ существомъ. Сознавши себя, какъ нѣчто отдѣльное отъ всего прочаго, человѣкъ необходимо долженъ придти къ заключенію, что онъ имѣетъ право жить и дѣйствовать самъ по себѣ, отдѣльной и самостоятельной жизнью. Но на дѣлѣ онъ безпрестанно встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія къ исполненію своихъ личныхъ стремленій и, сознавая свое безсиліе, но еще не сознавая ясно своей связи съ общими законами природы, ставитъ себя во враждебное отношеніе къ ней. Ему кажется, что въ природѣ есть какія-то силы, непріязненныя человѣку и вѣчно ему противоборствующія. Отсюда развивается мало-по-малу понятіе о темныхъ силахъ, постоянно вредящихъ человѣку. Между тѣмъ, и благотворная сила природы не можетъ не быть замѣчена человѣкомъ, разъ уже отличившимъ себя отъ нея и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ понятіемъ о темной силѣ, является и сознаніе силы свѣтлой и доброй, покровительствующей человѣку. Вотъ начало того дуализма, который находимъ мы въ основаніи всѣхъ естественныхъ религій: Вишну и Шива, Ормуздъ и Ариманъ, Бѣлбогъ и Чернобогъ и проч., и проч., служатъ олицетвореніемъ первоначальныхъ понятій человѣка о силахъ природы. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, соразмѣрно съ пріобрѣтеніемъ большей опытности человѣчествомъ, общая идея распадается на множество частныхъ и примѣняется ко всякому отдѣльному явленію. Такимъ образомъ, являются понятія о противоборствѣ свѣта и мрака, тепла и холода, моря и суши, [земли и языческаго неба] и т. д. Наконецъ, человѣкъ обращается отъ внѣшняго міра къ себѣ и въ своей собственной натурѣ тоже начинаетъ замѣчать борьбу какихъ-то противоположныхъ побужденій. Не умѣя еще возвыситься до идеи о всеобщемъ единствѣ и гармоніи, онъ и въ себѣ, какъ въ природѣ, предполагаетъ существованіе различныхъ, непріязненныхъ другъ другу, началъ. Доискиваясь, откуда взялись

они, онъ, почти вполнѣ еще находящійся подъ вліяніемъ впечатлѣній внѣшняго міра, не задумывается приписать ихъ происхожденіе тѣмъ же враждебнымъ силамъ, какія замѣтилъ уже въ природѣ. Находя внутри себя какія-то неясныя стремленія, какое-то недовольство внѣшнимъ, онъ естественно заключаетъ, что внутри его есть какое-то особенное существо, высшее, нежели то, которое обнаруживается въ его внѣшней дѣятельности. Отсюда прямой выводъ, что въ человѣкѣ два враждебныхъ существа: одно, происходящее отъ добраго начала,—внутреннее, высшее; другое, произведенное злою силою,—внѣшнее, грубое, темное. Такимъ образомъ, является то мрачное понятіе о тѣлѣ, какъ темницѣ души, которое существовало у до-христіанскихъ народовъ. Со временемъ христіанства древній дуализмъ понемногу начинаетъ исчезать и до нѣкоторой степени теряетъ свою силу въ общемъ сознаніи. Но старыя понятія жалко было бросить схоластическимъ мудрецамъ среднихъ вѣковъ, и они ухватились за дуализмъ, какъ за неистощимый источникъ діалектическихъ преній. Въ самомъ дѣлѣ,—когда все просто, естественно и гармонично, о чемъ тогда и спорить? Гораздо лучше, если будутъ два начала, двѣ силы, два противныхъ положенія, изъ которыхъ можно исходить, во всеоружіи софизмовъ, на поприще праздной діалектики. Эти-то премудрые схоластики и задержали общій здравый смыслъ, которому, конечно, давно пора бы понять, что послѣдняя цѣль знанія—не борьба, а примиреніе, не противоположность, а единство. Средневѣковые ученые постарались отдѣлить душу отъ тѣла и, взглянувши на нее, какъ на существо, совершенно ему чуждое, принялись потомъ отгадывать: какъ же это душа съ тѣломъ соединяется? Въ древности Аристотель тоже разсуждалъ объ этомъ: тому было, разумѣется, простительно. Онъ воображалъ себѣ, что тѣло есть матерія грубая, а душа—тоже матерія, только очень тонкая, и, слѣдовательно, вопросъ, поставленный имъ, можно понимать нѣкоторымъ образомъ въ химическомъ смыслѣ. Оттого-то и вышла у него хорошая теорія — *инфлюксусъ физикусъ*, для объясненія связи души съ тѣломъ... У средневѣковыхъ ученыхъ не могло существовать предположенія Аристотеля о матеріальности души. Всѣ они были христіане, большею частью духовные, всѣ вѣровали въ духовность и безсмертіе души, а, между тѣмъ, разсматривали вопросъ, который возможенъ былъ только при предположеніи Аристотеля. Какимъ способомъ духъ соединяется съ тѣломъ, спрашивали они, какое мѣсто занимаетъ онъ въ тѣлѣ? Посредствомъ какихъ связей передается душѣ боль, причиненная тѣлу? Какіе существуютъ проводники, передающіе тѣлу мысли и желанія воли?.. Дѣлая всѣ эти вопросы, схоластики не понимали, что, считая душу идеальнымъ существомъ, механически вложеннымъ въ тѣло, они черезъ то сами впадаютъ въ грубѣйшій матеріализмъ. Если душа занимаетъ опредѣленное мѣстечко въ тѣлѣ, то, разумѣется, она матеріальна, если она какими-нибудь внѣшними связями соединяется съ тѣломъ,—опять то же неизбѣжное слѣдствіе. Къ этому заблужденію присоединялось еще другое, тоже языческое,—что тѣло состоитъ подъ вліяніемъ злой силы и отъ него приходитъ въ душу все нечистое.

На основаніи этого разсужденія, средневѣковые аскеты превзошли даже тѣ жестокія и кровавыя истязанія, какія дѣлаютъ надъ собой индійцы въ своемъ религіозномъ изступленіи. Извѣстно, до какого безумія доходили бичующіеся въ своемъ усмиреніи плоти. Извѣстно и то, сколько колдуновъ и сколько несчастныхъ, такъ называемыхъ «бѣснующихся», сожжено было тогда, вслѣдствіе увѣренности, что въ тѣлѣ ихъ воцарился дьяволъ...

Въ наше время успѣхи естественныхъ наукъ, избавившіе насъ уже отъ многихъ предразсудковъ, дали намъ возможность составить болѣе здравый и простой взглядъ и на отношеніе между духовной и тѣлесной дѣятельностью человѣка. Антропологія доказала намъ ясно, что прежде всего—всѣ усилія наши представить себѣ отвлеченнаго духа безъ всякихъ матеріальныхъ свойствъ, или положительно опредѣлить, что онъ такое въ своей сущности, всегда были и всегда останутся совершенно безплодными. Затѣмъ, наука объяснила, что всякая дѣятельность, обнаруженная человѣкомъ, лишь настолько и можетъ быть нами замѣчена, насколько обнаружилась она въ тѣлесныхъ, внѣшнихъ проявленіяхъ, и что, слѣдовательно, о дѣятельности души мы можемъ судить только по ея проявленію въ тѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнали, что каждое изъ простыхъ веществъ, входящихъ въ составъ нашего тѣла, само по себѣ не имѣетъ жизни,—слѣдовательно, жизненность, обнаруживаемая нами, зависитъ не отъ того или другого вещества, а отъ неизвѣстнаго соединенія всѣхъ ихъ. При такомъ точномъ дознаніи уже невозможно было оставаться въ грубомъ, слѣпомъ матеріализмѣ, считавшемъ душу какимъ-то кусочкомъ тончайшей, эфирной матеріи; тутъ уже нельзя было ставить вопросы объ органической жизни человѣка такъ, какъ ихъ ставили древніе языческіе философы и средневѣковые схоластики. Нуженъ былъ взглядъ болѣе широкій и болѣе ясный, нужно было привести къ единству то, что доселѣ намѣренно разъединялось; нужно было обобщить то, что представлялось до тѣхъ поръ какими-то отдѣльными, ничѣмъ не связанными частями. Въ этомъ возведеніи видимыхъ противорѣчій къ естественному единству—великая заслуга новѣйшей науки. Только новѣйшая наука отвергла схоластическое раздвоеніе человѣка и стала разсматривать его въ полномъ неразрывномъ его составѣ, тѣлесномъ и духовномъ, не стараясь разобщать ихъ. Она увидѣла въ душѣ именно ту силу, которая проникаетъ собою и одушевляетъ весь тѣлесный составъ человѣка. На основаніи такого понятія, наука уже не разсматриваетъ нынѣ тѣлесныя дѣятельности отдѣльно отъ духовныхъ, и обратно. Напротивъ, во всѣхъ, самыхъ ничтожныхъ тѣлесныхъ явленіяхъ наука видитъ дѣйствіе той же силы, участвующей безсознательно въ кровотвореніи, пищевареніи и пр., и достигающей высоты сознанія въ отправленіяхъ нервной системы и преимущественно мозга. Отличаясь простотою и вѣрностью фактовъ жизни, согласный съ высшимъ христіанскимъ взглядомъ вообще на личность человѣка, какъ существа самостоятельно-индивидуальнаго, взглядъ истинной науки отличается еще однимъ преимуществомъ. Имъ несомнѣнно утверждается та истина, что душа не внѣшней связью

соединяется съ тѣломъ, не случайно въ него положена, не уголокъ какой-нибудь занимаетъ въ немъ,—а сливается съ нимъ необходимо, прочно и неразрывно, проникаетъ его всего и повсюду, такъ что безъ нея, безъ этой силы одушевляющей, невозможно вообразить себѣ живой человѣческій организмъ [и наоборотъ].

Вникнувши въ этотъ взглядъ, немудрено понять, въ какомъ смыслѣ здоровье можетъ быть принимаемо за верховную цѣль развитія человѣка. Если всякая душевная дѣятельность непремѣнно проявляется во внѣшнихъ знакахъ, и если орудіемъ ея проявленія служатъ непремѣнно органы нашего тѣла, то ясно, что для правильнаго проявленія душевной дѣятельности мы должны имѣть правильно-развитые, здоровые органы. При всемъ желаніи слушать хорошіе совѣты и видѣть добрые примѣры, человѣкъ слѣпой и глухой не можетъ исполнить своего желанія такъ же, какъ безногій не можетъ ходить, нѣмой говорить и т. п. Такъ точно, если въ насъ разстроены нервы, мы не можемъ быть спокойны и терпѣливы; если поврежденъ мозгъ, не можемъ хорошо разсуждать и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы нездоровы, хотя бы и не чувствовали острой тѣлесной боли. Равнымъ образомъ, нельзя назвать совершенно здоровымъ и того организма, въ которомъ одна какая-нибудь сторона развивается слишкомъ сильно, въ ущербъ другимъ. Такимъ образомъ, тотъ организмъ, въ которомъ развитіе мозговыхъ отправленій поглощаетъ собою всѣ другія, развивается ненормально, болѣзненно. Точно также ненормально и развитіе того организма, въ которомъ усиленной дѣятельностью мускуловъ ограничивается и заглушается развитіе нервной системы и особенно мозга. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, какъ бѣдныя, истощенныя ученыя дѣти, такъ и дикари, обладающіе страшной физической силой, но грубые и необразованные, развиты одинаково односторонне, и односторонность эту можно назвать недостаткомъ полнаго здоровья организма. Недостатокъ этотъ, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ правильной дѣятельности тѣхъ органовъ, которые хорошо развились, хотя онъ и мѣшаетъ водворенію полной гармоніи въ организмѣ. Оттого-то мы и видимъ всегда такъ много лихорадочнаго, судорожнаго въ дѣятельности энтузіастовъ, у которыхъ сила чувства и воображенія преобладаетъ надъ разсудкомъ. Оттого-то мы находимъ такую ограниченность, тусклость понятій у людей, всю жизнь посвятившихъ физическому труду; животно-здоровой организаціи недостаточно для человѣка: для него нужно здоровье человѣческое, здоровье, въ которомъ бы развитіе тѣла не мѣшало развитію души, а способствовало ему. Иначе является одностороннее, нездоровое развитіе, при которомъ,—совершенно естественно,—болѣзненное состояніе однихъ органовъ возбуждаетъ къ усиленной дѣятельности другіе. Собственно говоря, всякую болѣзнь можно опредѣлить именно какъ нарушеніе правильнаго отношенія между частицами, входящими въ составъ нашего организма. Слѣдовательно, тотъ, напр., фактъ, что при истощеніи тѣла отъ болѣзни усиливается дѣятельность воображенія, нисколько не противорѣчитъ общей гармоніи организма, а, напротивъ, подтверждаетъ ее. Давно уже замѣтно, что природа какъ бы ста-

рается вознаградить человѣка за недостатокъ однихъ органовъ большимъ совершенствомъ другихъ. Такъ, слѣпые бываютъ одарены хорошимъ слухомъ и осязаніемъ, напротивъ, глухіе часто отличаются остротою зрѣнія и т. п. То же самое должно произойти и въ дѣятельностяхъ, совершающихся при непосредственномъ участіи мозга. Онѣ могутъ развиваться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе развиваются прочія дѣятельности. Такъ, лишеніе зрѣнія необходимо заставляетъ человѣка отказаться отъ нѣкоторыхъ общественныхъ занятій и, кромѣ того, отнимаетъ у него возможность пріобрѣтать новыя впечатлѣнія посредствомъ глазъ. Весьма естественно, что, находясь въ такомъ положеніи, человѣкъ болѣе обращается къ своему субъективному міру и занимается переработкою тѣхъ впечатлѣній, которыя были уже получены имъ прежде. Точно такъ и какой-нибудь Лойола могъ развивать въ своемъ воображеніи какіе-угодно великіе планы, несмотря на слабость своего тѣла во время выздоровленія. Это фактъ весьма естественный; такъ, извѣстно, что ослабленіе тѣла, вслѣдствіе продолжительнаго голода, оканчивается бредомъ, и вообще бредъ всего чаще является въ болѣзняхъ, истощающихъ организмъ. Въ подобныхъ явленіяхъ мы должны видѣть скорѣе соотвѣтствіе, нежели антагонизмъ.

Смотря на человѣка, какъ на одно цѣлое, нераздѣльное существо, какъ на истинный индивидуумъ, мы устраняемъ и тѣ безчисленныя противорѣчія, какія находятъ схоластики между тѣлесной и душевной дѣятельностью. Разумѣется, если разсѣкать человѣка на части, то непримиримыхъ противорѣчій можно найти бездну, какъ и во всемъ можно отыскивать ихъ при такомъ условіи. Что было бы, если-бы мы вздумали искать, напр., въ какой части скрипки сидитъ звукъ, издаваемый ею,—въ струнахъ, или въ колышкахъ, или въ вырѣзкахъ ея, или въ самой доскѣ?.. Къ какимъ забавнымъ разсужденіямъ привела бы насъ попытка рѣшить подобный вопросъ, невозможный по самой сущности дѣла! Нѣчто совершенно подобное случилось со схоластиками, старавшимися противопоставить тѣло духу. Какимъ это образомъ, говорили они, душа наша можетъ радоваться, когда тѣло чувствуетъ боль? Какъ душа можетъ не замѣчать предмета, когда глаза смотрятъ на него? Какъ душа можетъ чувствовать холодъ, когда руки ощупываютъ предметъ теплый непосредственно послѣ горячаго? и т. п. Противорѣчія были безконечны и изъ нихъ схоластики,—безъ всякаго права, впрочемъ,—выводили заключеніе довольно курьезное, именно: душа, дескать, въ человѣкѣ сама по себѣ, и тѣло само по себѣ; одна дѣйствуетъ по своимъ законамъ, а другое по своимъ, совершенно особеннымъ. Заключеніе это, какъ ни нелѣпо оно, долгое время принималось на-слово, пока результаты, добытые естественными науками, не помогли опредѣлить точнѣе органическую природу человѣка. Теперь уже никто не сомнѣвается въ томъ, что всѣ старанія провести разграничительную черту между духовными и тѣлесными отправленіями человѣка напрасны, и что наука человѣческая никогда этого достигнуть не можетъ. Безъ вещественнаго обнаруженія мы не можемъ узнать о существованіи внутренней дѣя-

тельности, а вещественное обнаруженіе происходитъ въ тѣлѣ; возможно ли же отдѣлять предметъ отъ его признаковъ, и что останется отъ предмета, если мы представленіе всѣхъ его признаковъ и свойствъ уничтожимъ? Совершенно простое и логичное объясненіе фактовъ видимаго антагонизма человѣческой природы происходитъ тогда, когда мы смотримъ на человѣка просто, какъ на единый нераздѣльный организмъ. Тогда тотъ фактъ, напр., что мы иногда, смотря, не видимъ, объясняется совершенно просто. Актъ зрѣнія не состоитъ въ томъ только, чтобы видимый предметъ отразился въ нашемъ глазѣ; главное дѣло здѣсь, чтобы видимый предметъ отразился въ нашемъ глазѣ; главное дѣло здѣсь въ томъ, чтобы нервъ зрѣнія былъ возбужденъ и передалъ въ мозгъ впечатлѣніе предмета. Зрѣніе совершается не въ глазѣ, а въ мозгу, какъ и всѣ наши чувства; если перерѣзать, напр., глазной нервъ, то предметы будутъ отражаться въ глазѣ попрежнему, а видѣть ихъ мы не будемъ. Поэтому вовсе ничего нѣтъ страннаго, что когда мы заняты какими-нибудь важными думами, т.-е., когда въ мозгу совершается усиленная дѣятельность, то слабое раздраженіе зрительнаго нерва, чувствительное для насъ въ другихъ случаяхъ, дѣлается уже недостаточнымъ и не пробуждаетъ въ мозгу сознанія о себѣ. Но какъ скоро раздраженіе нерва дѣлается слишкомъ сильнымъ, то вниманіе наше немедленно отвлекается отъ предметовъ, о которыхъ мы думали, и обращается на предметъ, произведшій раздраженіе. Такимъ же естественнымъ образомъ объясняетъ физіологія и всѣ противорѣчія, придуманныя схоластиками, впавшими безъ собственнаго вѣдома въ слишкомъ грубый матеріализмъ.

Сдѣлавши эти предварительныя объясненія, мы полагаемъ, что въ читателяхъ уже не остается болѣе недоумѣній относительно того, что мы разумѣемъ подъ здоровымъ развитіемъ организма и почему придаемъ ему такую важность. Въ наше время, вообще, вошло въ обычай, съ голоса превыспренныхъ поэтовъ, жаловаться на матеріализмъ и практическое направленіе вѣка. Но намъ кажется, что гораздо съ большимъ правомъ врачи и физіологи упрекаютъ наше время въ одностороннемъ, недальнемъ идеализмѣ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ презрительно смотримъ мы на тѣлесный трудъ, какъ мало обращаемъ вниманія на упражненіе тѣлесныхъ силъ. Мы любимъ, правда, красоту, ловкость, грацію; но и тутъ часто выражается наше презрѣніе къ простому, здоровому развитію организма. Въ лицахъ часто намъ нравится мечтательное, заоблачное выраженіе и блѣдный цвѣтъ, «тоски примѣта», въ строеніи организма—талія, которую можно обхватить одной рукой; о маленькихъ ручкахъ и ножкахъ и говорить нечего. Этого, конечно, нельзя назвать положительно дурнымъ, нельзя утверждать, что большая нога непремѣнно лучше маленькой; но, все-таки, наше предпочтеніе, основываясь не на понятіи о симметричности развитія всѣхъ органовъ человѣка, а на какомъ-то безотчетномъ капризѣ, служитъ доказательствомъ односторонняго, ложнаго идеализма. Мускулистыя, сильно развитыя руки и ноги пробуждаютъ въ насъ мысль о физическомъ трудѣ, развивающемъ, какъ извѣстно, эти органы; и это намъ не нравится. Напро-

тивъ, миніатюрныя, нѣжныя ручки свидѣтельствуютъ, что обладающій или обладающая ими не преданы грубому труду, а упражняются въ какой-нибудь высшей дѣятельности. Этого-то намъ и нужно... Искаженныя стремленія идеализма постоянно въ насъ проглядываютъ. Мы, напримѣръ, очень строги въ сужденіяхъ о поступкахъ другихъ людей и очень склонны требовать отъ каждаго, чтобы онъ былъ героемъ добродѣтели. Рѣдко, рѣдко обратимъ мы вниманіе на положеніе человѣка, на обстановку его быта, на разныя облегчающія обстоятельства; [зато весьма часто мы, съ удивительнымъ геройствомъ, говоримъ: «онъ солгалъ—этого довольно: я считаю его человѣкомъ безчестнымъ»].. Ну, не идеальный ли это образъ мыслей?.. А наши удовольствія? Мы даемъ благотворительные балы, разыгрываемъ благотворительныя лотереи, составляемъ благородные спектакли, тоже благотворительные: можно ли не видѣть въ этомъ высокихъ стремленій, чуждыхъ матеріальнаго разсчета? Мы восхищаемся всѣми искусствами и утверждаемъ, что звуки оперъ Верди, пейзажи Калама настраиваютъ насъ къ чему-то возвышенному, чистому, идеальному. На самомъ-то дѣлѣ, подъ всѣмъ этимъ скрывается, можетъ быть, просто пріятное удовлетвореніе слуха и глазъ, а, можетъ быть, даже и желаніе убить скуку; но, вѣдь, мы въ этомъ не признаемся, и тутъ-то и выражается наше стремленіе къ какому-то идеализму. Мы совѣстимся представить себѣ вещи, какъ онѣ есть: мы непремѣнно стараемся украсить, облагородить ихъ и часто навязываемъ на себя такое бремя, котораго и снести не можемъ. Кто изъ насъ не старался иногда придать оттѣнокъ героизма, великодушія или тонкаго соображенія самому простому своему поступку, сдѣланному иногда совершенно случайно? Кто не убиралъ розовыми цвѣтами идеализма—простой, весьма понятной склонности къ женщинѣ? Кто изъ образованныхъ людей, наконецъ,—сошлемся на самихъ читателей,—не говорилъ съ увѣренностью, даже иногда съ восторгомъ, о Гомерѣ, о Шекспирѣ, пожалуй, о Бетховенѣ, о Рафаэлѣ и его мадоннѣ, и, между тѣмъ, многіе ли сами-то понимали, въ глубинѣ души своей, то, что говорили? Нѣтъ, что ни говорите, а желаніе поидеальничать въ насъ очень сильно; врачи и натуралисты «имѣютъ резонъ».

Но ни въ чемъ этотъ ложный и безплодный идеализмъ не выражается такъ ясно и не приноситъ столько вреда, какъ въ воспитаніи. Гдѣ нынѣ заботятся о примѣненіи воспитанія къ индивидуальному организму дѣтей? Гдѣ занимаются нагляднымъ обученіемъ въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ? Кто ищетъ для своихъ дѣтей здороваго развитія организма болѣе, чѣмъ внушенія имъ всяческихъ, часто очень уродливыхъ, отвлеченностей? Въ старину любили откармливать дѣтей; нынѣ любятъ морить ихъ голодомъ, чтобъ они не ожирѣли и не отупѣли. Въ старину до пятнадцати лѣтъ не принимались за ученье, въ той мысли, что пусть, дескать, дитя побѣгаетъ, ученье-то еще не уйдетъ; нынѣ дѣтямъ не даютъ бѣгать, заставляя ихъ сидѣть смирно и учиться. Бывало спозаранку прогоняли дѣтей спать, чтобы не изнурились, и они просыпали половину сутокъ; теперь дѣтей заставляютъ сидѣть за урокомъ до тѣхъ поръ, пока отяжелѣвшая голова ихъ сама

не упадаетъ на столъ. Двухлѣтнему мальчику толкуютъ уже объ ученьѣ, а съ пяти лѣтъ, иногда и раньше, стараются уже вбить ему въ голову высокія идеи о его назначеніи—быть архитекторомъ, инженеромъ, генераломъ, правовѣдомъ и т. п. Можетъ быть, въ этомъ скрывается матеріализмъ самый грубый; но только результаты его вовсе не благопріятны для тѣлеснаго здоровья и развитія дѣтей. Нынѣ уже не рѣдкость встрѣтить мать, которая съ гордостью и тайнымъ самоуслажденіемъ разсказываетъ о томъ, какъ сынъ ея не спалъ ночи, потерялъ аппетитъ, похудѣлъ и высохъ, какъ спичка, во время экзаменовъ. Хвалиться прилежаніемъ и любовью къ наукѣ дѣло чрезвычайно похвальное,—объ этомъ что и говорить; но дѣтей, все-таки, жалко.

Въ дальнѣйшемъ ученьѣ тоже нельзя не замѣтить фальшиво-идеальнаго направленія, соединеннаго съ пренебреженіемъ къ органическому развитію дѣтей. Родители желаютъ, напримѣръ, чтобъ изъ сына ихъ произошелъ знаменитый полководецъ. Они понимаютъ, конечно, что этой цѣли не достигнутъ, если дитя умретъ, и вслѣдствіе этого стараются предохранить его отъ смерти, т.-е. не пускаютъ бѣгать и рѣзвиться, берегутъ отъ простуды и сквозного вѣтра, кутаютъ, держатъ на медицинской діэтѣ и т. п. Ребенокъ, разумѣется, слабъ и нездоровъ, но отъ случайныхъ болѣзней оберегается, хотя и то не всегда. Приходитъ время ученья, и мальчику сейчасъ—геройскія внушенія и великіе историческіе примѣры. Слабость и малодушіе постыдны, внушаютъ ему; нужно всегдашнее мужество и присутствіе духа. Вотъ каковъ былъ Леонидъ Спартанскій, Александръ Македонскій, Юлій Цезарь и пр. Вотъ какіе труды переносилъ Суворовъ; вотъ какимъ опасностямъ подвергался Наполеонъ; вотъ что сдѣлали Муцій Сцевола, Горацій Коклесъ и пр., и пр. Достохвальныя качества и подвиги этихъ господъ, равно какъ и краснорѣчивыя внушенія родителей, производятъ сильное впечатлѣніе на ребенка. Онъ готовъ хоть сейчасъ идти на войну и совершать чудеса храбрости. Но *сейчасъ*, къ сожалѣнію, нельзя выйти и на дворъ: вчера шелъ дождикъ, и потому еще сыро. Подражать Муцію Сцеволѣ мальчикъ тоже радъ бы, но его останавливаетъ воспоминаніе о томъ, какая суматоха поднялась на-дняхъ по всему дому, когда будущій герой, запечатывая письмо, капнулъ себѣ сургучомъ на пальчикъ. Онъ самъ ревѣлъ на цѣлую улицу, мать упала въ обморокъ, побѣжали за докторомъ, обвязали, уложили героя и два дня продержали въ постели. И видитъ мальчикъ, что быть Муціемъ Сцеволой нѣсколько затруднительно, и едва ли не напрасны всѣ высокія внушенія, которыя ему дѣлаютъ, стараясь дѣйствовать *только* на духъ и совершенно презирая тѣло.

Такъ точно поступаютъ у насъ во всемъ, что касается развитія дѣтей. Особенно часто терпятъ отъ этого дѣти, которыхъ назначеніе—вообще учиться, быть [*образованными*] людьми. Съ ними начинаютъ съ того, что сажаютъ ихъ за книгу, и изъ книги заставляютъ ихъ выучиться тому, что слѣдовало бы узнать живьемъ, на дѣлѣ. Такъ, мальчикъ, живущій въ Петербургѣ, только уже начиная учиться разнымъ наукамъ, получаетъ свѣдѣнія о многомъ, что его окружаетъ.

Изъ географіи узнаетъ онъ, что Петербургъ стоитъ на Невѣ, которая впадаетъ въ Финскій заливъ, образуя при этомъ нѣсколько острововъ; изъ исторіи знакомится онъ съ Петербургской стороной, домикомъ Петра Великаго и пр., изъ естественной исторіи узнаетъ о существованіи гранита и т. д. А, подумайте, скоро-ль еще, слѣдуя системѣ нашихъ учебниковъ, дойдешь до всѣхъ этихъ предметовъ? Немудрено, если случаются у насъ анекдоты, подобные недавно слышанному нами, который, ради его курьезности, приведемъ здѣсь. Мальчика, очень *образованнаго*, привели въ гимназію; онъ выдержалъ экзаменъ прямо во второй классъ и остался жить у дядюшки. На другой день по отъѣздѣ родителей онъ за обѣдомъ началъ жаловаться, что онъ ѣсть ничего не можетъ, потому что Трифонъ у дядюшки дурной [что Трифона нужно высѣчь]. Въ домѣ дядюшки никакого Трифона не было, и потому никто не могъ понять, чего мальчику нужно, а онъ никакъ не могъ объясниться, повторяя только одну брань и жалобы на Трифона. Такъ дѣло и осталось неразрѣшеннымъ. Но на другой день поднялась та же исторія, и тутъ только объяснилось, что деревенскій поваръ у родителей мальчика назывался Трифономъ, и *образованный* мальчикъ, приготовленный во второй классъ гимназіи, никогда не подумалъ о томъ, что такое Трифонъ, и не зналъ, что значитъ поваръ!

Все это очень ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало распространено у насъ понятіе о необходимой связи органическихъ отправленій съ дѣйствіями внутреннихъ душевныхъ способностей. Мы вбиваемъ дѣтямъ въ голову огромнѣйшую массу разнородныхъ отвлеченныхъ понятій, совершенно имъ чуждыхъ [Богъ знаетъ, кѣмъ и какъ выдуманныхъ и часто на дѣлѣ вовсе ненужныхъ], а, между тѣмъ, не хотимъ позаботиться о правильномъ, разумномъ воспитаніи тѣхъ органовъ, которые необходимы для того, чтобы умственная и нравственная дѣятельность могла совершаться правильно. Въ своихъ непрактическихъ,—а можетъ быть, и слишкомъ уже практическихъ—мечтаніяхъ мы забываемъ, что человѣческій организмъ имѣетъ свои физическія условія для каждой духовной дѣятельности, что нельзя говорить безъ языка, слушать безъ ушей, нельзя чувствовать и мыслить безъ мозга. Это послѣднее обстоятельство особенно часто упускается изъ виду, и потому у насъ вовсе не заботятся о томъ, чтобы дать правильное развитіе дѣятельности мозга при воспитаніи. А, между тѣмъ, это-то и служитъ важнѣйшей помѣхой для достиженія успѣшныхъ результатовъ нашего воспитанія, безспорно очень умнаго и нравственнаго, но односторонняго въ своихъ средствахъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ, между прочимъ, докторъ Бокъ, ученый, весьма извѣстный въ Германіи. «Слабость умственныхъ способностей и болѣзни мозга,—говоритъ онъ,—могутъ произойти не только вслѣдствіе природныхъ недостатковъ, но и вслѣдствіе дурного питанія мозга и чрезмѣрнаго умственнаго напряженія. Это послѣднее обстоятельство, съ его печальными послѣдствіями, особенно гибельно для дѣтей, которыхъ мозгъ еще слишкомъ мягокъ и недостаточно развитъ, чтобы переносить трудныя работы. А, между тѣмъ, какъ часто ихъ мучатъ отвле-

ченностями, вовсе недоступными ихъ возрасту и понятіямъ, какъ часто отъ хилыхъ, малокровныхъ дѣтей требуютъ успѣховъ въ наукахъ наравнѣ съ здоровыми дѣтьми! Прибавьте къ этому еще неправильный отдыхъ и несоотвѣтствующую дѣтскому возрасту пищу, и вы поймете, что ничего не можетъ быть вреднѣе этой умственной дрессировки!» (Бокъ, стр. 468). Точно такое же мнѣніе находимъ мы и у Шнелля, автора другой книги, заглавіе которой выписано нами въ началѣ статьи. У него есть на этотъ счетъ вотъ какая тирада (стр. 162):

«Познанія добываются гораздо легче естественнымъ путемъ, чѣмъ искусственнымъ, т.-е. чтеніемъ изъ книгъ. Книга обременяетъ духъ чужимъ матеріаломъ и потому часто не имѣетъ никакой пользы и разстраиваетъ здоровье духа. Болѣзни мозга (водяная и воспаленіе мозга), встрѣчаемыя у дѣтей перваго возраста, довольно часто происходятъ не столько отъ преждевременнаго ученья, сколько отъ дурной, неестественной методы преподаванія; оттого, что начинаютъ не наглядным преподаваніемъ, какъ бы слѣдовало, а набиваютъ голову формами, отвлеченностями, идеями, которыя впослѣдствіи, такъ сказать, приходятъ въ гніеніе и заражаютъ всю организацію мозга. И въ позднѣйшіе годы, поверхностное усвоеніе отвлеченныхъ формъ можетъ совершенно притупить воспріимчивость къ здоровымъ чувственнымъ впечатлѣніямъ, т.-е. къ природѣ и жизни. Мы уже знаемъ, что отъ неполнаго или несовершеннаго воспріятія впечатлѣній органами внѣшнихъ чувствъ происходятъ фантазмы, т.-е. субъективныя впечатлѣнія или обманы чувствъ. Точно такимъ же образомъ фантастическіе образы, создаваемые воображеніемъ и умомъ, происходятъ вслѣдствіе несовершеннаго усвоенія (перевариванія) духомъ отвлеченныхъ формъ, или отъ недостаточности, неясности и слабости духовной пищи. Въ такомъ случаѣ умъ представляетъ себѣ не предметы, истинно существующіе во внѣшнемъ мірѣ, не существенность, а собственныя (субъективныя) произведенія фантазіи, бредни, мало-по-малу совершенно овладѣвающія умственными силами. И если число помѣшанныхъ и полупомѣшанныхъ людей, которыхъ умственное разстройство проявляется или необузданностью и своеволіемъ, или же рабскимъ, апатическимъ и безсмысленнымъ послушаніемъ, въ самомъ дѣлѣ, со дня на день увеличивается, какъ утверждаютъ врачи-психологи, то это не есть историческое необходимое явленіе, вытекающее изъ современнаго порядка вещей, но результатъ духовной тунеядной жизни».

Съ послѣднимъ замѣчаніемъ можно не согласиться, потому что самые недостатки воспитанія представляютъ, конечно, историческое явленіе, вытекающее изъ современнаго порядка вещей. Но негодованіе автора противъ отвлеченности воспитанія, господствующей въ наше время, вполнѣ справедливо. Во всѣхъ требованіяхъ и пріемахъ современнаго воспитанія обнаруживается полное презрѣніе къ органической жизни человѣка, какъ человѣка, а не какъ спеціальной машины для счетоводства, подвиговъ храбрости, строительства, героизма, честности, необъятной учености и т. п. Набивая голову дѣтей отвлеченностями всякаго рода, мы, конечно, и этимъ возбуждаемъ дѣятельность ихъ мозга, но дѣятельность одностороннюю и бо-

лѣзненную, именно потому, что мы не хотимъ обращать вниманія на связь отправленій мозга съ состояніемъ всего организма. Это обстоятельство оказываетъ самое неблагопріятное вліяніе на умственную и нравственную дѣятельность человѣка. Физіологія, непрерывнымъ рядомъ изслѣдованій и открытій послѣдняго времени, довольно ясно уже показала несомнѣнную связь нравственной жизни человѣка съ устройствомъ и развитіемъ мозга, и очень жаль, что наша образованная публика доселѣ такъ мало интересуется результатами, добытыми съ помощью естественныхъ наукъ. Имѣя это въ виду, мы и рѣшаемся представить здѣсь нѣсколько общеизвѣстныхъ фактовъ, относящихся къ нашему предмету.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ натуралистовъ новаго времени, Молешоттъ, приведенъ былъ своими изысканіями къ прямому выводу, что мысль имѣетъ вліяніе на матеріальный составъ мозга, и обратно— составъ мозга на мысль. Выводъ этотъ развитъ имъ въ одномъ изъ его сочиненій съ нѣкоторыми подробностями, которыя мы считаемъ здѣсь излишними. Мы напомнимъ здѣсь читателямъ только положеніе, давно извѣстное изъ сравнительной анатоміи,—что въ непрерывной градаціи животныхъ, начиная отъ самыхъ низшихъ организмовъ и кончая человѣкомъ, количество мозга все увеличивается по мѣрѣ приближенія животныхъ къ человѣку и по мѣрѣ большей развитости всего ихъ организма. У самыхъ низшихъ животныхъ нѣтъ настоящаго мозга, а только нервные узлы, представляющіе какіе-то зачатки мозга. Наименьшее количество мозга представляютъ земноводныя и рыбы; наибольшее найдено у собакъ, слоновъ и обезьянъ, т.-е. именно у тѣхъ животныхъ, которыя отличаются своей понятливостью. У человѣка же мозгу больше, чѣмъ у всѣхъ животныхъ. Количество мозга, конечно, разумѣется здѣсь относительное, сравнительно со всей массою тѣла, и, кромѣ того, здѣсь не принимаются въ разсчетъ тѣ части мозга, въ которыхъ заключаются центральные органы движенія и чувствованія. Такое же отношеніе умственныхъ способностей находится и къ составу и къ устройству мозга. Такъ, изслѣдованія Бибры доказали, что отправленія мыслительной способности въ животномъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше въ мозгу его жира и фосфора. По изслѣдованіямъ другого естествоиспытателя, понятливость и легкость мышленія находятся въ прямомъ отношеніи къ вѣсу мозга. Наблюденія Гушке доказали, что чѣмъ выше стоитъ животное въ умственномъ развитіи, тѣмъ извилистѣе и глубже у него нагибы мозговой поверхности, и тѣмъ менѣе они имѣютъ замѣтной для глазъ правильности и симметріи. Въ приложеніи къ человѣку все это оправдывается совершеннѣйшимъ образомъ. Мозговой жиръ у него содержитъ болѣе значительное количество фосфора, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ; вѣсъ его больше, извилины глубже и своеобразнѣе. Различіе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ замѣчается не только между человѣкомъ и животными, но даже и между людьми различныхъ племенъ, различнаго образа жизни, различнаго возраста и пола. Такъ, у новорожденныхъ дѣтей жира въ мозгу сравнительно меньше, чѣмъ у взрослыхъ; вообще, дѣтскій мозгъ жиже, мягче, болѣе

содержитъ въ себѣ бѣлаго вещества мозга, чѣмъ сѣраго, которое увеличивается уже впослѣдствіи, вмѣстѣ съ развитіемъ умственныхъ способностей. Фохтъ утверждаетъ, что раскрытіе умственныхъ способностей у дѣтей идетъ строго параллельно съ развитіемъ мозговыхъ полушарій. Вообще, вещество мозга продолжаетъ развиваться и увеличиваться у человѣка до 40—50 лѣтъ; въ старости же оно начинаетъ уменьшаться, сжиматься, дѣлается тягучимъ и болѣе водянистымъ. Сообразно съ этимъ, замѣчается въ престарѣломъ возрастѣ ослабленіе памяти, быстрой и твердой сообразительности и т. п.

То же самое отношеніе замѣчается и въ вѣсѣ мозга. Обыкновенный вѣсъ человѣческаго мозга—отъ 3 до $3^1/_2$ фунтовъ. Множество наблюденій показало, что мозгъ женщины вообще вѣситъ на $^1/_4$—$^1/_6$ фунт. менѣе, чѣмъ мозгъ мужчины. Это совершенно согласно и съ умственнымъ развитіемъ: извѣстно, что (вслѣдствіе, вѣроятно, условій нашей цивилизаціи) у женщинъ разсудочная способность развита менѣе, чѣмъ у мужчинъ. Эта разница существуетъ также относительно вѣса мозга людей съ различными способностями. Такъ, мозгъ Кювье вѣсилъ болѣе 4 фунтовъ, а мозги нѣсколькихъ идіотовъ, взвѣшенные Тидеманомъ, имѣли вѣсу только отъ одного до двухъ фунтовъ.

О томъ, какъ различается черепъ негровъ и другихъ низшихъ племенъ человѣчества отъ черепа народовъ образованныхъ, мы полагаемъ излишнимъ распространяться. Кому неизвѣстно странное развитіе верхней части черепа у этихъ племенъ, доходящее до того, что у нѣкоторыхъ, напримѣръ, у новоголландцевъ, почти вовсе нѣтъ верхнихъ частей мозга? И кому, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизвѣстно, что въ отношеніи къ развитію умственныхъ способностей эти племена стоятъ несравненно ниже народовъ кавказскаго племени?

Укажемъ еще на замѣчательные факты, показывающіе неразрывную связь, существующую между мозгомъ и умомъ или вообще духовной жизнью человѣка. Родъ занятій человѣка имѣетъ вліяніе на состояніе мозга. Умственная дѣятельность увеличиваетъ его объемъ и укрѣпляетъ его, подобно тому, какъ гимнастика укрѣпляетъ наши мускулы. По наблюденіямъ нѣкоторыхъ натуралистовъ, мозгъ людей ученыхъ, мыслителей и пр. бываетъ тверже, болѣе содержитъ сѣрой матеріи и имѣетъ болѣе изгибовъ. Вообще—у людей образованнаго класса замѣчаютъ большее развитіе передней части черепа, нежели у простолюдиновъ. Всякое умственное разстройство отражается на состояніи мозга. Показанія медиковъ, изслѣдовавшихъ трупы умалишенныхъ, доказываютъ, что поврежденія мозга непремѣнно являются при всякомъ помѣшательствѣ. Кромѣ того, много замѣчено несомнѣнныхъ случаевъ потери памяти при мѣстныхъ пораженіяхъ мозга, и—что особенно замѣчательно—часто терялась не вообще память, а только воспоминаніе о нѣкоторыхъ предметахъ. Нѣкоторые, напримѣръ, позабывали событія извѣстныхъ годовъ своей жизни, другіе забывали какой-нибудь изъ языковъ, имъ хорошо извѣстныхъ, иные переставали узнавать лица своихъ знакомыхъ и т. п. Каждый изъ подобныхъ случаевъ былъ слѣдствіемъ мѣстнаго пораженія мозга.

Вообще, связь духовной дѣятельности съ отправленіями мозга признана несомнѣнною въ сочиненіяхъ всѣхъ лучшихъ и добросовѣстныхъ натуралистовъ. Валентинъ говоритъ, что если мы станемъ срѣзывать мозгъ у какого-нибудь изъ млекопитающихъ животныхъ, то проявленія его внутренней дѣятельности ослабѣваютъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается количество мозга; когда же доходятъ при этомъ до такъ называемыхъ мозговыхъ пещеръ, то животное погружается въ совершенную безчувственность. Положеніе это представляется совершенно очевиднымъ въ опытахъ Флурана, который у нѣкоторыхъ животныхъ, могущихъ переносить поврежденія мозга, срѣзывалъ мозгъ сверху пластами. Такимъ образомъ дѣлалъ онъ опыты надъ курицами и, постепеннымъ срѣзываніемъ мозга, доводилъ ихъ до того, что у нихъ исчезало всякое проявленіе высшей жизненной дѣятельности. Онѣ теряли даже способность произвольнаго движенія и всякую воспріимчивость къ впечатлѣніямъ внѣшнихъ предметовъ. Но при этомъ жизнь ихъ не прекращалась; ее поддерживали искусственнымъ питаніемъ, и куры въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ продолжали прозябать такимъ образомъ, даже увеличиваясь въ вѣсѣ.

Послѣ всѣхъ этихъ фактовъ, нельзя не признать важности правильнаго развитія мозга для правильности самыхъ отправленій дѣятельности. И такъ какъ человѣкъ превосходитъ животныхъ всего болѣе совершеннѣйшимъ устройствомъ мозга, то для него этотъ органъ духовной дѣятельности долженъ имѣть особенно важное значеніе. Въ этомъ случаѣ можно повторить слова доктора Бока (русск. переводъ, стр. 171): «Высшее и совершеннѣйшее развитіе мозга отличаетъ человѣка отъ животныхъ; недостатки же мозга, несовершенное развитіе или болѣзненное измѣненіе его болѣе или менѣе ослабляютъ сознаніе, способности духовныя и способность чувствовать и произвольно двигаться. Значительнѣйшіе недостатки мозга ставятъ человѣка иногда гораздо ниже животныхъ. Слѣдовательно, душа человѣческая прежде всего обусловливается здоровымъ мозгомъ».

Но для того, чтобъ мозгъ былъ здоровъ и развился правильно, необходимы нѣкоторыя особенныя условія. Въ организмѣ человѣка нѣтъ ни одной части, которая существовала бы сама по себѣ, безъ всякой связи съ другими частями; но ни одна изъ частей нашего тѣла не связана такъ существенно со всѣми остальными, какъ головной мозгъ. Не входя ни въ какія подробности, довольно сказать, что въ немъ сосредоточиваются нервы движенія и чувствованія. Понятно, поэтому, въ какой близкой связи находится дѣятельность мозга съ общимъ состояніемъ тѣла. Очевидно, что всякое измѣненіе въ организмѣ должно отражаться и на мозгѣ, если не въ мыслительной, то въ чувствовательной его части. Доселѣ еще физіологическія изслѣдованія не объяснили вполнѣ микроскопическаго строенія частицъ и химическаго состава мозга, и, слѣдовательно, нельзя еще сказать, какими именно матеріальными измѣненіями организма обусловливается та или другая сторона дѣятельности мозга. Тѣмъ не менѣе, дознано уже достовѣрно, что, кромѣ охраненія мозга отъ поврежденій, для его развитія необходимы два главныя условія: *здоровое питаніе* и

правильное упражненіе. Питаніе мозга производится изъ крови. Слѣдовательно, для правильнаго питанія его необходимо, чтобы въ организмѣ правильно совершались кровотвореніе, кровообращеніе и кровоочищеніе. Примѣры того, что порча крови вредно дѣйствуетъ на правильность отправленія мозга, — нерѣдки. Такъ, напримѣръ, бываетъ при разлитіи желчи, въ нервной горячкѣ, въ такъ называемомъ собачьемъ бѣшенствѣ и пр. Кромѣ питанія, для развитія мозга необходимо еще упражненіе, посредствомъ воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній. «Здоровый мозгъ,—говоритъ докторъ Бокъ (стр. 171),—долженъ развить свои умственныя способности постепенно, съ помощью пяти чувствъ и внѣшнихъ впечатлѣній. На этомъ основывается весь процессъ воспитанія. Человѣкъ, котораго тотчасъ по рожденіи удалили бы совершенно отъ общества людей, не имѣлъ бы и слѣда человѣческаго разума; а окруженный, при тѣхъ же условіяхъ, одними животными, онъ непремѣнно усвоилъ бы себѣ всѣ ихъ привычки, разумѣется настолько, насколько это позволяетъ человѣческая организація».

Наблюденія надъ исторіей духовнаго развитія человѣка несомнѣнно подтверждаютъ мнѣнія Бока, показывая, что чѣмъ менѣе внѣшнихъ впечатлѣній получалъ человѣкъ, тѣмъ менѣе, уже кругъ его понятій, а вслѣдствіе того—ограниченнѣе и способность сужденія. Противъ этого положенія возражаютъ многіе, утверждая, что понятія и сужденія существуютъ въ человѣкѣ при самомъ рожденіи, и что иначе онъ ничѣмъ бы не отличался отъ животныхъ, имѣющихъ внѣшнія чувства столь же совершенныя, а иногда и лучшія, чѣмъ человѣкъ. Кромѣ того, говорятъ: если бы всѣ понятія пріобрѣтались изъ внѣшняго міра, то дѣти, взросшія подъ одними вліяніями, должны бы быть одинаково умными. Такое возраженіе совершенно неосновательно; при немъ упускается изъ виду то обстоятельство, что ощущеніе внѣшнихъ впечатлѣній совершается не въ самыхъ органахъ чувствъ, а въ мозгу; мозгъ же не одинаковъ у людей и животныхъ и даже допускаетъ нѣкоторое различіе въ различныхъ людяхъ. Что нѣкоторыя особенности въ строеніи тѣла, въ темпераментѣ, въ расположеніяхъ—переходятъ наслѣдственно отъ родителей къ дѣтямъ, это есть фактъ, еще необъяснимый для естествовѣдѣнія, но вполнѣ достовѣрный. Поэтому часто одни и тѣ же впечатлѣнія дѣйствуютъ неодинаково на разныхъ людей. При этомъ, для сравненія, можно вспомнить замѣчательный фактъ, представляемый медициною. Лѣкарства, даваемыя больнымъ, дѣйствуютъ не на всѣ органы тѣла одинаково, а преимущественно на тѣ или другіе, для которыхъ они и назначаются. Процессъ ихъ уподобленія организмомъ совершенно одинаковъ во всѣхъ случаяхъ: они входятъ въ кровь и вмѣстѣ съ нею разносятся по всему тѣлу. Но при этомъ обращеніи ихъ совершается, по нѣкоторымъ, иногда извѣстнымъ, а иногда и неизвѣстнымъ намъ, химическимъ законамъ, притяженіе ихъ къ той или другой части организма. Такимъ образомъ, можно полагать, что и въ дѣятельности мозга совершается воспріятіе однихъ впечатлѣній преимущественно предъ другими, и что тѣ впечатлѣнія, которыя проходятъ какъ бы незамѣтно чрезъ чувственные органы одного человѣка, производятъ сильное дѣйствіе на другого.

Что человѣкъ не изъ себя развиваетъ понятія, а получаетъ ихъ изъ внѣшняго міра, это несомнѣнно доказывается множествомъ наблюденій надъ людьми, находившимися въ какихъ-нибудь особенныхъ положеніяхъ. Такъ, напримѣръ, слѣпорожденные не имѣютъ никакого представленія о свѣтѣ и цвѣтахъ; глухіе отъ рожденія не могутъ составить себѣ понятія о музыкѣ. Люди, выросшіе въ лѣсахъ, въ обществѣ животныхъ, безъ соприкосновенія съ людьми, отличаются дикостью и неразвитостью понятій. Иногда эта неразвитость доходитъ почти до совершеннаго отсутствія всякихъ признаковъ разумности, какъ, напримѣръ, у извѣстнаго Каспара Гаузера, этой «неудачной попытки на разумное существованіе», по выраженію одного нѣмецкаго писателя.

То же самое подтверждается наблюденіями надъ дѣтьми, находящимися даже въ нормальномъ состояніи. Въ первое время жизни младенецъ не имѣетъ сознательной дѣятельности. По мнѣнію физіологовъ, онъ даже не чувствуетъ ни боли, ни голода; онъ беретъ грудь матери, но совершенно безсознательно, механически, просто вслѣдствіе извѣстнаго физіологическаго процесса въ его нервахъ. Онъ кричитъ и возится, потому что нервы ощущенія, раздражаясь, передаютъ раздраженіе и нервамъ движенія. Примѣры подобнаго непроизвольнаго движенія обнаруживаются нерѣдко и въ трупахъ, и въ тѣлахъ растительнаго царства. Что же касается до сознанія, то его еще нѣтъ и не можетъ быть въ новорожденномъ дитяти. «Внѣшнія впечатлѣнія,— говоритъ Бокъ (стр. 506),—не производятъ въ младенцѣ ощущеній или боли, потому что органъ ощущенія и сознанія, т.-е. мозгъ, еще неспособенъ къ дѣятельности. Крикъ дитяти происходитъ безъ всякаго сознанія, вслѣдствіе того, что раздраженные чувствительные нервы дѣйствуютъ на нервы органа голоса. Только впослѣдствіи, съ развитіемъ мозга, появляются сознаніе и ощущенія».

Какимъ образомъ, мало-по-малу, происходитъ развитіе сознательной жизни въ человѣкѣ, довольно подробно излагается въ книгѣ доктора Бока, на стр. 521—529. Мы считаемъ нелишнимъ представить здѣсь его главныя положенія.

Появленіе сознательности въ ребенкѣ начинается, по мнѣнію доктора Бока, довольно рано. «Къ сожалѣнію,—говоритъ онъ,—большая часть родителей думаетъ, что разумъ, т.-е. способность мозга чувствовать, мыслить и желать, является не въ младенческомъ возрастѣ, а гораздо позже; поэтому имъ и въ голову не приходитъ, что грудной ребенокъ нуждается уже въ правильномъ воспитаніи». Воспитаніе, предлагаемое докторомъ Бокомъ, вовсе, впрочемъ, не то отвлеченное воспитаніе, о которомъ у насъ хлопочутъ, а діэтическое. Сначала чувства новорожденнаго чрезвычайно тупы, такъ что въ первое время онъ не можетъ отличить даже молока матери отъ самыхъ горькихъ веществъ, и только привычка къ сладкому мало-по-малу научаетъ его различать сладкій и горькій вкусъ. Точно такъ же постепенно, вслѣдствіе привычки къ впечатлѣніямъ извѣстнаго рода, развиваются и всѣ остальныя чувства; слѣдовательно, въ это уже время легко произвесть въ ребенкѣ много привычекъ и потребностей, которыя могутъ впо-

слѣдствіи укорениться въ немъ. Раньше всѣхъ чувствъ появляется у ребенка осязаніе въ губахъ, которыми онъ ищетъ грудь матери; затѣмъ развивается зрѣніе, слухъ и т. д. Въ первый мѣсяцъ жизни глаза дитяти совершенно недѣятельны, а потому и взглядъ у него совершенно безсмысленный и неопредѣленный. На пятой или шестой недѣлѣ ребенокъ начинаетъ уже всматриваться въ окружающіе предметы, вслѣдствіе чего въ мозгу его происходятъ первыя чувственныя впечатлѣнія, т.-е. умственные образы, постепенно все болѣе проясняющіеся. Мало-по-малу они доходятъ до такой степени ясности, что могутъ представляться сознанію ребенка даже и тогда, когда самыхъ предметовъ нѣтъ предъ его глазами. Съ этого начинается дѣятельность способности представленій. Слухъ развивается параллельно съ зрѣніемъ, и оба органа въ развитіи своемъ помогаютъ другъ другу, такъ что, напримѣръ, впечатлѣніе, произведенное на слухъ, заставляетъ уже дитя открыть глаза и смотрѣть въ ту сторону, откуда выходитъ звукъ. На третьемъ мѣсяцѣ жизни въ ребенкѣ уже появляется желаніе схватить видимый имъ предметъ; но при этомъ замѣчается въ немъ полное отсутствіе понятія о разстояніи и величинѣ, равно какъ и неумѣнье употреблять свои мускулы. Ребенокъ протягиваетъ ручонки обыкновенно *мимо* предмета, и если ему дадутъ что въ руки, то онъ не умѣетъ держать. Но мало-по-малу развивается въ немъ и осязаніе. Трехъ мѣсяцевъ дитя начинаетъ уже лепетать, или, какъ говорится, *гулить*. Если ребенокъ часто слышитъ одно и то же слово, соединяемое съ видомъ какого-нибудь предмета, то оба представленія—и названія, и самаго предмета—сближаются въ его головѣ, такъ что, при названіи вещи, онъ можетъ вспомнить ея видъ и понять, о чемъ идетъ рѣчь. Только связь между предметами и порядокъ дѣйствій остаются еще ему чужды; связная рѣчь совершенно непонятна для него. Въ это же время (т.-е. пяти или шести мѣсяцевъ) ребенокъ научается различать ласковый тонъ рѣчи отъ сердитаго. Мѣсяца два спустя въ немъ являются уже темныя представленія и о томъ, въ какомъ порядкѣ и для чего дѣлается то или другое. Достигши такой степени умственнаго развитія, ребенокъ уже пытается самъ говорить; но это умѣнье дается ему раньше или позже, смотря по тому, какъ развиты у него органы движенія. Воля развивается позже всего, уже на второмъ году, когда дитя можетъ бѣгать безъ посторонней помощи, и когда имѣетъ уже запасъ впечатлѣній, достаточный для того, чтобы составлять собственные сужденія и выводы. Изъ этого видно, какъ важны первыя впечатлѣнія, ложащіяся на мозгъ ребенка, для будущаго его характера и дѣятельности. Замѣчено, что дѣти, съ которыми мать или кормилица весело болтала и шутила въ первые мѣсяцы ихъ жизни, получаютъ нравъ добрый и веселый. Многія дѣти, которыхъ долго водили на помочахъ, не позволяя имъ ходить безъ посторонней помощи, навсегда сохраняютъ въ характерѣ нерѣшительность и недовѣріе къ своимъ силамъ. Дѣти, которыя въ первый годъ жизни привыкли только къ пріятнымъ ощущеніямъ, «и отъ которыхъ при первомъ ихъ крикѣ удаляли все непріятное, съ большимъ трудомъ и впослѣдствіи переносятъ неудо-

вольствія и злятся при малѣйшей неудачѣ. Большая часть дѣтей, которыхъ *учатъ* говорить, т.-е. натверживаютъ имъ слова, не показывая самаго предмета, обнаруживаютъ впослѣдствіи большую поверхностность».

Еще большее значеніе имѣютъ внѣшнія впечатлѣнія для дитяти, вступившаго уже въ третій, четвертый годъ жизни. До этого времени, по мнѣнію Бока, можно еще допустить награды и наказанія, даже тѣлесныя, но вовсе не какъ разумную педагогическую мѣру, а единственно въ уваженіе того, что въ дитяти не развиты еще органы разумной дѣятельности, и животная непосредственность преобладаетъ. Такъ, лѣнивая лошадь неутомимо ѣдетъ цѣлую дорогу, если впереди ея ѣдетъ возъ съ сѣномъ; такъ, ѣздокъ пришпориваетъ коня, чтобы онъ бѣжалъ скорѣе. Въ періодъ ранней, почти безсознательной жизни дитяти награды и наказанія допускаются именно въ этомъ смыслѣ. Съ четвертаго года они становятся излишними и замѣняются убѣжденіемъ. По мнѣнію д-ра Бока (ст. 543), «ожиданіе обычной награды за благонравіе можетъ вселить въ дѣтей начала корыстолюбія, продажности, эгоизма». Наказанія, конечно, пугаютъ дѣтей, а «боязнь,—по словамъ Бока (стр. 550),—есть начало трусости, криводушія и подлости». Съ пятаго и особенно шестого года необходимо пріучать дѣтей къ разсужденію и отчетливости во всемъ, что они дѣлаютъ. Поэтому никогда не слѣдуетъ заставлять дѣтей дѣлать то, что превышаетъ ихъ понятія, и въ чемъ они не могутъ ясно убѣдиться при маленькомъ запасѣ своихъ знаній, почерпнутыхъ изъ наблюденія внѣшняго міра. Нужно сколько можно болѣе и правильнѣе упражнять внѣшнія чувства ребенка, чтобы увеличился запасъ впечатлѣній въ его мозгу, и тогда свѣтлые взгляды и сужденія о различныхъ отношеніяхъ предметовъ неизбѣжно явятся въ головѣ его сами собою, набивая же голову ребенка разными понятіями, которыя выше его соображенія, мы производимъ только то, что дитя не можетъ дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ, не можетъ подчинить ихъ своей волѣ и освободиться отъ нихъ. «Многіе воспитатели,—говоритъ докторъ Бокъ,—конечно, думаютъ, что такого рода воспитаніе развиваетъ въ дѣтяхъ благородныя и возвышенныя чувства, но они ошибаются. На дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое, т.-е. образуются не люди съ благородными чувствами, а сантиментальные фантазеры, совершенно негодные въ практической жизни и безполезные себѣ и другимъ» (стр. 551).

Нѣсколько данныхъ, приведенныхъ нами, могутъ, кажется, дать нѣкоторое понятіе о связи нервныхъ и мозговыхъ отправленій съ умственною дѣятельностью человѣка. Несомнѣнные факты ясно показываютъ намъ, что для правильнаго хода и обнаруженія нашей мысли необходимо намъ имѣть мозгъ здоровый и правильно развитый. Слѣдовательно, если мы хотимъ, чтобы *умственная* сторона существа нашего развилась, то не должны оставлять безъ вниманія и физическаго развитія мозга.

Но читателю можетъ еще представляться вопросъ: «что же нужно дѣлать для *нравственнаго* развитія, на которое мозгъ долженъ имѣть

вліяніе не прямое, а посредственное?» На этотъ счетъ мы привели уже мимоходомъ нѣсколько замѣтокъ доктора Бока; но здѣсь можемъ прибавить и еще нѣсколько соображеній. Они очень нехитры, и потому не будутъ продолжительны.

Если слѣдовать старинному (и доселѣ общепринятому) раздѣленію душевныхъ способностей человѣка, то, кромѣ ума, остаются еще чувство и воля. Дѣятельность чувства относится обыкновенно къ сердцу и совершенно освобождается отъ мозга. Мнѣніе это нельзя назвать совершенно основательнымъ. Собственно говоря, сердце въ нашихъ чувствахъ и страстяхъ невиновато нисколько. Все, что мы привыкли приписывать сердцу, зарождается опять-таки все въ томъ же головномъ мозгу. Но отъ мозга идутъ къ сердцу особые *нервы сердца*, которые находятся въ связи со всѣми прочими нервами тѣла; поэтому всякое, сколько-нибудь чувствительное, раздраженіе, гдѣ бы и отъ чего бы оно ни произошло, немедленно сообщается въ головномъ или спинномъ мозгѣ нервамъ сердца и производитъ усиленное его біеніе. Такъ какъ это біеніе для насъ легче замѣтить, чѣмъ дѣятельность мозговыхъ нервовъ, то мы и приписываемъ всякое чувство сердцу. Но что первоначальная причина всякаго чувства,—все-таки, мозгъ, въ этомъ не трудно убѣдиться посредствомъ, напр., такого соображенія. Чувствованія возникаютъ въ насъ вслѣдствіе впечатлѣній, полученныхъ отъ предметовъ внѣшняго міра. Но впечатлѣнія эти только тогда могутъ быть нами сознаны, когда они подѣйствовали на мозгъ. Иначе мы будемъ смотрѣть на предметъ и не видѣть; перерѣзанный нервъ будетъ раздражаемъ всѣми возможными средствами, и мы не будемъ чувствовать боли, потому что нервъ разобщенъ съ мозгомъ. Отсюда очевидно, что всякое чувство, прежде своего отраженія въ сердцѣ, должно явиться въ мозгу, какъ мысль, какъ сознаніе впечатлѣнія, и уже оттуда подѣйствовать на организмъ и проявиться въ біеніи сердца. Слѣдовательно, на чувство надобно опять дѣйствовать посредствомъ мысли. Одни чувства развиваются въ насъ сильнѣе, чѣмъ другія; одни люди чувствуютъ иначе, нежели другіе,—все это такъ. Но причина такого различія вовсе не заключается въ развитіи сердца, этого полаго мускула, выгоняющаго кровь кверху. Причина находится по большей части въ различіи первоначальныхъ впечатлѣній, воспринятыхъ нашимъ мозгомъ. Если человѣкъ съ первыхъ дней дѣтства привыкъ, напримѣръ, слышать постоянно мелодическіе звуки, то естественно, что у него разовьется чувство музыкальное; если въ дѣтствѣ не привыкъ человѣкъ переносить непріятныхъ ощущеній, то понятно, что малѣйшая непріятность выводитъ его изъ себя; если въ ребенкѣ успѣшно старались задерживать свободную дѣятельность мысли, то неизбѣжно родится въ немъ чувство отвращенія къ умственной дѣятельности и т. д. Вообще нужно сказать, что наши дурныя чувства происходятъ непремѣнно вслѣдствіе неполнаго, неправильнаго или совершенно превратнаго воспріятія впечатлѣній мозгомъ. Какъ послѣ сильнаго звука мы уже не слышимъ посредственнаго, но довольно слышнаго звука, или какъ мы ничего не видимъ, внезапно перейдя отъ яркаго освѣщенія въ

мѣсто, слабо освѣщенное, но все же довольно свѣтлое; такъ точно бываютъ подобныя неправильныя воспріятія, а вслѣдствіе того и чувства, и въ предметахъ, прямо относящихся къ нашей духовной дѣятельности. Человѣкъ, привыкшій постоянно получать похвалы, не радъ и даже досадуетъ, когда его хвалятъ меньше обыкновеннаго; тотъ, кто привыкъ къ праздной жизни и мало испытывалъ сильныхъ впечатлѣній, пугается ничтожнаго труда, какъ неисполнимаго; человѣкъ, съ дѣтства привыкшій къ воспріятіямъ сценъ грязныхъ и грубыхъ, наслаждается даже и въ пошломъ кругу, который хоть немножечко поопрятнѣе его прежняго общества. Такимъ образомъ всѣ, дурныя и хорошія, чувства и страсти наши находятся въ полной зависимости отъ степени развитія и отъ здоровья или нездоровья мозга. Развитіе симпатическихъ чувствованій вмѣстѣ съ образованностью и преобладаніе эгоистическихъ при невѣжествѣ извѣстны всякому.

На основаніи этихъ данныхъ можно положительно сказать, что старанія многихъ воспитателей *дѣйствовать на сердце* дитяти, не внушая ему здравыхъ понятій, совершенно напрасны. Результатомъ подобнаго «дѣйствованія на сердце» бываетъ обыкновенно добродушіе по привычкѣ, при совершенной шаткости и безсиліи убѣжденій. Можно рѣшительно утверждать, что только та доброта и благородство чувствованій совершенно надежны и могутъ быть истинно полезны, которыя основаны на твердомъ убѣжденіи, на хорошо выработанной мысли. Иначе — нѣтъ никакого ручательства за нравственность человѣка съ *добрымъ* сердцемъ, а тѣмъ менѣе за полезность его для другихъ: вспомнимъ, что «услужливый медвѣдь опаснѣе врага».

При воспитаніи, слѣдовательно, развитіе чувства является само собою, если только умственныя воспріятія правильны, послѣдовательны и ясны. У дѣтей часто можно замѣчать, какое удовольствіе доставляетъ имъ ясное сознаніе какого-нибудь новаго предмета, новой мысли. Какъ будто какой-то свѣтъ озаряетъ ихъ, глаза ихъ свѣтятся, все лицо какъ будто сіяетъ, они начинаютъ говорить отъ избытка чувства, составляютъ свои соображенія, планы и т. д. Это значитъ, что мысль усвоена ими съ полнотою и ясностью, достаточною для того, чтобы возбудить въ нихъ внутреннее чувство, — и счастливъ учитель, который умѣетъ часто приводить своихъ учениковъ въ такое состояніе. Въ этомъ отношеніи г. Шнелль совершенно справедливо говоритъ (стр. 146): «при обученіи не нужно патетическихъ рѣчей, декламацій и т. д. для того, чтобы мысль дѣйствовала и на чувство ученика. Всякое истинное преподаваніе само по себѣ доставляетъ богатый матеріалъ чувству, потому что познаніе просвѣтляетъ не только умъ, но и сердце, оживляя и радуя его. Познаніе и радость находятся въ ближайшемъ сродствѣ между собою».

Что касается до воли, то она еще болѣе, нежели чувство, зависитъ отъ впечатлѣній, производимыхъ на нашъ мозгъ внѣшнимъ міромъ. Въ наше время уже всякій понимаетъ, что абсолютная свобода воли для человѣка не существуетъ, и что онъ, какъ всѣ предметы природы, находится въ зависимости отъ ея вѣчныхъ зако-

новъ. Кромѣ г. Берви, автора «Физіологическо-психологическаго взгляда», никто уже не можетъ нынѣ сказать, что человѣкъ существуетъ внѣ условій пространства и времени и можетъ по произволу измѣнять всеобщіе законы природы. Всякій понимаетъ, что человѣкъ не можетъ дѣлать все, что только захочетъ, слѣдовательно, свобода его есть свобода относительная, ограниченная. Кромѣ того, самое маленькое размышленіе можетъ убѣдить всякаго, что поступковъ, совершенно свободныхъ, которые бы ни отъ чего, кромѣ нашей воли, не зависѣли, никогда не бываетъ. Въ рѣшеніяхъ своихъ мы постоянно руководствуемся какими-нибудь чувствами или соображеніями. Предположить противное—значитъ допустить дѣйствіе безъ причины.

Собственно говоря, воли, какъ способности отдѣльной, самобытной, независимой отъ другихъ способностей, допустить невозможно. Всѣ ея дѣйствія обусловливаются и даже неизбѣжно производятся тѣмъ запасомъ знаній, какой скопился въ нашемъ мозгу, и той степенью раздражительности, какую имѣли наши нервы. Орудіемъ выполненія нашихъ желаній служатъ нервы движенія, идущіе отъ мозга ко всѣмъ мускуламъ. Поэтому степень развитія мускуловъ также обусловливаетъ нашу дѣятельность. Необходимо также, чтобы нервы мускуловъ были соединены съ мозгомъ; иначе они не будутъ намъ повиноваться, и мы не въ состояніи будемъ произвести движеніе.

Что желанія появляются сначала въ мозгу, доказательствомъ можетъ служить уже одно то, что желанія эти имѣютъ всегда какой-нибудь предметъ, какую-нибудь цѣль. Значитъ, для желанія нужно, чтобы предметъ произвелъ сначала впечатлѣніе на нашъ мозгъ, потому что нельзя же желать того, о чемъ не имѣешь никакого представленія. Далѣе нужно, чтобы впечатлѣніе предмета было пріятное, т. е. успокоительное, а не разрушительное для нашей натуры: какъ все въ мірѣ, человѣкъ стремится только къ тому, что соотвѣтствуетъ его натурѣ въ какомъ-нибудь отношеніи, и отвращается отъ того, что ей противно. Такимъ образомъ, такъ называемая свобода выбора—въ сущности означаетъ именно возможность, существующую въ нашемъ умѣ, сличить нѣсколько предметовъ и опредѣлить, какой изъ нихъ лучше. Здѣсь очень кстати припомнить извѣстный афоризмъ, что «всякій преступникъ есть прежде всего худой счетчикъ». Дѣйствительно, большая часть преступленій и безнравственныхъ поступковъ совершается по невѣжеству, по недостатку здравыхъ понятій о вещахъ, по неумѣнью сообразить настоящее положеніе дѣлъ и послѣдствія поступка; и только немногія безнравственныя дѣйствія совершаются вслѣдствіе твердаго, но ложнаго убѣжденія. По этому можно отличить легкомысленные проступки отъ заблужденій серьезныхъ. Нѣкоторые безнравственные люди оправдываютъ себя, считая свой образъ мыслей справедливымъ и соображая съ ними свои дѣйствія. Но такихъ не слишкомъ много. Большая часть людей совершаетъ проступки всякаго рода потому, что ни о чемъ собственно не имѣетъ опредѣленнаго понятія, а такъ себѣ, колеблется между добромъ и зломъ. Хорошій стихъ нападаетъ, такъ кажется, что вотъ это безнравственно, а другая минута придетъ, такъ, пожалуй, то же

самое и нравственнымъ покажется. Хочетъ человѣкъ выпить рюмку ради стамаха и очень хорошо понимаетъ, что много пить не слѣдуетъ; но для компаніи онъ не откажется выпить еще одну и другую рюмку, и тутъ уже понятія его совершенно переворачиваются. Пока у человѣка есть деньги, и нѣтъ ни въ чемъ нужды, онъ не захочетъ принять какой-нибудь благодарности, считая это безчестнымъ. Но тотъ же самый человѣкъ будетъ, пожалуй, даже напрашиваться на благодарность, ежели нужда горькая придавитъ его. Такъ всѣ взяточники, обманщики, притѣснители, мало-по-малу, пріобрѣтаютъ привычку и достигаютъ нѣкотораго искусства въ своемъ дѣлѣ. Иногда вмѣстѣ съ практикою приходитъ и теоретическое убѣжденіе, съ нею сообразное. Но чаще всего нравственное убѣжденіе остается въ головѣ само по себѣ, въ отвлеченіи, а дѣла идутъ сами по себѣ. Все это—слѣдствіе того, что понятія о нравственности въ головахъ многихъ людей не вырабатываются самобытно, а западаютъ въ голову мимоходомъ, со словъ другихъ, въ то время, когда мы еще и не въ состояніи понять такихъ внушеній. Понятія многихъ людей о нравственности можно сравнить съ нашими понятіями о вредѣ, напримѣръ, куренья табаку, питья чаю, кофе и т. п. Мы всѣ слыхали что-то такое о вредѣ всего этого, но, вѣдь, мало ли что мы слыхали? Ясное и вѣрное сужденіе о томъ, вредны ли табакъ и чай, и въ какихъ случаяхъ вредны,—пріобрѣсти довольно трудно; поэтому мы и довольствуемся слухами, да и о тѣхъ часто забываемъ. Нельзя же за каждой папироской и за каждой чашкой чаю вспоминать медицинскія наставленія, которыя еще, можетъ быть, и несправедливы. Совершенно такъ же многіе забываютъ и о нравственности въ своихъ житейскихъ попеченіяхъ. Вообще произволъ, который столь многіе смѣшиваютъ съ истинной свободой, означаетъ, напротивъ, самую рабскую зависимость человѣка отъ перваго встрѣчнаго впечатлѣнія. Оттого-то дѣти, которыхъ всѣ прихоти безпрекословно исполнялись, несмотря на всю ихъ нелѣпость,—вырастаютъ столь же мало нравственно-свободными, какъ и тѣ дѣти, у которыхъ съ самаго начала жизни подавляемы были всѣ проявленія воли, т.-е. всѣ попытки къ самостоятельному обсужденію предметовъ. Г. Шнелль совершенно справедливо говоритъ объ этомъ (стр. 222):

«Преимущественно должны мы предохранять себя и другихъ отъ произвола. Кто слѣпо слѣдуетъ минутному настроенію духа, кто въ своихъ поступкахъ руководствуется только произволомъ, не подчиняя свою волю высшей власти разума и справедливости, тотъ будетъ или слабымъ, безхарактернымъ человѣкомъ, или притѣснителемъ и тираномъ самого себя и другихъ, и это случается даже съ дѣтьми... Люди жестокіе, мучители человѣчества всѣ воспитываются такимъ образомъ. Это несчастнѣйшіе и опаснѣйшіе люди. Имъ нельзя довѣрить, хотя бы они сами проповѣдывали братство и законную гражданскую свободу, потому что произволъ, служащій рычагомъ всѣхъ ихъ поступковъ, есть также источникъ несправедливости, жестокости и злодѣйства».

Несомнѣнное вліяніе органическаго развитія на умственную и

нравственную дѣятельность человѣка уже очень давно сдѣлалось предметомъ изслѣдованія натуралистовъ. Способъ и самая сущность этого вліянія со дня на день все болѣе объясняются новѣйшими физіологическими изслѣдованіями. Опираясь на эти изслѣдованія, мы уже смѣло можемъ сказать теперь, что естественное, правильное, здоровое развитіе всѣхъ силъ организма гораздо болѣе значитъ для умственной дѣятельности, нежели всевозможныя искусственныя внушенія. Здоровое же состояніе и нормальное развитіе мозга отражаются и на чувствованіяхъ и желаніяхъ нашихъ сильнѣе и скорѣе, нежели всяческія нравоучительныя сентенціи и патетическія тирады, которыя мы заучиваемъ наизусть, большею частью безъ всякаго толку.

Указывая въ этой статьѣ на нѣкоторые результаты физіологическихъ изслѣдованій, мы вовсе не пускались ни въ какія объяснительныя подробности относительно строенія организма вообще, состава и устройства нашего мозга, нервной системы и пр. Мы не хотѣли вводить этихъ подробностей въ статью нашу потому, что онѣ слишкомъ увеличили бы объемъ статьи, а, между тѣмъ, все-таки, не могли бы дать читателямъ, незнакомымъ съ анатоміей и физіологіей, совершенно яснаго понятія о строеніи всего нашего организма: такое понятіе можетъ быть почерпнуто не иначе, какъ изъ книги, спеціально посвященной этому предмету. Между тѣмъ, статья наша написана именно для людей, совершенно незнакомыхъ съ физіологіей; кто хоть сколько-нибудь занимался ею, тотъ не найдетъ здѣсь, вѣроятно, ни одного факта, ни одного положенія новаго... Но и для незнающихъ современнаго положенія физіологіи статья наша не можетъ показаться удовлетворительною, именно по отсутствію подробностей. Строгіе критики замѣтятъ, что, слѣдовательно, вся наша статья безполезна и написана совершенно напрасно. Предупреждая такое заключеніе, мы спѣшимъ оговориться, что вовсе не приписываемъ нашимъ замѣткамъ какого-нибудь особеннаго значенія. Единственная наша цѣль была— пробудить въ читателяхъ, совершенно чуждыхъ естественнымъ наукамъ, хотя нѣкоторый интересъ къ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе публики на двѣ книги, весьма небезполезныя для перваго знакомства съ физіологіей и съ ходомъ человѣческаго развитія. Всѣ анатомическія и физіологическія подробности, которыхъ недостаетъ въ нашей статьѣ, читатель можетъ найти въ «Книгѣ о здоровомъ и больномъ человѣкѣ», доктора Бока, сочиненіи весьма простомъ и популярномъ. Примѣненіе же физіологическихъ началъ къ воспитанію можно найти въ сочиненіи Шнелля, который тоже излагаетъ много полезныхъ и справедливыхъ мыслей, хотя иногда и увлекается кое-какими мечтаніями, въ сущности вовсе ненужными для правильнаго органическаго развитія человѣка.

22. Московскій университетскій благородный пансіонъ

и воспитанники Московскаго Университета, гимназій его, университетскаго благороднаго пансіона и Дружескаго общества. Сочиненіе *Н. В. Сушкова*, вновь исправленное и пополненное.

Съ портретомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго. М. 1858.

«Что ни есть въ печи, все на столъ мечи», говоритъ русская пословица, и хлѣбосольный господинъ Сушковъ держится ея даже до излишества. На бѣду—печь воспоминаній г. Н. В. Сушкова очень обширна: въ ней уже состряпанъ былъ, какъ извѣстно, цѣлый «обозъ къ потомству»; а теперь вновь состряпанъ лексиконъ собственныхъ именъ, бывшихъ когда-нибудь въ спискахъ московскаго университета и университетскаго пансіона, съ краткими отмѣтками автора объ ихъ успѣхахъ на службѣ. Правда, многія изъ нѣсколькихъ сотъ именъ, перечисляемыхъ г. Сушковымъ, пользовались почетной извѣстностью когда-то давно, а теперь уже вкусъ ихъ совершенно утратился. Такія ученыя и литературныя извѣстности, какъ гг. Жихаревъ, Давыдовъ (Иванъ), Шевыревъ, Морошкинъ и пр., не имѣютъ въ глазахъ нынѣшней публики особеннаго блеска. Равнымъ образомъ изящному пиру воспоминаній г. Н. В. Сушкова не дадутъ особеннаго вкуса ни формулярные списки, сообщаемые имъ, ни дружескія восхваленія, въ изобиліи расточаемыя, ни моральныя сентенціи, съ прибавкою идиллическихъ отвлеченностей. Къ счастію, мы можемъ не кушать тѣхъ изъ яствъ, изготовленныхъ г. Сушковымъ, которыя намъ не нравятся. За исключеніемъ ихъ останется, правда, весьма скудная трапеза; но, все-таки, кое-какія крохи еще останутся, если не въ воспоминаніяхъ г. Сушкова, то въ матеріалахъ, къ нимъ приложенныхъ. Приложенія составляютъ болѣе половины книги г. Сушкова и представляютъ замѣчательное разнообразіе. Тутъ находятся и письма Вигеля, Шевырева, Чаадаева, и сочиненіе Антонскаго о воспитаніи, и мнѣніе г. М. Дмитріева о гекзаметрахъ, и слово архимандрита Митрофана, и даже знаменитое въ свое время объявленіе о *полезномъ изобрѣтеніи* дворянина Шенгелидзева. Перебирая всѣ эти приложенія, мы подумали: вотъ у кого бы нашимъ практическимъ юристамъ позаимствоваться искусствомъ притягивать людей къ дѣлу *по прикосновенности!*.. Кажется, зачѣмъ бы письма Вигеля о Гоголѣ и Москвѣ, или «Силотворъ» г. Шенгелидзева приплетать къ воспоминаніямъ о «Благородномъ пансіонѣ»? А нашелся поводъ. Въ старину, дескать, изъ пансіона вышло нѣсколько человѣкъ съ мистическимъ направленіемъ, которые, пожалуй, и отъ алхиміи, и отъ perpetuum mobile не прочь бы; вотъ на нихъ и Шенгелидзевъ похожъ былъ, вслѣдствіе чего и помѣщаются въ приложеніяхъ подъ №№ VI, VII и VIII—разныя объявленія, какія онъ печаталъ о своихъ изобрѣтеніяхъ.

Впрочемъ, всякій въ своемъ добрѣ воленъ, и чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Мы вовсе не хотимъ упрекать г. Сушкова въ плохомъ составѣ

его воспоминаній и приложеній. Мы можемъ, разумѣется, о нѣкоторыхъ предметахъ имѣть другія понятія, нежели г. Сушковъ, можемъ не соглашаться съ нимъ; но это не заставитъ насъ дойти до несправедливаго осужденія всего, что говоритъ г. Сушковъ. Напримѣръ, мы не можемъ не признать высоко-идеальной правды въ афоризмѣ, высказанномъ имъ, что «благія намѣренія никогда не остаются безъ награды» (стр. 31). Такъ точно не можемъ не согласиться съ замѣчаніемъ г. Сушкова, что «упоительно замираетъ юное сердце предъ чтеніемъ своего стихотворенія» (стр. 50). Равнымъ образомъ нельзя не признать справедливыми показаній г. Сушкова о томъ, что Грибоѣдовъ написалъ «Горе отъ ума», что Лермонтовъ хорошо писалъ въ прозѣ и въ стихахъ, что Свиньинъ издавалъ «Отечественныя Записки», Бѣгичевъ написалъ «Семейство Холмскихъ» и пр., и пр.

Но, отдавая полную справедливость афоризмамъ и свѣдѣніямъ г. Сушкова, мы не можемъ, однако, не замѣтить, что въ сужденіяхъ чисто литературныхъ онъ нерѣдко впадаетъ въ ошибки. На это, впрочемъ, нельзя сердиться, потому что ошибка въ фальшь не ставится... Что же дѣлать, если человѣкъ ошибается? Когда онъ молодъ, то нужно вразумить его; а когда старъ, то нужно вразумить молодыхъ людей, указавши имъ, что вотъ, молъ, сей старецъ ошибается. Больше нечего дѣлать. Г. Сушковъ кончилъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ уже 45 лѣтъ назадъ, слѣдовательно старецъ. Поэтому мы его вразумлять не станемъ; но для читающаго юношества замѣтимъ, что увлечься нѣкоторыми ошибками г. Сушкова было бы непохвально. Такъ, г. Сушковъ говоритъ о Милоновѣ: «Талантъ его неоспоримъ. Сочиненія его напечатаны. Всѣ читающіе у насъ читали ихъ» (стр. 79). Послѣднее замѣчаніе, можетъ быть, не совсѣмъ справедливо. Точно такъ же не вполнѣ основательно, можетъ быть, мнѣніе, что «ужъ конечно *ни Дельвигъ, ни Кольцовъ* (!) ничего не написали лучше нѣкоторыхъ пѣсенъ Мерзлякова» (стр. 89). Нельзя также вполнѣ согласиться съ г. Сушковымъ, когда онъ говоритъ, что «одна изъ главнѣйшихъ заслугъ пансіона состояла *въ отдѣлкѣ и развитіи благороднаго письменнаго слога*», и затѣмъ продолжаетъ (стр. 35):

«Тутъ дѣйствовали не одни писатели, а всѣ, подвизавшіеся на службѣ, воспитанники, какъ рѣшительно всѣ грамотные, грамотные въ полномъ значеніи слова: *грамотей*. Ихъ наперерывъ ловили начальства по всѣмъ частямъ: въ сенатъ, въ коллегіи, въ министерства, въ палаты и т. д. И. И. Дмитріевъ, будучи министромъ юстиціи, окружилъ себя ими. Они-то общими силами *очистили, обработали, облагородили, возвысили прежній канцелярскій, судейскій, словомъ приказный, подъяческій языкъ до настоящаго, яснаго, краткаго, литературно-дѣлового слога!*».

Юноши! Не увлекайтесь похвалами почтеннаго старца нынѣшнему канцелярскому слогу, но избѣгайте онаго, помня, что слогъ сей ни кратокъ, ни ясенъ, ни литературенъ!

Подобныхъ воззваній къ юношамъ мы могли бы сдѣлать много, потому что ошибокъ у г. Сушкова—много. Но отвратимъ свои взоры отъ несовершенствъ человѣческихъ и посмотримъ лучше на прекрас-

ную, идеальную личность благодѣтеля, наставника и друга г. Сушкова—А. А. Прокоповича-Антонскаго, изображенную г. Сушковымъ весьма полно и краснорѣчиво.

Антонскій умеръ въ 1848 г. девяностолѣтнимъ старцемъ, исполненный дѣтскаго добродушія, простосердечія и невинности чувствованій. На службѣ онъ былъ 58 лѣтъ, какъ заключаетъ г. Сушковъ изъ того, что у него съ 1835 г. была уже пряжка за 45 лѣтъ. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника былъ онъ съ 1817 года. Послѣдняя награда, полученная имъ въ 1846 г., уже незадолго до смерти, была ему дарована, какъ вице-президенту Московскаго общества сельскаго хозяйства и начальнику земледѣльческой школы. Это былъ орденъ св. Станислава 1-й степени. «И какъ онъ доволенъ былъ этой наградой!» прибавляетъ г. Сушковъ (стр. 65).

Какъ сильно дѣйствовала на любящую душу Антонскаго малѣйшая неисправность по службѣ, какъ близко принималъ онъ къ сердцу всякое замѣчаніе,—доказываетъ одинъ случай, разсказанный г. Сушковымъ.

«Предъ преобразованіемъ пансіона въ гимназію (1830 г.) государь императоръ посѣтилъ его и изъявилъ Антонскому, какъ начальнику, неудовольствіе свое, касательно наружнаго порядка, нестроты въ одеждѣ воспитанниковъ и т. п. Антонскій заплакалъ. Императоръ сказалъ ему успокоительное, ласковое слово». При всемъ томъ тяжелое воспоминаніе объ этомъ случаѣ глубоко запало въ душу семидесятилѣтняго старца, и онъ до конца жизни избѣгалъ говорить объ этомъ (стр. 64).

Замѣчаніе о неисправностяхъ, сдѣланное Антонскому, должно было тѣмъ сильнѣе подѣйствовать на чувствительное сердце его, что онъ во всей своей службѣ отличался рѣдкою аккуратностью и постоянною вѣрностью долгу. Такъ, съ 1795 года, со времени учрежденія цензуры, Антонскій былъ цензоромъ, и «замѣчательно, говоритъ г. Сушковъ (стр. 60), что при всѣхъ перемѣнахъ по цензурѣ, которая то была независима отъ гражданскихъ властей, то была въ завѣдываніи сената, то даже была нѣкоторое время подчинена московской полиціи, изъ множества одобренныхъ имъ, въ теченіе столькихъ лѣтъ, сочиненій или переводовъ на разныхъ языкахъ, изъ всѣхъ всякаго содержанія книгъ, повременныхъ изданій, журналовъ, вѣдомостей, отдѣльныхъ статей, тетрадокъ, листковъ, объявленій и т. д., *никогда ни одна строка не подвергалась замѣчанію правительства!*» Въ самомъ дѣлѣ, это замѣчательно.

Кромѣ обязанностей собственно административныхъ, Антонскій принималъ на себя также весьма много званій ученыхъ и литературныхъ. Онъ былъ профессоромъ энциклопедіи, натуральной исторіи и сельскаго хозяйства; членомъ Временнаго Комитета для составленія ученой россійской исторіи, членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, Общества исторіи и древностей россійскихъ, предсѣдателемъ Общества любителей россійской словесности, вице-президентомъ Обществъ—садоводства и земледѣльческаго. Во всѣхъ этихъ званіяхъ (и еще многихъ другихъ, нами опущенныхъ) онъ выказывалъ, по-сло-

вамъ г. Сушкова, неутомимую дѣятельность и душевное настроеніе, которымъ сопровождалась гражданская дѣятельность Антонскаго. Чтобы дать читателямъ совершенно ясное понятіе объ этомъ добромъ, благодушномъ характерѣ, мы считаемъ не лишнимъ выписать изъ разсказа г. Сушкова слѣдующія краснорѣчивыя строки:

«При всѣхъ многоразличныхъ трудахъ и обязанностяхъ своихъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, словесности, художествъ, государственнаго хозяйства, сельскаго домоводства и, главное, по долголѣтнему воспитанію и образованію двухъ-трехъ поколѣній всѣхъ въ Россіи сословій, Антонъ Антоновичъ не забылъ и службы Богу—попеченія о благолѣпіи дома Господня: онъ радостно принялъ на себя смиренное званіе церковнаго старосты при храмѣ во имя св. Николая Чудотворца (въ Хлыновѣ), въ приходѣ котораго, оставя по разстроенному здоровью пансіонъ, купилъ поземный, скромный о 5 окнахъ съ теремкомъ (мезониномъ) домикъ, ребромъ въ Леонтіевскій переулокъ и крыльцами въ садъ и на дворъ. Внутри старческой обители—чистота, уютность, простота, кругомъ ея каменная ограда, чугунная рѣшетка и львы подъ воротами. Дворъ усыпанъ пескомъ. Садъ опрятенъ, свѣжъ и прохладенъ».

Нужно ли что-нибудь прибавлять къ этой свѣтлой, благоуханной картинѣ?

Послѣднее время жизни маститаго старца, равно и всѣ факты, приводимые г. Сушковымъ изъ его служебной и воспитательной дѣятельности, обнаруживаютъ въ немъ простоту и добродушіе необыкновенное. Антонъ Антоновичъ былъ младенчески-невиненъ въ отношеніи ко всѣмъ такъ называемымъ *высшимъ* вопросамъ, волновавшимъ и волнующимъ людей, которыхъ г. Сушковъ весьма удачно называетъ «совопросниками вѣка сего». Чистая православная вѣра, приверженность къ постановленіямъ своего отечества, умѣренность въ жизни и строгая аккуратность въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей—вотъ въ чемъ протекали жизнь Антонскаго и его общественное служеніе. Нѣкоторые изъ людей, потерявшихъ вѣру въ безкорыстіе человѣческое, удивлялись, по замѣчанію г. Сушкова, откуда при всѣхъ этихъ качествахъ взялось состояніе Антонскаго? Г. Сушковъ весьма точно и ясно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, доказывая, что Антонскій, несмотря на свое добродушіе, вовсе не чуждѣ былъ оборотливости, смѣтливости и умѣнія извлекать честныя выгоды изъ своего достоянія. Это обстоятельство еще болѣе возвышаетъ Антонскаго въ глазахъ людей благомыслящихъ, показывая, что онъ вовсе не былъ изъ числа какихъ-нибудь наивныхъ мечтателей, которые, увлекаясь своими мечтами, считаютъ излишнимъ заботиться о своихъ житейскихъ дѣлахъ и потому вѣчно остаются бѣдняками, не умѣя ни нажить, ни пріумножить своего состоянія. Не таковъ былъ Антонскій, человѣкъ практическій, хозяинъ и прібрѣтатель. Вотъ что говоритъ о немъ г. Сушковъ:

«Мнѣ случалось иногда слышать обидный вопросъ: откуда взялось состояніе Антонскаго? Объясню, откуда. Съ 1782 (т.-е. съ того времени, когда онъ поступилъ казеннымъ студентомъ въ универ-

ситетъ), по 1848 г., въ теченіе 66 лѣтъ строго-умѣренной жизни, немудрено составить нѣкоторый капиталъ. Антонъ Антоновичъ, съ 1782 по 1824 г., пользовался казеннымъ помѣщеніемъ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ; Дружеское Общество содержало его вначалѣ, потомъ онъ получалъ жалованье и пособія по разнымъ должностямъ; а между тѣмъ пускалъ въ обороты и сбереженія свои и присылаемыя ему деньги родителями его. Призанявъ къ своему капиталу 10,000 руб. у одного изъ своихъ пріятелей (В. А. Жуковскаго), онъ купилъ деревню въ такое время, когда ревизская душа была цѣнима въ 75 р. ас.; уплативъ изъ доходовъ деревни свой долгъ, по временамъ прикупалъ продаваемыя въ опекунскомъ совѣтѣ имѣнія, вновь выплачивалъ долгъ, вновь занималъ, вновь прикупалъ, и такимъ образомъ, при постоянной бережливости, разсчетливости и оборотливости, оставилъ наслѣдникамъ своимъ *честное стяжаніе труда и хозяйства* [1])—нѣсколько сотъ крестьянъ, домикъ въ Москвѣ и, можетъ быть, капиталъ, а вѣроятнѣе долги на имѣніи» (стр. 55).

Такимъ объясненіемъ г. Сушковъ не только оправдалъ память своего благодѣтеля и пѣстуна (такъ называетъ онъ Антонскаго), но и показалъ новую сторону его характера, бывшую, вѣроятно, неизвѣстною читающей публикѣ. Будучи до конца жизни другомъ Антонскаго, г. Сушковъ имѣлъ возможность знать о немъ многое, недоступное другимъ, и потому его воспоминанія объ Антонѣ Антоновичѣ имѣютъ важное значеніе. Интересно, что статью, изъ которой мы почерпнули всѣ, приведенныя выше, подробности, г. Сушковъ читалъ самому Антонскому, незадолго до его смерти; добродѣтельный старецъ прослезился послѣ чтенія статьи и сказалъ: «Благодарю! Я знаю, что вы всегда любили меня; но не зналъ, что такъ сильно-то любите! Только ужъ это послѣ смерти моей будетъ напечатано». Сколько трогательнаго добродушія и наивной скромности въ этихъ словахъ!..

Характеръ отношеній Антонскаго къ г. Сушкову, отличавшійся добродушной патріархальностью и вмѣстѣ строжайшимъ соблюденіемъ общественныхъ и служебныхъ приличій, выразился весьма хорошо въ одной коротенькой его запискѣ, приводимой г. Сушковымъ въ предисловіи (стр. XI). Въ именины г. Сушкова Антонскій посылаетъ ему свой портретъ и пишетъ своему воспитаннику и другу слѣдующее:

«По желанію вашего превосходительства, съ удовольствіемъ посылаю свой обликъ. Онъ уже, отъ старости и дряхлости, ненаряденъ, но съ душею, исполненной къ вамъ любви и уваженія.

Душевно преданный

А. Антонскій».

Г. Сушковъ немедленно отвѣчалъ на это: «не сумѣю выразить

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

всѣхъ чувствъ радости и благодарности за драгоцѣнный подарокъ вашего превосходительства» и проч.

Съ тѣмъ же характеромъ является намъ Антонскій и въ сочиненіи своемъ «О воспитаніи», *приложенномъ* также къ книгѣ г. Сушкова. Всѣ его идеи направлены къ тому, чтобы сдѣлать молодыхъ людей мудрыми и добродѣтельными. Въ указаніи средствъ для этой цѣли и въ опредѣленіи нѣкоторыхъ частностей Антонскій, конечно, дѣлаетъ ошибки, свойственныя его времени. Кромѣ того, много встрѣчается у него общихъ мѣстъ (которыя, впрочемъ, тогда могли быть и не общими); но есть и нѣсколько мыслей, до сихъ поръ не потерявшихъ своей справедливости и свѣжести. Такова, напр., его мысль, что дитя съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни надо пріучать къ самостоятельному разсужденію, и что это разсужденіе «такъ сказать, съ млекомъ матернимъ должно быть всасываемо дѣтьми» (Прил. стр. 96). Таково мнѣніе о вліяніи естественныхъ и математическихъ наукъ, которыя, «пріучая дѣтей не довольствоваться простыми вѣроятностями и правдоподобіями и заставляя во всемъ искать достаточныхъ и убѣдительныхъ причинъ, укрѣпляютъ разсудокъ и дѣлаютъ его основательнымъ» (стр. 100). Точно также хороши въ сущности мысли о томъ, какъ воспитатель долженъ дѣйствовать на сердце своего питомца, — хотя онѣ и изложены нѣсколько идиллически (стр. 104). Но нельзя не замѣтить ошибочности взгляда Антонскаго на исторію, по которому весь ходъ исторіи является слѣдствіемъ «ухищренія и коварства страстей человѣческихъ». «Неизъяснима польза исторіи, говоритъ онъ (стр. 99). Благоразумный наставникъ все употребитъ въ свою выгоду: онъ дастъ почувствовать воспитаннику своему, какъ страсти человѣческія ухищрялись и коварствовали во всѣ времена, во всѣхъ странахъ, у всѣхъ племенъ; какъ ниспровергали онѣ троны и начальства, премѣняли судьбу народовъ, преносили владычество отъ языка въ языкъ и какъ, содѣйствіемъ ихъ, подобно какъ содѣйствіемъ сокровенныхъ пружинъ, производились подъ солнцемъ тѣ великія явленія, тѣ неизъяснимыя происшествія, кои часто слѣпое невѣдѣніе приписывало слѣпому случаю». Такой взглядъ нельзя не назвать нѣсколько одностороннимъ, равно какъ и мнѣніе Антонскаго о вредѣ посылки молодыхъ людей за границу. Полный патріотическихъ чувствованій, престарѣлый воспитатель утверждаетъ, что намъ въ чужихъ земляхъ нечего искать, нечему удивляться, нечему учиться. Несмотря на ложность основной мысли, способъ доказательства, употребленный Антонскимъ, весьма любопытенъ и дѣлаетъ большую честь патріотизму его. Вотъ что говоритъ онъ (стр. 112—113):

«И чего искать намъ въ странахъ чуждыхъ? Богатства природы?— Россія преизбыточествуетъ ея сокровищами. Произведеній рукъ человѣческихъ?—Россія въ нѣдрахъ своихъ имѣетъ многочисленные тому памятники, на коихъ рѣзецъ безсмертія въ нетлѣнныхъ чертахъ изобразилъ имена сыновъ ея».

«Чему удивляться намъ за предѣлами своего отечества?—Могущество и слава Россіи поставляютъ ее наряду съ первыми государ-

ствами. Благоденствію народовъ? — Изъ отдаленныхъ странъ текутъ искать его подъ сѣнію державы Россійской».

«Чему учиться намъ у иноплеменныхъ? Любви къ отечеству, преданности къ Государямъ, приверженности къ законамъ? — Вѣки свидѣтельствуютъ, что сіе всегда было отличительною чертою великодушныхъ Россіянъ. Средствамъ, руководящимъ къ просвѣщенію ума, къ образованію сердца, къ воспитанію?—Возведемъ окрестъ очи наши и узримъ повсюду въ отечествѣ своемъ открытые къ тому безчисленные способы».

«Съ тѣхъ временъ, какъ жизнодательный свѣтъ христіанства озарилъ сѣверъ, и мракъ язычества исчезъ, съ тѣхъ временъ Россія зрѣла въ Монархахъ своихъ Соломоновъ, къ коимъ изъ чуждыхъ странъ притекали вѣнценосцы внимать ученію мудрости и добродѣтели, зрѣла Августовъ и Авреліевъ, благодѣющихъ своему народу и неусыпно пекущихся о его просвѣщеніи».

Практическая дѣятельность Антонскаго въ дѣлѣ воспитанія вѣрна была общему характеру его жизненныхъ воззрѣній. Онъ постоянно имѣлъ въ виду приготовить вѣрныхъ слугъ Государю и отечеству, и къ этой главной цѣли старался приспособить весь курсъ воспитанія и ученія. Такъ, въ пансіонѣ введены были, между прочимъ, артиллерія, фортификація, архитектура, ученіе ружьемъ и пр. для того, чтобы пансіонскіе воспитанники равно готовы были поступить потомъ въ какую угодно службу, по словамъ г. Сушкова, «военную или статскую, придворную или гражданскую, ученую или дипломатическую, горную или морскую». Въ воспитаніи также обращалось вниманіе на исполнительность, аккуратность, повиновеніе. Главные пороки, подвергавшіе наказанію, были—лѣность, невѣжливость, неряшество, упрямство, вспыльчивость, позднее возвращеніе послѣ праздника изъ отпуска». Наказанія же и награды состояли главнымъ образомъ въ перемѣнѣ мѣстъ. Чувство соревнованія, столь необходимое для успѣховъ въ службѣ, было въ высшей степени развито у воспитанниковъ пансіона, благодаря стараніямъ Антонскаго, который самъ такъ высоко цѣнилъ честь и отличіе. По словамъ г. Сушкова, «въ классахъ почиталось большою наградою пересѣсть выше, съ одного конца скамьи на другую или съ нижняго конца скамьи на верхній, или хоть на нѣсколько человѣкъ подвинуться впередъ. А стать первымъ или изъ первыхъ между товарищей—значило возбудить всеобщее въ нихъ къ себѣ уваженіе». И это было не только въ классахъ, но и въ комнатахъ воспитанниковъ. Въ комнатахъ не было выше награды, какъ стать первымъ или изъ первыхъ по списку. Другого рода отличіе было въ пансіонѣ—наблюденіе лучшихъ учениковъ надъ товарищами. Старшіе въ горницѣ наблюдаютъ за товарищами, со всѣми правами надзирателя. Результаты этихъ мѣръ, по мнѣнію г. Сушкова, были превосходны; и дѣйствительно, въ числѣ воспитанниковъ благороднаго пансіона, перечисляемыхъ г. Сушковымъ, мы видимъ такихъ, на которыхъ, очевидно, произвели свое дѣйствіе эти мѣры соревнованія.

Общая цѣль заслужить похвалу и расположеніе высшихъ своей

исполнительностью и аккуратностью постоянно ставилась на видъ воспитанникамъ пансіона. Такъ, въ общихъ наставленіяхъ малолѣтнимъ и взрослымъ воспитанникамъ читается между прочимъ слѣдующее изложеніе учебныхъ обязанностей «для всегдашняго памятованія». Малолѣтнее дитя должно разсуждать (стр. 60):

«Прежде всего я попрошу Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ все вытверживать и помнить; въ классѣ буду сидѣть смирно, учтиво; безъ спроса и позволенія не встану никогда съ мѣста; буду слушать и примѣчать, что говоритъ мой учитель, и ежели спроситъ меня, постараюсь отвѣчать исправно. Прекрасно! скажетъ онъ, и всѣ товарищи на меня посмотрятъ. Какъ тогда мнѣ будетъ весело! У меня все будетъ въ порядкѣ: перо очинено, чернильница чиста, тетради сшиты и написаны, какъ надобно. Учитель и за то меня похвалитъ, подпишетъ мнѣ: хорошо, дастъ лучшее мѣсто и скажетъ всѣмъ: вотъ прилежный ученикъ! такъ-то и вы дѣлайте!»

Такъ предписывается разсуждать малолѣтнему. Для взрослаго тѣ же самыя наставленія представляются уже въ другой формѣ. Самыя же начала и побужденія остаются тѣ же, какъ и должно было ожидать отъ Антонскаго, который самъ до глубокой старости руководился тѣми стремленіями, какія внушалъ своимъ воспитанникамъ. Вотъ наставленіе взрослымъ воспитанникамъ:

«При начатіи ученія не забывайте никогда съ дѣтскою простотою возносить мыслей и желаній своихъ къ Высочайшей Премудрости, да возбудитъ и оживитъ всѣ способности ваши къ принятію сѣмянъ истины. Во все продолженіе онаго храните ненарушимо *благоустройство*, *тишину*, *вниманіе*, *скромность*, *повиновеніе*, *благопристойность и учтивость*. Приходите на мѣсто, наукамъ посвященное, безъ разсѣянія, съ надлежащею готовностью; содержите всѣ учебныя свои вещи въ цѣлости и порядкѣ. Сіе послужитъ вамъ вмѣстѣ и къ тому полезному навыку, что вы, въ какомъ ни будете состояніи и званіи, *точностію и исправностію сдѣлаете всегда честь и украшеніе своей должности*» (стр. 61—2).

Какія широкія, жизненныя идеи воспитанія! Какая дальновидная заботливость не только о внутреннемъ развитіи воспитанника, но и о будущихъ внѣшнихъ успѣхахъ его служебной дѣятельности! Неудивительно, что воспитанники, собиравшіе плоды наставленій Антонскаго, такъ любили своего наставника!

Въ книгѣ г. Сушкова есть еще много интересныхъ вещей, рисующихъ намъ воспитаніе благороднаго пансіона. Но нельзя же все выбрать; пора и остановиться и перейти къ другимъ предметамъ.

---

23. Михайло Васильевичъ Ломоносовъ.

Черты изъ его жизни. Сочиненіе *В. Новаковскаго*. Чтеніе для юношества. С.-Петербургъ. 1858 г.

Сочиненіе г. Новаковскаго не лишено занимательности для молодыхъ читателей, незнакомыхъ съ исторіей русской литературы.

Точка зрѣнія автора на значеніе Ломоносова довольно вѣрна. Г. Новаковскій представляетъ Ломоносова какъ даровитаго простолюдина, одушевленнаго необыкновенной, горячей любовью къ познаніямъ и, наконецъ, сдѣлавшагося замѣчательнымъ ученымъ. О поэтическомъ талантѣ Ломоносова, о высокопарныхъ его одахъ, широковѣщательныхъ трагедіяхъ, неконченной поэмѣ и т. п. почти ничего не говорится. Гораздо болѣе вниманія обращено авторомъ на труды Ломоносова, какъ физика и химика. Это совершенно справедливо и благоразумно. Но не столь справедливо невниманіе къ заслугамъ Ломоносова для русскаго языка и стиха. Объ этомъ можно бы сказать нѣсколько побольше, чѣмъ простое упоминаніе, что «сочинилъ, дескать, онъ также грамматику и реторику». Тутъ представлялся автору случай высказать нѣсколько полезныхъ мыслей объ изученіи отечественнаго языка, сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ историческихъ измѣненіяхъ, происходившихъ въ русскомъ языкѣ и слогѣ, и т. п. Такія замѣчанія, прямо относящіяся къ дѣлу, были бы, конечно, гораздо полезнѣе для молодыхъ читателей и лучше были бы ими приняты, нежели тѣ моральныя сентенціи, которыя г. Новаковскій вставляетъ по временамъ въ свой разсказъ. Напр., говоря о томъ, что у Ломоносова книгъ не было, онъ обращается къ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ и говоритъ: что, вѣрно, Ломоносовъ, если-бъ теперь жилъ, сталъ бы ходить въ Публичную Библіотеку, гдѣ такъ много полезныхъ книгъ,—вѣрно, онъ съ радостью сталъ бы тамъ заниматься. Говоря о томъ, что Ломоносовъ скучалъ плохимъ ученьемъ въ Заиконоспасской Академіи, авторъ прибавляетъ, что вотъ еслибъ тогда Московскій университетъ былъ, то ужъ Ломоносовъ учился бы тамъ съ упоеніемъ. Разсказывая о вызовѣ учениковъ изъ Москвы въ Академическую гимназію, г. Новаковскій считаетъ необходимымъ замѣтить, что были глупые мальчики, которые не хотѣли ѣхать учиться, но Ломоносовъ-де стоялъ выше ихъ и самъ туда просился. Всѣ подобныя заплатки на разсказъ непріятно поражаютъ живыми нитками, которыми онѣ пришиты. На мальчиковъ подобныя наставленія дѣйствуютъ очень неблагопріятно. Надобно представить самое дѣло такъ, чтобы у нихъ при чтеніи разсказа возбуждалась любовь къ хорошему. А если ужъ нѣтъ на это искусства, то лучше вовсе оставить нравственныя претензіи и ограничиться простымъ разсказомъ. Можно удовольствоваться и тою пользою, какую пріобрѣтутъ мальчики, получивши довольно подробныя свѣдѣнія объ одномъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей русскаго просвѣщенія. Жаль только, что во многихъ мѣстахъ книжки г. Новаковскаго слишкомъ ясно проглядываетъ *сочиненіе*. Въ біографическомъ очеркѣ странно встрѣтить разсказъ о томъ, что думалъ Ломоносовъ, оставшись одинъ въ своей комнатѣ, и какъ онъ заливался слезами вслѣдствіе своихъ размышленій. Такія вещи позволительны только тогда, когда мы имѣемъ подробную автобіографію описываемаго лица, или когда вмѣсто біографіи хотимъ составить что-нибудь въ родѣ историческаго романа. Можетъ быть, г. Новаковскій и имѣлъ отчасти въ виду послѣднее обстоятельство, но въ художественномъ отношеніи разсказъ его ниже всякой посредственности. Ло-

моносовъ, какъ человѣкъ, съ своимъ характеромъ, страстями, недостатками, своими отношеніями къ обществу, вовсе не рисуется въ этомъ разсказѣ. Напротивъ, видно даже желаніе представить Ломоносова какимъ-то идеаломъ, что не мало вредитъ самой естественности и жизненности разсказа.

---

24. Объ училищахъ и учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи вообще, а о первомъ народномъ училищѣ въ особенности.

Н. Лебедева. С.-Петербургъ, 1858.

Обозрѣніе всѣхъ учебныхъ заведеній въ Россіи, съ замѣтками объ ихъ историческомъ развитіи и о нынѣшнемъ устройствѣ, можетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе для исторіи просвѣщенія въ Россіи вообще. Какое капитальное значеніе можетъ имѣть подобная книга, достаточно показываетъ сочиненіе г. Воронова объ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, принадлежащее, какъ извѣстно, къ числу замѣчательныхъ пріобрѣтеній русской ученой литературы. Поэтому мы не безъ любопытства раскрыли книжку г. Лебедева, желая знать, что успѣлъ онъ сказать объ училищахъ въ Россіи—*вообще* и *въ особенности*—на 60-ти страничкахъ. Изъ предисловія автора мы узнали, что цѣль его состояла въ томъ, чтобы «выяснить любопытные вопросы: кто сначала изъ русскихъ князей-правителей, потомъ изъ царей и наконецъ изъ императоровъ посѣявалъ сѣмя просвѣщенія въ управляемой ими Россіи? въ которомъ году? въ какихъ городахъ?» Для этой цѣли г. Лебедевъ разсматриваетъ учрежденія на пользу просвѣщенія въ Россіи по двумъ довольно странно сочиненнымъ имъ періодамъ: *первый*—отъ основанія монархической власти, т.-е. отъ 1462 г., до нашихъ временъ, и *второй*—отъ начала Россіи до 1462 г. На чемъ основано такое дѣленіе, мы не знаемъ.

Начинается перечень училищъ по годамъ, съ 1462 г., на основаніи такихъ источниковъ: «Начертаніе русской исторіи» Кайданова, Погодина и Устрялова, «Хронологическія таблицы» Ольдекопа, «Россія» Булгарина и т. п. Разумѣется, пропуски и ошибки являются на каждой страницѣ. Напр., учрежденіе «Смольнаго Монастыря», вмѣсто 1764 г., отнесено къ 1770; Екатерининскій Институтъ въ Петербургѣ показанъ, вмѣсто 1798, подъ 1797 г., а о Московскомъ Екатерининскомъ Институтѣ (1803 г.) ничего не сказано. Въ 1796 г. показано «Учрежденіе въ г. Дерптѣ университета»; кому же неизвѣстно, что Дерптскій университетъ основанъ еще Густавомъ-Адольфомъ (1632 г.), и что при императорѣ Александрѣ I-мъ происходило преобразованіе его,—и то было не въ 1796, а въ 1802 г... Основаніе Инженернаго Училища, вмѣсто 1804 г., отнесено къ 1811, Медико-Хирургической Академіи, вмѣсто 1799 г.—1808 и т. д. Вотъ что значитъ полагаться на Кайданова и Булгарина въ исторіи.

На этихъ же авторитетахъ основываетъ г. Лебедевъ свое рѣшеніе вопроса о годѣ учрежденія *перваго* училища въ Россіи. Этого года,

говоритъ г. Лебедевъ, «ни одинъ изъ историковъ не указалъ»; но онъ, на основаніи таблицы Ольдекопа и «Россіи» Булгарина, рѣшаетъ, что это было въ 1038 г.

Интересно также, что между училищами въ книжкѣ г. Лебедева упоминаются «Библейское Общество», «Общество любителей словесности» и т. п. Неужели г. Лебедевъ считаетъ ихъ учебными заведеніями?

---

25. Ариѳметика для дѣвицъ,

составленная *В. Михельсономъ*. Изданіе второе. С.-Петербургъ, 1858.

Чѣмъ ариѳметика для дѣвицъ должна отличаться отъ ариѳметики для мальчиковъ? Сущность математическихъ истинъ одна и та же для всѣхъ; разница, слѣдовательно, должна заключаться въ способѣ ихъ представленія. Въ этомъ отношеніи для дѣвицъ нужно болѣе конкретности, чѣмъ для мальчиковъ: нужно опредѣленій и правилъ—сколько можно меньше; примѣровъ, задачъ—сколько можно больше. Затѣмъ, отъ дѣвицы нужно болѣе, чѣмъ отъ мальчика, добиваться того, чтобы она *сама* вывела правило изъ примѣровъ и задачъ, разрѣшенныхъ ею при помощи учителя. Это потому, что на память чиселъ у дѣвочки менѣе можно полагаться, чѣмъ у мальчика. Въ то время, какъ у мальчика разсудокъ тотчасъ самъ собою является на помощь памяти, у дѣвочки постоянно въ дѣло памяти мѣшается воображеніе. При обученіи дѣвочекъ вообще, и въ особенности при обученіи ихъ положительнымъ знаніямъ, нужно имѣть въ виду преимущественно возбужденіе разсудка и правильное развитіе дѣятельности воображенія. Конкретное обученіе помогаетъ и тому и другому: воображеніе имѣетъ матеріалъ въ частныхъ представленіяхъ, а разсудокъ возбуждается и укрѣпляется самостоятельнымъ отыскиваніемъ общаго значенія частныхъ примѣровъ. Прочитавши заглавіе «Ариѳметика для дѣвицъ», можно подумать, что г. Михельсонъ именно имѣлъ въ виду эти простыя положенія, которыя не могутъ быть неизвѣстны человѣку, берущемуся за составленіе учебника. Посмотримъ, какъ г. Михельсонъ исполнилъ свою задачу—составить ариѳметику *именно для дѣвицъ*.

Начинается его ариѳметика опредѣленіями—величины, числа, единицы, ариѳметики и т. д. Всѣ эти безполезныя вещи видали мы и въ ариѳметикахъ для мальчиковъ. Далѣе идетъ «словесное счисленіе», въ которомъ объясняется, что счетъ у насъ начинается съ одного, а затѣмъ идутъ два, три, четыре и т. д. до трилліона. Это нововведеніе въ ариѳметикѣ, заимствованное изъ старинныхъ грамматикъ, которыя начинались перечисленіемъ буквъ, составляющихъ русскую азбуку. Послѣ *словеснаго* счисленія идетъ *письменное*—цифрами арабскими, римскими и славянскими. Мы желали бы знать, отчего именно дѣвочкамъ необходимо начинать ариѳметику съ того, чтобы выучиться произносить 205.079.304.615.043, число, написанное г. Михельсономъ на стр. 9? Или онъ думаетъ, что теперь, когда мальчи-

ковъ отъ этой безполезной работы уже избавили, нужно передать ее дѣвочкамъ: пусть, дескать, и онѣ помучатся!..

Выучивши дѣвочекъ произносить и писать билліоны, г. Михельсонъ начинаетъ первыя четыре дѣйствія надъ *простыми* числами. Съ мальчиками нынѣ начинаютъ обыкновенно съ именованныхъ чиселъ, потому что на первой степени обученія и для мальчиковъ конкретность необходима почти въ такой же степени, какъ и для дѣвочекъ. Но г. Михельсонъ полагаетъ, что для дѣвочекъ этого не нужно, и потому начинаетъ съ простыхъ, т.-е. *отвлеченныхъ* чиселъ, давая при томъ такія правила: «При дѣленіи простыхъ чиселъ должно сперва написать дѣлимое, потомъ дѣлителя—отдѣляя его отъ дѣлимаго вертикальною чертою. Подъ дѣлителемъ пишутъ частное, отдѣляя частное отъ дѣлителя горизонтальною чертою. Съ лѣвой стороны дѣлимаго отдѣляютъ столько цифръ, чтобы отдѣленное число было болѣе дѣлителя» (т.-е. если дано раздѣлить 1234 на 2,—то нужно отдѣлить 123, потому что 123 болѣе дѣлителя?) и т. д. Спрашивается, отчего же вызубрить все это лучше идетъ дѣвочкамъ, нежели мальчикамъ?

Вся ариѳметика полна старинной рутины. Дроби начинаются съ простыхъ, а потомъ изложены десятичныя; въ началѣ всего стоитъ приведеніе дробей къ одному знаменателю, а затѣмъ уже сложеніе и вычитаніе ихъ. Далѣе слѣдуютъ, разумѣется, правила тройное, товарищества, смѣшенія. Какъ вещь, особенно необходимая для дѣвицъ, прибавлены главы о процентахъ и банкахъ, объ учетѣ векселей и объ акціяхъ. Но изложеніе этихъ предметовъ весьма кратко и недостаточно. Несмотря на всѣ эти недостатки ариѳметики для дѣвицъ, мы благодарны г-ну Михельсону и за то, что онъ, сколько намъ извѣстно, первый у насъ возымѣлъ мысль написать особое руководство для женскихъ учебныхъ заведеній. Мы знали автора какъ отличнаго преподавателя[1]) и увѣрены, что онъ не напечаталъ бы второго изданія своей ариѳметики, не внесши въ него значительныхъ улучшеній.

---

26. Забавы для дѣтей перваго возраста.

Переводъ съ нѣмецкаго. Карлсруэ, 1857. 12 стр.

Дѣтскія игры для дѣтей перваго возраста.

Переводъ съ нѣмецкаго. Карлсруэ, 1857.

Мысль издателя этихъ книжекъ заслуживаетъ одобренія. Онъ имѣлъ, кажется, въ виду—передать дѣтямъ первыя понятія объ очертаніяхъ, цвѣтахъ, величинахъ и другихъ существенныхъ свойствахъ предметовъ, часто встрѣчающихся въ домашнемъ быту. Мысль эта имѣетъ основаніе весьма разумное. Опредѣленности и отчетливости дѣтскихъ понятій много вредитъ то, что окружающіе предметы обыкновенно не возбуждаютъ въ нихъ надлежащаго вниманія. Ребенокъ

[1]) Г. Михельсонъ умеръ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

видитъ около себя различныя вещи, слышитъ различные разговоры; привыкаетъ самъ различать названія предметовъ, по привычкѣ не ошибается и въ ихъ практическомъ употребленіи; но во всемъ этомъ нѣтъ сознательности, а потому нѣтъ и надлежащей связи и отчетливости. Оттого многія дѣти бываютъ не въ состояніи описать предметъ, имъ хорошо извѣстный, не умѣютъ опредѣлить даже приблизительно— величины, цвѣта, фигуры вещи и т. п. Учить всему этому, конечно, нѣтъ особенной надобности; надобно только чаще и продолжительнѣе останавливать вниманіе ребенка на предметахъ для того, чтобы они сколько возможно яснѣе и точнѣе запечатлѣлись въ его сознаніи. Пособить такому наглядному обученію желалъ, какъ видно, издатель названныхъ нами книжекъ. Въ «Забавахъ для дѣтей» находится восемь картинокъ, и при каждой изъ нихъ по страницѣ текста. Текстъ— въ стихахъ (плохихъ, разумѣется) и заключаетъ въ себѣ описаніе, или—точнѣе—перечень предметовъ, изображенныхъ на картинкѣ. Напр., на картинкѣ изображенъ десятокъ разныхъ животныхъ; десять стиховъ, относящихся къ ней и названныхъ: «*много шума*»,— говорятъ:

«Гусь гогочетъ, левъ рычитъ,
Воетъ волкъ и быкъ мычитъ» и проч.

Въ «Дѣтскихъ играхъ»—та же цѣль. Разница только въ томъ, что стихи подписаны здѣсь прямо подъ картинками, изображающими сцены изъ дѣтскихъ игръ.

Если бы все это хорошо было исполнено, то нельзя было бы не порадоваться за весьма хорошее явленіе въ дѣтской литературѣ. Но, отдавая полную справедливость основной мысли издателя, мы должны сказать, что исполненіе ея крайне неудачно. Чтобы не портить дѣла наглядаго обученія, чтобы съ пользою дополнять его по картинкамъ, необходимо давать дѣтямъ картинки хорошія, по крайней мѣрѣ, такія, въ которыхъ бы предметы изображены были вѣрно и ясно. Въ «Дѣтскихъ играхъ» и въ «Забавахъ для дѣтей» этого нѣтъ. Грубый, вовсе не отчетливый рисунокъ и излишество яркихъ цвѣтовъ замѣняютъ здѣсь вѣрность изображеній. Небрежность въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что даже въ картинкѣ, называющейся: «различные цвѣта», нарисована какая-то синеватосизая кошка, какихъ никогда не бываетъ,—хотя въ стихѣ, сюда относящемся, и говорится: кошка *пестренькая* (и отчего же непремѣнно пестренькая?). Тутъ же говорится: *синенькій* цвѣтокъ фіалка, а на рисункѣ изображенъ какой-то *лиловый*. А, между тѣмъ, картинка назначена именно для того, чтобы научить ребенка различать цвѣта!

То же нужно сказать и о самыхъ очертаніяхъ. Не говоря уже о томъ, что на картинкахъ и знающему человѣку трудно отличить волка отъ лисы и собаки, серну отъ козы, голубя отъ жаворонка,— многія животныя изображены такъ, что въ рисункѣ совершенно исчезаетъ характеръ породы. Какой угодно натуралистъ не угадаетъ, напр., жука, кузнечика, мышь, представленныхъ въ книжкѣ. Поэтому для ребенка указывать животныхъ по такимъ рисункамъ будетъ не только безполезно, но даже вредно.

Кромѣ того—и самый текстъ нехорошъ (не говоря уже о томъ, что онъ состоитъ изъ несноснѣйшихъ виршей). Составитель его потерялъ изъ виду цѣль книжки и вдругъ заговариваетъ съ дѣтьми (которымъ еще нужно показывать цвѣта и измѣренія самыхъ обыкновенныхъ предметовъ)—о верблюдахъ, крокодилахъ, казуарахъ и пр. Еслибъ въ книжкѣ были описанія этихъ животныхъ и картинки были получше, то еще это куда бы ни шло. Но въ текстѣ, какъ мы уже сказали, упоминается только названіе каждаго предмета; а картинки таковы, что поневолѣ пожелаешь, чтобы ребенокъ лучше вовсе не имѣлъ представленія о казуарѣ и львѣ, нежели бы воображалъ ихъ такими, каковы они тутъ нарисованы.

Нельзя также оставить безъ вниманія неестественности и пустоты общаго содержанія книжекъ. Опредѣленія предметовъ взяты большею частью случайныя, соединеніе ихъ безтолково. Напр., говорится: низка рѣшетка, домъ великъ, высоко дерево... какъ будто нѣтъ низкихъ деревьевъ, высокихъ рѣшетокъ и маленькихъ домовъ! Въ числѣ предметовъ, находящихся въ комнатѣ, находятся, между прочимъ, мѣхи, крыло и щетка. Гдѣ же они помѣщены на картинкѣ? Щетка—возлѣ стола, мѣхи—подъ столомъ, а крыло—недалеко отъ стола—на воздухѣ! Въ текстѣ же упоминается:

Съ кувшиномъ и стаканомъ щетка.

На картинкѣ, къ счастью, такой «щетки съ кувшиномъ и стаканомъ» не оказывается.

Разсказы въ «Дѣтскихъ играхъ» также неудачны. Для примѣра можно привести первый. На одномъ листкѣ изображено пять картинокъ. На первой представлена дѣвочка,—неизвѣстно, живая ли или кукла,—подписано:

Дитя собралося гулять,
Оставя куклу дома ждать.

На второй—видна векша на сукѣ большого дерева возлѣ дома; подписано:

Сказало векшѣ: „чтобъ на дворъ,
Смотри, не забрался къ намъ воръ“.

На третьей картинкѣ два ворона сидятъ, но подпись гласитъ, что они летятъ:

Два ворона летятъ ужъ въ домъ,
Чтобъ куклу унести тайкомъ.

Четвертая картинка изображаетъ собаку; вверху, на высокомъ сукѣ дерева, векша; наконецъ, изображена собака, бросающаяся на птицъ, и подписано:

Собачка намъ, какъ другъ, вѣрна:
Прогнала вороновъ она.

Едва ли подобные разсказы могутъ быть полезны для развитія въ дѣтяхъ правильныхъ понятій о предметахъ и простого, естественнаго взгляда на жизнь.

27. Праздничные досуги.

Разсказы для дѣтей, украшенные 7-ю хромолитографированными картинками. Издалъ учитель *А. Петерсенъ*. С.-Петербургъ. 1857 г.

Книжка не даромъ названа «Праздничными досугами»: въ ней постоянно дѣйствіе происходитъ въ праздникъ. Общій мотивъ вотъ какой: бѣдный мальчикъ не хотѣлъ въ праздникъ идти къ своей должности пасти деревенское стадо. Но мать послала его, говоря, что только его трудомъ можетъ поддерживаться бѣдное семейство. Мальчикъ пошелъ. Вдругъ на стадо напалъ волкъ, овцы побѣжали, пастухъ также; волкъ гонится за ними. Бѣжали, бѣжали они—и выбѣжали наконецъ на поляну, на которой богатый папенька гулялъ съ своими дочками. При видѣ незнакомыхъ, хорошо одѣтыхъ людей, жадный звѣрь, т.-е. волкъ,—пріостановился (такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ авторъ разсказовъ), началъ робко осматриваться и, наконецъ, мало-по-малу отступать. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что волкъ удралъ обратно въ лѣсъ, а богатый папенька съ милыми дочками отправились къ бѣдному мальчику въ хижину и облагодѣтельствовали все семейство. Мораль изъ этого, разумѣется, вывести довольно трудно: хотѣлъ ли авторъ сказать, что не надобно по праздникамъ ходить въ лѣсъ, чтобы волки не съѣли, или что надобно стадо пасти для того, чтобы богатаго папеньку съ дочками встрѣтить. Судя по общей мысли, господствующей во всей книгѣ, кажется—скорѣе послѣднее. Во всѣхъ почти разсказахъ авторъ старается доказать нравоучительными разсказами, въ родѣ приведеннаго нами, что и праздничные досуги надобно употреблять на полезные труды: у него постоянно къ трудящемуся бѣдному ребенку подходитъ богатая гуляющая дѣвочка или мальчикъ и разсыпаетъ благодѣянія. Теперь маленькое неудобство состоитъ только вотъ въ чемъ: бѣдное дитя трудится,—и, все-таки, оно бѣдное; богатое дитя гуляетъ—и, все-таки, оно богатое. Къ чему же ведетъ такая мораль? Мы боимся, чтобы одинъ изъ маленькихъ читателей разсказовъ г. Петерсена не отвѣтилъ словами изъ извѣстнаго анекдота о чадолюбивомъ отцѣ, побуждавшемъ сына вставать раньше.

---

28. Стихотворенія для дѣтей

отъ младшаго до старшаго возраста, расположенныя въ двадцати двухъ отдѣлахъ.

Сочиненіе. *Б. Федорова*. Спб. 1858. 2 части.

Дѣти, разумѣется, должны идти за взрослыми: у взрослыхъ книжки стихотвореній десятками появляются; надобно и дѣтямъ дать стихотворенія. Г. Борисъ Федоровъ позаботился о томъ, чтобъ надѣлить дѣтей всякими стихотвореніями, и произвелъ ихъ—пятьсотъ (*ихъ*, т.-е.

стихотвореній, а не дѣтей). Такая плодовитость поистинѣ изумительна. Не менѣе изумительно и разнообразіе дѣтскаго таланта г. Федорова. Онъ пишетъ: басни для дѣтей, Эзоповы басни, картины природы, молитвы дѣтей, семейные разговоры, дѣтскіе привѣты, дѣтскія игры и забавы, шарады, омонимы, повѣсти и разсказы для дѣтей, историческіе анекдоты, отечественныя воспоминанія, наконецъ, стихи на разные случаи. У г. Федорова на все есть стихи: ни одинъ цвѣточекъ не ушелъ изъ-подъ его стихотворнаго пера; всякую птичку описалъ онъ въ стихахъ; полководцевъ русскихъ поднялъ на ноги, философовъ древнихъ потревожилъ,—ничто не ускользнуло отъ него:

На все онъ отвѣтилъ стихами своими,
Что даже не проситъ отвѣта.

Но мы не удивились бы до такой степени разнообразію таланта г. Федорова, если бы въ немъ не проявлялась, вмѣстѣ съ тѣмъ, непостижимая предупредительность. Не говоря уже о дѣтскихъ играхъ, урокахъ и пр., г. Федоровъ предвидѣлъ почти всѣ возможные случаи семейной жизни и на каждый написалъ стихотвореніе. Напр., можетъ случиться, что дѣдушка вашихъ дѣтей ослѣпнетъ; какой тогда «*привѣтъ*» сказать ему? Г. Борисъ Федоровъ сочинилъ два привѣта дѣтей дѣдушкѣ, потерявшему зрѣніе. Можетъ случиться, что вы возвращаетесь изъ похода, и дѣти должны васъ встрѣтить: что́ они вамъ скажутъ? Г. Федоровъ и на этотъ случай сочинилъ два дѣтскихъ привѣта родителю, возвратившемуся изъ похода. Кромѣ того, онъ сочинилъ отдѣльныя стихотворенія для поздравленій съ праздникомъ, съ новымъ годомъ, съ ангеломъ, при поднесеніи вѣнка, прописи, васильковъ, дѣтскихъ трудовъ и пр. Неоцѣненная услуга для дѣтей! Какъ бы хорошо было, если бы наши «поэты для взрослыхъ» тоже послѣдовали примѣру г. Федорова и сочинили бы для родителей-то поздравительные стишки къ нужнымъ лицамъ! Право, лучше бы было, чѣмъ пересмѣивать-то все. А то, что́ хорошаго: только разладъ въ общественной жизни выходитъ. Пока мы малы, такъ и держатъ насъ нравственно,—стишки г. Федорова даютъ учить, поздравленія заученныя говорить родителямъ и пр. А какъ вырастемъ, такъ тутъ и пойдетъ фанаберія всякая: тутъ ужъ не то, что поздравительные стишки знатной особѣ поднести, а просто расписаться въ пріемной на листочкѣ, такъ и то иной разъ не каждый праздникъ исполняемъ... Къ чему же тогда и въ дѣтствѣ учили насъ? Зачѣмъ и маленькимъ давали поздравительные стишки заучивать? Не затѣмъ ли дѣлали все это, чтобъ приготовить изъ насъ скромныхъ и почтительныхъ гражданъ? А вотъ вамъ и успѣхи!.. Да и какихъ же успѣховъ ждать, когда ужъ нынче во всѣхъ школахъ хрестоматія Галахова употребляется, въ которой нѣтъ ни одного поздравительнаго стихотворенія,—хоть бы для образца,—и даже никакого стихотворенія г. Федорова нѣтъ, а помѣщены,—стыдно сказать, а грѣхъ утаить,—отрывки изъ Гоголя, который, какъ извѣстно, смѣялся надъ всѣмъ этимъ. Да и вся литература-то за нимъ пошла. Поди теперь, замани нашихъ поэтовъ, чтобы они благонравные стишки написали! Хоть прибей,—не напишутъ! Въ надзвѣздный эоиръ всѣ ударились,—оттого и вѣтеръ въ головѣ ходитъ. Впрочемъ, *же-*

лающіе изъ родителей могутъ утѣшиться: стихи г. Федорова и для нихъ годятся. Переставивши одно, много два слова, легко можно ихъ обратить, вмѣсто родителей, къ какому угодно лицу. Вотъ, напр., поздравленіе маменькѣ съ новымъ годомъ. Съ измѣненіемъ двухъ словъ оно можетъ имѣть слѣдующій, весьма, кажется, приличный видъ:

«Я съ новымъ годомъ поздравленье
Вамъ, генералъ, принесть спѣшу
И чувствъ сердечныхъ выраженье,
Какъ даръ любви, принять прошу.
Въ сей день, всегда одно и то же
Намъ говорятъ, лаская насъ;
Но поздравленій всѣхъ дороже—
Поцѣловать въ плечо мнѣ васъ».

«Поздравленіе дѣдушкѣ со днемъ ангела или рожденія» можетъ быть обращено къ какой угодно особѣ, при измѣненіи одного только слова. Вотъ оно:

«Къ вамъ, начальникъ [1]), мы стремимся
Подъ хранительную сѣнь,
И душевно веселимся,
Что послалъ намъ Богъ сей день!
Боже вѣчный, милосердый!
Богъ отрады и любви!
Вѣкъ его продли, Всещедрый!
Дни его благослови!
Добродѣтельную старость
Подкрѣпи для счастья намъ:
Пусть онъ, видя нашу радость,
Съ нами радуется самъ!»

Когда войдутъ въ повсемѣстное употребленіе стихотворенія г. Федорова, посмотрите, какъ подвинется общественная нравственность!

Кромѣ поздравленій, г. Федоровъ сообщаетъ дѣтямъ и полезныя свѣдѣнія въ стихахъ. Напримѣръ, у него есть цѣлая ботаника съ риѳмами. «Васильки», «Иванъ да Марья», «Лимонъ», «Гортензія», «Ясминъ», «Клубника», «Душистый горошекъ»,—да и пошелъ; каждое стихотвореніе носитъ названіе цвѣтка, и всѣхъ-то штукъ до пятидесяти. Положимъ, что они всѣ другъ на друга очень похожи, во всѣхъ говорится все больше о цвѣтѣ да объ ароматѣ, но все-таки пятьдесятъ штукъ стихотвореній изъ ботаники — это не шутка!.. Попотѣешь за ними порядочно, хоть какой будь плодовитый поэтъ... А все вѣдь для того, чтобы научить дѣтей, что есть на свѣтѣ лимонъ да клубника.

Мало того: патріотическія чувствованія вдыхаетъ въ дѣтей г. Федоровъ, и для того заставляетъ ихъ пѣть «Пѣсню Уральцевъ», «Ка-

---

[1]) Г. Федоровъ замѣчаетъ, при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, что нарицательныя слова могутъ, въ случаѣ надобности, быть замѣнены собственными, напримѣръ: вмѣсто дочери можетъ быть Сашенька, Катенька и пр. Такъ и мы замѣтимъ, что здѣсь, вмѣсто начальникъ, можно поставить, напримѣръ: Петръ Юрьевичъ, Нилъ Карпычъ, или измѣнить такъ: къ вамъ, Степанъ Ильичъ, стремимся; или: Сидоръ Карпычъ! къ вамъ стремимся, и т. п.

зацкую славу» и т. п. Зато миленькій Сережа, идеалъ благонравнаго мальчика, и восклицаетъ у него (ч. I, стр. 122):

«Хочу гвардейцемъ быть или молодцомъ гусаромъ,
Иль съ пикой казакомъ лихимъ!..»

Что касается нравственности, то, полагаемъ, нечего и говорить о совершенствахъ ея въ стихотвореніяхъ г. Федорова. Для показанія ея достаточно выписать... что́ бы выписать?.. Ну, хоть оглавленіе второго отдѣла второй части:

«Галлерея дѣтскихъ портретовъ: прилежный Николенька, лѣнивая Катенька, попечительный Юрій, безпечный Левушка, бережливая Наденька, неряха Юленька, воздержный Яшенька, лакомка Параша, умная Лизанька, плакса Митюша, шалунья Таня, благоразумная Дуняша, благонравный Алеша, негодяй Павлуша, благочестивая Оленька, легкомысленная Машенька, баловень Ванюша, маленькій живописецъ Васенька, милосердная Эмилія, жестокій Андрюша».

Не правда ли, какія плутарховскія пары! И какая превосходная система: изображать порокъ рядомъ съ противоположною ему добродѣтелью! Считаемъ ненужнымъ замѣчать, что добродѣтель, конечно, вездѣ награждается, а порокъ достойно наказывается г. Федоровымъ.

Цѣна за пятьсотъ стихотвореній г. Федорова—два рубля! Необыкновенно дешево! Покупайте, имѣя въ виду особенно то, что поздравленія дѣтскія могутъ пригодиться и взрослымъ,—для нужныхъ особъ.

---

29. Всеобщая древняя исторія въ разсказахъ для дѣтей.

Сочиненіе *Анастасіи Деревицкой*. Три части. Спб. 1858 г. in 16⁰ 134, 153, 121 стр.

Кромѣ стихотвореній г. Федорова (которыя, впрочемъ, тоже годятся больше для взрослыхъ), у насъ вовсе нѣтъ хорошихъ книгъ для дѣтей, особенно по части исторіи. Поэтому мы обрадовались появленію книжекъ г-жи Деревицкой, надѣясь, что онѣ хоть сколько-нибудь восполнятъ этотъ ощутительный недостатокъ. Къ сожалѣнію, надежды наши не оправдались. Въ трехъ тощенькихъ книжкахъ разгонистой печати, которыя легко могли бы умѣститься въ одномъ небольшомъ томикѣ, г-жа Деревицкая разсказываетъ дѣтямъ *всю* древнюю исторію, со всѣми ея замѣчательностями, начиная отъ сотворенія міра и оканчивая паденіемъ западной римской имперіи. Разсказы г-жи Деревицкой рѣшительно нельзя рекомендовать для дѣтскаго чтенія. Главнѣйшіе недостатки, вредящіе этой книгѣ, вотъ какіе: во-первыхъ—отсутствіе всякаго взгляда на ходъ историческихъ событій; во-вторыхъ—неумѣнье выбирать факты для дѣтей интересные и полезные; въ третьихъ—сбивчивость изложенія вообще, и въ-четвертыхъ—неумѣнье говорить съ дѣтьми.

Нѣкоторые, можетъ быть, удивятся, что мы требуемъ отъ дѣтской книжки выраженія какого-нибудь взгляда на историческія событія;

но это требованіе совершенно естественно и законно. Дѣтская книжка, особенно историческая, необходимо должна имѣть какой-нибудь характеръ. Мы вовсе не хотимъ сказать, что тутъ нужно вводить разсужденія объ историческомъ прогрессѣ, объ идеяхъ, управлявшихъ событіями извѣстнаго времени, объ отдаленныхъ причинахъ и послѣдствіяхъ каждаго событія. Всѣхъ этихъ разсужденій должно даже тщательно избѣгать въ дѣтскомъ разсказѣ; но, тѣмъ не менѣе, всѣ эти разсужденія непремѣнно должны ясно и твердо сложиться въ головѣ автора такъ, чтобы они непремѣнно отразились и въ самомъ простомъ разсказѣ. Можно бы, напримѣръ, не пускаясь въ разсужденія, чрезвычайно просто и занимательно объяснить дѣтямъ начало и причины Персидскихъ войнъ. Но г-жа Деревицкая вотъ какъ приступаетъ къ разсказу о нихъ (стр. 79, часть I):

«Аристидъ оказалъ немало заслугъ (т.-е. услугъ) своему отечеству. Одной изъ самыхъ важныхъ можно почесть ту, когда Мильтіадъ и Аристидъ посланы были съ многочисленнымъ войскомъ противъ персовъ, у которыхъ царствовалъ Дарій, третій царь послѣ Кира. Предводителемъ безчисленнаго персидскаго войска былъ Датисъ», и проч.

Далѣе уже идетъ разсказъ о Марѳонской битвѣ. Персидскія войны такимъ образомъ внезапно падаютъ дѣтямъ, какъ снѣгъ на голову.

Представимъ еще примѣръ. Имѣя сколько-нибудь ясное понятіе объ устройствѣ римской республики, о положеніи классовъ народа, объ общемъ характерѣ событій послѣднихъ временъ республики, неужели нельзя было очертить законодательную и общественную дѣятельность Гракховъ живымъ и понятнымъ для дѣтей образомъ? Что же находимъ у г-жи Деревицкой? Она говоритъ только (стр. 100—102, 2 ч.), что «когда Римъ возвышался извнѣ, внутри его были раздоры между патриціями и плебеями; главнымъ виновникомъ этихъ раздоровъ былъ старшій изъ Гракховъ, Тиверій». Затѣмъ разсказанъ анекдотъ о матери Гракховъ, считавшей своихъ дѣтей лучшею своей драгоцѣнностью, и потомъ идетъ слѣдующее:

«Старшій сынъ Корнеліи Тиверій былъ человѣкъ сострадательный къ бѣднымъ, помогалъ имъ, и *потому*—всѣ богатые въ Римѣ сдѣлались его врагами. (Какая полезная логика для дѣтей: *помогалъ* бѣднымъ и потому вооружилъ противъ себя богачей!). *Однажды*, когда на *одномъ* изъ народныхъ сходбищъ онъ, *безъ всякаго намѣренія*, поднялъ руку выше головы, враги и недоброжелатели истолковали этотъ неумышленный его поступокъ въ худую сторону. Утверждая, что этимъ онъ *желалъ доказать*, что хочетъ быть *коронованнымъ (?!)*, они произвели *мятежъ*, въ которомъ Тиверій былъ убитъ».

О Каѣ Гракхѣ говорится, что онъ велъ жизнь простую, *уединенную*, сдѣлалъ много полезнаго «и даже ввелъ нѣсколько новыхъ узаконеній». Все это заключается тѣмъ, что «Кай былъ убитъ въ одномъ возмущеніи народа противъ сенаторовъ, которые, зная его всегдашнее заступничество за плебеевъ, заранѣе обрекли его на погибель». Такого разсказа нельзя не назвать крайне жалкимъ, и нельзя думать, чтобъ онъ былъ интересенъ для дѣтей, не говоря уже о полной своей безполезности.

Вообще, всѣ лица древней исторіи вышли у г-жи Деревицкой безличны, безхарактерны, безцвѣтны. Одни не имѣютъ никакихъ отличительныхъ признаковъ, другіе служатъ скучными олицетвореніями нравственныхъ сентенцій. Даже Александръ, даже Цезарь являются въ разсказахъ г-жи Деревицкой въ какой-то странной неопредѣленности. Мы уже не говоримъ о такихъ промахахъ, какой сдѣлала г-жа Деревицкая, говоря, напр., о Драконѣ. На стр. 51 она называетъ его «человѣкомъ строгой честности и обширнаго ума»; на слѣдующей же страницѣ, говоря о строгости его законовъ, замѣчаетъ, «если малые проступки наказывать смертью, то большихъ существовать не можетъ»,—такъ мыслилъ и говорилъ Драконъ. Это странное заключеніе доказываетъ отсутствіе всякаго человѣческаго чувства и здраваго разсудка». Представьте себѣ положеніе дѣтей, которымъ говорятъ, что Драконъ былъ человѣкъ обширнаго ума и не имѣлъ здраваго смысла... Вотъ вамъ и взглядъ на историческія личности.

Вслѣдствіе недостатка твердыхъ и ясныхъ понятій объ исторіи г-жа Деревицкая обнаруживаетъ весьма мало искусства въ выборѣ предметовъ разсказа. Неужели разсказъ о безпрерывно повторяющихся походахъ и битвахъ, изложенныхъ вяло и съ обиліемъ собственныхъ именъ,—интереснѣе для дѣтей, нежели картина мирнаго устройства народа, изложеніе обычаевъ, законодательства, изобрѣтеній, промышленности и т. п. А, между тѣмъ, въ разсказахъ г-жи Деревицкой нѣтъ ничего ни объ образованности и законодательствѣ Египта, ни о законахъ Персіи, ни объ изобрѣтеніяхъ и торговлѣ финикіянъ, ни о литературѣ Индіи. Не разсказаны ни походы аргонавтовъ, ни Троянская война, ни исторія Одиссея,—тогда какъ о Нинѣ, Семирамидѣ, Сезострисѣ помѣщены довольно подробные, хотя и не совсѣмъ связные разсказы. Исторія персидскаго царства совсѣмъ выпущена изъ виду, и даже въ разсказѣ о Кирѣ не сказано, какъ онъ сдѣлался царемъ персидскимъ. Въ римской исторіи, какъ мы уже отчасти видѣли, любопытнѣйшія вещи разсказываются въ общихъ словахъ, и это до того доходитъ, что, напр., разсказъ о второй Пунической войнѣ оканчивается тѣмъ, что «карѳагеняне должны были согласиться на невыгодныя для нихъ мирныя условія». Болѣе ничего о нихъ не сказано. Да еще мало того: во многихъ случаяхъ мнѣнія г-жи Деревицкой довольно оригинальны. Такъ, напр., она говоритъ, что римляне несправедливо и жестоко поступили съ Югуртою, восхищается геніемъ Адріана и т. п.

То, что́ есть въ разсказахъ г-жи Деревицкой, изложено съ удивительной сбивчивостью, нескладно, непослѣдовательно, точно первые опыты ученика, начинающаго писать. Въ образецъ мы могли бы привести разсказъ о нападеніи галловъ на Римъ, но боимся длинной выпиской утомить читателей. Сказавши, что римляне скрылись въ капитолій, г-жа Деревицкая говоритъ: «въ это время въ капитоліи былъ Камиллъ». Затѣмъ идетъ извѣстный анекдотъ объ учителѣ фалисковъ, предававшемъ дѣтей (въ разсказѣ учитель названъ *Фалеріемъ*; извѣстно, что *городъ* осажденныхъ назывался *Фалеріи*, а имя учителя неизвѣстно). Потомъ, тотчасъ же, говорится, что при нападеніи гал-

ловъ Камиллъ жилъ въ Ардеѣ и съ ардеянами явился къ Риму и прогналъ враговъ. «Несмотря на то, продолжается затѣмъ, Камиллъ былъ изгнанъ неблагодарными римлянами». Далѣе,—удивительная вещь,—говорится о томъ, какъ галлы подступали къ капитолію, по скалѣ, «путь къ которой, вѣроятно, галлы замѣтили въ то время, когда туда взбирался посланный *отъ нихъ* (отъ галловъ) воинъ къ Камиллу». Послѣ этого разсказывается, что римляне вспомнили объ изгнанномъ Камиллѣ и послали въ капитолій, чтобы получить согласіе соотечественниковъ на его возвращеніе. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ анекдотовъ и сентенцій, говорится о явленіи Камилла на помощь Риму. Во всемъ разсказѣ господствуетъ путаница необыкновенная. Въ такомъ родѣ многіе разсказы.

Хороши также многія изъ отдѣльныхъ фразъ. Напримѣръ (стр. 8, ч. I), о пирамидахъ говорится: «онѣ такъ древни, что въ настоящее время никто не можетъ понять ихъ назначеніе». О Ромулѣ и Ремѣ говорится, что иные думаютъ, что ихъ кормила волчица; другіе же писатели повѣствуютъ, что женщина, спасшая малютокъ, называлась Волчица, *а такъ какъ слово Lupa по-латыни значитъ волчица, то послѣдняя догадка вѣроятнѣе* (стр. 33). Воля ваша, а это даже безграмотно.

Ошибокъ въ историческихъ фактахъ немало. Напримѣръ, разсказано объ Энеѣ и Дидонѣ, хотя извѣстно, что между ними триста лѣтъ разстоянія, и что Виргилій выдумалъ всю эту исторію. «Энеида» названа *поэмою о Дидонѣ!* Нума Помпилій называется *царемъ Сабинскимъ* до избранія въ цари римскіе. Разсказывается небывалая исторія о томъ, какъ Гармодій убилъ Пизистрата, а сынъ его Гиппій домогался престола *казнями*, но ничего не достигъ и долженъ былъ бѣжать, и т. п.

Расположены разсказы г-жи Деревицкой въ строго-хронологическомъ порядкѣ. Такъ, напримѣръ, послѣ Кира слѣдуетъ Конфуцій, затѣмъ Тарквиній Гордый, потомъ марѳонская битва, далѣе Брутъ, Ксеркъ и т. д. Есть даже разсказы подъ такимъ заглавіемъ: «Антонинъ, Китай, Маркъ Аврелій». И дѣйствительно, послѣ Антонина, неизвѣстно съ какой стати, говорится о Китаѣ, а потомъ опять о Маркѣ Авреліи.

Съ моральными сентенціями г-жа Деревицкая безпрерывно обращается къ дѣтямъ. И хороша мораль. Въ одномъ мѣстѣ она внушаетъ имъ «воздерживаться отъ крѣпкихъ и горячительныхъ напитковъ», въ другомъ говоритъ (стр. 104): «сила воли, храбрость и терпѣніе должны быть главными качествами всякаго гражданина; но истина и справедливость еще достойнѣе—это двѣ самыя высокія добродѣтели немногихъ людей». Итакъ, главное для всякаго храбрость и сила, а истина и справедливость для немногихъ. Хороши уроки исторіи въ разсказахъ г-жи Деревицкой!

30. Всемірная исторія.

Урокъ и отдыхъ домашней наставницы. Съ картинками. Отдѣленіе первое. Древняя исторія, составл. *Е. Соколовой*. М. 1858 г.

«Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ»—по русской пословицѣ въ одно время съ исторіей г-жи Деревицкой является еще «Всемірная исторія» г-жи Соколовой. Радуйтесь, дѣти! Ваша литература обогащается полезными произведеніями: г. Федоровъ пишетъ для васъ стихотворенія, которыя могутъ впослѣдствіи и на службѣ пригодиться; г-жа Деревицкая предостерегаетъ васъ отъ горячительныхъ напитковъ и воодушевляетъ къ силѣ и храбрости; г-жа Соколова даетъ вамъ всемірную исторію, замѣчая, что она, какъ и всѣ науки, и даже въ томъ числѣ *пиитика* (Господи, что это за наука? Неужели г-жа Соколова училась въ семинаріи?) выводитъ насъ, какъ въ сумерки проселочныя дороги, на одну полосу свѣта, т.-е., между прочимъ, «къ смиренному сознанію человѣческаго ничтожества». Это—хорошее сознаніе; для него стоитъ учиться всѣмъ наукамъ, даже и пиитикѣ... Особенно въ служебномъ отношеніи оно должно быть выгодно; да и вообще въ сношеніяхъ съ людьми смиренное сознаніе своего ничтожества должно быть недурно...

Впрочемъ, книжка г-жи Соколовой, почти равняясь твореніямъ г. Федорова и г-жи Деревицкой въ отношеніи философскихъ взглядовъ на жизнь и науку, превосходитъ, однако-же, всеобщую исторію г-жи Деревицкой въ послѣдовательности, полнотѣ и связности изложенія. Въ одномъ томикѣ ея находится гораздо болѣе историческихъ свѣдѣній, лучше расположенныхъ и разсказанныхъ, нежели въ *трехъ* частяхъ г-жи Деревицкой. А, между тѣмъ, историческіе уроки г-жи Соколовой прерываются еще *отдыхами*. Отдыхи эти составляютъ нововведеніе, довольно оригинальное. Видите ли,—Миша и Клавдинька учатся вмѣстѣ и пишутъ историческій журналъ, въ которомъ записаны ихъ уроки изъ исторіи. Затѣмъ одни отдыхаютъ, и описывается, что́ они дѣлаютъ во время отдыха. Такъ и раздѣляется вся книжка г-жи Соколовой. Сначала идетъ глава, подъ названіемъ: урокъ 1-й, а потомъ глава, съ заглавіемъ: отдыхъ первый; затѣмъ опять урокъ и опять отдыхъ, всѣхъ ихъ по 21-му. Отдыхи не дурны, и ихъ, можетъ быть, прочтутъ дѣти не совершенно безъ пользы, хотя они и написаны языкомъ, не слишкомъ правильнымъ и съ причудами, нѣсколько излишними. Но зачѣмъ къ этимъ отдыхамъ приложены уроки, состоящіе изъ вопросовъ и отвѣтовъ, мы рѣшительно не понимаемъ,—развѣ г-жа Соколова издастъ потомъ ключъ къ употребленію своей книжки. Что дѣти писали свои уроки въ тетрадкѣ, это возможно; но неужели нужно издавать въ свѣтъ, что́ дѣти пишутъ въ своихъ тетрадкахъ, да еще подъ руководствомъ посредственнаго учителя, преданнаго старой рутинѣ? Можетъ быть, г-жа Соколова хотѣла дать своей книжкѣ значеніе учебника; но тогда незачѣмъ было прибавлять сюда отдыхи. Кромѣ

того, тетрадки Миши и Клавдіи представляютъ учебникъ крайне плохой. [Дѣти не умѣютъ еще хорошенько выражаться по-русски, не умѣютъ составить общаго понятія о событіяхъ, а такъ, на скорую руку записываютъ то, что слышатъ отъ своей наставницы. Зачѣмъ же навязывать другимъ ихъ маранье?

Чтобъ показать, какъ плохо умѣютъ дѣти говорить по-русски и какъ мало соображаютъ значеніе словъ, приведемъ первый вопросъ и отвѣтъ перваго урока:

Вопросъ. Опредѣли мнѣ значеніе исторіи?

Отвѣтъ. Исторія есть описаніе происшествій, случившихся въ свѣтѣ отъ сотворенія первыхъ людей до нашихъ временъ.

Прежде всего—что это за манера начинать изученіе исторіи съ ея опредѣленія? Нужно ли это для порядочнаго учебника? Ну, да это ужъ къ винѣ учителя относится; дѣти тутъ не виноваты. А вотъ ихъ вина: развѣ слова: «опредѣли мнѣ значеніе исторіи» составляютъ вопросъ? Какой же это вопросъ? Это просто приказаніе. Далѣе—отвѣтъ на quasi-вопросъ вовсе нейдетъ къ нему. Слѣдовало отвѣчать: *значеніе* исторіи состоитъ въ томъ-то и томъ-то; а дѣти отвѣчаютъ: «исторія есть...» Въ вопросѣ предполагается, что они уже знаютъ, что такое исторія; отъ нихъ требуется, чтобъ они опредѣлили, какое она имѣетъ значеніе. Хорошо и опредѣленіе сущности исторіи: «она есть описаніе происшествій» и пр. Да въ такомъ случаѣ и «дневникъ происшествій», печатаемый въ полицейской газетѣ, долженъ цѣликомъ войти во всемірную исторію... И вотъ съ такою-то основательностью написана вся книга; стоило ли издавать эти дѣтскія тетрадки?..

---

31. Приключенія маленькаго барабанщика,

или гибель французовъ въ Россіи въ 1812 г. Изданіе М. Эттингера. Спб., 1858 г.

На оберткѣ этой книжки выставлено другое заглавіе: «Русскій барабанщикъ 1814 г.», и передъ настоящимъ заглавіемъ помѣщена картинка, къ которой приложено объясненіе, разсказывающее, что въ сраженіи подъ Парижемъ «Русскій барабанщикъ, находясь въ головѣ колонны, не переставалъ бить, доколѣ прострѣленный въ грудь не упалъ, но и тогда, поднятый и несомый двумя прусскими егерями, продолжалъ бить до самой смерти». Судя по заглавію и по объясненію, мы подумали сначала, что это одна изъ тѣхъ воинственныхъ дѣтскихъ книгъ, которыя сколачиваются разными сочинителями для возбужденія будто бы патріотическихъ чувствъ въ дѣтяхъ. Здравая педагогика не можетъ одобрить подобныхъ поддѣлокъ подъ патріотизмъ потому, что онѣ обыкновенно возбуждаютъ въ дѣтяхъ только чувства восхищенія блестящимъ мундиромъ и трубными звуками, искажаютъ естественныя чувства кротости и любви къ ближнему и даже мѣшаютъ расположенію дѣтей къ занятіямъ наукою. Поэтому мы съ сильнымъ предубѣжденіемъ принялись за «маленькаго барабанщика». Къ счастію, мы совершенно ошиблись: книжку эту можно рекомен-

довать для дѣтскаго чтенія, какъ одну изъ лучшихъ книжекъ для дѣтей, существующихъ на русскомъ языкѣ. Съ грамотностью и простотой изложенія (что также довольно рѣдкое достоинство въ нашихъ дѣтскихъ книжкахъ) она соединяетъ занимательность и естественность самаго разсказа. Съ картинкою, изображающею барабанщика, который, «будучи простѣленъ въ грудь, билъ до самой смерти»,—разсказъ не имѣетъ ничего общаго, и мы никакъ не можемъ понять, зачѣмъ приклеена здѣсь эта картинка? Содержаніе приключеній маленькаго барабанщика слѣдующее:

Въ тихомъ нѣмецкомъ городкѣ живетъ въ 1812 году сѣдельный мастеръ Вуншъ, небогатый семейный человѣкъ, разоряемый безпрерывными постоями французскихъ войскъ, проходящихъ чрезъ Германію. Къ довершенію горя, у него въ это самое время отчаянно больна маленькая дочь, предметъ нѣжныхъ заботъ всего семейства. Приходитъ постой изъ 20 человѣкъ. Вуншъ угощаетъ ихъ вкуснымъ обѣдомъ, приготовленнымъ почти на послѣднія деньги; но гости недовольны, выбрасываютъ часть кушанья за окно и бьютъ посуду. Вуншъ жалуется военному начальству; ему отвѣчаютъ, что послѣ усиленнаго марша нельзя взыскивать съ людей за подобные пустяки. Еще не успѣли убраться эти гости, какъ въ городъ вступилъ новый полкъ, и къ Вуншу помѣстили барабанщика и 15 солдатъ. Въ домѣ не оставалось комнаты, кромѣ той, гдѣ лежала маленькая больная дочь. Сюда Вуншъ не рѣшился пустить солдатъ, потому что у больной былъ кризисъ болѣзни, и докторъ сказалъ, что испугъ можетъ убить ее. Поэтому Вуншъ попробовалъ отвести новыхъ постояльцевъ въ свою мастерскую. Гости, однакожъ, не были этимъ довольны, ворвались въ комнату, гдѣ лежала больная, и шумно требовали вина и обѣда. Мать кое-какъ упросила ихъ не шумѣть и отправилась готовить обѣдъ. Но гостямъ надоѣло ждать, и барабанщикъ придумалъ, чтобы хозяйка поскорѣе прибѣжала, забить въ барабанъ возлѣ кровати спящей больной. Мать, разумѣется, тотчасъ прибѣжала и бросилась къ дочери, съ которой уже начиналась предсмертная агонія. Вскорѣ прибѣжалъ и отецъ и, внѣ себя отъ гнѣва, ударилъ саблею барабанщика, за что его схватили и, какъ преступника, отвели подъ стражу съ тѣмъ, чтобы потомъ разстрѣлять. Четырнадцатилѣтній сынъ Вунша—Августъ, вздумалъ отправиться къ полковнику и просить, чтобы разстрѣляли его вмѣсто отца. Полковникъ былъ тронутъ и, вмѣсто разстрѣливанія, согласился взять его къ себѣ въ полкъ барабанщикомъ, обѣщая зато выпустить отца его, какъ скоро выздоровѣетъ раненый имъ барабанщикъ. Августъ согласился, скоро выучился барабанить, подружился съ товарищами, привыкъ къ трудностямъ похода, заслужилъ расположеніе своего сержанта, но никакъ не могъ привыкнуть къ строгости военной дисциплины. При разореніи одной русской деревушки онъ замѣтилъ въ окнѣ горящей мельницы маленькую дѣвочку, погибавшую въ пламени. Онъ тотчасъ выскочилъ изъ своего ряда, сбилъ съ ногъ одного офицера, бросился въ огонь и успѣлъ спасти дѣвочку, спустившись съ нею подъ мельничныя колеса къ водѣ и тамъ спрятавшись, пока не утихло пламя. Когда они вышли оттуда, оказалось,

что ни жителей, ни солдатъ нѣтъ болѣе въ деревушкѣ. Августъ пошелъ на удачу съ спасенной имъ Маріей, которая оказалась дочерью нѣмецкаго колониста въ деревушкѣ. Вскорѣ, однакоже, маленькаго барабанщика нашелъ на дорогѣ французскій отрядъ, съ которымъ Августъ и пришелъ къ своему полку. Здѣсь, по приговору военнаго суда, рѣшили его разстрѣлять. «Солдатъ долженъ повиноваться своему начальству,—сказалъ ему одинъ офицеръ,—и ни о чемъ не разсуждать. Положимъ даже, что твой отецъ и братъ стоятъ въ рядахъ непріятеля, и тогда твоя обязанность—стрѣлять по нимъ. Вотъ каковъ военный законъ» (стр. 106). Нѣмецкій полковникъ желалъ спасти Августа, но французскіе офицеры не хотѣли этого, и полковникъ рѣшился обмануть ихъ, разстрѣлявши Августа примѣрно, съ тѣмъ, чтобы онъ потомъ могъ встать и бѣжать, куда глаза глядятъ. Такъ и случилось. Августъ бѣжитъ вмѣстѣ съ Маріей, попадается къ русскимъ, которые очень хорошо съ нимъ обходятся, и вдругъ неожиданно встрѣчаетъ снова свой полкъ, напавшій на то селеніе, гдѣ жилъ Августъ. «Боже мой,—говоритъ онъ при видѣ убійствъ и грабительствъ своему сержанту,—прошли мы сотни верстъ только для того, чтобы убивать людей, которыхъ никогда не видѣли!» Сержантъ отвѣчаетъ: «Дѣло солдата слушаться, а не разсуждать. Вотъ приказъ Наполеона: «мы ведемъ войну; русскіе—враги наши, всякій солдатъ, подъ опасеніемъ неисполненія своей обязанности, долженъ истреблять все русское». А пускай-ко завтра онъ намъ скажетъ: «стой! мы заключимъ миръ; русскіе—наши друзья». Ура! закричалъ бы всякій: «другъ мой, русскій, давай-ко обнимемся, да попьемъ за здоровье общее» (стр. 142). Далѣе сержантъ говоритъ, что за хорошую службу и ему, можетъ быть, достанется кусочекъ красной ленты съ крестикомъ внизу. Августъ замѣчаетъ: «и за кусочекъ ленты перебить десятки людей!» А сержантъ въ отвѣтъ на это называетъ его глупою вороной... Послѣ этого Августу самому пришлось быть въ сраженіи, и не геройскіе подвиги его рисуются въ разсказѣ, а горестная картина всѣхъ ужасовъ битвы и кроткія, гуманныя чувства, раздиравшія душу мальчика при видѣ остервенѣнія людей другъ противъ друга. Много испытаній претерпѣваетъ мальчикъ, но въ концѣ разсказа соединяется съ своими родными, къ которымъ являются и родители спасенной имъ Маріи, какъ старинные пріятели. Счастье еще увеличивается тѣмъ, что Августъ добылъ на войнѣ боченокъ съ золотомъ. Такое окончаніе немножко водевильно; но при всемъ томъ нельзя не похвалить разсказъ за его благородное направленіе, простоту, гуманныя чувства, которыми онъ исполненъ. Можно пожелать для дѣтей побольше такихъ книжекъ, какъ «Приключенія маленькаго барабанщика».

---

32. [Учительскіе экзамены въ Вюртембергѣ].

Въ одномъ изъ германскихъ журналовъ помѣщена статья: «Учительскіе экзамены въ Вюртембергѣ», могущіе дать понятіе вообще о значеніи учительскихъ экзаменовъ въ Германіи. Помѣщая ее на страницахъ нашего журнала, мы полагаемъ, что при нынѣшнемъ все-

общемъ стремленіи у насъ ознакомиться съ порядками, заведенными въ другихъ странахъ, чтеніе ея не будетъ безынтересно для большинства наставниковъ нашихъ учебныхъ заведеній.

«Въ одной изъ вюртембергскихъ газетъ объявлена была тема для латинской диссертаціи, отъ которой зависѣло допущеніе къ учительскому экзамену. Тема эта была слѣдующая: dijudicentur Sophoclis tragoediae quaenam potissimum in scholis legendae videantur. Сочиненіе не должно было превышать четырехъ листовъ, каждый кандидатъ долженъ былъ переписать его собственноручно и представить не позже, какъ черезъ три мѣсяца. По просьбѣ, поданной мною въ совѣтъ училищъ,—чтобы мнѣ дали болѣе обширную тему для нѣмецкаго сочиненія изъ области исторіи или географіи,—я получилъ для выбора слѣдующія двѣ темы: 1) представить развитіе политическаго могущества Англіи въ его главныхъ моментахъ, по исторіи новаго времени, и разсмотрѣть его въ связи съ физическимъ положеніемъ этой страны; или 2) представить изображеніе физическаго положенія Великобританіи и показать его вліяніе на теперешнее политическое значеніе Англіи. Условія были тѣ же: объемъ сочиненія—не болѣе четырехъ листовъ, срокъ—три мѣсяца. Я выбралъ вторую тему.

Представивши эти два сочиненія, я былъ допущенъ къ экзамену. Въ назначенное время я явился на испытаніе; со мною вмѣстѣ явились еще два кандидата. Въ понедѣльникъ, въ семь часовъ утра, началось испытаніе въ одной изъ комнатъ высшей гимназіи. Прежде всего г. совѣтникъ высшаго совѣта училищъ, д-ръ Ротъ назначилъ намъ, кандидатамъ, пробныя лекціи, а ректоръ Шмидтъ продиктовалъ темы для латинскаго сочиненія и объясненія. Первая была такого содержанія:

«Совершенно напрасны жалобы на то, будто бы слабость и болѣзненность дѣтей въ школахъ происходитъ отъ сильнаго напряженія въ занятіяхъ и отъ чрезмѣрной требовательности учителей. Въ смѣшеніи между собою причинъ и слѣдствій таится начало множества ошибокъ; такъ точно и здѣсь: если допустить, что нынѣ дѣти въ школахъ отличаются особенной болѣзненностью, то и здѣсь, можетъ быть, дѣлается то же смѣшеніе. Дѣти слабы потому, что ихъ заставляютъ много работать... Но что, если обернуть вопросъ такимъ образомъ: дѣти не могутъ выносить въ школахъ сильнаго напряженія потому, что они вступаютъ въ школу уже очень слабыми. Родители искони привыкли всю отвѣтственность за неуспѣхи дѣтей слагать на учителей; еще въ Римѣ обвиняли учителя за то, что онъ не умѣлъ вызвать теплаго чувства изъ сердца и зажечь искру разумѣнія въ головѣ глупаго мальчика. Многіе-ли изъ родителей, положа руку на сердце, могутъ засвидѣтельствовать, что они ничего не сдѣлали для разслабленія своихъ дѣтей,—что они постоянно отказывали имъ въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыми смягчается, правда, естественная грубость нѣмецкой дѣтской натуры, но при которыхъ уже не вкусенъ становится черный хлѣбъ, называемый трудомъ... Школа, принимая въ свое лоно дѣтей, приходитъ къ нимъ на помощь уже поздно, и

поздния гимнастическія упражненія не могутъ совершенно восполнить то, что было опущено дома, ни заставить дѣтей забыть то, что они дома успѣли уже узнать». (Дедерлейнъ).

Для объясненія дано было мѣсто изъ Вергилія, Георг. I, 463, Solem quis dicere falsum, и пр. до 497.

Обѣ работы вмѣстѣ должно было окончить къ двѣнадцати часамъ; при этомъ не было оставлено никакого пособія, кромѣ латинско-нѣмецкаго лексикона. При насъ, во все время работы, оставался одинъ изъ членовъ комиссіи испытаній. Въ два часа пополудни назначено было изустное испытаніе въ еврейскомъ языкѣ для тѣхъ, которые хотѣли получить отмѣтку въ этой графѣ. Каждый кандидатъ долженъ былъ явиться отдѣльно. Экзаменаторомъ былъ г. Баумлейнъ. Предъ началомъ собственно испытанія онъ спросилъ меня, считаю ли я себя сильнымъ гебраистомъ, или только хочу показать, получивши отмѣтку въ этомъ предметѣ, что я въ состояніи заниматься имъ. Когда я утвердительно отвѣчалъ на послѣднее, онъ спрашивалъ еще, учился ли я уже этому предмету, что я читалъ недавно, и проч. Потомъ началось испытаніе. Я долженъ былъ прочитать 1—7 стихи 18-го псалма, перевести и объяснить ихъ. При этомъ давали мнѣ различные вопросы касательно надписаній псалмовъ, удареній, формъ, этимологіи каждаго слова, сингаксическихъ правилъ и отношенія 18-го псалма къ 2 цар. 22 сл. Все это продолжалось около получаса. Кромѣ экзаменатора, присутствовали тутъ еще нѣкоторые члены комиссіи. Эти полчаса оставили во мнѣ одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній моей жизни, хотя на нѣкоторые вопросы я и не могъ отвѣчать совершенно удовлетворительно.

Во вторникъ, въ семь часовъ утра, было задано г. Баумлейномъ греческое сочиненіе и объясненіе. Точно также нужно было написать ихъ къ двѣнадцати часамъ, въ присутствіи одного изъ членовъ комиссіи, безъ всякаго другого пособія, кромѣ греческо-нѣмецкаго лексикона. [Греческая] тема была слѣдующая:

«Кто знакомъ хоть сколько-нибудь съ греческой литературой, тотъ не можетъ отвергать, что Гомеръ служитъ исходною точкою всякой поэзіи и прозы у грековъ. Что касается до поэзіи, то вліяніе его очевидно уже въ самомъ языкѣ. Не только всѣ эпическія стихотворенія написаны тѣмъ діалектомъ, какой употреблялъ Гомеръ,—смѣшеніе іоническаго и эолійскаго элемента,—но даже лирическія произведенія, хотя употребляютъ преимущественно эолійскій и дорическій діалектъ, не удерживаются отъ эпическихъ формъ; наконецъ, сама аттическая трагедія во многихъ пьесахъ подражаетъ гомеровскому языку. Но что всего важнѣе,—поэмы Гомера своими миѳами, разсказанными подробно, или только кратко очерченными, служили постоянно богатымъ источникомъ для позднѣйшихъ поэтовъ. Изъ нихъ почерпались и содержаніе и развитіе послѣдующихъ поэтическихъ произведеній. Это было совершеннѣйшее созданіе искусства, въ которомъ заключались въ зародышѣ всѣ послѣдующіе роды поэзіи. Поэтому можно сказать съ полнымъ правомъ и увѣренностью, что кто хочетъ изучать греческую поэзію, тотъ не долженъ приниматься ни за что прежде Гомера».

Для письменнаго объясненія дано было мѣсто изъ Софокла Филокт. ст. 1348—1374. Греческій текстъ долженъ былъ быть представленъ рядомъ съ переводомъ,—метрически. Объясненія не требовалось. Ни въ латинскомъ отрывкѣ, ни въ греческомъ намъ не было указано, изъ какого писателя взято объясняемое мѣсто, и въ какой связи оно находится. Послѣ обѣда была пробная лекція. Я выбралъ для себя въ высшемъ классѣ (X по вюртембергскому счету, I по сѣверно-нѣмецкому) изложеніе географическаго положенія Франціи, съ объясненіемъ его историческаго значенія. При этомъ, кромѣ комиссій испытаній, были еще нѣкоторые учителя высшей гимназіи. Ученики, въ своихъ отвѣтахъ незнакомому имъ кандидату, обнаружили прекрасныя знанія и замѣчательную живость.

Наконецъ, пришло послѣднее утро. Въ среду я имѣлъ вторую пробную лекцію, опять въ старшемъ классѣ гимназіи. Я объяснялъ 34-ю оду первой книги Горація.

Наконецъ $^1/_2$ 10—11 часовъ наступило для насъ, кандидатовъ, самое тяжелое испытаніе,—такъ наз. *разговоръ*. Въ большой залѣ гимназіи поставленъ былъ большой столъ съ зеленымъ сукномъ; за нимъ сидѣли шесть членовъ комиссіи; предъ ними стоялъ кандидатъ. Сначала отъ меня потребовали подробный отчетъ касательно одного мѣста въ моей латинской диссертаціи. Потомъ дали мнѣ Тацита—описаніе смерти Тиверія. Я долженъ былъ прочитать, перевести и затѣмъ посыпался рядъ вопросовъ о содержаніи лѣтописей Тацита, объ ихъ спискахъ, изданіяхъ, объ особенностяхъ его языка и объ этимологіи отдѣльныхъ словъ. Потомъ обратились къ греческому. Сначала спрашивали о работахъ предшествовавшаго дня, потомъ я долженъ былъ метрически прочесть и перевести изъ Софоклова Филоктета ст. 169—179 (хоръ); при этомъ было нѣсколько вопросовъ касательно метра. Затѣмъ слѣдовалъ Гомеръ. Мнѣ дали прочесть и перевести начало 5-й рапсодіи «Одиссеи». При этомъ спрашивали о гомеровскихъ формахъ, образованіи предложеній и о значеніи взятаго мѣста для гомеровской критики. Наконецъ, перешли къ географіи и исторіи. Первый вопросъ былъ: показаніе распредѣленія теплоты на земномъ шарѣ и графическое его изображеніе. Второй: исторія и описаніе новѣйшихъ географическихъ открытій. Третій: опредѣленіе періодовъ русской исторіи.

Послѣ этого я былъ отпущенъ. Черезъ нѣсколько недѣль состоялось рѣшеніе комиссіи о моемъ опредѣленіи».

---

33. Школа.

Изданіе для юношества. Выпускъ I. Спб. 1858 г.

Вотъ и еще изданіе съ претензіей поучать юношество. Сколько у насъ учителей-то развелось! А все жалуются на то, что не у кого учиться... Странно, право, какъ это у насъ совмѣщается одно съ другимъ: учителей множество безчисленное, а учиться все-таки не у кого...

Мы долго недоумѣвали, отчего это происходитъ, и наконецъ пришли вотъ къ какому печальному заключенію. Учителя наши обыкновенно проповѣдуютъ то, что намъ или вовсе не нужно, или давно извѣстно; а что намъ нужно и неизвѣстно, того они и сами хорошенько не знаютъ, и даже не считаютъ нужнымъ знать. Мудрено ли, что при такихъ порядкахъ толпы наставниковъ не находятъ учениковъ, а толпы учениковъ не знаютъ, къ кому обратиться за дѣльнымъ и истинно-полезнымъ наставленіемъ... Ну, вотъ хоть бы, напримѣръ, выходитъ книжка подъ названіемъ: «Школа». Издала эту «Школу» какая-то *Наставница дѣтей.* На оберткѣ книжки напечатано, что она назначается для учениковъ отъ 10 до 12 лѣтъ, но что потомъ она *возрастетъ и созрѣетъ*, по мѣрѣ возрастанія и созрѣванія ея читателей, и что цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы «раскрыть читателямъ въ полномъ, по возможности, видѣ ученіе религіи и пользу наукъ съ ихъ практической стороны». Для достиженія этой цѣли «статьи «Школы» будутъ читаны вслухъ однимъ изъ учениковъ подъ руководствомъ наставника или самимъ наставникомъ». Прекрасно. Посмотримъ же, какого рода статьи вошли въ первый выпускъ «Школы», назначенный для десяти-и двѣнадцатилѣтнихъ читателей.

Начинается съ «Нѣсколькихъ словъ къ ученикамъ моимъ». Въ нѣсколькихъ словахъ этихъ объясняется, что всякій человѣкъ родится за тѣмъ, чтобъ выполнить *извѣстную* обязанность, возложенную на него самимъ Богомъ, что обязанность эта называется *призваніемъ* человѣка, что въ школу поступаютъ затѣмъ, чтобъ «угадать свое призваніе», и что помощью при этомъ могутъ служить книжки, издаваемыя г-жею *Наставницею* подъ именемъ «Школы». Надѣемся, что никто не упрекнетъ это предисловіе въ излишней логичности и ясности, особенно для десятилѣтнихъ читателей. Но все-таки въ немъ выражается взглядъ *Наставницы*, довольно оригинальный, и потому мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на ея предисловіи.

По мнѣнію г-жи Наставницы, каждый человѣкъ отъ самаго рожденія назначается къ тому, чтобы выполнить *извѣстную* какую-нибудь обязанность, «и обязанность эта не одна и та же для всѣхъ людей». Иначе сказать—одинъ человѣкъ отъ рожденія призванъ къ тому, чтобы быть лѣкаремъ, другой къ тому, чтобы управлять министерствомъ, третій къ тому, чтобы шить сапоги. Въ школу дѣтей отдаютъ собственно затѣмъ, чтобы они *угадали* тамъ, министрами, солдатами или портными родились они. Чтобы угадать это, нужно долго трудиться, но «наконецъ вы угадаете свое призваніе, — говоритъ *Наставница* своимъ ученикамъ, — и тогда вамъ остается просить у Бога силъ къ выполненію этого призванія». Не правда ли, отрадно прочесть такое предисловіе, встрѣтить такой взглядъ послѣ всѣхъ толковъ о значеніи общаго и спеціальнаго образованія, которые такъ шумно раздавались въ нашей литературѣ въ послѣдніе два года? Кажется, кто не повторялъ извѣстнаго эпиграфа извѣстной статьи Пирогова, гласящей, что прежде нужно образовать людей, а потомъ уже солдатъ, портныхъ, министровъ и т. д. Кто не толковалъ о томъ, какъ вредитъ ранняя спеціальность естественному,

всестороннему развитію человѣка! Но, вѣрно, всѣ эти толки у насъ, какъ говорится въ русскихъ сказкахъ, по усамъ текли, а въ ротъ не попали. Мы толковали о разумныхъ преобразованіяхъ, какъ будто и путные люди, а въ сущности оказалось, что мы и не думали отставать отъ рутины старинныхъ предразсудковъ. Видно, старая, безсмысленная привычка сильнѣе всѣхъ убѣжденій ума; индѣйскія и вообще азіатскія замашки сильно выказываются въ нашихъ руководителяхъ и наставникахъ, будетъ ли то г. Орестъ Миллеръ, или г-жа издательница «Школы». Г. Орестъ Миллеръ восхваляетъ самотверженное погруженіе своей личности въ лоно Брамы, а г-жа *Наставница* намѣревается возстановить ученіе о кастахъ. Частныя обязанности каждаго человѣка опредѣляются, видите ли, не обстоятельствами, а самымъ рожденіемъ, и главная задача человѣка состоитъ въ томъ, чтобы *угадать*, къ чему онъ *призванъ* по своему рожденію... Другими словами: кто въ чемъ родился, въ томъ и пребывай, знай сверчокъ свой шестокъ... Недурно для индѣйскаго брамина, хотя для паріи и не совсѣмъ-то весело. Къ чему онъ, бѣднякъ, долженъ придти, отправляясь отъ той мысли, что само рожденіе уже опредѣлило его частныя обязанности? Прежде всего онъ долженъ тутъ признать, что уже въ его рукахъ нѣтъ свободы располагать своей участью, что это ужъ дѣло судьбы, заранѣе опредѣлившей призваніе человѣка, которому остается только *угадать* ея опредѣленіе. Но какъ же угадать? Очень естественно—по нѣкоторымъ признакамъ, указаннымъ самою судьбою въ томъ состояніи, въ которомъ человѣкъ родился. Слѣдовательно, если парія родился паріею, то съ какой же стати вообразитъ онъ, что судьба готовила ему званіе брамина? Нѣтъ никакого основанія признавать судьбу столь глупою, если ужъ признать однажды ея вліяніе на человѣка. И вотъ—смиренный, всѣми отверженный парія поневолѣ долженъ успокоиться на томъ, что уже по самому своему рожденію онъ обреченъ на нищету и презрѣніе. Браминъ долженъ быть этимъ очень доволенъ, потому что посредствомъ такихъ премудрыхъ убѣжденій сохраняется порядокъ въ обществѣ, т.-е. права кастъ остаются незыблемы и ненарушимы. Но едва ли подобныя разсужденія могутъ быть очень благотворны для нашего общества, въ которомъ являлись Ломоносовы, Меншиковы, Никоны и т. п. Сомнительно, чтобъ крестьянскій мальчикъ поступилъ безразсудно и преступно, измѣнивши тому призванію, которое опредѣлялось его рожденіемъ и сдѣлавшись русскимъ патріархомъ. Можетъ быть, читатели, желая взять сторону *Наставницы*, замѣтятъ, что именно патріаршество и было тѣмъ призваніемъ, которое слѣдовало *угадать* Никону, равно какъ государственное поприще было призваніемъ Меншикова и т. д. Но такое замѣчаніе будетъ совершенно несообразно съ тѣмъ взглядомъ, какой высказанъ въ предисловіи *Наставницы*. Она именно говоритъ, что *призваніе* человѣка есть не что иное, какъ *обязанность*, на него наложенная; а вѣдь никто, конечно, не скажетъ, что Никонъ былъ *обязанъ* быть патріархомъ, или Ломоносовъ—академикомъ. Кромѣ того,—обязанность эта, по мнѣнію *Наставницы*, дается человѣку не имъ самимъ, а другими, да еще прежде его рожденія;

такъ вѣдь не думаетъ же *Наставница*, что Меншиковъ еще до рожденія былъ уже государственнымъ человѣкомъ. При всемъ своемъ пристрастіи къ раздѣленію человѣчества на касты, она согласится, вѣроятно, что Меншиковъ родился, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ управленіи государствомъ, такъ же какъ Никонъ явился на свѣтъ, незнакомый съ церковными установленіями, и Ломоносовъ—не умѣя читать и писать. Значитъ, весь вопросъ теперь въ томъ, могъ ли Ломоносовъ, Меншиковъ и пр. стремиться къ тому, что не составляло прямой его обязанности, опредѣленной его рожденіемъ, имѣлъ ли право пользоваться обстоятельствами всякаго рода, расширявшими кругъ его дѣятельности, или нѣтъ? Если мы спросимъ объ этомъ г-жу *Наставницу*, то она, чтобы не измѣнить взгляду, высказанному ею въ предисловіи къ «Школѣ», должна, конечно, отвѣтить: нѣтъ. Иначе она жестоко скомпрометтируетъ принимаемыя ею начала о врожденномъ призваніи человѣка къ частной дѣятельности всякаго рода и вступитъ въ безвыходный кругъ забавнѣйшихъ противорѣчій. Въ самомъ дѣлѣ, если судьба еще до моего рожденія *призвала меня къ обязанности* управлять государственными дѣлами, то для чего она до двадцати лѣтъ оставляла меня шататься по улицамъ, продавая пироги? Если самымъ моимъ рожденіемъ судьба хотѣла *обязать* меня быть профессоромъ и академикомъ, зачѣмъ она дала мнѣ родиться въ архангельской деревушкѣ, въ крестьянскомъ семействѣ, гдѣ я до двадцати лѣтъ едва могъ читать выучиться? Подобные вопросы хоть кого поставятъ втупикъ, и мы сомнѣваемся, чтобы г-жа *Наставница* сумѣла удовлетворительно на нихъ отвѣтить. Ихъ можно разрѣшить только съ индійской точки зрѣнія, которую едва ли согласятся принять читающіе люди русскаго православнаго царства, хотя она и не чужда, кажется, г-жѣ *Наставницѣ*, и имѣетъ стороны, весьма успокоительныя для людей богатыхъ и почетныхъ. Съ этой точки зрѣнія все, что есть на свѣтѣ, имѣетъ тайную, заранѣе опредѣленную, цѣль,—не въ себѣ, а внѣ себя. Дождь идетъ для того, чтобы трава на землѣ росла; трава растетъ затѣмъ, чтобы скотъ могъ пастись; скотъ существуетъ, чтобы человѣкъ могъ ѣсть его; человѣкъ ѣстъ для того, чтобы имѣть возможность отправлять ту обязанность, къ которой призванъ своимъ рожденіемъ. Въ человѣкѣ и во всякомъ существѣ одушевленномъ *цѣль*, какъ видите, составляетъ вмѣстѣ и *обязанность*. Такимъ образомъ, собака лаетъ, чтобы воры на дворъ не вошли, и эта *цѣль* есть вмѣстѣ *обязанность* собаки—стеречь домъ отъ воровъ. Лошадь имѣетъ четыре ноги для того, чтобы облегчать человѣку скорѣйшее переправленіе съ мѣста на мѣсто; другими словами,—четвероножность лошади есть не что иное, какъ *обязанность* ея—возить на себѣ человѣка и его пожитки. Такъ точно и самъ человѣкъ, во всякомъ положеніи и званіи, имѣетъ особыя, внѣшнія обязанности, составляющія цѣль его жизни и дѣятельности. Такимъ образомъ богачи существуютъ затѣмъ, чтобы помогать бѣднымъ, нищіе же—для того, чтобы богачи имѣли на комъ выказать свое великодушіе и доброту сердца; преступники необходимы въ мірѣ затѣмъ, чтобы законы могли ихъ наказывать; больные за-

тѣмъ, чтобы лѣкарямъ было кого лѣчить, и т. д. Взглядъ чрезвычайно успокоительный, именно въ томъ отношеніи, что, на основаніи его, все оказывается необыкновенно ловко и мило поставленнымъ на своемъ мѣстѣ, все принимаетъ такой розовый оттѣнокъ, дышетъ такимъ удобствомъ и довольствомъ... Мы серьезно пожелали бы такого спокойнаго, кроткаго, покорнаго міросозерцанія всякому изъ людей, если бы мы могли думать, что человѣкъ, не родившійся идіотомъ и не выросшій подъ гнетомъ турецкаго фатализма, можетъ добиться такого отраднаго, совершенно *посторонняго* воззрѣнія на собственную свою участь. Но, по крайнему прискорбію, мы должны сказать, что считаемъ рѣшительно невозможнымъ вдолбить такое воззрѣніе русскому юношеству, и потому вовсе не считаемъ нужнымъ обманывать его восточными метафорами относительно призванія, судьбы, обязанностей, особыхъ для каждаго человѣка, и т. п. Полагаемъ, что и г-жа *Наставница* напрасно будетъ трудиться, если захочетъ свои понятія о врожденности частныхъ обязанностей передать своимъ ученикамъ. Собственная рубашка ближе къ тѣлу каждаго изъ насъ, и теперь ужъ и пятилѣтняго ребенка трудно надуть увѣреніями, что цѣль его существованія заключается не въ немъ самомъ, а въ чемъ-то внѣ его, опредѣленномъ ему еще до его рожденія. А г-жа Наставница хочетъ увѣрить въ этомъ десятилѣтнихъ!..

Только особенной склонностью г-жи Наставницы къ восточнымъ понятіямъ можетъ быть объяснено то обстоятельство, что почти половина первой книжки «Школы» занята «Исторіею Іерусалима» и «Письмами изъ Іерусалима». Неудивительно было бы, если бы г-жа Наставница подробно разсказала дѣтямъ христіанское значеніе священнаго города. Но крайне странно давать дѣтямъ краткое обозрѣніе всей исторіи Іерусалима, съ гергесеями, іевусеями, сирянами, вавилонянами и другими народами, одинъ за другимъ воевавшими этоть городъ; странно въ исторіи Іерусалима вдалбливать десятилѣтнимъ ученикамъ имена Гессія Флора, Цестія, Аль-Гакема и т. д. Еще страннѣе видѣть, что, напр., упомянувъ о томъ, что Іерусалимъ существовалъ еще при Авраамѣ, авторъ статьи, назначенной для десятилѣтнихъ читателей, дѣлаетъ цитату: Ioseph. Flav. Archeol. I, 1012. Мы понимаемъ, что такія вещи можетъ дѣлать какой-нибудь г. Ведровъ, желающій, во что бы то ни стало, озадачить своихъ *взрослыхъ* читателей; но къ чему же подниматься на такія штуки, когда пишешь для дѣтей? Очевидно, что авторъ статьи проникнутъ основнымъ взглядомъ издательницы «Школы»: дѣти, дескать, и существуютъ съ тою цѣлію, чтобы изучать произведенія старшихъ и изумляться ихъ глубокой учености...

Чтобы дать понятіе о «Письмахъ изъ Іерусалима», выпишемъ изъ нихъ первыя строки перваго письма.

Іерусалимъ 1/13 сентября 1857 г.

«Благодарю моего Спасителя! Я снова въ Іерусалимѣ!

На пароходѣ всѣ спали, и я спала. Было около двѣнадцати часовъ пополуночи, когда я проснулась и увидѣла въ окошечко каюты

мелькающіе огни. Я вскочила и побѣжала на палубу: тутъ узнала я, что огни виднѣются въ Яффѣ и что пароходъ скоро подойдетъ къ берегу. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ четверть часа мы остановились. Я стала всматриваться, чтобы различить въ глубокомъ мракѣ знакомыя мнѣ строенія Яффы, и осталась на палубѣ до утра. О, съ какимъ восторгомъ обняла я тогда берегъ святой земли, близкій, родственный душѣ моей! Я только и могла повторять: Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже! Собравъ свои вещи, я съѣхала на берегъ съ первымъ подъѣхавшимъ каюкомъ. На берегу я стала на колѣни и жадно и съ благоговѣніемъ цѣловала землю. Это было въ воскресенье, 11-го мая»... и т. д. (Школа, вып. I, стр. 30).

За письмами изъ Іерусалима слѣдуетъ статья «Сельскіе хозяева». Въ началѣ этой статьи объясняется, что «дѣятельные и просвѣщенные владѣльцы села Покровскаго, Алексѣй Ивановичъ и жена его Анна Андреевна, завели у себя школу для образованія дѣтей своихъ сосѣдей». Въ школѣ этой занимались изученіемъ разныхъ наукъ: изучали въ ней—славянскій языкъ, священную исторію и ариѳметику. Но, не довольствуясь этимъ, «разъ Алексѣй Ивановичъ объявилъ, что намѣренъ ввести преподаваніе естественной исторіи, и то на открытомъ воздухѣ, между птичникомъ и оранжереей». Читатели видятъ, что намѣренія «дѣятельнаго и просвѣщеннаго Алексѣя Ивановича» были весьма похвальны. Въ самомъ дѣлѣ,—что можетъ быть лучше для дѣтей, какъ не изученіе естественныхъ наукъ,—не книжнымъ образомъ, а практически, наглядно, на открытомъ воздухѣ, съ живыми наблюденіями и опытами? Читатель готовъ подумать, что статья «Сельскіе хозяева» истинно полезна для дѣтскаго чтенія и составляетъ интересныя страницы въ «Школѣ». Но, прочитавъ самую статью, вы увидите, что и на этотъ разъ ошиблись. Какъ вы полагаете,—чему поучаютъ дѣтей на открытомъ воздухѣ, между птичникомъ и оранжереей, дѣятельные и просвѣщенные Алексѣй Ивановичъ и Анна Андреевна? А вотъ чему-съ. Они сообщаютъ дѣтямъ, что «благодаря стараніямъ людей, опытныхъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, разведено въ Россіи, въ нѣкоторыхъ питомникахъ (въ пензенскомъ, воронежскомъ, орловскомъ, вольскомъ и одесскомъ) очень порядочное число разныхъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ, *а именно:* яблонь—до 308 разныхъ сортовъ, грушъ—до 185, вишенъ—до 44, сливъ—до 71, абрикосовъ — до 26, персиковъ — до 24, черешенъ — до 49; въ числѣ плодоносныхъ кустарниковъ: винограда—до 47 сортовъ, крыжовника—до 20; въ числѣ огородныхъ растеній: гороха—до 36, бобовъ—до 34, капусты—до 44, рѣпы—до 13, свеклы—до 5, свекловицы—до 5, и т. д.,—еще двѣнадцать растеній... Читатель, само собой разумѣется, не вѣритъ, чтобъ дѣятельный и просвѣщенный Алексѣй Ивановичъ и жена его Анна Андреевна въ самомъ дѣлѣ пичкали такими свѣдѣніями дѣтей своихъ сосѣдей. Но мы завѣряемъ васъ, читатель, честнымъ своимъ словомъ, что все это не выдумано нами, а напечатано на 61—62 стран. «Школы». Издательница полагаетъ навѣрное, что свѣдѣнія эти необходимы десятилѣтнимъ дѣтямъ для того, чтобы они могли угадать свое призваніе.

Послѣ «Сельскихъ хозяевъ» идутъ «Статьи безъ заглавія». Онѣ имѣютъ въ виду объяснить дѣтямъ первыя начала политической экономіи, разумѣется съ точки зрѣнія г-жи *Наставницы*. Начинаются онѣ слѣдующимъ образомъ: «Ученики ходятъ взадъ и впередъ по классной комнатѣ. *При малѣйшемъ шорохѣ на лѣстницѣ они останавливаются и прислушиваются*». Это значитъ—шалятъ дѣти и смертельно боятся, чтобы учитель не засталъ ихъ. Похвальныя отношенія между учителемъ и учениками! Впрочемъ, ученики очень милыя дѣти; видно, что они росли подъ вліяніемъ г-жи *Наставницы*. Когда учитель входитъ, они его спрашиваютъ: «зачѣмъ на нашемъ расписаніи уроковъ, вмѣсто названія науки, поставили точки? Что это значитъ?» Учитель отвѣчаетъ: „это значитъ, что иногда хорошо молчать». Отвѣтъ очень логическій и очень легкій для учителя, хотя и не совсѣмъ удовлетворительный для дѣтскаго любопытства. Но идеальныя дѣти, представленныя въ «Статьяхъ безъ заглавія», дѣйствительно принимаются очень усердно молчать: что же имъ больше дѣлать, когда учитель отвѣчаетъ на ихъ вопросы словомъ: молчать!

Впрочемъ, учитель не только просто заставляетъ дѣтей молчать, но и приводитъ ихъ къ тому разумными примѣрами. Онъ разсказываетъ имъ исторійки, въ которыхъ, между прочимъ, два брата разговариваютъ такъ:

«Антоній,—сказалъ однажды Степанъ:—мнѣ бы очень хотѣлось знать, съ какою цѣлью Богъ надѣлилъ Иванова такимъ огромнымъ богатствомъ, а намъ послалъ горькую бѣдность?

«Степанъ,—отвѣчалъ Антоній:—этихъ вопросовъ мы себѣ задавать не должны. Богъ знаетъ, что дѣлаетъ,—этого должно быть для насъ достаточно» (стр. 79).

Кромѣ этихъ статей, въ первомъ выпускѣ «Школы» помѣщено «Письмо стараго русскаго человѣка къ издательницѣ». Въ письмѣ этомъ старый русскій человѣкъ возстаетъ, comme de raison (скажемъ, въ пику ему, по-французски) противъ французскаго воспитанія, противъ недостатка въ русскихъ патріотизма, противъ роскоши, нелюбви къ чтенію, и т. д. все, какъ слѣдуетъ. Затѣмъ онъ разсказываетъ, какъ онъ разсуждалъ однажды съ нѣсколькими дѣтьми, отъ 8 до 10 лѣтъ, и проповѣдывалъ имъ, между прочимъ, объ обязанностяхъ супруга и отца. Немножко, можетъ быть, рано для осьмилѣтнихъ мальчиковъ; но что до этого за дѣло старому русскому человѣку? При томъ же, онъ говорилъ только о томъ, какимъ мужемъ и отцомъ *не должно* быть. Они говорилъ:

«У него (человѣка необразованнаго) самыя дикія понятія о священнѣйшихъ обязанностяхъ: если у него дѣти, онъ не понимаетъ, что значитъ ихъ воспитывать, потому что самъ не воспитанъ; а если его дѣти помѣщены гдѣ-нибудь на казенный счетъ, о! тогда онъ совершенно спокоенъ и думаетъ, что ему о нихъ больше и заботиться нечего; если онъ человѣкъ небогатый, то у жены его, можетъ быть, нѣтъ ни чулокъ, ни рубашекъ, но зато навѣрно есть нѣсколько шляпокъ и бархатныхъ мантилій; и въ этомъ хозяйствѣ, гдѣ недостаетъ

денегъ на покупку хорошихъ книгъ, ихъ есть всегда вдоволь для того, чтобы роскошно праздновать всѣ именины», и т. д. (стр. 114).

Ясно, что и „Старый русскій человѣкъ“ глубоко проникнутъ взглядомъ г-жи *Наставницы*: цѣль существованія на свѣтѣ дѣтей— та, чтобы покорно выслушивать всякую чепуху, какую вздумаютъ городить имъ взрослые.

Эти-то статьи и читаются въ школѣ г-жи *Наставницы* „вслухъ однимъ изъ учениковъ подъ руководствомъ наставника, или самимъ наставникомъ“. Не безъ назиданія проводятъ время ученики въ школѣ г-жи Наставницы!..

---

34. Партизанъ И. И. Давыдовъ во время Крымской войны.

Кивeръ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.
Д. В. Давыдовъ.

..... въ Петербургѣ, институтъ,
Пе-да-го-ги-ческій, такъ, кажется, зовутъ?
«Горе отъ ума».

Пріятно возвращаться въ спокойное и мирное время къ свѣжимъ воспоминаніямъ войны со всѣми ея лишеніями, самопожертвованіями, патріотическими порывами и коммиссаріатскими грабежами.

На сей разъ мы хотимъ вспомнить о рядѣ военныхъ подвиговъ нашего бывшаго наставника въ низшей части высшей алгебры, извѣстнаго самымъ многостороннимъ образомъ, И. И. Давыдова—но еще мало знакомаго публикѣ въ военномъ качествѣ партизана и защитника отечества.

Съ той легкостью, съ которой почтенный профессоръ отъ философіи перешелъ во второй томъ фракеровой математики и потомъ изъ Невтонова бинома въ курсъ элоквенціи, сдѣлался Иванъ Ивановичъ изъ мирнаго «учителей учителя» военнымъ агитаторомъ. Подражая во всемъ Фихте, котораго Wissenschaftslehre онъ до того усвоилъ, что издалъ ее по-русски безъ имени автора, Давыдовъ схватилъ мечъ и сказалъ: «Теперь не до науки... отечество въ опасности... идемъ маршировать!»

Мы бы этого ничего не знали,—истинный героизмъ бѣжитъ свѣта, но, читая отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1854 г., мы прочли слѣдующую фразу: «Студенты главнаго педагогическаго института изъявили единодушное желаніе служить государю на военномъ поприщѣ, оставаясь при томъ *вѣрными обязанности своего званія*».

Долго думали мы, что это значитъ, и наконецъ рѣшили, что педагоги наши должны были читать лекціи зуавамъ и англійскимъ матросамъ для того, чтобы усыпить ихъ и тѣмъ дать время нашимъ войскамъ приблизиться. Но потомъ случилось намъ спрашивать одного пріѣзжаго изъ Петербурга: «Какъ педагоги наши были *вѣрны* обязанности своего званія и съ тѣмъ вмѣстѣ *служили* на военномъ по-

прищѣ?» Оказывается, что все это усердіемъ и патріотизмомъ Ивана Ивановича.

Сначала Иванъ Ивановичъ предложилъ студентамъ щипать корпію, потомъ потребовалъ отъ всѣхъ служащихъ въ институтѣ десятую часть жалованья въ пожертвованіе на защиту Севастополя; все это ему не удалось. Остановленный въ первомъ порывѣ патріотизма, Давыдовъ не унылъ, а придумалъ новую штуку. Онъ сообщилъ у себя на дому тремъ или четыремъ приближеннымъ къ нему студентамъ, что министръ ожидаетъ отъ института изъявленія его патріотическихъ чувствъ и что такъ какъ студенты ничего жертвовать не могутъ по бѣдности, то они сами должны проситься въ военную службу. Требованіе директора было передано студентамъ, и на другой день человѣкъ двадцать отправились къ нему; нѣкоторые, чтобъ оказать послушаніе директору, другіе изъ любопытства, третьи съ тѣмъ, чтобъ посмѣяться надъ всей этой комедіей. Комедія, дѣйствительно, разыгралась. Давыдовъ показалъ видъ крайняго изумленія, сказалъ, что исполнить желаніе студентовъ едва ли возможно, но что онъ доложитъ министру о столь похвальномъ рвеніи. Зная Николая, Давыдовъ могъ предполагать, что онъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ всѣхъ студентовъ въ солдаты отдастъ, и тогда самъ Давыдовъ потерялъ бы хлѣбное мѣстечко. Соображая это, Давыдовъ доложилъ министру, что студенты единодушно желаютъ, не прерывая своихъ учебныхъ занятій, учиться маршировать, артиллерійской и ружейной стрѣльбѣ, чтобъ быть готовыми защищать отечество въ случаѣ нужды. Когда студенты узнали объ этой штукѣ, негодованіе было всеобщее, многіе хотѣли явно протестовать противъ *единодушнаго* директорскаго патріотизма, находя, что учиться шагистикѣ въ институтѣ вовсе не сладко. Ждали съ ужасомъ, чѣмъ кончится дѣло. Къ счастью, на Николая Павловича нашелъ тогда какой-то добрый стихъ, онъ не захотѣлъ воспользоваться усердіемъ студентовъ и только поблагодарилъ институтъ за искусную продѣлку директора.

Долгое время продолжалъ нашъ знакомый, Давыдовъ, распространять вокругъ себя какой-то священный страхъ. Въ конференціи профессоровъ онъ распоряжался совершенно произвольно, судьбою студентовъ игралъ безъ всякой отвѣтственности, хозяйственную и учебную часть одинаково прибралъ къ своимъ рукамъ. Со времени его поступленія институтъ пересталъ выписывать замѣчательныя книги,—потому что большая часть библіотечной суммы употреблялась на натираніе паркетныхъ половъ въ институтѣ, на покраску стѣнъ и пр., а на остальное покупались чтенія о «Словесности» Ив. Давыдова, по первоначальной цѣнѣ, сотнями экземпляровъ, да его же «Общесравнительная грамматика», изданная имъ на счетъ академіи, но въ свою пользу, такъ какъ академія должна была покупать у него изданную ею книгу. Столъ, экипировка студентовъ, учебныя пособія были въ самомъ жалкомъ видѣ при Давыдовѣ; учебная и нравственная часть была имъ доведена до невѣроятныхъ нелѣпостей и гадостей. Мѣра терпѣнія студентовъ, наконецъ, истощилась, и они вздумали возстать противъ злоупотребленій Давыдова. Въ то самое время,

какъ медицинскіе студенты собрались въ армію фельдшерами, въ ордонансъ-гаузѣ посѣтили ихъ нѣкоторые студенты института и при приставникахъ горячо разсуждали о средствахъ раскрыть злоупотребленія. Рѣшили, наконецъ, дѣйствовать путемъ законнымъ. Въ нѣсколько дней общими силами составили подробное и откровенное описаніе положенія института и отослали къ князю Вяземскому въ видѣ письма. Письмо было не подписано, но въ немъ были факты именные, съ указаніями на живыя лица. Содержаніе состояло вотъ въ чемъ: Институтъ извѣстенъ съ хорошей стороны, но есть два важныя обстоятельства, противорѣчащія этому хорошему мнѣнію. Первое то, что студенты постоянно стараются отъ него избавиться—и насчитано въ письмѣ 28 человѣкъ (изъ числа 108, составляющихъ всѣ курсы) вышедшихъ, пытавшихся выйти изъ института или умершихъ въ немъ отъ чахотки въ теченіе двухъ лѣтъ. Другое обстоятельство то, что начальство всѣхъ округовъ недовольно учителями, вышедшими изъ института. Что же это значитъ, что въ заведеніи ученіе такъ трудно, а результаты такъ плохи? Это значитъ, что директоръ притѣсняетъ студентовъ, препятствуетъ ихъ развитію (на все это приводятся факты), и потому въ институтъ идетъ теперь только тотъ, кому некуда дѣваться. Набираютъ всякую дрянь, неприготовленную къ университетскому курсу, и потомъ начинаютъ морить ее на занятіяхъ, превращая институтскіе курсы въ гимназическіе или еще меньше. Толку никакого не выходитъ. Все это подтверждено было многими десятками фактовъ.

Черезъ нѣсколько дней Вяземскій явился въ институтъ къ обѣду, попробовалъ супъ, съѣлъ кусокъ пирога, сходилъ на кухню, помычалъ и уѣхалъ. Давыдовъ насторожилъ уши. На другой день опять пріѣзжаетъ Вяземскій на лекцію и садится возлѣ каѳедры, не подавъ руки встрѣтившему его Давыдову. Студенты были въ восторгѣ. Послѣ лекціи Вяземскій опять отправился въ столовую и спросилъ одного изъ студентовъ: «хорошъ ли супъ?» Тотъ, разумѣется, отвѣчалъ, что хорошъ. Вяземскій уѣхалъ, ничего не сказавши. Видя, что толку отъ посѣщеній князя немного, студенты послали ему еще письмо, въ которомъ объяснили, что не мѣшало бы ему приступить къ ревизіи посерьезнѣе, что впослѣдствіи его надуютъ.

Черезъ нѣсколько дней Вяземскій опять явился въ институтъ и пошелъ смотрѣть студентскій цейхгаузъ. Опять, разумѣется, та же исторія, что и прежде: пришли, понюхали и ушли... Все это совершалось въ мартѣ 1856 года. Студенты ждали, что будетъ, но ничего хорошаго не было. Только Вяземскій говорилъ нѣкоторымъ студентамъ, являвшимся къ нему по частнымъ дѣламъ, что онъ слѣдитъ за институтомъ и что преобразованія въ немъ будутъ. Ждали студенты до конца учебнаго курса, но ничего не дождались. Давыдовъ попрежнему властвовалъ, кормилъ студентовъ попрежнему дурно и на экзаменахъ попрежнему ставилъ и переправлялъ профессорскія отмѣтки по своему усмотрѣнію. Это студентовъ взорвало до-нельзя и вызвало на шутку не совсѣмъ хорошую. Посланы были безымянныя письма къ разнымъ лицамъ и между прочимъ въ редакцію «С.-Петербург-

скихъ Вѣдомостей», съ увѣдомленіемъ, что въ ночь съ 23 на 24 іюня (день ангела Ивана Давыдова) директоръ института, предсѣдательствующій во второмъ отдѣленіи академіи наукъ, членъ консультаціи и проч., тайный совѣтникъ Давыдовъ, былъ высѣченъ студентами... Исторія эта разошлась по городу. Норовъ позвалъ къ себѣ Давыдова. Что между ними было, неизвѣстно, но результатомъ было то, что Давыдовъ обѣщалъ представить министру удостовѣреніе, что его не сѣкли.

Пріѣхавши въ институтъ, Давыдовъ призвалъ къ себѣ четырехъ студентовъ, на которыхъ особенно могъ полагаться, показалъ имъ письмо и разсказалъ съ рыданіями о томъ, до чего можетъ простираться неблагодарность и злоба человѣческая. «Министръ, говорилъ онъ въ заключеніе, чрезвычайно гнѣвается на студентовъ института за то, что въ средѣ ихъ нашелся мерзавецъ, написавшій это. Я старался всячески отклонить его гнѣвъ отъ института и увѣрить, что это ударъ чьей-нибудь посторонней руки, но онъ не вѣрилъ уже моему ходатайству и сказалъ, что онъ тогда только повѣритъ, когда сами студенты то же засвидѣтельствуютъ. Вамъ остается теперь одно средство умилостивить министра: написать къ нему самое смиренное и откровенное письмо, въ которомъ изложить, что одинъ слухъ о подобной клеветѣ производитъ въ васъ омерзѣніе и что вы, напротивъ, проникнуты живѣйшими чувствами любви и благодарности къ своему начальству».

Четверо студентовъ, удостоенныхъ директорской довѣренности, поклонились и написали смиренное письмо о томъ, что они никого не увѣдомляли о сѣченіи Давыдова и считаютъ сей поступокъ гнуснымъ и омерзительнымъ. Но Давыдову и этого было мало: въ дополненіе къ письму студентовъ онъ представилъ уже отъ себя Норову, что въ доказательство своей любви и уваженія студенты просятъ позволенія отлитографировать портретъ Давыдова. Получивъ на это разрѣшеніе отъ министра, вполнѣ успокоеннаго объясненіями директора, Давыдовъ изготовилъ свой портретъ на свой собственный счетъ... Но издержки надо же было покрыть, и онъ придумалъ для этого новую продѣлку. Это было какъ разъ во время каникулъ, когда кончившіе курсъ студенты опредѣлялись на должности и получали изъ правленія института прогоны и третное жалованье на первоначальное заведеніе. Эконому, выдающему эти деньги, приказано было навязывать студентамъ портретъ директора и вычитать за него по два цѣлковыхъ. Человѣкъ пять—шесть попались на эту штуку, но большинство возопило противъ такого притѣсненія, и экономъ долженъ былъ отступиться. Вслѣдъ затѣмъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (III № 1856 г.) напечатано было объявленіе: «Московскій купецъ Иванъ Давыдовъ-сѣченый принимаетъ съ большою пользою и на выгодныхъ условіяхъ казенные подряды. Спросить въ С.-Петербургѣ, возлѣ перваго кадетскаго корпуса, въ квартирѣ Ѳедора Ильина». Ѳедоръ Ильинъ—это экономъ института, занимающійся вмѣстѣ съ Давыдовымъ темной экономіей и потому въ институтѣ пользуется большою властью.

Въ августѣ стали говорить о ревизіи, и студентовъ стали кормить лучше. Около того же времени Давыдовъ созвалъ въ конференцъ-залу студентовъ и держалъ къ нимъ рѣчь такого рода: «Съ нѣкотораго времени нарушено доброе согласіе между начальствомъ и студентами. Между вами нашлись двѣ-три паршивыя овцы, которыя хотятъ заразить все стадо буйствомъ, непокорствомъ и проч., недовольны и учебной, и нравственной, и хозяйственной частью. Учебная часть до меня, собственно, не относится, но если что отъ меня зависитъ, то всякій можетъ мнѣ прямо сказать и я употреблю всѣ мѣры. Профессора у васъ самые почтенные, ученые, извѣстные въ Европѣ, кѣмъ изъ нихъ вы можете быть недовольны?» И затѣмъ началась выкличка по именамъ, начиная, разумѣется, съ самыхъ смиренныхъ людей. Оказалось, что на профессоровъ жалобъ нѣтъ, и Давыдовъ заключилъ: «Итакъ учебную часть мы покончили. Теперь нравственная. Мнѣ многіе говорятъ, что я поступаю съ вами слишкомъ кротко, отечески, но я все таки, если изъ васъ кого-нибудь оскорбилъ своимъ обращеніемъ, то прошу прощенія. Затѣмъ кто же васъ оскорблять можетъ? Неужели инспекторъ, неужели надзиратели?». Затѣмъ слѣдовали панегирики инспектору и старшему надзирателю и опять вопросы по образцу прежнихъ. Само собою разумѣется, что неловко человѣку говорить: ты меня обидѣлъ, когда онъ самъ напередъ извиняется, да, кромѣ того, и опасались обвинить Давыдова лично въ конференціи, въ присутствіи разнаго начальства. Недовольныхъ и тутъ не оказалось. «Теперь хозяйственная часть. Я самъ знаю, что столъ у васъ спартанскій, но что же дѣлать? Столько намъ изъ казны денегъ отпускается. Вы говорите, что нѣсколько времени передъ тѣмъ столъ былъ лучше (это было, когда начали ждать ревизіи), да это я нарочно дѣлалъ, чтобы вы могли сравнить и видѣть, что мы хотѣли бы дѣлать лучше, но средствъ у насъ нѣтъ». Тутъ опять пошли именные допросы въ такой формѣ: «Кто же изъ васъ собственно пышно воспитанъ, что не можетъ переносить здѣшняго стола—вы, что ли? Или вы такой утонченный гастрономъ? Или вашъ желудокъ такъ нѣженъ?» Всѣ отвѣчали: нѣтъ, не я. И Давыдовъ рѣшилъ: «Итакъ, я съ радостью вижу, что между нами только было недоразумѣніе. Вы всѣ довольны, а смущаютъ наше спокойствіе нѣсколько мерзавцевъ, зашедшихъ въ ваше общество, которые при первомъ удобномъ случаѣ и будутъ извергнуты...»

Мѣсяцевъ черезъ пять, наконецъ, назначили ревизію. Давыдовъ давно къ ней приготовился и, говорятъ, самъ уже хлопоталъ о ней, доказывая чистоту своей совѣсти. Ревизорами назначены были два чиновника; они нашли все въ исправности и замѣтили только, что неудовлетворительность матеріальнаго содержанія зависитъ отъ недостаточности средствъ (на институтъ, содержащій до 100 студентовъ съ 40 начальствующими и учащими, отпускается болѣе 75.000 р. сер.) и потому во время самой ревизіи прибавлено было на улучшеніе стола до 1.000 р. сер., изъ которыхъ половина (не больше) пошла на дѣло.

Вмѣсто преобразованій недавно задуманъ былъ проектъ уничтоженія института, какъ учрежденія вовсе ненужнаго при существова-

ніи университетовъ и до самой сердцевины изъѣденнаго разными Давыдовыми. Проектъ этотъ былъ представленъ попечителемъ С.-Петербургскаго округа въ ученый комитетъ и потомъ въ главное правленіе училищъ. Давыдовъ засѣдалъ тамъ же, и между прочими возраженіями представилъ такого рода вопросъ: «Что же выпустить студентовъ изъ закрытаго заведенія, изъ-подъ контроля—для того, чтобъ они пускались во всѣ тяжкія, какъ университетскіе студенты подъ вашимъ начальствомъ?». Этотъ вопросъ былъ обращенъ къ попечителю, который, конечно, могъ бы отвѣтить, что поведеніемъ студентовъ института хвалиться нельзя, потому что хороши они или дурны—все это дѣло закрытое... Послѣ того Давыдовъ собралъ въ самомъ институтѣ конференцію изъ профессоровъ и предложилъ имъ подписать составленную имъ докладную записку министру. А въ запискѣ говорилось, что нѣкоторые злонамѣренные люди не видятъ пользы института, но что это именно злонамѣренность и что всѣ профессора считаютъ существованіе главнаго педагогическаго института подъ управленіемъ Давыдова не только полезнымъ, но и необходимымъ. Большая часть профессоровъ института читаетъ лекціи и въ университетѣ, а потому они не согласились оскорбить своего попечителя и даже возстали противъ неприличія такой записки. Видя, что сила не беретъ, Давыдовъ согласился и на прощанье благодарилъ профессоровъ за то, что они его научили уму-разуму и прибавилъ, что справедлива пословица! «умъ хорошъ, а два лучше». Впрочемъ, записку свою онъ, все-таки, подалъ министру.

Прибавлять къ этому простому разсказу о труженической жизни истинно-русскаго ученаго и патріота намъ нечего. Но онъ напомнилъ намъ забавный анекдотъ иныхъ временъ. Въ московскомъ университетѣ было лицо не безъ дарованій, но чрезвычайно комическое, Ѳ. Л. Морошкинъ. Онъ глубоко восхищался дипломатическими талантами Ивана Ивановича. Тогда былъ въ ходу анекдотъ, что Давыдовъ при рожденіи сына назвалъ его Сергіемъ и написалъ Филарету, что онъ его назвалъ такъ въ честь Сергія-чудотворца, князю Сергію Михайловичу Голицыну,—что это въ его честь, потомъ всѣмъ великимъ Сергіямъ: Сергію Григорьевичу Строганову, Сергію Семеновичу: Уварову то же самое. Морошкинъ подъ вліяніемъ этого разсказа съ глубочайшимъ вниманіемъ слушалъ какой-то мастерской assaut d'armes Давыдова, противъ, кажется, Шевырева, и сказалъ въ заключеніе: «А вы, Иванъ Ивановичъ, примѣрно несчастливо служите; съ вашими способностями вамъ давно бы слѣдовало быть государственнымъ канцлеромъ».

Вѣроятно, Іаковъ Ростовцевъ найдетъ средство употребить эту прекрасную способность.

35. Природа и Люди.

Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Книга 1. Выпускъ II. Спб. 1858 г.

Съ иными господами ужасно мудрено имѣть дѣло, особенно литературное. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, подымутся на дыбы и, забывши всякую осторожность и гуманность, во всеуслышаніе наговорятъ вамъ такихъ вещей, какія иной разъ и наединѣ-то выговорить побоишься. Такой ужъ, видно, задоръ заключаетъ въ себѣ русскій литераторъ и въ особенности *публицистъ* (модное словечко, не совсѣмъ удачно примѣненное къ русскимъ нравамъ)!.. Коли ужъ пустится въ полемику, такъ откуда что у него возьмется... Диво, да и только. Недавно, напримѣръ, одному журналу, обыкновенно очень степенному и умѣренному, не понравилось, что кто-то не похвалилъ что-то въ Англіи. Такъ вѣдь въ какой онъ азартъ вошелъ, какъ кусалъ и рвалъ недовольныхъ Англіею,—просто не повѣрите. Какія онъ имъ прозвища давалъ! *Гидрофобами* (т.-е. укушенными бѣшеною собакою) называлъ и даже до того забылся въ своей ярости, что взводилъ на нихъ такія преступленія, за которыя слѣдуетъ непремѣнно въ острогъ посадить: не довольствуясь бранью, онъ вдругъ началъ ихъ всенародно обвинять—въ поджигательствѣ! Вотъ до чего дошелъ въ своей ярости! Только что «караулъ!» не закричалъ и полиціи на помощь не призвалъ... Да, бѣдовые бываютъ иногда русскіе публицисты!..

Полемику—не столь мрачную и азартную, въ какую пустился приведенный нами поклонникъ Англіи, но, тѣмъ не менѣе, весьма храбрую, заводятъ теперь и издатели книги «Природа и Люди». Первый выпускъ этой книги встрѣченъ былъ со всѣхъ сторонъ самыми благопріятными отзывами, но нѣкоторые замѣтили, что книжка, по способу своего изложенія, не годится въ качествѣ учебника географіи для дѣтей, а болѣе удобна для чтенія людей, уже прошедшихъ географію по обыкновенному руководству. Замѣчаніе это сдѣлано было мимоходомъ и нами, при рецензіи перваго выпуска; но съ нѣкоторой подробностью изложено оно было въ рецензіи г. Кронеберга, въ «Атенеѣ». Теперь, при второмъ выпускѣ, одинъ изъ авторовъ книги, г. Аркадій Павловскій приложилъ «Отвѣтъ г. Кронебергу», и даже обѣщался впредь къ каждому изъ слѣдующихъ выпусковъ прилагать и замѣчанія на его книгу, и отвѣты на нихъ. Это значитъ, что г. Аркадій Павловскій самъ доволенъ своимъ успѣхомъ на полемическомъ поприщѣ...

Да и какъ же не быть довольну: въ отвѣтъ на 8 страницъ г. Кронеберга (собственно даже на 5, заключающихъ въ себѣ замѣчанія на первый выпускъ), онъ написалъ 19 страницъ, исполненныхъ глубокой учености, еще болѣе глубокаго сознанія собственнаго достоинства и еще болѣе глубокаго (если возможно) пренебреженія къ г. Кронебергу. Почти на каждой страницѣ говорится, съ учтивою, повидимому, но, тѣмъ не менѣе, убійственною язвительностью: «*вѣроятно*, г. рецензентъ этого не знаетъ»... «*вѣроятно*, г. рецензентъ съ этимъ

незнакомъ»... «*вѣроятно*, г. рецензентъ съ этимъ вовсе незнакомъ». Эти вѣжливыя предположенія пересыпаются не менѣе вѣжливыми просьбами въ третьемъ лицѣ: «просимъ г. рецензента прочесть то-то», «просимъ г. рецензента заглянуть туда-то», и прямыми обращеніями: «согласитесь, г. рецензентъ». И надо сказать правду,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. рецензентъ дѣйствительно долженъ согласиться, потому что г. Аркадій Павловскій выставляетъ противъ него цѣлый арсеналъ ученыхъ цитатъ. Что же касается до главнаго замѣчанія,—что книга не годится, какъ первоначальное руководство, объ этомъ г. Аркадій Павловскій и говорить много не хочетъ. Онъ ограничивается объясненіемъ, что изданные имъ уроки читаны были «для ученицъ, уже достаточно подготовленныхъ по географіи въ приготовительномъ курсѣ». Затѣмъ онъ считаетъ себя совершенно правымъ. Но, по нашему мнѣнію, объясненіе его не совсѣмъ идетъ къ дѣлу. Рецензенты не думали и не имѣли права оцѣнивать личную педагогическую дѣятельность гг. В. Л. и Аркадія Павловскаго. Годятся ли ихъ уроки для ихъ ученицъ, объ этомъ не могло быть вопроса въ литературномъ разборѣ. Въ рецензіяхъ дѣло шло о томъ: годится ли книжка гг. В. Л. и Аркадія Павловскаго, какъ руководство для начинающихъ учиться географіи. Оказалось, что нѣтъ, и г. Аркадій Павловскій съ этимъ вполнѣ соглашается, прибавляя, что онъ не для начинающихъ и писалъ. Прекрасно; если вы писали для тѣхъ, кто уже учился географіи, говорятъ ему, то для нихъ ваша книга будетъ очень интересна; жаль только, что для приготовленія себя къ ея чтенію имъ все-таки нужно сначала поучиться по тѣмъ жалкимъ учебникамъ географіи, о которыхъ вы отзываетесь съ такимъ справедливымъ негодованіемъ... Вотъ было бы хорошо, если бы вы, съ вашимъ умѣніемъ разсказывать, составили такую книжку, при которой можно бы обойтись безъ жалкихъ руководствъ Ободовскаго, Тимаева и т. п.

Въ отвѣтъ на такое желаніе г. Аркадій Павловскій разражается страшною репликою, увѣряя, что книжка его хороша и какъ учебникъ, *потому что въ ней указаны источники, по которымъ преподаватель можетъ дополнять и объяснять все темное и недосказанное въ книгѣ!* Но, во-первыхъ, указаніе источниковъ изъ вашей книжки можно вырвать и прилѣпить къ Ободовскому: будетъ ли онъ оттого лучше? Во-вторыхъ, почему вы думаете, что преподавателю, знакомому со всѣми исчисленными у васъ источниками, понадобится, сверхъ того, и ваша книжка? Не лучше ли было бы составлять ее, имѣя въ виду помочь тѣмъ преподавателямъ, которымъ ваши источники недоступны? Самое же главное, въ-третьихъ, на какихъ основаніяхъ полагаете вы, что всѣ русскіе преподаватели должны и могутъ дополнять вашу книгу по вашимъ источникамъ, по всѣмъ этимъ Шербонно, Дебору Кулеямъ, Виммерамъ, Гумпрехтамъ, Тайлорамъ, Кроеерамъ, Шёнамъ, Брэмамъ, Эскеракамъ де-Лотюръ, и проч., которыхъ большая часть преподавателей географіи у насъ не только не читала, но даже и не видывала. Да и гдѣ же видѣть ихъ? Не прикажете ли всѣхъ ихъ выписывать гдѣ-нибудь въ Пензѣ или въ Усть-Сысольскѣ? Хорошо бы было, если бы вы отыскали для этого какія-нибудь сред-

ства... Но вѣдь мы знаемъ, что вы этого не можете, а только и ограничитесь «желаніемъ сочувствія гг. преподавателей, состоящаго въ томъ, что они не пренебрегутъ источниками, обратятъ на нихъ серьезное вниманіе, займутся ими такъ же, какъ и мы (т.-е. не мы, а гг. В. Л. и Аркадій Павловскій), и этимъ помогутъ и намъ, и нашей книгѣ, и самой наукѣ» (стр. 460). Все это очень мило, и нѣтъ сомнѣнія, что многіе преподаватели пожелаютъ послѣдовать призыву г. Аркадія Павловскаго—«не пренебречь» и прочее. Мы даже знали, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ заштатномъ городѣ Починкахъ, одного преподавателя географіи, который сильно желалъ «не пренебречь» и прочее. Къ сожалѣнію, бѣднякъ нигдѣ не могъ достать даже изданій нашего географическаго общества, не говоря уже о Дебору Кулеѣ и Эскеракѣ де-Лотюръ. Что съ этимъ прикажете дѣлать?

Требованія г. Аркадія Павловскаго напомнили намъ англомана, о которомъ говорили мы выше. Конечно, Англія—прекрасно устроенная страна: и парламентскія пренія, и судъ присяжныхъ, и мирные митинги изъ ста тысячъ человѣкъ, все это превосходно,—кто же станетъ объ этомъ спорить? И жаль, разумѣется, что мы не только парламентскихъ преній, но даже приличной открытой полемики вести не можемъ; да что же дѣлать? Въ этихъ обстоятельствахъ восхищеніе Англіею столь же мало поможетъ, какъ исчисленіе источниковъ у г. Аркадія Павловскаго. Для чтенія людей, «прошедшихъ уже черезъ сухую степь какого-нибудь учебника» (по выраженію г. Кронеберга), книжка его прелестна, какъ Англія. Но гораздо больше было бы пользы, если бы онъ составилъ книжку, по которой можно было бы учиться географіи, не прибѣгая ни къ Эскераку де-Лотюру, ни къ нашимъ жалкимъ учебникамъ. А то мы толкуемъ о Баярдѣ Тайлорѣ, объ Эскеракѣ де-Лотюрѣ, а сами все сидимъ на Ободовскомъ...

36. Школа.

Изданіе для юношества. Выпускъ I. С.-Петербургъ, 1858. 129 стр.

Это—изданіе для чтенія въ классѣ, подъ руководствомъ наставника, дѣтямъ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ. Цѣль изданія «Школы»—раскрыть читателямъ, въ полномъ по возможности видѣ, ученіе религіи и пользу наукъ съ ихъ практической стороны. Такъ объясняетъ сущность и цѣль своей книжки сама издательница «Школы». Посмотримъ, какъ она достигаетъ своей цѣли.

Послѣ коротенькаго предисловія, въ которомъ издательница объясняетъ дѣтямъ, что въ школу они поступаютъ затѣмъ, *чтобъ угадать свое призваніе*,—помѣщена «Исторія Іерусалима». Тутъ еще нѣтъ ничего удивительнаго: отчего же дѣтямъ и не узнать исторіи Іерусалима? Но вотъ что удивительно: статья написана съ учеными претензіями, съ латинскими цитатами Іосифа Флавія, Діона Кассія, Евсевія, съ архитектурными и стратегическими подробностями, съ искаженіями именъ, вродѣ императора Виталія, вмѣсто Вителлія, и съ

обиліемъ фразъ вродѣ слѣдующей: «опасаясь подобныхъ возмущеній, императоръ Адріанъ, путешествуя по востоку, приказалъ построить на мѣстѣ древняго Іерусалима городъ, который назвалъ Эліа Капитолина (Dion Cass. Lib. LXIX) и *для спокойствія своего* (?) повелѣлъ селиться (гдѣ?) всѣмъ, кромѣ іудеевъ (Euseb. Hist. eccl. IV)». Какова ученость, какова логика и грамматика?

Вторая статья: «Письма изъ Іерусалима» производитъ непріятное впечатлѣніе своимъ празднымъ риторическимъ пустозвонствомъ. Это какъ будто выдержи изъ «Кавказскихъ очерковъ» Марлинскаго, пересыпанныя сантиментальными восклицаніями, заимствованными изъ «Писемъ русскаго офицера» г. Ѳедора Глинки. Съ самымъ неумѣреннымъ паѳосомъ разсказываетъ госпожа, писавшая письма о своемъ прибытіи въ Іерусалимъ. «Благодарю моего Создателя,—говоритъ она,—я снова въ Іерусалимѣ! На пароходѣ всѣ спали, и я спала. Было около 12-ти часовъ пополуночи, когда я проснулась и увидѣла въ окошечко каюты мелькающіе огни. (Что же это значитъ: огни въ двѣнадцать часовъ пополуночи? Вѣдь это полдень!) Я вскочила и побѣжала на палубу... О, съ какимъ восторгомъ тогда обняла я взоромъ берегъ святой земли, близкій, родственный душѣ моей! Я только и могла повторять: слава Тебѣ, Боже! слава Тебѣ, Боже! слава Тебѣ, Боже!.. На берегу я стала на колѣни и жадно и съ благоговѣніемъ цѣловала землю. *Это было въ воскресенье, 11-го мая*» (стр. 30). Не правда ли, что это достопамятное воскресенье необходимо запомнить дѣтямъ? Это вѣдь такое полезное для нихъ свѣдѣніе! и при томъ же поучительный примѣръ, какъ долго можно сохранять въ себѣ свѣжесть чувствъ: письмо столь восторженное писано не на другой день по прибытіи въ Іерусалимъ, не 12-го мая, а 13-го сентября, т.-е. ровно черезъ четыре мѣсяца!..

Третья статья—«Сельскіе хозяева». Здѣсь авторъ статьи заставляетъ разсуждать съ дѣтьми «дѣятельнаго и просвѣщеннаго Алексѣя Иваныча». Дѣятельный и просвѣщенный Алексѣй Иванычъ толкуетъ съ дѣтьми о естественной исторіи, предупреждая ихъ: «что касается до насъ, то мы будемъ изучать естественныя науки не отдѣльно каждую во всей ея полнотѣ, но во взаимномъ ихъ отношеніи одной къ другой и въ примѣненіи къ сельскому хозяйству» (стр. 60). Мало, повидимому, заботясь о томъ, что дѣти не поймутъ его запутанныхъ, школьныхъ фразъ, дѣятельный и просвѣщенный Алексѣй Иванычъ рѣшается наставлять дѣтей, и на первый разъ берется за ботанику. Пересчитавши на двухъ страницахъ, *сколько именно* сортовъ разведено въ Россіи различныхъ растеній, онъ перечисляетъ in specie, какія деревья растутъ въ окрестностяхъ Москвы. Именно: кленъ красный (acer rubrum), кленъ ложноворный (acer pseudoplatanum), неклень (acer tataricum), пакленъ (acer campestre), кленъ вергинскій (acer egundo),—да и пошелъ, опять на цѣлой страницѣ. Столь полезныя свѣдѣнія заключаются афоризмомъ, что въ ботаникѣ «главное—знать названіе всѣхъ растеній по-латыни» (стр. 92). Въ этомъ же родѣ свѣдѣнія изъ химіи и зоологіи.

Нѣсколько получше «Статьи безъ заглавія», имѣющія цѣлью не-

редать дѣтямъ первыя понятія о политической экономіи. Но и эти статьи, во-первыхъ, ложны по основной точкѣ зрѣнія, отзывающейся какимъ-то излишкомъ телеологіи, доходящей до совершеннаго фанатизма,—что ужъ въ политической-то экономіи вовсе не годится; а, во-вторыхъ, и эти статьи изложены дурно, безъ всякаго умѣнья выбрать примѣры и факты, интересные для десятилѣтнихъ дѣтей.

«Письмо стараго русскаго человѣка» нападаетъ на какую-то даму, узнавшую о «Семейной хроникѣ» Аксакова изъ «Revue der deux mondes»,—на другую даму, тратящую на булки къ чаю тѣ деньги, которыя слѣдовало употребить на книги, на людей, отворяющихъ окна въ вагонахъ на желѣзной дорогѣ, на мужей, которые стараются наряжать своихъ женъ, и т. п. И неужели все это для дѣтскаго чтенія? подумали мы. Видно, «старый русскій человѣкъ» до того ужъ старъ, что потерялъ всякое понятіе о различіи возрастовъ.

Вотъ и всѣ статьи первой книжки «Школы». Какое же сдѣлать о ней заключеніе? Разумѣется, прежде всего пожалѣемъ о тѣхъ дѣтяхъ, которымъ приведется учиться по ней. Пожалѣемъ о нихъ тѣмъ болѣе, что издательница «Школы» угрожаетъ въ слѣдующихъ выпускахъ статьями еще болѣе ужасными. «Школа», говоритъ она, возрастетъ и созрѣетъ по мѣрѣ того, какъ будутъ возрастать и созрѣвать ея читатели». Значитъ, черезъ нѣсколько времени мы увидимъ выпускъ, въ которомъ будутъ астрономическія выкладки и феноменологія духа Гегеля, перевернутыя на россійскіе нравы, какъ обыкновенно дѣлается въ статьяхъ «Школы». Несчастныя дѣти!.. За ними постоянно будетъ слѣдить возрастающая и созрѣвающая «Школа» съ своей риторикой, схоластикой, безграмотностью, искаженіемъ языка и мышленія!..

---

37. Природа и Люди.

Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Выпускъ II-й.

С.-Петербургъ, 1858. Стр. 153—415.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили о первомъ выпускѣ уроковъ географіи, читанныхъ господами Аркадіемъ Павловскимъ и В. Л. Теперь является второй выпускъ предпринятаго ими изданія, отличающійся тѣмъ же характеромъ и тѣми же достоинствами, какъ и первый. Въ этомъ выпускѣ рѣчь идетъ объ Африкѣ. Въ одномъ урокѣ изложено нѣсколько самыхъ общихъ историческихъ свѣдѣній объ Африкѣ и показаны причины ея малой извѣстности въ географическомъ отношеніи. Въ другомъ урокѣ представлена картина степей африканскихъ и сдѣланы довольно подробныя объясненія относительно двухъ характеристическихъ принадлежностей африканской пустыни,—пальмы и верблюда. Въ третьемъ урокѣ находится весьма подробный гидрографическій очеркъ Африки—сѣверной, центральной и южной. Всѣ эти уроки изложены весьма живо и въ то же время дѣльно, что,

какъ извѣстно, никогда не соединялось до сихъ поръ въ нашихъ географическихъ книжкахъ. Намъ показалось только, что одинъ изъ авторовъ часто впадаетъ уже въ риторическое краснорѣчіе, стараясь придать болѣе живости своимъ изображеніямъ. Мы сомнѣваемся, напримѣръ, чтобы природа африканской степи отразилась очень ярко хоть въ слѣдующемъ изображеніи, какое дѣлаетъ г. В. Л.

«На небѣ зажглись звѣзды, воздухъ чистъ и прозраченъ, повсюду глубокая тишина, кой-гдѣ только мелькаетъ огонекъ, а около него семья арабовъ готовитъ свой скудный ужинъ, да изрѣдка слышится фырканье верблюда; между тѣмъ на небѣ показалась луна и освѣтила эту чудную картину. Тогда пустыня дѣлается въ полномъ смыслѣ величественною, и трудно представить человѣка, который бы не былъ пораженъ этою картиною, который бы не пожелалъ наслаждаться ею цѣлую жизнь. Напрасное желаніе! Мракъ ночи разсѣвается, наступаетъ утро, и на безоблачномъ горизонтѣ показывается солнце въ видѣ красноватаго пятна» и проч. (стр. 203).

Въ риторическомъ отношеніи описаніе это безукоризненно. Но тѣмъ не меньше—это лирическое пустословіе, котораго не слѣдуетъ допускать въ серьезной книгѣ.

Другого рода неловкость замѣтили мы въ урокахъ г. Аркадія Павловскаго: онъ довольно легкомысленно обращается съ исторіею. Разсказывая о дѣйствіяхъ въ Африкѣ муллы Фоди, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «воззванія Фоди пронеслись по землѣ Феллата съ быстротою молніи,—и *какъ бы по волшебству какому*, мирные до того времени пастухи *вдругъ стали* отважными воинами» (стр. 279). Такія волшебныя превращенія въ исторіи могутъ быть еще умѣстны въ историческихъ романахъ Александра Дюма и компаніи, но они весьма жалки въ серьезной книгѣ, и тѣмъ болѣе въ книгѣ недурно составленной. Конечно,—это не вредитъ достоинству чисто-географическихъ свѣдѣній: авторъ можетъ вовсе не понимать исторіи и все-таки сдѣлать очень обстоятельный гидрографическій очеркъ. Но въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы ужъ и пускаться въ исторію, чтобы не внушать ученикамъ нелѣпой мысли, будто историческіе перевороты могутъ совершаться «вдругъ какъ бы по волшебству какому».

Впрочемъ, говоря вообще, уроки гг. А. Павловскаго и В. Л. все-таки лучшее, что мы имѣемъ на русскомъ языкѣ относительно географіи. Чтеніе ихъ можетъ быть весьма полезно для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и даже для многихъ взрослыхъ людей, учившихся географіи по Арсеньеву и Ободовскому. Мы не сомнѣваемся, что даже многіе изъ преподавателей найдутъ себѣ не маловаго въ книжкахъ гг. А. Павловскаго и В. Л. Словомъ — книжки эти имѣютъ значеніе популярнаго курса географіи, довольно искусно составленнаго по новой методѣ и по хорошимъ источникамъ. Но, признавая за ними это достоинство, мы сильно сомнѣваемся, чтобы «уроки географіи» въ томъ видѣ, какъ они напечатаны, могли въ самомъ дѣлѣ служить учебнымъ руководствомъ на первыхъ степеняхъ обученія. Сомнѣніе это прежде насъ выразилъ г. А. И. Кронебергъ, въ «Атенеѣ», при первомъ выпускѣ уроковъ гг. Павловскаго и В. Л.

Теперь авторы (или собственно—одинъ авторъ г. Павловскій) напечатали при второмъ выпускѣ «отвѣтъ на рецензію г. Кронеберга» и въ отвѣтѣ этомъ оспариваютъ положенія рецензента. Мы бы не обратили вниманія на эту полемику; но издатели «уроковъ» сами говорятъ, что въ отвѣтѣ ихъ есть замѣчанія, которыя могутъ пригодиться и гг. преподавателямъ и рецензентамъ. Постараемся же отыскать эти замѣчанія. Прежде всего г. Павловскій (подписавшій «отвѣтъ») говоритъ, что уроки и не назначались для элементарнаго курса, а читаны ученицамъ, уже два года проходившимъ элементарный курсъ географіи въ приготовительномъ классѣ. Этимъ объясненіемъ, по нашему мнѣнію, весьма мало измѣняется положеніе вопроса, поставленнаго г. Кронебергомъ. Нельзя не согласиться, что изложеніе книги «Природа и люди», при всей живости и увлекательности, во многихъ случаяхъ превышаетъ понятія не только начинающихъ изучать географію, но и тѣхъ, которые уже прошли общее обозрѣніе странъ свѣта и познакомились съ географической терминологіей. Г. Павловскій самъ соглашается съ этимъ, но не считаетъ этого недостаткомъ, приводя въ свое оправданіе причину, которая намъ показалась нѣсколько забавною. Онъ хочетъ увѣрить читателя, что хотя въ урокахъ его многое дѣйствительно неполно, кратко и изложено въ видѣ намековъ, но это ничего не значитъ, потому что въ концѣ каждаго урока перечислены источники, въ которыхъ можно найти изложеніе полное и вполнѣ удовлетворительное. По нашему крайнему разумѣнію, подобный способъ составлять хорошія руководства былъ бы ужъ слишкомъ легокъ. Стоило бы только перечислить главнѣйшіе источники и лучшія руководства по какой угодно наукѣ, и дѣло съ концомъ: вся отвѣтственность за собственное изложеніе снималась бы съ автора! Но здравая критика не можетъ уволить автора отъ этой отвѣтственности: ей нѣтъ дѣла до того, какія книжки читалъ онъ; она смотритъ только на то, что онъ написалъ. Слѣдовательно, никакъ не можетъ она измѣнить свое мнѣніе о книгѣ, когда авторъ въ оправданіе свое говоритъ, подобно г. Павловскому: «вѣдь мы помѣстили въ концѣ каждой статьи главные источники для преподавателей, а также, разумѣется, и для рецензентовъ, а въ предисловіи сказали, что многія мѣста въ нашихъ лекціяхъ не полны, или же очень кратко изложены, и что источники дадутъ преподавателямъ возможность ихъ пополнять» (стр. 394). Въ этихъ словахъ заключается приговоръ, можетъ быть, лестный для учености авторовъ, изучавшихъ источники, но вовсе не лестный для самой ихъ книги. Но еще болѣе рѣзкое осужденіе своей книги, какъ руководства для употребленія учащихся географіи, находится въ слѣдующихъ словахъ г. Павловскаго. «Развѣ можно, говоритъ онъ, защищая свой взглядъ, сливающій «уроки» съ источниками, по которымъ они составлены,—развѣ можно предположить, чтобы мы ограничились въ курсѣ географіи простой замѣткой, что причиною умѣренности климата Океаніи служатъ слѣдующія три обстоятельства: 1) огромная масса воды и небольшое протяженіе острововъ; 2) пассаты, бризы и теченія и 3) всегдашнее равноденствіе. Да вѣдь здѣсь каждое слово вызываетъ вопросъ,—почему, а

отвѣтъ на это заключается опять-таки въ источникахъ. Даже слово бризы, нарочно напечатанное курсивомъ на стр. 47, намекаетъ очень ясно на эту необходимость объясненій. Что за бризы, отчего они происходятъ и почему смягчаютъ зной климата Океаніи,—все это надо объяснить, и объяснить точно, просто и занимательно» (стр. 394). Именно—надо объяснить; но объясненія, не только точнаго, простого и занимательнаго, но никакого—нѣтъ въ урокахъ г. Павловскаго и В. Л.; слѣдовательно, книга ихъ недостаточна,—заключеніе прямое и, кажется, логическое. Именно это самое заключеніе и высказывалось всѣми, выражавшими недовольство этой книгой, и потому всѣ контроверсіи г. Павловскаго надобно считать не иначе, какъ слѣдствіемъ недоразумѣнія.

Но отсутствіе въ книгѣ «Природа и люди» *точныхъ, простыхъ и занимательныхъ объясненій* многихъ предметовъ произошло не случайно. Г. Павловскій объясняетъ, что это сдѣлано имъ *изъ уваженія къ званію преподавателя!* Вотъ его слова: «Мы до такой степени уважаемъ преподавателя и его высокое призваніе, что *никакъ не осмѣлимся и подумать, что руководство должно быть такъ составлено, чтобы каждая фраза была совершенно понятна ученику (!?)* и чтобы оно не требовало отъ преподавателя большой начитанности и большихъ, большихъ трудовъ» (стр. 400). Относительно трудовъ преподавателя не будемъ спорить; но, скажите пожалуйста, какъ же можно при составленіи руководства задавать себѣ задачу, чтобы не каждая фраза могла быть понятна для учениковъ? Что это за средневѣковую кабалистику вздумалъ проповѣдывать г. А. Павловскій?.. Безъ всякаго сомнѣнія, ни одно руководство въ мірѣ не достигало еще такой ясности, чтобы *каждая* фраза его была вполнѣ понятна *каждому* ученику. Этого даже и невозможно достигнуть, по причинѣ разнообразія способностей и степени развитія учениковъ. Но, тѣмъ не менѣе, руководство должно стремиться къ наибольшей ясности; быть понятнымъ *во всемъ* и *для всѣхъ*—есть идеалъ всякаго учебника. Чѣмъ ближе подходитъ онъ къ этому идеалу, тѣмъ лучше; чѣмъ болѣе нуждается онъ въ объясненіяхъ, чѣмъ болѣе встрѣчается въ немъ фразъ, непонятныхъ для ученика съ перваго раза, тѣмъ хуже. Эта истина, кажется, не требуетъ доказательствъ. А г. Павловскій рѣшается увѣрять, что руководство *не должно* быть такъ составлено, чтобы каждая фраза была понятна для ученика. Мы не знаемъ, чѣмъ объяснить эту странность, и рѣшаемся предположить только, что г. Павловскій смѣшалъ значеніе учебника съ значеніемъ краткаго конспекта, который обыкновенно служитъ для самого учителя, ученикамъ же дается только какъ пособіе при общемъ повтореніи уроковъ.

Кромѣ обязанности толковать непонятныя фразы учебнаго руководства, г. Павловскій возлагаетъ на преподавателя еще обязанность заниматься своею наукою по источникамъ. Это требованіе вполнѣ основательно и справедливо — въ отвлеченномъ смыслѣ. Но предъявлять его нашимъ преподавателямъ географіи въ гимназіяхъ—значитъ совершенно не имѣть понятія о ихъ положеніи. Прежде всего нужно замѣтить, что географія у насъ не считается въ ряду наукъ

важныхъ, и потому для нея въ гимназіяхъ полагается *младшій*, а не старшій учитель. Это одно уже дѣлаетъ большую разницу, такъ какъ извѣстно, что младшій учитель получаетъ менѣе жалованья, и потому на эти мѣста поступаютъ люди, не имѣющіе ученыхъ правъ, которыя бы дали имъ возможность занять мѣсто старшаго учителя. Но положимъ, что и младшій учитель могъ бы захотѣть изучать свою науку *по источникамъ*; смѣемъ увѣрить г. Павловскаго, что подобное желаніе не могло бы быть исполнено въ большей части случаевъ. Общее состояніе просвѣщенія въ нашихъ провинціяхъ извѣстно, безъ сомнѣнія, хотя отчасти, г. Павловскому; но онъ, какъ видно, не имѣетъ никакого представленія о томъ, въ какомъ положеніи находятся гимназическія провинціальныя библіотеки и какого труда стоитъ небогатому человѣку въ губернскомъ городѣ выписать себѣ порядочную иностранную книгу. Въ отвѣтѣ г. Кронебергу г. Павловскій щеголяетъ выписками на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, изъ Бюхеле, Гейзинга, Зоммервиля, Миллера и проч. Въ указаніи источниковъ онъ называетъ Клöобена, Уильсона, д'Эскерака де-Лотюръ, Дебору Кулея и проч. Можно поручиться, что три четверти всѣхъ преподавателей географіи въ Россіи никогда не слыхали этихъ именъ, и 99 изъ ста не имѣли возможности читать сочиненій, о которыхъ упоминаютъ гг. Павловскій и Лядовъ. Многія изъ названныхъ ими сочиненій написаны на англійскомъ языкѣ; а извѣстно, что знаніе этого языка не такъ еще распространено у насъ, чтобы вмѣнять его въ обязанность младшимъ учителямъ гимназій. Да если бы они и могли читать по-англійски, то не нашли бы въ гимназіяхъ, что читать. Въ гимназическихъ библіотекахъ нашихъ не часто можно найти даже Тенгоборскаго и Арсеньева, очень рѣдко Риттера и Гумбольдта и никогда, конечно, тѣ спеціальныя сочиненія, которыхъ изученія требуетъ отъ преподавателей г. Павловскій, какъ необходимаго дополненія при употребленіи его книжки въ классѣ. Мы смѣло рѣшаемся утверждать, что *всякій* изъ провинціальныхъ преподавателей (исключая развѣ университетскіе города, да и то едва-ли), просмотрѣвши перечень источниковъ въ книжкѣ гг. Павловскаго и В. Л., откажется отъ нея, если ему скажутъ, что она можетъ быть полезна *не иначе*, какъ подъ условіемъ знанія *всѣхъ* выставленныхъ авторами источниковъ. Отыскать всѣ эти источники можно только въ Петербургѣ, да и то для пріобрѣтенія ихъ нужны средства довольно значительныя и ужъ, во всякомъ случаѣ, превышающія состояніе младшаго учителя гимназіи.

Затрудненія еще болѣе увеличиваются тѣмъ, что въ книжкѣ гг. Павловскаго и В. Л. нѣтъ картъ и пояснительныхъ чертежей и рисунковъ. А, между тѣмъ, по способу изложенія, принятому авторами, обыкновенныя карты, употребляемыя при изученіи географіи, вовсе ужъ не годятся. Мы не скажемъ, что для пониманія объясненій, находящихся въ книгѣ «Природа и люди», необходимо основательное знаніе физики,—какъ утверждалъ г. Кронебергъ; но мы замѣтимъ, что для учениковъ необходимъ при этомъ, по крайней мѣрѣ, физическій атласъ. А гдѣ у насъ физическіе атласы? Атласъ Берггауза по

своей дорогой цѣнѣ едва ли многимъ можетъ быть доступенъ. То же надобно замѣтить и объ атласахъ Бромме и Киперта, которые могли бы помочь пониманію многихъ мѣстъ въ урокахъ гг. Павловскаго и В. Л. Можно ли составителю хорошей учебной книги географіи отстранять отъ себя всякую обязанность предупредить подобные недостатки и сваливать ее единственно на усердіе преподавателя? Правда, что очень хорошій преподаватель можетъ помочь горю, если будетъ имѣть подъ руками всѣ нужныя пособія; но вѣдь въ такомъ случаѣ ему ужъ рѣшительно не нужна будетъ книжка гг. Павловскаго и В. Л.

Высказывая эти замѣчанія, вызванныя всего болѣе замашистымъ тономъ «отвѣта» и слишкомъ идеальнымъ взглядомъ г. Павловскаго на обязанность преподавателя,—мы, однако же, вовсе не хотимъ унижать достоинство самой книги, составленной имъ и г. В. Л. Напротивъ, потому-то мы и распространились о взглядѣ автора, что придаемъ большое значеніе его книгѣ. Повторимъ еще разъ, что по живости и увлекательности изложенія и по дѣльности сообщаемыхъ свѣдѣній это лучшая книга, какая до сихъ поръ являлась у насъ по части географіи.

---

38. Краткій указатель горыгорѣцкихъ земледѣльческихъ учебныхъ заведеній.

С.-Петербургъ. 1858 г. въ 8-ю д. л. 57 стр.

Заглавіе этой книжки довольно ясно опредѣляетъ ея содержаніе. Это не есть отчетъ о дѣятельности горыгорѣцкаго института и подвѣдомственныхъ ему заведеній, а именно указатель того, что въ нихъ есть. Сначала описывается помѣщеніе въ мѣстечкѣ Горкахъ института, земледѣльческаго училища и учебной фермы; затѣмъ предлагается нѣсколько историческихъ свѣдѣній о нихъ, потомъ—правила для поступленія въ институтъ и училище, предметы преподаванія, существующіе въ нихъ, и предметы занятія на учебной фермѣ. Къ этому прибавлено нѣсколько приложеній, въ которыхъ перечисляются разные предметы, принадлежащіе къ занятіямъ воспитанниковъ, какъ въ училищѣ, такъ и на фермѣ, именно: модели земледѣльческихъ орудій, коллекція предметовъ по луговодству, садоводству, скотоводству, пчеловодству и проч., также предметовъ сельской технологіи и промышленности, архитектуры и механики; затѣмъ—списокъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ въ саду института, описаніе дендрологическаго питомника, учебнаго пчельника и овчарни, учебной фермы. Все это имѣетъ интересъ болѣе спеціальный для тѣхъ, кто нуждается въ свѣдѣніяхъ относительно того, какими внѣшними средствами располагаютъ институтъ и земледѣльческое училище въ Горкахъ. Духа преподаванія и успѣховъ практическихъ занятій нельзя узнать изъ этой книжки; но кто же и станетъ этого требовать отъ указателя? Приведемъ здѣсь нѣсколько историческихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ на первыхъ страницахъ книжки.

Мысль объ учрежденіи земледѣльческихъ училищъ родилась въ 1831 г. Въ 1836 г. данъ былъ указъ объ учрежденіи школы въ Горкахъ, и въ 1840 г. послѣдовало дѣйствительное ея открытіе. Въ школѣ этой было два разряда, низшій и высшій. Въ 1842 г. этотъ высшій разрядъ значительно распространенъ, а въ 1848 г. переименованъ въ земледѣльческій институтъ съ правами университетовъ, для приготовленія ученыхъ агрономовъ. Въ то же время низшій разрядъ наименованъ земледѣльческимъ училищемъ, которое имѣетъ цѣлью образованіе сельскихъ управителей, приказчиковъ и бухгалтеровъ. Въ училище принимаются люди всѣхъ свободныхъ состояній, а также помѣщичьи крестьяне, съ согласія помѣщиковъ, и евреи. По окончаніи курса они освобождаются отъ платежа податей и рекрутской повинности. Кончившіе курсъ въ институтѣ получаютъ чинъ 10-го или 12-го класса. Лучшіе изъ нихъ могутъ быть посылаемы въ чужіе края для усовершенствованія въ наукѣ сельскаго хозяйства.

---

39. О необходимости построить науку о слогѣ на грамматическихъ основаніяхъ.

Сочиненіе Виктора Баева. С.-Петербургъ. 1857 г. 6 стр.

Г. Викторъ Баевъ вообразилъ, что есть какая-то *наука о слогѣ*, а потомъ убѣдился, что вновь изобрѣтенная имъ наука не что иное, какъ та часть грамматики, которую называютъ обыкновенно синтаксисомъ. Въ брошюркѣ своей онъ старается сообщить свое убѣжденіе читателямъ. Читатели могутъ отвѣтить, что они никогда не сомнѣвались въ томъ, что словосочиненіе есть часть грамматики. Но они убѣждены, конечно, и въ томъ, что умѣнье правильно согласовать слова и употреблять такъ наз. грамматическія фигуры—еще не составляетъ слога, а равно, что *языкъ* и *слогъ* суть вещи совершенно различныя.

---

40. Русская грамматика для полковыхъ унтеръ-офицерскихъ школъ.

Изданіе редакціи журнала «Чтеніе для солдатъ». С.-Петербургъ. 1858 г. 71 стр.

Упрощенная ариѳметика для полковыхъ унтеръ-офицерскихъ школъ.

Изданіе редакціи журнала «Чтеніе для солдатъ». С.-Петербургъ. 1858 г. 51 стр.

Оба эти руководства составлены весьма удачно, примѣнительно къ своей цѣли. Въ грамматикѣ излагаются только самыя общія правила, необходимыя для того, чтобы человѣкъ могъ пріучиться писать съ толкомъ и правильно. Правила эти постоянно выводятся изъ примѣровъ. Насъ порадовало особенно то, что въ этой грамматикѣ нѣтъ ни школьныхъ опредѣленій грамматики, частей рѣчи, склоненій, спряженій и проч., ни длинныхъ таблицъ падежей со всевозможными

исключеніями, ни запутанныхъ толковъ о видахъ и залогахъ и т. п. Все очень строго подчинено практической цѣли, и оттого, вѣроятно, руководство это принесетъ свою пользу.

То же самое нужно сказать и объ ариѳметикѣ. И въ ней нѣтъ помину о томъ, что такое ариѳметика, число, единица и проч., а просто начинается дѣло съ объясненія нашей десятичной системы, и затѣмъ излагаются очень толково первыя четыре ариѳметическія дѣйствія.

Примѣры и способъ изложенія примѣняются большею частью къ солдатскому быту и къ ихъ понятіямъ. Намъ кажется только, что напрасно составитель руководства прибѣгаетъ иногда къ прибауткамъ и выходкамъ слишкомъ дѣтскимъ. Мы не совсѣмъ одобряемъ прибаутки, вмѣсто простоты изложенія, и въ дѣтскихъ книгахъ; тѣмъ менѣе нужны онѣ въ книгѣ, назначенной для взрослыхъ. Правда, что эти взрослые—простолюдины, находящіеся на довольно низкой степени развитія; но все-таки ихъ понятія о вещахъ уже болѣе солидны, нежели у маленькихъ дѣтей.

---

41. Французскія дѣтскія книги.

Часто у насъ приходится слышать патріотическія жалобы на то, что дѣтей воспитываютъ на французскихъ, а не на русскихъ книжкахъ. Жалобы эти были бы вполнѣ справедливы, если бы воспитателямъ представлялся равный выборъ хорошихъ дѣтскихъ книгъ какъ во французской, такъ и въ русской литературѣ. Но, къ сожалѣнію, этого нѣтъ до сихъ поръ, и на вопросъ: отчего у насъ дѣти читаютъ французскія книги «и не читаютъ книгъ своихъ», мы и теперь должны повторить стихъ Пушкина о русскихъ книгахъ: Да гдѣ жъ онѣ? Давайте ихъ.

Первое требованіе всякаго учителя и воспитателя относительно дѣтскихъ книгъ состоитъ, разумѣется, въ томъ, чтобы книжки эти были полезны для умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей. Чтобы удовлетворить этому требованію, дѣтскія книжки должны быть по содержанію дѣльны и въ то же время интересны для дѣтей, а по изложенію—совершенно просты. Русскихъ книгъ, которыя бы удовлетворяли этимъ условіямъ, весьма немного; поневолѣ приходится обратиться къ иностраннымъ и преимущественно французскимъ, такъ какъ знаніе французскаго языка наиболѣе распространено въ нашемъ обществѣ, даже между дѣтьми. Такимъ образомъ французскія изданія для дѣтей расходятся по Россіи въ огромномъ количествѣ, и это явленіе оправдывается съ одной стороны недостаткомъ хорошихъ русскихъ книгъ, съ другой—относительными достоинствами французскихъ изданій.

Но и о французскихъ книжкахъ нельзя сказать, чтобъ онѣ были безусловно хороши. Еще менѣе можно сказать, чтобъ онѣ всѣ были одинаково приспособлены къ понятіямъ всякаго ребенка. Напротивъ, есть въ числѣ ихъ книги, и очень хорошія сами по себѣ, но годныя

исключительно только для извѣстнаго возраста или для извѣстной степени развитія дитяти. Поэтому при выборѣ французскихъ книгъ для дѣтскаго чтенія нужны большая осторожность и основательныя соображенія относительно того, какая книга болѣе соотвѣтствуетъ возрасту, степени развитія, даже характеру и внѣшнему положенію дѣтей, которымъ мы желаемъ избрать полезное чтеніе. Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, мы считаемъ не безполезнымъ представить нашимъ читателямъ нѣсколько замѣтокъ о новыхъ дѣтскихъ книжкахъ на французскомъ языкѣ, появившихся передъ праздниками во французскихъ книжныхъ лавкахъ въ Петербургѣ. Оставляя въ сторонѣ множество вздорныхъ спекуляцій—азбукъ, сборниковъ, нравоученій и т. п., мы скажемъ здѣсь только о книжкахъ, почему-нибудь заслуживающихъ вниманія. Начнемъ съ книгъ, имѣющихъ отчасти научное содержаніе.

Nouvelle géographie en estampes, revue pittoresque de l'univers, nouvelles, contes, légendes et aperçus historiques sur les moeurs, usages, costumes des différents peuples. Par A. Vanault, Ch. Richomme et A. Costillon. Paris, in-8, 266 p.

Авторамъ этой книги пришла въ голову счастливая мысль; дать дѣтямъ общую характеристику различныхъ странъ посредствомъ небольшихъ разсказовъ, имѣющихъ мѣстный колоритъ. Чтобы разсказы эти были совершенно понятны дѣтямъ, авторы сначала предлагаютъ обыкновенно общее обозрѣніе (aperçu pittoresque) каждой части свѣта, и потомъ уже разсказываютъ исторіи, относящіяся въ частности къ той или другой сторонѣ. Обозрѣнія составлены всѣ очень просто и занимательно. Нѣтъ въ нихъ излишнихъ подробностей, которыя понадобятся дѣтямъ уже при систематическомъ изученіи географіи; нѣтъ даже названій многихъ рѣкъ, городовъ, указанія пространства, числа жителей каждой страны и т. п. Но зато есть нѣсколько вѣрныхъ, характеристическихъ замѣтокъ о каждой странѣ, нѣсколько анекдотовъ, происшествій, любопытныхъ изреченій и мнѣній, кстати приведенныхъ и могущихъ подѣйствовать на воображеніе дѣтей. Главная цѣль обозрѣнія—познакомить дѣтей съ топографіею различныхъ странъ и отчасти съ характеромъ ихъ природы и жизни. Для этого авторъ приглашаетъ дѣтей отправиться съ нимъ путешествовать и, начиная съ Англіи, проходитъ съ ними всѣ страны Европы. Имѣя передъ глазами порядочную карту, дѣти очень удобно могутъ слѣдить за этимъ путешествіемъ. Затѣмъ начинаются разсказы маленькихъ исторій, происходившихъ въ той или другой странѣ. Въ этихъ исторіяхъ болѣе или менѣе полно и удачно изображаются нравы и образъ жизни жителей и характеръ мѣстности. Рисунки, находящіеся почти при каждомъ разсказѣ и исполненные довольно недурно, знакомятъ дѣтей съ національными костюмами и отчасти даже съ типами физіономій. Послѣ Европы точно такъ же изображены и остальныя части свѣта.

Изъ сдѣланныхъ нами указаній можно видѣть, что авторы, имѣя въ виду весьма хорошую мысль, употребили для ея осуществленія вѣрные и основательные пріемы. Но не можемъ не замѣтить, что исполненіе не совершенно удалось имъ, и потому книгу ихъ нельзя счи-

тать вполнѣ достаточнымъ пособіемъ для сообщенія дѣтямъ первоначальныхъ географическихъ свѣдѣній. Разсказы гг. Вано, Ришома и Кастильона имѣютъ слишкомъ мало разнообразія и нерѣдко пропускаютъ безъ вниманія весьма характеристическія особенности страны. Иногда вмѣсто современныхъ разсказовъ предлагаются историческіе, которые о странѣ вовсе не даютъ понятія. Вообще разсказы показались намъ составленными не совсѣмъ удачно, въ томъ отношеніи, что они не раскрываютъ для читателя характеръ страны и народа, а только едва-едва приподымаютъ маленькій уголокъ завѣсы, скрывающей географію и этнографію отъ любопытства маленькихъ читателей. Впрочемъ, хорошо и то, что хотя уголокъ завѣсы приподымется и любопытство дѣтей будетъ возбуждено. Для дальнѣйшаго изученія имъ уже не трудно будетъ найти хорошіе матеріалы. «Географія въ эстампахъ» замѣчательна именно тѣмъ, что разсказы, въ ней помѣщенные, могутъ имѣть интересъ для дѣтей: они очень несложны, большею частью занимательны и по изложенію доступны для десятилѣтнихъ дѣтей (разумѣется, очень хорошо уже владѣющихъ французскимъ языкомъ).

«Географія въ эстампахъ» получаетъ въ нашихъ глазахъ еще болѣе цѣны отъ сравненія съ другою книгою, имѣющею тотъ же предметъ, но далеко различающеюся отъ нея въ исполненіи. Эта вторая книга называется

Le monde en estampes. Types et costumes des principaux peuples de l'univers. Lithographie par I. Bocquin, d'après les dessins de MM. Leloir et Fossey, texte par Elisabeth Müller. Paris, in-4, 51 p.

На эту книгу можно *смотрѣть* съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ на «Географію въ эстампахъ»: здѣсь рисунки гораздо лучше и ихъ больше. Но отчетливостью и изяществомъ рисунковъ (впрочемъ, тоже не совсѣмъ безукоризненныхъ въ отношеніи къ вѣрности типовъ и костюмовъ) и ограничивается все достоинство книги. Скука, вялость описаній, неопредѣленность и безцвѣтность выраженій, ошибки и узость взгляда составляютъ отличительныя свойства текста книги, написаннаго г-жею Елизаветою Миллеръ. Французское хвастовство выражается очень безцеремонно, напр., въ признаніи, что Франція произвела болѣе, чѣмъ всякая другая страна, знаменитыхъ ученыхъ и великихъ артистовъ (стр. 6). Какъ огромны историческія ошибки книги, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра, взятаго нами изъ описанія Россіи (стр. 20): «Какъ и черезъ другія страны Европы, черезъ Россію проходили скандинавы, тевтоны и готы, гунны и другіе азіатскіе варвары, которые, будучи отброшены назадъ Карломъ Великимъ, возвратились сюда, чтобы утвердиться въ этихъ пустыняхъ». Но мало этого: кромѣ незнанія, авторъ обнаруживаетъ еще крайне отсталыя и невѣжественныя тенденціи, которыя въ наше время странно видѣть напечатанными даже и русскими буквами, не только что французскими. Кто не удивится, если мы приведемъ изъ «Le monde en estampes» слѣдующую тираду, которою начинается описаніе земли кафровъ (стр. 38): «Ты будешь рабъ рабомъ твоихъ братьевъ, сказалъ Хаму

оскорбленный имъ патріархъ, и всѣ націи, во всѣ времена, являются исполнителями этого рѣшенія: черное, проклятое племя подчинено бѣлому...» Нѣсколько строкъ далѣе: «Христіанская любовь заставила подать голосъ за уничтоженіе рабства,—и если оно существуетъ еще, такъ это *потому, что лишеніе этихъ рабовъ было бы разореніемъ, котораго нельзя же требовать отъ тѣхъ, кто ими владѣетъ*». Видно, что авторъ стоитъ еще на той степени развитія, на которой находились у насъ нѣкоторые господа прошлаго вѣка, называвшіе слугъ своихъ «хамовымъ отродьемъ».

Повторяемъ: рисунки въ книжкѣ очень разнообразны и хорошо исполнены; для рисунковъ можно дать дѣтямъ «Le monde en estampes». Но, рѣшаясь на это, необходимо соблюсти одну предосторожность: предварительно вырвать изъ книжки весь текстъ. Иначе, хотя дѣти и сами, конечно, не станутъ читать этой скучной книги, но все-таки, взглянувъ на ту или другую страницу, могутъ почерпнуть оттуда такія свѣдѣнія и понятія, отъ которыхъ благоразумный воспитатель долженъ всячески оберегать дѣтскую голову и сердце.

Цѣна обѣихъ книгъ, названныхъ нами, одинакова: каждая стоитъ 4 р. 50 к. сер.

Le livre des merveilles. Contes pour les enfants, tirés de la mythologie par Nathaniel Hawthorne, traduit de l'anglais par Léonce Babillon. Paris, 1858. Deux tomes, in-8, 253 et 305 p.

Въ двухъ томикахъ, которыхъ заглавіе мы выписали, заключается двѣнадцать разсказовъ изъ греческой миѳологіи. У насъ греческая миѳологія извѣстна очень мало, да и нѣтъ особенной надобности наполнять ею голову дѣтей. По крайней мѣрѣ, намъ кажется, что вовсе не слѣдуетъ сожалѣть о томъ времени, когда въ нашу литературу, съ легкой руки французовъ вѣка Людовика XIV, вторгались было зевсы, пегасы, буцефалы, минервы, купидоны и многія сотни ихъ собратій. Поэтому мы вовсе не признаемъ необходимости и пользы изученія миѳологіи въ дѣтскомъ возрастѣ и, нисколько не задумавшись, готовы осудить всякаго воспитателя, заводящаго дѣтей на Парнасъ и Олимпъ, чтобъ они выдолбили всѣхъ тамошнихъ членовъ и обитателей. Французы особенно падки къ миѳологіи, и для нихъ дѣйствительно изученіе ея почти необходимо, потому что ихъ литературные шедевры непремѣнно требуютъ знакомства съ миѳологическими богами и героями. Но у насъ вовсе нѣтъ такой надобности: наша литература высшимъ своимъ развитіемъ обязана не классическимъ началамъ, а реальному направленію, почерпающему свою силу въ самой дѣйствительности, живой и современной. Слѣдовательно, у насъ вовсе не можетъ возникнуть потребности давать дѣтямъ курсы миѳологіи, съ цѣлью познакомить ихъ съ тѣмъ, какъ приходился роднею какой-нибудь греческій герой какой-нибудь богинѣ, или съ тѣмъ, какого рода табель о рангахъ существовала у древнихъ боговъ и полубоговъ. Съ этой стороны, конечно, никто у насъ не заинтересуется и разсказами Готорна.

Но есть въ этихъ разсказахъ другая сторона, которая заставляетъ рекомендовать эту книжку тѣмъ воспитателямъ, которые счи-

таютъ полезнымъ для дѣтей чтеніе волшебныхъ сказокъ. Что касается до насъ, то мы не видимъ ни малѣйшей нужды забавлять дѣтей непремѣнно фантастическими сказками. Мы убѣждены, что хорошо и просто разсказанное приключеніе изъ дѣйствительной жизни такъ же точно можетъ заинтересовать дѣтей, какъ и самое невѣроятное фантастическое преданіе, наполненное всевозможными чудесами. Но нельзя не сознаться, что хорошихъ дѣтскихъ книгъ съ реальнымъ направленіемъ почти не существуетъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Поневолѣ приходится давать дѣтямъ сказки и побасенки, смотря уже только за тѣмъ, чтобы выбрать менѣе нелѣпое и болѣе приближающееся къ истинной поэзіи. И въ этомъ случаѣ разсказы Готорна представляютъ одно изъ прекрасныхъ явленій. Готорнъ извѣстенъ какъ отличный разсказчикъ вообще; его романы читались съ жадностью и взрослыми. Тотъ же интересъ умѣлъ онъ своимъ талантомъ придать и дѣтскимъ разсказамъ. Онъ не слишкомъ стѣснялся желаніемъ сохранить рабскую вѣрность подлиннымъ греческимъ преданіямъ; онъ выпускалъ нѣкоторыя подробности, измѣнялъ колоритъ разсказа, смягчалъ слишкомъ рѣзкія черты и т. п. Вообще миѳологія служила для Готорна только фономъ, на которомъ онъ совершенно свободно изображалъ картины и событія, представлявшіяся его воображенію. Онъ самъ говоритъ въ предисловіи, что поэтическія преданія древнихъ грековъ принадлежатъ своей поэтической стороной всѣмъ вѣкамъ и народамъ, и что потому всякій народъ всегда имѣетъ право усвоивать ихъ себѣ не въ мертвой ихъ неподвижности, а въ живой обработкѣ, сообразной съ условіями времени. Смотря на дѣло съ такой точки зрѣнія, Готорнъ умѣлъ написать нѣсколько дѣйствительно живыхъ и любопытныхъ разсказовъ, которые могутъ приковать къ себѣ вниманіе впечатлительныхъ дѣтей, вродѣ сказокъ изъ «Тысячи и одной ночи». И если ужъ мы допустимъ пользу сказочнаго чтенія для дѣтей, то между сказками немного можно найти такихъ живыхъ и увлекательныхъ вещей, какъ разсказы Готорна.

Для любителей волшебныхъ разсказовъ можно рекомендовать еще слѣдующія двѣ книжки:

Contes choisis des frères Grimm, traduits de l'allemand par Frédéric Baudry, Paris.

La Caravane. Contes orientaux, traduits de l'allemand de Hauff, par A. Tallon. Paris.

Книжки эти пользуются большой популярностью въ Германіи и имѣли успѣхъ во французскомъ переводѣ. Сказки братьевъ Гриммъ извѣстны уже въ теченіе полувѣка. Они старательно собрали преданія, легенды, повѣрья, притчи, ходившія въ народѣ по Германіи, и записали ихъ очень вѣрно, стараясь не измѣнять ихъ первоначальнаго характера. Собраніе ихъ имѣло много изданій и подвергалось различнымъ перемѣнамъ. Въ выборѣ для дѣтскаго чтенія разсказы во многомъ сокращены и иначе расположены. Во французской книжкѣ, лежащей теперь передъ нами, находится такое раздѣленіе: 1) нравственные разсказы; 2) религіозныя легенды; 3) фантастическіе и забавные разсказы. Послѣдніе, конечно, лучше всѣхъ остальныхъ ужъ и потому,

что въ нихъ не примѣшивается резонерства и разныхъ заднихъ мыслей къ чудеснымъ сказаніямъ. Отрѣшенныя отъ всякаго стремленія поучать, волшебныя преданія и сказки могутъ еще быть оправданы тѣмъ, что чтеніе ихъ развиваетъ воображеніе и пробуждаетъ поэтическое чувство въ дѣтяхъ. Но когда фантастическій разсказъ передается съ цѣлью нравственнаго назиданія, то и онъ теряетъ половину своей занимательности, и нравственное правило лишается половины своей силы, да, кромѣ того, дѣтямъ еще вбивается въ голову ложное и, слѣдовательно, вредное понятіе. Такъ, напр., «Подарки гномовъ» разсказывается для того, чтобы дѣти сдѣлали изъ нея нравственный выводъ, что не нужно жадничать, а надо довольствоваться малымъ. Выводъ очень хорошъ; но если дѣти его сдѣлаютъ, то единственно въ томъ случаѣ, когда повѣрятъ *истинѣ* разсказа. Если же они поймутъ, что разсказъ—вздоръ и выдумка, то и нравственный выводъ лишится для нихъ своей опоры. Слѣдовательно, для того, чтобы дѣти получали назиданіе изъ волшебныхъ разсказовъ, нужно ихъ какъ можно долѣе держать въ невѣдѣніи насчетъ истинности подобныхъ разсказовъ; нужно какъ можно долѣе ихъ обманывать. Едва ли кто-нибудь изъ благоразумныхъ воспитателей одобритъ такую мѣру. Если же дѣтямъ давать волшебныя сказки, какъ сказки, выдумки, небывальщину, то ужъ надобно отказаться отъ всякой претензіи на нравоученіе. Неужели въ самомъ дѣлѣ нельзя дѣтямъ внушить нравственныхъ началъ иначе, какъ опирая ихъ на небывалые и невозможные случаи? Это было бы очень жалко...

Съ удовольствіемъ и безъ вреда дѣти могутъ также прочесть и восточные разсказы Гауфа. Нѣкоторые изъ нихъ переведены были у насъ когда-то въ «Библіотекѣ для Воспитанія», и мы знаемъ, что дѣти читали ихъ съ жаднымъ любопытствомъ. Все фантастическое и невѣроятное имѣетъ здѣсь очень поэтическій колоритъ.

Цѣна каждой изъ названныхъ нами книжекъ 1 р. 25 к.

Contes d'Andersen, traduits du danois par D. Soldi. Paris. 334 p.

Разсказы Андерсена также давно извѣстны въ Германіи; у насъ они распространены, кажется, довольно мало. Между тѣмъ, нельзя не сказать, что разсказы эти написаны съ замѣчательнымъ талантомъ. Въ нихъ есть одна прекрасная особенность, которой недостаетъ другимъ дѣтскимъ книжкамъ: реальныя представленія чрезвычайно поэтически принимаютъ въ нихъ фантастическій характеръ, не пугая, однако, дѣтскаго воображенія разными буками и всякими темными силами. Андерсенъ обыкновенно оживляетъ и заставляетъ дѣйствовать обыкновенные, неодушевленные предметы. То у него оловянный солдатикъ жалуется на свое одиночество, то цвѣты пускаются въ веселые танцы, то ленъ переживаетъ различныя ощущенія при своихъ превращеніяхъ въ нитки, въ полотно, въ бѣлье, бумагу. Очень въ немногихъ разсказахъ являются сверхъестественныя, высшія силы, и эти разсказы составляютъ безспорно самую слабую часть всей книжки. Но зато есть премилые разсказы, въ которыхъ фантастическаго почти вовсе нѣтъ. Таковы, напр.: новое платье одного герцога, дѣвочка со спичками,

принцесса на горошинѣ, товарищъ путешествія и проч. Разсказы эти забавны или трогательны; они могутъ хорошо подѣйствовать на умъ и сердце дѣтей, и между тѣмъ въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго резонерства... Въ этомъ-то и видны искусство и талантъ разсказчика: его разсказы не нуждаются въ нравоучительномъ хвостикѣ; они наводятъ дѣтей на размышленія, и примѣненія разсказа дѣлаются дѣтьми уже самими, свободно и естественно, безъ всякой натяжки. Для доказательства укажемъ на разсказъ «Новое платье одного герцога». Содержаніе его слѣдующее: одинъ герцогъ очень любилъ безпрестанно дѣлать себѣ новое платье. Однажды явились къ нему два плута, увѣрявшіе, что они могутъ сдѣлать превосходную ткань для новаго платья, которая, кромѣ своего изящества, будетъ отличаться тѣмъ достоинствомъ, что дураки не въ состояніи будутъ ее видѣть. Герцогъ обрадовался этому, предполагая въ своемъ новомъ платьѣ найти средство отличать дураковъ и умныхъ. Плуты выпросили большія деньги, вытребовали дорогіе матеріалы, устроили мастерскую и—ничего не дѣлали. Герцогъ посылалъ къ нимъ своихъ министровъ; плуты показывали имъ пустой станокъ и спрашивали, какъ имъ нравится матерія. Опасаясь прослыть дураками, министры доносили герцогу, что матерія выткана въ самомъ дѣлѣ изумительно хорошо. Самъ герцогъ вдался въ обманъ и похвалилъ новое платье, котораго не могъ видѣть и котораго вовсе не было. Передъ какой-то торжественной процессіей плуты одѣли герцога въ воображаемое платье, придворные взялись нести небывалый шлейфъ, окружающіе удивлялись красотѣ новой одежды, и только когда началась процессія, одинъ ребенокъ закричалъ вслухъ, что герцогъ совсѣмъ безъ платья. Но надъ ребенкомъ посмѣялись, хотя многіе и даже самъ герцогъ думали про себя, что, по всей вѣроятности, ребенокъ правъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобные разсказы гораздо болѣе могутъ занять дѣтей и принести имъ пользу, нежели всевозможныя нравоучительныя побасенки. Книгу Андерсена смѣло можно рекомендовать для дѣтскаго чтенія.

Цѣна ей 1 р. 25 к.

Les bons exemples. Nouvelle morale en action, par Benjamin Delessert et De Gérando. Paris, 1858, in-8, 440 p.

Этой «новой морали въ дѣйствіи» никакъ нельзя порекомендовать дѣтямъ. Здѣсь представляются въ лицахъ разные виды добродѣтели. Составители книги исходятъ изъ той мысли, что если бы добродѣтель была видима, то ее всѣ полюбили бы; чтобы сдѣлать ее видимой, они предлагаютъ дѣтямъ сотни полторы скучныхъ и вялыхъ образчиковъ добродѣтели всякаго сорта. Одинъ добродѣтельный человѣкъ бросился подъ пушку для спасенія друга; другой отдалъ нищему послѣднія деньги; третій любилъ своего брата больше собственной жизни; четвертый потопилъ непріятельскій корабль; пятый съ опасностью собственной жизни спасъ утопающаго и т. д. Вяло, утомительно, безцвѣтно, безхарактерно... Дѣти, разумѣется, будутъ только зѣвать, если заставить ихъ читать эту *мораль въ дѣйствіи.* Но издатели очень довольны: въ заключеніе своей книги они увѣряютъ, что

отъ примѣровъ, представленныхъ ими, душа возвышается, очищается, облагораживается, дѣлается способною къ подражанію высокимъ образцамъ и непремѣнно захочетъ «être admise dans leur sainte famille». Можетъ быть это и случилось бы въ самомъ дѣлѣ, если бы только была какая-нибудь человѣческая возможность одолѣть всю скучную книгу «добрыхъ примѣровъ».

Стоитъ эта скучная книга 3 р. с.

Trésor moral du jeune âge. 190 contes pour les enfants, par le chanoine Chr. von Schmidt, traduit de l'allemand par Charles André. Bruxelles, in-12, 158 et 186 p.

О разсказахъ каноника Шмидта, несмотря на его пресловутую извѣстность въ Германіи, мы не рѣшимся сказать ничего хорошаго. Могутъ ли быть интересны и полезны для дѣтей разсказы въ одну и двѣ странички, пропитанные нравственными сентенціями и имѣющіе въ концѣ моральный хвостикъ, состоящій изъ двустишія или четверостишія? И какія прекрасныя сентенціи: не должно красть:

Le voleur est toujours découvert, quoiqu'il fasse,
Et rien ne peut l'aider, ni ruse, ni audace.
Un accident suffit pour nous le réveler.
Le mieux est de ne point voler.

Жалки тѣ дѣти, которыя нуждаются въ нравоучительныхъ исторійкахъ для убѣжденія въ томъ, что не должно красть. Но едва ли не болѣе жалки будутъ тѣ, которыя, повѣривъ канонику Шмидту, убѣдятся, что красть не слѣдуетъ *потому именно*, что кража всегда откроется и воръ будетъ наказанъ.

Возьмемъ другую сентенцію: нужно почитать родителей. Почему?

Qui n'aime ses parents et qui ne les honore,
Sur ses pas rarement voit le bonheur éclore.

Хороша мораль: предписывать любовь къ родителямъ, потому что это *выгодно* въ житейскомъ смыслѣ!

Вся книга каноника Шмидта состоитъ изъ такихъ сентенцій. Она очень напоминаетъ нашего почтеннаго писателя для дѣтей, г. Бориса Ѳедорова. Кажется, г. Борисъ Ѳедоровъ не мало позаимствовалъ изъ Шмидта въ своихъ дѣтскихъ стихотвореніяхъ.

Разсказы каноника Шмидта раздѣлены на четыре части: 1) нравоучительная ботаника; 2) нравоучительная зоологія; 3) нравоучительная астрономія, метеорологія и сельское хозяйство; 4) голое нравоученіе. О нихъ можно только сказать, что первыя части хуже послѣднихъ, а послѣднія хуже первыхъ.

Les petits poëtes et littérateurs. Contes historiques, dédiés à la jeunesse par M-me Eugénie Foa. Paris, in-8, 199 p.

Petits princes et petites princesses. Contes historiques, dédiés à la jeunesse par M-me Eugénie Foa. Paris, in-8, 199 p.

Въ прошломъ году г-жа Фоа издала нѣсколько разсказовъ о дѣтствѣ различныхъ полководцевъ и воиновъ; теперь она разсказы-

ваетъ случаи изъ дѣтскихъ годовъ разныхъ принцевъ и принцессъ, поэтовъ и литераторовъ. Нельзя не замѣтить, что нынѣшній выборъ г-жи Фоа гораздо удачнѣе, нежели прежній. По нашему мнѣнію, рѣшительно нѣтъ никакой надобности раскалять дѣтское воображеніе картинами дракъ, войнъ, воинскаго грабежа, пожаровъ и т. п. Тѣмъ менѣе представляется необходимости представлять дѣтямъ, какъ идеалы, изображенія такихъ людей, которыхъ вся жизнь протекла подъ пушками, въ пороховомъ дыму. Другое дѣло—мирныя занятія наукой и литературой, или управленіе государствомъ: въ этихъ сферахъ всякій ребенокъ можетъ найти для себя полезные образцы или, по крайней мѣрѣ, предметы для полезныхъ размышленій. И въ этомъ случаѣ весьма много могутъ помочь дѣтямъ прекрасные разсказы г-жи Фоа. Выборъ личностей, сдѣланный ею, очень недуренъ. Въ «Petits Princes» разсказаны случаи изъ жизни Маргариты Прованской, Изабеллы Баварской, Анны Бретанской, Луизы де Лоррень, Людовика XIV, Маріи Лещинской, Луизы французской и Людовика XVII. Въ «Les petits poëtes» заключаются статьи: Король Рене, Христина Пизанская, Клеманъ Маро, мадамъ де Севинье, Фенелонъ, Даніилъ де-Фое, Бернарденъ де Сенъ-Пьерръ, мадамъ Сталь. Всѣ разсказы отличаются занимательностью и простотою. Ихъ можно смѣло, даже у насъ, дать двѣнадцатилѣтнимъ дѣтямъ.

Цѣна каждой изъ книжекъ 1 р. 75 к. с.

---

42. Задушевныя бесѣды.

Изданіе *Н. Такарева*. Спб. 18$^{7}/_{1058}$.

Совершенный человѣкъ.

Наставленіе къ воспитанію дѣтей и къ искорененію зарождающихся въ нихъ дурныхъ наклонностей и пороковъ, а также легчайшія средства противъ волокитства, картежничества, пьянства и мотовства. Сочиненіе *К. Костанжогло*. Москва 1858.

Истинный другъ духовнаго юноши.

Практическія наставленія воспитанникамъ духовныхъ училищъ. Спб. 1858.

Эти три книги по сущности своей очень похожи одна на другую и различаются между собою только нѣкоторыми пріемами. Г. Такаревъ бесѣдуетъ со всѣми безъ различія; г. Костанжогло пишетъ для купцовъ, а истинный другъ преподаетъ свои наставленія духовнымъ воспитанникамъ,—какъ будто для купцовъ и духовныхъ воспитанниковъ должна существовать особая нравственность... Г. Такаревъ пишетъ въ формѣ отвлеченныхъ разсужденій, г. Костанжогло даетъ наставленія, касаясь только *необходимаго* и «не кидая капли истины въ море безполезныхъ выводовъ и разсужденій»; а истинный другъ излагаетъ цѣлую казуистику, входя во всевозможныя положенія своего духовнаго паціента и опредѣляя каждый шагъ его съ не-

вѣроятною точностью. Г. Такаревъ дружески бесѣдуетъ, никому не навязывая слишкомъ своихъ убѣжденій; г. Костанжогло совѣтуетъ послушаться его, какъ человѣка, умудреннаго долговременнымъ опытомъ; а истинный другъ даетъ своимъ правиламъ характеръ непреложныхъ опредѣленій, внѣ которыхъ, какъ внѣ ковчега Ноева, нѣтъ спасенія. Познакомимся нѣсколько короче въ отдѣльности съ каждымъ изъ друзей.

Книга г. Такарева состоитъ изъ осьми бесѣдъ. Въ первыхъ трехъ слышится отголосокъ славянофильскихъ мнѣній о томъ, на какихъ началахъ и какъ должно развиваться образованіе русское,— хотя авторъ и дѣлаетъ оговорку, что онъ не сочувствуетъ ни славянофиламъ, ни послѣдователямъ Запада; двѣ слѣдующія бесѣды выписаны почти цѣликомъ изъ какого-то семинарскаго учебника, а три послѣднія, вѣроятно, возникли въ головѣ самого г. Такарева. Прежде нежели познакомимъ читателя съ этими бесѣдами, считаемъ долгомъ предварить всѣхъ, желающихъ познакомиться съ задушевнымъ другомъ, что онъ не любитъ словъ: прогрессъ, цивилизація, принципъ, тенденція и нѣкоторыхъ другихъ, и всегда замѣняетъ ихъ русскими. Одно только слово изъ иностранныхъ понравилось ему, которое онъ и совѣтуетъ ввести въ русскій языкъ: это *импасъ*, сирѣчь — *безвыходное положеніе*. «Пусть, говоритъ онъ, придумаютъ другіе лучшее выраженіе въ этомъ импасѣ языка русскаго, и я съ удовольствіемъ откажусь отъ моего *импаса*». Какое великодушіе! Какая возвышенность чувствъ,—не правда ли? Какъ, право, иногда и въ малыхъ вещахъ видна великая-то душа! И эта-то великая душа изливается теперь передъ нами въ дружескихъ бесѣдахъ!.. Конечно, всякому лестно имѣть такого друга. Послушаемъ же, что онъ говоритъ.

Онъ говоритъ, что «русскіе дѣлятся на двѣ различныя части. Верхніе слои общества, образованное духовенство, дворянство (разумѣя подъ этимъ потомственное и личное), отличнѣйшее столичное купечество и артисты, вообще походятъ на соотвѣтствующія имъ состоянія у западныхъ народовъ и составляютъ, такъ сказать, петровское населеніе Россіи; прочіе слои общества составляютъ нѣчто отдѣльное и особенное, вовсе не сочувствующее образованію, ни современнымъ вопросамъ и довольствующееся заботами о своихъ семейныхъ и домашнихъ дѣлахъ». Образованность должна соединять эти разъединенныя части нашего общества, а для этого она должна опираться, по мнѣнію г. Такарева, на тѣхъ началахъ, которыя лежатъ въ основаніи характера каждаго русскаго человѣка. Начала эти: набожность, преданность царскому дому, любовь къ отечеству, добродушіе, гостепріимство, ловкость, смѣтливость и отвага. Далѣе авторъ говоритъ о томъ, что стараться объ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ въ нашемъ общественномъ устройствѣ—дѣло верховной власти и что мы должны только повиноваться законамъ. Высказывать же каждому свое мнѣніе касательно распоряженій законной власти или просто по поводу какого-нибудь общественнаго вопроса позволяется только въ томъ видѣ, въ какомъ дѣлалъ это Долгоруковъ, тогда ему не нравилась какая-нибудь мѣра Петрова. Весьма важ-

нымъ средствомъ къ общественному преуспѣянію, по мнѣнію г. Такарева, было бы награжденіе добродѣтельныхъ гражданъ, для примѣра прочихъ, знаками отличія. Эта мысль намъ очень понравилась. Жаль только, что когда проектъ этотъ будетъ приведенъ въ исполненіе, авторъ лишится одного изъ доводовъ, приводимыхъ имъ въ IV бесѣдѣ въ доказательство безсмертія души!.. А, впрочемъ, что за бѣда? Развѣ нельзя добродѣтельнаго человѣка, для примѣра прочихъ, наградить и въ *сей*, и въ будущей жизни?... Хорошо также разсуждаетъ авторъ о свободѣ. Онъ говоритъ, что свобода можетъ быть допущена въ обществѣ только въ видѣ *терпимости*, что «человѣкъ можетъ быть свободенъ развѣ только въ состояніи дикомъ, живя совершенно одинъ, а не въ сообществѣ съ людьми. Да и тогда онъ не будетъ пользоваться неограниченной свободой, ибо самая природа одушевленная и неодушевленная положитъ предѣлы его свободѣ, или, лучше сказать, своеволію». Хорошо, а главное не ново!..

Чтобы еще короче познакомить читателей съ задушевнымъ другомъ, позволимъ себѣ выписать изъ его книги *анализъ любви къ отечеству*, сохраняя во всей точности правописаніе автора.

«Я русской и, искренно, всѣмъ сердцемъ люблю Россію, благоденствіе, ея славу, ея величіе, ея колосальную громадность, ея *топографію* (?) съ ея обширными морями, съ ея гигантскими хребтами горъ, съ ея населенными безмѣрными степями, съ ея Камчаткою, Петербургомъ, Астраханью и Кавказомъ, съ ея Южнымъ берегомъ Крыма и, драгоцѣнною для сердца каждаго истинно русскаго, Москвою, ибо она сердце земли русской. Но почему я люблю землю русскую, любовью въ которой сложились всѣ живыя, благородныя сочувствія: къ величію, преданіямъ и ко всему, что проявляетъ значеніе и силу, и знаменуетъ жизнь моей милой родины? Потому именно, что: въ русской землѣ моя *родина*, не будь я Тулякъ, не будь моя родимая сторона самая эта Россія, не родись я въ Тулѣ, или другомъ какомъ мѣстѣ земли русской, или не родись отъ русскихъ, отъ которыхъ я, съ жизнью и воспитаніемъ, принялъ чувство любви къ Россіи, родись я на западѣ Европы, въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ или Австраліи, тогда Россія была бы для меня то, что теперь для меня Австралія. Значитъ я русской и люблю Россію потому, что я Тулякъ и Тульская губернія есть часть земли русской, но я Тулякъ потому, что въ Тульской губерніи есть Одоевскій уѣздъ, а въ немъ сельцо Надежино, гдѣ въ первые ощутилъ я жизнь, гдѣ лелѣяла меня моя кормилица, гдѣ ласкала меня мать моя, гдѣ я позналъ любовь родительскую, гдѣ согрѣлъ меня первый лучь солнца, гдѣ въ первый разъ я дышалъ воздухомъ мая, гдѣ въ первый разъ вдохнулъ ароматъ нарциса и сирени, гдѣ въ тихую, теплую ночь, при свѣтѣ луны, и мерцаніи звѣздъ, я впервые услышалъ пѣсни соловья, гдѣ безпечно игралъ младенецъ, и весело, и рѣзво наслаждался жизнію юношескою, гдѣ, въ послѣдствіи, подъ наитіемъ всѣхъ этихъ ощущеній и воспоминаній, гулялъ, въ тѣни завѣтныхъ рощей, съ милою подругою моей жизни и гдѣ въ первые запечатлѣлъ поцалуй на челѣ моего перваго дитяти. Вотъ, Милостивые Государи, моралисты и философы,

и вся разнообразная челядь *только* мыслящихъ и фантазирующихъ, *безъ* тщательнаго изученія природы и человѣка, вотъ источникъ моей любви къ родинѣ. И такъ, не будь Надежина, не будь въ немъ моего дома, а въ домѣ томъ моего кабинета и спальни: не было бы Надежино для меня тѣмъ, чѣмъ оно мнѣ есть, не, не былъ бы я Одаевецъ, не былъ бы я Тулякъ и не былъ бы я русскій, и тогда, разумѣется, и не было бы мѣста любви моей къ Отечеству русскому, и эта любовь была бы, какъ не бывалая *(comte avenne)*. Значитъ: потому что я люблю самаго себя, что Надежино мнѣ дорого и что Тульская губернія моя родина, потому именно: Россія *мое* отечество, потому мнѣ все русское драгоцѣнно, и потому я люблю мое отечество. Я люблю потому мое Отечество, что люблю себя самаго, потому что я эгоистъ».

Тонко, трогательно, краснорѣчиво! Вотъ какъ надобно писать!

Изъ представленнаго г. Такаревымъ *анализа любви къ отечеству* дѣлается совершенно ясно, что онъ любитъ *топографію* Россіи съ ея обширными морями, и любитъ ее потому, что онъ тулякъ, что онъ одоевецъ, что въ сельцѣ Надежинѣ онъ въ первый разъ вдохнулъ ароматъ нарциса и сирени. Отсюда можете вывести заключеніе о вліяніи запаха нарциса и сирени на развитіе любви къ отечеству, и пр.

Но пора уже разстаться съ задушевнымъ другомъ; обратимся теперь къ совершенному человѣку.

Этотъ господинъ нѣсколько въ иномъ родѣ. Онъ не пускается въ разсужденія и боится взглядовъ, особенно *новыхъ*, «которые, по словамъ его, въ настоящее время и такъ стали страшною болѣзнію нынѣшней полуученой молодежи». Не будучи самъ зараженъ этою *страшною болѣзнію*, онъ совѣтуетъ молодому купеческому поколѣнію подражать во всемъ своимъ предкамъ. «Знаю, говоритъ, что они иногда и не чистыми путями сколачивали себѣ капиталы, но это еще не бѣда! Кто Богу не грѣшенъ—бабушкѣ не внукъ! Зато они вставали съ словомъ Божьимъ на устахъ, да и въ церковь Божію жертвовали не мало,—вотъ и выходитъ, что они достойные люди!..» Въ каждомъ наставленіи г. Костанжогло виденъ набожный и хлѣбосольный москвичъ. Онъ совѣтуетъ лѣчить ребенка отъ шалостей молитвою и постомъ. Самое лучшее наказаніе, говоритъ,—«ставить ребенка на колѣни—на молитву и сажать на хлѣбъ и воду». Какъ москвичъ, любящій самъ поплотнѣе пообѣдать и поужинать и знающій, что и купеческія дѣти измлада къ тому же пріучаются, онъ считаетъ весьма чувствительнымъ для нихъ наказаніемъ — «оставленіе безъ обѣда, безъ завтрака, безъ полдника и т. п.; всѣ же тѣлесныя наказанія, какъ-то: ставленіе въ уголъ, на колѣни, розги, *надѣваніе колпаковъ* (?), говоритъ, ни къ чему не ведутъ». Весьма хорошею исправительною мѣрою можетъ служить также карцеръ, но и онъ полезенъ только тогда, когда въ немъ будутъ давать ребенку одинъ хлѣбъ съ водой. Какъ москвичъ, любящій полакомиться, пощелкать орѣшковъ, онъ совѣтуетъ купеческимъ учителямъ, «для большей наглядности и для заохочиванья ребенка, при изученіи чиселъ и первыхъ четырехъ пра-

вилъ употреблять лакомые предметы, какъ-то: орѣхи, яблоки» и т. п. «Легчайшія средства», которыя предлагаетъ г. Костанжогло противъ различныхъ пороковъ, дѣйствительно весьма просты. Для удержанія себя отъ волокитства онъ совѣтуетъ купеческимъ сынкамъ поскорѣе влюбиться и жениться, для подавленія страсти къ картежной игрѣ— перестать играть въ карты; то же средство предлагаетъ и противъ пьянства: нужно, говоритъ, перестать пить; а когда, говоритъ, эти пороки будутъ искоренены, то и мотовство само собою исчезнетъ. Таковъ совершенный человѣкъ.

Не менѣе хорошъ и истинный другъ духовнаго юноши. Шутка ли написать 543 наставленія, какъ долженъ вести себя духовный воспитанникъ, и на каждый самый мелочной случай въ жизни дать положительное и точное правило! Вѣдь это такая мудрость, передъ которою возблагоговѣлъ бы и самъ Ѳома Аквинатскій. Истинный другъ доходитъ до такой скрупулезности, что даетъ опредѣленныя правила, какъ благодарить за услугу и въ какихъ именно словахъ, какъ позвать служителя, что сказать и что сдѣлать, выпивъ чашку чаю, о чемъ говорить при встрѣчѣ съ людьми разныхъ сословій, возрастовъ и т. д., и какимъ именно голосомъ. У него есть наставленія, какъ молиться Богу, о комъ и о чемъ, въ какихъ словахъ, и послѣ какого слова слѣдуетъ перекреститься или положить земной поклонъ, какъ стоять, ходить, сидѣть, какъ ложиться въ постель и о чемъ думать въ опредѣленную минуту, когда быть застѣнчивымъ, улыбаться, выражать на лицѣ радость или сожалѣніе и т. п. И всѣ эти наставленія звучатъ какимъ-то особеннымъ тономъ, отзываются какимъ-то особеннымъ запахомъ. Жребій Божій (такъ называетъ истинный другъ духовнаго воспитанника), «избѣгай шумныхъ и многолюдныхъ улицъ; не ходи, безъ особенной нужды, по торговой площади, чтобы не наслушаться тебѣ тамъ нескромныхъ словъ и не развратить своего чистаго сердца». «Не ходи въ публичныя заведенія, на публичныя гулянья, на звѣриныя травли, конскія ристалища... помни, что ты—жребій Божій». Жребій Божій, «не посѣщай театральныхъ зрѣлищъ, не читай повѣстей и романовъ, сочиняемыхъ для занятія и развлеченія праздная досужества... ты можешь такимъ чтеніемъ разстроить свое воображеніе, развратить сердце, взволновать твою чистую юную кровь, а иногда и неопытный умъ твой заразить идеями вредными, гибельными». «Не пріучайся къ пѣнію свѣтскому и простонародному, чтобы тебѣ не образовать по нему своего голоса, который будетъ нѣкогда органомъ возвѣщенія людямъ воли Божіей». «Не смотри на красоту лица человѣческаго; дѣвы не зазирай и не смотри ей прямо въ глаза». Это все отрицательныя правила, а вотъ и положительныя, какъ образовывать умъ, сердце и волю. «Будь остороженъ, чтобы діаволъ не омрачилъ юнаго твоего ума заблужденіемъ; всѣ свои познанія старайся сдѣлать точными, ясными и полными; для сохраненія свободы воли своей, не подчиняй ея страстямъ своимъ; имѣй волю твердую; воспитывай въ своемъ сердцѣ только чувствованія святыя, благородныя и возвышенныя; размышляй о красотѣ, добродѣтели и гибельныхъ слѣдствіяхъ порока; бодрственно наблюдай за своей

совѣстью...» Кромѣ этихъ общихъ фразъ, собранныхъ отовсюду еще въ средніе вѣка досужими схоластиками и давно наскучившихъ даже самимъ семинаристамъ, въ разсматриваемой книгѣ находится множество интересныхъ правилъ, какъ вести себя въ отношеніи къ высшимъ и начальникамъ, въ чужомъ домѣ, какъ писать сочиненіе и т. п. «Въ обществѣ лицъ, высшихъ себя, не начинай разговора, больше молчи и слушай, что они говорятъ... Съ высшими говори голосомъ не громкимъ, нѣсколько тише, чѣмъ какъ они говорятъ; и никогда не оспаривай ихъ мнѣній, хотя бы они были противны твоимъ убѣжденіямъ». Начальникамъ и наставникамъ, а равно и всѣмъ высшимъ себя, «отдавай почтеніе искреннее, съ любовію. При встрѣчѣ съ ними, обернувшись къ нимъ лицомъ, сними шапку и поклонись, и если спросятъ тебя о чемъ-нибудь... пока не позволятъ тебѣ накрыться, не надѣвай шапки». «Не забывай принятыхъ въ обществѣ правилъ обращенія; говори *вы*—къ лицамъ, которыхъ превосходство сознаешь предъ собою, и ко всѣмъ людямъ, тебѣ неизвѣстнымъ, но почтеннымъ по наружности;—*ты*—къ своимъ друзьямъ, къ прислугѣ и ко всѣмъ, надъ кѣмъ очевидно твое превосходство; *добрый день* или *здравствуйте*—при свиданіяхъ; *до свиданія*—при прощаніи;—*извините* или *виноватъ*—за свою неловкость въ словѣ или обращеніи; *простите*—за такую же неловкость передъ высшими себя; *благодарю покорно*—за оказанную тебѣ услугу или за выраженіе участія и т. п.». «Пришедши въ чужой домъ, еще не входя во внутренніе покои, осмотри свою одежду, поправь волосы, очисти обувь отъ грязи... Въ домахъ, гдѣ есть передняя, оставляй въ ней свою шинель и галоши... Въ залѣ помолись Богу» и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлая вереница наставленій въ такомъ родѣ: «всегда имѣй при себѣ носовой платокъ, чтобы на полъ даже не плевать; старайся удерживаться отъ зѣвоты, чтобы не возбудить ея въ другихъ; не смѣйся громко, а только скромно улыбнись; не чисти въ зубахъ вилкой или ногтемъ, а также въ ушахъ пальцемъ; не разваливайся небрежно на стулѣ и не сгибайся много». Толкуется и о томъ, какъ садиться за столъ, какъ обращаться съ приборами и кушаньемъ, какъ держать ноги и руки. «Нигдѣ и особенно въ чужихъ домахъ, поучаетъ истинный другъ, не кури табаку, и даже не нюхай табаку, между прочимъ и потому, что ты этою страстью можешь соблазнять ближнихъ своихъ». «Выпивъ одну или двѣ чашки чаю, давай знать, что не желаешь пить болѣе; для этого обыкновенно ставятъ чашку вверхъ дномъ на блюдечкѣ; или, если есть чайная ложка, опускаютъ ее въ пустой стаканъ, или чашку; и благодари хозяина или хозяйку вѣжливымъ поклономъ». «Если будутъ поданы для угощенія плоды или другія какія-нибудь сласти, то кушай ихъ какъ можно менѣе, не пресыщайся во всякой сладости»... и т. д.

---

43. Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ де-Миріево,

или народныя училища въ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ II. *А. Воронова.* Спб. 1858.

Янковичъ де-Миріево принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ дѣятелей въ исторіи нашего воспитанія, которыхъ труды всегда будутъ имѣть свою цѣну въ глазахъ истинныхъ любителей просвѣщенія. По происхожденію онъ былъ сербъ, а по родинѣ венгерецъ. Предки его владѣли близъ Бѣлграда селомъ Миріево, названіе котораго удержалось въ его фамиліи. Окончивъ образованіе въ вѣнскомъ университетѣ, онъ сначала поступилъ на службу секретаремъ къ Темешварскому епископу Викентію Видаку, а потомъ опредѣленъ былъ первымъ учителемъ и директоромъ народныхъ училищъ въ Темешварскомъ Банатѣ, гдѣ скоро обратилъ на себя вниманіе правительства своею дѣятельностью по устройству училищъ. Въ 1782 г. Янковичъ, какъ человѣкъ опытный и извѣстный уже своими педагогическими трудами, по указанію императора Іосифа II, былъ вызванъ въ Россію, гдѣ императрицею Екатериною II предположено было образовать и распространить народныя училища на новыхъ основаніяхъ, потому что цифирныя школы оказались недостаточными для образованія юношества. Въ Россіи Янковичъ пробылъ до самой своей смерти, и съ 1783 по 1803 неутомимо трудился въ дѣлѣ устройства и управленія ввѣренныхъ ему училищъ.

Недостатки, отъ которыхъ страдало наше воспитаніе въ XVIII вѣкѣ, довольно многочисленны. Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, устроенныхъ по образцу западныхъ іезуитскихъ школъ, господствовалъ сухой схоластицизмъ, подавлявшій всякое живое движеніе мысли своимъ формализмомъ. Схоластики заботились не столько о содержаніи науки, сколько о подведеніи всѣхъ знаній подъ условно-составленныя формы. Учащихся занимали тонкими хитросплетеніями, обращали ихъ вниманіе на самые вычурные вопросы, которые могли родиться только въ головѣ схоластика, напримѣръ: есть ли въ волосахъ жизненная сила? отчего у женщинъ не растетъ борода? и т. п. Это — факты... Особенно сильно преобладалъ схоластицизмъ въ преподаваніи философіи и реторики. Въ реторикѣ формальность доходила до того, что излагались особыя правила, какъ похвалить рѣку, поле, зданіе и т. п. «Мало того, составленъ былъ цѣлый списокъ существительныхъ и прилагательныхъ именъ, служащихъ къ похвалѣ или порицанію, цѣлый наборъ словъ и выраженій, относящихся къ украшенію рѣчи, при чемъ въ особенномъ почетѣ были миѳологическія названія. И весь этотъ процессъ, какъ бы въ насмѣшку, назывался главою объ изобрѣтеніи мыслей» (стр. 11 и 12). Мертвый механизмъ обученія еще болѣе усиливался отъ того, что все преподаваніе совершалось на языкѣ латинскомъ. По примѣру іезуитскихъ училищъ, какъ вспомогательное средство при изученіи этого языка, употреблялся у насъ калькулюсъ, деревянный футляръ съ вложеннымъ въ него листомъ бумаги, на которомъ писались латинскія слова и имя того, въ чьихъ рукахъ онъ на-

ходился. Этотъ калькулюсъ давался тому, кто въ разговорѣ съ товарищами сказалъ хоть одно слово не по-латыни, или и по-латыни, но съ ошибкою. Плохо было тому, у кого калькулюсъ былъ на рукахъ въ то время, какъ приходилъ въ классъ латинскій учитель. Все преподаваніе учителя ограничивалось тѣмъ, что онъ задавалъ урокъ, который ежедневно прослушивался аудиторами. Учитель только повѣрялъ иногда отмѣтку аудитора и по субботамъ расправлялся съ неисправными. Поняли ли ученики то, что они выучивали наизусть, или нѣтъ—учителю до этого не было никакого дѣла. Что касается до системы взысканія, употреблявшейся въ духовныхъ училищахъ, то она поражаетъ насъ еще болѣе, чѣмъ самый схоластицизмъ. «Въ духовныхъ школахъ нижегородской епархіи первой половины XIII вѣка наставники, говоритъ г. Вороновъ, за неважные проступки дѣлали учащимся до двухъ разъ словесный выговоръ, за третью вину смиряли *шелепами*, за четвертую и пятую *плетьми и тюремнымъ арестомъ на недѣлю*. Въ послѣднемъ случаѣ преступника, скованнаго, подъ карауломъ отправляли въ Нижній Новгородъ, на его подводахъ и коштѣ».

Изъ духовныхъ училищъ схоластицизмъ проникъ и въ массу народа и въ началѣ прошлаго столѣтія охватывалъ уже всю систему нашего воспитанія. Но въ это же время, вслѣдствіе перемѣнъ, произведенныхъ Петромъ I въ нашемъ общественномъ и домашнемъ быту и особенно сильно ощутившейся тогда потребности въ людяхъ, хорошо приготовленныхъ по разнымъ отраслямъ знаній, стало возникать въ нашемъ воспитаніи другое направленіе—чисто практическое. Схоластицизмъ начинаетъ ослабѣвать и мало-по-малу сосредоточиваться опять въ первоначальномъ своемъ источникѣ—въ духовныхъ училищахъ. Первымъ учебнымъ заведеніемъ съ чисто-практическимъ направленіемъ была Навигаторская школа, основанная въ 1701 г. и впослѣдствіи переименованная въ Морскую Академію, а потомъ въ Морской Кадетскій Корпусъ. Здѣсь въ первый разъ стали преподавать на русскомъ языкѣ и по русскимъ учебникамъ. Положимъ, что эти учебники были слишкомъ плохи, но это все-таки шагъ впередъ. При всемъ томъ эта первая свѣтская школа имѣла весьма много недостатковъ. Учебный курсъ ограничивался однѣми только спеціальными науками, и поэтому изъ Навигаторской школы могли выходить знатоки своего дѣла, но уже никакъ не образованные люди. Преподаваніе отличалось утомительнымъ однообразіемъ, и главную роль играла память. Въ отношеніи къ наказаніямъ существовала безпощадная строгость. «Дядька, находившійся въ каждомъ классѣ, говоритъ г. Вороновъ, при малѣйшемъ безпорядкѣ билъ учениковъ хлыстомъ, а за болѣе важные проступки виновныхъ наказывали на школьномъ дворѣ плетьми». Само собою понятно, что такого рода училища были не слишкомъ привлекательны для юношей. Правительство строгими указами и жестокими мѣрами старалось принудить ихъ къ ученію: но многіе недоросли соглашались идти лучше на галеры, чѣмъ въ школу. Когда это учебное заведеніе преобразовано было въ Морской Кадетскій Корпусъ, курсъ обученія въ немъ нѣсколько измѣнился, но едва-ли къ лучшему. При корпусѣ существовалъ также от-

дѣльный классъ геодезіи, въ которомъ приготовлялись учителя для корпуса по предметамъ спеціальнымъ. Ученики геодезическаго класса составляли и прислугу для кадетовъ. Понятно, какимъ уваженіемъ пользовались они въ корпусѣ, сдѣлавшись учителями...

Почти такое же устройство имѣли Инженерная и Артиллерійская школы, съ тою только разницею, что здѣсь не было приготовительнаго класса для учителей, а брали ихъ со стороны, какіе попадутся. Каковы были эти учителя, это можно видѣть изъ разсказа Данилова объ учителѣ своемъ Прохорѣ Алабушевѣ, который подвергъ жестокому тѣлесному наказанію одного изъ учениковъ—за рисованье!

Что касается до Сухопутнаго шляхетскаго корпуса, то курсъ ученія былъ въ немъ нѣсколько шире; кадеты пользовались лучшимъ содержаніемъ и удобствами: но тѣлесныя наказанія были и здѣсь въ большой модѣ. По словамъ Бецкаго, «кадеты много терпѣли отъ фухтелей, и нѣкоторые, по выпускѣ изъ корпуса, оставались оттого навсегда хворыми».

Еще болѣе печальную картину представляетъ тогдашнее домашнее воспитаніе. Оно поручалось людямъ еще менѣе приготовленнымъ къ своему званію, чѣмъ учитель Данилова, Алабушевъ. Образчикъ этихъ педагоговъ можно видѣть въ Кутейкинѣ и пономарѣ Филиппѣ Брудастомъ, о которомъ сохранился интересный разсказъ въ запискахъ Данилова. Жаль, что мы не можемъ привести его здѣсь дословно. Безсмысленное долбленіе букваря и часослова, за которыми учащіеся просиживали съ утра до ночи, жестокое обращеніе съ ними ихъ приставниковъ—служатъ отличительнымъ характеромъ этого воспитанія. Доморощеннымъ педагогамъ не уступали и иностранцы, цѣлыми толпами пріѣзжавшіе въ Россію для обученія юношества. Эти воспитатели, большею частію французы, занимаясь обученіемъ дѣтей у помѣщиковъ, были у нихъ въ то же время счетчиками, парикмахерами, и проводили большую часть времени съ прислугой, съ которой вмѣстѣ и обѣдали. Они же наполняли и наши учебныя заведенія. Въ царствованіе Елисаветы мода на французскій языкъ была такъ велика, что изученію его въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ посвящалось двѣ трети учебнаго времени. Особенно это можно сказать о частныхъ пансіонахъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, куда такъ охотно отдавали своихъ дѣтей наши дворяне. Даже преподаваніе математики и другихъ учебныхъ предметовъ ввѣрялось нерѣдко иностранцамъ. Изъ 72 учителей въ петербургскихъ пансіонахъ только 20 было русскихъ, да и изъ нихъ почти половина была танцмейстеровъ, такъ что на каждый пансіонъ не приходилось и по одному русскому учителю. Понятно, какого обученія слѣдовало ожидать отъ этихъ учителей—иностранцевъ, которые были въ своемъ отечествѣ кучерами, мозольными операторами и т. п. «Понынѣ надсѣдаюсь я со смѣха, замѣчаетъ Болотовъ въ своихъ запискахъ, разсказывая о своемъ французскомъ воспитаніи, вспомнивъ сей родъ ученія и какъ бездѣльники французы не учатъ, а мучатъ нашихъ дѣтей сущими пустяками и бездѣлицами, стараясь только чѣмъ-нибудь да провесть время».

Въ такомъ положеніи засталъ наше общественное и домашнее

воспитаніе Бецкій. Онъ полагалъ, что причина всего зла заключалась въ самомъ семействѣ, среди котораго тогдашнее молодое поколѣніе получало первоначальное воспитаніе,—что дѣти приходили въ школу уже съ испорченными наклонностями и что школа уже не въ состояніи была исправить ихъ. Поэтому онъ считалъ необходимымъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ отдѣлить дѣтей отъ семейства и въ стѣнахъ школы воспитать новое поколѣніе. А такъ какъ и самая школа имѣла много недостатковъ, то онъ рѣшилъ съ нея начать свою реформу. Подобно Локку, онъ обратилъ преимущественное вниманіе на физическое и нравственное воспитаніе юношей. Онъ окружилъ ихъ нѣкоторыми удобствами и безпрестанно повторялъ, что воспитатель долженъ дѣйствовать на питомцевъ не розгою, а своею гуманностью и добрымъ примѣромъ. Чтобы пріохотить дѣтей къ ученью, онъ совѣтовалъ учить ихъ играючи, не обременяя ихъ и вообще помня, что гораздо важнѣе примѣръ и умѣнье обращаться съ дѣтьми, чѣмъ самое знаніе. Что же касается до курса наукъ, то Бецкій значительно расширилъ его.

Систѣма Бецкаго, привлекательная съ перваго взгляда, на дѣлѣ оказалась несостоятельною и даже вредною. Бецкій ужъ слишкомъ много довѣрялъ воспитателямъ, воображая, что они могутъ замѣнить для дитяти его родителей. Съ другой стороны, онъ не понималъ надлежащимъ образомъ, что такое нравственность, думая довести до нея одной гуманностью и ласковымъ обращеніемъ и не считая необходимымъ условіемъ ея прочнаго образованія. Самый учебный курсъ, введенный Бецкимъ въ Сухопутный корпусъ, съ котораго онъ началъ свои преобразованія, былъ уже слишкомъ широкъ и мало приспособленъ къ возрасту и потребностямъ учащихся. Кромѣ того, подчиняясь общему взгляду своихъ современниковъ на воспитаніе, Бецкій допустилъ въ составленномъ имъ курсѣ преобладаніе французскаго языка, въ ущербъ основательному изученію другихъ предметовъ, болѣе необходимыхъ для серьезнаго образованія. Въ первомъ возрастѣ изъ 28 учебныхъ часовъ въ недѣлю 16 часовъ, т.-е. болѣе половины, употреблялось на французскій языкъ. Заботясь о приготовленіи образованныхъ учителей, вполнѣ преданныхъ своему дѣлу, Бецкій въ самомъ же корпусѣ сталъ воспитывать нѣсколько мѣщанскихъ дѣтей, которыя должны были, по окончаніи своего образованія, сдѣлаться наставниками корпуса. Онъ разсчитывалъ на привязанность ихъ къ мѣсту своего воспитанія и въ этомъ, пожалуй, не обманулся; но могли ли они, при всемъ своемъ усердіи, быть полезными наставниками, когда самое образованіе, полученное ими въ корпусѣ, было далеко неосновательно?

Коммиссія училищъ, замѣтивъ эти недостатки ученія въ Сухопутномъ корпусѣ, по указанію Янковича, сократила учебный курсъ, уменьшила число учителей по языкамъ и ввела новую, болѣе разумную методу обученія. Подобныя же преобразованія сдѣланы были Янковичемъ и въ обществѣ воспитанія благородныхъ дѣвицъ.

Но полезныя нововведенія, сдѣланныя Янковичемъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, были для него дѣломъ постороннимъ. Главнѣй-

шимъ же предметомъ его заботъ и стараній были собственно народныя училища.

Первымъ опытомъ народныхъ училищъ были у насъ такъ называемыя *цифирныя* или адмиралтейскія школы. Школы эти предназначены были для дѣтей всѣхъ званій, исключая дворянъ; но охотниковъ учиться въ нихъ было весьма мало. Въ 1744 г. во всѣхъ цифирныхъ школахъ имперіи было учащихся всего 222 человѣка. Обстоятельство это объясняется отчасти плохимъ устройствомъ этихъ школъ, а частію незрѣлостію тогдашняго общества, какъ видно изъ челобитной посадскихъ людей нѣкоторыхъ городовъ имперіи, поданной въ сенатъ, объ освобожденіи ихъ дѣтей отъ ученья въ упомянутыхъ школахъ. Въ 1744 г. цифирныя школы соединены были съ гарнизонными, но дѣло всетаки шло плохо. Въ 1775 г. императрица Екатерина II, издавъ учрежденіе о губерніяхъ, возложила на приказы общественнаго призрѣнія «попеченіе объ установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ сначала во всѣхъ городахъ, а потомъ и въ многолюдныхъ селеніяхъ». Но приказы дѣйствовали въ первое время очень медленно, не зная, какъ приняться за дѣло и не имѣя ни учителей, ни учебныхъ руководствъ. Школы возникали только кое-гдѣ и кое-какія. Вслѣдствіе этого въ 1782 г. образована была особая коммиссія для учрежденія народныхъ училищъ. Въ помощь этой коммиссіи данъ былъ, какъ человѣкъ практически-знакомый съ этимъ дѣломъ, Янковичъ.

По его плану, элементарныя народныя училища раздѣлены были на 1) малыя школы (двухклассныя), 2) среднія (трехклассныя) и 3) главныя школы (четырехклассныя). Главное направленіе этихъ школъ было реальное. Школы, основанныя Янковичемъ, должны были образовать земледѣльца, ремесленника и т. п. Училища главныя и малыя стали довольно быстро распространяться, а среднія, какъ переходныя, скоро слились съ малыми, и въ уставѣ объ нихъ уже не упоминается. Быстрое распространеніе училищъ, заводимыхъ Янковичемъ, объясняется отчасти лучшимъ устройствомъ ихъ, вслѣдствіе чего болѣе находилось желающихъ поступать туда, а отчасти и тѣмъ, что они предназначены были для мѣстныхъ жителей, тогда какъ прежде охотники учиться должны были ѣздить для этого въ другіе города, что представляло много неудобствъ. Въ учители для малыхъ училищъ на первый разъ вытребовано было 20 лучшихъ семинаристовъ изъ Александро-Невской семинаріи. Пять изъ нихъ оказались негодными, по совершенной слабости знаній, а 15, послѣ предварительнаго ознакомленія съ нѣкоторыми педагогическими пріемами, были опредѣлены учителями въ малыя народныя училища съ содержаніемъ по 15 к. асс. въ сутки... Въ слѣдующемъ году для петербургскихъ училищъ вновь вызваны были 20 человѣкъ изъ Московской Духовной Академіи и 30 изъ семинарій Казанской, Смоленской и Тверской. Въ томъ же году вытребовано было изъ разныхъ духовныхъ семинарій еще 100 человѣкъ. Но нельзя же было ограничиться навсегда однимъ этимъ ненадежнымъ источникомъ. При распространеніи училищъ, ощутилась потребность въ такомъ учебномъ заведеніи,

которое бы спеціально занималось приготовленіемъ учителей для народныхъ училищъ. Вслѣдствіе этого въ 1783 г. при главномъ народномъ училищѣ въ С.-Петербургѣ открыта была учительская семинарія. Курсъ наукъ былъ здѣсь одинаковъ съ главнымъ народнымъ училищемъ, но проходился нѣсколько подробнѣе. Кромѣ того, воспитанники двухъ высшихъ классовъ слушали публичныя лекціи въ Академіи наукъ. При всей бѣдности средствъ, Янковичъ сумѣлъ снабдить семинарію и необходимыми учебными пособіями: кабинетами — минералогическимъ, зоологическимъ, ботаническимъ, физическимъ, разумѣется, въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. Преподаваніе какъ здѣсь, такъ и въ народныхъ училищахъ совершалось по новой методѣ, которая давала болѣе простора самодѣятельности учащихся, пріучая ихъ не ограничиваться однимъ безсознательнымъ вытверживаніемъ наизусть заданныхъ уроковъ, а понимать и обсуживать то, что имъ передаетъ наставникъ. Теперь учитель занимался уже не порознь съ каждымъ ученикомъ, а бесѣдовалъ съ цѣлымъ классомъ; при этомъ онъ прибѣгалъ къ вопрошательному способу, что давало ему возможность удостовѣриться, все ли сообщаемое имъ и всѣми ли надлежащимъ образомъ понято. По окончаніи недѣли введены были общія повторенія пройденнаго по всѣмъ предметамъ одновременно, въ присутствіи всѣхъ учителей, при чемъ объяснялась связь разнородныхъ знаній между собою, что весьма оживляло повторенія и доставляло учащимся случай къ новымъ соображеніямъ. Вообще метода Янковича далеко превосходила существовавшій до него способъ преподаванія, дѣйствуя благотворно на развитіе не одной памяти, но и мыслительной способности. Такъ какъ успѣхъ обученія зависитъ много отъ того, по какимъ учебникамъ проходится тотъ или другой предметъ, то Янковичъ обратилъ и на это свое заботливое вниманіе. Онъ самъ составилъ болѣе 10 руководствъ, имѣя образчикомъ для себя въ этомъ дѣлѣ австрійскіе учебники; кромѣ того, подъ его надзоромъ различными лицами составлено было еще нѣсколько руководствъ. Наконецъ съ тою же же цѣлію, по представленію Янковича, учрежденъ былъ особый комитетъ, который разсмотрѣлъ и издалъ до 10 книгъ; впрочемъ, труды его не достигли своей цѣли. Содержаніе воспитанниковъ, какъ въ семинаріи, такъ и въ училищѣ было, судя по средствамъ, весьма недурное. Янковичъ строго слѣдилъ за чистотою и порядкомъ. Надѣясь постояннымъ трудомъ, бдительнымъ надзоромъ и человѣколюбивымъ обращеніемъ смягчить грубые нравы учащихся, онъ запретилъ какъ въ семинаріи, такъ и въ училищѣ тѣлесныя наказанія, какъ-то: 1) ремни, палки, плети, линейки и розги; 2) пощечины, толчки и кулаки; 3) драніе за волосы и за уши и ставленіе на колѣни. Равнымъ образомъ онъ изгналъ бранныя слова, которыя до того времени были такъ обычны на языкѣ нашихъ педагоговъ, какъ-то: «уши ослиныя и названіе скотины, осла и т. п.».

Такая заботливость Янковича о народномъ образованіи и его свѣтлый педагогическій взглядъ обѣщали весьма многое: но на дѣлѣ старанія его оказались едва ли не безплодными... Не знаемъ, каковы были наши народныя училища въ эпоху ихъ основанія, потому

что не имѣемъ объ этомъ достовѣрныхъ извѣстій, какъ и вообще о времени Екатерины II. Судить же по однѣмъ оффиціальнымъ бумагамъ было бы съ нашей стороны слишкомъ неосновательно. Но въ настоящее время училища эти далеко не соотвѣтствуютъ составленному для нихъ идеалу. Мы далеки отъ того, чтобы винить въ этомъ самого же Янковича. Напротивъ, мы глубоко сочувствуемъ этой благородной личности и вполнѣ цѣнимъ ея труды. Если же труды эти не принесли надлежащихъ плодовъ, то это произошло отъ того же самаго, отъ чего гибнетъ у насъ такъ много полезнѣйшихъ предпріятій и самыхъ благодѣтельныхъ учрежденій, именно отъ недостатка гарантіи. Сколько, напримѣръ, у насъ издавалось указовъ и инструкцій, въ которыхъ толковалось о гуманности, объ отмѣненіи тѣлесныхъ наказаній въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ даже до Бецкаго и Янковича? А между тѣмъ не далѣе, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по словамъ г. Халютина (см. «Совр.» № X ст. о воспитаніи въ кадетскомъ корпусѣ за полвѣка назадъ), стукали кадетъ лбомъ объ доску, кидали въ нихъ куски мѣлу и въ остервененіи натирали имъ лицо грязною губкою. Да кто поручится, что и теперь гдѣ-нибудь въ глуши нѣтъ педагоговъ, прибѣгающихъ отъ скуки къ подобнаго рода мѣрамъ?... Равнымъ образомъ, сколько вопіяли у насъ противъ механизма въ ученіи, съ которымъ педагоги наши до сихъ поръ еще не могутъ разстаться? И мало ли у насъ издается постановленій, которыя соблюдаются только на словахъ, въ оффиціальныхъ рапортахъ и донесеніяхъ? Съ другой стороны, давая законъ, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ дать и средства къ его исполненію. До духовныхъ ли потребностей воспитанниковъ было учителямъ народныхъ училищъ, разосланнымъ Янковичемъ, когда имъ нужно было заботиться о насущномъ пропитаніи?.. Вѣдь 15 к. ассигнаціями въ сутки еще не Богъ знаетъ какая сумма. А между тѣмъ на нее учитель долженъ былъ пропитывать свое семейство. Нужно ли удивляться послѣ этого, что училища были плохи и что для нихъ находилось не слишкомъ много желающихъ, какъ учителей, такъ и учениковъ?

1859 г.

44. Путешествіе съ дѣтьми по всѣмъ странамъ свѣта, не выходя изъ комнаты.

Въ 2-хъ частяхъ. Москва, 1858. Въ 18-ю д. л., 306 стр.

Восемь дней вакаціи, или время идетъ скоро.

Повѣсть въ 8-ми отдѣленіяхъ. Съ 10-ю картинами. Переводъ съ французскаго. Москва, 1858. Въ 18-ю д. л., 177 стр.

Разсказы дѣтямъ.

Переводъ съ французскаго В. П. Москва, 1858. Въ 16-ю д. л., 131 стр.

Избранныя волшебныя сказки.

Съ 4-мя картинами. Москва, 1858. Въ 18-ю д. л., 108 стр.

Первая изъ названныхъ нами дѣтскихъ книгъ есть не иное что, какъ самая жалкая спекуляція: это—сухая, безтолковая выборка именъ и чиселъ изъ какого-нибудь стараго географическаго учебника, которая въ состояніи оттолкнуть всякаго ребенка. Составитель этой выборки хотѣлъ, кажется, придать ей нѣкоторую живость кое-какими анекдотами, которыми онъ украсилъ описаніе нѣкоторыхъ странъ; но и анекдоты эти выбраны весьма неудачно и не могутъ никого интересовать. Такъ, напр., главу о Россіи оканчиваетъ онъ, Богъ знаетъ почему, разсказомъ о ледяномъ домѣ, выстроенномъ при Аннѣ Іоанновнѣ; разсказъ этотъ помѣщенъ вслѣдъ за пошлымъ разсужденіемъ о зимней ѣздѣ въ Россіи, изъ котораго дѣти узнаютъ, что зимой у насъ бываетъ снѣгъ и что по этому случаю ѣздятъ не на колесахъ, а на саняхъ, которыя запрягаютъ въ одну или нѣсколько лошадей. Къ довершенію назидательности книги, она написана почти безграмотнымъ языкомъ и напечатана чрезвычайно небрежно въ орѳографическомъ отношеніи. Въ образецъ занимательности этого «Путешествія» приводимъ главу объ Океаніи.

«Океанія, пятая часть свѣта, называется также *Морскимъ свѣтомъ*, потому что занимаетъ обширное пространство на Великомъ Океанѣ и состоитъ изъ одного материка и безчисленнаго множества архипелаговъ, открытыхъ очень въ недавнее время. Ее раздѣляютъ: на Нотазію, Австралію и Полинезію».

Вотъ все, что нашелъ сказать авторъ «Путешествія» объ одной изъ любопытнѣйшихъ странъ свѣта.

Безспорно, такое «Путешествіе» можно написать, не выходя изъ своей комнаты и даже не справляясь ни съ какими книгами, но зато и дѣти не вынесутъ изъ него ни пользы, ни удовольствія.

Гораздо складнѣе составлена вторая изъ названныхъ нами дѣтскихъ книжекъ. Она не имѣетъ претензій на важность содержанія и

можетъ быть прочтена дѣтьми съ гораздо большимъ удовольствіемъ, нежели предыдущая книга, такъ много обѣщающая въ заглавіи и такъ мало дающая на самомъ дѣлѣ. «Восемь дней вакаціи» наполнены разсказами о разныхъ забавахъ, которыя придумываетъ для себя одну за другою маленькая дѣвочка, желая какъ можно веселѣе провести свою вакацію. Разсказъ этотъ ведется въ видѣ разговоровъ этой дѣвочки съ другими дѣтьми и матерью и незамѣтно раскрываетъ прекрасную нравственную мысль. Жаль только, что дѣйствующія въ немъ лица ведутъ свой разговоръ по большей части тяжелымъ, книжнымъ языкомъ и довольно часто грѣшатъ галлицизмами. Не будь въ книгѣ этого недостатка—весьма не безвреднаго для маленькихъ читателей—мы смѣло рекомендовали бы ее, какъ одинъ изъ хорошихъ подарковъ дѣтямъ. Конечно, она не принадлежитъ къ числу такихъ произведеній, которыя перечитываются дѣтьми по нѣсколько разъ; но, какъ *подарокъ*, она можетъ пріятно занять ребенка на нѣсколько часовъ.

Перечитывая большую часть вновь выходящихъ у насъ книгъ для дѣтскаго чтенія, мы имѣли случай замѣтить, что составители подобныхъ книгъ ограничиваются заботой о нравственной назидательности дѣтскаго чтенія и рѣшительно забываютъ о другихъ сторонахъ человѣческаго организма, которыя и въ дѣтскомъ возрастѣ также требуютъ пищи и развитія. Фантазія и умъ дѣтей какъ бы совершенно не существуютъ для тѣхъ господъ, которые берутъ на себя трудъ изготовлять для дѣтей духовную пищу. Большая часть дѣтскихъ книгъ ничего не говоритъ дѣтскому воображенію, не сообщаетъ никакихъ познаній дѣтскому уму. Дѣтскій писатель обыкновенно старается провести въ своемъ сочиненіи какое-нибудь нравственное правило и думаетъ, что тѣмъ и ограничиваются всѣ его обязанности передъ молодымъ поколѣніемъ.

Такая пища и не вкусна и не питательна. Она вовсе не дѣйствуетъ на дѣтей; если же и подѣйствуетъ, то скорѣе можетъ сдѣлать ихъ духовными калѣками, нежели содѣйствовать правильному ихъ развитію.

Истинно полезны могутъ быть для дѣтей только такія сочиненія, которыя одновременно охватываютъ все существо человѣка. Дѣтская книга должна увлекать прежде всего воображеніе ребенка, какъ способность, сильнѣе всѣхъ другихъ дѣйствующую въ дѣтскомъ возрастѣ и потому болѣе другихъ нуждающуюся въ пищѣ *и надлежащемъ направленіи*; въ то же время она должна давать занятіе его мыслительной способности, будить его любознательность, знакомить его, сколько возможно, съ дѣйствительнымъ міромъ, его окружающимъ, и наконецъ—укрѣплять въ ребенкѣ простое нравственное чувство, присущее человѣческой природѣ, не искажая его правилами искусственной морали.

Конечно, исполнить всѣ эти условія чрезвычайно трудно; чтобы написать дѣтскую книгу, которая бы удовлетворяла имъ, нужно имѣть особенное дарованіе: но зачѣмъ же и браться за дѣло, если у насъ

нѣтъ потребныхъ для него дарованій? Гораздо лучше перевесть хорошую чужую книгу, чѣмъ писать плохое оригинальное сочиненіе.

Къ сожалѣнію, у насъ и для переводовъ выбираются дѣтскія книги чрезвычайно неудачно. При этомъ выборѣ руководствуются тою же ложною односторонностью, какая лежитъ и на всѣхъ доморощенныхъ произведеніяхъ нашей дѣтской литературы, за весьма немногими исключеніями.

Мы до такой степени привыкли къ безграмотнымъ, безтолковымъ, скучнымъ и безполезнымъ книжонкамъ, наполняющимъ эту жалкую отрасль нашей отечественной словесности, что становимся, на конецъ, поневолѣ снисходительными и радуемся всякой мало-мальски грамотной и полезной дѣтской книжкѣ, какъ будто Богъ знаетъ какой находкѣ. Къ числу такихъ книжекъ, которыя можно безъ опасенія дать въ руки дѣтямъ, принадлежатъ «Разсказы дѣтямъ», переводъ съ французскаго В. П.

«Избранныя волшебныя сказки» ближе всего подходятъ къ тѣмъ требованіямъ, какія мы высказали выше. По нашему крайнему разумѣнію, такія сказки, какъ «Бѣдный крестьянинъ», «Бѣдный странникъ и Богатый содержатель постоялаго двора», «Принцъ Альманзоръ»—въ тысячу разъ полезнѣе для дѣтей, нежели всѣ возможныя нравственныя повѣсти.

---

45. Первое чтеніе и первые уроки для маленькихъ дѣтей.

Съ картинками. Соч. А. Ишимовой. Часть I. Спб., 1856 г. Часть II, стр. 467. 1858 г.

Книга эта, написанная съ чисто педагогическою цѣлью, составляетъ продолженіе труда, изданнаго еще въ 1856 году подъ тѣмъ же заглавіемъ. Обѣ книги въ двухъ частяхъ заключаютъ въ себѣ все, что полезно знать ребенку, начиная съ 5-ти до 9-ти-лѣтняго возраста, а потому представляютъ весьма хорошее руководство для матерей и наставницъ при занятіяхъ ихъ съ дѣтьми.

Первая часть начинается статьею: *Первоначальное чтеніе.* Затѣмъ слѣдуютъ уроки въ чистописаніи, начинающіеся съ весьма важнаго указанія правилъ, какъ держать въ рукѣ перо, отъ чего, какъ извѣстно, много зависятъ бѣглость и красота почерка. При письмѣ ребенокъ пріучается прежде писать основныя черты по линейкамъ, разграфленнымъ на квадратики, а потомъ уже переходитъ къ письму буквъ, состоящихъ изъ основныхъ чертъ. Послѣ достаточнаго упражненія въ письмѣ буквъ приступаютъ къ письму цѣлыхъ словъ и реченій. Образцы основныхъ чертъ, буквъ и цѣлыхъ прописей, приложенные къ руководству въ чистописаніи, заслуживаютъ полнаго одобренія по своему изящному выполненію, а самое руководство отличается живымъ и яснымъ изложеніемъ, совершенно доступнымъ для дѣтей.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ: *Счетъ* ребенокъ пріучается къ нуме-

раціи, которая въ первый разъ ограничивается сотней; наглядным пособіемъ при этомъ служатъ орѣхи.

Далѣе слѣдуютъ опять разсказы для упражненія въ чтеніи и укрѣпленія въ дѣтяхъ моральнаго чувства, и въ заключеніе всего излагается въ формѣ разговора священная исторія, приноровленная къ дѣтскимъ понятіямъ. Исторія эта написана съ большимъ искусствомъ и, несмотря на сжатость объема, заключаетъ въ себѣ всѣ главныя событія, начиная отъ сотворенія міра до начала христіанской церкви.

Такимъ образомъ при пособіи первой части труда г-жи Ишимовой ребенокъ научается читать, писать, получаетъ понятіе о счетѣ, узнаетъ изъ священной исторіи главныя основанія религіи и, наконецъ, незамѣтнымъ образомъ, посредствомъ чтенія, укрѣпляетъ въ себѣ чувства справедливости, состраданія и любви къ ближнему.

Задача второй части та же; но здѣсь сочинительница идетъ далѣе. Кромѣ разсказовъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ по содержанію и направленію своему, въ этой книгѣ сообщаются понятія о грамматикѣ, объ ариѳметикѣ до дѣленія цѣлыхъ чиселъ включительно, нѣкоторыя свѣдѣнія изъ зоологіи и, наконецъ, излагается славянская азбука съ объясненіемъ знаковъ сокращенія и съ примѣрами для упражненія въ чтеніи. Грамматическія объясненія—просты и ясны, но нельзя не пожалѣть, что они ограничиваются только различеніемъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій. Было бы полезнѣе и разумнѣе сдѣлать объясненіе цѣлаго предложенія и вывести потомъ отсюда различіе частей рѣчи. При томъ же мы думаемъ, что дѣтей того возраста, для котораго назначается эта книга, едва ли не преждевременно обучать грамматикѣ. Разсказы изъ естественной исторіи весьма живы и занимательны; интересъ ихъ еще усиливается хорошими рисунками, дающими дѣтямъ наглядное понятіе о животныхъ.

Между разсказами, помѣщенными во второй части, есть цѣлая повѣсть: *Мери и Флора*, переведенная г-жею Ишимовой съ англійскаго языка. Лучшею похвалою для этой повѣсти можетъ служить то, что она на англійскомъ языкѣ имѣла до десяти изданій. Дѣйствительно, по вѣрному изображенію дѣтскаго міра, чуждому всякой аффектаціи и желанія поддѣлаться къ дѣтямъ, повѣсть эта представляетъ замѣчательное явленіе въ дѣтской литературѣ; не говоримъ уже о томъ, сколько свѣжихъ знаній вноситъ она въ воспріимчивую душу ребенка, сколько благородныхъ чувствъ возбуждаетъ и развиваетъ въ ней, и все это дѣлается, безъ всякихъ возгласовъ и нравственныхъ сентенцій, одною силою таланта, смотрѣвшаго на дѣтей не какъ на куколъ, а какъ на существа чувствующія и мыслящія.

46. Маменькины уроки, или Всеобщая Исторія въ разговорахъ для дѣтей.

Соч. *А. Ишимовой.* Выпускъ I. Спб., 1858, стр. 147.

Выпускъ первый заключаетъ въ себѣ исторію древнихъ азіатскихъ и африканскихъ народовъ до исторіи Греціи. Съ особенною подробностью изложена исторія Египта, которой посвящено 44 страницы изъ общаго числа страницъ 147. Въ концѣ книги приложены: хронологическая таблица по методѣ Язвинскаго и карта древняго міра, а самый текстъ снабженъ хорошо выполненными рисунками, какъ, напр., Изиды и Озириса, статуею Сфинкса, пирамидъ, находящихся въ окрестностяхъ Каира, и многими другими. Факты историческіе изложены вѣрно и до такой степени занимательно, что мы, читая эту книгу, невольно вспомнили слова А. С. Пушкина о первомъ историческомъ трудѣ г-жи Ишимовой, «Русской исторіи для дѣтей». «Сегодня, писалъ Пушкинъ къ г-жѣ Ишимовой, я нечаянно открылъ вашу исторію въ разсказахъ и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать».

---

47. О физическомъ воспитаніи дѣтей въ періодъ ихъ первоначальнаго развитія,

или наставленіе матерямъ ходить за ними въ это время и вообще о наблюденіи за ними во все продолженіе ихъ младенческаго періода и послѣ отнятія ихъ отъ груди. Николая Массе, доктора медицины Парижскаго факультета, кавалера ордена 1-го класса Св. Гроба Господня и практикующаго врача въ Москвѣ. Москва. 1858.

Всякій разъ, когда мы видимъ книгу съ такимъ заглавіемъ, намъ невольно приходитъ на мысль вопросъ: зачѣмъ, къ чему оно? Книга съ содержаніемъ богатымъ, по нашему мнѣнію, не имѣетъ нужды въ такой длинной афишѣ. Впрочемъ, несмотря на наше предубѣжденіе противъ длинныхъ заглавій, мы порадовались появленію въ свѣтъ такого рода руководства. Причина нашей радости понятна: у насъ такъ мало медицинскихъ руководствъ вообще, а для дѣтскаго возраста еще менѣе. Но нашу радость смѣнило совсѣмъ иное чувство, когда мы принялись за чтеніе книги г-на Массе. Несмотря на то, что это руководство есть наставленіе матерямъ, во время чтенія его насъ занималъ вопросъ: для кого же оно написано? не для молодыхъ ли, еще неопытныхъ медиковъ? *Заключеніе* книги окончательно рѣшило дѣло въ пользу матерей. Въ самомъ дѣлѣ, мы сдѣлали предположеніе—признаемся—смѣлое, думая, что руководство назначается для молодыхъ медиковъ. Оно не годится для нихъ; они не будутъ его читать,—въ немъ не найдутъ они ни строгихъ научныхъ свѣдѣній, ни полезныхъ практическихъ наставленій, въ немъ не найдутъ они даже хорошей компиляціи. Съ этимъ согласится всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочесть книгу г-на Массе и обратитъ вниманіе на рубрики: *составъ молока въ его нормальномъ состояніи, сложеніе и об-*

щее состояніе здоровья кормилицъ и т. д. Но сознаемся, мы ошиблись: книга не для медиковъ, она назначается профанамъ-матерямъ; ихъ научить и наставить должна она. Разсмотримъ, насколько руководство удовлетворяетъ этому требованію, этой прекрасной цѣли, положенной самимъ авторомъ въ основаніи его труда. Намъ кажется, что оно не удовлетворяетъ этому требованію, этой цѣли; вотъ почему мы и сдѣлали предположеніе довольно смѣлое о назначеніи разбираемой нами книги.

Разберемъ же подробнѣе, въ чемъ состоятъ недостатки руководства, назначеннаго *матерямъ*. Въ введеніи г. Массе говоритъ: *Большая часть изъ нихъ* (матерей) *очевидно не слѣдуютъ при этомъ* (воспитаніи) *никакимъ правиламъ и дѣйствуютъ наудачу, по влеченію болѣе или менѣе развитаго въ нихъ инстинкта.* Прочитавши это, мать, конечно, ужасается мысли, что она обращалась съ нѣжно-любимымъ ребенкомъ только по внушенію одного инстинкта, благодаритъ г-на Массе за то, что онъ взялъ на себя трудъ *издать это руководство, основанное на современныхъ началахъ медицины и гигіены*; она ужасается своей небрежности, за которою слѣдуютъ *безпорядки и анархія въ семейномъ быту молодыхъ супруговъ*. Въ главѣ 1-й, посвященной *условіямъ, которыя должна соблюдать беременная женщина для предохраненія будущаго ребенка* (отъ чего?), мать узнаетъ, кромѣ разныхъ предостереженій, что въ этомъ состояніи ей нуженъ весьма *образованный человѣкъ, который бы предостерегъ ее отъ опасности, которая можетъ произойти отъ сжатія груди и живота слишкомъ тѣсною шнуровкою*; тутъ еще нуженъ и медикъ для предписыванія ей моціона по мѣрѣ надобности. Такъ многое еще нужно, кромѣ этого руководства, думаетъ мать и начинаетъ нѣсколько разочаровываться въ немъ. На стр. 20-й она находитъ правила, какъ поступать съ ребенкомъ при головномъ ударѣ, и между прочимъ, что полезно въ это время вдувать воздухъ въ легкія ребенка. Позвольте васъ спросить за мать, г. Массе: кто будетъ дѣлать вдуваніе воздуха? Надѣемся—не мать? Зачѣмъ же вы даете ей совѣты, какъ должно дѣлать эту операцію? А для акушера этихъ совѣтовъ недостаточно,—ему нужно болѣе подробное описаніе производства операціи. Что же касается матери, то вѣдь она поступаетъ по инстинкту и, конечно, не рѣшится на операцію. Но вотъ наступаетъ важная эпоха: у матери родится ребенокъ. Она нѣжная мать, она хочетъ кормить его сама, но (чего не можетъ быть?) останавливается въ нерѣшимости, ее преслѣдуетъ мысль: я произведу непріятное впечатлѣніе на мужа своимъ видомъ, онъ меня разлюбитъ. Положеніе, какъ видите, трудное: выборъ между ребенкомъ и мужемъ. Г. Массе помогаетъ бѣдной женщинѣ, совѣтуетъ ей кормить, не обращать вниманія на мужа, а чтобы быть привлекательной попрежнему, то сдать на руки кормилицы всѣ *матеріальныя попеченія о ребенкѣ*, которыя болѣе всего и вредятъ привлекательности. Но вотъ другой вопросъ задаетъ себѣ женщина: способна ли она сама кормить ребенка? Точно такой же вопросъ задаетъ самъ себѣ авторъ и рѣшаетъ его очень просто: женщина не можетъ кормить, *когда сложеніе женщины измѣнено какою-нибудь болѣзнію, ко-*

торую можно опредѣлить (стр. 39). Болѣзни такого рода суть: чахотка, ракъ, подагра и т. д. Опять мы обращаемся къ вамъ съ вопросомъ, г. докторъ: чѣмъ мать опредѣлитъ въ себѣ эти болѣзненныя состоянія? Не инстинктомъ ли? Вѣдь вы не описываете признаковъ, по которымъ узнаются эти болѣзни? Бѣдная женщина, прочитавши это, пошлетъ скорѣй всего за докторомъ. Такъ зачѣмъ же руководство-то?

Мать почему-нибудь не можетъ кормить сама, нужно выбрать кормилицу. Г. Массе говоритъ довольно подробно о выборѣ кормилицы; онъ совѣтуетъ не брать кормилицы красивой наружности, а только пріятной, но не объясняетъ, почему такъ, а не иначе нужно выбирать. Послѣ анализа молока г. Массе снова возвращается къ наружному виду кормилицы.

Женщина худощавая, высокаго роста, которой грудь недостаточно развита, которой бѣлизна кожи совпадаетъ съ темнымъ цвѣтомъ волосъ, у которой широки челюсти и проч., не годится въ кормилицы; всѣ эти признаки доказываютъ на лимфатическій темпераментъ (стр. 78). Мы думаемъ, что подъ такое описаніе можетъ легко подойти женщина и съ сангвиническимъ темпераментомъ. Заканчиваетъ эту рубрику г. Массе слѣдующими словами: *Кормилица, при всемъ прямодушіи и честности, сама можетъ не знать о состояніи своего здоровья.* Какъ же г. Массе совѣтуетъ матерямъ самимъ узнать, имѣютъ ли онѣ расположеніе къ чахоткѣ и т. д.?

Въ главѣ V г. Массе совершенно возстаетъ противъ искусственнаго кормленія дѣтей, даже не описываетъ, какъ оно производится. А вѣдь бываютъ случаи, когда оно необходимо? Что тогда дѣлать матери? Вы не подаете совѣта.

Но довольно о кормилицахъ. Перейдемъ къ дѣтямъ собственно. Пищу дѣтямъ г. Массе предлагаетъ прекрасную. Изобильная, питательная пища, по его мнѣнію, есть лучшее средство пріучить дѣтей впослѣдствіи къ перенесенію всякихъ лишеній. Мы не совсѣмъ согласны съ мнѣніемъ г. Массе, по крайней мѣрѣ, относительно выбора пищи; онъ много предлагаетъ дѣтямъ веществъ сладкихъ, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ разстроить пищевареніе. Г. Массе порицаетъ обыкновеніе *пичкать дѣтей разными разностями*, но позволяетъ употреблять ихъ послѣ кушанья. Мы не знаемъ, что именно нужно подразумѣвать подъ словомъ: разныя разности; но, кажется, ихъ можно бы и совсѣмъ запретить. Подъ рубрикою: *Наставленіе кормилицамъ относительно ихъ самихъ и ихъ питомцевъ во время прогулокъ*, предписывается кормилицамъ не кормить чужихъ дѣтей и не позволять чужимъ кормилицамъ кормить своего питомца. Вотъ все, что должны дѣлать кормилицы во время прогулки; остальная и большая часть этой рубрики трактуетъ о физическомъ укрѣпленіи здоровья дѣтей.

Г. Массе касается и моральнаго воспитанія дѣтей. Нравственное воспитаніе дѣтей, по его мнѣнію, должно исключительно основываться на подчиненіи власти родителей. Въ этой же главѣ онъ приводитъ въ примѣръ одну почтенную даму, которая прекрасно воспи-

тала своихъ дѣтей, употребляя только двѣ фразы: *это такъ быть должно, или—этого быть не можетъ*. Вскорѣ, впрочемъ, самъ же г. Массе опровергаетъ себя; онъ совѣтуетъ *разубѣждать дѣтей въ ихъ фальшивыхъ представленіяхъ о предметахъ, которые въ нихъ возбуждаютъ страхъ*. Но вѣдь это очень трудно выполнить, потому что дѣти, какъ вы сами говорите, не имѣютъ разсудка, и на нихъ можно дѣйствовать единственно властью. Какъ же ихъ разубѣждать? Доказательствами? Но ихъ не поймутъ дѣти?

Намъ кажется, что мы достаточно указали на недостатки книги г-на Массе; итакъ, недостатки руководства состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ немъ нѣтъ строгихъ научныхъ свѣдѣній; 2) матери не могутъ имъ воспользоваться, потому что изложеніе предмета не приспособлено къ ихъ понятіямъ, не систематично, и 3) языкъ тяжелый, неправильный. Все изданіе весьма небрежно.

---

48. Совершенный человѣкъ,

или наставленія къ воспитанію дѣтей и къ искорененію зарождающихся въ нихъ дурныхъ наклонностей и пороковъ, а также легчайшія средства противъ волокитства, картежничества, пьянства и мотовства. Сочиненіе *Константина Костанжогло*. Москва. 1858 г., въ 18-ю д. л., 65 стр.

Литература дѣлается рѣшительно ремесломъ въ наше время, и ремесломъ, должно быть, очень выгоднымъ, когда самъ знаменитый Костанжогло—этотъ практикъ, такъ высоко превознесенный Гоголемъ во 2-й части его «Мертвыхъ душъ», этотъ удивительный хозяинъ, который въ короткое время умѣлъ довести доходъ съ небольшого имѣнія до двухсотъ тысячъ въ годъ,—этотъ богачъ, который клалъ деньги въ карманъ такъ же небрежно, какъ будто бы онѣ были простой носовой платокъ,—этотъ кулакъ, который умѣлъ изъ негодной рыбьей шелухи сдѣлать себѣ сорокъ тысячъ и такимъ образомъ возбудилъ сильную зависть и благоговѣніе въ Чичиковѣ,—и этотъ человѣкъ пустился въ литературу!? Чичикову чрезвычайно хотѣлось узнать отъ Костанжогло прибыльную тайну: какъ это дѣлать, чтобы *всякая дрянь давала доходъ?* Точно такъ же намъ чрезвычайно любопытно было послушать, какъ Костанжогло станетъ разсуждать о воспитаніи дѣтей,—и мы съ особеннымъ нетерпѣніемъ принялись за его «Наставленія». Мы ожидали найти въ нихъ нѣсколько здравыхъ, практическихъ правилъ, которыми такъ бѣдны наши нравоучительныя сочиненія, большею частью наполняемыя неоспоримыми, но столько же и безполезными истинами — вродѣ того, что «добродѣтель полезна, а пороки вредны» — или выспренними разглагольствованіями. Мы надѣялись, что въ книгѣ г. Костанжогло мы найдемъ вещи, болѣе примѣнимыя къ дѣлу и болѣе нужныя для дѣла.

Ожиданія наши не сбылись. Книга, подписанная громкимъ именемъ Костанжогло, оказалась не болѣе какъ собраніемъ самыхъ банальныхъ разсужденій о разныхъ добродѣтеляхъ и порокахъ. Она

начинается разсказомъ о томъ, какъ проводятъ время богатые купеческіе сынки, щеголяющіе въ лаковыхъ сапогахъ и французскихъ перчаткахъ и проматывающіе состояніе своихъ отцовъ-русаковъ, которые сколачивали капиталы и строили себѣ не дома, а дворцы, и все-таки не оставляли простой жизни; а простая жизнь, по мнѣнію г. Костанжогло, состоитъ въ томъ, чтобы «гонять чаи и пить водку-сивалдай». И въ этомъ-то сколачиваньи капиталовъ полагаетъ г. Костанжогло главную цѣль человѣческой жизни,—тысяча первая варіація на давно избитую тему, которую пора бы уже сдать и въ архивъ. Не въ томъ состоитъ дѣло, чтобы сколотить копѣйку, а въ томъ, чтобы употребить ее надлежащимъ образомъ. Нельзя одобрить тѣхъ господъ, которые безпутно проматываютъ состояніе, «сколоченное» ихъ отцами, но, право, ничего хорошаго нѣтъ и въ этихъ отцахъ, которые, только о томъ и думая, какъ бы сколотить деньгу, не отказываются для этого ни отъ какихъ плутней, а, сколотивши, деньгу, оставляютъ ее безъ всякаго употребленія въ своихъ сундукахъ и продолжаютъ вести ту скряжническую жизнь, которую г. Костанжогло величаетъ незаслуженнымъ именованіемъ «простой» жизни.

Такой же узкій взглядъ проповѣдуетъ г. Костанжогло и на общественныя учебныя заведенія. Главная польза этихъ заведеній заключается, по его мнѣнію, въ томъ, что въ нихъ мальчикъ находитъ маленькихъ плутовъ и аферистовъ, происки и лесть, и что все это можетъ въ немъ развивать практичность! Хороша рекомендація учебнымъ заведеніямъ и «практичность», которую хочетъ г. Костанжогло развивать въ дѣтяхъ!

Показавъ пользу учебныхъ заведеній, г. Костанжогло предлагаетъ совѣты родителямъ. Эти совѣты до такой степени курьезны, что мы не можемъ отказать нашимъ читателямъ, до которыхъ не дойдетъ книга г. Костанжогло, познакомиться съ ними. «Не мѣшаетъ ребенку, говоритъ онъ, въ награду прилежанія давать небольшія деньги, съ тѣмъ, чтобы онъ отдавалъ отчетъ въ употребленіи ихъ. Это довольно важная статья въ воспитаніи купеческихъ дѣтей: *вся будущность ихъ основана на деньгахъ*» (!).

«Если ребенокъ въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ обнаруживалъ музыкальную наклонность, то эту *наклонность никакъ не должно было поощрять* (!), ибо страсть къ музыкѣ показываетъ нѣжный темпераментъ, который она весьма легко можетъ раздражить».

За этими умными совѣтами слѣдуетъ разборъ разныхъ дурныхъ наклонностей, какія могутъ проявиться въ ребенкѣ, и средства къ исправленію ихъ. Въ этомъ отдѣлѣ встрѣчаются также неоцѣненныя вещи. Такъ, напримѣръ, «совершенный человѣкъ» говоритъ, будто бы «гордость сноснѣе въ людяхъ богатыхъ; но ежели этотъ порокъ завладѣетъ бѣднымъ человѣкомъ, тогда послѣдствіе его для жизни *весьма неудовлетворительно*. Мы видимъ богача, живущаго во дворцѣ и проч.; *онъ оказываетъ намъ знаки своего покровительства и мы не только принимаемъ его расположеніе, но даже радуемся ему. Вотъ какова сила богатства* и проч.».

И это говоритъ Костанжогло, —тотъ Костанжогло, который такъ

небрежно обращался съ ассигнаціями, что это даже пугало Чичикова! Нѣтъ, эти слова скорѣе напоминаютъ Чичикова, удивляющагося, какъ это Тентетниковъ могъ оскорбиться, что генералъ Бетрищевъ сказалъ ему „ты“, и еще болѣе удивившагося, когда Тентетниковъ объяснилъ ему, что онъ именно потому-то и оскорбился, что это былъ генералъ, а не какой-нибудь бѣднякъ. «Оборвышу позволить, а генералу не позволить!» думалъ про себя Чичиковъ, и мысленно называлъ Тентетникова дуракомъ. Г. Костанжогло (т.-е. не гоголевскій, а новый Костанжогло, авторъ «Совершеннаго человѣка») разсуждаетъ рѣшительно такъ же, какъ Чичиковъ.

По всему этому намъ не вѣрится, чтобы авторъ «Совершеннаго человѣка» былъ настоящій Костанжогло, котораго изобразилъ Гоголь и который, при всѣхъ своихъ странностяхъ, все же отличается благородствомъ въ образѣ мыслей. Это скорѣе переодѣтый Чичиковъ, нежели Костанжогло. Намъ приходитъ въ голову даже такое предположеніе: не вздумалъ ли онъ на этой книжкѣ испытать, какъ *«всякая дрянь можетъ дать доходъ»* — и для пущей вѣроятности сбыта злоупотребилъ именемъ Костанжогло, имѣющаго для многихъ значеніе авторитета въ дѣлѣ практической жизни.

---

49. Робертъ Овэнъ и его попытки общественныхъ реформъ.

— — Училище, устроенное Овэномъ въ Нью-Лэнэркѣ, было торжествомъ его системы. Обыкновенно, дѣти фабричныхъ не получали въ это время никакого воспитанія. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ они начинали ходить на фабрику и тамъ, по мѣрѣ силъ, помогали взрослымъ и по мѣрѣ возраста пріучались къ ихъ грубости и разврату. Получить возможность взять дѣтей для ученія отъ фабричной работы,—и это уже было шагомъ впередъ. Овэнъ добился этой возможности, убѣдивши работниковъ, что ранѣе десяти лѣтъ не слѣдуетъ посылать дѣтей на фабрику, и ограничивши срокъ дѣтской работы десятью часами въ день—maximum. Въ училищѣ же своемъ Овэнъ вздумалъ приложить тѣ же начала, посредствомъ которыхъ онъ такъ удачно преобразовалъ Нью-Лэнэркъ, и совершенный успѣхъ оправдалъ его систему. Отправляясь отъ той мысли, что человѣкъ весь есть созданіе обстоятельствъ, и что, слѣдовательно, на него не можетъ падать отвѣтственность за то, уменъ онъ или глупъ, скроменъ или дерзокъ, и т. п., Овэнъ считалъ рѣшительной нелѣпостью всякія условныя награды и наказанія не только для взрослыхъ, но даже и для дѣтей. Поэтому въ училищѣ его никакихъ наградъ и никакихъ наказаній не было положено. Къ ученью дѣти возбуждались интересомъ самого знанія, которое имъ никогда не старались навязывать противъ ихъ воли. Что касается до внѣшняго порядка и такъ называемаго *поведенія* учениковъ, то Овэнъ никогда не считалъ нарушеніемъ порядка и дурнымъ поведеніемъ маленькія дѣтскія шалости, неистребимыя при томъ никакими строгостями. Большихъ же преступленій не могло быть въ училищѣ Овэна уже и потому, что тутъ

почти исключительно находились дѣти моложе десятилѣтняго возраста. Да ежели и встрѣчались проступки дѣйствительно нехорошіе, то они находили свое осужденіе и наказаніе въ самихъ же дѣтяхъ. Посѣщавшіе Нью-Лэнэркъ съ удивленіемъ разсказываютъ о томъ порядкѣ, благородствѣ и единодушіи, какіе господствовали между дѣтьми, находившимися въ училищѣ Овэна. Ежели сильный хотѣлъ обидѣть слабаго, остальныя дѣти вступались за обижаемаго; если кто замѣченъ былъ въ плутовствѣ, съ нимъ не хотѣли имѣть дѣла; кто солгалъ, тому переставали вѣрить... Въ играхъ, занятіяхъ, во всѣхъ отношеніяхъ дѣтей между собою господствовали совершенная открытость, справедливость и взаимное уваженіе и расположеніе. При этомъ вовсе не исключалось соревнованіе учениковъ между собою; но такъ какъ наградъ и наказаній не было, то оно возбуждалось не завистью и корыстью, а искреннимъ желаніемъ дѣйствительнаго совершенствованія. Проистекая изъ такихъ началъ, соревнованіе учениковъ Овэна было тихо и добродушно; оно никогда не могло дойти до такого неистовства, до какого доходило, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ ланкастерскихъ школахъ, искусственно возбуждавшихъ его до такой степени, что соревнующіе ученики стали наконецъ пырять ножами другъ друга. У Овэна дѣти и не ссорились за ученье, и учились хорошо. Замѣтимъ здѣсь, что училище его по своимъ размѣрамъ не уступало многимъ изъ ланкастерскихъ школъ, и что способъ обученія Ланкастера и Белля былъ отчасти усвоенъ Овэномъ. Залы училища его могли вмѣщать до 400 воспитанниковъ. Всѣ дѣти распредѣлены были по различнымъ классамъ; самыя маленькія учились читать и писать; въ старшихъ классахъ преподавались высшія правила счисленія, механики и физики. Старшіе обыкновенно не только сами учились, но и руководили младшихъ. На десятилѣтнемъ возрастѣ ученье обыкновенно оканчивалось, потому что съ десяти лѣтъ дѣти начинали уже ходить въ мастерскія на работу. Но и до этого времени они успѣвали пріобрѣтать довольно много свѣдѣній, благодаря тому, что все ученье было совершенно наглядно и чуждо всякихъ схоластическихъ замашекъ и ненужныхъ формальностей. Принято было за правило — непремѣнно *показывать* ученикамъ самый предметъ, о которомъ говорилось, или, по крайней мѣрѣ, рисунокъ его. Такимъ образомъ, естественная исторія изучалась обыкновенно во время прогулокъ въ полѣ; изученіе географіи начиналось съ разсматриванія карты и продолжалось въ видѣ путешествія по ней отъ даннаго пункта, и т. д. Избѣгать всякой сухости и мертвой формальности и поддерживать въ дѣтяхъ живой интересъ ко всему, что имъ преподавалось,—было главною заботою Овэна. Благодаря такой системѣ, мальчики въ короткое время своего пребыванія въ школѣ пріобрѣтали у него довольно основательныя познанія въ геометріи, механикѣ и естественной исторіи. Дѣвочекъ учили меньше, и вмѣсто спеціальныхъ знаній, прилагаемыхъ въ фабричномъ мастерствѣ, ихъ обучали разнымъ рукодѣліямъ, преимущественно шитью.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить одно замѣчательное обстоятельство, которое показываетъ, съ какимъ тактомъ умѣлъ Овэнъ вести дѣло и

пользоваться своимъ положеніемъ. Мы упоминали выше о множествѣ различныхъ сектантовъ, бывшихъ въ Нью-Лэнэркѣ. Принимаясь учить дѣтей, Овенъ долженъ былъ въ религіозномъ обученіи — или выбирать какую-нибудь одну изъ сектъ, или приноровляться къ каждой изъ нихъ. И то, и другое было нехорошо: первое могло возстановить противъ Овэна приверженцевъ другихъ сектъ, второе значило играть комедію, проповѣдуя то, чего вовсе не одобряешь. Овэнъ блестящимъ образомъ выпутался изъ этого затрудненія, сохранивши доброе согласіе въ колоніи и не пожертвовавъ ни іотою изъ своихъ личныхъ убѣжденій. Онъ совершенно отказался отъ религіознаго обученія, сказавши, что не хочетъ стѣснять никого и предоставляетъ родителямъ полную свободу наставлять своихъ дѣтей, какъ имъ внушаютъ ихъ благочестивыя вѣрованія. «Въ семейной жизни и воспитаніи,—прибавляетъ Овэнъ,—правила вѣры гораздо лучше усвоиваются, нежели въ школѣ, и потому дѣтямъ не будетъ никакого ущерба отъ того, что религіозное обученіе не войдетъ въ число учебныхъ предметовъ школы». — —

---

50. Литературныя мелочи прошлаго года.

— — Въ прежнее время образованіе спеціальное, съ цѣлью приготовленія чиновниковъ, лѣкарей, офицеровъ и т. д., стояло на первомъ планѣ; до необходимости общаго образованія додумывались только немногіе умы, далеко опередившіе свой вѣкъ... Они возставали тогда, сколько могли, противъ исключительнаго развитія спеціальнаго образованія, но тогда ихъ не слушали: спеціальныя школы распространялись, общее образованіе было въ загонѣ, въ пренебреженіи. Лѣтъ двадцать пять прошло съ тѣхъ поръ; почти исключительное развитіе спеціальныхъ училищъ принесло свои грустные плоды: явились медики, искусные только въ утайкѣ госпитальныхъ суммъ, инженеры, умѣвшіе тратить казенныя деньги на постройку небывалыхъ мостовъ, офицеры, помышлявшіе только о полученіи роты, чтобы поправить свои обстоятельства, и т. д., и т. д. На дѣлѣ всѣ убѣдились, что въ воспитаніи нужно принять другое направленіе. Одинъ изъ почтенныхъ людей очень умно и рѣшительно высказалъ общее стремленіе и сдѣлалъ нѣсколько практическихъ указаній на существующій порядокъ вещей, и вдругъ между пожилыми мудрецами поднялось радостное волненіе; теперь, видите ли, уже *открыто и доказано*, что общее образованіе важнѣе спеціальнаго!.. Отъ такого открытія они пришли въ неописанный восторгъ и года два по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ шевелили фразу: «прежде всего надо воспитать человѣка, а потомъ уже сапожника» или что-то въ этомъ родѣ... Въ простотѣ души они полагали, что говорятъ новость, не подозрѣвая, что теперь уже рѣдкій сапожникъ и рѣдкій *человѣкъ* (въ *барскомъ* значеніи) не знаютъ этой новости. — —

Одновременно съ вопросомъ о желѣзныхъ дорогахъ поднялся въ литературѣ вопросъ о воспитаніи. Вопросъ этотъ такъ общъ, что и въ

прежнее время нельзя было не говорить о немъ, и, дѣйствительно, даже въ самое глухое время нашей литературы нерѣдко появлялись у насъ книжки и статейки: «О задачахъ педагогики, какъ науки», «О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія», «Объ обязанности дѣтей почитать родителей» и т. п. Но съ 1856 г. разсужденія о воспитаніи отличались нѣсколько особеннымъ характеромъ. Въ нихъ приводились слѣдующія главныя мысли: «общее образованіе важнѣе спеціальнаго; нужно, главнымъ образомъ, внушать дѣтямъ честныя стремленія и здравыя понятія о жизни, а техника всякаго рода, формальности и дисциплина суть дѣло второстепенное; въ раннемъ возрастѣ жизни важно семейное воспитаніе, и потому жизнь въ закрытыхъ заведеніяхъ вредно дѣйствуетъ на развитіе дѣтей; воспитатели и начальники учебныхъ заведеній должны знать свое дѣло и заботиться не объ одной чистотѣ зданій и соблюденіи формы воспитанниками». Всѣ эти высокія, хотя далеко не новыя, истины безпрестанно пересыпались, разумѣется, не менѣе основательными разсужденіями о томъ, что просвѣщеніе лучше невѣжества, что умѣнье танцовать и маршировать не составляетъ еще истинной образованности и т. д. Все это было прекрасно, но кто же поднялъ этотъ важный вопросъ, кто обратилъ на него общее вниманіе? Всѣ помнятъ, что дѣло началось съ «Морского Сборника», оффиціальнаго журнала, не случайно, а намѣренно выдвинувшаго на первый планъ статьи о воспитаніи, печатно просившаго присылать ему такія статьи отовсюду. Статья г. Бема о воспитаніи помѣщена была въ 1 № «Морского Сборника» за 1856 г., и долго послѣ того журнальныя статьи по этому предмету писались: «По поводу статьи г. Бема», до тѣхъ поръ, пока не явилась въ «Морскомъ же Сборникѣ» статья г. Пирогова; тогда стали писать: «По поводу Вопросовъ Жизни» и начинать словами: «Въ настоящее время, когда вопросъ о воспитаніи поднятъ «Морскимъ Сборникомъ» и когда Пироговъ высказалъ столь ясный взглядъ на значеніе образованія» и пр. Значитъ, и тутъ нельзя сказать, чтобы иниціатива дана была литературой собственно. Но заслуга ея представится еще менѣе значительною, когда мы прослѣдимъ ее параллельно съ административными распоряженіями по учебнымъ вѣдомствамъ. Извѣстно, что вопросъ объ общемъ и спеціальномъ образованіи разрѣшенъ былъ правительственнымъ образомъ въ пользу общаго образованія еще въ половинѣ 1855 г. Экстерны въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, преобразованіе артиллерійской и инженерной академій, предположеніе объ уничтоженіи низшихъ классовъ въ нѣкоторыхъ корпусахъ—сдѣланы были раньше, нежели хоть одинъ голосъ поднялся въ литературѣ противъ спеціальнаго образованія. Печатать объ этомъ статьи стали уже тогда, когда вопросъ былъ значительно выясненъ не только въ общественномъ сознаніи, но, даже и въ административныхъ распоряженіяхъ. Такъ было и во всемъ относящемся къ воспитанію и образованію.

Въ ноябрѣ 1855 г. разрѣшенъ былъ пріемъ неограниченнаго числа студентовъ въ университетъ; вслѣдствіе этого, въ 1856 году, увеличилось количество университетскихъ студентовъ, и когда обнародованъ былъ отчетъ Министерства Просвѣщенія за этотъ годъ, то въ

литературѣ появилось нѣсколько замѣтокъ о пользѣ возможно большаго расширенія университетскаго образованія...

Въ декабрѣ 1855 года учреждены были особые попечители въ тѣхъ округахъ, гдѣ прежде эта должность соединена была съ генералъ-губернаторскою. Въ февралѣ 1856 г. повелѣно назначать въ гражданскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ воспитателей не изъ военныхъ. Въ мартѣ отмѣнено преподаваніе военныхъ наукъ въ гимназіяхъ и университетахъ. Всѣ эти мѣры вызывали сочувствіе литературныхъ дѣятелей, и они, обыкновенно выждавши нѣсколько мѣсяцевъ, считали долгомъ высказать свое мнѣніе о пользѣ того, что сдѣлано. Такимъ образомъ, въ продолженіе 1857 года (отчасти и въ 1856 г., но очень мало) было высказано много дѣльныхъ мыслей о томъ, что начальникъ училища не есть только администраторъ, что воспитатель долженъ смотрѣть не за одной только выправкой воспитанниковъ и пр.

То же самое было и во всѣхъ другихъ частностяхъ. Въ половинѣ 1856 г. стали говорить о необходимости общенія нашего съ Европой. Сначала это говорилось довольно неопредѣленно, въ общихъ чертахъ, мимоходомъ, по поводу споровъ съ «Русскою Бесѣдой» о народности, потомъ прямѣе высказали, что намъ теперь нужно заимствовать многое отъ просвѣщеннаго Запада; наконецъ, какъ-то въ концѣ года, кажется, по поводу статьи г. Григорьева о Грановскомъ, рѣшительно было высказано, что молодымъ ученымъ нашимъ полезно ѣздить учиться за границу. Но это говорилось уже въ концѣ года, между тѣмъ какъ посылка молодыхъ людей за границу была разрѣшена правительствомъ еще въ мартѣ.

Въ прошломъ году по части просвѣщенія были въ ходу у насъ особенно два вопроса: объ измѣненіяхъ учебной части въ университетахъ и гимназіяхъ и о женскихъ школахъ. Что же, сама ли литература додумалась наконецъ до этихъ вопросовъ? Вовсе нѣтъ. Первая статья г. Бунге объ университетахъ, послѣ которой литература приняла въ вопросѣ нѣсколько живое участіе, напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ апрѣлѣ прошлаго года, а правительственное опредѣленіе о необходимости преобразованій въ университетахъ и гимназіяхъ составилось еще въ 1856 году! Преимущественно съ этою цѣлью учрежденъ, въ маѣ 1856 г., ученый комитетъ при главномъ правленіи училищъ, и въ отчетѣ министра просвѣщенія за 1856 г. указываются уже многіе недостатки учебной части и мѣры къ ихъ исправленію. Съ женскими училищами то же самое. Въ концѣ 1857 г. въ первый разъ заговорили о женскихъ институтахъ и вообще объ образованіи дѣвицъ средняго сословія; во все теченіе прошлаго года продолжались статьи объ этомъ предметѣ, преимущественно по поводу вновь открываемыхъ женскихъ училищъ. Нельзя не сказать, что и тутъ литература наша опоздала. Еще въ отчетѣ министра просвѣщенія, за 1856 г., мы читали, что такъ какъ «лица средняго состоянія, особенно въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, лишены возможности дать дочерямъ своимъ даже скромное образованіе», то министерство и составило «предположеніе объ открытіи школъ для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и въ большихъ селеніяхъ». Вслѣдъ за этимъ пред-

положеніемъ приступлено было тогда же и къ «соображеніямъ объ устройствѣ таковыхъ школъ на первый разъ въ губернскихъ городахъ, по мѣрѣ способовъ, какіе могутъ къ тому представиться». Въ прошломъ году предположенія перешли уже въ дѣйствительность: основано было много женскихъ открытыхъ школъ, не только правительствомъ, но даже и частными лицами. А литература только что начала говорить о ихъ пользѣ и надобности! — —

Вопросъ о грамотности сдѣлалъ въ теченіе прошлаго года истинно-замѣчательные успѣхи. *Почти* рѣшено, что грамота не ведетъ народъ къ погибели. Съ благородной прямотою и смѣлостью выразился одинъ изъ защитниковъ грамотности, что «*вреда отъ грамотности нельзя ждать большого*! («Земл. Газ.», № 98, стр. 786). Вопросъ остановился уже на томъ, какія знанія нужны крестьянамъ, и какихъ не требуется. Разумѣется, высказаны были мнѣнія, что равенство образованія всѣхъ сословій въ государствѣ есть утопія; что для высшихъ знаній (какъ, напр., знаніе законовъ, исторіи и т. п.) есть «нѣкоторое количество людей, занимающихъ въ организаціи государства извѣстное мѣсто и значеніе» («Земл. Газ.», №№ 15, 44, 45). Противъ этого мнѣнія говорили нѣкоторые довольно неопредѣленными фразами, но вообще съ нимъ соглашались. Затѣмъ, для крестьянъ опредѣлялось ученіе: читать, писать и Законъ Божій; преимущественно же указывалось на *нравственное воспитаніе*, состоящее въ исполненіи своихъ обязанностей въ отношеніи къ властямъ. Впрочемъ, особенныхъ подробностей не было высказано: все еще упивалось повтореніемъ новой, съ такимъ трудомъ съ бою взятой истины, что отъ образованія крестьянъ нельзя ожидать большого вреда... И то хорошо!

Вопросъ о тѣлесномъ наказаніи тоже былъ на очереди; но рѣшился какъ-то странно. Нужно, впрочемъ, замѣтить предварительно, что если кто подумаетъ, будто дѣло шло въ литературѣ объ отмѣненіи розогъ, тотъ жестоко ошибается. Нѣтъ, до этого литература еще не договорилась. Дѣло шло, ни больше, ни меньше, какъ о томъ, кому сѣчь: помѣщику ли или сельскому управленію. Ранѣе всѣхъ, кажется, поднялъ этотъ любопытный вопросъ нѣкто г. Петрово-Соловово, предложившій его въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» въ такой формѣ: «какимъ количествомъ ударовъ розгами владѣлецъ можетъ наказывать срочно-обязанныхъ крестьянъ *по своему желанію и усмотрѣнію*?» На вопросъ, конечно, явились отвѣты. Въ «Журналѣ Землевладѣльцевъ» г. Рощаковскій высказалъ гуманную мысль, что не слѣдуетъ отстаивать 40 ударовъ, а можно спуститься до 20. Князь Черкасскій въ «Сельскомъ Благоустройствѣ» поступилъ еще гуманнѣе: онъ спустилъ еще десять процентовъ и согласился уменьшить число ударовъ, предоставленныхъ въ вѣдѣніе дворянства, до 18. Но тутъ-то (не знаемъ ужъ почему,—потому, должно быть, что въ послѣдовательныхъ уступкахъ увидѣли слабость противниковъ) и возстали благородные рыцари, совершенно разбившіе князя Черкасскаго. Кончилось тѣмъ, что онъ отказался и отъ 18 ударовъ въ пользу дворянства и уступилъ ихъ сельскому управленію. Но тутъ, разумѣется, ры-

цари ободрились еще болѣе и начали пускать грязью въ бѣгущаго съ поля битвы князя Черкасскаго и въ друзей его. Но бѣглецы скрылись, а рыцари оказались перепачканными въ грязи. Затѣмъ все стихло...

Не столь счастливо, какъ народъ, отдѣлались дѣти: о нихъ наши передовые люди все еще *сомнѣвались* въ прошломъ году: сѣчь или не сѣчь, по своему желанію и усмотрѣнію. Впрочемъ, и то хорошо, что сомнѣвались: сомнѣніе есть путь къ истинѣ.

Такимъ образомъ, на поприщѣ грамоты и розогъ успѣхи наши въ прошломъ году несомнѣнны. Много уже сдѣлано; говоря словами одной современной пѣсенки:

«Мы обсуждали очень тонко
(Хоть не рѣшили въ этотъ годъ):
Пороть ли розгами ребенка,
Учить ли грамотѣ народъ».

Вообще, о народномъ просвѣщеніи у насъ сильно говорили въ прошедшемъ году. Особенно занимали всѣхъ вопросы о женскомъ образованіи и объ отношеніи гимназій къ университетамъ. Согласились единодушно, что дѣвочекъ учить *тоже нужно*; съ большою радостью привѣтствовали открытіе женскихъ школъ. Что касается до направленія характера женскаго образованія, на этомъ поприщѣ подвизался преимущественно г. Аппельротъ, желавшій вообще проводить воспитаніе «отъ центра домашняго быта къ периферіи всемірной жизни». Впрочемъ, литература на этотъ предметъ какъ-то мало обратила вниманія. Но зато учрежденію женскихъ школъ она ужасно радовалась!.. Въ простотѣ души она не стыдилась хвалиться тѣмъ, что у насъ *наконецъ будутъ* женскія школы!.. Изъ этого видно, что она считаетъ женскія школы въ нѣкоторомъ родѣ роскошью, безъ которой можно и обойтись, [потому что нельзя же считать великимъ подвигомъ удовлетвореніе необходимѣйшихъ своихъ потребностей, нельзя серьезно восторгаться и хвалиться тѣмъ, что я ночью ложусь спать, поутру просыпаюсь и за обѣдомъ ѣмъ].

Объ университетахъ и гимназіяхъ тоже хорошо говорили. Одинъ профессоръ сказалъ, что въ университетѣ студенты ничему не выучиваются, потому что въ гимназіяхъ плохо бываютъ подготовлены къ слушанію ученыхъ лекцій профессоровъ («Атеней», № 38). А гимназіи оттого приготовляютъ плохо, утверждалъ тотъ же профессоръ, уже вмѣстѣ съ другимъ («Журн. для Восп.», № 2), что университету не предоставлено контроля надъ ними. Но профессорамъ съ разныхъ сторонъ дали сильный отпоръ. Они глумились надъ гимназистами, поступающими въ университетъ, и разсказывали уморительные анекдоты, случавшіеся съ молодыми людьми на пріемныхъ экзаменахъ; а имъ отвѣчали еще болѣе уморительными анекдотами о профессорскихъ лекціяхъ. Профессоръ говорилъ: «что дѣлать съ тупоумнымъ ученикомъ, который на экзаменѣ отвѣчаетъ слово въ слово по скверному учебнику?» А ему отвѣчали: «что же дѣлать ученику, ежели профессора и вообще знающіе люди презираютъ составленіе учебни-

ковъ и предоставляютъ это дѣло какому-нибудь г. Зуеву?» Профессоръ говорилъ: «если ученикъ не знаетъ географіи, то, читая, напр., исторію, не могу же я замѣчать ему, что Ліонъ находится во Франціи, а Тибръ течетъ въ Италіи»... А ему отвѣчали: «Отчего же бы и нѣтъ? Это было бы и лучше, и короче, чѣмъ читать, напр., цѣлый трактатъ о разныхъ породахъ голубей и объ ихъ воспитаніи, какъ дѣлалъ одинъ профессоръ по поводу слова, встрѣтившагося въ какомъ-то памятникѣ»... И анекдоты о профессорахъ были отличные! Словомъ,—литература показала себя!

По этой же части еще былъ одинъ важный вопросъ, котораго, однако, такъ и не рѣшила литература. Дѣло было въ томъ: нужно ли учителямъ (особенно уѣзднымъ) внутренно возвыситься до того, чтобы заслужить сначала уваженіе общества, а потомъ за добродѣтель хорошее жалованье; или же нужно учителямъ прибавить жалованье для того, чтобы они могли получше держать себя въ обществѣ. Въ «Журналѣ для Воспитанія» почти цѣлый годъ объ этомъ препиранія производились; «Атеней», въ лицѣ г. Некрасова, объявилъ себя за внутреннее возвеличеніе учителей; г. Гаяринъ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», объявилъ себя за прибавку жалованья. Но окончательнаго рѣшенія по столь многотрудному вопросу до сихъ поръ еще не произнесено... И, кажется, не литература произнесетъ его: прибавка жалованья учителямъ уже рѣшена, говорятъ, въ министерствѣ просвѣщенія... — —

---

51. Русскіе въ доблестяхъ своихъ.

Примѣръ отважнаго стремленія къ общему благу.

Не можемъ умолчать о случаѣ, доказывающемъ, сколь сильно у насъ частныя лица стараются споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ правительства. Будущій историкъ русской цивилизаціи не преминетъ, конечно, занести этотъ фактъ на скрижали отечественныхъ лѣтописей.

Въ 1858 году учреждены въ Петербургѣ *училища для приходящихъ дѣвицъ*. Въ обнародованныхъ *правилахъ* для этихъ училищъ сказано, что «цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы доставить родителямъ возможность, *не отлучая дѣтей отъ семейства*, давать имъ основательное и полное образованіе *за такую плату, которая не была бы стѣснительна для людей самаго умѣреннаго состоянія*; чтобы, поэтому, дѣти, *живя дома, у родителей или родственниковъ*, приходили въ училище только для слушанія уроковъ». Годовая плата за ученье положена 25 рублей съ дѣвицы.

И едва только сдѣлались извѣстны эти правила, которыхъ цѣль и смыслъ такъ просты и ясны, какъ явилось въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1858 г. № 219 объявленіе отъ одной содержательницы частнаго пансіона о томъ, что она, для облегченія родителей, *принимаетъ къ себѣ на жительство* дѣтей, отдаваемыхъ въ жен-

скія училища, *за плату отъ 120 до 200 руб. сер. въ годъ*. Вотъ самое объявленіе:

«По случаю назначенія правительствомъ открыть казенное учебное заведеніе для дѣвицъ въ Коломнѣ, на углу Большой Садовой и Грязной улицъ, въ домѣ Воронина, содержательница частнаго пансіона, *находящагося въ томъ же домѣ*, г-жа Галактіонова, готова *помѣщать дѣвицъ у себя на жительство и воспитаніе* съ тѣмъ, что, по окончаніи предназначеннаго занятія въ казенномъ заведеніи, обязывается, при совершенно приличномъ помѣщеніи и содержаніи ввѣренныхъ ей дѣтей, имѣть постоянный надзоръ и неусыпное попеченіе о нравственности ихъ и наблюденіе за приготовленіемъ уроковъ, за практическими занятіями на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и за преподаваніемъ музыки. *Годовая плата, при снабженіи дѣтей родителями всѣми учебными потребностями, отъ 120 до 200 руб. сер.*».

Итакъ, дѣти будутъ жить даже въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ помѣщается училище *для приходящихъ дѣвицъ*! Значитъ, ученицамъ придется только перейти изъ комнаты въ комнату, чтобы явиться въ классы изъ пансіона г-жи Галактіоновой! Какое удобство для родителей! Не надо заботиться о томъ, какъ и съ кѣмъ каждый день послать дѣтей въ школу, и какъ ихъ оттуда привести домой; не нужно думать о томъ, какъ присмотрѣть за ними, повѣрить ихъ занятія, прослушать уроки и т. п. Можно даже ни разу не видѣть дѣтей во все время ихъ ученья: г-жа Галактіонова замѣнитъ для дѣтей родительскій надзоръ и семейную жизнь. Какая просвѣщенная ревность въ содѣйствіи намѣреніямъ правительства!...

---

52. [Охотникъ до] [1]) дворянокъ.

Между многочисленными грамматиками, по которымъ обучается русское юношество, есть нѣсколько грамматикъ, сочиненныхъ г. Викторомъ Половцовымъ и выдержавшихъ по нѣскольку изданій. Доселѣ нельзя было съ точностью опредѣлить, въ какой мѣрѣ заслуженъ былъ успѣхъ трудовъ г. Виктора Половцова, но теперь дѣло вполнѣ рѣшается и разъясняется, благодаря усердію просвѣщенной редакціи «Журнала Землевладѣльцевъ», въ 8-мъ № котораго за 1858 г. помѣщено письмо г. Половцова «*О женщинахъ*».

Въ началѣ письма г. Половцовъ обращается къ издателямъ «Журнала Землевладѣльцевъ» съ нѣсколькими комплиментами, столько же галантными, какъ и патріотическими. Между прочимъ, онъ говоритъ, что «Журналъ Землевладѣльцевъ» имѣетъ не мимолетное значеніе, ибо «это лѣто (въ которое издавался «Журналъ Земл.») врѣжется на скрижаляхъ отечественной исторіи неизгладимыми чертами

---

[1]) Почитатель.

на вѣчныя времена». Стремясь, повидимому, тоже *врѣзаться на скрижали* на вѣчныя времена, г. Половцовъ думаетъ достигнуть своей цѣли напечатаніемъ своихъ соображеній о женщинахъ. Желая содѣйствовать г. Виктору Половцову въ достиженіи цѣли столь прекрасной, приводимъ замѣчательнѣйшія мѣста изъ его оригинальнаго письма.

«Употребивъ весь вѣкъ свой (такъ начинаетъ г. Викторъ Половцовъ) на семейное и общественное, *даже, можно сказать, государственное* воспитаніе, *я стою за женщинъ*, съ которыхъ начинается наше существованіе, питаніе, воспитаніе, возрожденіе, *однимъ словомъ все.* (Смѣло и сильно!) А журналъ вашъ какъ будто не благоволитъ прекрасному полу. Положимъ, что общее названіе «Землевладѣльцевъ» относится къ дѣвицамъ, замужнимъ и вдовамъ изъ помѣщицъ, точно такъ же, какъ и къ сыновьямъ ихъ и внукамъ, супругамъ и братьямъ, отцамъ и праотцамъ (къ праотцамъ-то, я думаю, всего больше относится!); тѣмъ паче подъ названіемъ *крестьянъ*, объ улучшеніи быта которыхъ теперь заботятся, надобно разумѣть и *крестьянокъ*. Но вотъ, въ спискахъ «дворянамъ-помѣщикамъ» разныхъ губерній, подавшимъ отзывы съ изъявленіемъ готовности упрочить бытъ своихъ крестьянъ, неужто не одна губернія не упомянетъ и дворянъ-помѣщицъ».

«Подъ названіемъ дворянства» разумѣются какъ дворяне, такъ и дворянки, а подъ двойнымъ названіемъ «дворянъ-помѣщиковъ», и Московской и Орловской губерній, русскій языкъ разумѣетъ однихъ только мужчинъ. (Вотъ что значитъ быть филологомъ!).

«Вы сдѣлали больше: съ № 2 вы перестали печатать эти списки!.. Позвольте надѣяться, что увѣдомите въ «Журн. Землевл.» о причинѣ, по которой вы перестали печатать списки.

«Каждое изъ именъ, вошедшихъ въ эти списки, есть достояніе исторіи, если не всей Россіи, то по крайней мѣрѣ всей губерніи, о которой идетъ рѣчь (отчего же такъ скромно?). Тѣ списки, которые напечатаны въ № 1, я просмотрѣлъ и нашелъ...»

Нашелъ г. Половцовъ, къ своему крайнему прискорбію, «очевидную бѣдность въ женскихъ именахъ». Нашелъ онъ также, что въ Нижегородской губерніи дворянокъ подписалось менѣе, чѣмъ въ Московской. Это обстоятельство вызвало его на слѣдующее язвительное замѣчаніе: «Это значитъ, что Москва обратила вниманіе *на женскій полъ во дворянствѣ* гораздо больше, чѣмъ Нижній-Новгородъ. *Москвичи и Нижегородцы знаютъ о томъ, почему и для чего, разумѣется, больше, чѣмъ я*, странствователь по юго-восточнымъ степнымъ губерніямъ». Очевидно, что авторъ тоже знаетъ, и очень хорошо знаетъ, «*почему и для чего*», но не хочетъ этого высказать по особенной деликатности души своей. Вопросъ, заданный имъ, разъясненъ, впрочемъ, въ одиннадцатомъ № «Журнала Землевлад.» г. Л. Загоскинымъ, который былъ, по его мнѣнію, *натолкнутъ* многоуважаемымъ В. А. Половцовымъ на мысль сравнить число дворянъ, изъявившихъ согласіе, съ общимъ числомъ дворянъ-владѣльцевъ каждой губерніи. По изслѣдованіямъ г. Л. Загоскина выходитъ, что подписавшихъ согласіе—*меньшинство* и при томъ незначительное.

Между тѣмъ по его замѣчанію, «правду за всѣхъ насъ высказалъ В. А. (Половцовъ), что по такому святому дѣлу отрадно, успокоительно для совѣсти каждаго дворянина было бы *видѣть свое имя и фамилію въ печати, т.-е. на скрижаляхъ исторіи*». Отчего же не всѣ подписались? По мнѣнію г. Загоскина, тутъ виноваты *головы наши*, презирающіе мелкопомѣстныхъ, тогда какъ «изъ нихъ около половины родовичей тѣхъ коренныхъ дворянъ, предки которыхъ, составляя служилое сословіе у великихъ князей и царей нашихъ, подвигами своими, своею вѣрностью и кровью заслужили грамоту 1761 г., которою *мы* облагорожены» (да не подумаетъ читатель, что *мы* это отъ себя говоримъ. Сохрани Богъ!.. мы повторяемъ только слова г. Л. Загоскина, не думая относить ихъ ни къ себѣ, ни даже къ вамъ, читатель, кто бы вы ни были).

Итакъ, въ маломъ числѣ подписавшихся виноваты люди, которыхъ г. Л. Загоскинъ называетъ головами. «Ушли мы съ 1831 г. далеко, а головы все сидятъ на плечахъ у насъ», — замѣчаетъ онъ въ заключеніе, обнаруживая не совсѣмъ понятное для насъ желаніе, чтобы у него голова на плечахъ не сидѣла... Можетъ быть, г. Л. Загоскинъ по собственному опыту знаетъ, что безъ головы человѣку жить лучше?

Но возвратимся къ письму г. Половцова, по поводу котораго въ «Журналѣ Землевладѣльцевъ» поднятъ былъ важный вопросъ объ именахъ дворянъ и дворянокъ. Малое число подписавшихся г. Половцовъ (не совсѣмъ несогласно съ г. Л. Загоскинымъ) приписываетъ медленности помѣщиковъ и поспѣшности предводителей. Вотъ случай, имъ разсказанный.

«Это дѣло (считанье женскихъ именъ въ спискахъ) съ моей стороны началось очень просто. Одна изъ барынь-помѣщицъ, управляющая имѣніемъ «по довѣрію мужа», просила меня написать отвѣтъ предводителю дворянства о томъ, согласна ли она на улучшеніе быта своихъ крестьянъ?—Что жъ, согласны ли вы? «*О, съ восторгомъ!*» Эти слова были темою чернового писанія, въ которомъ почти ничего и не перемѣнено (и зачѣмъ же перемѣнять? Г. Половцовъ пишетъ такимъ хорошимъ слогомъ и при томъ же *самъ* сочинилъ грамматику русскую!). Но какъ въ письмѣ предводителя было сказано, что молчаніе далѣе опредѣленнаго срока будетъ принято за согласіе, то мы не торопились отправкою; а вышло то, что имя барыньки (?) не попало въ списокъ 970 дворянъ помѣщиковъ Орловской губерніи, хотя въ немъ отыскались имена 304 дамъ и дѣвицъ».

Разсказавъ столь любопытный и знаменательный фактъ, г. Половцовъ приступаетъ къ слѣдующимъ краснорѣчивымъ размышленіямъ, дѣлающимъ честь его бойкому перу и многостороннимъ познаніямъ.

«Кто не знаетъ, какъ *употительно звучитъ* (?) имя, отчество,— а по-русски величаніе—и *перемьняемое* (?) прозвище,—по иностранному фамилія,—любимой особы, тотъ только не пойметъ, что и въ просмотрѣ списка дворянъ-помѣщиковъ съ выискиваніемъ женскихъ именъ, можно находить *большое удовольствіе* (еще бы!). Каждое имя

(слушайте!) нарекается младенцу при Св. Крещеніи [1]), *иногда* имена имѣютъ значеніе: Анатолій—востокъ, Софія — премудрость, и проч.; перечисленіемъ именъ начинается Новый Завѣтъ, священнѣйшая изъ книгъ, и каждымъ изъ этихъ именъ знаменуется поколѣніе, иная исторія состоитъ почти только изъ именъ (хорошая исторія!). Однимъ словомъ, *разохотившись* просматривать имена дворянокъ-помѣщицъ трехъ губерній, которыя напечатаны въ № 1 «Ж. З.», я сталъ читать имена и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Затѣмъ г. Половцовъ приводитъ цифры. Оказалось, что онъ имѣлъ терпѣніе насчитать 1.623 дворянки-помѣщицы въ разныхъ губерніяхъ. Но, не довольствуясь своимъ трудолюбіемъ и тѣмъ, что повѣдалъ міру результаты его, г. В. Половцовъ предлагаетъ слѣдующее:

«Нельзя ли было бы *напечатать списки хоть особой книжкою*, въ видѣ приложенія къ вашему журналу, и при томъ въ два столбца, *одну могли бы быть мужчины, а одесную съ пробѣлами (!) женщины и дѣвицы?* А уже если раздѣлять да распредѣлять, такъ можно было бы расписать имена и *по классамъ супруговъ и отцовъ; юнкерша и канцеляристша точно также заняла бы свое мѣсто, какъ и дѣйствительныя тайныя совѣтницы, графини и свѣтлѣйшія княгини.* Не знаю, почему нѣтъ у насъ слова «другиня», т.-е. другъ женскаго пола, другое и даже первое я. (Тутъ уже филологическія тенденціи овладѣваютъ г. Половцовымъ, и онъ даетъ намъ рѣдкій случай наблюдать за грамматикомъ, разсуждающимъ объ общественныхъ вопросахъ. Внимайте же!). Это совсѣмъ не подруга, подружка, подруженька, которыя вѣютъ на насъ молодостью! и другъ—не то, это мужчина. «Другиня»,—въ смыслѣ первыни могло бы быть самымъ почетнымъ изъ всѣхъ званій женщины и даже дѣвицы. Жена-другъ—вотъ другиня, мать, конечно, не всякая;—сестра въ родѣ матери, *тетка-полупровидѣніе* (о, чудеса грамматики!)—вотъ другиня! У насъ есть женскія названія: княгиня, героиня и богиня, отъ мужскихъ: князь, герой и богъ (языческій). Почему же не быть другинѣ отъ слова другъ (христіанскій)? При томъ же, другъ служитъ теперь, какъ будто за недостаткомъ словъ въ нашемъ богатомъ русскомъ языкѣ, названіемъ и женщины: мой другъ, дружокъ, дружочекъ! говоритъ мужъ женѣ, братъ сестрѣ, даже отецъ дочери. Такъ слово другиня произошло бы не отъ мужского другъ, а само изъ себя, и *разумѣется возымѣло бы свою исторію* [2]).

«Исторія боговъ и богинь—дѣло давнее и не наше, а князей и княгинь—поближе къ намъ. Вотъ и сегодня (письмо г. Половцова

---

[1]) Попадались и неупотребительныя: Сарра, Капитолина, Доминика, Августина, Фіона и Митродора. *Авт.*

(Самъ авторъ позаботился отмѣтить свое примѣчаніе, значитъ, читатели не могутъ уже подумать, что мы нарочно его сочинили).

[2]) Въ церковнославянскомъ *есть* слово «другиня», и народъ слышитъ это слово въ одной изъ церковныхъ пѣсенъ во время Пасхи. *Ред.*

(Это опять не наше примѣчаніе: это счелъ нужнымъ замѣтить редакторъ «Журнала Землевладѣльцевъ».

писано 11-го іюля) церковь наша празднуетъ память Св. Ольги, которою начинается весь сонмъ святыхъ угодниковъ православной россійской церкви. Эта знаменитая въ древней Руси государыня, *мать героя Святослава и бабка Владиміра Великаго родомъ Псковитянка родилась не княжною и не царевной, а простолюдинкою* (урокъ изъ исторіи для читателей «Журн. Земл.»). Супружество возвело ее на степень княгини, именно великой княгини, но *немерцающее* (каковъ русскій языкъ у почтеннаго грамматика? *немерцающее* вмѣсто *немеркнущее!*) въ вѣкахъ величіе добыла она себѣ сама по праву женщины-христіанки. Это же, самое почетное изъ всѣхъ званій человѣка, вполнѣ доступно каждой изъ всѣхъ дворянокъ-помѣщицъ (разумѣется,—всѣ онѣ не басурманки, не нехристи), о которыхъ началъ я бесѣдовать съ вами, почтенный А. Д., перебирая списки дворянъ-помѣщиковъ разныхъ губерній.

«Св. Ольга приняла христіанство, потому что, и живя среди язычниковъ, постигла всю цѣну ученія Спасителя. Она сложила съ себя бремя десятилѣтняго управленія государствомъ, удалилась въ Царь-градъ и занялась ученіемъ христіанскимъ. *Не то ли же предстоитъ* (вотъ тебѣ и разъ: въ Царь-градъ удалиться?) *и многимъ изъ нашихъ барынь, жившихъ по деревнямъ, и несшихъ на себѣ тяжкое бремя управленія крестьянами?* Безграничныя права ихъ *тяготѣли надъ ними еще болѣе (!!!), чѣмъ надъ подвластными имъ душами* человѣческими, подобно язычеству, которое во времена Св. Ольги считалось вѣрою въ отцовъ, и было такъ сильно, что знаменитый сынъ Игоря никакъ не хотѣлъ разстаться съ своими языческими обязанностями и пребылъ имъ вѣренъ до насильственной смерти своей. Ольга слышала о вѣрѣ Христовой отъ воиновъ супруга своего, бывшихъ въ Греціи; а мы услышали объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ-христіанъ и крестьянокъ-христіанокъ отъ вѣнчаннаго на царство помазанника Божія. Великая княгиня Ольга, безъ сомнѣнія, находилась въ продолжительной борьбѣ сама съ собою: предпринимать ли дѣло новое, трудное и отвѣтственное предъ потомствомъ? *Намъ облегченъ этотъ подвигъ*: Высочайше повелѣно мужчинамъ обдумать дѣло въ полгода; а за насъ потрудится самъ Батюшка Царь, съ своими посѣдѣлыми въ совѣтахъ болярами, въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу.

«И Св. Ольга ждала-ждала, пока ей можно было сложить бремя правленія на рамена сыновей (*сыновей!?*). А намъ, если придется подождать и 12 лѣтъ, такъ *чтожъ это за срокъ въ сравненіи съ вѣками*, которые будутъ наслаждаться плодами трудовъ и пожертвованій второй половины XIX вѣка въ громадной Россіи? Между дворянами-помѣщиками Псковской губерніи нашелъ я вдову капитана, Варвару Лаврову съ сыновьями-полковниками, Степаномъ и Николаемъ Егоровичами—вотъ образчикъ нераздѣльнаго владѣнія матери съ дѣтьми въ богобоязненномъ семейномъ быту. Да продлится онъ на многія лѣта!».

Прекрасное письмо г. Половцова оканчивается слѣдующею просьбою, которая обнаруживаетъ, что онъ не словомъ только, но и

дѣломъ старается объ увеличеніи числа женскихъ именъ во всякаго рода подпискахъ. «Позвольте кстати попросить васъ,—пишетъ онъ,—внести въ число подписавшихся на «Журн. Земл.» имя жены моей, Лидіи Осиповны, *съ припискою въ Іерусалимѣ: ибо мы просимъ отправлять экземпляръ ея къ брату моему*, іеромонаху Ювеналію, члену іерусалимской миссіи».

Видно, что г. Половцову очень хотѣлось *упиться* звукомъ имени жены своей, когда онъ упрашивалъ записать ее вмѣсто своего брата на «Журналъ Землевладѣльцевъ» и записалъ ее въ Іерусалимѣ, хотя она живетъ съ г. Половцовымъ въ Саратовской губерніи.

Мало того, «Журналъ Землевладѣльцевъ», принявъ серьезно все письмо г. Половцова, съ чувствомъ душевнаго прискорбія оправдывается отъ его упрековъ. Вотъ начало его *отвѣта* г. Половцову:

«Отъ васъ менѣе, чѣмъ отъ кого-нибудь, ожидали мы упрека, что *журналъ нашъ какъ будто не благоволитъ къ прекрасному полу*. И на чемъ же основываете вы такое капитальное обвиненіе?...»

И такъ далѣе... Журналъ блистательно оправдывается отъ нареканій г. Половцова, и мы вполнѣ увѣрены, что онъ съ письмомъ г. Половцова и съ своимъ отвѣтомъ дѣйствительно «*врѣжется на скрижали отечественной исторіи на вѣчныя времена*».

---

53. Курсъ всеобщей исторіи для воспитанницъ благородныхъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій.

Составл. *В. Шульгинымъ*. Исторія среднихъ вѣковъ. Кіевъ. 1858.

Руководство всеобщей исторіи.

Первая половина исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ. Составл. *И. Шульгинымъ* и *В. Макинымъ*. Спб. 1858.

Первое дѣло—отнюдь не смѣшивайте двухъ господъ Шульгиныхъ: это двѣ личности, совершенно различныя и даже противоположныя. Одинъ изъ нихъ—Виталій, другой—Иванъ; одинъ—кіевскій, другой—санктпетербургскій; одинъ извѣстенъ въ нашей ученой литературѣ очень основательнымъ изслѣдованіемъ «О положеніи женщины въ Россіи до Петра»; другой—«Изложеніемъ характера и содержанія исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ»,—весьма неловкою компиляціею изъ разныхъ французскихъ писателей. Столь же мало имѣютъ между собою общаго и курсы исторіи, ими изданные. В. Шульгинъ составилъ свой курсъ *самъ-одинъ*; а г. И. Шульгинъ—вмѣстѣ съ г. Макинымъ. Мы не знаемъ, что такое г. Макинъ и каково участіе его въ составленіи руководства; но такъ какъ труды обоихъ составителей не отдѣлены, то, конечно, каждый изъ нихъ одинаково долженъ отвѣчать за недостатки и достоинства всей книги. Имѣя это въ виду, мы думаемъ, что г. И. Шульгинъ не обидится, если мы, говоря объ его руководствѣ, будемъ для краткости говорить только о немъ одномъ,

не упоминая безпрестанно и г. Макина. Итакъ, будемъ продолжать нашу параллель между историческими курсами двухъ гг. Шульгиныхъ; она весьма поучительна.

«Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ» г. В. Шульгина соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ науки; руководство г. И. Шульгина составляетъ шагъ назадъ отъ покойной исторіи Кайданова. У г. В. Шульгина не слишкомъ много мелочныхъ фактовъ, но всѣ факты разсказаны вѣрно; у г. И. Шульгина всѣ событія загромождены кучею подробностей, которыя всегда искажены и перепутаны. Въ курсѣ г. В. Шульгина факты освѣщаются общей идеей, выводимой изъ ихъ разсмотрѣнія; въ руководствѣ г. И. Шульгина идея навязывается фактамъ совершенно произвольно и нисколько не служитъ къ ихъ объясненію. Г. В. Шульгинъ пишетъ ясно и просто; г. И. Шульгинъ пишетъ краснорѣчиво, темно и нескладно... Различія,—какъ видите, немаловажныя, и, чтобъ они еще яснѣе обрисовались предъ читателемъ, мы подтвердимъ ихъ фактами, извлеченными изъ той и другой книги.

Въ книгѣ г. В. Шульгина находимъ мы коротенькое предисловіе, объясняющее взглядъ автора на изложеніе исторіи; въ книгѣ г. И. Шульгина никакого предисловія нѣтъ, но самая книга достаточно обличаетъ взглядъ автора. Сравнимъ же двухъ преподавателей.

Г. В. Шульгинъ говоритъ, что онъ старался развить съ особенною полнотою главные историческіе моменты въ жизни первостепенныхъ народовъ и изобразить личность главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей; исторію же второстепенныхъ народовъ и событій изображалъ слегка, въ общихъ характеристическихъ очеркахъ. Затѣмъ онъ выражаетъ убѣжденіе, что «*какъ можно менѣе голыхъ чиселъ и безличныхъ именъ и какъ можно болѣе живыхъ людей*—вотъ главное правило историческаго преподаванія и изученія». И г. В. Шульгинъ остается вѣренъ этому правилу въ своей книгѣ. У него нѣтъ подробной исторіи Пиренейскаго полуострова, маленькихъ итальянскихъ городовъ, маленькихъ калифатовъ, нѣтъ этихъ безконечныхъ Альфонсовъ, Григорьевъ, Іоанновъ и Константиновъ, которыми наполняется въ учебникахъ исторія Испаніи, Рима и Византіи... Но зато у г. В. Шульгина весьма живо и характерно очерчены многія изъ замѣчательныхъ историческихъ личностей среднихъ вѣковъ. Предъ учениками поставлены, какъ живыя лица, не только такіе дѣятели, какъ Магометъ, Карлъ Великій, Генрихъ IV и Григорій VII, Людовикъ XI и т. п., но и такіе люди, какъ, напр., Вильгельмъ Тель, Жанна д'Аркъ, и пр.

Совсѣмъ не такъ поступаетъ руководство г. И. Шульгина. Для него нѣтъ разницы между важнымъ и неважнымъ, между полезнымъ и ненужнымъ. У него одно стремленіе: насажать какъ можно побольше именъ и фактовъ, не заботясь ни о смыслѣ, ни о связи ихъ. Вотъ выдержка, для образца:

«Отъ Іакова II, сына Дона Петро III, пошелъ родъ арагоно-сицилійскихъ королей до пресѣченія его въ мужескомъ колѣнѣ смертью (1410) Мартина, правнука Іакову II. По супружеству своему съ

Элеонорою, сестрою короля Мартина и единственною наслѣдницею престоловъ Арагона и Сициліи, получилъ сіи владѣнія Фердинандъ, меньшой сынъ короля Іоанна Кастильскаго, тогда какъ старшій братъ Фердинанда, Генрихъ III, наслѣдовалъ послѣ отца кастильскую корону. Ал(ъ)фонсъ V (въ Неаполѣ I), сынъ короля Фердинанда, вопреки завѣщанію королевы Іоанны III, овладѣлъ по ея смерти (1435 г.) Неаполемъ и отстаивалъ королевство Обѣихъ Сицилій отъ всѣхъ притязаній Анжуйскаго дома. Король Ал(ъ)фонсъ не имѣлъ законныхъ дѣтей, и послѣ его смерти (1458 г.) престолы Арагона и Сициліи достались меньшому брату его Іоанну (—1479), а отъ него достопамятному сыну его Фердинанду-Католику; однакоже Ал(ъ)фонсъ успѣлъ утвердить престолъ Неаполя за своимъ побочнымъ сыномъ, Фердинандомъ I, по смерти котораго (1494 г.) вступилъ на престолъ Неаполя сынъ его (Фердинанда) Ал(ъ)фонсъ II» (стр. 34—35).

Изъ одной этой выписки, кажется, уже совершенно ясно, что г. И. Шульгинъ думаетъ о значеніи голыхъ именъ и чиселъ въ исторіи вовсе не такъ, какъ г. В. Шульгинъ. И дѣйствительно, во всемъ руководствѣ г. И. Шульгина замѣтно чрезвычайное пристрастіе къ именамъ и непобѣдимое отвращеніе отъ живыхъ характеристикъ. Говоря, напр., о Генрихѣ IV, *руководство* и не думаетъ о томъ, чтобы изобразить въ вѣрномъ очеркѣ эту замѣчательную личность, а прежде всего бросается на то, что «Генрихъ Бурбонъ, король Наварры (Нижней), былъ потомокъ по прямой линіи Роберта Бурбона, который по супружеству своему съ Іоанною д'Албретъ, наслѣдницею Наварры, получилъ королевство Наваррское» (стр. 119). Приступая къ изображенію реформаціи, *руководство* такъ говоритъ о предшественникахъ Лютера: «въ теченіе всего этого времени возникали и распространялись расколы; сильнѣйшій былъ произведенъ въ Богеміи Іоанномъ Гуссомъ (1373—1415), профессоромъ Прагскаго университета, и другомъ его Іеронимомъ († 1416); предшественникомъ ихъ обоихъ былъ Виклефъ (1324—1387), профессоръ богословія въ Оксфордскомъ университетѣ» (стр. 59). И хотя бы одно слово о мнѣніяхъ этихъ людей, хоть бы строчка объ ихъ требованіяхъ, ихъ характерѣ, о началѣ и развитіи ихъ борьбы съ папствомъ!.. Были такіе-то тогда-то,— и дѣло съ концомъ. Поневолѣ къ *руководству* приложишь слова г. В. Шульгина изъ предисловія къ его курсу: «эти имена и числа, или, лучше сказать, эти клѣтки, обозначенныя извѣстными ярлыками, не давая понятія ни о характерѣ народа, ни о характерѣ историческихъ дѣятелей, безполезно выучиваются, легко вылетаютъ изъ памяти и только отнимаютъ у преподавателя время, необходимое для полной, живой характеристики событій и лицъ, подвигавшихъ впередъ вѣкъ или служившихъ типическими представителями вѣка». Нельзя не согласиться, что слова г. В. Шульгина имѣютъ весьма грустное примѣненіе къ руководству г. И. Шульгина.

Другая и самая существенная разница *курса* г. В. Шульгина отъ *руководства* г. И. Шульгина состоитъ въ томъ, что у г. В. Шульгина «изложеніе такъ называемыхъ внѣшнихъ политическихъ событій отодвинуто на второй планъ, и особенное вниманіе обращено на вну-

треннюю жизнь народовъ», а у г. И. Шульгина о внутренней жизни народовъ нѣтъ и помину; напротивъ, все вниманіе обращено исключительно на внѣшнія политическія событія. *Руководство* г. И. Шульгина даже вовсе не хочетъ понять, что есть на свѣтѣ *народъ*, съ своими нуждами и интересами; для *руководства* существуютъ только государства и династическіе интересы ихъ правителей. Вся новая исторія подчинена внѣшне-политической точкѣ зрѣнія. Забавно читать, какъ г. И. Шульгинъ характеризуетъ новую исторію, наивно увѣряя, что ея отличительныя качества состоятъ: 1) въ *единствѣ* внутренняго состава государствъ (ибо всѣ граждане суть члены одного и того же государственнаго организма, повинуются одной и той же верховной власти и живутъ подъ одними и тѣми же законами); 2) *въ политическомъ равновѣсіи государствъ*. Вѣрный своей точкѣ зрѣнія, г. И. Шульгинъ считаетъ, напр., крестовые походы не болѣе, какъ средствомъ «уничтоженія разнородности въ составѣ государствъ», а всѣ открытія и изобрѣтенія XIV и XV вѣка цѣнитъ по ихъ вліянію на установленіе политическаго равновѣсія. Самъ г. И. Шульгинъ простодушно признается, что его новая исторія есть не что иное, какъ «*исторія политическаго равновѣсія въ системѣ европейскихъ государствъ*», и что вся задача ея состоитъ только «въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ политическое равновѣсіе было нарушаемо и опять возстановляемо» (стр. 26). Столь жалкое и мертвое понятіе объ исторіи, исключающее изъ нея всѣ существенные интересы народной жизни, приводитъ автора къ весьма забавнымъ нелѣпостямъ. Напримѣръ, на основаніи своей главной идеи онъ признаетъ слѣдующіе предѣлы, далѣе которыхъ изученіе новой исторіи не смѣетъ идти: «*Учебное начало* новой исторіи есть то событіе, въ которомъ въ первый разъ выразилось стремленіе одного государства къ преобладанію (нарушеніе политическаго равновѣсія) и противодѣйствіе этому стремленію со стороны прочихъ (возстановленіе равновѣсія); *учебное окончаніе* исторіи—то событіе, въ которомъ въ послѣдній разъ повторились всѣ эти обстоятельства». Такимъ образомъ за начало новой исторіи г. И. Шульгинъ принимаетъ *походъ Карла VIII въ Италію въ 1494 г.* Это, конечно, странно, но все еще не столько, какъ то, что *окончаніемъ* исторіи признаетъ онъ *Ахенскій конгрессъ* (стр. 26). Тамъ, говоритъ, окончательно возстановлено политическое равновѣсіе, и затѣмъ—нѣтъ болѣе исторіи! На Ахенскомъ конгрессѣ г. И. Шульгинъ поставилъ для человѣчества геркулесовы столбы и не пускаетъ его дальше, промолвя: «*здѣсь остановись*»! Пусть народы живутъ, трудятся, волнуются, хлопочутъ о своемъ образованіи и объ улучшеніи своего быта,—г. И. Шульгину никакого дѣла нѣтъ до этого: для него вся исторія заключается въ метеорологическихъ наблюденіяхъ надъ политическимъ равновѣсіемъ. Ученики хотятъ отыскать въ исторіи разумное объясненіе и оправданіе настоящаго порядка вещей, хотятъ прослѣдить постепенное развитіе тѣхъ общественныхъ формъ и условій жизни, отъ которыхъ должна зависѣть ихъ собственная дѣятельность; оглядываясь на жизнь своихъ отцовъ и дѣдовъ, они хотятъ знать,—что же сдѣлали старшія поколѣнія и что послѣ

нихъ осталось недовершеннымъ. Но что за дѣло г. И. Шульгину до всѣхъ этихъ юношескихъ стремленій? Онъ—человѣкъ почтенныхъ лѣтъ (ибо уже 30 лѣтъ тому назадъ помѣщалъ въ «Сынѣ Отечества» отрывки изъ своей книги «Изображеніе характера и содержанія новой исторіи») и имѣетъ свои, твердо установившіяся понятія, которымъ ни за что не измѣнитъ. Онъ успокоился на Ахенскомъ конгрессѣ, какъ будто ему, И. Шульгину, самому лично принадлежали всѣ лавры этого конгресса; и что же ему за охота послѣ этого слѣдить за современной исторіей? Конечно, характеръ исторіи остался тотъ же, что и прежде, государства не перестали развиваться, не прервали взаимныхъ сношеній; но политическое равновѣсіе, по мнѣнію г. И. Шульгина, уже не играетъ роли... Оттого и исторія послѣднихъ сорока лѣтъ превратилась въ нѣчто, вниманія не стоящее. Вотъ хоть бы, напримѣръ, и *восточная война*. Конечно,—война замѣчательная, и народу въ ней много побито, и послѣдствія важныя; но вѣдь въ ней не выразилось «стремленіе одного государства къ преобладанію и противодѣйствіе оному со стороны прочихъ»; это была война просто изъ-за ключей Гроба Господня, изъ-за покровительства христіанамъ въ Турціи. Такъ вонъ ее изъ исторіи, эту нелѣпую войну, въ которой не выразилось политическое равновѣсіе!!. Не стоитъ она вниманія г. И. Шульгина, какъ и все, совершившееся на свѣтѣ послѣ Ахенскаго конгресса!

Доходя до такой виртуозности въ послѣдовательномъ проведеніи своей нелѣпой идеи, *руководство* нисколько уже не удивляетъ насъ тѣмъ, что оно все наполнено только войнами и войнами, которыя объясняются тѣмъ только, что такой-то государь возымѣлъ стремленіе къ преобладанію, а такіе-то умѣли или не умѣли ему противодѣйствовать. Принявъ произвольную, мертвую идею за основаніе всей исторіи, г. И. Шульгинъ все объясняетъ произволомъ и случайностью. Тридцатилѣтняя война началась у него потому, что Фердинандъ II восчувствовалъ стремленіе къ преобладанію; ужасы Варѳоломеевской ночи произошли оттого, что Екатерина Медичи опасалась вліянія Колиньи на Карла IX; разстройство Швеціи въ XVII вѣкѣ объясняется страстью Христины къ ученымъ занятіямъ, и пр., и пр. Но этого мало: г. И. Шульгинъ не только объясняетъ все произволомъ, но и старается, гдѣ только возможно, оправдать этотъ произволъ. По его мнѣнію, напр., въ борьбѣ парламента съ Карломъ I виноватымъ былъ одинъ парламентъ (стр. 198); даже Нидерланды выходятъ у г. И. Шульгина почти виноватыми за свое возстаніе противъ Испаніи. О Филиппѣ II, этомъ типѣ кровожаднаго тирана и дикаго изувѣра, г. И. Шульгинъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Филиппъ II воспитанъ былъ въ строгихъ правилахъ католицизма и по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ былъ врагъ и гонитель всякой ереси; онъ видѣлъ въ протестантскомъ ученіи направленіе, которое считалъ мятежнымъ и опаснымъ. Въ 1559 г. отправляясь изъ Нидерландовъ въ Испанію, Филиппъ II унесъ съ собою *убѣжденіе въ необходимости сильныхъ мѣръ* (такъ говорится объ инквизиціи, шпіонствѣ, кострахъ и казняхъ всякаго рода! Самъ князь Шаликовъ выразился бы въ

этомъ случаѣ сильнѣе, чѣмъ г. И. Шульгинъ!)—и къ совершенному искорененію религіозныхъ нововведеній и къ измѣненію многоразличныхъ уставовъ, чтобы привести эту страну къ единству религіозному и политическому и утвердить въ ней свое неограниченное полновластіе» (стр. 108)...

Увлеченный своей общей идеей, г. И. Шульгинъ безпощадно искажаетъ самые факты, даже въ такихъ крупныхъ чертахъ, которыя извѣстны изъ самаго краткаго учебника. Напримѣръ, онъ говоритъ, что „вслѣдствіе крестовыхъ походовъ вассалы, духовенство, *горожане утратили свое прежнее могущество*» (стр. 7). Загляните, г. И. Шульгинъ, хоть въ курсъ вашего однофамильца,—вы найдете тамъ, на стр. 119, слѣдующее: «вслѣдствіе крестовыхъ походовъ развились въ Европѣ промышленность и торговля, которыя *обогатили и возвысили сословіе горожанъ* или среднее сословіе, бывшее дотолѣ въ совершенномъ упадкѣ». Далѣе на 7 же стр. у г. И. Шульгина говорится, что послѣ крестовыхъ походовъ «власть монархическая *перестала встрѣчать для себя препятствія* въ вассалахъ, духовенствѣ и *привилегіяхъ городскихъ общинъ*». Посмотрите же опять у г. В. Шульгина хоть то, что говорится о Франціи, на стр. 129: «въ началѣ XIV вѣка денутаты горожанъ или средняго сословія получаютъ значеніе политическое, именно право участвовать въ собраніи государственныхъ сословій; а въ концѣ XIV вѣка они дѣлаются уже опасными для самой монархіи, которая имъ между прочимъ обязана своимъ возвышеніемъ». Изъ одного сравненія этихъ отзывовъ можно видѣть, какъ г. И. Шульгинъ далекъ отъ разумнаго пониманія историческихъ явленій; что онъ можетъ понять, если не понимаетъ даже роли городскихъ общинъ въ исторіи среднихъ вѣковъ?..

Спеціалисты находятъ множество мелкихъ погрѣшностей чуть не на каждой страницѣ *руководства* г. И. Шульгина; но что значатъ мелкія погрѣшности предъ такою громадностью историческаго непониманія (мы не хотимъ сказать—недобросовѣстности)? Какъ жалки тѣ бѣдняжки, которые принуждены будутъ учиться по книгѣ г. И. Шульгина! Какое извращеніе здраваго смысла, какая куча ложныхъ понятій, какая узость и пошлость воззрѣній будутъ неизбѣжнымъ удѣломъ ихъ, когда они проникнутся идеями *руководства!*.. Вмѣсто живой исторіи народа имъ дается какая-то геральдика въ лицахъ, вмѣсто характеристики лицъ и событій—безсмысленная реторическая амплификація!.. «Герцогъ Альба—воевода *знаменитый*, но человѣкъ жестокій по характеру» (стр. 109). «Тилли, *знаменитый* воевода, но неумолимо-суровый человѣкъ» (стр. 147). «Мансфельдъ и Христіанъ Брауншвейгскій—два героя, *извѣстные* своими дарованіями и жестокостями» (стр. 151). «Густавъ-Адольфъ—равно *знаменитый* и какъ царь, и какъ воевода» (стр. 171)... Такими характеристиками преисполнено *руководство*, и хорошо еще, если онѣ ограничиваются нѣсколькими словами. А то есть характеристики строкъ въ двадцать, не представляющія ничего, кромѣ набора ненужныхъ словъ, въ родѣ того, что такой-то—Ришелье, Кольберъ, Лувуа или кто-нибудь другой,—все равно—отличался своими дарованіями, просвѣщеніемъ, лю-

бовью къ отечеству, познаніемъ дѣлъ государственныхъ, имѣлъ волю твердую и осмотрительную, въ образѣ дѣйствій наблюдалъ справедливость и благоразуміе и т. д.

А, кромѣ характеристикъ, ученики должны вызубрить въ руководствѣ еще множество краснорѣчивыхъ тирадъ, весьма невразумительно разсуждающихъ объ общихъ философскихъ и политическихъ идеяхъ. Видно, что г. И. Шульгинъ работалъ сильно и добросовѣстно надъ принятою имъ основною идеею исторіи; но такъ какъ изъ всѣхъ возможныхъ средствъ убѣжденія онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только реторику, то разсужденія его и вышли чрезвычайно слабы. Посмотрите, напр., какъ онъ доказываетъ весьма простую мысль о томъ, что не всѣ государства могутъ быть равны по своему могуществу:

«Подъ именемъ политическаго равновѣсія отнюдь не должно разумѣть равенства въ силахъ государства, потому что такого равенства не можетъ и не должно быть. *Не можетъ* быть такого равенства потому, что силы каждаго государства двояки: *вещественныя и духовныя;* первыя состоятъ въ пространствѣ и свойствѣ земли, занимаемой государствомъ, и въ его народонаселеніи; вторыя (слушайте! слушайте!)—въ любви и преданности народа къ своему отечеству и въ его готовности принести всякую жертву для защиты своего правительства, своихъ законовъ, своей вѣры. Если вещественныя силы, какъ подлежащія числу и мѣрѣ, и могли бы поровну распредѣлены быть между государствами, то силы духовныя не могутъ быть уравнены: для нихъ нѣтъ мѣрила. Относительное могущество государствъ зависитъ главнѣйше отъ ихъ духовныхъ, а не отъ вещественныхъ силъ. Но если бы даже и возможно было уравнять государства и въ вещественныхъ и въ духовныхъ силахъ, то *не должно* быть такого равенства: оно противно человѣческой природѣ и природѣ общества: уравнявъ государства въ обоихъ этихъ отношеніяхъ (слушайте!), надлежало бы особой силою и удерживать ихъ навсегда въ такомъ состояніи равенства, *т. е.* (слушайте, что̀ есть!) поставить вѣчную преграду ихъ развитію и усовершенствованію, которому нѣтъ предѣла и которое составляетъ цѣль существованія человѣка и человѣческаго общества на землѣ» (стр. 25).

Какой, право, политикъ и философъ этотъ г. И. Шульгинъ! «Духовныя силы народа состоятъ, говоритъ, въ преданности и въ готовности... Уравнять государства—значитъ, говоритъ, поставить вѣчную преграду ихъ развитію...» Богъ васъ знаетъ, что это вы такое говорите, г. И. Шульгинъ!.. Неужели же вы не знаете, что преданность и готовность вовсе не составляютъ дѣйствительной силы, а представляютъ собою одна—совершенно пассивное качество, другая—только возможность, простую возможность, которая ничего не значитъ?.. Неужто вы не знаете, что невещественныя силы государства заключаются въ образованіи народа, въ развитіи его характера, въ его учрежденіяхъ, въ признаніи правъ труда, въ общественныхъ гарантіяхъ?.. И съ чего это вамъ, г. И. Шульгинъ, все *такое* придумывается, будто два равныя государства не могутъ ужъ и разви-

ваться и совершенствоваться, именно вслѣдствіе того, что они равны? Господь съ вами, одумайтесь и обратите здравое разсужденіе хоть на вашу же систему политическаго равновѣсія. Вѣдь и она къ тому направлена, чтобы оградить слабыхъ отъ сильнаго; значитъ—неравенство-то государствъ мѣшаетъ свободному развитію каждаго изъ нихъ, а равенство силъ—какая же помѣха? Хоть сами на себя примѣряйте: если бы, напримѣръ, ваше *руководство* и *курсъ* г. В. Шульгина были совершенно равны по своимъ достоинствамъ, неужели вы думаете, что это помѣшало бы обѣимъ книжкамъ еще улучшиться при новомъ изданіи? Мы этого не думаемъ... Напротивъ—теперь вамъ, г. И. Шульгинъ, трудно дождаться не только исправленнаго, но и вообще какого-нибудь новаго изданія вашей книги; узнавъ, что г. В. Шульгинъ издалъ исторію среднихъ вѣковъ, публика будетъ теперь съ нетерпѣніемъ ждать отъ него же и новой исторіи, которая могла бы избавить несчастныхъ учениковъ отъ вашего унылаго *руководства*...

---

54. Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова.

Съ портретомъ автора. Изданіе редакторовъ „Одесскаго Вѣстника“, *А. Богдановскаго* и *А. Георгіевскаго*. Одесса. 1858.

Рѣчи и отчетъ,

читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, 17 дек. 1858 г. Москва. 1858 г.

Обѣ эти книжки, въ одно время попавшія къ намъ въ руки, навели насъ на размышленія очень грустныя. Въ нашей общественной жизни бываютъ явленія, которыя могутъ иногда увлечь на минуту добродушнаго человѣка и внушить ему отрадное чувство. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ «Отчетъ Московской Практической Академіи», составленный инспекторомъ ея, извѣстнымъ профессоромъ М. Я. Киттары. Но рядомъ съ этими явленіями у насъ такъ много неразрѣшенныхъ вопросовъ и неудовлетворенныхъ потребностей, такъ давно уже тревожатъ насъ разнородныя ожиданія чего-то новаго и лучшаго, что мы мгновенно падаемъ, какъ бы съ облаковъ, при первомъ звукѣ строгаго голоса, провозглашающаго высшія требованія разума и справедливости. Внезапно очнувшись, мы видимъ, что то, чѣмъ мы сейчасъ восхищались, представляетъ не болѣе, какъ намекъ на то, что нужно дѣйствительно; мы убѣждаемся, что относительное улучшеніе сочли за положеніе нормально-хорошее, и намъ становится грустно и горько. Мы видимъ предъ собою робкія начинанія, слабыя попытки, больше словъ, чѣмъ дѣла, и даже въ словахъ какую-то нерѣшительность, дуализмъ, желаніе отдѣлаться или прикрыться фразами. И все это вызывается самимъ обществомъ, вынуждается силой обстоятельствъ—даже отъ лучшихъ, отъ передовыхъ людей! Смѣшно

становится на самого себя за свои прежнія радужныя надежды, и невольно удивляешься въ это время тѣмъ людямъ, которые умѣютъ силою строгой мысли возвыситься надъ обольщеніями мелочей жизни. Къ числу такихъ людей, безспорно, принадлежитъ Н. И. Пироговъ, и напечатанныя нынѣ «Литературныя статьи» его служатъ новымъ тому доказательствомъ,—особенно, когда разсматриваемъ ихъ рядомъ съ «Отчетомъ о воспитаніи въ Московской Практической Академіи».

Въ «Собраніи литературныхъ статей» Н. И. Пирогова помѣщены: знаменитая статья его «Вопросы жизни», рѣчь его на новосельи Ришельевскаго лицея и три статьи изъ «Одесскаго Вѣстника»: «Одесская талмудъ-тора», «Быть и казаться» и «Нужно ли сѣчь дѣтей, и сѣчь въ присутствіи другихъ дѣтей». Всѣ эти статьи педагогическаго содержанія, и всѣ онѣ предъявляютъ требованія столь простыя и разумныя и въ то же время столь высокія, что предъ ними рѣшительно совѣстно дѣлается похвастаться чѣмъ-нибудь совершеннымъ у насъ доселѣ въ отношеніи къ воспитанію. Сдѣлаемъ маленькую пробу хоть на «Отчетѣ» профессора Киттары.

Отчетъ его—одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ пріятно поразить человѣка, привыкшаго въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ видѣть только педантство и формалистику. Г. Киттары начинаетъ свою рѣчь тѣмъ, что «считаетъ нужнымъ представить на благосклонный судъ своихъ слушателей не только отчетъ за прошлый годъ, но и тѣ убѣжденія, которыя служатъ основой его дѣйствій». И дѣйствительно онъ говоритъ о своихъ идеяхъ и направленіи, какое даетъ онъ воспитанію, о цѣляхъ, которыя имѣетъ въ виду. Все это оживляетъ его отчетъ и даетъ ему характеръ болѣе литературный, нежели оффиціальный. Прежде всего разсуждаетъ онъ о цѣли Московской Практической Академіи наукъ и говоритъ, что цѣль ея—«приготовить отечеству честныхъ, образованныхъ, дѣятельныхъ слугъ въ области промышленности, приготовить будущихъ купцовъ русскихъ, возвратить родителямъ, довѣрившимъ воспитаніе дѣтей заведенію, добрыхъ помощниковъ, достойныхъ преемниковъ ихъ имени». Здѣсь г. Киттары прибавляетъ, что цѣль эта—«*великая и вовсе нелегкая въ исполненіи, особенно въ настоящую пору*». Тѣмъ интереснѣе знать, какъ же г. Киттары достигаетъ этой великой и нелегкой цѣли. Онъ объясняетъ, что утверждается въ своихъ дѣйствіяхъ на религіозно-нравственномъ основаніи.

«Нравственное воспитаніе (говоритъ онъ) составляетъ первую и главную заботу заведенія; въ этомъ случаѣ цѣль воспитанія—развить сознательно два святыя чувства человѣческаго сердца: любовь къ Богу, любовь къ ближнимъ. Религіозно-нравственное направленіе безуклонно проводится по всѣмъ классамъ, по всѣмъ возрастамъ учащихся; въ теченіе всѣхъ восьми лѣтъ преподается имъ законъ Божій, обязанности христіанскія, излагаются догматы вѣры. Строго соблюдаются не только всѣ посты, но даже и дни постные въ недѣлѣ. Въ храмѣ нашемъ постоянно слушаются всенощная и обѣдня въ дни праздничные, сопровождаемыя пѣніемъ двухъ хоровъ, составившихся по усердію къ церкви изъ самихъ же воспитанниковъ. Основываясь

на годичномъ знакомствѣ моемъ съ Академіей, я смѣло могу засвидѣтельствовать, что, благодаря усердію ревностнаго настоятеля нашей церкви и преподавателя закона Божія, а равно благодаря добрымъ обычаямъ и мѣрамъ, недавно введеннымъ въ заведеніи, наши воспитанники обѣщаютъ быть добрыми христіанами, набожными и религіозными не по наружи только».

Не менѣе обращается вниманія, по словамъ г. Киттары, и на развитіе второго, столь же святого чувства—любви къ ближнему, которое, какъ источникъ честности, «нужно всякому, а *купцу въ особенности*». Для достиженія этихъ цѣлей въ Практической Академіи находятся надзиратели, которые не только смотрятъ за тишиной и порядкомъ, но и руководятъ дѣтей, изучая ихъ нравы и наклонности. При воспитанникахъ младшихъ классовъ надзиратели находятся безотлучно; начиная съ 3-го класса, присмотръ за нравственностью дѣлается легче; въ 5-мъ и 6-мъ классѣ на нравы дѣйствуютъ преимущественно преподаватели, направляющіе умъ и сердце воспитанниковъ къ добру и пользѣ. Взысканія распредѣлены по возрастамъ; въ низшихъ классахъ употребляются: выставка, лишеніе рекреацій, отпуска, отмѣтка на отпускномъ билетѣ и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ—тѣлесное наказаніе. «Въ среднихъ и высшихъ классахъ,—говоритъ г. Киттары,—случаи мѣръ взысканія столь рѣдки, что, уважая амбицію этихъ классовъ, я не позволяю себѣ о нихъ распространяться, тѣмъ болѣе, что всѣ они основаны именно на этой амбиціи».

Вообще, г. Киттары даетъ видѣть, что заведеніе, ввѣренное его смотрѣнію, находится въ блестящемъ положеніи. «Взыскать за проступокъ не трудно,—говоритъ онъ,—труднѣе предотвратить его; *въ этомъ отношеніи въ заведеніи нашемъ дѣлается все, что позволяетъ возможность и средства*» (стр. 10). При концѣ курса поправки нравственности воспитанниковъ уже поздны; «*къ счастію, нужда въ нихъ у насъ не часта*» (стр. 7). «У насъ есть *черная* книга для ежедневнаго записыванія проступковъ воспитанниковъ и взысканій на нихъ; *понятно, что такая система*, сколь ни скучна и хлопотлива она въ исполненіи, *вполнѣ достигаетъ цѣли* и опредѣляетъ разумную послѣдовательность самыхъ мѣръ въ исправленіи нравственности» (стр. 7). «Въ заведеніи нашемъ имѣетъ мѣсто и забота о разнообразіи жизни воспитанниковъ. Средства, которыми я пользуюсь—развитіе изящнаго вкуса, *а съ нимъ* музыкальные вечера и домашніе концерты, дѣтскій домашній спектакль, московскіе театры, экскурсіи... *Все это дополняетъ жизнь, придаетъ ей колоритъ, не убиваетъ энергіи, а, наоборотъ, возбуждаетъ, потому что* (!) съ правомъ на эти удовольствія тѣсно связаны добрая нравственность и успѣхи. Недавній домашній концертъ въ нашей Академіи доказалъ, что и у насъ можетъ развиться тонкое чувство и вкусъ. *Къ большему развитію этихъ достоинствъ теперь прилагаются у насъ всѣ силы*» (стр. 12). Въ отношеніи къ спеціальному обученію не совсѣмъ достаточны были доселѣ средства заведенія; но,—говоритъ почтенный профессоръ М. Я. Киттары,—«благодаря теплому сочувствію и одобренію выска-

занныхъ выше убѣжденій господина попечителя Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, его сіятельства графа Арсенія Андреевича Закревскаго, гг. членовъ совѣта и общества любителей коммерческихъ знаній,—многому уже положено начало» (стр. 29).

Послѣ всего этого г. Киттары имѣлъ, конечно, полное право воскликнуть, въ заключеніе своего отчета: «вотъ наша скромная жизнь, къ которой мы привыкли и которую измѣнять нѣтъ надобности». Онъ смѣло могъ, конечно, отдаться на судъ своихъ слушателей, между которыми были, безъ сомнѣнія, и упомянутые имъ члены совѣта и пр., и сказать: «вотъ, мм. гг., самый бѣглый очеркъ всѣхъ сторонъ жизни нашего заведенія. Какъ много въ немъ отраднаго или подающаго надежды въ будущемъ, предоставляю вашему безпристрастному обсужденію» (стр. 31).

Итакъ, все содержаніе отчета г. Киттары можно назвать очень отраднымъ. Но пріятное чувство, внушаемое имъ, мгновенно смѣняется грустью и недовольствомъ, когда припомнишь тѣ строгія требованія правды и добра, какія высказываются въ статьяхъ г. Пирогова. Читая Пирогова, мы чувствуемъ, что его разсужденія въ высшей степени просты и естественны, и въ то же время мы невольно смущаемся, сознавая, что не можемъ,—со всѣми нашими такъ называемыми успѣхами,—выдержать самой легкой его критики. Въ самомъ тонѣ его мы находимъ какую-то особенную силу и самобытность, недостижимую для большей части другихъ, даже очень почтенныхъ людей. Духомъ правды, благородства и глубокаго убѣжденія вѣетъ на насъ все, написанное имъ, и, читая его, мы убѣждаемся, что истинно-надежнымъ и всегда полезнымъ дѣятелемъ у насъ можетъ быть только тотъ, кто не склоняется робко предъ тѣмъ, что мы называемъ разными житейскими конвенансами, кто прямо и твердо идетъ по своей дорогѣ, не позволяя себѣ никакихъ виляній, ни одного двусмысленнаго движенія. Слыша энергическій голосъ, подобный тому, какой раздается въ «Вопросахъ жизни», невольно начинаешь чувствовать, какъ пошло и какъ гадко многое, на что въ другое время смотришь равнодушно и снисходительно. Мы часто говоримъ: «что за бѣда, что такой-то покривилъ душою, погрѣшилъ противъ своихъ убѣжденій; онъ вѣдь сдѣлалъ необходимую уступку обществу; это не мѣшаетъ ему оставаться человѣкомъ честнымъ и почтеннымъ». Конечно такъ: нельзя презирать человѣка за то только, что онъ, не имѣя съ семьею куска хлѣба, принялъ мѣсто—хоть бы по откупамъ... точно такъ, какъ нельзя винить человѣка, который подъ пыткою наклепалъ на себя небывалыя преступленія. Но незачѣмъ такихъ людей возводить въ герои, и даже вообще трудно положиться на нихъ, если они служатъ по откупамъ и врутъ на себя небывальщину рѣшительно безъ всякой необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, способный говорить не то, что думаетъ, рѣшающійся самодовольно выставлять предъ другими то, чего самъ не уважаетъ, набирающій пышныя фразы для представленія вещи съ казоваго конца, умѣющій ловко примѣниться къ обстоятельствамъ, ловко польстить чужому самолюбію и даже невѣжеству,—и все это дѣлающій безъ особенной надобности, такъ

только, для конвенансовъ,—подобный человѣкъ едва-ли можетъ быть вполнѣ надежнымъ общественнымъ дѣятелемъ! Едва-ли можно отъ него ожидать непоколебимой твердости и неуклоннаго благородства по всей его дѣятельности. Онъ можетъ быть честнымъ и почтеннымъ человѣкомъ, можетъ имѣть много ума и прекрасныхъ стремленій. Но двусмысленность и противорѣчіе его дѣйствій или словъ все-таки обличаютъ въ немъ, по малой мѣрѣ, легкомысленность и чрезвычайную слабость внутренняго суда надъ собою. Человѣкъ, строго наблюдающій надъ собою, не вступаетъ въ лицемѣрныя отношенія, не говоритъ вовсе о томъ, о чемъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, нельзя высказать своихъ мыслей, а если ужъ начинаетъ рѣчь, то говоритъ прямо честное слово. Къ сожалѣнію, немного такихъ неуклонно честныхъ и твердыхъ людей въ нашемъ обществѣ, которое, по замѣчанію г. Пирогова, съ самыхъ первыхъ лѣтъ развиваетъ въ насъ нравственную двойственность, разладъ между «*быть и казаться*». Большая часть изъ насъ, сбиваясь съ толку какой-то странной и произвольной теологіей, считаетъ лишнимъ строгій судъ надъ дѣлами человѣка, если только они направлены къ хорошей цѣли. Всѣ мы бранимъ іезуитскую школу, но всѣ мы, по словамъ г. Пирогова, «употребляя названіе этой школы, какъ эпитетъ коварства и лжи, подчасъ позволяемъ себѣ пользоваться упругостью ея догмъ». И тутъ, разумѣется, нечего винить отдѣльныхъ людей; надо винить общество и неблагопріятныя обстоятельства развитія. Общественныя отношенія служатъ даже оправданіемъ многихъ не вполнѣ безукоризненныхъ нашихъ дѣйствій, какъ замѣчаетъ и г. Пироговъ. «Свѣта мы, конечно, не исправимъ,—говоритъ онъ:—онъ останется, несмотря на всѣ возгласы моралистовъ, такимъ, какимъ онъ былъ и есть. Такъ почему же въ практической жизни, извѣстной своею непослѣдовательностью, не воспользоваться человѣческими слабостями къ достиженію общей благой цѣли, если эти слабости невинны и предосудительны?». Но, во всякомъ случаѣ, едва-ли заслуживаетъ похвалы та легкость, съ которою иные рѣшаются не только просто пользоваться слабостями ближняго для общей благой цѣли, но даже и льстить имъ и при томъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ этой лестью ничего или почти ничего не достигается. Къ несчастію, многіе изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей не хотятъ понять той простой истины, что не великую пользу для человѣчества можетъ доставить то дѣло, которое надо защищать обманомъ, лицемѣріемъ и потворствомъ рутинѣ и предразсудкамъ.

Рѣдкое исключеніе изъ числа этихъ *многихъ* составляетъ г. Пироговъ. Его идеи и стремленія, рѣзко опредѣленныя, всегда рѣзко и прямо высказываются, и предъ ними нерѣдко блѣднѣетъ все то, что кажется хорошимъ у другихъ. Мы хотѣли это показать на отчетѣ г. Киттары, но увлеклись отступленіемъ, которое, впрочемъ, какъ увидитъ внимательный читатель, не совершенно напрасно. Обратимся же къ нашему сравненію.

Въ началѣ отчета г. Киттары мы читаемъ, что цѣль Практической Академіи: «*приготовить будущихъ купцовъ русскихъ*, честныхъ

слугъ отечеству». Какъ это напоминаетъ извѣстный эпиграфъ къ «Вопросамъ жизни»: «намъ необходимы негоціанты, солдаты, моряки, врачи, юристы, а не люди»... Повидимому, приготовленіе честныхъ купцовъ, вѣрныхъ слугъ отечеству, есть задача превосходная, и мы должны были бы остаться очень довольны мыслью, выраженною у г. Киттары. Но довольство наше пропадаетъ, когда мы вспоминаемъ основныя мысли г. Пирогова объ общемъ образованіи. Намъ уже кажутся очень слабыми и односторонними понятія, провозглашающія науку средствомъ къ приготовленію—не самостоятельныхъ, для себя нормально развитыхъ людей, а *слугъ* какой-то другой, посторонней силы. Мы непріятно поражаемся тѣмъ, что мальчику говорятъ: «учись для того, чтобы *быть достойнымъ преемникомъ имени твоего отца и слугою государства на поприщѣ промышленности:* такова цѣль твоего ученья и всей твоей жизни». Рядомъ съ этимъ внушеніемъ мы вставимъ слова г. Пирогова: «нужно учиться безъ всякой задней мысли, изъ одного глубокаго убѣжденія, что образованіе необходимо, какъ пища. Отецъ, готовый всѣмъ жертвовать для нравственно-жизненной необходимости сына, пусть будетъ твердо увѣренъ, что все прочее въ жизни должно придти само собою; а если и не придетъ, то онъ все-таки ничего не потеряетъ въ сущности; сынъ съ раннихъ лѣтъ пусть видитъ въ образованіи нравственную необходимость и цѣнитъ его, какъ самую жизнь». Вотъ высшая точка зрѣнія на образованіе,—и какъ неловко спуститься съ ея высоты до мысли о приготовленіи *слугъ и купцовъ!*..

Но въ отчетѣ г. Киттары есть отрадныя мысли, которыя должны сгладить это первое впечатлѣніе. Онъ говоритъ, напримѣръ, тоже въ началѣ отчета, что въ Практической Академіи ищутъ общаго образованія, что «потребность образованія въ быту купеческомъ, къ полной чести этого сословія, достаточно понята». Прекрасно и утѣшительно!.. Но что, если это фраза, которая на дѣлѣ оказывается чѣмъ-то очень неопредѣленнымъ, ни да, ни нѣтъ? На такое печальное подозрѣніе наводятъ насъ слѣдующія слова г. Пирогова, грустную правду которыхъ сознаетъ всякій, кто сколько-нибудь присматривался къ нашему обществу: «Мы говоримъ, что любимъ просвѣщеніе. Да это не мудрено: намъ нельзя сказать иначе, во-первыхъ, потому, что мы привыкли къ этой фразѣ, а во-вторыхъ—мы стыдимся сказать противное, точно такъ же, какъ мы стыдимся показаться на улицѣ въ старомодномъ платьѣ»...

Правда, въ подтвержденіе своей отрадной мысли г. Киттары указываетъ на увеличеніе воспитанниковъ въ Практической Академіи, въ которую принимаются дѣти *самаго ранняго возраста*, 8, 9, 10 лѣтъ, и изъ которой выпускаются, послѣ осьмилѣтняго курса, уже зрѣлыми юношами. Въ десять лѣтъ число воспитанниковъ Академіи возросло *отъ скромной цифры 40 до 200*». Фактъ утѣшительный самъ по себѣ; но и о немъ невеселыя мысли являются въ головѣ, когда перечтешь слѣдующія строки изъ «Вопросовъ жизни»:

«На чемъ основано приложеніе реальнаго воспитанія къ самому дѣтскому возрасту?

Одно изъ двухъ: *или* въ реальной школѣ, назначенной для различныхъ возрастовъ (съ самаго перваго дѣтства до юности), воспитаніе для первыхъ возрастовъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго, общепринятаго; *или* же воспитаніе этой школы, съ самаго его начала и до конца, есть совершенно отличное, направленное исключительно къ достиженію одной извѣстной практической цѣли.

Въ первомъ случаѣ, нѣтъ никакой надобности родителямъ отдавать дѣтей до юношескаго возраста въ реальныя школы, даже и тогда, если бы они, во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно назначили своего ребенка еще съ пеленокъ для той или другой касты общества.

Во второмъ случаѣ, можно смѣло утверждать, что реальная школа, имѣя преимущественною цѣлью практическое образованіе, не можетъ въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи при вступленіи въ свѣтъ.

Да и приготовленіе это должно начаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ реальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной, ближайшей цѣли, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ. Курсы и сроки ученія опредѣлены. Будущая карьера рѣзко обозначена. Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою заботу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе ему представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества...

Значитъ ли это, что я предлагаю вамъ закрыть и уничтожить всѣ реальныя и спеціальныя школы?

Нѣтъ, я возстаю только противъ двухъ вопіющихъ крайностей.

Для чего родители самоуправно распоряжаются участью своихъ дѣтей, назначая ихъ, едва выползшихъ изъ колыбели, туда, гдѣ, по разнымъ соображеніямъ и разсчетамъ, предстоитъ имъ болѣе выгодная карьера?

Для чего реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общее человѣческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложеній?»

Неужели это справедливо и въ отношеніи къ тому заведенію, которое такъ прекрасно управляется попеченіями г. Киттары?—подумали мы, и, къ сожалѣнію, въ самомъ же «Отчетѣ» нашли нѣкоторыя подтвержденія мыслей г. Пирогова. Въ Практической Академіи, куда поступаютъ дѣти съ самаго ранняго возраста, многіе изъ предметовъ общаго образованія проходятся очень сжато и легко; исторія всеобщая и русская (вмѣстѣ), равно какъ и естественная исторія, начинаются только съ четвертаго класса, по два урока въ недѣлю, да и то въ шестомъ классѣ естественная исторія обращается уже «въ изученіе предметовъ природы, имѣющихъ техническое и торговое приложеніе». Физика преподается только въ 5 и 6 классѣ, математика обращена отчасти въ коммерческую ариѳметику и бухгалтерію;

7-й и 8-й классъ посвящены исключительно техническимъ и торговымъ спеціальностямъ. Такимъ образомъ, для предметовъ общаго образованія остается немного времени, и самъ г. Киттары сознается, что «эти обстоятельства заставляютъ другія науки излагать въ меньшемъ объемѣ, сравнительно съ гимназіями, выбравъ изъ нихъ только главнѣйшее и существенно-необходимое». Но къ этому признанію г. Киттары дѣлаетъ еще слѣдующее прибавленіе, смыслъ котораго, признаемся, мы не совсѣмъ хорошо поняли. «Этимъ *я*, впрочемъ, не хочу сказать,—замѣчаетъ онъ,—чтобы въ программахъ гимназическихъ наукъ было много несущественнаго, неглавнаго или ненужнаго (намъ показалось, что онъ сожалѣетъ о невозможности вести въ Академіи курсы столько же пространные, какъ въ гимназіяхъ, а выходитъ совершенно наоборотъ: г. Киттары опасается, чтобъ его слова не приняты были за обиду гимназіямъ); программы эти, безспорно, строго обдуманы, провѣрены длиннымъ опытомъ, направлены къ своей цѣли; я хочу сказать только, что *къ этой цѣли у насъ присоединяется другая*—приготовить учащихся къ спеціальному коммерческому курсу» (стр. 22). Изъ этихъ словъ выводится довольно вѣроятное заключеніе, что г. Киттары считаетъ курсъ Коммерческой Академіи выше гимназическаго, какъ удовлетворяющій двумъ цѣлямъ, вмѣсто одной. Неужели это такъ?.. Неужели онъ не знаетъ превосходства общаго образованія и цѣнитъ въ немъ только латинскій языкъ, о которомъ одномъ отзывается съ любовію, говоря, что онъ, *къ сожалѣнію*, не имѣетъ мѣста въ Коммерческой Академіи!..

Въ отношеніи къ самымъ средствамъ воспитанія г. Киттары, какъ ни старается изобразить ихъ въ свѣтѣ наиболѣе благопріятномъ, но самъ въ одномъ мѣстѣ сознается, что многія изъ этихъ средствъ «вытекаютъ не изъ личнаго его убѣжденія, а обусловлены временной необходимостью» (стр. 12). Такое признаніе опять приводитъ насъ къ словамъ г. Пирогова, который по поводу одесской талмудъ-торы говоритъ: «чтобы сдѣлать училище хорошимъ, нужно дѣйствовать не врозь, не порознь, а общими силами. Чтобы дѣйствовать общими силами, нужно имѣть и общія убѣжденія. А гдѣ ихъ взять? Словъ—сколько угодно; а убѣжденій—это иное дѣло»...

Къ чему приводитъ недостатокъ въ обществѣ твердыхъ убѣжденій, можно видѣть изъ одного частнаго случая, упоминаемаго въ «Отчетѣ» г. Киттары. Говоря о взысканіяхъ съ воспитанниковъ, онъ касается, между прочимъ, и тѣлеснаго наказанія и объявляетъ себя *врагомъ розогъ*. «Я прибѣгаю къ нимъ очень рѣдко,—говоритъ онъ,—въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, *въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости моего взгляда*»... Далѣе онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что, «внушая дѣтямъ любовь къ ближнему, воспитатели и сами не должны забывать этого чувства въ отношеніи къ дѣтямъ» (стр. 8—9). Такимъ образомъ, у г. Киттары педагогика перемѣшивается съ филантропіей, и потому на него даже находятъ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости его взгляда—относительно розогъ!.. Посмотрите же, какъ разсуждаетъ объ этомъ г. Пироговъ, руководясь не филантропической боязнью обидѣть дитя или выказать къ нему недостатокъ состраданія,

а спокойными педагогическими разсужденіями, чрезвычайно простыми и сильными. Вотъ нѣсколько строкъ изъ его статейки: «Нужно ли сѣчь дѣтей»:

«Въ чемъ состоитъ основная мысль тѣлеснаго наказанія вообще? 1) выместить причиненную обиду; 2) пристыдить; 3) устрашить. Вотъ три чувства, на которыхъ человѣчество съ незапамятныхъ временъ основываетъ всѣ свои физическія исправительныя мѣры. Оставивъ месть въ сторонѣ, какъ чувство, несвойственное ни христіанству, ни здравой нравственности, руководившее только первобытныхъ законодателей младенчествующаго общества, остановимся на двухъ современныхъ: *стыдѣ и страхѣ*. Но тотъ, кто хочетъ тѣлеснымъ наказаніемъ пристыдить виновнаго, не значитъ ли—хочетъ стыдомъ дѣйствовать на человѣка, потерявшаго стыдъ? Если бы онъ его еще не потерялъ, то для него недостаточна была бы одна угроза быть тѣлесно наказаннымъ. Да и самое средство, направленное къ цѣли, не таково ли, что оно уничтожаетъ самую цѣль? Остается, значитъ, одинъ только страхъ. Но какой?– не тотъ нравственный страхъ заслуженнаго наказанія, который возбуждается внутреннимъ чувствомъ совѣсти за нарушеніе предписываемыхъ ею правилъ,—а страхъ боли и истязаній. Неужели нужно у ребенка поставить совѣсть въ зависимость отъ розги? И ежели можно этого достигнуть, если можно достигнуть того, чтобы физическая боль или одно воспоминаніе о боли пробуждало совѣсть, то желательно ли, утѣшительно ли это? Положимъ, вы достигли вашей цѣли, вамъ удалось возбудить самый лучшій физическій страхъ въ ребенкѣ: чѣмъ вы будете его поддерживать? Вамъ еще понадобится его усиливать: ребенокъ ко всему скоро привыкаетъ. Гдѣ положить границу усиліямъ? А если онъ хоть на минуту освободится изъ-подъ дамоклесова меча; если онъ хоть на минуту убѣдится, что его проступки могутъ остаться незамѣченными,— какъ вы думаете, воспользуется ли онъ или нѣтъ своею мнимою свободою? Вотъ уже и двойственность, вотъ уже и опять—«быть и казаться». Покуда розга въ виду — все хорошо и въ приличномъ видѣ; когда исчезла изъ виду—кутежъ и разливъ. И это нравственность!»

Да, къ сожалѣнію, въ большинствѣ нашего общества такова нравственность,—не только въ поступкахъ, но даже въ словахъ и въ понятіяхъ... Много у насъ есть такихъ убѣжденій и требованій, которыя мы рѣшаемся высказывать только въ тѣ минуты, когда мы освобождаемся изъ-подъ дамоклесова меча, упоминаемаго г. Пироговымъ... Но все скрыто, замаскировано, искажено, ни въ чемъ нѣтъ прямоты, стройности и цѣльности, когда мы видимъ или даже просто предполагаемъ надъ головой своей этотъ мечъ. А находятся еще добрые люди, которые не только считаютъ это неважнымъ, но даже потворствуютъ такимъ *слабостямъ*!..

Въ образецъ того, какъ идетъ преподаваніе наукъ въ Практической Академіи, г. Киттары указываетъ на изложеніе преподаванія географіи, представленное въ рѣчи г. учителя Телѣгина. Въ этой рѣчи, между нѣсколькими дѣльными мыслями, мы нашли, въ объясненіяхъ исторіи географическими данными, теологію, доходящую до фатализма.

Какъ долженъ преподавать географію учитель, въ рѣчи о географіи задающій такіе вопросы (стр. 37):

«Почему всеблагій Промыслъ велъ народъ Израильскій путемъ, который представлялъ наиболѣе трудности—чрезъ Чермное море, чрезъ Синайскую пустыню, и куда же?—въ страну, занятую горцами, въ средоточіе воинственныхъ народовъ, которые окружали со всѣхъ сторонъ эту мѣстность, и, казалось, тотчасъ по вступленіи Израиля въ нее, овладѣютъ имъ; а между тѣмъ онъ прожилъ на ней до времени явленія Спасителя. Какимъ же образомъ эта горсть народа, окруженная отовсюду завоевателями, могла удержаться независимой столь долгое время? На это отвѣчаетъ самой природой устроенная мѣстность».

Итакъ, *мѣстность* объясняетъ, почему *Промыслъ* велъ народъ черезъ море!.. Странно; тутъ что-нибудь да не такъ, и ученики едва ли хорошо сдѣлаютъ, если усвоятъ логику г. Телѣгина.

Вообще «Рѣчи и Отчетъ Практической Московской Академіи», прочитанные нами подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ мыслей г. Пирогова, не вполнѣ удовлетворили насъ. Мы не ставимъ г. Пирогова на пьедесталъ непогрѣшимости, мы не съ тѣмъ на него указываемъ, чтобы его авторитетомъ унизить кого-нибудь... Вовсе нѣтъ; у г. Пирогова могутъ быть, конечно, и увлеченія, и погрѣшности, какъ у всякаго другого... Но мы видимъ въ немъ ту смѣлость и безпристрастіе взгляда, ту искренность въ признаніи недостатковъ, ту независимость въ отношеніи къ обществу, которыя у другихъ находимъ въ гораздо слабѣйшей степени... Разумѣется, здѣсь многое зависитъ отъ разницы положенія и обстоятельствъ, и потому мы никогда не рѣшимся никого обвинять за кажущуюся непослѣдовательность взгляда, пока болѣе яркіе факты не рѣшатъ дѣла... Что касается до г. Киттары, то мы знаемъ, что его чистая и благородная репутація вполнѣ заслужена, мы знаемъ, что онъ не разъ оставался на стражѣ правды и чести, даже въ такихъ случаяхъ, когда другіе, добрые и почтенные люди, оказывались слабыми или безпечными... Но именно въ силу того уваженія, которое питаемъ мы къ г. Киттары, мы желали бы отъ него болѣе рѣзкаго и прямого выраженія его собственныхъ взглядовъ, менѣе уступокъ рутинѣ и менѣе неопредѣленныхъ фразъ, имѣющихъ иногда характеръ довольно двусмысленный. Нужно признаться, что фразъ у него много; безъ нихъ не обошлась даже и та часть статьи, въ которой говорится о религіозномъ воспитаніи дѣтей...

А посмотрите, какое сужденіе обо всѣхъ этихъ фразахъ дѣлаетъ г. Пироговъ. Онъ говоритъ, обращаясь къ ученикамъ, кончившимъ курсъ въ одной изъ нашихъ прекрасныхъ школъ:

«Васъ водили въ храмъ Божій. Вамъ объясняли Откровеніе. Привилегированные инспекторы, субъ-инспекторы, экзаменованные гувернеры, гувернантки, а иногда даже и сами родители смотрѣли за вашимъ поведеніемъ. Науки излагались вамъ въ такомъ духѣ и въ такомъ объемѣ, которые необходимы для образованія просвѣщенныхъ гражданъ. Безнравственныя книги, остановленныя цензурою, никогда не доходили до васъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители и благодѣтельное правительство открыли для васъ ваше поприще.

Послѣ такой обработки, кажется, вамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только то, что пекущимся объ васъ хотѣлось, чтобы вы дѣлали.

Это значитъ, чтобы вы, какъ струна, издавали извѣстный звукъ. А звучать для общей гармоніи, согласитесь, есть высокое призваніе.

Чего, казалось бы, еще недоставало для вашего счастія и для блага цѣлаго общества?

Выходитъ другое.

Выступивъ на поприще жизни, вы видите совсѣмъ не то, чему васъ учили, и вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы мистифированы».

Поручится ли г. Киттары, что его воспитанники, когда выступятъ на поприще жизни и начнутъ размышлять самостоятельно, не найдутъ ни малѣйшей мистификаціи въ своемъ воспитаніи подъ руководствомъ почтеннаго профессора?

---

55. Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ.

Александра Лакіера. Спб. 1859. Два тома.

— — Всякаго рода вздорныя и несправедливыя притязанія являются въ обществахъ неразвитыхъ, не имѣющихъ правильныхъ понятій о предметахъ; съ развитіемъ образованія взаимныя отношенія опредѣляются легче, разумнѣе и дружелюбнѣе. Это очень хорошо поняли въ Америкѣ, и потому-то тамъ каждая община непремѣнно обязана содержать школы для первоначальнаго обученія. Образованіе дѣтей совершается на счетъ государства, и въ каждой общинѣ есть свой школьный капиталъ. Всѣ граждане должны жертвовать на школы часть своихъ доходовъ, потому что всѣ пользуются плодами общаго образованія: если у кого и нѣтъ своихъ дѣтей, то все-таки школы для него полезны, потому что только при образованности гражданъ возможно въ обществѣ поддержаніе порядка и благоденствія. Оттого человѣкъ, вовсе не бывшій въ школѣ, не принимается даже на фабрику; оттого для распространенія грамотности въ народѣ ничего не жалѣютъ въ Америкѣ, и всякая небрежность въ этомъ отношеніи строго преслѣдуется. Кромѣ денежной подати, въ пользу школъ выдѣляется всегда, при заведеніи общины, одна тридцать шестая доля общинныхъ земель; земля эта продается, и деньги, вырученныя за нее, составляютъ школьный капиталъ, находящійся въ распоряженіи штата. Въ книгѣ г. Лакіера приведены цифры изъ отчета за 1857 годъ провинціи Массачусетсъ. Изъ нихъ видно, что въ пользу школъ собирается въ годъ болѣе 2.300.000 долларовъ (до 3.000.000 р. сер.), а школьный капиталъ простирается до 1.625.000 долл.; проценты съ него, до 50.000 долл., распредѣляются между школами отдѣльныхъ городовъ. Но право на полученіе этого вспоможенія имѣетъ только

та община, которая сама собираетъ не менѣе 1/2 доллара на каждаго ребенка отъ 5 до 15 лѣтъ. Въ отношеніи къ управленію, и здѣсь находимъ совершенное отсутствіе всякой централизаціи. Каждая община управляетъ своими школами по собственному усмотрѣнію; даже если община, особенно городская, очень велика, то она раздѣляется на округи и участки (приходы). Такъ, въ Бостонѣ, по свидѣтельству г. Лакіера, «для большаго удобства городъ раздѣленъ на округи, и въ каждомъ сами граждане избираютъ членовъ въ училищный комитетъ, числомъ шесть, и при томъ такъ, что двое изъ нихъ, по исполненіи своей обязанности въ теченіе трехъ лѣтъ, выбываютъ и замѣняются другими, буде на нихъ снова не падетъ выборъ. Эти шесть членовъ училищнаго комитета образуютъ для школъ своего участка особый комитетъ (district comittee), и затѣмъ для мѣстнаго завѣдыванія отдѣльными школами подраздѣляютъ между собою училища по своему усмотрѣнію; такъ что въ важнѣйшихъ только и опредѣленныхъ случаяхъ дѣла изъ мѣстныхъ комитетовъ доходятъ до участковаго, и еще рѣже до общаго городского». Нужно, впрочемъ, замѣтить, что не во всѣхъ штатахъ устройство школьнаго управленія таково, какъ въ Бостонѣ; въ штатѣ Нью-Іоркѣ, напримѣръ, существуетъ нѣчто въ родѣ нашихъ учебныхъ округовъ, и мѣстныя школы подлежатъ начальственному наблюденію чиновниковъ штата.

Общая тенденція образованія въ Сѣверной Америкѣ — приготовленіе дѣтей къ гражданской дѣятельности, ожидающей ихъ за предѣлами школы. Оттого элементарныя школы считаются необходимыми для всѣхъ; затѣмъ, важнѣйшими считаются среднія школы общаго образованія, въ которыхъ на первомъ планѣ стоятъ: математика, новая географія, исторія Соединенныхъ Штатовъ и ихъ конституція. Затѣмъ—знанія классическія, богословскія, философскія и пр. предоставляются каждому ad libitum, и охотниковъ на нихъ является сравнительно не слишкомъ много. «Но объ этомъ американецъ и не сокрушается,—какъ замѣчаетъ г. Лакіеръ:—онъ хлопочетъ о гражданахъ, образованныхъ въ такой мѣрѣ, чтобы быть хорошими исполнителями народной воли,—а ученые для него роскошь»...

Вообще въ образованіи дѣтей и въ устройствѣ школъ въ Америкѣ выражается то же направленіе, какое и во всемъ другомъ отличаетъ эту страну; дѣлать какъ можно больше для народа и какъ можно менѣе потворствовать аристократическимъ тенденціямъ. Въ этомъ отношеніи любопытна для насъ замѣтка г. Лакіера, сопоставляющая воспитаніе американское съ англійскимъ. «Въ Англіи, говоритъ онъ, безграмотный вовсе не рѣдкость, тогда какъ высшій классъ едва-ли гдѣ-нибудь можетъ сравняться въ классическомъ образованіи съ англійскою аристократіею. Но и до сихъ поръ тамъ воспитаніе сохранило средневѣковый, монастырскій характеръ, который оно имѣло въ Англіи цѣлыя столѣтія. Изученіе древнихъ языковъ, греческаго и латинскаго, занимаетъ большую часть времени въ англійскихъ, особенно высшихъ школахъ, и вытѣсняетъ языки живые и науки болѣе практическія. Очевидно, американцы не могли допустить ни такой ограниченности, ни односторонности воспитанія; свѣтъ наукъ долженъ

былъ по возможности просвѣтить каждаго по мѣрѣ его способностей и стремленія къ образованію. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о раздѣленіи воспитанниковъ разныхъ кастъ—не только по заведеніямъ, но въ одномъ и томъ же заведеніи по комнатамъ, костюмамъ и столамъ, какъ это дѣлается въ Англіи». — —

56. Исторія рыцарства.

Сочиненіе *Руа*. Перев. съ французскаго седьмого изданія Г. В. Спб. 1858.

Господинъ Г. В. перевелъ сочиненіе Руа на томъ основаніи, что его похвалилъ «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», журналъ, основанный г. Вышнеградскимъ, тѣмъ самымъ, который счелъ нужнымъ объявить о себѣ въ газетахъ, что онъ не беретъ взятокъ. Прочитавши книжку Руа, мы убѣдились, что можно совершать похвальные поступки въ родѣ объявленія въ газетахъ о своемъ безкорыстіи, и въ то же время можно основать журналъ, имѣющій совершенно ложныя понятія о книгахъ для юношества. «Исторія рыцарства» назначена, видите ли, для чтенія юношества. «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» убѣжденъ, что такое чтеніе будетъ для нашего юношества очень полезно; г. Г. В. согласенъ съ «Педагогическимъ Вѣстникомъ», но отъ себя прибавляетъ, что чтеніе «Исторіи рыцарства» будетъ еще полезнѣе, ежели къ ней присоединить краткія свѣдѣнія изъ «Геральдики» г. Лакіера. На этомъ основаніи онъ «*во многомъ дополнилъ*», по г. Лакіеру, пятую главу сочиненія Руа, посвященную гербамъ рыцарскимъ. Зато изъ пятой главы вышло нѣчто чудовищно-занимательное, нѣчто до изнеможенія питательное для юныхъ умовъ. Прочтите, напр., хоть эти строки: что можетъ быть полезнѣе и занимательнѣе для юношей?

«Въ основаніи геральдики слѣдующее правило: если поле покрыто какою-нибудь краскою или мѣхомъ, то знаки должны быть покрыты металломъ и, наоборотъ,—если поле покрыто металломъ, то знакъ покрывается краскою или мѣхомъ. Это правило излагается такъ: не должно класть металлъ на металлъ и краску на краску. Дѣлать противное—значитъ совершенно *извращать науку геральдики*, потому что *геральдика*, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, *есть обширнѣйшій изъ всѣхъ языковъ,—языкъ сильный и величественный, съ своимъ синтаксисомъ, грамматикою и орѳографіею* (!!) Искусство геральдики состоитъ въ умѣньи читать и писать на этомъ нѣмомъ нарѣчіи. Нѣсколько краткихъ и поверхностныхъ замѣтокъ, относительно чтенія гербовъ, могутъ дать о геральдическомъ языкѣ нѣкоторое понятіе» (стр. 49).

И затѣмъ слѣдуютъ *поверхностныя замѣтки*, странцахъ на десяти. Намъ показалось, что г. Г. В., вмѣстѣ съ Руа и самимъ «Педагогическимъ Вѣстникомъ», могли бы съ успѣхомъ подвизаться на службѣ у того господина, который однажды, осматривая какой-то университетъ и узнавъ, что въ немъ есть *гербарій*, спросилъ: «что же тутъ гербы только княжескіе, или всѣхъ занесенныхъ въ шестую часть?»

Говоря о рыцаряхъ, авторъ «Исторіи рыцарства» постоянно

старается отдѣлить ихъ отъ феодальныхъ владѣльцевъ, которыхъ называетъ *злыми*, безпокойными и притѣснителями слабыхъ. На чемъ основываетъ авторъ такое раздѣленіе, мы не знаемъ, но оно даетъ ему легкій поводъ возводить рыцарей въ идеалъ благородства, великодушія, мира и любви и проч. По его мнѣнію, рыцарство прямо вытекаетъ изъ христіанской религіи, со всѣми своими гербами, девизами, турнирами и т. п. Не знаемъ, насколько для нашихъ юношей полезно такое понятіе о христіанствѣ и о рыцарствѣ...

Точно такъ же сомнительно, чтобъ особенно благодѣтельное вліяніе произвели на юныхъ читателей тѣ страницы, въ которыхъ авторъ съ благоговѣніемъ разсказываетъ, напр., о доблести рыцарей, которые, «*спѣша заслужить шпоры*, бросались въ самую чащу свалки»; или о турнирахъ, какъ «благородныхъ собраніяхъ, *въ которыхъ очищалась нравственность*»... Это можетъ послужить для юношей развѣ къ тому, что они, *спѣша заслужить шпоры*, побѣгутъ всѣ—просить, чтобы ихъ переименовали изъ коллежскихъ регистраторовъ въ корнеты или даже приняли юнкерами въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, *для очищенія ихъ нравственности*... Конечно, это было бы недурно; да только зачѣмъ же это? У насъ войска и безъ того много; слѣдовательно, наплывъ новыхъ кандидатовъ въ современные рыцари, т.-е. въ юнкера и корнеты, мало принесетъ существенной пользы отечеству...

Съ сокрушеніемъ сердца говоритъ авторъ о томъ, что рыцарскіе ордена съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ и наконецъ—увы!—сдѣлались простыми почетными знаками, изъ которыхъ иные—о, горе! горе! *даются людямъ всякаго сословія и званія!*.. Какая глубина паденія! Какой предметъ плача и стенаній для г. Руа, для его переводчика и для «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», основаннаго *самообъявленнымъ* поборникомъ безкорыстія, г. Вышнеградскимъ!..

---

57. Отчетъ С-Петербургскаго Университета за 1858 годъ.

8 февраля происходилъ годичный актъ Петербургскаго университета. На немъ прочтенъ былъ отчетъ университета за прошлый годъ, составленный ректоромъ его П. А. Плетневымъ. Въ нынѣшнемъ году исполнилось сорокъ лѣтъ существованія университета, и это подало поводъ почтенному составителю отчета бросить бѣглый взглядъ на прошедшую жизнь этого заведенія. Взглядъ этотъ приводитъ автора къ мысли, что и здѣсь отражается общій законъ, по которому все, преобладающее въ обществѣ, отражается и на характерѣ и дѣятельности университета. «Иначе и быть не можетъ, замѣчаетъ онъ: частица массы, размѣщающаяся въ опредѣленные часы по аудиторіямъ, сочувствуетъ духу и направленію цѣлаго. Эта всесильная жизнь, обнимающая современное общество, каждаго изъ насъ проникаетъ своимъ дыханіемъ». Замѣчаніе это,—къ несомнѣнному удовольствію всякаго, истинно любящаго жизнь науки,—въ значительной степени при-

мѣняется ко всѣмъ нашимъ учебнымъ заведеніямъ, а въ числѣ ихъ и къ петербургскому университету. Въ самомъ дѣлѣ—сочувствіе общественнымъ интересамъ и живое общеніе съ ними одни только и могутъ придать наукѣ истинную полезность и сдѣлать ее интересною и нужною для общества. Пока она плаваетъ въ отвлеченностяхъ, погружается въ схоластику, растрачивается въ безплодной діалектикѣ, до тѣхъ поръ она и не имѣетъ права требовать, чтобы общество интересовалось ею. Къ счастію, у насъ большая часть учебныхъ заведеній вышла уже изъ этого мертваго состоянія, и уже очень рѣдки такіе наставники и начальники училищъ, которые бы вздумали защищать *застой* и *отчужденіе* науки отъ общества. И, конечно, ужъ не въ числѣ людей, знакомыхъ съ университетомъ, могутъ попасться такіе неразумные консерваторы и аскеты схоластики...

При пробужденіи общаго стремленія къ образованію Петербургскій университетъ также расширилъ въ послѣднее время кругъ своей дѣятельности. По Высочайшему разрѣшенію онъ отправилъ уже нѣсколькихъ молодыхъ ученыхъ за границу; профессора читали публичныя лекціи; число слушателей въ самомъ университетѣ увеличилось. Такъ, теперь находятся за границею: магистръ русской словесности—*Пыпинъ* и кандидатъ естественныхъ наукъ—*Гофманъ*, «*для продолженія своихъ ученыхъ трудовъ*». Кромѣ того, въ маѣ 1858 г. отправился за границу адъюнктъ по каѳедрѣ русской словесности въ университетѣ—Сухомлиновъ, «который съ тѣхъ поръ *занимается, пріобрѣтеніемъ необходимыхъ для него новыхъ знаній*». Публичныя лекціи, устроенныя Торговымъ домомъ Струговщикова, Пахитонова и Водова,—читали профессора Ценковскій и Ленцъ. Кромѣ того, въ пользу бѣдныхъ студентовъ читали лекціи профессора Никитенко и Стасюлевичъ, о которыхъ уже было говорено въ нашемъ журналѣ. Число слушателей въ университетѣ увеличилось до *тысячи*, такъ что, по замѣчанію отчета, петербургскій университетъ сравнялся въ этомъ отношеніи съ московскимъ. Въ Москвѣ считается до 2.000 студентовъ; но изъ нихъ половина должна быть отдѣлена на медицинскій факультетъ, котораго здѣсь не существуетъ. Увеличеніе числа желающихъ поступить въ университетъ дало возможность начальству быть болѣе разборчивымъ и строгимъ при пріемныхъ экзаменахъ. При началѣ нынѣшняго академическаго года цѣлая *треть* изъ общаго числа желавшихъ поступить въ университетъ не была принята. Зато при окончаніи выпускныхъ экзаменовъ въ 1858 г. *двѣ трети* кончившихъ курсъ получили степень кандидата.

Въ заключеніе приведемъ одинъ фактъ, свидѣтельствующій о новомъ проявленіи стремленія къ университетскому образованію въ одномъ изъ отдаленныхъ краевъ Россіи. Вотъ слова отчета:

«Въ память заключеннаго генералъ-адъютантомъ *графомъ Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ* Айгунскаго трактата 16 мая 1858 года, тамошнее купечество, между прочимъ, положило: «Воспитывать на свой счетъ пятнадцать лѣтъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по факультету восточныхъ языковъ двухъ лучшихъ учениковъ, кончившихъ полный курсъ въ Иркутской губернской гимназіи и изъяви-

вшихъ на то полное согласіе, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) воспитанники именуются пансіонерами графа Николая Муравьева-Амурскаго; 2) они отправляются изъ гимназіи въ университетъ черезъ каждыя пять лѣтъ по два; 3) въ воспитанники избираются изъявившіе согласіе, лучшіе ученики гимназіи, отличающіеся какъ способностями, такъ и поведеніемъ, безъ различія ихъ происхожденія, племени и вѣроисповѣданія: кромѣ этого, выборъ воспитанниковъ предоставляется также личному усмотрѣнію его сіятельства графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго; 4) при избраніи въ число пансіонеровъ, отдается, при исчисленныхъ условіяхъ, преимущество неимущему предъ имущимъ; 5) воспитанники, отправляемые въ С.-Петербургъ, будутъ преимущественно изучать китайскій и манчжурскій языки, а также одинъ изъ иностранныхъ языковъ, по выбору, англійскій или французскій, преимущественно же первый; 6) въ случаѣ смерти пансіонера, или другихъ причинъ, не дозволившихъ съ успѣхомъ окончить университетскій курсъ, факультетъ восточныхъ языковъ избираетъ изъ студентовъ китайско-манчжурскаго разряда одного изъ способнѣйшихъ и изъявившихъ согласіе и зачисляетъ его вмѣсто выбывшаго, съ обязательствомъ принять всѣ условія, постановленныя для пансіонеровъ графа Николая Муравьева-Амурскаго; 7) если бы на мѣсто выбывшаго пансіонера, по какому-либо случаю, не нашлось кандидата, то совѣтъ университета относится чрезъ генералъ-губернатора Восточной Сибири въ Иркутскую гимназію, которая избираетъ одного воспитанника изъ кончившихъ гимназическій курсъ учениковъ и отправляетъ его въ университетъ; 8) по окончаніи полнаго пятилѣтняго университетскаго курса и полученіи ученой степени, пансіонеры обязаны прослужить не менѣе четырехъ лѣтъ, по назначенію правительства, на Амурѣ, или въ другихъ мѣстахъ, для сношеній съ Манчжуріею, или Китаемъ; наконецъ 9) необходимая на содержаніе пансіонеровъ сумма должна быть опредѣлена совѣтомъ С.-Петербургскаго университета и будетъ уплачиваться кяхтинскимъ купечествомъ ежегодно».

---

58. Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ 17 декабря 1858 г.

Москва.

Въ книжкѣ, заглавіе которой мы выписали, напечатаны: 1) рѣчь преподавателя географіи А. П. Телѣгина о значеніи географіи и преподаваніи ея въ Московской практической академіи; 2) о воспитаніи въ Московской практической академіи, рѣчь и отчетъ инспектора заведенія, профессора Модеста Киттары; 3) отчетъ за 1858 г., перечисленія лицъ, принадлежащихъ къ академіи, членовъ совѣта, преподавателей и наконецъ воспитанниковъ, получившихъ награды.

Въ общепедагогическомъ отношеніи всего болѣе интересенъ отчетъ профессора Киттары, и мы разсмотримъ его нѣсколько подроб-

нѣе. Къ этому побуждаетъ насъ, во-первыхъ, то, что «отчетъ» представляетъ нѣсколько матеріаловъ для разрѣшенія важнаго вопроса объ отношеніи спеціальнаго образованія къ общему, до сихъ поръ еще возбуждающаго у насъ разнорѣчивые толки; во-вторыхъ, то, что имя профессора Киттары пользуется у насъ репутаціею, не позволяющею пропускать безъ вниманія мнѣнія почтеннаго профессора.

Общее впечатлѣніе рѣчи г. Киттары состоитъ въ томъ, что въ практической академіи *все прекрасно*. Безпрестанно попадаются у г. Киттары фразы: «у насъ дѣлается все, что можно», «цѣль нравственнаго воспитанія у насъ достигается вполнѣ», «нужда въ поправкахъ у насъ не часта», и пр. Въ заключеніе отчета г. Киттары говоритъ даже вообще: «вотъ наша скромная жизнь, къ которой мы привыкли и *которую измѣнять нѣтъ надобности*». Относительно нѣкоторыхъ частностей только признаетъ г. Киттары не вполнѣ достаточнымъ положеніе академіи; но и тутъ прибавляетъ, что многому уже положено начало, «благодаря теплому сочувствію и одобренію высказанныхъ выше (г-мъ Киттары) убѣжденій—господина попечителя академіи, его сіятельства графа Арсенія Андреевича Закревскаго, гг. членовъ совѣта и общества любителей коммерческихъ знаній» (стр. 29).

Мы не имѣемъ причинъ не вѣрить г-ну Киттары во всѣхъ его похвалахъ академіи и тѣмъ мѣрамъ, какія онъ приметъ для ея процвѣтанія. Но мы не знаемъ, какъ примирить съ этимъ слѣдующія признанія почтеннаго профессора, на 12 стр. отчета. Говоря о средствахъ воспитанія, употребляемыхъ имъ въ академіи, онъ замѣчаетъ, что «многія изъ нихъ вытекаютъ не изъ личнаго его убѣжденія, но обусловлены временной необходимостью». Затѣмъ онъ дѣлаетъ такое признаніе: «можетъ быть, и самый взглядъ мой на основныя идеи воспитанія не совсѣмъ выработанъ, и дѣйствительно я долженъ сознаться, что, пользуясь всѣмъ, что находится въ моемъ распоряженіи, въ дѣлѣ воспитанія я самъ еще учащійся» [1]). Можетъ быть это признаніе сдѣлано только для красоты слога; въ такомъ случаѣ мы замѣтимъ только, что для красоты слога не слѣдуетъ жертвовать истиною фактовъ. Но если слова г. Киттары сказаны искренно, то нельзя не подивиться, какъ смиренное сознаніе своего недостоинства примиряется у г. Киттары съ диѳирамбическимъ, наивно-самодовольнымъ тономъ, которымъ проникнута вся его рѣчь.

Диѳирамбически-самодовольный тонъ вообще непріятно поражаетъ насъ тамъ, гдѣ мы ожидаемъ отчета человѣка о его дѣйствіяхъ. Тѣмъ менѣе пріятности доставляетъ намъ такой тонъ въ изложеніи оффиціальныхъ данныхъ. Приведемъ примѣръ. Никому не показалось бы страннымъ, еслибъ г. Киттары, описывая внутреннюю жизнь заведенія, скромно упомянулъ, что въ немъ соблюдаются постные дни и что воспитанники поютъ на клиросѣ. Но г. Киттары, говоря объ этомъ, впадаетъ въ тонъ, очень далекій отъ скромнаго изложенія

[1]) Къ сожалѣнію, такихъ учащихся, какъ г. Киттары, у насъ очень много; но не всѣ такъ скромны, чтобъ признаться: я взялся за дѣло, мнѣ незнакомое. — *Ред. „Жур. для Воспит.“*.

факта; онъ какъ будто хвалится тѣмъ, чѣмъ, собственно говоря, не должно хвалиться. Вотъ его слова (стр. 4—5):

«Религіозно-нравственное направленіе безуклонно проводится по всѣмъ классамъ, по всѣмъ возрастамъ учащихся: въ теченіе всѣхъ восьми лѣтъ преподается имъ Законъ Божій, обязанности христіанскія, излагаются догматы вѣры. Строго соблюдаются не только всѣ посты, но даже и дни постные въ недѣлѣ. Въ храмѣ нашемъ постоянно слушаются всенощная и обѣдня въ дни праздничные, сопровождаемыя пѣніемъ двухъ хоровъ, составившихся по усердію къ церкви изъ самихъ же воспитанниковъ. Основываясь на годичномъ знакомствѣ моемъ съ академіей, я смѣло могу засвидѣтельствовать, что, благодаря усердію ревностнаго настоятеля нашей церкви и преподавателя Закона Божія, а равно благодаря добрымъ обычаямъ и мѣрамъ, издавна введеннымъ въ заведеніи, наши воспитанники обѣщаютъ быть добрыми христіанами, набожными и религіозными не по-наружности только».

Опытъ многихъ годовъ и многихъ сотенъ отчетовъ уже доказалъ, что всѣ подобныя *общанія и смѣлыя засвидѣтельствованія* употребляются только въ качествѣ оффиціальныхъ реторическихъ троповъ. Зачѣмъ г. Киттары увлекся въ этомъ случаѣ рутиной? Кромѣ нея, нечѣмъ объяснить странно-восторженный тонъ его рѣчи.

Увлеченію рутиной приписываемъ мы и то обстоятельство, что почтенный профессоръ очень мало обращаетъ вниманія на значеніе *общаго* образованія въ кругѣ спеціальныхъ знаній. Онъ съ удовольствіемъ выставляетъ тотъ фактъ, что въ послѣднее время увеличилось количество дѣтей, съ малыхъ лѣтъ отдаваемыхъ родителями въ Практическую академію. Удовольствіе это очень понятно въ г. Киттары, какъ инспекторѣ академіи; но оно могло быть и не столь безусловнымъ, какъ это выразилось въ отчетѣ. Г. Киттары могъ допустить въ своей рѣчи хоть какую-нибудь оговорку въ пользу общаго образованія и открытыхъ учебныхъ заведеній, и это нисколько не повредило бы достоинству его, какъ инспектора академіи. Дѣло въ томъ, что Практическая Московская академія, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, все-таки есть заведеніе спеціальное и *закрытое*, и потому неизбѣжно имѣетъ общіе всѣмъ такимъ заведеніямъ недостатки. Съ раннихъ лѣтъ дитя отчуждается отъ семьи и запирается на восемь лѣтъ въ четырехъ стѣнахъ; съ раннихъ лѣтъ оно связывается въ своемъ самостоятельномъ развитіи подчиненіемъ однообразной формѣ и условной дисциплинѣ, принятой въ училищѣ; съ раннихъ лѣтъ оно обрекается на одну спеціальность, къ которой, можетъ-быть, не имѣетъ ни малѣйшей склонности и способности. Обо всѣхъ этихъ неудобствахъ много было уже писано у насъ, и потому мы не станемъ о нихъ распространяться; замѣтимъ только, что они неразрывно связаны съ самой сущностью спеціальныхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, и потому не могутъ быть устранены никакими частными отмѣнами и улучшеніями. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Практической академіи, находящейся подъ руководствомъ г. Киттары, недостатки эти не могли быть уничтожены. Для нихъ могли быть какія-

нибудь болѣе или менѣе дѣйствительныя противоядія; но о нихъ-то именно г. Киттары и говоритъ всего менѣе. Напротивъ, все содержаніе отчета указываетъ на то, что они существуютъ въ заведеніи въ значительной степени.

Не говоримъ уже объ отчужденіи отъ семьи: оно обусловливается самымъ понятіемъ *о закрытомъ* заведеніи; упомянемъ только о томъ, что въ числѣ наказаній, употребляемыхъ въ академіи, г. Киттары называетъ между прочимъ *лишеніе отпуска* къ роднымъ и знакомымъ, бывающаго еженедѣльно. Мы не знаемъ, какъ думаютъ объ этомъ другіе, и очень бы желали, чтобъ болѣе разъяснился этотъ вопросъ, очень важный въ жизни закрытыхъ учебныхъ заведеній. Наказанія въ школѣ должны имѣть въ виду исправленіе воспитанника, а лишеніе отпуска, по нашему мнѣнію, вовсе не исправительное средство и при малѣйшей неразборчивости въ его употребленіи дѣлается крайне вреднымъ. Если воспитанникъ привязанъ къ своимъ роднымъ, любитъ ихъ, то лишать его свиданія съ ними значитъ жестоко играть душою ребенка, привязанностями его, самыми святыми его чувствами. Если же онъ не чувствуетъ особенной любви къ своей семьѣ, тогда наказаніе это не достигаетъ цѣли, т.-е. не возбуждаетъ въ ребенкѣ серьезнаго раскаянія въ проступкѣ, за который онъ наказанъ, и— что еще гораздо важнѣе—отчуждаетъ его еще болѣе отъ дома. Правда, оставаясь безъ отпуска, онъ лишенъ свободы, лишенъ возможности пользоваться удовольствіями, которыя могъ бы найти внѣ заведенія. Но и это дѣйствуетъ на ребенка слишкомъ слабо. Всякій, кто воспитывался самъ въ казенномъ заведеніи, можетъ припомнить, какія веселыя, шумныя, бѣшеныя шалости придумывались и совершались обыкновенно мальчиками, оставленными на праздникъ въ заведеніи безъ отпуска. Тутъ-то преимущественно и портятся дѣти; даже самый скромный мальчикъ, разъ оставленный за что-нибудь въ обществѣ шалуновъ, уже привычныхъ къ такому наказанію, всегда увлекается и принимается вмѣстѣ съ ними за шалости, часто не совсѣмъ невинныя. И этимъ-то вознаграждается то доброе внушеніе, взысканіе, наставленіе, которое воспитанникъ могъ бы найти въ своемъ семействѣ, если бы начальство заведенія, отпуская воспитанника домой, просто потрудилось сообщить его поступки на разсмотрѣніе родныхъ его! Отчего не имѣть довѣрія къ ихъ благоразумію, отчего не предположить, что они сами сумѣютъ взыскать съ мальчика за проступокъ, а, между тѣмъ, онъ все-таки не будетъ лишенъ освѣжающаго и примиряющаго вліянія семейной жизни. Намъ кажется, что можно лишать дѣтей отпуска только въ двухъ случаяхъ: 1) когда сами родные этого требуютъ; 2) когда семья, въ которую воспитанникъ отпускается, постоянно оказываетъ на него положительно вредное вліяніе.

Но есть дѣти изъ воспитывающихся въ закрытомъ заведеніи, которымъ и ходить вовсе некуда. О нихъ высказываетъ г. Киттары опасеніе, чтобы они не подверглись *ипохондріи*. Опасеніе, конечно, довольно отдаленное; но г. Киттары считаетъ своимъ долгомъ принять мѣры и противъ него. Для этого въ заведеніи выписывается 77 (дѣй-

ствительно 77) періодическихъ изданій на разныхъ языкахъ, даются воспитанникамъ книжки, картинки и проч., даются музыкальные вечера, домашніе концерты, дѣтскій домашній спектакль, посѣщаются театры, предпринимаются экскурсіи. Все это очень хорошо, исключая домашнихъ театровъ, относительно которыхъ г. Киттары расходится во мнѣніи съ г. Пироговымъ [1]). Кромѣ того, мы замѣтимъ здѣсь: отчего г. Киттары въ числѣ прочихъ развлеченій не упомянулъ о посѣщеніи воспитанниками академіи музеевъ, мастерскихъ, фабрикъ и т. п. Или этихъ посѣщеній не дѣлается? А они были бы очень полезны для будущихъ фабрикантовъ и торговцевъ,—едва ли даже не полезнѣе, чѣмъ чтеніе семидесяти семи журналовъ и газетъ.

Относительно обученія мы прежде всего замѣтимъ, какъ однообразная форма проявляется даже въ самомъ распредѣленіи классовъ. Здравая педагогика требуетъ, чтобы не только содержаніе обученія, но и самые сроки занятій строго соображены были съ возрастомъ учащихся; они могутъ увеличиваться постепенно, соотвѣтственно прибавленію силъ у воспитанниковъ, между тѣмъ въ практической академіи мы видимъ одинаковые уроки—часъ съ четвертью—для всѣхъ классовъ. Самое число уроковъ (по пяти въ день, 30 въ недѣлю) одинаково для всѣхъ классовъ, а въ первомъ—какъ-то выходитъ даже 33, т.-е. въ иные дни по шести уроковъ. И большая часть ихъ (т.-е. 20 уроковъ въ недѣлю) употребляются на французскій и нѣмецкій языки, изученіе которыхъ начинается *вдругъ* и въ одно время съ первыми упражненіями въ русскомъ языкѣ, на который удѣлено только 4 класса. Между тѣмъ, на первой степени обученія, для дѣтей отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ, русскій языкъ вмѣстѣ съ *наглядным обученіем* долженъ бы былъ составлять самый главный предметъ. Всестороннимъ разсматриваніемъ различныхъ предметовъ природы и искусства, описаніемъ ихъ свойствъ и употребленія, чтеніемъ интересныхъ разсказовъ и живою бесѣдою о читанномъ, упражненіемъ въ связной рѣчи (устной и письменной) на родномъ языкѣ, — вотъ чѣмъ нужно занимать большую часть времени дѣтей въ этомъ возрастѣ; а въ практической академіи они двѣ трети своего времени тратятъ на «чтеніе, письмо и практическія упражненія во французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ». Во второмъ классѣ къ нему прибавляется еще и англійскій. Этотъ уже преподается по ученой теоретической методѣ, потому что, по словамъ г. Киттары, академія «не имѣла еще до сихъ поръ возможности ввести *практическое изученіе* труднаго англійскаго языка, подобно языкамъ французскому и нѣмецкому» (стр. 23). Отчего же такая невозможность? Неужели практическаго преподавателя по всей Москвѣ не отыскалось? Въ такомъ случаѣ можно бы его откуда-нибудь выписать, употребивши на это хоть, напр., часть той суммы, которая идетъ на выписку семидесяти семи періодическихъ изданій. При хорошемъ преподавателѣ англійскій языкъ, можетъ быть, показался бы даже не столь труднымъ, какъ онъ теперь кажется почтенному профессору, Богъ знаетъ почему считающему его труднѣе нѣмецкаго и французскаго.

[1]) См. статью «Быть и казаться» въ «Ж. для Восп.» т. III, стр. 254.

Вообще мы не могли понять, почему г. Киттары полагаетъ, что практическій преподаватель нѣмецкаго, французскаго или англійскаго языка долженъ быть непремѣнно *хорошимъ лингвистомъ* (стр. 15). Главное дѣло здѣсь, кажется, не въ лингвистическихъ познаніяхъ преподавателя, а въ хорошей методѣ. Поэтому едва ли совершенно помогаетъ дѣлу средство, придуманное г-мъ Киттары— соединеніе должности преподавателя иностранныхъ языковъ съ должностью гувернера. Извѣстно, какихъ необыкновенныхъ трудовъ, какого самоотреченія требуетъ вполнѣ добросовѣстное исполненіе должности гувернера въ закрытомъ учебномъ заведеніи; извѣстно и то, какъ дурно вознаграждаются эти труды въ матеріальномъ отношеніи. Жалованье гувернеровъ въ большей части закрытыхъ заведеній такъ мало, что должность эту почти всегда занимаютъ люди или находящіеся въ крайней нуждѣ, или вовсе ни на что неспособные. Заставить хорошаго преподавателя, чтобы онъ взялъ на себя и обязанности гувернера, можно только хорошимъ вознагражденіемъ, а не жалованьемъ въ 300—400 р., какое получаютъ, по словамъ г. Киттары, надзиратели въ практической академіи. Надзиратель, да и еще и преподаватель вмѣстѣ, долженъ быть неотлучно въ заведеніи, долженъ только имъ ограничить свою дѣятельность. Какой же хорошій преподаватель—французъ или нѣмецъ—согласится на это за 300 рублей, въ Москвѣ, гдѣ онъ безъ особеннаго труда можетъ достать вдвое болѣе частными уроками? Такимъ образомъ соединеніе въ одномъ видѣ двухъ должностей за очень скромную плату можетъ, пожалуй, вредить вполнѣ успѣшному отправленію и той, и другой.

Относительно распредѣленія учебныхъ предметовъ, мы съ удивленіемъ замѣтили, что *естественная исторія* начинается въ академіи только съ *четвертаго класса*, въ которомъ преподается уже *12 учебныхъ предметовъ*. Но чѣмъ же тогда наполняются первые три года—въ заведеніи, имѣющемъ спеціально технической и коммерческій характеръ? О какихъ предметахъ толкуютъ учителя въ классахъ русскаго языка, чѣмъ занимаются учителя языковъ иностранныхъ? Неужели объясненіями предметовъ, относящихся къ области возвышенныхъ чувствъ, отвлеченныхъ идей, добродѣтели и порока?

Съ третьяго класса въ практической академіи преподается географія. Какимъ образомъ она проходится дѣтьми, не имѣющими никакого понятія о предметахъ естественной исторіи? На это отвѣтъ дается намъ въ рѣчи о преподаваніи географіи г. Телѣгина. Онъ сообщаетъ, что въ третьемъ классѣ проходится только «топическій обзоръ земного шара», т.-е. изучаются только *пространственныя отношенія* различныхъ мѣстностей. Мы не знаемъ, до какой степени успѣшно идетъ преподаваніе г. Телѣгина; но намъ кажется, что оно весьма легко можетъ впасть въ схоластику, самую сухую и скучную. Съ самаго начала изученія географіи эта наука представляется дѣтямъ уже не какъ живое и стройное изложеніе того, что есть замѣчательнаго и интереснаго въ разныхъ мѣстностяхъ Божьяго міра, а просто какъ мертвая система *пространственныхъ отношеній*, что-то въ родѣ хронологическихъ таблицъ. Мы находимъ, что г. Телѣгинъ несправедливъ

даже въ своемъ общемъ понятіи о географіи, которую онъ опредѣляетъ такъ: «географія есть наука о законахъ устройства земной поверхности» (стр. 18). Неужели только *законы*, и притомъ касающіеся только *поверхности земной*, составляютъ предметъ географіи? А гдѣ же тогда описательная географія и гдѣ связь географіи съ исторіей, провозглашаемая самимъ г. Телѣгинымъ? Опредѣленіемъ г. Телѣгина исключаются изъ преподаванія географіи астрономическія вліянія на землю, физическій климатъ страны и, главное, отнимается у географіи ея этнографическій характеръ.

Впрочемъ, говоря вообще, рѣчь г. Телѣгина показываетъ, что онъ въ преподаваніи географіи все-таки сдѣлалъ шагъ впередъ отъ рутинныхъ преподавателей, доселѣ слѣпо вѣрующихъ въ учебники Арсеньева и Ободовскаго. За это онъ достоинъ искренней благодарности всякаго, кто дорожитъ успѣхами ученія въ нашемъ отечествѣ.

То же самое должны мы сказать и о самомъ г-нѣ Киттары. Мы сдѣлали нѣсколько замѣчаній на его отчетъ и осудили нѣкоторыя мѣста его; но это мы дѣлали всего болѣе потому, что насъ поразилъ самодовольный тонъ отчета, какъ будто успокоившагося на стяжанныхъ лаврахъ. Мы очень хорошо понимаемъ, что не отъ вины г. Киттары происходятъ многіе недостатки, неизбѣжные въ закрытомъ учебномъ заведеніи; точно такъ же мы хорошо видимъ, что его собственныя убѣжденія очень благородны и просвѣщенны, и что его дѣйствія всѣ направлены къ истинному благу. Но тѣмъ болѣе изумила насъ та легкость, съ какою г. Киттары рѣшается выставлять въ безукоризненномъ свѣтѣ то, что слѣдовало бы оговорить только какъ неизбѣжное зло. Конечно, если бы все дѣло ограничивалось только тономъ рѣчи, то еще хлопотать было бы не изъ чего: не бѣда, что человѣкъ говоритъ нѣсколькими тонами выше или ниже. Но вотъ въ чемъ бѣда: въ этомъ тонѣ обнаруживается внутреннее состояніе души. Въ отчетѣ г. Киттары есть вещи, показывающія, что онъ дѣлаетъ уступки рутинѣ иногда и потому, что еще не вполнѣ твердъ въ своихъ педагогическихъ началахъ. Напр., онъ говоритъ, что всегда возставалъ противъ розогъ, и весьма основательно доказываетъ вредъ и безнравственность тѣлеснаго наказанія для дѣтей. Но въ то же время сознается, что *иногда въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда*, онъ прибѣгалъ и къ наказанію розгами!... Если ужъ въ такомъ дѣлѣ у него являются сомнѣнія, заставляющія дѣйствовать вопреки его постояннымъ воззрѣніямъ, то въ другихъ случаяхъ, мы полагаемъ, уступки рутинѣ совершаются еще чаще и легче. Объ этомъ нельзя не пожалѣть.

Заключая этимъ нашу рецензію, мы просимъ г. Киттары принять наши замѣтки—такъ какъ онъ самъ выразился — «за доказательство сочувствія къ вопросу, въ наше время ставшему на первомъ планѣ народнаго развитія — образованія всѣхъ слоевъ общества, въ томъ числѣ и коммерческаго сословія». Можетъ быть мы, незнакомые съ мѣстными условіями, въ нѣкоторыхъ осужденіяхъ были слишкомъ строги, и въ такомъ случаѣ съ радостью готовы взять назадъ свое мнѣніе, коль скоро увидимъ новыя данныя, при которыхъ дѣло мо-

жетъ представиться въ другомъ видѣ. Во всякомъ случаѣ, мы бы желали одного: чтобы въ отчетѣ Московской Практической академіи (какъ и во всѣхъ отчетахъ) было какъ можно менѣе общихъ мѣстъ и фразъ и какъ можно болѣе прямыхъ, точныхъ, неприкрашенныхъ фактовъ.

---

59. Очеркъ исторіи нѣмецкой литературы съ присоединеніемъ во II-ой части избранныхъ отрывковъ изъ сочиненій образцовыхъ писателей.

Составл. *О. Шталемъ*. Часть I. Москва. 1858.

Странная, жалкая судьба постигаетъ всѣ наши попытки на поприщѣ образованія! Чуть только выскажется въ обществѣ желаніе учиться, чуть только кто-нибудь сдѣлаетъ шагъ впередъ,—сейчасъ же подскочитъ ловкій *спеціалистъ*, бывалый человѣкъ, авторитетъ, вождь ex-officio,—и предлагаетъ указать лучшую дорогу, облегчить трудности пути, поить, кормить и лелѣять васъ во все время вашего странствія. Только положитесь на него,—онъ васъ ужъ проведетъ!.. Хотите исторію знать,—г. Иванъ Шульгинъ вамъ руководство предлагаетъ; географію,—г. Зуевъ составляетъ для васъ безчисленное множество атласовъ; грамматику,—къ вашимъ услугамъ гг. Гречъ и Иванъ Давыдовъ; педагогику,—г. Николай Вышнеградскій цѣлый журналъ для васъ основываетъ!.. Наконецъ, если своего ума и... смѣлости не хватитъ, такъ можно у иностранцевъ позаимствоваться. Для политической экономіи недавно явился у насъ отвратительный переводъ тупоумнаго курса Гарнье; теперь вотъ для исторіи нѣмецкой литературы (т.-е. собственно—только *поэзіи*; въ книгѣ ни слова не говорится о нѣмецкихъ историкахъ, философахъ и пр.) является книжка, составленная г. Шталемъ по лекціямъ гг. Вильмара и Бартеля!.. Нужно же было взяться за это дѣло именно г. Шталю, который издалъ теперь только первую часть, но говоритъ въ предисловіи, что «если Богу будетъ угодно, то скоро явится и вторая!» Нужно же было этому почтенному сочинителю выбрать себѣ фанатически-односторонняго Вильмара и поверхностнаго Бартеля (можете себѣ представить, каковъ долженъ быть поверхностный нѣмецъ!)... Бранить г. Шталя, собственно говоря, не за что: онъ сдѣлалъ, что умѣлъ и какъ умѣлъ, сообразно своимъ способностямъ и понятіямъ. Понравились ему Бартель и Вильмаръ, за то, конечно, что оба очень благочестивы и скромны,—онъ имъ и предался душою. Полюбились они ему тѣмъ, что одинъ имѣлъ четыре, а другой восемь изданій въ Германіи,—онъ и сообразилъ, что недурно изъ нихъ составить книжку и для русской публики. Повѣрить ихъ сужденія, выразить свой собственный взглядъ на писателей, г. Шталь не могъ, вѣроятно, потому, что самъ не вполнѣ знакомъ съ нѣмецкой литературой... Чего же отъ него требовать? Въ чемъ его упрекать? Въ томъ развѣ, что не за свое дѣло взялся? Да какъ же это не его дѣло? Послушайте-ка, что онъ говоритъ въ предисловіи: «въ надеждѣ, что предлагаемый очеркъ, писанный большею

частью по лекціямъ гг. Вильмара и Бартеля *собственно только для моихъ учениковъ*, можетъ принести нѣкоторую пользу и другимъ, я рѣшаюсь издать его въ свѣтъ». Видите ли: это его спеціальность, онъ учитель, ex-officio учитель; какъ же ему не взяться за обученіе публики тому предмету, которому онъ (съ большимъ, должно быть, успѣхомъ) обучаетъ своихъ учениковъ?.. Нѣтъ, можно пожалѣть, что кто-нибудь другой не взялся за составленіе курса нѣмецкой литературы; но г. Шталя упрекать не за что!..

И какъ отозваться о самой книгѣ его? Полезна она или вредна можетъ быть для читателя? Какъ хотите; можетъ быть и то, и другое. Самое дурное въ большей части нашихъ учителей—то, что они не довольствуются сообщеніемъ намъ нужныхъ фактовъ, а хотятъ навязать и свои понятія объ этихъ фактахъ. У нихъ есть убѣжденіе, что они не только знаютъ больше, чѣмъ ихъ ученики; но что и мыслятъ они лучше. Вслѣдствіе того, разсказавши исторію какого-нибудь Молчалина, они никакъ не хотятъ предоставить ученику самому обсудить ее, а непремѣнно считаютъ долгомъ прибавить: «Молчалинъ есть примѣрный молодой человѣкъ...» Такимъ образомъ и случается почти всегда, что юноши наши обогащаются познаніями въ ущербъ здраваго смысла. Подобный ущербъ угрожаетъ всякому, кто захочетъ довѣриться сужденіямъ г. Шталя. Это обстоятельство едва ли не уничтожаетъ всю пользу, какую могло бы принести учащимся довольно подробное изложеніе нѣкоторыхъ произведеній нѣмецкой поэзіи (напр. Пѣсни о Нибелунгахъ, Рейнеке-Фукса, нѣсколькихъ пьесъ Шиллера и Гёте), представленное въ книгѣ г. Шталя. Правда, г. Шталь не искажаетъ смысла разсказываемыхъ произведеній, какъ это дѣлаетъ, напр., г. Орестъ Миллеръ въ своей диссертаціи, но зато сужденія его ничуть не лучше тѣхъ, которыя представлены въ диссертаціи «О нравственной стихіи въ поэзіи». Напр., г. Шталь говоритъ, что драма Лессинга «Nathan der Weise» «основана *на томъ софизмѣ*, будто бы въ каждой вѣрѣ можно быть добрымъ человѣкомъ» (стр. 82). О «Фаустѣ» онъ говоритъ: «въ немъ Гёте хотѣлъ показать, что если человѣкъ ищетъ свободы внѣ Бога, въ необузданной жаждѣ знанія и грѣшной гордости стремится ко всевѣдѣнію, то подпадаетъ духу лжи и грубой чувственности, и погибаетъ во грѣхахъ» (стр. 106). И такихъ сужденій много въ «Очеркѣ» г. Шталя; какое понятіе дадутъ они читателю о смыслѣ художественныхъ произведеній? Впрочемъ, когда дѣло идетъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ, которыхъ содержаніе разсказано въ книгѣ, то читателю представляется, по крайней мѣрѣ, возможность хоть нѣсколько провѣрить приговоръ г. Шталя. Но составитель «Очерка» не ограничивается частными сужденіями; онъ произноситъ свой судъ надъ цѣлыми періодами литературы, надъ цѣлыми партіями и направленіями—и даже не представляетъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своихъ словъ. Какъ вамъ нравится, напр., такая характеристика Гейне (стр. 150—151):

«Людвигъ Берне и 'Ейнрихъ 'Ейне (г. Шталь вездѣ пишетъ значокъ ' вмѣсто нѣмецкаго H)—*оба еврейскаго происхожденія, и уже по этому*

одному не могли—ни искренно уважать христіанскую вѣру, ни, какъ всегда бываетъ у этого народа, питать истинной любви къ отечеству... 'Ейне не безъ основанія обвиняютъ въ безхарактерности и легкомысліи. Онъ не стыдился издѣваться надъ самымъ святымъ; рисуясь предъ свѣтомъ своей міровой печалью, онъ на самомъ дѣлѣ *едва ли былъ способенъ чувствовать истинную печаль.* Изливъ свою тоску, онъ чрезъ минуту подсмѣивается надъ ней; *почти всѣ его произведенія обнаруживаютъ отсутствіе твердыхъ нравственныхъ убѣжденій*» и проч.

И ни одного факта въ подтвержденіе этихъ голословныхъ ругательствъ!...

Зато съ такою же точно голословностью восхваляетъ г. Шталь Редвица, Эйхендорфа, Гейбеля, котораго называетъ даже «однимъ изъ первыхъ лириковъ нашего времени». Какія средства имѣетъ читатель, не знающій этихъ поэтовъ, сообразить, что въ книжкѣ г. Шталя восхваляется систематически все прѣсное, вялое, праздное и гнилое?

А что за хаосъ въ общихъ понятіяхъ автора! Мы увѣрены, что никакая человѣческая логика не разберетъ изумительной путаницы, представляющейся, напр., въ слѣдующемъ объясненіи причинъ, отъ которыхъ произошелъ упадокъ нѣмецкой литературы въ XIII вѣкѣ. Мы приведемъ вполнѣ эту страницу изъ книги г. Шталя, чтобы тутъ же кстати дать понятіе о способѣ его изложенія (стр. 52—3):

«Чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ XIII столѣтія и теряемъ изъ вида это поэтическое время: тѣмъ безотраднѣе становится путь, тѣмъ мрачнѣе горизонтъ литературы. Мы вступаемъ въ обширную пустыню и лишь изрѣдка путешественникъ можетъ отдохнуть на зеленомъ оазисѣ у свѣжаго источника; онъ слышитъ пѣніе, и *передъ нимъ носятся воспоминанія о былыхъ красныхъ дняхъ златой поэзіи (!!).*

Съ пресѣченіемъ дома 'О'енштауфеновъ Германія упала съ своей политической высоты, и Рудольфъ Габсбургскій, какъ заботливый домохозяинъ, былъ занятъ одними только внутренними, *мелочными* интересами государства; пѣвцы, приходившіе къ его двору съ большими надеждами, уходили ни съ чѣмъ, унося свои пѣсни въ замки вельможъ. *Но каковъ господинъ, таковъ и слуга.* Могущественные герои и князья обратили теперь свои мысли отъ дальней чужбины, гдѣ утихли шумные дни крестовыхъ походовъ, къ родинѣ; ихъ дѣятельность *ограничивалась заботами о ближайшей пользѣ своихъ подданныхъ, которымъ угрожали голодъ и язва, противодѣйствіемъ кулачному праву и хищничеству рыцарей,* распространявшемуся все болѣе вслѣдствіе ослабленія папской власти, какъ церковной, такъ и политической. Христіанская вѣра, этотъ богатый источникъ поэзіи того времени, ослабѣла; *мысли народа обратились исключительно къ земнымъ заботамъ, торговля расцвѣтала, города возникали и усиливались,* богатство росло подъ вліяніемъ различныхъ изобрѣтеній и открытій. *Чѣмъ болѣе возвышалось матеріальное развитіе, тѣмъ ниже упадала нравственная и поэтическая жизнь народа».*

Что это такое? Поэзія упала оттого, что государи стали заботиться о благѣ своихъ подданныхъ! Поэзія упала оттого, что кулачное право и хищничество ослабѣли! И вмѣстѣ съ этимъ христіанская вѣра тоже ослабѣла,—оттого, что хищничество и рѣзня стали преслѣдоваться!.. Что же это такое? Не написалъ ли это какой-нибудь фанатикъ изъ послѣдователей раскола Аввакума или Никиты Пустосвята? Нѣтъ,—на книгѣ стоитъ имя г. Шталя, повидимому, нѣмца... Но онъ зашелъ уже, кажется, слишкомъ далеко въ своемъ усердіи, которымъ такъ славятся нѣмцы, поселившіеся въ Россіи.

60. Исторія рыцарства.

Сочиненіе *Руа*. Переводъ съ французскаго 7-го изданія, Г. В. Спб., 1858.

«Сочиненіе Руа вполнѣ знакомитъ съ чуднымъ средневѣковымъ учрежденіемъ, которое въ свое время принесло много пользы человѣчеству и о которомъ въ нашихъ учебникахъ упоминается только вскользь, при разсказѣ о крестовыхъ походахъ». Такъ говоритъ переводчикъ въ предисловіи къ «Исторіи рыцарства». Не входя пока въ разсмотрѣніе справедливости его мнѣнія, мы предложимъ одинъ вопросъ: до какой степени полезно знакомить нашихъ дѣтей «съ чуднымъ средневѣковымъ учрежденіемъ»? Мы понимаемъ еще мѣстную надобность изученія рыцарства, напр., во Франціи, гдѣ до сихъ поръ такъ многое напоминаетъ ихъ исторію. Но какое отношеніе къ нашей жизни имѣютъ всѣ эти гербы, девизы, турниры, обѣты, вооруженія и т. д.? У насъ даже романтизмъ принялся плохо, заслоненный и прогнанный реальною школою; а намъ навязываютъ исторію рыцарства для дѣтскаго чтенія! Если ужъ брать предметы изъ исторіи и быта Западной Европы, то надобно дѣтямъ давать никакъ не солдатскую исторію, а что-нибудь болѣе мирное и гражданское. И мало ли предметовъ, отлично разработанныхъ въ послѣднее время западными историками и могущихъ послужить предметомъ для дѣтской книги! Исторія французскихъ крестьянъ, исторія городскихъ общинъ, исторія возрожденія искусствъ и наукъ, исторія гражданскаго развитія Англіи, и проч. сколько могутъ представить великолѣпныхъ матеріаловъ для нѣсколькихъ десятковъ интереснѣйшихъ дѣтскихъ книжекъ! И, между тѣмъ, это предметы живые, нужные дѣтямъ; отъ знанія и правильнаго пониманія ихъ во многомъ зависитъ вѣрность сужденій о современномъ положеніи Европы. А рыцарство учрежденіе отжившее, оставившее по себѣ слѣды въ исторіи лишь настолько развѣ, насколько о немъ упоминается въ учебникахъ. Нечего и тревожить его праха; кто захочетъ спеціально изучить средніе вѣка, тотъ можетъ и самъ прочитать сочиненія, спеціально трактующія о рыцарствѣ.

Но извѣстно, что нѣтъ на свѣтѣ такого ничтожнаго и ненужнаго предмета, о которомъ нельзя было бы написать хорошей книги. Можетъ быть, и книга о рыцарствѣ дѣйствительно такъ хороша, какъ увѣряетъ переводчикъ. Можетъ быть, въ ней живо и сильно передана вся поэзія ужаса, который должно возбуждать рыцарство въ современномъ, нормально развитомъ человѣкѣ; можетъ быть, въ ней достойно заклеймена эта дикая сила, это кулачное право, безобразно соединенное съ сантиментальностью, составлявшія отличительные признаки рыцарскихъ временъ. Можетъ быть, книга направлена къ тому, чтобы, познакомившись съ рыцарями, маленькій читатель сказалъ: «Какіе сильные, горячіе, страшные люди! Какъ жаль, что они такъ дурно употребляли свои силы!» Если такъ, то мы готовы придти въ восторгъ отъ книги г. Руа; все-таки отъ нея однимъ здравымъ понятіемъ больше будетъ въ дѣтской головѣ.

Но, къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи сочиненіе Руа не удовлетворяетъ требованіямъ здравомыслящаго человѣка. По предмету мы назвали «Исторію рыцарства»—*ненужною*; по исполненію мы должны признать ее *вредною*. Она вся проникнута благоговѣніемъ къ рыцарству и съ величайшей любовью останавливается на подробностяхъ ихъ вооруженія, сбруи, на значеніи девизовъ, на подвигахъ охоты и турнировъ и т. д. Цѣлая глава посвящена *гербамъ*. О нихъ говорится съ паѳосомъ, съ особенною силою напирается на то, что гербы «не суть выдумки тщеславія, а справедливое возмездіе или чествованіе заслугъ»; затѣмъ описывается, какъ «гербовый щитъ или поле герба дѣлилось горизонтальными, перпендикулярными и діагональными линіями на нѣсколько отдѣленій, въ которыхъ размѣщали краски и символы», и что означали всѣ эти штуки. Даже со стороны занимательности надобно замѣтить, что все это крайне сухо, скучно, утомительно донельзя. О томъ, какое нравственное чувство возбуждается всѣми этими описаніями, мы ужъ и не говоримъ.

Но авторъ не удовольствовался простымъ представленіемъ рыцарства въ розовомъ свѣтѣ; онъ вздумалъ въ заключеніе книги доказывать, что рыцарство было явленіемъ истинно-христіанскимъ и что всѣ доблести, составлявшія принадлежность рыцаря, суть христіанскія доблести. «Даже—говоритъ—честь, совершенно мірское чувство, сопричастна христіанству: между непомраченною честью, рыцарскимъ незапятнаннымъ щитомъ, безупречною совѣстью, бѣлымъ одѣяніемъ неофита—есть искренній, сокровенный союзъ». Приводя эту мысль, авторъ ссылается на Ампера; но Амперъ, при всемъ своемъ уваженіи къ рыцарству, никогда не заходилъ такъ далеко въ его апоѳеозѣ, какъ г. Руа. Да притомъ же Амперъ писалъ не для дѣтей и, возстановляя поэтическій образъ рыцаря, вовсе не думалъ ставить его образцомъ для современной практической дѣятельности. Напротивъ, г. Руа почти явно высказываетъ эту цѣль своего сочиненія; ему кажется даже, что все, что есть до сихъ поръ у насъ христіански-благороднаго, есть наслѣдіе отъ временъ рыцарства. Мы не удивляемся г. Руа: на него еще могло дѣйствовать обаяніе рыцарскихъ гербовъ и вооруженій; но не можемъ надивиться г-ну Г. В., что ему за охота была переводить эту скучную и безполезную книгу.

---

61. Сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній современныхъ русскихъ писателей.

Спб., 1859.

«Сборникъ» этотъ изданъ редакціею «Подснѣжника». Нельзя не похвалить его за удачный выборъ прозаическихъ статей. Здѣсь помѣщены: нѣсколько главъ изъ «Исторіи моего дѣтства», графа Л. Н. Толстого; «Бѣжинъ Лугъ», И. С. Тургенева, нѣсколько отрывковъ изъ Путешествія И. А. Гончарова и отрывокъ изъ повѣсти «Антонъ-Горемыка», Д. В. Григоровича. Кромѣ прекраснаго и вполнѣ доступ-

наго дѣтямъ содержанія, эти произведенія могутъ быть весьма полезны для дѣтей, какъ образчики изящнаго изложенія. До сихъ поръ дѣти у насъ должны довольствоваться слогомъ князя Одоевскаго и нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ писателей, удостоенныхъ чести попасть въ хрестоматію г. Галахова при всѣхъ ея многочисленныхъ изданіяхъ. Надобно же дѣтямъ познакомиться и съ тѣмъ, какъ пишутъ гг. Тургеневъ, Гончаровъ и проч. Безъ всякаго сомнѣнія, дѣти будутъ очень благодарны редакціи «Подснѣжника» за выборъ четырехъ названныхъ нами произведеній для «Сборника».

Нельзя того же сказать о стихахъ. Выборъ ихъ рѣшительно неудаченъ. Не говоримъ уже о томъ, что можно было выбрать лучше, напр., хоть изъ Тютчева, Жадовской, Огарева («Изба», «Деревенскій сторожъ», «Дорога» и проч.), Некрасова (изъ «Саши», «Школьникъ», «Несжатая полоса», «Внимая ужасамъ войны», и проч.); не говоримъ о томъ, что и изъ тѣхъ поэтовъ (Майкова, Фета, Полонскаго), которыхъ взялъ составитель «Сборника», можно было взять лучшія пьесы; но мы должны замѣтить, что выбранныя пьесы сами по себѣ не хороши. Неужели для дѣтей пріятно или полезно будетъ прочитать «Посвященіе» и «Октаву», гдѣ поэтъ толкуетъ о томъ, какъ «крѣпъ его даръ въ огнѣ науки» и какъ «съ устъ его льются размѣрныя октавы»? Неужели не вредно для развитія эстетическаго вкуса чтеніе плохо сдѣланнаго, дидактическаго стихотворенія г. Майкова «Нива»? Взглядъ на работы поселянъ на нивѣ пробуждаетъ въ авторѣ мысль о томъ, чтобы созрѣла у насъ жатва просвѣщенія... И это—поэзія!.. Равнымъ образомъ и «Статуя» г. Полонскаго, съ восклицаніями: «О Эллада, Эллада!» — едва ли доставитъ особенное эстетическое наслажденіе дѣтямъ. Стихотворенія г. Фета лучше выбраны, но и они не принадлежатъ къ лучшимъ его пьескамъ. Въ «Сборникѣ» напечатано ихъ четыре: «Деревня», «Печальная береза», «Чудная картина», «На Днѣпрѣ въ половодье».

---

62. Записки Амишки.

Разсказъ для дѣтей. Спб., 1858.

Книжка—очень опрятно изданная, грамотная (впрочемъ, не относительно знаковъ препинанія), понятная дѣтямъ, что рѣдко бываетъ, и снабженная четырьмя не очень изящными картинками, что довольно обыкновенно. Амишка—комнатная собачка, которая ведетъ свои записки и разсуждаетъ о людскихъ поступкахъ. Авторъ мало воспользовался преимуществомъ, которое давала ему избранная имъ форма, и потому Амишка его не возбуждаетъ особеннаго интереса. Впрочемъ, въ книжкѣ попадаются иногда замѣтки, подобныя слѣдующей:

«Вася (маленькій баринъ Амишки) бросился на Алексѣя, началъ его бить и плакать отъ злости. Я ужасно испугался и забился подъ стулъ. Алексѣй былъ гораздо больше и сильнѣе Васи; я всякую минуту ожидалъ, что слуга побьетъ барина, но былъ очень удивленъ,

когда увидѣлъ, что Вася, надравшись досыта, подбѣжалъ ко мнѣ и еще разъ ткнулъ меня ногой, Алексѣй же печально побрелъ на кухню. Вѣрно, у людей не такъ, какъ у насъ. У насъ кто сильнѣе, тотъ и грызетъ слабаго» (стр. 55).

Это собачье разсужденіе не дурно. Но, къ сожалѣнію, Амишка испорченъ человѣческимъ обществомъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ записокъ смотритъ на людскія глупости совершенно по-человѣчески.

---

63. Сорокъ повѣстей для дѣтей.

Книга нравоучительная и занимательная для маленькихъ читателей. Спб. 1858.

Книга дѣйствительно нравоучительная; можетъ быть она могла бы быть и занимательною, если бы была написана получше. Мораль очень незамысловата, какъ можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго образца:

«— А кто дѣлаетъ хлѣбныя зерна?—спросилъ любопытный Николенька.

«— Господь Богъ, который сотворилъ все на землѣ, сынъ мой.

«— Итакъ, надобно благодарить Бога за то, что Онъ даетъ намъ хлѣбныя зерна, изъ которыхъ мы можемъ печь хлѣбъ и пироги. Не правда ли это, маменька?

«— Да, милое дитя мое...» и проч.

Но никакая мораль не можетъ сдѣлать полезною для дѣтей такую книжку, въ которой отецъ говоритъ съ дѣтьми такимъ языкомъ: «есть нѣчто такое, что предпочитается знанію и что самъ Господь Богъ поставилъ выше всего: это простота сердца и скромность разума», и т. д. Никакая мораль не заставитъ насъ одобрить книжку, въ которой даже *маленькая Анюта* выражается такимъ образомъ: «повѣрьте, мамаша, что для меня будетъ большимъ лишеніемъ не ѣхать съ вами къ тетенькѣ. Но мнѣ кажется, что долгъ требуетъ, чтобъ я осталась и заботилась о моей маленькой птичкѣ. Я такъ уже полюбила ее! Жалобный пискъ птички раздираетъ мое сердце».

Лучше дѣтямъ не знать никогда морали «Сорока повѣстей», нежели съ этой моралью выучиться такому варварскому языку!

---

64. Золотой Цвѣтокъ.

Игры и увеселенія для дѣтей, въ стихахъ и прозѣ. Съ 8-ю раскрашенными на мѣди гравированными картинками. Спб. 1859.

Къ удивленію нашему, книжка эта, изданная г. книгопродавцемъ Маврикіемъ Вольфомъ, оказалась не лишенною грамматическаго смысла. Но этимъ и ограничиваются всѣ ея достоинства. Въ ней есть нѣсколько разсказовъ въ прозѣ, разсказывающихъ, что умныя дѣти

пошли гулять, гуляли и имъ было очень весело, что осенью можно ѣсть плоды, а зимой кататься на конькахъ, и проч. Есть въ ней картинки, изображающія все это такъ, что снѣгъ похожъ на воду, плоды—на плетку и т. п. Есть и стихи, описывающіе красоты природы и дающіе совѣты такого рода:

Правдивымъ будь, лжи берегись:
Правдивыхъ ждетъ благословенье!
Въ своихъ поступкахъ повинись,
И ты получишь въ нихъ прощенье.

Что хуже—проза, стихи или картинки—рѣшить очень трудно. Но обертка «Золотого Цвѣтка» великолѣпна: вся въ золотѣ!..

---

65. Картинки изъ естественной исторіи, съ описаніемъ ихъ стихами. для маленькихъ дѣтей.

Выпускъ 1-й. *Соч. А. Мар-ва.* Спб., 1858.

Если вамъ любопытно видѣть, какъ иногда медвѣдь бываетъ похожъ на кошку, оселъ—на свинью, тигръ—на лягушку и проч., то рекомендуемъ вамъ взглянуть на «Картинки изъ естественной исторіи». Картинкамъ соотвѣтствуютъ и стихи. Не угодно ли?

Съ краснымъ гребнемъ, *бородою*,
Забіяка пѣтушокъ
Ходитъ съ важностью такою,
Какъ какой-нибудь князекъ... и проч.

Или о павлинѣ:

Пышнымъ *зонтикомъ* павлинъ
Распускаетъ хвостъ чудесный... и т. д.

Или еще—угадайте, о комъ:

Что за милая головка,
Что за ножки у нея!
Чувствуетъ она, плутовка,
Все достоинство свое...

Авторъ увѣряетъ, что это онъ представляетъ характеристику лошади...

Не дурна также характеристика быка, о которомъ говорится, что онъ:

Пашетъ землю съ мужикомъ,
Сѣно и дрова таскаетъ,
Ходитъ ровненькимъ шажкомъ,
Вкуснымъ мясомъ насъ снабжаетъ.

Что за охота, подумаешь, г. А. Мар—ву кормить дѣтей такими блюдами, да еще въ стихахъ!

---

66. Бесѣды съ дѣтьми.

А. А. Пчельниковой. Часть I. Спб., 1858.

«Бесѣды» г-жи Пчельниковой должны быть причислены къ самымъ лучшимъ дѣтскимъ книжкамъ, существующимъ на русскомъ языкѣ. Онѣ составлены по образцу французскаго «Revue de l'éducation nouvelle» и должны въ слѣдующихъ выпускахъ представить «нѣчто цѣлое, что могло бы назваться дѣтскою энциклопедіею». Въ книжкѣ г-жи Пчельниковой находится предисловіе, показывающее, что задача воспитанія понимается ею весьма здраво и широко. Приводя нѣсколько мыслей изъ «Revue», послужившаго ей образцомъ, она между прочимъ останавливается на томъ, что въ воспитаніи надобно примѣняться къ характеру и способностямъ дѣтей, извлекать пользу изъ ихъ наклонностей, открывая передъ ними дѣйствительную жизнь, уничтожить въ преподаваніи всякую отвлеченность, дѣйствовать на дѣтей не страхомъ и поблажкой, а устраненіемъ праздности и случаевъ къ дурнымъ шалостямъ, убѣжденіемъ и сообщеніемъ правильныхъ знаній... Все это въ высшей степени справедливо, и изданіе, предпринятое съ такими просвѣщенными и гуманными воззрѣніями, должно уже по этому самому рѣзко отличаться отъ безобразныхъ спекуляцій, въ родѣ «Золотого Цвѣтка» и «Сорока повѣстей».

И дѣйствительно, похваливши основную мысль изданія, нельзя не отдать справедливости и добросовѣстному ея исполненію въ первомъ выпускѣ. Предположивъ ознакомить дѣтей съ важнѣйшими предметами, необходимыми въ жизни, г-жа Пчельникова начинаетъ съ хозяйства. Первая статья въ книжкѣ посвящена кухнѣ. Здѣсь просто и естественно, безъ жеманства и морали, мать разсказываетъ дочери названіе, значеніе и употребленіе разной кухонной посуды. Къ статейкѣ приложенъ листъ, на которомъ изображено до 50-ти предметовъ, употребляемыхъ въ хозяйствѣ, очень чисто и отчетливо, такъ что не смѣшаешь котла съ ушатомъ или ковша со сковородкою. Затѣмъ помѣщена статейка «Ласточка», очень недурной и полезный разсказъ о перелетныхъ птицахъ, безъ всякихъ приторностей и пошлыхъ сентенцій. За «Ласточкой» идетъ «Алеша или гривенникъ», совершенно ничтожный моральный разсказецъ, къ счастію, коротенькій. Таковъ же точно и разсказъ: «Трусъ Митя и неосторожный Володя». Оба они, по нашему мнѣнію, портятъ книжку, совершенно безполезно занимая въ ней восемь страницъ. Гораздо полезнѣе ихъ «Англійскій урокъ», представляющій прекрасную попытку въ разговорной формѣ начать съ дѣтьми обученіе англійскому языку, по методѣ Робертсона. Наконецъ, въ книжкѣ находятся ноты на очень простыя и миленькія слова, которыя дѣти могутъ распѣвать хоромъ, подражая тѣлодвиженіями разнымъ работамъ (столярной, кузнечной,

ткацкой и проч.), составляющимъ предметъ пѣсни. Все это очень можетъ занять дѣтское любопытство, и надо желать, чтобы поскорѣе явился второй выпускъ «Бесѣдъ» [1]), съ тѣмъ же разнообразіемъ, но только безъ моральныхъ повѣстушекъ.

Изданіе книжки г-жи Пчельниковой очень изящно и даже роскошно, и цѣна ея сравнительно не дорога: первый выпускъ стоитъ 75 коп. сер.

---

67. Что такое обломовщина?

(**Обломовъ**, романъ *И. А. Гончарова*. «Отеч. Записки» 1859 г. №№ I—IV).

— — Въ чемъ заключаются главныя черты обломовскаго характера? Въ совершенной инертности, происходящей отъ его апатіи ко всему, что дѣлается на свѣтѣ. Причина же апатіи заключается отчасти въ его внѣшнемъ положеніи, отчасти же въ образѣ его умственнаго и нравственнаго развитія. По внѣшнему своему положенію—онъ баринъ: «у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ», по выраженію автора. Преимущества своего положенія Илья Ильичъ объясняетъ Захару такимъ образомъ:

«Развѣ я мечусь, развѣ работаю? мало ѣмъ, что ли? худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ недостаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать есть кому! Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану ли я безпокоиться? изъ чего мнѣ?.. И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мной? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался».

И Обломовъ говоритъ совершенную правду. Исторія его воспитанія вся служитъ подтвержденіемъ его словъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкаетъ быть байбакомъ, благодаря тому, что у него и подать, и сдѣлать—есть кому; тутъ ужъ даже и противъ воли нерѣдко онъ бездѣльничаетъ и сибаритствуетъ. Ну, скажите пожалуйста, чего же бы вы хотѣли отъ человѣка, выросшаго вотъ въ какихъ условіяхъ:

«Захаръ,—какъ, бывало, нянька,—натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захарка чешетъ ему голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши поутру—умыться и т. п.

«Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть—ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнить его желаніе: уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли за чѣмъ,—ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать да три тетки въ пять голосовъ и закричатъ:

---

[1]) 2-й, 3-й и 4-й выпуски уже вышли. Мы разсмотримъ ихъ въ одномъ изъ слѣд. №№. *Прим. Ред.*

« — Зачѣмъ? куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька, Ванька, Захарка! Чего вы смотрите, розини? Вотъ я васъ!..

«И не удается никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и выучился самъ покрикивать: «Эй. Васька, Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси».

«Подчасъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздается десять отчаянныхъ голосовъ: «ахъ, ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, расшибется! Стой, стой!!! Задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни или отворить форточку, — опять крики: «ай, куда? какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься...» И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая».

Такое воспитаніе вовсе не составляетъ чего-нибудь исключительнаго, страннаго въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не вездѣ, конечно, Захарка натягиваетъ чулки барченку и т. п. Но не нужно забывать, что подобная льгота дается Захаркѣ по особому снисхожденію или вслѣдствіе высшихъ педагогическихъ соображеній и вовсе не находится въ гармоніи съ общимъ ходомъ домашнихъ дѣлъ. Барченокъ, пожалуй, и самъ одѣнется; но онъ знаетъ, что это для него въ родѣ милаго развлеченія, прихоти, а, въ сущности, онъ вовсе не обязанъ этого дѣлать самъ. Да и, вообще, ему самому нѣтъ надобности что-нибудь дѣлать. Изъ чего ему биться! Некому, что ли, подать и сдѣлать для него все, что ему нужно?... Поэтому онъ себя надъ работой убивать не станетъ, что бы ему ни толковали о необходимости и святости труда: онъ съ малыхъ лѣтъ видитъ въ своемъ домѣ, что всѣ домашнія работы исполняются лакеями и служанками, а папенька и маменька только распоряжаются да бранятся за дурное исполненіе. И вотъ у него уже готово первое понятіе,—что сидѣть сложа руки почетнѣе, нежели суетиться съ работою... Въ этомъ направленіи идетъ и все дальнѣйшее развитіе.

Понятно, какое дѣйствіе производится такимъ положеніемъ ребенка на все его нравственное и умственное образованіе. Внутреннія силы «никнутъ и увядаютъ» по необходимости. Если мальчикъ и пытаетъ ихъ иногда, та развѣ въ капризахъ и въ заносчивыхъ требованіяхъ исполненія другими его приказаній. А извѣстно, какъ удовлетворенные капризы развиваютъ безхарактерность, и какъ заносчивость несовмѣстна съ умѣньемъ серьезно поддерживать свое достоинство. Привыкая предъявлять безтолковыя требованія, мальчикъ скоро теряетъ мѣру возможности и удобоисполнимости своихъ желаній, лишается всякаго умѣнья соображать средства съ цѣлями и потому становится втупикъ при первомъ препятствіи, для отстраненія котораго нужно употребить собственное усиліе. Когда онъ вырастаетъ, онъ дѣлается Обломовымъ, съ большей или меньшей долей его апатичности и безхарактерности, подъ болѣе или менѣе искусной маской, но всегда съ однимъ неизмѣннымъ качествомъ—отвращеніемъ отъ серьезной и самобытной дѣятельности. — —

68. Учебная книга русской исторіи.

Сочиненіе *Сергѣя Соловьева*. Выпускъ 1. Москва. 1859 года.

Краткое изложеніе русской исторіи.

Составилъ *Н. Тимаевъ*. Спб. 1858 года.

Спѣшимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на книжку г. Соловьева, замѣчательную уже тѣмъ, что составителемъ является профессоръ, извѣстный своими учеными трудами и служащій нынѣ представителемъ русской исторической науки. Дѣло составленія учебниковъ признано наконецъ дѣломъ серьезнымъ; за него принимаются люди, подобные гг. Соловьеву, Буслаеву, В. Шульгину, и, безъ всякаго сомнѣнія, ихъ труды скоро вытѣснятъ тѣ жалкія издѣлія, какими до сихъ поръ снабжались наши учебныя заведенія отъ гг. Зуева, Н. Греча, Ив. Давыдова, Ив. Шульгина и т. п. Если еще и долго не дождемся мы учебниковъ, которые бы вполнѣ соотвѣтствовали потребностямъ учащихся, то, по крайней мѣрѣ, можемъ порадоваться хоть тому, что въ нѣкоторыхъ изъ учебниковъ, изданныхъ въ послѣднее время, здравый смыслъ уже не искажается съ тою безпощадностью, какъ прежде. Можно надѣяться, что современемъ явятся у насъ и такія руководства, по которымъ учиться дѣйствительно будетъ легко и просто...

«Учебникъ» г. Соловьева, разумѣется, вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, какія можно ему сдѣлать съ чисто-научной точки зрѣнія. Факты разсказаны въ немъ вѣрно и точно, связь ихъ показана очень ясно, сдѣлана оцѣнка внутренняго смысла явленій, обращено большое вниманіе на внутреннее состояніе общества въ данную эпоху. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ изложеніе русской исторіи до Іоанна III, и въ этомъ изложеніи представляются не устарѣлыя мнѣнія, не отсталые выводы, а дѣйствительно результаты самыхъ послѣднихъ ученыхъ изысканій о нашей древней исторіи. Но въ педагогическомъ отношеніи еще многаго можно желать отъ «Учебника» г. Соловьева. По мнѣнію лучшихъ педагоговъ, учебникъ исторіи долженъ быть составленъ такъ, чтобы ни одинъ фактъ, ни одна личность не оставались въ головѣ учащагося однимъ праздным словомъ, а непремѣнно возбуждали бы его мысль, воображеніе, даже привлекали его сердечное участіе. Поэтому всѣ историческія лица, упоминаемыя въ учебникѣ, должны являться въ немъ съ своею особою физіономіею,—всѣ отдѣльныя событія должны имѣть свой ярко-опредѣленный характеръ, свое рѣзко-обрисованное значеніе. Если нечѣмъ характеризовать лицо или событіе, лучше вовсе пропустить его. Пусть ученикъ не знаетъ, кто былъ великимъ княземъ, —напримѣръ, хоть послѣ Мстислава Владиміровича; что за бѣда? «Что имя? Звукъ пустой!..» Довольно для ученика, если онъ узнаетъ общій характеръ борьбы Мономаховичей съ Ольговичами; а этихъ Ярополковъ, Вячеславовъ, Всеволодовъ вѣдь онъ, все равно, перепутаетъ же невозвратно

черезъ два дня по окончаніи послѣдняго экзамена. Можно держать пари, на что угодно, что никто, даже изъ людей, прошедшихъ университетскій курсъ, но не занимавшихся спеціально древней русской исторіей, не разскажетъ вѣрно всѣхъ подробностей удѣльной кутерьмы или даже какой-нибудь части ея, напримѣръ, хоть происшествій при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава. И отъ этого не происходитъ рѣшительно никакого пробѣла въ историческихъ знаніяхъ человѣка. Равнымъ образомъ человѣкъ не сдѣлается сильнѣе въ знаніи исторіи, если выучитъ изъ «Учебника» г. Соловьева, напримѣръ, слѣдующія свѣдѣнія: «Мстиславъ владѣлъ Кіевомъ, Новгородомъ и Смоленскомъ, въ Новгородѣ княжилъ сынъ его Всеволодъ, въ Смоленскѣ другой, Ростиславъ; братья Мстиславовы княжили: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей на Волыни, Юрій въ Ростовской и Суздальской землѣ» (стр. 22). Или: «изъ пятерыхъ сыновей Ярославовыхъ старшій Изяславъ былъ великимъ княземъ, владѣлъ Кіевомъ и Новгородомъ; второй, Святославъ, владѣлъ Черниговомъ, Тмутороканью и землями по Окѣ, страною Вятичей, Рязанью, Муромомъ; третій, Всеволодъ, владѣлъ Переяславлемъ Южнымъ или Русскимъ; кромѣ того, Всеволодъ владѣлъ землями по Волгѣ, также Ростовомъ, Суздалемъ, Бѣлоозеромъ; четвертый, Вячеславъ, получилъ Смоленскъ; пятый, Игорь, владѣлъ Владиміромъ Волынскимъ. Полоцкъ оставался въ отдѣльномъ владѣніи у потомковъ Изяслава, сына св. Владиміра. Но послѣ Ярослава остался еще внукъ Ростиславъ», и т. д. (стр. 15)... Мы не говоримъ, чтобъ все это было вредно знать, или чтобъ эти подробности дѣлали «Учебникъ» негоднымъ; но, какъ намъ кажется, подобные пріемы обнаруживаютъ, что г. Соловьевъ не слишкомъ заботился о переработкѣ массы историческихъ данныхъ, сообразно съ формой, объемомъ и требованіями учебника, а просто составилъ краткое извлеченіе,—родъ подробнаго конспекта,—изъ своей полной исторіи. Поэтому онъ и не обратилъ особеннаго вниманія на выборъ и соразмѣреніе фактовъ. Самый объемъ «Учебника» очень значителенъ: 1-й выпускъ, до Іоанна III, содержитъ 116 страницъ убористой печати, что составитъ, вѣроятно, гораздо болѣе половины цѣлой книжки гимназическаго курса исторіи, г. Устрялова. Правда, что у г. Соловьева несравненно болѣе фактовъ, и они лучше разсказаны; правда и то, что г. Соловьевъ не теряетъ словъ понапрасну и никогда не пускается въ затхлое краснорѣчіе; правда, что четвертая доля книги занята обозрѣніемъ внутренняго состоянія общества, о чемъ г. Устряловъ слишкомъ мало думалъ. Но всѣ эти достоинства не исключаютъ возможности сократить разсказъ выпускомъ нѣсколькихъ мелкихъ подробностей и болѣе общей характеристикой событій.

Впрочемъ, все-таки книжка г. Соловьева представляетъ значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ составленія нашихъ учебниковъ. При слѣдующихъ выпускахъ мы надѣемся еще возвратиться къ ней и поговорить о ней подробнѣе.

Что касается книжки г. Тимаева, то она, доводя до крайности недостатокъ, замѣченный нами въ «Учебникѣ» г. Соловьева, вовсе

не имѣетъ его достоинствъ. У г. Тимаева имена князей, городовъ и пр. разсыпаны по всѣмъ страницамъ съ необыкновенною щедростью. Въ «Учебникѣ» г. Соловьева если имена приводятся во множествѣ, то они, по крайней мѣрѣ, оказываются большею частію нужными для разъясненія подробностей послѣдующихъ фактовъ, особенно удѣльныхъ междоусобій. Но г. Тимаевъ приводитъ имена просто для того, чтобы привести ихъ. «Изъ Волынскихъ князей, говоритъ, *замѣчательны*—храбрый Романъ Мстиславичъ и его сынъ Даніилъ Романовичъ, овладѣвшій Галицкимъ княжествомъ; изъ Смоленскихъ князей *замѣчательны* Мстиславъ Храбрый и Мстиславъ Удалый, прославившійся отвагой и побѣдами» (стр. 36). И болѣе о нихъ — ни слова. Подобнымъ образомъ онъ занимается даже татарами: «первые ханы Сарайскіе, говоритъ, были Батый, Беркай, Менгу-Темиръ, Ногай, Туда-Мангу, Тохта и Узбекъ» (стр. 45). А въ предисловіи г. Тимаевъ говоритъ, что старался «разсказывать только *важнѣйшее*» и «придать своему учебнику *занимательность*». Вѣрьте послѣ этого предисловіямъ!

Кромѣ страннаго воззрѣнія на *занимательность*, г. Тимаевъ отличается еще тѣмъ, что очень смѣло говоритъ ложь о предметахъ, которыхъ не понимаетъ и о которыхъ даже безъ ущерба сущности дѣла могъ бы не говорить вовсе. Напр., по его мнѣнію «*изгои*—были князья, недовольные своими удѣлами и желавшіе пріобрѣсти новыя земли»! (стр. 28). Въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что только «при дворѣ Владимірскомъ появились разные придворные чины—*бояре*, *гридни* или *мечники*» и пр. (стр. 37). Еще примѣръ: Владиміръ Мономахъ началъ войну съ Византіей, но эта война скоро прекратилась, *потому что* Византійскій императоръ Алексѣй Комининъ прислалъ Владиміру подарки: золотую Мономахову шапку, золотую цѣпь, бармы, скипетръ и державу (стр. 33). Любопытно, какъ онъ начинаетъ разсказъ о Петрѣ Великомъ: «О Петрѣ были различныя предсказанія. Одинъ юродивый говорилъ царю Алексѣю Михайловичу, что его сынъ Петръ будетъ Пахомъ съ большимъ костылемъ, и всѣ *его будутъ бояться;* ученый іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, св. Димитрій Ростовскій и многіе иностранные ученые предсказывали по звѣздамъ, что *явится великій герой*. И *дѣйствительно* (!!!) Петръ уже въ юности *выказывалъ умъ и способности*» (стр. 139). Скажите чему тутъ болѣе удивляться: невѣжеству, дерзости или безтолковости разсказа?

Вообще, сверхъ всѣхъ означенныхъ достоинствъ, «Изложеніе русской исторіи» отличается постоянно безтолковостью, чуть не безграмотностью фразъ. Можно ли такъ писать: «священники ходили по городу и *проповѣдывали* истины христіанской вѣры по греческому *обряду*» (стр. 19). «Король Сигизмундъ III хотѣлъ покорить восточную Русь, гдѣ въ это время происходили смуты самозванцевъ, но не имѣлъ успѣха: онъ былъ *отбитъ нижегородскою ратью* подъ предводительствомъ Минина и Пожарскаго» (стр. 59). (Каково? Мининъ и Пожарскій сражались съ Сигизмундомъ!) «Михаилъ Ѳедоровичъ съ пятилѣтняго возраста жилъ вмѣстѣ съ матерью въ монастыряхъ и

въ помѣстьѣ Домнинѣ. *Здѣсь* (?) однажды поляки хотѣли убить юнаго Михаила Ѳедоровича, но крестьянинъ Иванъ Сусанинъ спасъ его; *съ этого времени* (?) Михаилъ Ѳедоровичъ поселился въ Ипатьевскомъ монастырѣ *и отличался* (съ этого времени?) добродушіемъ и смиреніемъ» (стр. 123). И такими-то фразами вся книга написана! А между тѣмъ по ней ужъ кто-то учится! Она недаромъ составлена: это чувствуется по заключительнымъ словамъ предисловія, что «учебникъ этотъ назначенъ преимущественно для женскихъ учебныхъ З(з)аведеній, и *если онъ принесетъ малѣйшую пользу учащимся*, то *исполнитъ* (учебникъ исполнитъ?) искреннее желаніе сочинителя».

А если онъ принесетъ пользу *не* малѣйшую, тогда не исполнитъ искренняго желанія сочинителя?

---

69. Practischer Leitfaden zum Erlernen der russischen Sprache, bearbeitet von J. Pihlemann, Lehrer der russischen Sprache am Gymnasium zu Reval.

Reval, 1857.

Старая грамматическая рутина начинаетъ понемногу уступать мѣсто новой, болѣе раціональной методѣ языкоученія, и въ послѣднее время для каждаго изъ европейскихъ языковъ явилось уже по нѣскольку грамматическихъ руководствъ, составленныхъ по новой системѣ. Основная мысль этой системы заключается въ устраненіи прежней, мертвой схоластики и въ стараніи придать живой смыслъ всѣмъ грамматическимъ правиламъ. Съ этой цѣлью изученіе языка начинаютъ обыкновенно не съ мучительнаго перечисленія грамматическихъ формъ съ ихъ безчисленными исключеніями, а съ цѣлаго предложенія, въ которомъ учащійся можетъ понимать смыслъ и связь рѣчи. Метода эта съ успѣхомъ приложена была и къ древнимъ языкамъ Кюнеромъ; теперь находимъ мы попытку примѣнить ту же методу къ изученію русскаго языка иностранцами. Г. Пилеманъ въ предисловіи къ своему руководству выражаетъ мнѣніе, что русскій языкъ, по богатству своихъ формъ, подходя къ древнимъ языкамъ, именно нуждается въ такой методѣ, какая примѣнена Кюнеромъ къ греческому и латинскому. Въ основаніи своемъ это мнѣніе справедливо: дѣйствительно, ни одинъ изъ европейскихъ языковъ не сохранилъ всего богатства флексій столько, какъ русскій, и потому ни одинъ изъ нихъ, при старой методѣ зазубриванья формъ, не казался столько труднымъ для иностранца, какъ русскій. Но послѣдованіе методѣ Кюнера г. Пилеманъ простеръ уже слишкомъ далеко, доведя его до той степени, что русская грамматика его кажется просто скопированною съ латинской грамматики Кюнера. Между тѣмъ, въ русскомъ языкѣ есть много такихъ особенностей, которыя не допускаютъ автора грамматики слѣдовать шагъ за шагомъ Кюнеру. Въ греческомъ и латинскомъ языкѣ всѣ формы установлены и рѣшены окончательно, всѣ случаи уклоненій и исключеній вычислены, опредѣлены и подведены подъ правила; у насъ этого вовсе нѣтъ: языкъ не установился, и

употребленіе формъ безпрестанно различается, въ зависимости отъ измѣненія смысла. Поэтому въ древнихъ языкахъ можно подбирать примѣры для извѣстныхъ грамматическихъ формъ, какъ что-то постоянное и независимое; у насъ же они часто не имѣютъ смысла безъ отношенія къ особымъ синтаксическимъ требованіямъ. Вообще синтаксисъ у насъ важнѣе этимологіи до такой степени, что даже грамматически правильная фраза кажется дикою отъ несоблюденія какихъ-нибудь особенностей въ устройствѣ предложенія. Подобныхъ фразъ много можно найти въ примѣрахъ, представленныхъ въ руководствѣ г. Пилемана. Напр.: (стр. 13) «Если не хорошо будете смотрѣть, то онѣ будутъ хулить»; (стр. 22) «Картина принадлежитъ женѣ пріятеля»; «Сестры всегда хвалятъ картины художника»; (стр. 24) «Долгъ няни есть хранить сестрицу»; «Хвали сестеръ, но говори тоже о нянѣ»; (стр. 28) «Тамъ, гдѣ богатства, не всегда и счастіе»; «Цари дарятъ знаменамъ воиновъ знаки отличія», и проч. и проч. Ни одного изъ такихъ выраженій никогда не скажетъ и не напишетъ русскій, хорошо знающій свой языкъ. А, между тѣмъ, они неизбѣжны были для г. Пилемана вслѣдствіе самой методы, принятой имъ. Неловкость приведенныхъ фразъ зависитъ или отъ того, что въ нихъ недостаетъ опредѣленій и дополненій, или отъ неправильной разстановки словъ, или отъ неопредѣленности самаго значенія ихъ въ данномъ случаѣ. Послѣднее зависитъ, конечно, просто отъ неискусства г. Пилемана подбирать примѣры; но первыя два обстоятельства не могутъ быть вполнѣ устранены никакимъ искусствомъ. Чтобы вводить въ рѣчь опредѣленія, нужно непремѣнно говорить о прилагательныхъ вмѣстѣ съ существительными; а по методѣ Кюнера этого нельзя. Чтобы вводить дополненія, нужно съ самаго начала говорить съ нѣкоторой подробностью о дѣйствительномъ глаголѣ и его словосочиненіи,—а для этого опять нужно было бы нарушить послѣдовательность методы, принятой авторомъ. Вообще для того, чтобы пресловутая метода—*начинать съ предложенія*—не превратилась въ ту схоластику, отъ которой бѣжали мы въ прежнихъ грамматикахъ, начинавшихъ съ формъ и исключеній, для этого нужно, чтобы предложеніе являлось для учащагося чѣмъ-то живымъ, дѣйствительно употребляемымъ въ рѣчи, а не пустою, мертвою формулою, придуманною для того, чтобы въ нее втиснуть извѣстное правило. А у г. Пилемана даже ученіе о предложеніи отнесено на самый конецъ,—въ *пятый* курсъ; зачѣмъ оно тутъ? Что-нибудь одно: или ученики г. Пилемана, изучающіе русскій языкъ, уже знакомы съ ученіемъ о предложеніи изъ другихъ языковъ,—и тогда онъ имъ уже *вовсе не нуженъ* въ русской грамматикѣ; или же они не знаютъ, что такое предложеніе,—и тогда съ этого нужно начать. Въ руководствѣ г. Пилемана нѣтъ этого, а только представляются въ цѣлыхъ четырехъ курсахъ склоненія и спряженія *въ примѣрахъ*, такъ же, какъ прежде они представлялись въ таблицахъ. Напр., на стр. 26 находимъ: «*слово не* всегда и дѣло; даръ *слова* украшаетъ человѣка; довѣряйте *слову* царя; говорите *слово* о смерти героевъ; награждайте художника не *словомъ* лести, но дѣломъ; мы не думаемъ болѣе о *словѣ* героя». Что это такое, какъ не искусствен-

ная мѣра для заучиванія склоненій? И не относится ли она къ разряду затѣйливыхъ штучекъ, въ родѣ таблицы умноженія въ стихахъ, или лексикона съ риѳмами: janua—дверь, bestia—звѣрь и т. п. И въ томъ и въ другомъ случаѣ—облегченіе учащагося, а внутренняго смысла мало.

Впрочемъ, и облегченіе ученика не совсѣмъ достигается при методѣ Кюнера, приложенной къ русскому языку. Во-первыхъ—270 убористыхъ страницъ, которыя надобно изучить для того, чтобы научиться живому языку,—вещь вовсе не шуточная! Во-вторыхъ—всѣ эти страницы проникнуты неимовѣрною скукою, благодаря монотонности и совершенной непрактичности примѣровъ, постоянно выбираемыхъ авторомъ. Начинается съ того, что «топоръ работника лежалъ на столѣ; столъ принадлежитъ работнику; хвали работника», и проч., все о работникѣ и топорѣ; затѣмъ та же исторія повторяется о злодѣяхъ и герояхъ, о художникѣ и картинѣ. Словъ ученикъ узнаетъ мало, формы надоѣдаютъ ему почти такъ же сильно, какъ и въ прежнихъ грамматикахъ, да и слова, которыя онъ узнаетъ, вовсе не принадлежатъ къ числу самыхъ употребительныхъ и любопытныхъ. Это послѣднее обстоятельство опять происходитъ отъ того, что авторъ въ подборѣ примѣровъ долженъ руководствоваться не внутреннимъ смысломъ рѣчи, а внѣшнею грамматическою формою. Напр., слова *мать* и *дочь* имѣютъ особое склоненіе, и потому они являются у г. Пилемана только на 87-й страницѣ; *сыновья*, *друзья*, *братья*—тоже формы неправильныя, и потому ихъ тоже нѣтъ въ начальныхъ примѣрахъ. *Отецъ* тоже долженъ явиться только послѣ объясненія правила о выпадающихъ при флексіи *о* и *е* именительнаго падежа. Подобныя затрудненія представляются въ безчисленномъ множествѣ словъ, и избѣжать ихъ можно не иначе, какъ сдѣлавши значительныя отступленія отъ кюнеровской методы.

Переходя отъ общихъ замѣчаній о методѣ къ частнымъ особенностямъ руководства г. Пилемана, мы должны также указать на нѣкоторые недостатки въ исполненіи. Видно, что авторъ самъ мало знакомъ съ живымъ, разговорнымъ, особенно народнымъ русскимъ языкомъ, да и новѣйшую литературу нашу знаетъ не совсѣмъ хорошо. Не изъ Пушкина, Гоголя, Тургенева приводитъ онъ примѣры въ послѣднемъ своемъ курсѣ, а изъ Леванды, Ѳедора Глинки, Устрялова и т. п. Ему, вѣроятно, неизвѣстно, что языкъ Леванды, Ѳедора Глинки и т. п. сочинителей отстоитъ отъ русскаго языка настолько же, какъ и нѣмецкій... Можетъ быть, вслѣдствіе ихъ вліянія г. Пилеманъ находитъ въ русскомъ языкѣ такія формы, какъ *пахнуть*,—*пахивать*, *дрематъ*,—*дремливать*, *ждать*,—*жидать*, *жечь*,—*жигнуть* и проч.; оттого же, можетъ быть, онъ полагаетъ, что *ринуть*—есть однократный видъ глагола *рѣять*, что *загонять* имѣетъ еще многократный видъ *заганивать*, и т. п. Будучи внесено въ грамматическое руководство, все это не даетъ особенной надежды на то, чтобы ученики г. Пилемана выучились очень блистательно по-русски. Точно такъ же нельзя ожидать большой пользы отъ помѣщенія на 155—156 стр. полнаго спряженія глагола *шибить*. Авторъ замѣтилъ, правда, что

глаголъ этотъ употребляется только въ сложеніи съ предлогомъ; но вслѣдъ затѣмъ идетъ у него: «настоящее время—*шибу, шибешь, шибетъ*» и проч. Если ужъ брать съ предлогомъ, напр., *ушибу, пришибу*,—то никакъ не выйдетъ настоящаго времени, а будущее. Вообще—теорія глаголовъ сложныхъ съ предлогами очень неудовлетворительна у г. Пилемана.

Странною также оказывается въ примѣненіи къ русскому языку нѣмецкая система распредѣленія и обозначенія звуковъ, которой постоянно держится авторъ. Онъ называетъ *мягкими* (weiche) согласными *б, в, г, д* и проч., а *твердыми* (harte) *п, ф, к, т* и проч. Для нѣмецкаго уха, въ которомъ *дубы* и *тупы* совершенно равносильны, такое опредѣленіе не удивительно; но для русскаго оно очень странно.

Напрасно также г. Пилеманъ, придерживаясь Греча и Ивана Давыдова, называетъ *полугласными* *ъ, ь, й*. Эта нелѣпость давно уже оставлена въ русскихъ грамматикахъ.

Вообще въ составителѣ разбираемой нами грамматики мы не находимъ глубокаго познанія русскаго языка и литературы. Нѣмцы, которые выучатся по этой грамматикѣ, будутъ дѣлать много ошибокъ противъ чистоты и правильности русской рѣчи.

При всемъ томъ мы полагаемъ, что она заслуживаетъ вниманіе по мысли, положенной въ основаніе при ея составленіи. Желаніе осмыслить самыя первыя грамматическія упражненія учениковъ и вести ихъ путемъ практическимъ—посредствомъ примѣровъ и переводовъ, а не зазубриваньемъ склоненій и спряженій,—это желаніе само-по-себѣ уже заслуживаетъ одобренія. Конечно, оно не совсѣмъ удачно исполнено; но это ужъ участь всѣхъ первыхъ попытокъ. По крайней мѣрѣ, утѣшительно то, что старая рутина все болѣе и болѣе разрушается, и новыя начала языкоученія пріобрѣтаютъ все новыхъ послѣдователей.

---

70. Басни и баснописцы русскіе.

Крылова. (?) М. В. Ломоносова. И. И. Хемницера. Н. М. Карамзина. И. И. Дмитріева. (sic). К. Н. Батюшкова. В. А. Жуковскаго. В. Л. Пушкина. А. П. Нахимова. К... Масальскаго. И. Ваненко. Сводъ 144-хъ басенъ русскихъ писателей, начиная съ перваго русскаго стихотворца. Собралъ *Ив. Б. ш. м—въ*. Второе изданіе. Москва, 1858.

Оставляя въ сторонѣ безграмотность заглавія этой сѣренькой книжицы: «Басни и баснописцы русскіе. Крылова и пр.», позволимъ себѣ предложить издателю «свода 144-хъ басенъ» нѣсколько вопросовъ.

Почему этотъ сборникъ названъ «сводомъ»? Что такое «сводилъ» издатель въ этой книжкѣ? Разные варіанты одной и той же басни, какъ, напр., варіанты различныхъ списковъ Несторовой лѣтописи сводятся въ критическомъ изданіи Шлецера? Нѣтъ, у него 144 ба-

сни разныхъ русскихъ писателей и ни одна не повторяется по два раза. Или, можетъ быть, онъ сводилъ различныя выраженія *одной* и *той же* мысли въ формѣ басни у разныхъ писателей? Нѣтъ, напротивъ, онъ старался по возможности избѣгать повторенія одной и той же мысли (см. предисловіе, стр. 3). Или, можетъ быть, онъ принималъ слово «сводъ» въ смыслѣ «куча, толпа, сбродъ»?

Съ какою цѣлью составленъ этотъ, положимъ, *сводъ* 144-хъ басенъ? Этою книгою автору «желалось бы показать (говоритъ онъ въ своемъ предисловіи) начало, постепенное возрастаніе и совершенствованіе нашего *стихосложенія*». Тутъ что-нибудь да не такъ. Всякій ученикъ знаетъ, что «стихосложеніемъ» называется размѣръ, внѣшняя фактура стиха, а такъ какъ въ басняхъ встрѣчается очень мало разнообразія въ этомъ отношеніи, то какимъ же образомъ показывать на нихъ возрастаніе «стихосложенія»? Не разумѣлъ ли собиратель подъ словомъ «стихосложеніе» вообще поэзію, стихотворство? Но ходъ нашей поэзіи въ такомъ только случаѣ можно бы показать «сводомъ» басенъ, когда бы наши стихотворцы ничего, кромѣ басенъ, не писали, или, по крайней мѣрѣ, когда бы басня была у насъ господствующимъ родомъ литературы.

Но, кажется, и самъ собиратель понималъ, что съ ходомъ литературы можетъ познакомить только такой сборникъ, въ которомъ были бы указаны замѣчательнѣйшія произведенія во всѣхъ родахъ словесности. Къ такимъ сборникамъ принадлежатъ хрестоматіи, и въ особенности историческія, въ родѣ тѣхъ, какія печатаются въ настоящее время г. Буслаевымъ для древняго періода нашей литературы и г. Галаховымъ для новаго.

Зачѣмъ же, наконецъ, нуженъ сводъ басенъ?

«Вотъ что можно отвѣчать на это (говоритъ собиратель въ своемъ предисловіи): *Сборники хороши сами по себѣ, а при нихъ имѣть и „Сводъ Басенъ“ дѣло не лишнее*».

Послѣ такого убѣдительнаго резона намъ остается только молчать и слушать. Послушаемъ, что говоритъ о своемъ трудѣ самъ собиратель:

«*Стараніе въ выборѣ басенъ* (говоритъ онъ) *было таково*: *чтобы*, во-первыхъ, по возможности не повторять одной и той же мысли,— что нерѣдко встрѣчается въ переводныхъ басняхъ; во-вторыхъ, *чтобы басни имѣли смыслъ, который не зародитъ излишняго вопроса* (?!), если бы даже эта книга попала въ руки дѣтямъ; третье, здѣсь выборъ басенъ—*не самонадѣянно сказать хорошихъ* (?), а такихъ, которыя рѣже встрѣчаются въ сборникахъ; четвертое—*что басни нѣкоторыхъ русскихъ баснописцевъ, избраны по возможности тѣ* (!), въ коихъ изложены мысли, собственно русскимъ баснописцамъ принадлежащія, а не заимствованныя изъ иноземныхъ писателей».

Не говоря о грамматическихъ и логическихъ красотахъ этого мѣста, которыя могли бы представить пищу сатирическому уму, считаемъ болѣе полезнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ мы понимаемъ вообще сборники образцовъ по какимъ бы то ни было отдѣламъ литературы. Во-первыхъ, при составленіи подобныхъ сбор-

никовъ не должно быть упускаемо изъ виду педагогическое, а не другое какое-нибудь ихъ назначеніе. Во-вторыхъ, они должны составляться примѣнительно къ той цѣли, для которой назначаются. Такъ, напр., сборникъ басенъ можетъ назначаться: или [1]) въ пособіе при изученіи теоріи басни въ историческомъ ея развитіи,—и въ такомъ случаѣ онъ долженъ прежде всего представить первоначальный видъ басни (животный эпосъ) и потомъ указать ея послѣдовательныя измѣненія, начиная съ Эзопа и Федра до нашихъ дней; или 2) въ пособіе при изученіи исторіи русской литературы,—и въ такомъ случаѣ долженъ представить самыя замѣчательныя басни русскихъ баснописцевъ въ хронологическомъ порядкѣ, которыми бы они характеризовались; или 3) для такъ называемыхъ умственныхъ упражненій,—и въ такомъ случаѣ онъ долженъ вмѣщать въ себѣ по нѣсколько басенъ на одну и ту же тему; или наконецъ 4) просто для чтенія,—и въ такомъ случаѣ онъ долженъ принять въ себя только тѣ басни, которыя могутъ назваться образцовыми.

Но пока найдется человѣкъ со вкусомъ и съ знаніемъ (conditio sine qua non), который добросовѣстно употребитъ свое время на этотъ полезный трудъ, считаемъ обязанностью предупредить тѣхъ, до кого это дѣло касается, чтобы они не слишкомъ довѣрчиво увлекались заглавіемъ этого пресловутаго «Свода», больше всего заботившагося о томъ, «чтобъ басни имѣли смыслъ, который не зародитъ излишняго вопроса», и своимъ выборомъ дѣйствительно достигшаго этой цѣли. Вотъ у него какія басни:

ЗЕРНО.

Какой-то франтикъ городской,
Увидѣвъ въ полѣ трудъ людской,
Какъ пашню всю каткомъ катали,
Сказалъ: „Прощай, зерно! тебя совсѣмъ стоптали;
Вотъ пашня здѣсь, какъ будто булеваръ!
Лишь стоитъ обнести рѣшеткой".
Но хлынулъ ливмя дождь, съ земли поднялся паръ
И черезъ день вся нива стала щеткой.
Кого въ сердцахъ фортуна гнетъ,
И подъ соломенной велитъ жить крышей,
Не безъ надежды тотъ:
Лишь взглянутъ милостиво свыше,
И нашъ бѣднякъ, какъ зернышко, взойдетъ (!).

Это нравоученіе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о тѣхъ чувствахъ, какими проникнутъ составитель «Свода» и какія можетъ привить этотъ «Сводъ» и юнымъ сердцамъ своихъ читателей, если таковые окажутся. А читатели (или, по крайней мѣрѣ, покупатели) у него должно-быть есть: черезъ три года понадобилось новое изданіе. Первое вышло въ 1855 г., и нынѣ снова является безъ малѣйшихъ измѣненій, несмотря на замѣчанія, какія были сдѣланы на его счетъ при первомъ появленіи. Надобно полагать, издатель увѣренъ, что—сойдетъ и такъ! Можетъ быть, предположеніе его и сбудется, какъ

оно сбывается у насъ и во множествѣ другихъ всякаго рода спекуляцій. Но кого тутъ надобно больше винить: тѣхъ ли, кто пользуется довѣрчивостью и неразборчивостью публики, или публику, которая позволяетъ себѣ излишнюю довѣрчивость и не даетъ себѣ труда разобрать хорошенько, что ей предлагаютъ за ея деньги?

---

71. Новый кодексъ русской практической мудрости.

(Наука жизни, или какъ молодому человѣку жить на свѣтѣ. Ефима Дыммана. Спб. 1859).

Время отъ времени являются у насъ мудрецы, желающіе быть руководителями молодыхъ людей на жизненномъ поприщѣ. Большею частію это бываютъ люди, искушенные долгимъ опытомъ жизни и оттого смотрящіе на все нѣсколько мрачно. Иные доходятъ даже до того, что, вмѣсто всякихъ совѣтовъ, предписываютъ только угрозы и побои. Таковъ, напр., долженствующій быть знаменитымъ г. Миллеръ-Красовскій (о которомъ мы говоримъ въ этой же книжкѣ), полагающій всю надежду воспитанія въ *пощечинахъ*. Но не таковъ г. Ефимъ Дымманъ, составившій «Науку жизни». Его направленіе очень мягко и благодушно. О дѣтяхъ, напр., онъ говоритъ слѣдующее:

«Тѣлесно дѣтей никогда не наказывать, въ отвращеніе грубыхъ чувствъ упрямства и ожесточенія. Какова бы ни была вина дѣтей, не дѣлать изъ того ни шума, ни криминала, никогда на нихъ не кричать, и вразумлять ихъ всегда съ ласкою, толкуя имъ тихо и ясно, какъ поступокъ ихъ вреденъ, и какія изъ того могутъ выйти дурныя послѣдствія» (стр. 326).

Вы уже чувствуете расположеніе къ автору за такую гуманность и думаете, что г. Дымманъ далеко ушелъ отъ теорій г. Миллеръ-Красовскаго. Съ точки зрѣнія г. Миллеръ-Красовскаго подобныя мысли должны представляться безумными и отчаянно-либеральными. Какъ! не бить дѣтей! Не кричать на нихъ!! Вразумлять ихъ!! Толковать имъ о вредныхъ послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть ихъ поступокъ!!! Что можетъ быть ужаснѣе для вѣрнаго *рыцаря трехъ пощечинъ*? Какое преступленіе можетъ болѣе этого возмутить его? Навѣрно, г. Миллеръ-Красовскій скажетъ о г. Дымманѣ, что онъ «не заглядывалъ въ жизнь и силенъ однѣми кабинетскими теоріями»; навѣрное сочтетъ его послѣдователемъ «Руссовскихъ плевелъ филантропизма».

Но формы, въ которыхъ проявляется житейская философія, могутъ быть очень разнообразны, нисколько не измѣняя тѣмъ ея существеннаго характера. Прочитавъ «Науку жизни», мы видимъ, что Ефимъ Дымманъ въ сущности не менѣе кого другого уважаетъ молчалинскую теорію умѣренности и аккуратности; безусловное повиновеніе онъ любитъ не менѣе, чѣмъ самъ рыцарь *трехъ пощечинъ*. Но складъ ума г. Ефима Дыммана болѣе дипломатическій, и оттого правила, предписываемыя имъ, никогда не имѣютъ такого же-

стокаго характера и даже въ грамматическомъ отношеніи не столь ужасны, какъ «Основные законы воспитанія» г. Миллеръ-Красовскаго, восхищающагося своими *тремя пощечинами*. Г. Ефимъ Дымманъ отличается чрезвычайнымъ житейскимъ благоразуміемъ и такою гибкостью ума и совѣсти, какой можетъ позавидовать любой дипломатъ. Вотъ отчего и происходитъ видимое различіе его совѣтовъ отъ предписаній мудрецовъ, подобныхъ г. Миллеръ-Красовскому. Но по самой ловкости изложенія «Наука жизни» заслуживаетъ того, чтобы на нее обратить серьезное вниманіе. Въ ней возведено въ систему то, что у насъ обыкновенно дѣлается безсознательно; она представляетъ кодексъ принятой нынѣ житейской нравственности. Съ этой точки зрѣнія она очень любопытна, и мы считаемъ не лишнимъ разсмотрѣть ее съ нѣкоторой подробностью.

Авторъ «Науки жизни», какъ открывается изъ разныхъ мѣстъ книги, служилъ прежде въ военной службѣ; дошелъ до степеней извѣстныхъ, содѣлался старцемъ, былъ женатъ, но теперь живетъ одиноко, имѣя въ домѣ четырехъ человѣкъ: пожилую женщину, въ родѣ ключницы, кучера, повара и лакея, которые безпрестанно между собою ссорятся и *просятъ разсчета* у автора (стр. 242). Но г. Ефимъ Дымманъ и съ этими безпокойными людьми умѣетъ ладить такъ же хорошо, какъ онъ ладитъ со всѣми на свѣтѣ, и въ этомъ-то умѣньѣ со всѣми ладить заключается его искусство общежитія, которое хочетъ онъ передать молодымъ людямъ.

«Наука жизни» заключаетъ въ себѣ именно правила о томъ, какъ ужиться съ людьми, пріобрѣсть общее уваженіе и нажить состояніе. По благожелательности и по добротѣ своего сердца авторъ заботится о мирѣ, тишинѣ и общемъ благополучіи; но опытъ жизни, содѣлавъ его Талейраномъ, научилъ его не предаваться движеніямъ своего сердца. «Прежде всего,—совѣтуетъ онъ юношѣ,—сдѣлай себѣ всегдашнимъ правиломъ: никогда не предаваться своему первому движенію, какъ въ отношеніи людей, такъ и во всѣхъ твоихъ дѣлахъ» (стр. 235). Вы знаете, что и Талейранъ говорилъ то же самое, прибавляя только резонъ: «*потому*, что первое движеніе всегда хорошо». Кажется, что и г. Ефимъ Дымманъ имѣетъ ту же тайную мысль; но онъ не такъ простъ, чтобы высказать ее прямо: опытъ жизни научилъ его быть осторожнѣе и хитрѣе Талейрана. Вслѣдствіе того, онъ и не говоритъ иначе, какъ языкомъ дипломатическимъ. Юноши, которые будутъ читать «Науку жизни», непремѣнно должны имѣть это въ виду. Для того, чтобы лучше понять ее, они могутъ даже составить небольшой объяснительный словарь употребительнѣйшихъ въ ней словъ. Напр., *лицемѣріе* въ «Наукѣ жизни» изображается постоянно подъ видомъ *вѣжливости*, *подлость* — подъ именами *угожденія* и *искательства*, *мошенничество* — называется *ловкостью*, *подозрительность* и *малодушіе—осторожностью*; *кража* всѣхъ видовъ—*пользованіемъ обстоятельствами*, *шарлатанство* — *сноровкою*, и пр. И все это пересыпается, само собою разумѣется, безпрестанными громкими воззваніями о честности, добросовѣстности, братолюбіи, помощи несчастнымъ и т. п. Словомъ, вся книжка составлена чрезвычайно

дипломатически. Разсмотримъ же сущность ея содержанія, имѣя въ виду сдѣланную нами оговорку относительно фразеологіи автора.

Цѣлью жизни поставляетъ г. Дымманъ пріобрѣтеніе житейскаго благополучія, т.-е. общаго почета, обезпеченнаго состоянія и долговѣчности. Средства для этой цѣли предписываются самыя практическія, и при томъ такого свойства, что, по мнѣнію самого автора, «для человѣка слабаго духомъ могутъ показаться трудными». «Но,—продолжаетъ онъ,—зато они вѣрны и дѣйствительны, и мы съ ними совершимъ дѣло чудное: пріобрѣтемъ любовь людей, повелителей міра; *честнымъ образомъ* обезпечимъ себя состояніемъ и будемъ здоровы, счастливы и долговѣчны. А изъ благодарности ко Всевышнему, даровавшему намъ эти средства, будемъ помогать неимущимъ и слабымъ, защищать праваго и невиннаго и стяжаемъ имя людей добрыхъ, честныхъ и благоразумныхъ» (стр. 344). Этими словами оканчиваетъ авторъ свою книгу, и вы видите, что онъ хлопочетъ о добрѣ и честности. Слушайтесь его, и вы будете долговѣчны, богаты и всѣми уважаемы, оставаясь честнымъ человѣкомъ. Авторъ увѣренъ въ этомъ, и, какъ намъ кажется, не напрасно. Съ полнымъ и горячимъ убѣжденіемъ (хотя и нѣсколько витіевато) говоритъ онъ въ началѣ книги: «Прежде приступа къ нашему дѣлу, весьма серьезному и очень далекому отъ всякаго пустословія и отъ всякаго сцѣпленія забавныхъ, скуки ради приключеній, скажу я тебѣ, юноша, что *ни въ чемъ такъ свято и положительно не увѣренъ я, какъ въ пользѣ и добрѣ, приносимыхъ мною въ дань прекрасному нашему юношеству этою книгою:* что ни надъ чѣмъ не трудился я съ такимъ душевнымъ посвященіемъ, какъ надъ нею, и что ничего въ жизни пламеннѣе не желаю я, какъ того, чтобы юное наше поколѣніе вполнѣ ею воспользовалось» (стр. 13). Мы не станемъ до времени выражать нашего мнѣнія о томъ, желательно ли, чтобы въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь воспользовался правилами г. Ефима Дыммана. Но мы смѣло можемъ сказать, что *что принимаетъ конечную цѣль автора*—всеобщее уваженіе и обезпеченное состояніе,—тотъ найдетъ въ его книгѣ много практически полезныхъ совѣтовъ, очень ловко примѣненныхъ къ духу современнаго нашего общества. Представимъ нѣкоторые изъ нихъ нашимъ читателямъ и потомъ посмотримъ, какое значеніе могутъ имѣть они въ русской жизни, между русскими людьми, поставленными такъ, какъ они поставлены при современномъ нашемъ общественномъ устройствѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что г. Дымманъ имѣетъ въ виду людей не обезпеченныхъ и независимыхъ, а такихъ, которые должны чего-нибудь добиться въ жизни. Поэтому онъ очень сильно напираетъ на необходимость людямъ трудиться, сберегать свои силы, не пьянствовать, не возставать противъ начальства, не вѣрить ворожеямъ и сновидѣньямъ, не буйствовать, не предаваться неумѣренно ласкамъ женщинъ и пр. Нельзя не согласиться, что всѣ подобные совѣты очень благоразумны, съ какой хотите точки зрѣнія. Выражаетъ ихъ авторъ очень сильно и подтверждаетъ примѣрами еще болѣе сильными. Напр., вотъ что говоритъ онъ о ласкахъ женщины:

«Я былъ очевидцемъ, какъ одинъ здоровый человѣкъ, предавшись неумѣренно ласкамъ женщины (чему былъ очевидцемъ г. Ефимъ Дымманъ!!.), безъ малѣйшаго страданія вдругъ почувствовалъ безсиліе и ослабленіе памяти, возраставшія всякую минуту, въ такой степени, что на другой день онъ не могъ даже припомнить словъ къ разговору, а на третій его уже не было въ живыхъ» (стр. 340).

Видите,—какъ скоро!.. Есть нравоучительная книжка: «Сорокъ лѣтъ пьяной жизни»; такъ въ той вредъ пьянства доказывается тѣмъ, что человѣкъ, пьянствовавшій *сорокъ лѣтъ*, наконецъ сгорѣлъ... А у г. Ефима Дыммана,—какъ только человѣкъ предался неумѣренно ласкамъ женщинъ, такъ на другой же день память потерялъ, а на третій ужъ и Богу душу отдалъ... Примѣръ, въ самомъ дѣлѣ, поразительный.

Но, кромѣ отрицательныхъ совѣтовъ, г. Дымманъ даетъ юношѣ и положительныя правила. Сущность ихъ заключается, какъ онъ самъ говоритъ, «въ трехъ главнѣйшихъ откровеніяхъ,—*угожденіи, умѣренности* и *трудѣ*» (стр. 287). Всѣ три должны быть тѣсно связаны въ жизни и одно другому помогать. Трудиться долженъ человѣкъ, *угождая* другимъ, чтобы достигнуть цѣли своихъ стремленій; но въ стремленіяхъ всегда долженъ быть *умѣренъ*. Міръ и жизнь, по мнѣнію автора, превосходны. «Какова участь, каковъ удѣлъ человѣка на землѣ!—восклицаетъ онъ.—Цѣлый міръ, вся планета, вся земля дана ему на его пользу, для его наслажденія, для его счастья. Наша жизнь есть радостнѣйшая, прелестнѣйшая жизнь, и цѣлый міръ даровалъ намъ Господь на услажденіе ея» (стр. 132). Надобно только не искать невозможнаго, довольствоваться тѣмъ, что есть, и не идти противъ людей, нашихъ братьевъ, обладателей міра. «Не слушай неблагоразумныхъ,—совѣтуетъ г. Дымманъ,—которые корчатъ молодца противъ начальства, противъ существующаго порядка. Каковъ бы ни былъ этотъ порядокъ, но, какъ установленіе людское, онъ совершеннымъ быть не можетъ никогда; равнымъ образомъ—съ постепеннымъ просвѣщеніемъ и устройствомъ самаго гражданскаго общества и онъ не можетъ не улучшаться» (стр. 112). Не правда ли, что совѣтъ г. Дымана очень практиченъ и вполнѣ согласенъ съ теоріею угожденія и умѣренности?

Съ тою же послѣдовательностью своимъ началамъ г. Дымманъ разсуждаетъ и о трудѣ. Онъ признаетъ трудъ полезнымъ для здоровья и, кромѣ того, велитъ заботиться объ исполненіи всякой, даже самой ничтожной, обязанности, *потому* что «нѣтъ такой маловажной должности, въ которой неутомимою, всегдашнею дѣятельностью нельзя было бы обратить на себя вниманія и милостей начальства, а за труды не получить награды и повышенія» (стр. 118). Впрочемъ, убиваться надъ работой, заботясь о пользѣ самаго дѣла, г. Дымманъ не заставляетъ. Напротивъ, онъ даетъ такіе совѣты: «дѣла исполняй всегда открыто, *торжественно*, сохраняя всѣ временемъ принятые обряды; это *налагаетъ на исполнителей* (что?) и удерживаетъ ихъ въ строгомъ порядкѣ. *Держись крѣпко формальности*,—она часто наводитъ на важныя обстоятельства и указываетъ ходъ дѣлу. *Ничего не дѣлай на словахъ*, а всѣ дѣла должны быть ясно *изложены на бу-*

мать и облечены въ законную форму, крайне необходимую для справокъ» (стр. 273).

Вообще, какъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, такъ и въ самыхъ совѣтахъ относительно труда г. Дымманъ является, такъ сказать, квіетистомъ. Онъ сознаетъ, напримѣръ, что правда почтенна, что добро дѣлать слѣдуетъ, что трудиться надобно честно, и т. п. Но, поставивъ себѣ цѣлью искусное общежитіе, онъ признаетъ благоразумнымъ и необходимымъ дѣлать уступки принятымъ въ обществѣ требованіямъ, плыть по теченію, не покушаться ни на какія перемѣны. «Правда есть свѣтъ яснѣе солнца, совершенство, свойство Божества! Сладка жертва, приносимая правдѣ, и сладко отстоять ее!»—восклицаетъ г. Ефимъ Дымманъ,—и тутъ же прибавляетъ: «но съ правдой, какъ съ бритвой, надобно обходиться осторожно; въ противномъ случаѣ она зарѣжетъ». По мнѣнію г. Дыммана, человѣкъ, какъ существо разумное, долженъ стремиться къ правдѣ: но, какъ существо ограниченное, слабое, долженъ къ ней стремиться только тогда, когда это *у мѣста* и *кстати*; «во многихъ же случаяхъ надобно укротить свой крикъ противъ неправды и держать языкъ за зубами» (стр. 156—157).

Какъ видите, у г. Дыммана всѣ добрыя стремленія признаются, но только въ той мѣрѣ, въ какой они могутъ достигаться безъ малѣйшаго разстройства заведеннаго порядка. Какъ скоро моя правда или честность могутъ кого-нибудь задѣть или мнѣ самому послужить помѣхою въ моихъ дѣлишкахъ, я воленъ отказаться отъ своей правды, и не только воленъ, но даже долженъ, если хочу показаться г. Дымману неглупымъ человѣкомъ. По его соображеніямъ, очень логическимъ, ясно выходитъ, что умнымъ человѣкомъ нужно считать только того, кто умѣетъ нажить состояніе. Вотъ слова г. Дыммана (стр. 177):

«Можно ли удивляться, когда люди, провѣдавъ, что у кого-нибудь есть много средствъ къ жизни (денегъ), хотя бы безъ всякой надежды получить изъ нихъ и самомалѣйшую частицу, низко тому кланяются и оказываютъ величайшее уваженіе? Не только невозможно, но по самой строгой справедливости нельзя не уважать того, у кого много средствъ къ жизни. потому что если онъ пріобрѣлъ эти средства, или, лучше сказать, этихъ свидѣтелей ума самъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ человѣкъ умный, а умныхъ людей должно уважать. Если же эти средства къ жизни онъ не самъ пріобрѣлъ, а получилъ ихъ по наслѣдству, то, изъ уваженія какъ къ его умному дѣду и прадѣду, ихъ пріобрѣтшимъ, такъ равно и къ самымъ этимъ, въ его распоряженіи находящимся средствамъ, нельзя не уважать его.

«Чрезвычайно много есть людей, пользующихся въ свѣтѣ репутаціею умныхъ, которые, пройдя поприще своей жизни, живутъ въ большой бѣдности, то-есть безъ средствъ къ жизни. Въ великость ума этихъ людей я вѣрить не могу, какъ потому, что истинно умный человѣкъ долженъ скорѣе и ловче найтиться къ пріобрѣтенію средствъ къ жизни, какъ самой необходимѣйшей потребности къ существованію, чѣмъ глупый; такъ и оттого, что гораздо легче прослыть въ свѣтѣ глупому—умнымъ, чѣмъ честнымъ образомъ (!) нажить состояніе: только ловко пусти людямъ пыль въ глаза, то они тебя и запишутъ въ умницы, ибо это имъ ничего не стоитъ; но чтобы отъ нихъ получить средства къ жизни, то надобно по крайней мѣрѣ

пустить имъ пыль въ глаза золотую. Я самъ не богатъ именно оттого только, что во время моей дѣятельной жизни не довольно былъ смѣтливъ».

Авторъ «Науки жизни» хлопочетъ однако же о томъ, чтобы нажить состояніе не иначе, какъ *честнымъ образомъ*. Взяточничество, казнокрадство, грабежъ, дѣланіе фальшивой монеты—онъ признаетъ дѣяніями преступными и низкими. Но что же онъ разумѣетъ подъ *честнымъ* наживаніемъ состоянія? Опять ту же угодливость, умѣренность и аккуратность. Онъ говоритъ, что «хитрое поле житейское мы должны пройти въ полной и непосредственной зависимости отъ людей, нашихъ непостижимыхъ братьевъ, и *непремѣнно* по ихъ кодексу, называемому общежитіемъ... Это хитрое общежитіе, базисъ нашей жизни, есть *тончайшее*, какое только могъ придумать людской умъ, *поведеніе человѣка* въ отношеніяхъ его къ людямъ всѣхъ сословій и состояній» (стр. 189). Понимаете ли дипломатику науки жизни, по г. Ефиму Дымману: грабежъ и взятки—довольно грубыя средства обогащенія, и потому они не приняты въ общежитіи, которое состоитъ въ *тончайшемъ поведеніи*. Именно этому *тончайшему* поведенію тончайшимъ образомъ и учитъ г. Дымманъ. Вотъ нѣкоторыя черты его.

При первой встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ всегда нужно смотрѣть, не переодѣтый ли это разбойникъ или неблагонамѣренный фискалъ. Это правило выражено у г. Дыммана на 235 стр. слѣдующимъ образомъ:

«Вмѣни себѣ въ неизмѣнный законъ, при первомъ знакомствѣ съ какимъ бы то ни было человѣкомъ, тотчасъ спросить себя самого и слѣдить внимательно о томъ, точно ли тотъ, кѣмъ онъ называется и кого собою представляетъ: можетъ быть, это переодѣтый мошенникъ, плутъ, разбойникъ, неблагонамѣренный фискалъ, который хочетъ отъ тебя что-нибудь вывѣдать и вовлечь тебя въ худое дѣло, обыграть или обворовать, или инымъ какимъ-нибудь образомъ сдѣлать тебѣ несчастіе».

И не только съ незнакомыми, но и вообще съ людьми надобно быть крайне осторожнымъ:

«Будь всегда какъ можно болѣе осторожнымъ съ людьми и во всѣхъ дѣлахъ. Но болѣе всего надобно осторожности въ словахъ: никогда ни съ кѣмъ не говори о политикѣ и не разсуждай о Правительствѣ; это самый опасный разговоръ; въ немъ могутъ представить твои слова совсѣмъ въ другомъ видѣ и оклеветать тебя, и черезъ то однимъ разомъ можешь ты безвинно потерять все и даже самую жизнь» (стр. 239).

Въ служебной дѣятельности г. Дымманъ предписываетъ — въ одну сторону покорность, въ другую—строгость.

«Въ отправленіи своей обязанности безпрестанно помни, и всегда надъ ними трудись, два главныхъ обстоятельства: 1) безусловно угождать своему начальнику, и 2) держать всѣхъ подчиненныхъ въ порядкѣ и повиновеніи.

«Для этого первымъ твоимъ долгомъ будетъ узнать въ точности и подробнѣйшимъ образомъ все свое начальство, порознь каждаго: ихъ методу по службѣ, характеръ, правила, образъ мыслей, ихъ слабости, семейную жизнь и связи. Потомъ, каково бы ни было твое начальство, хорошо или худо, долженъ ты, соображаясь съ обстоятельствами, дѣйствовать такъ, чтобы всенепремѣнно сни-

скать его доброе къ себѣ расположеніе, потому что если начальство тебя не жалуетъ, или имѣетъ о тебѣ дурное мнѣніе, то твоя служба пропала, хотя бы ты и былъ геніемъ своего дѣла и исполнялъ его наилучшимъ образомъ. Болѣе всего въ этомъ случаѣ надобно ладить съ окружающими твоихъ начальниковъ, потому что, хотя и можно временно пріобрѣсти милостивое расположеніе начальника безъ ихъ пособія, но, при малѣйшемъ ихъ къ тебѣ неблагопріятствѣ, какъ бы начальникъ твой ни былъ совершенъ, правдивъ и строгъ, они непремѣнно найдутъ случай его противъ тебя вооружить».

Съ подчиненными г. Дымманъ совѣтуетъ обходиться ласково и справедливо, но только не позволять имъ непокорности. «Если въ комъ-нибудь изъ твоихъ подчиненныхъ замѣтишь ты *хотя малѣйшую тѣнь непокорности, неблагонамѣренія или невниманія къ твоей власти*, то слѣди за всѣми его дѣйствіями, особенно и неупустительно всякую минуту». Если онъ тотчасъ раскается, то на первый разъ можно простить его, и только продолжать слѣдить за нимъ. Но, «несмотря ни на какую личину преданности, если ты замѣтишь за твоимъ подчиненнымъ *самомалѣйшее недоброжелательство или непокорность* въ другой разъ, то представь объ немъ начальству, какъ *о человѣкѣ неблагонамѣренномъ и для службы вредномъ*» (стр. 268).

Заботливость г. Дыммана о юношѣ не ограничивается общественной его дѣятельностью, а проникаетъ и въ жизнь семейную: онъ даетъ наставленія относительно женитьбы. Нельзя не поблагодарить его за тѣ золотыя правила, которыя предписываетъ онъ молодымъ людямъ. «Женись,—говоритъ,—никакъ не ранѣе 35 лѣтъ, *потому* что, женившись моложе (напр., 34-хъ лѣтъ), могъ бы ты имѣть *пятнадцать и болѣе* дѣтей, что составило бы тебѣ тяжкое обремененіе» (стр. 306). «Выбирая жену, совѣтуйся съ людьми почтенными. Если ты бѣденъ, то не женись на дѣвушкѣ безъ приданаго: это есть злодѣйство хуже разбоя, криминалъ, непростительное малодушіе» (стр. 301). Но всего драгоцѣннѣе въ этомъ отношеніи глава подъ названіемъ: «Спасайся!». Въ ней заключается слѣдующее мудрое правило: «Случится съ тобою, молодой читатель, что какая-нибудь дѣвица прельститъ тебя, при первой твоей съ нею встрѣчѣ, или что та, къ которой ты былъ сначала равнодушенъ, начинаетъ нечувствительнымъ образомъ тебѣ нравиться, случится непремѣнно, и не одинъ разъ». Что же дѣлать въ такомъ случаѣ?—«Спасайся!» восклицаетъ г. Дымманъ. «Отъ дѣвицы, начинающей нравиться, на которой ты по благоразумію жениться не можешь (а, по г. Дымману, ранѣе 35 лѣтъ всякому *неблагоразумно* жениться, значитъ совѣтъ относится *ко всѣмъ* случаямъ подобнаго рода, бывающимъ *со всѣми* молодыми людьми), нѣтъ другого способа спастись, какъ только отъ нея бѣжать и никогда съ нею не встрѣчаться». «Спасайся, спасайся», повторяетъ авторъ: «уйди изъ того дома и никогда въ него болѣе ни ногой» (стр. 304—305). Истинно-благодѣтельныя наставленія! Совѣтую вамъ, читатель, принять ихъ безусловно. По крайней мѣрѣ, что касается до меня, то я до 35 лѣтъ намѣренъ ими постоянно руководствоваться. Я буду спасаться и спасаться отъ дѣвицъ, которыя мнѣ станутъ нравиться. Иначе,—шутка ли,—я могу, пожалуй, имѣть къ 35 годамъ

«пятнадцать или болѣе дѣтей», что, дѣйствительно, составитъ для меня немалое обремененіе!

Но всего лучше въ книгѣ г. Ефима Дымана тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ *объ искательствѣ и угожденіи*. Тутъ онъ возвышается до самаго восторженнаго паѳоса.

«Угожденіе, угожденіе! (такъ восклицаетъ г. Ефимъ Дымманъ). Божественный даръ, небесный отводъ всѣхъ неудачъ и препятствій, нектаръ отъ жажды, небесная манна отъ голода, всесильное оружіе, равно побѣждающее и сильнаго и слабаго, и добраго и злого, для которыхъ нѣтъ ни врага, ни мстителя!

«Вотъ въ чемъ, юноша, заключается средство самое вѣрнѣйшее изъ всѣхъ, ключъ, свѣтъ, истинный генералъ-басъ науки жизни. Крѣпко и долго подумай надъ нимъ: и если ты будешь въ состояніи в п о л н ѣ его постигнуть и в п о л н ѣ имъ воспользоваться, то въ преуспѣяніи твоемъ я тебѣ порукою» (стр. 214).

И вслѣдъ затѣмъ авторъ начинаетъ излагать извѣстную мораль изъ «Горя отъ ума»:

«Во-первыхъ, угождай всѣмъ людямъ безъ изъятья» и пр.

Въ переложеніи г. Дыммана она представляетъ такой видъ:

«Угождать надобно начальнику и подчиненному, сильному и слабому, умному и глупому, тому, съ кѣмъ дѣлаешь дѣла, и съ кѣмъ, можетъ быть, болѣе не встрѣтишься: своему слугѣ, мужику, всѣмъ и каждому,—в ъ т о м ъ с в я т о м ъ у б ѣ ж д е н і и, ч т о в ъ к а ж д о м ъ ч е л о в ѣ к ѣ, к а к о в ъ б ы о н ъ н и б ы л ъ, л у ч ш е п р и п а с т и д л я с е б я д о б р о е р а с п о л о ж е н і е, чѣмъ ненависть. Врагамъ своимъ нужно угождать вдвое, чтобы ихъ превратить въ своихъ друзей.

«Ты будешь въ отношеніяхъ, а можетъ быть и въ зависимости у г о р д е ц а, о б н а р у ж и в а ю щ а г о к ъ т е б ѣ, в ъ п р и с у т с т в і и в с ѣ х ъ, я в н о е п р е з р ѣ н і е: у н е д о б р о ж е л а т е л я, надрывающагося на твою пагубу; у з а в и с т л и в а г о, который будетъ сохнуть отъ твоихъ удачъ; у ч у д а к а, упорствующаго въ самыхъ б е з у м н ы х ъ и в р е д н ѣ й ш и х ъ сужденіяхъ и поступкахъ; однимъ словомъ, у людей, переполненныхъ такими ч у д о в и щ н ы м и, у р о д л и в ы м и и даже иногда з л о д ѣ й с к и м и влеченіями (къ счастію, такіе люди довольно рѣдки), что они тебя сначала поразятъ и отнимутъ у тебя къ угожденію имъ всякую надежду; но ты бодрости духа не теряй и къ принятію отъ такихъ людей в с е в о з м о ж н ы х ъ н е п р і я т н о с т е й приготовь и предрасположи себя заблаговременно и рѣшительно, на тотъ конецъ, чтобы никакое зло, какъ уже предвидѣнное, не могло тебя поразить. Потомъ дай съ твердостью самому себѣ такой отвѣтъ: «чѣмъ злѣе человѣкъ и его дѣйствіе, тѣмъ болѣе я долженъ изыскать мѣръ и приложить старанія къ тому, чтобы з а с л у ж и т ь его к ъ с е б ѣ д о б р о е р а с п о л о ж е н і е н е п р е м ѣ н н о, и т ѣ м ъ о т в р а т и т ь отъ с е б я в с я к і й, м о г у щ і й п р о и з о й т и отъ е г о з л о с т и вредъ. Наконецъ, вмѣни своему самолюбію въ торжество и славу—с н и с к а т ь р а с п о л о ж е н і е къ себѣ именно того, кому наитруднѣе угодить» (стр. 215).

Вы скажете, что такое угожденіе людямъ негоднымъ, даже *злодѣямъ*, необходимо должно переходить въ подличанье, должно соединяться съ полнымъ отсутствіемъ въ человѣкѣ совѣсти и чести. Вы готовы осудить г. Дыммана, какъ проповѣдника безнравственности. Но не будьте слишкомъ торопливы: г. Дымманъ спѣшитъ предупредить васъ. Онъ самъ не менѣе васъ ненавидитъ обманъ и подлость,

и, вслѣдствіе того, вотъ какъ объясняется съ юношею относительно правилъ общежитія:

«Боюсь я, чтобы ты, юноша, будучи, можетъ быть, очень юнымъ, этого всѣми принятаго общежитія не понялъ превратно и не подумалъ, что надобно сдѣлаться обманщикомъ или коварнымъ лицемѣромъ. Нѣтъ, это двѣ вещи совершенно разныя. Для лучшаго твоего уразумѣнія привожу тебѣ примѣръ: встрѣчаешь ты, положимъ, отъявленнаго недоброжелателя и всемъ дурного человѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ по его отношеніямъ и степени, на которой онъ стоитъ, человѣка спльнаго; то, вмѣсто того, чтобы обнаружить къ нему явную ненависть и отвернуться отъ него, ты долженъ, не показывая къ нему ни малѣйшаго нерасположенія, обойтись съ нимъ учтиво и вѣжливо. Это есть общежитіе. Безстыдные же и безчестные обманъ и коварство суть слишкомъ извѣстные пороки, чтобы имъ приводить примѣры» (стр. 190).

Ясно ли? Отъ васъ требуется только *общежитіе*; а безчестныхъ поступковъ вамъ вовсе не предписываютъ. И отчего же не признать благоразумными и добродѣтельными, напр., слѣдующихъ поступковъ, предписываемыхъ юношамъ г. Ефимомъ Дымманомъ:

«Для вѣрнѣйшаго пользованія обворожительнымъ вниманіемъ, совѣтую тебѣ, юноша, завести, непремѣнно завести книгу, въ которую долженъ ты вписывать, по алфавитному порядку, имена и отчества всѣхъ твоихъ начальниковъ, товарищей и знакомыхъ на тотъ конецъ, чтобы, перечитывая отъ времени до времени, могъ ты каждаго называть по имени и отчеству, что съ твоей стороны будетъ очень учтиво и внимательно, а для тѣхъ, которыхъ ты будешь такъ величать, чрезвычайно пріятно. Сверхъ того, знаніе именъ и отчествъ будетъ тебя часто выводить изъ затрудненія при надобности писать письма къ старымъ своимъ знакомымъ, которыхъ долго не видалъ.

«Примѣръ. Обѣдаешь ли ты у знатнаго лица, и, за столомъ, въ общемъ разговорѣ, какой-нибудь значительный человѣкъ, съ которымъ ты никогда не имѣлъ и не имѣешь прямыхъ сношеній, и самъ не знаешь его имени и отчества, вдругъ при всѣхъ называетъ тебя, человѣка малозначащаго, по имени и отчеству. Вообрази себѣ это живо, и ты поймешь, какъ было бы оно лестно и пріятно для твоего благороднаго самолюбія» (стр. 225).

Въ сношеніяхъ съ людьми нужными и даже ненужными г. Дымманъ совѣтуетъ постоянно похваливать ихъ, такъ какъ «похвала никогда ничего не испортитъ и такъ какъ нѣтъ человѣка, у котораго не было бы чего-нибудь, стоящаго похвалы». «Не опасайся, чтобы кто-нибудь могъ тѣмъ обидѣться, и будь увѣренъ, что какъ бы кто твои похвалы ни принималъ, но послѣдствія всегда выйдутъ одни и тѣ же, т.-е. что онъ къ тебѣ будетъ расположенъ наилучшимъ образомъ. Къ этому еще надобно добавить, что если бы ты въ бесѣдѣ съ кѣмъ-нибудь не находилъ предмета къ разговору, то начинай смѣло хвалить его самого, или его одежду, экипажи, лошадей, домъ и все, что у него знаешь хорошаго. Разговоръ, начатый такимъ образомъ, всякій станетъ продолжать охотно, и всегда за него будетъ къ тебѣ признателенъ. Такова человѣческая природа!» (стр. 254).

Кромѣ похвалы, г. Дымманъ совѣтуетъ пускать въ дѣло и *корысть*, т.-е. невиннымъ образомъ подкупать значительныхъ людей.

«Въ знакомствахъ и отношеніяхъ съ людьми значительными можно съ умомъ и ловкостью употреблять самую ничтожную корысть съ успѣхомъ, напримѣръ: приноровить кстати пріятный сюрпризъ ихъ дѣтямъ, поднести имъ какую-нибудь бездѣлку новаго изобрѣтенія, проиграть самыя незначительныя деньги въ коммерческую игру, и другими подобными угожденіями можно снискать расположеніе самаго безкорыстнаго человѣка» (стр. 252).

Такое практическое правило выведено г. Дымманомъ изъ того наблюденія, что «*къ несчастію*, теперь корысть сдѣлалась сильнѣйшимъ двигателемъ всего человѣческаго рода» (стр. 252).

То же самое замѣчаетъ г. Ефимъ Дымманъ и относительно гордости. Порокъ этотъ онъ считаетъ «до того *безумнымъ*, *отвратительнымъ* и *неприличнымъ человѣку*, что такъ и хочется сказать гордецу: надменный, надутый гордецъ! къ чему ты гордишься? вразумись, заблудшій»... и пр. (стр. 247). Однако-же, юношѣ г. Дымманъ не совѣтуетъ такъ отдѣлывать гордецовъ, а даетъ такое правило: «а гордецами смѣло повелѣвай *однимъ угожденіемъ*; имъ же угождать не трудно: знай *передъ ними разсыпай* пустую похвалу, и сдѣлаешь изъ нихъ что тебѣ угодно» (стр. 248).

Но довольно, кажется. Вы познакомились, читатель, съ «Наукою жизни» и, конечно, исполнились уже благороднаго негодованія къ ея правиламъ. Вы находите, что они безнравственны, что іезуитство и маккіавелизмъ ихъ—возмутительны для честнаго человѣка, для котораго дороги убѣжденія, что житейская дипломатія «Науки жизни» въ сущности есть не что иное, какъ послѣдняя степень нравственнаго и умственнаго растленія... Воспламеняясь благородными чувствами, вы начинаете смотрѣть на автора «Науки жизни», какъ на что-то исключительное, чудовищное, долженствующее пугать людей, вы полагаете, что теоріи его такъ дики, что никого не заразятъ; вы даже свысока удивляетесь, зачѣмъ мы такъ долго останавливаемъ ваше вниманіе на такой ничтожной брошюрѣ безвѣстнаго автора, не имѣющаго ничего общаго съ современными стремленіями нашего общества... Но успокойтесь, читатель, вникните въ дѣло хладнокровно и примите, пожалуйста, во вниманіе нѣсколько *обстоятельствъ*, которыя мы вамъ сейчасъ изложимъ.

Мы сами съ перваго раза возмутились было безцеремонными совѣтами г. Дыммана и готовы были счесть его человѣкомъ отсталымъ, явленіемъ исключительнымъ въ нашемъ обществѣ, которое такъ быстро идетъ по пути прогресса. Но, послѣ нѣкотораго размышленія, мы рѣшительно перемѣнили свой взглядъ. Дѣйствительно, говоря отвлеченно, нельзя не признать вполнѣ справедливымъ то негодованіе, которое человѣкъ, смотрящій со стороны, долженъ почувствовать къ теоріямъ г. Дыммана. Но въ томъ-то и дѣло,—имѣемъ ли мы право поставить себя совершенно въ сторонѣ отъ этихъ теорій. Что касается до насъ, то мы готовы признаться (какъ это ни горько), что въ дѣлѣ нравственности общественной мы не рѣшаемся считать себя совершенно чистыми отъ послѣдованія совѣтамъ г. Ефима Дыммана. Такое признаніе, конечно, вызоветъ у васъ презрительную улыбку. Но не торопитесь: мы въ своихъ недостаткахъ признаемся

такъ смѣло потому вѣдь только, что увѣрены и въ васъ найти тѣ же самые... Да, читатель, кто бы вы ни были, но ежели только вы живете и дѣйствуете среди современнаго русскаго общества, то я смѣло говорю, что вы не можете стоять слишкомъ высоко надъ «Наукою жизни» г. Ефима Дыммана. Скажите, что васъ возмущаетъ въ ней? То, что человѣкъ, повидимому, понимающій и уважающій правду и добро, сознательно приноситъ ихъ въ жертву житейскимъ выгодамъ? Да кто же изъ насъ этого не дѣлаетъ? Кто же изъ насъ беззавѣтно и всецѣло отдается своимъ чистымъ стремленіямъ, не оглядываясь назадъ, не увлекаясь соблазнами міра, не боясь ни гоненій, ни пытки, ни смерти? Гдѣ этотъ рыцарь безъ страха и упрека, гдѣ этотъ человѣкъ не отъ міра сего?

«Гдѣ ты? Откликнись! Нѣтъ отвѣта»...

Всѣ мы, проходя разныя науки, набрались, болѣе или менѣе, разныхъ идей о правдѣ и добрѣ, всѣ мы болѣе или менѣе проникнуты святыми и высокими стремленіями, сочувствуемъ общественнымъ интересамъ. Но вѣдь все то же самое есть и въ г. Дымманѣ: и онъ говоритъ о правдѣ и честности, и онъ совѣтуетъ заботиться о своихъ ближнихъ, даже о подчиненныхъ и слугахъ. «Дѣлай добро всегда, когда это не составитъ для тебя никакого неудобства; будь честенъ и правдивъ постоянно, когда это нисколько не нарушаетъ твоего комфорта»,—это правило проникаетъ собою всю книгу г. Дыммана, и... оно же постоянно выражается въ жизни каждаго изъ насъ. Мы только не имѣемъ добросовѣстности признаться въ этомъ,—ни другимъ, ни даже себѣ самимъ. А развѣ, напр., я, или вы, читатель, не соблюдаемъ той *осторожности въ словахъ*, о которой говоритъ г. Дымманъ на стр. 239? (см. выше). Развѣ мы не встрѣчаемъ безпрестанно въ обществѣ людей, которыхъ признаемъ дурными, вредными, и развѣ мы съ ними не обходимся *вѣжливо*, вмѣсто изъявленія имъ прямо своего нерасположенія? Развѣ не оказываемъ уваженія деньгамъ, оправдывая на практикѣ умозрѣнія г. Дыммана? Развѣ не смѣемся вмѣстѣ съ нимъ надъ «*какой-то дѣвственной совѣстливостью или лучше малодушіемъ*» тѣхъ людей, которые ничего и ни въ комъ не умѣютъ *снискать* себѣ?.. Развѣ мы не ищемъ расположенія начальства, не радуемся вниманію значительнаго лица, не бѣжимъ отъ женитьбы на бѣдной дѣвушкѣ, не желаемъ пріобрѣсти капиталецъ? Не называемъ ли мы утопистами, мечтателями, сумасбродами тѣхъ, кто толкуетъ о счастіи въ хижинѣ, о верховной силѣ истины въ мірѣ, всеобщемъ братствѣ, объ уничтоженіи всѣхъ искусственныхъ преградъ, всѣхъ давящихъ и озлобляющихъ отношеній между людьми? Будемъ же послѣдовательны, сдѣлаемъ простой силлогизмъ изъ слѣдующихъ положеній, неизбѣжно представляющихся нашему вниманію:

Человѣку нужно счастье, онъ имѣетъ право на него, долженъ добиваться его во что бы то ни стало.

Счастье, — въ чемъ бы оно ни состояло примѣнительно къ каждому человѣку порознь,—возможно только при удовлетвореніи первыхъ

матеріальныхъ потребностей человѣка, при обезпеченности его внѣшняго положенія.

При современномъ устройствѣ и направленіи общества не можетъ достигнуть обезпеченности, не можетъ и думать о достиженіи счастья тотъ, кто будетъ во всемъ, постоянно и неуклонно, слѣдовать своимъ высокимъ стремленіямъ, ни разу не уступитъ обычаю и силѣ, не затаитъ своей правды. Извѣстно, что такого человѣка не терпятъ и въ обществѣ и не даютъ ему ходу, какъ безпокойному и опасному вольнодумцу.

Согласны вы принять эти три положенія? Или, можетъ быть, вы скажете, что наше современное общество уже даетъ полный просторъ честнымъ людямъ,—что у нихъ уже не можетъ теперь остаться за душой невысказанной мысли, не можетъ встрѣтить помѣхи задуманное предпріятіе? Неужели вы рѣшитесь сказать это? Въ такомъ случаѣ немного же имѣете вы за душою честныхъ убѣжденій!..

Итакъ, я полагаю, что вы принимаете всѣ три положенія, указанныя выше. Что же изъ нихъ слѣдуетъ? По моему мнѣнію, выводъ не труденъ для человѣка, дѣйствительно уважающаго правду и въ самомъ дѣлѣ желающаго общаго блага. Если настоящія общественныя отношенія не согласны съ требованіями высшей справедливости и не удовлетворяютъ стремленіямъ къ счастью, сознаваемымъ вами, то, кажется, ясно, что требуется коренное измѣненіе этихъ отношеній. Сомнѣнія тутъ никакого не можетъ быть. Вы должны стать выше этого общества, признать его явленіемъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ, уродливымъ и не подражать его уродству, а, напротивъ, громко и прямо говорить о немъ, проповѣдывать необходимость радикальнаго лѣченія, серьезной операціи. Почувствуйте только, какъ слѣдуетъ, права вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самымъ неприметнымъ и естественнымъ образомъ придете къ кровной враждѣ съ общественной неправдой... Тогда-то, и только тогда, можете вы съ полнымъ правомъ считать себя честнымъ человѣкомъ, и вамъ уже возможно будетъ отвергать темныя сдѣлки съ ложью и неправою силою...

Но вы не чувствуете въ себѣ довольно силъ для того, чтобы восстать противъ цѣлаго общества? Вѣдь вы одни, а этихъ людей, съ которыми нужно бороться, такъ много, и они такъ сильны!.. Страшно даже вообразить себя въ открытой борьбѣ съ ними! И что тутъ сдѣлаешь? «Одинъ въ полѣ не воинъ; историческій прогрессъ, торжество правды и свѣта совершается трудно и медленно»... Если такъ, то нечего намъ и говорить съ вами: идите за «Наукою жизни» г. Ефима Дымана. Вѣдь и въ ней толкуется (вы это видѣли), что не нужно возставать противъ заведенныхъ порядковъ: современемъ они сами собою улучшатся, а до тѣхъ поръ надобно пользоваться тѣмъ, что есть. Вѣдь и г. Дымманъ пришелъ къ своей практической мудрости именно вслѣдствіе той основной мысли, что «свѣта намъ не передѣлать, а съ волками жить, такъ надо по-волчьи и выть». Ступайте же за г. Дымманомъ, признайте его своимъ учителемъ и вождемъ; мы не бросимъ въ васъ камня, какъ и въ него не бросаемъ. Но только будьте добросовѣстны: идя за своимъ наставни-

комъ, не прикидывайтесь людьми непоколебимыхъ убѣжденій, не щеголяйте презрѣніемъ къ практической мудрости, излагаемой въ «Наукѣ жизни». Вы можете кричать противъ взятокъ, противъ угнетенія, противъ обмана, тѣлеснаго наказанія и пр., и пр. Всѣмъ этимъ вы недалеко уйдете отъ г. Дыммана, и у него есть совѣты: не брать взятокъ, не драться, не отдавать денегъ въ ростъ, не дѣлать грубости подчиненнымъ и т. п. И все это не мѣшаетъ ему проповѣдывать *умѣренность* и *угодливость*. Вы можете считать это безнравственнымъ и безчестнымъ, сколько вамъ угодно; но всмотритесь пристальнѣе въ собственное поведеніе, и вы увидите, что, на практикѣ, вы безпрестанно дѣлаете именно то, что совѣтуетъ «Наука жизни». Не что иное, какъ молчалинская *умѣренность*, вызываетъ у васъ эти восторженныя похвалы и неистовые клики радости при каждой вашей общественной поправкѣ изъ кулька въ рогожку. Не что иное, какъ *угодливость*, заставляетъ васъ цѣлые годы и десятки лѣтъ сидѣть, сложа руки, и грустнымъ взоромъ смотрѣть на зло и неправду въ обществѣ. Можетъ быть, вы при этомъ и не стремитесь упрочить себѣ состояніе, какъ совѣтуетъ г. Дымманъ; но, во всякомъ случаѣ, вы любите миръ, тишину и комфортъ... Добро и правда существуютъ у васъ только въ умозрѣніи, да и то гдѣ-то далеко на второмъ планѣ. Вы можете смѣло идти рука объ руку съ г. Дымманомъ. Сдѣлайте надъ собой маленькое усиліе и признайтесь, что въ «Наукѣ жизни» возведенъ въ систему только вашъ постоянный образъ дѣйствій.

Но вамъ все еще совѣстно признаться въ этомъ? Вамъ хочется оправдать свой образъ дѣйствій общею человѣческой слабостью, и вы хотите поставить между собой и г. Дымманомъ то различіе, что онъ одобряетъ *искательство*, *угожденіе* и ложь всякаго рода для житейской выгоды, а вы гнушаетесь ими, и только по слабости и вслѣдствіе крайней нужды впадаете въ нихъ сами по временамъ. Но ежели такъ, ежели вы въ самомъ дѣлѣ гнушаетесь тѣмъ поведеніемъ, которое считаетъ похвальнымъ г. Дымманъ, то вашъ долгъ, какъ честнаго человѣка, не потакать себѣ, а принять совершенно противоположный образъ дѣйствій. Пока вы будете съ обществомъ связаны тѣми же отношеніями и интересами, какъ теперь, до тѣхъ поръ вамъ невозможно пріобрѣсти полнаго простора для вашихъ честныхъ, правдивыхъ стремленій; вы необходимо должны будете продолжать свои уступки въ пользу существующаго и укоренившагося зла. Значитъ, первымъ признакомъ того, что вы дѣйствительно гнушаетесь сдѣлками, предлагаемыми въ «Наукѣ жизни», должна служить опять-таки ваша рѣшимость—предпринять коренное измѣненіе ложныхъ общественныхъ отношеній, господствующихъ надъ нами и стѣсняющихъ нашу дѣятельность. И не нужно пугаться того, будто вы одни должны будете бороться съ неправдою цѣлаго міра. Такого геройства вовсе не потребуется. Правда, свѣтъ и счастье нужны всѣмъ; всякій къ нимъ стремится, и всякій остается безъ удовлетворенія въ современномъ обществѣ. Вслѣдствіе этого, всякій чувствуетъ недовольство окружающею его обстановкою, и всякій радъ былъ бы отъ нея избавиться. Разумѣется, каждый отдѣльно боится приниматься за большое дѣло;

но потому-то и надо стараться, чтобы это дѣло изъ сознанія частныхъ лицъ все болѣе и болѣе переходило въ общее сознаніе. Этой цѣли могутъ способствовать и творенія, подобныя книгѣ г. Ефима Дыммана: серьезно и добродушно, въ систематическомъ порядкѣ, съ убѣжденіемъ и даже пафосомъ излагаютъ они кодексъ отвратительной морали, при которой одной только и возможенъ житейскій успѣхъ въ современномъ обществѣ. Всѣ пользуются болѣе или менѣе этой моралью, но никто не хочетъ возводить ее въ правило, обязательное для себя. Прочитавъ книжку г. Дыммана, всякій, у кого сохранился въ натурѣ остатокъ честности, долженъ придти въ состояніе человѣка, который долгое время по слабости характера позволялъ марать себѣ лицо жженой пробкой, поить себя уксусомъ вмѣсто вина и всячески надъ собой издѣваться извѣстному богачу, и который вдругъ прочиталъ о себѣ бумагу, что онъ находится въ кабалѣ у этого богача и необходимо долженъ выносить отъ него всякія оскорбленія. Естественно, что первая мысль, первое движеніе несчастнаго, при всей слабости его характера, будетъ—употребить отчаянное усиліе, чтобы избавиться отъ этой кабалы. Таково же должно быть и впечатлѣніе *откровеній* г. Дыммана на всякаго человѣка, который въ душѣ предпочитаетъ правду лжи, свѣтъ—мраку и общее счастье — страданіямъ огромнаго большинства [претерпѣваемымъ въ угоду немногихъ тунеядцевъ]. И вотъ почему мы такъ долго останавливались на разборѣ этой книги. Мы сочли не безполезнымъ [для людей, слишкомъ заботящихся о сохраненіи нынѣшняго status quo] представить безпристрастное, систематическое изложеніе ихъ нравственности, почерпнутое изъ книги опытнаго старца, Ефима Дыммана. Пусть полюбуются на себя и пусть знаютъ, что истинное достоинство ихъ поступковъ не укрывается отъ людей, вступающихъ въ жизнь съ энергическими надеждами и желающихъ серьезнаго истинно-честнаго дѣла...

---

72. Основные законы воспитанія.

Вкратцѣ изложилъ для семейства и школы *Н. А. Миллеръ-Красовскій*, кандидатъ С.-Петербургскаго университета по факультету историко-филологическихъ наукъ, классный надзиратель при Гатчинскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Изданіе автора. Спб. 1859 г.

[Обращаемъ на эту книжку вниманіе тѣхъ благородныхъ оптимистовъ, которые слишкомъ много мечтаютъ о благотворности нашего университетскаго образованія. Они полагаютъ, что университетскій курсъ самъ по себѣ уже способенъ сдѣлать человѣка гуманнымъ и благороднымъ, придать его мысли ясность, твердость и послѣдовательность, освободить его отъ нелѣпыхъ заблужденій, невѣжественно передаваемыхъ дѣтямъ глупыми нянъками, и пр., и пр. Пусть же они, эти благородные мечтатели, познакомятся съ воззрѣніями и логикой г. Миллеръ-Красовскаго и увидятъ, до какихъ позорныхъ нелѣпостей могутъ у насъ доходить люди, съ успѣхомъ кончившіе курсъ въ университетѣ.

Да, книжка г. Миллеръ-Красовскаго дѣлаетъ такой позоръ высшему нашему образованію, болѣе котораго трудно сдѣлать]. Авторъ самъ себя на заглавномъ листѣ своей книги титуловалъ *кандидатомъ* университета; значитъ, онъ былъ въ своемъ курсѣ однимъ изъ лучшихъ студентовъ. Онъ поступилъ въ классные надзиратели Гатчинскаго института и 12 лѣтъ, какъ видно изъ книги, занимался дѣломъ воспитанія: слѣдовательно, онъ не отвратился отъ науки и просвѣщенія для житейскихъ цѣлей, какъ дѣлаютъ многіе другіе, учащіеся въ университетѣ только *для правъ*, т.-е. для чина. Мало того, онъ и свою воспитательную обязанность исполнялъ не машинально, не изъза того только, чтобы имѣть средства жить какъ-нибудь; нѣтъ — онъ размышлялъ о своемъ дѣлѣ, хотѣлъ осмыслить свое назначеніе, доходилъ до общихъ опредѣленій, наконецъ, даже написалъ и издалъ сочиненіе объ основныхъ законахъ воспитанія. Можно бы, кажется, ожидать чего-нибудь хорошаго. [Рѣшительно, онъ могъ и долженъ былъ принадлежать къ числу лучшихъ студентовъ университета во время своего курса].

А, между тѣмъ, посмотрите, что говоритъ онъ о предметѣ, которому посвятилъ себя спеціально,—о воспитаніи. Въ прошломъ году мы представляли читателямъ образецъ обскурантскихъ, молчалинскихъ понятій изъ диссертаціи другого г. Миллера, Ореста. Но диссертація г. Ореста Миллера, несмотря на свою пошлую бездарность, была, по крайней мѣрѣ, написана довольно грамотно и не рѣшалась пускаться въ практическую сферу, довольствуясь восхваленіемъ молчалинскихъ добродѣтелей только въ теоріи. Г. Миллеръ-Красовскій, основываясь на собственной *двѣнадцатилѣтней* практикѣ, прямо преподаетъ воспитателямъ и юношамъ правила практической дѣятельности, увѣряя, что онъ основывается «на св. вѣрѣ и на самой жизни» (стр. 69). Даже въ газетной публикаціи о своей книгѣ онъ прибавляетъ, что *педагогія краткая эта весьма важна и полезна, потому что изложена по опытности изъ русской жизни*» (см. «Спб. Вѣд.» № 118). Но, несмотря на такую авторскую рекомендацію, какое дикое смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ понятій представляется въ его книгѣ! *Жизни* въ ней нѣтъ вовсе, и видно, что авторъ о жизни вовсе не заботился, сочиняя свои правила: такъ въ нихъ мертво и формально. О *св. вѣрѣ* часто упоминаетъ г. Миллеръ-Красовскій; но и ея внушеніями онъ не пользуется такъ, какъ бы слѣдовало. У него встрѣчаются правила, имъ самимъ придуманныя и отличающіяся чрезвычайно мрачнымъ характеромъ. Мы, конечно, если бы и хотѣли, то никакъ не могли бы упрекнуть автора за нѣкоторыя мѣста, напр., за его общее понятіе о нѣмецкой и русской исторіи, выраженное имъ на стр. 5—6.

«Воспитаніе по цѣли и по содержанію можетъ служить зеркаломъ исторіи каждаго народа. Нѣмцы, напр., воспитывали человѣка, развивая его индивидуальныя силы **не для государства**, а для всего человѣчества. Такое слишкомъ отвлеченное стремленіе теперь оказывается непрактическимъ, какъ въ единичномъ человѣкѣ, такъ и въ цѣлой Германіи, гдѣ, при всѣхъ ея достоинствахъ, недостаетъ единства и сосредоточенности силъ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ Россіи. Богатая исторія русскаго

народа постоянно развивалась изъ двухъ началъ, краснорѣчиво и сильно выражавшихся въ минуты отечественной невзгоды. Это именно нашъ народный девизъ: «за Вѣру и за Царя».

Такія разсужденія должно признавать вполнѣ благонамѣренными, и мы нарочно ихъ выписали, чтобы съ самаго начала дать читателямъ понять, что г. Миллеръ-Красовскій, по своимъ основнымъ убѣжденіямъ, не принадлежитъ къ числу людей *неблагонамѣренныхъ*. То же самое должны мы сказать и о слѣдующемъ мѣстѣ, разсуждающемъ, хотя довольно безграмотно, о храненіи старинныхъ обычаевъ:

«Школьное знаніе отечественной исторіи всегда останется въ молодомъ человѣкѣ мертвымъ, оно не перейдетъ въ его кровь, если семейная дисциплина не заставила его благоговѣть предъ обычаями, нравами и дѣлами,—какъ семейныхъ, такъ и народныхъ предковъ. Тутъ мы понимаемъ не однихъ гербовъ, не громкихъ торговыхъ фирмъ; нѣтъ,— и въ крестьянской избѣ отцы и дѣды должны служить путеводительными точками для молодого поколѣнія. Отъ стариковъ оно должно учиться вѣрно служить Богу и Царю. Эта мысль—основа воспитанія» (стр. 21).

Благочестіе и кроткая благонамѣренность автора выражаются и въ слѣдующемъ мѣстѣ, возставать противъ котораго мы также не смѣемъ:

«И мы говоримъ: воспитывайте естественно, да только въ той мѣрѣ, какъ оно согласно съ законами Св. Церкви и отечества. Дисциплина налагается на насъ свыше, и потому уже вѣрующій человѣкъ не разсуждаетъ, почему оно такъ и не иначе. А если онъ сумѣетъ заглянуть въ человѣческое сердце, такъ онъ дѣйствительно тамъ найдетъ много такого вреднаго и лишняго, что искоренимо одною строгою дисциплиною» (стр. 26).

Чувство патріотизма, котораго нельзя порицать, и смиренія, которому нельзя не удивляться, видно и въ слѣдующей замѣткѣ автора о наградахъ ученикамъ:

«Во Франціи педагогія громкими, щедрыми наградами развиваетъ самолюбіе до тщеславія; у насъ награда дѣйствительная, потому что освящена смиренностію, какъ Св. Церковь и требуетъ этого: она большею частію раздается благословляющею рукою духовной особы» (стр. 41).

Нельзя также не отдать справедливости чувству благочестія, которое согрѣваетъ г. Миллера-Красовскаго, приводя его къ слѣдующимъ положеніямъ, напечатаннымъ въ его книгѣ нарочито-крупнымъ шрифтомъ:

1) Каждое крещеное дитя принадлежитъ Св. Церкви и потому занимаетъ законное мѣсто между міромъ.

2) Каждое крещеное дитя растетъ подъ священнымъ дѣйствіемъ Святыхъ Таинствъ Крещенія, слѣдовательно, оно имѣетъ полное право и на уваженіе міра (стр. 43).

Если строки эти показались вамъ слишкомъ крупны,—вина не наша: такимъ шрифтомъ почтены онѣ у самого автора.

Объясняя свои крупныя положенія шрифтомъ болѣе мелкимъ, г. Миллеръ-Красовскій прибавляетъ:

«Дитя есть Божіе достояніе: отказывать ему въ уваженіи христіанское благочестіе запрещаетъ. Родители разумнѣйшимъ образомъ возбуждаютъ и развиваютъ это чувство,—если, напр., день ангела, день рожденія дитяти всегда празднуются благодарственнымъ молебствіемъ, если дитя получаетъ подарокъ и другія маленькія преимущества. Подъ такимъ направленіемъ дитя пойметъ, что оно также имѣетъ значеніе, также принадлежитъ Церкви и любимо Богомъ» (стр. 43).

Дѣлая честь благочестію автора, эти мысли совершенно согласны и съ общими его воззрѣніями, выражаемыми, напр., въ слѣдующихъ строкахъ:

«Законъ природы ужъ таковъ, что свѣту противорѣчитъ мракъ, теплотѣ — стужа, оазамъ — песчаныя, знойныя степи. Но Творецъ мудро устроилъ все. Поставивъ человѣческій разумъ для уравновѣшиванія и поборенія враждебныхъ физическихъ силъ, Онъ и человѣку также далъ возможность развить разумъ. Человѣкъ отъ Бога получилъ законъ, Его откровеніе и съ тѣмъ вѣрнѣйшее средство побороть собственные зародыши нравственнаго мрака, зноя и холода. Всемірная исторія ясно доказываетъ намъ, что тамъ, гдѣ человѣкъ отступалъ отъ закона, Господь и каралъ его въ той мѣрѣ, въ какой истина нарушалась» (стр. 44).

Но, проводя въ своей книгѣ общія идеи, заимствованныя, по выраженію автора, «изъ русской жизни и вѣры», г. Миллеръ-Красовскій доходитъ до крайностей столь нелѣпыхъ, что трудно повѣрить, чтобы дошелъ до нихъ человѣкъ, съ успѣхомъ кончившій курсъ наукъ въ университетѣ. Онъ постоянно вооружается *на нѣмцевъ* (г. *Миллеръ*-Красовскій!), говоря, что они *омрачены Руссовскими плевелами* (стр. 44) и филантропическими тенденціями и вслѣдствіе того толкуютъ учащимся *про ихъ права.* Это вмѣняется имъ въ большое преступленіе г. Миллеромъ-Красовскимъ, который свои собственныя воззрѣнія развиваетъ вотъ въ какой послѣдовательности:

«Но если же воспитатель долженъ довести питомца,—будущаго гражданина,—до сознанія, что права человѣка преимущественно измѣряются исполненіемъ гражданскихъ обязанностей; и если всякая гражданская обязанность есть не что иное, какъ безусловное подчиненіе нашей индивидуальной воли правительству и отечественнымъ законамъ, то, само собою разумѣется, послушаніе, требуемое воспитателемъ отъ питомца, будетъ основою и гражданскаго послушанія. Самоограниченіе и самоотверженіе—главнѣйшіе дѣйствователи въ воспитаніи: они вырабатываютъ въ молодой душѣ способность подчиняться общенароднымъ цѣлямъ. Этимъ же подчиненіемъ подъ общее мы и въ свою очередь пользуемся общими нравственными, умственными силами и общимъ покровительствомъ, т. е. благостію церкви и государства» (стр. 8).

Сколько можно понять изъ неграмотнаго изложенія, авторъ хочетъ сказать, что человѣка нужно воспитывать единственно для государства. Иначе сказать — нужно подавлять въ немъ личную волю, съ малолѣтства заглушать всякое сознаніе своихъ правъ (кромѣ только приведенныхъ выше празднованій дня ангела, рожденія и пр.) и цѣлью всего воспитанія поставить дисциплину и субординацію. Такъ именно и полагаетъ г. Миллеръ-Красовскій. Въ концѣ книги, сводя къ одному результату всѣ свои положенія, онъ ставитъ четвертымъ основнымъ положеніемъ слѣдующее:

«*Воспитаніе и образованіе, по формѣ и содержанію, не что другое, какъ одно повиновеніе*» (стр. 69).

Даже родительской и дѣтской любви онъ не оставляетъ мѣста въ воспитаніи, безъ дисциплины. Съ циничесой грубостью, съ самымъ варварскимъ неуваженіемъ къ лучшимъ чувствамъ человѣческой природы, г. Миллеръ-Красовскій говоритъ (стр. 27):

«Мы не станемъ болѣе доказывать, что одна дисциплина прочитъ родителямъ дѣтскую любовь; смыслъ ея лучше всего выраженъ непреложною педагогическою истиною:

«Повинуясь, дѣти учатся любить (*но не наоборотъ*)».

Мало этого, г. Миллеръ-Красовскій считаетъ вреднымъ даже то, когда дѣтямъ объясняютъ, почему они должны сдѣлать то или другое. **Не разсуждай, а исполняй!**—огромными буквами напечатано на 33 стр. его книги. И этому (страшному) изреченію предшествуетъ слѣдующее разсужденіе:

«Мы часто замѣчаемъ, что родители облегчаютъ людямъ повиновеніе, убѣждая ихъ въ воспитательской какой-либо необходимости причинами и доводами. Это, въ сущности, то же самое, что освобожденіе отъ всякаго повиновенія, потому что убѣжденное дитя ужъ болѣе не слушается родителей, а причинъ, резоновъ и такимъ образомъ только привыкаетъ резонировать... Слабая мать, слабый воспитатель, поясняющіе дѣтямъ свои требованія резонами и причинами, только снисходятъ на степень покорныхъ слугъ передъ дѣтьми; зато послѣднія нерѣдко и дѣлаются маленькими деспотами. Нельзя вообще допускать, ни подъ какимъ видомъ, идею равенства между воспитывающимъ и воспитанникомъ; оно несогласно съ заповѣдью. Мы, однако, сами часто доводимъ ребенка до грѣха именно тѣмъ, что возбуждаемъ нашими вѣчными резонами въ немъ охоту возражать. Дитя, привыкшее къ возраженіямъ, мало-по-малу усвоиваетъ себѣ право переговоровъ. А что же возраженія, переговоры, какъ не идея равенства!

«Положимъ, убѣжденное дитя дѣйствительно и покорилось необходимости, такъ оно сдѣлало это ужъ не повинуясь высшей волѣ, оно покорилось собственной, самоугодной силѣ сознанія (какъ это печально!) При такомъ направленіи дѣти не только легко лишаются необходимаго, благоговѣйнаго чувства къ воспитателю; они и всю жизнь страдаютъ... Если мы признаемъ истину, что привычка много значитъ, и что человѣкъ всегда и постепенно доходитъ отъ малаго до великаго, то здравое воспитаніе и не допуститъ резоновъ у дѣтей. Оно непремѣнно установитъ для всѣхъ воспитываемыхъ безъ разбора возраста и сословія—разумное правило:

«Не разсуждай, а исполняй!»

Какъ видите, г. Миллеръ-Красовскій вовсе не хочетъ, чтобы дѣти слушались *резоновъ*. Нѣтъ, пусть ихъ слушаются чужихъ приказовъ, не смѣя и думать о томъ, разумны или нѣтъ эти приказы. Повиновеніе, дисциплина—вотъ основа и цѣль воспитанія. А добиться повиновенія можно не пріученіемъ дѣтей къ разумному согласію съ волею воспитателя, къ внутреннему одобренію его требованій, а просто наградами и наказаніями. Награды (т.-е. внѣшнее одобреніе, знаки отличія и т. п.) г. Миллеръ-Красовскій признаетъ необходимымъ и единственнымъ стимуломъ всякой дѣятельности человѣческой. Онъ говоритъ:

«Карамзины, Пушкины, всѣ, кто только не (т.-е. ни) записанъ въ (т. е. на) золотыхъ скрижаляхъ исторіи, навѣрно не возвеличили бы своими дарами человѣческаго достоинства, если бы имъ съ молодости твердили: ты работай, трудись, — но награды не жди! (Какой же награды? Понятіе автора объ этомъ отчасти объясняется слѣдующимъ, тутъ же приводимымъ у него примѣромъ). И геніальный Суворовъ, послѣ безсмертныхъ подвиговъ русскаго оружія въ Италіи, писалъ еще изъ Италіи нашему посланнику при лондонскомъ дворѣ: «пришлите мнѣ подвязокъ» (стр. 38).

Страсть получать знаки отличія и всякія награды очень похвальна съ точки зрѣнія г. Миллеръ-Красовскаго, который высочайшую степень достоинства человѣка поставляетъ *въ смиренности*. Къ пріобрѣтенію *смиренности* долженъ, по его мнѣнію, каждый человѣкъ стремиться, какъ къ идеалу человѣческаго совершенства. Съ одушевленіемъ говоритъ онъ на этотъ счетъ: «Легко можетъ быть, что иной яркій лучъ, иной прекрасный цвѣтокъ въ нашей литературѣ рано померкъ, рано увялъ отъ горделивой воли, отъ недостатка въ благочестивой смиренности. Такъ, напримѣръ, въ произведеніяхъ Лермонтова, любимомъ поэтѣ молодежи, мы находимъ естественную силу и красоту, отголоски величественной кавказской природы; но зато весьма рѣдко встрѣчаемъ въ нихъ нравственную силу—смиренность» (стр. 16). Безъ *смиренности* же человѣкъ погибъ, по мнѣнію г. Миллеръ-Красовскаго; отъ недостатка смиренности и вслѣдствіе «плевелъ филантропизма» германскій народъ много бѣдствовалъ, и «мудрено ли послѣ этого, если Наполеонъ двумя ударами, при Іенѣ и Ауерштедтѣ, покорилъ Пруссію?» (стр. 23). Опасаясь, какъ видно, чтобы и Россію не постигла столь же печальная участь, г. Миллеръ-Красовскій очень подробно толкуетъ о разныхъ наказаніяхъ, посредствомъ которыхъ можно произвести въ дѣтяхъ смиренность и отучить ихъ отъ всякой претензіи на какія-нибудь права. Какъ и слѣдовало ожидать, г. Миллеръ-Красовскій очень одобряетъ розгу, но въ ней онъ видитъ нѣкоторыя неудобства, состоящія въ томъ, что процессъ сѣченія беретъ много времени. Противъ карцера г. Миллеръ-Красовскій возстаетъ рѣшительно, находя, что онъ не убьетъ, а скорѣе «укрѣпитъ молодую грѣшную волю».

«Въ школѣ еще карцеръ играетъ важную роль: онъ, по мнѣнію многихъ педагоговъ, потому полезенъ, что молодой грѣшникъ можетъ на досугѣ удобно обдумывать свою вину. Мы же держимся совсѣмъ другого мнѣнія: наша двѣнадцатилѣтняя практика говоритъ намъ, что продолжительное наказаніе большею частью не только безполезно, но даже способствуетъ зачерствѣнію, озлобленію молодой натуры. Быстрое, моментное дѣйствіе же воспитателя всегда болѣе потрясетъ, чѣмъ систематически задуманные пріемы и способы. Наша главная задача единственно состоитъ въ томъ, чтобы предавать смерти молодую грѣшную волю, а не давать ей на досугѣ, во время длящагося наказанія, укрѣпляться. Это, какъ уже сказано, достигается одною быстротою, основательнымъ, сильнымъ моментнымъ потрясеніемъ» (стр. 50).

Что же разумѣетъ авторъ подъ *сильнымъ моментнымъ дѣйствіемъ*, пользу котораго доказала ему *двѣнадцатилѣтняя практика*? Не розгу, читатель, не розгу: она кажется все еще не довольно

сильнымъ и быстрымъ средствомъ. Двѣнадцатилѣтняя практика убѣдила г. Миллеръ-Красовскаго въ пользѣ другого болѣе дѣйствительнаго способа наказанія, именно—*пощечины*! Въ доказательство благотворности пощечины, или, точнѣе, *трехъ пощечинъ* г. Миллеръ-Красовскій разсказываетъ даже *быль*, которую мы представляемъ читателямъ во всей ея первобытной красѣ, не омрачая ее ни однимъ замѣчаніемъ... По нашему мнѣнію, всякая прибавка, всякій знакъ вопроса много бы отнялъ у этого неподражаемаго разсказа, способнаго возмутить самаго невзыскательнаго человѣка, даже выросшаго въ строгихъ правилахъ старинной бурсы или бывшаго кантонистскаго положенія. Вотъ разсказъ г. Миллеръ-Красовскаго, въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ его книжкѣ, на стр. 53—55.

БЫЛЬ.

«Въ семьѣ отецъ и мать часто давали дѣтямъ своею неладицею соблазнительные примѣры. Не то, чтобы старики вѣчно ссорились; этого не было. Но отецъ, бывало, придетъ домой изъ должности и начинаетъ ворчать на дѣтей и на жену: то нехорошо, третье, десятое. Дѣти, разумѣется, привыкли бояться вѣчно недовольнаго отца и мало-по-малу потеряли любовь къ нему, ласкали одну свою нѣжную, добрую мать. Рѣдкій день не проходитъ безъ отцовскаго наказанія; а дѣти, какъ были лѣнивыя, задорныя, такъ и оставались. Когда отецъ умеръ, для матери ужъ трудно было мудро и твердо править своимъ царствомъ. Одинъ изъ мальчиковъ въ особенности много озабочивалъ ее: два года въ классѣ сидѣлъ и все не зналъ таблицы умноженія. Тутъ надобно было препоручить его опытному человѣку, что и сдѣлали. Учитель слегка началъ свое дѣло, приходилъ въ домъ только на два часа, былъ добръ, мягокъ, ласковъ, какъ слѣдуетъ; потому мальчикъ привыкъ скоро къ порядку, хорошо занимался. Но, увы! черезъ мѣсяцъ старинное упрямство опять появилось: сынокъ попрежнему не слушался матери, спитъ сколько угодно, на каждое замѣчаніе возражаетъ матери, просто не боится. Эта комедія продолжалась недѣлю; мать не хотѣла жаловаться учителю, надѣясь, что ея наставленія вразумятъ упрямца. Однажды учитель приходитъ на урокъ въ 10 часовъ утра и застаетъ все семейство еще за коффеемъ, кромѣ Пети. Мать посылаетъ за Петей,—Петя не идетъ, не хочетъ коффея. Учитель самъ, наконецъ, требуетъ чрезъ меньшого брата Петю къ столу, ему приноситъ отвѣтъ, что Петя не идетъ, и баста. Все замолкло,—мать и дѣти покраснѣли,—учителю также неловко стало. Какъ тутъ быть?—Случай необычайный, а между тѣмъ и для другихъ дурной примѣръ. Учитель, хотя и нехотя, отправляется въ комнату Пети, все надѣясь еще, что грѣшникъ сконфузится, покорится ему. Не тутъ-то было.—Зачѣмъ ты къ коффею не явился?—«Я, я, не хочу!!»—Какъ ты не хочешь?? Вотъ тебѣ!—Петя съ такою быстротою получилъ три пощечины, что совсѣмъ растерялся, заплакалъ, и давай просить у матери прощенія. Нужно замѣтить, что онъ прежде не умѣлъ каяться. Покоренный витязь весь день плакалъ, хныкалъ, но дѣло было кончено. Петя позналъ, что вдаваться въ новую борьбу съ ласковымъ наставникомъ ему не по силамъ и пошелъ себѣ хорошо, сталъ любезнымъ, прилежнымъ воспитанникомъ, нѣжно-любящимъ сыномъ. Если же употребляли розгу, что беретъ больше времени, чѣмъ скорая, **осторожная** пощечина, то мальчикъ 12 лѣтъ имѣлъ бы время собраться съ духомъ,

вынесъ бы казнь и остался бы упрямымъ. Прежніе частые отцовскіе побои вбили въ Петю упрямство; благоразумный безпристрастный наставникъ же основательно вылѣчилъ Петю тремя пощечинами. Кто усомнится или упрекнетъ насъ, что этотъ разсказъ не быль, а выдумка, тотъ навѣрное не заглядывалъ въ жизнь, тотъ силенъ однѣми кабинетскими теоріями. Мы повторяемъ: личность воспитателя много значитъ; она-то и рѣшаетъ самыя трудныя проблемы педагогіи».

Прочитавъ эту быль, припомните, что авторъ самъ—классный надзиратель въ одномъ изъ нашихъ учебныхъ заведеній, припомните его слова, что убѣжденіе относительно моментнаго дѣйствія «сложилось въ немъ такъ твердо и непоколебимо вслѣдствіе *двѣнадцатилѣтней практики*», припомните, что онъ принимаетъ правило: *«не разсуждай, а исполняй»*, и требуетъ безусловнаго повиновенія своей волѣ, признавая, что успѣхъ воспитанія зависитъ отъ личности воспитателя, употребляющаго сильныя моментныя дѣйствія, — припомните все это и пожалѣйте, вмѣстѣ съ нами, объ участи несчастныхъ дѣтей, которыхъ злая судьба бросаетъ въ руки такого воспитателя. Что можетъ быть жалче и безотраднѣе ихъ положенія? Отъ нихъ требуютъ повиновенія; но повиноваться воспитателю по любви къ нему г. Миллеръ-Красовскій считаетъ вреднымъ, повиноваться по убѣжденію въ разумности приказанія тоже считается опаснымъ; представлять возраженія, обнаруживать самостоятельность воли,—это ужъ такое преступленіе, за которое г. Миллеръ-Красовскій караетъ дѣтей «сильнымъ моментнымъ дѣйствіемъ». Бѣдныя, жалкія дѣти! Что-то выйдетъ изъ васъ, когда къ вамъ прилагается постоянно такая система воспитанія!

А между тѣмъ г. Миллеръ-Красовскій—кандидатъ университета по факультету историко-филологическихъ наукъ: свой образъ дѣйствій употребляетъ онъ сознательно и обдуманно; въ «двѣнадцатилѣтней практикѣ по моментнымъ, потрясающимъ дѣйствіямъ» онъ не боится признаться печатно и даже попрекаетъ *кабинетскими теоріями* людей, которые не захотятъ согласиться съ нимъ въ благотворности пощечины или *трехъ пощечинъ*! Что же послѣ этого дѣлается въ тѣхъ темныхъ уголкахъ тѣми темными личностями, которыя о себѣ не печатаютъ?

---

73. Grammaire française simplifiée et mise à la portée des enfants par A. Serpinet.

St.-Petersbourg. 1859.

Мы весьма бѣдны учебниками иностранныхъ языковъ, и потому всякая серьезная попытка устранить хоть отчасти этотъ недостатокъ заслуживаетъ вниманія и признательности со стороны преподавателей. На такую признательность имѣетъ полное право и авторъ этой «Grammaire». Но самое названіе уже показываетъ, что сочиненіе это не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ французскихъ учебниковъ, употребляемыхъ въ нашихъ училищахъ; только по нѣ-

которымъ уклоненіямъ и особенностямъ можно замѣтить, что авторъ желалъ сойти съ большой дороги рутины, догадывался, гдѣ путь, прямѣе ведущій къ цѣли, искалъ его, но, къ сожалѣнію, не нашелъ. «Быть полезнымъ, вотъ чего я желалъ всею душою!» говоритъ онъ въ своемъ предисловіи. Но одного желанія для этого недостаточно; чтобы быть истинно-полезнымъ на педагогическомъ поприщѣ, нужно быть опытнымъ педагогомъ, а учителю иностраннаго языка нужно, кромѣ того, еще хорошо знать потребности учениковъ и языкъ той страны, въ которой онъ преподаетъ. А этого-то г. Серпинѐ и не знаетъ, какъ не знаетъ и большая часть собратьевъ его по родинѣ и по профессіи.

Главное условіе успѣха при преподаваніи дѣтямъ какого-либо языка авторъ полагаетъ *въ упрощеніи грамматики и въ возбужденіи къ ней интереса.* Не желая вовсе оспаривать относительную вѣрность этого мнѣнія, мы, однако, должны замѣтить, что, во-первыхъ, преподаваніе *языка* и преподаваніе *грамматики* не одно и то же; слѣдовательно, успѣхъ перваго не можетъ главнѣйшимъ образомъ зависѣть отъ упрощенія и привлекательности грамматики (по крайней мѣрѣ, первоначальное обученіе иностранному языку вовсе не зависитъ отъ грамматики). Во-вторыхъ, всякая вещь можетъ внушать интересъ только сущностью своей, а отнюдь не случайными прикрасами; грамматика же (мы говоримъ объ учебной, а не ученой) интересуетъ учащихся лишь настолько, насколько облегчаетъ и уясняетъ имъ пониманіе изучаемаго языка, сама же по себѣ она отнюдь не привлекательна ни для дѣтей, ни для взрослыхъ, и потому напрасный трудъ начинять ее побочнымъ интересомъ. Въ-третьихъ, упрощеніе можетъ быть сдѣлано только въ выраженіяхъ, а не въ понятіяхъ, изъ которыхъ многія по отвлеченности своей недоступны дѣтямъ до извѣстнаго возраста; выбирать же изъ грамматики только совершенно понятное дѣтямъ значитъ нарушить цѣлость ея, на что—какъ видно—г. Серпинѐ не рѣшился. Поэтому-то онъ и увѣренъ самъ, что его «Grammaire» непремѣнно канетъ въ Лету, подобно такимъ же сочиненіямъ предшественниковъ его. Упростить и сдѣлать интересною грамматику, по его мнѣнію, «загадка хуже сфинксовой, которая ждетъ своего рода Эдипа». Онъ и не подозрѣваетъ, что «ларчикъ просто открывается». Къ чему, скажите на милость, дѣтямъ грамматика, когда они только-что начинаютъ учиться языку? А для такихъ дѣтей, очевидно, назначена книга г. Серпинѐ. Имъ нуженъ запасъ словъ и выраженій, соотвѣтствующихъ ихъ умственному горизонту, имъ нуженъ живой языкъ, который бы они могли усвоить себѣ и тотчасъ же пустить въ оборотъ, а вы разсказываете имъ объ этомъ, какъ о нѣчто отдаленномъ, недосягаемомъ. «Но если грамматика написана на томъ же языкѣ, который изучается», скажете вы, «то она тѣмъ самымъ уже даетъ необходимый для разговора матеріалъ; передъ всѣми же другими книгами она имѣетъ то преимущество, что вмѣстѣ съ языкомъ знакомитъ и съ законами языка: стало быть, имѣетъ двѣ цѣли». Возраженіе это было бы весьма справедливо, если бъ ежедневный опытъ не показывалъ, что большею частью ни одна изъ

этихъ цѣлей не достигается, и не по той причинѣ, что языкъ грамматики, какъ бы простъ онъ ни былъ, слишкомъ отвлеченъ для дѣтей и непримѣнимъ въ ихъ бесѣдахъ, но просто потому, что за двумя зайцами разомъ гнаться нельзя. Не будемъ, однако, несправедливы къ г. Серпинѐ: у насъ пока и преподаваніе отечественнаго языка начинается или, вѣрнѣе, ограничивается долбленіемъ грамматики; слѣдовательно, преподаватель иностраннаго языка имѣетъ, если не полное право, то, по крайней мѣрѣ, довольно основательную причину придерживаться той же пресловутой методы. Къ тому же, въ «Grammaire simplifiée» не одна теорія языка; есть и много практическаго, истинно-полезнаго матеріала, на который мы желаемъ обратить вниманіе преподавателей.

Сравнивая это руководство, напр., съ грамматикою Нукѐ или Ноэля и Шапсаля (что совершенно одно и то же), нельзя не замѣтить въ немъ большого сходства съ послѣдней, по крайней мѣрѣ, въ недостаткахъ. Во-первыхъ, книга г. Серпинѐ написана также на одномъ французскомъ языкѣ, такъ что при употребленіи ея въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ, гдѣ ученики большею частью незнакомы съ этимъ языкомъ, учитель долженъ взять на себя трудъ переводить содержаніе, если не желаетъ, чтобы ученики долбили наизусть вовсе имъ непонятное. Во-вторыхъ, въ ней то же распредѣленіе грамматическаго матеріала, та же «Introduction», трактующая о томъ, что такое грамматика и какъ раздѣляются буквы, тотъ-же стереотипный порядокъ частей рѣчи, то же совмѣщеніе необходимыхъ правилъ, свойственныхъ одному французскому языку, и вовсе не нужныхъ общихъ правилъ и опредѣленій, извѣстныхъ ученикамъ уже изъ грамматики роднаго языка. Но этимъ, къ счастью, и оканчивается ея сходство съ упомянутыми грамматиками. Ни у Нукѐ, ни у Ноэля и Шапсаля вы не найдете приложенія къ каждой части рѣчи относящихся къ ней синтаксическихъ правилъ; ни у кого изъ нихъ не найдете столько примѣровъ, которые здѣсь—по особенно широкому формату книги—отдѣлены отъ правилъ черточкою, раздѣляющей каждую страницу на двѣ половины, лѣвую и правую, теоретическую и практическую. Эти примѣры, содержащіе большею частью всѣ какую-нибудь здравую мысль, даютъ учителю возможность избѣжать механическаго долбленія грамматики, т.-е. онъ можетъ по усмотрѣнію сдѣлать этимъ примѣрамъ выборъ, употреблять ихъ какъ матеріалъ для переводовъ и, для лучшаго уразумѣнія, присоединять къ нимъ грамматическія объясненія. Но это еще не все: въ концѣ каждой главы помѣщенъ французскій текстъ, разработанный по методѣ Робертсона. И тексты эти составлены не спроста: каждый изъ нихъ примѣненъ къ предшествовавшимъ правиламъ, т.-е. въ немъ находятся примѣры на каждое отдѣльное правило предыдущей главы; затѣмъ, содержаніе его представляетъ связное цѣлое—анекдотъ или разсказъ, и непремѣнно съ моральною тенденціею. Какъ трудно должно быть сочиненіе подобныхъ текстовъ! Нельзя не удивляться терпѣнію г. Серпинѐ, хотя и жаль, что онъ совершенно напрасно ломалъ себѣ голову надъ этою истинно небла-

годарною работою. Гораздо легче для него и гораздо полезнѣе для учениковъ было бы, если бы онъ безъ всякихъ затѣй и натяжекъ составилъ или выбралъ тексты съ любымъ содержаніемъ, но доступнымъ для дѣтей какъ по выраженіямъ, такъ и по мысли. Тогда бы учитель, не желающій начинать языкоученіе съ грамматики, могъ употреблять съ пользою одни эти тексты съ практическими ихъ упражненіями и, смотря по надобности, извлекать изъ нихъ то одно, то другое необходимое правило; теперь же, благодаря стараніямъ автора, почти каждое слово нуждается въ грамматическомъ объясненіи, содержаніе же лишено всякой занимательности, а иногда и здраваго смысла, и пропитано довольно приторной моралью.

При каждомъ текстѣ означены слѣдующія упражненія: 1) *Примѣненіе урока.* а) Сказать анекдотъ наизусть или разсказать содержаніе его; б) написать его наизусть; в) сдѣлать грамматическій разборъ, или вѣрнѣе: найти въ текстѣ примѣненіе правилъ, данныхъ въ предшествовавшей главѣ. 2) *Разговоръ.* Учитель дѣлаетъ вопросы о содержаніи анекдота, а ученикъ отвѣчаетъ словами текста. Затѣмъ идутъ соотвѣтствующіе этимъ словамъ *синонимы, антонимы*, т.-е. слова, противоположныя по значенію, *омонимы и паронимы* (эти послѣдніе совершенно лишни); наконецъ, къ кореннымъ въ текстѣ словамъ прибавлены еще производныя отъ нихъ, а къ производнымъ— коренныя. Все это даетъ поводъ къ разнообразнѣйшимъ и весьма полезнымъ упражненіямъ по языку; жаль только, что и тутъ, какъ и во всей книгѣ, недостаетъ—перевода. Не будь этого недостатка, и «Grammaire» г-на Серпинé вышла бы не въ примѣръ лучше и практичнѣе всѣхъ предшественницъ своихъ.

---

74. Учебникъ русскаго языка для уѣздныхъ училищъ,

составленный *Иваномъ Соснецкимъ.* Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва, 1858.

Первое изданіе «Учебника русскаго языка» было напечатано въ 1855 году, подъ заглавіемъ: «Опытъ учебника русскаго языка при первоначальномъ образованіи». Тогда же въ сентябрскихъ книжкахъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ» были помѣщены рецензіи этого «Опыта», показавшія всю его несостоятельность. Въ обоихъ журналахъ было указано множество ложныхъ опредѣленій, фальшивыхъ правилъ, противорѣчій и невѣрностей, которыми наполненъ этотъ учебникъ и которыя до очевидности доказывали, что автору его не знакома ни историческая, ни философическая грамматика. «Современникъ» поспѣшилъ предостеречь публику отъ употребленія этого учебника, говоря, что «такой учебникъ не только не принесетъ никакой пользы, но произведетъ даже существенный вредъ, оставивъ въ головѣ учениковъ грамматическую путаницу».

Въ 1856 году этотъ учебникъ былъ введенъ, въ видѣ опыта, въ Московскія уѣздныя училища, «а въ 1857 году (какъ говоритъ предисловіе г. Соснецкаго ко второму изданію) г. попечитель Московскаго

учебнаго округа (тогда попечителемъ былъ генералъ-адъютантъ В. И. Назимовъ), *на основаніи успѣховъ въ русскомъ языкѣ, оказанныхъ учениками Московскихъ уѣздныхъ училищъ*, разрѣшилъ употребленіе этой книги въ уѣздныхъ училищахъ Московскаго учебнаго округа».

Ясное доказательство, что между достоинствами употребляемаго руководства и успѣхами учениковъ нѣтъ никакого отношенія. Ученики могутъ оказать успѣхи и при плохомъ руководствѣ; но мы не имѣемъ никакой причины думать, чтобы при хорошемъ руководствѣ эти успѣхи должны были уменьшиться, и потому все-таки желаемъ, чтобы въ нашихъ училищахъ употреблялись хорошія, а не плохія руководства. Если при всѣхъ ошибкахъ и невѣрностяхъ, представляемыхъ первымъ изданіемъ учебника г. Соснецкаго, учившіеся по этому руководству ученики Московскихъ уѣздныхъ училищъ оказали успѣхи въ русскомъ языкѣ, то намъ кажется, что оказали бы еще больше успѣховъ, если бы этихъ ошибокъ и невѣрностей не было въ учебникѣ.

Но г. Соснецкій, кажется, смотритъ на это дѣло иначе; онъ, вѣроятно, полагаетъ, что успѣхи учениковъ произошли именно отъ ошибокъ его руководства. Онъ не исправилъ и половины тѣхъ погрѣшностей, которыя были ему указаны двумя журналами. Укажемъ нѣкоторыя диковинки, и нынѣ (при 2-мъ изданіи) украшающія этотъ учебникъ, введенный въ Московскія уѣздныя училища:

«Буква *ѣ* пишется въ нарѣчіяхъ *гдѣ*, *вездѣ*, *здѣсь*—которыя *сложены* съ частицею *дѣ*» (стр. 169). «Если слово *простое*, надобно писать *з*, напр., *здѣсь* и др.» (стр. 197).

Итакъ, одно и то же нарѣчіе *здѣсь* на одной страницѣ было сложнымъ словомъ, а на другой обратилось въ простое?

«Если мы назовемъ предметъ и скажемъ объ немъ что-нибудь, то это называется *рѣчью или предложеніемъ*» (стр. 9).

Стало-быть рѣчь и предложеніе—одно и то же.

На стр. 136-й предложенія *да* и *нѣтъ* попрежнему оставлены въ числѣ нарѣчій.

Виды глаголовъ попрежнему перемѣшаны. Такъ, по мнѣнію г. Соснецкаго, отъ глагола *хочу* будущее время будетъ *захочу*, отъ глагола *ѣду—поѣду* (стр. 121 и 124).

«Есть такія слова, *которыя чаще пишутся з*, хотя встрѣчаются и съ буквою *ъ*: *близъ*, *межъ*, *ужъ*, *жъ* (*же*)» (стр. 202).

Не говоря уже о безграмотности самаго выраженія: «*которыя пишутся з*», ужели г. Соснецкій думаетъ, что ученикамъ очень нужно знать, часто или нечасто пишется какое-нибудь слово ошибочно? Кажется, имъ интереснѣе знать, какъ его *должно* писать?

Говоря о существительныхъ, имѣющихъ двоякое множественное число, г. Соснецкій упорно продолжаетъ утверждать, что *каменья* означаютъ только драгоцѣнные камни (стр. 63), а *колья*—бываютъ только у растеній (стр. 65). Ему нипочемъ даже авторитетъ Пушкина, на который ему указывали «Отечественныя Записки», приводя изъ «Анжело» стихъ: «Что если дѣвица, *колья* преклоня...»

«Частицы *пере*, *мере*, *тере* и т. п. всегда пишутся буквою *е*: запереть, умереть, вытереть и др.» (стр. 162).

Итакъ, г. Соснецкій упорствуетъ и въ этомъ знаменитѣйшемъ изъ своихъ открытій въ области русскаго *языка!* Итакъ *пере, мере, тере*—частицы!

Свадьбу онъ попрежнему производитъ отъ глагола *сводить* (стр. 196). Должно быть, это производство кажется ему болѣе назидательнымъ для юныхъ учениковъ.

«Дополненіе, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ (?), *не можетъ* быть при подлежащемъ» (стр. 226). «Даже и тогда, когда подлежащимъ бываетъ глаголъ дѣйствительный: и въ такомъ случаѣ *дополненія, по необходимости стоящія при подлежащемъ*, могутъ быть обращены въ опредѣленія» (стр. 227).

Можетъ ли оно или не можетъ быть обращено въ опредѣленіе, это ничего не значитъ, а дополненіе все-таки остается дополненіемъ, пока не обращено во что-нибудь другое. А главное-то дѣло въ томъ, что въ учебникѣ не должно быть противорѣчій. Какъ прикажете согласить разнорѣчивыя показанія г. Соснецкаго, что дополненіе и не можетъ быть при подлежащемъ, и стоитъ при немъ иногда по необходимости?

Нѣтъ! Должно быть, г. Соснецкій твердо вѣритъ въ необходимость ошибочнаго и безтолковаго руководства для того, чтобы ученики Московскихъ уѣздныхъ училищъ оказывали успѣхи.

---

75. Краткая священная исторія ветхаго завѣта,

составленная по программѣ, изданной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, для преподаванія Закона Божія въ гимназіяхъ, и по указаннымъ въ ней руководствамъ, *А. О.* Кіевъ. 1858.

Голословность, сухость и малопримѣнимость къ дѣтскому возрасту составляютъ главнѣйшій недостатокъ, отъ котораго страдаетъ едва ли не большая часть нашихъ дѣтскихъ учебниковъ. А все это происходитъ отъ того, что у насъ разомъ хотятъ выучить мальчика всему. Это замѣчаніе вполнѣ можетъ быть приложено и къ разсматриваемой нами священной исторіи.

Вмѣсто того, чтобы познакомить дѣтей съ событіями ветхозавѣтной исторіи въ легкомъ и связномъ разсказѣ, г. А. О. вздумалъ преподать имъ исторію ветхозавѣтной церкви, съ указаніемъ на отношенія ея къ новозавѣтной, изложилъ исторію церковныхъ обрядовъ, распространился о священныхъ книгахъ и даже сдѣлалъ изъ нихъ выписки, которыя едва ли пойметъ и самый смышленый мальчикъ. Мало того,—онъ пускается иногда въ такія догматическія тонкости, которыя рѣшительно недоступны для дѣтскаго пониманія. Таково его объясненіе, въ чемъ состоятъ образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ и какими послѣдствіями для души сопровождалось паденіе первыхъ человѣковъ. Авторъ предполагаетъ, что мальчикамъ отъ 10 до 13 лѣтъ давно уже извѣстны и опытная психологія, и правила христіанскаго нравоученія, и даже аскетика и герминевтика... Очевидно, результатомъ обученія по такому учебнику должно быть незнаніе священной

исторіи ветхаго завѣта, смутность пониманія и самыхъ простѣйшихъ вещей, благодаря схоластицизму и ученой богословской терминологіи. Это не учебная книга для дѣтей, а скорѣе подробный конспектъ церковно-библейской исторіи митрополита Филарета, которая можетъ быть понятна только для взрослыхъ и притомъ уже знакомыхъ съ началами наукъ богословскихъ.

---

76. Бесѣды съ дѣтьми.

А. А. Пчельниковой. Часть II, III, IV. Спб. 1859.

Прекрасное изданіе г-жи Пчельниковой, о которомъ мы упоминали въ библіографіи 5-го № нашего журнала, дѣятельно продолжается, отличаясь тѣмъ же разнообразіемъ, простотою и занимательностью, какія замѣчены были нами въ первомъ выпускѣ. Въ вышедшихъ теперь новыхъ трехъ выпускахъ продолжаются англійскіе уроки по методѣ Робертсона и, кромѣ того, начаты по той же методѣ уроки французскіе. Они ведутся съ тою же простотою и искусствомъ, какъ и первый урокъ; но намъ кажется, что если г-жа Пчельникова захочетъ довести ихъ до конца, то они займутъ слишкомъ много мѣста въ «Бесѣдахъ». Бесѣды эти, какъ теперь оказывается, не назначаются собственно для дѣтскаго чтенія, а должны только служить матеріаломъ для разговоровъ старшихъ съ дѣтьми. Въ этомъ отношеніи «Бесѣды» превосходны: и выборъ предметовъ, и способъ ихъ изложенія могутъ постоянно служить образцомъ для воспитателей, затрудняющихся, какъ вести дѣтское обученіе. Въ разсказахъ г-жи Пчельниковой очень удачно выбраны предметы, могущіе служить для *нагляднаго обученія* дѣтей; такъ, во второй книжкѣ описана столярная со всѣми инструментами и принадлежностями столярнаго мастерства; въ третьей объяснены явленіе радуги и гармонія цвѣтовъ; въ четвертой изображены домашнія животныя. Все это поясняется картинками, сдѣланными очень отчетливо. Въ текстѣ замѣтили мы нѣкоторую книжность выраженія; но умный воспитатель, для котораго книжка г-жи Пчельниковой будетъ служить темою, легко сумѣетъ поправить этотъ недостатокъ. Такъ же точно могутъ быть полезны и разсказы изъ естественной исторіи, и пословицы, и сказочки, и даже назидательныя повѣсти: всѣ они могутъ служить облегченіемъ родителямъ и воспитателямъ въ выборѣ предметовъ для бесѣдъ съ дѣтьми. Но нельзя того же сказать о цѣломъ курсѣ двухъ языковъ, представленномъ въ видѣ бесѣдъ. Три-четыре урока могли быть помѣщены въ видѣ образчиковъ; но далѣе тянуть ихъ въ каждомъ выпускѣ, кажется, ужъ не нужно. Манера преподаванія съ достаточной ясностью показана уже и въ первыхъ урокахъ; а пѣлый курсъ языка въ «Бесѣдахъ» обошелся бы слишкомъ дорого. Каждая книжка ихъ стоитъ 75 к. с.; слѣдовательно, если, напримѣръ, курсъ англійскаго языка ограничить даже только 20-ю уроками, такъ и тогда окажется, что за него придется заплатить 15 цѣлковыхъ. Имѣя это въ виду, г-жа Пчельникова, конечно, не будетъ наполнять своихъ «Бесѣдъ» уроками языковъ по

Робертсоновой методѣ, а помѣстить въ нихъ что-нибудь новое и болѣе нужное для разговоровъ воспитателей съ дѣтьми. Если же она хочетъ оказать услугу дѣтямъ и по части языкознанія, то гораздо лучше ей составить и издать отдѣльно руководство для изученія англійскаго и французскаго языковъ. Руководства эти не нужно будетъ печатать на такой превосходной бумагѣ и съ той типографской роскошью, какъ печатаются «Бесѣды»; слѣдовательно, они будутъ стоить несравненно дешевле, и притомъ каждый урокъ не будетъ отдѣляться отъ другого такими длинными промежутками, какъ это дѣлается теперь при изданіи «Бесѣдъ».

---

77. Деревня.

Разсказы для юношества о сельской природѣ и о сельскомъ бытѣ. Спб. 1859.

Книга эта назначена собственно для юношества, хотя въ ней можетъ найти любопытныя свѣдѣнія и взрослый человѣкъ, который рѣдко имѣетъ возможность выѣзжать изъ города. Въ ней находится много занимательныхъ подробностей касательно деревенской жизни, деревенской природы и крестьянскаго быта. Всѣ времена года—такъ какъ они проходятъ въ деревнѣ—представлены здѣсь весьма подробно, въ довольно живыхъ картинахъ. Кромѣ описаній природы, не всегда, впрочемъ, удачныхъ и часто по длиннотѣ и по исчисленію мелочей утомительныхъ,—книга содержитъ въ себѣ много картинъ изъ крестьянскаго быта, описываетъ сельское хозяйство, полевыя работы, время сѣнокоса, жатвы, уходъ за скотомъ, за птицами и т. п. Въ ней есть также много сценъ, взятыхъ изъ крестьянской жизни: видно, что авторъ довольно знакомъ съ сельскимъ бытомъ. Жаль только, что его «Деревня», претендуя на поэзію, которой она не лишена отчасти, часто сбивается на сухое и незанимательное изображеніе мелочей; самыя описанія довольно однообразны, такъ что, будучи довольно интересны сначала, подъ конецъ надоѣдаютъ. Притомъ описанія вообще хороши только тогда, когда близко относятся къ жизни: въ «Деревнѣ» они слишкомъ общи; а чтобы такія описанія были интересны, для этого нуженъ талантъ, напр., Аксакова, котораго «Записки ружейнаго охотника» въ высшей степени занимательны, хотя и состоятъ изъ однихъ описаній. Затѣмъ, описаніе можетъ быть еще хорошо, когда въ немъ выражается личное чувство автора, извѣстный моментъ, въ который картина природы, сама по себѣ нисколько, можетъ быть, неинтересная, получаетъ жизнь въ минуту извѣстной настроенности человѣка. Сама по себѣ картина ничего не значитъ и дѣло не въ ней, а въ томъ чувствѣ, которое она пробуждаетъ. Всякій имѣетъ возможность видѣть лѣсъ, поле, восходъ солнца, и описывать все это казалось бы нечего; но всякій ли одинаково взглянетъ на эти явленія, всякій ли въ состояніи чувствовать красоту ихъ? Поэтому поэзія не въ изображеніи предмета, но въ передачѣ чувства. Чѣмъ чувство опредѣленнѣе, яснѣе, конкретнѣе, если можно такъ выразиться, тѣмъ оно живѣе, интереснѣе. То же должно сказать и объ

описаніи, которое можетъ передать чувство. Описанія общія и чувства пробуждаютъ общія, неясныя, неопредѣленныя. А въ «Деревнѣ» такихъ описаній множество. Мы этимъ, впрочемъ, не уменьшаемъ достоинства книги, но хотимъ только сказать, что методъ, избранный авторомъ, не совсѣмъ удаченъ, особенно если книга его назначена для дѣтей. Деревенскую жизнь можно было бы передать гораздо лучше и занимательнѣе въ формѣ разсказа, повѣсти: тогда описанія были бы только аксессуарами; по своей конкретности они были бы живѣе, характеристичнѣе и, слѣдовательно, полнѣе передавали бы деревенскую жизнь. Вотъ, напр., Робинзонъ Крузоэ: тутъ и романъ и естественная исторія, если хотите. Оттого все и удерживается легко въ памяти; всѣ подробности живо сохраняются въ головѣ потому именно, что переданы въ разсказѣ, въ исторіи частной жизни. Что, если бы весь этотъ островъ, на которомъ жилъ Робинзонъ, описать такъ, какъ, напр., авторъ «Деревни» описываетъ осень, лѣто и т. п.? Общность описаній составляетъ вообще большой недостатокъ «Деревни», но этотъ недостатокъ именно зависитъ отъ неудачнаго метода, избраннаго авторомъ.

---

78. Деревня.

Разсказы для юношества о сельской природѣ и сельскомъ бытѣ. Спб. 1859.

Давно уже не встрѣчали мы дѣтской книги, такъ хорошо задуманной и исполненной, какъ «Деревня». Мысль познакомить дѣтей съ явленіями природы и съ деревенской жизнью въ высшей степени заслуживаетъ одобренія. И видно, что сочинительница книжки (разсказы эти написаны дамой) принялась за свое дѣло съ полнымъ сознаніемъ его важности и пользы. Значеніе книжки всего лучше объясняется ея собственными словами, въ предисловіи.

Какъ ни странно это, а надобно сознаться, что не только многіе городскіе жители, которые изъ города почти никуда не выѣзжали—развѣ только въ ближайшія окрестности, называемыя дачами,—но даже многіе изъ молодыхъ деревенскихъ жителей, которые и родились и воспитываются въ деревнѣ,—даже и они не знаютъ деревни и быта русскихъ мужичковъ, какъ имъ слѣдовало бы знать. Имъ часто случается проходить или проѣзжать въ экипажѣ мимо полей, случается видать и крестьянъ, работающихъ въ полѣ, но они все-таки не знаютъ, что и какъ растетъ въ этихъ поляхъ, какъ они пашутся и засѣваются, какъ производятся разныя крестьянскія работы и какъ живутъ сами крестьяне. Имъ кажется, что имъ и не для чего это знать. Они думаютъ, что только то и занимательно, что происходитъ въ большихъ городахъ да въ иностранныхъ земляхъ, о которыхъ они читаютъ въ книгахъ или слышатъ отъ старшихъ, а на то, что происходитъ каждую минуту передъ ихъ глазами, въ поляхъ, въ лѣсу, въ крестьянскихъ жилищахъ,—и смотрѣть не стоитъ. Имъ кажется, что это нужно знать только крестьянину, который съ дѣтства не учится ничему болѣе, кромѣ сельскихъ работъ, и который въ этихъ работахъ проводитъ всю свою жизнь; а человѣку образованному или готовящемуся быть образованнымъ, человѣку, который учится и разнымъ наукамъ и иностраннымъ языкамъ, зачѣмъ ему знать, какъ пашутся и засѣваются поля, какъ производятся разныя крестьянскія работы, какъ живутъ сами крестьяне? Ему вовсе не

нужно и не любопытно это знать. Но вѣдь не только то любопытно, что далеко отъ насъ. Много занимательнаго и прекраснаго разсѣяно около насъ на каждомъ шагу, да мы часто проходимъ мимо и не замѣчаемъ. Мы все думаемъ, что диковинки за морями, за горами; а ихъ можно встрѣтить вездѣ. Природа вездѣ природа; вездѣ она занимательна и разнообразна, на сѣверѣ, какъ и на югѣ...

«Но вѣдь въ деревнѣ не одна природа; есть и люди...

«Вотъ чернѣютъ въ концѣ поля за изгородью, которою оно обнесено, бревенчатыя стѣны и тесовыя и соломенныя крыши крестьянскихъ жилищъ. Немногіе изъ этихъ бревенчатыхъ домиковъ, или избъ, какъ ихъ называютъ, красивы на видъ: иные ветхи, малы, построены кое-какъ, покосились на бокъ. Но неужели вы думаете, что въ этихъ тѣсныхъ стѣнахъ, подъ этими низкими крышами, не происходитъ ничего хорошаго и занимательнаго, ничего такого, на что стоитъ посмотрѣть всякому, что можно и полюбить отъ души, когда увидишь? Если вы такъ думаете, вы очень ошибаетесь.

«Вѣдь наше отечество не только тотъ городъ, въ которомъ мы живемъ: Петербургъ, Москва, Тверь, Новгородъ, Ярославль или Тула. Русскія села и деревни—тоже наше отечество, русскіе мужички—тоже наши земляки. И мало того, что они наши земляки: они наши кормильцы. Мы каждый день ѣдимъ тотъ хлѣбъ, который они добываютъ изъ земли въ потѣ лица; ихъ трудомъ мы сыты, ихъ трудомъ богато наше государство.

«Въ Россіи городовъ гораздо меньше, чѣмъ селъ и деревень; горожанъ меньше, чѣмъ сельскихъ жителей — крестьянъ и помѣщиковъ: безъ деревень не могли бы существовать и города; безъ сельскихъ жителей— нечѣмъ было бы кормиться горожанамъ.

«А что въ жизни русскихъ мужичковъ для васъ много незнакомаго, много такого, чего вы не увидите въ жизни горожанъ или людей образованнаго сословія, такъ объ этомъ и говорить нечего.

«И не только жизнь крестьянъ, даже жизнь многихъ помѣщиковъ, которые постоянно живутъ въ деревнѣ и сами хозяйничаютъ въ своихъ помѣстьяхъ, даже и ихъ жизнь и занятія во многомъ отличаются отъ жизни и занятій горожанъ. И въ ихъ жизни найдется кое-что особенное, свое, чего нѣтъ въ жизни городскихъ жителей. А въ жизни крестьянъ этого особеннаго еще больше. Жизнь русскихъ крестьянъ-землепашцевъ многимъ отличается и отъ жизни горожанъ, и отъ жизни помѣщиковъ. Это совсѣмъ особенная жизнь, съ особенными занятіями, особенными обычаями. И говоритъ русскій мужичекъ, хоть тѣмъ же русскимъ языкомъ, какъ и мы, да не совсѣмъ такъ: иногда образованный горожанинъ не пойметъ мужичка, иногда мужичекъ не пойметъ горожанина, хоть оба говорятъ по-русски. И одѣваются крестьяне и крестьянки не такъ, какъ мы, и жилища у нихъ не такъ устроены, и привычки у нихъ иныя, чѣмъ у насъ.

«А между тѣмъ, несмотря на это, мы чувствуемъ, глядя на нихъ и на ихъ житье-бытье и слушая ихъ разговоръ, мы чувствуемъ, что ихъ жизнь и ихъ языкъ не совсѣмъ для насъ чужіе; мы чувствуемъ, что хоть на мужичкѣ сѣрый сермяжный кафтанъ, грубый и неуклюжій, а на насъ тонкое, щеголеватое платье, хоть у него и походка и пріемы совсѣмъ иные, чѣмъ у насъ, а все же, несмотря на эту видимую разницу, онъ намъ сродни и чѣмъ-то на насъ похожъ. Онъ взглянетъ, засмѣется, и намъ понятны и этотъ взглядъ, и этотъ смѣхъ, и у насъ въ отвѣтъ на нихъ что-то зашевелится въ душѣ. Да! гдѣ бы мы ни жили, хоть бы въ самомъ блистательномъ столичномъ городѣ Петербургѣ, и кто бы мы ни были, хоть бы первые богачи или первые ученые въ городѣ, мы все-таки чувствуемъ, что между нами и русскимъ мужичкомъ, въ какомъ бы захолустьѣ онъ ни скрывался, есть много общаго, много сходныхъ, врожденныхъ свойствъ и наклонностей».

Проникнутая такими мыслями, разсказчица сообщаетъ дѣтямъ множество описаній нашей сельской природы, луговъ, лѣсовъ, озера,

рѣки и пр., говоритъ о сельскихъ работахъ — о сѣнокосѣ, жнитвѣ, молотьбѣ, изображаетъ жизнь мужиковъ, ихъ труды и отдохновенія и пр. Описанія природы нѣсколько растянуты: видно, что разсказчица, думая примѣняться къ смыслу дѣтей, нарочно старалась часто перевертывать для нихъ одну и ту же фразу (что замѣтно отчасти и въ приведенномъ нами предисловіи). Это во многихъ мѣстахъ вредитъ полному изяществу и живости описанія. Но зато сельскія работы описаны очень просто и отчетливо. Кромѣ того, замѣтно, что описанія эти согрѣты теплымъ чувствомъ любви къ крестьянамъ, *кормильцамъ* нашимъ, и полны уваженіемъ къ ихъ невзрачному, но истинно-полезному труду. Одно непріятно поразило насъ въ «Деревнѣ»: нѣсколько идиллическій тонъ, придаваемый разсказчицею многимъ описаніямъ. Кто живалъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, напримѣръ, что *помочь*, собираемая помѣщикомъ, вовсе не вездѣ и не всегда бываетъ такъ радушна, исполнена праздничной готовности и преданности, какъ это описывается въ «Деревнѣ». Точно такъ же людямъ, бывавшимъ на сѣнокосѣ, извѣстно, что эта работа, если и считается легкою, то только сравнительно съ жнитвомъ, а въ самомъ дѣлѣ она также порядочно можетъ намозолить руки. А разсказчица описываетъ сѣнокосъ такъ, что по ея изображенію нужно подумать, будто сѣнокосъ есть одна забава, сельскій праздникъ, и болѣе ничего... Словомъ—мы желали бы, чтобы въ книжкѣ крестьянскій бытъ изображался не въ столь радужномъ цвѣтѣ.

Избѣгая описанія тѣхъ сторонъ сельскаго быта, которыя имѣютъ довольно мрачный характеръ, разсказчица, конечно, имѣла свои основанія: она боялась компрометировать крестьянскій бытъ, показавши своимъ юнымъ читателямъ изнанку его. Но намъ кажется, что она могла бы очень удобно изобразить не только горе, нужду и безпомощность крестьянъ, но даже самые пороки ихъ—и при всемъ этомъ не отвратить отъ нихъ сочувствія читателя. Слѣдовало только показать, что и какъ довело и доводитъ крестьянъ до этихъ пороковъ. Тогда отвращеніе и негодованіе читателей само собою перешло бы отъ крестьянъ къ тѣмъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, которыя такъ неблагопріятно дѣйствуютъ на ихъ матеріальное довольство и на самую нравственность. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказчица и дѣлаетъ попытки подобныхъ объясненій. Такъ, напримѣръ, она довольно основательно говоритъ о томъ, отъ чего зависитъ пьянство, распространенное между мужиками, чѣмъ поддерживается ихъ безпечность и пр. Но, вообще говоря, такихъ указаній въ книжкѣ недостаточно, и это составляетъ ея слабую сторону.

Но все-таки эта книга въ тысячу разъ лучше и полезнѣе всякихъ нравоучительныхъ разсказовъ о смирномъ Ванѣ и непослушномъ Мишѣ и т. п. Нельзя не пожелать, чтобы на нее обращено было особенное вниманіе тѣхъ, кому приходится выбирать книги для дѣтскаго чтенія.

79. Краткое изложеніе русской исторіи.

Составилъ *Н. Тимаевъ*. Спб. 1858 г.

Въ предисловіи къ «Краткому изложенію русской исторіи» г. Тимаевъ говоритъ, что рѣшился издать его только потому, что «русская литература не богата руководствами по части отечественной исторіи». Мы на этотъ счетъ совершенно противнаго мнѣнія: намъ кажется, что наша литература наводнена учебниками русской исторіи. Сколько у насъ издавалось сокращенныхъ Карамзиныхъ, сколько было «Краткихъ начертаній», просто «Начертаній», «Руководствъ» и «Краткихъ руководствъ», различныхъ «Обозрѣній», «Опытовъ» и «Курсовъ». Кайдановъ, Константиновъ, Погодинъ, Полевой, Устряловъ, Медовиковъ и много другихъ, не столько ученыхъ и извѣстныхъ, трудились для того, чтобы разсказать намъ дѣянія нашихъ предковъ. Какъ же г. Тимаевъ обвиняетъ нашу литературу въ бѣдности руководствъ по русской исторіи? Что-нибудь одно: или онъ незнакомъ съ литературою своего предмета, или онъ просто недобросовѣстенъ. И то, и другое съ перваго же раза не слишкомъ располагаетъ въ пользу его книги. Но можетъ быть онъ хотѣлъ сказать, что у насъ *мало хорошихъ* руководствъ? Но и въ этомъ случаѣ онъ неправъ; ему слѣдовало бы ужъ сказать: *вовсе нѣтъ*, а не *мало*. При томъ же, если принять послѣдній, предполагаемый нами смыслъ, то изъ него выходитъ заключеніе, что г. Тимаевъ имѣетъ претензію считать свое руководство лучше всѣхъ, доселѣ вышедшихъ у насъ по русской исторіи. Въ такомъ случаѣ мы должны быть къ нему строже. Посмотримъ же, что это за новый учебникъ.

Каковы бы ни были недостатки прежнихъ учебниковъ, имъ нужно отдать справедливость въ томъ, что они почти всѣ написаны были грамотно и не искажали крупныя черты фактовъ. Въ книгѣ г. Тимаева даже и этого нѣтъ. Въ предисловіи, напр., мы находимъ такую тираду: «разсказывая только важнѣйшее, сущность Русской Исторіи, я старался *достигнуть краткости учебника;* но при этомъ, желая придать *занимательность учебнику*, я вставилъ въ разсказъ событій *описанія нѣкоторыхъ нравовъ* (!) и обычаевъ, нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ *(описанія случаевъ!)* и частной жизни замѣчательныхъ лицъ; особенно же я заботился о ясности изложенія, столь необходимой при первоначальномъ преподаваніи (только при первоначальномъ?) каждой науки». И этой ясности авторъ достигаетъ тѣмъ, что одно и то же понятіе выражаетъ нѣсколькими словами и даже фразами, совершенно однозначащими. Вотъ примѣры: «Они (славяне) были *живы* и *дѣятельны*, *грубы* и *дики*» (стр. 8). «Въ храмахъ находились *изображенія боговъ—кумиры*, *истуканы*, *идолы*; богамъ служили *жрецы—волхвы*, *кудесники*, *гусляры*» (стр. 9). «Одни изъ князей отличались *умомъ* и *проницательностью*, другіе *отвагою* и *силою*, третьи—*могуществомъ* и *твердостью*» (стр. 69). Такія характеристики безпрестанно встрѣчаются и поражаютъ своимъ совершеннымъ безсмыслiемъ; въ самомъ дѣлѣ, что за мысль можетъ скрываться въ повтореніи словъ: сила и могущество, кумиры, истуканы и идолы,

жрецы, волхвы и кудесники, и т. п.? И какъ ихъ отличить другъ отъ друга? Но это еще ничего: тутъ еще только слова повторяются совершенно безтолково и ненужно. А то иногда у г. Тимаева цѣлыя фразы такимъ образомъ толкутся на одномъ мѣстѣ. Напримѣръ:

«Россія была богата произведеніями природы, но по пространству своему очень мало населена. Населеніе Россіи принадлежало къ Татарскому, Финскому и преимущественно Славянскому (вотъ оно гдѣ очутилось!) племенамъ. *Главное населеніе Россіи составляли* (опять!) *Русскіе Славянскаго происхожденія;* они отличались *отвагою*, здравымъ смысломъ, терпѣливостью; но въ то же время Русскіе были *недѣятельны, мало предпріимчивы* (какое соединеніе свойствъ: отвага, недѣятельность, непредпріимчивость!) и мало образованы. Русскіе были преданы (опять то же—отъ противнаго) *суевѣріямъ, предразсудкамъ, стариннымъ отцовскимъ обычаямъ*; напротивъ того (еще разъ то же—наоборотъ) все новое, иноземное считалось худымъ, вредящимъ благочестію; поэтому (и въ четвертый разъ то же) Россія медленно подвигалась впередъ въ образованіи и далеко отстала отъ Западной Европы; она представляла (пятый парафразъ!!) богатство матеріальныхъ силъ и бѣдность силъ нравственныхъ» (стр. 138).

Изъ этого вы видите, до какой степени вяло и пухло разсказываетъ исторію г. Тимаевъ. Присоедините къ этому фразы вродѣ того, что Владиміръ «*украсилъ* десятинную церковь иконами и *сосудами*» (стр. 21), что при Николаѣ I «*столица украсилась* Благовѣщенскимъ мостомъ и *Московскою желѣзною дорогою*» (стр. 187), что «*Петръ сначала боялся воды, ибо* въ дѣтствѣ, переѣзжая однажды рѣку, *онъ испугался и долго боялся воды*» (стр. 141) и т. п.; сообразите, что подобныя фразы попадаются въ книжкѣ на каждыхъ двухъ-трехъ страницахъ, и вы будете имѣть понятіе о слогѣ, какимъ она написана.

Не одинъ слогъ въ ней замѣчателенъ; замѣчательна и фантазія автора, заставившая его писать исторію безъ всякихъ справокъ, вслѣдствіе чего безпрерывныя ошибки и всякіе вздоры пестрятъ чуть ли не каждую страницу. Напр., вотъ что говорится о первомъ самозванцѣ (стр. 109):

«Это былъ сынъ бѣднаго дворянина, Юрій Отрепьевъ, отличавшійся умомъ, краснорѣчіемъ, отвагою; онъ служилъ сначала въ домѣ Романовыхъ, потомъ постригся въ иноки подъ именемъ Григорія, скитался изъ одного монастыря въ другой, наконецъ прибылъ въ Москву, въ Чудовъ монастырь. *Находясь на службѣ у Патріарха, онъ часто ѣздилъ съ патріархомъ ко двору и плѣнился пышностью двора.* Зная о неудовольствіи народа противъ Бориса Годунова и имѣя нѣкоторое сходство съ Царевичемъ Димитріемъ, Юрій рѣшился этимъ воспользоваться; онъ бѣжалъ изъ монастыря *въ Литву*, распустилъ слухъ, что Царевичъ Димитрій живъ, оставилъ иноческое званіе и учился *у Запорожскихъ казаковъ* (*въ Литвѣ-то!*) военному искусству, *а въ школѣ учился польскому и латинскому языкамъ*» (Хорошо выучился по-латыни-то, подписывался—in perator!).

И такимъ образомъ все разсказывается... А каковы недосмотры!

На первой же страницѣ говорится, напримѣръ: «Къ Сѣверо-Западнымъ Славянамъ принадлежатъ—*Поляки*, Чехи, Моравы, находящіеся подъ властію *Австріи и Пруссіи*». Итакъ, поляки находятся подъ властью Австріи и Пруссіи!.. О Никонѣ сказано, что онъ «*издалъ* Церковные законы или Кормчую книгу и собраніе лѣтописей» (стр. 128). «Изъ писателей, прославившихъ вѣкъ Екатерины, особеннозамѣчательны были: Богдановичъ, *Хемницеръ*, фонъ-Визинъ, *Дмитріевъ*, Державинъ и духовный писатель Митрополитъ Платонъ» (стр. 175). Какъ *точны* свѣдѣнія автора въ русской литературѣ! Ужъ если онъ упоминаетъ Хемницера и Дмитріева въ періодъ Екатерины, то надо бы тутъ же упомянуть и Ломоносова съ Сумароковымъ, и Карамзина съ Крыловымъ: и они вѣдь всѣ видѣли царство Екатерины.

Можно бы разсмотрѣть учебникъ русской исторіи еще со стороны историческихъ воззрѣній автора, распредѣленія предметовъ въ учебникѣ, приноровленія къ потребностямъ учащихся и пр. Но совѣстно и начинать такія возвышенныя рѣчи по поводу такой книги, какъ «Краткое изложеніе» г. Тимаева. Онъ не умѣетъ писать сколько-нибудь сноснымъ образомъ и безпощадно перевираетъ самые обыкновенные факты.

---

80. Учебная книга русской исторіи.

Сочиненіе *Сергѣя Соловьева*. Выпускъ I и II. Москва. 1859 г.

Имя профессора Соловьева уже ручается, что въ его учебникѣ не можетъ быть тѣхъ недостатковъ, какіе мы нашли въ «Краткомъ изложеніи» г. Тимаева. И, дѣйствительно, событія русской исторіи разсказаны у г. Соловьева ясно, правильно и послѣдовательно; изложеніе отличается живостью и выразительностью. Слѣдовательно, къ книгѣ г. Соловьева мы можемъ обратиться съ другимъ вопросомъ, касающимся практическаго ея употребленія; мы спросимъ: для кого назначается «Учебная книга» г. Соловьева? Для первоначальнаго ли изученія русской исторіи, для гимназическаго ли курса, или для облегченія студентовъ при повтореніи лекцій профессора?

Первыя строки и даже страницы перваго выпуска заставили насъ думать, что «Учебная книга» назначается авторомъ для *первоначальнаго* изученія русской исторіи. Вотъ начало перваго выпуска:

«Взглянемъ на карту Россіи: вотъ, начиная отъ того мѣста, гдѣ оканчиваются Уральскія горы, до Каспійскаго моря находится большое ровное степное пространство, какъ будто широкія ворота изъ Азіи въ Европу. На этомъ мѣстѣ и на востокъ отъ него живутъ и теперь еще народы грубые, кочевые, охотники грабить, брать въ плѣнъ сосѣдей; но теперь этимъ народамъ часъ отъ часу становится труднѣе вести такую жизнь, потому что сильное государство Русское не допускаетъ ихъ разбойничать...» и пр.

Способъ выраженія, очевидно, примѣняется къ дѣтскому понятію. Такъ идетъ нѣсколько страницъ съ начала. Но раскроемъ книгу нѣсколько дальше. Вотъ страница 49-я:

«До насъ дошли въ цѣлости и въ отрывкахъ лѣтописи, написанныя въ Кіевѣ, Новгородѣ, на Волыни, въ Полоцкѣ, въ области Черниговской, въ области Ростовской или Суздальской; вліяніе этихъ мѣстностей отразилось въ характерѣ лѣтописнаго разсказа: такъ, лѣтописи южныя—Кіевская и Волынская—отличаются живостію, полнотою разсказа, въ нихъ описываются не только дѣйствія историческихъ лицъ, но и приводятся рѣчи ихъ, отчего эти лица и являются людьми живыми. Новгородская лѣтопись отличается краткостію и силою. Разсказъ суздальскаго лѣтописца сухъ, не имѣя силы новгородской рѣчи, и вмѣстѣ многоглаголивъ безъ художественности рѣчи южной».

Нѣтъ, это ужъ не для начинающихъ; это—для гимназистовъ высшихъ классовъ. О характерѣ лѣтописей говорятъ уже тому, кто хорошо знаетъ факты, въ нихъ содержащіеся. Это ужъ критическое изученіе исторіи, которое у насъ и въ гимназіяхъ-то чуть-чуть подъ силу ученикамъ, но къ которому пріучать ихъ очень полезно. И въ этомъ смыслѣ нельзя не одобрить методы почтеннаго профессора, который, не ограничиваясь изложеніемъ фактовъ, отдѣляетъ въ своемъ учебникѣ значительное мѣсто объясненію этихъ фактовъ посредствомъ указанія на внутреннее состояніе страны въ данный періодъ времени. Безъ всякаго сомнѣнія, для всякаго неглупаго мальчика интереснѣе и полезнѣе будетъ знать, какъ жили, чему вѣрили, что умѣли наши предки, нежели заучивать безчисленныя имена князей и воеводъ, да годы войнъ, мировъ, вступленій на престолъ великокняжескій и т. п. Подробности внутренней жизни народа, введенныя въ «Учебную книгу» г. Соловьева, даютъ ей большое значеніе и ставятъ ее рѣшительно выше всѣхъ доселѣ бывшихъ у насъ учебниковъ русской исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ важенъ также и самый прагматизмъ изложенія, принятаго г. Соловьевымъ. У насъ до сихъ поръ думали большею частью, что строгая послѣдовательность въ показаніи *связи* событій, равно какъ и критика фактовъ, неумѣстна въ гимназическомъ учебникѣ. «Это надо уже предоставить университетской каѳедрѣ»,—говорили обыкновенно, и вслѣдствіе такого разсужденія давали гимназистамъ голый перечень именъ и таблицъ годовъ: въ этомъ и заключалась исторія. Такимъ образомъ изученіе историческихъ событій было почти исключительно дѣломъ памяти: ни соображенія разсудка, ни сердечныя сочувствія нисколько тутъ не участвовали, хотя почтенные авторы и вставляли по временамъ краснорѣчивые возгласы въ свои учебники, для возбужденія патріотизма въ ученикахъ. Профессоръ Соловьевъ ведетъ дѣло совершенно иначе: онъ въ самомъ разсказѣ фактовъ исторіи проводитъ свои идеи, онъ заставляетъ ученика останавливаться надъ событіями и соображать ихъ причины и послѣдствія, уяснять себѣ ихъ отношенія къ другимъ событіямъ. Все это очень благодѣтельно можетъ дѣйствовать на самое развитіе учащихся, не говоря уже о томъ, что историческіе факты при такомъ способѣ изложенія запомнятся ими несравненно легче и лучше, нежели какъ было при старыхъ учебникахъ.

Но, смотря на «Учебную книгу» г. Соловьева, какъ на гимназическое руководство, нельзя не пожалѣть о ея излишней и даже мѣ-

стами вовсе ненужной подробности. Въ двухъ изданныхъ теперь выпускахъ событія доведены до избранія на царство Михаила Ѳедоровича, а, между тѣмъ, объемъ ихъ далеко уже превзошелъ полный объемъ «Начертанія» г. Устрялова, употребляющагося въ гимназіяхъ. И всетаки въ книгѣ г. Соловьева много осталось фактовъ необъясненныхъ, много лицъ не характеризованныхъ, а только упомянутыхъ. Особенно нужно это сказать о первомъ выпускѣ. Къ чему, напр., въ гимназическомъ учебникѣ перечисленіе всѣхъ лицъ, не имѣвшихъ значительнаго вліянія на общій ходъ событій? Ни къ чему иному, какъ только къ затрудненію памяти учащихся. Возьмемъ, напр., хоть такую тираду, еще не изъ самыхъ страшныхъ: «Сильные владѣніями, Мономаховичи, при Мстиславѣ, были сильны братскимъ единодушіемъ, тогда какъ между Святославичами Черниговскими происходили усобицы: по смерти Олега и Давида Святославичей оставался третій братъ, Ярославъ Святославичъ, который по обычаю, какъ старшій въ племени, и долженъ былъ княжить въ Черниговѣ; но племянникъ его, Всеволодъ Ольговичъ, выгналъ его изъ Чернигова, и Ярославъ долженъ былъ удовольствоваться сѣверо-восточными владѣніями своего племени—Рязанью и Муромомъ; отъ него пошли князья Рязанскіе и Муромскіе» (стр. 22). Спрашивается, много ли потеряетъ ученикъ гимназіи въ знаніи русской исторіи, если и не будетъ помнить всей этой путаницы удѣльныхъ междоусобій? И не лучше ли было бы избѣжать подробностей, не дающихъ никакой характеристической черты для общихъ историческихъ выводовъ? А мы еще взяли очень сносную тираду; на этой же страницѣ у г. Соловьева есть простое перечисленіе князей: Мстиславъ въ Кіевѣ, Всеволодъ въ Новгородѣ, Ростиславъ въ Смоленскѣ, Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ и проч... Или, напр., во второмъ выпускѣ: «Александра Никитича Романова сослали къ Бѣлому морю, Михайла Никитича—въ Пермскую область, Ивана Никитича—въ Пелымъ, Василья Никитича—въ Яренскъ; мужа сестры ихъ князя Бориса Черкасскаго съ женою и съ племянникомъ ея, сыномъ Ѳедора Никитича, маленькимъ Михаиломъ—на Бѣлоозеро» (стр. 199). Что за дѣло, подумаешь, гимназисту до всѣхъ этихъ Александровъ Никитичей и Ивановъ Никитичей? Неужто нельзя было обойтись безъ нихъ?

Можетъ быть, г. Соловьевъ хотѣлъ сдѣлать не болѣе какъ сокращеніе своей полной исторіи, и въ такомъ случаѣ назначеніе «Учебной книги» можетъ быть иное: оно можетъ служить для студентовъ конспектомъ при повтореніи лекцій профессора. Въ этомъ смыслѣ, конечно, книга г. Соловьева тоже не безполезна; но тогда зачѣмъ опять эта подробность и плавность изложенія, зачѣмъ этотъ упрощенный тонъ, наконецъ, зачѣмъ бѣдность въ хронологическихъ цифрахъ? Всѣ указанныя качества, служа достоинствомъ въ гимназическомъ курсѣ, совершенно не нужны въ конспектѣ, назначенномъ для студентовъ.

Такимъ образомъ главный недостатокъ «Учебной книги» г. Соловьева состоитъ въ смѣшеніи учебника съ конспектомъ, вслѣдствіе чего книга эта не вполнѣ удовлетворяетъ ни гимназиста, ни студента.

Впрочемъ, все-таки хорошій преподаватель можетъ воспользоваться ею, какъ учебникомъ гимназическимъ, несравненно лучше, чѣмъ всѣми нашими прежними учебниками.

---

81. Александръ Васильевичъ Суворовъ.

Сочиненіе *В. Новаковскаго.* Чтеніе для юношества. Спб., 1858 г.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія.

Съ портретомъ А. В. Кольцова и картинками. Чтеніе для юношества. Изданіе А. И. Глазунова. Москва, 1858 г.

Вотъ два *чтенія для юношества*, совершенно разнообразныя по своему содержанію. Одно толкуетъ о знаменитомъ фельдмаршалѣ и восхваляетъ его за то, что молодецки билъ мятежныхъ поляковъ и французовъ; другое знакомитъ молодыхъ читателей съ поэтомъ-прасоломъ, исполненнымъ гуманныхъ и скромныхъ стремленій. Которая книга полезнѣе, которую скорѣе можно посовѣтовать дать въ руки, напр., двѣнадцатилѣтнему мальчику? Изложеніе въ нихъ обѣихъ грамотно и большею частію просто, хотя въ книгѣ о Кольцовѣ есть цѣлая глава, излагающая теорію лирической поэзіи, а въ книгѣ о Суворовѣ встрѣчаются довольно подробныя и не совсѣмъ простыя изложенія военныхъ дѣйствій. Но содержаніе обѣихъ книжекъ полагаетъ между ними неизмѣримую разницу. Въ одной крестьянинъ съ своими пѣснями, въ другой—фельдмаршалъ съ своими подвигами, чинами и орденами; въ одной—мирная, хотя и грустная, русская пѣсня, въ другой—напыщенныя, громкія воинственныя оды; въ одной—непроизвольная нужда, бѣдность, житейское горе мужика, въ другой—тріумфы, великолѣпіе и рядомъ съ ними добровольно спартанская суровость жизни знаменитаго героя; въ одной мирная, скромная дѣятельность, соединенная съ внутренней, самостоятельной жизнью духа, въ другой—громы войны, соединенные съ отсутствіемъ внутренней, человѣчески-нравственной дѣятельности и сопровождаемые только пожарами, убійствами, формальною дисциплиною... Пусть выбираютъ родители и воспитатели, какую книгу дать въ руки своимъ дѣтямъ!

Но не одно содержаніе различаетъ двѣ названныя нами книжки: самый духъ и направленіе каждой изъ нихъ совершенно соотвѣтствуютъ своему содержанію. Книга о Кольцовѣ, говоря о мужичкѣ, проникнута сочувствіемъ къ крестьянскому сословію, къ его положенію, нуждамъ и горестямъ... Онъ признаетъ человѣческія права простолюдина и съ негодованіемъ отзывается о тѣхъ *образованныхъ* людяхъ, которые презираютъ мужика. Книга о Суворовѣ, напротивъ, не лишена сословныхъ предразсудковъ. Въ ней есть, напр., такая фраза о дѣтствѣ Суворова: «Никогда не искалъ, даже не желалъ онъ себѣ товарищей: смотрѣть не хотѣлъ на дѣтскія игры мужичковъ своей деревни. *Конечно, мужички не могли быть товарищами сына генерала, хоть и въ играхъ*» (стр. 7).

То же противорѣчіе и въ нравственныхъ понятіяхъ двухъ книжекъ. Г. Новаковскій въ своей книжкѣ не разъ принимается восхвалять великія достоинства дисциплины и безусловнаго послушанія и очень хвалитъ суворовское правило: «Слѣпо повинуйся начальникамъ; не разсуждай о томъ, что велѣно, а исполняй» (стр. 56). Книжка о Кольцовѣ проникнута совершенно другимъ расположеніемъ. Въ ней мы находимъ, напр., слѣдующія строки: «Кольцовъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которымъ необходима собственная, *самостоятельная дѣятельность, и въ этомъ заключается*, между прочимъ, *высокое превосходство его натуры*. Есть люди, которые умѣютъ повторять за другими то, что имъ сказано, умѣютъ исполнить то, что велѣно, помнятъ и знаютъ все, что услышали; но сами собою ничего не могутъ сдѣлать. Такіе люди навсегда останутся только исполнителями чужой воли, второстепенными, обыкновенными орудіями для общаго дѣла, и никогда не выйдутъ изъ ряда другихъ, не будутъ руководителями ни въ какомъ дѣлѣ, не скажутъ никакого новаго слова. Напротивъ, есть другого рода люди, которые *никогда не хотятъ безсознательно и слѣпо слѣдовать за другими, никогда не лѣнятся сами думать и дѣйствовать*, а стараются всегда пробовать собственныя силы на томъ поприщѣ, какое имъ представляется. *Отъ этакихъ людей всегда можно ожидать дѣлъ замѣчательныхъ*» (стр. 43). Ясно, что книжка о Кольцовѣ хлопочетъ о развитіи самостоятельности въ дѣтяхъ и только такое развитіе считаетъ истинно-полезнымъ; книжка же г. Новаковскаго разсчитываетъ на дѣтей послушныхъ и благонравныхъ,—вслѣдствіе чего и представляетъ имъ въ образецъ жизнь страшнаго для враговъ, безпощаднаго русскаго героя.

Вообще мы не можемъ выразить особеннаго сочувствія нравственнымъ началамъ книги г. Новаковскаго, выразившимся отчасти въ самомъ выборѣ предмета. Къ чему внушать дѣтямъ съ раннихъ лѣтъ благоговѣніе къ физической силѣ? Къ чему обольщать ихъ прелестями убійствъ и пожаровъ, совершаемыхъ на войнѣ? Къ чему вбивать имъ въ голову барабанный патріотизмъ, заставляя ихъ восхищаться тѣмъ, какъ мы били *крамольныхъ* французовъ и *мятежныхъ, неблагодарныхъ* поляковъ? Нѣтъ, гораздо лучше говорить имъ о людяхъ, менѣе блистательныхъ, но болѣе спокойныхъ, болѣе способныхъ навести дѣтскую мысль на благородныя гражданскія стремленія.

Книжка о Суворовѣ издана довольно грязно; книжка о Кольцовѣ, напротивъ, издана очень опрятно и украшена нѣсколькими, очень изящно сдѣланными картинками. Въ видѣ приложенія къ біографіи поэта, въ концѣ ея помѣщено 17 пьесъ, выбранныхъ изъ полнаго собранія стихотвореній Кольцова.

82. Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго Института. 1828—1850 г.г.

Спб. 1859 г.

Невозможно безъ чувства глубочайшаго омерзѣнія смотрѣть на людей, ругающихся надъ потерявшимъ силу человѣкомъ, передъ которымъ они падали до ногъ въ то время, когда онъ былъ силенъ, и которому своимъ раболѣпствомъ даже помогали въ достиженіи его цѣлей. Нужды нѣтъ, что онъ былъ, можетъ быть, величайшій злодѣй и негодяй; нужды нѣтъ, что онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ заслуживаетъ, можетъ быть, самаго страшнаго поруганія. Все-таки отвратительно смотрѣть на осла, который лягаетъ безсильнаго льва, приговаривая: «пускай ослиное копыто знаетъ». Тотъ, кто и прежде, въ дни силы этого льва, выходилъ на борьбу съ нимъ и не преклонялся передъ нимъ, тотъ еще имѣетъ право, хотя уже и безплодное, позорить его и во дни его одряхлѣнія: онъ, по крайней мѣрѣ, можетъ сказать, что руководствуется началомъ чистой справедливости и всегда равно возстаетъ противъ своего врага, не обращая вниманія на его положеніе... Но чѣмъ можетъ оправдать себя тотъ, кто подличалъ и пресмыкался предъ неправою силою, пока могъ отъ нея ожидать себѣ чего-нибудь, а потомъ, когда она сломлена и уничтожена, вдругъ выпрямляется и начинаетъ обличать то зло, которое этою силою было произведено!.. Такіе люди позднимъ своимъ возстаніемъ только увеличиваютъ то презрѣніе, которое и безъ того возбуждается въ душѣ всякаго порядочнаго человѣка раболѣпствомъ ихъ предъ сильною неправдою. Подобное раболѣпство можетъ еще находить нѣкоторое извиненіе себѣ въ слабой степени умственнаго развитія раболѣпствующихъ: они могутъ не понимать всей нелѣпости и зловредности дѣйствій сильнаго лица, которому подчиняются; они могутъ добродушно вѣрить ему, благоговѣть предъ его системою и оставаться вѣрными ей постоянно, даже послѣ его паденія. О такихъ людяхъ можно душевно сострадать, можно ихъ не уважать, какъ людей крайне ограниченныхъ; но не за что питать къ нимъ озлобленіе и отвращеніе. Совершенно противное расположеніе возбуждаютъ люди, доказывающіе, послѣ паденія сильнаго негодяя (котораго они были орудіемъ), что они никогда не сочувствовали его дѣйствіямъ, что ихъ образъ мыслей совершенно противоположенъ тому, что они принуждены были дѣлать прежде. Подобнымъ объявленіемъ эти люди обнаруживаютъ только то, что они до сихъ поръ были подлы по разсчетамъ, раболѣпны изъ видовъ, содѣйствовали дурнымъ затѣямъ сильнаго бездѣльника совершенно сознательно, очень хорошо понимая всю ихъ мерзость... Такіе люди гнусны и презрѣнны до послѣдней степени; нѣтъ въ русскомъ языкѣ столь крѣпкаго слова, которое могло бы вполнѣ выразить всю силу презрѣнія, которое долженъ питать къ нимъ всякій порядочный человѣкъ.

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову по поводу многихъ легкомысленныхъ толковъ, сопровождавшихъ закрытіе Главнаго Педагогическаго Института. Люди, которые прежде не говорили о немъ ни

одного слова, или даже всячески восхваляли его, принялись теперь бранить его, на чемъ свѣтъ стоитъ. Начали толковать о его коренной несоотвѣтственности съ требованіями здравой педагогики, о ложности системы, господствовавшей въ немъ въ послѣднее время, о недостаткахъ его административнаго и хозяйственнаго устройства и т. п. Положимъ, что эти толки даже и справедливы, положимъ, что недостатковъ было дѣйствительно много... Но зачѣмъ же молчали о нихъ во все время существованія Института, зачѣмъ только въ послѣднее время заговорили о нихъ и въ обществѣ, и въ администраціи, и въ литературѣ? Сколько намъ помнится, до закрытія Института только одинъ насмѣшливый голосъ раздался противъ мелочности и формальности, слишкомъ уже укоренившихся въ немъ. Голосъ этотъ раздался, ровно три года назадъ, въ «Современникѣ», и на него въ свое время обратили вниманіе многіе изъ интересующихся дѣломъ, но потомъ, разумѣется, и о немъ забыли, а новыхъ голосовъ не было слышно... И вдругъ теперь поднялись съ возгласами противъ Педагогическаго Института даже тѣ, которые еще очень недавно ницъ падали предъ его совершенствами... «Современникъ» не послѣдуетъ ихъ примѣру: онъ теперь не будетъ ни смѣяться, ни ругаться *надъ умершимъ*, а только представитъ спокойное и безпристрастное изложеніе исторіи Института, по отчету, составленному и недавно обнародованному ученымъ секретаремъ, старшимъ надзирателемъ и адъюнктомъ Института А. Смирновымъ.

Главный Педагогическій Институтъ основанъ въ 1828 г. Первымъ директоромъ его былъ, до 1847 г., Ѳ. И. Миддендорфъ, вторымъ—до 1859 г. (до самаго рѣшенія о закрытіи) академикъ И. Давыдовъ. При Ѳ. И. Миддендорфѣ особая забота была обращена на приготовленіе наставниковъ особенно практическимъ методомъ, и потому при основныхъ, спеціально-педагогическихъ отдѣленіяхъ Института были тогда учреждены три прибавочныхъ отдѣленія, собственно для практики молодыхъ педагоговъ. Все ученіе продолжалось девять лѣтъ, въ трехъ курсахъ, каждый по три года: 1) *малолѣтнее* отдѣленіе, изъ дѣтей 12—14 лѣтъ; 2) *предварительный* курсъ, соотвѣтствующій общему университетскому, и 3) *окончательный*, собственно педагогическій курсъ, студенты котораго занимались практическимъ преподаваніемъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи и въ учрежденномъ при Институтѣ съ 1838 года Второмъ разрядѣ Института, назначенномъ собственно для приготовленія приходскихъ и уѣздныхъ учителей. Такимъ образомъ, прямая цѣль Института, приготовленіе учителей — постоянно имѣлась въ виду, хотя и ученое образованіе воспитанниковъ не оставлялось безъ вниманія. Изъ пяти выпусковъ, бывшихъ при Ѳ. И. Миддендорфѣ, до 400 воспитанниковъ поступили на педагогическую службу, въ томъ числѣ въ высшія учебныя заведенія поступили 35. При выбытіи Ѳ. И. Миддендорфа изъ Института въ немъ было до 170 воспитанниковъ, а въ кассѣ Института до 60 тысячъ рублей экономической суммы.

Съ поступленіемъ въ Институтъ новаго директора начался новый періодъ его существованія. *Самъ «Отчетъ»* признается нынѣ, что

періодъ этотъ гораздо слабѣе предыдущаго, вслѣдствіе перемѣнъ, произведенныхъ въ немъ новымъ директоромъ. Къ сожалѣнію, обозрѣніе г. Смирнова сдѣлано слишкомъ наскоро, и потому въ немъ нѣтъ надлежащей подробности и отчетливости. Даже больше: почти весь отчетъ о второмъ періодѣ Института взятъ *почти буквально*, съ небольшими (по мѣстамъ, впрочемъ, довольно характеристическими) измѣненіями изъ «Историческаго Обозрѣнія перваго двадцатипятилѣтія Института», читаннаго тѣмъ же г. Смирновымъ, на актѣ юбилея Института, въ 1853 году.

Мы рѣшаемся представить здѣсь сличеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, подчеркивая только тѣ мѣста, въ которыхъ сдѣланы измѣненія.

Актъ 1853 г., стр. 26.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института до увольненія перваго директора онаго дѣйствительнаго ст. сов. Ѳ. И. Миддендорфа, который, по преклонности лѣтъ и разстройству здоровья, Всемилостивѣйше уволенъ отъ должности 23 октября 1846 г., при чемъ онъ пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника. Во все время управленія Институтомъ онъ былъ душою всей его дѣятельности; всѣ приращенія къ оному произошли не безъ его желанія и участія и возбуждали въ немъ самое живѣйшее сочувствіе. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ пріобрѣтенными теоретическими познаніями въ наукахъ и развитіемъ своихъ способностей, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія въ мѣру возраста и постиженіемъ способовъ развивать умственныя способности дѣтей. Польза его дѣятельности оправдывается полезною и похвальною службою его питомцевъ.

Обозрѣніе 1859 г., стр. 8.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института при первомъ директорѣ его, Ѳ. И. Миддендорфѣ. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ развитіемъ своихъ способностей и пріобрѣтенными познаніями въ наукахъ, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія, приноравливаясь къ ихъ возрасту и понятіямъ, и развивать умственныя способности дѣтей. При выбытіи его изъ Института, въ стѣнахъ сего заведенія воспитывалось до 170 студентовъ и воспитанниковъ, а въ кассѣ Института было до 59.314 руб. 96 коп. экономической суммы. Одобрительные отзывы бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія, С. С. Уварова, объ основательности и хорошемъ направленіи преподаванія въ Институтѣ, неоднократно сдѣланные во всеподданнѣйшихъ отчетахъ (1841—1846 годовъ), свидѣтельствуютъ, что устройство Института въ то время соотвѣтствовало цѣли учрежденія.

Къ первому періоду Института относится пять выпусковъ, причисляя сюда выпускъ 1847 года. Въ теченіе этого времени поступило на педагогическую службу до 400 питомцевъ Института изъ разныхъ отдѣленій; изъ этого числа, по

окончаніи курса въ факультетахъ, довершили высшее образованіе заграницею и поступили въ высшія учебныя заведенія 21, по особенномъ приготовленіи въ самомъ Институтѣ, поступили въ высшія учебныя заведенія 14, прочіе опредѣлены въ старшіе и младшіе учители гимназій, въ уѣздные и весьма малое число въ приходскіе учители и комнатные надзиратели.

Нельзя не замѣтить, что въ послѣднемъ отчетѣ представлено болѣе фактовъ, свидѣтельствующихъ о процвѣтаніи Института предъ поступленіемъ въ него новаго директора, хотя въ «Обозрѣніи» 1859 г. тѣ же самыя фразы, и даже съ добавленіями еще болѣе громкими. Въ отчетѣ о второмъ періодѣ заимствованій еще больше, измѣненія еще незначительнѣе.

Актъ 1853 г., стр. 27.

Со вступленіемъ въ управленіе Главнаго Института нынѣшняго Директора, Д. С. С. Ивана Ивановича Давыдова, начался въ исторіи Института новый періодъ. До него Институтъ, 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, несоразмѣрно истощалъ средства содержанія онаго и бѣднѣлъ въ хозяйственномъ отношеніи; 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, упускалъ изъ виду современное быстрое движеніе наукъ, благодаря ихъ развѣтвленію, и въ нѣкоторомъ смыслѣ слабѣлъ въ сравненіи съ университетами, преобразованными уставомъ 1835 года, такъ что питомцы Института, по окончаніи ученія, затруднялись съ такою увѣренностью и честію стремиться къ пріобрѣтенію высшихъ ученыхъ степеней, по Положенію 1837 г., какъ студенты университетовъ, къ курсамъ которыхъ это положеніе было примѣнено. Прежде въ этомъ случаѣ помогала студентамъ Института посылка ихъ въ заграничные университеты,

Обозрѣніе 1859 г., стр. 9.

По вступленіи въ управленіе Главнымъ Педагогическимъ Институтомъ И. И. Давыдова, измѣнилось устройство Института и направленіе его дѣятельности. Новый директоръ нашелъ, что Институтъ, 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, долженъ былъ слишкомъ ограничить себя въ статьяхъ содержанія студентовъ и воспитанниковъ; 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, еще не вполнѣ приготовленныхъ къ своему дѣлу, слишкомъ развлекалъ студентовъ и не позволялъ имъ съ надлежащею самодѣятельностью заниматься изученіемъ литературы избранныхъ наукъ и письменными упражненіями; 3) что въ Институтѣ распредѣленіе предметовъ по факультетамъ не соотвѣтствовало университетскому и было неудобоприложимо къ положенію объ испытаніяхъ на ученыя степени.

для усовершенствованія въ наукахъ; но, съ теченіемъ времени, эта посылка сдѣлалась чрезвычайно затруднительною и, наконецъ, совершенно отмѣнена. Студенты Института могли бы усиленнымъ трудомъ, при помощи своихъ знаменитыхъ профессоровъ, восполнить и этотъ недостатокъ; но, употребляя много времени на приготовленіе къ преподаванію наукъ въ двухъ прибавочныхъ отдѣленіяхъ Института и на самое преподаваніе, они не имѣли времени на самодѣятельное обрабатываніе факультетскихъ предметовъ, на ознакомленіе съ литературою наукъ и на письменныя упражненія, а посему должны были ограничиться честію хорошихъ учителей гимназій; высшая же, почетнѣйшая честь — быть достойнымъ профессоромъ — оставалась недостижимою.

И здѣсь вы встрѣчаете почти однѣ и тѣ же фразы; только въ отчетѣ 1853 г., писанномъ еще при директорствѣ г. И. Давыдова, изложено все дѣло нѣсколько пространнѣе и краснорѣчивѣе. Посмотримъ далѣе.

Актъ 1853 г., стр. 28.

И. И. Давыдовъ, посвятившій всю жизнь педагогическому званію и указавшій уже не одной тысячѣ молодыхъ людей путь въ самое высшее святилище наукъ, будучи при томъ самъ уже заслуженнымъ профессоромъ и ординарнымъ академикомъ, при самомъ вступленіи въ свою настоящую должность, увидѣлъ недостатки въ устройствѣ Гл. Пед. Инст. и, быстро сообразивъ средства къ приведенію его въ соотвѣтственное Уставу значеніе, немедленно приступилъ къ исполненію оныхъ. По его представленію, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Графъ Сергій Сем. Уваровъ,

Обозрѣніе 1859 г., стр. 10.

Желая возвысить уровень педагогическаго образованія питомцевъ Института распространеніемъ круга ихъ субъективнаго образованія, онъ исходатайствовалъ, чрезъ Г. Министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, Высочайшее соизволеніе, 26 іюля 1848 г., на преобразованіе Института въ такомъ видѣ:

исходатайствовалъ, 26 іюля 1848 г., Высочайшее соизволеніе на преобразованіе Г. П. Института на слѣдующихъ основаніяхъ:

Такъ какъ, съ одной стороны, при нынѣшнемъ отличномъ состояніи гимназій, уѣздныя училища уже достаточно снабжаются учителями изъ учениковъ гимназій и тѣми изъ воспитанниковъ предварительнаго курса, которые не имѣютъ отличныхъ способностей, чтобы сдѣлаться достойными профессорами или учителями гимназій, съ другой стороны, является много изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, желающихъ поступить въ Институтъ, для спеціальнаго педагогическаго образованія, то Второй Разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Института, съ принадлежащимъ къ оному классомъ полупансіонеровъ, исполнившіе временное свое назначеніе, стали болѣе ненужными.

Полагая, что уѣздныя училища достаточно могутъ снабжаться учителями изъ учениковъ гимназій, и что лучшіе воспитанники гимназій съ охотою будутъ поступать въ Институтъ для высшаго педагогическаго образованія, онъ нашелъ второй разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Института, съ принадлежавшимъ къ послѣднему классомъ полупансіонеровъ, излишними.

Далѣе—цѣлыхъ двѣ страницы взяты прямо изъ отчета 1853 г., такъ что ихъ и сравнивать нечего. Затѣмъ слѣдуетъ опять маленькая разница, которую мы отмѣтимъ.

Актъ 1853 г., стр. 32.

Въ скоромъ времени, по соображенію общаго устройства учебныхъ заведеній, представилась возможность произвести новое преобразованіе въ курсахъ Института. Такъ какъ среднія учебныя заведенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, нынѣ достаточно приготовляютъ лучшихъ своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ, то предварительный курсъ, для сей цѣли при Институтѣ существовавшій, оказывался излишнимъ, и пр.

Обозрѣніе 1859 г., стр. 11.

Въ скоромъ времени, желая привлечь въ Институтъ лучшихъ воспитанниковъ гимназій, начальство нашло нужнымъ привести устройство Института еще къ большему спеціализированію. Такъ какъ среднія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, могли достаточно приготовлять своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ, то предварительный курсъ, для сей цѣли существовавшій при Институтѣ, оказывался излишнимъ и пр.

Далѣе, буквально сходно въ обоихъ отчетахъ, разсказывается объ уничтоженіи предварительнаго курса и объ ограниченіи времени ученья въ Институтѣ четырьмя годами вмѣсто шести. Затѣмъ дѣлаются выводы:

Актъ 1853 г., стр. 32.

Курсы приняли надлежащій спеціальный видъ,

Обозрѣніе 1859 г., стр. 11.

Эта мѣра, сокративъ время педагогическаго приго-

и Главный Педагогическій Институтъ могъ теперь надежнѣе приступить къ довершенію высшаго педагогическаго образованія юношей, посвящающихъ себя званію наставниковъ, съ надлежащимъ приготовленіемъ и полнымъ сознаніемъ своихъ силъ и своего важнаго назначенія.

товленія, не вполнѣ достигла ожидаемаго успѣха: воспитанниковъ гимназій съ этого времени поступало въ Институтъ не больше прежняго; можетъ быть, причиною тому былъ продолжительный срокъ обязательной службы за институтское образованіе, а еще болѣе, кажется, правила закрытаго заведенія, каковъ былъ въ строгомъ смыслѣ, по уставу своему, Институтъ.

Затѣмъ въ «Обозрѣніи» г. А. Смирновъ разсказываетъ перемѣны въ Институтѣ, происшедшія уже послѣ 1853 г. Всѣ эти перемѣны вели къ большему спеціализированію занятій студентовъ и къ возвышенію уровня ихъ образованія, съ цѣлью приготовить изъ нихъ не только отличныхъ учителей гимназій, но и достойныхъ профессоровъ университета. Къ сожалѣнію, мѣры эти не были вполнѣ удачны, такъ что изъ студентовъ послѣднихъ выпусковъ, образованныхъ по новой системѣ, только *двое* поступили въ высшія учебныя заведенія (изъ прежнихъ выпусковъ—35). Самое количество воспитанниковъ въ Институтѣ постоянно уменьшалось и, вмѣсто полнаго по штату числа 154, дошло до 94. Причинами этого «Обозрѣніе» полагаетъ, между прочимъ, то, что «быстро возраставшая въ послѣднее время дороговизна на жизненные припасы, улучшеніе нѣкоторыхъ хозяйственныхъ статей и отнесеніе значительныхъ издержекъ на экономическую сумму Института, истощая средства заведенія, не позволяли попрежнему увеличивать число питомцевъ Института» (стр. 17).

Въ 1853 г. отчетъ г. А. Смирнова оканчивался слѣдующими знаменательными строками, выражавшими тѣ надежды, какія питало начальство заведенія, въ бытность директоромъ его г. И. Давыдова: «*Преобразованія Главнаго Педагогическаго Института, совершившіяся съ 1847 года, принесли уже утѣшительные плоды: Институтъ, въ хозяйственномъ отношеніи, достигъ блестящаго состоянія; объемъ курсовъ его и направленіе преподаванія дали ему возможность образовать молодыхъ педагоговъ, изъ которыхъ нѣкоторые, прямо по выпускѣ изъ заведенія, съ честію заняли въ университетахъ и Главномъ Педагогич. Институтѣ профессорскія каѳедры; не утративъ своего практическаго спеціальнаго направленія, Институтъ съ честію опять (?!) сталъ на почетное мѣсто въ ряду высшихъ учрежденій по части народнаго просвѣщенія*» (стр. 36).

Но, къ сожалѣнію, какъ видно изъ нынѣшняго «Обозрѣнія», надежды эти не оправдались. Опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ несостоятельность всѣхъ мѣръ, какія были принимаемы новымъ директоромъ Института. Видя, что всѣ доселѣ сдѣланныя преобразованія такъ неудачны, г. И. Давыдовъ самъ рѣшился отказаться отъ нихъ и опять обратиться къ тому устройству, какое было при Миддендорфѣ. Желая провести эту мысль, онъ въ декабрѣ 1857 г. подалъ

г. министру народнаго просвѣщенія записку о новомъ преобразованіи Института. Вотъ что, между прочимъ, приводится изъ записки въ «Обозрѣніи» г. А. Смирнова:

«Несмотря на пользу, доставляемую Институтомъ въ нынѣшнемъ его состояніи, до котораго доведенъ онъ путемъ опыта и указаніемъ потребностей, представляется возможность придать ему характеръ, совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и тѣмъ содѣйствовать новому его совершенствованію.

«Главное затрудненіе въ учебномъ образованіи будущихъ наставниковъ юношества нынѣ встрѣчаетъ Институтъ въ недостаточномъ приготовленіи для этой цѣли поступающихъ въ Институтъ питомцевъ изъ гимназій и семинарій. Для ученаго образованія необходимо основательное изученіе древнихъ языковъ и новыхъ иностранныхъ, вмѣстѣ съ словесностью и исторіею, или всего круга знаній, называемыхъ studia himaniora: это—тщательно воздѣланная почва, которой можно повѣрять всѣ добрыя сѣмена; безъ этого приготовительнаго общаго ученія нельзя ожидать вѣрныхъ успѣховъ отъ высшихъ спеціальныхъ курсовъ; нимало не помогутъ педагогическія занятія тѣмъ, которые слабо приготовлены въ начальномъ ученіи.

«Для восполненія недостатка приготовительнаго изученія древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ, нужныхъ для ученаго образованія, необходимо четырехгодичное ученіе институтское обратить въ шестилѣтнее и раздѣлить его на три двухгодичные курса: 1-й курсъ—общій (humaniora), 2-й—спеціальный или факультетскій и 3-й—практическій. Въ первомъ курсѣ студенты должны преимущественно заниматься изученіемъ языковъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ, русской словесности, элементарной математики и историческихъ наукъ. Тутъ всѣ учащіеся, поступающіе изъ разныхъ заведеній, могутъ сравняться въ знаніяхъ по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ. Во второмъ курсѣ студентовъ предполагалось распредѣлять по факультетамъ историко-филологическому и физико-математическому. Въ третьемъ они должны были заниматься факультетскими предметами практически и упражняться въ педагогикѣ въ общемъ курсѣ, подъ руководствомъ преподавателей. При этомъ раздѣленіи курса ученія выпуски изъ Института предполагалось производить черезъ каждые два года».

«Такимъ образомъ,— говоритъ г. Смирновъ (стр. 19),— Институтъ нашелъ необходимымъ возвратиться къ устройству 1828 и 1848 годовъ и положить въ основаніе педагогическаго образованія то, чѣмъ такъ особенно дорожилъ и прежній директоръ, Ѳ. И. Миддендорфъ,— основательное изученіе древнихъ и новыхъ языковъ. Въ этомъ новое направленіе Института сходилось со старымъ. Но такой педагогической практики, если она оказалась необходимою, при новомъ предполагавшемся образованіи Института питомцы онаго не могли имѣть, какъ имѣли при старомъ устройствѣ 1832—1847 годовъ».

Но при развитіи новыхъ педагогическихъ понятій и требованій и при измѣненіи взгляда на дѣятельность Института во второмъ періодѣ, ошибочность котораго созналъ самъ ея виновникъ, предложеніе г. И. Давыдова не было принято. «Главное правленіе училищъ (говоритъ г. Смирновъ) въ засѣданіи 21 октября 1858 г., по разсмотрѣніи дѣла о преобразованіи Главнаго Педагогическаго Института, нашло, что недостатки сего заведенія заключаются въ двухъ главныхъ основаніяхъ его настоящей организаціи: 1) въ условіяхъ *пріема* студентовъ, при которыхъ можетъ нерѣдко случиться, что въ Институтъ поступятъ молодые люди, кои не окажутъ впослѣдствіи ни на-

клонности, ни достаточныхъ способностей къ званію, къ которому готовятся, и 2) въ самомъ *курсѣ*, лишенномъ практическаго, въ необходимыхъ размѣрахъ, примѣненія преподаваемыхъ студентамъ теорій. Для устраненія этихъ недостатковъ главное правленіе училищъ, обсудивъ основные только вопросы, такъ какъ всѣ дальнѣйшія затѣмъ подробности предполагаемыхъ преобразованій должны зависѣть отъ ближайшихъ соображеній министерства, полагало сообразнымъ съ цѣлью, *упразднивъ Главный Педагогическій Институтъ, устроить взамѣнъ онаго особые педагогическіе курсы*, въ которые будутъ принимаемы молодые люди, окончившіе уже курсъ въ университетѣ и избирающіе, слѣдовательно, предлежащее имъ педагогическое поприще сознательно; съ другой стороны, начальство педагогическихъ курсовъ можетъ имѣть достаточное ручательство въ знаніяхъ и природныхъ ихъ способностяхъ. Педагогическіе курсы, соединяя факультетское образованіе съ спеціальнымъ и практическимъ, будутъ продолжаться по два года; они должны быть заведеніями открытыми».

Вскорѣ послѣ этого рѣшенія директоръ Института, г. И. Давыдовъ, назначенъ въ Правительствующій Сенатъ въ Москву; въ Институтѣ остались начальствующими, подъ главнымъ наблюденіемъ г. попечителя Спб. учебн. округа, И. Д. Делянова: г. Тихомандрицкій, самъ бывшій воспитанникомъ Института перваго выпуска и служившій въ немъ инспекторомъ съ 1848 г., и г. А. Смирновъ, тоже давнишній воспитанникъ Института, служившій въ немъ старшимъ надзирателемъ съ 1840 г. Такимъ образомъ они, можно сказать, видѣли начало Института, участвовали въ его дѣятельности, во второмъ ея періодѣ, и теперь видѣли закрытіе этого заведенія...

---

83. Основные законы воспитанія.

Вкратцѣ изложилъ для семейства и школы *Н. А. Миллеръ-Красовскій*, кандидатъ Спб. университета по факультету историко-филологическихъ наукъ, классный надзиратель при Гатчинскомъ Николаевскомъ институтѣ. Первый выпускъ. Спб. 1859 г.

Надъ книгою Миллера-Красовскаго очень много смѣялись во всѣхъ журналахъ, чѣмъ онъ, какъ и слѣдовало ожидать, остался очень недоволенъ. Противъ одной рецензіи онъ напечаталъ даже реплику въ «Сѣверной Пчелѣ». Репутація газеты, принявшей подъ свое покровительство антикритику г. Миллера-Красовскаго, слишкомъ хорошо извѣстна, для того, чтобы нужно было прибавлять еще какія-нибудь поясненія къ этому факту. Но справедливость требуетъ сказать, что *отвѣтъ* г. Миллера-Красовскаго, напечатанный въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 142), въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, все-таки, не такъ нелѣпъ, какъ вся его книга. Въ отвѣтѣ своемъ онъ даже прямо противорѣчитъ нѣкоторымъ изъ основныхъ положеній, провозглашенныхъ имъ въ «Основныхъ законахъ воспитанія». Надобно сказать, что вся книга г. Миллера-Красовскаго есть не что иное, какъ апоѳеозъ повиновенія воспитанника, повиновенія слѣпого, безусловнаго,

повиновенія во что бы то ни стало, хотя бы дѣло дошло до розогъ и пощечинъ. Заставить воспитанника повиноваться безъ разсужденій—вотъ цѣль воспитанія, по мнѣнію автора. Онъ разсуждаетъ такъ: «дитя еще не имѣетъ воли, не въ состояніи мыслить; за него воспитатель *волитъ*, мыслитъ и отвѣчаетъ предъ Богомъ за младую душу, требуя одного повиновенія» (стр. 18); поэтому очевидно, что воспитанникъ долженъ безусловно и слѣпо повиноваться воспитателю, какъ существо, лишенное своей воли и мысли. «Здравое воспитаніе непремѣнно установитъ для всѣхъ воспитываемыхъ, безъ разбора возраста и сословія, разумное правило: «Не разсуждай, а исполняй» (стр. 33). Но когда же оканчивается это воспитаніе, требующее повиновенія безъ разсужденій? По словамъ г. Миллера-Красовскаго, вмѣстѣ съ совершеннолѣтіемъ (стр. 10); но по *сущности его ученія* — никогда. Онъ самъ говоритъ, что «послушаніе, требуемое воспитателемъ отъ питомца, будетъ основою и гражданскаго послушанія»; «*всякая же гражданская обязанность есть не что иное, какъ безусловное подчиненіе нашей воли правительству и отечественнымъ законамъ*» (стр. 8). Значитъ, въ теченіе всей своей жизни человѣкъ, воспитанный по началамъ г. Миллера-Красовскаго, никогда не дойдетъ до того, чтобы самостоятельно разсудить о чемъ-нибудь. Въ жизни онъ такъ же, какъ и при воспитаніи своемъ, будетъ только слушаться, будетъ только исполнителемъ, вовсе не понимающимъ, да и не заботящимся понимать — что и зачѣмъ онъ дѣлаетъ. По требованію г. Миллера-Красовскаго, «не должно облегчать дѣтямъ повиновенія, *убѣждая* ихъ въ воспитательской какой-либо необходимости причинами и доводами: это въ сущности то же самое, что освобожденіе отъ всякаго повиновенія, *потому что убѣжденное дитя ужъ болѣе не слушается родителей, а причинъ, резоновъ*, и такимъ образомъ *привыкаетъ резонировать*» (стр. 32). Значитъ, по г. Миллеру-Красовскому, великое зло воспитанія заключается въ томъ, когда дѣти привыкаютъ разсуждать (или резонировать); нужно, чтобъ они не привыкали къ этому, и такимъ образомъ на всю жизнь остались покорными исполнителями чужихъ велѣній. Очевидно, что при такой системѣ воспитанія общество обрекается на вѣчный застой, на вѣчное повтореніе однихъ и тѣхъ же, разъ навсегда установившихся обычаевъ и предразсудковъ; этой системой уничтожается всякая возможность нововведеній и усовершенствованій, осуждается всякая борьба противъ укоренившагося зла, всякая реформа въ какомъ бы то ни было дѣлѣ. Люди, открывшіе новые пути для мысли, указавшіе новыя начала общественнаго устройства, составлявшіе новыя системы, новые законы для человѣческой дѣятельности,—всѣ эти люди, по ученію г. Миллера-Красовскаго, не болѣе какъ своевольники, дурно воспитанные, ложно направленные мальчики!..

Въ *отвѣтѣ* своемъ г. Миллеръ-Красовскій нѣсколько смягчаетъ свое ученіе и этимъ даетъ доказательство, что насмѣшливыя рецензіи его книги не остались безъ дѣйствія. Напр., онъ говоритъ: «кажется, мы вполнѣ правы были, сказавъ: *любя, дѣти научатся повиновенію*». Дѣйствительно, авторъ былъ бы правъ, если бы сказалъ

это; но дѣло въ томъ, что онъ въ своей книгѣ сказалъ совершенно противное. Въ «Основныхъ законахъ воспитанія» огромными буквами напечатано: «*повинуясь, дѣти учатся любить* (но не наоборотъ)» (стр. 27). Это значитъ: «но, любя, дѣти не учатся повиноваться». Очевидно, что въ отвѣтѣ г. Миллера-Красовскаго принято положеніе, совершенно и буквально противоположное тому, что имъ же самимъ сказано въ «Основныхъ законахъ воспитанія».

Въ другомъ мѣстѣ своего отвѣта г. Миллеръ-Красовскій удивляется, какъ могли рецензенты смѣяться надъ неоспоримымъ положеніемъ, что «идея равенства между родителями и дѣтьми невозможна, *потому что* она и не согласна съ заповѣдью: чти отца и мать». Но равенства родителей и малолѣтнихъ дѣтей никто и не провозглашалъ. Смѣялись только надъ этимъ «*потому что и*» и возставали противъ примѣненія идеи о неравенствѣ въ «Основныхъ законахъ воспитанія». Развивая эту идею, г. Миллеръ-Красовскій посягаетъ на самую человѣческую личность дитяти, отнимаетъ у него право имѣть собственную мысль, выразить собственное ощущеніе. По его требованію, не нужно позволять дѣтямъ ни малѣйшаго возраженія, ибо «что такое возраженія, переговоры, какъ не идеи равенства!» (стр. 33). Ясно, что г. Миллеръ-Красовскій считаетъ всякое проявленіе личности въ ребенкѣ какимъ-то преступнымъ замысломъ захватить себѣ равенство съ родителями и воспитателями.

Далѣе—г. Миллеръ-Красовскій отрекается, въ «Сѣверной Пчелѣ», отъ розогъ и пощечинъ и даже приходитъ въ негодованіе, что ему приписываютъ *подобныя нелѣпости*. «Пускай читатель самъ рѣшитъ,— говоритъ онъ, — стоитъ ли труда долѣе обличать *дѣйствительныя фантазіи* (?) нашего замаскированнаго филантропа (т.-е. рецензента «Спб. Вѣдомостей»), который вдобавокъ позволилъ себѣ еще *разныя неправды*, позволилъ себѣ разсказать, что мы рекомендуемъ розгу, вводимъ пощечины и подобныя нелѣпости». Подумаешь, что г. Миллеръ-Красовскій въ самомъ дѣлѣ врагъ розги и пощечины. Но раскроемъ его книгу. Вотъ глава *о формахъ наказаній*.

«Какъ ни трудно опредѣлить универсальныя формы, онѣ съ нѣкоторыми измѣненіями преимущественно бываютъ слѣдующія: выговоръ, иронія, лишеніе удовольствія и свободы, разжалованіе мѣстомъ и наконецъ—розга. Мы вполнѣ согласны, что понятіе розга—весьма неизящное. Нѣмецкая педагогія (къ которой авторъ постоянно выражаетъ свое презрѣніе и отвращеніе) со временъ Руссо (послѣдняго негодяя и шарлатана, по мнѣнію автора) всѣми мѣрами вооружалась, постоянно тревожилась и еще нынѣ не согласна на счетъ этого унизительнаго двигателя повиновенія. Наше мнѣніе о такомъ важномъ вопросѣ будетъ лишено авторитета. Почему и, полагаемъ, благоразумно сдѣлаемъ, заставивъ г. Визе тутъ говорить объ англичанахъ. Даже въ Этонѣ (высшей школѣ) воспитанники старшаго класса не исключены отъ наказанія розгами» и проч.

Сдѣлавъ выписку изъ Визе, въ которой говорится, что у англичанъ тѣлесное наказаніе держится по старому обычаю, хотя и не имѣетъ разумнаго основанія, и что они придаютъ этому значеніе не

исправительное, а «смыслъ примиренія съ прошедшимъ», т.-е. карательное значеніе,—г. Миллеръ-Красовскій прибавляетъ отъ себя: «сказанное хотя и не относится къ домашнему воспитанію, но объясненный имъ смыслъ и символъ наказанія имѣютъ также важное значеніе для семейства» (стр. 50). Это значитъ, что г. Миллеръ-Красовскій принялъ Визе за поборника розги и вслѣдствіе того говоритъ читателямъ: «нынѣ всѣ противъ розги,—такъ что я даже не смѣю отъ себя высказать защиты ея; но вотъ г. Визе хвалитъ англійскій обычай подвергать тѣлесному наказанію старшихъ воспитанниковъ Этонской школы; хотя это къ семейному воспитанію не относится, но я думаю, что и въ семействѣ нужно съ дѣтьми поступать также точно»... Скажите же, послѣ этого, защищаетъ ли розгу г. Миллеръ-Красовскій, или, напротивъ, считаетъ ее нелѣпостью?

А вотъ и о пощечинахъ. Отвергая пользу карцера, г. Миллеръ-Красовскій говоритъ: «*наша двънадцатилътняя практика* говоритъ намъ, что продолжительное наказаніе большею частію безполезно, оно даже способствуетъ зачерствѣнію и озлобленію молодой натуры. *Быстрое, моментное же дѣйствіе* воспитателя всегда болѣе потрясетъ, чѣмъ систематически-задуманные пріемы и способы» (стр. 50). Что такое разумѣетъ авторъ подъ *сильнымъ моментнымъ дѣйствіемъ*, онъ объясняетъ былью, которая, вѣроятно, уже извѣстна нашимъ читателямъ, потому что она была перепечатана и въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Современникѣ» и даже переложена въ стихи въ «Искрѣ». Дѣло все въ томъ, что «*благоразумный, безпристрастный наставникъ* основательно вылѣчилъ Петю отъ упрямства *тремя пощечинами*» (стр. 55). Разсказавъ эту быль, г. Миллеръ-Красовскій заключаетъ: «кто усомнится или упрекнетъ насъ, что этотъ разсказъ не быль, а выдумка, тотъ навѣрно не заглядывалъ въ жизнь, тотъ силенъ однѣми кабинетскими теоріями». Послѣ этого нельзя не согласиться, что вполнѣ справедливо усвоено г. Миллеру-Красовскому живописное названіе «Рыцаря трехъ пощечинъ».

Въ заключеніе нашей рецензіи считаемъ не лишнимъ сообщить слѣдующій фактъ. Въ № 8 «Современника» помѣщено письмо въ редакцію г. Цейдлера, одного изъ служащихъ въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ, въ которомъ г. Миллеръ-Красовскій занимаетъ должность класснаго надзирателя, какъ сказано на заглавномъ листѣ его книги. Письмо это вызвано предположеніемъ, которое сдѣлалъ рецензентъ «Современника», что г. Миллеръ-Красовскій провѣряетъ свои педагогическія теоріи на воспитанникахъ Гатчинскаго института. Г. Цейдлеръ признаетъ это предположеніе «*весьма естественнымъ*», но удостовѣряетъ, что оно «*къ счастью невѣрно*», потому что г. Миллеръ-Красовскій, *если бы и желалъ*, то по своему положенію въ заведеніи *не былъ бы допущенъ* здѣсь проводить на практикѣ свои идеи. «Слѣдовательно, заключаетъ г. Цейдлеръ, — г. Миллеръ-Красовскій проводилъ свои идеи на практикѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, внѣ института».

Утѣшительно и это!

---

84. Природа и люди.

Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Книга вторая. Выпускъ III. Спб. 1859 г.

Мы говорили въ «Журналѣ для Воспитанія» (1858 г. № 4 и XI) о первыхъ двухъ выпускахъ, составляющихъ первую книгу этого изданія. Признавая за нимъ большія литературныя достоинства, мы замѣтили, что оно не можетъ «вытѣснить жалкіе учебники географіи», какъ предполагали авторы-издатели. Въ урокахъ г.г. Павловскаго и В. Л. слишкомъ много было вещей недосказанныхъ, слишкомъ много мѣстъ, которыхъ хорошее объясненіе было не подъ силу не только ученикамъ, но и многимъ изъ преподавателей. Ссылки на источники мало могли помочь, потому что большая часть этихъ источниковъ недоступна младшему учителю гимназіи гдѣ-нибудь въ провинціальномъ городѣ. Всѣ эти замѣчанія приняты во вниманіе авторами при составленіи второй книги ихъ уроковъ. Въ нынѣшнемъ выпускѣ содержатся разсказы объ Египтѣ, Алжиріи и Сенегамбіи. Говоря о Египтѣ, г. Павловскій весьма подробно, живо и просто разсказываетъ объ общихъ свойствахъ страны, о качествахъ народа, о мусульманской религіи, объ администраціи Египта, нерѣдко обращаясь къ прошедшему и дополняя свои описанія историческими замѣтками. Въ очеркѣ Алжиріи г. Павловскій также даетъ описаніе страны и вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніе народа, живущаго въ этой мѣстности, и нѣсколько свѣдѣній о его политическомъ положеніи. То же самое дѣлаетъ г. В. Л. въ отношеніи къ Сенегамбіи и Сіерра-Леонскому берегу Африки. Нельзя не поблагодарить ихъ за то, что они признали справедливость сдѣланныхъ имъ замѣчаній и постарались въ новыхъ выпускахъ исправить, хотя отчасти, указанные имъ недостатки. Въ изданной теперь книжкѣ уже гораздо меньше намековъ и ссылокъ на источники, рѣдко кому доступные; авторы потрудились изложить все, что сами сочли нужнымъ передать ученикамъ, а не только конспектъ того, что долженъ будетъ развивать предъ учениками искусный преподаватель. Вслѣдствіе того третій выпускъ «Природы и людей» можетъ служить очень полезнымъ пособіемъ для всякаго учителя, въ изложеніи географіи Сѣверной и Западной Африки. Но само собою разумѣется, что и этотъ выпускъ все-таки не можетъ служить *учебникомъ* въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается это слово. Книжку «Природа и люди» нельзя дать въ руки ученикамъ, чтобъ они *учили* ее. Дѣлаемъ это замѣчаніе для тѣхъ, которые, не видавши третьяго выпуска, могли бы подумать, что гг. А. Павловскій и В. Л. продолжаютъ стремиться къ тому, чтобъ свои лекціи поставить на мѣсто учебниковъ, употребляющихся въ школахъ. Нѣтъ, они совершенно отказались отъ этого и считаютъ свою книгу не болѣе какъ «пособіемъ для учащихся и для читателей, мало знакомыхъ съ современною наукою» (пред. III). Въ этомъ смыслѣ нельзя не отдать полной справедливости книгѣ гг. А. Павловскаго и В. Л.; ихъ уроки съ любопытствомъ прочтутъ многіе даже изъ прошедшихъ гимназическій курсъ географіи.

Въ предисловіи къ третьему выпуску находится между прочимъ возраженіе на нашу рецензію, помѣщенную въ № XI «Журнала для Воспитанія» 1858 г. Упреки касаются двухъ пунктовъ: 1) Зачѣмъ мы сказали, что критикѣ нѣтъ дѣла до того, какими источниками пользовался авторъ. Но авторъ не вполнѣ точно передалъ нашу мысль въ своемъ возраженіи. Мы сказали, что «здравой критикѣ нѣтъ дѣла до того, какія книжки читалъ авторъ; она судитъ о томъ, что онъ написалъ». Мысль наша ясна: можно пользоваться многими источниками и все-таки не написать ничего хорошаго; слѣдовательно, указаніе на источники нимало не оправдываетъ недостатковъ собственнаго изложенія автора. И въ этомъ отношеніи можетъ быть неумѣстно, ненужно и дурно даже то, что взято прямо и буквально изъ источниковъ: не все то нужно и хорошо въ учебникѣ исторіи, что находится въ актахъ и лѣтописяхъ; не все то умѣстно и въ учебникѣ географіи, что говорится въ описаніяхъ путешествій и статистическихъ сборникахъ. Поэтому-то мы считаемъ несправедливымъ и второй упрекъ издателей, сдѣланный намъ,—именно 2) въ томъ, что мы осудили въ ихъ книгѣ два мѣста, прямо взятыя изъ Брэма и изъ миссіонера Шена. Ихъ свидѣтельства могутъ быть вполнѣ достовѣрны, ихъ авторитеты—незыблемы, ихъ разсказы—превосходны; но все это не мѣшаетъ намъ замѣтить и остаться при своемъ мнѣніи, что описанія, взятыя изъ нихъ въ книгу гг. А. Павловскаго и В. Л., реторичны, что фраза, нелѣпость которой мы замѣтили въ нашей прежней рецензіи, дѣйствительно нелѣпа. «Почему же не заглянуть было хоть въ эти два источника, если другіе неизвѣстны г. рецензенту?»—спрашиваетъ предисловіе. Но почему же, спросимъ мы въ свою очередь,—предисловіе думаетъ, что мы осудили указанныя нами мѣста во второмъ выпускѣ потому только, что не знали, откуда они взяты? Неужели мы не смѣли бы выразить свое мнѣніе, если бы намъ было извѣстно, что недостатки, порицаемые нами, принадлежатъ не В. Л., а Шену и Брэму? Такое ниспроверженіе въ прахъ предъ авторитетами мы считаемъ совершенно излишнимъ.

---

85. Этимологическій курсъ русскаго языка.

Учебное пособіе для 1-го общаго класса въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ В. Новаковскій. Спб. 1858 г.

Опытъ грамматики русскаго языка.

Составленный домашнимъ учителемъ С. Алейскимъ. (Выпускъ первый). Спб. 1859 г.

Курсъ г. Новаковскаго можно назвать стенографическимъ воспроизведеніемъ уроковъ, читанныхъ въ низшемъ классѣ русскаго языка какимъ-нибудь учителемъ. Кто изъ учителей убѣдится въ пользѣ методы г. Новаковскаго, тотъ смѣло можетъ взять съ собою его книжку и начать грамматическій разборъ «Перелетной птички» Пушкина,—ни на шагъ не отступая отъ того, что находится въ «Этимологическомъ

курсѣ»: тутъ уже все не только въ ротъ положено, но разжевано. Вотъ, напр., какъ начинаетъ г. Новаковскій свой разборъ, который долженъ слѣдовать за прочтеніемъ «Перелетной птички»:

«Во всемъ стихотвореніи Пушкина говорится о птичкѣ; стало быть, птичка—*предметъ* этого стихотворенія. Передъ вами теперь *перо*, *карандашъ*, *тетрадь*: это предметы. Вы вышли на улицу, вамъ бросаются въ глаза слѣдующіе предметы: *дома*, *люди*, *лошади*, *экипажи*. Въ мірѣ много животныхъ, растеній, камней: все это—предметы. Мы употребляемъ слово *предметъ* для выраженія всего, о чемъ только можно сказать: *я думаю о томъ-то*, *я говорю о томъ-то*, *я пишу о томъ-то*. Можно сказать: *я думаю о Богѣ*, Богъ—предметъ; можно сказать: *я говорю о трудѣ*, трудъ—предметъ; можно сказать: *я пишу о веснѣ*, весна—предметъ», и пр.

Далѣе столь же пространно толкуется о разныхъ родахъ предметовъ, объ ихъ признакахъ, о дѣйствіяхъ и состояніяхъ и проч. Словомъ, вся книжка г. Новаковскаго составляетъ не что иное, какъ тетрадь внимательнаго ученика, обстоятельно записавшаго всѣ объясненія, какія дѣлались въ классѣ учителемъ относительно грамматическаго разбора. Есть ли въ нашихъ школахъ потребность въ изданіи такой тетради? Для кого она можетъ принести пользу? Ученикамъ перваго класса гимназіи или кадетскаго корпуса рѣшительно невозможно дать въ руки книжку г. Новаковскаго. Что они станутъ съ ней дѣлать? Учить ее наизусть? Но на это едва ли бы согласился самъ авторъ «Этимологическаго курса»... Читать ее для пріученія себя къ грамматическому анализу? Но и этого, очевидно, не имѣлъ въ виду самъ г. Новаковскій, потому что въ курсѣ его находимъ и *задачи* вродѣ: «производите прилагательныя отъ такихъ-то существительныхъ», «разберите такія-то фразы» и проч.; находимъ цѣлыя таблицы всевозможныхъ склоненій и спряженій, находимъ и неизбѣжныхъ двѣ страницы, на которыхъ живописно изображено:

1	одинъ	первый
2	два	второй
3	три	третій

и т. д. до милліона. Зачѣмъ этотъ *куннтюкъ* повторяется въ каждой русской грамматикѣ, мы добиваемся ужъ, кажется, лѣтъ пятнадцать и все не можемъ добиться.

Словомъ, книга г. Новаковскаго составлена скорѣе какъ учебникъ, нежели какъ книга для чтенія. Въ ней есть что-то похожее на методу Робертсона: сначала даются отдѣльные примѣры, разбираются, затѣмъ выводятся общія правила, формы и проч. Но здѣсь нѣтъ робертсоновской послѣдовательности и цѣлости. По курсу г. Новаковскаго формально нѣтъ возможности выучиться по-русски никакому ученику. Иностранецъ, очевидно, затруднится съ самаго начала изложеніемъ г. Новаковскаго; да, впрочемъ, книга и назначена не для иностранцевъ. Она составлена для маленькихъ дѣтей. Но дѣтямъ она голову разломитъ—именно своею претензіею на простоту изложенія, подробность объясненій, обиліе примѣровъ. Ничто такъ не можетъ

затруднить ребенка и сбить его съ толку, какъ обиліе посредствующихъ соображеній, ведущихъ къ какой-то невидной для него цѣли. Пока еще дитя не набралось отвлеченныхъ понятій (а оно набирается ихъ сознательно только съ 13—14 лѣтъ), до тѣхъ поръ каждый предметъ, представляющійся ему, занимаетъ его *самъ по себѣ*, а не какъ средство къ опредѣленію чего-то другого, неизвѣстнаго. Реальный смыслъ всегда прежде и лучше сознается дѣтьми, нежели формальный. Птичка интересуетъ ихъ, какъ птичка, а не какъ подлежащее и дополненіе, не какъ имя существительное или именительный падежъ. Ученикъ вашъ можетъ отлично понять ваши объясненія о составѣ предложенія, можетъ вамъ двадцать разъ отвѣтить, что подлежащее есть предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи. Но скажите ему: «птичку убили изъ ружья»—и спросите: «о комъ здѣсь говорится?» Ученикъ безъ запинки отвѣтитъ: «о птичкѣ»,—и не безъ основанія выведетъ, что «*птичку*» есть подлежащее. Вообще въ длинныхъ предложеніяхъ, гдѣ подлежащее мѣняется, а рѣчь идетъ все объ одномъ предметѣ, дѣти безпрестанно путаются въ грамматическомъ анализѣ, останавливаясь на реальномъ смыслѣ и выпуская изъ виду формальный. Учитель обыкновенно въ такихъ случаяхъ сердится на непонятливость дѣтей; но въ сущности-то виноваты тутъ вовсе не дѣти, а путаница грамматическихъ опредѣленій, которою непремѣнно хотятъ оплести дѣтскій умъ... Да еще—не довольствуясь тѣмъ, что просто навязываютъ дѣтямъ свои опредѣленія,—хотятъ, чтобъ маленькіе ученики сами доходили до всѣхъ этихъ формальностей, на основаніи частныхъ примѣровъ и указаній. На этомъ пути подвизается во всей своей книгѣ и г. Новаковскій. Каково бѣднымъ дѣтямъ возиться хоть бы съ «Перелетною птичкой» Пушкина, затѣмъ, чтобы узнать, во-первыхъ, что птичка есть *предметъ*, во-вторыхъ, что это есть имя существительное, въ-третьихъ, что это предметъ *вещественный*, въ-четвертыхъ,—*одушевленный*, и т. д. И для чего все это маленькимъ дѣтямъ? Намъ всегда казалось, что обученіе русскому языку въ низшихъ классахъ должно главнымъ образомъ содѣйствовать развитію способностей учащихся и расширенію круга ихъ свѣдѣній. Читая съ дѣтьми произведенія лучшихъ отечественныхъ писателей, заставляя дѣтей пересказывать содержаніе прочитаннаго, объясняя имъ подробности, содержащіяся въ разсказѣ, учитель имѣетъ въ виду познакомить ихъ съ предметами, дотолѣ имъ неизвѣстными, пріучить ихъ къ связности сужденій и къ стройности изложенія. При этомъ мимоходомъ, какъ дѣло самой послѣдней возможности, могутъ быть сообщаемы и различныя грамматическія опредѣленія. Да и то надо дѣлать только съ цѣлью—укрѣпить въ памяти учениковъ самую сущность дѣла посредствомъ сообщенія его названія. Дѣтямъ необходимо растолковать, какъ составляется сужденіе и какія условія необходимы для его составленія; объяснивъ это, можно кстати замѣтить, что сужденіе называется грамматически предложеніемъ, что части его—подлежащее и сказуемое, и проч. Но толковать о предложеніи именно затѣмъ, чтобы дѣти хорошо усвоили себѣ этотъ грамматическій терминъ, приводить примѣры, читать стихи—для того только, чтобы изъ нихъ вырвать слова,

которыя могутъ быть названы предметами, т.-е. подлежащимъ,—и потомъ другія, означающія *дѣйствія* или *состоянія*, и потому могущія быть сказуемыми,—вести все начальное обученіе языку къ подобнымъ результатамъ, это значитъ ни на шагъ не отступать отъ старой схоластики. Прежде забивали голову дитяти формами склоненій и спряженій и вмѣсто живой рѣчи и здраваго смысла давали ему кучу грамматическихъ формулъ и исключеній до мертвыхъ схоластическихъ терминовъ; а теперь преподаватели, подобные г. Новаковскому, изо всѣхъ силъ хлопочутъ, чтобы вбить въ голову ребенка названія частей предложенія и условныя, часто ни на чемъ не основанныя правила грамматическаго анализа. Та же формальность, та же схоластика! Выходитъ, что вся разница новаго ученья отъ стараго ограничивается лишь перемѣною заучиваемыхъ словъ. Какой-то составитель латинской грамматики ставилъ же себѣ въ заслугу, что вмѣсто обыкновеннаго образца перваго склоненія *tensa*, онъ поставилъ въ своемъ руководствѣ—*silva*; въ этомъ родѣ и заслуга учебниковъ русскаго языка, подобныхъ курсу г. Новаковскаго. Составители этихъ курсовъ никакъ не хотятъ понять, что главное достоинство новой системы обученія языку состоитъ именно въ изгнаніи схоластическихъ формальностей и въ заботѣ о развитіи разсудка дѣтей посредствомъ упражненій въ языкѣ. Этого развитія не достигнешь повтореніемъ на десяти страницахъ, что птица—предметъ, и перо—предметъ, и бумага—предметъ, и домъ, и лошадь, и царь, и книга, и ножикъ, и проч. все *предметы*, а летать, ходить, кричать, носить, дѣлать и проч. означаетъ *дѣйствіе*. Напирая на изъясненіе подобныхъ *названій* (здѣсь дѣло идетъ чисто о названіи, потому что сущность дѣла въ этомъ случаѣ понятна сразу дѣтямъ даже шести- и семилѣтняго возраста), учитель только путаетъ дѣтей и приводитъ къ отупѣнію ихъ здравый смыслъ. Вещи, въ сущности чрезвычайно простыя и доступныя самому обыкновенному дѣтскому пониманію, здѣсь только омрачаются разными тонкостями, подраздѣленіями и терминами, изобрѣтенными на мученіе даже самаго понятливаго ребенка. Не угодно ли, напр., полюбоваться, съ какихъ понятій долженъ начинать изученіе роднаго языка кадетъ 1-го общаго класса, куда поступаютъ мальчики около 10 лѣтъ. Вотъ оглавленіе *первыхъ двухъ* параграфовъ курса г. Новаковскаго.

§ 1. Предметъ: употребленіе, образованіе и значеніе этого слова. Предметы находятся въ нашемъ умѣ, какъ представленія или понятія. Понятія о предметахъ выражаются словами, которыя въ языкѣ составляютъ разрядъ именъ существительныхъ.

§ 2. Дѣленіе предметовъ, по способу ихъ познаванія, на умственные и чувственные (міръ вещественный). Подраздѣленіе первыхъ, по ихъ существу, на духовные (міръ духовный) и отвлеченные (міръ отвлеченный), а вторыхъ по отношенію къ произвольному движенію,—на одушевленные и неодушевленные. Понятіе о каждомъ изъ нихъ. Происхожденіе отвлеченныхъ предметовъ и отличіе ихъ отъ духовныхъ.

Спрашивается: какое впечатлѣніе произведетъ на дѣтей изученіе всѣхъ подраздѣленій, образованій, происхожденій и отличій, изложен-

ныхъ въ этихъ двухъ параграфахъ? И много ли подвинется знаніе дѣтьми русскаго языка, если они все это выучатъ?

Нѣтъ, по нашему мнѣнію, дѣти очень много выиграютъ, имъ не попадется въ руки курсъ г. Новаковскаго: для нихъ онъ только безполезенъ, но даже можетъ быть вреденъ не менѣе грамматики г. Греча.

Но, можетъ быть, г. Новаковскій имѣлъ въ виду составить учебное пособіе для неопытныхъ учителей? Можетъ быть; но книга его и въ этомъ смыслѣ оказывается негодною. Во-первыхъ, ея метода, какъ мы уже сказали, совершенно формальная, и вовсе нежелательно, чтобъ учителя слѣдовали ей въ преподаваніи русскаго языка. Во-вторыхъ, обиліе повтореній и переливаній изъ пустого въ порожнее, которое должно показаться скучнымъ даже для порядочнаго ученика, тѣмъ болѣе излишне и обременительно для учителя. На двухстахъ страницахъ толковать учителю, какъ онъ долженъ объяснять дѣтямъ составъ предложенія,—это ужъ слишкомъ многоглаголиво!

Отъ *формальности*, жертвою которой сдѣлался г. Новаковскій, старался, повидимому, отречься г. Алейскій въ своемъ «Опытѣ». «Опытъ» этотъ назначается, должно быть, для учениковъ, уже прошедшихъ первую степень обученія, и потому г. Алейскій начинаетъ съ такъ называемыхъ *философскихъ* объясненій,—что слово есть выраженіе понятія, что рѣчь вообще есть слѣдствіе мышленія, что познанія пріобрѣтаются внѣшними чувствами, *кои суть* и проч. Философомъ г. Алейскій оказывается не мудрымъ и, вдобавокъ, еще очень высокопарнымъ, какъ видно, напр., изъ самаго начала предисловія:

«Богъ, создавъ человѣка для общежитія, даровалъ ему, по своей благости, двѣ главнѣйшія способности, отличающія его отъ прочихъ существъ одушевленныхъ: умъ—познавать Творца и все, Имъ созданное, или мыслить, и слово — сообщать другимъ людямъ свои мысли членораздѣльными звуками голоса, или *говорить*».

Какъ видите, здѣсь г. Алейскій раздѣляетъ *мысль* и *слово*, какъ двѣ способности, совершенно независимыя одна отъ другой, извнѣ и отдѣльно приданныя человѣку. Но нѣсколько строкъ ниже онъ самъ же говоритъ: «Даръ слова есть *послѣдствіе мышленія*»; «*какъ органическое произведеніе духа*, проявляющагося въ веществѣ, языкъ развивается вмѣстѣ съ мыслящею способностью объясняющагося на немъ народа» и проч. Здѣсь уже, стало быть, даръ слова признается просто необходимымъ проявленіемъ мыслящей способности человѣка, непосредственно съ нею связаннымъ, а не отдѣльною способностью, дарованною... и проч.

При столь шаткомъ пониманіи самой сущности своего предмета г. Алейскій не могъ представить слишкомъ свѣтлыхъ и новыхъ соображеній относительно философскихъ началъ языковѣдѣнія. Но, тѣмъ не менѣе, мысль его заслуживаетъ одобренія. Онъ хотѣлъ сообщить ученикамъ предварительныя понятія о различныхъ способностяхъ, требованіяхъ и явленіяхъ духа человѣческаго, о различныхъ способахъ познанія и о разныхъ родахъ самихъ предметовъ познаваемыхъ,—для того, чтобы потомъ уже перейти къ изложенію законовъ,

по которымъ въ языкѣ происходитъ выраженіе нашихъ сужденій о предметахъ. Все это представлено г. Алейскимъ во «Введеніи», которое нельзя было бы назвать лишнимъ, если бы опредѣленія и указанія его были составлены съ большей послѣдовательностью и правильностью. Но, къ сожалѣнію, во «Введеніи» г. Алейскаго мы встрѣчаемъ множество ненужныхъ тонкостей (вродѣ различенія *ума* и *разума*, міра небеснаго, *духовнаго, умственнаго и нравственнаго, разрядовъ, порядковъ, классовъ и категорій* и т. п.), небрежности, недомолвки и даже просто невѣрности въ опредѣленіяхъ. Напр., у г. Алейскаго насчитано четыре царства природы, и къ четвертому отнесены *стихіи*; сказано, что «*понятія*, пріобрѣтенныя о предметахъ посредствомъ чувствъ, *называются чувствованіями внѣшними*»; сдѣлано такое замѣчаніе: «*хотя нѣкоторые предметы* и могутъ существовать безъ какихъ-либо частей, напр., домъ безъ крыши, дверей; *но для другихъ предметовъ* части совершенно необходимы...» и проч. По этимъ образчикамъ можно судить, каково вообще философское введеніе г. Алейскаго!

Ту же самую неопредѣленность, небрежность и часто ошибочность находимъ мы и въ собственно-грамматическихъ правилахъ «Опыта» г. Алейскаго. Притязаній въ «Опытѣ» очень много: научая практическому употребленію языка, онъ хочетъ въ то же время исчерпать и всѣ филологическія таинства. Поэтому въ «Опытѣ» находимъ: замѣчанія о переходѣ звуковъ, объ условіяхъ ихъ сочетанія, о сочетаемости, выпускѣ и прибавкѣ ихъ,—словомъ, цѣлую фонетику русскаго языка въ сокращеніи. Далѣе—здѣсь показаны правила производства словъ и значеніе всѣхъ суффиксовъ въ существительныхъ и прилагательныхъ; объяснены значеніе падежей, правила сложенія словъ, образованіе степеней сравненія и проч. И все это—надо отдать справедливость г. Алейскому—безъ излишняго многословія, съ рѣдкимъ только увлеченіемъ разсужденіями, вовсе къ дѣлу не относящимися. Все было бы хорошо, если бы г. Алейскій, чуть не на каждой страницѣ, не говорилъ того, чего нѣтъ, не бывало и быть не можетъ. Писать ли не умѣлъ г. Алейскій, не знаетъ ли теоріи своего предмета, или просто написалъ свой «Опытъ» съ плеча, нисколько не вникая въ смыслъ своихъ фразъ, — этого мы не могли рѣшить навѣрное. Но въ «Опытѣ» безпрестанно попадаются промахи, очень крупные. Представимъ нѣсколько примѣровъ.

«Прилагательное имя есть слово, означающее какой-либо признакъ предмета, *зависящій отъ наружнаго (!) вида послѣдняго* и другихъ условій (*вещества, свойства, обстоятельствъ*)» (стр. 58).

Попробуйте подъ это опредѣленіе подвести, напр., хоть слова: *добрый, вѣчный, нѣжный, честный* и т. п... Зависятъ ли эти признаки отъ *наружнаго вида, вещества, свойства обстоятельствъ?* Или это не прилагательныя?

«Творительный падежъ означаетъ предметъ, служащій орудіемъ или средствомъ совершаемаго дѣйствія, мѣстомъ, гдѣ оно происходитъ, или гдѣ предметъ находится» (стр. 50).

Ну, а, напр., слѣдующія фразы: онъ сдѣланъ моимъ начальни-

комъ; *я* сидѣлъ съ книгою; онъ показался мнѣ плутомъ, и проч. Что такое здѣсь творительный падежъ—орудіе или мѣсто?

«*Общею* формою окончаній, *положительно опредѣляющихъ* грамматическій родъ *всѣхъ* предметовъ, служатъ буквы: для мужескаго—*ъ*, *й*, женскаго—*а*, *я*, неопредѣленнаго (т.-е. средняго) *о*, *е*» (стр. 47).

Поэтому *слуга*, *Ѳома*, *Илья*, *дядя* и проч. и проч. будутъ женскаго рода?

Вообще къ *положительнымъ* опредѣленіямъ *всѣхъ* случаевъ г. Алейскій доказываетъ особенную наклонность. Особенно забавно видѣть его усилія подвести подъ особыя правила значеніе всѣхъ суффиксовъ у прилагательныхъ. На нѣсколькихъ страницахъ занимается онъ этимъ. Но что же выходитъ? Окончанія *ный*, *авый*, *овый*—означаютъ вещество; окончаніе *ный* значитъ также признаки обстоятельствъ, *авый*—качество, *овый*—родовыя прилагательныя; *ачій*, *ячій* свойственны родовымъ и качественнымъ; *инъ*, *ынъ*—родовымъ и притяжательнымъ и т. д. То же самое и съ суффиксами существительныхъ... Неблагодарная работа опредѣленія ихъ значенія можетъ доставить матеріала на длинное спеціальное изслѣдованіе; а г. Алейскій, безъ всякой надобности, мимоходомъ вздумалъ опредѣлять ихъ и, разумѣется, не опредѣлилъ.

Вообще «Опытъ» г. Алейскаго отличается нѣсколькими здравыми предположеніями и обнаруживаетъ въ авторѣ нѣкоторое знакомство съ спеціальными филологическими изслѣдованіями; но составленъ онъ весьма небрежно. Изложеніе доказываетъ непривычку автора къ строгому и точному выраженію своихъ мыслей; претензіи его (и между прочимъ попытки новой грамматической терминологіи) гораздо больше, нежели сколько онъ дѣйствительно можетъ исполнить; а выспренность, которой образчикъ приведенъ выше, постоянно смущаетъ ясность его мыслей и самаго языка.

---

86. Обязанности крестьянина.

Для сельскихъ училищъ. Я. Флоренсова. Съ эпиграфомъ: «всѣхъ почитайте, братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтите. Раби, повинуйтеся во всякомъ страсѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. Сіе бо есть угодно предъ Богомъ». Спб. 1859.

Небольшая книжка, изданная г. Флоренсовымъ, составляетъ родъ краткаго катехизиса, примѣненнаго собственно къ крестьянскому быту. Книжка эта, изложенная въ вопросахъ и отвѣтахъ, состоитъ изъ пяти главъ, заключающихъ въ себѣ опредѣленіе обязанностей крестьянъ: 1) къ Богу, 2) къ государю, 3) къ начальникамъ и помѣщикамъ, 4) къ равнымъ себѣ, 5) въ семейномъ быту. О духѣ и направленіи книжки свидѣтельствуетъ эпиграфъ ея, повторенный и въ самой книжкѣ, въ слѣдующемъ вопросѣ:

«Вопросъ. Какая обязанность крестьянина къ начальникамъ и помѣщикамъ своимъ?

Крестьянинъ долженъ оказывать всякое уваженіе начальникамъ и своимъ помѣщикамъ, не изъ страха наказанія, а по доброй волѣ; имѣть къ нимъ полную довѣренность, повиноваться не только добрымъ и кроткимъ, но и строптивымъ. и исполнять въ точности всѣхъ ихъ распоряженія и приказанія, все равно, письменныя или словесныя: такъ велитъ Богъ и Великій Государь, да и собственная польза того требуетъ».

Кромѣ внушенія крестьянамъ ихъ обязанностей, г. Флоренсовъ не забываетъ внушить имъ убѣжденіе и въ пользѣ образованія. На вопросъ: «нужна ли грамота?» — онъ отвѣчаетъ: нужна; а зачѣмъ,— на то представляетъ слѣдующіе главные резоны:

«Учащійся грамотѣ у священника или въ училищѣ выучитъ многому и родныхъ своихъ: онъ начнетъ дома читать разныя молитвы, разсказывать о всѣхъ чудесахъ Божіихъ, какъ міръ начался, какіе святые были, что значитъ каждый праздникъ, какіе были цари православные на Руси, какъ въ простомъ быту можно угодить Богу и Великому Государю и быть счастливу» (стр. 19).

Мы обращаемъ на эту книжку вниманіе всѣхъ читателей, сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія, потому, во-первыхъ, что въ ней видимъ мы первый опытъ систематической кодификаціи того, что доселѣ лишь отрывочнымъ образомъ высказывалось въ большей части нашего общества,—относительно обязанностей крестьянъ. Во-вторыхъ, книга г. Я. Флоренсова замѣчательна еще по своему внѣшнему значенію. На первомъ листѣ ея напечатано: «*разсматривано ученымъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ и награждено большою серебряною медалью*». Къ заглавію же книжки прибавлено: «*для сельскихъ училищъ*». Изъ этого можно заключить, что катехизисъ г. Я. Флоренсова одобренъ ученымъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ для употребленія въ сельскихъ училищахъ, и такимъ образомъ по книжкѣ г. Я. Флоренсова новое поколѣніе русскихъ крестьянъ сознательно изучитъ свои обязанности.

---

87. Курсъ всеобщей исторіи.

Доктора Георга Вебера, профессора въ Гейдельбергѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Е. и В. Корша. Томъ I. Выпускъ первый. Москва. 1859 г.

Курсъ всеобщей исторіи.

Составленный В. Шульгинымъ (для воспитанницъ благородныхъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій). Исторія среднихъ вѣковъ. Изданіе 2-е дополненное. Кіевъ. 1859 г.

Переводъ курса Вебера, весьма добросовѣстно сдѣланный гг. Коршами, составляетъ очень полезное пріобрѣтеніе въ русской исторической литературѣ, и мы спѣшимъ обратить на него вниманіе читателей. Громадная ученость Вебера, его добросовѣстность и строгая послѣдовательность изложенія извѣстны всѣмъ, хоть по наслышкѣ знающимъ историческую литературу Германіи. Теперь Веберъ издаетъ «Всеобщую Исторію» въ большихъ размѣрахъ, и этотъ трудъ будетъ съ его стороны новою важною услугою исторической наукѣ. Но и давно

извѣстный «Учебникъ» его пользуется до сихъ поръ большою популярностью и выдержалъ уже много изданій въ подлинникѣ. У насъ, разумѣется, нѣтъ ничего подобнаго руководству Вебера, и потому гг. Корши заслуживаютъ искренней благодарности всѣхъ занимающихся исторіею за свой истинно-полезный трудъ.

Можно надѣяться, что книга эта будетъ имѣть успѣхъ: у насъ такъ многіе нуждаются въ порядочномъ учебникѣ, что съ радостью готовы схватиться за все мало-мальски порядочное. Тѣмъ успѣшнѣе должно разойтись хорошее руководство. Примѣромъ и доказательствомъ нашихъ словъ можетъ служить второе изданіе «Курса средней исторіи» г. Виталія Шульгина. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы,—если помнятъ читатели, — разбирали курсъ г. В. Шульгина вмѣстѣ съ руководствомъ г. И. Шульгина и отдали первому преимущество. Тогда еще мы предсказали успѣхъ г. В. Шульгину сравнительно съ г. И. Шульгинымъ, и вѣдь вотъ дѣйствительно сбылись наши предсказанія: курсъ г. Виталія Шульгина, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, вышелъ вторымъ изданіемъ, вновь пересмотрѣнный и значительно дополненный. А вотъ г. Ив. Шульгинъ ужъ не дождется новаго изданія своего руководства,—«хоть ужъ онъ тутъ себѣ что!..»

---

88. Краткое изложеніе элементарныхъ наукъ въ разсказахъ для простолюдиновъ.

Составленное В. Лапинымъ. Изданіе второе, исправленное. С.-Петербургъ, 1858—1859 г. Шесть частей.

Книжки, заключающія въ себѣ изложеніе для простолюдиновъ первыхъ началъ наукъ и продающіяся по довольно высокой цѣнѣ, выдерживаютъ въ короткое время два изданія! Это—любопытное явленіе, которое можетъ быть объяснено только двумя предположеніями: или *изложеніе* это такъ хорошо, что оно успѣло совершенно удовлетворить потребностямъ простолюдиновъ, желающихъ учиться, или, независимо отъ достоинства самихъ учебниковъ, желаніе учиться въ простолюдинахъ такъ сильно, что они рады всякому пособію, попадающемуся имъ въ руки. Не знаемъ, до какой степени справедливо второе предположеніе, но первое оказывается рѣшительно невѣрнымъ по разсмотрѣніи книжекъ г. Лапина. Мы не говорили о нихъ при первомъ ихъ появленіи въ свѣтъ; но теперь рѣшаемся обратить на нихъ вниманіе, именно на томъ основаніи, что успѣхъ ихъ можетъ ввести въ заблужденіе многихъ занимающихся первоначальнымъ воспитаніемъ дѣтей. Въ нашей литературѣ есть замѣчательныя ученыя изслѣдованія; есть нѣсколько хорошихъ университетскихъ курсовъ, есть два-три недурныхъ руководства и для среднихъ учебныхъ заведеній; но хорошихъ элементарныхъ курсовъ положительно нѣтъ. Нужно удивляться, какимъ образомъ дѣти успѣваютъ еще чему-нибудь выучиться по тѣмъ книженкамъ, которыя даютъ имъ въ руки въ первомъ возрастѣ. Стоитъ только вспомнить, что десяти, девяти, даже

восьмилѣтніе мальчики учатся у насъ по географіи *Ободовскаго*, по исторіи *Устрялова*, по «Начаткамъ» и проч. Поэтому изданіе первоначальныхъ руководствъ у насъ предметъ самой первой необходимости въ дѣлѣ народнаго образованія. Удовлетворить этой необходимости взялся г. Лапинъ. Онъ издалъ шесть книжекъ: азбуку, священную исторію ветхаго и новаго завѣта, ариѳметику, грамматику и исторію всеобщую и русскую вмѣстѣ съ географіею. Всѣ эти науки изложены г. Лапинымъ *въ разсказахъ* и назначены для простолюдиновъ—какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ, желающихъ учиться. Посмотримъ же, какимъ образомъ выполнилъ г. Лапинъ свою задачу.

Всѣми педагогами принято и всякому должно быть извѣстно, что на первой степени обученія должна господствовать совершенная конкретность и должно быть изгоняемо все отвлеченное. Другое основное положеніе относительно первоначальнаго обученія требуетъ, чтобы въ этомъ возрастѣ упражняли преимущественно воображеніе и разсудокъ учениковъ и избѣгали того, что можетъ занять исключительно одну память. Поэтому-то со всѣми научными знаніями они знакомятся, на этой степени обученія, въ живыхъ образахъ, въ подробныхъ и яркихъ повѣствованіяхъ, а не въ краткихъ и сухихъ формулахъ. Заставить дитя, находящееся на первой степени развитія, заучивать собственныя имена, числа, таблицы, общія опредѣленія, сущность которыхъ ему непонятна,—значитъ навсегда испортить нормальное развитіе способностей дитяти, притупить въ немъ и чувство, и воображеніе, и силу разсудка.

Всякое общее, абстрактное понятіе составляется изъ частныхъ представленій, посредствомъ соединенія существенныхъ признаковъ предмета и отбрасыванія всѣхъ случайныхъ его примѣтъ. Слѣдовательно, прежде чѣмъ ребенокъ перейдетъ къ общимъ опредѣленіямъ, онъ долженъ владѣть значительнымъ запасомъ частныхъ представленій и наблюденій, а этихъ-то частныхъ представленій и не даютъ ему учебники, составляемые обыкновенно по синтетическому методу. Курсы г-на Лапина въ этомъ отношеніи ничуть не лучше другихъ руководствъ, доселѣ у насъ изданныхъ. Конечно, онъ можетъ указывать на то, что его курсы назначены для простолюдиновъ, т.-е. не собственно для дѣтей, а также и для взрослыхъ. Но это обстоятельство не имѣетъ большого значенія: здѣсь не года собственно важны, а степень приготовленности учащихся. И въ отношеніи къ наукѣ, напр., грамматикѣ или географіи, простолюдинъ, даже и взрослый, имѣетъ столь же мало подготовленности, какъ и ребенокъ. Онъ можетъ быть богатъ опытами жизни, практическими соображеніями и проч. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что онъ и съ научными данными можетъ скорѣе освоиться, нежели ребенокъ. А все-таки эти данныя науки будутъ ему чужды сначала, всѣ такія общія опредѣленія, напр., грамматическія, онъ можетъ сдѣлать и усвоить не иначе, какъ ознакомившись съ частными примѣрами, изъ которыхъ выводятся тѣ или другія правила. Слѣдовательно, метода элементарнаго изложенія науки для простолюдиновъ, во всякомъ случаѣ, не должна далеко отходить

отъ методы элементарнаго преподаванія, признаннаго необходимымъ для дѣтей.

Другое обстоятельство, необходимое для успѣха элементарнаго преподаванія, именно: увлеченіе воображенія и стараніе возбудить самодѣятельность ребенка, также прилагается и къ элементарному курсу для простолюдиновъ. Если дитя не выучиваетъ десяти географическихъ названій или историческихъ именъ, такъ это не потому, чтобъ оно не въ состояніи было заучить ихъ, а потому, что всѣ имена эти ничѣмъ для него не осмыслены, нисколько его не интересуютъ и не могутъ быть удержаны въ памяти только совершенно механически. Нужно расшевелить дѣтское воображеніе разсказомъ о дѣяніяхъ историческаго лица, живою картиною изучаемой мѣстности, или возбудить въ немъ интересъ къ разрѣшенію какого-нибудь разсудочнаго вопроса,—и тогда вполнѣ можно надѣяться, что ученье пойдетъ успѣшно. То же самое правило слѣдуетъ наблюдать и въ отношеніи къ простолюдину. Для него также точно будутъ скучны и чужды всѣ собственныя имена, числа, формальныя опредѣленія и т. п., пока онъ не ознакомится съ ними въ живыхъ очеркахъ. Хотя вообще взрослый мужичокъ имѣетъ уже болѣе наклонности, напр., къ знанію исторіи, нежели дитя; но и у него отобьется всякая охота къ занятіямъ, если ему просто пойдутъ перечислять имена царей да годы знаменитыхъ сраженій. Разница будетъ только въ одномъ: онъ скорѣе дитяти смекнетъ, что такое ученье совершенно призрачно и, набивая его память чуждыми для него звуками, не даетъ ему ничего существеннаго.

Потребность въ соблюденіи обоихъ этихъ правилъ была сознаваема, какъ видно, и г. Лапинымъ; но на дѣлѣ онъ не умѣлъ выполнить свою задачу какъ слѣдуетъ. Онъ старался, повидимому, приблизиться къ понятіямъ тѣхъ, для кого назначены его курсы; но приближеніе это осталось большею частью чисто-формальнымъ и выразилось преимущественно въ прибауткахъ и въ нѣкоторыхъ оборотахъ, имѣющихъ претензію на простоту и народность. Изъ всѣхъ шести книжекъ лучше всѣхъ—азбука; но и та не хороша. Составлена она, разумѣется, по обыкновенной рутинѣ: буквы съ раздѣленіемъ на гласныя, согласныя и полугласныя, склады—*бю*, *вю*, *гю*, *дю*, *жю*, *бя*, *вя* и проч., молитвы, басни, загадки и проч. Но въ ней есть такія *новыя* правила: «буква *е* часто выговаривается какъ *ё*». Въ этой сказкѣ (о рыбакѣ и рыбкѣ) *слова*: *синее*, *море*, *даетъ*, *синему*, *свѣтелкой*, *хочетъ*, *бьетъ*, *пойдешь*, *поперекъ*, *воетъ*, *впередъ*, *бѣленою*,— надо читать: *синёё* (!), *морё* (!), *даетъ*, *синёму* (!), *свѣтёлкой*, *хочётъ* (!), *бьетъ*, *пойдётъ*, *поперёкъ*, *воётъ* (!), *впередъ*, *бѣлёной*». «Въ другомъ мѣстѣ г. Лапинъ велитъ читать: *Плещётъ*, *будётъ*, *вдѣнёшь!* Вмѣсто *нашему*, *наше*, *мужемъ*, слѣдуетъ, по его мнѣнію, произносить: *нашому*, *нашо*, *мужомъ!*.. Любопытно бы знать, въ какой губерніи г. Лапинъ выучился подобному произношенію словъ.

За азбукою слѣдуетъ въ двухъ книжкахъ священная исторія ветхаго и новаго завѣта. Она замѣчательна тѣмъ, что начинается съ опредѣленія общихъ свойствъ Божіихъ и потомъ уже переходитъ къ

сотворенію міра, что прямо противорѣчитъ изложеннымъ выше требованіямъ элементарнаго курса. Кромѣ того, неизвѣстно, почему и для чего г. Лапинъ принялъ очень странную манеру—вставлять въ свой разсказъ подлинныя фразы изъ библіи на старославянскомъ языкѣ. Многія изъ этихъ фразъ совершенно непонятны для человѣка, незнакомаго съ церковно-славянскимъ языкомъ, и г. Лапинъ подъ строкою постоянно помѣщаетъ краткій объяснительный словарь къ приводимымъ имъ фразамъ.

Въ ариѳметикѣ г. Лапина много примѣровъ, и всѣ правила выводятся послѣ рѣшенія задачъ: это ужъ нынѣ во всѣхъ ариѳметикахъ догадались принять. Но и ариѳметикѣ г. Лапина недостаетъ той внутренней основательности и глубины, которая, проникая въ самую сущность предмета, служитъ основаніемъ истинной простоты и общепонятности излагаемыхъ правилъ. Начинаетъ г. Лапинъ съ того, какъ пишутся цифры, и съ перваго же раза выводитъ милліоны. Затѣмъ на стр. 3-й (предварительныя объясненія, какъ видите, очень коротки) идетъ «разсказъ вторый». И вотъ какъ *разсказываетъ* г. Лапинъ:

«Теперь, положимъ, нужно узнать вотъ что: было у мужика 83 р. денегъ, да получилъ онъ 76 рублей: сколько у него стало? Вотъ какъ это узнается на бумагѣ. Пишутъ 83; а подъ ними 76 такъ, чтобы десятки были подъ десятками, а 6 подъ 3. Вотъ такъ:

$$\begin{array}{r} 83 \\ 76 \\ \hline 159 \end{array}$$

Потомъ подчеркиваютъ и начинаютъ считать», и пр....

Какъ видите, г. Лапинъ вовсе не заботится о томъ, чтобы объяснить самую сущность ариѳметическаго дѣйствія, равно какъ и смыслъ системы арабскихъ цифръ, принятой для счисленія. Ему всего важнѣе—разсказать, «какъ это дѣлается на бумагѣ»,—какъ пишутъ, подчеркиваютъ и прочее. А зачѣмъ и на какихъ основаніяхъ это дѣлается,—о томъ ни слова. По окончаніи разсчета объясняется, что вотъ это и называется сложеніемъ, такія-то числа—слагаемыми, такое-то—суммою и дѣлу конецъ.

Та же манера и въ грамматикѣ; только здѣсь она еще вреднѣе, потому что при отсутствіи основательныхъ объясненій всѣ грамматическія правила принимаютъ видъ чистѣйшаго произвола. Популярность изложенія г. Лапина ограничивается здѣсь уже исключительно повтореніемъ *такихъ*, *этакихъ* и *вотъ какихъ*... Приведетъ, напримѣръ, таблицу склоненій, да и скажетъ: «*этакая* перемѣна словъ по числамъ и падежамъ называется склоненіемъ». Или скажетъ: «на этотъ счетъ есть вотъ какія правила»,—а затѣмъ ужъ правила излагаетъ обыкновеннымъ догматическимъ порядкомъ,—какъ у Греча или въ «общесравнительной» грамматикѣ Ивана Давыдова. Замѣчательно еще то, что у г. Лапина грамматика начинается не съ ученія о предложеніи, какъ у всѣхъ нынѣ, а съ разсужденія о частяхъ рѣчи, а затѣмъ—падежахъ, склоненіяхъ и проч.

Объ исторіи и географіи г. Лапина нечего и говорить. Онъ составилъ краткій конспектъ русской исторіи, въ которомъ заботился, какъ видно, всего болѣе о томъ, чтобы не пропустить какого-нибудь имени. Характеристики лицъ, разумѣется, у него нѣтъ; подробной картины быта народнаго нечего и спрашивать. Нѣтъ даже ни одного обстоятельнаго разсказа хоть бы о какомъ-нибудь изъ важнѣйшихъ историческихъ событій. Все сухо, формально, педантично... То же самое должно сказать и о всеобщей исторіи. Она вся изложена въ такомъ родѣ: «Императоръ Траянъ былъ великій полководецъ, императоръ Антонинъ очень кротокъ, императоръ Маркъ Аврелій очень ученъ и добродѣтеленъ, а императоръ Константинъ Великій, святый и равноапостольный, принялъ христіанскую вѣру. Послѣ него императоръ Ѳеодосій раздѣлилъ римскую имперію на Восточную и Западную и дѣла Западной имперіи стали очень худы» (стр. 159). И это называется элементарнымъ курсомъ!.. Не доказываетъ ли это полнѣйшее отсутствіе всякаго понятія о педагогическихъ требованіяхъ составителя учебника для элементарнаго преподаванія?

Хороша также и географія г. Лапина!.. Вѣдь это нужно имѣть замѣчательно-оригинальный складъ ума, чтобы въ *элементарный* курсъ, да еще *въ разсказахъ*, вставить, напр., такую страницу:

«Кромѣ того, въ Россіи замѣчательны торговлею... Елецъ въ Орловской губерніи, Моршанскъ и Лебедянь въ Тамбовской, Саранскъ и Краснослободскъ въ Пензенской, Ржевъ въ Тверской, Гжатскъ, Сычовка, Порѣчье и Бѣлый въ Смоленской», и проч. и проч.

Далѣе перечисляется еще до 25 городовъ и мѣстечекъ, безъ всякихъ характеристикъ и замѣчаній. Не хотите ли упражнять дитя, начинающее учиться географіи, въ изученіи всѣхъ этихъ пріятностей? Можно ожидать хорошихъ результатовъ отъ подобнаго «элементарнаго изложенія всѣхъ наукъ!»

И, однако-же, книжки г. Лапина вышли вторымъ изданіемъ! Видно, въ самомъ дѣлѣ, потребность въ элементарныхъ руководствахъ очень велика. Отчего же никто изъ людей, истинно дѣльныхъ и знакомыхъ съ педагогическими требованіями, не возьмется до сихъ поръ за составленіе подобнаго учебника? За гимназическія руководства принялись уже профессора; не мѣшало бы кому-нибудь подумать и о книжкахъ для первоначальнаго преподаванія.

---

89. Искусство пріобрѣтать и сохранять до глубокой старости превосходную память.

Соч. д-ра философіи Эвальда Гартенбаха. Перев. съ нѣмецкаго шестого изданія. Москва, 1859 г.

Заглавіе даетъ, разумѣется, больше, нежели даетъ сама книжка. Предохранительныя мѣры, способствующія уберечь память отъ притупленія, изложены въ ней довольно хорошо, хотя и не заключаютъ въ себѣ ничего новаго по этой части. Но «средства пріобрѣсти превосходнѣйшую память» чрезвычайно подозрительны. Тутъ авторъ или

отдѣлывается общими фразами о постоянномъ упражненіи, о постепенности перехода отъ легчайшаго къ труднѣйшему, о пособіи силы разсудка и т. д., или же указываетъ на такія эксцентрическія мѣры, о которыхъ безъ смѣха даже читать невозможно. Вообще искусственная мнемоника имѣетъ нѣсколько забавный характеръ; а г. докторъ Гартенбахъ доводитъ ее до крайне смѣшныхъ выходокъ. По его мнѣнію, напримѣръ, очень полезно, для запоминанія группы собственныхъ именъ въ извѣстномъ порядкѣ, составить какое-нибудь слово изъ начальныхъ буквъ или слоговъ этихъ именъ и запомнить его. Напр., чтобы помнить, что въ апрѣлѣ, іюнѣ, сентябрѣ и ноябрѣ бываетъ по 30 дней, нужно составить и помнить слово: «*апіюнсено*». Изъ начальныхъ буквъ названій холмовъ, на которыхъ стоялъ Римъ, выйдетъ «*пкаквэн*». Чтобы не забыть именъ семи мудрецовъ греческихъ Періандра, Солона, Ѳалеса, Питтака, Віаса, Хилона и Клеовула, нужно изъ начальныхъ слоговъ составить слово: «*песовапивихиле, которое легче удержать въ памяти, нежели первыя семь именъ*» (!?). Такимъ образомъ поступая во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, можно въ непродолжительное время сочинить для себя особый іероглифическій языкъ, и вся сила памяти должна уже будетъ устремляться на то, чтобы какъ-нибудь не забыть этотъ языкъ... Хорошее же пособіе и облегченіе доставитъ такая мнемоника!

Да и къ чему, скажите пожалуйста, это безсмысленное запоминаніе цѣлыхъ группъ именъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ въ мысли ученика? Вѣдь это нужно только затѣмъ, чтобы одолѣть, напр., учебники г. Лапина и ему подобныхъ; а какъ только ихъ изгонятъ изъ преподаванія, такъ и водворится запоминаніе разумное, а не искусственно-мнемоническое.

---

90. Объ училищахъ для дѣвицъ въ уѣздныхъ городахъ.

Москва, 1859 г., въ 8 д. л., 54 стр.

Въ «Журналѣ для Воспитанія» много разъ уже было говорено о женскихъ училищахъ и вообще о потребностяхъ женскаго образованія. Поэтому мы не станемъ подробно разбирать книжку, заглавіе которой выписали; а только укажемъ на нее читателямъ, какъ на явленіе, свидѣтельствующее до нѣкоторой степени о возбужденіи въ публикѣ сочувствія къ этому вопросу. Авторъ названной нами книги представляетъ очень яркій и большею частью справедливый очеркъ несчастнаго и мрачнаго быта нашихъ городскихъ сословій,—ремесленниковъ, фабричныхъ, мелкихъ торговцевъ и проч., и находитъ, что главная причина зла заключается въ необразованности, грубости и безнравственности матерей семейства. Поэтому единственнымъ исходомъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія онъ поставляетъ образованіе дѣвочекъ, какъ будущихъ матерей семейства. Нельзя не согласиться съ отрицательной стороною его разсужденій: *безъ образованія* матерей семейства дѣйствительно нельзя водворить совершенно правильныхъ

и добрыхъ отношеній въ семействахъ. Но не надо думать, чтобы только этимъ все и ограничивалось. Чтобы самое образованіе могло успѣшно производить свое вліяніе, для этого нужно, чтобы улучшился самый матеріальный бытъ ремесленныхъ классовъ и во многомъ измѣнились ихъ гражданскія права и общественныя отношенія. Иначе— и заведеніе училищъ для дѣвицъ низшихъ городскихъ сословій поведетъ, пожалуй, къ тѣмъ же результатамъ, до какихъ достигаютъ многія купеческія дочки, учившіяся *въ пансіонѣ*, по ихъ выраженію. Образованіе на первый разъ прививается у насъ обыкновенно только своею внѣшностью — не потому, чтобы внутренняя сторона его была сама по себѣ недоступна, а потому, что требованія общественныя у насъ до сихъ поръ ограничиваются все только внѣшностью... Этого-то увлеченія внѣшними формами и нужно всего болѣе опасаться при открытіи доступа къ образованію для тѣхъ, которые прежде не имѣли его. И чтобы низшіе классы не бросались на ту же внѣшность, для этого одно средство: одновременно съ образованіемъ улучшить и ихъ внѣшнее положеніе...

---

91. Стихотворенія для дѣтей.

Отъ младшаго до старшаго возраста, расположенныя въ двадцати двухъ отдѣлахъ. Соч. Б. Ф(Ѳ)е д о р о в а. Изданіе второе. Двѣ части. С.-Петербургъ.

Въ библіографіи нашего журнала было уже упомянуто въ прошломъ году о «поздравительныхъ стихотвореніяхъ» г. Ѳедорова. Поздравленія эти составляютъ одинъ изъ двадцати двухъ отдѣловъ, т.-е. $^1/_{22}$ долю «Дѣтскихъ стихотвореній». Всѣ отдѣлы таковы, какихъ и слѣдуетъ ожидать отъ автора «поздравленій». Несмотря на разнообразіе отдѣловъ, авторъ во всемъ умѣлъ выдержать себя: вездѣ идеаломъ его является милый, благонравный мальчикъ, въ которомъ виденъ будущій Молчалинъ. Вотъ, напр., нѣкоторыя изъ дѣтскихъ повѣстей г-на Ѳедорова. Пастухъ разговаривалъ съ эхомъ; онъ бранится,—эхо тоже, онъ говоритъ ласково,—эхо тоже. Нравоученіе:

Но эхо есть и средь людей:
Какой другимъ пошлешь привѣтъ,
Такъ и откликнется въ отвѣтъ,
Да только ласка прибыльный (!!)

Какое милое начало нравственности, основанное на прибыли!..

Другой разсказъ: мальчикъ удивился, увидавши сваренныхъ раковъ; какъ же, говоритъ, они были давеча черные и очень злы, одинъ даже ущипнулъ меня клешней... какъ же ихъ перемѣнили? Ему отвѣчаютъ: *сварили*... Нравоученіе:

Есть много удальцовъ такихъ,
Въ которыхъ нѣтъ нисколько прока,
Пока ихъ злость и дерзость ихъ
Не усмирятся въ школѣ рока.

Соображая разсказъ съ моралью, дѣти должны понять, что людей бойкихъ, дерзающихъ защищать себя клешнею, подобно раку (ракъ — представитель дерзости! О, баснословецъ г. Ѳедоровъ!), слѣдуетъ *сварить*, если не физически, то нравственно, и тогда изъ нихъ толкъ будетъ...

Вообще, чтобы внушить дѣтямъ смиренномудріе и трусость, г. Ѳедоровъ не пренебрегаетъ никакими средствами. Въ одномъ разсказѣ онъ даже стращаетъ ихъ примѣромъ мальчика, который безъ позволенія пошелъ къ рѣкѣ и котораго вдругъ—*съѣлъ крокодилъ!!*

Кромѣ нравственныхъ правилъ, у г. Ѳедорова излагается цѣлая энциклопедія дѣтскихъ знаній. У него есть отдѣлъ стихотвореній ботаническихъ, зоологическихъ, метеорологическихъ и т. п. Въ нихъ разсказывается, что

Въ алой розѣ видимъ пышность,
Въ бѣлой—прелесть и невинность,

что зимою бываетъ

Студено, холодно,—
Только любо оно,

что

Солнышко всюду льетъ свѣтъ,

и тому подобныя диковинки съ нравственными приложеніями. Все это крайне полезно для дѣтей и ужъ вѣрно стоитъ двухъ рублей серебромъ, которые назначилъ г. Ѳедоровъ за свои назидательныя стихотворенія.

До сихъ поръ нѣтъ у насъ нравоучительной ариѳметики: вотъ если бъ г. Ѳедоровъ принялъ на себя трудъ ее составить. Послѣ нравоучительной ботаники это для него не такъ трудно!..

---

92. Русская сатира въ вѣкъ Екатерины.

(русскіе сатирическіе журналы 1769 — 1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. Соч. А. Аѳанасьева. Москва. 1859 г.).

— — Главные предметы обличенія сатиры екатерининскаго времени были: во-первыхъ, недостатокъ воспитанія, невѣжество и грубость нравовъ; во-вторыхъ, ложное образованіе, т.-е. французскія моды, роскошь, вѣтренность и т. п.; въ-третьихъ, приказное крючкотворство и взяточничество. По этимъ тремъ предметамъ г. Аѳанасьевъ даже раздѣляетъ разсмотрѣніе сатиры того времени по тремъ особымъ главамъ. Посмотримъ же, что ею сдѣлано... Сатирики очень вѣрно понимали круговую поруку дурного воспитанія и грубости помѣщичьяго быта того времени. Худо воспитанные люди, изображаемые въ сати-

рическихъ журналахъ, — преимущественно «господчики», какъ тогда выражались. Такъ, одинъ изъ подобныхъ господчиковъ, уже исправившійся, разсказываетъ о своемъ воспитаніи: «Отецъ мой, дворянинъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человѣкъ простого нрава и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложенія тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко происходили между ними несогласія, и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались (или людей на конюшнѣ плетьми не сѣкли). Я, будучи въ домѣ ихъ воспитанъ и имѣя въ глазахъ таковые поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возымѣлъ къ онымъ склонность и положилъ за правило себѣ во всемъ онымъ послѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно: ибо я въ скорое время, къ удивленію всѣхъ домашнихъ, уже совершенно выражалъ всѣ бранныя слова, которыя, бывало, отъ родителей своихъ слышу; а что до тиранства принадлежало, то уже въ томъ и родителей своихъ превосходилъ, хотя и они въ семъ искусствѣ гораздо не плохи были» («Жив.» II, 160). Далѣе сообщается еще любопытная черта того времени: «Матушка моя, пришедши изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала расправу [крестьянамъ и крестьянкамъ], читаетъ, бывало, французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по-русски ясно пересказываетъ...» Слѣдствіемъ этого было то, что тринадцати лѣтъ мальчикъ уже былъ совершенно развращенъ, и «влюбившись въ комнатную дома нашего дѣвку, сдѣлался въ короткое время невольникомъ рабы своея», а потомъ, спознавшись съ сыномъ сосѣдняго помѣщика, воспитаннымъ такъ же хорошо, принялся за игру, пьянство и пр. Другой господчикъ пишетъ во «Всякой Всячинѣ»: «Провождая дни свои въ деревнѣ, былъ я воспитанъ бабушкою, которая любила меня чрезвычайно. Первыя мои лѣта упражнялся я, проигрывая съ крестьянскими ребятами цѣлые дни на гумнѣ; часто случалося, что бивалъ ихъ до крови, и когда приходили они къ учителю (который былъ старый дьячекъ нашего прихода), то онъ отгонялъ ихъ. Бабушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже словомъ не огорчать меня». Четыре года учась у этого учителя, мальчикъ до 13 лѣтъ едва выучился разбирать букварь. Тутъ отецъ хотѣлъ ему выписать француза, но бабушка воспротивилась; и «такъ прошелъ еще годъ, которое время проводилъ я, рѣзвяся съ дѣвками и играя со слугами въ карты» («Вс.-Всяч.», стр. 242). Въ письмѣ къ Ѳалалею отецъ его также вспоминаетъ, какъ онъ, маленькій, вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ и [поролъ людей] [1]) такъ, что родители, бывало, животики надорвутъ со смѣха («Жив.» I, 94). Въ «Трутнѣ» разсказывается о дворянинѣ, который «ѣздилъ въ Москву, чтобы сыскать учителя пятнадцатилѣтнему своему сыну, но, не нашедъ искуснаго, возвратился и поручилъ его воспитаніе дьячку своего прихода, *человѣку весьма дородному*» («Тр.», стр. 125). Подобными за-

[1]) пр.

мѣтками исполнены всѣ сатирическіе журналы 1770-хъ годовъ; но большая часть изъ нихъ обращена назадъ, на времена прошедшія. А во время самаго разгара дѣйствій сатиры все было уже такъ хорошо, что сами худо воспитанные вразумлялись и очень искренно сожалѣли о небрежности своего воспитанія. Только люди стараго времени продолжали держаться своихъ понятій и сердились на новое направленіе молодежи, какъ, напр., въ письмѣ дяди къ племяннику, помѣщенномъ въ «Трутнѣ» (стр. 113—120). «Ты подавалъ большія надежды отцу, — пишетъ дядя, — потому что до двадцати лѣтъ жилъ дома и не читалъ книгъ, совращающихъ съ пути истины, а занимался часовникомъ и житіями святыхъ. Куда это все дѣвалося? Сказывали мнѣ, будто ты по постамъ ѣшь мясо и, оставя священныя книги, принялся за свѣтскія: чему ты научишься изъ тѣхъ книгъ? Вѣрѣ ли несомнѣнной, любви ли къ Богу и ближнимъ, надеждѣ ли быти въ райскихъ селеніяхъ, въ нихъ же водворяются праведники? Нѣтъ, отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты невозвратно. Я самъ, грѣшникъ, вѣдаю, что беззаконія моя превыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ государя, раззорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ и, короче сказать, грѣшилъ, по слабости человѣческой еще и нынѣ грѣшу; но не погасилъ любви къ Богу, исповѣдаю бо Его предъ всѣми творцемъ всея вселенныя», и пр... Затѣмъ дядя перечисляетъ свои бдѣнія, посты и молитвы и опять переходитъ къ брани на ученье, изъ котораго происходитъ только гордость... И все это, по очевидному смыслу сатиры, клонится къ тому, что старое невѣжество отживаетъ, и на мѣсто его водворяется свѣтъ знанія... Это еще положительнѣе выражается въ «Живописцѣ». Тамъ одна барышня говоритъ: «Здѣсь вовсе свѣту подражать не умѣютъ, а все то испортили училища да ученые люди: куда ни посмотришь, вездѣ ученый человѣкъ лишь сумасбродитъ и чепуху городитъ» («Жив.» I, 63). Не упоминаемъ восторженныхъ изъявленій радости о водвореніи гуманныхъ понятій волею Россійской Минервы; мы много ихъ привели уже выше.

И что же? Какой успѣхъ имѣла въ этомъ дѣлѣ сатира, которая готова была вѣрить, что она добиваетъ уже остатки прежняго невѣжества? Дѣйствительно, обличаемыя ею явленія были у насъ въ силѣ еще задолго прежде. Изъ записокъ Болотова (1753—54 г.), изъ воспоминаній Данилова, родившагося въ 1722 г., мы видимъ, что то же было и за 20—30 лѣтъ ранѣе. Еще раньше—было, разумѣется, еще хуже. Но лучше ли было и послѣ? Вспомнимъ разсказы нашихъ современниковъ о томъ, какъ шло ихъ воспитаніе, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вспомните «Семейную хронику» и «Дѣтскіе годы» С. Т. Аксакова, прочтите «Годы въ школѣ» г. Бицина («Рус. Бес.» 1859 г. № 1—4), «Незатѣйливое воспитаніе», изъ записокъ А. Щ. въ «Атенеѣ» (1858 г. №№ 43—45) и пр.,—не та ли же самая исторія повторялась у насъ въ частномъ воспитаніи, вплоть до француза, по крайней мѣрѣ?

А общественное воспитаніе, т.-е. то собственно, что мы называемъ образованіемъ? Оно тоже было не въ блестящемъ положеніи

въ то время, когда сатирическіе журналы выступили на свое поприще. Приведемъ одну выдержку изъ «Живописца» о томъ, какъ все общество враждебно расположено было къ образованію.

«Что въ наукахъ,—говоритъ Наркисъ,—астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? Нѣтъ; на что мнѣ она? Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ? Нѣтъ! Чортъ ли въ ней! Физика изобрѣтаетъ ли новыя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію? Нѣтъ! Куда она годится!» и пр. Этотъ *Наркисъ* танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ «какъ ангелъ, красавицы почитаютъ его Адонисомъ», словомъ, это — свѣтскій человѣкъ. Совсѣмъ другое говоритъ худо-воспитанникъ, офицеръ-бурбонъ. «Науки сдѣлаютъ-ли меня смѣлѣе, — разсуждаетъ онъ, — прибавятъ ли мнѣ храбрости, сдѣлаютъ ли исправнѣйшимъ въ моей должности? Нѣтъ! Такъ онѣ для меня и не годятся. Вся моя наука состоитъ въ томъ, чтобы умѣть кричать: «пали! коли! руби!» и быть строгу до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ». Однако, времена перемѣнились, и *худо-воспитанникъ* не можетъ получить высшаго чина, потому что ни о чемъ не умѣетъ разсудить; обиженный, онъ выходитъ въ отставку и «ѣдетъ въ другую непріятельскую землю, а именно во свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь со крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати [Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ]. Тамъ не имѣлъ онъ никакія жалости; нѣтъ у него и здѣсь никому и никакой пощады, и если бы можно было ему съ крестьянами своими поступать въ силу Военнаго Устава, то не отказался бы онъ ихъ аркебузировать». *Кривосудъ* имѣетъ тоже сильные резоны противъ наукъ. Онъ спрашиваетъ: «По наукамъ ли чины раздаются? Я ничему не учился; однако жъ, я судья. Моя наука теперь въ томъ состоитъ, чтобъ знать наизусть всѣ указы и въ случаѣ нужды умѣть ихъ употреблять въ свою пользу. Науками ли получаются деньги? Науками ли наживаются деревни? Науками ли пріобрѣтаютъ себѣ покровителей? Науками ли доставляютъ себѣ въ старости спокойную жизнь? Науками ли дѣлаютъ дѣтей своихъ счастливыми? Нѣтъ! Такъ къ чему же онѣ годятся? Будь ученый человѣкъ хоть семи пядей во лбу, да попадись къ намъ въ приказъ, то переучимъ его на свой салтыкъ, буде не захочетъ ходить по міру». Въ этомъ же родѣ разсуждаетъ и *Молокососъ*, которому даютъ чины по милости дядюшки, деньги присылаетъ батюшка, котораго начальники не только любятъ, но еще стараются угождать ему, дѣлая тѣмъ услугу знатнымъ его родственникамъ, и пр. *Щеголиха* говоритъ: «Какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ! Ужасть, какъ смѣшны ученые мужчины! А наши сестры, ученыя, — о, онѣ-то совершенныя дуры! Въ словѣ *умѣть нравиться* всѣ наши заключаются науки», и пр. *Волокита* разсуждаетъ такъ: «Какая польза мнѣ въ наукахъ? Науками ли приходятъ въ любовь у прекраснаго пола? Науками ли нравятся? Науками ли упорныя побѣждаются сердца? Науками ли украшаютъ лобъ (мужа)? Науками ли торжествуютъ надъ солюбовниками? Нѣтъ! Такъ онѣ для меня и не годятся» («Живоп.» I, стр. 11—30).

Почти то же самое, и даже въ подобной же діалогической формѣ, говорилъ за сорокъ лѣтъ ранѣе Кантемиръ въ сатирѣ «На хулящихъ ученіе». И скажемъ по совѣсти: хоть одно изъ всѣхъ приведенныхъ нами разсужденій «Живописца» потеряло ли свою свѣжесть и справедливость даже *въ настоящее время, когда* и пр.? Не повторяетъ ли до сихъ поръ какой-нибудь Вышневскій мыслей Кривосуда, Вихоревъ — Волокиты, и т. п.? Что же это значитъ? Конечно, то, что общество наше не очень далеко ушло въ послѣднія 90 лѣтъ на поприщѣ образованія! Въ самомъ дѣлѣ—оглянитесь вокругъ себя: чего долженъ ожидать и чему подвергается въ нашемъ обществѣ человѣкъ, посвятившій себя занятіямъ наукою, даже если онъ не школьный педантъ? «Дойти до степеней извѣстныхъ» ему не удается, если онъ честенъ и гордъ; такъ называемая ученая карьера у насъ вовсе не пользуется почетомъ и представляетъ какую-то пародію на карьеру. Состояніе до сихъ поръ наукою у насъ не пріобрѣтается; развѣ какой-нибудь спекуляторъ сочинитъ плохой учебникъ, да напечатаетъ его двадцать изданій для заведеній, въ которыхъ начальствуетъ онъ самъ или его сваты и пріятели... Въ обществѣ нашемъ человѣку, серьезно образованному нечего дѣлать; если онъ не сядетъ за карты, то непремѣнно нагонитъ тоску на всѣхъ присутствующихъ. О женщинахъ нечего и говорить: онѣ еще долго не перестанутъ быть танцующими и говорящими куклами; сердце ихъ еще долго будетъ сладостно замирать при видѣ усовъ и эполетъ; для того, чтобъ привлечь ихъ расположеніе, долго еще надо будетъ «умѣть одѣваться и чесать волосы по модѣ, говорить всякія трогающія бездѣлки, воздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану» («Живоп.» I, 26)... Гдѣ же нашъ прогрессъ, гдѣ результаты сатирическихъ обличеній?

„Гдѣ жъ плоды той работы полезной?“

Надо, впрочемъ, замѣтить, что вопросъ объ образованіи поставленъ очень уже широко въ приведенныхъ нами разсужденіяхъ. Здѣсь уже вина равнодушія къ наукамъ падаетъ не на личныя качества отдѣльныхъ особъ, а на устройство и направленіе цѣлаго общества. Дѣйствительно, глупо и непрактично въ этомъ обществѣ заботиться объ украшеніи ума науками, и всѣ тупоумныя выходки Кривосудовъ, Худовоспитанниковъ и другихъ имѣютъ въ сущности глубоко-справедливое основаніе. Если бы сатира наша сумѣла утвердиться на этомъ основаніи, она бы дошла до многаго. Въ самомъ дѣлѣ, припомните всѣ выходки, сгруппированныя «Живописцемъ», и задайте вопросъ: что же нужно, чтобы въ этомъ обществѣ могла водвориться разумность, могло распространиться истинное образованіе? Отвѣтъ будетъ простой: нужно измѣненіе общественныхъ отношеній. Надо, чтобъ никакія преимущества знатности и протекціи не имѣли вліянія на опредѣленіе судьбы человѣка; тогда и *Молокососъ* будетъ учиться, чтобы сумѣть чего-нибудь достигнуть. Нужно, чтобы въ судахъ не могло быть произвола, чтобы законы [не были достояніемъ одной касты, а] строго и равно охраняли права каждаго: тогда и

Кривосудъ пойметъ необходимость науки. Нужно, чтобы всякій изъ людей служащихъ [былъ не слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другого, а] имѣлъ свою долю участія въ общественныхъ интересахъ: тогда и въ бесѣдахъ нашихъ необходимо появится дѣльный разговоръ, и какой-нибудь *Наркисъ* принужденъ будетъ отказаться отъ своихъ трогающихъ бездѣлокъ для разговора болѣе дѣльнаго; а при этомъ онъ необходимо долженъ будетъ почувствовать цѣну образованія... Наконецъ, самое главное, нужно, чтобы значеніе человѣка въ обществѣ опредѣлялось его личными достоинствами, и чтобы матеріальныя блага пріобрѣтались каждымъ въ строгой соразмѣрности съ количествомъ и достоинствомъ его труда: тогда всякій будетъ учиться уже и затѣмъ, чтобъ дѣлать какъ можно лучше свое дѣло, и невозможны будутъ тунеядцы, подобные *Худовоспитанному* [который выходитъ въ отставку, чтобы въ деревнѣ безобразничать надъ крестьянами]. Тогда даже и *Волокиты* (самый безнадежный народъ, больше все изъ военныхъ!) захотятъ чему-нибудь выучиться, потому что иначе имъ не на что будетъ не только одѣться со вкусомъ, но даже и убрать свои волосы... Да и *Щеголихи* тогда перемѣнятъ свои воззрѣнія, если только сами онѣ уцѣлѣютъ при такомъ измѣненіи общественныхъ отношеній... А пока продолжается то положеніе дѣлъ, какое изображала сама же сатира екатерининскаго періода, до тѣхъ поръ должно продолжаться «темное царство», которое недавно обозрѣвали мы въ сочиненіяхъ Островскаго. Просимъ читателя припомнить или просмотрѣть то, что мы говорили тогда о возможности и значеніи образованія въ «темномъ царствѣ», подъ вліяніемъ самодурныхъ отношеній.

Къ сожалѣнію, екатерининская сатира не удержалась на точкѣ зрѣнія общественности и не развила тѣхъ идей, которыхъ зародышъ заключался въ приведенномъ нами изъ «Живописца» очеркѣ русскихъ воззрѣній на образованность. Кажется, сатирики и сами, впрочемъ, не совсѣмъ ясно сознавали возможное значеніе этого очерка. Изъ другихъ статей сатирическихъ журналовъ видно, что они полагали всю надежду на книги и училища. Что касается до книгъ, то мы уже говорили выше, много ли значенія могли имѣть онѣ, и какія затрудненія встрѣтились имъ тотчасъ же, какъ только стало похоже на то, что онѣ пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе [Прибавимъ, однако, что до конца царствованія Екатерины наши сатирики не переставали восхвалять данную имъ свободу мыслить и говорить. Въ 1788 г. фонъ-Визинъ задумалъ, было, издавать сатирическій журналъ: «Другъ честныхъ людей или Стародумъ». Для этого изданія написалъ онъ нѣсколько мелкихъ статеекъ, и, между прочимъ, письмо къ Стародуму, съ просьбою у него статей въ журналъ. «Не страшусь я строгости цензуры,—пишетъ онъ,—ибо вы, конечно, не напишете ничего такого, что бы напечатать было невозможно. Вѣкъ Екатерины Вторыя ознаменованъ дарованіемъ Россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. Недоросль мой, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ, ибо назадъ тому тридцать лѣтъ ваша собственная роль могла ли быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ люди, стремящіеся вредить всему тому, что невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ;

но таковое немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другого нынѣ произвести не можетъ». Въ отвѣтъ на это Стародумъ, съ своей стороны, тоже восхваляетъ «вѣкъ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно». Между прочимъ, онъ пишетъ (Соч. фонъ-Визина, стр. 545—46):

«Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ мой сей разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно: ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла сіи узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателя оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. Итакъ, россійскіе писатели! какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая робкая душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ отъ страха, чтобъ не терпѣть униженія отъ вашихъ обличеній, если какой-нибудь безсовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на грабежъ отечества и своихъ согражданъ, то перо ваше можетъ ясно обличать ихъ предъ тономъ, предъ отечествомъ, предъ свѣтомъ. Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ, съ перомъ въ рукахъ, можетъ быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества».

Нельзя не замѣтить, что Стародумъ нѣсколько далеко хватилъ въ своемъ самодовольствѣ; но это даетъ намъ мѣру той благородной довѣрчивости и наивности, съ которою тогдашніе сатирики смотрѣли на свое дѣло].

Скажемъ теперь нѣсколько словъ и объ училищахъ.

О заведеніи ихъ заботилась Екатерина съ самаго начала своего царствованія. Преимущественно обращено было ея вниманіе на заведеніе «воспитательныхъ училищъ», которыхъ цѣль была, по выраженію Бецкаго, произвести въ Россіи «новую породу людей» (докладъ Бецкаго, 12 марта 1764 г.). Въ этихъ видахъ основаны были женскія воспитательныя училища, гдѣ и положено начало тому закрытому, казенному воспитанію, противъ котораго такъ сильно возстаетъ современная педагогика за то, что оно отчуждаетъ дѣтей отъ семьи. На тѣхъ же началахъ основано было нѣсколько кадетскихъ корпусовъ. Собственно же къ устройству училищъ, не имѣющихъ воспитательнаго значенія, Екатерина приступила только уже во вторую половину своего царствованія, да и то потому, что на устройство воспитательныхъ заведеній во всѣхъ городахъ, по первоначальному плану, недостало денегъ. Въ 1775 г., при учрежденіи губерній, вмѣнено было въ обязанность приказамъ общественнаго призрѣнія— стараться о заведеніи училищъ; но это ни къ чему не повело: приказы не открыли почти ни одного училища, отзываясь тоже неимѣ-

ніемъ средствъ. По мѣстамъ и пробовали открывать формальнымъ образомъ: но ни учителей, ни книгъ неоткуда было взять, и ученики не являлись. Это все было около того времени, когда литература пѣла уже разлитіе лучей просвѣщенія по всѣмъ закоулкамъ русскаго царства. Наконецъ, въ 1782 г., составлена коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ. Въ коммиссіи этой, вмѣстѣ съ Бецкимъ и Завадовскимъ, участвовалъ извѣстный педагогъ Янковичъ ди Мириево. Въ обзорѣ дѣятельности этого человѣка, изданномъ въ прошломъ году г. Вороновымъ, находятся любопытныя свѣдѣнія о первоначальномъ заведеніи училищъ при Екатеринѣ. Нужно сказать, что 1782—84 годы были временемъ особенно литературнаго и ученаго настроенія императрицы. Тутъ она основала Россійскую академію, дозволила заведеніе вольныхъ типографій, составила планъ сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій, издавала съ Дашковою «Собесѣдникъ». Тутъ же шло и дѣло объ училищахъ. Предварительныя работы коммиссій были представлены черезъ три года, и 5 авг. 1786 г. изданъ указъ объ открытіи народныхъ училищъ во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи. Въ то же время приказано было коммиссіи составить планъ для учрежденія гимназій и четырехъ университетовъ, сначала въ Екатеринославѣ, а потомъ во Псковѣ, Пензѣ и Черниговѣ, съ тѣмъ притомъ, чтобы профессора были русскіе. Коммиссія пришла въ затрудненіе и обратилась въ академію наукъ и въ московскій университетъ съ просьбою, не могутъ ли они удѣлить нѣсколько профессоровъ для новыхъ университетовъ. Тѣ отвѣчали, что у нихъ у самихъ мало. Вслѣдствіе того, коммиссія донесла въ 1787 г., что необходимо вызвать ученыхъ иностранцевъ, да и то на четыре университета вдругъ набрать трудно, и потому не достаточно ли покамѣстъ учредить хоть одинъ. При этомъ представлялся и планъ новаго университета. Это было въ 1788 г. Но тутъ политическія заботы помѣшали, и до смерти Екатерины не было учреждено ни одного университета.

Гимназіи также были открыты уже въ царствованіе Александра.

Немногимъ лучше устроилось дѣло и собственно народныхъ училищъ. Въ то время какъ изданъ былъ указъ объ ихъ открытіи, государственные финансы были уже крайне истощены, и потому вся хозяйственная часть предположенныхъ училищъ отнесена была не на государственное казначейство, а на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Но и въ приказахъ денегъ было очень мало, и потому многія изъ предполагавшихся училищъ вовсе не открыты, а другія и открывались, да потомъ сами не рады были. Администрація ихъ была самая сложная: они зависѣли и отъ своего директора или смотрителя, и отъ предсѣдателя и чиновниковъ приказа, и отъ губернатора, и отъ коммиссіи училищъ. Средства были очень скудныя, помѣщеніе плохое, жалованье учителямъ ничтожное, содержаніе казеннымъ ученикамъ выдавалось неисправно, учебныхъ пособій почти никакихъ не давали. Естественно, что ни у кого не являлось охоты ни учиться, ни быть учителемъ, тѣмъ болѣе, что ученье не вознаграждалось никакими преимуществами, а учителя даже чиновъ не

получали и должны были непремѣнно прослужить въ своей должности—преподаватели въ высшихъ классахъ не менѣе 23, а въ низшихъ—не менѣе 36 лѣтъ для того, чтобы получить чинъ коллежскаго асессора и выдти въ отставку безъ всякой пенсіи. Вообще ученье было въ загонѣ, и имъ вовсе не дорожили даже и по внѣшности. Дворяне обыкновенно записывались прямо въ полкъ, послѣ такого воспитанія, какое описывалось въ «Живописцѣ» и въ «Трутнѣ», и когда при императорѣ Александрѣ послѣдовалъ указъ о производствѣ въ офицеры только грамотныхъ, то оказалось чрезвычайно много не знавшихъ грамоты унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ. Таковы были результаты стараній о заведеніи народныхъ училищъ,—стараній, на которыя тогдашняя литература возлагала такія надежды и по поводу которыхъ воспѣвала златой вѣкъ и царство знаній въ Россіи. — —

93. Пермскій сборникъ.

Повременное изданіе. Книжка I. Москва. 1859.

— — Особенно любопытною показалась намъ статья г. Θирсова: «Открытіе народныхъ училищъ въ Пермской губерніи». По литературному своему достоинству это едва-ли не лучшая статья сборника. Назвавши г. Θирсова, мы вспомнили, что уже встрѣчались съ этимъ именемъ въ литературѣ. Въ концѣ прошлаго года г. Θирсовъ помѣстилъ въ «Русскомъ Педагог. Вѣстникѣ» статью о воспитаніи дѣвицъ въ Пермской губерніи. Мы не знаемъ этой статьи, потому что «Педагогическій Вѣстникъ», какъ извѣстно, составляетъ большую библіографическую рѣдкость (и охота г. Θирсову помѣщать свои статьи въ подобныхъ изданіяхъ!). Но въ 68 № «Русскаго Дневника» была разсказана по этому поводу очень любопытная исторія, къ которой мы и отсылаемъ любознательныхъ читателей, замѣтивъ только, что она, по нашему мнѣнію, нисколько не компрометируетъ г. Θирсова...

Что касается до статьи г. Θирсова въ «Сборникѣ», она замѣчательна по тому живому, реальному воззрѣнію, съ которымъ авторъ приступаетъ къ своему предмету. Подобное воззрѣніе еще ново въ нашей наукѣ, оно должно еще завоевать себѣ мѣсто на этой аренѣ, по которой ползаютъ дряхлые ученые. У насъ до сихъ поръ господствуетъ формальность воззрѣній, не проникающая въ жизнь, довольствующаяся книгами, да и въ книгахъ отрицающая все, что отзывается чистой реальностью. Для нашихъ ученыхъ,—если изданъ законъ, такъ это значитъ, что онъ ужъ и вошелъ въ жизнь народа; коли кто получилъ публичную овацію,—значитъ, что онъ популярность имѣетъ; коли въ школахъ преподаются такіе-то предметы, значитъ, что образованіе процвѣтаетъ, и т. д. А что было на дѣлѣ, какъ принимался народомъ извѣстный законъ, какія обстоятельства вынудили овацію, чему ученики выучились, на это ученые господствующей у насъ школы и не думаютъ обращать вниманіе. «Какъ можно больше

формъ и словъ, какъ можно меньше дѣла!» вотъ ихъ тайный девизъ, обыкновенно прикрытый громкими фразами... Но теперь съ каждымъ годомъ онъ становится яснѣе для массы простыхъ, неученыхъ людей; съ каждымъ годомъ смѣшнѣе становятся ученые карлики, роющіеся въ пыли и составляющіе понятіе о жизни и людяхъ по плевкамъ, оставшимся на пескѣ, черезъ который проходили толпы. Еще мало людей живого воззрѣнія въ нашей наукѣ; но уже довольно того, что они есть. Какъ скоро они начинаютъ появляться, старые формалисты отжили!..

Къ числу людей живыхъ принадлежитъ, несомнѣнно, г. Өирсовъ. Въ его статьѣ разсматривается открытіе народныхъ училищъ въ Перми въ 1786 г. Кажется, ясно, о чемъ тутъ слѣдуетъ толковать? Училище открыто, — это фактъ; теперь надо объяснить этотъ фактъ, т.-е. показать: когда, при комъ открыто оно, какія лица въ немъ были начальниками и учителями, какой былъ уставъ его, какія науки преподавались, по какимъ методамъ и т. д. Но г. Өирсовъ задалъ себѣ другіе вопросы; онъ повернулъ дѣло вотъ какъ: открыто училище, — какія же отношенія установились между нимъ и народонаселеніемъ? что оно хотѣло и что успѣло сдѣлать для народа? Вопросы эти несравненно труднѣе и глубже, и для ихъ разрѣшенія нужна не одна копотливость и терпѣніе,—нуженъ и здравый смыслъ, и сочувствіе къ благу народному. Мы не станемъ разсказывать все содержаніе статьи г. Өирсова: его изслѣдованія приводятъ къ убѣжденію, что пермское училище, открытое въ 1786 г., представляло собою одинъ изъ печальныхъ образчиковъ того, что вообще дѣлалось тогда въ Россіи съ училищами, вслѣдъ за формальнымъ ихъ открытіемъ. Но мы не можемъ не привести нѣкоторыхъ мѣстъ изъ статьи г. Өирсова, дающихъ понятіе о его взглядѣ и изложеніи.

Разсказавъ подробно актъ открытія училища, г. Өирсовъ приводитъ, между прочимъ, рѣчь учителя Назаретскаго по этому случаю, утверждающую, что древняя Греція уже ничто предъ тогдашнею Россіею, что «уже вводится всемѣстное просвѣщеніе, яко надежнѣйшая подпора, утверждающая благосостояніе народа», что теперь «и погруженный въ мрачномъ невѣжествѣ Вогуличъ воспріиметъ участіе въ славѣ просвѣщенныхъ сыновъ россійскихъ», и пр. Приведя эту рѣчь, г. Өирсовъ говоритъ (стр. 148):

«Прошло съ тѣхъ поръ 70 лѣтъ, а, между тѣмъ, Вогуличъ, и съ нимъ его братія—татары, вотяки и другіе—еще не принимали участія въ славѣ просвѣщенныхъ сыновъ россійскихъ, оставаясь попрежнему въ невѣжествѣ; да и масса русскихъ въ Пермскомъ краю, да и во всей Россіи, успѣла-ли въ эти 70 лѣтъ стать лучше своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, сбросила ли съ себя ярмо суевѣрій, предразсудковъ, неурядицы? правила ли къ себѣ начала истиннаго порядка, любви къ ближнему, сознанія своего человѣческаго достоинства,—эти истинные плоды образованія народнаго, для произращенія которыхъ и учреждаются училища? Гдѣ-жъ это народное образованіе, котораго ждали отъ народныхъ школъ Назаретскій и другіе мыслящіе люди стараго времени и которому бы уступила образованность древняго грека? Гдѣ же это внѣшнее благосостояніе и нравственное богатство, которыя должны были, по ихъ словамъ, войти въ жизнь народа, вмѣстѣ съ образованіемъ, долженствовавшимъ распространиться посредствомъ

училищъ? А вѣдь училища, въ теченіе этихъ 70-ти лѣтъ, въ своемъ складѣ улучшались, умножались, преобразовывались, и между тѣмъ современный намъ русскій человѣкъ, отвѣчая на эти вопросы, все-таки придетъ къ убѣжденію, что еще далеко не выросли мы до той мѣрки, чтобы имѣть право сказать: мы образованный народъ».

Для объясненія этого явленія, дѣйствительно очень страннаго, г. Өирсовъ обращается къ вопросу о значеніи вообще школы въ жизни народа, и указываетъ два требованія, необходимыя для того, чтобы школа имѣла благотворное вліяніе. Первое требованіе относится къ самой цѣли образованія, предположеннаго школою, второе — къ внѣшнимъ условіямъ ея существованія. Мы приведемъ вполнѣ разсужденіе автора объ этомъ предметѣ (стр. 149—151):

«Школа есть одинъ изъ главнѣйшихъ проводниковъ образованія въ народѣ; въ этомъ, кажется, сомнѣваться никто не станетъ. Но дѣло въ томъ, что подъ образованіемъ, которое хотятъ провести чрезъ учебныя заведенія въ народѣ, нерѣдко самые учредители школъ разумѣютъ совсѣмъ не то, что составляетъ истинное образованіе, разумѣютъ часто подъ словами «образовать умъ и сердце»—не свободное развитіе духа человѣка, а извѣстнаго рода цѣли, болѣе или менѣе односторонніе, нерѣдко эгоистическіе: понятно, что такіе учреждатели школъ всегда хлопочутъ, подъ видомъ образованія, только о томъ, чтобы училища, ими учрежденныя, поставляли людей именно такъ образованныхъ, какъ они понимаютъ это слово, и для достиженія этой цѣли предписываютъ безчисленное множество правилъ, долженствующихъ опредѣлить каждый шагъ воспитанника, каждое дѣйствіе школы. Немудрено, что училище, которое обязано образовывать питомцевъ по извѣстной мѣркѣ, не пойдетъ далеко, будетъ не привлекать къ себѣ, а отталкивать отъ себя большинство, массу, потому что инстинкты массы никогда нельзя обмануть, какимъ бы громкимъ титуломъ ни прикрывалась цѣль заведенія. Такъ схоластическія школы въ среднихъ вѣкахъ, іезуитскія школы въ новыхъ никогда не пользовались довѣріемъ, уваженіемъ со стороны массы народной, потому что тѣ и другія, подъ выѣскою образованія, преслѣдовали узкія цѣли, удовлетворяющія людямъ извѣстнаго направленія, но не удовлетворяющія всѣмъ сторонамъ человѣческаго духа.

«Съ другой стороны,—положимъ, что учредитель школы понимаетъ образованіе, какъ слѣдуетъ, хочетъ посредствомъ школы развить свободно-разумнаго человѣка, безъ задней мысли о своихъ личныхъ интересахъ; но этимъ еще не будетъ все сдѣлано, чтобы имѣть право требовать отъ школы поставки истинно-образованныхъ людей, благотворнаго ея вліянія на страну, среди которой она основана. Школа прежде всего существуетъ не среди ангеловъ и не для ангеловъ, а среди людей и для людей, у которыхъ есть свои понятія, привычки, вѣрованія, потребности, отношенія, условливающіяся мѣстомъ, временемъ и другими обстоятельствами и обнаруживающіяся всегда въ извѣстныхъ формахъ. Выступая съ своими началами, школа должна заявить ихъ тоже въ видимыхъ формахъ, сообразныхъ самымъ этимъ началамъ, и должна имѣть подъ рукою достаточно матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ для ихъ осуществленія; стало быть, школѣ должна быть дана такая организація, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала цѣли свободно-разумнаго развитія, ни одною своею частію не противорѣча ей; т.-е. лица, которымъ ввѣряется школа, должны быть поставлены внѣ всякой зависимости отъ разныхъ общественныхъ отношеній, въ своихъ взаимныхъ дѣйствіяхъ быть чужды характера полицейства, должны проникнуться однимъ духомъ, имѣть въ виду одно только свободное развитіе питомцевъ; для этого имъ должны быть даны достаточныя матеріальныя средства и способные понимать истинное образованіе и въ духѣ его дѣйствовать педагоги или учители. Если же школа дурно управляется, если

правящіе ею, забывая объ ея цѣли, въ своихъ дѣйствіяхъ руководятся правилами, принесенными Богъ вѣсть откуда—правилами можетъ быть пригодными для казармъ, но совершенно противными этой цѣли; если школа въ своемъ содержаніи пробавляется кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ; если учителей набираетъ она, не разбирая, можетъ ли каждый изъ нихъ быть воспитателемъ, можетъ ли привить сѣмена истиннаго образованія къ питомцамъ, а такъ, для комплекта, то не пойдетъ далеко школа, не принесетъ долго плодовъ истиннаго образованія странѣ, въ которой и для которой существуетъ, хотя бы цѣль, указанная ей, именно заключалась въ истинномъ образованіи.

«И основа школы можетъ быть надлежащая, и управленіе ею можетъ быть цѣлесообразно, и средства ея матеріальныя могутъ быть вполнѣ достаточны, и учителя ея могутъ имѣть нужный педагогическій тактъ, и все же при этихъ благопріятныхъ условіяхъ школа не вдругъ произраститъ плоды, если только общественный и семейный складъ народонаселенія, среди котораго она основана, діаметрально противоположенъ ея началамъ, если интересы его и потребности — другія, чѣмъ потребности школы. Осуществите идеалъ школы среди народа, который задавленъ деспотизмомъ, у котораго одна забота, какъ сохранить жизнь свою, не умереть съ голода,—и не скоро вліяніе ея отразится на жизнь этого народа».

О ходѣ образованія въ Россіи г. Өирсовъ говоритъ также съ большимъ сочувствіемъ къ дѣлу образованія въ его высшемъ, благороднѣйшемъ значеніи. Мы надѣемся, что доставимъ удовольствіе нашимъ читателямъ, если приведемъ еще страницу, представляющую сжатый, но полный силы и правды очеркъ развитія русскаго общества и народа (стр. 180):

«Развитіе русскаго народа шло такъ болѣзненно, долго, что свѣтъ истиннаго образованія, долженствовавшій внести силу въ его больной остовъ, не вдругъ могъ поцѣйствовать на него благодѣтельно, не вдругъ могъ сдружиться съ нимъ. Сначала вѣковая борьба государственныхъ стремленій съ родовыми преданіями, съ требованіями князей, крестьянъ, при постоянномъ давленіи отовсюду извнѣ, потомъ кровавая побѣда государства надъ противо-государственными элементами, долговременное, въ теченіе цѣлаго XVII столѣтія, броженіе этихъ элементовъ, наконецъ эпоха Петра Великаго—привели народъ русскій къ тому состоянію, въ которомъ несравненно меньшая часть его рѣзко отдѣлилась отъ массы: съ одной стороны помѣщикъ, чиновникъ и частію священникъ, съ другой—податной и крѣпостной; первый владѣетъ, управляетъ, судитъ, научаетъ; другой торгуетъ, пашетъ землю и, трудясь до нравственной и физической истомы, вмѣстѣ съ тѣмъ кормитъ перваго, даетъ ему средства къ роскоши, защищаетъ его отъ внѣшнихъ враговъ... Таковы были отношенія между двумя неровными частями русскаго народа въ половинѣ XVIII вѣка, и въ это время, когда все громче и громче говорилось и въ Европѣ, а вслѣдъ затѣмъ и у насъ въ Россіи, о правахъ человѣческихъ, о необходимости образованія,—въ это время болѣе, чѣмъ когда-либо, раздавали крестьянъ во владѣніе другимъ, въ это время крѣпче затянулъ чиновникъ тотъ узелъ, который связывалъ его съ подчиненнымъ. Какими восхитительными красками ни восписуй отношеніе между помѣщикомъ и крестьяниномъ, между чиновникомъ, смотрящимъ на свое мѣсто, какъ на вотчину, какъ на кормленіе, какъ сладко ни называй его чѣмъ-то родственнымъ, патріархальнымъ,—на дѣлѣ эту патріархальность нескоро найдешь; по крайней мѣрѣ, въ XVIII вѣкѣ ея не существовало; напротивъ, обѣ половины враждебно смотрѣли другъ на друга. Немудрено при этомъ quasi-патріархальномъ складѣ нашего быта, когда одна часть находилась въ крѣпости у другой,—немудрено, что голоса, возвышавшіеся въ пользу истиннаго образованія, въ пользу признанія правъ человѣческихъ, въ пользу свободнаго развитія

человѣка, въ пользу необходимости трудиться на благо общее, оставались и прежде половины XVIII вѣка, и послѣ долго голосами вопіющими въ пустынѣ и не были слышны ни тою, ни другою частію: одна часть не хотѣла слышать этихъ воззваній потому, что въ такомъ случаѣ ей нужно бы было разстаться съ опекою надъ другою, а другая... другая, пожалуй бы, и рада слышать ихъ, да что толку въ этомъ для нея?.. Эти воззванія къ ней походили на приглашеніе къ связанному по рукамъ и ногамъ и лежащему пластомъ въ грязи, выраженное хоть въ такихъ словахъ: пойдемъ, любезный другъ, гулять! Немудрено, что народныя училища, на которыя возложенъ былъ трудъ распространить въ Россіи образованіе, шли чрезвычайно туго, и нѣтъ ничего удивительнаго, если пермскія народныя училища раздѣляли участь съ своими собратіями, ибо тотъ общественный складъ, о которомъ мы говорили, лежалъ со всѣми своими темными сторонами и на почвѣ пермской».

Затѣмъ, говоря о пермскомъ народѣ, г. Өирсовъ замѣчаетъ, что здѣсь условія были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще неблагопріятнѣе: отдаленность края отъ высшей власти способствовала увеличенію произвола чиновниковъ и ихъ безнаказанности, вся страна сдѣлалась жертвою немногихъ тунеядцевъ, самъ народъ въ теченіе многихъ годовъ не только не смягчилъ нравовъ своихъ, но закалился въ грубости, тѣмъ болѣе, что населеніе было составлено изъ различныхъ элементовъ, враждебныхъ другъ другу. «Одно было у нихъ общее, говоритъ авторъ:—это недовѣріе ко всему, что носило мундиръ». Переходя отсюда къ пермскимъ училищамъ, г. Өирсовъ заключаетъ (стр. 183):

«При такихъ условіяхъ масса народная не могла сочувствовать образованію, даже если хотѣла принять его, по одному только тому, что оно предлагалось болярами. Ее можно было только силою заставить отдавать дѣтей въ училища,—и силою, приказомъ это и сдѣлано, потому что хотя и старались тогда увѣрять, что городскія общества добровольно изъявили желаніе завести у себя училища народныя, но это было говорено для красоты слога; на самомъ же дѣлѣ малыя народныя училища открыты по приказанію генералъ-губернатора Волкова, что подтверждаетъ очень наивно рапортъ къ нему чердынскаго городского головы. Да при томъ массѣ народной, при ея забитости, духовномъ растленіи, недоступны были тѣ начала, съ которыми выступали народныя училища; она если и понимала нужду въ образованіи, то подъ образованіемъ она разумѣла простую грамотность, умѣнье читать и писать въ той степени, чтобы хотя поспорить съ подъячими. Такимъ образомъ легко объяснить, почему нѣкоторые простолюдины въ Пермскомъ краю не хотѣли отдавать дѣтей въ малыя народныя училища, тогда какъ охотно посылали ихъ на выучку къ какимъ-нибудь книжникамъ, за дешевую цѣну сообщавшимъ книжную мудрость».

Нельзя не пожелать, чтобы г. Өирсовъ изложилъ, какъ обѣщаетъ, дальнѣйшую исторію пермскихъ училищъ, и вообще — чтобы онъ писалъ сколько возможно больше и чаще. Въ такихъ именно статьяхъ, въ такихъ взглядахъ нуждается наша литература. — —

94. Уроки естественной исторіи для учащихся дѣвицъ и юношества.

Составленные Ходецкимъ, профессоромъ университета св. Владиміра. Кіевъ. 1859.

Естественная исторія для женскихъ учебныхъ заведеній, А. Горизонтова.

Спб. 1859 г. Изд. Торговаго дома Стуговщикова, Пахитонова, Водова и К°.

Не въ одной поэзіи, есть и въ наукѣ свои господа Мыльниковы, только за нихъ страшнѣе приняться: авторитетъ имѣютъ большой, или, по крайней мѣрѣ, очень ученый видъ. Вотъ, напримѣръ, г. Ходецкій: на оберткѣ его «Уроковъ» значится, что онъ профессоръ, а въ предисловіи онъ самъ говоритъ, что издаетъ свою книгу вслѣдствіе *крайняго недостатка* русскихъ руководствъ по естественнымъ наукамъ. Значитъ, его трудъ есть нѣчто самостоятельное, слѣдствіе его многолѣтнихъ занятій, результатъ спеціальныхъ знаній, пріобрѣтенныхъ имъ въ теченіе долгой ученой карьеры (ибо г. Ходецкій ужъ лѣтъ 20, по крайней мѣрѣ, значится профессоромъ). Мы были увѣрены, что руководство г. Ходецкаго представитъ что-нибудь вродѣ учебника г. Шульгина (конечно, вы не подумаете, что г. Ив. Шульгина!), особенно когда увидѣли изъ предисловія, что г. Ходецкій съ тѣмъ и издалъ свою книгу, чтобы восполнить недостатокъ руководствъ по естественнымъ наукамъ. Въ такихъ предположеніяхъ принялись мы читать вышедшую теперь первую часть уроковъ г. Ходецкаго — уроки о животныхъ, т.-е. говоря по-просту—зоологію. И вдругъ—представьте себѣ наше изумленіе!—насъ поражаютъ въ книгѣ г. Ходецкаго знакомыя опредѣленія, знакомые обороты, знакомыя фразы,—точь-въ-точь какъ при чтеніи стиховъ г. Мыльникова! Мы не занимались спеціально естественными науками, и потому намъ не трудно было припомнить, въ какой именно книжкѣ встрѣчали уже мы всѣ эти фразы,—это въ зоологіи, 12 лѣтъ тому назадъ изданной г. Далемъ. Для полнѣйшаго удостовѣренія мы справились: оказалось, что г. Ходецкій перефразировалъ зоологію Даля, — можетъ быть, съ меньшимъ искусствомъ, но ужъ никакъ не съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ г. Мыльниковъ Кольцова. Представимъ для сравненія нѣсколько выписокъ. Откроемъ что-нибудь изъ г. Даля. Вотъ стр. 155. На ней описаніе льва.

Сначала у г. Даля описывается наружность льва, опредѣляется его величина, и пр. Всего этого нѣтъ у г. Ходецкаго. Затѣмъ у г. Даля говорится:

«Ростъ его, ловкость и гибкость, чрезвычайная сила, особенно въ переднихъ лапахъ, смѣлый взглядъ, величественная и гордая осанка и страхъ, который онъ наводитъ на всѣхъ животныхъ глухимъ и дикимъ рыканіемъ своимъ, все это присвоило ему названіе царя звѣрей. Хотя вообще разсказы о великодушныхъ поступкахъ этого звѣря преувеличены, но справедливо, что если онъ не голоденъ, то не нападаетъ и животныхъ, нерѣдко щадитъ безсильныхъ, а человѣка безъ нужды не трогаетъ; зато, выходя на добычу, левъ не знаетъ страха, и нѣтъ животнаго,

съ которымъ бы онъ отказался помѣряться силами; онъ не только одолѣваетъ кабановъ и буйволовъ, но смѣло нападаетъ даже на слоновъ и носороговъ и нерѣдко ихъ побѣждаетъ. Днемъ онъ обыкновенно отдыхаетъ въ дремучихъ лѣсахъ или другого рода пристанищахъ, а по ночамъ бродитъ и подстерегаетъ изъ засады свою добычу, на которую бросается прыжкомъ, хватаетъ ее за загривокъ или шею, валитъ на земь и задираетъ зубами и когтями... Настоящее отечество этого звѣря — Африка; гораздо рѣже попадается онъ въ южной Азіи... Шкура льва употребляется только, какъ рѣдкость, на полости и подстилку, а у дикихъ народовъ и на другія поделки. Охотники убиваютъ льва изъ ружей, подстерегая его на какомъ-нибудь опасномъ ему пути или на привадѣ; туземцы же иногда преслѣдуютъ его на лошадяхъ, окружаютъ и убиваютъ; но эта охота очень опасна».

У г. Даля есть еще нѣкоторыя подробности о львѣ; но мы ихъ не приводимъ, такъ какъ г. Ходецкій не удостоилъ ихъ заимствовать. Да и въ томъ, что мы выписали, подчеркнутыя мѣста опущены г. Ходецкимъ, какъ ненужныя, хотя они большею частію очень характерны. Вотъ въ какомъ видѣ является левъ у г. Ходецкаго, на стр. 87:

«Левъ—самое величественное животное между млекопитающими. Его крупный ростъ, чрезвычайная сила, ловкость, наружный видъ, безстрашіе, съ которымъ онъ нападаетъ на свою добычу, самый ревъ его, наводящій страхъ и заставляющій трепетать и умолкать всѣхъ другихъ весьма сильныхъ животныхъ,—все это издавна пріобрѣло ему названіе царя звѣрей. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему приписываютъ великодушіе, что хотя преувеличено, но, по крайней мѣрѣ, онъ не нападаетъ на другихъ животныхъ, не будучи голоденъ. Левъ живетъ преимущественно въ пустыняхъ Африки, изрѣдка въ южной Азіи. Днемъ онъ отдыхаетъ въ какихъ-нибудь неприступныхъ мѣстахъ, а ночью выходитъ на добычу и бросается на нее, подобно всѣмъ животнымъ кошачьяго рода, ловкимъ прыжкомъ. Пищею ему служатъ самыя крупныя животныя, но встрѣчи съ человѣкомъ онъ избѣгаетъ. Охота за львомъ считается необыкновенно смѣлою и отчаянною, хотя находятся смѣльчаки, на нее рѣшающіеся. Кожа льва употребляется, какъ рѣдкость, на полости».

Какъ видите, г. Ходецкій не только заимствовалъ, но и плохо заимствовалъ описаніе г. Даля. Онъ выпустилъ необходимое опредѣленіе наружности животнаго и оставилъ только грозную осанку, большой ростъ и пр., что безъ предварительныхъ свѣдѣній и обратилось въ общее мѣсто. Затѣмъ онъ выпустилъ нѣсколько характерныхъ подробностей и полезныхъ указаній, представленныхъ въ книгѣ г. Даля, напримѣръ, о времени жизни льва, о львахъ въ римскомъ циркѣ, о силѣ, находящейся въ переднихъ лапахъ и въ хвостѣ льва, и пр. Все это, должно быть, потому, что г. Ходецкій, по словамъ его предисловія, хотѣлъ въ своей зоологіи «показать тѣсную связь между наружною формою и внутреннимъ устройствомъ органическихъ существъ».

Раскроемъ еще какое-нибудь мѣсто у г. Ходецкаго. Вотъ стр. 112: описаніе *дикой свиньи*:

«Дикая свинья, дикій кабанъ или вепрь считается прародителемъ домашней свиньи. Живетъ въ глухихъ лѣсахъ и камышахъ многихъ странъ, между прочимъ, въ западной Россіи. Питается плодами, ко-

ренъями и травами. Отъ домашней свиньи отличается болѣе крупнымъ ростомъ, большими клыками и постояннымъ чернымъ цвѣтомъ шерсти. Очень дикъ и свирѣпъ. Составляетъ предметъ довольно опасной охоты для мяса, изъ котораго могутъ быть приготовляемы вкусныя блюда».

Теперь посмотримъ, какъ она изображается въ зоологіи Даля (см. стр. 178):

«Дикая свинья (вепрь, кабанъ, дикій боровъ), признаваемая за родоначальника нашей дворовой свиньи, извѣстна свирѣпымъ нравомъ своимъ и страшнымъ оружіемъ—клыкомъ или, вѣрнѣе, копаломъ. Кабанъ бываетъ длиною до 5 футовъ, а вѣсомъ 12 пудовъ; масть щетинистой шерсти его чернобурая. Онъ водится, мѣстами, въ лѣсахъ и камышахъ, въ средней Европѣ; у насъ же—въ западныхъ губерніяхъ, на Кавказѣ и изрѣдка около Каспійскаго моря, а затѣмъ также кой-гдѣ въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Онъ живетъ до 30 лѣтъ, мясо его вкусно, но охота за нимъ опасна, если стрѣлки, на коихъ его выгоняютъ, не стоятъ на подмосткахъ или толстыхъ пняхъ».

Въ передѣлкѣ этого описанія г. Ходецкій старался, кажется, удовлетворить *шестой* изъ цѣлей, указанныхъ имъ для своей книги въ предисловіи: «обратить вниманіе учащихся на прекрасное въ природѣ»; ибо здѣсь онъ изъ «родоначальника свиньи» сдѣлалъ «прародителя» и прибавилъ «охоту, опасную для мяса».

Пойдемъ ужъ, кстати, далѣе за Ходецкимъ и приведемъ описаніе и домашней свиньи, тѣмъ болѣе, что почтенный профессоръ въ предисловіи увѣряетъ, что онъ «въ 4-хъ, старался выставить преимущественно то, что наиболѣе полезно въ хозяйственномъ быту человѣка».

Прочтите же на 113 страницѣ:

«Домашняя свинья происходитъ отъ дикой, отличаясь отъ нея только меньшимъ ростомъ, меньшими клыками, не столь свирѣпымъ нравомъ и разнообразіемъ цвѣта шерсти. Составляетъ очень полезное животное въ хозяйствѣ, особенно въ томъ отношеніи, что можетъ быть продовольствуема самымъ дешевымъ, для другихъ животныхъ мало годнымъ кормомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ скоро растетъ, даетъ много мяса и жира, также щетину, употребляемую для щетокъ, кистей и т. п. Будучи прожорлива, она ѣстъ почти все, не отказываясь даже отъ мяса, и потому скоро откармливается. При такихъ выгодахъ она разводится почти у всѣхъ народовъ, за исключеніемъ евреевъ и магометанъ, чуждающихся мяса ея по религіозному закону. Къ сожалѣнію только, свинья очень нечистоплотна и любитъ, подобно многимъ другимъ толстокожимъ животнымъ, прохлаждаться въ грязи; любитъ также рыть землю для отыскиванія корней; но чѣмъ чище она содержится и чѣмъ лучшій получаетъ кормъ, тѣмъ и продукты ея бываютъ лучше.

Такъ какъ домашняя свинья распространена человѣкомъ почти по всѣмъ странамъ свѣта, то въ видѣ ея образовалось много породъ, которыя въ хозяйственномъ отношеніи отличаются другъ отъ друга преимущественно по крупности роста. Изъ крупнорослыхъ породъ наиболѣе цѣнятся англійская и ютландская, а изъ малорослыхъ—китайская».

Теперь сравните описаніе изъ книги г. Даля (стр. 179):

«Свинья домашняя или дворовая (Рис. 18, ф. 103) рѣдко достигаетъ той величины, какъ дикая; копала у нея гораздо меньше, масть шерсти черная, желтобурая, пѣгая и пр. Какъ изъ всякой домашней скотины, такъ и изъ свиньи, по различію пищи, климата и другихъ обстоя-

тельствъ, образовалось нѣсколько породъ; есть, напр., *большая англійская* и *ютландская* породы, коихъ свиньи въ откормкѣ достигаютъ такой огромности, что въ свиньѣ бываетъ до 15 пудовъ вѣсу; *китайская* порода, некрупная, на низенькихъ ножкахъ; порода съ *сережками*, порода *турецкая*, съ нѣсколько курчавою шерстью, и пр. Свинья питается зерномъ, плодами, овощами, травами, кореньями, насѣкомыми, но ѣстъ все, даже всѣ нечистоты и самую падаль. Свинья прожорлива, почему и удобно откармливать ее на сало: она неопрятна, любитъ грязь и лужи, но мясо ея бываетъ гораздо вкуснѣе, когда ее содержатъ чисто, въ опрятной свинарнѣ и кормятъ одною хлѣбною пищей. Чутье свиньи довольно тонко, такъ что она издалека отыскиваетъ по чутью пищу, даже подъ землей, которую проворно взрываетъ носомъ и рыломъ. Поэтому свинью употребляютъ для отысканія трюфелей (родъ подземныхъ грибовъ), до которыхъ и люди не менѣе ея лакомы. Свинина и свиное сало, окорока, свиныя колбасы и пр. составляютъ общеупотребительную пищу многихъ народовъ, кромѣ мусульманъ и евреевъ, которые свинины не ѣдятъ; свиная щетина идетъ на щетки и кисти, а также у сапожниковъ для присучиванія къ дратвѣ, и потому составляетъ не совсѣмъ маловажный предметъ торговли».

Въ такомъ видѣ вся книжка г. Ходецкаго перефразирована изъ зоологіи Даля. Спрашивается: зачѣмъ же онъ убивался надъ этимъ, и на какомъ основаніи жалуется онъ въ предисловіи на то, что у насъ нѣтъ учебниковъ по естественной исторіи? Правда, онъ прибавляетъ, что существующіе учебники годятся собственно для мужскихъ училищъ, а для женскихъ неудобны «отчасти по своему объему, излишней сложности системы, употребленію латинскихъ терминовъ, *отчасти по другимъ причинамъ, легко понятнымъ для каждаго догадливаго читателя*». Но книга г. Даля не очень многимъ превосходитъ объемъ «Уроковъ» г. Ходецкаго, особенно если исключить изъ нея всѣ примѣчанія, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ; система вся цѣликомъ взята г. Ходецкимъ изъ Даля; латинскіе термины... но ихъ-то, какъ на грѣхъ, и *нѣтъ вовсе* въ зоологіи Даля... Остаются, стало быть, *другія причины*... Ихъ угадать дѣйствительно нетрудно: это опасеніе, чтобы не встрѣтить лишняго слова въ анатомическомъ обозрѣніи частей человѣческаго тѣла, въ показаніи способовъ размноженія разныхъ животныхъ и пр. Но, во-первыхъ,—и въ книгѣ г. Даля нѣтъ ничего *лишняго* по этой части; во-вторыхъ, неизвѣстно еще, точно ли слѣдуетъ одобрять ту скрытность, которую считаетъ столь необходимою почтенный профессоръ. По нашему мнѣнію, одна изъ главныхъ цѣлей преподаванія естественной исторіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и должна состоять въ томъ, чтобы дѣвицы познакомились со всѣми естественными отправленіями животнаго организма изъ серьезнаго, научнаго изложенія, а не изъ сальныхъ разсказовъ дворовыхъ дѣвокъ и не изъ сладострастныхъ намековъ разныхъ распутныхъ кузеновъ... Пора бы ужъ убѣдиться, что въ этомъ случаѣ формальная скромность въ училищѣ можетъ привести дѣвушку только къ лицемѣрству, да еще дастъ ей поводъ получить совершенно превратное, преувеличенное и донельзя украшенное понятіе о томъ, что именно хотятъ скрыть отъ нея.

Вообще въ книгѣ г. Ходецкаго мы не нашли ничего, что бы могло оправдать ея появленіе, и особенно съ такимъ предисловіемъ.

О примѣненіи къ понятіямъ ученицъ, объ особенныхъ требованіяхъ женскаго образованія онъ и не думалъ. Если ужъ надо сочинять руководство особое непремѣнно для дѣвушекъ, то слѣдовало бы изложить явленія живой природы въ болѣе стройномъ порядкѣ, разсказать физіологическія условія жизни подробно и живо, представить бытъ и нравы животныхъ, обстоятельно описать тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ особый интересъ почему-нибудь, и никакъ не хлопотать о какихъ-нибудь перечисленіяхъ. Зачѣмъ, напримѣръ,—не только въ женскомъ, но въ какомъ бы то ни было учебникѣ такой перечень: «*курганчики, кубарчики, ребрушки, башенки, ушки, ныряшки, богрянки, тишаки, трубороги, ужовки, оливы, конусы, овулы и пр.*» Что же, ученицы должны все это вызубрить?... А, по-нашему, если ужъ эти всѣ курганчики, кубарчики и пр. такъ замѣчательны, что ихъ не знать нельзя, такъ можно ихъ описать подробнѣе; а если не стоитъ описывать, то ужъ и имена перечислять не стоитъ... Развѣ, можетъ быть, это необходимо было г. Ходецкому для того, чтобы, по его словамъ, «подѣйствовать благотворно на нравственное чувство учащихся, высшее развитіе котораго составляетъ главнѣйшую цѣль всякаго образованія»?...

Руководство г. Горизонтова выступаетъ съ тѣми же претензіями, какъ и курсъ г. Ходецкаго. Въ предисловіи его авторъ говоритъ—не вполнѣ грамотно, но съ скромнымъ сознаніемъ своего достоинства: «*сознавая* вполнѣ, что изданіемъ своей естественной исторіи я не устранилъ вышеупомянутаго недостатка (хорошихъ руководствъ) въ нашей учебной литературѣ, *но тѣмъ не менѣе льщу* себя надеждою, что, за неимѣніемъ другого руководства, обнимающаго всѣ части естественной исторіи, мой трудъ принесетъ хотя небольшую пользу для учащихся дѣвицъ и въ домашнемъ воспитаніи». Безграмотность этой тирады, впрочемъ,—случайная; и произошла она, вѣроятно, отъ смущенія, въ которомъ находился авторъ, приступая къ восхваленію самого себя. Вообще же руководство г. Горизонтова написано грамотно, и въ сравненіи съ «Уроками» г. Ходецкаго,—его можно превознести. Уже одно то много значитъ, что оно гораздо короче. У г. Ходецкаго 300 страницъ заняты одной зоологіей, а у г. Горизонтова на 392 стр. помѣщены зоологія, ботаника и минералогія, да еще, вдобавокъ, свѣдѣній изъ физики и изъ физической и математической географіи. Кромѣ того, въ текстѣ 278 рисунковъ, сдѣланныхъ большею частію недурно, исключая рисунковъ птицъ и млекопитающихъ, изъ которыхъ многіе изъ рукъ вонъ плохи.

Напримѣръ, на стр. 34 изображена обезьяна, изъ семейства игрунковыхъ, большого роста, судя по дереву, на которомъ она сидитъ (хотя въ текстѣ и говорится, что она величиной всего съ бѣлку), съ пышной куафюрой и съ огромнѣйшимъ пушистымъ хвостомъ; хвостъ даже чуть ли не больше и не толще ея самой. На стр. 137 нарисованъ воробей, который, можетъ быть, недуренъ бы оказался въ какой-нибудь каррикатурѣ Степанова; но въ учебникѣ вовсе неумѣстенъ, равно какъ и голубь на стр. 147: такіе голуби могутъ существовать развѣ только въ голубятняхъ г. Сорокина!

Текстъ руководства г. Горизонтова составляетъ тоже сшивки изъ разныхъ прежнихъ книжекъ. Зоологіей и ботаникой Даля г. Горизонтовъ тоже сильно попользовался, а, между тѣмъ, зоологію его даже не упомянулъ въ числѣ своихъ пособій, перечисленныхъ имъ въ предисловіи. Это ужъ не совсѣмъ хорошо, потому что г. Горизонтовъ—лицо неизвѣстное, не профессоръ, слѣдовательно, ничѣмъ не обезпеченъ отъ нападеній критики. Нехорошо еще то, что онъ, не справившись, беретъ изъ Даля такія свѣдѣнія, которыя теперь ужъ никуда не годятся. Напримѣръ, отдѣлъ о человѣкѣ почти весь списанъ изъ Даля слово въ слово (съ пропусками, разумѣется) и, между прочимъ, взято оттуда свѣдѣніе о количествѣ людей на земномъ шарѣ. По этому свѣдѣнію выходитъ, что на земномъ шарѣ 757 милліоновъ жителей (140 въ Европѣ, 450 въ Азіи, 120 въ Африкѣ, 45 въ Америкѣ, 2 въ Австраліи): между тѣмъ, не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году печатаны были даже въ русскихъ газетахъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій Дитерици, по которымъ оказывается всѣхъ земныхъ жителей 1,288 милліоновъ (272 въ Европѣ, 755 въ Азіи, 200 въ Африкѣ, 59 въ Америкѣ, 2 въ Австраліи). Допущеніе въ учебникъ подобной ошибки доказываетъ, что г. Горизонтовъ не *извлекалъ*, а просто *бралъ*, т.-е. переписывалъ свое руководство то изъ той, то изъ другой книжки. Но вѣдь на подобную работу достаточно грамотнаго писаря или такого профессора, какимъ явился въ своихъ „Урокахъ“ г. Ходецкій!

Замѣтимъ еще одинъ курьезный промахъ г. Горизонтова, въ которомъ, впрочемъ, ужъ не Даль, кажется, виноватъ. На стр. 259, говоря о вербѣ, г. Горизонтовъ прибавляетъ: «это та самая верба, о которой царь-псалмопѣвецъ упоминаетъ въ своей пѣснѣ: «на рѣкахъ вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ, на вербіихъ обѣсихомъ органы наша». Надо быть слишкомъ увлечену собственнымъ краснорѣчіемъ, чтобы забыть, что царь-псалмопѣвецъ, т.-е. царь Давидъ, не былъ въ плѣну вавилонскомъ (потому собственно, что жилъ за 400 лѣтъ до него) и что пѣснь: «На рѣкахъ вавилонскихъ»—приписывается пророку Іереміи.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, надо имѣть въ виду то, въ какомъ положеніи находятся у насъ наука и ученость. Нашимъ учебнымъ заведеніямъ еще могутъ угрожать такія книги, какъ «Уроки» г. Ходецкаго; намъ еще могутъ выдавать плохую, безталанную перефразировку всѣмъ извѣстнаго руководства за самостоятельный профессорскій трудъ... При такомъ положеніи дѣлъ можно и книгѣ г. Горизонтова обрадоваться, хотя она, по своей сущности, и не стоитъ того.

---

95. Очерки Дона.

А. Филонова. Спб. 1859.

Мѣсяцъ тому назадъ говорили мы о литературныхъ дѣятеляхъ, являющихся въ провинціи, и указывали, между прочимъ, на г. Ѳирсова, какъ на человѣка, которому провинціальная жизнь не помѣшала

быть вполнѣ живымъ и современнымъ. Теперь передъ нами лежитъ новая книга, тоже сочиненная въ провинціи, но уже подающая поводъ къ соображеніямъ совершенно другого рода. Авторъ «Очерковъ Дона», г. Филоновъ—человѣкъ петербургскій и не безъ нѣкотораго шику старается дать замѣтить это читателямъ своей книги. Разбирая игру одного актера въ роли Хлестакова, онъ замѣчаетъ, что у актера этого *«тону петербургскаго совсѣмъ не выказалось»*; говоря о Московской улицѣ въ Новочеркасскѣ, г. Филоновъ вспоминаетъ о «Невскомъ проспектѣ, на которомъ красуются огромные дома и магазины съ разноязычными надписями». Въ самомъ началѣ своихъ очерковъ авторъ говоритъ: «не вспоминаю о тягостной для меня разлукѣ съ Петербургомъ, гдѣ я получилъ окончательное образованіе», и пр.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ петербургскимъ человѣкомъ, занесеннымъ судьбою въ провинцію и дѣлающимъ надъ нею свои наблюденія. Посмотримъ же, что такое онъ пишетъ.

Къ крайнему удивленію нашему, г. Филоновъ, „получившій въ Петербургѣ *окончательное* образованіе“, оказывается простодушнымъ и наивнымъ ребенкомъ, котораго интригуютъ и удивляютъ самыя простыя вещи, извѣстныя самому незрѣлому отроку. Онъ, напримѣръ, удивляется, что въ Новочеркасскѣ есть улицы, по которымъ ѣздитъ много экипажей и ходитъ много народу... Это необыкновенное явленіе онъ описываетъ такимъ образомъ: «почти на верстномъ протяженіи улицы, въ два ряда, *не мѣшая другъ другу*, ѣдутъ охотники и охотницы до катанья; коляски, кареты, щегольскія санки, закрытые и открытые экипажи,—все это гремитъ и летитъ предъ твоими *изумленными* очами» (стр. 11). Завидно то окончательное образованіе, которое г. Филоновъ получилъ въ Петербургѣ: поживши въ столицѣ и походивши по ея улицамъ, онъ *изумляется*, видя, что люди ѣздятъ по улицѣ, въ два ряда, не мѣшая другъ другу!.. Не меньшаго удивленія автора заслужило и то обстоятельство, что въ новочеркасскомъ соборѣ пѣвчіе поютъ, а народъ молится. Вотъ его описаніе:

«Сообщу тебѣ свои впечатлѣнія послѣ того, какъ я былъ въ первый разъ за обѣднею въ соборѣ. Служилъ тогда высокопреосвященный Іоаннъ, архіепископъ Донской и Новочеркасскій; пѣли пѣвчіе, раздѣлившись на два хора—собственно архіерейскіе и войсковые. Торжественность служенія архіерейскаго, тихій голосъ старца архипастыря, набожно молящійся народъ, которымъ была наполнена вся церковь, всеобщая тишина,—все это глубоко тронуло меня. Не забуду долго первой обѣдни, которую я слушалъ въ Новочеркасскѣ. Гдѣ я ни былъ послѣ того, вездѣ расхваливалъ пѣвчихъ и ихъ согласное пѣніе... Послѣ моего двухнедѣльнаго дути слушаніе обѣдни въ соборѣ было истиннымъ счастіемъ и покоемъ; рѣдко человѣку посылается въ жизни подобный благочестивый праздникъ сердца, когда, сбросивъ всѣ до одной суетныя мысли о мірѣ и себѣ, живешь уже другою жизнію; кажется, сейчасъ бы поднялся съ земли и улетѣлъ, куда несется мысль, окрыленная молитвою и пламенѣющая огнемъ ея» (стр. 12).

Не будемъ говорить о красотахъ слога въ этомъ описаніи; но не примѣчаете ли вы въ немъ, что торжественность архіерейскаго служенія, пѣніе пѣвчихъ, народъ, наполняющій церковь и молящійся—представляютъ для автора какъ будто что-то невиданное, чрезвычай-

ное, неожиданное... Неужели же въ самомъ дѣлѣ авторъ, получая въ Петербургѣ окончательное образованіе, не предполагалъ найти ничего подобнаго въ русскихъ губернскихъ городахъ?

Интересно также, что авторъ, отправляясь въ Новочеркасскъ на житье, ничего не зналъ о тамошнемъ памятникѣ Платову и тоже пришелъ въ изумленіе, увидавъ его. Описывая въ письмѣ къ другу свои первыя впечатлѣнія въ Новочеркасскѣ, г. Филоновъ разсказываетъ: „здѣсь стоялъ памятникъ. Кому?—я не зналъ". Описавъ потомъ очень хорошимъ слогомъ памятникъ, «его устремленныя вдаль очи, грозную осанку, богатырскую, могучую грудь, руки» и пр., г. Филоновъ снова вопрошаетъ: «кто же онъ, этотъ величественный воинъ?» И на вопросъ этотъ отвѣчаетъ, не безъ пафоса, слѣдующимъ образомъ:

«Читай, мой другъ, читай надпись: «Атаману графу Платову за военные подвиги съ 1770 по 1816 годы—признательные донцы». Мое слово не въ силахъ высказать всѣхъ мыслей и чувствованій, закипѣвшихъ теперь во мнѣ. Мальчикомъ, мальчикомъ я почувствовалъ себя при взглядѣ на могучаго Платова; стоя у подножія этого мужественнаго ратника, грозы дѣйствительно грознаго Наполеона I, я не нашелъ словъ въ своемъ сердцѣ для привѣтствія незабвенному въ исторіи Россіи и въ сердцѣ каждаго русскаго атаману войска донского. Такъ пусть же «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» на своей «боевой лирѣ» прогремитъ ему пѣснь» (стр. 7).

И затѣмъ приводится куплетъ изъ «Пѣвца»...

Какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги, г. Филоновъ—учитель русской словесности въ новочеркасской гимназіи. Изъ другихъ мѣстъ видно, что онъ—человѣкъ еще очень молодой, человѣкъ *новаго поколѣнія*. Вотъ нѣкоторыя подробности, сообщаемыя имъ о себѣ въ письмѣ къ другу, отъ 1 февраля 1856 года:

«Я увидѣлъ Новочеркасскъ. Церковь показалась прежде всего; при взглядѣ на нее я сотворилъ молитву... Не сочти за лицемѣріе этого откровеннаго моего признанія. Представь,—вѣдь ѣхалъ «юноша», по волѣ Государя, въ первый разъ на должность, юноша, взятый на седьмомъ году отъ отца и матери въ школу, подъ царское крыло, грѣвшее и хранившее его цѣлыя шестнадцать лѣтъ,—ѣхалъ въ городъ, дальній и отъ родины, и отъ мѣста образованія: представь это, и не удивишься, если была тронута душа при видѣ города, гдѣ впервые суждено было мнѣ начать свою службу Царю. Поколебалось сердце; не стало въ немъ силы; не нашлось крѣпости... И вотъ, какъ будто въ успокоеніе волнующихся мыслей, возстала церковь на привѣтъ новому члену общества; она издали текла (?) къ нему, какъ отецъ къ своему сыну, и говорила: «миръ тебѣ!» Благословенна Россія! Вездѣ на ея землѣ—прежде виднѣется крестъ церкви, потомъ дома и послѣ уже люди: это знакъ того, что вѣра—первый спаситель русскаго человѣка; что безъ нея не увидитъ онъ ни родного дома, ни родимыхъ родителей, ни всѣхъ присныхъ сердцу» (стр. 6).

Мы привели этотъ отрывокъ затѣмъ, чтобы: 1) показать читателямъ, что г. Филоновъ, по собственному сознанію, еще *юноша*; 2) чтобы дать образчикъ слога, которымъ онъ пишетъ; 3) чтобы раскрыть, хотя отчасти, возвышенность его стремленій. Разсмотрѣвъ три указанные пункта, и припомнивъ, что г. Филоновъ—учитель гимназіи, читатели сами могутъ вывести заключеніе о благотворности того вліянія, какое долженъ имѣть подобный учитель на слогъ своихъ уче-

никовъ. Всякій, кто учился въ какой-нибудь школѣ, можетъ припомнить, что значитъ для подрастающихъ мальчиковъ новый, молодой учитель, особенно по такому предмету, какъ словесность или исторія. Нѣкоторые почтенные люди полагаютъ, что ученикамъ рѣшительно все равно, каково преподаваніе учителя, и что они интересуются только тѣмъ, строго или нестрого будетъ онъ ставить баллы. Не знаемъ,—можетъ быть, такъ и было въ тѣ времена, когда учились эти почтенные люди. Но теперь совсѣмъ не то. Поговорите съ любымъ гимназистомъ четвертаго, даже третьяго класса: вы убѣдитесь, что только отъявленные лѣнтяи да *первые ученики* пѣнятъ учителя по тому, какъ онъ разставляетъ баллы. Большинство же ищетъ въ учителѣ свѣдѣній, ума, направленія... да, направленія даже. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы знали учителя, котораго ученики не терпѣли за то собственно, что онъ въ свои уроки постоянно старался ввертывать молчалинскія правила. Конечно, такіе учителя встрѣчаются всего чаще между людьми устарѣвшими, отсталыми, отжившими, которые держатся на своихъ мѣстахъ по какому-то непостижимому упорству, вопреки всѣмъ желаніямъ и требованіямъ не только учениковъ, но и начальства. Намъ привелось слышать, какъ однажды на пароходѣ какой-то старикъ разсказывалъ о своей 45-тилѣтней службѣ въ учебномъ заведеніи. «Ужъ чего со мной мальчишки ни дѣлали,—говорилъ онъ:—и смѣялись, и ругались, и не кланялись, и бить собирались,—а я все оставался. Пенсію выслужилъ—и все-таки остался. Разъ меня вечеромъ за угломъ подкараулили и чуть голову не проломили; а я черезъ недѣлю выздоровѣлъ, — и все-таки остался. Въ другой разъ чернильницами меня забросали; что же? ихъ перепороли,—а я все-таки остался...» и т. д.

Разумѣется, подобный учитель не слишкомъ много пользы можетъ приносить своимъ питомцамъ. А, между тѣмъ, въ массѣ молодежи всегда есть искреннія, теплыя стремленія къ знанію, къ правдѣ, къ живой дѣятельности мысли и воли. Понятно, что ученики съ такимъ довѣріемъ и радостью обращаются ко всему молодому, выбираютъ своими любимцами учителей новыхъ, которые сами только-что сошли со школьной скамейки и, слѣдовательно, лучше могутъ сочувствовать всѣмъ юнымъ порывамъ. Старые учителя имѣютъ для учениковъ не то одно неудобство, что они часто не слѣдятъ за современными успѣхами науки. Это бы еще не могло развести ихъ съ молодежью. Но бѣда въ томъ, что у старыхъ людей самый складъ мыслей обыкновенно бываетъ ужъ совсѣмъ другой, нежели какой нуженъ для молодежи. И это особенно надо сказать о нашемъ обществѣ, для котораго ходъ развитія облегчается предшествующей европейской исторіей, и потому совершается скорѣе, чѣмъ до сихъ поръ совершался у другихъ народовъ. У насъ для каждаго поколѣнія мѣняется задача жизни, каждое поколѣніе видитъ себя въ новой обстановкѣ, въ новыхъ условіяхъ дѣятельности. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы подробно говорили объ этомъ, разсуждая о томъ, почему человѣкъ, двадцать лѣтъ тому назадъ являвшійся мощнымъ Печоринымъ или привлекательнымъ Рудинымъ и внушавшій къ себѣ все-

общее сочувствіе, теперь уже есть не что иное, какъ жалкій, негодный Обломовъ. Теперь чувствуется настоятельная надобность въ дѣлѣ,—настоящемъ, серьезномъ дѣлѣ, а не въ блестящихъ фразахъ, и не въ переваливаньи изъ кулька въ рогожку. На дѣло это нѣтъ уже мужества, нѣтъ воли у насъ, у всѣхъ насъ, несчастныхъ мучениковъ собственной лѣни и апатіи, у всѣхъ насъ, балованныхъ трусовъ, еще сильно захваченныхъ обломовщиной... Но мы уже поняли весь вредъ, всю гадость, всю презрѣнность этой обломовщины, и мы не будемъ имѣть духа поставить ее правиломъ и идеаломъ жизни для своихъ дѣтей и учениковъ. Они выростутъ, они *должны* вырасти съ любовью къ дѣлу, съ готовностью стоять за правду и не щадить ничего для пораженія зла. Они внесутъ въ свою дѣятельность—

Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду...

Именно эти люди сидятъ теперь на скамейкахъ гимназій и уѣздныхъ училищъ; именно они должны совершить то дѣло, которое пришлось не подъ силу намъ и которое съ высотъ печоринскаго байронизма, черезъ рудинскій пафосъ, повергло насъ въ навозную кучу обломовщины. Наше дѣло теперь ужъ второстепенное: мы должны подготовлять ту обстановку, которая могла бы благопріятствовать благому дѣлу возрастающаго поколѣнія; мы должны помогать возникающимъ дѣятелямъ, благословляя ихъ на тотъ путь, котораго намъ не суждено было пройти, и откровенно разсказывая имъ, какъ ничтожны, вздорны и призрачны были всѣ препятствія, которыя остановили насъ,—какъ пошлы и безтолковы были всѣ иллюзіи, которыя задерживали насъ на мѣстѣ... И благо намъ, если хоть на это станетъ насъ, если хоть полной искренностью и отсутствіемъ претензій на благоговѣніе предъ нами новыхъ дѣятелей выкупимъ мы нашу прошедшую обломовщину!..

Но,—Боже мой!—куда занеслись мы, о чемъ мы заговорили, по поводу г. Филонова!! Къ нему-то ужъ никакъ нельзя приложить всего, о чемъ мы толковали: онъ самъ еще *юноша*, и притомъ наивный, ничего невѣдающій юноша! Онъ представляетъ любопытный примѣръ того, какимъ образомъ можно получить въ Петербургѣ окончательное образованіе и быть совершенно невиннымъ младенцемъ относительно всѣхъ предметовъ природы и общежитія. Что, напримѣръ, въ степи лѣтомъ жарко бываетъ, — онъ этому удивляется и записываетъ; что вода напираетъ на затопленную барку и заставляетъ ее скрипѣть,—этого онъ понять не можетъ; наѣхавши на водоворотъ, онъ не можетъ разгадать,—что это такое... Мы не выдумываемъ на г. Филонова, и въ доказательство приведемъ его собственный разсказъ о его наблюдательности во время поѣздки на лодкѣ по Дону съ однимъ малороссомъ:

«Какъ русскій, недавно прибывшій на Донъ, я многаго не понималъ здѣсь; чтобы записывать все новое и любопыт-

ное для меня, я имѣлъ при себѣ листъ бумаги и карандашъ. Хохолъ подмѣтилъ это и началъ трунить. На Дону сидѣли дикія утки. «Что такое?»—спросилъ я.—«Сагайдаки»,—отвѣчалъ серьезный хохолъ и мигнулъ своему товарищу... Ѣхали мы мимо барки, затопленной по случаю военныхъ обстоятельствъ; отъ напора воды она скрипѣла. «Что такое?»—«Это, баринъ, домовой играетъ»,—сказалъ хохолъ и захохоталъ что есть мочи... Наѣхали на водоворотъ. «Что такое?»—«Это черти скубутся»,—отвѣчалъ хохолъ» (стр. 28).

Г. Филоновъ приводитъ это за тѣмъ, чтобы показать, до какой степени лукавый народъ эти хохлы! Читатель видитъ, много ли надобно лукавства, чтобы мистифировать этого юношу, который, «*какъ русскій, недавно прибывшій на Донъ*», не имѣетъ понятія о дикихъ уткахъ, водоворотѣ и затопленныхъ баркахъ...

То же самое и въ отношеніи къ общежитію. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 64) г. Филоновъ утверждаетъ, что заведеніе библіотеки въ Новочеркасскѣ будетъ очень успѣшно, и основываетъ свою мысль на томъ, что новочеркассцы «нескупы на карманъ» и любятъ изящное. «Взгляните, какъ всѣ мы нескупы на карманъ! За одну ложу въ театрѣ платимъ десять, а иногда пятьдесятъ цѣлковыхъ. Мы бываемъ постоянными зрителями спектаклей, а они идутъ три, четыре раза въ недѣлю. Вообразите, сколько мы тратимъ на изящное искусство! Неужели пожалѣемъ трехъ рублей серебромъ въ публичную библіотеку за пользованіе ея книгами?» И не подумайте, чтобъ это была иронія. Нѣтъ, изъ соображенія представленныхъ фактовъ г. Филоновъ выводитъ, что именно стоитъ только начать, и на библіотеку всѣ подпишутся, кто тратитъ деньги на спектакли и пикники!..

Въ другомъ мѣстѣ г. Филоновъ приходитъ въ ужасъ отъ того, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія были въ новочеркасской гимназіи учителя нѣмецкаго и французскаго языка, очень плохо и неправильно писавшіе по-русски! Какъ будто бы онъ не встрѣчалъ такихъ учителей и въ *настоящее время*!..

Разсуждая о гимназической библіотекѣ, г. Филоновъ упрекаетъ ее за то, что въ ней есть «Пугайко, чортовъ братъ» и «Искусство быть любимымъ своею женою», а нѣтъ сочиненій Вонлярлярскаго, Соллогуба, диссертацій Булича, Майкова и пр. Какъ будто «Пугайко, чортовъ братъ»—много хуже сочиненій Соллогуба, или какъ будто диссертація г. Майкова о сербской письменности полезнѣе «Искусства быть любимымъ своею женою»!.. Тутъ же находимъ упрекъ, зачѣмъ нѣтъ въ гимназіи полнаго собранія законовъ. Легко сказать: оно стоитъ около 300 цѣлковыхъ... А много ли назначается на библіотеку въ гимназіи?

Говоря о воспитаніи, г. Филоновъ выражаетъ благоговѣніе передъ рѣчью, при открытіи гимназіи, Оридовскаго за то, что въ ней сказано: надо, „*да всѣ, воздѣлывая свои таланты, будутъ люди*“. Основываясь на этой фразѣ, г. Филоновъ подымаетъ даже вопросъ о томъ, кто первый открылъ мысль, что надо воспитывать прежде человѣка, а потомъ уже солдата или кузнеца,—Оридовскій или Пироговъ?!

Рѣчь Оридовскаго на восьми страницахъ повторятъ общія

фразы, повторявшіяся отъ начала вѣковъ, вродѣ слѣдующихъ: «Оставить дѣтей безъ просвѣщенія—значитъ таланты ихъ погребсти въ землѣ, а общество лишить добрыхъ сочленовъ; ибо невѣжа ни къ чему не способенъ. Оставить ихъ безъ просвѣщенія—есть содѣлать ихъ суевѣрными, противными Богу и вѣрѣ». Или: «это не ученость, когда противуборна; науки полезны, коль учатся имъ не для пышности, не для суетной славы, дабы блеснуть передъ свѣтомъ, но для образованія сердца, для возвышенія духа и руководства въ жизни». Или еще: «вообразите, кто безъ просвѣщенія имѣлъ случай и благопріятствующее время обратить въ общественную пользу, а паче тогда, когда требовали нужды? Кто безъ наукъ, безъ опытнаго благоразумія оказалъ въ обществѣ что достопамятное для грядущихъ вѣковъ? И кто, наконецъ, безъ просвѣщенія въ государствѣ учинился важнымъ министромъ, патріотомъ для отечества?..»

Приведши всю эту рацею, г. Филоновъ восклицаетъ, что «нѣтъ силъ оторваться отъ ея краснорѣчія!» Затѣмъ дѣлаетъ замѣчаніе, что по мыслямъ, изложеннымъ въ ней, забываешь ея давность: «сдается, что слово современно намъ, нашему пробуждающемуся обществу». Какъ будто бы всѣ эти фразы не составляютъ вѣчнаго достоянія фразеровъ всѣхъ временъ, и какъ будто рѣчь эта могла быть менѣе современною во времена Максима Грека или Кирилла Туровскаго, чѣмъ въ настоящее время, когда г. Филоновъ оправдываетъ свое невѣдѣніе о дикихъ уткахъ и затопленныхъ баркахъ тѣмъ, что онъ—русскій, недавно прибывшій на Донъ!..

Изъявивши свое умиленіе отъ краснорѣчія Оридовскаго, г. Филоновъ продолжаетъ: «рѣчи другихъ учителей и директора наполнены такими общими фразами, что мы не можемъ привести здѣсь даже отрывковъ: *общія мѣста уже всѣмъ надоѣли*!» (стр. 177). Хороши же, должно быть, рѣчи, если ужъ и г. Филоновъ нашелъ въ нихъ общія мѣста! Вообразите только, *что* должно казаться общимъ мѣстомъ для этого юноши, приходящаго въ умиленіе отъ рѣчи Оридовскаго и преклоняющагося предъ лукавствомъ *хохла*, который его мистифировалъ!..

Мы недавно высказывали свое удивленіе, какимъ образомъ знаменитый нынѣ *кандидатъ* петербургскаго университета, г. Миллеръ-Красовскій, умѣлъ усвоить себѣ ученіе о трехъ поцечинахъ. Признаемся,—г. Филоновъ возбуждаетъ въ насъ неменьшее удивленіе, хотя нѣсколько и въ другомъ родѣ. Мы не можемъ постигнуть, какимъ образомъ простыя и здравыя понятія о вещахъ такъ жестоко *обошли* скромнаго «юношу, взятаго на седьмомъ году» и пр... смотри выше... Общія понятія—объ отечествѣ, о славѣ русскаго оружія и пр., у него, конечно, вполнѣ благоразумны, и при томъ выражаются прекраснымъ слогомъ. Но мы не объ этомъ говоримъ: эти понятія-то и у г. Миллера-Красовскаго очень благонамѣренны, если угодно припомнить читателямъ; и, однако-жъ, они не помѣшали ему принять принципомъ воспитанія безусловное подавленіе всякой самостоятельности въ питомцѣ. Такъ и г. Филоновъ: при всей возвышенности своихъ общихъ понятій, онъ имѣетъ весьма наивныя, почти аскетическія

воззрѣнія на жизнь, хотя и не столь жестокосердыя, какъ г. Миллеръ-Красовскій. Мы видѣли, какъ простодушно удивляется г. Филоновъ при видѣ предметовъ самыхъ неудивительныхъ; мы видѣли, какъ онъ приходитъ въ восторгъ и умиленіе отъ неожиданныхъ своихъ открытій, вродѣ того, что въ Новочеркасскѣ есть памятникъ Платову, и т. п. Мы видѣли, какъ онъ сокрушается о невозможности воспитывать учениковъ гимназіи на чтеніи романовъ г. Вонлярлярскаго и диссертаціи г. Майкова. Изъ этого читатели могли уже отчасти видѣть и то, въ какой степени способенъ онъ къ той роли, о которой мы говорили выше,—роли подготовителя новыхъ людей къ общественному служенію. Приведемъ еще нѣсколько фактовъ.

Кромѣ собственно очерковъ Дона, составляющихъ легкіе, поверхностные, краснорѣчивые и рѣшительно ничтожные фельетоны, въ книгѣ г. Филонова есть три ученыя статьи: 1) о книгѣ капитана Чуйкевича: «Подвиги козаковъ въ Пруссіи»,—статья, принадлежащая къ разряду библіографическихъ трудовъ, бывшихъ въ такой славѣ лѣтъ восемь тому назадъ; 2) «Войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ», статья, представляющая нѣсколько любопытныхъ документовъ и нѣсколько нравственныхъ размышленій, въ такомъ родѣ: «Такъ палъ человѣкъ, сильный и могучій властелинъ Дона, богатый и славный атаманъ! Сколько изумляетъ онъ насъ въ своемъ счастіи, столько сокрушаетъ своимъ несчастіемъ [1]). Не могъ вмѣстить атаманъ своей силы и власти, не устоялъ, захотѣлъ большаго и палъ, никѣмъ не увлекаемый къ паденію. Такова судьба сильныхъ міра сего!..» 3) «Учебныя заведенія на Дону, 1790—1807 г.». Объ этой статьѣ скажемъ нѣсколько словъ.

Описаніе прежняго положенія мѣстныхъ училищъ—дѣло важное и близкое автору, какъ учителю. Тутъ могъ выразиться его взглядъ на ученье и на самыя начала образованности, его понятія объ отношеніи школы къ жизни, о потребностяхъ народа, принимающаго образованіе, и пр. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы видѣли, съ какой мыслью приступилъ къ подобному же труду г. Өирсовъ въ статьѣ о пермскихъ народныхъ училищахъ, и какія живыя, гуманныя, существенно-дѣльныя воззрѣнія выразилъ онъ въ очеркѣ этихъ училищъ. Ничего подобнаго не находимъ мы въ статьѣ г. Филонова объ учебныхъ заведеніяхъ на Дону. Въ статьѣ этой именно проявилась старая метода кропотливыхъ и мертвыхъ изысканій, неоживленныхъ рѣшительно никакой идеей. Въ громадныхъ размѣрахъ, примѣненная къ предметамъ обширнымъ, эта метода еще имѣетъ свои достоинства, въ смыслѣ произведенія точныхъ указателей, справочныхъ книгъ, сборниковъ сырыхъ матеріаловъ. Но въ размѣрахъ микроскопическихъ, въ примѣненіи къ предметамъ частнымъ и, главное, безъ сознанія того отношенія, которое должны имѣть эти части къ своему цѣлому,—труды, составленные по такой методѣ, просто забавны. Мы помнимъ, съ ка-

[1]) Замѣтимъ, что Ефремовъ былъ сосланъ по обвиненію во взяткахъ и казнокрадствѣ,—а авторъ вполнѣ вѣритъ обвиненію! Каково же, послѣ этого, его мягкосердечіе...

кимъ неудержимымъ смѣхомъ читали мы, года два тому назадъ, книжку г. Семевскаго, весьма важно и наивно утверждавшаго, что въ Великолуцкомъ уѣздѣ прежде свадьбы бываетъ сватанье, сговоръ и дѣвишникъ, на которомъ пѣсни поютъ, и что онъ, г. Семевскій, составилъ сборникъ великолуцкихъ пословицъ, вродѣ: ученье свѣтъ, а неученье тьма; старый другъ лучше новыхъ двухъ и т. п. Мы долго не могли вспомнить безъ смѣха, какъ это г. Семевскій ходитъ по Великолуцкому уѣзду и собираетъ такія рѣдкія пословицы... Теперь г. Филоновъ, *записывающій* все, что найдетъ новаго и любопытнаго *для него* на Дону, напомнилъ намъ г. Семевскаго. Говорятъ, что г. Семевскій въ послѣднее время напечаталъ нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ трудовъ и уже занялъ почетное мѣсто въ ряду почтенныхъ дѣятелей нашей науки. Мы этого и ожидали, и то же самое можемъ предсказать г. Филонову: несмотря на свою юность, онъ скоро можетъ сдѣлаться *почтеннѣйшимъ* дѣятелемъ русской науки, и только *мы* будемъ попрежнему, со свойственнымъ намъ легкомыслiемъ, смѣяться надъ кропотливыми изысканiями, которыхъ послѣднее слово—благоговѣнiе къ краснорѣчiю какого-то Оридовскаго и удивленiе, что учитель-французъ плохо писалъ по-русски... Посудите, въ самомъ дѣлѣ, каковы должны быть плоды изысканiй г. Филонова, котораго занимаютъ вотъ какiя вещи: «Въ 1804 г. на актѣ училища присутствовали дворянство, генералитетъ и другiе любители просвѣщенiя. Ученики говорили рѣчи на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ» и пр. (стр. 152). «26 мая 1805 года посѣтилъ училище преосв. Арсенiй, епископъ Воронежскiй, вмѣстѣ съ войсковымъ атаманомъ Платовымъ... *будучи убѣждены, что любопытно все, относящееся къ дѣтству учебнаго заведенiя,* мы рѣшаемся привести тѣ рѣчи, которыя говорены учениками и учителемъ главнаго училища въ помянутое посѣщенiе» (стр. 154). И затѣмъ приводятся рѣчи!.. «Кабинетъ естественной исторiи къ 1805 г. состоялъ изъ 274 вещей, математическiй—изъ 19 нумеровъ и пр... Подробнѣе о кабинетахъ *не смѣемъ ничего сказать*»... (стр. 159). Отчего такая несмѣлость—неизвѣстно.

Весьма учеными и добросовѣстными изысканiями пахнутъ также слѣдующiя строки, заключающiя въ себѣ описанiе церемонiала открытiя гимназiи въ 1805 году.

«Войсковой атаманъ Платовъ, генералитетъ, штабъ-офицеры, членъ университета, директоръ, учителя и ученики—собрались въ домѣ войсковой канцелярiи, гдѣ прочтены были приличные пункты изъ «предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенiя». Затѣмъ началось церемонiальное шествiе въ соборную церковь для выслушанiя литургiи, шествiе въ слѣдующемъ порядкѣ: ученики, учителя, директоръ училищъ съ членами университета, войсковой атаманъ съ войсковыми чинами. Литургiю совершалъ соборный протоiерей Алексѣй Оридовскiй; во время многолѣтiя Государю Императору и Августѣйшему Дому произведена была пушечная пальба; по окончанiи литургiи священство съ крестомъ, въ предшествiи хоругвей отправилось въ тотъ же войсковой домъ, гдѣ совершено было водоосвященiе...» и т. д. (стр. 168).

Занявши такимъ образомъ цѣлую страницу перечнемъ обыкновеннаго и никому особенно не интереснаго церемонiала, г. Филоновъ

говоритъ: «Впрочемъ, насъ не столько занимаетъ церемоніалъ, сколько рѣчи и слова, произнесенныя при этомъ случаѣ», и распространяется, какъ мы уже сказали выше, въ похвалахъ краснорѣчію Оридовскаго, приводя даже цѣликомъ его слово... Далѣе,—имена учениковъ, перечень учебниковъ, описаніе торжественнаго акта, опять съ рѣчами учителей и *словопреніями* учениковъ, свѣдѣнія о числѣ учащихся и, наконецъ, (о, смѣлость!) замѣчаніе *о недостаткахъ* тогдашнихъ училищъ. И такъ исписано *сорокъ* страницъ... Но и самыя свѣдѣнія объ учащихся и ученьи такъ и несутъ затхлой схоластикой и мыльной реторикой наивнѣйшихъ ученыхъ вымирающей старины. Вотъ, напримѣръ, факты:

«Число учащихся на Дону въ четырехъ училищахъ (въ первые годы нынѣшняго столѣтія) представляетъ довольно свѣтлую картину,—говоритъ г. Филоновъ.—Сравнивъ показанія наши съ показаніями г. Воронова, *мы остаемся въ сладкомъ убѣжденіи*, что преимущество останется за Донскими училищами. Вотъ исчисленіе». И, дѣйствительно, по *исчисленію* оказывается, что въ 1805 г. на Дону было учениковъ 463, тогда какъ, по «Обозрѣнію училищъ петербургскаго округа», г. Воронова, въ 1802 г. было въ Архангельской губерніи 152, въ Олонецкой 163, Псковской 386 и пр. (стр. 166). Не говоримъ ужъ о томъ, что г. Филоновъ не потрудился вывести пропорцію учащихся на число жителей, безъ чего никакое сравненіе невозможно... Гдѣ жъ г. Филонову до такихъ тонкостей: онъ, я думаю, полагаетъ, что Сибирь населеннѣе Саксоніи, потому что въ Сибири три съ половиною милліона жителей, а въ Саксоніи только два. Онъ, какъ по всему видно, филологъ и библіографъ; слѣдовательно, ему позволительно не имѣть ни малѣйшаго понятія о требованіяхъ сравнительной статистики. Но вотъ что любопытно: какой непостижимый оборотъ принимаетъ патріотизмъ у г. Филонова! Ему *сладко*, видите ли, быть убѣжденну, что въ 1802 году въ Вологодской губерніи менѣе училось народу, чѣмъ въ Землѣ донскихъ козаковъ! Что же тутъ особенно *сладкаго*, и чѣмъ объяснить странность вкуса нашего «юноши, по седьмому году взятаго», и пр... смотри выше...

Въ объясненіи недостатковъ ученія въ 1805—1807 годахъ авторъ «Очерковъ Дона» является до того наивнымъ, что внушаетъ невольное подозрѣніе,—не воспитанъ ли онъ, по методѣ г. Миллеръ-Красовскаго, въ принципѣ: *не разсуждай*... Принципъ этотъ выражается у него въ двухъ явленіяхъ: во-первыхъ, онъ никакъ не можетъ перевернуть предметъ на разныя стороны и открыть сущность дѣла подъ внѣшней оболочкой; а такъ,—какой стороной вещь предъ нимъ ляжетъ, та только сторона и отразится въ его сознаніи,—и ужъ дальнѣйшаго движенія и работы въ умѣ не ждите. Во-вторыхъ, если дѣло идетъ о старшихъ, начальникахъ, учителяхъ, преданіяхъ, предписаніяхъ и т. п., то хотя бы они показались ему и прямо дурной стороной, но онъ старается закрыть и уничтожить эту сторону увѣсистымъ силлогизмомъ, въ видѣ такого булыжника: «а все-таки они старшіе», или «а все-таки они учители, — стало быть, во всякомъ случаѣ, лучше насъ, и слѣдовательно не надо попускать въ себѣ раз-

виваться мысли о дурныхъ сторонахъ ихъ...» О томъ, до какой степени сильны въ г. Филоновѣ оба эти явленія (несомнѣнные признаки воспитанія въ принципахъ г. Миллера-Красовскаго), могутъ свидѣтельствовать слѣдующіе факты.

У г. Филонова приводится нѣсколько документовъ, свидѣтельствующихъ, что многіе, при всемъ желаніи учить своихъ дѣтей, не имѣли возможности отдавать ихъ въ училище по бѣдности, а другіе бѣжали отъ ученья, ужасаясь обращенія учителей и всѣхъ училищныхъ порядковъ. Въ одномъ донесеніи директора даже прямо говорится: «а народъ, скудостію отягощенный, *хотя и желаетъ учить дѣтей*, но ежедневныя домашнія нужды ихъ отъ того отвлекаютъ: одинъ пасетъ овецъ, другой въ кузницѣ помогаетъ отцу, а третій на пашню уѣхалъ» и пр. И всѣ эти факты приводятъ г. Филонова къ тому заключенію, что въ народѣ не было любви къ просвѣщенію. «Мы обязаны сознаться,—говоритъ онъ,—что въ народѣ понятія о просвѣщеніи были самыя жалкія» (стр. 186). Ну, конечно: понятія народа виноваты...

Другой примѣръ: г. Филоновъ самъ же приводитъ нѣсколько свѣдѣній о томъ, какъ учителя были глупы, грубы и безсовѣстны. Учитель Яновскій за какіе-то пустяки колотилъ ученика по щекамъ до того, что у того кровь пошла изъ носу; учитель Арнольди одного ученика таскалъ за волосы, а другого колотилъ по головѣ, за то, что они въ его классѣ писали не въ тетради, а на полулистѣ; учитель Божковскій былъ оставляемъ въ гимназіи учителемъ математики нарочно затѣмъ, *дабы усовершенствоваться въ оной;* все ученіе было въ долбежку, такъ что «когда отвѣчаютъ ученики, что рай былъ въ Азіи,—на вопросъ: *что есть Азія?*—отвѣчаютъ въ однихъ мѣстахъ, что «*Азія есть растеніе*», а въ другихъ, что «*Азія есть страна*», на вопросъ же: «*какая страна—правая или львая?*»—отвѣчаютъ: «*львая*» и пр. (стр. 191). Напавши разъ на подобные факты, человѣкъ, избѣгнувшій принципа: «не разсуждать»,—конечно, могъ бы выдти отъ нихъ къ соображеніямъ весьма полезнымъ и важнымъ. Потрудившись надъ собраніемъ и распредѣленіемъ возможно большаго количества фактовъ и сравнивши ихъ съ общимъ состояніемъ просвѣщенія и нравовъ въ то время, можно было представить весьма живую и занимательную картину внутренней жизни тогдашнихъ училищъ. А, занявшись изъясненіемъ причинъ, отъ которыхъ происходилъ у насъ вездѣ такой контрастъ просвѣщенной формы съ самымъ грубымъ невѣжествомъ въ существѣ дѣла, можно бы дойти до выводовъ весьма широкихъ и плодотворныхъ. Но г. Филоновъ боится разсуждать: свои пять страничекъ, на которыхъ излагается темная сторона обученія (съ обвиненіемъ народныхъ массъ), онъ заключаетъ слѣдующими строками:

«Прибавимъ, что мы слышали множество изустныхъ разсказовъ о первыхъ учителяхъ нашей гимназіи, разсказовъ самаго возмутительнаго свойства; *но, говоря словами великаго поэта,*—

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ...»

Какая удивительная кротость, и въ то же время какое своекорыстіе! Вѣдь по естественному человѣческому смыслу надо полагать, что авторъ «Очерковъ Дона» будетъ и самъ для себя того же требовать отъ учениковъ и отъ всѣхъ вообще младшихъ,—особенно когда онъ постарше будетъ... А если кто захочетъ указать ему его недостатки, того онъ почтитъ именемъ *неблагодарнаго*... Вотъ вамъ и прогрессъ, вотъ и нравственное совершенствованіе поколѣній! Принципъ благодарности, примѣненный къ исторіи и выражающійся въ ней малодушнымъ молчаніемъ! Очень разумно! Нельзя, видите, раскрыть внутренней жизни училища за 50 лѣтъ назадъ, потому что надо помнить долгъ признательности къ наставникамъ! А тутъ еще кричатъ о гласности, объ обличеніяхъ, и хотятъ придать этому видъ любви къ общему благу... Какое общее благо! Неблагодарность, и больше ничего... Если бы мы были проникнуты чувствомъ признательности, столь возвышающимъ человѣческую природу, то все бы только похваливали, и нѣжнѣйшимъ, умильнѣйшимъ голоскомъ говорили бы: «прежде было очень хорошо, а еще прежде — тоже очень хорошо, а теперь — тоже очень хорошо, а впередъ будетъ—тоже очень, очень хорошо!..» Тогда мы и были бы благонравными дѣтьми, и гг. Ефимъ Дымманъ, А. Филоновъ и Н. А. Миллеръ-Красовскій остались бы нами довольны...

Итакъ, вотъ наши молодые наставники и руководители, вотъ тѣ люди, которые должны готовить къ дѣятельности будущее поколѣніе!.. Они съ юности берутъ себѣ принципомъ — остановиться на томъ, что предано и заповѣдано старшими, и, дѣлаясь сами старшими, безъ сомнѣнія, тѣ же принципы будутъ проводить и для назиданія своихъ учениковъ. Питая ихъ фантастическими бреднями, вродѣ сочиненій Вонлярлярскаго, да мертвой схоластикой, въ видѣ филологическихъ надрываній г. Майкова надъ *ерами* и *ерями*, они внушаютъ уваженіе только къ формальности, избавляющей отъ всякихъ разсужденій, и къ голубиной кротости, прямехонько ввергающей человѣка въ обломовщину... А, между тѣмъ, эти люди безпрестанно злоупотребляютъ именемъ Пирогова; а Пироговъ именно толкуетъ, что воспитаніе есть приготовленіе къ борьбѣ, которую человѣкъ неизбѣжно долженъ начать при самомъ вступленіи въ жизнь, если только останется честнымъ человѣкомъ и не захочетъ пасть ницъ предъ первымъ попавшимся кумиромъ.

Впрочемъ—забавная вещь!—есть жизненные факты, которые заставляютъ подняться самаго залежавшагося человѣка. Кажется, ужъ чего кротче, идилличнѣе, прекраснодушнѣе, чѣмъ авторъ «Очерковъ Дона»! Онъ, какъ мы видѣли, болѣе способенъ витать въ «Замкѣ на берегахъ Дона», сочиненномъ господиномъ Зряховымъ, нежели просто жить въ Землѣ донскихъ казаковъ: для него, кажется, не только новы, но и совершенно невѣдомы всѣ впечатлѣнія бытія,

точно такъ, какъ невѣдомы дикія утки и непостижимъ водоворотъ на рѣкѣ... Но и этого *юношу* пробрала жизнь, и его заняла серьезно одна сторона ея и вызвала у него одну жизненную замѣтку,—кажется, единственную во всей книгѣ. Онъ выражаетъ недовольство тѣмъ, что учительское жалованье мало и что на 393 рубля въ годъ нельзя жить въ Новочеркасскѣ.. Нашлось-таки, значитъ, явленіе, которое и его задѣло за живое!..

Впрочемъ, онъ, вѣроятно, уже утѣшился и примирился теперь съ своей судьбою, потому что жалованье учителямъ прибавлено. При томъ же онъ, вѣроятно, надѣется на успѣхъ своихъ «Очерковъ Дона», которые стоятъ,—какъ вы думаете, сколько?—*полтора цѣлковыхъ!*...

---

96. Обзоръ дѣтскихъ журналовъ.

1) «Звѣздочка», журналъ для дѣтей, изд. А. Ишимовой, 1859 г., I—VI.
2) «Лучи», журналъ для дѣвицъ, изд. А. Ишимовой, 1859 г., I—VI.
3) «Журналъ для Дѣтей», изд. М. Чистяковымъ, 1859 г., №№ 1—24.

Въ области дѣтскаго чтенія нынѣ совершается то же самое, что уже давно совершилось вообще съ нашей литературой: журналы заступаютъ мѣсто книгъ. До прошлаго года у насъ было три небольшихъ дѣтскихъ журнала: «Звѣздочка» и «Лучи», г-жи Ишимовой, и «Журналъ для Дѣтей», г. Чистякова. Въ прошломъ году къ нимъ прибавился „Подснѣжникъ“, г. В. Майкова. Въ нынѣшнемъ году появились еще: «Дѣтскій Журналъ», г. Залѣсскаго (въ Москвѣ), „Собесѣдникъ“, журналъ для дѣтей и для родителей, г. Ушакова, и «Разсвѣтъ», журналъ для дѣвицъ, г. Кремпина. Такимъ образомъ, составляется въ годъ до 80 книжекъ самаго разнообразнаго дѣтскаго чтенія. Такого богатства у насъ до сихъ поръ не бывало; новыя книжки для дѣтей считались доселѣ не десятками, а единицами, да и то выходили больше къ праздникамъ. Теперь же періодически—каждый мѣсяцъ вы можете получать шесть книжекъ, да, кромѣ того, каждую недѣлю по листочку журнала г. Чистякова; такое развитіе получила у насъ дѣтская литература!

Обширность размѣровъ, принятыхъ нынѣ дѣтскою журналистикой, обязываетъ насъ остановиться на этомъ явленіи и дать о немъ отчетъ нашимъ читателямъ. Такой отчетъ можетъ имѣть даже практическую пользу, облегчая для родителей и воспитателей знакомство съ каждымъ журналомъ и выборъ того или другого изъ нихъ. Едва ли кто захочетъ выписывать для своихъ дѣтей *всѣ* журналы, которые стоятъ до 45 рублей. Едва ли кто станетъ и перечитывать ихъ по доброй волѣ, потому что это очень скучно. Для облегченія работы воспитателей и родителей мы и рѣшились, не прибѣгая къ голословнымъ осужденіямъ и не предлагая догматическихъ совѣтовъ, изложить то, что нами замѣчено въ каждомъ изъ дѣтскихъ журналовъ, указать на его характеристическія особенности, его направленіе, изложеніе статей и проч. Тогда само собою будетъ видно, что есть въ журналѣ и въ какой мѣрѣ каждое изданіе удовлетворяетъ требовані-

ямъ и убѣжденіямъ того или другого изъ нашихъ читателей. Для выполненія этой задачи мы беремъ на первый разъ первое полугодіе дѣтскихъ журналовъ за нынѣшній годъ.

Начнемъ съ тѣхъ журналовъ, которые существуютъ уже очень давно и успѣли установиться въ своемъ характерѣ и содержаніи.

Старѣйшій изъ журналовъ, издающихся нынѣ, — «Звѣздочка». На заглавномъ листѣ каждаго изъ ея томиковъ нынѣшняго года стоитъ: «*годъ девятнадцатый*». Начнемъ же съ нея.

Размѣры „Звѣздочки“ довольно тощи. Шесть книжекъ, изданныхъ въ первой половинѣ нынѣшняго года, составляютъ два томика въ 214 + 213 страницъ. Однако же, годовая цѣна журнала—5 р. с. Между тѣмъ, за 6 рублей «Дѣтскій Журналъ» даетъ *каждый мѣсяцъ* по 150, а «Подснѣжникъ» и «Собесѣдникъ»—по 200 и болѣе страницъ. Слѣдовательно, предполагая, что содержаніе этихъ журналовъ по достоинству равняется содержанію «Звѣздочки», оно оказывается *вдвое* и *втрое* дешевле ея. Иначе сказать, чтобы выдержать соперничество съ другими журналами, „Звѣздочка“ должна быть *вдвое* лучше «Дѣтскаго Журнала». и *втрое* лучше «Собесѣдника» и «Подснѣжника». То же самое нужно сказать и о «Лучахъ», которые такъ же тощи, какъ и «Звѣздочка», но рублемъ еще дороже ея,—кажется, за то, что при нихъ прилагаются рисунки узоровъ.

Редакція «Звѣздочки» и «Лучей» одна и та же, слѣдовательно, въ отношеніи къ направленію оба эти журнала можно разсматривать вмѣстѣ. Разница между ними только та, что «Лучи» назначены для старшаго возраста, а «Звѣздочка» для младшаго и самаго младшаго Оттого характеръ «Лучей» нѣсколько серьезнѣе. Что же касается до направленія, то оно можетъ быть названо религіозно-нравственнымъ и патріотическимъ. Таковымъ оно было всегда, таковымъ осталось и нынѣ. За это постоянство направленія нельзя не похвалить редакцію, потому что направленіе это само по себѣ совершенно здраво и какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ началамъ истинной педагогики. Но не надо забывать, что и оно можетъ сдѣлаться мертвымъ и формальнымъ, если въ своихъ примѣненіяхъ ни мало не соображается съ потребностями времени и обстоятельствъ. Высшія нравственныя совершенства, какъ, напр., героизмъ, самопожертвованіе и т. п., не могутъ быть предписываемы всякому во всякое время, особенно въ той возвышенной и блестящей формѣ, въ какой они представляются въ великихъ примѣрахъ историческихъ лицъ. Въ наше время, въ нашемъ быту, рѣдкому выпадаетъ и возможность выказать подобныя доблести: нашъ гражданскій героизмъ и самоотверженіе должны выражаться совсѣмъ въ иныхъ формахъ, такъ какъ сфера дѣятельности и вся обстановка нашего быта совершенно не тѣ, каковы были у великихъ людей прежнихъ временъ. Да, кромѣ того, и самыя понятія во многомъ измѣнились. Напр., въ недавнее время патріотизмъ состоялъ въ восхваленіи всего хорошаго, что есть въ отечествѣ; нынѣ этого уже недостаточно для того, чтобы быть патріотомъ. Нынѣ къ восхваленію хорошаго прибавилось неумолимое порицаніе и преслѣдованіе всего дурного, что еще есть у насъ. И нельзя не сознаться, что по-

слѣднее направленіе патріотизма гораздо практичнѣе, потому что вытекаетъ прямо изъ жизни и ведетъ прямо къ дѣлу, возбуждая энергію воли и вниманіе къ настоящему теченію дѣлъ. Сообразно съ этимъ видоизмѣнились и многія изъ понятій о нравственныхъ обязанностяхъ: добродѣтель, конечно, не перестала быть добродѣтелью; но оказалась надобность во многихъ изъ такихъ добродѣтелей, которыя прежде считались почти невозможными, и наоборотъ. Напр., послушаніе и скромность составляютъ попрежнему украшеніе юности; но въ прежнее время объ этихъ добродѣтеляхъ такъ много толковали намъ, такъ усиленно внушали ихъ дѣтямъ, что онѣ сдѣлались главнымъ основаніемъ нравственности. Теперь всѣ замѣтили, что это основаніе не совсѣмъ пригодно для тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ намъ приходится дѣйствовать: намъ надо выдерживать борьбу со зломъ, надо отстаивать свою душевную чистоту и защищать общественную правду отъ лжи, насилія и своекорыстія. Для этого надо намъ запастись не только послушаніемъ и скромностью, но и твердостью духа, вѣрой въ право и правду, умѣньемъ оградить свою самостоятельность противъ всякихъ несправедливыхъ покушеній. Ясно, что понятіе о добродѣтели осталось то же, но примѣненіе ея получило уже нѣсколько другой видъ.

Это измѣненіе практическаго значенія многихъ понятій необходимо долженъ имѣть въ виду всякій, кто пишетъ или издаетъ что-нибудь для дѣтей. Для нихъ это гораздо нужнѣе, чѣмъ для взрослыхъ. Мы еще можемъ какъ-нибудь дожить вѣкъ, если и не совсѣмъ хорошо примѣнимся къ новымъ понятіямъ, которыя теперь только начинаютъ водворяться. Но дѣти, получающія теперь воспитаніе, войдутъ въ жизнь и приступятъ къ практической дѣятельности тогда, когда эти новыя для насъ понятія войдутъ въ полную силу и сдѣлаются необходимымъ условіемъ гражданскаго быта. Если дѣти наши не будутъ приготовлены къ нимъ самимъ воспитаніемъ, то случится одно изъ двухъ: или они посмѣются надъ этимъ воспитаніемъ, бросятъ его, какъ ненужный обременительный хламъ, и сами себя вновь начнутъ воспитывать; или же они останутся вѣрны нашимъ началамъ, и тогда войдутъ въ разладъ съ лучшими стремленіями дѣйствительной жизни и вѣчно будутъ отсталыми, лишними, безполезными людьми. Ни того, ни другого нельзя назвать особенно счастливымъ результатомъ.

Къ сожалѣнію, редакція «Звѣздочки» и «Лучей» очень мало думаетъ о современномъ движеніи идей и остается попрежнему очень преданною высшимъ отвлеченностямъ и идеальнымъ стремленіямъ, не имѣющимъ практической примѣняемости. Въ обоихъ журналахъ, издаваемыхъ г-жею Ишимовою, мы не находимъ почти никакого отголоска на современныя явленія общественной жизни и разные вопросы, поднятые въ послѣднее время у насъ и въ Европѣ. Попрежнему въ «Звѣздочкѣ» помѣщаются очень мило разсказанные уроки изъ «Всеобщей исторіи», занимающіе въ первомъ полугодіи «Звѣздочки» до 70 страницъ (т.-е. 1/6 всего изданія); попрежнему продолжаются уроки англійскаго языка по методѣ Робертсона; попрежнему

дѣлаются пространныя выписки изъ разбираемыхъ книгъ, преимущественно духовнаго содержанія, и помѣщаются для старшихъ читателей нравственныя размышленія и разсказы (напр., о томъ, «какъ часто Провидѣніе пользуется ничтожными причинами для великихъ послѣдствій», «о любви и уваженіи къ родителямъ у краснокожихъ индѣйцевъ», и т. п.), а для самыхъ младшихъ—анекдоты «о томъ, что сдѣлалось съ «нетерпѣливымъ Ванечкой», и т. п. Все это, конечно, очень хорошо само по себѣ и въ своемъ мѣстѣ. Но мы не понимаемъ, что за радость маленькимъ читателямъ, напр., прочесть и выучить, пожалуй, въ январѣ одинъ англійскій урокъ, а потомъ черезъ *два мѣсяца* (уроки помѣщаются обыкновенно черезъ книжку) получить слѣдующій урокъ, и опять его пройти, и опять дожидаться два мѣсяца. Такимъ образомъ, изученіе языка пойдетъ лѣтъ на десять. Очевидно, что дѣти не могутъ имъ пользоваться въ «Звѣздочкѣ». Зачѣмъ же тутъ и мѣсто занимать англійскими уроками? На это есть учебники. До нѣкоторой степени то же самое можно сказать и объ урокахъ исторіи. Что касается до выписокъ изъ книгъ, то ихъ, конечно, можно бы составлять съ гораздо большимъ тактомъ. Напр., неужели стоило занимать цѣлый печатный листъ выписками вялыхъ стиховъ изъ поэмы г. Ѳедора Глинки «Іовъ»?

О нравоучительныхъ анекдотахъ наше мнѣніе извѣстно читателямъ. Нетерпѣливый Ванечка, разсѣянный Гриша въ длинной и скучной повѣсти, изображенной г-жею Вороновой, и т. п. куколки, изобрѣтенныя схоластической дидактикой, никогда не заинтересуютъ умныхъ дѣтей.

Затѣмъ остаются въ обоихъ журналахъ стихотворенія, большія повѣсти и мелкія замѣтки. Въ «Лучахъ» есть еще нѣсколько статей въ отдѣлѣ *наукъ*, которыя въ «Звѣздочкѣ» наполнены исключительно англійскими уроками и уроками изъ всеобщей исторіи.

Стихотворенія «Звѣздочки» и «Лучей» отличаются болѣе идиллличностью и вялостью, нежели талантомъ. Большую часть ихъ поставляетъ г-жа Каменская. Тенденціи ея принимаютъ иногда довольно странный видъ. Напр., восхваляя паука, она впадаетъ въ такую философію по поводу паутины:

Видишь, въ ней какъ мушекъ много;
Но онъ ѣстъ ихъ не со зла;
Паук у по волѣ Бога
Пища та дана.
Прежде люди надѣвали
Только шкуру отъ звѣрей,
Тканей разныхъ и не знали
Въ первобытности своей;
Но вотъ этой паутиной
Данъ имъ былъ къ тканью толчокъ, и пр.

Много ли тутъ поэзіи и до какой степени основательна натурофилософія г-жи Каменской, объ этомъ распространяться не стоитъ. Но если ужъ «Звѣздочка» непремѣнно хотѣла внушить дѣтямъ участіе къ паукамъ, то не лучше ли было бы просто помѣстить дѣльную, естественно-историческую статью о жизни и нравахъ пауковъ?

Въ другомъ стихотвореніи, «Разсказъ няни моего отца», г-жа Каменская разсказываетъ про Пугачева и, между прочимъ, говоритъ съ дѣвочкой такими словами:

Зачѣмъ же потупила глазки!
Коль врешь, такъ убирайся прочь!
Ну, вылитый ты дѣдъ, точь въ точь!
Ужъ не уронишь родъ свой графскій.

Не лучше г-жи Каменской и Н. Ч., который пишетъ о райской птичкѣ такимъ образомъ:

Есть вдали, въ выси святые,
Непорочные снѣга,
Ихъ не мучатъ вихри злые,
Ихъ не мѣрила нога.

Подумаешь, что издательница «Звѣздочки» и «Лучей» нарочно печатаетъ подобные стихи, чтобы отбить дѣтей отъ поэзіи и показать имъ, что стихи суть не что иное, какъ чистѣйшая безсмыслица!

Изъ повѣстей «Звѣздочки» надо замѣтить повѣсть г-жи Вороновой «Мой дѣдушка и моя бабушка». Въ ней разсказывается нравоучительная исторія, какъ бабушка съ матерней стороны научала своихъ внучатъ склонять дѣдушку съ отцовской стороны къ завѣщанію имъ наслѣдства, и что изъ того воспослѣдовало. «Твоей сестрѣ надо приданое, когда она вырастетъ, говорила бабушка Мишѣ, а ты проси у дѣдушки отцову долю,—тогда ты не будешь жить въ Петербургѣ бѣднякомъ. Только ты самъ, Мишенька, проси, и будь ласковѣе съ твоимъ дѣдушкой, а у матери твоей недостанетъ духу просить чего-нибудь для васъ, хотя она и должна была бы это сдѣлать. И Миша дѣйствительно былъ уменъ и ласковъ съ дѣдушкой, и получилъ наслѣдство, несмотря на интриги тетки и другихъ внучатъ». Почему «Звѣздочка» считаетъ особенно полезными и назидательными для дѣтей эти семейныя дрязги, мы никакъ не можемъ постигнуть.

Въ «Лучахъ» есть также большая повѣсть г-жи Вороновой «Опасный даръ». Даръ этотъ состоитъ въ поэтическомъ дарованіи, которое мѣшаетъ дѣвушкѣ жить въ ладу съ дѣйствительностью. Повѣсть эта имѣетъ слишкомъ исключительный характеръ и скорѣе можетъ принести вредъ, нежели пользу въ нашемъ обществѣ, гдѣ и безъ того на всякое идеальное стремленіе смотрятъ какъ на что-то ужасное и несчастное и постоянно стараются внушать дѣтямъ пошлыя правила практической изворотливости, иногда даже не совсѣмъ честной.

Гораздо полезнѣе для дѣтей разсказы съ историческою основою или прямо взятые изъ исторіи, особенно новой. Въ «Лучахъ» можетъ занять дѣтское любопытство разсказъ «Паскаль и его сестры», разсказы изъ средней исторіи о королѣ Генрихѣ, объ Оттонѣ, статьи объ Англійской Индіи, о Лукновѣ и Дели. За помѣщеніе этихъ разсказовъ нельзя не благодарить редакцію «Лучей». Не менѣе полезны и интересны могли быть и разсказы изъ географіи и этнографіи, всегда столь занимающіе дѣтское вниманіе. Въ этомъ родѣ въ «Лу-

чахъ» прочтутся дѣтьми «Мальстремъ», «Суезскій перешеекъ или омнибусы въ пустынѣ», «Нравы и обычаи Японцевъ», «Пещера въ горахъ Юры»,—разсказъ, имѣющій, кромѣ того, и драматическій интересъ въ самомъ содержаніи. Къ сожалѣнію, всѣмъ этимъ разсказамъ вредитъ нѣсколько излишнее краснорѣчіе, которымъ по мѣстамъ они украшаются.

Вообще говоря, мы находимъ, что въ «Лучахъ» и «Звѣздочкѣ» проводится направленіе нравственное и патріотическое, что свѣдѣнія часто сообщаются не безполезныя, но что оба журнала страдаютъ излишней отвлеченностью и оказываются очень шаткими въ примѣненіи общихъ воззрѣній къ частнымъ случаямъ. Редакція обоихъ журналовъ стремится внушить дѣтямъ, что нужно быть нравственно добрыми; но въ чемъ именно состоитъ нравственность, какія начала добра ею принимаются и какъ они должны быть выражаемы въ данныхъ отношеніяхъ и случаяхъ,—это остается очень темнымъ и неопредѣленнымъ для юныхъ читателей «Лучей» и «Звѣздочки». Между тѣмъ, самое главное не только въ дѣтской, но и во всякой книгѣ составляетъ уясненіе частныхъ приложеній общаго принципа и указаніе на подробности практическія. Отъ недостатка этихъ послѣднихъ свойствъ чрезвычайно много теряютъ «Звѣздочка» и «Лучи», и никакое краснорѣчіе, никакія общія мѣста о добрѣ, смиреніи, послушаніи, набожности и проч. имъ не помогутъ.

Послѣ журналовъ г-жи Ишимовой, самый старшій изъ дѣтскихъ журналовъ «Журналъ для Дѣтей» г. Чистякова. Онъ издается уже лѣтъ десять, нѣсколько разъ мѣнялъ свой форматъ и сроки выхода, утратилъ даже одного изъ первоначальныхъ редакторовъ—г. Разина; но постоянно былъ вѣренъ своему направленію. Нынѣ онъ выходитъ еженедѣльно, по листу большого формата, въ два столбца; въ программѣ его попрежнему остается «духовное, нравственное, историческое, естествоописательное и литературное чтеніе». Кто хотя поверхностно просматривалъ этотъ журналъ за прежніе годы, тотъ, конечно, замѣтилъ, что самая лучшая его сторона всегда была—естественно-историческая, и самая слабая—духовная и литературная. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе два года, послѣ отказа г. Разина отъ редакціи, статьи по естественнымъ наукамъ появляются въ «Журналѣ для Дѣтей» все рѣже и рѣже, а нравственныя размышленія и беллетристическія статьи все чаще. Въ первомъ полугодіи журнала за нынѣшній годъ помѣщены только *двѣ* значительныя статьи по естественнымъ наукамъ: «Термиты» и «Пеликанъ». Кромѣ того, былъ небольшой анекдотъ о *боа*, а еще полуестественная, полуфантастическая статейка объ инстинктѣ. Вотъ и все. И едва-ли это не любопытнѣйшія и не полезнѣйшія статьи во всѣхъ 24 нумерахъ журнала. Остальное заключается въ трехъ или четырехъ статейкахъ историческаго свойства, въ нѣсколькихъ повѣстяхъ раздирательнаго и мистическаго характера да въ удивительнѣйшей статьѣ, которую трудно причислить къ какому-нибудь разряду: «Что мнѣ особенно бросилось въ глаза за границей». Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ каждаго рода статей, чтобы дать понятіе о составѣ и характерѣ журнала.

Въ первыхъ двухъ нумерахъ помѣщена повѣсть «Волкъ не волкъ, человѣкъ не человѣкъ». Содержаніе ея вотъ въ чемъ. Одна знатная дама, испугавшись появленія у себя въ косѣ сѣдого волоса, призвала волшебницу, чтобы купить себѣ вѣчную красоту. Волшебница согласилась на это съ однимъ условіемъ, чтобы дама отдала ей своего сына. Дама отдала; тогда волшебница *смыла съ него воду святого крещенія*, и онъ сдѣлался *оборотнемъ*. Онъ жилъ при дворѣ, отличался всѣми возможными доблестями, но въ извѣстное время пропадалъ и въ видѣ волка рыскалъ по лѣсу. Когда періодъ бѣшенства проходилъ, онъ отыскивалъ свое платье подъ однимъ камнемъ и опять превращался въ человѣка. Одна изъ придворныхъ дѣвицъ влюбилась въ рыцаря-оборотня, котораго звали Меріадекомъ, и вывѣдала его тайну. Разсказъ Меріадека подслушала другая дѣвушка, кузина первой, и рѣшила имъ воспользоваться. Она узнала, что оборотень не можетъ уже сдѣлаться человѣкомъ, если унести его платье; узнала также, что оборотень избавится отъ способности превращаться въ волка, если его истинно полюбитъ и выйдетъ за него замужъ какая-нибудь дѣвушка. На этомъ она построила свой планъ. Дѣло въ томъ, что она имѣла уже связь съ однимъ рыцаремъ; но рыцарь былъ бѣденъ, не имѣлъ никакихъ доблестей и содержалъ себя только грабежомъ и игрою. Чтобы доставить состояніе своему возлюбленному, она рѣшила завлечь Меріадека, владѣвшаго огромнымъ богатствомъ, выйти за него, потомъ подкараулить его въ лѣсу, въ минуту превращенія, унести его платье и затѣмъ, оставшись такимъ образомъ вдовою, выйти за негоднаго и бѣднаго, но милаго ей рыцаря. Все это ей удалось какъ нельзя лучше. Но черезъ нѣсколько времени на королевской охотѣ поднятъ былъ какой-то чудный волкъ, котораго не рѣшились травить и который потомъ сдѣлался постояннымъ спутникомъ короля. Волкъ этотъ былъ очень смиренъ, но на одномъ королевскомъ выходѣ откусилъ носъ бывшей женѣ Меріадека. Это было какъ-разъ въ томъ самомъ замкѣ, который принадлежалъ Меріадеку и гдѣ было спрятано его платье. Дѣвица, бывшая влюбленною въ Меріадека, тотчасъ смекнула, въ чемъ дѣло; коварную жену заставили признаться, принесли платье; волкъ обнюхалъ его и удалился въ другую комнату. Черезъ часъ, когда вошли туда, то нашли въ ней волчью шкуру и Меріадека, лежащаго на кровати въ своемъ платьѣ. Всѣ къ нему бросились и, между прочимъ, влюбленная дѣвица. «Вдругъ Меріадекъ *съ крикомъ вздрогнулъ*. Кто-то въ это время вылилъ ему на голову холодной, какъ ледъ, воды: рыцарь сверкающими глазами обвелъ всѣхъ окружающихъ и увидѣлъ придворнаго капеллана съ чашею въ рукахъ. Прежде чѣмъ Меріадекъ успѣлъ выразить свое неудовольствіе, Витрика (дѣвица, влюбленная въ него) закрыла ручкой ему ротъ и сказала: «будь спокоенъ, мой другъ, и радуйся вмѣстѣ со мною; ты снова получилъ св. крещеніе, которое тебя и *охранитъ ото всѣхъ чародѣйствъ; святой отецъ нашъ, самъ папа* освятилъ эту воду, когда *я была въ Римѣ*, чтобы молиться за тебя» (стр. 21).

Таковъ разсказъ, которымъ открывается нынѣшній годъ «Жур-

нала для Дѣтей». Нужно ли доказывать, что чтеніе подобныхъ разсказовъ въ высшей степени вредно можетъ дѣйствовать на дѣтей! Во-первыхъ, разсказъ совершенно фантастиченъ и, слѣдовательно, въ немъ дурно уже то самое, что онъ отвлекаетъ дѣтское вниманіе отъ дѣйствительной жизни. Во-вторыхъ, самая фантастичность его вовсе не основана на возведеніи въ сознательную личность какихъ-нибудь естественныхъ свойствъ предмета, какъ дѣлается, напр., въ лучшихъ сказкахъ Гофмана; напротивъ, здѣсь фантастическое имѣетъ тотъ уродливый и безсмысленный характеръ, какимъ оно отличается въ грубѣйшихъ сказкахъ, слышанныхъ нами въ дѣтствѣ отъ глупыхъ нянекъ. Въ-третьихъ, разсказъ этотъ старается внушить дѣтямъ самое дикое, нелѣпое понятіе о религіи: онъ научаетъ цѣнить не сущность религіи, не внутреннюю ея основу, а только внѣшнюю, обрядовую сторону. Всѣ бѣдствія Меріадека происходятъ оттого, что съ него волшебница *смыла воду св. крещенія*. Стало быть, крещеніе оставляетъ вещественные слѣды на тѣлѣ человѣка, и эти-то слѣды предохраняютъ его отъ всякихъ темныхъ вліяній? Стало быть, по христіанскому ученію, сила крещенія уже не въ смыслѣ таинства, а просто въ водѣ? Должно быть такъ, по мнѣнію «Журнала для Дѣтей»; это доказывается и концомъ разсказа, гдѣ *вода, освященная папою*, возстанавливаетъ силу смытой воды крещенія. И опять вода, освященная папою, по смыслу разсказа, должна имѣть большую силу, нежели вода, освященная просто аббатомъ! И молитва *въ Римѣ* должна быть сильнѣе и дѣйствительнѣе, нежели молитва въ какой-нибудь деревенькѣ!.. Скажите, неужели позволительно внушать дѣтямъ такія раскольническія, тупоумныя понятія?.. Мы вообще не на сторонѣ теологической казуистики въ дѣтскихъ книгахъ: намъ кажется, что о предметахъ столь возвышенныхъ и отвлеченныхъ надобно говорить человѣку нѣсколько позже,—когда онъ начинаетъ входить въ разумъ. Но, во всякомъ случаѣ, если уже касаться этихъ предметовъ, то надо говорить, по крайней мѣрѣ, то, что не противно духу и чистому смыслу существующаго у насъ положительнаго ученія, а не искажать его сообразно съ самыми узкими, односторонними и отчасти даже обскурантскими воззрѣніями.

Есть и много другихъ вредныхъ сторонъ въ разсматриваемомъ разсказѣ. Онъ населяетъ природу кикиморами и оборотнями, заставляетъ дѣтей вѣрить чудесно-безсмысленнымъ превращеніямъ, заронляетъ въ ихъ сердца темныя и потому очень вредныя подозрѣнія относительно семейныхъ отношеній. Само собой разумѣется, что преступная связь злой дѣвушки съ рыцаремъ-негодяемъ разсказана очень скромно, со всевозможными умолчаніями и прикрытіями. Но здравая педагогика говоритъ, что ничего не можетъ быть хуже этихъ умолчаній и прикрытій. Если хотите оставить дѣтей въ невѣдѣніи относительно извѣстнаго предмета, то вовсе не говорите и даже не намекайте о немъ; а если ужъ заговорили, то говорите прямо и подробно. А, между тѣмъ, въ благовоспитанныхъ формахъ изображается безнравственнѣйшее отношеніе семейное, и «Журналъ для Дѣтей» полагаетъ, что дѣти не поймутъ, въ чемъ дѣло. Напротивъ, они это поймутъ все-

таки, да, кромѣ того, еще пріучатся къ называнію вещей не собственными ихъ именами. Не думаемъ, чтобы и это послѣднее было особенно желательно.

Помѣщеніе одного такого разсказа уже достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени извращены педагогическія понятія редакціи журнала. Но это только одинъ примѣръ изъ десятка подобныхъ. Вслѣдъ за этимъ разсказомъ, во второмъ и третьемъ номерахъ идетъ длинная исторія «игральныхъ картъ». Помѣщеніе этой статьи оправдывается, конечно, тѣмъ, что, по словамъ ея автора, «въ человѣческомъ обществѣ нѣтъ вещицы, исторія которой не навела бы насъ на что-нибудь занимательное» (стр. 22). Но въ такомъ случаѣ отчего же не занять дѣтей чтеніемъ статеекъ—объ искусствѣ повязывать галстухъ, о тайнахъ шулерской науки, о глубочайшихъ тонкостяхъ геральдики и т. д.?. На *что-нибудь занимательное* вездѣ можно набрести...

За игральными картами слѣдуетъ разсказъ «Странное гостепріимство», изображающій довольно недурно и гуманно положеніе бѣглаго негра, и статья «Термиты», на которую мы уже указали выше. Затѣмъ въ № 5 «Пѣсня о славномъ человѣкѣ», статейка съ притворной сантиментальностью, заявляющая любовь автора къ русскому человѣку и повторяющая старую пѣсню о томъ, какъ у насъ проходятъ незамѣченными многіе подвиги, о которыхъ составляются и ходятъ въ народѣ цѣлыя пѣсни. Въ этомъ же нумерѣ помѣщена маленькая замѣтка о балахъ въ Сѣверной Америкѣ.

Далѣе въ трехъ нумерахъ идетъ повѣсть «Предразсудокъ». Предразсудокъ этотъ состоитъ въ томъ, что знатной барышнѣ не слѣдуетъ выходить за человѣка простого званія, хотя бы онъ былъ и образованъ и богатъ. Мысль обличить этотъ предразсудокъ очень удачна; но, во-первыхъ, Алиса, преданная ему въ повѣсти, представляется идеаломъ всѣхъ совершенствъ; во-вторыхъ, и эта повѣсть имѣетъ характеръ романовъ г-жи Ратклифъ и сильно бьетъ на эффектъ вродѣ «Видѣній въ Пиренейскомъ замкѣ» или «Пещеры смерти въ дремучемъ лѣсу». Самый слогъ повѣсти производитъ то же впечатлѣніе, какое долженъ производить теперь слогъ повѣстей Марлинскаго и патетическихъ страницъ графини Ростопчиной и графа Соллогуба. Приведемъ для образчика нѣсколько строчекъ.

«Въ это мгновеніе раздался оглушительный ударъ грома, молнія разрѣзаетъ небо, все рветъ и внизу, и вверху, и, не переставая, молнія бьетъ за молніей, такъ что все кажется въ огнѣ; мы видимъ, какъ волны съ яростью напираютъ на скалу, будто хотятъ сорвать ее съ мѣста, но, встрѣтивъ отпоръ, съ тѣмъ же ревомъ, съ тою же быстротою бросаются назадъ, унося съ собою челнокъ, который въ то же мгновеніе исчезаетъ вдали» (стр. 124).

Къ этому *бурному* слогу имѣетъ большую наклонность «Журналъ и для Дѣтей», равно какъ съ другой стороны сильно одержимъ онъ и любовью къ остротамъ, напоминающимъ водевили Александринскаго театра. Этими остротами особенно изобилуетъ статья: «Что мнѣ особенно бросилось въ глаза за границей». *За границей* надо разу-

мѣть—*въ Берлинѣ:* только имъ ограничиваются наблюденія автора, и заглавіе статейки дано такое обширное — вѣроятно, для пущей важности. Начинается статейка сожалѣніемъ, что «въ Берлинѣ *ночью—и съ глазами ничего не увидишь*», и желаніемъ, чтобы «*солнце свѣтило тутъ ночью* хоть на то время, когда пріѣзжаютъ путешественники» (стр. 161). Продолженіе соотвѣтствуетъ этому остроумному началу, и если бы оно перенесено было въ водевиль, то могло бы заставить весь раекъ «животики надорвать». Какъ видно, авторъ преимущественно эту цѣль и имѣлъ въ виду, и для достиженія ея не боялся выставить себя даже въ очень невыгодномъ свѣтѣ относительно степени своего нравственнаго развитія и образа мыслей. Напр., онъ въ гостиницѣ не позаботился съ вечера оставить сапоги у дверей, чтобы ихъ вычистили. Служитель входитъ къ нему утромъ и спрашиваетъ: «есть у васъ сапоги»? Авторъ отвѣчаетъ болѣе наивно, нежели остроумно: «есть; *не безъ сапогъ же я пріѣхалъ*». Но служитель вразумляетъ его, въ чемъ дѣло, и тогда нашъ путешественникъ изъявляетъ желаніе, чтобъ ему вычистили сапоги поскорѣе. Служитель объясняетъ, что этого нельзя, потому что у него есть для чистки 156 паръ другихъ сапогъ, отданныхъ прежде, и эти приходятся 157-мъ нумеромъ. Но авторъ нашъ пускается въ остроумныя словопренія такого рода: «послушайте,—*мои сапоги 1 №*: они изъ петербургскаго опойка, *а русская кожа—крѣпче всѣхъ кожъ на свѣтѣ;* да и дѣлалъ же ихъ нѣмецъ...» Служитель, не понявшій каламбура [1]), повторяетъ, что дѣло не въ томъ, а нужно было ихъ выставить у дверей заранѣе, и они бы попали прежде другихъ. А остроумный авторъ нашъ выводитъ такое заключеніе: «выходитъ, что и въ Германіи *надо выставляться,* чтобы даже между сапогами попасть въ высшіе нумера! *Ахъ, Берлинъ! Напрасно же я его искалъ вчера такъ жарко!*» (стр. 163). Заключеніе это немножко неожиданно: но остроуміе автора ничѣмъ не стѣсняется... Онъ изъ кожи лѣзетъ, чтобъ только сострить что-нибудь и состроить каламбуръ. Вотъ нѣсколько образчиковъ: «я улыбался, въ отвѣтъ на его улыбку, изъ вѣжливости и гордости, *чтобы ни на одну улыбку не одолжаться*» (стр. 163). «Рейнскія вина,—разумѣется, на самомъ Рейнѣ,—очень хороши, *даже лучше рейнскихъ нѣмцевъ*» (стр. 164). «Въ Австріи 20 милліоновъ славянъ и всего 5 милліоновъ нѣмцевъ. Что же за бѣда, что ихъ *такъ мало? Пусть ихъ хоть* совсѣмъ не было,—я и въ этомъ еще бѣды не вижу» (стр. 165). «Дѣятельный *народъ* въ Германіи: ни одна *собака* безъ дѣла не остается» (стр. 172). «Фридрихъ II-й *легокъ мишь на поминъ*, въ исторіи да въ анекдотахъ,—а то куда былъ тяжелъ!» (стр. 183). «Что это такое?—Тиръ-гартенъ (звѣриный садъ). Что-жъ, тутъ *звѣри прогуливаются?*» (стр. 173)... Всѣхъ остротъ, впрочемъ, не перечислить... Замѣчательно только то, что для краснаго словца авторъ нисколько не колеблется пожертвовать стро-

[1]) Да и какъ его было понять, если не предположить, что авторъ объяснялся со служителемъ по-русски? Ибо сапожная кожа называется по-нѣмецки Leder, а человѣческая Haut.

гостью исторической истины. То онъ пріобрѣтетъ въ Берлинѣ крейцеры, которые тамъ вовсе не въ ходу, то разскажетъ, что каждому доктору нужно здѣсь платить по два червонца за визитъ, то увѣренъ, что его кто-то изъ нѣмцевъ назвалъ Чичиковымъ, по причинѣ трудности его собственной фамиліи, и т. д. А, между тѣмъ, это неприличное, безплодное и ненужное шутовство дурного тона пересыпается звонкими, подчасъ даже сантиментальными фразами о пользѣ образованія... Хорошо уваженіе къ образованію, которое можно внушить дѣтямъ разсказами и каламбурами вродѣ приведенныхъ нами выше!..

Не будемъ говорить о нелѣпой сказкѣ «Живая трава» и о дикой повѣсти «Цыгане», въ которой, между прочимъ, опять упоминаются съ фарисейской скромностью грязныя отношенія начальника табора къ одной цыганкѣ. Образецъ подобныхъ повѣстей мы уже видѣли въ разборѣ разсказа о волкѣ-оборотнѣ. Не станемъ распространяться и о «разсказахъ изъ русской исторіи», въ которыхъ, рядомъ съ нѣсколькими полезными свѣдѣніями, толкуется вкривь и вкось о славянской миѳологіи и о началѣ русской исторіи... Замѣтимъ только, что если по недостатку данныхъ до сихъ поръ нельзя сказать объ этомъ ничего положительнаго и окончательно-разъясненнаго, то неужели нельзя найти въ русской же исторіи предметовъ болѣе интересныхъ и важныхъ?

Лучше другихъ въ «Журналѣ для Дѣтей» статьи: «Очеркъ жизнеописанія Давида Ливингстона», дающій нѣкоторое понятіе о жизни и похожденіяхъ знаменитаго путешественника, «Внутреннее состояніе Англіи въ концѣ XVII столѣтія» и «Изъ записокъ французскаго миссіонера въ Техасѣ». Эти статьи прочтутся дѣтьми не безъ пользы и могутъ заинтересовать ихъ, хотя въ этомъ послѣднемъ отношеніи статья объ Англіи и могла бы быть составлена удовлетворительнѣе.

Затѣмъ можно еще указать на «Греческую идиллію», какъ на статью, тоже не совсѣмъ лишенную интереса для молодыхъ читателей. Что же касается до приторныхъ разборовъ «Птички» и «Нивы», двухъ стихотвореній—Плещеева и Жадовской, и такого же отзыва объ «Іовѣ» г. Глинки, до высокопарнаго разсказа объ Эдистонскомъ маякѣ, до туманно-мелочныхъ размышленій объ инстинктѣ, до реторической амплификаціи подъ названіемъ: «Что хорошаго въ нашей зимѣ?», и пр. т. п., то о нихъ не стоитъ и тратить словъ...

Итакъ, мы должны, къ сожалѣнію, сознаться, что «Журналъ для Дѣтей» имѣетъ направленіе скорѣе вредное, нежели полезное для дѣтей, что занимательность его повѣстей имѣетъ мистически-легендарный характеръ, что безобразно-сантиментальная тенденція проникаетъ всѣ его теоретическія статьи, и что только въ отдѣлѣ исторіи и естественныхъ наукъ онъ имѣетъ нѣкоторое право на наше вниманіе. Но и историческія статьи его надо давать для чтенія дѣтямъ съ большою осторожностью. А то они какъ разъ напитаются такими уродливыми фантазіями, что послѣ и не сладишь...

Таковы наши *старые* дѣтскіе журналы, уже утвердившіеся во мнѣніи публики и создавшіе себѣ опредѣленный кругъ читателей. Мы видѣли, что они далеко не удовлетворяютъ современнымъ требова-

ніямъ здравой педагогики, и, можетъ быть, причиною тому служитъ самая старость ихъ. Они были основаны въ то время, когда у насъ на дѣло воспитанія еще не смотрѣли серьезно; начаты они такъ-себѣ, безъ опредѣленнаго сознанія, *къ чему именно* и *какъ именно* нужно вести дѣтей посредствомъ систематическаго чтенія. Слѣдовательно, отъ нихъ и требовать не нужно слишкомъ много. Двадцать, и даже менѣе, лѣтъ тому назадъ у насъ были убѣждены, что воспитаніе должно сдѣлать дитя послушнымъ и знающимъ урокъ,—только. Три журнала, разсмотрѣнные нами, совершенно удовлетворительны съ этой точки зрѣнія: къ послушанію и ученью уроковъ они побуждаютъ дѣтей чуть не каждой статьею. Нынѣ о воспитаніи думаютъ иначе; задачею его считаютъ возможно полное и правильное развитіе личной самостоятельности ребенка и всѣхъ духовныхъ силъ, заключающихся въ его натурѣ. При такихъ понятіяхъ о воспитаніи, и дѣтское чтеніе должно получить иной характеръ. Не отвлеченно-моральныя сентенціи, не фантастическія бредни, не умилительныя разглагольствованія должны теперь наполнять страницы дѣтскихъ книгъ; въ нихъ должны сообщаться положительныя свѣдѣнія о мірѣ и человѣкѣ, разсказы изъ дѣйствительной жизни, разъясненіе тѣхъ вопросовъ, которые теперь волнуютъ общество и встрѣтятъ нынѣшнихъ дѣтей тотчасъ, какъ только они вступятъ въ жизнь... Разумѣется, старые дѣтскіе журналы не могли отстать отъ своей рутины, и нечего слишкомъ винить ихъ за то. Новое время вызвало новые дѣтскіе журналы, и въ нихъ-то должны мы искать новое направленіе...

Но разборъ этихъ *новыхъ* журналовъ мы отложимъ до одной изъ первыхъ книжекъ будущаго года.

1860 г.

97. Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами.

Tu quoque, Brute!..

Въ русской жизни возникаютъ иногда отрадныя явленія, способныя привести въ умиленіе даже человѣка не совсѣмъ простодушнаго,—являются герои мысли и слова, выступающіе прямо и безбоязненно на смертельную борьбу съ застарѣлыми предразсудками и общественной неправдой. Посмотришь на нихъ, оглянешься вокругъ себя—и невольно склонишь голову предъ ихъ доблестью. Около нихъ со всѣхъ сторонъ тѣснятся враги, ихъ окружаетъ безчисленное войско рутинистовъ, невѣждъ, негодяевъ, пошляковъ всякаго рода, и, несмотря на то,—благородные герои смѣло подымаютъ новое, враждебное злу знамя и самоотверженно подвергаютъ себя всѣмъ опасностямъ неравнаго боя. Невольно сами враги изумляются богатырской доблести, и въ нѣкоторой части непріятельскаго лагеря даже проявляется движеніе въ пользу отважныхъ героевъ и желаніе стать подъ ихъ знамя. Еще немного—и вотъ, кажется, совершится одна

изъ тѣхъ чудесныхъ побѣдъ, о которыхъ разсказывается намъ въ богатырскихъ сказкахъ...

Но времена богатырскихъ сказокъ давно прошли, и мы всегда жестоко ошибаемся, когда вздумаемъ примѣнять ихъ міросозерцаніе къ настоящему времени. Воображеніе наше, еще въ раннемъ дѣтствѣ разстроенное фантастическими бреднями нянюшекъ, нерѣдко обливаетъ для насъ какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ простыя явленія дѣйствительной жизни; но зато, какъ приходится намъ краснѣть и стыдиться, когда эти явленія вдругъ предстанутъ намъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ!

Насъ лично нельзя упрекнуть въ особенной наклонности къ увлеченіямъ розовыми надеждами. Мы не разъ отзывались холодно и даже насмѣшливо о такихъ явленіяхъ, отъ которыхъ другіе ожидали чуть не установленія всеобщаго благоденствія. Но и мы не остались совершенно чистыми отъ ребяческихъ увлеченій. Со стыдомъ и прискорбіемъ пришлось намъ недавно вспомнить объ одномъ изъ нихъ, и мы спѣшимъ очистить себя публичнымъ покаяніемъ и откровеннымъ изложеніемъ дѣла.

Начнемъ съ нѣсколькихъ общихъ объясненій.

Извѣстно, что въ послѣднее время обнаружилось въ Россіи много хорошихъ литераторовъ во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности—въ полицейской, въ медицинской, въ коммиссаріатской, въ судебной, въ откупной, и пр., и пр. Современные Фамусовы, полагающіе, что

Написано—и съ плечъ долой,

возложили на этихъ литераторовъ твердыя надежды относительно всѣхъ предстоящихъ усовершенствованій русскаго быта. Мы съ самаго начала смотрѣли довольно недовѣрчиво на эти надежды, и, дѣйствительно, когда доходило въ чемъ-нибудь до дѣла, то спеціальные литераторы оказывались по большей части или совсѣмъ неподходящими къ своимъ теоретическимъ убѣжденіямъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма податливыми на *уступки*. Уступокъ этихъ мы могли бы здѣсь указать много, но не считаемъ этотъ предметъ такимъ малоизвѣстнымъ, чтобъ о немъ стоило распространяться. При томъ же, практическая уступчивость рьяныхъ теоретиковъ не представляетъ сама по себѣ ничего необычайнаго: она, напротивъ, совершенно въ порядкѣ вещей. Человѣкъ выступаетъ на битву и вдругъ видитъ, что противъ него тысяча враговъ: естественно, что онъ долженъ—или бѣжать совсѣмъ, или сдѣлать нѣсколько такихъ уступокъ, послѣ которыхъ хотя часть противниковъ перешла бы на его сторону. Зато у него остается надежда побить самыхъ закоснѣлыхъ враговъ. Начальникъ, преслѣдующій взятки, но чувствующій себя безсильнымъ для ихъ искорененія, наконецъ допускаетъ *благодарность* и ограничивается тѣмъ, что запрещаетъ лишь *вымогательство*. На такого начальника нельзя очень сильно нападать; можно только спорить, дѣйствительно ли примѣнима и практична предположенная имъ грань между благодарностью *вынужденною* и *невынужденною*. Да можно еще

сожалѣть о той средѣ, которая принуждаетъ начальника, желающаго добра, къ подобнымъ уступкамъ... А, впрочемъ, и на эту *среду* напускаться особенно тоже не стоитъ: ея развитіе зависитъ отъ многихъ внѣшнихъ условій, которыхъ она не могла до сихъ поръ ни отвратить, ни измѣнить. Стало быть, съ которой стороны ни возьми дѣло,—волноваться не стоитъ, а слѣдуетъ только, подобно старому подъячему, при назначеніи новаго, неумѣлаго начальника, сказать совершенно спокойно: «приняться-то нашъ герой хочетъ какъ будто и прытко, да концовъ-то не сведетъ; упрыгается на первыхъ же порахъ, угомонится, и пойдетъ все опять по-старому»...

Такъ большею частью мы и говорили, когда новые Фамусовы показывали намъ какую-нибудь статейку и восклицали: «смотрите, *что написано*! смотрите, *какъ написано!* Теперь эта часть у насъ отлично пойдетъ: о ней ужъ такъ много *написано...*» и т. п. Но разъ и мы уподобились Фамусову: это было въ началѣ нынѣшняго года, когда въ литературѣ нашей уже замиралъ, сопровождаемый «Свисткомъ», одинъ изъ горячихъ вопросовъ нашей литературы,—вопросъ *о розгахъ*, о томъ, *бить или не бить*.

Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, еще въ 1857 г. обсуживался въ «Земледѣльческой Газетѣ» г. Орловымъ-Давыдовымъ и рѣшался положительно: *бить!* «Современникъ» имѣлъ тогда наивность удивиться такому явленію въ литературѣ, ставящей себѣ въ главную заслугу свои гуманныя стремленія. Но другимъ статейка г. Орлова-Давыдова показалась нисколько не странною, и вскорѣ послѣ нея начали появляться другія статейки, трактовавшія о томъ,

> Какъ человѣка разложить,
> По строгимъ правиламъ науки...

Извѣстно, что въ защитѣ розогъ отличались, между прочимъ, гг. Петрово-Соловово и Рощаковскій, но что вся отвѣтственность пала на князя Черкасскаго, предложившаго 18 ударовъ... Противъ него написаны были весьма краснорѣчивыя *замѣтки* и *письма*, которыя до того убѣдили его, что онъ печатно отрекся отъ своихъ положеній. А г. Аксаковъ, кромѣ того, объявилъ, что требованіе восемнадцати розогъ княземъ Черкасскимъ было не что иное, какъ *уступка* съ его стороны, изъ снисхожденія къ господствующимъ понятіямъ большинства [дворянъ]. Конечно, по ходу дѣла *уступка* эта оказалась ненужною и слишкомъ уже издалека предусмотрѣнною; но, тѣмъ не менѣе, послѣ *сказанія объ уступкѣ* поведеніе князя Черкасскаго въ этомъ вопросѣ оказалось такимъ же,—ни хуже, ни лучше,—какъ и поведеніе почти всѣхъ нашихъ публицистовъ и передовыхъ людей нашей словесности—почти во всѣхъ другихъ вопросахъ.

Вскорѣ послѣ образца такой уступки въ дѣлѣ о тѣлесномъ наказаніи крестьянъ, мы увидѣли подобную же уступчивость одного изъ передовыхъ людей нашихъ—въ вопросѣ о сѣченіи дѣтей. Въ февралѣ прошлаго года, разбирая Отчетъ Московской Коммерческой Академіи г. Киттары, мы замѣтили, что онъ, не одобряя собственно розогъ, сѣкъ, однако же, воспитанниковъ Академіи «*въ минуты сомнѣнія въ*

непогрѣшимости своего взгляда». Насъ очень поразило тогда это странное обстоятельство, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ должны были платиться своею кожею за то, что подвертывались инспектору съ проступками въ тѣ минуты, когда онъ «сомнѣвался въ непогрѣшимости своего взгляда». Насъ очень опечалило тогда не только самое открытіе, что дѣтей сѣкутъ еще въ заведеніи, ввѣренномъ начальству такого человѣка, какъ г. Киттары, но и то, что этотъ человѣкъ такъ легко и наивно отзывается объ этомъ предметѣ... Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній прочитали мы брошюрку г. Пирогова, въ которой, между прочимъ, была статейка: «*нужно ли сѣчь дѣтей*»?—и прониклись восторженнымъ удивленіемъ къ твердости и ясности воззрѣній знаменитаго хирурга и педагога. Мы поспѣшили выразить свой восторгъ, сопоставивши сомнѣнія г. Киттары съ твердою и простою рѣчью г. Пирогова, убѣжденнаго и убѣждавшаго тогда, что розга всегда и для всякаго—вредна, позорна и безнравственна. Указывая на г. Пирогова, какъ на образецъ непреклонной послѣдовательности своимъ убѣжденіямъ, какъ на одну изъ личностей, на которыхъ дѣйствительно могутъ покоиться надежды общества, мы говорили:

«Мы, конечно, не ставимъ г. Пирогова на пьедесталъ непогрѣшимости: мы не съ тѣмъ указываемъ на него, чтобы его авторитетомъ унизить кого-нибудь. Вовсе нѣтъ: у г. Пирогова могутъ быть, конечно, и увлеченія, и погрѣшности, какъ у всякаго другого... Но мы видимъ въ немъ ту смѣлость и безпристрастіе взгляда, ту искренность въ признаніи недостатковъ, ту независимость въ отношеніи къ обществу, которыя у другихъ находимъ въ гораздо слабѣйшей степени»...

Къ этому отзыву мы прибавили еще слѣдующее замѣчаніе: «разумѣется, здѣсь многое зависитъ отъ разницы положенія и обстоятельствъ, и мы никогда не рѣшимся никого обвинять за кажущуюся непослѣдовательность взгляда, *пока болѣе яркіе факты не рѣшатъ дѣла*». Слѣдовало бы прибавить: «и никогда не осмѣлимся никого превозносить за кажущуюся твердость и послѣдовательность взгляда, пока это не выкажется рѣшительно въ практической дѣятельности». Но мы тогда, въ своемъ восторгѣ, не сообразили этого. Намъ казалось, что прекрасныя педагогическія убѣжденія г. Пирогова будутъ проводиться имъ и на практикѣ такъ же неуклонно, какъ проводятся въ его статейкахъ. Мы надѣялись, что, по своему положенію находясь въ обстоятельствахъ сравнительно очень благопріятныхъ, онъ будетъ въ состояніи весьма близко подойти къ осуществленію своихъ идей о воспитаніи. Но всего болѣе мы были увѣрены въ томъ, что въ заведеніяхъ, ввѣренныхъ попечительству г. Пирогова, не будутъ сѣчь дѣтей...

За свое легковѣріе мы недавно были наказаны горькимъ разочарованіемъ!

Въ XI № «Журнала для Воспитанія» за 1859 г. напечатаны «*Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа*», изданныя г. Пироговымъ 22 іюля 1859 г. Правила эти составлены для того, чтобы устранить разнообразіе во взглядѣ начальниковъ на проступки гимназистовъ и назначеніе самыхъ наказаній. Цѣль эта выражена г. Пироговымъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Нехорошо, если въ томъ же учебномъ округѣ (въ которомъ иногда ученики переходятъ изъ одного заведенія въ другое), за тотъ же самый проступокъ одинъ директоръ будетъ сѣчь или исключать ученика, а другіе прощать его или слабо наказывать. При такихъ противорѣчіяхъ и упущеніяхъ нельзя развиться чувству законности въ учащихся. Воспитанники, видя такую разнообразность взглядовъ и дѣйствій воспитателей, непремѣнно придутъ къ тому заключенію, что дѣйствіями ихъ управляетъ не законъ, а случай, капризъ, произволъ и пристрастіе. Довѣріе къ законности дѣйствій въ такомъ случаѣ нарушается, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и всякое чувство правды и законности».

Чтобы предотвратить такое печальное явленіе, г. Пироговъ считаетъ необходимымъ не только составленіе общихъ правилъ для всѣхъ гимназій, но и ознакомленіе съ этими правилами самихъ учениковъ, съ самаго вступленія ихъ въ гимназію, для того, «чтобы учащіеся были убѣждены, что никакой ихъ проступокъ не останется скрытымъ и необсужденнымъ, и что *каждое наказаніе проистекаетъ, какъ бы само собою, изъ сущности и характера проступка*».

Читая это вступленіе къ «Правиламъ», мы еще продолжали чувствовать прежнее удивленіе къ непреклонности и твердости г. Пирогова въ проведеніи своихъ общихъ принциповъ. Мы видѣли въ фразахъ, подчеркнутыхъ нами выше, полнѣйшее отрицаніе розги, которая никакъ ужъ не можетъ служить къ развитію въ дѣтяхъ *чувства законности* и никакъ не принадлежитъ къ числу раціональныхъ наказаній, *вытекающихъ изъ сущности самаго проступка*. Читая далѣе, мы еще болѣе утвердились въ своей увѣренности, увидѣвши, что «Правила о наказаніяхъ» составлены были подъ предсѣдательствомъ г. Пирогова цѣлымъ комитетомъ, членами котораго были: помощникъ попечителя Кіевскаго округа, директоры гимназій, инспекторъ казенныхъ училищъ, нѣкоторые профессора (исторіи—В. Шульгинъ, педагогики—Гогоцкій) и нѣкоторые учителя. Такой составъ комитета не могъ внушать никакихъ опасеній, и мы читали далѣе «Правила», въ полной увѣренности найти въ нихъ только раціональныя, естественныя, гуманныя мѣры, пользу которыхъ всегда проповѣдывалъ г. Пироговъ. Тѣмъ тяжелѣе было наше разочарованіе.

Насъ очень непріятно поразила уже и таблица о числѣ высѣченныхъ въ 1858 г. гимназистовъ въ Кіевскомъ округѣ. По свѣдѣніямъ, вытребованнымъ г. Пироговымъ изъ разныхъ гимназій, оказалось слѣдующее:

Въ 1858 г. наказано было розгами:

Въ Кіевской 2-й	изъ	625	43
» Житомірской	»	600	290
» Немировской	»	600	67
» Подольской	»	400	37
» Полтавской	»	399	39
» Ровенской	»	300	6
» Нѣжинской	»	260	20
» Новгородсѣверской	»	250	8
» Черниговской	»	240	18
» Бѣлоцерковской	»	220	38
» Кіевской 1-й	»	215	3

Одна эта таблица способна уже убѣдить внимательнаго педагога въ томъ, какъ напрасно и неразумно употребляется розга въ нашемъ воспитаніи. Одно сравненіе этихъ данныхъ можетъ оправдать самое рѣшительное изгнаніе розги изъ гимназій. Мы видимъ, напр., что въ Житомірской гимназіи сѣкутъ въ *семь* разъ чаще, чѣмъ въ Кіевской 2-й, и въ *35* разъ чаще, чѣмъ въ Кіевской 1-й. Въ Кіевской первой было только *три* случая, когда понадобились розги, въ Житомірской же ихъ было 290, т.-е. половина изъ всего числа гимназистовъ была пересѣчена! А если мы припомнимъ § 205 Училищнаго Устава 1828 г., по которому розги дозволяется употреблять *только въ трехъ низшихъ классахъ*, то окажется, что *каждый* мальчикъ былъ (по среднему разсчету) непремѣнно разъ высѣченъ въ теченіе года, а если кто избѣжалъ этого удовольствія, то, значитъ, вмѣсто него, надо считать за другимъ *двойное* или *тройное* и т. д. розочное наставленіе... Да еще изъ выраженія, употребленнаго въ «Правилахъ», не видно, считается ли въ этой таблицѣ *каждый разъ* или только *каждый человѣкъ*. Не сказано: «было *столько-то случаевъ* сѣченья», а говорится только: «*столько-то учениковъ* высѣчено»... т.-е. можетъ быть, если одинъ и тотъ же ученикъ 50 разъ въ году высѣченъ, такъ все это считается за *единицу*... Но даже если и такъ, то все-таки—какой ужасъ и мракъ должна представлять собою Житомірская гимназія! Въ году менѣе двухсотъ учебныхъ дней, а тутъ 290 человѣкъ подвергаются поркѣ; значитъ, каждый божій день въ Житомірской гимназіи порютъ, да еще и не по одному человѣку!.. И все это дѣлалось въ 1858 году, который—кромѣ того, что вообще принадлежитъ *настоящему времени*, *когда* и пр.—замѣчателенъ въ этомъ случаѣ еще и тѣмъ, что въ теченіе второй его половины (съ августа) Кіевскій учебный округъ находился подъ попечительствомъ г. Пирогова! И замѣтьте еще, что цифра 290 стоитъ въ отчетѣ, доставленномъ попечителю самою дирекціею. Между тѣмъ, кто же не знаетъ, что гдѣ наказанія такъ обыкновенны и часты, тамъ почти нѣтъ возможности свести имъ вѣрный счетъ за цѣлый годъ. Другое дѣло—1-я Кіевская гимназія, Ровенская и Новгородсѣверская: тамъ въ цѣлый годъ случилось высѣчь въ одной—трехъ, въ другой—6, въ третьей—8 человѣкъ. Тутъ сосчитать не трудно, и мы не имѣемъ причинъ прямо сомнѣваться въ вѣрности показаній. Но 290 въ годъ—тутъ весьма не трудно сбиться въ счетѣ! Да и едва ли кому-нибудь изъ начальства Житомірской гимназіи казалось особенно важнымъ вести точный счетъ экзекуціямъ, которыя оно раздавало такъ щедро и которымъ, какъ видно, вовсе не придавало какого-нибудь чрезвычайнаго значенія.

Но г. Пироговъ довѣрчиво останавливается на цифрѣ, показанной дирекціею, и дѣлаетъ слѣдующія соображенія: «разность въ численности тѣлесныхъ наказаній нельзя объяснить различною численностью учениковъ и различною степенью ихъ нравственнаго развитія; мы видимъ, что въ гимназіяхъ, одинаково многолюдныхъ и при сходныхъ условіяхъ, число тѣлесныхъ наказаній было далеко не одно и то же; потому *этотъ фактъ не можетъ быть иначе объясненъ, какъ*

неопредѣлительностью взглядовъ г.г. директоровъ и наставниковъ на проступки и наказанія учениковъ. Неужели нравственное развитіе учениковъ 2-й Кіевской, напримѣръ, и Житомірской гимназій такъ различно, чтобы имъ однимъ можно было объяснить, почему въ одной изъ нихъ, почти при одинаковомъ числѣ учащихся (625—600), высѣчены были въ прошломъ году *только* (только!!) 43, а въ другой почти 300 учениковъ!»

Какъ видите, г. Пироговъ чрезвычайно легко и снисходительно смотритъ на вопіющіе ужасы, представленные ему въ свѣдѣніяхъ о числѣ высѣченныхъ мальчиковъ. Его не возмущаетъ [злодѣяніе] [1]), регулярно совершающееся надъ несчастными мальчиками въ одномъ изъ подвѣдомственныхъ ему заведеній; онъ имѣетъ духъ сказать даже: «*только*» въ приложеніи къ той гимназіи, въ которой сѣкутъ нѣсколько меньше. Всего болѣе озабочиваетъ его то обстоятельство, что взгляды разныхъ директоровъ не приведены къ единству... Признаемся, не такого тона, не такихъ [чиновническихъ] разсужденій ожидали мы отъ автора «Вопросовъ жизни»!

Но окончательно пристыжены мы были въ своемъ прежнемъ восторгѣ отъ г. Пирогова, когда дошли до того мѣста «Правилъ», гдѣ почтенный педагогъ доходитъ до изложенія теоретическихъ и практическихъ соображеній своихъ относительно тѣлеснаго наказанія. Тутъ происходитъ въ «Правилахъ» такое неловкое и неуклюжее балансированіе на розгахъ, что невольно сердце замираетъ со страха за шаткое положеніе балансирующихъ. Сначала говорится, что розга «гнусна, вредна», что ее *нужно* вовсе изгнать; потомъ, что изгнать *нельзя*; потомъ, что это *трудно*, наконецъ—что ее слѣдуетъ употреблять, только рѣдко... Все это такъ плохо вяжется съ прежними убѣжденіями автора «Вопросовъ жизни», такъ несообразно само по себѣ, такъ противорѣчитъ основной цѣли составленія «Правилъ», что мы, для полнаго вразумленія, нѣсколько разъ прочитали этотъ странный пунктъ и, наконецъ, убѣдившись въ печальной истинѣ и вспомнивъ прежнюю защиту дѣтей отъ розогъ г. Пироговымъ, могли только вскрикнуть внутренно: Et tu quoque, Brute!!

Но постараемся прослѣдить съ нѣкоторой обстоятельностью эту странную игру фантазіи и остроумія г. Пирогова. Постараемся сдѣлать свои замѣчанія возможно спокойными и умѣренными. Предметъ самъ по себѣ, правда, таковъ, что о немъ спокойно говорить почти невозможно: тутъ нужно—или оплакивать паденіе человѣка и принципа, или добродушнѣйшимъ образомъ смѣяться надъ иллюзіями и разочарованіями человѣчества. Мы болѣе были бы склонны къ послѣднему; но насъ отчасти останавливаетъ слѣдующее заключеніе, которымъ оканчивается первая часть «Правилъ» г. Пирогова:

«Я долженъ объявить дирекціямъ, что и таблицу, и мнѣнія, обсужденныя комитетомъ о проступкахъ и наказаніяхъ, нисколько не разсматриваю я, какъ совершенно уже законченныя и не подлежащія улучшеніямъ и измѣненіямъ, на которыя можетъ указать время и опытъ. Потому я прошу

[1]) явленіе

всѣхъ и каждаго изъ воспитателей сообщить мнѣ, чрезъ педагогическій совѣтъ, или въ видѣ отдѣльныхъ мнѣній, сдѣланныя имъ замѣчанія, замѣченные недостатки, и указать на придуманныя каждымъ исправленія».

Такимъ образомъ, г. Пироговъ самъ проситъ, чтобы на его «Правила» дѣлали замѣчанія всѣ воспитатели. Мнѣнія и указанія ихъ онъ желаетъ принять къ свѣдѣнію. Но, кромѣ того, г. Пироговъ самъ печатаетъ свои «Правила» въ журналѣ и, слѣдовательно, подвергаетъ ихъ обсужденію не однихъ уже воспитателей, а всей публики. Это черта такого просвѣщеннаго и благороднаго воззрѣнія на свое дѣло, что уже ею одной значительно умѣряется раздраженіе, которое способны возбудить во многихъ сами «Правила». Г. Пироговъ не ошибся, рѣшившись обнародовать все, что ни предпринимаетъ онъ въ администраціи Кіевскаго учебнаго округа. Теперь многія изъ его распоряженій могутъ быть критикованы, могутъ обнаружиться ошибки, указываться уклоненія отъ его собственныхъ воззрѣній и т. п. Но никогда нападенія на него не могутъ достичь той степени ожесточенія и судорожной ярости, до какой они дошли бы непремѣнно, если бы все дѣло велось втихомолку, и литература должна была бы выискать посторонніе предлоги, чтобы добраться до г. Пирогова. Теперь, по крайней мѣрѣ, дѣло чистое, и никто не можетъ быть обманутымъ. Публика видитъ, что напечатано г. Пироговымъ, видитъ и то, что печатается противъ него. Слѣдовательно, какъ бы ни жестоки были нападки, все-таки г. Пироговъ въ общемъ мнѣніи получаетъ лишь то, чего онъ дѣйствительно заслуживаетъ.

Приведемъ же въ подлинникѣ фатальную страницу «Правилъ», трактующую о розгахъ, чтобы читатели, не имѣющіе подъ руками «Журнала для Воспитанія», сами могли провѣрить наши замѣчанія. Вотъ сентенціи «Правилъ»:

«Опытомъ дознано, что уменьшеніе числа преступленій въ обществѣ и улучшеніе нравственности зависитъ не столько отъ строгости наказаній, сколько отъ распространенія убѣжденія, что ни одно преступленіе не останется не открытымъ и безнаказаннымъ. Это же убѣжденіе должно стараться распространить и между учащимися и доказывать имъ его на дѣлѣ. Имѣя это въ виду, предлагаемыя здѣсь правила о проступкахъ и наказаніяхъ и опредѣляютъ только для немногихъ, исключительныхъ случаевъ, строгія тѣлесныя наказанія. Извѣстно, что, какъ бы наказаніе ни было жестоко и унизительно, къ нему можно привыкнуть. Человѣкъ пріучится хладнокровно смотрѣть и на смертную казнь. Такъ розга, часто употребляемая, теряетъ свое нравственно-исправительное дѣйствіе. Поэтому гораздо надежнѣе и несравненно сообразнѣе съ правилами благоразумной педагогики принять въ основаніе не строгость, а соотвѣтственность наказанія съ характеромъ проступка. Идеалъ справедливаго наказанія есть тотъ, чтобы оно проистекало, такъ сказать, само собою изъ сущности самаго проступка. Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно было бы изгнать совершенно. Если для доказательства ея необходимости и пользы приводятъ въ примѣръ воспитаніе въ Англіи, то на это нужно замѣтить, что розга въ рукахъ англійскаго педагога имѣетъ совершенно другое значеніе. Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ непроизвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чув-

ство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, замѣняя въ виновномъ свободу сознанія робкимъ страхомъ, съ его обыкновенными спутниками: ложью, хитростію и притворствомъ, розга окончательно разрываетъ нравственную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ; она и тамъ не надежна, гдѣ еще существуютъ патріархальныя отношенія. И если грубое тѣлесное наказаніе и отъ рукъ родного отца дѣлается иногда невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на административномъ началѣ, оно дѣлается унизительнымъ. Но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розги изъ употребленія. Пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія, трудно еще придумать что-нибудь другое для наказанія (по крайней мѣрѣ вначалѣ) въ случаяхъ. не терпящихъ отлагательства. Намъ покуда ничего не остается болѣе, какъ принять за правило: употреблять это средство съ крайнею осторожностью и только тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія. Но это сотрясеніе тогда только и можетъ достигнуть своей цѣли, когда оно будетъ употреблено рѣдко, но безотлагательно, слѣдуя непосредственно за проступкомъ, очевидность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію» («Журн. для Восп.» 1850 г. № XI, стр. 115).

Сообразите этотъ пунктъ съ общей цѣлью «Правилъ», прослѣдите отдѣльныя положенія этой самой тирады, и вамъ представится изумительная путаница понятій, [безтолковѣйшій] [1] разладъ противорѣчащихъ мыслей. Какъ будто вы читаете [нелѣпѣйшую] [2] хрію [начинающаго обучаться реторикѣ] семинариста, гдѣ всѣ основанія подобраны для подтвержденія вывода, совсѣмъ противнаго тому, какой дѣйствительно сдѣланъ имъ въ заключеніи, сообразно заданной темѣ. Возьмите, напримѣръ, хоть слѣдующія положенія изъ «Правилъ».

Первая посылка. «При господствѣ административнаго начала въ нашихъ учебныхъ учрежденіяхъ, первымъ шагомъ къ улучшенію нравственной стороны воспитанія *можетъ служить* т о л ь к о *развитіе чувства законности и справедливости между учащимися*» («Журн. для Восп.» стр. 115).

Вторая посылка. «Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны. *А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство,* р о з г а н е г о д и т с я» (стр. 115).

Можно, конечно, спорить противъ второй посылки, можно спросить: отчего же развитіе чувства законности даетъ привилегію на розгу? И что это за странное правило: пока въ человѣкѣ нѣтъ чувства законности, такъ его пороть не слѣдуетъ; а какъ только это прекрасное чувство появилось—пори его: *не вредно*, дескать... Но оставимъ это въ сторонѣ, станемъ безпрекословно на точку зрѣнія г. Пирогова и повторимъ его слова:

«*Чувство законности, такъ еще мало замѣтное въ нашемъ обществѣ, нигдѣ между тѣмъ столько не нужно, какъ у насъ въ Россіи*» (стр. 110). Поэтому при воспитаніи общественномъ «*надо какъ можно болѣе стараться о развитіи чувства законности. Для развитія этого чувства* «р о з г а н е г о д и т с я».

---

[1]) самый странный
[2]) неловкую

Ясно, стало быть,—возрадуемся: въ Кіевскомъ округѣ дѣтей не будутъ пороть, потому что розга совершенно противорѣчитъ достиженію тѣхъ благихъ цѣлей, какія имѣлъ г. Пироговъ при составленіи своихъ «Правилъ»... Не такъ ли?

Выходитъ, что не такъ!.. Весьма краснорѣчиво доказавши гнусность и возмутительность розочной науки, г. Пироговъ вдругъ поражаетъ насъ крутымъ оборотомъ: «*но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розгу изъ употребленія*».

Отчего же нельзя?—спрашиваете вы въ изумленіи.—Оттого *нельзя*, что «*трудно* придумать что-нибудь другое для наказанія въ гимназіи дѣтей, уже прежде сѣченныхъ дома»...

Но скажите, пожалуйста, неужели это удовлетворительный отвѣтъ? И, во-первыхъ,—развѣ *трудно* и *нельзя* одно и то же? *Трудно* придумать что-нибудь другое; но, значитъ, все-таки *можно*? Ну и потрудитесь. На то вѣдь и существуютъ всѣ эти педагогическіе совѣты, инспекторы, директоры, попечители и т. д. Не за исправностью же пуговицъ смотрѣть они поставлены; не могутъ же они ограничить свою дѣятельность только механическимъ примѣненіемъ къ новому поколѣнію старой рутины... Не въ томъ же только и состоитъ ихъ задача, чтобы составлять полицейскія расписанія: за что лишать ученика пирога, за что супа, а за что и цѣлаго обѣда; за какой проступокъ держать его подъ арестомъ одинъ день. за какой—три. Всѣ эти подвиги на пользу воспитанія слишкомъ жалки, чтобы изъ-за нихъ уволить себя отъ другихъ заботъ—напримѣръ, о томъ, чтобы пріискать новые способы наказаній въ училищахъ, болѣе раціональные и менѣе позорные [особенно для наказывающаго], чѣмъ розги...

Далѣе—что это значитъ: «нельзя *вдругъ* изгнать розгу»? Какая же тутъ можетъ быть постепенность? Уменьшать число ударовъ, что ли? Такъ вѣдь тутъ дѣло не въ числѣ ударовъ, а въ самомъ способѣ наказанія. Или вы хотите соблюсти постепенность тѣмъ, чтобы не опредѣлять розогъ даже и за нѣкоторые такіе случаи, за которые прежде пороли нещадно? Но въ опредѣленіи частныхъ случаевъ вы должны руководиться уже частными педагогическими соображеніями, которыя, во всякомъ случаѣ, должны согласоваться съ принятыми въ вашемъ кодексѣ принципами. Если вы допустили розгу въ своемъ принципѣ воспитанія, то вы тѣмъ самымъ признали уже законность ея, какъ полезной педагогической мѣры. Значитъ, вы и должны будете удерживать ее постоянно, покамѣстъ не измѣнится вашъ взглядъ на сущность самыхъ проступковъ, признанныхъ, по-вашему, достойными розогъ... Такимъ образомъ, ваше *вдругъ* не имѣетъ никакого практическаго смысла, потому что [ни одна человѣческая голова] [1] не въ состояніи вывести разумной постепенности, которой вы, повидимому, добиваетесь въ отмѣненіи розогъ... Кажется, это ясно...

Намъ могутъ замѣтить, что г. Пироговъ,—или Кіевскій комитетъ, что одно и то же,—вовсе не признаетъ *пользы* розогъ, а только видитъ *невозможность* отъ нихъ избавиться. Но мы съ этимъ ни-

[1] никто

какъ не можемъ согласиться. Помилуйте, какая же можетъ быть *невозможность—не сѣчь*?.. Если бы сѣченіе мальчиковъ было такою же настоятельной, естественной потребностью и необходимымъ условіемъ жизни, какъ, напр., пища и питье, тогда бы можно говорить о невозможности. Не ѣсть, не пить—дѣйствительно нельзя; но не сѣчь—это очень можно, кажется! А для попечителя округа очень легко даже и другихъ остановить отъ сѣченія. Стоитъ только положить правиломъ, что сѣчь въ гимназіяхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ,—и не будутъ сѣчь... И, безъ всякаго сомнѣнія, г. Пироговъ такъ бы и сдѣлалъ, если бы онъ признавалъ розги рѣшительно ни къ чему негодными. Если же онъ допустилъ еще ихъ оставаться въ гимназіяхъ, то, конечно, потому, что призналъ ихъ пользу, хотя до нѣкоторой степени. Иначе сказать—онъ призналъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ розга составляетъ самое лучшее наказаніе, какое только возможно *въ настоящее время*.

И выходитъ, стало быть, что розги торжествуютъ въ кіевской педагогикѣ потому, что оказалось въ нихъ какое-то удобство, а вовсе не потому, чтобы невозможно было ихъ отмѣнить!

Да тутъ, впрочемъ, даже и выводить-то нечего: г. Пироговъ самъ сознается, что розгу и можно бы замѣнить, но что только *трудно* придумать что-нибудь вмѣсто нея!..

Въ чемъ же, однако, состоитъ это удобство розги, по мнѣнію Кіевскаго педагогическаго комитета? Онъ не объясняетъ своихъ воззрѣній, но дѣло ясно само по себѣ. Тѣмъ-то именно и хороша розга, что избавляетъ почтенныхъ педагоговъ отъ придумыванья новыхъ, болѣе гуманныхъ и толковыхъ педагогическихъ пріемовъ. «Нельзя же вдругъ», говорятъ «Правила», и въ этомъ восклицаніи является передъ вами вся прелесть, все барское блаженство обломовщины... Вы помните, какъ Обломовъ говоритъ: «да какъ же это вдругъ?», когда ему является надобность перемѣнить квартиру. Онъ, въ своей барской наивности и лѣни, воображаетъ, что квартиру мѣнять можно исподволь, понемножку,—сначала переднюю сдѣлать въ другомъ домѣ, потомъ кухню перенести на новую квартиру, такъ, чтобы обѣдъ оттуда на старую носить, и т. д. Подобно этому и наши педагоги воображаютъ, что розги отмѣнить можно какъ-то исподволь, не вдругъ... Можетъ быть, на слѣдующій годъ въ Житомірской гимназіи высѣкутъ уже не 290, а только 289 человѣкъ, потомъ 288, и т. д. Посмотришь—черезъ три столѣтія дойдетъ до того, что и вовсе перестанутъ сѣчь. Значитъ, дѣло-то само собою обдѣлается! А то—шутка ли?—сиди да думай, чѣмъ и какъ замѣнить розгу! А это такъ *трудно*!..

Скажутъ, что мы преувеличиваемъ,—что самъ г. Пироговъ, съ своимъ комитетомъ, вовсе не хочетъ розогъ, что онъ ихъ оставляетъ только какъ временное, необходимое зло, что *вдругъ* имѣетъ значеніе—«сейчасъ же, въ сію минуту»,—т.-е. до тѣхъ поръ, пока еще не придуманы другія мѣры въ замѣну розогъ... Да, мы сами желали бы такъ думать: но, къ сожалѣнію, все это не ладится съ „Правилами“,—исключая, разумѣется, того, что Кіевскій комитетъ дѣйствительно самъ

не хочетъ розогъ... Дѣло, видите ли, въ томъ, что г. Пироговъ отрекается отъ всякой иниціативы въ этомъ дѣлѣ, не только теперь, но и въ будущемъ, на неопредѣленныя времена. Онъ говоритъ, что розгу нельзя изгнать изъ учебныхъ заведеній до тѣхъ поръ, «*пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія*». Значитъ, учрежденія эти не подадутъ благого примѣра, а будутъ попрежнему пороть дѣтей—болѣе или менѣе—до тѣхъ поръ, пока поронье это не будетъ истреблено во всѣхъ концахъ и закоулкахъ Россіи!.. Какая утѣшительная перспектива! И какъ она хорошо отвѣчаетъ тѣмъ надеждамъ, какія мы имѣемъ на близкое будущее, въ отношеніи къ развитію народнаго образованія! Теперь, какъ извѣстно, гимназическимъ ученьемъ пользуются почти исключительно дѣти дворянъ, чиновниковъ и купцовъ. Съ развитіемъ промышленности и освобожденіемъ крестьянъ можно ожидать, что въ гимназіи будетъ значительное число дѣтей мѣщанъ, торговцевъ, ремесленниковъ всякаго рода и земледѣльцевъ. Ежели теперь изъ привилегированныхъ классовъ общества поступаютъ въ гимназіи дѣти, уже сѣченныя дома, то, конечно, нельзя ожидать, чтобы въ низшихъ классахъ розга очень скоро вывелась въ семейномъ воспитаніи. Слѣдовательно, сѣченныя дома дѣти будутъ еще очень долго поступать въ наши заведенія, и на этомъ основаніи наша родная педагогика останется вѣрною розгѣ!.. [А можетъ, для ускоренія возможности изгнать розгу, запретятъ поступать въ гимназіи дѣтямъ ремесленниковъ и вообще низшихъ классовъ?

Что жъ? судя по основательности и дальновидности, какія обнаружены Кіевскимъ комитетомъ, можно думать, что еще и эта мѣра когда-нибудь будетъ пущена въ ходъ,—если не въ видахъ изгнанія розги, то по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ].

А на какомъ основаніи,—спросимъ еще,—кіевскіе педагоги рѣшили, что съ дѣтьми, уже разъ сѣченными, иначе нельзя обойтись, какъ посредствомъ розги?.. Этого они опять не объясняютъ въ своихъ «Правилахъ». А такъ ужъ, видно,—коли прежде пороли, такъ и потомъ надо пороть... Способъ воззрѣнія, какъ видите, тотъ же самый, по которому говорили, бывало, иные мыслители: «нельзя мужика на волю отпустить, пока онъ коснѣетъ въ своей грубости и не имѣетъ чувства законности и сознанія собственнаго достоинства». Милые мыслители не хотѣли и слышать о томъ, что мужикъ до тѣхъ поръ и не пріобрѣтетъ всѣхъ этихъ прелестныхъ вещей, пока не будетъ на волѣ. Такъ точно и кіевскіе педагоги ни подъ какимъ видомъ не хотятъ, какъ видно, допустить, что натура «сѣченныхъ дома дѣтей» тогда только и смягчится и сдѣлается чувствительною къ наказаніямъ болѣе человѣчнымъ, когда хоть въ школѣ-то не станутъ ихъ драть, а будутъ обращаться съ ними по-человѣчески. А то, разумѣется,—дома дерутъ, въ гимназіи дерутъ, вездѣ розочная круговая порука,—поневолѣ тутъ огрубѣешь!..

И вѣдь хоть бы что-нибудь устраивалось и обезпечивалось этимъ умилительнымъ допущеніемъ розогъ въ педагогику [Кіевскихъ воспитателей!] А то рѣшительно ничего, кромѣ разрушенія прямой

цѣли «Правилъ» (розга мѣшаетъ «развитію чувства законности», для котораго составлены «Правила»)... Вѣроятно, тѣ практики, которые изъ 600 гимназистовъ сѣкутъ въ годъ 290, остались очень довольны уступкою, сдѣланною въ пользу ихъ постоянныхъ воззрѣній, и, признаемся,—только желаніемъ сдѣлать имъ угодное и можемъ мы объяснить торжество розогъ, допущенное г. Пироговымъ въ сонмѣ педагоговъ Кіевскаго учебнаго округа. Только совершеннымъ несогласіемъ истинныхъ убѣжденій г. Пирогова съ принятою мѣрою можно до нѣкоторой степени оправдать [ту страшную легкомысленность и] [1]) противорѣчія, какія встрѣчаются въ каждой строчкѣ «Правилъ» тамъ, гдѣ говорится о тѣлесномъ наказаніи. Заглянемъ въ *табличку* проступковъ и наказаній, которая, по словамъ г. Пирогова, должна быть развѣшена на стѣнахъ во всѣхъ классахъ гимназій Кіевскаго округа, и къ которой провинившагося ученика должно подводить и молча указывать ему то мѣсто, гдѣ поименованъ его проступокъ съ соотвѣтствующимъ ему наказаніемъ. Въ этой табличкѣ мы найдемъ рѣшительное уничтоженіе всѣхъ общихъ фразъ, сказанныхъ г. Пироговымъ въ пользу розогъ въ гимназіяхъ.

Г. Пироговъ утверждаетъ, что поневолѣ приходится дѣтей, уже сѣченныхъ дома, сѣчь и въ гимназіи—*«по крайней мѣрѣ вначалѣ»*. Изъ этихъ словъ можно заключить, что розги принимаются въ гимназіи собственно для того, чтобы не слишкомъ рѣзокъ былъ переходъ отъ жесткаго домашняго воспитанія къ гуманному обращенію въ гимназіи. Сначала мальчика станутъ посѣкать понемножку, а потомъ постепенно будутъ отставать отъ этого пріятнаго упражненія... Если бы такъ, то въ такомъ образѣ дѣйствій была бы еще нѣкоторая послѣдовательность. Но посмотрите въ таблицу, и вы увидите совсѣмъ не то: каждый мальчикъ можетъ быть наказанъ розгами *только одинъ разъ* и затѣмъ, послѣ вновь сдѣланнаго проступка, *увольняется изъ заведенія*. Значитъ, какой же смыслъ имѣетъ оговорка г. Пирогова, что сѣчь *нужно—по крайней мѣрѣ вначалѣ?* Какія же тутъ *«по крайней мѣрѣ»*, когда положено: высѣчь разъ мальчика, а потомъ въ слѣдующій разъ—уже выгнать изъ заведенія? «Вначалѣ»—хорошо начало!

Недурно также и общее опредѣленіе случаевъ, когда розга необходима. Она, видите, необходима «въ случаяхъ, *не терпящихъ отлагательства*, и должна слѣдовать *непосредственно* за проступкомъ, тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ *быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія»*.

Да проститъ насъ почтеннѣйшій кандидатъ филологическихъ наукъ Н. А. Миллеръ-Красовскій, котораго мы такъ рѣзко упрекали въ прошломъ году за изобрѣтенное имъ *моментное дѣйствіе!* Намъ не шутя совѣстно передъ нимъ... Мы почли его тенденціи чудовищно-рѣдкимъ явленіемъ въ средѣ нашихъ педагоговъ; мы имѣли наивность выразить мнѣніе, что уже самая степень кандидата университета должна была бы оградить его отъ подобныхъ нелѣпостей. Каемся: мы тогда имѣли

[1]) тѣ

слишкомъ розовый, слишкомъ лестный взглядъ на нашихъ педагоговъ вообще. Теперь мы видимъ, что г. Миллеръ-Красовскій былъ только однимъ изъ представителей этого почтеннаго и премудраго сословія,— не болѣе. Онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ даже послѣдовательнѣе многихъ изъ своихъ собратій. Такъ, напр., проводя свою идею о «моментномъ сотрясеніи», онъ находитъ, что розга беретъ все-таки, сравнительно, довольно много времени, и потому гораздо лучше вмѣсто нея употреблять пощечину. Это, по крайней мѣрѣ, логично. Въ «Правилахъ Кіевскаго округа и того нѣтъ. Тамъ положено, что розги (долженствующія собственно слѣдовать *непосредственно* за проступкомъ, для произведенія *быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія*) назначаются не иначе, какъ «по опредѣленію педагогическаго совѣта, по большинству трехъ четвертей голосовъ по закрытой баллотировкѣ». Скажите же, скоро-ли вся эта исторія можетъ быть произведена въ гимназіи? И возможно-ли, по поводу каждаго изъ подобныхъ проступковъ, немедленно собирать педагогическій совѣтъ? Да, при томъ же, многіе изъ проступковъ, подлежащихъ розгамъ, могутъ, по самому существу своему, нуждаться въ предварительномъ разслѣдованіи, во время котораго, по кодексу г. Пирогова, для виновнаго назначается арестъ. Гдѣ же тутъ *непосредственное* слѣдованіе наказанія за проступкомъ? Гдѣ тутъ *мгновенное* сотрясеніе? Нѣтъ, ужъ, право, лучше пощечина г. Миллеръ-Красовскаго!

А не угодно ли полюбоваться, какіе проступки наказываются розгами? Мы ихъ сейчасъ перечислимъ; замѣтимъ только напередъ, что всѣ наказанія имѣютъ три степени, опредѣляемыя разными обстоятельствами проступка. Розгами наказываются: *воровство, къ которому причисляется и кража собакъ* [1]),—во второй степени. Затѣмъ розги опредѣлены,—въ третьей степени,—за оскорбленіе посторонннихъ и принадлежащихъ къ заведенію лицъ внѣ ихъ службы (т.-е. начальниковъ, надзирателей, чиновниковъ и прислуги)—словомъ, письмомъ и дѣломъ,—за оскорбленіе товарищей словомъ, письмомъ и дѣломъ; во второй степени «за оскорбленіе начальствующихъ лицъ во время исправленія ими служебныхъ обязанностей,—словомъ, письмомъ и дѣломъ». Наконецъ, розгами же наказывается—что́ бы вы думали?.. этого, кажется, и самому г. Миллеръ-Красовскому никогда бы въ голову не пришло!—розгами наказывается—дико повторить!—*«оскорбленіе товарищей за вѣру (фанатизмъ)»*!!! Мы долго не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ; но, наконецъ, не могли не убѣдиться. Въ графѣ проступковъ, подъ № 27, стоитъ въ таблицѣ: *«оскорбленіе товарищей за вѣру»*; въ скобкахъ поставлено: *«фанатизмъ»*. Въ графѣ наказаній стоитъ противъ этого отмѣтка *«наказывается, какъ оскорбленіе постороннихъ лицъ,—см. № 14»*. Смотримъ № 14; тамъ стоитъ: «оскорбленіе постороннихъ лицъ» и пр.—наказывается: въ первой степени—*выговоромъ*, во второй—*выговоромъ съ угрозою розгъ*, въ третьей—*розгами!*.. Итакъ, дѣйствительно, «Правила» предписываютъ *сѣчь за религіозный фанатизмъ!!*

---

[1]) Такъ замѣчено въ «Правилахъ»!

Оставимъ пока въ сторонѣ [все инквизиціонное безобразіе] [1]) послѣдняго случая и спросимъ объ одномъ: какія изъ указанныхъ *преступленій* могутъ быть подведены подъ тѣ основанія, которыми утверждаетъ г. Пироговъ необходимость розги? Отчего именно за воровствомъ, къ которому причисляется и кража собакъ, за оскорбленіемъ разнаго начальства и за фанатизмомъ должно слѣдовать безотлагательное, мгновенное сотрясеніе посредствомъ розги? И припомните еще, что розга назначается только въ трехъ низшихъ классахъ, да и тамъ уже дѣлается изъятіе для 16-ти-лѣтнихъ, если таковые случатся. Значитъ, въ большинствѣ случаевъ будутъ пороть мальчиковъ, которыхъ проступки еще не заключаютъ въ себѣ ничего серьезнаго. Мальчикъ разъ стащилъ у товарища карандашъ,—ему выговоръ отъ совѣта; въ другой разъ онъ завелъ къ себѣ чужую собаку—его выпорютъ. Поссорился мальчикъ съ гувернеромъ, который самъ его на это вызвалъ,—подъ арестъ мальчика; опять поссорился уже безъ вызова съ той стороны,—его сѣкутъ. А за розгами—не надо забывать—слѣдуетъ непремѣнно удаленіе изъ гимназіи послѣ вновь сдѣланнаго проступка! И это, при просвѣщенныхъ «Правилахъ», можетъ произойти вслѣдствіе брюзгливости или неуживчивости какого-нибудь гувернера, учителя или чиновника гимназіи. «Правила» явно узаконяютъ эту брюзгливость и всѣ капризы начальства, когда въ графѣ обстоятельствъ, *опредѣляющихъ три степени вины и наказанія*, ставятъ противъ оскорбленія начальства *вызовъ со стороны начальника!!* Это, конечно, признается за circonstance atténuante и *уменьшаетъ наказаніе*. Какое великодушіе! Мальчика не сѣкутъ за то, къ чему его сами же принудили! [А намъ кажется, что ужъ если непремѣнно хочется сѣчь кого-нибудь, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ гораздо было бы основательнѣе—высѣчь этого начальника, который такъ ловко умѣетъ вести себя съ воспитанниками. Ему-то именно и было бы полезно мгновенное сотрясеніе, чтобы заставить его образумиться. Да притомъ, видя такое безпристрастіе со стороны «Правилъ», гимназисты дѣйствительно подвинулись бы къ уваженію закона. А то вѣдь] [1]) стоитъ только повторить слова того же г. Пирогова въ тѣхъ же самыхъ «Правилахъ», чтобы видѣть, какъ эта казнь за обиду, вызванную начальникомъ, разрушаетъ все зданіе законности, которое г. Пироговъ желалъ построить на своемъ кодексѣ проступковъ и наказаній. «Произволъ и капризъ воспитателя,—говоритъ г. Пироговъ,—вызываетъ, по закону противорѣчія, такой же произволъ и капризъ и въ воспитанникѣ». Стало быть, сколько вы воспитанниковъ ни сажайте подъ арестъ, сколько ни сѣките, сколько ни исключайте,—но пока у васъ остаются воспитатели капризные и вызывающіе на грубость,—до тѣхъ поръ въ остальныхъ воспитанникахъ (хотя бы ихъ, послѣ вашего разгрома, осталась только десятая доля) неминуемо будетъ проявляться и дерзость, [и оскорбленіе начальства], и произволъ.

---

[1]) всю неблаговидность.

[2]) И это постановляется въ правилахъ, имѣющихъ цѣлію развитіе въ учащихся чувства законности.

И—странное дѣло!—«Правила» *начертаны* для того, чтобы развить въ воспитанникахъ чувство законности и справедливости опредѣленіемъ *точныхъ, положительныхъ и одинакихъ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ*; а, между тѣмъ, произволу начальства вездѣ оставленъ самый широкій просторъ, и именно за проявленіе личности воспитанника, за его нежеланіе подчиняться произволу, каждое гимназическое начальство можетъ, при первомъ удобномъ случаѣ, выдрать его, а потомъ выгнать безъ дальнихъ словъ. Обязанности начальниковъ всякаго рода и учителей въ отношеніи къ гимназистамъ не опредѣлены; напротивъ, самъ кодексъ говоритъ, что начальникъ можетъ быть безразсуденъ и грубъ—можетъ *самъ вызывать* на обиду. Представьте же теперь положеніе мальчика, воспитывающагося въ одной изъ гимназій [Кіевскаго округа]. У него въ классѣ на стѣнѣ виситъ *таблица проступковъ и наказаній*; возлѣ этой таблицы стоитъ или сидитъ взбалмошный учитель (или такихъ ужъ не бываетъ никогда?), который назойливо напрашивается на грубость, подвергая ученика всевозможнымъ оскорбленіямъ. Но учитель въ это время все-таки *исправляетъ свою служебную обязанность*: за грубость ему—строгій арестъ, розги, исключеніе... Мальчикъ это знаетъ, что ему дѣлать? Скрѣпиться и вынести все безропотно. А какія мысли, какія чувства прорѣжутъ въ это время его молодую голову и сердце? Вѣроятно, въ немъ будетъ развиваться въ эти минуты благоговѣніе къ кодексу г. Пирогова, чувство законности и справедливости?!...

Опредѣляя значеніе своего кодекса, г. Пироговъ боится, чтобы ученики не воображали, что теперь судьба ихъ зависитъ отъ мертвой буквы, и для того говоритъ: «напротивъ, опытъ долженъ скоро убѣдить ихъ, что самое главное дѣло—*точное изслѣдованіе и правосудное* приложеніе правилъ, содержащихся въ кодексѣ, къ каждому данному случаю—*все-таки предоставлено воспитателямъ*». Замѣтимъ, что воспитателямъ предоставлено кодексомъ *не только правосудное, но и совершенно неправосудное* приложеніе правилъ: они ничѣмъ не связаны въ своихъ дѣйствіяхъ, личность ихъ строжайшимъ образомъ ограждена отъ всякаго протеста [гимназистовъ]. Но положимъ, что воспитатели всѣ идеально хороши; мы все-таки не понимаемъ, какимъ образомъ при этомъ условіи кодексъ г. Пирогова можетъ достигать своей цѣли—развитія чувства законности. Вѣдь самъ же г. Пироговъ сознается, что истинно-справедливое наказаніе есть только то, «которое естественно, само собою, проистекаетъ изъ сущности проступка»... А изъ какого же проступка естественно проистекаетъ розга? И какимъ образомъ случилось, что большинство наказаній тѣлесныхъ опредѣляется за оскорбленіе начальства? Не въ правѣ-ли воспитанники уже въ самомъ этомъ опредѣленіи видѣть—не законность, а самый неосновательный, самый возмутительный произволъ? Кажется, у начальства и безъ розогъ довольно много средствъ оградить свою личность отъ оскорбленій воспитанниковъ. Да и, наконецъ, кто же мѣшаетъ начальству всякой гимназіи поставить воспитанника въ такое положеніе: «ты къ намъ поступилъ, такъ

насъ уважай и слушайся; если же не хочешь исполнять этого условія, то убирайся вонъ». Мы знаемъ, что многіе хорошіе учителя употребляютъ эту мѣру въ классахъ. Если ученикъ шалитъ и шумитъ, они говорятъ ему: «если не хотите слушать, то не угодно ли вамъ выйти изъ класса!» И послѣ этого ученикъ обыкновенно присмиряетъ... Скажутъ, что выгнать изъ гимназіи—вовсе не то, что выслать изъ класса; увольненіе во многихъ случаяхъ можетъ доканать мальчика, если онъ не имѣетъ возможности поступить въ другое заведеніе. Но вѣдь, во-первыхъ, мы предполагаемъ начальство идеально хорошее, неуваженіе къ которому вполнѣ заслуживаетъ подобнаго распоряженія; во-вторыхъ, и по кодексу г. Пирогова, за розгами слѣдуетъ непремѣнно удаленіе ученика изъ гимназіи,—да еще не просто увольненіе, а *исключеніе*, которое всегда соединено съ отмѣткою неодобрительнаго поведенія и съ повѣщеніемъ по всѣмъ гимназіямъ округа. Это значитъ,—если примѣнить къ учителю,—по-нашему учитель просто высылаетъ ученика изъ класса, а по кодексу—прибьетъ сначала, потомъ выгонитъ, да еще въ педагогическомъ совѣтѣ пожалуется. Разумѣется, такимъ образомъ дѣйствій учитель доказываетъ только свой мстительный характеръ и отсутствіе всякаго уваженія къ самому себѣ.

А какова соразмѣрность наказаній въ «Правилахъ»!.. Воровство, какъ мы видѣли, наказывается въ первой степени—*выговоромъ отъ совѣта съ угрозою розгъ*, во второй—*розгами*, въ третьей—*исключеніемъ*. *Лихоимство* же—*черной доской*, *черной книгою* и, наконецъ, *увольненіемъ по прошенію!*.. А, между тѣмъ, что же такое лихоимство, какъ не самый гнусный видъ воровства? И не должно ли его наказывать строже ужъ и потому, что въ жизни всякаго гимназиста, когда онъ будетъ служить, представится гораздо болѣе поводовъ къ лихоимству, нежели къ простому воровству, слѣдовательно, при самомъ воспитаніи, въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, нужно какъ можно тщательнѣе слѣдить за проявленіемъ этого порока и уничтожать самые первые его зародыши. Какими-же соображеніями руководился г. Пироговъ съ своимъ комитетомъ, когда воровство такъ грозно каралъ сравнительно съ лихоимствомъ? Точно также, оскорбленіе начальства требуетъ *розогъ и исключенія*, а «уничтоженіе письменныхъ распоряженій начальства» — только *карцера* и *увольненія*, которые могутъ быть назначены, напримѣръ, и за *куреніе табаку*, наказываемое по «Правиламъ», «какъ нарушеніе благочинія и формы въ школѣ». Вотъ какого свойства *законность*, вводимая «Правилами»!

Такихъ несообразностей много въ «Правилахъ», но мы уже не станемъ разбирать ихъ въ подробности, потому что всѣ «Правила»—въ своей общности—составляютъ одну изумительнѣйшую несообразность съ [здравымъ смысломъ] [1]). Предоставляемъ разборъ ихъ записнымъ педагогамъ. Мы же остановимся только на томъ, что прямо относится къ розгамъ, которыми мы занялись спеціально въ этой замѣткѣ... Въ

[1]) здравыми педагогическими началами.

отношеніи къ этому предмету есть еще весьма любопытныя вещи въ «Правилахъ».

Какъ вамъ понравится, напримѣръ, то, что г. Пироговъ заставляетъ самихъ же гимназистовъ низшихъ классовъ сѣчь своихъ товарищей,—то-есть, не руками сѣчь, а опредѣлять имъ наказаніе розгами. Странно, какъ это учрежденіе пресловутаго Ehrengericht могло совмѣститься съ розочными понятіями; но это совмѣщеніе — несомнѣнный фактъ. Подъ № 15 за оскорбленіе товарищей опредѣлено, кромѣ прошенія извиненія у обиженнаго съ удовлетвореніемъ его,— въ первой степени для всѣхъ классовъ *выговоръ отъ совѣта*, во второй—выговоръ отъ совѣта съ угрозою розогъ, для низшихъ классовъ, и съ угрозою исключенія, для высшихъ, въ третьей—розги для низшихъ, а для высшихъ—исключеніе. Внизу этого нумера приписано: «*опредѣленіе степени вины и наказанія предоставляется товарищамъ*». Такимъ образомъ, бѣдные мальчики принуждены выбирать одну изъ трехъ казней для своего товарища, и если они очень раздражены, то, опредѣляя *третью* степень, должны сами обречь товарища на порку!..

Какой миръ и согласіе должны послѣ этого господствовать въ классѣ!.. [И вотъ какъ прививаются нашимъ дѣтямъ гуманныя чувства! .]

Не забудемъ еще, что къ числу этихъ оскорбленій товарищей отнесенъ потомъ и *фанатизмъ*. Вспомнимъ и то, что такое постановленіе сдѣлано въ Кіевскомъ округѣ, гдѣ католиковъ въ гимназіяхъ едва-ли не больше, чѣмъ православныхъ. По крайней мѣрѣ, въ Кіевскомъ университетѣ въ прошломъ году было православныхъ только 376, а католиковъ 525, а извѣстно, что большая часть поступающихъ въ университетъ выходитъ изъ гимназій (въ нынѣшнемъ году въ Кіевскомъ университетѣ—864). Слѣдовательно, религіозные споры и столкновенія могутъ быть весьма часты; ихъ нужно бы устранять, примирять. А тутъ г. Пироговъ велитъ ученикамъ разсудить самимъ, высѣчь ли товарища ихъ за религіозный фанатизмъ, или только выговоръ ему дать. Само собою разумѣется, что при этомъ классъ раздѣлится на два враждебные лагеря; католики будутъ говорить свое, русскіе—свое, и которыхъ больше, тѣ и побѣдятъ. Два-три случая такихъ— и раздраженіе товарищей другъ противъ друга дойдетъ до неимовѣрной степени... Очень хорошо!

Но довольно. Намъ самимъ стало какъ-то [скверно] [1]), когда мы погрузились въ [этотъ грязный и темный омутъ, названный] «Правилами о проступкахъ и наказаніяхъ». Боимся, чтобы того же самаго не сдѣлалось съ читателемъ... Во всякомъ случаѣ, читатель видитъ, что кодексъ г. Пирогова вполнѣ противорѣчитъ той цѣли, какая объявлена самимъ его составителемъ. Втиснувъ всѣ дѣтскіе проступки въ 27 нумеровъ и въ три степени, оговоривъ для каждаго по 2—4 смягчающихъ и усиливающихъ обстоятельства, г. Пироговъ надѣется устранить этимъ произволъ и разнообразіе взглядовъ на поступки въ

[1]) тяжело и неловко

разныхъ гимназическихъ начальствахъ. Какая наивность, достойная скорѣе какого-нибудь московскаго публициста, нежели автора «Вопросовъ жизни»! Какъ будто разница наказаній въ школахъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ разницы взгляда начальства на тотъ *родъ* проступковъ, къ которому данный случай относится!.. Вовсе нѣтъ. Всѣ начальники могутъ быть согласны въ теоретическомъ воззрѣніи на преступность, напримѣръ, дерзости. Но одинъ можетъ видѣть дерзость въ нарушеніи ученикомъ основныхъ правилъ школы, другой—въ противорѣчивомъ отвѣтѣ, третій—въ томъ, что мальчикъ смотритъ ему прямо въ глаза... То же самое и во всѣхъ другихъ случаяхъ. И повѣрьте, что и при вашемъ кодексѣ вовсе не устраняется возможность того, что въ гимназіяхъ будутъ сѣчь отъ 40 до 300 человѣкъ изъ 600!.. Повѣрьте, что не одни наказанія зависятъ отъ наказывающихъ, а не отъ наказываемыхъ, но и значительная доля самыхъ проступковъ. Не оттого только въ одной гимназіи больше дерутъ, а въ другой меньше, что въ одной смотрятъ на проступки иначе, чѣмъ въ другой... Нѣтъ, въ нихъ и ведутъ воспитанниковъ различно: къ чему въ одной гимназіи не подаютъ ни малѣйшаго повода, о чемъ въ ней и понятія не имѣютъ, съ тѣмъ ученики другой гимназіи сталкиваются каждый день и часто поневолѣ должны измѣнять свое поведеніе. Съ человѣкомъ спокойнымъ, разсудительнымъ и благожелательнымъ трудно завести ссору и пойти на грубость и оскорбленіе. Но человѣкъ грубый, взбалмошный, безтолковый—хоть кого выведетъ изъ терпѣнія и вызоветъ на дерзость и даже на оскорбленіе болѣе существенное... Это одинъ видъ школьныхъ проступковъ; но въ жизни училища много и другихъ видовъ, которые точно такъ же обусловливаются общей организаціей школы и той обстановкой, въ какой находятся воспитанники... Вотъ на это-то и слѣдовало-бы обратить вниманіе г. Пирогову. Какъ попечитель округа, онъ имѣлъ къ этому полную возможность.

Но оставимъ г. Пирогова съ его «Правилами» и скажемъ теперь нѣсколько словъ о себѣ и о той общественной морали, какая выводится изъ кіевскихъ розогъ. Для этого обратимся къ началу нашей статьи и повторимъ: «время сказочныхъ богатырей давно прошло! Не нужно намъ ни сказокъ, ни богатырей! Стыдно тому, кто еще до сихъ поръ возлагаетъ свои надежды на какихъ-то современныхъ Добрынь и Еруслановъ!»

Да, стыдно человѣку современнаго общества быть столько малодушнымъ и наивнымъ, стыдно—это мы сами первые сознаемъ и заявляемъ публично. Не то горько намъ, что мы, превознося въ прошломъ году г. Пирогова, показали себя легковѣрными и увлекающимися, не то горько, что между нашими похвалами знаменитому педагогу оказалось нѣсколько незаслуженныхъ преувеличеній. Нѣтъ, насъ смущаетъ совершенно другое. Хвалить статьи г. Пирогова, восхищаться силою его логики, его послѣдовательностью и твердостью—мы имѣли полное право, и въ этомъ отношеніи намъ не въ чемъ раскаиваться. Но мы обнаружили крайнее тупоуміе и совершенное непониманіе жизни русской, когда осмѣлились выразить что-то вродѣ на-

деждъ на практическую дѣятельность восхваляемаго писателя. Мы сами впали тогда въ примѣненіе къ нашему времени старинныхъ сказокъ о богатырѣ, побившемъ цѣлое войско... Сами не понимаемъ, какъ мы не сообразили тогда, что вѣдь это только въ сказкахъ и бываетъ... и намъ до сихъ поръ совѣстно за этотъ удивительный столбнякъ, нашедшій на насъ въ то время...

Но еще это все бы ничего: не тяжело публично сознаться въ своей ошибкѣ, которую самъ же первый и замѣтилъ, хотя и поздновато. Главное горе вотъ въ чемъ: наши прошлогодніе восторги сдѣлали насъ участниками въ созиданіи того пьедестала мудрости, на которомъ вызвышается теперь г. Пироговъ. Мы поставили его въ примѣръ практическимъ педагогамъ, мы указали одному изъ нихъ, сомнѣвавшемуся въ отвратительности розогъ, на непреклонныя, незыблемыя убѣжденія г. Пирогова, рѣшительно отвергшаго тѣлесное наказаніе, какъ педагогическую мѣру, и заклеймившаго розги рядомъ энергическихъ, неопровержимыхъ силлогизмовъ... Теперь этотъ сомнѣвающійся педагогъ съ торжествомъ скажетъ намъ: «вы опирались на авторитетъ Пирогова; смотрите же, къ чему пришелъ онъ, какъ только коснулся практики... Невозможно уничтожить розгу въ гимназіяхъ!»... И сотни, тысячи подобныхъ сомнѣвающихся педагоговъ покончатъ съ своимъ сомнѣніемъ и рѣшатъ дѣло въ пользу розогъ, узнавъ о томъ, что *самъ Пироговъ* призналъ ихъ нужными и полезными... А сотни и тысячи другихъ, давно увѣренныхъ въ благотворности всякихъ экзекуцій, поднимутъ голову и, подъ защитою имени Пирогова, яростно накинутся на тѣхъ [*мальчишекъ*], которые кричатъ противъ розогъ,—до тѣхъ поръ, какъ говорятъ, пока еще чувствуютъ боль отъ розогъ, ими самими полученныхъ... И сами эти [*мальчишки*] [1]), при всей своей увѣренности, все-таки будутъ немало сконфужены, когда увидятъ, что противъ нихъ выставленъ любимый авторитетъ ихъ, что ихъ поражаютъ ихъ же собственнымъ оружіемъ... Можетъ быть, многіе [*мальчишки*] и не найдутся, что сказать, и можетъ быть—нѣкоторые потеряютъ бодрость и согласятся съ почтенными старцами розго-раздателями.

Вотъ что надѣлали восхваленія и надежды, повсюду раздававшіяся въ честь г. Пирогова со времени появленія «Вопросовъ жизни». И мы, мы въ этомъ сдѣлались участниками!!. Какъ хотите, а это очень горько!..

Потребность очистить себя отъ этого тяжелаго грѣха составляетъ для насъ нравственную необходимость. Вотъ почему мы поспѣшили обратить вниманіе нашихъ читателей на новыя тенденціи г. Пирогова, проявившіяся уже въ практической сферѣ. Вотъ почему считаемъ необходимымъ, для предупрежденія дальнѣйшихъ недоразумѣній подобнаго рода, высказать здѣсь еще нѣсколько мыслей о томъ, какъ здравомыслящему человѣку слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, смотрѣть на такъ называемыхъ общественныхъ дѣятелей и насколько примыкать къ нимъ свою собственную дѣятельность.

---

[1]) противники розогъ

Человѣкъ, сдѣлавшій или даже сказавшій что-нибудь хорошее,— есть, безъ всякаго сомнѣнія, человѣкъ, сдѣлавшій или сказавшій что-нибудь хорошее. Бранить его за это нельзя; напротивъ, нужно сказать, что его поступокъ хорошъ, или что слова его хороши. Но сказать это нужно не на вѣтеръ, не легкомысленно, а съ полнымъ сознаніемъ той общей идеи, въ силу которой вы утверждаете, что такое-то слово или дѣло хорошо... Не передавайте своей задушевной мысли, своего внутренняго убѣжденія — ни за какія всенародныя благодѣянія, ни за какіе всемірные подвиги, совершенные человѣкомъ. Если человѣкъ, спасшій отъ смерти тысячи голодныхъ бѣдняковъ, станетъ васъ увѣрять, что слѣдуетъ пользоваться плодами чужихъ трудовъ для собственнаго обогащенія,—не вѣрьте ему, не считайте этихъ понятій правильными потому только, что вы слышите ихъ отъ *такого* человѣка. Не будьте дѣтьми и дикарями, и внутренней, прекрасной истины не превращайте въ безобразный кумиръ. Разсудите: вы уважали этого человѣка за то, что видѣли въ немъ *любовь* къ бѣднякамъ, желаніе *дать* имъ средства къ жизни; только въ силу этого пріобрѣлъ онъ свой авторитетъ предъ вами, внушилъ вамъ уваженіе къ себѣ. Не забывайте же этого. Какъ скоро вы видите въ немъ черты противоположныя, какъ скоро оказывается, что онъ возстаетъ *противъ* трудящихся бѣдняковъ, что онъ хочетъ *отнять* у нихъ средства къ жизни, добываемыя ими,—вы уже не смотрите на него, какъ на авторитетъ и т. п., а судите его, какъ и всякаго обыкновеннаго человѣка. Можетъ еще оставаться тутъ вопросъ личный: что же значитъ это противорѣчіе—перемѣну ли, слабость ли характера, или даже прежнюю неискренность? И если окажется, что все прежнее было неискренно, то нужно карать человѣка этого, какъ [лицемѣра и негодяя] [1]), если же просто окажется онъ слабымъ или перемѣнчивымъ, то можно пожалѣть о немъ... Но все это будетъ дѣломъ чисто личнымъ, и никакъ не должно быть примѣшиваемо къ суду объ общественномъ дѣлѣ, котораго онъ является защитникомъ или противникомъ... Тамъ нужно судить только о дѣлѣ, несмотря на то, кѣмъ оно защищается и кѣмъ оспаривается. Всѣ личныя уваженія здѣсь въ сторону! Если можно, то слѣдуетъ воздержаться и отъ всякаго увлеченія блестящею формою, въ которую иной умѣетъ облечь темное дѣло. Но ужъ на это, разумѣется, у кого умѣнья хватитъ... Очень многіе могутъ придти въ восторгъ отъ плохой музыкальной пьесы, искусно сыгранной отличнымъ музыкантомъ, и за это нельзя строго винить такихъ любителей музыки. Но если придется судить о самой пьесѣ, то, конечно, лучше отдѣлить личность исполнителя отъ сущности пьесы, потому что какъ бы исполнитель ни былъ хорошъ, но пьеса сама по себѣ не сдѣлается отъ этого лучше, чѣмъ какою она сотворена своимъ авторомъ...

Что же касается до опредѣленія собственной дѣятельности сообразно съ дѣятельностью извѣстнаго общественнаго авторитета,— тутъ, кажется, нужно еще болѣе осторожности и строгости, нежели

---

[1]) обманщика

при простомъ обсужденіи дѣла. Разумѣется, нѣтъ людей совершенныхъ и непогрѣшимыхъ, и потому, если мы сами не чувствуемъ себя въ силахъ проложить новую дорогу и вести по ней другихъ, то намъ, чтобы не стоять безполезно на мѣстѣ, нужно идти за кѣмъ-нибудь, и для этого выбрать себѣ руководителя. Но, отправляясь за нимъ, мы все-таки должны заботиться всего болѣе о томъ, чтобы самимъ имѣть понятіе о цѣли пути и о самой дорогѣ. Кромѣ того, мы не должны думать, что въ этой дорогѣ руководитель нашъ будетъ насъ кормить, поить, одѣвать и пр... Поэтому необходимо все-таки самимъ работать для себя, ни на мигъ не опускать руки и зорко смотрѣть впередъ и по сторонамъ. Говоря ближе къ разсматриваемому нами предмету,—нѣтъ надобности полагать свое спасеніе въ дѣятельности какого-нибудь извѣстнаго лица и слѣпо вѣрить ему, а надо дѣлать сообща, пока идетъ сообща, и продолжать въ одиночку, если другіе свернутъ въ сторону, хотя бы эти *другіе* были превознесены всѣми похвалами и украшены всѣми вѣнками. Очень простительно, и даже, можетъ быть, не безполезно было всему свѣжему и порядочному въ средѣ русскихъ педагоговъ примкнуть къ г. Пирогову и дѣйствовать подъ его знаменемъ. Но все-таки само дѣло должно быть впереди. Какъ скоро является предложеніе сѣчь дѣтей за фанатизмъ, да еще по суду товарищей, тутъ уже все равно, кто бы ни сдѣлалъ это предложеніе—г. Миллеръ-Красовскій, [г. Орловъ-Давыдовъ] или г. Пироговъ. Смущаться тутъ не слѣдуетъ, и тотъ, кто изъ уважаемаго человѣка не дѣлаетъ себѣ идола, никогда не смутится этимъ...

Но (послѣднее замѣчаніе) намъ могутъ сказать, что иногда слѣдуетъ прощать почтеннымъ личностямъ отдѣльные ихъ недостатки и даже не мѣшать ихъ ошибкамъ, изъ уваженія къ тому добру, которое они дѣлали и дѣлаютъ... Иногда это возможно, правда, но чрезвычайно рѣдко, и то въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, и то, если ошибки и недостатки болѣе касаются личности, нежели общаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ рѣшиться на такую поблажку, нужно строго и строго разсудить: до такой ли степени важна и могуча дѣятельность такого-то почтеннаго лица въ общемъ ходѣ дѣлъ, и до такой ли степени значительны мы сами въ ряду общественныхъ явленій, чтобы отъ нашего болѣе или менѣе лицемѣрнаго и потачливаго обращенія съ такимъ-то лицомъ могъ измѣниться ходъ событій... Тутъ можно бы распространиться вообще о значеніи личностей въ исторіи; но это было бы ужъ слишкомъ длинно и, можетъ быть, неумѣстно. Удовольствуемся повтореніемъ того, что времена сказочныхъ богатырей прошли, что общественная жизнь слагается не по щучьему велѣнью, иванушкину прошенью, и что отъ вліянія окружающей среды не могутъ освободиться и самыя лучшія личности. Стало быть, нечего возлагать надежды на чужую дѣятельность, а надобно хлопотать о томъ, чтобы самому понимать дѣло и умѣть вести его, по мѣрѣ силъ и возможности. Тогда мы пріобрѣтемъ двѣ выгоды: не будемъ лжецами предъ самимъ собою и не будемъ испытывать мучительныхъ сомнѣній отъ идей г. Миллера-Красовскаго, даже въ томъ случаѣ, если намъ станетъ проповѣдывать ихъ *самъ* г. Пироговъ.

98. Рѣчи и отчетъ,

читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, 17 декабря 1859 г. Москва. 1859.

Какъ хорошъ нынѣшній отчетъ инспектора Московской Коммерческой Академіи, г. Киттары!.. Такъ хорошъ, что, кажется, сама Академія не сравнится съ нимъ въ своихъ достоинствахъ!

Въ прошломъ году мы разбирали рѣчь г. Киттары параллельно съ разсужденіями г. Пирогова и дѣлали сравненія, невыгодныя для почтеннѣйшаго инспектора Практической Академіи. Это, какъ нужно полагать, огорчило его, и онъ, оканчивая нынѣшнюю рѣчь, говоритъ, обращаясь какъ будто бы къ публикѣ, но явно кивая на нашу рецензію [1]):

«Я буду искренно благодаренъ за всякое указаніе, за всякую замѣтку, за всякій добрый совѣтъ, какъ лучшіе знаки вашего ко мнѣ вниманія и довѣрія, но попрошу васъ объ одномъ: не сравните меня съ кѣмъ-нибудь изъ знаменитыхъ педагоговъ-публицистовъ, врачей общества; сравненіе будетъ парадоксально! Нравственные принципы, ими высказываемые, могутъ быть совершенно справедливы, разумны, законны, но, несмотря на то, въ практикѣ не всегда и не вездѣ удобоприложимы. Это, надѣюсь, понимаетъ каждый» (стр. 68).

Ну, какъ не понимать! Самъ же г. Пироговъ далъ намъ понять это болѣе, нежели кто-нибудь другой... И ужъ мы теперь не станемъ превозносить его предъ г. Киттары; напротивъ, теперь мы на г. Киттары готовы смотрѣть, какъ на образецъ для г. Пирогова. И сейчасъ представимъ резоны—почему.

Г. Киттары скроменъ и податливъ; въ хорошихъ рукахъ и при хорошей обстановкѣ онъ былъ бы отличнѣйшимъ дѣятелемъ, въ чемъ хотите. Гдѣ нужна долгая борьба, жертвы, самостоятельная и независимая энергія,—тамъ, конечно, на дѣятельность его нельзя возлагать особенныхъ надеждъ, но вѣдь на кого же въ этомъ отношеніи можно надѣяться?.. Г. Киттары хорошъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что никого ужъ и не обманываетъ на счетъ характера своихъ дѣйствій. Весь тонъ его нынѣшняго, напр., «Отчета» говоритъ вамъ: «да, я сознаю, что то и то дурно; но я не въ силахъ этого передѣлать,—по крайней мѣрѣ, теперь, и потому считаю нужнымъ покориться и даже хвалить то, что считаю лишь временнымъ и вовсе безполезнымъ въ сущности». А другіе какимъ высокимъ тономъ говорятъ о себѣ! Подумаешь, что и въ самомъ дѣлѣ они шагу не уступятъ, и ужъ—или передѣлаютъ все на свой ладъ, или костьми лягутъ... А посмотришь потомъ—точно такъ же не сладятъ съ обстоятельствами и надѣлаютъ уступокъ, иногда вовсе не ничтожныхъ и не забавныхъ... Да хоть бы

[1]) Впрочемъ, оговоримся: съ мѣсяцъ спустя послѣ нашего разбора такая же точно параллель между г. Киттары и Пироговымъ появилась еще въ «Спб. Вѣдомостяхъ», такъ что слова г. Киттары могутъ быть и къ нимъ отнесены.

тутъ смирялись,—такъ нѣтъ! Все продолжаютъ свысока, докторальнымъ тономъ и, принимаясь сѣчь мальчика, точно такъ же считаютъ долгомъ выхвалить свое отвращеніе отъ розги, какъ и въ прежнее время, когда не дошли до практическихъ примѣненій. Вотъ, напр., какъ хорошо г. Пироговъ разсуждаетъ о гнусности и негодности розогъ и какъ величественно, съ совершеннымъ сознаніемъ своей философской непогрѣшимости, признаетъ онъ ихъ необходимость въ гимназіяхъ, вслѣдствіе *трудности* придумать, вмѣсто нихъ, что-нибудь другое! Такъ и съ другими бываетъ. Послушаешь,—такъ ихъ наклонности слаще кіевскаго варенья, а заглянешь въ самое дѣло, такъ того и гляди—порютъ кого-нибудь!

Г. Киттары не таковъ. Въ прошломъ году, напримѣръ, слѣдуя общей рутинѣ, онъ написалъ красивую рѣчь, съ реторическими возгласами о томъ, какъ въ Академіи воспитанники на клиросѣ поютъ, постные дни соблюдаютъ,—вотъ, говоритъ, какова у насъ *нравственность!*—о томъ, какъ онъ готовитъ отечеству *слугъ*, достойныхъ преемниковъ капитала и имени предковъ,—вотъ, говоритъ, какая высокая цѣль у насъ!—о томъ, какъ онъ сѣчетъ дѣтей только въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда на розги,—вотъ, дескать, какъ мы гуманны!—о томъ, какъ много хорошаго начинается, и какъ прекрасно все продолжается въ Академіи, *благодаря сочувствію и одобренію* такихъ-то особъ,—вотъ, дескать, какъ мы смиренны!—и пр., и пр. Ему замѣтили, что можно бы обойтись и безъ этакихъ возгласовъ,—онъ нынѣ и обошелся, да еще и то все оговаривается: «вы, говоритъ, не подумайте, что я фразу говорю,—о томъ, что, напримѣръ, у насъ нравственность въ Академіи процвѣтаетъ. Я бы охотно сказалъ, если бы дурно было; но ей-Богу же не могу: что же мнѣ дѣлать, если всѣ такъ хорошо ведутъ себя!.. Не могу же я врать!» Серьезно такъ: вотъ его слова въ одномъ мѣстѣ «Отчета» (стр. 37)—

«Примѣры серьезныхъ недостатковъ въ Академіи немногочисленны. Изъ 254 человѣкъ учащихся не болѣе пяти, возраста отъ 9 до 14 лѣтъ, вызываютъ особенную заботу объ ихъ исправленіи, а это менѣе 2 процентовъ. Процентъ очень небольшой, можетъ быть дѣйствительно блестящій; но я не могу говорить неправду и всякому желающему повѣрить слова мои могу представить нашу штрафную книгу, черную книгу, какъ называютъ ее воспитанники».

Такая восхитительная совѣстливость выражается на многихъ страницахъ нынѣшняго «Отчета» г. Киттары. Но, не довольствуясь частными оговорками вродѣ приведенной нами, онъ, при концѣ своей рѣчи, сдѣлалъ слѣдующее объясненіе, которое хотя и не совсѣмъ складно, но, тѣмъ не менѣе, плѣнительно въ своей натуральной неуклюжести (стр. 68):

«Закончу же мою рѣчь совершенно стороннею мыслью: чему больше вѣры—слову ли похвалы, или слову осужденія? Думаю, что вы не затруднитесь въ отвѣтѣ, отдадите скорѣе вашу вѣру послѣднему; таково уже общее наше современное направленіе, конечно, вытекшее изъ опыта жизни. Я не держусь буквально этого направленія и прошу васъ, мм. гг., не прилагать его ко всему мною сказанному какъ въ нынѣшней рѣчи, такъ и въ прошлой. Оградивъ (?) мою дѣятельность, какъ инспектора Академіи,

стѣнами этого заведенія и соприкасаясь чрезъ него съ извѣстнымъ слоемъ общества, я предпочитаю говорить болѣе о хорошемъ, благотворномъ для самой Академіи, предпочитаю умалчивать о недостаткахъ, которые вообще сродны человѣчеству. Не считаю этого ни уступкой обществу, ни лестью: умалчиваю же просто потому, что слово осужденія не принесло бы пользы, а ввѣренному мнѣ дѣлу могло бы принести еще вредъ».

Мы не говоримъ, чтобъ очень легко было выразумѣть теченіе и связь мыслей г. Киттары въ этой тирадѣ. Но все-таки нельзя не согласиться,—въ ней есть что-то плѣнительное, невольно располагающее васъ въ пользу изобрѣтателя этихъ мыслей и заставляющее предполагать въ немъ прекраснѣйшаго, мягкосердечнѣйшаго человѣка.

Какъ, напримѣръ, онъ современнымъ прогрессомъ восхищается! «1859-й годъ,—говоритъ,—*не похожъ* на своихъ предшественниковъ; жизнь русская сдѣлала въ немъ шагъ *крупнѣе прежнихъ;* посмотрите кругомъ, *какая энергія, какая свобода мысли и слова—вездѣ и во всемъ; мы много выросли*» (стр. 30). И тотчасъ же, съ тѣмъ же невозмутимымъ простодушіемъ онъ говоритъ, что «при столкновеніяхъ съ многими родителями и посторонними лицами «Недоросль» фонъ-Визина живо рисовался въ его памяти; каждый разъ глубоко чувствовалось, что сатира этого писателя недостаточно еще была остра и жгуча, что нельзя не пожелать новаго фонъ-Визина и для нашего времени» (стр. 31). Вотъ тебѣ и энергія и свобода мысли—*вездѣ и во всемъ!*.. Ну, не прелестное ли это добродушіе?..

Тѣмъ же самымъ характеромъ отличается, напр., замѣчаніе почтеннѣйшаго профессора о галунахъ. Съ прошлаго года онъ ввелъ, видите, въ Академіи, какъ наказаніе,—лишеніе галуновъ. Съ нѣкоторой робостью говоритъ онъ объ этомъ своемъ изобрѣтеніи; но въ то же время никакъ не можетъ скрыть внутренняго довольства этой мѣрой, «приносящей самые *положительные результаты*» (стр. 38). А, впрочемъ, онъ «принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые понимаютъ, какъ излишня мундирность не только въ Академіи, но и во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ». Такъ зачѣмъ же онъ самъ способствуетъ тому, чтобы усиливалось въ Академіи значеніе мундирности?.. Да это ужъ такъ: вѣдь все равно—есть ужъ она, эта мундирность, такъ отчего же не обратить вниманія и на ея развитіе? При томъ же, въ свое оправданіе г. Киттары приводитъ еще слѣдующее обстоятельство: «нужно, говоритъ, прибавить, что мѣра эта употребляется у насъ въ *самыхъ крайнихъ случаяхъ* и считается взысканіемъ *самымъ сильнымъ*...» Конечно, это не только измѣняетъ видъ дѣла, но, кромѣ того, служитъ еще разительнымъ свидѣтельствомъ того, до какой высоты развитія дошелъ *духъ* воспитанниковъ Академіи, ввѣренной попеченіямъ почтеннѣйшаго г. Киттары.

Но особенно хорошо рисуетъ г. Киттары любезное признаніе его о томъ, какъ онъ въ прошломъ году измѣнилъ мотивъ сѣченія дѣтей, и сѣкъ ихъ—уже не по причинѣ *сомнѣнія*, а вслѣдствіе *отчаянія*. По его словамъ, это были «минуты тяжелыя, *можетъ быть, непонятныя стороннему наблюдателю*». Легко можетъ быть; но зато тѣмъ, кого сѣкъ г. Киттары въ эти минуты, онѣ были, вѣроятно, очень понятны... по крайней мѣрѣ—чувствительны...

Теперь, однако же, г. Киттары подаетъ надежду, что больше сѣчь уже не будетъ. Мы, разумѣется, не предаемся преждевременной радости: мало ли что говорятъ и обѣщаютъ современные публицисты и педагоги!.. Очень можетъ случиться, что г. Киттары найдетъ новыя,—столько же, какъ и прежде, уважительныя,—причины сѣчь воспитанниковъ. Въ третьемъ годѣ они платились за то, что воспитатель ихъ сомнѣвался, въ прошломъ—за то, что онъ отчаявался, въ нынѣшнемъ—ихъ спина можетъ пострадать отъ того, что на воспитателя найдутъ, напримѣръ, минуты меланхоліи... Все это покамѣстъ вѣдь Богу одному извѣстно... Мы узнаемъ это не раньше, какъ черезъ годъ, изъ слѣдующаго отчета, а теперь можемъ заявить предъ читателями только признанія и обѣщанія г. Киттары. Для большей важности приводимъ и подлинныя его слова (стр. 39):

«Заговоривъ о мѣрахъ исправленія, съ грустью долженъ сознаться, что, несмотря на все отвращеніе мое къ розгамъ, увы! у меня недостало ни умѣнья, ни терпѣнья избѣжать ихъ; и если въ прошломъ году на меня не находили, какъ я выразился въ первой рѣчи моей, минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости моего взгляда, то приходили зато минуты отчаянія, минуты тяжелыя, которыя, можетъ быть, непонятны стороннему наблюдателю. Слава Богу, что ихъ было немного—всего 4 (четыре минуты?), и относились онѣ только къ тремъ личностямъ, на закоренѣломъ упрямствѣ которыхъ оказывались недѣйствительными всѣ другія мѣры. Но принесли ли пользу розги, можетъ быть, спросятъ меня, исправили ли онѣ, снимали ли сразу порокъ? По совѣсти долженъ сказать—нѣтъ.

Порокъ возобновлялся сначала робко, а потомъ сильнѣе, и если я не теряю надежды въ борьбѣ съ нимъ, то, конечно, не въ разсчетѣ на новое повтореніе розогъ, нѣтъ: я пользуюсь интерваломъ затишья той или другой наклонности и въ сознаніи моей минутной слабости ищу новыхъ силъ, новыхъ мѣръ. Время, т.-е. увеличивающійся возрастъ воспитанника, въ этомъ случаѣ главная помога усилію. Замѣчу еще, что наказанныя розгами личности были однѣ изъ тѣхъ, о которыхъ говорилось и въ прошломъ отчетѣ, а что надежды мои сбыточны—лучшимъ доказательствомъ служитъ, что въ нынѣшнемъ году нѣкоторыя уже встали на путь радикальнаго исправленія и не доводили меня до отчаянія».

Читая такія объясненія, несмотря на ихъ нестройное, неуклюжее краснорѣчіе, вы чувствуете, что тутъ есть что-то милое... Передъ вами человѣкъ, который хлопочетъ, суетится, дѣлаетъ тамъ уступку, здѣсь промахъ, говоритъ, что взглядъ его не выработался, понятія смутны,—и они дѣйствительно смутны,—но все это такъ просто и добросовѣстно, а въ результатѣ выходитъ доброе дѣло и всеобщее удовольствіе!.. Почтеннѣйшій воспитатель доволенъ, совѣтъ Академіи къ нему благосклоненъ, родители благодарны, сослуживцы сочувствуютъ, воспитанники ужасно его любятъ,—по крайней мѣрѣ, такъ самъ онъ думаетъ... Да и отчего же не думать? Его наивная хлопотливость съ безпрестанными прибавками, «что, можетъ быть, онъ не понимаетъ того дѣла, за которое взялся», можетъ, конечно, казаться забавною, но она не лишена своей прелести и привлекательности: такъ и тянетъ познакомиться съ почтеннѣйшимъ педагогомъ, собственно за его милый «Отчетъ»...

Въ «Отчетѣ» своемъ г. Киттары много разъ обращается съ просьбою, чтобы мыслители и педагоги русскіе сдѣлали свои замѣчанія на его дѣйствія. Будемъ ждать отъ нихъ полезныхъ замѣчаній,— ихъ обсужденію представляются важные вопросы: сѣченіе дѣтей въ минуты отчаянія, лишеніе галуновъ за тяжкія преступленія, пожалованіе нашивками за успѣхи въ наукахъ, система надзора старшихъ воспитанникомъ за младшими, вводимая г-номъ Киттары, «но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не столь развившаяся, какъ бы ему желалось» (стр. 40), и пр. Кромѣ того, имъ предстоитъ разсмотрѣть подробныя *программы* Академіи и опредѣлить ихъ значеніе и достоинство. Въ прошломъ году, разбирая «Отчетъ» г. Киттары, мы замѣтили, что онъ возвышаетъ курсъ Практической Академіи предъ гимназическимъ. Нынѣ онъ отрекается отъ подобной мысли и говоритъ, что хотѣлъ только указать разницу гимназій съ Академіей. Чтобы эта разница яснѣй была, къ нынѣшнему «Отчету» онъ приложилъ цѣлую книгу программъ Практической Академіи, съ слѣдующимъ предостереженіемъ (стр. 53):

«Въ прошломъ «Отчетѣ» моемъ я позволилъ себѣ сравнить эти классы съ гимназіями и указалъ на ту разницу, какую находилъ въ этомъ сравненіи. Сознаюсь, что слова мои могли быть неясны, потому что не были полны; съ этой цѣлью къ настоящему «Отчету» приложены программы наукъ, принятыя въ заведеніи; онѣ укажутъ каждому, насколько, ради спеціальной цѣли, мы грѣшимъ противу общаго образованія. Искренно порадуюсь, если будутъ высказаны эти указанія, и отъ имени педагогической конференціи Академіи смѣло заявляю, зная составъ ея, что ни одно изъ нихъ не останется безъ обсужденія и принятія, если это окажется возможнымъ и полезнымъ».

На программы, разумѣется, ничего нельзя сказать, не зная, какъ онѣ исполняются: особенныхъ нелѣпостей въ нихъ не такъ много, чтобы сейчасъ же ихъ и вытянуть при бѣгломъ взглядѣ. Разумѣется, не очень отрадно, что до сихъ поръ въ Академіи употребляется Хрестоматія Пенинскаго, не очень весело въ программѣ исторіи русской литературы читать такіе, напр., параграфы: «Лермонтовъ: *подражаніе Жуковскому и Пушкину, достоинства подражаній; переводы изъ Байрона, Гете и Гейне*, вліяніе *Барбы* (въ «Опечаткахъ» поправлено *Барбье*: Отчеты Практической Академіи отличаются тѣмъ, что въ нихъ почти на каждой строкѣ опечатка и къ орѳографіи полнѣйшее презрѣніе!..). Отличительный характеръ поэзіи Лермонтова» (стр. 95). Можно, конечно, накинуться на это и сказать, что учитель не понимаетъ, вѣроятно, своего дѣла; а, между тѣмъ, это очень можетъ оказаться несправедливымъ. Можетъ быть, онъ отлично знаетъ свой предметъ и умѣетъ излагать его, а такъ только въ программѣ нелѣпо выразился... То же самое нужно сказать и о другихъ программахъ. Напримѣръ, для исторіи представлена собственно коротенькая программа для IV класса; а въ послѣдующихъ все то же самое, только подробнѣе. Какъ же тутъ разберешь удобство и достоинство преподаванія? Можно разсуждать только о достоинствѣ самой системы, принятой въ Академіи,—чтобы сначала читать ученикамъ общій обзоръ, а потомъ ужъ вводить подробности. Но

и это опять дѣло условное. Извѣстно, что дѣти, чѣмъ моложе, тѣмъ болѣе наклонны къ подробнымъ разсказамъ и отвращаются отъ общихъ обзоровъ. Слѣдовательно, если преподаватель дѣйствительно только *обзоръ* даетъ, такъ это очень дурно. Но если онъ разсказываетъ имъ во всей подробности важнѣйшія событія и вовсе пропускаетъ мелкія и неважныя,—въ этомъ смыслѣ преподаваніе не будетъ безполезно!.. Какъ именно это дѣлается въ Академіи, намъ неизвѣстно, и потому рѣшительное сужденіе произнести трудно. А, впрочемъ, нѣмцы очень много написали объ *эпизодическомъ* преподаваніи въ первое время ученья, и поэтому легко можетъ быть, что кто-нибудь изъ нашихъ знаменитыхъ педагоговъ или ученыхъ напишетъ блестящую статью по этой части...

Что касается до насъ, то мы въ подробныя сужденія входить не будемъ, а сдѣлаемъ лишь нѣсколько общихъ замѣтокъ. Насъ удивляетъ то, что въ Практической Академіи географія начинается только съ 3-го класса, а естественная исторія — съ 4-го, первые же два класса заняты большею частію только языками. Въ «Отчетѣ» и помину нѣтъ о наглядномъ обученіи; есть только въ программѣ русскаго языка указаніе на *вещественный* разборъ, то-есть на объясненіе самаго значенія вещей, при грамматическомъ разборѣ словъ. Но вѣдь этого очень недостаточно: общее понятіе о тѣлахъ природы, о разныхъ естественныхъ явленіяхъ на земномъ шарѣ, о разныхъ предметахъ житейскихъ нуждъ, и т. п.—весьма много помогло бы развитію и воображенію учениковъ и точности ихъ понятій, и даже расширенію ихъ круга зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, опредѣленіе нѣсколькихъ классовъ для подобныхъ занятій было бы гораздо полезнѣе, нежели совокупное и одновременное изученіе двухъ и трехъ языковъ. По «Отчету» видно, что въ Академію поступаютъ мальчики лѣтъ 8; и вдругъ ихъ начинаютъ занимать — въ первомъ классѣ 7 уроковъ французскихъ и 10 нѣмецкихъ; во второмъ—6 французскихъ, 7 нѣмецкихъ и 3 англійскихъ. И при этомъ г. Киттары еще жалуется, что изученіе языковъ, несмотря на всѣ его стараніе, идетъ плохо! (стр. 57). Еще бы оно шло хорошо при такихъ стараніяхъ! Извѣстное дѣло, что языки новые изучаются только тогда, когда объ этомъ начальственныхъ стараній бываетъ какъ можно меньше. Мудрость-то вѣдь не Богъ знаетъ какая. А, между тѣмъ, какъ съ самаго-то начала засадятъ мальчика за вокабулы двухъ языковъ, да насядутъ на него съ тремя уроками въ день изъ этихъ милыхъ предметовъ,—ну, онъ и отупѣетъ, да, кромѣ того,—такое отвращеніе къ языкамъ почувствуетъ, что никакія нашивки не помогутъ...

Впрочемъ, о нашивкахъ мы не смѣемъ судить: г. Киттары говоритъ, что онѣ очень поддерживаютъ энергію къ изученію французскаго и нѣмецкаго языковъ. Какъ видно, почтеннѣйшій профессоръ вѣруетъ въ симпатическія средства. Не мудрено, впрочемъ: онъ самъ-то такой симпатическій!..

99. Бесѣды съ дѣтьми.

А. А. Пчельниковой. Пять выпусковъ. Спб. 1859 г.

Для родителей съ хорошимъ состояніемъ трудно указать лучшую дѣтскую книжку, чѣмъ «Бесѣды съ дѣтьми». До сихъ поръ вышло пять тетрадокъ, около 60 страницъ каждая, очень изящно изданныхъ, съ хорошенькими рисунками и съ нотами въ каждой тетрадкѣ. Цѣна каждой—75 к.

Направленіе «Бесѣдъ» опредѣляется въ предисловіи къ первому выпуску. Здѣсь узнаемъ мы, что «Бесѣды» предприняты въ подражаніе французскому «Revue d'éducation nouvelle», составляющему нѣчто вродѣ дѣтской энциклопедіи. Издательница «Бесѣдъ» предполагаетъ въ рядѣ послѣдовательныхъ выпусковъ знакомить дѣтей съ разными предметами природы и общежитія и содѣйствовать живому, наглядному пониманію ими всего, что они изучаютъ. Весьма справедливо говоритъ она объ ученіи дѣтей, воспитывающихся нынѣ:

«Родительской любви свойственна извѣстная доля тщеславія: обыкновенно намъ хочется, чтобъ ребенокъ нашъ зналъ побольше и былъ бы преимущественно силенъ въ тѣхъ знаніяхъ, которыя даютъ блескъ въ обществѣ и возможность подниматься въ высшіе слои общественной жизни. Поэтому ребенка тотчасъ осаждаютъ теоріями и предметами отвлеченными, которые онъ принимаетъ неохотно и съ трудомъ; они кажутся ему сухи, незанимательны, потому что онъ не видитъ имъ примѣненія въ своей дѣтской жизни. Если первоначальное воспитаніе уже успѣло образовать въ немъ добрый нравъ, то онъ покоряется необходимости и учится, но учится холодно, безъ любви къ наукѣ, не внося ее въ свою дѣйствительную жизнь; а, между тѣмъ, въ этой жизни на каждомъ шагу и каждый день проходятъ предъ его глазами и чрезъ его руки простые обыденные предметы, о которыхъ онъ имѣетъ самое слабое понятіе и о которыхъ всякій ремесленникъ, всякій простой практическій человѣкъ знаетъ гораздо больше его».

Желая противодѣйствовать такому напряженному, неестественному и безплодному направленію ученья, г-жа Пчельникова выражаетъ мысль, что воспитаніе, если хочетъ быть успѣшнымъ, должно пользоваться естественными наклонностями и желаніями дѣтей, съ ними сообразоваться въ своемъ ходѣ. Съ полнымъ сочувствіемъ приводитъ она слѣдующія слова изъ введенія къ «Revue d'éducation nouvelle»:

«То, къ чему призываетъ насъ интересъ общественный, какъ разъ совпадаетъ съ интересами ребенка и съ его природой. Природа ребенка, его склонности, вкусъ, желанія ведутъ насъ именно на тотъ путь, который указываютъ намъ желаніе родителей и польза общества. Чѣмъ полезнѣе и успѣшнѣе сдѣлаемъ мы ученье, тѣмъ непосредственно счастливѣе будутъ дѣти; каждый успѣхъ нашъ будетъ соотвѣтствовать одной отертой слезѣ, одной невинной улыбкѣ, одной дѣтской радости. Какъ только исчезнетъ въ преподаваніи отвлеченность, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ и принужденіе. Когда придетъ та пора, что ребенокъ будетъ поставленъ въ возможность свободно и естественно развивать всѣ свои способности и давать свободный полетъ всѣмъ своимъ лучшимъ нравственнымъ стремленіямъ, тогда наша задача будетъ выполнена...»

Для выполненія своей задачи г-жа Пчельникова выбрала слѣдующій способъ. Она воображаетъ мать семейства, около которой со-

бираются дѣти, и заставляетъ ее разсуждать съ ними о разныхъ предметахъ, разсказывать имъ сказки, анекдоты, разучивать съ ними легонькія пѣсенки и т. п. Въ первой части, напримѣръ, маменька разсказываетъ дочери о *кухнѣ*, объясняетъ названія и употребленіе разной кухонной посуды и всякихъ принадлежностей стряпни; къ статейкѣ приложенъ хорошо сдѣланный рисунокъ, на которомъ представлены всѣ предметы, упоминаемые въ текстѣ. Такимъ-же образомъ въ слѣдующихъ частяхъ разсказывается о столярномъ искусствѣ, о булочной, о домашнихъ животныхъ, о цвѣтахъ предметовъ и объ ихъ соотвѣтствіи. Все это разсказано очень дѣльно и вѣрно и при содѣйствіи рисунковъ легко можетъ быть понято и усвоено дѣтьми. Польза такого усвоенія несомнѣнна, и при обычной отвлеченности нашего воспитанія особенно желательно, чтобы на такое усвоеніе дѣтьми не словъ и общихъ понятій, а *самыхъ предметовъ* было обращено преимущественное вниманіе воспитателей. Очень часто приходится въ нашемъ обществѣ встрѣчать людей, разсуждающихъ о предметахъ, которымъ они знаютъ только формальное опредѣленіе, и дѣлающихъ логическіе выводы изъ понятій, знакомыхъ имъ лишь въ своемъ общемъ, абстрактномъ значеніи. Такъ, иногда вы встрѣчаете господина, чрезвычайно логически доказывающаго пользу или вредъ такой-то мѣры для государства вообще; но попросите его объяснить, какъ эта мѣра отразится на бытѣ такихъ-то и такихъ-то сословій, въ такой-то и такой-то мѣстности, въ отношеніи къ такимъ-то именно явленіямъ жизни,— онъ начнетъ вывертываться, путаться и выкажетъ совершенное безсиліе и незнаніе. Это оттого, что ему никогда не приходило въ голову взглянуть на живой фактъ, какъ онъ есть, изучить его въ дѣйствительныхъ проявленіяхъ, представить себѣ его жизненную сторону: онъ ограничился логическими опредѣленіями и, нашедши, что на бумагѣ такъ выходитъ, какъ ему нужно, совершенно успокоился относительно реальнаго значенія своихъ выводовъ. Та же самая исторія происходитъ въ большей части нашихъ разсужденій, даже чисто житейскихъ: мы не знаемъ хорошенько ни фигуры, ни величины, ни плотности, ни цвѣта, ни степени упругости предметовъ; все какъ-то смутно представляется намъ, и если намъ приходится сравнить два предмета, мы часто становимся въ тупикъ. Многіе не вдругъ отвѣтятъ на вопросъ: которая шире изъ двухъ улицъ, по которымъ они ходятъ постоянно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ,—или который выше ростомъ изъ двухъ пріятелей, еще вчера ими видѣнныхъ... Привычка къ наглядному изученію предметовъ, къ различенію ихъ формы, величины, цвѣта и всѣхъ качествъ—очень важна при первоначальномъ воспитаніи. Ею устраняются многія ошибки въ житейскихъ сужденіяхъ, и вообще представленія о предметахъ становятся живѣе и опредѣленнѣе.

Кромѣ упомянутыхъ нами разсказовъ, въ «Бесѣдахъ» есть разсказы о нѣкоторыхъ предметахъ естественной исторіи: о ласточкахъ, о попугаяхъ-неразлучкахъ, о просѣ... Кромѣ того, есть сказки и анекдоты; послѣдніе, впрочемъ, большею частью пошло-нравоучительнаго свойства, и намъ жаль, что г-жа Пчельникова поддалась въ нихъ общей рутинѣ

дѣтскихъ книжекъ. Гораздо полезнѣе и естественнѣе кажется намъ помѣщеніе въ каждой тетради «Бесѣдъ» нотъ на легкіе мотивы, съ присовокупленіемъ веселыхъ дѣтскихъ пѣсенокъ; въ этомъ случаѣ издательница предполагаетъ воспользоваться «особенною склонностью дѣтей пѣть или кричать нараспѣвъ». Пѣсенки, помѣщаемыя въ «Бесѣдахъ», дѣйствительно могутъ дать пищу этой склонности и быть пріятными для дѣтей, тѣмъ болѣе, что пѣніе ихъ должно быть соединяемо съ играми и движеніемъ, приноровленными къ содержанію пѣсенъ. Въ каждомъ выпускѣ есть также англійскіе и французскіе уроки, по методѣ Робертсона. Какъ образчикъ для матерей и воспитательницъ, для указанія, какъ надобно преподавать, эти уроки, конечно, не безполезны. Но они постоянно являются въ каждой тетради; неужели-же издательница хочетъ напечатать курсъ англійскаго и французскаго языка, по одному уроку, въ книжкахъ, стоящихъ каждая 75 к. сер.? Это было-бы очень непрактично; лучше ужъ издать эти уроки отдѣльно, а въ «Бесѣдахъ» мѣсто ихъ и мѣсто нравоучительныхъ анекдотовъ замѣнить, напримѣръ, разсказами изъ естественной исторіи и наглядымъ объясненіемъ разныхъ предметовъ домашняго и общественнаго быта. Это тѣмъ болѣе желательно, что г-жа Пчельникова разсказываетъ очень хорошо — просто и опредѣленно, безъ пошлыхъ нѣжностей и ненужныхъ обращеній къ «милымъ дѣтямъ».

100. Грустная дума гимназиста лютеранскаго исповѣданія и не Кіевскаго округа.

Выхожу задумчиво изъ класса,
Вкругъ меня товарищи бѣгутъ;
Жарко споритъ ихъ живая масса,
Былъ-ли Лютеръ геній или плутъ?

Говорилъ я нынче очень вольно,—
Горячо отстаивалъ его...
Что-же мнѣ такъ грустно и такъ больно?
Жду-ли я, боюсь-ли я чего?

Нѣтъ, не жду я кары гувернера
И не жаль мнѣ нынѣшняго дня...
Но хочу я брани и укора,
Я бъ хотѣлъ, чтобъ высѣкли меня!..

Но не тѣмъ сѣченіемъ обычнымъ,
Какъ сѣкутъ повсюду дураковъ,
А другимъ, какое счелъ приличнымъ
Н[иколай] И[ванычъ] Ш[ироговъ] [1])

[1]) Н**—И**—П**...

Я-бъ хотѣлъ, чтобъ для меня собрался
Весь педагогическій совѣтъ,
И о томъ, чтобъ долго препирался,—
Сѣчь меня за Лютера иль нѣтъ.

Чтобъ потомъ, табличку наказаній
Показавши молча на стѣнѣ,
Дали мнѣ понять безъ толкованій,
Что достоинъ порки я вполнѣ;

Чтобъ узналъ объ этомъ попечитель,—
И, лежа подъ свѣжею лозой,
Чтобъ я зналъ, что нашъ руководитель,
Въ этотъ мигъ болитъ о мнѣ душой...

101. Непостижимая странность.

(Изъ неаполитанской жизни).

— — Мы знаемъ, что идеи, внушаемыя въ первые годы ученья, очень глубоко западаютъ въ душу, и что отъ направленія общественнаго воспитанія въ данный періодъ много зависитъ политическое состояніе народа и государства, иногда въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Въ Неаполѣ и эта сторона представляется намъ въ самомъ удовлетворительномъ видѣ... Изъ свидѣтельства г. Гондона мы узнали, что воспитаніе всѣхъ классовъ общества въ Неаполѣ ввѣрено было іезуитамъ. Этого уже довольно, чтобы не подозрѣвать въ неаполитанскомъ воспитаніи даже и тѣни какого-нибудь либерализма. Стоитъ вспомнить нападки на іезуитовъ, хоть, напр., во Франціи, въ 1844 и 1845 годахъ. Тогда гг. Мишле и Кине читали публичныя лекціи о зловредности іезуитовъ, и вся сущность обвиненій, направленныхъ этими либералами противъ почтеннаго ордена, состояла въ томъ, что «іезуиты задерживаютъ дѣло свободы, іезуиты препятствуютъ успѣху новыхъ идей, іезуиты составляютъ контръ-революцію». Понятно, слѣдовательно, въ какомъ направленіи должно было совершаться, подъ ихъ руководствомъ, воспитаніе неаполитанскаго народа! Недаромъ Гарибальди, какъ только овладѣлъ королевствомъ, такъ и выгналъ ихъ — и изъ Сициліи, и изъ Неаполя — и даже конфисковалъ ихъ имѣнія. Понятно, что для революціонеровъ это были самые опасные люди.

Чтобы не останавливаться на простыхъ соображеніяхъ a priori, мы, однако, и здѣсь приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ и фактовъ. Вотъ слова Монтанелли, изъ которыхъ видно, что дѣйствіе воспитанія систематически было направляемо къ цѣлямъ сообразно съ волею правительства, и что въ этомъ случаѣ само духовенство, при всемъ просторѣ своихъ дѣйствій, было подвержено строгому контролю: «Независимо отъ своихъ прямыхъ средствъ, которыми католическое духовенство сопровождаетъ человѣка отъ колыбели и до могилы, оно вла-

дѣло въ Неаполѣ еще средствами особыми, данными ему прямо отъ правительства, и между прочимъ — неограниченной властью въ дѣлѣ народнаго образованія. Изъ четырехъ университетовъ,—въ Неаполѣ, Палермо, Мессинѣ и Катанѣ,—только въ одномъ послѣднемъ начальникъ не былъ духовный. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были заведены школы, утверждался комитетъ изъ четырехъ священниковъ и полицейскаго комиссара для наблюденія за воспитанниками. Комитетъ этотъ давалъ позволеніе вступить въ школу только тѣмъ, которые предварительно приписывались къ какому-нибудь религіозному обществу. Лицеи, семинаріи, коллегіумы и всѣ вообще учебныя заведенія были въ рукахъ іезуитовъ. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ считалось (въ началѣ царствованія Фердинанда) болѣе 60.000 духовныхъ, въ томъ числѣ 30.000 монаховъ. Правительство заботилось, чтобы начальники этой арміи—архіепископы, епископы, приходскіе священники, настоятели монастырей, игумены — избираемы были изъ самыхъ раболѣпныхъ и низкихъ, для того, чтобъ всякій священникъ или монахъ, сохранившій подъ полукафтаньемъ или клобукомъ чувства гражданина (а въ такихъ тоже не было недостатка у неаполитанской демократіи), были подвержены строгой инквизиціи въ своей же кастѣ» [1]).

Но, не довольствуясь усердіемъ іезуитовъ, бурбонское правительство чрезвычайно тщательно слѣдило само за всѣмъ, что могло казаться подозрительнымъ въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Такъ, напримѣръ, университетъ неаполитанскій, котораго профессора въ прежнее время особенно славились и имѣли вліяніе на молодежь, былъ постоянно стѣсняемъ очень суровымъ контролемъ. Въ 1848 году многіе изъ профессоровъ принуждены были удалиться или брошены въ тюрьму, и съ тѣхъ поръ университетъ начинаетъ падать. Лучшіе изъ профессоровъ, успѣвшіе избѣжать тюрьмы и ссылки, поселились въ Туринѣ, въ Парижѣ, и тамъ читали лекціи. Оставшіеся были такъ стѣснены и матеріально, и нравственно, что не могли высказывать и того немногаго, что имѣли на душѣ. Несмотря на то, увеличеніе студентовъ въ университетѣ показалось Фердинанду опаснымъ признакомъ умничанья молодежи, и потому въ 1854 году изданъ былъ указъ, запрещающій поступать въ неаполитанскій университетъ молодымъ людямъ, кромѣ только тѣхъ, которые по происхожденію принадлежали къ провинціи Неаполитанской или Лабурской. Въ другихъ провинціяхъ предполагались *академіи* для молодыхъ людей, и указъ редижированъ былъ въ смыслѣ заботливости правительства о семейной нравственности и экономіи: мѣстныя академіи назначены были къ тому, чтобы предохранить семейства отъ напрасныхъ тратъ, а молодежь — отъ нравственныхъ опасностей, неизбѣжно грозящихъ юношѣ, оставляющему родительскій кровъ. Само собою разумѣется при этомъ, что провинціальныя академіи никакимъ образомъ не могли равняться съ неаполитанскимъ университетомъ въ размѣрахъ и достоинствѣ своихъ курсовъ.

---

[1]) Montanelli, Mémoires sur l'Italie, Paris, 1857, t. II, p. 80.

Что касается до самыхъ университетовъ, то программы и правила ихъ всегда были очень хорошо составлены и давали широкую свободу преподаванію. Но это вовсе не значило, чтобы правительство отвращало отъ нихъ свое бдительное око. Напротивъ, оно зорко слѣдило за всѣмъ, что дѣлалось въ университетахъ, и при первомъ подозрѣніи принимало благоразумныя мѣры. Монтанелли говоритъ о двухъ профессорахъ неаполитанскаго университета, Саличетти и Саварезе, которыхъ оставляли на ихъ каѳедрахъ съ тѣмъ только, чтобы они не читали своихъ курсовъ [1]). Вообще, открытіе каждаго курса должно было сначала получить разрѣшеніе правительства, черезъ посредство полиціи. Случалось такъ, что позволеніе давалось, но потомъ, послѣ новыхъ соображеній, отмѣнялось наканунѣ открытія курсовъ. Г. Вернъ разсказываетъ такой случай объ одномъ профессорѣ права, человѣкѣ самаго скромнаго характера и извѣстномъ преданностью королю; единственная причина запрещенія его курса состояла въ томъ, что его чтенія могли возбудить толки о разныхъ формахъ правленія и о правительственныхъ мѣрахъ [2]). Впрочемъ, иногда даже и этихъ соображеній не нужно было, чтобы затруднять курсы: такъ, по свидѣтельству Монтанелли, полиція вмѣшивалась даже въ курсы физики Меллони [3]). Только изученіе древнихъ языковъ поощрялось необыкновенно, разумѣется, исключительно съ филологической точки. Чтеніе древнихъ писателей, вродѣ Аристофана, Демосѳена, Тацита и проч., было даже запрещено, но многіе годы усиленнаго труда употребляемы были для изученія всѣхъ лингвистическихъ трудностей и филологическихъ тонкостей. Кончалось тѣмъ, что молодые люди, отлично выучивши всѣ грамматики и половину лексиконовъ греческихъ и латинскихъ, получали отвращеніе къ чтенію древнихъ писателей и употребляли свое знаніе лишь на сочиненіе казенныхъ разсужденій на заданныя темы. Но нельзя не сознаться, что занятіе древними языками много спасало ихъ отъ вольнодумныхъ разсужденій о настоящемъ порядкѣ вещей и отъ опасныхъ мечтаній о будущемъ.

Кромѣ прямыхъ запрещеній, дѣйствовали на ходъ образованія и мѣры посредственныя, состоявшія, напримѣръ, въ томъ, что послушаніе и хорошее поведеніе награждались вниманіемъ и поощреніемъ предпочтительно предъ всѣмъ остальнымъ. И это примѣнялось не только къ личностямъ, но даже къ цѣлымъ заведеніямъ. Такъ, напримѣръ, музыкальная консерваторія въ Неаполѣ постоянно пользовалась нерасположеніемъ Фердинанда и лишена была всякой правительственной поддержки въ послѣднее время, за неблаговидное поведеніе ея воспитанниковъ въ 1848 году. Двое отличнѣйшихъ итальянскихъ астрономовъ, Нобиле и Капоччи, одинъ за другимъ бывшіе директорами обсерваторіи Capo di-Monte, оба были отставлены за либеральныя идеи. Профессора сицилійскихъ университетовъ получали за свои уроки плату, составлявшую содержаніе по $2^1/_2$ франка

---

[1]) Mont. Mém. s. l'Italie, t. II, p. 110.
[2]) Naples et les Napol., p. 60.
[3]) Mont. Mém. s. l'Italie, p. 82.

(около 60 коп.) въ день,—это почти равнялось жалованью швейцарскихъ солдатъ и жандармовъ въ Неаполѣ [1]). Указываютъ также не одинъ примѣръ, что ученые или профессора, не получая никакихъ пособій отъ правительства и имѣя весьма скудное содержаніе, разорялись на научные опыты и принуждены были отказываться отъ своихъ занятій. Даже въ отношеніи къ прошедшему было то же самое. Въ Бурбонскомъ музеѣ никогда не хотѣли позаботиться о пріобрѣтеніи картинъ Сальватора Розы, хотя это былъ лучшій изъ художниковъ, рожденныхъ въ Неаполѣ, но его политическія убѣжденія были не хороши, и потому картины его считались, даже и по прошествіи двухъ столѣтій, недостойными Бурбонскаго музея.

По этимъ даннымъ нетрудно составить себѣ понятіе о томъ, до какой степени могло возмущать неаполитанскихъ юношей направленіе, вредное правительству. Ясно, что ему прокрасться не было почти никакой возможности. Но мы знаемъ еще болѣе: мы имѣемъ въ рукахъ подлинное указаніе на то, какъ священники и іезуиты старались проводить направленіе, сообразное съ видами правительства. Въ письмахъ Гладстона цитирована одна книга, сочиненная для употребленія въ школахъ въ Неаполѣ. Тамъ, между прочимъ, есть наставленія и объ отношеніи подданныхъ къ правительству. Гладстонъ, въ качествѣ англичанина, думаетъ, что наставленія эти ужасны и неимовѣрны, и потому опасается даже, чтобъ его цитаціи не заподозрили въ невѣрности и преувеличеніи. Оттого онъ съ забавной подробностью и описываетъ удивительную для него книгу и приводитъ полное ея заглавіе. Вотъ оно: «Catechismo philosofico per uso delle scuole inferiori. Napoli, presso Raffaele Mirondo. 1850». Въ другомъ изданіи, катехизисъ этотъ составляетъ, по словамъ Гладстона, часть коллекціи, называемой: «Collezione di buoni libri a favore della veritá e della virtu». Имени автора на ней нѣтъ, но приписывали ее канонику Аппуцци, бывшему во главѣ комитета народнаго просвѣщенія. Катехизисъ этотъ имѣетъ латинскій эпиграфъ: «videte, ne quis vos decipiat per philosophiam», (смотрите, чтобы кто-нибудь не обманулъ васъ философіей), и посвященъ «государямъ, епископамъ, начальникамъ, наставникамъ юношества и всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ». Въ предисловіи авторъ говоритъ, что «правительство желаетъ ввести во всѣ школы преподаваніе практической философіи по этой книгѣ, и что за преподавателями постоянно будутъ невидимо слѣдить, точно ли они исполняютъ свои обязанности относительно внушенія юношамъ здравыхъ понятій, заключающихся въ катехизисѣ» и пр. и пр., [2]).

Все это Гладстонъ приводитъ за тѣмъ, чтобы внушить болѣе ужаса къ режиму, при которомъ могутъ быть въ ходу такія книги. Но мы, зная «Катехизисъ» только по его цитатамъ, вовсе не находимъ его такъ безнравственнымъ и потому не намѣрены приходить

---

[1]) Hist. de l'Italie, p. J. Ricciardi, p. 69.

[2]) Two letters to the Earl of Aberdeen, on the State Prosecutions of the Neapolitan government., стр. 50, 51 и сл.

отъ него въ ужасъ. Мы приводимъ его цитаты единственно за тѣмъ, что онѣ показываютъ, какъ усердно и основательно съ самыхъ малыхъ лѣтъ внушались подданнымъ Фердинанда и Франциска начала долга и повиновенія законной власти.

«Катехизисъ» написанъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, по обыкновенной манерѣ катехизисовъ. Но напрасно было-бы искать въ немъ какого-нибудь сходства съ тѣми катехизисами, какіе мы знаемъ, и по которымъ каждый изъ насъ учился. У насъ обыкновенно учитель спрашиваетъ, а ученикъ отвѣчаетъ; здѣсь же совершенно наоборотъ— учитель отвѣчаетъ на вопросы ученика. Такимъ образомъ книга, цитируемая Гладстономъ, не представляетъ ни малѣйшаго подобія съ обычными катехизисами, употребляемыми въ нашихъ школахъ. Учитель объясняетъ ученику, между прочимъ, значеніе королевской власти, говоря, что власть эта не только божественнаго происхожденія, но, сверхъ того, по самой своей сущности, должна быть неограниченна. Ученикъ спрашиваетъ:

«— А можетъ ли самъ народъ установить основные законы въ государствѣ?

«— Нѣтъ, отвѣчаетъ учитель, — потому что конституція или основные законы необходимо составили бы ограниченіе верховной власти. А эта власть не можетъ подчиняться никакой мѣрѣ, никакому предѣлу, развѣ только по собственному желанію государя: иначе она и не была бы властью верховною и высшею, учрежденною самимъ Богомъ для блага обществъ.

«Ученикъ. А если народъ, избирая государя, предложитъ ему извѣстныя условія и ограниченія, могутъ ли они составлять конституцію или основные законы для государства?

«Учитель. Да, если только государь *самъ свободно* ихъ принялъ и утвердилъ. Въ противномъ случаѣ, — нѣтъ, потому что народъ созданъ для того, чтобы повиноваться, а не приказывать, и, слѣдовательно, не можетъ предписывать законовъ властителю, который власть свою получаетъ не отъ народа, а отъ Бога.

«Ученикъ. Предполагая, что владѣтель, принимая управленіе государствомъ, принялъ и утвердилъ конституцію и обѣщалъ или поклялся хранить ее—обязанъ ли онъ содержать свое обѣщаніе и соблюдать эту конституцію или основные законы?

«Учитель. Да, если только это не разрушаетъ основаній верховной власти и не противно общимъ интересамъ государства.

«Ученикъ. Почему же вы находите, что государь не обязанъ соблюдать конституцію, какъ скоро она посягаетъ на права его верховной власти?

«Учитель. Мы уже рѣшили, что верховная власть есть высочайшая и неограниченная, установленная Богомъ для блага общества, и эта власть, ниспосланная отъ Бога, какъ необходимая, должна быть сохраняема ненарушимо и неприкосновенно; она не можетъ быть ограничена или уменьшена человѣкомъ, безъ противленія законамъ природы и божественной волѣ. Поэтому во всѣхъ случаяхъ, когда народъ захочетъ постановить правила, ограничивающія верхов-

ную власть, и когда государь обѣщаетъ соблюдать эти правила,—подобная претензія народа есть недѣпость, и обѣщаніе недѣйствительно, и государь вовсе не обязанъ сохранять конституцію, которая противна велѣніямъ Божіимъ; напротивъ, онъ обязанъ сохранять вполнѣ и ненарушимо верховную власть, отъ Бога установленную и отъ Бога ему ввѣренную.

«Ученикъ. Кому же принадлежитъ право рѣшать, нарушаетъ ли конституція права верховной власти, и противна ли она благу народа?

«Учитель. Это дѣло самого властителя, потому что въ немъ обитаетъ высшая и абсолютная власть, установленная Богомъ въ государствѣ, для сохраненія въ немъ добраго порядка и благосостоянія.

«Ученикъ. Нѣтъ ли опасности, что властелинъ можетъ нарушить конституцію безъ законной причины, введенный въ заблужденіе или увлеченный страстью?

«Учитель. Ошибки и страсти—это болѣзни человѣческаго рода; но благо здоровья не слѣдуетъ отвергать изъ опасенія болѣзни.

«Ученикъ. Почему же вы полагаете, что государь можетъ нарушить конституцію, если находитъ ее противною интересамъ государства?

«Учитель. Богъ ввѣрилъ властителямъ верховную власть для того, чтобъ они устраивали благо общества; въ этомъ, значитъ, и состоитъ первая обязанность государства. Поэтому, если данная конституція или основной законъ оказываются вредны, то они теряютъ свою обязательную силу для государства. Предположите, что докторъ обѣщался и поклялся больному, что онъ ему пуститъ кровь, а потомъ убѣдился, что кровопусканіе будетъ гибельно больному; ясно, что онъ долженъ преступить свою клятву, потому что выше всѣхъ клятвъ и обѣщаній для медика стоитъ обязанность заботиться объ излѣченіи больного. Такъ точно и для государя высшая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о благѣ своихъ подданныхъ: никакая клятва не можетъ обязывать человѣка дѣлать зло, и, слѣдовательно, никакой клятвой властитель не можетъ быть принужденъ дѣлать то, что онъ признаетъ вреднымъ для своихъ подданныхъ. Сверхъ того, наконецъ, глава католической церкви имѣетъ дарованное ему отъ Бога право разрѣшать совѣсть отъ данной клятвы, когда онъ находитъ для того достаточныя основанія».

Какъ протестантъ, Гладстонъ возмущается послѣднимъ пунктомъ; какъ англичанинъ,—онъ считаетъ «безнравственными и отвратительными» всѣ понятія, внушаемыя ученику искуснымъ учителемъ. Гладстонъ такъ крѣпокъ въ противныхъ убѣжденіяхъ, что не считаетъ нужнымъ даже доказывать своей мысли о «вредѣ и низости» принциповъ «Философскаго Катехизиса». Но нашлись благоразумные люди, которые сказали: «да что же тутъ безнравственнаго? Это очень справедливо, это превосходно! Честь и слава клиру неополитанскому, бодрствующему надъ спасеніемъ душъ и охраненіемъ порядка общественнаго! Слава и мудрому правительству, такимъ образомъ споспѣ-

шествующему вѣчной истинѣ проникать въ сознаніе народа», и пр. [1]). Мы, съ своей стороны, не имѣемъ надобности распространяться предъ нашими читателями о томъ, что не можемъ выразить согласія съ понятіями Гладстона и должны скорѣе принять мнѣнія г. Гондона, нежели его. Если что мы можемъ не одобрить въ «Катехизисѣ», такъ это одно—излишнее распространеніе съ юношами о такихъ вещахъ, которыя не относятся къ ихъ прямому назначенію и которыя должны быть ими приняты безпрекословно, безъ всякихъ разсужденій. Юноша, принадлежащій къ неаполитанскому обществу, долженъ былъ знать, безъ всякихъ катехизисовъ, что въ Неаполѣ царствуютъ Бурбоны, и что они должны издавать законы, отмѣнять или улучшать ихъ, а онъ долженъ только повиноваться всѣмъ распоряженіямъ власти. Стараясь ему доказывать это, «Катехизисъ» могъ внушить ему кичливое мнѣніе, будто онъ можетъ всегда требовать резоновъ для своего послушанія и разсуждать о томъ, согласна ли, наконецъ, власть Бурбоновъ съ самимъ Божественнымъ правомъ! Это ужъ было бы очень дурно. Но мы находимъ извиненіе для автора «Катехизиса» въ обстоятельствахъ, при которыхъ была написана его книга: это было въ 1850 году, когда революція только что еще укрощалась въ Неаполѣ, когда противъ короля повсюду слышались обвиненія, что онъ измѣнилъ конституціи, которой присягалъ торжественно, и пр. Въ виду такихъ толковъ и въ надеждѣ на силу своего убѣжденія, каноникъ Аппуцци и рѣшился поставить вопросъ довольно прямо. По нашему мнѣнію, его «Катехизисъ» весьма хорошо приспособленъ для своей цѣли, тѣмъ болѣе, что къ этой цѣли, какъ мы видѣли, вело и все остальное въ воспитаніи неаполитанскаго юношества.

Такимъ образомъ, вторая сила, образующая общества и опредѣляющая ихъ характеръ, вовсе не была направлена въ Неаполѣ къ возбужденію умовъ противъ правительства Бурбоновъ, а, напротивъ, всячески содѣйствовала его укрѣпленію.— —

1861 г.

102. Отъ дождя да въ воду.

«Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ».

И. Дмитріевъ.

По случаю прощанья Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ, 4-го апрѣля нынѣшняго года, русская журналистика сочла нужнымъ вспомнить и меня съ моею статейкою: «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами», напечатанною въ первой книжкѣ «Современника» прошлаго года. Очищая прощальную дорогу знаменитому хирургу и педагогу, нашли, что минута тріумфальнаго удаленія его

[1]) Jules Gondon. Terreur à Naples, p. 156.

будетъ очень удобна для того, чтобы бросить нѣсколько комковъ грязи въ темнаго журналиста, осмѣлившагося когда-то жестоко отозваться объ одномъ изъ распоряженій г. Пирогова [1]).

---

[1]) Впрочемъ, какъ бы опасаясь не попасть въ такую маленькую цѣль, нѣкоторые господа придумали къ подписи моей статьи—б о в ъ прибавить еще три слога и такимъ образомъ сбращались уже не къ имени, которымъ подписана статья, а къ г. Д о б р о л ю б о в у. Такъ, напримѣръ, сдѣлалъ г. Драгомановъ, въ 54 № «Русской Рѣчи». Г. Драгомановъ (какъ видно изъ брошюрки «Прощаніе Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ»)—студентъ одного изъ первыхъ курсовъ университета, и потому для будущей его дѣятельности въ литературѣ (къ которой онъ, повидимому, имѣетъ наклонность) не мѣшаетъ ему узнать кое-что о литературныхъ приличіяхъ. Видите что. Мы всѣ желаемъ, конечно, самой рѣшительной и полной гласности во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, и жаловаться на нее, въ этихъ случаяхъ, я считаю недостойнымъ человѣка, хоть сколько-нибудь уважающаго себя. Но въ отношеніяхъ частныхъ, семейныхъ и личныхъ—усердіе къ гласности должно, по-моему, быть сдерживаемо нѣкоторымъ чувствомъ деликатности. Если приверженцы г. Пирогова нашли въ моихъ словахъ уголовное преступленіе, пусть начинаютъ судебный искъ—я не спрячусь за свою полуподпись, я явлюсь къ суду и не буду противиться обнародованію процесса съ моимъ полнымъ именемъ. Если, по мнѣнію господъ, вооружающихся противъ меня, поступокъ мой не подходитъ подъ тѣ, которые караются закономъ, но, тѣмъ не менѣе, остается возмутительнымъ и невыносимымъ для нихъ,—пусть требуютъ отъ меня какихъугодно личныхъ удовлетвореній: я опять не откажусь объявить мое имя и адресъ. Но покамѣстъ дѣло остается въ предѣлахъ литературнаго спора, я не могу признать за моими возражателями права называть меня произвольными именами. Кромѣ того, что эта бретерская привычка не хороша уже сама по себѣ, какъ свидѣтельство [полицейскаго] неуваженія къ инкогнито,—я нахожу въ ней слѣдующія два неудобства для моей личности. Во-первыхъ, разъ допустивши произвольную подстановку фамиліи писателя, нельзя уже будетъ остановить порывовъ журнальнаго остроумія... Вотъ, напримѣръ, г. Драгомановъ, припомнивъ, кажется, одну изъ комедій фонъ-Визина (Бригадиръ: Д о б р о л ю б о в ъ, л ю б о в н и к ъ С о ф ь и), называетъ меня Добролюбовымъ, а какой-то другой господинъ (въ «Сынѣ Отечества», кажется, или, можетъ быть, въ «Иллюстраціи»), вдохновляясь, очевидно, другой комедіею фонъ-Визина «Недоросль»: С к о т и н и н ы в с ѣ р о д о м ъ к р ѣ п к с л о б ы)—увѣрялъ, что моя фамилія—К р ѣ п к о л о б о в ъ. Третій послѣ этого скажетъ, что я—Д е р и з у б о в ъ, четвертый—П о д л о л ю б о в ъ, и т. д. Все это будетъ, конечно, ни мало не остроумно, но то-то и дурно... Второе обстоятельство вотъ какое: пока вы говорите о—б о в ѣ, вы говорите о его статьѣ и о томъ, что можно заключить изъ статьи,—и только. Тутъ я васъ не боюсь: вы можете меня не понять, исказить, оклеветать—вамъ же хуже. Публика имѣетъ предъ глазами мою статью, мы судимся открыто и гласно, наши шансы равны. Но когда вы, вмѣсто моей подписи, называете полную фамилію (вѣрно или невѣрно—все равно), публика видитъ, что у васъ были какія-то частныя свѣдѣнія объ авторѣ, кромѣ того, что извѣстно всѣмъ изъ печати. И если вы, говоря о статьѣ—б о в а, увѣряете, что г. Д о б р о л ю б о в ъ—умный человѣкъ, но поборникъ либеральнаго деспотизма, и затѣмъ даете видѣть, что онъ легкомысленъ и неблагонамѣренъ, то вѣдь читатель-то въ правѣ подумать, что вы все это говорите—или по личному знакомству съ г. Добролюбовымъ, или по достовѣрнымъ частнымъ свѣдѣніямъ. И вслѣдствіе того читатель можетъ рѣшить: «конечно, изъ статьи—б о в а не видно того, что выводитъ объ авторѣ г. Драгомановъ, но, какъ видно, онъ имѣетъ и другія данныя для характеристики г. Добролюбова,—надо ему повѣрить»... И вамъ не совѣстно было бы, г. Драгомановъ, подобнымъ путемъ пріобрѣсть довѣріе

Долгое время не бывши въ Петербургѣ, я только на-дняхъ могъ прочитать нѣкоторыя изъ статей, написанныхъ противъ меня по поводу кіевскихъ «Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ». Не ради этихъ статей, слишкомъ легкихъ и бездоказательныхъ, и не ради самого г. Пирогова, навѣрное лучше другихъ понявшаго сущность моихъ возраженій,—но ради самаго дѣла [которое теперь, по удаленіи г. Пирогова, остается въ большей опасности, чѣмъ какъ было при немъ]—я рѣшаюсь снова поднять старый вопросъ, пользуясь для своихъ объясненій полемическими статейками противъ меня.

Я не знаю, долженъ-ли оправдываться противъ обвиненій, будто я написалъ свою статейку съ намѣреніемъ унизить и оскорбить г. Пирогова. Можетъ быть, и надо бы: вѣдь рѣдко кто захочетъ провѣрить обвиненія и для этого перечитать статейку, напечатанную полтора года тому назадъ,—въ этомъ положеніе мое передъ обвинителями очень невыгодно. При томъ же «Современникъ» вообще извѣстенъ тѣмъ, что находитъ ехидное наслажденіе въ попираніи всякихъ заслугъ, въ опозореніи всего [священнаго и] возвышеннаго, въ «облаяніи» всякой благородной личности! Объ этомъ такъ часто и такъ усердно кричали, что робкихъ людей, можетъ быть, и увѣрили... Поэтому неудивительно, что иные читатели весьма серьезно примутъ, напримѣръ, такія выходки: «Отечественныя Записки» говорятъ, что г. Пироговъ «былъ предметомъ *оскорбительной* статьи въ «Современникѣ», и затѣмъ даютъ мнѣ совѣтъ: «не торопитесь, не обращая вниманія на среду, въ которой они (люди подобные г. Пирогову) дѣйствуютъ, *бросать въ нихъ камнемъ и грязью*» («Отечественныя Записки» IV, стр. 62). Въ VI № тѣ же «Отечественныя Записки» «съ искреннею благодарностью» помѣщаютъ письмо какого-то Е. Суд., который выражается такъ: «*самымъ неделикатнымъ образомъ*, во имя либерализма и гуманности, г.—*бовъ* отнесся къ г. Пирогову» (стр. 138). «Не больно-ли, когда какой-нибудь *журнальный крикунъ*, во имя либерализма и гуманности, *вздумаетъ посягать* на такую личность, какъ Пироговъ?» (стр. 142). Г. Драгомановъ также читаетъ мнѣ свысока назиданіе: «Не мѣшало бы *имѣть побольше дѣйствительнаго уваженія къ личности* и долго подумать прежде, нежели

читателя, когда вы и сами-то, вѣроятно, имѣете обо мнѣ развѣ лишь самыя смутныя свѣдѣнія, перешедшія черезъ Богъ знаетъ сколько рукъ!.. Кстати, для предостереженія публики отъ подобныхъ вамъ господъ, я замѣчу здѣсь (преодолѣвая неохоту говорить о себѣ), что, кромѣ трехъ или четырехъ литераторовъ, съ которыми одними я по моимъ занятіямъ веду постоянныя сношенія, хоть мнѣ и приходилось встрѣчаться со множествомъ другихъ, но разговоры наши обыкновенно ограничивались взаимными вѣжливостями, и въ разсужденія обо мнѣ и моихъ литературныхъ занятіяхъ я никогда ни съ кѣмъ изъ нихъ не пускался. Изъ печатныхъ же отзывовъ обо мнѣ (въ послѣднее время довольно частыхъ) я вижу, что эти господа не имѣютъ понятія не только о моемъ характерѣ, но даже и объ образѣ мыслей. Поэтому мнѣ очень странно, что такъ безцеремонно поступили со мною г. Драгомановъ, о существованіи котораго узналъ я изъ его статейки, и «Русская Рѣчь», ни одного изъ редакторовъ которой я и въ глаза не видывалъ.

окрестить человѣка *обиднымъ прозвищемъ плантатора*... А то мы всѣ какъ-то много фразерствуемъ о гуманности, а между тѣмъ *слишкомъ торопимся негуманно обращаться съ лицами,* особенно во имя гуманной идеи. Это, наконецъ, начинаетъ надоѣдать. Пора отъ этого отдѣлаться» («Русская Рѣчь», № 54, стр. 29).

Ну, словомъ, я—обидчикъ, крикунъ, клеветникъ; мое призваніе состоитъ въ томъ, чтобы *посягать* на благородныя личности и бросать въ нихъ грязью и каменьями... Что-жъ мнѣ съ этимъ дѣлать? Защищаться? Противно очень, да, по всей вѣроятности, и безполезно: вѣдь кого интересуетъ задѣтый вопросъ, тотъ можетъ и справиться съ моей прошлогодней статьей, а кто не интересуется, такъ для того что же и хлопотать? Меня же лично эти обвиненія нисколько не безпокоятъ: крики о страсти журнала, въ которомъ я пишу, къ поруганію всего высокаго сдѣлались уже такимъ неизбѣжнымъ общимъ мѣстомъ всякой полемики противъ насъ, что я бы очень удивился, если бы журнальная братія не воспользовалась такимъ великолѣпнымъ случаемъ, какъ моя статья о «Всероссійскихъ иллюзіяхъ».

Да, впрочемъ, что же и за дѣло публикѣ до моихъ тайныхъ намѣреній? Я могъ бы доказать, положимъ, что писалъ статью свою съ наилучшими расположеніями; но если она вышла несправедливо оскорбительна, все-таки мнѣ пришлось бы сознаться въ дурномъ поступкѣ и просить прощенія. Отсутствіе злонамѣренности могло бы служить только облегчающимъ обстоятельствомъ. Но я беру самый фактъ и утверждаю, что статья моя не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для честнаго и правдиваго дѣятеля, какимъ представляется намъ г. Пироговъ,—и, несмотря на всѣ противные крики, несмотря на послѣдующія объясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, несмотря на охлажденіе первыхъ впечатлѣній,—я ничего не могу взять назадъ изъ этой статьи.

Часто случалось мнѣ слышать упреки, что я обращаюсь къ почтеннымъ лицамъ въ небрежномъ и насмѣшливомъ тонѣ: тонъ статейки о г. Пироговѣ не можетъ подвергнуться даже этому упреку. Въ серьезности и горячности тона именно и высказалось то глубокое уваженіе, которое питалъ я къ г. Пирогову, и то огорченіе, которое почувствовалъ я при видѣ жалкаго факта, допущеннаго и освященнаго его авторитетомъ. Незадолго до того, восхищаясь непреклонной логикой автора «Вопросовъ жизни» и свѣтлымъ его взглядомъ, я вмѣстѣ съ другими предавался, противъ моего обычая, безразсудной иллюзіи, что вотъ *этотъ-то* человѣкъ можетъ неуклонно провести свои взгляды на практикѣ и одолѣть сопротивленіе среды. Это я высказалъ тогда и печатно, въ назиданіе профессора Киттары, который, при всей своей гуманной репутаціи, показался мнѣ на практикѣ весьма несостоятельнымъ. Но горькій опытъ разрушилъ восторженныя иллюзіи: и г. Пироговъ оказался слабымъ передъ средою, и онъ уступилъ, уступилъ не въ мелочи, а въ принципѣ, уступилъ въ томъ, противъ чего рѣшительно и ясно заявлялъ свое мнѣніе прежде. Я увидѣлъ, что, вмѣстѣ со множествомъ другихъ, я преувеличивалъ свои надежды, увидѣлъ, что напрасно считалъ возможнымъ для одного человѣка по-

бѣду надъ мрачною средою, окружающею всѣхъ насъ, и счелъ нужнымъ высказать это для заявленія своего мнѣнія предъ тѣми, которые, можетъ быть, мною же отчасти введены были въ ошибку, подобную моей. Поэтому смыслъ всей статьи вышелъ таковъ—вотъ мы бѣгаемъ за разными авторитетами, воображая получить отъ нихъ все, чего желаемъ: увлеченіе, достойное наивнаго дѣтства! Суровый опытъ говоритъ намъ постоянно, что подъ давленіемъ нашей среды не могутъ устоять самыя благородныя личности; посмотрите—вотъ одна изъ лучшихъ, Н. И. Пироговъ,—а, между тѣмъ, съ своимъ комитетомъ онъ принужденъ постановлять закономъ то, что прежде самъ же объявлялъ несправедливымъ и дикимъ. Горько будетъ, если и въ этомъ несчастномъ уклоненіи послѣдуютъ за нимъ тѣ, которые шли за нимъ по прямой дорогѣ... И заключеніе статьи состояло въ предостереженіи, которое я позволю себѣ выписать здѣсь:

«Нѣтъ надобности полагать свое спасеніе въ дѣятельности какого-нибудь извѣстнаго лица и слѣпо вѣрить ему, а надо дѣлать дѣло сообща, пока идетъ сообща, и продолжать въ одиночку, если другіе свернутъ въ сторону, хотя бы эти *другіе* были превознесены всѣми похвалами и украшены всѣми вѣнками... Времена сказочныхъ богатырей давно прошли, общественная жизнь слагается не по щучьему велѣнью, иванушкину прошенью,—отъ вліянія окружающей среды не могутъ освободиться даже самыя лучшія личности; стало быть, нечего возлагать надежды на чужую дѣятельность, а надобно хлопотать о томъ, чтобы самому понимать дѣло и умѣть вести его, по мѣрѣ силъ и возможности. Тогда мы пріобрѣтемъ двѣ выгоды: не будемъ лжецами предъ самими собою и не будемъ испытывать мучительныхъ сомнѣній отъ идей г. Миллеръ-Красовскаго, даже въ томъ случаѣ, если намъ станетъ проповѣдовать ихъ *самъ* г. Пироговъ».

Чѣмъ же могъ бы тутъ оскорбиться г. Пироговъ? Неужели тѣмъ, что изъ него не дѣлаютъ и не совѣтуютъ дѣлать кумира? Неужели тѣмъ, что убѣждаютъ принимать сознательно и съ критикою его мнѣнія? Неужели тѣмъ, что вызываютъ свѣжія силы—не откликнутся-ли онѣ изъ той самой среды, мертвящему вліянію которой долженъ былъ уступить самъ г. Пироговъ, дѣйствительно пріобрѣвшій себѣ на Руси репутацію характера твердаго и непреклоннаго?

«Нѣтъ—говорятъ намъ наши противники,—не то было оскорбительно въ статьѣ, а вотъ что: въ ней нападали на Пирогова, какъ будто на измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ, а, между тѣмъ, онъ имъ вовсе не измѣнялъ, а только уступилъ—во-первыхъ, большинству комитета, а во-вторыхъ—статьямъ училищнаго устава, которыхъ онъ не въ правѣ былъ отмѣнить». По мнѣнію г. Праздношатающагося, въ «Отечественныхъ Запискахъ», г. Пироговъ этимъ обстоятельствомъ совершенно оправдывается, а по увѣренію гг. Е. Суд. и М. Драгоманова, даже особенно возвышается. Г. Драгомановъ пространно разсуждаетъ, что «это подчиненіе коллегіи не отрицательно только хорошій фактъ, не порокъ только, но добродѣтель. Пироговъ не только подчинился рѣшенію коллегіи, которую создалъ,—*онъ не хотѣлъ иначе*

дѣйствовать, какъ посредствомъ коллегіи [1]). На коллегіальномъ принципѣ основана была вся его дѣятельность, въ этомъ главная его заслуга»... и пр... То же говоритъ и г. Е. Суд.: «Пироговъ уступилъ большинству. За такія уступки его еще болѣе стали уважать люди, разумно слѣдившіе за ходомъ его общественной дѣятельности. Мы видѣли въ Пироговѣ начальника, который уважаетъ общее мнѣніе, никому не навязываетъ своего», и пр., и пр.

Изъ этого, разумѣется, и выходитъ, что я—поборникъ либеральнаго деспотизма, что, по-моему, Пироговъ долженъ былъ произвольно отвергнуть мнѣніе комитета и заставить всѣхъ насильно быть гуманными. Характеризуя мое направленіе, гг. Е. Суд. и М. Драгомановъ доходятъ до удивительнаго и трогательнаго *единогласія*. Одинъ гласитъ:

«Пора намъ понять, что мало пользы приносятъ и возмутительны Калиновичи, которые, считая себя «высшими организмами относительно всей этой массы», ломятъ ее съ озорниковскимъ pour leur bien, что недалеко ушли эти господа цивилизаторы отъ ремесленниковъ, которые бьютъ своихъ учениковъ, говоря: «тебя же, дурака, добру учатъ» («Русск. Рѣчь», стр. 30).

Такъ же точно и г. Е. Суд. провозглашаетъ, что, по-моему, Пироговъ долженъ былъ «оказаться либеральнымъ черезчуръ, или, пожалуй, щедринскимъ озорникомъ, высшимъ организмомъ относительно всей этой массы, благодаря неусыпному попечительству котораго мужикъ понимаетъ, что и онъ—ничего, и сходъ его—ничего... и только просвѣщенный взглядъ администратора можетъ освѣтить этотъ хаосъ» и пр. («От. Зап.», стр. 140). Все это почтенный г. Е. Суд., для большей убѣдительности, пропечаталъ даже курсивомъ.

«Мы много фразерствуемъ о гуманности, а сами торопимся слишкомъ негуманно обращаться съ лицами, особенно во имя гуманной идеи; пора отъ этого отдѣлаться!»—восклицаетъ г. Драгомановъ. Да, г. Драгомановъ, пора: вотъ хоть бы вамъ, или г. Суд. прежде чѣмъ бросать въ меня стрѣлы своего краснорѣчія, чтобы хоть перелистовать мою статейку!.. Вы бы тогда и увидали, что краснорѣчіе ваше тратится понапрасну, мало того—что оно даже отзывается недобросовѣстностью. Кто васъ прочтетъ, тотъ, вѣдь, подумаетъ, что я въ самомъ дѣлѣ обрушился на одного г. Пирогова, что о комитетѣ и коллегіальномъ принципѣ я, можетъ быть, и не зналъ и не думалъ совсѣмъ... А, между тѣмъ, въ статейкѣ моей нападенія вовсе не обращены исключительно на г. Пирогова: иной разъ говорится: «г. Пироговъ», а въ другой—«кіевскій комитетъ», «кіевскіе педагоги», или просто «правила», или же—«г. Пироговъ съ своимъ комитетомъ». Мало того,—вѣдь весь смыслъ статейки состоялъ въ томъ, что «вотъ какъ подчиняется у насъ вліянію неблагопріятной среды дѣятельность даже самыхъ лучшихъ людей». Выходитъ, что ярые защитники благородной личности г. Пирогова совершенно напрасно поторопились обозвать меня озорникомъ, Калиновичемъ (и далъ же имъ этотъ

[1]) Курсивъ у автора.

Калиновичъ—точно безсмертный типъ какой!) и пр. Выходитъ, что я нападалъ не на личность, а на комитетъ, и на Пирогова, какъ на его предсѣдателя, слѣдовательно, какъ на одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ, да еще при томъ заявившаго себя незадолго передъ тѣмъ цѣлой Россіи отвращеніемъ отъ тѣхъ мѣръ, какія въ комитетѣ были допущены. Вспыхахъ негодованія, мои жаркіе противники просмотрѣли это обстоятельство и не могли придумать для моей статьи лучшаго мотива, какъ «теорію либеральнаго деспотизма». Вотъ попали-то!..

А, впрочемъ, я даю поводъ подозрѣвать, что я увертываюсь: вѣдь статья моя, точно, отзывается очень жестко о г. Пироговѣ, какъ будто о человѣкѣ, имѣвшемъ возможность поступить иначе, чѣмъ онъ поступилъ. А поступить иначе онъ могъ, только послѣдовавъ «теоріи либеральнаго деспотизма», или, что все равно, «принципамъ г. Добролюбова», выведеннаго на свѣтъ Божій г. Драгомановымъ. Ясно, стало быть, что я осердился на благородную личность именно за то, что она не оказалась такимъ «озорникомъ», какъ я...

На это я могъ бы возразить, что не всѣ такъ узко понимаютъ меня; «Отеч. Записки», напримѣръ, сообразили, что, по моимъ требованіямъ, г. Пироговъ долженъ былъ бы выйти въ отставку, видя невозможность провести на практикѣ свои убѣжденія. Поэтому онѣ возражаютъ: «что будетъ съ нами, если честные дѣятели, изъ-за того, что имъ невозможно вдругъ всецѣло осуществить своихъ благородныхъ стремленій, покинутъ дѣло и удалятся съ поприща дѣйствительной дѣятельности, на которомъ, къ сожалѣнію, они и безъ того долго не остаются?» Вотъ то-то и есть, что не остаются,—замѣчу я кстати [не оттого-ли и не остаются, что уже слишкомъ податливы? Вѣдь если бы всѣ умные и честные дѣятели приняли за правило—вступать въ общественную дѣятельность не иначе, какъ съ условіемъ развивать свою программу, такъ ихъ программа скорѣе пошла бы въ ходъ, потому что, какъ хотите, а безъ честныхъ и умныхъ дѣятелей никакъ не обойдешься, ни въ какой отрасли общественной жизни. Самое ихъ удаленіе было бы, во-первыхъ, живымъ протестомъ, во-вторыхъ, свидѣтельствомъ ихъ независимой силы и, въ-третьихъ, горькимъ урокомъ для тѣхъ, которые до сихъ привыкли пользоваться ихъ услугами, въ то же время налагая различныя «уступки» на ихъ убѣжденія...]

Впрочемъ, рѣчь шла не объ этомъ. Радикальная теорія могла бы, конечно, доказать, что для г. Пирогова и для Россіи, или, по крайней мѣрѣ, для Кіевскаго учебнаго округа, было бы вовсе не безполезно, если бы г. Пироговъ рѣшился скорѣе отказаться отъ своей должности, нежели допускать водвореніе нелѣпости, противъ которой самъ же вооружался... Но я, признаюсь, даже и этого не имѣлъ въ виду: куда намъ до такихъ воззрѣній!.. Мотивъ моихъ нападеній, насколько они касались г. Пирогова, былъ гораздо проще и ближе къ обыкновенному житейскому пониманію. Онъ состоялъ вотъ въ чемъ.

Г. Пироговъ не просто уступилъ рѣшенію комитета, не просто склонился предъ необходимостью... Онъ не сталъ просто въ пассив-

ное положеніе человѣка, которому связали руки; нѣтъ, онъ и со связанными руками бросился впередъ, чтобы заслонить собою тѣхъ, которые его связали... Ну, естественно, что сильнѣйшіе удары и пришлись по нему... Кто писалъ предисловіе и текстъ объясненій къ «таблицѣ наказаній»? Н. И. Пироговъ.—Отъ чьего лица пишетъ онъ? коллективно или нѣтъ?—Нѣтъ, онъ говоритъ: «*я* предполагаю», «*я* нахожу»... Значитъ, основанія «Правилъ»—его. Мало того, въ заключеніе предисловія онъ говоритъ: «я предлагаю дирекціямъ... слѣдующія положенія комитета, *вполнѣ раздѣляемыя и мною*» («Ж. для Восп.», 1859, № XI, стр. 112). И противъ этихъ словъ нигдѣ нѣтъ никакого протеста, никакой оговорки. Скажите, добрые люди,—такой образъ дѣйствій тоже необходимо требовался, чтобы не впасть въ «либеральный деспотизмъ», не сдѣлаться «озорникомъ», и пр.?... Кажется, никто, ни въ какихъ комитетахъ, никогда не обязывался мгновенно дѣлаться рыцаремъ противныхъ убѣжденій, какъ скоро они утверждены большинствомъ. Г. Пироговъ могъ уступить рѣшенію комитета, но могъ тутъ же, ясно и рѣшительно, заявить пункты своего несогласія съ нимъ. Тогда бы вышло совсѣмъ другое: отсталость кіевскаго комитета [и училищнаго устава] не покрывалась бы гуманнымъ авторитетомъ г. Пирогова, и не было бы намъ съ г. Е. Суд. никакой причины горячиться... Но г. Пироговъ этого не сдѣлалъ... Да что же я говорю—не сдѣлалъ?.. Онъ, напротивъ, постарался мотивировать ненавистный параграфъ о розгахъ... Чѣмъ же? Тѣмъ ли, что комитетъ желаетъ ихъ удержать, и что попечитель не имѣетъ права измѣнять училищнаго устава? Нѣтъ, а тѣмъ, что 1) нельзя *вдругъ* вывести розгу изъ употребленія, 2) *трудно* придумать что-нибудь вмѣсто нея, 3) въ школу поступаютъ дѣти, *уже съченныя дома*, 4) въ нѣкоторыхъ случаяхъ проступки требуютъ *сильнаго, мгновеннаго сотрясенія*.

Такимъ образомъ, г. Пироговъ дѣлается предъ судомъ публики (имѣющей полное право не знать интимностей комитета) не человѣкомъ «съ болью въ сердцѣ вырвавшимъ у самого себя уступку», а просто-на-просто сообщникомъ кіевскихъ педагоговъ (мудрость которыхъ мы еще увидимъ впереди, — по подлиннымъ свидѣтельствамъ самихъ кіевлянъ). И, послѣ этого, я виноватъ, что не отдѣлилъ тайныхъ убѣжденій г. Пирогова отъ того, что онъ редижировалъ для комитета? Да какое же мнѣ-то было дѣло до тѣхъ его убѣжденій, которыхъ онъ самъ знать не хотѣлъ? Вы можете кричать на меня, сколько вамъ угодно, а я, по совѣсти говоря, не раскаиваюсь теперь даже въ тѣхъ ироническихъ фразахъ, въ которыхъ говорилось, что, вѣроятно, среди кіевскаго комитета г. Пироговъ нашелъ какое-то удобство въ розгѣ и быстро убѣдился въ ея полезности...

Но если ужъ пошло на то, чтобы пристыдить васъ, господа противники «принциповъ г. Добролюбова»,—я вамъ скажу, что я въ своей статейкѣ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ отъ меня требовалось: я проникъ въ то, во что могъ бы и не заглядывать. Видите ли, въ одномъ мѣстѣ моей статьи я говорилъ: «*только совершеннымъ несогласіемъ истинныхъ убѣжденій г. Пирогова съ принятою мѣрою можно*, до нѣкоторой степени, *оправдать* тѣ *противорѣчія*, какія встрѣчаются въ

каждой строчкѣ «Правилъ», тамъ, гдѣ говорится о тѣлесномъ наказаніи». Въ числѣ этихъ противорѣчій было указано мною слѣдующее: причиною допущенія розги выставлена, между прочимъ, потребность сильнаго, *мгновеннаго* сотрясенія, и потому оно должно слѣдовать *непосредственно*, *безотлагательно* за проступкомъ; а, между тѣмъ, розга назначается не иначе, какъ по опредѣленію педагогическаго совѣта, послѣ разслѣдованія и обсужденія дѣла... Въ «Отчетѣ о слѣдствіяхъ введенія Правилъ» (рекомендуемомъ мнѣ г. Драгомановымъ, который даже сожалѣетъ, что я не читалъ его, когда писалъ свою статью!), г. Пироговъ самъ сознается въ слѣдующемъ: «Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что намъ указали нѣкоторые на противорѣчіе въ «Правилахъ», относящееся до тѣлеснаго наказанія. Мы приняли, что это наказаніе тогда только можетъ достигнуть цѣли, когда оно будетъ употребляться безотлагательно, и вслѣдъ за проступкомъ, а, между тѣмъ, опредѣленіе его предоставили педагогическому совѣту. *Это дѣйствительно противорѣчіе*, но такое, которое говоритъ само за себя. Мнѣ оно казалось необходимымъ. Когда большинство въ комитетѣ сочло невозможнымъ уничтожить совсѣмъ тѣлесное наказаніе, то *это противорѣчіе выразило мой личный протестъ, который долженъ былъ напомнить педагогическимъ совѣтамъ, какого я мнѣнія о розгѣ. Вотъ и все*» («Ж. для Восп.» 1861 г. № IV, стр. 216).

Прочли ли это мѣсто мои возражатели? Если прочли, то какъ же они не замѣтили, какъ оно для меня благопріятно! Вѣдь нельзя не согласиться, что *протестъ* г. Пирогова былъ уже слишкомъ тонокъ, такъ что, кромѣ меня, дѣйствительно, едва-ли кто и замѣтилъ его. А я замѣтилъ и указалъ печатно—позвольте ужъ похвалиться этимъ... Или, напротивъ, и тутъ я виноватъ въ чемъ-нибудь?

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, что бы ни говорили о неприличіи моего обращенія съ г. Пироговымъ,—дѣло разъясняется въ мою пользу, или, лучше сказать, въ пользу самого дѣла: издавая свои «Правила», г. Пироговъ не только не протестовалъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ ихъ, но даже сказалъ, что *вполнѣ раздѣляетъ* мнѣнія комитета, даже принялся ихъ оправдывать; это многихъ могло ввести въ заблужденіе (и вводило) и заставить думать, что г. Пироговъ дѣйствительно оправдываетъ розгу, какъ полезную мѣру наказанія. Теперь г. Пироговъ уже положительно объявляетъ, что онъ питаетъ къ розгѣ прежнее отвращеніе и никогда не переставалъ питать его, но что ему дѣлать было нечего противъ комитета. Съ этой стороны, значитъ, можно быть спокойнымъ: педагоги розочныхъ принциповъ не имѣютъ за себя, по крайней мѣрѣ, авторитета г. Пирогова.

Вотъ я и покончилъ съ моими строгими судьями. Но дѣло мое только что начинается. Вообразите,—вѣдь розгу все-таки отстаиваютъ!..

«Какъ же это, однако,— восклицаетъ читатель, — послѣ всего, что сказали сами поборники г. Пирогова, послѣ его собственныхъ признаній,—кто же еще можетъ осмѣливаться отстаивать розгу? Вѣдь

они ужъ всѣ объяснились, что и рады бы, да нельзя, или, какъ говоритъ г. Сухаревъ (это тоже нашъ антагонистъ) въ «Русской Рѣчи»: «хотѣли бы, да Фатей не велитъ!»... Ну, послѣ этого ужъ и молчи»...

Читатель оказывается недогадливымъ: онъ забываетъ *среду*. *Среда* требуетъ, читатель: какъ же ея не послушаться?

Вы опять удивляетесь: «какъ, законодатель долженъ постановлять нелѣпые законы, если среда нелѣпа, долженъ освящать закономъ всякія гадости, если къ нимъ среда привыкла!.. Да вѣдь онъ на то и законодатель, чтобы»...

Позвольте, читатель,—вы слишкомъ торопитесь. Я сейчасъ объясню вамъ, въ чемъ дѣло.

Въ моей статейкѣ было замѣчено, что остановить сѣченіе въ школахъ вовсе не такая ужъ невозможность, какъ многимъ кажется: «попечитель могъ положить, чтобъ не сѣкли,—и не стали бы сѣчь». Эта послѣдняя фраза, дѣйствительно, слишкомъ отважная и вызванная именно преувеличеннымъ довѣріемъ къ моральной силѣ и вліянію г. Пирогова, послужила, кажется, однимъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ къ возстанію на меня. Разумѣется, если бы мнѣ просто сказали: «гдѣ же, дескать, попечителю усмотрѣть за всѣми въ одиннадцати гимназіяхъ округа»,—такъ мнѣ бы и возражать нечего было. Но нѣтъ, г. Драгомановъ, подхватившій мою фразу, не съ этой стороны напалъ на нее, а забралъ гораздо выше: «воспрещать сѣчь это, видите ли, значитъ приказывать учителямъ насильно быть либералами», т.-е. опять-таки «дѣйствовать по принципамъ г. Добролюбова». А ужъ это—чего хуже!..

Мы съ вами, простосердечный читатель, думали до сихъ поръ, что есть разница между положительными и отрицательными фактами. Оказывается, что никакой. Вы не допускаете вора стянуть вашъ кошелекъ,—вы, значитъ, насильно заставляете его быть честнымъ человѣкомъ; вамъ запрещаютъ драться,—хотятъ изъ васъ насильно сдѣлать либерала... Если вы встрѣтите на улицѣ г. Козлянинова, тузящаго женщину или ребенка,—вы, можетъ быть, почувствуете порывъ отнять у него беззащитную жертву? Удержите же вашъ порывъ, если не хотите заслужить обвиненія «въ послѣдованіи принципамъ г. Добролюбова». Вы разсудите, что вѣдь у насъ *среда такая*: дерутся, да и только... Ну, положимъ, вы и прекратите безобразіе на улицахъ: что же изъ того? Вѣдь дома—мужья женъ бьютъ, отцы—дочерей, разные франты—своихъ любовницъ; а ужъ если дома дерутся, то какъ же на улицѣ-то воспретить? Оно хорошо бы, слова нѣтъ,—очень бы хорошо, да еще никакъ нельзя: хоть и воспретишь на бумагѣ, а на дѣлѣ все будетъ продолжаться... Обратитесь къ городовымъ и спросите: есть ли возможность предупредить драки на улицахъ и оскорбленіе женщинъ? — «Никакой возможности, — отвѣтятъ вамъ городовые, по большинству голосовъ:—ибо, дескать, у насъ уже грубость нравовъ такая»... Что дѣлать въ этомъ случаѣ?.. Ясно что: разсмотрѣть различные случаи публичныхъ ссоръ и оскорбленій, под-

вести ихъ подъ рубрики и, по совѣщаніи съ городовыми, постановить правила, въ какихъ случаяхъ г. Козляниновъ имѣетъ право тузить публично женщинъ и дѣтей, въ какихъ нѣтъ.

Вы думаете, мы это на смѣхъ выдумали? Вовсе нѣтъ. Я думаю, что если бы спросить объ этомъ мнѣніе, напр., г. Драгоманова, такъ онъ разсудилъ бы именно такимъ образомъ. Посмотрите, напр., какъ онъ доказываетъ необходимость узаконенія розги:

«Намъ могутъ привесть еще одно возраженіе: какъ ни толкуй, а дѣтей все-таки сѣкутъ.—*Это, конечно, очень прискорбно.* Но (внимайте же!), во-первыхъ, сѣкутъ гораздо меньше (радость-то какая!). Во-вторыхъ, количество высѣченныхъ въ гимназіяхъ (27 гимназистовъ)—капля въ морѣ сравнительно съ высѣченными дома (ну да, количество побитыхъ г. Козляниновымъ съ компаніею что же значитъ въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, кому дома задаютъ потасовку!): родители, все-таки, не перестаютъ сѣчь своихъ дѣтей. *Что дѣлать, если общество такъ неразвито* (конечно, другого нечего и дѣлать, какъ утвердить его закономъ въ его неразвитости!). Вотъ два примѣра (г. Левъ Камбекъ могъ бы насчитать и больше). Въ Полтавской губерніи говорилъ намъ человѣкъ, близко знакомый съ дѣломъ, многіе родители взяли своихъ дѣтей изъ одного уѣзднаго училища, заслышавъ, что тамъ ужъ не сѣкутъ; въ К—ѣ процвѣтаетъ *частный* пансіонъ, въ которомъ воспитываются мальчики довольно богатыхъ родителей, и въ которомъ ученикамъ дѣлается систематическая порка (ясно, что именно этотъ пансіонъ и долженъ служить образцомъ для кіевскихъ педагоговъ!). Въ-третьихъ—наказаніе розгами такъ ограничено «Правилами», назначается за такіе проступки, что оно достается только тому, кого дома любезные родители разъ по 5 въ годъ сѣкутъ (это *въ-третьихъ* рѣшительно совпадаетъ съ *первымъ* и *вторымъ*, но г. Драгомановъ въ жару защиты забываетъ требованія логики; не будемъ слишкомъ требовательны къ юношѣ). *Наконецъ*, скажемъ мы съ Пироговымъ, самые драконовскіе законы не будутъ страшны, если будутъ законно примѣняться» (т.-е. неудобство розги г. Драгомановъ видитъ только въ излишней строгости этого наказанія, а не въ моральномъ его безобразіи: вѣдь такъ надо понимать его, если только онъ изучалъ древнюю исторію и помнитъ, въ чемъ упрекали драконовскіе законы). («Русская Рѣчь», стр. 30).

Я бы не привелъ отзыва г. Драгоманова, если бы не нашелъ подобной же мысли въ самомъ «Отчетѣ о слѣдствіяхъ введенія правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ», писанномъ г. Пироговымъ. Онъ тоже оправдываетъ свой образъ дѣйствій тѣмъ обстоятельствомъ, что «нравы общества не приготовлены еще къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія». Предложивъ сначала эту отмѣну, но, «не нашедъ сочувствія въ большинствѣ членовъ», г. Пироговъ «вскорѣ убѣдился, что безполезно было бы уничтожить на одной бумагѣ, подъ видомъ гуманности и современности, средство, которое и многіе воспитатели, и большая часть родителей признаютъ еще необходимымъ». Далѣе «Отчетъ» приводитъ, что «еще въ прошломъ столѣтіи тѣлесныя наказанія въ училищахъ отмѣнялись, но это не удержалось именно потому, что

убѣжденіе въ необходимости тѣлеснаго наказанія было еще слишкомъ сильно и у родителей, и у воспитателей». Въ «Уставѣ» 1828 г. опять введены тѣлесныя наказанія, и какъ нельзя болѣе пришлись по вкусу общества: «отцы и теперь еще обращаются въ училища и гимназіи съ просьбами сѣчь дѣтей и сами сѣкутъ дома; ученики 6-го и 7-го классовъ, не нынче, такъ завтра студенты, тайкомъ, безъ вѣдома гимназическаго начальства, за поступки противъ чести, сѣкутъ своихъ товарищей. Вотъ факты, обличающіе нравы общества».

Въ статейкѣ «Всероссійскія иллюзіи» я уже опровергалъ круговую поруку домашняго сѣченья съ гимназическимъ. Здѣсь повторю только, что именно потому и важно отмѣненіе тѣлеснаго наказанія въ школахъ, что оно сильно употребляется въ домашнемъ воспитаніи. Если бы общество все чувствовало отвращеніе къ этому роду наказаній, тогда не было бы особенной важности въ существованіи его гдѣ-нибудь на бумагѣ. Это говоритъ самъ г. Пироговъ: «Если,—говоритъ,—дѣйствительно общественное мнѣніе вопіетъ и громко требуетъ отмѣны тѣлеснаго наказанія, — чего же лучше, и о чемъ же тогда спорить? Мы будемъ рады уже вѣрно не менѣе другихъ, и *что за дѣло тогда, будутъ ли наши правила угрожать виновному розгой или нѣтъ, все равно: противъ общественнаго мнѣнія не устоятъ никакія правила, и розга, оставаясь на бумагѣ, исчезнетъ на дѣлѣ*, а это-то и есть именно то, о чемъ мы всѣ хлопочемъ». Эти соображенія были бы совершенно логичны и неопровержимы въ устахъ человѣка, отличающагося умѣньемъ искусно поддерживать старую рутину и даже дѣлать въ ней кое-какія починки. Но не такія слова хотѣли бы мы слышать отъ Н. И. Пирогова, человѣка, на котораго съ такой увѣренностью обращались общія надежды, какъ на человѣка, умѣющаго пролагать новые пути и проводить новыя начала въ общественной дѣятельности. Онъ могъ бы и не ожидать, пока общественное мнѣніе *не будетъ уже терпѣть розги*; онъ могъ дать толчекъ общественному мнѣнію, могъ и долженъ былъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобы преобразовать его сообразно съ своими началами. Въ этомъ смыслѣ принятіе на себя тѣхъ пунктовъ «Правилъ», съ которыми онъ былъ самъ несогласенъ, составляетъ, на мой взглядъ, важную ошибку, которая и теперь едва искупается сдѣланными объясненіями.

Г. Пироговъ замѣчаетъ въ «Отчетѣ», что бороться противъ предразсудковъ и ложныхъ взглядовъ онъ предпочитаетъ въ жизни, а не на бумагѣ. «Мы боремся,—говоритъ онъ,—да и не съ одними предубѣжденіями общества, а и самой школы, еще не далеко опередившей общество. Мы боремся, твердо зная, что нравы и ложные взгляды нельзя перемѣнить предписаніями и письменными правилами. Потому мы возстаемъ противъ розги и выводимъ ее изъ нашихъ школъ не на письмѣ, а на дѣлѣ. Она должна исчезнуть не по приказанію начальства, а по общему единогласному убѣжденію воспитателей, когда они найдутъ въ себѣ довольно воли и искусства замѣнить ее болѣе нравственнымъ суррогатомъ». Все это прекрасно, и общее мнѣніе уже успѣло воздать должное благородной и плодо-

творной практической дѣятельности г. Пирогова. Но какъ же *предписанія-то?* Развѣ ужъ онъ ихъ ни во что не ставитъ? А они иногда бываютъ важны. Вотъ, напримѣръ, хоть бы въ этомъ же вопросѣ: по положеніямъ 1794 г. отмѣнено было въ училищахъ тѣлесное наказаніе; въ «Уставѣ» 1828 г. возстановлено. Въ 1859 году г. Пироговъ снова находитъ это наказаніе излишнимъ, но отмѣнить его не можетъ,—и самое первое, высшее и непреклонное препятствіе находится въ статьяхъ «Устава». Онъ спрашиваетъ комитетъ: «не лучше ли отмѣнить розгу?»—но самъ тотчасъ же замѣчаетъ: «собственно я и не имѣлъ права объ этомъ спрашивать, потому что существующій Уставъ училищъ признаетъ еще ея необходимость». [Видите ли, все-таки, какъ существующія на бумагѣ правила связываютъ дальнѣйшій прогрессъ: вѣдь нельзя не сознаться, что, не будь въ «Уставѣ» положеній о тѣлесномъ наказаніи, г. Пироговъ могъ бы дѣйствовать по этому вопросу нѣсколько свободнѣе], да и комитету не было бы легальной опоры для отрицательнаго отвѣта.

Никто не споритъ, что при дурныхъ нравахъ искажаются самые лучшіе законы. Но все же нельзя узаконить дурныхъ нравовъ. Теперь, напримѣръ, никакими предписаніями нельзя въ конецъ искоренить по всей Россіи взяточничество; съ этимъ мы согласны. Но неужели поэтому нужно дать ему законную силу? Неужели возвратиться къ старинному порядку *кормленія*, на томъ основаніи, что сущность этого порядка до сихъ поръ не исчезла изъ нравовъ? И если бы гдѣ-нибудь въ уголкѣ Россіи уцѣлѣло еще установленіе кормленія, то неужели *новое* законодательство должно было бы поддерживать его, покамѣстъ сами *кормящіеся* отъ него не откажутся? Вѣдь, слѣдуя такой системѣ, пришлось бы, пожалуй, и *произволъ* оставить въ покоѣ, на томъ основаніи, что, по свидѣтельству самого же г. Пирогова, онъ слишкомъ сильно распространенъ былъ въ гимназіяхъ еще въ очень недавнее время. А, между тѣмъ, г. Пироговъ смѣло пошелъ противъ произвола, созвалъ комитетъ, постановилъ правила, несмотря даже на возгласы нѣкоторыхъ педагоговъ, что правила вовсе не нужны. Вотъ за это, разумѣется, честь и слава г. Пирогову...

Все это я говорю, возражая только противъ *мнѣнія* г. Пирогова, будто законодательство должно выжидать, пока жизнь предупредитъ законъ, то-есть, иначе говоря,—когда нарушенія прежняго закона сдѣлаются такъ сильны и повсемѣстны, что ужъ стараго закона нельзя будетъ удерживать. Мнѣ кажется, что если, напримѣръ, кто-нибудь, при составленіи проекта новаго училищнаго устава, будетъ руководствоваться этимъ мнѣніемъ, то поступитъ очень неосмотрительно. Конечно, при неразвитости общества часто не достигаютъ цѣли самые лучшіе законы; но, съ другой стороны, надо замѣтить, что [чѣмъ человѣкъ неразвитѣе, тѣмъ болѣе расположенъ (разумѣется, тамъ, гдѣ не мѣшаетъ личная выгода) въ своихъ дѣйствіяхъ соображаться съ тѣмъ, что ему положено свыше] [1]). Поэтому узаконьте розгу—это розочни-

[1]) именно для человѣка неразвитаго, часто дѣйствующаго безъ сознанія, по рутинѣ, и нужны правила, съ которыми могъ бы онъ въ своихъ дѣйствіяхъ соображаться.

камъ на много лѣтъ придастъ бодрости; отмѣните ее—и на дѣйствіяхъ ихъ все-таки хоть сколько-нибудь отразится сознаніе, что установленная надъ ними сила закона—не въ ихъ пользу.

«Но въ практической дѣятельности,—возражаютъ намъ,—г. Пироговъ достигъ самыхъ лучшихъ результатовъ, какихъ только возможно было желать. Вотъ доказательство, что всѣ теоретическія умствованія противъ его системы—совершенно несостоятельны».

Объ этомъ мы сейчасъ поговоримъ.

Противъ практической дѣятельности г. Пирогова, противъ его личности мы рѣшительно ничего не имѣемъ. Во-первыхъ, мы знаемъ, что онъ былъ обязанъ въ своей дѣятельности сообразоваться съ существующимъ уставомъ и не имѣлъ никакой практической возможности явиться реформаторомъ. Во-вторыхъ, мы знаемъ теперь, что онъ употреблялъ усилія сдѣлать то, чего мы желаемъ, но встрѣтилъ препятствія въ большинствѣ. Въ-третьихъ, мы видимъ, что, несмотря на всѣ препятствія, вліяніе его благородной личности было въ самомъ дѣлѣ сильнѣе, нежели, можетъ быть, самыя рѣшительныя и строгія запрещенія при другомъ начальникѣ.

Но, признавши все это и присоединивъ свой отдаленный голосъ къ благороднымъ голосамъ, раздавшимся вокругъ г. Пирогова при его проводахъ, я все-таки не могу отстать отъ своихъ нападеній на *систему* и на нѣкоторыя положенія, допущенныя въ «Правилахъ». Сначала скажу о частностяхъ; объ опасности, грозящей самому дѣлу отъ принятой системы, поговорю въ заключеніе.

Въ «Правилахъ» не одно *допущеніе* розги мною признано несправедливымъ, но и то, *за что* она допущена. Ею наказываются: *воровство* и *дерзость* или вообще—*оскорбленіе*. Судя по «Правиламъ», я заключалъ, что тѣлесное наказаніе положено также и за *фанатизмъ*, такъ какъ противъ него въ таблицѣ стоитъ то же наказаніе, какъ и за оскорбленіе постороннихъ лицъ, то-есть, розги, въ третьей степени,—для низшихъ классовъ, и исключеніе—для высшихъ. Это было бы уже слишкомъ нелѣпо, и теперь г. Пироговъ объясняетъ въ «Отчетѣ», что тутъ былъ «недостатокъ редакціи», а на самомъ дѣлѣ за фанатизмъ никогда не предполагалось сѣчь, такъ какъ въ низшихъ классахъ не считаются возможными серьезныя его проявленія [1]).

Но почему же за *воровство*—тѣлесное наказаніе? Какое соотвѣт-

---

[1]) Это, впрочемъ, тоже кажется мнѣ не вполнѣ основательнымъ. Г. Пироговъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ отзывается о моей замѣткѣ по этому поводу. «Нѣкоторые рецензенты,—говоритъ онъ,—безъ дальнѣйшаго размышленія хотѣли заставить насъ думать, что мы наказываемъ также розгою и оскорбленія товарищей за вѣру, хотя въ нашихъ правилахъ нарочно прибавлено къ этому проступку слово «фанатизмъ», въ скобкахъ. Мнѣ кажется, что ни одинъ воспитатель не вздумаетъ искать фанатизма въ глупыхъ выходкахъ учениковъ низшихъ классовъ, т.-е. дѣтей 10—12 лѣтъ, противъ товарищей не одной съ ними вѣры, а тѣлесное наказаніе дозволяется только въ этихъ классахъ. Такъ можно исказить все, желая видѣть одно худое и не понимая смысла, или притворяясь, что не понимаемъ» («Восп.» III, стр. 118). Въ самомъ дѣлѣ—я былъ злонамѣренъ и глупъ... Ни одинъ воспитатель, благодаря Бога, таковъ не будетъ... А, впрочемъ,—по-

ствіе между тѣмъ и другимъ? Вотъ что спрашивалъ я еще въ прошломъ году, и чего никто до сихъ поръ не объяснилъ хорошенько. Почему также и дерзость или оскорбленіе заслуживаетъ розгу по преимуществу? Да и какъ опредѣлить степени оскорбленія, какъ подвести подъ одинъ уровень взглядъ наставниковъ на дерзость? Если ужъ въ самомъ комитетѣ большинство отличалось такою мудростью, что, напр., за лихоимство постановило наказаніе меньше, чѣмъ за простое воровство (о чемъ я тоже замѣтилъ въ прошломъ году) [1]),

смотримте, что же это такое... Вотъ № IV того же «Воспитанія»; тутъ напечатано окончаніе «Отчета» г. Пирогова; на стр. 213 г. Пироговъ, самъ же г. Пироговъ пишетъ: «Недосмотръ въ редакціи сдѣлалъ то, что наказанія, опредѣленныя правилами за оскорбленіе за вѣру, не только были перетолкованы воспитателями, но вмѣнены намъ даже въ преступленіе нѣкоторыми журналами». Значитъ, не я одинъ подумалъ, что «Правила» велятъ сѣчь за фанатизмъ? И между воспитателями нашлись такіе? Какъ же послѣ этого г. Пирогову могло казаться, что «ни одинъ воспитатель» и пр. (см. выше)?.. Правда, впрочемъ, что воспитатели, предполагавшіе фанатизмъ въ дѣтяхъ 10—12 лѣтъ, должны были быть ужъ очень плохи... Вѣдь въ гимназіяхъ Кіевскаго округа, въ первыхъ трехъ классахъ бываютъ только дѣти отъ 10 до 12 лѣтъ... Однако—какъ же это... Мы помнимъ въ «Правилахъ» общую оговорку, что розга назначается только до 16 лѣтъ, а ученики старше 16 лѣтъ, хотя бы и въ низшихъ классахъ, наказываются уже не розгою, а увольненіемъ. Значитъ, въ низшихъ классахъ могутъ быть ученики и старше 16 лѣтъ? Въ нихъ вѣдь ужъ и фанатизмъ можетъ быть? Да, но это, вѣрно, сказано только на всякій случай, въ дѣйствительности же вовсе не бываетъ... Да, впрочемъ, вотъ въ томъ же II № «Воспитанія», гдѣ такъ презрительно сказано о моемъ—либо тупоуміи, либо неблагонамѣренности,—тутъ же, на стр. 113, указаны самимъ г. Пироговымъ лѣта нѣкоторыхъ наказанныхъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ ученикъ Подольской гимназіи 19 лѣтъ... Что же это?.. Онъ долженъ былъ находиться въ 3 классѣ 15 лѣтъ? Нѣтъ, онъ, вѣроятно, перешелъ изъ 3 въ 4—12, а потомъ въ каждомъ классѣ сидѣлъ по два года... Вотъ другой—ученикъ 5 класса, 18 лѣтъ... Это же какъ? Если онъ въ 4 и 5 сидѣлъ по два года, а всетаки въ 3-мъ-то былъ уже 14 лѣтъ... Ну, ужъ это я не знаю какъ... А вотъ еще—ученикъ Немировской гимназіи 1 класса, 13 лѣтъ... Значитъ, сколькихъ же лѣтъ будетъ онъ въ 3 классѣ,—12 или 15? Нѣтъ, едва-ли не напрасно г. Пироговъ такъ свысока отзывается о непониманіи рецензентовъ... Просто признаться въ просмотрѣ было бы, вѣроятно, благоразумнѣе, а то вѣдь я и не утерпѣлъ, чтобы не вывести новыхъ недосмотровъ—на этотъ разъ уже прямо самого г. Пирогова. Оскорблять я никого не хочу, но не могу выносить, когда сваливаютъ что-нибудь съ больной головы на здоровую.

Кстати, здѣсь замѣчу еще о стихотвореніи, въ которомъ осмѣивалось сѣченье за фанатизмъ. Признаюсь, я принимаю на себя полнѣйшую за него отвѣтственность, потому что предметъ стоилъ такого осмѣянія, и въ этомъ случаѣ малодушно было бы удерживаться даже уваженіемъ къ такой личности, какъ г. Пироговъ. А кто знаетъ, можетъ быть, эти стихи, вмѣстѣ съ моими нападками, и послужили еще къ разъясненію дѣла для тѣхъ воспитателей, которые перетолковали положеніе «Правилъ». Г. Драгомановъ толкуетъ, будто стихи заключаютъ тотъ смыслъ, что «присужденіе розогъ совѣтомъ установлено Пироговымъ для большей торжественности церемоніи, а не для ограниченія произвола». Ну, такъ вѣдь вольно ему такъ толковать...

[1]) Вообще, моимъ обвинителямъ не мѣшаетъ замѣтить, что замѣчанія моей статьи не были серьезно опровергнуты никѣмъ, а подтвержденій, напротивъ, получили довольно много. Крича противъ моей непрактичности и легкомыслія, они забываютъ это.

то какихъ подчасъ премудрыхъ соображеній можно ожидать отъ иныхъ педагогическихъ совѣтовъ! И сколько тутъ можетъ быть произвола, объ уничтоженіи котораго такъ хлопочетъ г. Пироговъ!

На первый разъ, подъ управленіемъ Пирогова, при «Правилахъ» дѣйствительно умѣрились наказанія. Это видно изъ *одной* таблицы высѣченныхъ за 1858 (до кодекса) и за 1859—60 г. (послѣ кодекса). Вотъ эта таблица:

	Въ 1858		Въ 1859—60
Въ Кіевской 1-й гимназіи изъ	215— 3;	изъ	201— 1
» Кіевской 2-й » »	625— 44;	»	650— 2
» Бѣлоцерковской » »	220— 38;	»	266— 0
» Волынской » »	600—290;	»	635— 5
» Ровенской » »	300— 6;	»	354— 5
» Подольской » »	400— 37;	»	470— 7
» Немировской » »	600— 67;	»	568— 5
» Черниговской » »	240— 18;	»	276— 0
» Новгородсѣвер. » »	250— 8;	»	288— 0
» Нѣжинской » »	260— 2;	»	264— 2
» Полтавской » »	390— 39;	»	338— 0
Во всѣхъ » »	4109—561;	изъ	4.310—27

Одно сличеніе таблицъ въ этой цифрѣ показываетъ, какъ несправедливы увѣренія, будто розгу нельзя вывести изъ воспитанія, будто общественное мнѣніе этому противится. Гимназіи не опустѣли. Пироговымъ оставались двѣ довольны, несмотря на то, что его дѣйствіями произведена была такая рѣзкая перемѣна, какъ, наприм., въ Волынской гимназіи, гдѣ число высѣченныхъ вдругъ вмѣсто 290 стало 5. Замѣчательно еще, что *вовсе перестали сѣчь* тѣ гимназіи, въ которыхъ до того *наиболѣе сѣкли*. Пропорція высѣченныхъ всѣхъ выше была (послѣ Волынской) въ Бѣлоцерковской и Полтавской гимназіяхъ,—а теперь тамъ не было ни одного случая. Мы не знаемъ, чему это приписать,—перемѣнѣ-ли личностей начальственныхъ, «Правиламъ» ли,—но вѣрно одно: нравы населенія въ этихъ мѣстностяхъ и натура гимназистовъ не получили же мгновенно волшебнаго превращенія. А, между тѣмъ, вѣдь начальство этихъ гимназій въ прежнее, еще столь недавнее время имѣло, конечно, свои резоны для оправданія необходимости тѣлеснаго наказанія тамъ, гдѣ оно было употреблено... Вѣрьте же послѣ этого ихъ отзывамъ и основывайте на нихъ ваши законы!

Насъ спрашиваютъ: «да что же вы придумаете вмѣсто розги?» И, видя, что мы ничего не придумываемъ, торжествуютъ... Но въ сущности это довольно забавно: мы—профаны, а вы—призванные во святилище педагогики; вы берете на себя руководить дѣтей нашихъ,—и руководите ихъ, между прочимъ, розгой. Мы говоримъ: «это намъ не нравится, этакъ-то и безъ васъ можно бы воспитывать; а вы придумайте что-нибудь другое, если ужъ взялись». А вы намъ отвѣчаете: да что-жъ придумать-то? Скажите намъ, мы тогда и придумаемъ»...

И затѣмъ вы глумитесь надъ нами, что мы ничего не умѣемъ придумать, а туда же—смѣемъ быть недовольны... Почтенные педагоги! войдите же, наконецъ, въ ваше собственное положеніе и разсудите: кто къ кому долженъ обращаться съ требованіями въ вопросахъ о воспитаніи—вы къ намъ, или мы къ вамъ?

Впрочемъ, вѣдь если нужна не радикальная перемѣна всей системы воспитанія, а только улучшеньица въ старой системѣ, такъ тутъ и мѣры нужно придумывать не особенно замысловатыя. А, напримѣръ (если бы въ вашихъ рукахъ была власть отмѣнить розги,—разумѣется),—отчего бы прямо не замѣнить розги увольненіемъ? Жестоко скажете?—Нѣтъ, не такъ жестоко, какъ кажется. Вѣдь вы только разъ допускаете розги, а потомъ увольняете; сѣчете за воровство, во-первыхъ. За воровство мальчика сѣчь вы сами присуждаете только тогда, когда оно имѣетъ не характеръ шалости, а обнаруживаетъ испорченность воли. Въ такихъ мальчикахъ, имѣющихъ серьезную наклонность къ чужому съ дѣтства, прокъ бываетъ рѣдко; держаться за нихъ нечего... Жаль, что въ «Отчетѣ» г. Пирогова не сказано, всѣ ли высѣченные за воровство исправились, и вообще какія послѣдствія имѣло сѣченіе на характеръ и поведеніе высѣченныхъ. Это было бы очень любопытно. Но даже если и замѣчены были исправленія, то здравый смыслъ не позволялъ отнести ихъ къ тѣлесной боли отъ розги, развѣ къ стыду... но стыда, навѣрное, было больше во время открытія и разслѣдованія поступка, нежели во время экзекуціи. При томъ же позволительно думать, что во многихъ случаяхъ наказаны были мальчики, не имѣвшіе положительной испорченности въ этомъ смыслѣ, а таскавшіе чужое просто по глупости... Этихъ можно бы унять и безъ розги.

Относительно дерзости тоже надо сказать: или это вспышка дитяти, и тогда не [безчеловѣчно] 1) ли пороть за нее, какъ бы становиться самому ребенкомъ и вымещать свою обиду? Или же дерзость, или всякое другое оскорбленіе, имѣетъ серьезный видъ, происходя либо отъ испорченнаго нрава ученика, либо отъ его антагонизма съ начальникомъ. Въ этихъ случаяхъ увольненіе—самое лучшее, потому что если послѣ розги ученикъ и сдѣлается тише въ отношеніи къ нелюбимому наставнику, такъ вѣдь тайная-то ненависть загорится еще сильнѣе. Скрытность и лицемѣріе — самые прямые результаты употребленія розги въ подобномъ случаѣ.

Но, говорятъ, сами родители часто просятъ, чтобы ихъ дѣтей сѣкли... Ну, вотъ для этихъ случаевъ и сохраните вашу розгу, если ужъ вамъ такъ жалко съ нею разстаться. Можете даже положить, что если еще остается хоть какая-нибудь надежда на возможность исправленія мальчика, если онъ обнаружилъ полное раскаяніе при полученіи увольненія, и родители его упрашиваютъ лучше высѣчь, но оставить въ гимназіи, то можно, уступая ихъ просьбѣ, дѣлать опытъ. Вотъ вамъ и требованія *среды* будутъ удовлетворены.

«Да такъ, навѣрное, придется больше сѣчь, чѣмъ теперь при «Пра-

1) безразсудно.

вилахъ!» —доносятся до меня восклицанія гг. Е. Суд., Драгоманова, Сухарева и мало-ли еще кого... Но я не смущаюсь. Очень можетъ быть, говорю я; но только, навѣрное, количество случаевъ сѣченья будетъ быстро уменьшаться, потому что отцы возымѣютъ же, наконецъ, амбицію, и потомъ всѣ эти случаи сѣченья будутъ походить на случаи самопроизвольнаго отравленія или голодной смерти преступниковъ. У насъ вѣдь не казнятъ ни ядомъ, ни голодной смертью,—а иной возьметъ да и отравится или уморитъ себя голодомъ въ тюрьмѣ. Ну, что же съ этимъ дѣлать? Такъ ужъ ему, стало быть, понравилось...

Что же касается до системы, принятой при Н. И. Пироговѣ,—дѣйствовать лично, на дѣлѣ, а въ законъ допустить то, чего среда требуетъ,—за эту систему я очень боюсь. Пока г. Пироговъ былъ въ Кіевѣ, все шло отлично,—слова нѣтъ. И произвола было меньше, и сѣкли меньше, и учились лучше, и пр., и пр. Но что тутъ дѣйствовало,—«Правила» или личность? Вѣдь изъ самыхъ рѣчей, сказанныхъ г. Пирогову на прощанье, даже изъ выходокъ противъ насъ видно, что тутъ *личность* покрывало все. Дерзнули не согласиться съ «Правилами» Пирогова—и никто даже не вздумалъ вникнуть въ пункты несогласія, а всѣ увидѣли только то, что о Пироговѣ говорится какъ-то не то, чтобъ совсѣмъ неуважительно, а такъ,—не совсѣмъ въ обычномъ тонѣ. Въ разныхъ рѣчахъ безпрестанно говорится: «вы ограничили произволъ», «вы эманципировали дѣтей отъ безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія», «вы укрѣпляли приверженцевъ добра, увлекали ихъ теплотою чувствъ и закрѣпляли ихъ увлеченіе убѣжденіемъ и разсудкомъ», «вы старались разумно вызвать въ насъ педагогическую дѣятельность», и пр. и пр. Честь и слава Н. И. Пирогову, и горько, что онъ не остался дольше на своемъ мѣстѣ. Мы вполнѣ сочувствуемъ его и общему желанію, чтобъ его вліяніе продолжалось какъ можно дольше въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, и во всей Россіи, если можно. Но вѣдь вотъ его нѣтъ... и мы что имѣемъ предъ собою? Все-таки (ограничиваясь лишь нашимъ вопросомъ)—«Правила» весьма неудовлетворительныя, допускающія розгу и дающія широкій просторъ произволу воспитателей въ ихъ примѣненіи.

Произволъ высказывался уже и при г. Пироговѣ, какъ видно изъ «Отчета»: изъ 27 случаевъ тѣлеснаго наказанія, про двухъ еще неизвѣстно, наказаны-ли они по опредѣленію педагогическаго совѣта; въ одномъ случаѣ наказаніе было опредѣлено несообразно «Правиламъ», а въ 4-хъ другихъ—директоръ поступилъ произвольно. Г. Пироговъ умѣлъ остановить эти безпорядки, и директоръ поступившій произвольно, перешелъ уже въ 1860 г. (по замѣчанію «Отчета») въ другой округъ. Но всѣ ли сумѣютъ и захотятъ останавливать?

При Пироговѣ, разумѣется, гимназіи старались отличить себя малымъ количествомъ или отсутствіемъ экзекуцій. Но чѣмъ, кромѣ подобнаго гуманнаго вліянія начальства, обезпечено такое стремленіе на будущее время? Вѣдь только благодарною памятью о Пироговѣ. А «Правила»-то даютъ полную волю—пороть за дерзость, даже *вызывающую* самимъ начальникомъ или наставникомъ. Кажется, въ этомъ

случаѣ логичнѣе было бы постановить, положимъ, замѣчаніе... да нѣтъ, впрочемъ, и замѣчанія не нужно для ученика... но зато для учителя или гувернера непремѣнно строжайшій публичный выговоръ, а затѣмъ—при новомъ разѣ—прямо увольненіе. А вѣдь въ «Правилахъ» заоскорбленіе начальника на должности положено, въ самой низшей степени вины, т.-е. при всѣхъ облегчающихъ обстоятельствахъ, даже при вызовѣ со стороны самого начальника,—строгій арестъ съ угрозою розогъ, а во второй степени розги, а тамъ—исключеніе. Какую дисциплину можно завести въ гимназіи на основаніи одного этого правила, которое при Пироговѣ, конечно, не смѣли примѣнять къ дѣлу!..

«Но педагоги, бывшіе подъ вліяніемъ г. Пирогова, будутъ всегда вѣрны его началамъ. Вѣдь онъ самъ говорилъ имъ на прощанье: мои убѣжденія, въ сущности, ваши убѣжденія; моя заслуга только въ томъ, что я угадалъ ваши взгляды», и пр.

Конечно, такъ, г. Пироговъ говорилъ это. А все бы вѣрнѣе, кабы «Правила»-то получше существовали... Вѣдь когда г. Пироговъ говоритъ не дружескія фразы, а самое дѣло, такъ и онъ тоже оказывается не слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ педагогахъ вообще, а, слѣдовательно, и о кіевскихъ. Говоря о журнальныхъ разборахъ «Правилъ», онъ именно упрекаетъ ихъ за слишкомъ высокія требованія. Слова его вовсе не утѣшительны.

«Въ правѣ-ли мы требовать,—говоритъ г. Пироговъ,—отъ нашихъ педагоговъ высокаго призванія, опыта жизни, самоотверженія, христіанской любви и труднаго искусства индивидуализировать? Откуда могутъ вдругъ взяться у насъ такія личности? Кто велъ, кто приготовлялъ ихъ этимъ путемъ? Гдѣ и у кого могли они заимствовать образецъ высокихъ качествъ? У прежнихъ-ли ихъ наставниковъ, въ жизни-ли общества, въ окружающей-ли ихъ средѣ, въ семьѣ-ли своей, въ воспитательныхъ-ли заведеніяхъ?.. Требовательные идеологи вовсе позабыли, что нашихъ учителей никто до сихъ поръ не училъ трудному дѣлу педагогіи, нашихъ инспекторовъ и директоровъ никто не выбиралъ по ихъ педагогическимъ заслугамъ, которыхъ и доказать даже было имъ невозможно... Можно ли забыть, что наши надзиратели, инспекторы и директоры покуда все-таки остаются тѣми же чиновниками-воспитателями, какъ и прежде,—одни изъ нихъ завалены письменными дѣлами дирекціи, а другіе, исполняя неисполнимыя обязанности нравственнаго надзора за 500—600 учениками, поневолѣ ограничиваются одною оффиціальностью?.. Не ясно ли для всякаго, кто любитъ смотрѣть правдѣ въ глаза, что мы вводили въ наши правила, убѣжденные опытомъ въ вопіющихъ недостаткахъ общественнаго воспитанія и воспитателей?»

Далѣе находимъ, что и на розгу г. Пироговъ согласился главнымъ образомъ, въ уваженіе *неискусства* педагоговъ нашихъ: «тѣлесное наказаніе можно еще назначить безъ большого вреда и безъ большого искусства (!), соображаясь съ однимъ свойствомъ проступка; самый простой воспитатель можетъ безъ труда различить въ проступкѣ ребенка проявленіе дикой, животной чувственности, и при-

бѣгнуть къ тѣлесному наказанію, если не умѣетъ владѣть инымъ, лучшимъ средствомъ». Чтобы употребить съ успѣхомъ другія, нравственныя мѣры,—продолжаетъ «Отчетъ»,—нужно воспитателю гораздо болѣе развитія и искусства: а можно ли этого требовать отъ нашихъ педагоговъ?.. Потому, конечно, и неудивительно замѣчаніе г. Пирогова: съ одной стороны, по журнальнымъ статьямъ, можно подумать, что всѣ передовые люди общества требуютъ, во что бы то ни стало *отмѣнить розгу въ училищахъ*; но, съ другой стороны, судя по отзывамъ многихъ дирекцій и педагогическихъ совѣтовъ, и, слѣдовательно, также общества, да еще самаго правогласнаго въ дѣлѣ воспитанія, нужно заключить *совсѣмъ противное*» (стр. 62). Вообще г. Пироговъ сознается, что «какъ ни желательна гегемонія школы надъ жизнью, и какъ ни пошла еще наша жизнь, но она пересиливаетъ» (стр. 64).

Послѣ этихъ признаній я замѣчаю въ прошлогодней моей статьѣ ошибку, которой замѣчать никому не приходило въ голову. Правда, отъ г. Е. Суд. я уже заслужилъ что-то вродѣ упрека за то, что «обрушился на *среду*, морально разслабляющую самыя лучшія личности»; но мнѣ, именно, слѣдовало въ десять разъ усилить ту часть статьи, гдѣ говорилось о гибельномъ вліяніи среды. Изъ признаній г. Пирогова вы видите, какъ она уже сама по себѣ, своей пошлостью, ограничиваетъ дѣятельность передовыхъ людей. Но не надо забывать, что она не всегда остается пассивною, она тоже принимаетъ порою участіе въ этой дѣятельности, и тогда происходятъ явленія до того странныя, до того нелѣпыя, что здравый смыслъ рѣшительно теряется въ ихъ путаницѣ. За примѣрами ходить недалеко—возьмемъ хоть нашу полемику съ поклонниками г. Пирогова и представимъ изъ нея главныя черты.

Человѣкъ въ теоріи отвергаетъ розгу и формализмъ, у него множество послѣдователей и поклонниковъ; онъ хочетъ провести свою теорію въ практикѣ, но, по несчастію, долженъ отказаться отъ этого намѣренія и уступить противнымъ вліяніямъ; вслѣдъ за этой уступкой раздаются рѣзкія возраженія и упреки за такой образъ дѣйствій, высказанные подъ вліяніемъ той же теоретической мысли, которой держится и самъ упрекаемый. Какъ вы полагаете, каково должно быть въ этомъ случаѣ впечатлѣніе людей, *сознательно* принимающихъ ту же теорію? Какъ эти возраженія должны быть приняты въ кругу людей?

Служащихъ дѣлу, а не лицамъ?

Перенеситесь въ старое время, когда еще у насъ формально существовало крѣпостное право. Смѣлый эмансипаторъ искренно и горячо говоритъ объ освобожденіи и увлекаетъ за собою толпу послѣдователей. Вдругъ ему достается наслѣдство; онъ, разумѣется, немедленно хочетъ отпустить крестьянъ на волю, но встрѣчаетъ сильныя препятствія и, *пожалуй*, уступаетъ. Вдругъ въ толпѣ ему сочувствовавшихъ раздается обличительный голосъ, изображающій крѣпостное право такъ, какъ оно стоитъ, провозглашающій святость свободныхъ принциповъ и укоряющій эмансипатора за уступку. Какъ вы думаете, что почувствуютъ при этомъ голосѣ искреннѣе, сознательные привер-

женцы эмансипаціи? Осердятся на смѣльчака, сочтутъ слова его посягательствомъ, обидой? Нѣтъ, какъ бы они не любили своего друга-эмансипатора, но если они любятъ и понимаютъ также и самое дѣло, то не могутъ они не сообразить, что вѣдь въ этомъ голосѣ для нихъ помощь, новое средство обороны, что онъ увеличиваетъ ихъ силу, что съ нимъ они смѣлѣе могутъ идти противъ обскурантовъ, мѣшающихъ дѣлу эмансипаціи. Что за дѣло, если даже нѣсколько рѣзкихъ выходокъ и задѣнетъ ихъ друга и учителя,—но вѣдь зато самое дѣло выигрываетъ, зато обскуранты знаютъ, что вотъ какіе голоса подымаются даже за одну невольную и временную уступку ихъ требованіямъ. И разумные приверженцы эмансипатора, равно какъ и самъ онъ, радуются возраженіямъ, довольны упреками, желаютъ, чтобы какъ можно больше раздавалось подобныхъ голосовъ: вѣдь они выходятъ изъ тѣхъ же началъ, высказываютъ тѣ же идеи, которымъ служатъ и сами эти эмансипаторы,—только высказываются рѣзче и прямѣе, раздаются громче и внятнѣе, не будучи заглушаемы противнымъ скрипомъ обоза практическихъ мелочей.

Чего бы естественнѣе, кажется, такое отношеніе либеральныхъ практическихъ педагоговъ къ полемикѣ о розгахъ? Но дѣло вышло совершенно не такъ.

О самомъ г. Пироговѣ я не говорю: онъ вездѣ трактуетъ журналистовъ свысока, и потому, конечно, и мою статью не удостоилъ счесть ни обидой, ни поддержкой для себя. Можетъ быть, онъ и ошибается въ своихъ понятіяхъ о журналистикѣ, но это другой вопросъ. Собственно жевъ этой полемикѣ г. Пироговъ остается въ сторонѣ. Передъ нами одни его послѣдователи.

Они, какъ оказывается, поняли все дѣло совершенно *лично*. Какія могли быть, напримѣръ, хоть у г.—*бова* личности съ г. Пироговымъ, способенъ ли такой-то человѣкъ изъ-за личностей искажать дѣло, можетъ-ли согласиться такой-то журналъ сдѣлаться органомъ чьихъ-нибудь антипатій, наконецъ, такой-ли характеръ, такую-ли цѣль имѣетъ статья,—объ этомъ разсудить никому какъ будто не пришло въ голову. Возраженій на мои замѣчанія, серьезнаго разбора статьи никто не напечаталъ, а напечатали только какія-то беззубыя выходки противъ моей *негуманности* (!) въ обращеніи съ г. Пироговымъ... Мнѣ и всей русской публикѣ сообщали за новость, что «онъ можетъ ошибаться и ошибается, какъ всякій человѣкъ, но ошибки *не отнимаютъ у него* высокаго ума, благородно-либеральныхъ стремленій и сильнаго характера для возможныхъ у насъ разумныхъ реформъ»... А я-то, видите-ли, отнималъ у него всѣ прописанныя качества!

Таковы-то оказались господа, оскорбившіеся за Пирогова и *напечатавшіе* свои возраженія на мою статью...

А то были и другіе господа, тоже оскорбившіеся и написавшіе что-то такое, но нигдѣ не напечатавшіе своихъ писаній. Объ этомъ сообщаютъ намъ гг. Е. Суд. и М. Драгомановъ. Нѣсколько статей и писемъ, по ихъ словамъ, послано было изъ Кіева въ столичные журналы для опроверженія «Всероссійскихъ иллюзій», но ни одна изъ нихъ не была напечатана. Читателей «Современника», вѣроятно, уди-

вить это еще больше, чѣмъ самого г. Е. Суд., восклицающаго изъ глубины души: «чудныя дѣла дѣлаются на Руси! Одинъ журналъ взноситъ нелѣпости на человѣка *слишкомъ* (?) почтеннаго, а остальные журналы, какъ бы по взаимному уговору, не хотятъ принимать никакихъ опроверженій» («Отечественныя Записки», VI, стр. 138). Въ самомъ дѣлѣ чудно,—я этому удивляюсь едва-ли не больше всѣхъ. Извѣстно положеніе «Современника» въ нашей журналистикѣ, извѣстно, съ какимъ рвеніемъ всѣ журналы стремятся предохранить публику отъ его нелѣпыхъ тенденцій, въ особенности же отъ его посягательствъ на всевозможные авторитеты. Не довольствуясь собственнымъ трудолюбіемъ по этой части, разныя редакціи обогащаютъ русскую литературу этюдами гг. Цвѣтовъ, Н. Ч., Воскобойниковыхъ, подыскиваютъ даже волюминозные трактаты въ скромныхъ стѣнахъ Кіевской духовной академіи... Ужъ отъ кіевскихъ ли педагоговъ не приняли бы статьи! «Положимъ, онѣ были дурно изложены,—скажемъ словами г. Драгоманова,—почему же гг. редакторы не обратили вниманія хоть на факты, которые были представлены въ нихъ вѣрно, и не отвѣчали г. Добролюбову (то-есть—*бову*) отъ себя? — Благородный общественный дѣятель былъ оскорбленъ, и въ защиту его было сказано только нѣсколько словъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и то мимоходомъ, въ письмѣ изъ Полтавы. Что заключить изъ такого факта?» Для насъ возможно только одно заключеніе: вѣроятно, статьи были ужъ такъ плохи, что редакціи поняли, что выступать съ ними противъ «Современника» значило бы только срамить себя. Да вѣрно и факты-то въ нихъ были въ томъ родѣ, что Н. И. Пироговъ—благородный человѣкъ, что въ «Уставѣ» удержана розга, и что при Пироговѣ въ гимназіяхъ сѣкутъ меньше. А, впрочемъ, нѣтъ, вѣрно и того не было... Вѣдь вотъ теперь напечатаны же статьи гг. Драгоманова и Е. Суд., и въ нихъ вѣдь тоже никакихъ другихъ фактовъ нѣтъ, да еще и логики недостаетъ... Должно быть, другія-то возраженія были ужъ еще хуже, хоть это и трудно себѣ представить.

А то нашлись еще такіе господа—тоже хороши!—которые возблагоговѣли предъ статейкою (тоже не понявъ ее) и внезапно вочувствовали .. потерю уваженія къ г. Пирогову!.. Такое открытіе дѣлаетъ г. Е. Суд., и г. Драгомановъ подтверждаетъ его. Въ замѣткѣ г. Е. Суд. объясняется: «Бойкая статейка г.—*бова* производила свое *желанное* (?) вліяніе даже на кіевлянъ, на тѣхъ людей, которые могли бы, кажется, получше присмотрѣться къ характеру общественной дѣятельности своего попечителя».

Какое же это было *желанное* (вѣроятно, мною) вліяніе? А вотъ какое: «статейка, *по виду* весьма гуманная и либеральная, *соблазнительно* дѣйствовала на *неопытную* публику (бѣдняжка публика, точно бѣдная Лиза!), подрывая во многихъ уваженіе къ тому, котораго она уже привыкла уважать». *Неопытность* соблазненной публики дошла до того, что она «заподозрила въ отсутствіи *грамотности* (вѣроятно, надо читать *гуманности*) и истиннаго либерализма не г.—*бова* (какъ слѣдовало бы, разумѣется), а г. Пирогова, и *малодушно отвернулись отъ него даже тѣ, которые уважали его соответственно своей*

степени умственнаго и нравственнаго развитія»... А въ статейкѣ-то, между тѣмъ, даже среди самыхъ горячихъ тирадъ, при выраженіяхъ, которыя могли бы показаться наиболѣе непріятными для самолюбія,— все-таки безпрестанно проглядываетъ мотивъ всей этой горячности, состоящій въ томъ, что авторъ чрезвычайно высоко цѣнитъ Пирогова, и что именно такого-то человѣка тяжело ему и видѣть слабѣющимъ и падающимъ подъ гнетомъ среды, въ которую онъ поставленъ. Да, *слабѣющимъ и падающимъ*—я не боюсь повторить это: въ отсутствіи яснаго протеста противныхъ его кореннымъ убѣжденіямъ пунктовъ комитетскихъ «Правилъ» видно уже послабленіе, а въ согласіи мотивировать, оправдывать ихъ и провозгласить, что вполнѣ ихъ «раздѣляетъ»,—было его паденіе въ этомъ случаѣ. Вотъ объ этомъ-то я и писалъ: «тутъ нейдите, господа,— говорилъ я: — тутъ *самъ Пироговъ* упалъ...» И вѣдь я писалъ не для идіотовъ, а для людей разсуждающихъ, которые могли бы понять, что въ статьѣ дѣло идетъ о дѣлѣ, о фактѣ, въ которомъ Пироговъ принялъ участіе, а вовсе не объ общей и окончательной оцѣнкѣ всѣхъ его общественныхъ заслугъ, талантовъ, характера и пр. Я указалъ на его ошибку, положимъ, даже преувеличивъ ея значеніе; я надѣялся, что это выяснитъ дѣло и поможетъ торжеству новыхъ, разумныхъ началъ надъ рутиною; но, признаюсь,—никакъ не разсчитывалъ я на такой эффектъ, какой указывается г-мъ Е. Суд. И отчего это? Вѣдь не оттого же, въ самомъ дѣлѣ, что статейка была уже до невозможности соблазнительна, irrésistible, такъ сказать, а просто по причинѣ самихъ же господъ соблазненныхъ. Я ихъ никого не знаю, но г. Е. Суд., кіевлянинъ, рисуетъ ихъ характеристику вотъ какими лестными красками: «большинство сослуживцевъ его (Пирогова), *не сознавая самихъ принциповъ*, подчиняется вліянію личности, стремится къ общественной пользѣ *только потому*, что исполняетъ желанія попечителя, человѣка прославленнаго, знаменитаго, всѣми уважаемаго»... И какъ только оказался, видите ли, человѣкъ, который не преклоняется безусловно предъ «человѣкомъ прославленнымъ» и пр.,—эти господа сейчасъ же и перемѣнили свои расположенія и перестали «стремиться къ общественной пользѣ»... И все это — замѣтьте — отъ «раздражительныхъ выходокъ» журнальнаго крикуна, озорника, который и желалъ бы быть Калиновичемъ, да соотвѣтственнаго чина не имѣетъ, и потому принужденъ озорство ограничивать литературою... Что же теперь будетъ,—спрашиваю я безпристрастныхъ читателей, не исключая и кіевлянъ, очень склонныхъ къ искреннимъ признаніямъ,—что же будетъ, если на нихъ насядетъ, уже не въ литературѣ, а въ дѣйствительной жизни, какой-нибудь Калиновичъ, если ихъ *соблазнятъ* станетъ уже не журнальный, а какой-нибудь другой крикунъ? Въ какой мѣрѣ и надолго-ли удержатся тогда благодѣтельное вліяніе благородной личности г. Пирогова? Что станется съ самими педагогическими совѣтами, если ихъ будутъ составлять такія личности, которыя, «не сознавая принциповъ, подчиняются личности» и стремятся къ общественной пользѣ *только потому*, да, *только потому*, что этого желаетъ начальство... И вѣдь такихъ *большинство*... Можетъ быть, г. Е. Суд.

судить слишкомъ строго, скажете вы; но вѣдь его слова согласны въ сущности съ тѣмъ, что написано въ «Отчетѣ» самого г. Пирогова. А то вотъ еще отзывъ г. Драгоманова, «недавняго гимназиста», какъ о немъ было сказано въ одной изъ прощальныхъ рѣчей: «старое поколѣніе (воспитателей),—говоритъ онъ,—дѣйствуетъ по отсталымъ принципамъ, а молодое пока умѣетъ только говорить о новыхъ. Это, конечно, очень прискорбно, но, тѣмъ не менѣе, это фактъ, фактъ... фактъ... (Видите, какъ сильно!)... Если все предоставить нравственному вліянію, то необходимо положиться исключительно на педагогическій смыслъ и любовь къ дѣлу воспитателей... Ну, а положитесь-ка на смыслъ и любовь къ начальству нашихъ воспитателей... *Мы не можемъ удержаться отъ улыбки*»... Въ началѣ письма г. Драгомановъ въ силлогизмѣ (котораго первая посылка, вслѣдствіе опечатки, потеряла, впрочемъ, всякій смыслъ) доказываетъ, что если бы г. Пироговъ хотѣлъ заставить учителей дѣйствовать сообразно его началамъ, то «долженъ былъ бы выгнать *почти всѣхъ* учителей»... Таковы они были... Изъ этого г. Драгомановъ, со свойственной ему послѣдовательностью, выводитъ: «что сталось бы съ преобразованіями Пирогова, если бы онъ основывалъ ихъ на личномъ, а не на коллегіальномъ началѣ»... И разумѣется, конечно, что тогда преобразованіямъ пришлось бы плохо.

Но какую же прочность и достоинство имѣетъ это коллегіальное начало между воспитателями, неимѣющими ни педагогическаго смысла, ни любви къ дѣлу, или дѣйствующими по отсталымъ началамъ или только умѣющими говорить о новыхъ, не сознающими здравыхъ принциповъ и только изъ угожденія начальству дѣлающими что-нибудь порядочное? Чѣмъ сдѣлаются пресловутыя «Правила» и «Таблицы» при отсутствіи личнаго вліянія г. Пирогова, (при сохраненіи административнаго начала въ воспитаніи), при неопредѣленности нѣкоторыхъ пунктовъ, при просторѣ, предоставленномъ воспитателямъ въ опредѣленіи проступковъ, при узаконеніи въ «Правилахъ» «безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія»? Смотря на «Правила», просто какъ на кодексъ, совершенно независимо отъ личности г. Пирогова, наблюдавшаго за ихъ исполненіемъ,—на нихъ нельзя возлагать большихъ надеждъ: г. Пироговъ сознается, что они «несовершенны»; я уже говорилъ и доказывалъ, что мнѣ они кажутся очень и очень несовершенными. Г. Пироговъ, однако, доказываетъ фактами, что они принесли пользу; но изъ фактовъ этихъ не видно одного: дѣйствовали-ли тутъ «Правила», или болѣе,—а можетъ быть, *только*—и «желаніе угодить попечителю, человѣку прославленному», и пр... Подождемъ, что будетъ безъ г. Пирогова, дождемся слѣдующихъ двухъ-трехъ отчетовъ,—тогда и окажется, до какой степени полезны сами «Правила», безъ личнаго участія г. Пирогова въ примѣненіи ихъ...

Вотъ опасность, о которой я намекнулъ выше, что она грозитъ дѣлу, отъ системы, принятой г. Пироговымъ, т. е., отъ системы уступокъ большинству, которое, по словамъ его же поклонниковъ, ничего лучше не желало, какъ сдѣлать угодное начальнику... Положеніе

должно было представляться тѣмъ болѣе комическимъ, что г. Пироговъ не могъ же предоставить большинству, или вообще коллегіямъ, всѣхъ правъ и всѣхъ условій, необходимыхъ для успѣшности ихъ дѣйствій: административное начало, учебная формалистика, прежніе уставы и законоположенія—все это оставалось и связывало свободную дѣятельность коллегій, если бы онѣ даже и оказались наклонны къ какимъ-нибудь свободнымъ нововведеніямъ... Я опять не осуждаю здѣсь г. Пирогова (считаю не лишнею эту оговорку); я вѣрю, что въ его положеніи онъ не могъ сдѣлать ничего лучше того, что сдѣлалъ... Но я опять не вѣрю и громадности тѣхъ послѣдствій отъ «Правилъ» и коллегіальнаго начала, которыя высчитаны въ дюжинѣ торжественныхъ рѣчей, сказанныхъ г. Пирогову. Если къ отмѣнѣ розги нельзя было вдругъ привести педагоговъ и общество, то можно ли въ два съ половиною года (время попечительства г. Пирогова) привести ихъ къ отмѣнѣ произвола и къ строгому уваженію законности?

«Вотъ мы и правы были,—кричатъ гг. Е. Суд. и М. Драгомановъ:—вотъ г.—*бовъ* и самъ договорился до теоріи либеральнаго деспотизма, утверждая, что система уступокъ коллегіямъ со стороны г. Пирогова была нехороша и даже грозитъ какою-то опасностью дѣлу».

Нѣтъ, господа, вы все-таки не правы. Я уже сказалъ, что меня занимаютъ не личныя достоинства г. Пирогова, а самое дѣло. Г. Пироговъ дѣйствовалъ отлично, насколько могъ, но дѣло оттого мало подвинулось... Что оно мало подвинулось, это уже не отъ г. Пирогова зависѣло, а отъ того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ. Можетъ быть, если-бъ онъ дѣйствовалъ иначе, было бы хуже, можетъ быть—вышло бы, въ концѣ концовъ, то же самое; но, во всякомъ случаѣ, погодите кричать о великихъ прогрессахъ, о неизмѣримо-благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ, о внезапномъ перерожденіи и пр... Этого, господа, не бываетъ... На торжественныхъ проводахъ можно говорить что угодно, особенно, если это пріятно г. Пирогову: отчего же не воздать честь человѣку? Но честь честью, а дѣло дѣломъ. А дѣло могло бы пойти успѣшно только тогда, когда бы Пироговъ ли, или кто-другой, направилъ всѣ свои усилія на рѣшительное и коренное измѣненіе того положенія, которое оказалось препятствіемъ для г. Пирогова на пути болѣе широкихъ реформъ. И въ этомъ-то состоитъ наше требованіе отъ передовыхъ общественныхъ дѣятелей: въ сравненіи съ нимъ всѣ остальныя требованія,—весьма почтенныя сами по себѣ,—кажутся намъ слабы и мелки... Но мы сами ошибались, думая нѣкогда, что такое требованіе выполнимо хоть до нѣкоторой степени для единичной личности; теперь на примѣрѣ же г. Пирогова мы убѣдились, что оно рѣшительно невыполнимо даже для самыхъ лучшихъ личностей, если онѣ дѣйствуютъ только сами собой... Нужно, чтобъ общество, чтобъ сама *среда* обратила вниманіе на свое положеніе и почувствовала необходимость измѣнить его. Среда же—это всѣ мы: и г. Пироговъ, и г. Е. Суд., и я, и г. Драгомановъ—всѣ принадлежимъ къ этой средѣ (и всѣ обязаны хлопотать, насколько есть силъ и умѣнья, о существенномъ измѣненіи нашего положенія,

чтобы развязаны были намъ руки на проведеніе нашихъ задушевныхъ убѣжденій). Вотъ смыслъ и цѣль какъ предыдущей, такъ и настоящей моей статьи по поводу кіевскихъ «Правилъ».

Поймутъ ли меня г. Драгомановъ и компанія? Не очень надѣюсь, но желалъ бы, чтобъ поняли: въ людяхъ молодыхъ и свѣжихъ все же больше силы, даже для того, чтобъ, не стыдясь прежнихъ увлеченій, перейти къ новымъ требованіямъ.

Но зачѣмъ же я самъ составилъ такое жалкое изображеніе этой среды, къ которой еще разъ обращаюсь? Вѣдь, е ли прежде сказали, что я написалъ статью для оскорбленія г. Пирогова, такъ теперь рѣшатъ, пожалуй, что я писалъ для оскорбленія всѣхъ кіевскихъ педагоговъ, всего учебнаго округа... Пожалуй, что и рѣшатъ. Но вѣдь это не мое изобрѣтеніе,—я сгруппировалъ лишь нѣкоторыя черты, сообщенныя самими кіевлянами... А зачѣмъ я группировалъ ихъ?.. Да, положимъ, хоть затѣмъ, чтобъ имѣть удовольствіе видѣть потомъ ошибочность своихъ мрачныхъ предположеній... Можетъ быть, на зло этой статейкѣ, кіевляне дѣйствительно проникнутся *истинными* началами г. Пирогова, будутъ смѣло, во имя ихъ, идти противъ всякаго крикуна, разумно и гуманно разбирать проступки гимназистовъ и совсѣмъ выведутъ изъ употребленія розгу. Когда наступитъ этотъ безмятежный вечеръ въ кіевской педагогикѣ (что мы узнаемъ изъ будущихъ отчетовъ), тогда я съ радостью похвалю утро, принесенное въ Кіевъ г. Пироговымъ.

Примѣчанія *).

Составилъ А. Г. Фоминъ.

1853 г.

1. (Стр. 1).—Напеч. въ «Русской Школѣ», 1911, кн. XI, въ статьѣ С. Я. Штрайха: «Н. А. Добролюбовъ. Очеркъ его воспитанія и литературно-педагогической дѣятельности». Написано Добролюбовымъ 18 августа 1853 г., передъ вступительными экзаменами въ Педагогическій институтъ. Описывая эти экзамены въ письмѣ къ родителямъ 6 сентября 1853 г., Добролюбовъ говоритъ: «Прежде всего долженъ я былъ написать сочиненіе: «О моемъ призваніи къ педагогическому званію», и какъ написать что-нибудь дѣльное нельзя было на такую пошлую тему, то я и напичкалъ тутъ всякаго вздору: и то, что я хорошо учился, и то, что я имѣю иногда страшную охоту поучить кого-нибудь, и то, что мнѣ 17 лѣтъ, и то, что мнѣ самому прежде очень хочется поучиться у своихъ знаменитыхъ наставниковъ. Знаменитый наставникъ посмотрѣлъ сочиненіе, посмѣялся, показалъ другимъ, и рѣшилъ, что оно написано очень хорошо» («Матеріалы для біографіи Добролюбова», М., 1890, стр. 11). См. примѣчаніе къ статьѣ 4.

1855 г.

2. (Стр. 1).—Помѣщено въ рукописномъ журналѣ «Слухи», 1855, № 13, 16 ноября и № 14, 22 ноября. Этотъ журналъ выпускался Добролюбовымъ, при участіи Турчанинова, для студентовъ Педагогическаго Института. Напеч. въ изд. подъ ред. Лемке, т. I, стр. 70—75. См. примѣчаніе къ статьѣ 4.

1856 г.

3. (Стр. 5).—Напеч. С. Я. Штрайхомъ въ «Русской Школѣ», 1911, кн. X. Студенческое сочиненіе Добролюбова. «Достаточно перечитать все, написанное Н. А. раньше,—говоритъ Лемке по поводу этого сочиненія,—чтобы увидѣть, что это очень тонкая иронія, необходимая для того, чтобы, подъ видомъ внѣшняго одобренія предмета статьи, вынести ему очень суровое порицаніе. Это—проба пера, потомъ неоднократно дававшаго построенныя такимъ образомъ статьи и рецензіи. Очевидно, рѣчь идетъ объ іезуитской системѣ воспитанія, культивировавшейся въ Педагогическомъ Институтѣ директоромъ его, И. И. Давыдовымъ. Обозленный Добролюбовъ написалъ такое сочиненіе, которое формально имѣлъ право открыто пустить въ обращеніе среди товарищей студентовъ для осмѣянія ненавистнаго имъ «Ваньки» (Давыдова) (изд. подъ ред. Лемке, т. I, стр. 79). П. Каптеревъ въ статьѣ: «Общій характеръ педагогиче-

---

*) Цифры въ началѣ примѣчаній указываютъ №№ статей Добролюбова въ настоящемъ изданіи. Звѣздочкой (*) отмѣчены статьи, не посвященныя всецѣло педагогіи, изъ которыхъ взято лишь то, что относится къ этой области. Педагогическія статьи (безъ звѣздочки) приведены въ настоящемъ изданіи цѣликомъ, безъ сокращеній (см. Предисловіе).

скихъ статей Добролюбова», напеч. въ изд. подъ ред. Аничкова (т. II, стр. 24), также отмѣчаетъ иронію въ этомъ сочиненіи, называя его «очень благочестивымъ и благонамѣреннымъ по буквѣ, но весьма ѣдкимъ и зло—насмѣшливымъ по духу и содержанію». Добролюбовъ серьезно отнесся къ разсматриваемому имъ вопросу, стремясь основательно изучить его, исчерпать возможно большее число источниковъ объ іезуитахъ. 5 января 1856 г. онъ писалъ М. А. Кострову: «Вы, помнится, писали въ академіи сочиненіе о трудахъ отцовъ іезуитовъ, и сказывали мнѣ, что имѣли подъ руками при этомъ какія-то французскія книги. Теперь я тоже занимаюсь исторіей іезуитскихъ школъ. У меня есть: Crétineau-Joly, Michelet и Gonstitutions de Jesuites. Но Constitutions—слишкомъ обширны, Michelet очень отзывается республиканствомъ, а Crétineau самъ совершенный іезуитъ. Не можете ли Вы сообщить мнѣ заглавія тѣхъ сочиненій, которыми Вы пользовались?» Послѣ письма Кострова, въ которомъ онъ сообщалъ, что, кромѣ упомянутыхъ книгъ, ему извѣстны еще: работа Ранке.—«Римскіе папы» и статья объ іезуитахъ въ «Отеч. Зап.» 1849 г., Добролюбовъ писалъ ему 16 февраля 1856 г.: «Я въ источникахъ недостатка не имѣлъ; но странная, хлопотливая черта моего характера заключается въ томъ, что я не могу успокоиться, не собравъ всего, что можно собрать. Это стремленіе къ полнотѣ заставляло меня еще въ семинаріи писать огромныя сочиненія, оно же въ прошломъ году заставило ограничиться маленькимъ отрывкомъ изъ обширной задачи, оно же заставило меня нынѣ обратиться къ Вамъ съ просьбой объ источникахъ для моей темы» («Матеріалы для біографіи Добролюбова», М., 1890, стр. 273 и 282).

4. (Стр. 28).—Напеч. въ «Современникѣ», 1856, кн. VIII. По свидѣтельству Чернышевскаго, эта, полная иронія, неподписанная Добролюбовымъ статья «произвела большой шумъ» («Матеріалы для біографіи Добролюбова», М., 1890, стр. 314). «Бекетовъ (цензоръ) разсказалъ мнѣ,—пишетъ Добролюбовъ въ дневникѣ 13 января 1857 г.,—сколько хлопотъ было изъ-за рецензіи институтскаго акта въ «Современникѣ». Къ нему присылали, къ Панаеву (редактору «Современника») присылали, чтобы узнать автора статьи и, наконецъ, свалили ее на Чернышевскаго, а его успѣли даже очернить передъ министерствомъ» («Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда», СПБ., 1909, стр. 308). Чернышевскій сообщаетъ, что эта статья, приписанная ему, доставила ему «безчисленныя ованіи» («Сочиненія Чернышевскаго», т. VIII, СПБ., 1906, стр. 361). Добролюбовъ учился въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ въ 1853—1857 гг. Научно-образовательное дѣло было поставлено въ Институтѣ плохо, еще хуже было положеніе студентовъ, отношеніе къ нимъ администраціи. Директоромъ Института былъ И. И. Давыдовъ, стоящій низко по своему нравственному уровню. Добролюбовъ дѣятельно боролся съ Давыдовымъ и царящимъ въ Институтѣ режимомъ. Эту борьбу Добролюбовъ перенесъ въ этой статьѣ изъ стѣнъ Института въ печать, пользуясь затѣмъ всякимъ случаемъ для выступленія противъ Давыдова (См. статьи: 5, 34 и 82). О пребываніи Добролюбова въ Педагогическомъ Институтѣ см. его біографіи въ изд. подъ ред. Лемке и въ изд. подъ ред. Аничкова.

5. (Стр. 33).—Напеч. въ «Школѣ и Жизни», 1911, № 46, 14 ноября, въ статьѣ С. Я. Штрайха: «Добролюбовъ въ Педагогическомъ Институтѣ. (По неизданнымъ матеріаламъ)». Въ 1856 г. директоръ Педагогическаго Института Давыдовъ получилъ изъ Пензы анонимное письмо, въ которомъ порицалась его дѣятельность и постановка учебно-воспитательнаго дѣла въ Институтѣ это письмо было отправлено Давыдовымъ директору Пензенской гимназіи съ отвѣтомъ. Узнавъ объ этомъ, Добролюбовъ, по соглашенію съ товарищами, рѣшилъ написать директору Пензенской гимназіи письмо, въ которомъ дать ему вѣрное представленіе о дѣятельности Давыдова и Педагогическомъ институтѣ. Это письмо не было закончено и отправлено, такъ какъ Добролюбовъ узналъ, что директоръ Пензенской гимназіи, обнаруживъ, что авторомъ письма къ Давыдову является студентъ Казанскаго университета Эссенъ, сообщилъ его фамилію Третьему Отдѣленію. Эссенъ былъ сосланъ на Кавказъ солдатомъ. Подробнѣе о письмѣ Добролюбова см. въ изд. подъ ред. Аничкова, т. II. стр. 50, и указанную выше статью Штрайха.

1857 г.

6. (Стр. 34).—Напеч. въ изд. подъ ред. Аничкова, т. II, стр. 39—43. Аничковъ указываетъ, что при написаніи этой замѣтки Добролюбовъ пользовался книгою: «Pädagogische Real-Encyclopädie, bearb. v. K. Hergang», 2 Bde, 1847 (изд. подъ ред. Аничкова, т. II, стр. 507).

7. (Стр. 37).—Напеч. въ «Современникѣ», 1857, кн. IV. Возникшій въ 1857 г. «Журналъ для воспитанія» издавался А. А. Чумиковымъ, въ 1860 г. онъ былъ переименованъ въ «Воспитаніе», которое выходило до 1864 г. Возникшій въ томъ же 1857 г. «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» издавался Н. А. Вышнеградскимъ, выходилъ до 1862 г. Въ эпоху царствованія Николая I (1825—1855), кромѣ оффиціальныхъ «Записокъ Департамента Народнаго Просвѣщенія» и «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», издавался только одинъ частный «Педагогическій Журналъ», просуществовавшій лишь два года: 1833—1834 и принужденный прекратиться вслѣдствіе малаго числа подписчиковъ. Основаніе въ 1857 г. сразу двухъ частныхъ педагогическихъ журналовъ было важнымъ событіемъ русской жизни, знаменующимъ подъемъ въ обществѣ интереса къ педагогическимъ вопросамъ. Добролюбовъ вѣрно оцѣнилъ большое общественное значеніе основанія двухъ новыхъ педагогическихъ журналовъ, назвавъ ихъ выходъ «явленіемъ чрезвычайно отраднымъ», доказывающимъ, что «публика наша обратила, наконецъ, на вопросы о воспитаніи то вниманіе, котораго они заслуживаютъ». Привѣтствовалъ «Журналъ для воспитанія» и «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» и Писаревъ въ «Разсвѣтѣ», въ 1859 г., говоря: «Самое появленіе этихъ двухъ журналовъ составляетъ фактъ замѣчательный, заслуживающій полнаго вниманія и сочувствія. Видно, что общество наше, обратившись къ изслѣдованію своихъ слабостей и недостатковъ, не останавливается на одномъ разсмотрѣніи внѣшнихъ фактовъ. Отъ явленія оно восходитъ къ причинѣ. Видя зло, оно сознаетъ, что это зло росло постепенно, и потому въ воспитаніи, въ условіяхъ, при которыхъ развиваются отдѣльныя личности, старается найти объясненіе тѣхъ несовершенствъ, которыя поражаютъ насъ въ нашей общественной и домашней жизни. Изслѣдуя причины зла, кроющіяся въ превратномъ воспитаніи, оно въ то же время отыскиваетъ средства исправлять эти недостатки, дѣйствуя на молодое подрастающее поколѣніе» («Сочиненія Писарева», т. I, СПБ., 1894, стр. 127). Къ «Новой библіотекѣ для воспитанія» П. Г. Рѣдкина, которую упоминаетъ въ этой статьѣ Добролюбовъ, очень сочувственно относился Бѣлинскій (см. его «Педагогическія сочиненія», изд. «Школы и Жизни», СПБ., 1912, стр. 199, 203, 205, 207, 216, 223 и примѣчанія). Въ дневникѣ 8 февраля 1857 г. Добролюбовъ говоритъ о Рѣдкинѣ: «Часа два я съ желчнымъ наслажденіемъ распространялся о педагогической теоріи и практикѣ Давыдова и Вышнеградскаго. Рѣдкинъ былъ внѣ себя отъ восторга. Вообще въ нашихъ понятіяхъ о воспитаніи и пр. мы съ нимъ сошлись... Въ разговорѣ онъ кажется лучше, нежели въ статьяхъ своихъ... Стрижка придаетъ нѣсколько звѣриный видъ Рѣдкину, но лицо его довольно умно, тонъ умѣренный и увѣренный,.. стремленія благородны...» («Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда», СПБ., 1909, стр. 336—337).

8. (Стр. 40).—Напеч. въ «Современникѣ», 1857, кн. V, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о воспитаніи». Статья предназначалась Добролюбовымъ для «Журнала для воспитанія». Въ дневникѣ 8 февраля 1857 г. Добролюбовъ пишетъ, что онъ говорилъ объ этой статьѣ съ Рѣдкинымъ (см. примѣчаніе къ предыдущей статьѣ), который «обѣщался пересмотрѣть ее, заранѣе согласившись съ моей основною мыслью и выразивши мысль, что воспитаніе именно къ тому и должно быть направляемо, чтобы мало-по-малу разрушать авторитетъ въ душѣ ребенка» («Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда», СПБ., 1909, стр. 337). Несмотря на сочувственное отношеніе къ этой статьѣ Рѣдкина, принимавшаго близкое участіе въ «Журналѣ для воспитанія», редакторъ его, Чумиковъ не рѣшился ее печатать, опасаясь цензуры. Тогда Добролюбовъ передалъ статью въ «Современникъ». Цензура внесла въ статью цѣлый рядъ измѣненій.

«Вопросы жизни» Пирогова, напечатанные въ 1856 г., въ іюльской книгѣ

«Морского Сборника», обратили всеобщее вниманіе и, вызвавъ оживленное обсужденіе печатью педагогическихъ вопросовъ, явились внѣшнимъ толчкомъ общественно-педагогическому движенію 60-хъ гг. Буквально вся русская печать горячо привѣтствовала «Вопросы жизни». Тогдашній общественный вождь, Чернышевскій, писалъ о «Вопросахъ жизни» въ «Современникѣ», въ 1856 г.: «Охотники спорить, пожалуй, захотѣли бы замѣтить въ статьѣ г. Пирогова нѣкоторыя частности, относительно которыхъ возможно держаться не того воззрѣнія, какое кажется справедливымъ автору... Но въ такомъ случаѣ, несогласіе было бы болѣе о словахъ, нежели о дѣлѣ. О сущности дѣла, о коренныхъ вопросахъ образованному человѣку невозможно думать не такъ, какъ думаетъ г. Пироговъ... Слова г. Пирогова, безъ сомнѣнія, будутъ имѣть сильное и благодѣтельное вліяніе на образъ мыслей въ нашемъ обществѣ. Честь и слава г. Пирогову за прекрасное и рѣшительное выраженіе такихъ здравыхъ убѣжденій; полная честь и «Морскому Сборнику» за помѣщеніе такихъ статей» («Сочиненія Чернышевскаго», т. II, СПБ., 1906, стр. 526 и 531). Однимъ изъ самыхъ восторженныхъ поклонниковъ Пирогова, горячимъ приверженцемъ высказанныхъ имъ въ «Вопросахъ жизни» мыслей явился Добролюбовъ въ этой статьѣ. (Впослѣдствіи, въ 1860 г., Добролюбовъ разочаровался въ Пироговѣ, восторженное поклоненіе ему смѣнилось рѣзкимъ порицаніемъ. См. статьи: 54, 97, 100 и 102 и примѣчанія къ нимъ).

Въ статьѣ «О значеніи авторитета въ воспитаніи» Добролюбовъ впервые намѣтилъ свои главныя педагогическія идеи, которыя потомъ неуклонно проводилъ въ печати и которыя поставили его въ число наиболѣе видныхъ представителей педагогическаго движенія 60-хъ гг., сыгравшаго большую и благотворную роль въ исторіи русской педагогіи. Горячая проповѣдь необходимости уважать въ ребенкѣ человѣческую личность, его индивидуальность, „апологія правъ дѣтской природы противъ педагогическаго произвола“, съ которой выступилъ въ этой статьѣ Добролюбовъ, была характерной чертой педагогическаго движенія 60-хъ гг.; этой идеей были проникнуты всѣ представители этого движенія: Пироговъ, Стоюнинъ, Ушинскій, Писаревъ, Л. Толстой, Шелгуновъ и др. Пироговъ въ «Вопросахъ жизни» выдвинулъ общечеловѣческій идеалъ въ воспитаніи, находя, что главная его задача заключается въ выработкѣ въ ребенкѣ ч е л о в ѣ к а, нравственныхъ идеаловъ и стремленій, въ пробужденіи умственныхъ запросовъ, въ виду чего, на первомъ планѣ должно стоять общее образованіе, спеціальное же образованіе можетъ быть лишь дополненіемъ, но не главною цѣлью. Выразивъ въ этой статьѣ полное сочувствіе высказаннымъ Пироговымъ въ «Вопросахъ жизни» мыслямъ, Добролюбовъ затѣмъ постоянно указывалъ, что главная цѣль воспитанія — развитіе духовныхъ и умственныхъ силъ ребенка, а не подготовка съ раннихъ лѣтъ къ какой-либо спеціальной жизненной дѣятельности, что общее образованіе является основной, самоцѣнной, педагогической задачей. Въ этомъ отношеніи Добролюбовъ явился также приверженцемъ основныхъ идей педагогическаго движенія 60-хъ гг., выразителемъ общихъ взглядовъ. Ушинскій и Стоюнинъ, такъ же, какъ и Пироговъ, находили необходимымъ прежде всего развить душевныя и умственныя наклонности ребенка, выработать въ немъ правильное міросозерцаніе, нравственную стойкость и отзывчивость, а уже послѣ этого думать о спеціальномъ образованіи. Возставая противъ стремленія увеличить въ гимназіяхъ изученіе древнихъ языковъ, Стоюнинъ замѣчалъ: «Это пристрастіе угрожаетъ обратить общеобразовательныя заведенія въ спеціально филологическія, между тѣмъ, какъ въ Европѣ давно доказано, что всякое спеціальное образованіе, не основанное на предварительномъ общемъ, не образуетъ ни человѣка въ нравственномъ значеніи слова, ни спеціалиста». «Воспитаніе,—писалъ Чернышевскій въ статьѣ о «Вопросахъ жизни» въ «Современникѣ», въ 1856 г.,—главною своею цѣлью должно имѣть приготовленіе дитяти и потомъ юноши къ тому, чтобъ въ жизни былъ онъ человѣкомъ развитымъ, благороднымъ и честнымъ. Это важнѣе всего. Заботьтесь же прежде всего о томъ, чтобы вашъ воспитанникъ сталъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ слова. Когда это основное, общее направленіе къ знанію и правдѣ уже достаточно утверждено въ немъ, тогда,—и только тогда, а не раньше,—пусть онъ самъ подъ вашимъ руководствомъ

выберетъ себѣ спеціальную дорогу, къ которой наиболѣе расположенъ и способенъ. Если вы будете поступать иначе, съ самаго ранняго дѣтства заботясь только о томъ, чтобы сдѣлать изъ вашего воспитанника офицера, и при томъ еще именно инфантерійскаго или кавалерійскаго, морского или инженернаго офицера, или чиновника, или при томъ, чиновника именно такого, а не другого министерства, и для большей аккуратности именно по такимъ-то и такимъ-то, а не другимъ должностямъ,—вы сдѣлаете очень важную ошибку, слѣдствія которой будутъ вредны и для вашего воспитанника и для общества. Вы, не дождавшись, пока у человѣка развился разсудокъ и характеръ, скуете его на всю жизнь, втолкнете его въ узкую дорогу, съ которой ужъ нѣтъ ему выхода, и идти по которой онъ почти всегда оказывается неспособенъ, потому что вѣдь выборъ былъ дѣломъ слѣпого произвола, каприза съ вашей стороны, а не разумнаго соображенія его наклонностей и способностей. Что жъ окажется въ результатѣ? Множество спеціалистовъ, неспособныхъ именно къ своей спеціальности и неспособныхъ ни къ чему иному, и мало людей, истинно знающихъ свое дѣло, а еще меньше того людей развитыхъ, образованныхъ и имѣющихъ благородное направленіе. Да и чего же иного можно ждать? Жизнь—тяжелая борьба: въ ней много и соблазновъ и недоумѣній, а вы заботились ли о томъ, чтобы приготовить юношу къ честной борьбѣ съ соблазнами, къ свѣтлому взгляду на недоумѣнія? Нѣтъ, вы хлопотали только о томъ, чтобы механически вбить ему въ голову какое-нибудь ремесло: чему же дивиться, если онъ не выдерживаетъ житейской борьбы съ соблазномъ, противъ котораго не вооружили вы его ни развитостью ума, ни благородными убѣжденіями, и если рѣдко онъ остается человѣкомъ чистымъ?» («Сочиненія Чернышевскаго», т. II, Спб., 1906, стр. 526—527). Писаревъ такъ же являлся сторонникомъ общеобразовательной школы; общее образованіе, по его мнѣнію, непремѣнно должно предшествовать спеціальному. «Всего хуже,—говорилъ онъ въ 1863 г., въ статьѣ «Наша университетская наука»,—что въ обществѣ укореняется мысль о томъ, что можно въ одно и то же время, одними и тѣми же уроками дѣлать Васеньку и Коленьку образованнымъ человѣкомъ и, напримѣръ, хорошимъ морякомъ или дѣльнымъ юристомъ. Развилась пропасть разныхъ образованій: это, говорятъ.—юридическое, а вотъ это—техническое, а вотъ то—военное. Идя по этому пути, можно дойти до образованія кирасирскаго, отличающагося отъ гусарскаго и уланскаго, до образованія, свойственнаго чиновнику Казенной палаты и совершенно непохожаго на образованіе сенатскаго или почтамскаго чиновника, до образованія кожевника, не имѣющаго ничего общаго съ образованіемъ мыловара или мясника. Когда мы доведемъ свое развитіе до такого невиданнаго совершенства, то намъ останется только утѣшаться, глядя на тысячи образованныхъ спеціалистовъ. Радость наша будетъ такъ безпредѣльна, что мы даже не замѣтимъ того, какъ общее образованіе совершенно уничтожилось и превратилось въ миѳъ, потому что сотни различныхъ образованій растащили его по кусочку. Образованныхъ людей у насъ не будетъ, а такъ какъ образованные люди составляютъ и поддерживаютъ благоустроенное гражданское общество, то и общества не будетъ» («Сочиненія Писарева», т. III, Спб., 1894, стр. 70). Узко спеціальное образованіе, по мнѣнію Писарева, способствуетъ созданію ограниченныхъ и односторонникъ людей. «Спеціальное образованіе,—говорилъ онъ въ 1865 г., въ статьѣ «Мысли Вирхова о воспитаніи женщинъ»,—обыкновенно стѣсняетъ умственный кругозоръ учащагося и нерѣдко уродуетъ человѣка для того, чтобы сформировать искуснаго ремесленника» («Сочиненія Писарева», т. IV, Спб., 1894, стр. 456).

О «Вопросахъ жизни» Пирогова см. примѣчанія С. Я. Штрайха къ ред. имъ I т. «Сочиненій Пирогова», Кіевъ, 1910, 2-е изд. Кіевъ, 1914, гдѣ приведены двѣ редакціи этой статьи. Литература о «Вопросахъ жизни» указана въ работѣ автора этихъ примѣчаній: «Матеріалы для изученія Пирогова. Библіографическій указатель», напечатанной въ сборникѣ: «Памяти Н. И. Пирогова», изданномъ въ 1911 г. «Школой и Жизнью».

9. (Стр. 59).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1857, кн. VI. Настоящей компилятивно-переводной замѣткой началось сотрудничество Добролюбова въ этомъ спеціально педагогическомъ журналѣ, которое продолжалось

до 1860 г. Считая, что педагогическіе вопросы имѣютъ широкій общественный интересъ, Добролюбовъ, давая отзывы въ спеціальномъ «Журналѣ для воспитанія» о педагогическихъ книгахъ и учебникахъ, помѣщалъ часто рецензіи на тѣ же книги и въ общелитературномъ «Современникѣ», который читался тогда всѣмъ образованнымъ обществомъ и имѣлъ большое вліяніе. Въ дневникѣ 12 января 1857 г. Добролюбовъ говоритъ слѣдующее о первомъ своемъ знакомствѣ съ редакторомъ «Журнала для воспитанія» Чумиковымъ: «Чумиковъ оказался простодушнымъ, забитымъ человѣчкомъ, нѣсколько туповатымъ, скромнымъ, имѣющимъ притязаніе на честность, не по глупости, вѣроятно, не всегда честнымъ. Я началъ толковать съ нимъ о направленіи журнала, изъявилъ насмѣшливое презрѣніе къ консерваторству и услышалъ отъ Чумикова откровенное признаніе, что онъ хочетъ издавать журналъ въ либеральномъ духѣ. Это и убѣжденіе мое, сказалъ онъ, да и если смотрѣть чисто съ утилитарной точки, то нельзя не видѣть, что подобное направленіе заслужитъ болѣе сочувствія и въ публикѣ, и, слѣдовательно, принесетъ болѣе выгодъ. Я съ нимъ согласился, конечно, и предложилъ ему свои услуги. Онъ далъ мнѣ переводить начальныя упражненія изъ Buch der Mutter Рамзауера, вовсе ужъ не либеральныя и страшно скучныя. Я ихъ отдалъ ему назадъ, посовѣтовавши сократить побольше» («Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда», СПБ., 1909, стр. 304). Съ 1858 г. «Журналъ для воспитанія» редактировалъ О. П. Паульсонъ.

10. (Стр. 61).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1857, кн. VII.

11. (Стр. 63).—Напеч. въ «Современникѣ», 1857, кн. XI. Этотъ «Сборникъ» не встрѣтилъ сочувствія среди студентовъ Петербугскаго университета и послѣ второго выпуска прекратился.

1858 г.

12. (Стр. 69).—Напеч. въ «Современникѣ», 1858, кн. I. См. статью 14. Напечатавъ массу рецензій на учебники и дѣтскія книги, Добролюбовъ останавливался не только на книгахъ хорошихъ или сколько нибудь полезныхъ, но и на плохихъ, не удовлетворяющихъ минимальнымъ педагогическимъ требованіямъ, имѣя въ виду препятствовать ихъ распространенію, парализовать тотъ вредъ, который онѣ могутъ принести при неразборчивости въ выборѣ книгъ публики и рядовыхъ педагоговъ. Своими рецензіями Добролюбовъ, не будучи педагогомъ по спеціальности, такъ же, какъ и Бѣлинскій, много способствовалъ выработкѣ правильныхъ взглядовъ на задачи учебныхъ и дѣтскихъ книгъ. См. примѣчаніе къ статьѣ 44.

***13.** (Стр. 75).—Напеч. въ «Современникѣ», 1858, кн. 1.

14. (Стр. 85).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. IV. См. статью 12 и примѣчаніе къ ней.

15. (Стр. 88).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. IV. См. статьи: 17, 35, 37 и 84. Вслѣдъ за этимъ отзывомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ рецензій Добролюбова на книги и учебники по естествознанію. Находя важнымъ знакомить дѣтей съ природой, окружающимъ ихъ міромъ, придавая большое значеніе изученію ими естествознанія, Добролюбовъ сходился во взглядахъ на этотъ вопросъ со многими представителями педагогическаго движенія 60-хъ гг. Особенно выдвигалъ педагогическое значеніе естественныхъ наукъ Писаревъ (см. статьи его: «Наша университетская наука» и «Школа и жизнь»,—«Сочиненія Писарева», СПБ., 1894, т. III, стр. 1—110 и т. IV. стр. 515—598). Педагогическую цѣнность естественныхъ наукъ признавали и сторонники гуманитарной школы, напр. Ушинскій (см. статью его: «Внутреннее устройство сѣверо—американскихъ школъ»,—«Собраніе педагогическихъ сочиненій Ушинскаго», т. II, СПБ., 1909, стр. 60—62).

16. (Стр. 89).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. IV.

17. (Стр. 93).—Напеч. въ «Современникѣ», 1858, кн. IV. См. статьи: 15, 35, 37 и 84.

18. (Стр. 92).—Напеч. въ «Современникѣ», 1858, кн. IV. См. статью 24.

19. (Стр. 93).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. V. «Эта замѣтка,—говоритъ Лемке,—является переводомъ какого-то пріятеля Добро-

любова, названнаго имъ въ бумагахъ: «Васенька Соб.», но до того плохимъ и безграмотнымъ, что Н. А. буквально изъ строчки въ строчку, изъ страницы въ страницу передѣлалъ все, и въ такомъ видѣ замѣтка появилась въ печати (изд. подъ ред. Лемке. т. 1, стр. 845—846). Аничковъ въ ред. имъ изд. (т. II, стр. 252 и 513) относитъ эту замѣтку къ переводамъ Добролюбова.

20. (Стр. 110).—Напеч. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1858, кн. Г'. Въ Николаевскую эпоху образованіе женщинъ находилось въ самомъ плачевномъ положеніи Въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ гг. на этотъ вопросъ было обращено серьезное вниманіе, выдвинута необходимость для женщинъ широкаго образованія. Убѣжденными сторонниками его были, кромѣ Добролюбова: Стоюнинъ, Ушинскій, Водовозовъ, Чернышевскій, Писаревъ, Шелгуновъ и мн. др.

21. (Стр. 121).— Напеч. въ «Современникѣ», 1858, кн. V. Выдвигаемая Добролюбовымъ мысль о необходимости обращать самое серьезное вниманіе на физическое развитіе дѣтей высказывалась всѣми представителями педагогическаго движенія 60-хъ гг.

*__22__. (Стр. 147).—Напеч. въ «Современникѣ», 1858, кн. V.

23. (Стр. 154).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. VII.

24. (Стр. 156).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія, 1858, хн. VL. См. статью 18.

25. (Стр. 157).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. VI.

26. (Стр. 158).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. VI. Большое значеніе наглядности обученія, за которую высказывается въ этой замѣткѣ Добролюбовъ, придавалъ Бѣлинскій (см. «Педагогическія сочиненія Бѣлинскаго», изд. «Школы и Жизни», Спб., 1912, стр. 249). Наглядности обученія удѣляли много вниманія въ 60-е гг.

27. (Стр. 161).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. VI.

28. (Стр. 161).—Напеч. въ «Современникѣ», 1858, кн. VI. Къ книгамъ Б. М. Ѳедорова, бездарнѣйшаго писателя и отвратительнаго въ нравственномъ отношеніи человѣка, очень отрицательно относился Бѣлинскій (см. его «Педагогическія сочиненія), изд. «Школы и Жизни», Спб., 1912, стр. 27, 36, 37, 101, 130, 131, 154, 170, 172, 173, 239).

29. (Стр. 164).—Напеч. въ «Современникѣ», 1858, кн. VI.

30. (Стр. 168).—Напеч. въ «Современникѣ», 1858, кн, VI.

31. (Стр. 169).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. VIII.

32. (Стр. 171).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. IX. Переводъ.

33. (Стр. 174).—Напеч. въ «Современникѣ», 1858, кн. IX. См. статью 36,

34. (Стр. 181).—Напеч. въ «Колоколѣ» Герцена, 1858, № 23—24. 15 сентября. Замѣтка эта была послана Герцену Добролюбовымъ еще въ эпоху пребыванія его въ Педагогическомъ Институтѣ, который онъ окончилъ въ 1857 г. См. примѣчаніе къ статьѣ 4.

35. (Стр. 187).—Напеч. въ «Современникѣ», 1858, кн. X. См. статьи: 15, 17, 37 и 84.

36. (Стр. 189).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. XI. См. статью 33.

37. (Стр. 191).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. XI. См. статьи: 15, 17, 35 и 84.

38. (Стр. 196).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. XI.

39. (Стр. 197).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858. кн. XI.

40. (Стр, 197).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. XI.

41. (Стр. 198).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1858, кн. XII.

42. (Стр. 206).—Напеч. въ «Современникѣ», 1858, кн. XII. См. статью **48**.

43. (Стр. 212).—Напеч. въ «Современникѣ», 1858, кн. XII.

1859 г.

44. (Стр. 219).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. I. Взгляды Добролюбова на задачи дѣтской книги въ основѣ были близки къ взглядамъ на этотъ вопросъ Бѣлинскаго, хотя въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ книгъ они расходились, см. примѣчаніе къ статьѣ 45. Книгу: «Восемь дней вакаціи»,

которую въ общемъ одобрялъ Добролюбовъ, Бѣлинскій называлъ «очень миленькой», замѣчая, что «содержаніе ея весьма просто и поучительно безъ сентенцій» («Педагогическія сочиненія Бѣлинскаго», изд. «Школы и Жизни» Спб., 1912, стр. 53—54).

45. (Стр. 221).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. 1. Отзывы Бѣлинскаго о трудахъ Ишимовой см. въ его «Педагогическихъ сочиненіяхъ», изд. «Школы и Жизни», Спб., 1912, стр. 128, 145, 168, 169, 193 и 248. О повѣсти: «Мери и Флора», которую Добролюбовъ считалъ «замѣчательнымъ явленіемъ въ дѣтской литературѣ», Бѣлинскій отозвался безъ похвалы (см. тамъ же, стр. 196).

46. (Стр. 223).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. 1. См. предыдущее примѣчаніе.

47. (Стр. 223).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. I.

48.(Стр. 226).—Напеч. въ »Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. I. См. статью 42.

***49.** (Стр. 228).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. I.

***50.** (Стр. 230).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. I и IV.

51. (Стр. 235).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. 1, Свистокъ, № 1.

52. (Стр. 236).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. 1, Свистокъ, № 1. Къ книгамъ В. Половцова по грамматикѣ отрицательно относился Бѣлинскій (см. «Педагогическія сочиненія Бѣлинскаго», изд. «Школы и Жизни», Спб., 1912, стр. 106, 107, 131 и 132).

53. (Стр. 241).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. II. См. статью 87.

54. (Стр. 248).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. II. См. статьи: 58 и 98. Въ этой статьѣ Добролюбовъ по прежнему сочувственно относится къ Пирогову, выступая убѣжденнымъ сторонникомъ его взглядовъ на общее спеціальное образованіе (см. статью 8 и примѣчаніе къ ней). Въ слѣдующемъ, 1860 г. Добролюбовъ разочаровался въ Пироговѣ и рѣзко выступилъ противъ его отношенія къ тѣлесному наказанію (см. статьи: 97 и 102 и примѣчанія къ нимъ). Въ 1860 г. Добролюбовъ еще болѣе отрицательно отнесся къ М. Я. Киттары (см. статью 98).

***55.** (Стр. 258).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. III.

56. (Стр. 260).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. III. См. статью 60. О «Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ» и отношеніи Добролюбова къ нему и его редактору Вышнеградскому см. статью 7 и примѣчаніе къ ней.

57. (Стр. 261).—Напеч. въ «Современникѣ», 1589, кн. III.

58. (Стр. 263).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. IV. См. статьи: 54 и 98.

59. (Стр. 270).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. IV.

60. (Стр. 273),—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. V См. статью 56.

61. (Стр. 274).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. V.

62. (Стр. 275).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. V.

63. (Стр. 276).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. V.

64. (Стр. 276).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. V.

65. (Стр. 277) —Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1869, кн. V.

66. (Стр. 278).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. V. См. статьи: 76 и 99. Подъ псевдонимомъ: А. А. Пчельникова писала А. А. Цейдлеръ.

***67.** (Стр. 279).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. V.

68 (Стр. 281).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. V. См. статьи: 79 и 80. Отрицательно относился къ ученикамъ Тимаева и Чернышевскій (см. «Сочиненія Чернышевскаго», т. VIII, СПБ., 1906, стр, 180).

69. (Стр. 284).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. VI.

70. (Стр. 287).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. VI.

71. (Стр. 290).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. VI. Въ письмѣ къ И. И. Бордюгову 4 іюня 1859 г. Добролюбовъ писалъ: «По литературѣ смирился, потому что теперь новый цензоръ, но, все-таки, пробую кое-что. Не знаю, пропуститъ ли статеечку объ одной глупѣйшей книгѣ: «Наука жизни», посвященной наслѣднику россійскаго престола» («Матеріалы для біографіи Добролюбова», М., 1859, стр. 514).

72. (Стр. 303).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. VI. См. статью 83. Появленіе этой книги Миллера-Красовскаго въ эпоху, когда въ русской педагогіи создавались новыя цѣнности, шла интенсивная работа, выдвигались высокіе принципы и идеи, не могло не обратить на себя вниманія Добролюбова. Имѣя въ виду, что книга Миллера-Красовскаго можетъ найти читателя, Добролюбовъ, стоя на стражѣ новаго педагогическаго движенія, считалъ своимъ долгомъ выступить противъ этой книги, безпощадно осмѣявъ ее. Послѣ отзыва Добролюбова имя Миллера-Красовскаго сдѣлалось нарицательнымъ, пресловутымъ и подверглось безконечнымъ насмѣшкамъ всей печати, ссобенно въ «Искрѣ».

73. (Стр. 310).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. VII.

74. (Стр. 313).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. VII.

75. (Стр. 315).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. VII.

76. (Стр. 316).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. VII. См. статьи 66 и 99.

77. (Стр. 317).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн, VII. См. статью 78. Авторъ «Деревни»—Н. А. Дестунисъ, урожденная Крылова.

78. (Стр. 318).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. VII. См. статью 77.

79. (Стр. 321).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. VIII. См. статью 68 и примѣчаніе къ ней.

80. (Стр. 323).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. VIII. См. отатью 68.

81. (Стр. 326). Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. VIII. Книга о Кольцовѣ о которой говоритъ Добролюбовъ, была написана имъ.

82. (Стр. 328).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. VIII. Въ письмѣ къ Б. И. Сциборскому осенью 1859 г. Добролюбовъ писалъ: «Недавно съ «Современникомъ» произошла исторія изъ-за статейки въ августовской книжкѣ о Педагогическомъ Институтѣ. Кто-то пожаловался, все министерство взбѣсилось, хотѣли остановить книжку, да не успѣли: была уже разослана. Ограничились тѣмъ, что перемѣнили цензора въ «Современникѣ». Теперь у насъ Палаузовъ. Вообще наблюденіе за «Современникомъ» усилено,—и все изъ-за моей глупости, въ которой я немедленно же и раскаялся. Впередъ ужъ постараюсь быть осторожнѣе» («Матеріалы для біографіи Добролюбова», М., 1890, кн. 536). См. статьи: 4, 5 и 34 и примѣчанія къ нимъ.

83. (Стр. 336).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. IX. См. статью 72 и примѣчаніе къ ней.

84. (Стр. 340).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. IX. См. статьи: 15, 17, 35 и 37.

85. (Стр. 341).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. IX.

86. (Стр. 347).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. IX. Въ виду усиленія цензурнаго гнета (см. выше, примѣчаніе къ статьѣ 82), Добролюбовъ не могъ прямо выразить свое отношеніе къ этой книгѣ, и написалъ рецензію, которая не могла вызвать цензурной кары, но въ которой проглядываетъ отрицательно-ироническое отношеніе автора къ разсматриваемой имъ книгѣ.

87. (Стр. 348).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. IX. См. статью 53.

88. (Стр. 349).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. X.

89. (Стр. 353).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. X.

90. (Стр. 354).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. X.

91. (Стр. 355).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1959, кн. X. См. статью 28 и примѣчаніе къ ней.

***92.** (Стр. 356).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. X.

***93.** (Стр. 364).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. X.

94. (Стр. 369).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. X.

95. (Стр. 374).—Напеч. въ «Современникѣ», 1859, кн. XI.

96. (Стр. 386).—Напеч. въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, кн. XII. Появленіе въ 1842 г. «Звѣздочки», изд. Ишимовой, вызвало слѣдующій отзывъ Бѣлинскаго въ статьѣ: «Русская литература въ 1842 г.»: «Новый дѣтскій журналъ «Звѣздочка», издаваемый г-жею Ишимовой, оправдалъ ожиданія публики и рекомендаціи другихъ журналовъ. Вѣрный своему назначенію, онъ доставлялъ своимъ маленькимъ читателямъ сколько пріятное и разнообразное

столько и полезное чтеніе. Слогъ статей его не оставляетъ желать ничего лучшаго» («Педагогическія сочиненія Бѣлинскаго», изд. «Школы и Жизни», СПБ., 1912, стр. 128). См. примѣчаніе къ статьѣ 45.

1860 г.

97. (Стр. 397).—Напеч. въ «Современникѣ», 1860, кн. I. Ранѣе Добролюбовъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Пирогова, высоко ставилъ его, какъ педагогическаго дѣятеля, послѣдовательно и стойко проводящаго на практикѣ свои гумманныя идеи (см. статьи: 4, 54 и примѣчанія къ нимъ). Состоя попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, Пироговъ опубликовалъ въ 1859 г., въ № 8 «Циркуляровъ по Кіевскому учебному округу» «Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа» съ своими замѣчаніями по поводу ихъ. Эти «Правила» были перепечатаны въ «Журналѣ для воспитанія», 1859, т. IV, кн. XI, стр. 3—22. Для выработки «Правилъ» Пироговъ созвалъ особый комитетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, членами котораго были: помощникъ попечителя, директора, инспектора двухъ Кіевскихъ гимназій, инспекторъ казенныхъ училищъ, нѣкоторые профессора и учителя. Одинъ изъ участниковъ этого комитета, М. Чалый («Вторая Кіевская гимназія»,—Кіевская Старина», 1900, кн. IV, VI—VIII) сообщаетъ, что «съ перваго же засѣданія не трудно было замѣтить, что нашъ предсѣдатель склоняется къ безусловному упраздненію розги.».. Большинство членовъ Комитета не раздѣлило воззрѣній Пирогова и высказалось за сохраненіе розогъ, хотя и ограничивая ихъ примѣненіе. Не желая нарушать коллегіальную основу, которой былъ большимъ сторонникомъ, Пироговъ, несмотря на отрицательное отношеніе къ тѣлесному наказанію въ принципѣ, утвердилъ «Правила», принятыя большинствомъ коллегіальнаго Комитета, и оставилъ тѣлесное наказаніе, какъ временную мѣру. Но въ то же время Пироговъ постарался парализовать его примѣненіе и провелъ въ Комитетѣ положеніе, по которому тѣлесное наказаніе могло примѣняться лишь къ ученикамъ не старше третьяго класса по опредѣленію $^3/_4$ членовъ Педагогическаго совѣта, при закрытой баллотировкѣ, разсчитывая, что молодые педагоги, проникнутые новыми педагогическими идеями не дадутъ возможности педагогамъ-рутинерамъ проводить въ Совѣтѣ постановленія о тѣлесномъ наказаніи и оно будетъ на практикѣ или совсѣмъ не примѣняться, или примѣненіе его сведется лишь къ немногочисленнымъ случаямъ. Но въ опубликованныхъ имъ «Правилахъ» Пироговъ не подчеркнулъ достаточно опредѣленно своего отрицательнаго отношенія къ тѣлесному наказанію, заявивъ, что опредѣленія Комитета «вполнѣ раздѣляются» имъ (см. «Сочиненія Пирогова», т. I, подъ ред. С. Я. Штрайха, Кіевъ, 1910; 2-е изд. Кіевъ, 1914, стр. 181—206 и 966—967). «Правила» произвели тяжелое впечатлѣніе на Добролюбова, чутко реагировавшаго на все то, что препятствовало торжеству гуманныхъ и демократическихъ идей, за которыя онъ боролся. Разочарованіе Добролюбова въ Пироговѣ, въ стойкость и послѣдовательность котораго онъ такъ искренно вѣрилъ, было глубокое. Добролюбову особенно больно было то, что даже Пироговъ не нашелъ въ себѣ силъ противостять рутинѣ, пошелъ на компромиссъ. Питая настоящую ненависть ко всему тому, что унижаетъ человѣческую личность, относясь всегда съ отвращеніемъ къ тѣлесному наказанію, какъ пережитку темнаго прошлаго Россіи, постоянно горячо борясь противъ примѣненія этого позорнаго наказанія, Добролюбовъ со всей страстностью своей пламенной натуры обрушился на Пирогова въ статьѣ: «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами». Вскорѣ послѣ нея Добролюбовъ помѣстилъ въ томъ же году, въ III кн. «Современника», въ «Свисткѣ» направленное противъ Пирогова стихотвореніе: «Грустная дума гимназиста лютеранскаго исповѣданія и не Кіевскаго округа» (см. № 100 и примѣчаніе къ нему). Пироговъ въ это время пользовался симпатіями всего русскаго образованнаго общества и нападеніе на него Добролюбова, одного изъ самыхъ видныхъ представителей тогдашняго общественнаго движенія, въ журналѣ, который стоялъ во главѣ этого движенія, произвело громадное впечатлѣніе на общество, вызвало самый живой откликъ въ печати. Общественное мнѣніе раздѣлилось: одна часть об-

щества стояла за Добролюбова, другая за Пирогова. Наиболѣе рѣзко выступили противъ Добролюбова М. П. Драгомановъ, бывшій тогда студентомъ Кіевскаго университета и, энергично работавшій въ учрежденныхъ Пироговымъ воскресныхъ школахъ, впослѣдствіи извѣстный украинскій политическій дѣятель, въ статьѣ, напеч. въ 1861 г., въ № 54 «Русской Рѣчи», и Е. Судовщиковъ въ статьѣ, напеч. въ 1861 г.. въ VI кн. «Отечественныхъ Записокъ». На полемику, вызванную статьею Добролюбова, Пироговъ откликнулся въ «Отчетѣ о слѣдствіяхъ введенія по Кіевскому учебному округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій», напеч. въ «Циркулярахъ по Кіевскому учебному округу», 1860, № 12, декабрь и 1861, № 1, январь, и затѣмъ перепеч. въ «Воспитаніи», 1861, т. IX, кн. II—IV (см. «Сочиненія Пирогова», т., подъ ред. С. Я. Штрайха, Кіевъ, 1910; 2-е изд., Кіевъ, 1914, стр. 277—330 и 970). «Отчетъ» Пирогова и появившіяся противъ Добролюбова статьи вызвали его статью: «Отъ дождя да въ воду», напеч. въ 1861 г., въ VIII кн. «Современника» (см. статью 102). Этой статьей Добролюбова полемика, созданная его выступленіемъ противъ Пирогова, не закончилась; вопросъ этотъ дебатировался и позднѣе, привлекая до настоящаго времени вниманіе изслѣдователей исторіи русской литературы и педагогіи. (Главнѣйшія статьи, посвященныя отношенію Добролюбова къ Пирогову, указаны нами ниже, на стр. 471—472).

Высокій гуманизмъ, которымъ проникнуты педагогическіе взгляды Добролюбова, горячая проповѣдь уваженія личности ребенка, защита его человѣческихъ правъ, страстная борьба съ примѣненіемъ тѣлеснаго наказанія дѣлаютъ Добролюбова яркимъ выразителемъ педагогическаго движенія 60-хъ гг., его идей и стремленій. Пироговъ въ принципѣ отрицательно относился къ тѣлесному наказанію. Убѣжденными противниками его были видные представители педагогическаго движенія 60-хъ гг.: Ушинскій, Стоюнинъ, Писаревъ, Л. Толстой и мн. др.

98. (Стр. 419).—Напеч. въ «Современникѣ», 1860, кн. I. Объ отношеніи Добролюбова къ Киттары см. статьи: 54 и 58.

99. (Стр. 425).—Напеч. въ «Современникѣ», 1860, кн. II. См. статьи: 66 и 76.

100. (Стр. 427).—Напеч. въ «Современникѣ», 1860, кн. III, Свистокъ, № 4. Это стихотвореніе имѣетъ въ виду опубликованныя въ 1859 г. Пироговымъ «Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа», по которымъ розгами наказывалось «оскорбленіе товарищей за вѣру», чѣмъ возмущался Добролюбовъ въ статьѣ: «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами», напеч. въ „Современникѣ", 1860 г., въ кн. I (см. выше, стр. 410). Объ этомъ стихотвореніи Добролюбовъ говоритъ и въ позднѣйшей статьѣ: „Отъ дождя да въ воду" (см. выше, стр. 448). Объ отношеніи Добролюбова къ Пирогову см. статьи: 8, 54, 97, 100 и 102 и примѣчанія къ нимъ.

***101.** (Стр. 428).—Напеч. въ „Сочиненіяхъ Добролюбова", Спб., 1862. Начало статьи напеч. въ „Современникѣ", 1860, кн. XI.

1861.

102. (Стр. 434).—Напеч. въ „Современникѣ", 1861, кн. VIII. Объ отношеніи Добролюбова къ Пирогову см. статьи: 8, 54, 97 и 100 и примѣчанія къ нимъ.

Изданія сочиненій Добролюбова.

Самыми лучшими и полными изъ изданій сочиненій Добролюбова являются: 1) «Первое полное собраніе сочиненій Добролюбова», 4 тт., подъ ред. *М. К. Лемке*, изд. А. С. Панафидиной, СПБ., 1911, и 2) «Полное собраніе сочиненій Добролюбова», 10 тт., подъ ред. *Е. В. Аничкова*, изд. т-ва «Дѣятель», СПБ., 1911—1912. Въ этихъ изданіяхъ даны большія біографіи Добролюбова и обширный и цѣнный комментарій.

До появленія этихъ двухъ изданій вышло 8 изданій «Сочиненій»

Добролюбова въ 4-хъ томахъ: подъ ред. *Н. Г. Чернышевскаго*, СПБ., 1862; 2-е изд., СПБ., 1871; 3-е изд., М. П. Надѣина, СПБ., 1876; 4-е изд., Л. Ф. Пантелѣева, СПБ., 1886; 5-е изд., О. Н. Поповой, съ біографическимъ очеркомъ, составленнымъ *А. М. Скабичевскимъ*, и библіографическимъ указателемъ, составленнымъ *В. С. Барцовымъ*, СПБ., 1896; 6-е изд., П. П. Сойкина, съ біографическимъ очеркомъ, составленнымъ *М. М. Филипповымъ*, и библіографическимъ указателемъ, составленнымъ *В. С. Барцовымъ*, СПБ., 1901; 7-е изд., П. П. Сойкина, СПБ., 1908; 8-е изд., П. П. Сойкина, СПБ., 1911.

Въ 1911—1912 г.г., послѣ окончанія правъ собственности на сочиненія Добролюбова, вышелъ цѣлый рядъ изданій, которыя по полнотѣ, тексту и комментарію уступаютъ указаннымъ выше изданіямъ подъ ред. *М. К. Лемке* и *Е. В. Аничкова*. Лучшимъ изъ этихъ неполныхъ изданій является: «Собраніе сочиненій Добролюбова», 8 тт., подъ ред. *В. П. Кранихфельда*, изд. т-ва «Просвѣщеніе» СПБ., 1911.

Въ 1911—1912 гг. вышло также два изданія избранныхъ сочиненій Добролюбова для школы: 1) «Добролюбовъ для школы», со вступительной статьей *Н. А. Котляревскаго*, изд. О. Н. Поповой, СПБ., 1911, и 2) «Добролюбовъ. Біографическій очеркъ и избранныя произведенія», «Русскіе критики для школъ», № 1, подъ ред. составителей хрестоматій: «Изъ родной литературы». М., 1912.

Въ 1911 г., въ изданіи т-ва «Дѣятель» вышли отдѣльно слѣдующія педагогическія статьи Добролюбова: 1) «По поводу педагогической дѣятельности Пирогова.—О значеніи авторитета въ воспитаніи» и 2) «Ученики съ медленнымъ пониманіемъ».

Литература о Добролюбовѣ.

Литература о Добролюбовѣ указана въ слѣдующихъ работахъ:

1) *Барцовъ В. С.* Библіографическій указатель книгъ и статей о Добролюбовѣ и его сочиненіяхъ.—Сочиненія Добролюбова, т. IV, 5—7 изд., СПБ., 1896—1908;

2) *Мезіеръ, А. В.* Русская словесность. Библіографическій указатель. Часть II, СПБ., 1902;

3) *Пыпинъ, А. Н.* Н. А. Добролюбовъ,—Русскій біографическій словарь, СПБ., 1905;

4) *Маминнъ, Д. И.* Что читать по русской литературѣ XIX вѣка. Юрьевъ, 1906; 2-е изд., М., 1911;

5) *Владиславлевъ, И. В.* Русскіе писатели. Бердянскъ, 1909; 2-е изд., переработанное и дополненное, М., 1913;

6) *Венгеровъ, С. А.* Источники словаря русскихъ писателей, т. II, СПБ., 1910 (въ этой работѣ дана наиболѣе полная библіографія литературы о Добролюбовѣ до 1900 г.);

7) Полное собраніе сочиненій Добролюбова, подъ ред. *Е. В. Аничкова*, т. I; СПБ., 1911, стр. 104—106;

8) *Штрайхъ, С. Я.* Итого Добролюбовскихъ дней,—«Русская Школа», 1912, кн. XII.

О педагогическихъ взглядахъ Добролюбова см.:

1. *Бѣловъ, И. Д.* Необходимо ли наказаніе въ дѣлѣ воспитанія?—«Воспитаніе», 1860, кн. XI и XII.

2. «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», 1860, кн. VIII.

3. Замѣтки праздношатающагося (*Розенгейма, М. П.*),—«Отеч. Записки», 1861, кн. IV.

4) *Судовщиковъ, Е.* Пироговъ и «Современникъ». Письмо изъ Кіева, —„Отеч. Записки", 1861, кн. VI.

5. *Драгомановъ, М. П.* По поводу замѣтки о Пироговѣ,—„Русская Рѣчь", 1861, № 54.

6. «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» 1861, кн. VI.
7. «Время», 1862, кн. IV, отд. II, стр. 1—26.
8) *Ушинскій, К. Д.* Педагогическія сочиненія Пирогова,—«Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1862, ч. 113, кн. III, отд. III, стр. 105—181. Перепеч. см. № 11.
9. *Бибиковъ, П. А.* О литературной дѣятельности Добролюбова. СПБ., 1862.
10. *Игдевъ (Доломостьевъ, И. Г.)* Нѣкоторыя педагогически и научныя тенденціи,—«Время», 1863, к. II.
11. *Ушинскій, К. Д.* Собраніе педагогическихъ сочиненій. СПБ., 1875; 2-е изд. СПБ., 1905. Первоначально: см. № 8.
12. Матеріалы для біографіи Добролюбова (собраны *Н. І. Чернышевскимъ*). М., 1890.
13. *Скабичевскій, А. М.* Участіе Добролюбова въ педагогическомъ движеніи 60-хъ гг.,—«Вѣстникъ Воспитанія», 1896, кн. VI.
14. *Волынскій, А. Л.* Русскіе критики. СПБ., 1896, стр. 176—192.
15. *Колонтай, А.* Основы воспитанія по взглядамъ Добролюбова,—«Образованіе», 1898, кн. IX—XI.
16. *Каптеревъ, П. Ф.* Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели. СПБ., 1898.
17. *Л. С.* Въ защиту личности. Педагогическія идеи Добролюбова. СПБ., 1899 (отзывъ: «Русск. Вѣд.», 1899, № 94).
18. *Острогорскій, А. Н.* Пироговъ и Добролюбовъ,—«Педагогическій Сборникъ», 1900, кн. II.
19. *Гермоніусъ.* О дисциплинѣ въ нормальной школѣ,—«Русская Школа», 1906, кн. XI.
20. *Венгеровъ, С. А.* Очерки по исторіи русской литературы. СПБ., 1907, стр. 57—58.
21. *Каптеревъ, П. Ф.* Исторія русской педагогіи. СПБ., 1910.
22. *Пироговъ, Н. И.* Сочиненія, т. I, подъ редакціей и съ примѣчаніями. *С. Я. Штрайха.* Кіевъ, 1910; 2-е изд., значительно дополненное, Кіевъ, 1914.
23. *Золотаревъ, С. А.* Пироговъ и Добролюбовъ,—«Школа и Жизнь», 1910, № 2.
24. *Штрайхъ, С. Я.* Н. А. Добролюбовъ. Очеркъ его воспитанія и литературно-педагогической дѣятельности,—«Русская Школа», 1911, кн. XI.
25. *Каптеревъ, П. Ф.* Общій характеръ педагогическихъ статей Добролюбова,—Полное собраніе сочиненіе Добролюбова, подъ ред. Е. В. Аничкова, т. II, СПБ., 1911, стр. 9—28.

А. Г. Фещенъ.

